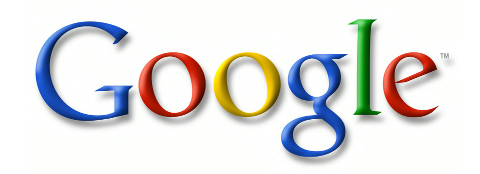
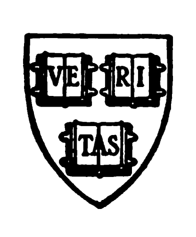

VE RI
TAS

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

1859.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА И К°.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ИСТОРИКОВЪ и ПУБЛИЦИСТОВЪ

НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

При объявленіи о предпринятомъ нами изданіи «Историковъ и Публицистовъ новѣйшаго времени», обѣщано было напечатать въ 1858 году четыре тома. Первый и второй томы, содержащіе въ себѣ «Исторію Филиппа II-го», соч. Прескотта, вышли своевременно, и тогда же приступлено было къ изданію сочиненія Гизо: **ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ**, котораго первыя двѣ части, заключающія въ себѣ **ИСТОРІЮ КАРЛА I**, были уже переведены и окончательно приготовлены къ печатанію (о чемъ тогда же было объявлено въ газетахъ). Но печатаніе этого творенія Гизо встрѣтило неожиданныя препятствія, совершенно независѣвшія отъ редакціи, и, въ ожиданіи отстраненія этихъ препятствій, мы принуждены были приготовлять къ изданію другое сочиненіе, именно: **ИСТОРІЮ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ**, Огюстена Тьерри, которое предполагалось къ переводу не ранѣе конца 1859 года. Для тщательной же обработки перевода мы рѣшились лучше задержать на нѣсколько мѣсяцевъ выпускъ томовъ нашего изданія (за что, вѣроятно, и подвергались отъ читателей упрекамъ), нежели дать русской публикѣ это сочиненіе въ наскоро-сдѣланномъ переводѣ.

Теперь первая и вторая части сочиненія Тьерри, составляющая **ТРЕТІЙ** и **ЧЕТВЕРТЫЙ** томы «Историковъ и Публицистовъ», уже вышли, и этимъ четвертымъ томомъ окончено изданіе «Историковъ и Публицистовъ» на 1858 г.

Но въ то время, пока мы занимались изданіемъ первой части «Исторіи завоеванія Англіи Норманами», устранены были упомянутыя выше препятствія къ изданію «Исторіи англійской революціи» Гизо, и мы получили возможность немедленно приступить къ ея печатанію.

Первая часть «Исторіи англійской революціи» Гизо, которая составляетъ **ПЯТЫЙ** томъ «Историковъ и Публицистовъ» оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ половинѣ іюля.

За симъ изданы будутъ слѣдующія части Исторіи англійской революціи: «Исторія Протектората», «Ричарда Кромвеля» и «Возстановленія Стюартовъ».

Сверхъ того, третья часть «Исторіи Филиппа II-го» Прескотта, незадолго до смерти изданная авторомъ и только-что полученная въ Петербургѣ, переводится и, немедленно по изготовленіи перевода, поступитъ въ печать.

Подписка на четыре тома (пятый, шестой, седьмой и восьмой) «Историковъ и Публицистовъ» продолжается въ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ — въ С. Петербургѣ: на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, при книжномъ магазинѣ **Д. Е. КОЖАНЧИКОВА**, и въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ **И. В. БАЗУНОВА**, на Большой Дмитровкѣ, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Цѣна за четыре тома (**ПЯТЫЙ**, **ШЕСТОЙ**, **СЕДЬМОЙ** и **ВОСЬМОЙ**) **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕР.** съ пересылкою, а безъ пересылки въ Петербургѣ **ПЯТЬ РУБ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.**

Оставшіеся непроданными экземпляры первыхъ четырехъ томовъ, содержащихъ въ себѣ двѣ первыя части **ИСТОРІИ ФИЛИППА II, КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО**, соч. В. Прескотта, и двѣ первыя части **ИСТОРІИ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ**, соч. Огюстена Тьерри, продаются въ означенныхъ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ. — Цѣна имъ безъ пересылки, въ Петербургѣ: **ПЯТЬ РУБ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП. СЕР.**, а съ пересылкою **СЕМЬ РУБ. СЕРЕБРОМЪ.**

А. КРАЕВСКІЙ и С. ДУДЫШКИНЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

ТОМЪ CXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

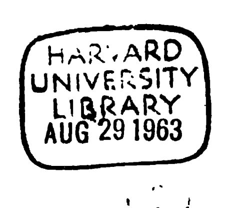
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 6 іюля 1859 года.

Цензоры П. Новосильскій и В. Бекетовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1859.

ІЮЛЬ.

СТР.

ПРИЛАГАЮТСЯ: *Двѣ* парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ и объявленія; 1) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова;* 2) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ г. *Дюфура;* 3) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Бернарда;* и 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Битнера.*

УЧЕНИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ ЛЕРМОНТОВА.

Статья первая.

Рѣдко о комъ такъ мало извѣстно, въ біографическомъ отношеніи, какъ о Лермонтовѣ. Несмотря на тó, что жилъ онъ, учился и дѣйствовалъ на памяти многихъ и многихъ, что мы еще окружены людьми, коротко его знавшими, несмотря на все это, до-сихъ-поръ почти ничего не явилось о немъ въ печати. Говоримъ *почти ничего*, потому-что нѣкоторые напечатанные отрывки изъ жизни Лермонтова не объясняютъ того, чтó преимущественно важно въ литературномъ отношеніи. Изустные разсказы о жизни Лермонтова бóльшею частью относятся или къ его служебной дѣятельности, или къ свѣтской жизни, и рисуютъ намъ Лермонтова молодымъ человѣкомъ, для котораго проказы юности дороже всякихъ литературныхъ трудовъ, который писалъ свои стихотворенія только тогда, когда ему уже рѣшительно нéчего было дѣлать, или когда скука заставляла его браться за книгу. Отъ этого составилось мнѣніе, что Лермонтова стихи совсѣмъ не имѣютъ тѣхъ достоинствъ, которыя приписаны имъ были во время ихъ появленія; что въ самомъ талантѣ его нѣтъ ничего глубоко-литературнаго, связаннаго тѣсно съ ходомъ нашей словесности; что самый колоритъ поэзіи Лермонтова есть нѣсколько-поддѣльный, яркій, но больше ослѣпляющій, нежели истинный; что подъ маской чувствъ глубокихъ кроются чувства мелкаго самолюбія, воспитаннаго свѣтомъ, разсѣянностью, легкимъ образованіемъ и службою.

Ко всему этому присоединилась еще другая случайность: изданіе сочиненій Лермонтова безъ всякой критики и повѣрки того, чтó впослѣдствіи ему приписывали. Стихотворенія дѣтскія печатались наряду съ стихотвореніями позднѣйшаго времени, и безпристрастный читатель нетолько не видѣлъ никакихъ успѣховъ въ этомъ замѣчательномъ талантѣ, но подкрѣплялъ еще свое прежнее предубѣжденіе противъ Лермонтова.

Сколько-нибудь порядочное изданіе стихотвореній Лермонтова, конечно, сниметъ съ него послѣдній упрекъ; но какъ возражать на первый? Легко сказать, что Лермонтовъ писалъ стихи, которыми самъ не дорожилъ, случайно, безъ литературнаго приготовленія; но какъ опровергнуть эти слова? Что мы знаемъ обыкновенно объ ученическихъ годахъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, о ихъ приготовительныхъ трудахъ, въ которыхъ впервые проявлялась ихъ мысль, боролась съ сомнѣніями, выяснялась мало-по-малу, измѣняясь, совершенствуясь, но постоянно развиваясь? Самые замѣчательные люди, писавшіе свои автобіографіи, если бы и хотѣли, не могли уже въ позднихъ годахъ припомнить всѣхъ тѣхъ литературныхъ попытокъ, въ которыхъ крѣпла ихъ мысль, и подъ вліяніемъ чего именно. Письма, которыя собираютъ впослѣдствіи, бóльшею частью относятся уже къ годамъ позднѣйшимъ и, объясняя многое, не касаются большею частью первыхъ годовъ дѣятельности мысли и воображенія. Притомъ же бóльшей части писемъ нельзя довѣрять, а большую часть не слѣдовало бы печатать, чтобъ не отдавать на судъ совершенно-холодной публики, можетъ-быть, самыхъ дорогихъ чувствъ человѣка. Кромѣ-того, письма эти и невсегда бываютъ искренни, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ собирателямъ разсѣянныхъ автографовъ. Трудно требовать отъ поэта и литератора искренности ко всѣмъ, когда этой искренности многіе не заслуживаютъ и когда ея даже не требуютъ отъ другихъ людей—а между-тѣмъ, неизвѣстно почему, у насъ каждое письмо литератора, послѣ его смерти, дѣлается документомъ и часто уликой противъ самой интимной его жизни.

Все это ведетъ къ тому, что біографіи ученыхъ, поэтовъ и литераторовъ принадлежатъ къ самымъ труднымъ. Въ этихъ жизнеописаніяхъ передъ біографомъ почти нѣтъ внѣшней жизни, и все тó, что составляетъ сущность біографіи, переживается или въ мысли, или въ воображеніи. Все же внѣшнее бóльшею частью бываетъ случайность. Если это слово найдутъ слишкомъ сильнымъ, то скажемъ, что внѣшняя, подлежащая отчетливому разсказу жизнь поэта и ученаго невсегда поясняетъ смыслъ внутренней жизни.

Отъ этого-то, изъ бóльшей части того, чтó мы слышали о жизни Лермонтова, мы рѣшительно не могли себѣ объяснить развитіе этого таланта. Воспитаніе его, отчасти домашнее, потомъ ученіе, весьма-непродолжительное, въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета, потомъ слушаніе лекцій въ университетахъ московскомъ и петербургскомъ, потомъ окончаніе образованія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, наконецъ начало его службы то въ Петербургѣ, въ гуса-

разъ, то на Кавказѣ, наполнено такими скачками, внезапностями и переездами, которые гонятъ даже мысль о всякомъ последовательномъ трудѣ, особенно въ отношеніи литературномъ.

Всю недостаточность біографическихъ свѣдѣній почувствовали мы, когда взяли на себя трудъ приготовить изданіе сочиненій Лермонтова, сколько-нибудь соотвѣтствующее настоящимъ потребностямъ литературы. Принявъ во вниманіе все уже напечатанное до-сихъ-поръ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обратились къ нѣкоторымъ ученымъ и литераторамъ съ просьбою о доставленіи намъ автографовъ поэта. На просьбу нашу, между-прочимъ, редакторъ «Отеч. Зап.» А. А. Краевскій отвѣчалъ полною готовностью содѣйствовать предпринятому нами труду, и предложилъ всѣ имѣющіяся у него бумаги и автографы, отданные ему или самимъ Лермонтовымъ, или доставленные ему, по смерти Лермонтова. Въ числѣ этихъ бумагъ нашли мы нѣсколько тетрадей отъ 1828 до 1831 года, исписанныхъ рукою Лермонтова (отъ 13-ти-лѣтняго до 16-ти-лѣтняго возраста). Хотя мы и не принадлежимъ къ тѣмъ біографамъ, которые считаютъ важною для литературы каждую строку описываемаго ими лица, однакожь, эти тетради показались намъ до-того интересными и важными для біографіи Лермонтова, что мы рѣшились познакомить съ ними публику.

Вопервыхъ, эти тетради нагляднѣе всякой біографіи рисуютъ человѣка и его постепенное образованіе. Вовторыхъ, изъ нихъ читатель увидитъ, какъ рано полюбилъ и какъ постоянно оставался вѣренъ поэзіи Лермонтовъ. Въ пансіонѣ, на Кавказѣ, дома, вездѣ вносилъ онъ въ эти тетради свои мысли, чувства и свои сначала дѣтскія, потомъ юношескія стихотворенія. Затѣмъ, изъ этихъ же тетрадей читатель увидитъ, кто больше всего имѣлъ вліяніе на Лермонтова, что́ онъ читалъ, чего хотѣлъ, какъ онъ по нѣскольку разъ обращался къ одной и той же мысли. Эти тетради составляютъ счастливое пріобрѣтеніе для біографіи; но, кромѣ-того, онѣ и рѣдкость въ литературномъ мірѣ. У какого писателя такъ далеко могутъ восходить воспоминанія? У кого изъ нихъ уцѣлѣлъ такой матеріалъ, если невсегда важный въ литературномъ, то неоцѣненный въ біографическомъ отношеніи? Здѣсь нѣтъ той невольной хитрости, тѣхъ невольныхъ уловокъ мысли, которыя всегда замѣтны въ автобіографіяхъ, написанныхъ въ позднюю пору жизни. Нѣтъ желанія отъискивать объясненія позднѣйшихъ явленій, хитрить съ самимъ собою, все подводить подъ одну теорію — однимъ словомъ, нѣтъ умысла, хорошаго или дурнаго, все-равно. Здѣсь день идетъ за днемъ; передъ вами растетъ человѣкъ, который для васъ интересенъ (конечно, это необходимое условіе); вы, помимо всякихъ чужихъ

свидѣтельствъ, которымъ невсегда можно и должно вѣрить, видите, чтó онъ любилъ, кáкъ любилъ, чтó имѣло на него сильное вліяніе...

Конечно, эти тетради обнимаютъ еще почти-дѣтскій возрастъ Лермонтова; но не забывайте, что Лермонтовъ умеръ на 26-мъ году; что, слѣдовательно, вся его литературная дѣятельность, въ собственномъ смыслѣ, есть только приготовленіе къ чему-то... чего намъ несуждено было видѣть; что о немъ должно судить такъ же, какъ и о Пушкинѣ, еслибъ онъ остановился на «Цыганахъ», которые имъ были написаны также на 26-мъ году жизни; что въ этихъ школьныхъ тетрадяхъ, которыя доходятъ до 16-го года жизни Лермонтова, заключаются уже первые очерки восточной повѣсти: «Демонъ».

Еще нѣсколько словъ относительно порядка, въ которомъ можно дать читателю-болѣе ясное понятіе объ этихъ тетрадяхъ. Я думалъ, что, если ихъ передать, групируя, или подводя подъ какой-нибудь порядокъ, подъ какую-нибудь систему, то уничтожишь всю наглядность постепеннаго развитія младенческаго еще таланта; если же начать съ тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ перечитывая эти тетради, то, можетъ-быть, въ ложномъ свѣтѣ представишь смыслъ ихъ, и неважное примешь за важное. Но такъ-какъ перепечатывать всѣ дѣтскіе стихи точно также не ведетъ ни къ чему, то я буду описывать тетрадь за тетрадью, выберу изъ нихъ все замѣчательное въ какомъ-нибудь отношеніи, и дополню своими немногими замѣчаніями, гдѣ это необходимо. Пусть каждый дѣлаетъ самъ свои заключенія.

Прежде нежели приступимъ къ тетрадямъ, которыя обнимаютъ собою время 1828—1831 года, скажемъ о томъ, чтó было уже напечатано. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г., № 18, помѣщенъ «Отрывокъ изъ воспоминаній», который относится къ 1830 и началу 1831, а въ «Атенеѣ» 1858 г., № 48, помѣщены воспоминанія г. Меринскаго, начинающіяся 1832 годомъ, то-есть поступленіемъ Лермонтова въ юнкерскую школу. Наши тетради, подтверждая тó, чтó уже извѣстно изъ статьи «Русскаго Вѣстника», застаютъ Лермонтова гораздо-раньше и доводятъ воспоминанія о немъ до поступленія въ юнкерскую школу; слѣдовательно, мы въ настоящее время можемъ прослѣдить годъ за годомъ время ученія Лермонтова.

Первая по времени тетрадь относится къ 1828 г. Это должны быть первые стихи Лермонтова, потому-что въ *пятой* тетради (1830

года) мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Когда я началъ *марать* стихи въ 1828 г.,.я какъ-бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ; они еще и теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же: это сходство меня поразило!» Ссылокъ на Байрона, какъ увидимъ, будетъ еще много.

Въ этой *первой* тетради начисто переписаны двѣ поэмы, *Кавказскій Плѣнникъ* и *Корсаръ*, обѣ названныя *сочиненіями* Лермонтова. Тщательно-выведенный заголовокъ, также старательно разрисованная виньетка: два пистолета, на́-крестъ сложенные, кучка ядеръ, и надъ ними надпись: *Черкесы*, все еще дышетъ желаніемъ столько же, можетъ-быть, блеснуть правописаніемъ, сколько и самыми поэмами. Надъ виньеткой — арфа и два лавровые вѣнка. Заголовокъ такой:

Кавказскій плѣнникъ, *сочиненіе М. Лермонтова. 1828.* Эпиграфъ изъ Пушкина:

Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ;
Забудетъ брани вѣщій гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя...
...И къ тѣмъ скаламъ, гдѣ крылись вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни;
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы!...

А. Пушкинъ.

Затѣмъ слѣдуетъ второй эпиграфъ:

Geniesse und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff' und glaube!

Conz.

Тутъ же нарисованъ дѣтской рукой ландшафтъ: горы Кавказа, съ удивительно-синимъ небомъ и рыжими по немъ полосами, должно-быть въ знакъ бури, и въ этихъ горахъ черкесъ, быстро скачущій на конѣ, и русскій, убитый наповалъ. Это—въ лицахъ окончаніе поэмы. Очевидно, что вся книжка приготовлена для представленія родственникамъ, и потому такъ тщательно иллюстрована. Самая поэма раздѣлена на три части и написана до-того подъ вліяніемъ пушкинскаго «Кавказскаго Плѣнника», что въ двухъ первыхъ частяхъ она даже похожа на перифразъ. Нѣсколько стиховъ познакомятъ насъ съ этою поэмою.

I.

Въ большомъ аулѣ, подъ горою,
Близь саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ. — О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали...

Затѣмъ, самимъ Лермонтовымъ прибавлена другая картина:

Межь тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ — но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль.
Неслышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межь скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. — Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ;
Или коней табунъ игривый
Молчанье дали возмутитъ.

III.

Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный,
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по камнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались
. . . . (*).

IV.

Ужь раздалось мычанье стадъ,
И ржанье табуновъ веселыхъ,
Они съ полей идутъ назадъ.
...Но, чтó за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые,

(*) Приводимъ настолько стихи изъ строфъ, чтобы читатель могъ видѣть содержаніе поэмы. О стихѣ легко судить по тому, чтó приведено.

Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близь Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая тó, чтó было
И чтó не будетъ никогда!...
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужь видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!...
. . . .

Сюда же перенесена и пѣснь черкешенокъ:

V.

Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула;
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка.

Пѣсня.

1.

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ;
Пронзенный стрѣлою,
Какъ левъ заревётъ;
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

2.

Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.
. . . .

Приводятъ плѣнника; въ него влюбляется черкешенка — все также; какъ и у Пушкина.

XVIII.

Однажды, погрузясь въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли, прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ.
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью, межь кустовъ,
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?
Вдругъ видитъ онъ: передъ собою,
Съ улыбкой жалости нѣмой,
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣна преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ.
. . . .

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила;
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ...
. . . .

XXV.

Но кто идетъ тропой гористой?
Она... Съ кинжаломъ и пилой...
. . . .

XXVI.

Ахъ, русскій, русскій! что́ съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою,
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую? (*)
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ о чемъ и день и ночь
Я плачу, вотъ о чемъ тоскую!
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
. . . .

XXVII.

. . . . .Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой;
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ, подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ
Блистая цѣпь, и чуть звенитъ.
Она его приподнимаетъ,
И такъ рыдая говоритъ:

XXVIII.

Да!... плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!... прости же... *на всегда*;
Прости! на вѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!... вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть-можетъ ужь могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!»...
Она беретъ его за руки.
И въ поле темное спѣшитъ
Гдѣ, чрезъ утесы, путь лежитъ.

(*) Въ этой передѣлкѣ «Кавказскаго Плѣнника» замѣчательно то́, что Лермонтовъ ребенокъ не могъ понять иначе грусти плѣнника о чемъ-то, о комъ-то, какъ *любовью къ оставленной имъ въ Россіи невѣстѣ*. Впослѣдствіи грусть и тоску дѣйствующихъ лицъ началъ Лермонтовъ объяснять уже отчасти демоническими страстями.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановилась,
Вздохнувъ назадъ оборотилась;
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ-разъ
Мой плѣнникъ падаетъ....

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ
Ужь смерть, холодною рукою,
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...
. . . .

XXXI.

Межъ-тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И волку хищному подобный
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго...

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ;
И ищетъ плѣнника очами...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой....

XXXIII.

Она ужь къ терему подходитъ...
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ... и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ —
О русскій, русскій! восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
О берегъ брызнули онѣ!...
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишъ бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ:
Остатокъ грустный и печальный;
Плыветъ какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ.

XXXIV.

Но кто убійца ихъ жестокой?...
Увы! то былъ отецъ несчастной!...

XXXV.

Отецъ убійца ты ея:
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужь нѣтъ. И за тобой,
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ея вездѣ...
«Гдѣ дочь моя?» И отзывъ скажетъ:
«Гдѣ?»

У Пушкина русскій бѣжитъ изъ плѣна и спасается — у Лермонтова отецъ убиваетъ плѣнника; у Лермонтова такъ же, какъ и у Пушкина, черкешенка бросается въ Терекъ. Какъ бы то ни было, воображеніе Лермонтова, еще дитяти, должно быть сильно было поражено поэмою Пушкина, чтобъ написать подобную передѣлку.

Вторая пьеса, заключающаяся въ той же тетради, называется:

«Поэма Корсаръ».

«Сочиненіе М. Лермонтова». Съ эпиграфомъ изъ Лагарпа:

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce metier dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avor été trop heureux.

Въ этой поэмѣ мы находимъ уже подражаніе «Корсару» Байрона и вліяніе «Шильйонскаго узника». Приведемъ изъ нея отрывки.

Начинается она такъ:

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня,
Моя давно увяла радость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ доли упованья!
Исчезло все! одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.

Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я;
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ,
Его я старѣ годомъ былъ,

Но онъ равно меня любилъ,
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной,
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...

Мой умеръ братъ! передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ...

Въ этой дѣтской поэмѣ начинаютъ появляться и играть тѣ чувства, которыхъ видимо не понималъ еще Лермонтовъ, но которыя всасывалъ въ себя вмѣстѣ съ стихами поэтовъ, которыхъ любилъ. Такимъ-образомъ вслѣдъ за смертью брата, въ «Корсарѣ» говорится:

Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ–тѣхъ–поръ я все переносить:
Насмѣшки, гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламеннѣй любить...
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ...
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я...

Отчего? почему? и далѣе, когда Корсаръ скитается по бѣлу свѣту, его преслѣдуетъ таже вычитанная холодность ко всему и обманъ вездѣ. Онъ бѣжалъ съ Дуная (дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ):

Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ Турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ.

Переплывъ Дунай, онъ обратился къ отчизнѣ съ такими словами:

«Прости, отчизна золотая!
Сказалъ: «быть–можетъ въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!»

Вторая часть поэмы начинается описаніемъ Греціи:

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская волнами шумитъ,

Покрытый лѣсомъ, одинокій
Аѳосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аѳоса,
И башни гордыя Лезбоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ...
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ —
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоеньи
Ѳракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто...
И дышетъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когдажъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный —
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ-будто горніе орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую...
И въ той пещерѣ отдыхая
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей...
Желалъ я быть въ б[illegible]хъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ.
—(Любить — кого, не находилъ)
Друзья мои! я молодъ былъ.

Вслѣдствіе этого онъ поступилъ въ корсары и вскорѣ былъ названъ атаманомъ. Пиры съ шайкой и набѣги. Въ третьей части: буря, греческій корабль разбивается у береговъ и въ числѣ выброшенныхъ

на берегъ, корсаръ встрѣчаетъ гречанку, въ которую, конечно, и влюбляется. Тѣмъ и кончается повѣсть, вся написанная стихами.

Вторая тетрадь, набѣло переписанная, какъ обыкновенно пишутся тетради, которыя показываютъ учителю, съ заголовкомъ: «*Мълкія стихотворенія. Москва въ 1829 году*».

Изъ этой тетради (въ ней 37 стихотвореній) я приведу нѣсколько стихотвореній, съ помѣтками, очевидно позднѣйшими, самого Лермонтова; эти стихи, безъ помѣтокъ, конечно не могутъ обратить на себя вниманія; но такъ-какъ помѣтки эти касаются жизни Лермонтова, то, можетъ-быть, они и не будутъ лишними для біографіи.

2. Пиръ.

Прибавлено на сторонѣ: *Къ С... ву. (Какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца)*.

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черёмухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ,
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не мёдъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца;
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и *она*;
А снѣдь — кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

Отчего къ этому стохотворенію, написанному въ подражаніе Горацію, прибавлена впослѣдствіи рукою Лермонтова вышепоказанная отмѣтка, предоставляемъ отгадать тому, къ кому она относится.

13.—*Портретъ*: (*)

Приписка Лермонтова: «*Этотъ портретъ былъ доставленъ одной*

(*) У г. Меринскаго такъ описанъ Лермонтовъ 1832—1834 г: «Онъ былъ брюнетъ, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь, глазами, взглядъ которыхъ былъ иногда тяжелъ; невысокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но почему-то вниманіе каждаго, и незнавшаго кто онъ, невольно на немъ останавливалось». Въ «Воспоминаніяхъ Русскаго Вѣстника» такъ описывается Лермонтовъ въ 1830 году: «Это былъ неуклюжій, косолапый мальчикъ, съ красными, но умными и выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительною, насмѣшливою улыбкою».

дѣвушкѣ. Она въ немъ думала узнать меня: вотъ за какого эгоиста принимаютъ обыкновенно поэта».

Онъ не красивъ, онъ не высокъ;
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны,
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще, вновь
Клянетъ онъ міръ—гдѣ вѣчно сиръ—
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ, сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!

14. Къ Генію;

Приписка; *Напоминаніе о томъ, что было въ ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ во второй разъ полюбилъ двѣнадцати лѣтъ—и нынѣ люблю.*

Когда во тьмѣ ночей, мой не смыкаясь взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ, прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»
Твержу забывшись имъ. Но полный весь тоскою
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ счастье вѣдалъ я — и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній,
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный, навсегда.
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы?

Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю васъ
О струны звонкія! . . . .
. . . .
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я подъ длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонялъ —
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ —
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!...
Забудь! пускай другой твою украситъ младость!
Ты жь, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эфиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души останьтесь вѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ, милыхъ лѣтъ!

Къ этому прибавимъ, что воспоминанія, помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», относятся къ 1830 году и тоже расказываютъ про любовь *пятнадцатилѣтняго* Лермонтова, и его похожденія во время этой любви. Кромѣ-того, изъ *пятой* тетради, которая у насъ въ рукахъ, узнаемъ слѣдующее, чему мы не имѣемъ права не вѣрить:

Записка 1830 года, 8 іюля. Ночь.

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь имѣя десять лѣтъ отъ роду?

«Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тётушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою она была или нѣтъ; но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей; онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату: она была тутъ и играла съ кузи-

ною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія; тѣмъ—неменѣе это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь. Съ—тѣхъ—поръ я еще не любилъ такъ. О! сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ! Итакъ рано! Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть, а когда она приходила, я не хотѣлъ, или стыдился войти въ комнату. Я не хотѣлъ говорить объ ней, и убѣгалъ слыша ея названье (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснилъ другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и понынѣ мнѣ неловко какъ—то спросить объ этомъ: можетъ-быть спросятъ и меня, какъ я помню, когда она позабыла; или, тогда люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованью. Это было бы мнѣ больно!..

«Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... нѣтъ: съ—тѣхъ—поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому—что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ. Горы кавказскія для меня священны...

«И такъ рано! въ десять лѣтъ!.. О, эта загадка, этотъ потерянный рай до могилы будутъ терзать мой умъ!.. Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстью — но чаще плакать!»

Здѣсь же сдѣлана выноска Лермонтовымъ:

«Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки.»

«Воспоминанія» рисуютъ Лермонтова мальчикомъ, чрезвычайно—самолюбивымъ, который уже тогда метилъ въ *губители* сердецъ... Едва ли послѣдняя черта справедлива, потому-что мы находимъ въ тетрадяхъ нѣсколько стихотвореній, написанныхъ въ Средниковѣ *Къ****, которыя, конечно, не были извѣстны дѣйствующимъ лицамъ «Воспоминаній», и которыя совсѣмъ не рисуютъ Лермонтова съ этими именно претензіями. Даже противорѣчатъ имъ. При томъ, какъ бы мы ни смотрѣли на эти порывы преждевременныхъ чувствъ, нельзя не вѣрить искренности признанія автора, записаннаго для самого себя.

16. Письмо.

Къ ней — чт... на пришла поцаловать его въ послѣдній разъ передъ смерт...

Но ты не плачь: мы ближе другъ отъ друга
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать...
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья,
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И вспыхнетъ огнь на дѣвственныхъ ланитахъ,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ...

и т. д. Сбоку стихотворенія отмѣчено: *это вздоръ*.

18. Русская мелодія. Приписано рукою Лермонтова. «Эту пьесу подавалъ за свою, Раичу, Д...въ — другъ, котораго понынѣ люблю и уважаю за его открытую и добрую душу. Онъ мой первый и послѣдній.»

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье;
Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной —
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни! но напрасно...
Никто конца ея не до поетъ!...

20. Къ ... Позже приписано рукою Лермонтова: *(А. С. хотя я тогда этого и не думалъ.*

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной:
Но я теперь какъ нищій сиръ,
Брожу одинъ, какъ отчужденный!

Такъ путникъ въ темнотѣ ночной
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И — пропасть подъ ногой скользящей!...

За этимъ слѣдуютъ: *Три вѣдьмы изъ Макбета*, *Шиллера*, *Къ Нинѣ*, изъ Шиллера же (переводы). Потомъ

24. Къ N. N. Позже приписано рукою Лермонтова: «Къ С....ву. Наша дружба смѣшана съ столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія объ ней совсѣмъ невеселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего дорожилъ имъ.»

Сюжетъ стихотворенія видѣнъ изъ приписки.

Затѣмъ слѣдуютъ ѣдкости на женщинъ, въ видѣ слѣдующихъ эпиграммъ:

25.
Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ,
И спорить съ женщиной — все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ: —
Отъ сихъ троихъ избавь насъ Боже!

26. Къ Гр...нову.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель —
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ, коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ: —
Вѣдь музы—женщины, и такъ
Ктожь видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

Здѣсь мы припомнимъ одну черту изъ жизни Лермонтова, записанную г. Меринскимъ и, какъ намъ кажется, очень-вѣрную и способную многое объяснить и въ жизни и въ произведеніяхъ нашего поэта. «Лермонтовъ былъ далеко некрасивъ собою и, въ первой юности, даже неуклюжъ. Онъ очень-хорошо зналъ это, и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобъ онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ небольшой свой недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди легко этого достигали. Вотъ ка́къ говоритъ о томъ одинъ изъ его героевъ, Лугинъ, въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти: «Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло нѣтъ: я

дуренъ и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ. Это ясно». Потомъ далѣе продолжаетъ: «Если я умѣлъ въ нѣкоторыхъ подогрѣть тó, чтó называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ... Къ моей страсти всегда примѣшивалось немного *злости*; все это грустно — а правда.» Въ обществѣ Лермонтовъ былъ очень-злорѣчивъ, *но душу имѣлъ добрую*: какъ его товарищъ, знавшій его близко, я въ томъ убѣжденъ» («Атеней» 1858 г. № 48).

Хотя это замѣчаніе, можетъ-быть, относится бóльшею частію къ послѣднимъ годамъ жизни Лермонтова, однако оно раскрываетъ намъ многое, по-крайней-мѣрѣ, колоритъ безотрадной грусти, который проглядываетъ въ его стихотвореніяхъ, когда идетъ рѣчь о любви, и который уже является почти въ дѣтскихъ его стихотвореніяхъ... Между-тѣмъ, всюду проглядываетъ страсть сильная, натура горячая, которая какъ бы съ удовольствіемъ беретъ на себя характеръ разрушительный. Кáкъ — это чувство нашло почти готовую для себя форму у Байрона, на сколько идеи англійской литературы гармонировали съ его личнымъ настроеніемъ духа, видно въ позднѣйшемъ развитіи ея идеаловъ.

33. Два сокола. Въ этой пьесѣ нельзя не видѣть опять подражаніе Пушкину «Воронъ къ ворону летитъ».

Степь, синѣя, разстилалась,
Близь азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, чтó ты видѣлъ?
Раскажи мнѣ поскорѣй!»
— Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
«Чтó жь ты видѣлъ тамъ худова?»
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ — смѣхъ тоска милова,
Для дѣтей — тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты чтó жь видѣлъ?
Раскажи мнѣ поскорѣй!
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.

Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена;
Воспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной —
Ножъ для сердца вѣковой!»

34. Грузинская пѣсня. Замѣтка: *Слышано мною что-то подобное на Кавказѣ.*

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ,
Алмазъ любви, печали сынъ
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристалъ, рубины;
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день...

Стихотвореніе довольно-неудачное.

35. Мой демонъ. Опять подражаніе Пушкину:

Собранье золъ его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ.
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

Сверхъ этихъ стихотвореній, относящихся къ 1829 году и писанныхъ рукою Лермонтова, доставлена была въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», отъ г. Солоницкаго, изъ Москвы, еще тетрадь стихотвореній.

Г.- Солоницкій былъ пять лѣтъ учителемъ Лермонтова, который, передъ поступленіемъ своимъ въ московскій университетъ, въ 1829 году, подарилъ эту тетрадку стихотвореній своему учителю. Всѣ мелкія стихотворенія этой тетради находятся и въ той, о которой мы уже говорили выше, за исключеніемъ одной повѣсти *Преступникъ*, которую и приводимъ здѣсь, потому-что она очевидно была внушена Лермонтову «Братьями Разбойниками» Пушкина.

ПРЕСТУПНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

«Скажи намъ, атаманъ честной
Кáкъ жилъ ты въ сторонѣ родной;
Чай прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ.
Здѣсь подъ дубочкомъ ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»

— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ;
Она — красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна.
Но вдругъ увидѣла другова,
Не стараго, а молодова.
Лишь первая приходитъ ночь,
Она безъ всякаго зазрѣнья
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!...
. . . .
Пиры, веселья забывая
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ чашу наполняя
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній

Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!...
Богъ—вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворной жаръ.
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ.
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ. Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужь грѣховодникъ, въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя.
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчева бѣжать.
О сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести.
И гнѣвъ отца!... За ворота
Бѣжалъ я сирый, одинокій,
И обратившись бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безъименной брегъ,
Всегда покрытой табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышенныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ...
. . . .
. . . .

Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:

Одинъ властями недовольный,
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я изгнанникъ, бѣденъ сталъ.
Какъ я искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ — лихой
На поцалуи сладострастья.
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!...

Придетъ ли ночь и мракъ печальный,
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальный
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздастся выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,
Ударъ губительный и вѣрный!...
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ — подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами,
Лежалъ застрѣленный пришлецъ,
О ка́къ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жь при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому-же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други
Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда-жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ.
Гляжу: сырой еще бугоръ,
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ!..

. . . .
. . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ.
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха,
Не могъ я спать, мечтались мнѣ:
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!...

Изчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья,
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу раздраженный жидъ,
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли,
И шолкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ —
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пени
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну,
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жь я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:

То я увидѣлъ: на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки:
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ;
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну смѣясь въ дубовой столъ!...

Пояснять вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» на четырнадцатилѣтнее воображеніе Лермонтова, которое до осязанія очевидно изъ этой пьесы, мы считаемъ излишнимъ.

Къ тому же 1829-му году относимъ мы *третью* тетрадь, *черновую*, писанную мелкимъ, неразборчивымъ, дѣтскимъ почеркомъ (какимъ навсегда остался почеркъ Лермонтова, когда онъ писалъ скоро); въ этой третьей тетради, мы находимъ первый, самый неполный очеркъ восточной повѣсти: «Демонъ». Мы относимъ ее къ этому времени потому, что въ слѣдующей тетради находимъ второй очеркъ той же поэмы, также писанный собственноручно Лермонтовымъ и помѣченный имъ *началомъ 1830 г.*

Третья тетрадь начинается опять передѣлкой Пушкина. Именно, изъ его поэмы «Цыганы» Лермонтовъ задумалъ написать либретто оперы, которая, повидимому, и осталась однимъ предположеніемъ.

Цыгане. *Опера.* дѣйствіе 1, явленіе 1.

(Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе, цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и собравшись въ группы поютъ).

Цыганская пѣсня.

Цыганъ (поетъ).

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане, гей цыганки!...
(и проч.)

Цыганка (изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню) (*).

. . . .
. . . .

(Пляшутъ и поютъ).

(Все умолкаетъ).

Старый цыганъ (*предъ очагомъ*).

«Что за жизнь!... Одному да одному... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ, она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужь и ночь—а все ея нѣтъ... вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... (*Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу*). Мой ужинъ скоро простынетъ—а дочь не приходитъ, видно придется одному провесть ночь. Но вотъ она!

Явленіе II.

(Земфира и за нею юноша).

Старикъ. — Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя, я думалъ, что ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

Земфира:

Прости, отецъ мой, но видишь ты,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

Старикъ.

Я радъ, останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

(*) Пѣсня, однакожь, не выписана. Слѣдующіе пропуски всѣ—въ самой тетради.

На этомъ и оканчивается отрывокъ.

Слѣдуютъ переводы изъ Шиллера довольно—слабые: *Встрѣча*, *Къ N..* *Дитя въ люлькѣ*, *Перчатка* и передѣлка шиллеровой же баллады *Кубокъ* (у Лермонтова *Ожерелье*).

Затѣмъ слѣдуютъ стихотворенія *Монологъ*, *Молитва* и первые очерки *Демона*.

6. — Монологъ:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...
И душно кажется на роднnѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужь ничто души не веселитъ.

12. — Молитва:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильной
Съ ея страстями я люблю.
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей,
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ —
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшнымъ пѣсенъ
Я, Боже, не тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающій костеръ,
Преобрази мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;

От страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь,
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ тебѣ я снова обращусь.

Къ какому времени принадлежитъ поэма *Демонъ*? вопросъ, на который до настоящаго времени каждый отвѣчалъ по своему. Еще недавно, г. Плаксинъ (Сборникъ Литератур. статей въ пользу Смирдина — 1858) писалъ слѣдующее: «*Въ 1835 и 1836 г.*, въ бытность Лермонтова въ школѣ гвард. подпрапорщиковъ, онъ началъ писать свою поэму *Демонъ*; *многіе изъ его товарищей* знали это стихотвореніе наизустъ; я читалъ его и, въ качествѣ учителя, дѣлалъ свои замѣчанія.»

Одинъ изъ товарищей Лермонтова, г. Меринскій, говоритъ, что «уже въ 1834 г. Лермонтовъ оставилъ юнкерскую школу, а «поэма Демонъ» была написана Лермонтовымъ въ 30-мъ и 31-мъ годахъ, когда ему было неболѣе семнадцати лѣтъ. Я имѣю первоначальную рукопись этой поэмы впослѣдствіи передѣланной и увеличенной».

Это отчасти справедливо, и намъ интересно знать, въ томъ ли видѣ «Демонъ» въ рукописи г. Меринскаго, какую мы предложимъ ниже?

По множеству оригинальныхъ, то-есть писанныхъ собственною рукою Лермонтова рукописей «Демона» можно заключить, какъ нѣкоторое время дорого цѣнилъ Лермонтовъ эту идею. Г. Шаповаловъ, доставившій въ «Москвитянинъ» 1855 г. (№ 6 мартъ, кн. 2) *посвященіе* къ поэмѣ «Демонъ», также говоритъ: «Имѣвши случай достать экземпляръ Демона, писанный рукою самого автора, я нашелъ тамъ и посвященіе. Долгомъ считаю прибавить, что рукопись отмѣчена 1831 г. и заключаетъ въ себѣ списокъ поэмы въ ея первоначальномъ видѣ.»

Въ томъ ли, какой мы ниже представляемъ?

Передъ первыми очерками повѣсти *Демонъ*, въ черновой тетради 1829 г. находимъ два посвященія, на одинъ и тотъ же мотивъ, оба во многихъ мѣстахъ перечеркнутыя:

1. Посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстной,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній

Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна,
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна —
Понынѣ, о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

2. Посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно,
И юныхъ, гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!...

Отсюда безъ всякаго заголовка прямо начинаются стихи:

Печальный демонъ, духъ изгнанья (*)
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой *тѣснились передъ нимъ*
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его
Какъ дня боится мракъ могилы,
И много, много... и всего
Представить (**) *не имѣлъ онъ силы...*

Далѣе у Лермонтова слѣдуетъ изложеніе сюжета прозой. — Потомъ продолжаются стихи :

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...

(*) Курсивомъ я обозначилъ тѣ стихи, которые остались и въ позднѣйшемъ, гораздо болѣе обработанномъ спискѣ.
(**) Зачеркнуто: *запомнить*.

Въ немъ...пусто, пусто... какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ,
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?...

«Демонъ влюбляется въ смертную, и она его наконецъ любитъ, но демонъ видитъ и ангела–хранителя и отъ зависти и ненависти погубитъ ее. Она умираетъ. Душа улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой» (*),

Угрюмо жизнь его текла
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды,
Ему желанья были чужды,
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался.
Но часто демонъ *молодой* (?!)
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму,
Душой измученною боленъ
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ.
Все горько сдѣлалась ему,
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не признавая.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пень горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,
Онъ прямо высится главой,
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый.

(*) Слова Лермонтова.

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ Эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины,
И зритъ, чернѣетъ подъ горой
Стѣна . . . .
И башенъ странныя вершины.
Межь низкихъ келей тишина;
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
. . . .
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій —
Все оживилось въ немъ, — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

Она.

О чемъ ты близь меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть.
Кто ты?... Мольба моя напрасна...
Чего жь ты хочешь.

Д.

Ты прекрасна.

Она.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись...
. . . .
И о спасеньи не молись:

Не искусить пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

Этимъ и оканчивается первый очеркъ. Изъ написаннаго прозой (втораго) отрывка читатели видятъ, что въ главномъ сюжетъ, хотя здѣсь и неоконченный, и впослѣдствіи остался тотъ же. Только съ теченіемъ времени Лермонтовъ все больше–и–больше уяснялъ себѣ тотъ идеалъ, который видимо былъ имъ вычитанъ у Пушкина, Байрона, но которой онъ, какъ ребенокъ, сперва совершенно не понималъ (въ Кавказскомъ Плѣнникѣ), и только впослѣдствіи началъ надѣлять его чертами понятными. Однакожь, этотъ идеалъ, сопровождавшій Лермонтова во всю поэтическую дѣятельность, все–таки и до конца остался темнымъ въ приложеніи его къ русской жизни. Мнѣ кажется, можно было бы надѣяться, что Лермонтовъ бросилъ бы его наконецъ, за недостаткомъ у насъ въ обществѣ естественныхъ для него красокъ (что́ онъ уже испыталъ въ «Героѣ нашего времени»), или долженъ былъ бы довольствоваться, какъ Байронъ, «Каинами», «Манфредами» и другими отвлеченными идеалами, что́ при теперешнемъ направленіи нашей литературы едвали было бы возможно.

Здѣсь же кстати припомнимъ, что еще недавно Шестаковъ, въ своей статьѣ: «Юношескія произведенія Лермонтова» («Русск. Вѣст.» 1857 г. т. IX), дѣлалъ такія предположенія, объясняя, откуда взялись у Лермонтова характеры въ родѣ «Печорина», «Арбенина» и, конечно, «Демона»:

«Къ–сожалѣнію, мы мало знаемъ исторію дѣтства и юности Лермонтова, а потому и не можемъ объяснить себѣ, ка̀къ развился въ немъ его мрачный взглядъ на человѣческую природу. Мы можемъ только догадываться, что въ жизни нашего поэта, или, по–крайней–мѣрѣ, въ жизни близкихъ ему людей, были случаи, которые предрасположили его къ такому направленію.»

Нигдѣ не нашли мы и слѣдовъ такихъ «случаевъ»; да они и ненужны дѣлаются для объясненія Печориныхъ, Арбениныхъ, Демоновъ Лермонтова. Кто внимательно просмотритъ эти тетради, тотъ увидитъ, что это была просто подражательность, сначала Пушкину, а потомъ Байрону, котораго и Пушкинъ называлъ въ то время «властителемъ нашихъ думъ». Тогда всѣ подражали Байрону.

Что же касается до того, какимъ образомъ этотъ отвлеченный идеалъ сдѣлался почти главнымъ характеромъ сочиненій Лермонтова, это

должно объяснять уже, кромѣ духа времени, и главными душевными свойствами нашего поэта. Къ тому же, ненужно забывать, что въ то время презрѣніе ко всѣмъ и всему было модою. Слѣдовательно, этотъ идеалъ будетъ ясенъ только тогда, когда онъ будетъ разсмотрѣнъ въ трехъ отношеніяхъ: въ чисто-философскомъ, отвлеченномъ, какимъ онъ явился на Западѣ и вытекъ тамъ изъ жизни; въ отношеніи къ Россіи, и лично въ–отношеніи къ Лермонтову.

За очеркомъ «Демона» слѣдуетъ начало повѣсти въ стихахъ, подъ названіемъ *Олегъ*. Три раза, какъ видно изъ этой тетради, начиналъ эту повѣсть Лермонтовъ, и не кончилъ. Ничего кромѣ началъ не осталось. Мы выписываемъ одно, лучшее:

Ахъ! было время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ–жь тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкой голосъ ихъ слыхалъ.
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды.
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль...
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.

Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ!)
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и села покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенеги,
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?...

Послѣднее (17-ое) стихотвореніе этой тетради названо: *Два брата, поэма*. Неокончена само-собою. На сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ раз-

сказывается причина ссоры между братьями, твердымъ французскимъ почеркомъ, совсѣмъ не Лермонтова рукою, замѣчено: *contre la morale*. Дѣло въ томъ, что братъ у брата отбилъ какую-то финляндку. Нѣкоторыя мѣста этого стихотворенія, очевидно, написаны подъ вліяніемъ 6-й главы Онѣгина, за годъ передъ тѣмъ (1828) появившейся (глава, гдѣ дуэль Онѣгина и Ленскаго). Вотъ напримѣръ стихи:

Давно ль? давно ли другъ безъ друга
Ихъ край родимый не видалъ?
Давно ль, когда одинъ страдалъ
Въ изнеможеніи недуга,
Другой прикованный стоялъ
Нѣжнѣйшей дружбой къ изголовью...

Позже, Лермонтовъ, однакожь, не оставилъ этого сюжета и написалъ, вмѣсто поэмы, драму «Два Брата». Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, героиня—русская, и въ нее-то, въ Вѣру Загорскину, сначала влюбляется одинъ братъ, а потомъ и другой. Первый пріѣзжаетъ изъ Петербурга и находитъ, что Вѣра, предметъ его страсти, измѣнила ему, что она любитъ брата... отсюда вражда братьевъ. (См. «Юнош. произв. Лермонтова», Шестакова, стр. 337).

Четвертая черновая тетрадь. 1830 года. Она начинается опять *Демономъ*. Рукою Лермонтова помѣчено: *Писано въ пансіонѣ въ началѣ 1830 года*. Здѣсь мы находимъ уже раздѣленіе на строфы и въ началѣ тетради слѣдующій разговоръ, изъ Байрона, который, какъ намъ кажется, можетъ объяснить, съ чего формировалъ свое понятіе о «Демонѣ» Лермонтовъ:

Cain. Who art thou?
Licif. Master of spirits.
Cain. And being so canst thou
Leave them and walk with dust?
Lucif. J know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.

И другой зачеркнутый разговоръ:

Cain. Are ye happy?
Luc. We are mighty.
Cain. Are ye happy?
Luc. No; art thou?...

Между-тѣмъ, г. Шестаковъ, въ своей статьѣ, въ «Русск. Вѣстникѣ» 1857 г. о «Юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова», объясняетъ этотъ вопросъ такъ:

«Не станемъ здѣсь поднимать вопроса о томъ, откуда явилось въ нашемъ поэтѣ это направленіе? Самобытно ли оно зародилось въ его собственной душѣ, или пришло отъ кого–нибудь, заимствованное отъ другаго, родственнаго, но чуждаго ему генія? *Мы стали бы во всякомъ случаѣ утверждать первое.* Мы не можемъ допустить чуждаго вліянія, если въ собственной душѣ нашей нѣтъ никакого къ тому подготовленія. Если мы знаемъ, что направленіе одного писателя бываетъ сходно съ направленіемъ другаго, то это не значитъ еще непремѣнно, что одно направленіе пораждаетъ другое и что послѣднее вышло изъ перваго; но значитъ только, что оба писателя *родились съ одинаковымъ направленіемъ*, съ одними и тѣми же стремленіями.» — Мы этого теперь допустить не можемъ.

Первая строфа, отъ стиха:

Печальный Демонъ, духъ изгнанья

до стиха:

Представить не имѣлъ онъ силы

вся вошла въ новый списокъ. Потомъ, все написанное прозой, а также стихи

Любовь забылъ онъ навсегда...

до стиха:

Коварство, зависть и вражда

выброшены. Потомъ первая строфа продолжается приведенными выше стихами, съ нѣкоторыми поправками.

Во второй строфѣ, послѣ стиха:

Слеза свинцовая катится.

приписано:

Понынѣ, возлѣ кельи той
Насквозь прозженный видѣнъ камень
Слезою, жаркою, какъ пламень,
Нечеловѣческой слезой.

Съ *третьей* строфы, почти все вновь написано, и потому передаемъ вполнѣ послѣдующій разсказъ (*):

(*) Читатель легко замѣтитъ, что этотъ списокъ совсѣмъ непохожъ на напечатанныя впослѣдствіи. Въ немъ еще нѣтъ ни силы стиха, ни тѣхъ яркихъ описаній Кавказа и Грузіи, которыя встрѣчаемъ впослѣдствіи; но видѣнъ постоянный трудъ выяснить для самаго-себя темную идею, видна любовь къ задуманнымъ картинамъ, которыя не скоро автору даются.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Все оживилось въ немъ опять;
Но что жь, ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ
Холодной гордостью полна.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
Людскаго счастья тайный воръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
. . . .
. . . .
Но гдѣ же звуки? гдѣ же та
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?... Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ,
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольцы мягкіе кудрей
Сбѣгали, будто покрывало
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза ...... сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ-тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.

Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ: ему любить
Недолжно сердце допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою.
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . .
. . . . (*).
Онъ искусить хотѣлъ — не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть—забвенья не далъ Богъ,
Любить — недоставало чувства.
Что́ дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ му́ки!
Такъ, демонъ, слыша эти звуки
Земную страсть отвѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твоею жертвой будетъ (**).
И удалиться онъ спѣшитъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего.

(*) Точки въ подлинникѣ.
(**) Эти стихи написаны вмѣсто слѣдующихъ, зачеркнутыхъ:

Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ —
Прочь, прочь отъ міра, гдѣ впервые...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный,
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ .... преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ (*).

5.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ..... гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья.
Составя свѣтлые шары,

(*) О семьѣ Гудала, о свадьбѣ его дочери, объ убійствѣ жениха, какъ читатель видитъ, и намека нѣтъ. Четвертая строфа, здѣсь приведенная, написана уже послѣ первоначальной, зачеркнутой, которая была слѣдующая:

Но ктожь *она*? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ, межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольный плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одеждъ
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ея
Старушка чуждая качала...
Но, это ль бѣдное житье,
Любовь-ли сердце испугала,
Опасность-ли — о томъ узнать
Никто не думалъ испытать.

Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, неѣзжалый путь.
Когда метель гудётъ и свищетъ
Онъ охраняетъ прошлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто поднимая прахъ
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Чтó прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло.
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну . . . .
И башни бѣлыя . . . . .
И подъ рѣшетчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. И кругомъ
Обходитъ демонъ, но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ-будто бы онъ тамъ погубитъ
Чтó на минуту отдалъ рокъ...
. . . .
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;

Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

Пѣснь.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
Я напрасно старалась узнать.
Быть-можетъ, то было во снѣ!...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя ли мнѣ спать.

Тебя лишь любила Творецъ
Я понынѣ съ младенческихъ дней,
. . . .
. . . .

Виновна я быть не должна,
Я горю не любовью земной;
Чиста, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ—
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ
 Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
 Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
 Моей виной,
 Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть:
 Любить приказано тобой!

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный,
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный

Проникнулъ въ келью. Что-же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви—могильный стонъ
Какъ эхо изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ наконецъ.
И сердце яростью облито,
Отяжелѣло, какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ, хоть взоръ отверзтъ:
Въ немъ ничего не отразилось
Кромѣ презрѣнья—но къ чему?
Чтó показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ,
Вблизи .... прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крестомъ.
Они счастливы, святы оба!
И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснится! Сколько думъ
Мѣняетъ безпокойный умъ!...
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ—прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ бы демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему-бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
. . . .

Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ, черныхъ думъ.
Онъ образъ смерти принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что-жь? Очей тѣхъ пламень—ядъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его .... младая:
Когда, нескромная луна
Взойдетъ пустыню озаряя,
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда
Подъ сѣнь обители уснувшей.
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви свое минувшей!

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ,
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ... (*)

Она.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
Къ чему-жь теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Духъ.

Ты прекрасна.

Она.

Кто ты?

Духъ.

Я демонъ. Не страшись,
. . . .
И о спасеньи не молись,

(*) До-сихъ-поръ все это прибавлено противъ перваго черноваго списка.

Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слёзы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозныхъ злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной
Живу надъ моремъ и межь горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
. . . . прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь.
. . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою (*)
(*Онъ*) трепетную руку жалъ
И поцалуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противится не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня.

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межь скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темно-сѣрыми рядами,
Неслися тучи небесами;
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,

(*) Дописано впослѣдствіи на поляхъ тетради.

Раздался глухо надъ волнами.

. . . .

Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты.
Уста закрытыя безцвѣтны.
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной,
Незнавшей власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала:
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая
Шептала дѣва молодая:
«О, демонъ!... о коварный другъ!
Сокми сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь .... моей
Осталась людямъ неизвѣстной.
Но говорятъ, какъ принесли,

Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ-тѣхъ-поръ промчалось много лѣтъ,
. . . .
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ… И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный:
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ,
Большой паукъ, пустынникъ новый
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и покой.
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее; — но нынче ни чему
Нельзя встревожить тишину. —
Чтò можетъ падать, тó упало,
Чтó мретъ, тó умерло давно;
Чтó живо, тó безсмертно стало;
Но время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно…
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя Эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія, какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечьми сіяли.
. . . .
И былъ небесный сводъ надъ нимъ (*),
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый,
И съ непонятною тоской,
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ — и мнилось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась.
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья (**),
Безъ цѣли мчался съ быстротой,
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья. —
Онъ близь могилы промелькнулъ
И взоръ пронзительный кидая, (***)
Посла потереннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

(*) Слѣдующіе двѣнадцать стиховъ приписаны, видимо, наскоро, на поляхъ тетради.

(**) Прежніе, зачеркнутые, стихи дальше были слѣдующіе:

Летѣлъ съ вершины дикихъ горъ,
Какъ будто прелести творенья
Непозволительный укоръ.

Вмѣсто нихъ написаны стихи, видимо, гораздо позже.

(***) Вмѣсто этого стиха былъ слѣдующій:

И *тусклый*, *мертвый* взоръ кидая...

Вообще, изъ поправленныхъ стиховъ видно, что Лермонтовъ и въ это время еще смутно представлялъ себѣ главный характеръ поэмы.

Подъ этой строфой подписанъ *конецъ*, и затѣмъ слѣдуютъ стихи:

И не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ (*);
Но для чего живу, страдая?
Про это больше знаетъ Онъ.

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой;

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

Послѣдніе восемь стиховъ особенно замѣчательны для насъ и для біографіи Лермонтова. Человѣкъ, который по *шестнадцатому году* писалъ такіе стихи о себѣ, конечно, не могъ ихъ писать иначе, какъ вслѣдствіе подражательности. Чтобъ видѣть въ мірѣ одну несправедливость, всякое отсутствіе гармоніи, и потомъ перенести эту дисгармонію сначала на душу человѣка, а потомъ на все общество; сдѣлать изъ этой идеи — идеалъ, наконецъ, этотъ идеалъ облечь прелестью презрѣнія ко всему:

Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
И все на свѣтѣ презиралъ,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему

и слѣдовательно, разрушалъ все, потому-что нигдѣ нѣтъ истины и правды—согласитесь, что до этого сознанія Лермонтовъ не могъ достигнуть будучи 14 лѣтъ, а все это уже видно въ первомъ очеркѣ Демона...

Гораздо-важнѣе другой вопросъ, почему этотъ идеалъ имѣлъ такой успѣхъ въ нашемъ обществѣ *сороковыхъ* годовъ? Но разрѣшеніе его тѣсно связано съ «Героемъ нашего времени». Тамъ онъ и долженъ быть объясненъ.

Послѣ этого опять начинаются черновыя стихотворенія. Вотъ лучшія изъ нихъ:

(*) Строфа неоконченная и перечеркнутая авторомъ.

3. — Настанетъ день, и міромъ осужденный
Чужой въ родномъ краю,
. . . .
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Чтó смерть? лишь ты не измѣнись душою —
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!... единою слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если, если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

4. — К... Д... (*).

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала
Чтó хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — оно оживетъ,

(*) Мотивъ этого стихотворенія повторенъ Лермонтовымъ позже и лучше, въ стихотвореніи: «Есть рѣчи».

Если может слеза появиться
Въ очахъ — то она упадетъ.
Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ! холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодаго
Ядовитое жало змѣи!

5. — Пѣсня.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.
Чтó за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокій
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сырая?
Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

7. — Отрывокъ.

Три ночи я провелъ безъ сна — въ тоскѣ,
Въ молитвѣ, на колѣняхъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ — курганъ;
И еслибъ кости, скрытые подъ нимъ
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То обозженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили бъ, загремѣвъ одеждой бранной.
О Боже! какъ? — одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей. —
Нѣтъ эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то, три ночи бъ я
Ея не дожидался. — Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Чтó, въ немъ похоже было на любовь;

Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ и этого довольно;
Мой часъ насталъ; — часъ славы иль стыда —
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда.

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ.
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился.
Я небо не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
. . . .
Но потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя — въ себѣ одномъ!
Нашелъ спасенье . . . .
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ быть напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежды, чистой и прекрасной,
Какъ вольность, сильной и святой!...

Въ связи съ этимъ «Отрывкомъ» находится слѣдующій «Сюжетъ» драмы изъ русской исторіи, хотя драма и вышла бы на манеръ тогдашнихъ романтическихъ. Цифры, повидимому, должны были обозначать раздѣленія на акты и явленія.

«Сюжетъ».

«1) Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все заберутъ. Никто не смѣетъ слова сказать. Иные говорятъ, лучше предаться татарамъ, чѣмъ умереть, и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ; онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ отечества, и его порицаютъ за это.

«2) Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про іерусалимское путешествіе и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ. Услыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль — освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; мать ея позволила взять ихъ; онъ ей нравится.

«3) Послы татарскіе въ городѣ. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ велитъ казнить русскаго за то, что тотъ, неникако ему поклонился. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

«4) Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противится. Онъ обольщаетъ ее. (Это длинная сцена). Между-тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

«5) Мстиславъ на курганѣ; три ночи онъ молился. (*) Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ татарскимъ мурзою—и это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики и избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, которые приближались для грабежа, и надѣятся, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

«6) Мстиславъ возвращается домой, печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна любовь его къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ ли его одного; она смущается; онъ приготавливаетъ ее къ тому, что самъ, можетъ-быть, погибнетъ, и спрашиваетъ готова ли она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ-будто бы зная все, но чтобъ испытать правда-ли, вдругъ говоритъ: «Ты любишь татарина». Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ. Онъ говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ, и это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, но не теряетъ духа.

«7) Ольга колеблется между отечествомъ и любовникомъ. Она умоляетъ татарина не приходить къ ней, потому-что жизнь его въ опасности. Мурза допытывается и догадывается, что есть заговоръ. Ольга убѣгаетъ съ Мурзою, боясь братняго гнѣва.

«8) Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, убаюкивая ребёнка. Мстиславъ радуется, что эта пѣснь вдыхаетъ ребёнку ненависть противъ татаръ, и что если онъ погибнетъ, то остается еще мститель за отечество. Онъ идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ уже всѣ собрались; но удивляется, что Мурза не пришелъ.

«9) Станъ татаръ; всѣ спятъ; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась Мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку Мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что такъ-какъ всѣхъ положено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ; наконецъ, просыпается, вскрики-

(*) Вотъ сюда-то, кажется, и относится приведенный «отрывокъ».

ваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла и склоняется надъ ней. Между-тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, которые еще не могутъ опомниться. «Боже! говоритъ Мстиславъ, зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество». Выбѣгаетъ Мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ всѣхъ перерѣзали.

«10) День. Мстиславъ, раненный, подъ деревомъ. Приходитъ старый воинъ. Мстиславъ спрашиваетъ его: всѣ ли убиты, и узнаетъ, что всѣ, что татары взяли въ то же утро городъ и разграбили. Приходитъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которыя, въ своемъ отчаяніи, указывая на зарево, хотятъ скрыться въ лѣсахъ. Мстиславъ спрашиваетъ, не видали ли они женщины въ станѣ, можетъ-быть, она не умерла. Они его не понимаютъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ предъ смертію, чтобъ надъ нимъ поставили крестъ, и чтобъ разсказали дѣла его какому-нибудь пѣвцу, который, сложивъ объ этомъ пѣсню, возбудилъ бы жаръ къ родинѣ въ душѣ потомковъ.»

Затѣмъ слѣдуетъ *Программа поэмы на Кавказѣ, Герой-пророкъ*. Чтó хотѣлъ онъ сказать этой программой нельзя догадаться изъ отрывочныхъ фразъ.

Потомъ опять начинаются стихотворенія:

8. — Силуэтъ.

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, что тотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
Зато онъ вѣчно близь меня
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя; но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

11. — Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа — твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

Я не люблю тебя; страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ!

Потомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ точно по заказу и адресованныхъ къ разнымъ лицамъ. Вотъ лучшіе изъ нихъ:

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Чтó значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

Б......ной.

Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣрà?
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страшнаго примѣра!...
Повѣрить стóитъ разъ... и чтó жь?
Вѣдь самъ раскаяваться будешь,
Закона вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь!

Т......ому.

Нѣтъ! міръ пошелъ совсѣмъ нетакъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: ты дуракъ!—
За комплиментъ ужь принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ станутъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть!

Н......ной.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали,
Вы такъ хотѣли танцовать —

И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?
Но еслибъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ, —
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогдабъ мазурки опустѣли.

Т — ой.

Недаромъ она, не даромъ,
Съ отставнымъ гусаромъ.

М......вой.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

Додо (?)

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ *талисманѣ* (?) стихъ небрежный,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

Б......ву.

Вы старшина собранья вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить:
Могу-ли здѣсь нелицемѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ,
Иль хоть потѣшитъ, новый годъ,

Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему навстрѣчу не солжетъ.
Итакъ я васъ не поздравляю.
Что годъ сей дастъ вамъ — знаетъ Богъ!
Зато минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ какъ только могъ!

Б......ву.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлку,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяца.

Вы не знавали, князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою,
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покоя:
Ему устать бы ужь пора —
Ногами, но не головою.

Все это, какъ читатель видитъ, то́, что́ нѣкогда называлось «эпиграммами», и даже подъ такимъ названіемъ входило въ полныя собранія сочиненій. Лермонтовъ, къ чести и уму его должно сказать, не напечаталъ ни одной, несмотря на то, что ему былъ только шестнадцатый годъ, когда писалъ онъ эти эпиграммы и мадригалы. Писалъ онъ ихъ необыкновенно скоро, сколько можно судить по «Воспоминаніямъ» о Лермонтовѣ, и въ стихахъ этихъ было часто много остраго, какъ видно изъ приведенныхъ нами стихотвореній.

Вотъ случай, приведенный въ «Воспоминаніяхъ». «Каждый вечеръ завязывались игры... Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ вызвался сказать каждому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или прозѣ, что-нибудь такое, что́ приходилось бы кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ, и мы хотя со страхомъ, но согласились выслушать его приговоры. Въ нашемъ обществѣ была одна барышня, сосѣдка по чембарской деревнѣ; она упрашивала Лермонтова не терять словъ для нея и написать ей на память хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ, и не имѣя возможности отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: «Ну, хорошо, дайте ли-

стокъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка принесла поскорѣе бумаги и перо; онъ началъ:

Три граціи....

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождавшіяся слова, и сказала: «Михайло Юрьевичъ, безъ комплиментовъ! Я правды хочу». — «Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!

Продолжаются стихотворенія:

31. — Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта, и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ — угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено. —
Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ, иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ какъ конь дышалъ
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ (?) былъ землей,
А я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,

И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ,
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ склонивъ ко мнѣ, она,
Казалось, упрекнула въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!

---

36. — Время сердцу быть въ покоѣ,
От волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужь не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть подъ нимъ ужь бури нѣтъ!...
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала;
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты утаить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть.

Слѣдуетъ стихотвореніе, изъ котораго можемъ привести слѣдующіе отрывки:

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ!...
. . . .
Какъ ты хорошъ! бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна.
И мимо ты идешь, бывало.... да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ...

Печать презрѣнья на моемъ челѣ;
Но справедливъ ли міра приговоръ?

Чтó добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ — не безчестье, но позоръ?...
Родителей не знала я своихъ,
Воспитана старухою чужой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана мущинѣ... ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня. —
Съ-тѣхъ-поръ я гибну, гибну день отъ дня.
Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать...

---

38. — Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень
Ненуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя!
Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ зáмка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

39. — Къ ***

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай: мы чужды съ этихъ поръ.
Ты забыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Кáкъ знать, быть-можетъ, тѣ мгновенья
Что протекли у ногъ твоихъ
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?

Быть-можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ
Я далъ бы міру даръ чудесный
А мнѣ зато безсмертье онъ?...

и т. д. стихотвореніе, внушенное большою ревностью, но написанное не съ большимъ талантомъ, которое кончается такъ:

Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ!
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ:
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

---

40. — Какъ лучъ зари, какъ розы Леля,
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ!
Чтó благородное снесетъ,
Какую душу не сомнетъ,
Чье самолюбье не умножитъ?
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

Слѣдующую замѣтку, прозой, очевидно, онъ готовился передѣлать въ стихи. На Кавказѣ Лермонтовъ былъ, какъ мы видѣли, еще ребенкомъ,

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое; вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали, вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновеніе гордился онъ ею!

«Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый

блескъ одѣваясь; между-тѣмъ, какъ внизу все темно—они возвѣщали прохожему утро...

«Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ — одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое; виноградникъ, шумящій въ ущельи; путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываяся пѣной, бѣжитъ безъименная рѣчка, выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла... врагъ ли коварный, иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Слѣдовала слѣдующая зачеркнутая и неоконченная строфа:

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы живутъ беззаботно;
Война ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ—въ тишинѣ увядая...

42. — Романсъ.

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ
И раздвоилъ ее ударъ, — и новою тропой
Между разрозненныхъ камней течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись—но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды — глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ,
И мы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
Меня случайно назовутъ, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
Нетолько чувствъ и словъ моихъ — минуты прежнихъ дней!..

43. — Прелестницѣ.

. . . .
. . . .
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои,
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,

Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ-тѣмъ.
Мы брань ихъ смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!...

---

45. — *Had we never lowed so kindly.*

Еслибъ мы не дѣти были,
Еслибъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались: —
Мы съ страданьемъ бы не знались.

46. — Эпитафія.

Прости! увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ-ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ;
Ты въ людяхъ столько зла извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что̀ ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ остальныя тетради Лермонтова.

С. Дудышкинъ.

О СООТНОШЕНІИ ПРАВЪ ВОТЧИННАГО И КРѢПОСТНАГО.

По настоящее время литература принесла уже неоцѣнимую пользу въ разрѣшеніи великаго дѣла улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Сколько вопросовъ и сомнѣній, которые ставили насъ сначала въ совершенный тупикъ, теперь выяснились! Сколько выработалось свѣтлыхъ общихъ понятій, которыя прежде для публики были вовсе недоступны!

Но предметъ такъ сложенъ, что, несмотря на всю энергическую дѣятельность литературы, она не успѣла еще прослѣдить его со всѣхъ сторонъ. Доселѣ, какъ кажется, она выдвинула на сцену преимущественно тѣ вопросы, которые, по естественному порядку, первые представились намъ, вопросы чисто-практическіе, каковы: объ усадебной осѣдлости, о надѣлѣ крестьянъ полевыми угодьями, о способѣ землевладѣнія и т. п. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ сказать, будто-бы литература мало коснулась внутренней стороны предмета, напротивъ, и эти всѣ практическіе вопросы сами собою возникли изъ развитія вопроса о крѣпостномъ правѣ и обязательномъ трудѣ, вопроса, составляющаго всю сущность дѣла. Но теперь, при подробномъ развитіи этого дѣла и приложеніи главныхъ теоретическихъ и практическихъ началъ къ дѣйствительной жизни, раждаются новые вопросы, новыя недоумѣнія, особенно насчетъ разныхъ оттѣнковъ крѣпостнаго права, насчетъ разныхъ привилегій дворянскаго сословія, въ которыхъ нѣкоторые полагаютъ все значеніе и отличительное преимущество этого сословія. Нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ литература вовсе еще не касалась, другіе затронуты только слегка.

Таковъ, между-прочимъ, вопросъ о *вотчинномъ* правѣ, или, какъ иные называютъ, правѣ *помѣстномъ*, который въ настоящую минуту составляетъ предметъ споровъ и разногласій въ частныхъ круж-

кахъ. Многіе, соглашаясь въ отмѣнѣ крѣпостнаго права и даже съ выдѣломъ крестьянамъ въ собственность, по-крайней-мѣрѣ, усадебныхъ участковъ, въ тоже время утверждаютъ о необходимости оставленія вотчиннаго права надъ ними въ прежней силѣ. Какъ ни странно такое очевидное противорѣчіе въ понятіяхъ, но тѣмъ неменѣе защитники вотчиннаго права немалочисленны и, въ подкрѣпленіе своихъ убѣжденій, ссылаются на слова Высочайшаго рескрипта, предоставляющаго помѣщикамъ право собственности на всю землю, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, будто-бы нераздѣльно вотчинное право на всемъ пространствѣ ихъ помѣстій или вотчинъ, въ прежней его силѣ.

При такой обстановкѣ, вопросъ этотъ получаетъ большую важность. Вотъ почему мы рѣшились предложить, печатно, на судъ общественнаго мнѣнія нѣкоторыя свои соображенія по этому вопросу.

Но прежде, чѣмъ мы выскажемъ свой взглядъ и свое убѣжденіе, считаемъ не лишнимъ обратиться къ исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ и представить краткій очеркъ развитія правъ вотчиннаго и помѣстнаго и сліянія ихъ, наконецъ, въ правѣ собственности на недвижимыя имущества (1); затѣмъ, въ параллель этому, обратимся также къ исторіи развитія крѣпостнаго права, или права владѣнія крѣпостными людьми, и его отношеній къ праву вотчинному.

I.

Право собственности, какъ право на вещь, или какъ отношеніе юридическое, безъ всякаго сомнѣнія, предшествовало образованію и развитію вотчиннаго и помѣстнаго правъ. Но въ древнія времена не было никакого общаго наименованія для означенія права собственности; принадлежность извѣстной вещи лицу въ собственность выражалась обыкновенно притяжательными именами и мѣстоименіями, напр. *моя, твоя, его*, или же особыми наименованіями, заимствованными отъ способовъ ея пріобрѣтенія, напр. *удѣлъ, дѣдичина, отчина, приданое* и т. п., а твердость права на вещь — словами въ прокъ, въ вѣкъ и друг. Впослѣдствіи, въ-особенности для означенія права поземельной собственности, установились названія вѣчнаго владѣнія, вѣчнаго и потомствен-

(1) При составленіи этого очерка мы руководствовались «Исторіею гражданскихъ законовъ» соч. Неволина, (См. «Полн. собр. сочиненій» Неволина, изд. 1858 г. т. IV); а равно «Полнымъ собраніемъ и Сводомъ гражданскихъ законовъ».

наго владѣнія, замѣняемыя иногда выраженіями: *непремѣнное и непоколебимое владѣніе*, *владѣніе въ родъ*, *во вѣки неподвижное*, *владѣніе по старинѣ*, *изстари*. Только во второй четверти XVIII столѣтія является прилагательное, отъ котораго происходитъ слово: *собственность*, и это послѣднее мало-по-малу вошло въ употребленіе уже со временъ императрицы Екатерины II. Иногда, впрочемъ, въ одной съ нимъ силѣ употреблялось слово: *принадлежность*. Сводъ Законовъ (1832 г.) утвердилъ уже наименованіе: *право собственности*, какъ техническое, для означенія права ва вещь.

Слово: *вотчина* или, точнѣе, *отчина*, встрѣчается еще въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности ([2]). Первоначальное слово: «вотчина» употреблялось въ строгомъ смыслѣ, означая землю, полученную лицомъ отъ своего отца, или вообще отъ предковъ, не исключая и городскихъ земель. Потомъ ([3]) названіе вотчины ограничено только землями, лежащими въ уѣздахъ, въ противоположность землямъ городскимъ. Съ другой стороны тогда же это названіе было распространено. Вотчиною стали называть всякую землю въ уѣздахъ, пріобрѣтаемую, на правѣ собственности, въ вѣчное и потомственное владѣніе; отсюда происходятъ вотчины выслуженныя, купленныя отъ казны, или отъ чужеродцевъ. Въ древнія времена, не говоря о вотчинахъ княженецкихъ, пра́ва и другихъ вотчинниковъ изъ частныхъ лицъ были чрезвычайно-обширны. На основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ князей, поземельный владѣлецъ получалъ многія права́ державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ-бы княземъ, съ властью правительственною и судебною надъ всѣми жившими на вотчинныхъ земляхъ людьми ([4]). Но съ утвержденіемъ и распространеніемъ власти великихъ князей такой порядокъ не могъ быть совмѣстенъ. Почему прежвія общія права вотчинниковъ начали ограничиваться и только въ видѣ исключенія оставляемы были за нѣкоторыми знатнѣйшими вотчинниками, по особымъ жалованнымъ (несудимымъ) грамотамъ. Впрочемъ, выдача и этихъ грамотъ при Іоаннѣ IV прекращается. Несудимыя грамоты послѣдующаго времени, пока онѣ не были совсѣмъ отмѣнены уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, выдавались уже частнымъ лицамъ независимо отъ вотчин-

---

([2]) См. Лѣтоп. Лавр. стр. 131, г. 6636 («Полн. собр. рус. лѣтоп.», изд. Археографическою Коммиссіею) «И созва (Володимеръ) боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: уже неубій ея дѣтьми дѣля сего, но въздвигни *отчину* ея и дай ей съ сыномъ своимъ».

([3]) См. «Пол. собр. зак.» 1686 г. янв. 22 (1157).

([4]) См. «Юрид. Сбор.» г. Мейера, ст. 64.

наго владѣнія. Хотя владѣльцы населенныхъ имѣній были и послѣ того естественными судьями своихъ крѣпостныхъ въ ихъ дѣлахъ между собою, но право суда въ этомъ случаѣ было совершенно-отлично отъ принадлежавшаго прежде вотчинникамъ права судить людей свободныхъ, жившихъ на вотчинныхъ земляхъ, и притомъ нетолько по дѣламъ ихъ между собою, но и по дѣламъ съ посторонними лицами. Другія преимущества, по обычаю, по жалованнымъ грамотамъ, по самовольному присвоенію землевладѣльцевъ, сохранялись долѣе. Таково было право собирать мыто, мостовщину, перевозную плату, которое было ограничено только при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и совершенно уничтожено при Петрѣ Великомъ, съ поступленіемъ сего сбора въ казну.

Таковы были права вотчинныя, установляемыя древнимъ порядкомъ вещей и особыми жалованными грамотами. По общему же порядку, вотчинное право владѣнія и пользованія заключалось во власти лица измѣнять видъ своей вотчины и пользоваться ею по своему усмотрѣнію, исключительно и независимо отъ посторонняго вліянія. Отъ права свободнаго пользованія не были изъяты: ни поверхность, ни внутренность вотчинной земли, ни лѣса, ни воды. Вотчинникъ пахалъ землю, косилъ луга, рубилъ лѣса, расчищалъ подъ пашню тѣ и другіе, ставилъ на своихъ угодьяхъ новыя деревни и починки, строилъ мельницы, занимался пчеловодствомъ, рыбною, звѣриною и птичьею ловлею, добывалъ полезныя вещества изъ нѣдръ земныхъ. Онъ пользовался какъ самъ непосредственно плодами, произведеніями и выгодами своей вотчины, такъ предоставлялъ пользоваться ими другимъ, по своему усмотрѣнію. Другія лица невластны были ни препятствовать вотчиннику въ свободномъ пользованіи его имуществомъ, ни присвоять себѣ положительное какое—либо участіе въ выгодахъ его имущества ([5]).

([5]) Г. Неволинъ, въ своемъ сочиненіи, отношеній крестьянъ, водворенныхъ на вотчинныхъ земляхъ, къ вотчинникамъ или землевладѣльцамъ не развиваетъ, вѣроятно, потому, что предметъ этотъ онъ относитъ къ системѣ законовъ о состояніяхъ, а не гражданскихъ. Въ 219 § т. IV, говоря о родахъ недвижимыхъ имуществъ, онъ упоминаетъ только, что, «по отношенію къ землямъ, въ нашемъ законодательствѣ образовалось важное различіе между землями населенными и ненаселенными, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ право обладанія землями населенными ограничено было лицами дворянскаго сословія». Но, судя вообще по существу опредѣляемыхъ имъ правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, отношенія эти могли обусловливаться или поземельными правами вотчинниковъ и помѣщиковъ, или же особыми жалованными грамотами на право суда и расправы надъ по-

Въ этомъ отношенiи вотчинники подлежали въ своемъ правѣ пользованiя для блага другихъ лицъ только слѣдующимъ ограниченiямъ:

1) Поземельные владѣльцы должны были всѣмъ дозволять проходить и проѣзжать по открытымъ издавна для общаго употребленiя, пролегающимъ чрезъ ихъ дачи дорогамъ и водянымъ сообщенiямъ. Но и здѣсь владѣльцы пользовались еще разными сборами, до обращенiя ихъ въ казну при Петрѣ Великомъ, какъ выше сказано.

селенными на ихъ земляхъ крестьянами. На основанiи другихъ источниковъ, которые будутъ указаны ниже въ историческомъ взглядѣ на крѣпостное право, можно заключать, что до времени запрещенiя крестьянамъ перехода изъ одной вотчины или помѣстья въ другое, отношенiя крестьянъ къ землевладѣльцамъ по необходимости должны были ограничиваться отправленiемъ извѣстныхъ повинностей, соразмѣрныхъ съ тѣми средствами, какiя предоставлялись имъ отъ землевладѣльцевъ, потому-что крестьяне, въ случаѣ обремененiя или стѣсненiя, находили полную возможность избавиться отъ этого въ свободномъ правѣ перехода. Прикрѣпленiе же ихъ къ землѣ, а потомъ и къ лицу владѣльца, поставило ихъ въ то безвыходное положенiе, въ которомъ власть и произволъ вотчинника или помѣщика могли не встрѣчать уже никакихъ препятствiй. Но и послѣ этого мы нигдѣ все-таки не можемъ найти юридическихъ основанiй къ установленiю собственно такъ-называемаго личнаго крѣпостнаго права, а тѣмъ-менѣе къ утвержденiю безусловной зависимости крестьянъ отъ вотчинниковъ или помѣщиковъ.

Личное крѣпостное право вообще, не находя само въ себѣ юридической основы и совершенно противорѣча нравственнымъ началамъ, въ существѣ дѣла никогда не было и не могло быть правомъ, а проявлялось всегда подъ видомъ права вотчиннаго или права собственности, если не на самое лицо, которое не могло быть, какъ вещь, принадлежностью другаго, то на разные окружающiе сферу его жизни и дѣятельности предметы и условiя. Говоря собственно, и плѣнникъ и обѣльный (то-есть выкупленый отъ казны) рабъ состояли всегда не въ безусловной личной зависимости своего господина, а въ отношенiи постоянно-*обязательномъ*, по праву послѣдняго на вознагражденiе за то̀, чѣмъ обязанъ ему первый. За пощаду жизни виновники сего обыкновенно требовали себѣ полнаго повиновенiя и всевозможныхъ услугъ отъ раба въ-продолженiе всей жизни; кабальный холопъ обязывался выслужить свою *кабалу*, расплатиться трудомъ съ своимъ заимодавцемъ, а прикрѣпленный къ землѣ крестьянинъ считался принадлежностью земли и подчинялся власти или владѣнiю господина той земли не иначе, какъ на правѣ *вотчиннаго владѣнiя*. Но г. Неволинъ не говоритъ здѣсь ничего и объ этомъ видѣ крѣпостнаго права, конечно, потому, что оно, какъ ненормальное проявленiе вотчиннаго права, не можетъ составлять и существенной принадлежности его.

2) Служилымъ или ратнымъ людямъ, по уложенію, предоставлено было, идя на службу государеву, становиться на лугахъ у всякихъ людей, не подвергаясь за то никакому взысканію, и безпрепятственно ѣздить во всѣ лѣса, за исключеніемъ засѣчныхъ и заповѣдныхъ, для дровъ и всякаго лѣсу, какой будетъ надобенъ на становое строеніе.

3) Какъ по древнимъ обычаямъ, такъ и по уложенію царя Алексѣя Михайловича, не дозволялось вотчинникамъ постройкою мельницъ вредить полямъ и лугамъ верхнихъ владѣльцевъ.

Право распоряженія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, принадлежащее вотчиннику, заключалось въ томъ, что онъ могъ свободно отчуждать свою вотчину, какъ-то: продавать, закладывать, мѣнять, уступать, дарить, отдавать въ приданое, передавать своимъ законнымъ наслѣдникамъ, или отказывать въ монастырь по душѣ. Послѣднее право, впрочемъ, со временъ великаго князя Іоанна Васильевича III было ограничиваемо постепенно и, наконецъ, рѣшительно запрещено уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Въ частности, права распоряженія, по отношенію къ вотчинамъ княженецкимъ и родовымъ, ограничивались нѣкоторыми условіями, охранявшими выгоды родственниковъ вотчинника, а въ отношеніи вотчинъ выслуженныхъ—условіями жалованной грамоты; но въ распоряженіи вотчинами, купленными изъ казенныхъ земель и у чужеродцевъ, никакихъ предѣловъ постановлепо не было, за исключеніемъ только помѣстій, купленныхъ въ вотчину, которыя, по отношенію къ праву покупщика распоряжаться ими, въ 1687 году совершенно были сравнены съ вотчинами родовыми и выслуженными.

Названіе *помѣстья* и производныя отсюда имена (помѣстникъ, помѣщикъ) являются неранѣе, какъ въ XV столѣтіи (6). Впрочемъ, начало пожалованій помѣстій можно видѣть въ самыя древнѣйшія времена русской исторіи: въ обычаѣ русскихъ князей обезпечивать содержаніе членовъ своей дружины, предоставляя въ ихъ пользованіе различные источники княжескаго дохода и, въ-особенности, поручая въ управленіе имъ города и волости, съ предоставленіемъ въ ихъ пользу всѣхъ или

---

(6) «Судебн. Іоанна III» (А. И., т. I, ст. 155): «А взыщетъ черной на черномъ, или *помѣстникъ* на *помѣстникѣ*, за которымъ земли великаго князя, или черной или селской на помѣстникѣ, или помѣстникъ на черномъ и на селскомъ, ино судити по тому жъ за три годы, а далѣ трехъ годовъ не судити».—А. Ю. ст. 14 г. 1498—1505. «И Некрасъ да Дроздъ такъ рекли: тѣ, господине, деревни и починки изстарины земли митрополскія Селецкія; а насъ, господине, тѣми деревнями и починки пожаловалъ Симомъ митрополитъ *въ помѣстье*».

нѣкоторыхъ доходовъ съ нихъ. Но собственно помѣстьями начали называться тѣ земли, села и деревни, которыя давались служащимъ лицамъ въ пользованіе (7). Первоначально право пользованія ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другаго рода доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ и отъ нея были предоставлены помѣщику. Потомъ помѣстья стали даваться на такомъ же правѣ, на какомъ вотчинникъ пользовался своими вотчинными землями, только, впрочемъ, въ пользованіе и владѣніе временное. Почему право помѣщика пользоваться своею помѣстною землею получило, современемъ, такое же пространство, какое имѣли права́ вотчинника, и подлежало тѣмъ же ограниченіямъ, какимъ и право вотчинника. Кромѣ-того, помѣщикъ подлежалъ еще одному особенному ограниченію: «онъ не долженъ былъ пустошить помѣстья, грабить крестьянъ, дѣлать имъ насиліе, обременять ихъ сборами и повинностями, и тѣмъ разгонять ихъ; въ-особенности же не долженъ былъ сводить крестьянъ съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинныя».

Равнымъ-образомъ и распоряженіе помѣстьемъ ограничивалось сначала только правомъ: 1) промѣнять помѣстную землю на другую и 2) сдать свое помѣстье другимъ лицамъ, или назначить въ приданое за своими дочерями и вообще родственницами; притомъ и это право соединено было съ разными условіями, и, во всякомъ случаѣ, распоряженіе помѣщика по отношенію къ своему помѣстью совершалось неиначе, какъ съ дозволенія правительства. Хотя сдача помѣстій могла быть дѣлаема и за деньги и, слѣдовательно, въ существѣ вещи была не что́ иное, какъ продажа, однакожь никогда не называлась этимъ именемъ и законы никогда не приписывали помѣщику права продавать помѣстья, равно какъ закладывать, и тѣмъ-менѣе дѣлать о немъ какія-нибудь распоряженія на случай своей смерти. Но въ 1678 году дозволено было обращать помѣстья на удовлетвореніе исковъ и платежъ судныхъ пошлинъ; затѣмъ, по смерти владѣльца помѣстье могло переходить къ его дѣтямъ и родственникамъ. Наконецъ, помѣстья могли быть пріобрѣтаемы въ вотчину: а) пожалованіемъ и б) покупкою. Вообще, они мало-по-малу сливались съ вотчинами. Право пользованія тѣми и другими стало бо́льшею частію одинаково; право распоряженія первыми все болѣе-и-болѣе сближалось съ правомъ распоряженія другими.

Между-тѣмъ, служебныя обязанности, лежавшія на помѣщикѣ, были

---

(7) См. «Юрид. Сборникъ» г. Мейра, стр. 3 (то-есть вмѣсто древнихъ *кормленій*).

одинаковы съ обязанностями, лежавшими на вотчинникѣ. Подворной подати и учрежденной Петромъ Великимъ рекрутской повинности подлежали въ равной мѣрѣ, какъ вотчинниковы, такъ и помѣщиковы крестьяне. Послѣ сего для правительства было все-равно, въ чьихъ рукахъ и съ какимъ правомъ находилось помѣстье, какъ-скоро только владѣлецъ его отправлялъ службу, къ которой обязывался помѣщикъ, и какъ-скоро государственныя повинности лицъ, принадлежавшихъ къ вотчинамъ и помѣстьямъ, были одинаковы. Почему неудивительно, что указомъ о единонаслѣдіи, 1714 г. марта 23, помѣстья были соединены съ вотчинами и нѣкоторыми другими имуществами, подъ общимъ названіемъ *недвижимыхъ имуществъ*; для всѣхъ такихъ имуществъ установлено одинаковое право распоряженія и всѣ они подчинены одинаковому порядку наслѣдія (8). Хотя указъ о единонаслѣдіи уничтоженъ императрицею Анною Іоанновною, однако въ то же время она подтвердила сдѣланное Петромъ Великимъ соединеніе помѣстій и вотчинъ подъ однимъ названіемъ и окончательно установила для тѣхъ и другихъ одинаковый порядокъ наслѣдія (9).

Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ родѣ недвижимыхъ имуществъ, который въ древнія времена существовалъ сверхъ вотчинъ и помѣстій.—Это *тяглыя* или оброчныя имущества, къ числу которыхъ, между-прочимъ, относились и нѣкоторыя уѣздныя земли, пахотныя, сѣнокосныя и другія. Хотя тяглыми имуществами вообще могли обладать только тяглые люди, то-есть лица такъ-называемыхъ теперь податныхъ состояній, но люди нетяглые обыкновенно стремились также пріобрѣсть въ свое обладаніе такія имущества, уклоняясь, между-тѣмъ, отъ платежа податей и исправленія повинностей, лежавшихъ на владѣльцахъ этого рода имуществъ. Изъ историческихъ памятниковъ видно существованіе и такихъ тяглыхъ земель, которыми владѣльцы ихъ обладали съ весьма-обширными правами, принадлежавшими вотчинникамъ. На основаніи жалованныхъ княжескихъ грамотъ, владѣльцы получали иногда право суда надъ людьми, поселенными на ихъ тяглыхъ земляхъ; вообще же продавали и закладывали свои тяглыя земли, отступались отъ нихъ, передавали ихъ по наслѣдству, охраняли судомъ свое владѣніе ими. Но ужь

---

(8) 1714 марта 23 (2789), особенно пун. 1.

(9) 1731 марта 17 (5717): «Всемилостивѣйше повелѣли, впредь съ сего нашего указа, какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина, и отцамъ и матерямъ дѣтей своихъ дѣлить по уложенію всѣмъ равно, такожъ и за дочерями въ приданое давать попрежнему».

въ актахъ XVII вѣка представляются только слабые слѣды сохранявшагося существованія тяглыхъ земель, состоявшихъ въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи частныхъ лицъ на такомъ обширномъ правѣ. Онѣ или смѣшались съ вотчинными землями (какъ, напр., земли Строгановыхъ, пожалованныя имъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ только на правѣ тяглыхъ земель, но современемъ обратившіяся въ вотчинныя), или же перешли въ разрядъ земель казенныхъ, зависѣвшихъ вполнѣ отъ распоряженія правительства.

Такимъ-образомъ право собственности на недвижимыя имущества, образовавшись изъ трехъ родовъ прежде-существовавшихъ владѣльческихъ правъ (вотчиннаго, помѣстнаго и оброчнаго, или права на тяглыя имущества), приняло тотъ видъ и то пространство, въ которыхъ представляетъ намъ его нынѣ-дѣйствующее законодательство.

Вотчины имѣли видъ *полной собственности*, а помѣстья и тяглыя имущества—собственности *неполной* или *ограниченной*. Но какъ вотчины образовали одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ недвижимыхъ имуществъ, то *полное право собственности* на эти имущества составилось вообще изъ тѣхъ самыхъ правъ, какія къ концу XVII-го столѣтія заключались въ правѣ вотчинномъ. Существовавшія ограниченія вотчиннаго права примѣнены и къ праву полной недвижимой собственности ([10]). Кромѣ-того, Петромъ Великимъ были установлены еще разныя ограниченія, относящіяся: во-первыхъ, къ праву владѣнія и пользованія различными составными частями имущества, и, во-вторыхъ, къ праву распоряженія цѣлымъ имуществомъ; но всѣ почти таковыя ограниченія впослѣдствіи, въ-особенности при Екатеринѣ II, измѣнены или уничтожены.

([10]) Хотя полнымъ правомъ на вещь, или, иначе, правамъ собственности, въ положительныхъ законодательствахъ называется власть лица, утвержденная за нимъ законами, дѣйствовать на вещь по своему усмотрѣнію, съ исключеніемъ всякаго посторонняго вліянія, но тѣмъ-неменѣе право собственности можетъ быть ограничено и, собственно говоря, всегда даже бываетъ ограничено; абсолютно-полнаго или неограниченнаго права собственности въ гражданскомъ обществѣ и существовать не можетъ. Одни ограниченія права собственности существуютъ уже на основаніи самыхъ законовъ, другія устанавливаются волею тѣхъ лицъ, которымъ принадлежитъ право собственности. Ограниченія законныя въ гражданскомъ обществѣ совершенно необходимы, потому-что неограниченный произволъ легко могъ бы обратиться ко вреду самого господина вещи, другихъ лицъ и цѣлаго общества.

Позднѣйшія законодательства, сохранившіяся въ своей силѣ до настоящаго времени, представляютъ намъ слѣдующія общія ограниченія права недвижимой поземельной собственности: 1) по отношенію къ праву владѣнія и пользованія: а) право собственности, распространяясь не на одну поверхность, но и на внутренность земли, въ—отношеніи производства горныхъ промысловъ ограничивается платежемъ въ пользу казны извѣстныхъ пошлинъ; б) по лѣсной промышлености—также установленными пошлинами при отпускѣ лѣса за границу; в) охота и звѣриная ловля въ дачахъ владѣльческихъ ограничена только въ окрестностяхъ Санктпетербурга, Петергофа, Царскаго и Краснаго Селъ и Кипенской Мызы, равно въ окрестностяхъ Москвы—условіемъ полученія на тó билета обер-егермейстерскаго начальства; 2) изъ фабрикъ и мануфактуръ остались на правахъ ограниченной собственности только поссесіонныя, которыя или учреждены съ полученіемъ важныхъ пособій и преимуществъ отъ правительства, или первоначально устроены были казною, а потомъ отданы ею въ содержаніе частнымъ лицамъ; д) очевиднѣе другихъ ограниченія права собственности, существующія въ видахъ соблюденія пользы общественной, по отношенію сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній: не говоря уже о большихъ дорогахъ, составляющихъ предметъ общаго пользованія всѣхъ безъ изъятія и потому относящихся къ разряду государственныхъ имуществъ, законы ограждаютъ также право прохода и проѣзда чрезъ постороннія дачи по всѣмъ малымъ или проселочнымъ дорогамъ, пролагаемыхъ на отхожія пашни, сѣнные покосы, въ лѣса и другія угодья, для прогона скота, и къ рѣкамъ, для водопоя ([11]).

Равнымъ-образомъ, для довольства проѣзжающихъ и прогоннаго скота, луга, по большимъ дорогамъ на версту, а по проселочнымъ на полверсты, слѣдуетъ запирать неранѣе Троицына-дня, а отворять непозже сентября; на прочіе же луга и пустоши по скошеніи травы, а на пашенныя земли по снятіи съ нихъ хлѣба, дозволять пускать прогоняемый скотъ, для довольства кормомъ, безъ платы ([12]). На время же, пока луга и поля будутъ заперты, оставлять, съ тою же цѣлью, по обѣ стороны большихъ дорогъ порожнія мѣста извѣстной мѣры. На этомъ пространствѣ владѣльцамъ запрещается скашивать или вытравлять сво—

([11]) См. «Пол. Соб. Зак.» 1754 мая 13 (10237) гл. 7 ст. 2; 1766 25 мая (12659) гл. 7 ст. 1—7; Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г. ст. 448 и 449.

([12]) См. «Пол. Соб. Зак. 1766 г. мая 3 (12634); т. X. Зак. Гражд. ст. 434—436.

нимъ скотомъ ростущую траву ([13]). По отношенію къ судоходству, за отнесеніемъ, по дѣйствующимъ нынѣ узаконеніямъ, судоходныхъ рѣкъ и береговъ ихъ къ имуществамъ государственнымъ ([14]), существовавшія прежде ограниченія правъ прибрежныхъ владѣльцевъ, по которымъ они не могли на этихъ рѣкахъ строить мельницъ, плотинъ, заколовъ или другихъ перегородокъ, и обязывались на пространствѣ бечевника допускать проходъ и проѣздъ людямъ, занимающимся судоходствомъ, равно позволять баркамъ и другимъ судамъ останавливаться у береговъ, причаливать къ нимъ и выгружать свои товары, вообще, не препятствовать законному употребленію бечевника и не повреждать его, теперь уже не могутъ быть и разсматриваемы, какъ ограниченія; но и по малымъ рѣчкамъ и озеркамъ прибрежные владѣльцы не могутъ препятствовать сплаву бревенъ и дровъ, устройствомъ неудобныхъ мостовъ, а при всѣхъ озерахъ, въ которыхъ рыбныя ловли принадлежатъ не тѣмъ владѣльцамъ, въ чьихъ онѣ земляхъ положеніе имѣютъ, но или другимъ посторонникъ, или же оставлены для вольнаго промысла, обязываются оставлять изъ своей земли десять саженъ для пристанища ловцамъ и сушки снастей ихъ ([15]); е) для пользы земель, лежащихъ по берегамъ рѣкъ, воспрещается владѣльцамъ тѣхъ береговъ строить плотины, или мельницы, если отъ того могутъ быть подтоплены лежащія вверхъ по рѣкѣ пашни и сѣнные покосы, или существовавшія уже прежде мельницы другихъ владѣльцевъ, равно хозяину противоположнаго берегу рѣки примыкать плотину къ берегу другаго владѣльца, безъ согласія послѣдняго ([16]). По отношенію къ праву распоряженія цѣлымъ имуществомъ, бо́льшая или ме́ньшая степень ограниченія зависитъ отъ различія между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами. Для послѣднихъ дозволяются всѣ виды отчужденія попрежнему, кромѣ мѣны, допускаемой только въ видахъ уничтоженія чрезполосности владѣнія и при отходѣ имуществъ, по распоряженію правительства, изъ частнаго владѣнія для пользы общественной или государственной. Въ отчужденіи родовыхъ имуществъ имѣютъ теперь силу тѣ же самыя ограниченія, какія существовали и прежде, на основаніи уложенія и новоуказныхъ статей, въ-отношеніи вотчинъ родовыхъ, въ видахъ огражденія равныхъ на оныя правъ

([13]) Тамъ же 1744 г. января 9 (8851); сентября 11 (9032); 1754 мая 13 (10237), гл. 7 п. 2; 1766 мая 25 (12659), гл. 7 п. 1 — 3; 1761 мая 5 (11248); 1765 сент. 16 (12473); т. X. Зак. Гражд. ст. 435.

([14]) «Св. Зак. Гражд.» изд. 1857 г. ч. 1 ст. 437 и 438.

([15]) «Св. Зак. Гражд.» изд. 1857 г. ч. 1 ст. 440 и 441.

([16]) Тамъ же, ст. 442.

сонаслѣдниковъ. Впрочемъ, продажа родовыхъ имуществъ во всякомъ случаѣ допускается, съ предоставленіемъ родственникамъ только права выкупа.

Наконецъ, общее ограниченіе права частной собственности состоитъ въ томъ, что она всегда, по особымъ видамъ правительственнымъ, для общественныхъ пользъ, или государственныхъ потребностей, можетъ быть отбираема по распоряженію правительства, съ вознагражденіемъ владѣльца, соразмѣрно цѣнности имущества ([17]). Кромѣ-того, частный владѣлецъ можетъ быть лишенъ самаго права собственности за уголовное преступленіе ([18]).

Но бо́льшая часть изъ таковыхъ законныхъ ограниченій права́ частной собственности въ такой мѣрѣ принадлежатъ къ общему порядку гражданской жизни и такъ часто встрѣчаются въ положительныхъ законодательствахъ, что они даже и не разсматриваются какъ ограниченія. Существеннымъ ограниченіемъ полнаго права на вещь считается право другаго въ чужой вещи (jus in re aliena), болѣе или менѣе обширное, но всегда ограниченное. Въ этомъ случаѣ и господинъ вещи, при существованіи такого въ ней права для другихъ лицъ, имѣетъ въ дѣйствительности и самъ на нее уже только ограниченное право, хотя, впрочемъ, при всемъ томъ, вещь разсматривается предъ лицомъ закона, какъ вещь ему принадлежащая.

Такимъ-образомъ существо права собственности при составленіи у насъ Свода Законовъ опредѣлилось въ слѣдующемъ положеніи: «кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжать онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому, или кому власть сія отъ перваго ея пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ последующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣетъ на это имущество право собственности» ([19]). Равнымъ-образомъ, хотя раздѣленіе

([17]) «Пол. Соб. Зак.» 1767 іюля 30 (12950). Наказъ генерал-прокурору при коммиссіи, Улож. п. 11. 1810 января 1 (24064) § 20 п. 9; 1833 іюня 7 (6249) п. 1; 1848 ноября 15 (22738), Срав. т. X. «Св. Закон. Гражд.» изд. 1857 г. ч. 1, ст. 575.

([18]) Т. XV. «Св. Зак. Уголов.» изд. 1857 г. книг. 1 Улож. о Наказ. ст. 29 и 289.

([19]) «Св. Зак. Гражд.» изд. 1, ст. 262; изд. 26 ст. 388. изд. 3 ч. 1, ст. 420.

права собственности на полное и неполное, по существу своему, восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ, но это раздѣленіе и существо различія между полнымъ и неполнымъ правомъ ясно выражено со стороны законодательства въ первый разъ только въ Сводѣ Законовъ. Въ немъ читаемъ: «право собственности есть полное, когда въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ, владѣніе, пользованіе и распоряженіе соединяются съ укрѣпленіемъ имущества въ одномъ лицѣ, или въ одномъ сословіи лицъ, безъ всякаго посторонняго участія. Право собственности бываетъ неполнымъ, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи, или распоряженіи другими посторонними, также неполными на то самое имущество правáми, каковы суть: 1) право участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества; 2) право угодій въ чужомъ имуществѣ. Право собственности бываетъ также неполнымъ: 3) когда отдѣляется отъ него право владѣнія и пользованія; 4) когда отдѣляется отъ него право распоряженія [20].

II.

Взглядъ на историческую сторону *крѣпостнаго* права выразился въ современной литературѣ первый разъ въ письмѣ русскаго изъ Ниццы, напечатанномъ въ 23 № газеты «le Nord», 1857 г. Авторъ этого письма приписываетъ окончательное водвореніе крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ той законодательной мѣрѣ Петра Великаго, по которой крестьяне записаны были вмѣстѣ съ дворовыми людьми въ однѣ и тѣ же ревизскія сказки, при первой ревизіи, и уравнены въ платежѣ податей и отправленіи другихъ государственныхъ повинностей.

Это мнѣніе вызвало опроверженіе со стороны г. Карновича, который въ статьѣ своей, напечатанной во второй книжкѣ «Современника» за 1858 годъ, защищая память Петра отъ такого нареканія, доказываетъ, что законное существованіе крѣпостнаго права было опредѣлено еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича 1649 года.

Въ журналѣ «Сельское Благоустройство» 1858 г. (№ 1.) г. Ю. Самаринъ, сравнивая происхожденіе крѣпостнаго состоянія въ Пруссіи съ происхожденіемъ его въ Россіи, говоритъ: «Въ Россіи крѣпостное право было косвеннымъ и, можно сказать, непредусмотрѣннымъ послѣд-

---

([20]) «Св. Зак. Гражд.» изд. 1, ст. 264 и 271; изд. 2, ст. 391 и 400; изд. 3, ч. 1, ст. 423 и 432.

ствіемъ двухъ общихъ законодательныхъ мѣръ, исшедшихъ отъ правительства. Каждая изъ нихъ распространена была единовременно на все государство: мы разумѣемъ воспрещеніе перехода и уравненіе крестьянъ съ холопами при первой ревизіи.» Г. А. Вельтманъ начинаетъ свою статью: «Историческій взглядъ на крѣпостное состояніе въ Россіи» («Жур. Землевлад.» № 1) слѣдующими словами: «Россія, въ-отношеніи мéньшихъ своихъ, нисколько не подходитъ подъ условія государствъ остальной части Европы. Почти вездѣ, кромѣ Россіи, крѣпостное состояніе съ первыхъ страницъ исторіи было слѣдствіемъ побѣдъ и водворенія чуждой власти надъ народами. Нѣдра Россіи искони населены были родными и близкими, начиная отъ старѣйшихъ до мéньшихъ. До XVI столѣтія, отъ перваго до послѣдняго слоя, по законамъ русскимъ, всѣ слыли людьми вольными, исключая полоненниковъ и обреченныхъ рабству за преступленія.» Объяснивъ затѣмъ прежнія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, или (говоря словами автора), податной господы, которая несла свой долгъ, опредѣленный долею произведеній съ даровъ земли, и образованіе изъ среды отчиннаго быта двухъ высшихъ сословій, духовнаго и гражданскаго, съ вотчинными или помѣстными правáми, и нисшаго состоянія челядинцевъ или холоповъ, раздѣлявшихся на временно-зависимыхъ, по условію, и вѣчно-зависимыхъ, невольныхъ, по закону, г. Вельтманъ приписываетъ водвореніе у насъ крѣпостнаго состоянія узаконеніямъ 1593—1607 годовъ, основаніемъ которыхъ, по его мнѣнію, служили исключительно личные разсчеты бояръ-честолюбцевъ, и въ-особенности Бориса Годунова, и оканчиваетъ свою статью такимъ заключеніемъ: «этимъ послѣднимъ распоряженіемъ (то-есть указомъ Шуйскаго отъ 9 мая 1607 г.) (21), объ увольненіи съ вѣдома и по отпускной государя, то-есть, господина, на лѣто, на зиму, или на весь годъ, узаконяется уже полное укрѣпленіе крестьянъ, укрѣпленіе нетолько къ землѣ, но и къ личности отчинника и помѣщика. Крестьянинъ поставленъ наравнѣ съ обѣльнымъ холопомъ, и различія въ зависимости никакой уже нѣтъ... Постановленія послѣдующихъ временъ, напримѣръ, объ уничтоженіи урочныхъ лѣтъ для возврата бѣглыхъ, о взиманіи податей, вмѣсто поземельнаго разсчета, съ числа дворовъ, о поверстаніи въ одинаковый окладъ подушныхъ, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ людей, о наборѣ рекрутъ съ числа душъ, и проч. и проч., не состав-

(21) Въ этомъ указѣ Шуйскій рѣшаетъ соборомъ утвердить перепись Годунова 101 года (1593) и заказать выходъ и переходъ крестьянамъ, за исключеніемъ случая найма въ работу, только съ вѣдома государя, то-есть, господина, неболѣе какъ на годъ и не семьями.

ляютъ уже сущности дѣла, касающагося до единственнаго общечеловѣческаго права: права личнаго на волю...»

По свидѣтельству г. Соловьева ([22]), законъ объ укрѣпленіи крестьянъ относится къ царствованію Ѳеодора Іоанновича; но когда именно послѣдовало это укрѣпленіе, онъ не опредѣляетъ съ точностью; впрочемъ, утверждаетъ, что его можно относить къ началу царствованія Ѳеодора и что отодвигать дальше этотъ законъ мы не можемъ. Но какъ бы то ни было, тогда или въ другое время, тѣмъ или другимъ государемъ, при такихъ или другихъ случайныхъ обстоятельствахъ и особенностяхъ, водворено у насъ крѣпостное состояніе, только очевидно, что оно давно уже существуетъ и что, наконецъ, настала пора для прекращенія этого противоестественнаго состоянія. Почему для насъ гораздо-полезнѣе обратить на него вниманіе съ другой точки зрѣнія, чтобы уяснить себѣ, по мѣрѣ возможности, самую сущность и практическое значеніе крѣпостнаго права въ сферѣ дѣйствительной жизни и въ ряду государственныхъ учрежденій.

Г. Неволинъ, какъ мы упомянули выше, въ изложеніи своей «Исторіи гражданскихъ законовъ» совершенно умалчиваетъ о развитіи крѣпостнаго права, ограничиваясь очертаніемъ юридическихъ правъ собственности, виды которой представляютъ намъ древнія вотчины и помѣстья. По опредѣленію его, вотчины принадлежали лицамъ на правѣ полной собственности, а помѣстья на правѣ собственности неполной или ограниченной. Это различіе относилось, впрочемъ, не столько къ свойству самаго владѣнія или степени власти владѣльца, сколько къ продолжительности ихъ: вотчины оставались въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи, а помѣстья во временномъ; зато, по существу владѣнія, и помѣщикамъ нерѣдко предоставлялись всѣ права вотчинника, такъ-что вотчины и помѣстья время отъ времени сближались все болѣе, а наконецъ, послѣднія и совершенно слились съ вотчинами. Съ другой стороны, хотя также и вотчинное право въ-сущности не могло быть безусловнымъ, даже въ отношеніи къ поземельной собственности владѣльца, не говоря уже о личности крестьянъ, поселенныхъ на вотчинныхъ земляхъ, на которыхъ все вліяніе и власть вотчинника должны бы обусловливаться не личнымъ правомъ, а исключительно правами поземельнаго владѣнія; но тѣмъ-неменѣе мы видимъ, что съ самыхъ древнихъ временъ, съ предоставленіемъ вотчинникамъ и помѣщикамъ права суда и расправы надъ всѣ-

---

([22]) См. «Исторію Россіи» г. Соловьева, изд. 1857 г. т. VII стр. 393 и 395.

ми людьми, проживавшими на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, и по другимъ жалованнымъ или произвольно-пріобрѣтавшимся привилегіямъ, предѣлы власти землевладѣльцевъ далеко выходили за границы собственно-вотчиннаго или поземельнаго права.

По свидѣтельству другаго, современнаго намъ изслѣдователя, «*система кормленія* въ удѣльный періодъ была господствующею». Кормленіе жаловалось княземъ иногда на извѣстный срокъ, иногда безсрочно; иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками, и принимало характеръ наслѣдственности. Такое наслѣдственное кормленіе называлось иногда *вотчиною* и защищалось въ судѣ противъ притязаній постороннихъ лицъ. Самое управленіе носило тотъ же характеръ частнаго владѣнія. («См. Обл. учр. Россіи въ XVII вѣкѣ» Чичерина, изд. 1856 г., стр. 7 и 8). «При пожалованіи селъ и деревень въ вотчину, судъ исчислялся въ числѣ прочихъ принадлежностей, хотя нѣкоторыя статьи князь могъ оставить за собою»(23). (См. тамъ же стр. 16.) «Создавши государственное единство, московскіе государи не стали разрушать и передѣлывать на новый ладъ элементы средневѣковой жизни. Частное княжеское хозяйство превратилось въ государственное, но управленіе сохранило прежній финансовый характеръ». Хотя государи старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія (стр. 37), но и по учрежденіи воеводствъ, государство не освободилось еще отъ формъ средневѣковой жизни, гдѣ господствовало частное право и общія нормы уступали мѣсто особенностямъ, исключеніямъ» (стр. 153). «Помѣщичьи крестьяне по крѣпостному праву судились помѣщиками и ихъ прикащиками; въ тяжбахъ съ посторонними помѣщики сами искали и отвѣчали за своихъ крестьянъ» (стр. 172). «Помѣщичьи земли несли свои повинности по распоряженію самихъ помѣщиковъ и ихъ управителей» (стр. 217) (24).

Очевидно, что крѣпостное право съ самой глубокой древности проявлялось у насъ въ вотчинномъ и другихъ соединявшихся съ нимъ правахъ и привилегіяхъ. Впрочемъ, это установленіе нельзя считать и за явленіе случайное или совершенно-произвольное; оно шло наряду съ развитіемъ жизни народной, соотвѣтственно общественнымъ нуждамъ, потребностямъ и обстоятельствамъ извѣстнаго времени, и никакъ не противъ воли правительственной и законодательной власти. Г. Соловьевъ

(23) См. «А. А. Э.», т. 1, № 160.
(24) См. «Обл. Учр. Россіи» въ XVII вѣкѣ Чичерина, изд. 1856 г.

въ своей «Исторіи» (25) причину укрѣпленія крестьянъ по закону указываетъ «въ обширности русской государственной области и въ маломъ ея населеніи, въ обиліи земель и въ недостаткѣ рукъ для ея обработанія. Богатые и сильные землевладѣльцы имѣли возможность большими льготами переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ отчинниковъ и помѣщиковъ, и старались потомъ удерживать ихъ у себя разными средствами (нѣкоторые землевладѣльцы позволяли себѣ насилія для удержанія крестьянъ, и можно думать, что эти насилія не были рѣдки; Троицкій Монастырь еще при Василіи Темномъ выпросилъ себѣ право удерживать крестьянъ въ извѣстныхъ волостяхъ). Но если для значительныхъ землевладѣльцевъ было выгодно льготами перезывать къ себѣ крестьянъ отъ менѣе-значительныхъ, то эти выгоды необходимо должны были столкнуться съ выгодами государства. Одною изъ самыхъ главныхъ потребностей послѣдняго было умноженіе войска. Основу войска составляли дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и, по призыву государеву, являться на службу «конны, людны и оружны», по тогдашнему выраженію. Но понятно, что эта возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли; чтобы имѣть возможность всегда нести требуемую службу, служилый человѣкъ долженъ былъ имѣть на своей землѣ постоянное народонаселеніе; а могъ ли онъ имѣть его, когда богатый сосѣдъ переманивалъ у него крестьянъ бо́льшими льготами? Государство, давъ служилому человѣку землю, обязано было дать ему и постоянныхъ работниковъ.» Вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, въ царствованіе Ѳеодора, послѣдовало и прикрѣпленіе, или обращеніе въ холопи вольныхъ слугъ. «Въ 1597 году велѣно было всѣмъ господамъ принести въ холопій приказъ списки именъ холопій своихъ, какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на нихъ, и записывать въ книги, для бо́льшаго укрѣпленія. Земли было много, рукъ мало; служилымъ людямъ была тощета, что крестьяне уходили отъ нихъ, а между-тѣмъ пространство земель, требовавшихъ населенія, увеличивалось все болѣе-и-болѣе, колоніи вытягивались и на югъ, въ степи, и на сѣверо-востокъ, за Уральскія Горы, въ безконечную Сибирь.»

Рецензетъ статьи г. Вельтмана, г. Славинскій «Отеч. Записки» за 1858 годъ, № 7-й) доказываетъ, что «правительство, относи-

---

(25) См. «Исторію Россіи» г. Соловьева, т. VII, стр. 393, 394 и 399.

тельно установленія крѣпостнаго состоянія, дѣйствовало сознательно, сообразно съ обстоятельствами». Въ дѣйствіяхъ его по этому предмету надобно видѣть мѣры *финансовыя*, ограниченіе государственныхъ расходовъ, обезпеченіе въ полученіи опредѣленныхъ доходовъ, желаніе удержать земледѣльцевъ отъ перехода въ холопы, обезпечить бездомныхъ людей отъ нищенства, сократить издержки по надзору за общественною безопасностью, облегчить наборъ ратныхъ людей. А такъ-какъ понятіе о правѣ на предметъ (право собственности) никакъ нельзя смѣшивать съ правомъ на дѣйствія лицъ, которое возникаетъ вслѣдствіе установленія взаимно-обязательныхъ, правомѣрныхъ отношеній лицъ другъ къ другу; потому и право помѣщичье надъ крѣпостными людьми г. Славинскій сравниваетъ съ правомъ откупнымъ, считая помѣщиковъ, въ этомъ отношеніи, неболѣе, какъ только посредниками между правительствомъ и народомъ, для доставленія первому добываемыхъ народомъ средствъ удовлетворенія государственныхъ потребностей. Тождество системы помѣщичьяго управленія у насъ крестьянами со всякой откупной системой онъ доказываетъ тѣмъ примѣромъ, что «даже въ настоящее время, при неудобствѣ непосредственнаго взиманія разнаго рода сборовъ, правительства поручаютъ взиманіе ихъ людямъ, обладающимъ достаточными для того средствами—откупщикамъ. Въ Турціи, Неаполѣ и Папской Области даже всѣ государственныя подати взимаются откупщиками». Правительство, наконецъ, можетъ видѣть, что «настала пора снять съ лицъ, которымъ оно довѣрило свое право власти надъ другими, отвѣтственность въ доставленіи слѣдуемыхъ въ государственную казну доходовъ. Помѣщики, освобождаясь отъ своихъ обязанностей всякаго рода относительно крестьянъ, по необходимости теряютъ и соотвѣтствующія этимъ обязанностямъ пра́ва свои на обязательный трудъ крестьянъ». Отмѣна крѣпостнаго состоянія означаетъ именно отмѣну отвѣтственности помѣщика за крестьянъ.

Съ этой же точки зрѣнія, то-есть со стороны значенія крѣпостнаго права въ сферѣ дѣйствительной жизни и въ ряду государственныхъ учрежденій, обращаетъ вниманіе въ современной литературѣ статья г. К. Побѣдоносцева, помѣщенная въ 11 и 12 №№ «Русскаго Вѣстника» за 1858 годъ. Впрочемъ, и здѣсь, авторъ въ началѣ своей статьи откровенно высказываетъ, что «полная и ясная исторія крѣпостнаго права возможна будетъ только тогда, когда со введеніемъ новаго порядка, прежній порядокъ, донынѣ существующій, перейдетъ вполнѣ въ область исторіи, когда сдѣлаются доступными для изслѣдованія богатые матеріалы, безплодно-лежащіе въ архивахъ присутственныхъ

мѣстъ и въ собраніяхъ у частныхъ лицъ, и когда болѣе прояснятся внутренній смыслъ и взаимная связь многихъ, еще невполнѣ-раскрытыхъ явленій русской исторіи.

Опровергая мнѣніе тѣхъ, которые за основаніе существующей нынѣ системы законовъ о крѣпостномъ правѣ считаютъ «Уложеніе 1649 года» и полагаютъ, что въ то уже время нетолько утвердилась въ русскомъ обществѣ идея о власти помѣщика надъ крѣпостными людьми и крестьянами, но и законодательство успѣло дойти до юридическаго сознанія этой идеи со всѣми ея послѣдствіями, опредѣливъ и власть помѣщика надъ людьми, и пространство этой власти, и ея принадлежности, г. Побѣдоносцевъ говоритъ, что «по тѣмъ памятникамъ законодательства, которые оставилъ намъ періодъ «Уложенія», нѣтъ возможности возстановить юридическій образъ крѣпостнаго права; мы можемъ уловить только нѣкоторыя черты его...»

На основаніи такихъ данныхъ авторъ заключаетъ, что право на холопей было по-преимуществу *кабальное*, право на крестьянъ *вотчинное* ([26]). «Власть помѣщика надъ людьми, поселенными на его землѣ, образовалась сама собою, помимо юридическихъ опредѣленій, какъ принадлежность отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу и какъ послѣдствіе прикрѣпленія; владѣніе людьми незамѣтно сдѣлалось фактомъ, столь же несомнѣннымъ, какъ и фактъ владѣнія землею, на которой

([26]) Въ XVIII примѣчаніи авторъ говоритъ, что «на юридическомъ языкѣ XVII столѣтія слово *крѣпостной* прилагалось по преимуществу къ холопамъ, тогда-какъ о крестьянахъ писали обыкновенно: вотчинниковы, помѣщиковы, пашенные люди. Но изъ этого нельзя еще выводить заключенія, будто-бы крестьяне не считались крѣпостными: и о крестьянинѣ говорилось и писалось, что онъ «крѣпокъ» такому-то помѣщику. Слово «крѣпостной» употреблялось тогда несовсѣмъ въ томъ значеніи, въ какомъ употребляется нынѣ. Крѣпостнымъ назывался тотъ, кто жилъ по крѣпости, по записи, и въ этомъ смыслѣ крѣпостные холопи, кабальные люди, даже наемные люди противополагались иногда стариннымъ холопамъ и людямъ, жившимъ въ домѣ безкабально. Принадлежность холопа владѣльцу удостовѣрялась крѣпостью или записью, на этого человѣка совершенною; принадлежность крестьянина къ вотчинѣ или помѣстью удостовѣрялась актами переписи и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Тогда еще не было въ обычаѣ въ купчихъ крѣпостяхъ на вотчины прописывать имена крестьянъ.» Въ XXIII: «въ купчихъ крѣпостяхъ на вотчины, относящихся къ XVI столѣтію, означается обыкновенно только продаваемая земля въ межахъ и границахъ, а о крестьянахъ не упоминается. Съ XVII столѣтія въ купчія включаются уже поименно, или подворно крестьяне.»

люди жили...» — «Законъ вовсе не объявлялъ крестьянина *собственностью* помѣщика; но земля, къ которой былъ прикрѣпленъ первый, опредѣлялась личностью владѣльца.» Отсюда происходитъ и принадлежность крестьянина къ извѣстной вотчинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и зависимость его отъ вотчинника, въ отправленіи разныхъ работъ и повинностей, связанныхъ съ воздѣлываніемъ земли. Вспомнимъ еще, что издревле основаніемъ суда и подсудности служило у насъ правило, что жители *тянутъ судомъ по землѣ и водѣ:* тó было, конечно, отношеніе *подсудности*; но и этотъ давній обычай могъ, съ своей стороны, содѣйствовать къ превращенію *въ подданство* отношенія земледѣльца къ землевладѣльцу, какъ-скоро первый сталъ прикрѣпленъ къ землѣ послѣдняго...» Прежде «едва-ли кто-нибудь и думалъ о томъ, какой смыслъ заключается въ словахъ: «владѣть людьми и владѣть землею»; чѣмъ оба понятія отличаются одно отъ другаго и гдѣ могутъ сходиться. Тотъ, кто имѣлъ власть, владѣлъ безсознательно, и безсознательно же стремился къ распространенію своей власти; кто имѣлъ власть надъ вотчиной, тотъ владѣлъ и людьми, въ ней поселенными...»—«А всякая личная власть стремится захватить себѣ какъ-можно-болѣе произвола и оставить подвластному какъ-можно-менѣе, и непремѣнно достигаетъ этой цѣли тамъ, гдѣ, по свойству власти, борьба подвластнаго съ владѣльцемъ не можетъ имѣть мѣста.» Такимъ-образомъ безусловная зависимость крестьянина отъ помѣщика долженствовала быть непремѣннымъ послѣдствіемъ укрѣпленія. До того же времени еще могла служить ограниченіемъ этой зависимости свобода перехода, въ которомъ и послѣ крестьянинъ искалъ еще спасенія отъ угнетавшей его все болѣе-и-болѣе власти помѣщика. Вотъ почему не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтіи продолжается непрерывно цѣлый рядъ узаконеній о бѣглыхъ ([27]).

Объясняя далѣе разные разряды холопства, существовавшаго въ періодъ «Уложенія», какъ-то: а) полныхъ, докладныхъ, купленныхъ, старинныхъ холоповъ, б) кабальныхъ людей, в) записныхъ плѣнныхъ и г) работниковъ по особымъ жилымъ записямъ, г. Побѣдоносцевъ выводитъ отсюда слѣдующее заключеніе: что въ помянутый періодъ времени «холопскія отношенія могли возникать и большею-частью возни-

([27]) «О семъ (пишетъ въ 1768 г. Татищевъ) мы болѣе законовъ имѣемъ, нежели о другихъ тяжбахъ, но или одинъ другому противорѣчитъ и закону Божію не согласуетъ, или такъ неясенъ, что судья какъ хочетъ, такъ толкуетъ, и не въ томъ разумѣніи, какъ намѣреніе законодавца пріемлетъ.»

кали изъ договоровъ, а прекращались съ истеченіемъ срока, или со смертью господина». Затѣмъ онъ опредѣляетъ значеніе *крѣпостнаго крестьянства*, не смѣшивая, впрочемъ, съ крестьянами въ собственномъ смыслѣ такъ-называвшихся дѣловыхъ и задворныхъ людей, и различіе крестьянъ отъ холоповъ, до того времени, какъ послѣдніе слились съ крестьянами въ одномъ *сословіи крѣпостныхъ*, записанныхъ въ ревизію, подъ названіемъ *дворовыхъ людей*.

Этимъ оканчивается первый отдѣлъ статьи г. Побѣдоносцева. Второй отдѣлъ онъ начинаетъ вопросомъ: «опредѣлило ли «Уложеніе» власть помѣщика надъ крестьянами?» Отвѣчая на этотъ вопросъ отрицаніемъ. онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ, что на-самомъ-дѣлѣ власть эта была обширна, и что «Уложеніе», упоминая о нѣкоторыхъ проявленіяхъ этой власти, но не осуждая и не оговаривая ихъ, тѣмъ самъ заставляетъ насъ думать, что эти проявленія, по-крайней-мѣрѣ, не почитались незаконными. Мы считаемъ неизлишнимъ повторить здѣсь только тѣ случаи, въ которыхъ авторъ находитъ проявленіе помѣщичьей власти, неутверждаемое и неотрицаемое «Уложеніемъ»: 1) вліяніе помѣщика на крѣпостныхъ людей въ отношеніи браковъ; 2) неограниченное право понужденія и наказанія; 3) право перевода и переселенія крестьянъ съ однихъ земель на другія; 4) право продажи и отчужденія крестьянъ отдѣльно отъ земли и съ раздробленіемъ семействъ; 5) строгость мѣръ противъ неповиновенія крестьянъ помѣщичьей власти; 6) недостаточность мѣръ огражденія крѣпостныхъ людей отъ жестокаго съ ними обращенія помѣщиковъ и отъ чрезмѣрныхъ поборовъ; 7) непредоставленіе имъ права жалобы на господина, кромѣ одного случая: «когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою»; 8) неопредѣленность оброковъ и повинностей; 9) право обращенія крестьянъ въ дворовую службу; 10) организація домóваго и вотчиннаго управленія; 11) судъ и расправа помѣщика съ крѣпостными людьми; 12) неопредѣленность правъ крѣпостныхъ людей по имуществу вообще; 13) непрочность въ обезпеченіи крестьянъ поземельными участками; 14) полная зависимость ихъ отъ помѣщика и въ отношеніи движимости, обыкновеннаго домашняго обзаведенія, или крестьянскихъ животовъ. Что касается дѣйствій крѣпостныхъ людей въ промышленныхъ предпріятіяхъ и вступленія ихъ въ долговыя обязательства, то, по мнѣнію г. Побѣдоносцева, «ни «Уложеніе», ни вообще законодательство XVII столѣтія не представляютъ никакихъ стѣснительныхъ въ этомъ отношеніи для крестьянъ мѣръ, хотя, впрочемъ, и не ограждаютъ также положительными правилами свободы ихъ дѣйствій въ семъ случаѣ; равнымъ-образомъ нельзя найти и такого рѣшительнаго постановленія, которое бы

отнимало у крѣпостныхъ право лично искать и отвѣчать за себя въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ нѣкоторые думаютъ.»

Итакъ, соображая вышеизложенныя данныя, мы можемъ заключать, что крѣпостная зависимость людей отъ помѣщиковъ возникла и развилась до настоящихъ предѣловъ не на основаніи какого-либо особаго юридическаго начала, или права въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ тотъ или другой періодъ времени, тою или другою правительственною мѣрою вызваннаго и установленнаго, но образовалась мало-по-малу, вслѣдствіе неограниченнаго господства и вотчиннаго права землевладѣльцевъ ([28]). Крѣпостное право помѣщика не есть собственно право, а только ненормальное проявленіе права вотчиннаго, незаконная привилегія, усвоенная дворянскимъ сословіемъ на основаніи полнаго права соб-

([28]) Замѣчательно, впрочемъ, что и въ древнія времена появлялось желаніе ограничить произволъ землевладѣльцевъ. «Годуновъ (какъ говоритъ одно иностранное извѣстіе) при восшествіи своемъ на престолъ, опредѣлилъ, сколько крестьянинъ долженъ платить землевладѣльцу и сколько работать на него. Онъ же установилъ вызовъ крестьянъ, желающихъ перехода, и чтобы такихъ крестьянъ помѣщики и вотчиники выпускали изъ-за себя со всѣмъ ихъ имѣніемъ, безъ всякой зацѣпки, и въ крестьянской возкѣ между людми боевъ и грабежей не было бы, силою дѣти боярскія крестьянъ за собою не держали бы и продажъ имъ никакихъ не дѣлали; а кто станетъ крестьянъ грабить и изъ-за себя не выпускать, тѣмъ быть въ большой опалѣ.» Еще замѣчательнѣе два факта изъ того же времени, показывающіе намъ точку зрѣнія, съ какой въ Московскомъ Государствѣ смотрѣли иногда на отношенія прикрѣпленныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ вскорѣ послѣ прикрѣпленія. Одинъ крестьянинъ съ сыномъ и пасынкомъ, прикрѣпленный къ землѣ Вяжицкаго Монастыря, бѣжалъ и скрылся въ имѣніи одного боярскаго сына. Игуменъ монастыря отъискалъ его чрезъ нѣсколько лѣтъ; тогда вдова того сына боярскаго, у котораго крестьянинъ укрывался, не желая тягаться съ монастыремъ, выдала бѣглаго игумену. Послѣдній порядилъ его къ себѣ въ крестьяне на пашню; крестьянинъ обязался поставить избу съ разными службами, распахать пашни и проч., а игуменъ далъ ему разныя льготы и подмогу. Потомъ тотъ же монастырь счелъ для себя выгоднымъ переселить нѣсколько крестьянъ съ одной своей земли на другую; но онъ заключилъ прежде съ этими крестьянами порядную запись: крестьяне порядились жить за монастыремъ на новой землѣ, обязались, по старому обычаю, произвести извѣстныя работы, а монастырь обязался дать имъ извѣстныя льготы; въ случаѣ же неисполненія условій со стороны крестьянъ, они обязались заплатить монастырю извѣстную сумму денегъ. (См. «Исторію Россіи» г. Соловьева, изд. 1857 года т. VIII стр. 20, 53, 54 и 55).

ственности, распространеннаго безусловно и безъ всякаго ограниченія на всѣ населенныя земли, по сліяніи съ вотчинами нетолько помѣстій, но и нѣкоторыхъ тяглыхъ земель, подъ однимъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ.

Само—собою разумѣется, что это могло совершиться, какъ мы сказали уже выше, не безъ вѣдома и даже не безъ содѣйствія правительства. Но правительство имѣло здѣсь другую цѣль и другія основанія. Г. Побѣдоносцевъ говоритъ: что «государственный интересъ (въ свое время) требовалъ даже установленія и поддержанія крѣпостной власти помѣщика надъ людьми и крестьянами, и потому вездѣ, гдѣ оказывалось нужнымъ опредѣлить принадлежности этой власти, опредѣлить отношенія владѣльца къ подвластнымъ людямъ, законодательство обращало на нихъ вниманіе на сколько требовалъ интересъ государственный...» — «Но вездѣ, гдѣ законодательная и правительственная власть въ опредѣленіяхъ своихъ касалась крѣпостнаго состоянія, видно, что цѣлью власти было не опредѣлить отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцамъ, а обезпечить свои собственные, государственные и финансовые интересы (29); опредѣленіе юридическихъ свойствъ того или другаго отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцу вовсе не входило въ расчетъ правительства. Цѣли его состояли въ томъ: *во-первыхъ*, чтобы прекратить бродяжничество крѣпостныхъ крестьянъ и кабальныхъ людей; *во—вторыхъ*, чтобъ помѣщикъ, удерживая за собою всѣхъ подвластныхъ себѣ и на земляхъ своихъ всѣхъ поселенныхъ людей, имѣлъ возможность отправлять службу государству; *въ-третьихъ*, чтобъ обезпечено было успѣшное дѣйствіе финансовой системы...»— «Сообразно этимъ цѣлямъ, оно и смотрѣло прежде на холопа, какъ на собственность частную, а въ крестьянинѣ помѣщичьемъ видѣло и собственное право, кромѣ помѣщичьяго...» Поэтому-то, хотя «мы видимъ ясно, что владѣніе человѣка человѣкомъ входитъ въ сферу гражданскихъ правъ имущественныхъ, но когда законодательство касается того

---

(29) Исторія г. Соловьева доказываетъ ту же мысль. По свидѣтельству оной, когда сильныя притѣсненія, претерпѣваемыя крестьянами вслѣдствіе укрѣпленія, заставили Годунова, въ 1601 году, измѣнить объ этомъ законъ Θеодора Іоанновича, то онъ хотя и сдѣлалъ это, но такъ, чтобы цѣль для которой былъ изданъ тотъ законъ, достигалась, то-есть, чтобъ богатые землевладѣльцы не могли переманивать крестьянъ съ земель мелкихъ служивыхъ и приказныхъ людей, отказывать и возить крестьянъ разрѣшено было только служилымъ людямъ (между собою). См. «Исторію» г. Соловьева, т. VIII стр. 52.

или другаго проявленія этой власти, въ немъ ощутительнѣе вліяніе политическаго начала, нежели начала юридическаго...» Помѣщикъ, пользуясь властью распоряжаться трудомъ человѣка, управлять его личностью, употреблять его для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, давать ему судъ и расправу, привыкалъ смотрѣть на крестьянина, какъ на свою принадлежность, не заботясь о томъ, чтобъ выяснить самому себѣ право свое на человѣка и положить этому праву твердыя границы. И правительство, какъ мы сказали, не могло еще имѣть въ виду установить эти границы посредствомъ общихъ юридическихъ опредѣленій. Дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи ограничивалась только тѣмъ, что оно отъ времени до времени, сообразно съ своими главными цѣлями, разрѣшало отдѣльные вопросы, возникавшіе по поводу столкновеній одного владѣльца съ другимъ и личной владѣльческой власти съ общими цѣлями правительства. Это были существенныя потребности гражданскаго и государственнаго устройства. Напротивъ, забота объ огражденіи личности подвластнаго человѣка отъ произвола и стѣсненій едва-едва кое-гдѣ проявляетс . Для того, чтобъ она явилась и выразилась въ законодательствѣ, потребны были такія условія, которыхъ не было прежде. Нужно было, чтобы посреди тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось крѣпостное право, возникъ протестъ противъ него, во имя духовныхъ и экономическихъ началъ, пришедшихъ къ сознанію, чтобъ подъ вліяніемъ новаго начала явилась потребность подвергнуть строгому анализу старыя основы государственнаго и гражданскаго устройства. Эти условія осуществились только въ XVIII столѣтіи, и то лишь во второй половинѣ его становится замѣтно и съ каждымъ годомъ уясняется стремленіе къ новому, лучшему порядку, основанное на разумномъ началѣ. Противъ этого стремленія вооружается все, что̀ и привычками и интересами своими сжилось съ порядкомъ прежнимъ; но приверженцы стараго, въ борьбѣ съ разумною силой мнѣнія, принуждены искать оружія въ области идей. Посредствомъ этой только борьбы сдѣлалась у насъ ощутительною потребность опредѣлить юридически сущность, принадлежности и границы политическаго учрежденія, въ-теченіи двухъ почти столѣтій существовавшаго безъ положительныхъ опредѣленій; власть, образовавшаяся вслѣдствіе причинъ политическихъ, почувствовала необходимость облечь всѣ свои проявленія въ норму юридическую, вмѣстить ихъ въ строгую систему закона положительнаго. Мы думаемъ, что это совершилось окончательно уже во второй четверти XIX столѣтія: до того времени, то-есть, до изданія «Свода Законовъ», законодательство отъ времени до времени останавливается только на нѣкоторыхъ вопросахъ, приводитъ въ сознаніе только нѣкоторыя черты крѣпостнаго права.

Итакъ, вотъ гдѣ надобно искать болѣе-строгаго опредѣленія принадлежностей крѣпостнаго права. Но, обращаясь къ «Своду Законовъ Гражданскихъ», дѣйствующихъ и по настоящее время, мы видимъ, что право частной собственности законъ опредѣляетъ властью лица владѣть, пользоваться и распоряжать имуществомъ, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность пріобрѣтеннымъ (30). Имущества же суть недвижимыя, или движимыя. Недвижимыми имуществами признаются по закону земли и всякія угодья, деревни, домы, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія и пустыя дворовыя мѣста. Земли суть населенныя или ненаселенныя. Принадлежности населенныхъ земель суть: состоящія на нихъ церковныя строенія, господскіе и крестьянскіе домы, дворы, мельницы, мосты, перевозы, плотины и гати. Принадлежности домовъ суть: части оныхъ, составляющія внутреннюю и наружную отдѣлку, и тѣ украшенія, которыя невозможно отдѣлить отъ зданія безъ повреждения. Въ числѣ принадлежностей недвижимыхъ имуществъ полагаются и укрѣпленіе на владѣніе ими, какъ-то: владѣнные указы, грамоты, крѣпости, межевые планы, книги и прочіе документы (31). Таковы предметы права собственности, на которые указываетъ намъ дѣйствующее законодательство, относящіеся къ роду недвижимыхъ имуществъ, образовавшихся изъ прежнихъ вотчинъ и помѣстій. Значитъ, и право вотчинное, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ распространяться, кромѣ этихъ только предметовъ, ни на какіе другіе; тѣмъ-менѣе ему можно подчинять личность человѣка на правѣ собственности, или усвоять себѣ какое-либо вліяніе на него, основывая оное на правѣ вотчинномъ, простираемомъ непосредственно на личность человѣка. Законъ считаетъ собственностью владѣльца только земли и домы, въ которыхъ живутъ крестьяне, а крѣпостное право владѣльца на самихъ крестьянъ, въ значеніи собственно-гражданскомъ, допускаетъ какъ слѣдствіе только или проявленіе вотчиннаго права на земли. Потому-что, по буквальному смыслу его (32), понятіе крѣпостнаго права должно быть тождественно съ понятіемъ вотчиннаго права или права собственности на недвижимыя имущества. Отсюда слѣдуетъ, что отмѣнить крѣпостное право или власть владѣль-

(30) «Свод. Зак. Гражд.» т. X изд. 1832 г. ст. 262 изд. 1857 г. ч. 1 ст. 420.

(31) «Свод. Зак.» изд. 1832 г. т. X. ст. 230—234, 236 и 237, изд. 1857 г. ч. 1 ст. 383—387, 389 и 390.

(32) «Свод. Зак. Гражд.» изд. 1857 г. т. X. ч. 1 ст. 420, прим. 1

ческую на личность человѣка значитъ отмѣнить вотчинное на ту же личность право (право на личность вообще).

Намъ послѣ этого могутъ возразить: «что теперь и идетъ рѣчь объ отмѣнѣ крѣпостнаго права или личной зависимости крѣпостныхъ людей отъ помѣщиковъ; значитъ, вы напрасно и распространялись въ своихъ сужденіяхъ насчетъ этого предмета. Крѣпостное право будетъ отмѣнено, а съ нимъ прекратятся и всѣ вытекающія изъ онаго ненормальныя отношенія крѣпостныхъ людей или личная зависимость ихъ отъ помѣщиковъ; но нельзя и не слѣдуетъ подрывать отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, основывающихся на правѣ вотчинномъ, которое вездѣ и всегда признавалось священнымъ. Напрасно также вы смѣшиваете право вотчинное съ крѣпостнымъ.»

Такъ! Мы совершенно согласились бы съ нашими оппонентами въ этомъ случаѣ, еслибъ истинное понятіе вотчиннаго права для всѣхъ было доступно, ясно и обязательно. Но дѣло въ томъ, что съ нимъ слилось, съ давнихъ поръ, множество другихъ разнородныхъ понятій; къ праву вотчинному, какъ мы видѣли выше, привилось много другихъ привилегій, называемыхъ также права́ми, хотя пришлыхъ извнѣ, совершенно-чуждыхъ истинному праву собственности, но и въ общемъ словоупотребленіи, и въ практической жизни, и отчасти даже въ положительномъ законодательствѣ разнаго времени такъ смѣшанныхъ съ нимъ, что всѣ эти понятія или смѣсь понятій образовали одно цѣлое, обыкновенно выражаемое словомъ: *крѣпостное право*. Подвергнемъ прежде всего строгому анализу соединяемое съ этимъ словомъ понятіе, отдѣлимъ отъ него понятіе вотчиннаго права въ строгомъ смыслѣ, очистимъ это послѣднее право отъ всей приставшей къ нему, вѣками, разнородной примѣси, вникнемъ потомъ въ точный смыслъ и значеніе словъ Высочайшаго рескрипта, предоставляющаго помѣщикамъ право собственности на всю принадлежащую имъ землю, и тогда мы убѣдимся, что намъ нечего еще прибавлять къ этимъ многознаменательнымъ словамъ, ясно-подтверждающимъ неприкосновенность правъ вотчинниковъ-землевладѣльцевъ, но въ то же время освобождающихъ ихъ отъ тяжелаго ярма, налагаемаго на все это сословіе невѣрными и произвольными понятіями, привившимися къ праву вотчинному. Но для нѣкоторыхъ мало еще, кажется, прибавить къ словамъ: право собственности, право вотчинное (что́ могло бы еще показать тожественность понятій, тѣмъ и другимъ словомъ выражаемыхъ, а не другую какую-либо цѣль); они хотятъ удержать это вотчинное право *въ помѣстьяхъ* (а не просто на землю). Не вычеркнемъ ли мы только изъ словаря русскаго крѣпостное право, оставивъ за помѣщиками въ прежней силѣ и безусловно

вотчинное право. Вѣдь при этомъ теперь же многіе утверждаютъ, что помѣщикъ въ-правѣ не дозволить крестьянину нетолько переселиться, или перейти въ другое сословіе, но даже отлучиться изъ вотчины временно, для заработковъ, какія-бы ни предлагалъ условія сей послѣдній и хотя бы все общество было на тó согласно и принимало на себя исправленіе всякаго рода повинностей. Помѣщикъ, говорятъ, также можетъ, по праву вотчинному, воспретить крестьянину взять на себя какой-либо подрядъ и поставку; крестьяне хотя могутъ на отведенныхъ имъ участкахъ производить разнаго рода фабричную, заводскую и торговую промышленость, но право крестьянъ и въ этомъ отношеніи должно быть ограничено вотчинными правами помѣщика. Мало-того, и по выкупѣ тѣхъ участковъ, помѣщикъ въ-правѣ будто-бы на оныхъ строить для себя заводы и фабрики, заводить мѣстечки и открывать въ нихъ торги и ярмарки, устраивать базары и ярмарки даже на улицахъ и площадяхъ селеній, строить въ селеніяхъ и внѣ оныхъ питейные домы, устроивать пристани, плотины и мельницы, добывать предметы изъ нѣдръ земли, и вообще пользоваться правами, означенными въ 205, 217, 218 и 219 ст. IX Т. Св. Зак. о сост., изд. 1857 г., если крестьяне не выговорятъ себѣ этихъ правъ особо въ выкупномъ условіи. Положимъ, чтó крестьяне догадаются сдѣлать такое условіе при выкупѣ своихъ участковъ, или за нихъ начальство не упуститъ исполнить это, и въ такомъ случаѣ могутъ освободиться отъ безусловной зависимости своей отъ вотчинника; но до выкупа кáкъ же и гдѣ они могутъ вос пользоваться правомъ торговли, фабрикаціи, заводской и ремесленной промышлености, которое слѣдуетъ имъ предоставить, при освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія, наравнѣ съ прочими свободными сельскими обывателями. Если только тогда и въ тѣхъ мѣстахъ, когда и гдѣ помѣщикъ, не воспользовавшись лично своимъ правомъ, уступитъ его крестьянамъ, то чтó же будетъ въ этомъ положеніи новаго, на сколько улучшится бытъ и состояніе крестьянъ? Развѣ и теперь, при крѣпостномъ правѣ, не можетъ помѣщикъ дозволить своему крестьянину устроить заводъ, или заняться какимъ-либо промысломъ? Дѣло въ томъ, что это зависитъ только отъ совершеннаго произвола помѣщика. Да и при выкупѣ усадебныхъ и другихъ участковъ съ особымъ условіемъ полнаго освобожденія отъ власти и зависимости вотчинника, не придется ли крестьянамъ приплатить ему еще собственно за эту свободу, сверхъ той суммы, какая опредѣлена будетъ за выкупъ помянутыхъ участковъ, сообразно цѣнности оныхъ, равно промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ. Иные, пожалуй, заходятъ еще далѣе въ толкованіи о значеніи вотчиннаго права. По ихъ мнѣнію, нетолько по выкупѣ крестьянами усадеб-

ныхъ участковъ, но даже по окончаніи срока переходнаго состоянія, помѣщикъ въ-правѣ переселять крестьянъ съ однихъ мѣстъ на другія, по собственному усмотрѣнію, и даже вовсе лишать ихъ выкупленныхъ участковъ, если они не будутъ продолжать отправленіе попрежнему опредѣленныхъ на время переходнаго періода обязательныхъ повинностей за пользованіе полевыми угодьями, или будутъ предлагать за оныя невыгодныя для помѣщика условія: потому, будто-бы, что крестьянамъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предоставлять на усадьбы права безусловной или неограниченной собственности, за силою вѣчнаго и неприкосновеннаго права на оныя вотчинника-землевладѣльца.

Вотъ до какихъ, а, можетъ-быть, и еще болѣе-несообразныхъ заключеній можетъ доводить оставленіе за помѣщиками въ прежней силѣ и значеніи права вотчиннаго въ помѣстьяхъ. Стóитъ только оставить его, и тогда произвольнымъ толкованіямъ и притязаніямъ не будетъ конца. Вотчинное право въ общемъ словоупотребленіи такъ неопредѣленно и такъ эластично, что, напримѣръ, и выкупленныя крестьянскія постройки не избѣгнутъ его вліянія: иные думаютъ предоставить помѣщику право, и при продажѣ этихъ построекъ на сносъ удерживать ихъ за собою за послѣдне-объявленную цѣну, другіе — запретить крестьянамъ имѣть болѣе одной усадьбы, такъ, чтобъ въ случаѣ, если крестьянину достанется, по женитьбѣ, или по наслѣдству, или же другимъ какимъ-либо законнымъ образомъ, не одна усадьба, онъ непремѣнно продавалъ бы лишнюю другому члену общества, или помѣщику.

Но положимъ, что въ редакціи положенія слово: «въ помѣстьяхъ» будетъ выпущено и утверждено за помѣщиками прежнее вотчинное право на землю: будетъ ли и тогда настоящее преобразованіе соотвѣтствовать существу дѣла и тѣмъ началамъ, которыя намъ указаны Высочайшимъ рескриптомъ? Не упоминая ужь о той примѣси разнообразныхъ, совершенно-чуждыхъ истинному значенію вотчиннаго права понятій, вѣками привившихся къ нему, отъ которыхъ, быть-можетъ, и удастся очистить его, скажемъ откровенно: чего хочется намъ достигнуть оставленіемъ за помѣщиками прежняго вотчиннаго права, положимъ, хоть и на одну землю? Конечно — права полной собственности на нее, и притомъ безусловнаго, потому, будто-бы, что прежде вотчины принадлежали лицамъ на такомъ правѣ. Но имѣли ли и вотчинники неоспоримое юридическое право на безусловное пользованіе и распоряженіе землею, которою они владѣли по праву вотчинному (33)?

(33) Къ числу общихъ законовъ ограниченій вотчинаго права можно отнести слѣдующее: съ обладаніемъ вотчинами соединялась обязанность

Припомнимъ ещё, что нетолько вотчинное право, но и право полной собственности признается не безусловно-неограниченымъ, котораго въ гражданскомъ обществѣ и существовать не можетъ. Вспомнимъ также, что, кромѣ вотчинъ, были прежде помѣстья и тяглыя земли, которыя вмѣстѣ съ первыми слились впослѣдствіи подъ общимъ наименованіемъ недвижимыхъ имуществъ, къ роду которыхъ принадлежатъ населенныя крестьянами земли, о которыхъ теперь идетъ рѣчь. Потому, справедливо ли будетъ присвоивать нынѣ владѣльцу населеннаго имѣнія право безусловно-неограниченной собственности на всю землю? И встарину даже, помѣщикамъ воспрещалось положительнымъ законодательствомъ пустошить помѣстья, сгонять крестьянъ съ помѣстныхъ земель и даже переводить ихъ на вотчинныя, да и вотчинниковы крестьяне, оставаясь во владѣніи господъ своихъ и пребывая въ этомъ сословіи, постоянно пользовались землею ([34]). Законодательства же позднѣйшаго времени еще болѣе ограждаютъ права крестьянъ на поль-

---

вотчинника служить на государя; а потому, въ случаѣ неисполненія этой обязанности, вотчина, на томъ же основаніи, какъ и помѣстье, отбиралась у владѣльца, или онъ ниспадалъ въ разрядъ тяглыхъ людей и удерживалъ за собою свою вотчинную землю только какъ тяглое имущество (см. «Пол. Соб.» соч. г. Неволина, т. IV стр. 91).

([34]) Г. Побѣдоносцевъ въ своей статьѣ (Рус. Вѣст. 1858 г., № 12) говоритъ, что помѣщикъ надѣлялъ крестьянина землею, пашеннымъ жеребьемъ и, что хотя законъ XVII столѣтія не упоминаетъ объ обязанности такого надѣла, но предполагаетъ его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о пашенномъ крестьянинѣ. Хотя, по его же мнѣнію, надѣлъ крестьянина землею, при такомъ положеніи вещей, не былъ обязателенъ для помѣщика и о правѣ крестьянина на землю не могло быть и рѣчи, но этимъ онъ доказываетъ только, что связь крестьянина съ своимъ пашеннымъ участкомъ была связь не юридическая, а фактичекая. А въ XXXI примѣчаніи своемъ онъ же ссылается на сочиненіе Болтина и на инструкцію Волынскаго (изъ послѣдней четверти XVIII столѣтія), которыя опредѣляютъ уже самый размѣръ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ. Говоря, что крестьяне, оставаясь во владѣніи господъ своихъ и пребывая въ этомъ сословіи, постоянно пользовались землею, мы вовсе не хотимъ отрицать того, что землевладѣльцы прежде имѣли полную возможность лишать крестьянъ пользованія землею; но такіе случаи доказываютъ только произволъ ихъ, ясно противорѣчившій, если не буквѣ, то духу самаго закона, и притомъ тогда крестьяне переходили уже или къ другому владѣльцу, у котораго получали опять землю, или же изъ сословія крестьянъ въ разрядъ холопей.

зованіе землею (35). Значитъ, *de jure* и *de facto*, для владѣльцевъ населенныхъ земель существовало всегда *ограниченіе права собственности* ихъ на тѣ земли *въ предоставленіи пользованія ими крестьянамъ;* права́ тѣхъ и другихъ на одно и то же имущество неоспоримы, хотя послѣднія въ сліяніи съ первыми, при господствѣ вотчинниковъ и подчиненіи безусловной зависимости отъ нихъ крестьянъ, совершенно—поглощены были ими. Но при строгомъ анализѣ взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, права́ послѣднихъ также не могутъ не обнаружиться.

Итакъ, говоря вообще, вотчинное право владѣльцевъ населенныхъ земель никогда не было и не можетъ быть полнымъ и въ томъ даже смыслѣ, въ какомъ допускается въ гражданскомъ обществѣ понятіе полнаго права собственности наукою и положительнымъ (дѣйствующимъ у насъ по настоящееё время) законодательствомъ (36). Высочайшій рескриптъ, сохраняя за помѣщиками право собственности на всю землю, также ограничиваетъ его правомъ крестьянъ на выкупъ усадебъ и пользованіе необходимыми для нихъ полевыми, поземельными участками. Значитъ, теперь наступила пора для раздѣла этой неопредѣленной собственности, существовавшей въ видѣ населенныхъ земель на древнемъ вотчинномъ правѣ, пора яснаго, рѣшительнаго, правомѣрнаго разграниченія отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу и, обратно, пора строгаго юридическаго опредѣленія права поземельной собственности, или, пожалуй, назовемъ его древнимъ названіемъ: права вотчиннаго, только въ строгомъ смыслѣ этого слова, то-есть очищенномъ отъ всѣхъ привившихся къ нему разнородныхъ понятій, образовавшихъ другое, безразличное понятіе крѣпостнаго права. Само—собою слѣдуетъ, что теперь нужно также опредѣлить положительно и ясно: на какіе участки помѣщикъ долженъ имѣть полное право собственности, на какіе ограниченное, и какими именно условіями; равно: въ какой мѣрѣ, когда и при какихъ также условіяхъ могутъ воспользоваться и крестьяне предоставляемыми имъ поземельными правами.

---

(35) См. «Св. Зак.» изд. 1832 г. т. IX ст. 631 (въ которой сказано: помѣщикъ долженъ оставлять крестьянамъ своимъ необходимое для ихъ прокормленія количество земли). Того же тома, изд. 1857 г. ст. 1069, 1083, 1084, 1090—1093, 1107 и 1108.

(36) См. выше отд. 1, гдѣ прописаны 420, 423 и 432 ст. X т. «Зак. Гражд,» о существѣ права собственности и раздѣленіи его на полное и неполное.

Вотъ тѣ соображенія наши, которыя мы рѣшились высказать здѣсь единственно съ цѣлью обратить вниманіе другихъ на вопросъ о значеніи вотчиннаго права и соотношеніи его съ правомъ крѣпостнымъ, и доказать только насущную потребность въ настоящее время гласнаго обсужденія этого вопроса.

Прочихъ вопросовъ, возникшихъ и постоянно-возникающихъ при подробномъ обсужденіи великаго дѣла, мы не успѣли развить; но, сознавая всю важность и неотложную потребность разрѣшенія ихъ, считаемъ небезполезнымъ намекнуть на нихъ:

1) Политическая экономія давно уже доказала, что исключительное право помѣщиковъ на владѣніе населенными землями весьма вредно въ экономическомъ отношеніи; но привилегія эта не могла быть, конечно, отмѣнена до уничтоженія крѣпостнаго права. Теперь же она и для самихъ помѣщиковъ можетъ послужить только ко вреду ихъ собственныхъ интересовъ, а съ отмѣною крѣпостнаго права теряетъ существенное свое значеніе. Почему намъ хотѣлось бы разрѣшить: какимъ образомъ можно было бы приложить эту экономическую аксіому о пользѣ предоставленія правъ поземельной собственности всѣмъ сословіямъ къ дѣлу преобразованія отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ на предварительный срокъ переходнаго состоянія ихъ?

2) Пріобрѣтеніе крестьянами усадебныхъ и другихъ поземельныхъ участковъ разрѣшается имъ на правѣ общественной, или частной собственности. При выкупѣ ихъ цѣлымъ міромъ, крестьянинъ, въ случаѣ выхода изъ общества, въ-правѣ ли требовать вознагражденія за свой участокъ, и можно ли оставлять таковые участки въ пользу общества, безъ надлежащаго вознагражденія переселяющагося? Не будетъ ли это противорѣчить нетолько началамъ юридическимъ и экономическимъ вообще, но и самой цѣли настоящаго преобразованія быта крестьянъ?

3) Ка́къ поступить съ собственными землями крестьянъ, пріобрѣтенными ими съ совершеніемъ купчихъ крѣпостей на имя помѣщиковъ, то-есть укрѣпить ли оныя за первыми, руководствуясь 655 ст. IX т. зак. о состоян., изд. 1857 года, или же предоставить это на волю послѣднихъ, какъ сказано въ примѣчаніи къ 1138 ст. того же тома?

4) Если вотчинныя права помѣщиковъ, особенно право на ископаемыя, ограничить только въ отношеніи усадебныхъ крестьянскихъ участковъ, то ка́къ согласить съ этимъ постоянное и неприкосновенное пользованіе крестьянскаго общества полевыми и другими угодьями,

и чѣмъ оградить его отъ вмѣшательства и стѣсненій по хозяйству со стороны помѣщика?

5) Слѣдуетъ ли предоставлять помѣщику какія–либо общія, или исключительныя права угодій въ крестьянскихъ участкахъ?

6) Какое участіе должны будутъ принимать помѣщики въ платежѣ общихъ земскихъ сборовъ и отправленіи натуральныхъ повинностей?

7) О взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ по окончаніи переходнаго состоянія, особенно въ томъ случаѣ, если крестьяне еще не успѣютъ расплатиться съ помѣщикомъ за усадьбы.

А. Ворошиловъ.

3 февраля 1859 г.
Псковъ.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

РАЗСКАЗЪ.

(В. Н. Бестужеву-Рюмину.)

Медленно ступала подо мною лошадь по пыльной дорогѣ, ведущей въ сельцо Комаровку, чрезъ которое мнѣ нужно было проѣхать, чтобъ попасть къ себѣ домой. Повѣсивъ, вмѣстѣ съ поводами, на переднюю луку сѣдла свою фуражку, я сидѣлъ на лошади и едва дышалъ отъ жара. Ноги мои, выдернутыя изъ стремянъ, болтались туда и сюда, руки были въ карманахъ пальто, а глаза безсмысленно блуждали по полю, вспаханному подъ рожь, и по поверхности котораго, отъ сильнаго жара, играли такъ называемые полуденки. И ни малѣйшаго вѣтерка, и ни малѣйшей жизни въ природѣ!... Все какъ-будто замерло и закалилось отъ пыли и жгучихъ лучей солнца. Даже птицы и тѣ куда-то скрылись, и на всемъ полѣ виднѣлся только одинъ ястребъ, да и тотъ сидѣлъ на какомъ-то обгорѣломъ пнѣ, повѣсивъ крылья и разинувъ клёвъ. И добро-бы вѣдь былъ полдень, а то солнце видимо склонялось къ западу... Экая жара!.. Шагахъ въ тридцати передо мною тащился мужичекъ, ничкомъ лежа на возу и лѣниво похлопывая возжами свою пѣгую лошадку. Вдругъ послышался колокольчикъ. Я обернулся назадъ, смотрю, несется тройка. Боже-мой, какая пыль и какъ страшно дышатъ взмыленныя лошади... Однако, тарантасъ какъ-будто знакомый, да и толстый мужчина въ пуховомъ картузѣ, сидящій на грудѣ подушекъ, тоже какъ-будто всматривается въ меня и какъ-будто силится узнать меня. Но солнце бьетъ ему прямо въ глаза, пыль летитъ прямо въ ротъ... Онъ приложилъ лѣвую руку ко лбу, въ-видѣ козырька, смотритъ и, вдругъ, махнувъ мнѣ рукой, толкаетъ ямщика. Ямщикъ погналъ еще шибче. Му-

жичекъ, ѣхавшій возлѣ меня, своротилъ съ дороги прямо въ канаву и снялъ шапку.

— Кто это? спрашиваю я его.

— А становой, отвѣчаетъ онъ мнѣ. И принялся колотить по мордѣ кнутникомъ свою лошаденку, силившуюся вытащить изъ канавы возъ и выбраться на дорогу.

Въ-самомъ-дѣлѣ, это Петръ Николаевичъ—нашъ становой приставъ.

— Куда? спросилъ онъ, поровнявшись со мною и приказавъ остановить лошадей.

— Домой съ хутора. А вы?

— А вотъ въ Комаровку, на мертвое тѣло. Поѣдемте вмѣстѣ, успѣете домой. Куда по такому жару тащиться. Право... по холодку бы поѣхали себѣ.

Я пересѣлъ въ тарантасъ, а на лошадь посадилъ мальчика Петра Николаевича.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ Комаровкѣ и подъѣзжали къ довольно-большой избѣ съ красными наличниками и деревяннымъ калачомъ, висѣвшимъ надъ среднимъ окномъ. По всему было видно, что это былъ постоялый дворъ. У растворенныхъ воротъ сидѣло и стояло нѣсколько мужиковъ, въ холщевыхъ рубахахъ, а неподалеку отъ нихъ сотскій, въ сапогахъ и синемъ чепанѣ, съ медалью. Завидѣвъ насъ, мужички поспѣшно встали и сняли свои шапки. Мы остановились.

— Вы чтó, понятые, что-ли, ребята? кричалъ Петръ Николаевичъ, выгружаясь изъ своего тарантаса.

— Ничто, понятые, батюшка.

— А письмоводитель здѣсь?

— Нѣту-ти, батюшка, онъ побёгъ къ попу, вишь бумагу какую-то подписать надоть.

— А лекарь?

— Лекарь тута-ти, батюшка.

— Ладно, сказалъ Петръ Николаевичъ и пошелъ къ воротамъ, между-тѣмъ какъ сотскій, со шляпой въ рукѣ и съ подажкомъ въ другой, бѣжалъ уже по улицѣ и, махая рукою, кричалъ какому-то мужику, шедшему неподалеко отъ церкви:— «эй ты Стя-апанъ, Стя-апанъ, бѣ-ѣги скорѣй къ попу, да посылай письмоводителя, становой молъ пріѣхалъ.» Но Степанъ ничего не слышалъ и продолжалъ идти своей дорогой, вслѣдствіе чего сотскій принялся еще шибче бѣжать, крича во всё горло—Стя-апанъ, Стя-апанъ.

Въ воротахъ встрѣтилъ Петра Николаевича какъ лунь сѣдой содержатель постоялаго двора. Лицо его было блѣдно; глаза испуганные, волосы непричесаны. Неподалеку отъ него стояла тощая и согнувшаяся старушенка; прикрывъ лицо синимъ кубовымъ фартукомъ, она судорожно хныкала и, только что Петръ Николаевичъ подошелъ къ старику, какъ она рухнулась въ ноги и завопила что-есть-мочи—«не погуби, отецъ, не погуби.» Старикъ стоялъ неподвижно и тяжело вздыхалъ.

— Здорово, Нефедъ, здорово, говорилъ между-тѣмъ Петръ Николаевичъ, отирая съ лица потъ. Ну чтó, братъ, несчастье у тебя?

— Чтó дѣлать, батюшка, чтó дѣлать.

— Мертвое тѣло?

— Мертвое, батюшка, мертвое.

— Прохожій?

— Ничто, прохожій, батюшка.

— Да кáкъ это случилось-то?

— Да кàкъ случилось, я и самъ, батюшка, не знаю, кàкъ это случилось... Чтó ты будешь дѣлать... Видно Богъ за грѣхи наказалъ... Вотъ сколько уже времени держу постоялый дворъ, а доселева Господь миловалъ.

— А когда это, третьяго-дня, что-ли, было?

— Ничто, батюшка, третеводни... Ужъ мы поужинавши были. Я, знашь, пошелъ образить лошаденку, а снохи принялись убирать чашки да ложки... Только вотъ образилъ я лошаденку, вхожу въ избу, хозяйка на печи лежитъ, а я полезъ на палати, да и говорю снохамъ-то: вы молъ, снохи уберётясь, такъ залейте огонь-атъ. А мы въ тотъ вечеръ огонь вздували для того, что запоздали какъ-то. Вотъ хорошо. Залили снохи огонь и пошли себѣ въ горницу, значитъ лѣтомъ — они въ горницѣ спятъ, для-того, что въ избѣ оченна больно душно... Внучепокъ, коиму вы еще въ тѣ-поры, какъ были у насъ проѣздомъ изъ Сучкина—сахарцу дали, лёгъ на лавкѣ подъ окномъ... Только этакъ ужъ горазда времени прошло, ужъ и кочета первые пропѣли, слышу—тукъ, тукъ, тукъ кто-то въ окно; я, знашь, все лежу, не слезаю — думалъ, что птица клюетъ какая. Только слышу опять тукъ, тукъ, тукъ. Внучекъ проснулся — дѣ-ѣдушка, дѣ-ѣдушка, стучитъ кто-то. Взглянь, говорю, въ окошко-то, кто тамъ. Онъ это посмотрѣлъ — козырекъ, говоритъ, какой-то, дѣдушко, въ сертучишкѣ, должно-быть дворовскій. Я слезъ. Чтó молъ тѣ надоть, любезный? Пусти, говоритъ, переночевать. Я это велѣлъ внучку пустить, а

самъ полезъ на палати. Вотъ, взошелъ въ избу, какъ слѣдуетъ, на образа помолился, испилъ кваску и закурилъ трубочку. Я спросилъ, откелева-молъ Богъ несетъ? Изъ-далёка, говоритъ. Ну, изъ-далёка, такъ изъ-далёка, ложись, говорю, на лавкѣ-то. Нѣтъ, говоритъ, здѣсь жарко, я пойду на дворѣ гдѣ-нибудь лягу. Проводи, говоритъ, нѣтъ-ли какого сарая съ сѣномъ или съ соломой. Я его повелъ. Только идемъ это мы дворомъ, смотрю онъ покачивается.

— Хмѣленъ былъ? проговорилъ Петръ Николаевичъ.

— Хмѣленъ, батюшка, на-порядкахъ таки хмѣленъ. Да нешта я зналъ, что этакій грѣхъ случится; кабы зналъ, такъ вѣстимо не впустилъ-бы—провались совсѣмъ онъ, окаянный, чѣмъ эстолько хлопотъ изъ за всякой дряни принимать, издыхай себѣ въ полѣ; да вишь-ты лукавый попуталъ; вѣстимо, кабы зналъ, такъ ни за-какія-бы деньги не пустилъ, а то мало ли хмѣльныхъ-то бываетъ. На всякій часъ видно не убережешься... Вотъ я его и впустилъ въ сѣнной сарай. Вотъ, молъ, ложись тутъ, только, молъ, трубку съ кисетомъ давай, а то какъ-разъ, пожалуй, и ѳело, говорю, спалишь, спаси Господи! Онъ это ничего и сейчасъ же отдалъ мнѣ и трубку и кисетъ. Я пошелъ въ избу, полезъ на палати да и заснулъ. По утру просыпаемся, позавтракали... Зазвонилъ понамарь къ обѣднѣ, только внучёнокъ-атъ и говоритъ: — а что, дѣдушка, вечерошній-то дворовскій такъ долго спитъ. Не замай, говорю, пускай его. Вотъ это хорошо. Обѣдни отошли; старшій сынъ поѣхалъ на барщину паръ парить, а малый-атъ зачалъ собираться въ лѣсъ по дрова: — пойтить, говоритъ, лошаденку запрячь, и пошелъ. А хомуты-то у насъ висятъ въ томъ сараѣ, гдѣ спалъ дворовскій-то. Только это сидимъ мы въ избѣ... Вдругъ вбѣгаетъ сынъ, а самъ весь ажно полотно и весь трясется. Бачка, говоритъ, а бачка ты впущалъ, что-ли, вечеръ въ сарай-атъ кого? Я, говорю, впущалъ молъ прохожаго. Да вѣдь онъ, говоритъ, мертвый. Мы всѣ, какъ сидѣли, такъ и бросились въ сарай. Смотримъ, а ужъ онъ и окоченѣлъ... Такъ мы всѣ и взвыли!

— Что-жь онъ въ сараѣ? спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Ничто, батюшка, въ сараѣ, какъ былъ.

Мы вошли въ сарай. Старикъ снялъ съ мертвеца рогожу. Покойникъ лежалъ на соломѣ навзничь, съ немного согнутыми ногами; правая рука его была закинута подъ голову, лѣвая лежала на груди. Онъ былъ въ нанковомъ сюртукѣ, въ такихъ же кубовыхъ шараварахъ и въ пестромъ шелковомъ жилетѣ съ стек-

янными пуговками. Лицо его было въ синихъ пятнахъ, тусклые ›за полуоткрыты, ротъ перекошенъ. Черный, сухой языкъ за-енъ зубами, волосы смяты и въ вихрахъ, глаза и ноздри ·лены мухами.

ѳлъ докторъ.

- Чтò, Василій Ивановичъ, ударъ? спросилъ его Петръ Ни-колаевичъ.

— Дá, конечно ударъ, отвѣчалъ онъ. Но вотъ какое странное стеченіе обстоятельствъ: вѣдь мертвецъ-то былъ товарищемъ вашему письмоводителю, Ѳивейскому.

— Кàкъ-такъ? почти вскрикнули мы оба.

— Да такъ. Вмѣстѣ въ семинаріи учились.

Въ эту самую минуту вбѣжалъ въ сарай письмоводитель, мужчина средняго роста, довольно-плотный и до крайности живой и вертлявый. Не успѣлъ онъ вбѣжать въ сарай, какъ вдругъ разразился смѣхомъ и, потирая руками, обратился къ Петру Николаевичу, проговоривъ скороговоркой:

— Вотъ такъ случай, Петръ Николаевичъ. Богъ привелъ еще разъ повидаться съ товарищемъ. Вѣдь товарищъ мнѣ былъ.

— Такъ онъ не дворовый?

— Какой-же дворовый, помилуйте—гмъ, дворовый! Какой-же дворовый, дьяконскій сынъ, студентъ, Василій Гавриловъ Каллистовъ.

— Да кáкъ-же это такъ случилось-то?

— Кàкъ случилось? Какъ видите, очень-просто. Кáкъ случилось? Мало-ли чтó случается, ничего нѣтъ удивительнаго. Вотъ еслибъ жареная курица пѣтухомъ закричала, вотъ тогда было бы надъ чѣмъ позадуматься, а здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго. Жизнь коротка. Ars longa, vita brevis, говорится гдѣ-то, да-съ. А впрочемъ жаль, человѣкъ былъ хорошій.

— Да чтó-жь онъ сильно выпить любилъ, что-ли?

— Прежде не пилъ, но чего не сдѣлаютъ горе и нужда.

— И тó правда.

— Да вотъ какъ правда, что меня бы, на его мѣстѣ, давно-бы не хватило. Надо быть на мѣстѣ этаго несчастнаго, чтобъ понять всю тягость его положенія. Всѣ мы вообще люди жалкіе, безъ средствъ, безъ протекціи, безъ призрѣнія, а этотъ-то... И письмоводитель, не докончивъ рѣчи, махнулъ рукой.

— А чтó?

— Да такъ. А вѣдь какой даровитой-то человѣкъ былъ. Кáкъ

игралъ, какъ пѣлъ. Молодецъ былъ на все, одно слово. Да вотъ, видно, несчастія-то все преодолѣваютъ и подавляютъ. Да оно и понятно. Вѣдь мы беззащитные, насъ и не видать на бѣломъ-то свѣтѣ; живемъ въ подпольѣ, въ хорошіе дома не пускаютъ, въ хорошихъ домахъ и не знаютъ даже объ насъ, а если и знаютъ, такъ смотрятъ на насъ такъ себѣ, какъ на лакеевъ. Въ вашемъ быту за молодымъ человѣкомъ сто глазъ слѣдятъ; притѣснятъ-ли его—защищаютъ; а у насъ этаго ничего нѣтъ, не въ судъ же въ-самомъ-дѣлѣ идти съ прошеніемъ. Дорогу пробивай себѣ самъ, вездѣ самъ. Хватитъ силы — хорошо, а нѣтъ — такъ и быть.

— Однако, что-же именно заставило его дойти до такого положенія? спросилъ Петръ Николаевичъ, все еще не спуская глазъ съ покойника. Вы говорите, что онъ прежде не пилъ?

— Даже не зналъ, какой и вкусъ въ винѣ. А потомъ, какъ пошли навѣщать его разныя пріятныя приключенія, онъ и не устоялъ.

— Да что-же такое съ нимъ случилось-то?

— Мало-ли что. Вы спросите лучше, чего не случалось-то съ нимъ. Да ужь если это васъ такъ интересуетъ, такъ я, пожалуй, разскажу вамъ всю жизнь его самымъ подробнымъ и точнымъ образомъ. Я знаю ее нехуже собственной своей, во-первыхъ, потому, что былъ съ нимъ землякомъ, а во-вторыхъ, и потому, что вмѣстѣ съ нимъ учился, сначала въ училищѣ, а потомъ и въ семинаріи.

Обрадованные этимъ предложеніемъ, мы размѣстились на чемъ попало, а письмоводитель, откашлявшись, началъ:

— Родился Каллистовъ въ селѣ Покровскомъ; село это было небольшое, дворовъ изъ пятидесяти, однако довольно-живописное, съ большой рѣкой и деревянною ветхою церковью. Отецъ его былъ дьякономъ. Семья ихъ состояла изъ пяти человѣкъ, а именно: дьякона, дьяконицы и трехъ сыновей. Каллистовъ былъ старшій. Какъ видите, семья была немалая, доходъ-же, конечно, ничтожный, потому-что приходъ былъ самый бѣдный и состоялъ изъ села Покровскаго и четырехъ мелкихъ деревушекъ, такъ-что всѣхъ-то было душъ до 500 неболѣе, а отъ такого прихода не скоро разживешься. Однако, когда Каллистову минуло двѣнадцать лѣтъ, дьяконъ повезъ его въ городъ и отдалъ въ училище.

Въ городѣ дьяконъ пробылъ недолго, всего какой-нибудь день или два. Въ-продолженіе этого времени онъ сводилъ сына къ смотрителю училища и, поклонившись ему гусакомъ и гусыней,

попросилъ, чтобъ мальчишку не баловалъ и почаще наказывалъ, на томъ основаніи, что онъ еще соплякъ, такъ если смотритель будетъ гладить его по головкѣ, онъ, пожалуй, какъ-разъ избалуется. Послѣ-того дьяконъ нанялъ для сына каморку у одной мѣщанки, поговорилъ о чемъ-то съ этой мѣщанкой, далъ сыну синенькую, которую заказалъ на пустяки не тратить, перекрестилъ его и отправился домой. Вася было побѣжалъ провожать отца, но тотъ его воротилъ, проговоривъ, что нѐзачѣмъ, и, сдѣлавъ еще разъ сыну внушеніе не шалить и хорошенько учиться, хлестнулъ лошаденку и скрылся изъ вида.

И вотъ остался Каллистовъ одинъ одинёшенекъ, въ незнакомомъ городѣ, съ незнакомыми людьми. Нѣтъ уже при немъ ни матери, ни отца, ни братишекъ.

Одновременно съ Каллистовымъ поступилъ въ училище и я, и такъ-какъ родина моя была по сосѣдству съ родиной Каллистова, то мы съ нимъ, какъ земляки, были въ самой тѣсной дружбѣ и жили на одной квартирѣ. Нечего говорить, что жизнь наша была незавидная. Квартира наша состояла изъ одной маленькой каморки, въ которой могли только помѣститься двѣ наши койки, да небольшой столъ, стула же поставить было негдѣ. Бревенчатыя стѣны были вымазаны глиной. Единственное окно наше упиралось прямо въ хлѣвъ. Въ довершеніе же всѣхъ этихъ удобствъ, зимой у насъ до-того дуло изъ-подъ полу, что мы не могли иначе сидѣть, какъ поджавъ подъ себя ноги; на верху же было нестерпимо жарко. Костюмъ нашъ состоялъ изъ четырехъ рубашекъ, четырехъ штановъ и двухъ нанковыхъ халатовъ; сапогъ у насъ не было, а были лапти, въ которыхъ мы и ходили въ классы. На второй мѣсяцъ нашей училищной жизни у Каллистова скончалась мать, а чрезъ полгода умеръ и отецъ. Каллистовъ остался круглымъ сиротой. Горько плакалъ онъ, услыхавъ о смерти своихъ родителей, но какъ не плачь, а ужь мертвые не воскреснутъ. Каллистова взяли на казенный счетъ, и мы встрѣчались съ нимъ только въ классахъ.

Смерть родителей заставила Каллистова еще болѣе заниматься науками. Какъ ни былъ онъ молодъ, однако понималъ хорошо, что если онъ будетъ учиться плохо, то нехорошо будетъ ему, сиротѣ, на свѣтѣ. Бѣдный, онъ былъ еще въ то время этихъ убѣжденій. Я забылъ вамъ сказать, что когда Каллистовъ поступалъ въ училище, то у него не было фамиліи, потому-что и отецъ его былъ безъ фамиліи; но такъ-какъ безъ фамиліи въ училищѣ быть

нельзя, то смотритель и назвалъ его Кессарійскимъ. Но фамилію эту носилъ онъ недолго, потому-что когда ректоръ семинаріи пріѣзжалъ ревизовать наше училище и представили ему Кессарійскаго, какъ самаго хорошаго ученика, то ректоръ и велѣлъ дать ему фамилію Каллистовъ, произведя ее отъ греческаго слова καλος, хорошій, а прежнюю—Кессарійскій—приказалъ вездѣ вычеркнуть.

Смотритель былъ у насъ человѣкъ добрѣйшій и любилъ всѣхъ насъ, какъ родной отецъ. Онъ былъ семейный человѣкъ и имѣлъ жену и дочь, которыя тоже насъ любили. Въ свою очередь, и мы были привязаны къ нимъ, и потому всегда ужь писали къ родителямъ, чтобъ они, когда поѣдутъ за нами на каникулы, не забыли бы захватить съ собой какой-нибудь подарокъ смотрителю. Подарки эти были въ образѣ гуся, или индѣйки, или же пироговъ; которые побогаче привозили или крупу, или деньги. Смотритель все это принималъ и за все былъ благодаренъ. Училище наше было самое бѣдное. Классы топились зимой всего разъ въ недѣлю и холодъ былъ страшнѣйшій. Поэтому, если вамъ случалось когда-нибудь слушать разсказы о томъ, какъ учителя въ нашихъ училищахъ заставляютъ учениковъ во время классовъ драться на кулачки и сами дерутся съ ними, то вы вѣрьте этимъ разсказамъ, они справедливы, и мы сами дирались-бывало, для того, чтобъ сколько-нибудь согрѣться. Особенно же мы любили смотрителя за то̀, что онъ не отказывалъ намъ въ рекреаціяхъ. Давались они намъ обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, и ужь какъ смотритель ни вертись, а двѣнадцать рекреацій намъ подай бывало. Такъ положено было по правиламъ училища. Объ рекреаціяхъ этихъ уговаривались-бывало еще съ вечера, а какъ-только наступало утро, то мы отправляли двоихъ, троихъ учениковъ къ смотрителю съ просьбою дозволить намъ просить рекреацію. Учениковъ для этой цѣли мы выбирали всегда лучшихъ и которыхъ любилъ смотритель. Каллистовъ бывалъ всегда между ними. Случалось, конечно, что смотритель отказывалъ имъ; въ такомъ случаѣ наши уполномоченные отправлялись къ его женѣ—Прасковьѣ Васильевнѣ, на томъ основаніи, что она была женщина чувствительная, держала всегда сторону учениковъ и ужь во что̀-бы то ни стало, выпроситъ-бывало у мужа дозволеніе явиться къ нему ученикамъ и просить рекреацію. Уполномоченныхъ этихъ дожидались мы, конечно, съ нетерпѣніемъ, и какъ-только, бывало, они объявятъ намъ, что смотритель изъявилъ свое согласіе и что онъ насъ ждетъ, такъ мы, ни минуты не медля, отправлялись подъ

окно смотрительской квартиры и, подходя къ оному, запѣвали цѣлымъ, нестройнымъ хоромъ извѣстную латинскую пѣсню, начинавшуюся такъ, кажется:

«Nostrarum scholarum rector dignissime,
Rogamus recreationem....»

По окончаніи этой пѣсни смотритель перекреститъ-бывало насъ родительскимъ крестомъ и объявитъ намъ, что мы можемъ отправляться въ такую-то рощу порѣзвиться, и что и онъ тоже пріѣдетъ вслѣдъ за нами. Ну, сейчасъ, разумѣется, мы накупаемъ калачей, пряниковъ, и со всѣми этими запасами отправляемся въ рощу, куда немедленно пріѣзжаетъ, на своей разбитой и гремучей долгушѣ, и самъ смотритель, съ женой, дочкой и всѣми учителями. Мы начинали играть, а смотритель садился за столъ, на которомъ стоялъ уже самоваръ, и, вмѣстѣ съ женой, дочкой и учителями, принимался пить чай, отечески любуясь на наши игры.

Несмотря однако на эти рекреаціи, въ наукахъ мы не отставали. Учили насъ, разумѣется, плохо, но все-таки знанія коекакія у насъ пріобрѣтались. Болѣе всего пичкали насъ латинью, и ужь какъ, бывало, надоѣдала намъ эта латинь, со всѣми своими цицеронами, виргиліями, сократами и др., ариѳметика же, географія и живые языки были у насъ на самомъ послѣднемъ планѣ.

Такъ шло время. Я каждый годъ ѣздилъ на каникулы въ деревню, а Каллистовъ, такъ-какъ ему не къ кому было ѣздить, не выѣзжалъ изъ города вплоть до окончанія курса. Когда же окончилъ онъ курсъ и когда увидалъ, что онъ около двухъ мѣсяцевъ свободенъ, задумалъ побывать дня на два въ Покровское и поклониться праху родителей. Горько было ему подходить къ родному селу, въ которомъ было для него когда-то столько дорогаго и отраднаго и въ которомъ теперь онъ не имѣлъ уже ничего, кромѣ тяжелаго воспоминанія.

Въ Покровское пришелъ Каллистовъ вечеромъ. Все было темно; мужички, утомленные дневными работами, спали, и только лишь въ одной избѣ свѣтилъ запоздалый огонекъ. Онъ перешелъ мостикъ, подъ которымъ, бывало, такъ часто лавливалъ съ братишками гольцевъ; поднялся въ гору и, пройдя рядъ гуменъ и коноплянниковъ, очутился въ Покровскомъ. Направо и налѣво тянется улица— она нисколько не измѣнилась, и только нѣкоторыя избенки какъ-будто перекосились и ушли въ землю. Каллистовъ

помнитъ каждую избенку, знаетъ, кому она принадлежитъ, какъ зовутъ хозяина и хозяйку, и даже какъ-будто видитъ ихъ передъ собою. Направо видитъ онъ небольшую площадку и церковь, въ которой, бывало, такъ часто пѣвалъ на клиросѣ, подавалъ кадило и носилъ свѣчу. Каллистовъ завернулъ за церковь, и сердце его вздрогнуло. Онъ увидалъ передъ собой родной домикъ, который теперь ему уже не родной и принадлежитъ другому. Въ одну минуту узналъ его Каллистовъ, онъ все такой же: у колодца все таже изгрызенная бадья, садикъ все такъ же зеленѣлъ вишнями и яблонями и все такъ же выглядывали изъ-за плетня высокіе подсолнечники и кусты хмѣля Каллистовъ тихонько подкрался къ окну и взглянулъ въ него. Дьяконская семья ужинала; лучина ярко освѣщала комнату, въ комнатѣ было тоже все попрежнему, тѣ же образа суздальской живописи, тѣ же портреты митрополитовъ Филарета и Никанора, тотъ же Кутузовъ скачетъ на конѣ, тотъ же видъ Саровской Пустыни. Каллистовъ отошелъ отъ окна, сѣлъ на колодезь и горько заплакалъ.

Просидѣлъ Каллистовъ въ такомъ положеніи болѣе часа; наконецъ, рѣшился идти куда-нибудь искать ночлега. Но куда идти? Всѣ уже, вѣроятно, забыли объ немъ, да и кому какая нужда помнить о бѣдномъ сиротѣ. И разсуждая такимъ-образомъ, онъ обогнулъ церковь и пошелъ налѣво. Тучи заволакивали небо и ночь становилась все темнѣй и темнѣй. Вдругъ что́-то бѣлое показалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Каллистова и онъ не успѣлъ опомниться, какъ почти наткнулся на какаго-то старичка, въ бѣлой рубахѣ и старой шляпенкѣ, шедшаго съ граблями на плечахъ.

— Кто это? вскрикнулъ вдругъ старичекъ какимъ-то дикимъ, испуганнымъ голосомъ, отскочивъ въ сторону и замахнувшись граблями. Кто ты?—Каллистовъ тотчасъ же узналъ знакомый голосъ. Это былъ пономарь села Покровскаго.

— Здравствуйте, Николай Никитичъ! почти вскрикнулъ отъ радости Каллистовъ, подходя къ пономарю, который все еще продолжалъ пятиться, не опуская граблей.

— Да кто ты такой? продолжалъ пономарь.

— Не узна́ете?

— Да говори же, а то сейчасъ караулъ закричу.

Каллистовъ поспѣшилъ объявить свою фамилію, но и забылъ, что фамилія эта была дана ему уже въ училищѣ и что объ ней въ Покровскомъ и знать не могли.

— Я такой фамиліи не слыхалъ, возразилъ пономарь.

— Да Васюша, проговорилъ Каллистовъ улыбаясь.

— И Васюши никакого не знаю.

— А отца дьякона Гаврилы Степановича—сынъ.

Пономарь даже и грабли уронилъ.

— Васюша, Васюша! кричалъ онъ, обнимая Каллистова и осыпая его поцѣлуями. Васюточка милый! А я и не узналъ тебя, да кáкъ и узнать-то, вѣдь вишь какой ты жеребецъ сталъ, и голосъ тоже перемѣнился. Да тебѣ который годъ?

— Да ужь семнадцатый, Николай Никитичъ.

— Ахъ, Васюша, Васюша! Да чтò это ты такъ давно домой-то не приходилъ? Ужь мы даже и забыли о тебѣ.

— У меня нѣтъ больше дома, Николай Никитичъ, грустно проговорилъ Каллистовъ. Домъ мой теперь вездѣ, а лучше, нигдѣ. Прежде, бывало, я былъ дома въ Покровскомъ, а теперь въ Покровскомъ я на чужой сторонѣ.

Пономарь вздохнулъ.

— Дá, царство небесное, проговорилъ онъ:—царство небесное твоимъ родителямъ, добрые были люди, добрые... Такъ какая же у тебя фамилія-то?

— Каллистовъ.

— Эка мудреная.

— Нѣтъ ничего, я привыкъ.

— Да ты чтó, въ семинаріи что ль?

— Нѣтъ, только еще поступаю.

— Да чтó мы на площади-то стоимъ, проговорилъ пономарь, позабывъ даже, отъ радости, это обстоятельство.—Вѣдь ужь ночь люди говорятъ. Вишь темнять какая. Пойдемъ ко мнѣ, Вася, вѣдь тебѣ, поди, и ночевать-то негдѣ.

— Негдѣ, Николай Никитичъ.

— Ну вотъ и пойдемъ ко мнѣ. А я съ сѣнокоса иду, говорилъ пономарь, идя рядомъ съ Каллистовымъ. — Все сѣно сгребалъ, да дóбре измучился.

Домикъ дьячка былъ въ нѣсколькихъ шагахъ и потому идти имъ пришлось недолго.

— Вставай! Вставай всѣ! кричалъ пономарь, входя въ избу.— Васинька пришелъ! Вставай всѣ, давай ужинать!

Но эти всѣ состояли только изъ дочери пономаря — Лизы и работницы Меланьи, ибо пономарь былъ вдовъ и, кромѣ дочери, дѣтей не имѣлъ.

Когда Каллистовъ увидалъ Лизу, онъ чуть не ахнулъ. При немъ она была еще ребенкомъ. Я забылъ вамъ сказать, что съ Лизой былъ онъ очень-друженъ и каждый день вмѣстѣ съ ней игралъ и бѣгалъ. Теперь же онъ видѣлъ предъ собою стройную и хорошенькую дѣвушку съ бѣленькимъ личикомъ и голубыми глазками, дѣвушку лѣтъ шестнадцати, хорошо сложенную и стройную.

— Не ужто это вы, Лиза? проговорилъ онъ, увидавъ ее.

То же самое проговорила и Лиза.

Они обрадовались другъ другу, какъ родные, между-тѣмъ, какъ пономарь помиралъ со смѣху, глядя на молодыхъ людей, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ другъ на друга и какъ-будто невѣрившихъ глазамъ своимъ.

Я бы, конечно, не сталъ и разсказывать вамъ объ этомъ путешествіи Каллистова въ Покровское, еслибъ оно не составляло ничего важнаго въ его жизни. Важно же оно потому, что Каллистовъ полюбилъ Лизу, а Лиза полюбила Каллистова, и что любовь эта, какъ увидите впослѣдствіи, была, какъ говорится, не вспышка молодости, а истинная любовь, основанная на симпатіи и дружбѣ, которая была между ними еще во время ихъ дѣтства, слѣдовательно, дружбѣ крѣпкой и кровной; а любовь съ такими основаніями не ослабѣваетъ даже и отъ всеуничтожающаго времени! Итакъ, возвращусь къ разсказу.

Каллистовъ поселился у пономаря, и намѣреніе его, пробыть въ Покровскомъ два, три дня, измѣнилось немедленно. Во-первыхъ, потому, что его какъ-будто чтó-то связывало съ Покровскимъ, во-вторыхъ, потому, что пономарь принялъ его какъ сына и просилъ подольше погостить, а въ-третьихъ, и потому, что тутъ была Лиза.

Не прошло и недѣли, какъ ужь Каллистовъ и Лиза были точно братъ и сестра.

Лиза была чудная хозяйка; весь домъ былъ на ея рукахъ, она за всѣмъ наблюдала, во все входила. Чуть свѣтъ поднималась она, бывало, съ своей постели и отправлялась въ хлѣвъ доить корову. Она не хотѣла поручить этого работницѣ, потому-что не надѣялась на ея опрятность. Лиза умѣла хорошо стряпать, вышивала въ пяльцахъ и превосходно пряла. Занята она была цѣлый день, а въ то время, какъ Лиза хозяйничала дома, отецъ работалъ въ полѣ; а такъ-какъ онъ не имѣлъ средства нанимать работника, то труды его были немалые.

Видя все это, Каллистовъ тоже рѣшился, въ свою очередь, не быть безполезнымъ и всюду ходилъ съ пономаремъ. Во время сѣнокоса онъ косилъ сѣно, и косилъ нехуже кореннаго косца. Коса его такъ и рѣзала траву огромными полукругами, такъ и валила ее въ стройные и толстые ряды. Лиза приносила имъ туда обѣдъ, и подъ открытымъ небомъ, на открытомъ лугу, они всѣ трое садились за скромную трапезу. По окончаніи уборки хлѣба наступило и жнитво, и Лиза тоже принялась за работу, но работа эта казалась ей легкою, она трудилась съ тѣмъ, кого любила, къ кому была привязана съ дѣтства. Съ утра и до глубокой ночи они были вмѣстѣ, днемъ въ полѣ, а вечеромъ уходили въ садикъ. И о чемъ, о чемъ ни говорили они только!

Между-тѣмъ время шло и каникулы замѣтно подходили къ концу. Каллистову нужно было отправляться въ городъ. Но онъ не хотѣлъ уходить, ничего не начавъ и не переговоривъ съ Лизой; онъ рѣшился открыть ей свою любовь и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, просить ее о дозволеніи надѣяться на ея руку. Намѣреніе это уже давно было у Каллистова, но онъ все какъ-то не рѣшался привести его въ исполненіе. Наконецъ, предстоявшая разлука подвинула его.

Разъ какъ-то — это было дня за два или за три предъ тѣмъ, какъ уходить Каллистову изъ Покровскаго—сидя съ Лизой вечеромъ въ садикѣ, онъ все открылъ ей, и какова же была его радость, когда онъ, кромѣ сочувствія, ничего не встрѣтилъ отъ Лизы. Онъ схватилъ ея руки и крѣпко, крѣпко прижалъ ихъ къ своимъ губамъ. Лиза плакала. Вдругъ частые кусты вишни раздвинулись и передъ ними появился пономарь. Но внезапное появленіе это не смутило молодыхъ людей, а только помогло скорѣйшему достиженію цѣли. Пономарь успѣлъ уже крѣпко полюбить Каллистова и потому былъ совсѣмъ непротивъ этого брака, но только съ условіемъ, чтобъ Каллистовъ все-таки кончилъ курсъ въ семинаріи, и кончилъ хорошо, для того, чтобъ быть священникомъ; о предложеніи же этомъ до времени никому не говорить.

Черезъ два дня Каллистовъ отправился въ городъ, но только ужь не въ уѣздный, а въ губернскій, и не въ училище, а въ семинарію.

— Ну, братъ, Васюша, говорилъ пономарь, провожая Каллистова: — спасибо братъ тебѣ, помогъ ты мнѣ старику, много помогъ, спасибо.

Лиза проводила Каллистова вплоть до околицы и, взявъ съ него

слово, что на слѣдующіе каникулы онъ снова придетъ навѣстить ее, простилась съ нимъ, но долго еще не могла отойти отъ околицы. Вспрыгнувъ на плетень, примыкавшій къ околицѣ, долго провожала она его взоромъ и долго смотрѣла на дорогу, по которой, съ котомкой на спинѣ и подожкомъ въ рукѣ, шагалъ Каллистовъ, безпрестанно останавливаясь и оглядываясь.

Наконецъ, онъ вошелъ въ рощу и, поклонившись еще разъ Лизѣ, скрылся за опушкой.

Въ семинаріи Каллистовъ былъ опять принятъ на казенный счетъ. Я тоже былъ казенный. И вотъ, мы снова съ Каллистовымъ вмѣстѣ, но только уже въ бурсѣ, хотя и грязной, но зато хоть въ просторной. Всякому болѣе или менѣе извѣстна бурсацкая жизнь съ ея щами, кашей, грязью и смрадомъ, но тѣмъ-неменѣе она составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Народу было много, все молодёжь, и время летѣло не замѣтно. Конечно, много и въ то время было горя и непріятностей, но молодость, что ли, или нравственной-то силы въ насъ побольше еще было въ то время, только всѣ эти непріятности дѣйствовали на насъ какъ-то несильно, и даже какъ-то слабо рисуются въ воспоминаніяхъ. Быть-можетъ, это оттого, что бурсацкое горе и бурсацкія непріятности несравненно слабѣе тѣхъ, которыя приходилось видѣть намъ по выходѣ изъ бурсы, то есть тогда, когда становились мы лицомъ къ лицу съ жизнію.

Въ-продоженіе всего шестилѣтняго семинарскаго ученія я не разставался съ Каллистовымъ. Койки наши были рядомъ, въ классѣ сидѣли мы на одной скамейкѣ. Каллистовъ учился отлично. Я похуже, но все-таки не отставалъ отъ него. Вмѣстѣ прошли мы риторику, вмѣстѣ философію, вмѣстѣ поступили и въ богословіе. Поведенія Каллистовъ былъ отличнаго, и нетолько не пилъ вина, но даже и трубку сталъ ужь курить по выходѣ изъ семинаріи. Слово, данное Лизѣ, Каллистовъ сдержалъ: онъ два раза былъ у нея и свиданія его съ ней были любимымъ его разговоромъ. По цѣлымъ вечерамъ мы просиживали-бывало съ нимъ подъ окнами бурсы, и по цѣлымъ вечерамъ онъ говорилъ мнѣ о ней.

Наконецъ, шесть лѣтъ прошли, экзамены кончены и, вотъ, мы уже свободны.

До этой минуты, о жизни мы не имѣли еще почти никакого понятія; мы видѣли только ея цвѣтки. Жизнь наша начинается съ той минуты, когда передъ нами, растворивъ бурсацкія двери,

профессора́ проговорятъ всѣмъ хоромъ: «Ну, господа, вы кончили: мракъ невѣжества предъ вами разсѣянъ; мы обогатили умъ вашъ познаніями, мы предоставили вамъ широкую дорогу. Вотъ вамъ ваши документы, ваши аттестаты, дѣлайте съ ними, что́ знаете, ступайте куда хотите, но здѣсь вамъ оставаться нельзя, и намъ до васъ ужь нѣтъ никакого дѣла.

Вотъ эта-то минута и есть начало нашей жизни! Только перешагнемъ за порогъ, какъ дверь бурсы захлопывается, и ходу туда тебѣ ужь нѣтъ больше, а ступай куда знаешь. Нѣтъ ни щей, ни каши, ни теплаго угла — ничего! На первыхъ-то порахъ—я буду говорить о сиротахъ, подобныхъ Каллистову—мы этой минуты хорошенько не понимаемъ, мы одушевлены еще надеждой, волей, упованіемъ на будущее. Я пойду въ священники, говоритъ одинъ; я пойду на гра́жданскую службу, говоритъ другой; я пойду въ учителя, говоритъ третій. Но прежде, чѣмъ заняться этимъ, говорятъ всѣ, я пойду, поживу въ деревнѣ. Тамъ-то, у такого-то, есть у меня пріятель, товарищъ, тамъ то живетъ мой дядя, тамъ-то есть у меня тётка. И вотъ всѣ расходятся на нѣкоторое время по деревнямъ, подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть отъ бурсацкой жизни, посмотрѣть на луга, на лѣса, на свѣтлыя озера и рѣки, поохотиться, погулять, однимъ-словомъ, мѣсяца два-три. Но увы! надежды эти невсегда осуществляются. Не три мѣсяца дышешь чистымъ воздухомъ, не три мѣсяца отдыхаешь отъ бурсацкой жизни, не три мѣсяца смотришь на лѣса, луга, на свѣтлыя озера и рѣки, и не три мѣсяца охотишься и гуляешь, а гораздо-меньше, потому-что, проживя недѣлю-другую — одинъ видитъ, что родственники, его пріятель и товарищъ сами еле-еле перебиваются, что у нихъ и безъ того многочисленная семья, которой ѣсть нечего; другой видитъ, что дядя его, дьячокъ, добываетъ себѣ кусокъ хлѣба не шутя, а кровавымъ по́томъ, что онъ съ утренней зари и до поздней ночи, согнувшись въ три погибели надъ сохой, вспахиваетъ свой загонъ, ради хлѣба; что ради хлѣба, онъ до мозолей стираетъ свои руки, скашивая траву; что ради хлѣба, онъ всѣхъ своихъ ребятишекъ гонитъ въ поле на жнитво, или сѣнокосъ; третій видитъ, что тётка, у которой онъ думалъ отдохнуть, вдова и живетъ христа-ради у священника. И всѣмъ становится вдругъ совѣстно, что они объѣдаютъ бѣдныхъ. И вотъ, всѣ идутъ опять въ городъ. Но они все еще не унываютъ, они все еще надѣются на будущее. У нихъ есть аттестатъ, слѣдовательно — дорога широ-

кая. И вотъ они пришли въ городъ; въ карманѣ у другаго даже гроша нѣтъ, на плечахъ одинъ нанковый сюртучишка, квартиры нанимаютъ жалкія. Одинъ, глядишь, изъ куска хлѣба, пристроился къ какому-нибудь чиновнику и учитъ грамотѣ чуть ли не всю семью; другой живетъ перепискою бумагъ; третій книги переплетаетъ; четвертаго беретъ какой-нибудь причетникъ и, въ нанадеждѣ на будущія блага, кормитъ и поитъ безпріютнаго. Такъ вотъ всѣ кое-какъ размѣстятся. Ну, видя, разумѣется, такую бѣдность, никому и дѣла нѣтъ до насъ, развѣ, развѣ ужь какой-нибудь случай выйдетъ. Хорошо еще, что въ нашемъ быту есть между нами любовь и дружба, хорошо еще, что мы, хотя скудно, но помогаемъ другъ другу.

Первое, чтò сдѣлалъ Каллистовъ по окончаніи курса — это тотчасъ же отправился къ Лизѣ. Счастливый и торжествующій пришелъ онъ на милую родину, подъ милый кровъ. Лиза встрѣтила его первая.

— Ну, мой другъ, Лиза, проговорилъ онъ обнимая ее: — я кончилъ все. Теперь намъ ждать уже недолго. Погощу съ недѣльку и отправлюсь хлопотать о мѣстѣ.

Пономарь былъ въ полѣ, а воротившись домой, даже ахнулъ, увидавъ Каллистова.

Въ этотъ же вечеръ, когда вся семья сидѣла за ужиномъ, пономарь далъ окончательное слово Каллистову, выдать за него свою дочь; но прежде, чѣмъ обвѣнчаться, Каллистовъ долженъ былъ идти въ городъ и хлопотать объ мѣстѣ.

Всѣ были счастливы. Счастливъ былъ старикъ-пономарь, счастливы были и Каллистовъ съ Лизой.

Недѣля промчалась незамѣтно, и вотъ Каллистовъ снова оставляетъ Лизу, и снова идетъ она провожать до околицы. Когда онъ зашелъ за рощу и когда скрылось отъ него Покровское, вдругъ стало ему особенно какъ-то тяжело, какъ будто-бы онъ на-вѣки простился съ Лизой. Чуткое сердце говорило ему, что нетакъ кончится дѣло, какъ онъ думаетъ, и что должно чтò-то встрѣтиться ему тяжелое и горькое на жизненномъ пути его.

Въ такомъ грустномъ настроеніи духа пришелъ онъ въ городъ: но только что взошелъ онъ въ него, какъ нужда уже встрѣтила его. Денегъ было у него немного, всего какихъ-нибудь дней на пять, а въ это время священническаго мѣста получить еще нельзя. Надо добиваться денегъ. Каллистовъ пошелъ по своимъ товарищамъ, но и тѣ были не богаче его, и вотъ онъ не на-шутку

задумался. Ему даже приходило въ голову написать къ Лизѣ, чтобъ она попросила у отца денегъ, но и у него тоже ихъ нѣтъ, онъ и самъ едва-едва живетъ. Къ-счастью его, безпокойство это продолжалось недолгó. Попалась одна просвирня, которая, видя предъ собою бѣдняка, ожидающаго, впрочемъ, священническаго мѣста и хорошо кончившаго курсъ, взяла его на хлѣбы, а деньги согласилась подождать. Каллистовъ чуть не въ ноги поклонился просвирнѣ и переѣхалъ къ ней на житье.

Однако держитъ въ головѣ Каллистовъ, что хотя просвирня и изъявила желаніе ждать деньги, но все-таки надо постараться уплачивать ей, тѣмъ-болѣе, что и просвирня едва переколачивается.

На счастье Каллистова, пріѣхалъ въ городъ помѣщикъ, опредѣлять своего сына въ гимназію. Барченокъ, какъ видно, приготовленъ былъ плоховато, и помѣщикъ рѣшился найти для него учителя, но чтобъ учитель этотъ былъ недорогой. Дешевле семинариста, разумѣется, никто не возьметъ, и вотъ Каллистовъ попалъ къ этому помѣщику и за незначительную плату принялся ходить на кондицію и заниматься съ барченкомъ. Каллистовъ вздохнулъ свободнѣе и принялся устроиваться на своей новой квартирѣ.

Однажды какъ-то прихожу я къ нему. Какъ теперь помню, дѣло было въ обѣденную пору. Смотрю, Каллистовъ и поетъ и играетъ, и веселъ до того, что я удивился.

— Чтó это, говорю, съ тобой?

— А чтó? говоритъ.

— Да чтó-то ты очень-веселъ.

— Да такъ, веселится.

— Развѣ есть, говорю, чтó-нибудь хорошее?

— Есть, говоритъ.

Оказывается, что Каллистовъ только-что воротился отъ секретаря консисторіи, который принялъ его какъ-нельзя-лучше и обѣщалъ свое высокое покровительство. Секретаремъ у насъ на ту пору былъ нѣкто Финогенъ Андреевичъ Геліотроповъ, человѣкъ такой благомыслящій, державшій себя весьма-важно. Жилъ онъ въ богатой квартирѣ, со всѣмъ комфортомъ, имѣлъ жену Глафиру Петровну, дочь, уже замужнюю, и пару толстыхъ лошадей. Человѣкъ былъ сильный и консисторію такъ хорошо подобралъ къ рукамъ, что обращался съ ней, какъ съ мягкимъ воскомъ. Бывало, чтó Финогенъ Андреевичъ скажетъ, тó и свято. Благомы-

сящимъ человѣкомъ считался онъ за то́, что носилъ на рукахъ брильянтовые перстни и чистое, какъ снѣгъ, бѣлье, главное же потому, что имѣлъ Станислава на шеѣ и ходилъ со скрипомъ, какъ неподмазанная телѣга. Деньги любилъ онъ, какъ мать родную. Злые языки говорили даже, что онъ когда-то, изъ-за денегъ, по прихоти одного помѣщика, съѣлъ шпанскую мушку, со всѣмъ и съ тряпкой, отчего и дразнили его шпанской мушкой; но можно ли вѣрить злымъ языкамъ, а особенно въ этомъ случаѣ, когда, глядя на свѣтлое и бѣлое лицо благомыслящаго человѣка, мысль о такомъ поступкѣ не могла даже и въ голову запасть. Этотъ-то *баловень фортуны* такъ радушно встрѣтилъ Каллистова и, обѣщавъ ему свое высокое покровительство, просилъ его быть спокойнымъ, присовокупивъ, что онъ слышалъ объ немъ такъ много хорошаго отъ самаго ректора семинаріи, что поставляетъ себѣ обязанностью оказать ему помощь.

Я поздравилъ Каллистова съ успѣшнымъ началомъ и объявилъ ему, что ужь если секретарь взялся за это, такъ сдѣлаетъ непремѣнно. Между-тѣмъ внутренно я только удивлялся и даже не вѣрилъ Каллистову; да и можно ли было вѣрить, когда всѣмъ было извѣстно, что секретарь безъ денегъ ничего не дѣлалъ, и прямо объявлялъ объ этомъ просителямъ. Итакъ, какъ видите, Каллистовъ зажилъ отлично. Обнадеженный секретаремъ и явно покровительствуемый фортуной, онъ весело и энергически принялся за дѣло, и только объ одномъ и мечталъ, чтобъ скорѣе быть священникомъ и жениться на Лизѣ. Нѣ́чего и говорить, что усердная и подробная переписка не замедлила завязаться между-ними. Комната, въ которой жилъ Каллистовъ, была невелика, но зато видъ изъ нея былъ превосходный. Домикъ точно висѣлъ надъ рѣкой, такъ былъ обрывистъ берегъ. Съ одной стороны былъ видѣнъ городъ со всѣми своими церквами и бѣлыми домиками, какъ-будто утонувшими въ зелени садовъ и полисадиковъ; съ другой—необозримые луга, по которымъ такъ и бѣжала рѣка голубой лентой. И ка́къ было красиво смотрѣть на эту рѣку ночью, когда, бывало, рыбаки, окончивъ свой ловъ, зажгутъ по берегу костры и примутся варить рыбу. Ка́къ были красивы ихъ черныя фигуры на огненномъ фонѣ и ка́къ былъ величественъ этотъ розовый дымъ, усыпанный искрами и расплывавшійся по черному мраку.

Хозяйство свое, какъ ни было оно незначительно, Каллистовъ передалъ просвирнѣ, и, надо сказать правду, отдалъ въ хо-

рошія руки. Бывало, невольно удивляешься, глядя на старуху! Откуда брались у нея силы! И когда только успѣвала она все дѣлать. Она и стряпала, и мыла бѣлье, и убирала комнату, и самоваръ подавала, ну, словомъ—все одна. Ухаживала за Каллистовымъ, какъ крѣпостная. Бывало стóитъ только мигнуть, какъ ужь она все сдѣлала. Табаку нужно—бѣжитъ за табакомъ, огня—подаетъ огня.

Надо вамъ сказать, что у просвирни была дочка, по разнымъ обстоятельствамъ засидѣвшаяся въ дѣвицахъ. Дочку эту звали Анночкой. Ей было уже лѣтъ подъ тридцать, и до крайности она была некрасива, рябая, рыжая, но кокетка страшная. Бывало все утро въ томъ только и проходило, что сидѣла она за зеркаломъ и всячески убиралась; помочь же въ чемъ нибудь матери никогда не хотѣла. Только, бывало, и дѣлала, что сидѣла у окна да считала прохожихъ. Характера была злаго и съ матерью обращалась, какъ съ какой-нибудь кухаркой. Нѣсколько разъ мать старалась какъ-нибудь пристроить дочку, но отъ Анночки бѣгали всѣ, какъ отъ огня; да и кому нужна такая.

Такъ вотъ у этой-то просвирни поселился Каллистовъ. Шибко полюбилъ я просвирню за ея труды и дѣятельную жизнь, и шибко полюбилъ ее также и Каллистовъ. Однако, чрезъ нѣсколько времени любовь моя къ просвирнѣ начала исчезать, и исчезать именно потому, что я началъ подозрѣвать, что не съ-проста просвирня ухаживаетъ за Каллистовымъ. Поводомъ къ этому подозрѣнію было слѣдующее:

Разъ какъ-то пришелъ я къ Каллистову ночью. Въ сѣняхъ было темно. Вдругъ слышу, въ чуланѣ, въ которомъ спала Анночка, какой-то шопотъ. Я остановился; слышу просвирнинъ голосъ.

Шептанье это сильно подстрекнуло мое любопытство; я притаилъ дыханье и тихонько приложился ухомъ къ щелкѣ. Слышу говоритъ просвирня:

— Нѣтъ, говоритъ, Аннычка:—воля твоя, а ты одними нарядами ничего не возмешь.

— Много вы понимаете, дерзко отвѣчаетъ Анночка. Ужь знали бы свои пироги да лепешки, а то туда же суетесь съ своимъ сужденіемъ.

— Эхъ, Аннычка, — шептала опять просвирня:—материнскій глазъ лучше видитъ. Для тебя же я говорю это; сама знаешь, въ нашемъ быту одного щегольства мало, нужно знать и хозяйство.

Вѣдь тебѣ не по гостямъ ѣздить придется, а управлять домомъ. Священнику нужна не щеголиха, а хорошая хозяйка, которая бы умѣла сохранять его добро.

Я еще плотнѣе прислонился къ щелкѣ, но ничего не слыхалъ больше, потому-что залаяла собака и просвирня вышла изъ чулана.

Я вошелъ къ Каллистову; онъ уже собирался спать. Не знаю, почему-то разговоръ этотъ показался мнѣ подозрительнымъ, однако Каллистову я не сказалъ объ немъ ни слова.

Немного погодя, я опять какъ-то зашелъ къ Каллистову, смотрю, у него сидитъ просвирня, сидитъ и говоритъ:

— Да́, Василій Гаврилычъ, ужь такъ бы была я вами благодарна, кабы вы мою Аннычку выучили играть на гусляхъ.

— Что́ же, это все ничего, можно, говоритъ.

— Добрый вы человѣкъ, Василій Гаврилычъ, говоритъ просвирня: — не даромъ я васъ словно роднаго сына полюбила. Такъ значитъ, говоритъ, можно къ вамъ Аннычку присылать.

— Присылайте, ничего.

— Очень, говоритъ, вамъ благодарна. А я для васъ, Василій Гаврилычъ, всей душой. Конечно, я, говоритъ, женщина бѣдная, беззащитная, а цѣнить добро все-таки умѣю.

Я, разумѣется, сижу да слушаю. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что Каллистовъ согласился учить Анночку.

Вскорѣ просвирня ушла и мы остались одни.

— А знаешъ ли, что́ я тебѣ скажу, проговорилъ я, обращаясь къ Каллистову: — я бы тебѣ посовѣтывалъ съѣзжать съ квартиры.

— Это, говоритъ, почему.

— Да такъ-и-такъ, говорю, что́-то тутъ дѣло-то подозрительно. Да и разсказалъ ему подслушанный разговоръ.

А Каллистовъ только расхохотался Вотъ, говоритъ, вздоръ какой выдумалъ.

Такимъ-образомъ начались уроки. Анночка аккуратно каждый день приходила къ Каллистову и просиживала у него часа по два, по три; а какъ только, бывало, станетъ уходить, такъ и начнетъ звать Каллистова къ себѣ, то на чай, то на пироги. Ну, разумѣется, Каллистовъ не отказывался, да оно и понятно, если хотите: человѣкъ совершенно-одинъ, занятія были только по утрамъ, а вечеръ не одному же сидѣть. Кромѣ-того, заманивало Каллистова къ просвирнѣ и то́, что былъ онъ тамъ всегда пер-

вымъ гостемъ. Бывало только покажется лишь въ комнату, какъ просвирня съ дочкой не знали куда и посадить его; пойдетъ угощенье: чай, закуски разныя... Чтó, бывало, Каллистовъ скажетъ, тó и свято. Трубки ли захочетъ покурить, сейчасъ ему набиваютъ; ноги, бывало, протянетъ на стулъ, а просвирня стоитъ передъ нимъ да проситъ разныхъ совѣтовъ: я, дискать, женщина беззащитная и глупая, надо просить совѣтовъ у умныхъ. Ну, Каллистовъ и барствуетъ; самолюбіе удовлетворено, почетъ во всемъ, и Каллистова все это втянуло въ общество просвирни. Какъ, бывало, воротится съ кондиціи, такъ и къ ней, у ней и обѣдалъ и ужиналъ и чай пилъ, все у ней, а немного погодя, сталъ даже входить и въ хозяйственныя распоряженія, и сдѣлался въ домѣ чѣмъ-то въ родѣ хозяина, такъ-что даже и нахлѣбники, которые жили у просвирни, во всемъ подчинились Каллистову.

Такъ прошло мѣсяца два.

Сижу я разъ дома, читаю книгу: вдругъ приходитъ Каллистовъ.

— Ну, говоритъ, поздравь меня.

— Чтó такое, говорю?

— Скоро мѣсто получу.

— Неужели?

— Да, говоритъ, скоро.

— Гдѣ же это?

— Да въ селѣ Ивановскомъ. Новая церковь выстроена тамъ, такъ только ждутъ преосвященнаго, чтобъ освятить ее, а преосвященный-то боленъ.

— Да почему же ты знаешь, спросилъ я: — что тебя пошлютъ туда?

— Какъ, говоритъ, почему: я сейчасъ отъ секретаря.

— Такъ онъ сказалъ тебѣ?

— Ну да, онъ, говоритъ, за мной на квартиру присылалъ, и не велѣлъ никуда отлучаться.

Я только посмотрѣлъ на Каллистова, а самъ внутренно подумалъ: неужели въ-самомъ-дѣлѣ секретарь посылалъ за нимъ. Удивительно показалось мнѣ это, и удивительно потому, что никогда такихъ примѣровъ не бывало. Однако я промолчалъ и спросилъ только о томъ, хорошъ ли приходъ.

Приходъ оказался отличнымъ—душъ въ тысячу, но чтó всего лучше, такъ это-то, что старушка помѣщица была дружна съ преосвященнымъ, стало-быть у Каллистова будетъ случай и ужь

никакая консисторія, никакой благочинный не посмѣютъ къ нему придраться.

Каллистовъ просидѣлъ у меня недолго, а вечеромъ пошелъ я къ нему. Входя въ калитку, я встрѣтилъ просвирню.

— Не къ Василію ли Гаврилычу, спросила она меня?

— Да́, къ нему, говорю.

— Ихъ, говоритъ, нѣтъ дома, куда-то вышли. Впрочемъ, они скоро вернутся, вы подождите ихъ. Да не угодно ли, говоритъ, ко мнѣ покуда, у меня и самоварчикъ кстати кипитъ, чайку бы накушались.

Я зашелъ. Анночка сидѣла у окна.

— Нѣтъ, каковъ нашъ-атъ! проговорила просвирня, когда я усѣлся.

— А что́, говорю?

— Какъ что́? Самъ секретарь сегодня присылалъ за нимъ. Вишь велѣлъ ждать мѣста.

— Да неужели это правда?

— Сама, говоритъ, видѣла.

— А вѣдь я, признаться, говорю, думалъ, что онъ вретъ это.

— Какое же вретъ! А ужь я какъ перепугалась-то, такъ это страсть просто. Мы, знаете ли, сидимъ съ Аннычкой, а человѣкъ вдругъ и входитъ. Здѣсь, говоритъ, живетъ Каллистовъ? Да такимъ басомъ спросилъ, что я даже вздрогнула. Здѣсь, говорю, батюшка. Такъ скажите, говоритъ, ему, чтобъ сейчасъ къ секретарю шелъ, очень, дискать, нужно. И потомъ, вдругъ, понизивъ голосъ, просвирня спросила меня?

— Да что́, батюшка, у Василья-то Гаврилыча невѣста-то есть, что ли?

Э! Такъ вотъ зачѣмъ ты позвала меня чай-то пить, подумалъ я, ну да добро же, я тебя поморочу.

— Нѣтъ, говорю, нѣтъ еще.

— Объ чемъ же это они думаютъ? продолжала просвирня.

— Не знаю, говорю, о чемъ.

— Вѣдь священники-то холостые только въ нѣмецкихъ земляхъ бываютъ, а у насъ нѣтъ, батюшка. Вотъ что́. Пора бы позаботиться.

— Видно, говорю, не облюбовалъ еще.

— Такъ-съ, говоритъ, и взглянула на Анночку.

Въ это самое время подъ окномъ послышалось веселое пѣніе. Просвирня узнала знакомый ей голосъ и въ одну минуту броси-

лась встрѣчать Каллистова. Аннычка также вскочила и со свѣчкой въ рукахъ побѣжала на крыльцо.

Между-тѣмъ, вѣсть о томъ, что секретарь присылалъ за Каллистовымъ, немедленно распространилась по всѣмъ нашимъ. Всѣ приходили въ изумленіе и не знали, чему приписать такое вниманіе и благоволеніе. Нѣкоторые начинали завидовать и сердиться на Каллистова, называя его хитрымъ, низкопоклоннымъ, но какъ ни сердились, а все-таки къ Каллистову ходили и заискивали его протекціи. Каллистова это забавляло, и мы, бывало, немало смѣялись надъ этимъ. Преосвященный, между-тѣмъ, все еще не выздоравливалъ и, по отзыву доктора, не могъ еще скоро выѣхать; помѣщица же старушка непремѣнно желала, чтобъ выстроенный ею храмъ былъ освященъ епископомъ. Стало-быть надо было ждать.

Въ такомъ-то положеніи были дѣла Каллистова, когда получилъ я изъ деревни письмо, въ которомъ меня извѣщали, что матушка, простудившись во время мочки коноплей, не на-шутку захварала. Я простился съ Каллистовымъ, нанялъ лошадей и поскакалъ домой. Пріѣхалъ я чрезъ сутки, и нашелъ, что матушка дѣйствительно больна; но такъ-какъ у насъ въ селѣ есть у помѣщика больница и нѣмецъ лекарь, то, значитъ, больная была не безъ помощи и можно было надѣяться на выздоровленіе. Кромѣ того, въ болѣзни матушки принимала участіе и сама помѣщица: каждый день ходила ее навѣщать и приносила то чай, то варенье; словомъ, всѣ ухаживали за матушкой. Пріѣздъ же мой помогъ лучше всякихъ ухаживаній. Недальше, какъ на третій день, матушкѣ было гораздо-лучше и я вздохнулъ свободнѣе, однако все-таки не рѣшался еще ѣхать въ городъ. Кромѣ-того, удерживало меня также и то̀, что надо было молотить хлѣбъ, а такъ-какъ у батюшки работника не было, то я и рѣшился помочь ему въ молотьбѣ.

Однажды какъ-то батюшка уѣхалъ на какую-то требу и я былъ одинъ на гумнѣ, вдругъ, смотрю — идетъ Лиза.

— Богъ помощь, говоритъ, Иванъ Степановичъ.

— Ахъ это вы, Елизавета Николаевна, говорю я: — какъ поживаете?

— Ничего, говоритъ, слава богу. Это вамъ и не грѣхъ, говоритъ, Иванъ Степановичъ?

— Что̀ такое?

— Да къ намъ не побывали.

— Да все недосугъ было.

— Какъ же, говоритъ, повѣрю я вамъ. Нѣтъ ужъ это такъ вы, говоритъ, поспѣсивились. Да что это вы одни, говоритъ, молотите, дайте-ка я помогу вамъ.

Я было попросилъ ее не безпокоиться, да она и слушать не хотѣла, взяла цѣпъ и принялась молотить, и у насъ такая пошла работа, что просто прелесть, въ два цѣпа; да вѣдь какъ валяли-то, только пыль столбомъ летѣла.

— А я, говоритъ Лиза, не переставая молотить, нарочно къ вамъ пришла. Услыхала, что вы изъ города пріѣхали, и пошла. Что, какъ тамъ? Но Лиза не договорила и краска покрыла все ея личико.

Я смѣкнулъ дѣломъ.

— Это, говорю, насчетъ Василья-то?

Она еще пуще покраснѣла.

— Да, говоритъ, насчетъ ихъ. Что, какъ они, здоровы?

— Слава богу, говорю, кланяться вамъ приказалъ.

— Не правда, говоритъ, вовсе они этого не приказывали, да и досугъ ли имъ обо мнѣ думать.

— Это вамъ, говорю, и не грѣхъ такъ думать, Елизавета Николаевна? Вѣдь, я, чай знаю, сколько разъ на недѣлѣ онъ пишетъ къ вамъ.

— Я за это, говоритъ, очень имъ благодарна.

— Слѣдовательно, говорю, и сомнѣваться нечего.

— А что дѣла ихнія какъ?

Я разсказалъ ей все подробно. Такъ надо было видѣть ея личико. Какъ взглянулъ я на нее, такъ даже и цѣпъ изъ рукъ выронилъ. Что это за красавица была, Господи ты Боже мой!

— Ахъ, говорю, Елизавета Николаевна, и вы еще думаете, что Василій забылъ васъ. Да можно ли васъ забыть, васъ, говорю, такого ангела, этакую прелесть, да по васъ, говорю, просто исчахнуть можно... да какъ пошелъ, да какъ пошелъ; а она все слушала, слушала, да потомъ, что же сдѣлала? какъ вы думаете? Подняла мой цѣпъ и подала мнѣ его.

— На-те, говоритъ, помолотите-ка.

Меня даже злость взяла. Мы принялись опять за молотьбу, да ничего не видя, цѣлый овинъ обмолотили.

Съ-той-поры мы до-того сдружились съ Лизой, что я почти каждый день сталъ ходить къ ней. По цѣлымъ вечерамъ мы, бывало, просиживали съ ней въ садикѣ, разговаривая о Каллистовѣ

и читая его письма. И только въ это время узналъ я, какъ сильно, какъ чисто, какъ свято можетъ любить дѣвушка. Ни въ чемъ не завидовалъ я Каллистову—ни въ его успѣхахъ въ семинаріи, ни въ протекціи, которую оказывалъ ему секретарь, но въ—отношеніи Лизы, грѣшный человѣкъ, позавидовалъ. Чтó ка—бы это меня полюбила она тáкъ, думалъ я, да я бы просто, мнѣ кажется... Э! да чтó и говорить, просто бы десять стѣнъ лбомъ прошибъ! Вотъ до какой степени она была хорошая дѣвушка. А ужь какая была умница, скромная опять какая, такъ—что я никогда такихъ и не видывалъ. Никого—то, бывало, не обидитъ, никого-то, бывало, не оскорбитъ; за старикомъ-отцомъ ходила, какъ за ребенкомъ; ну, словомъ, чудо, а не дѣвушка, и узнавъ ее покороче, вмигъ разсѣялись всѣ мои опасенія касательно Анночки, и думалъ я: попусту хлопочетъ просвирня.

Отъ Лизы получалъ я извѣстія о Каллистовѣ; онъ писалъ, что онъ попрежнему здоровъ, что преосвященному гораздо-лучше, но что онъ все еще нескоро выѣдетъ, потому, что погода въ городѣ плохая и дожди льютъ, какъ изъ ведра. Объ Анночкѣ не писалъ ничего, хотя и упоминалъ, что онъ все еще на прежней квартирѣ и что съ каждымъ днемъ все болѣе—и—болѣе начинаетъ уважать просвирню и убѣждаться, что она женщина рѣдкой добродѣтели; а иногда присылалъ и мнѣ поклонъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Матушка моя была уже совершенно-здорова, молотьба окончена, и я рѣшился отправиться въ городъ. Однако, прежде, чѣмъ отправился, пошелъ проститься съ Лизой, но не успѣлъ отойти и версты, какъ вдругъ увидалъ Лизу, идущую ко мнѣ. Завидѣвъ меня, она побѣжала и вскорѣ была около меня.

— А я къ вамъ, говоритъ.

— И я, говорю, къ вамъ.

— Я несу вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Отъ Василія Гавриловича. А у самой глазёнки такъ и бѣгаютъ.

— Чтó жь онъ пишетъ?

— А вотъ, говоритъ, прочтите.

И она подала мнѣ два письма, одно было къ ней, а другое ко мнѣ. Оказалось, что Каллистовъ извѣщалъ, что преосвященному скоро можно будетъ ѣхать, и секретарь, увѣдомивъ объ этомъ Каллистова, просилъ его зайти къ нему въ пятницу, для

написанія прошенія, и что послѣ подачи прошенія онъ явится въ Покровское. Я сталъ разсчитывать, и разсчиталъ, что къ пятницѣ, я какъ-разъ буду въ городѣ. Я сообщилъ объ этомъ Лизѣ и поздравилъ ее съ скорымъ бракомъ.

— Такъ вы ѣдете, спросила она.

— Да́, ѣду.

— Когда же?

— Да сегодня.

— Такъ вы скажете ему, что я его жду.

Я хотѣлъ-было проститься съ Лизой, но она меня не отпустила и требовала, чтобъ я, хотя на минуту, зашелъ къ ней.

Я, разумѣется, не устоялъ и исполнилъ ея приказаніе. Да это что́, то́ ли бы я готовъ былъ сдѣлать для нея. Всю дорогу Лиза не переставала говорить, зато я молчалъ, какъ истуканъ. Она скоро выйдетъ замужъ, думалъ я, что́ же я то буду дѣлать? И повѣрите ли, такъ стало мнѣ тяжело, что я чуть даже не плакалъ.

Наконецъ, пришли мы и въ Покровское. Пономарь встрѣтилъ насъ еще въ воротахъ. Лицо его сіяло радостію, всѣ суетились, всѣ хлопотали и одинъ я былъ только какъ убитый. Да, грѣха таить не́чего, дѣло прошлое—шибко я полюбилъ Лизу и далеко не по́-сердцу была мнѣ ея свадьба. Пробылъ я у пономаря, должно-быть, съ часъ и пошелъ домой. Лиза проводила меня до самой рѣки Ожги, протекавшей какъ-разъ на полпути, и въ-продолженіе всей дороги только и говорила, что о предстоящемъ своемъ свиданіи съ Каллистовымъ, о своей свадьбѣ, а обо мнѣ хотя бы полслова; когда же мы стали прощаться, она пожала мнѣ руку и проговорила:

— Такъ вы не забудете поклониться отъ меня моему жениху?

— Жениху? невольно вырвалось у меня изъ устъ.

— А то ка́къ же? развѣ онъ мнѣ не женихъ? Ужь онъ давно мой, только прежде объ этомъ никто, кромѣ васъ, не зналъ, а теперь пусть всѣ знаютъ. Дѣло идетъ къ концу и скрывать теперь не́чего. Такъ вы не забудете сказать жениху моему, что я жду его нетерпѣливо.

— Будьте, говорю, спокойны.

Мы перешли черезъ мостикъ.

— Ну, теперь прощайте, проговорила Лиза:—мнѣ время дорого, надо приготовляться къ свадьбѣ. Прощайте, благодарю васъ за ваше ко мнѣ расположеніе, за участіе въ моемъ дѣлѣ, которое,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло вашего товарища и друга; надѣюсь, что и меня когда-нибудь вы причтете къ своимъ друзьямъ.

— Вы и теперь, говорю, Елизавета Николаевна, мой другъ, дорогой другъ. Вы не повѣрите, говорю, кáкъ я полюбилъ васъ въ-продолженіе этого мѣсяца. Я до-того привыкъ видѣть васъ, что мнѣ тяжело... грустно... Но и тутъ Лиза не дослушала меня...

— Такъ вы, говоритъ, сейчасъ же въ городъ?

— Сейчасъ же, сказалъ я довольно-сухо.

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

Лиза побѣжала, но, отбѣжавъ немного, остановилась и крикнула меня. Я обернулся. Лиза стояла на перилахъ мостика и, звонко смѣясь, кричала мнѣ:

— Прощайте, мой другъ! А помните, кàкъ мы съ вами молотили?

Я было вернулся, но Лиза спрыгнула съ перилъ и побѣжала по направленію къ Покровскому. И остался я одинъ, среди гладкаго поля; посмотрѣлъ я на эти поля, но они еще болѣе навѣяли на меня грусти. Хлѣбъ давно уже былъ убранъ, все было обнажено, грязное жниво перемято, нѣтъ ни жаворонковъ, ни цвѣточковъ и только носились стаи грачей, собирая по полю растерянныя зерна.

Въ городъ пріѣхалъ я такъ, какъ разсчитывалъ, то-есть, въ пятницу утромъ. Немедля ни минуты, я отправился къ Каллистову; онъ уже совсѣмъ былъ одѣтъ и сбирался къ секретарю. Увидавъ меня, онъ тотчасъ же бросился ко мнѣ на шею, и первый вопросъ его былъ о Лизѣ Онъ сталъ меня разспрашивать объ ея житьѣ-бытьѣ, но разспросы эти терзали мое сердце. Я стоялъ передъ Каллистовымъ, опустя глаза и не смѣя взглянуть на своего друга—я видѣлъ въ немъ своего соперника и чувствовалъ, что я виноватъ передъ нимъ; но чтò же мнѣ было дѣлать, если я любилъ Лизу.

Но вотъ чтò случилось съ Каллистовымъ въ тотъ день, который былъ, по-истинѣ, послѣднимъ счастливымъ днемъ его жизни. На сколько до того времени все ему благопріятствовало, на столько съ того дня все угрожало ему неминуемой бѣдой. Стòитъ только разъ попасть подъ немилость судьбы, какъ одна бѣда не замедлитъ смѣниться другой. Съ того дня Каллистовъ навѣчно простился съ спокойствіемъ, навѣчно простился съ счастіемъ. Онъ потерялъ вѣру, потерялъ надежду, и губительный потокъ

этотъ увлекъ его далеко. Была у него одна надежда, одна вѣра— это Лиза, но и ту онъ не замедлилъ утратить. Главное, бѣда состояла въ томъ, что удары судьбы попали прямо въ сердце Каллистова и поразили самыя дорогія, самыя святѣйшія его богатства, безъ которыхъ Каллистовъ не могъ существовать, потому-что эти богатства и составляли все его существованіе.

Но возвращаюсь къ разсказу:

Распростившись со мною, отправился Каллистовъ къ секретарю. Человѣкъ встрѣтилъ его чуть ли не на крыльцѣ.

— Ну, Василій Гаврилычъ, проговорилъ онъ, ужь я бѣжать за вами хотѣлъ; баринъ васъ ждетъ не дождется, пожалуйте въ кабинетъ.

Каллистовъ поспѣшилъ войдти. Благомыслящій человѣкъ сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, и покуривалъ жукова. Лицо его было бѣло и чисто, волосы приглажены, брильянтовые перстни были въ полномъ блескѣ, Станиславъ такъ и покоился на бѣлой, какъ снѣгъ, сорочкѣ. Увидавъ Каллистова, благомыслящій человѣкъ пріятно улыбнулся и, протянувъ ему руку, проговорилъ мягкимъ голосомъ:

— Ну, Василій Гаврилычъ, вотъ и наше дѣло кончено. Покорнѣйше прошу садиться и выслушать меня. Намъ остается только написать прошеніе, которое вы сегодня же должны подать преосвященному; мѣшкать нечего.

— Я боюсь, какъ-бы не отказалъ онъ мнѣ, Финогенъ Андреевичъ, проговорилъ Каллистовъ. Быть-можетъ, преосвященный имѣетъ въ виду кого-нибудь другаго на это мѣсто.

— Пожалуйста не безпокойтесь и надѣйтесь на меня, перебилъ его благомыслящій человѣкъ. Я поѣду къ преосвященному вслѣдъ же за вами и мы уладимъ все сегодня же; я вамъ ручаюсь.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ, Финогенъ Андреевичъ, за всѣ ваши благодѣянія, проговорилъ Каллистовъ, приподнимаясь со стула.

— Благодарите самаго себя, а не меня. Вы такъ хорошо учились, всегда были хорошаго поведенія, что наше дѣло искать такихъ студентотъ: давайте намъ побольше такихъ священниковъ.

Каллистовъ снова привсталъ съ мѣста и съ торжествующимъ лицомъ снова поблагодарилъ своего высокаго покровителя. Въ это самое время дверь отворилась и въ кабинетъ вошла дѣвушка лѣтъ двадцати, въ ситцевомъ сарафанѣ и съ подносомъ въ рукахъ. Благомыслящій человѣкъ взялъ стаканъ и кивнулъ головой

на Каллистова; дѣвушка вышла и чрезъ минуту снова воротилась, неся на подносѣ еще стаканъ чая.

— Не прикажете ли? проговорилъ благомыслящій человѣкъ.

— Итакъ, началъ онъ: — когда дѣвушка вышла, давайте писать прошеніе. Только я вамъ долженъ сказать, что мѣсто это я дамъ тому только, кто захочетъ мнѣ сдѣлать слѣдующее маленькое одолженіе...

Каллистовъ вдругъ отчего-то вздрогнулъ, да и было отчего, потому-что минута эта была началомъ его бѣдствій. Благомыслящій человѣкъ замѣтилъ это и пріятно улыбнулся.

— Вы испугались? не бойтесь, не бойтесь. Одолженіе, о которомъ я упомянулъ, самое ничтожное. Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло—я буду говорить съ вами, какъ съ роднымъ сыномъ. У мень есть одна дѣвушка, которую мнѣ хотѣлось бы пристроить. Она очень-недурна, очень-молода, а главное, имѣетъ порядочное приданое—600 рублей ассигнаціями. Для перваго обзаведенія—это весьма-недурно. Вы человѣкъ бѣдный и для васъ это будетъ большою помощью. Какъ вы хотите, надобно же начать чѣмъ-нибудь. Словомъ, дѣвушка эта та самая, которая сейчасъ подавала намъ чай.

Каллистовъ такъ и обомлѣлъ.

— Она дочь кормилицы моей старшей дочери, продолжалъ, между-тѣмъ, съ прежнимъ спокойствіемъ, благомыслящій человѣкъ. Дѣвушка она кроткая, смирная, грамотная и будетъ прекрасною женою. Вотъ, если угодно, давайте писать прошеніе, и я въ одинъ ударъ сдѣлаю два добрыхъ дѣла.

— Финогенъ Андреичъ! почти вскрикнулъ Каллистовъ:—у меня уже есть невѣста, которую люблю я, съ которою росъ вмѣстѣ.

Какъ вышелъ Каллистовъ изъ кабинета благомыслящаго человѣка и какъ дошелъ онъ до своей квартиры, я не берусь разсказать вамъ; скажу только то, что, войдя въ комнату, онъ упалъ на постель и горько, горько зарыдалъ. Аттестатъ валялся на полу. Каллистовъ зналъ, что дѣлать было нечего, что противъ секретаря ничего не сдѣлаешь. Въ мигъ исчезли всѣ мечты, картины счастливой будущности—и Каллистова съ той минуты нельзя было узнать. Куда дѣвалась веселость, куда дѣвалась энергія?

Дня чрезъ два послѣ описаннаго я зашелъ къ Каллистову. Дѣло было уже вечеромъ, погода была ненастная. Я взошелъ въ комнату, но она была пуста; я пошелъ къ просвирнѣ.

— Гдѣ Каллистовъ? спросилъ я ее.

— А! Иванъ Степанычъ, почти вскрикнула она.—А ужь я къ вамъ идти хотѣли.

— Чтó такое?

— Да какъ-чтó? Вѣдь Василій-то Гаврилычъ пропалъ.

— Кáкъ пропалъ?

— Да такъ. Вотъ уже цѣлыхъ двое сутокъ нѣтъ его. Я не знаю, чтó мнѣ и дѣлать, весь городъ обѣгала, искавши.

— Быть не можетъ?

— И чтó всего хуже, видѣли его чуть живымъ— пьянымъ.

— Пьянымъ? Почти вскрикнулъ я.

— Дá, пьянымъ.

— Кто же это видѣлъ его?

— Да мой нахлѣбникъ, Мироносицкій. Просто, я не знаю, чтó мнѣ и дѣлать; и Аннычка-то еще такъ долго не идетъ.

— А она-то гдѣ?

— Да послала ее Василія Гаврилыча искать. И вѣдь погода-то, на грѣхъ, какая, и дождь, и вѣтеръ, и темнять, хоть глазъ выколи; какъ разъ, пожалуй, и въ рѣку свалится хмѣльной-то. Чтó я буду дѣлать безъ него, грѣшная, старая, беззащитная.

Въ это самое время вошла Анночка, вся мокрая.

— Ну, чтó? спросили мы ее почти въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, проговорила она, опускаясь на стулъ: — не нашла. Только, говоритъ, и могла узнать, что Василій Гаврилычъ утромъ были въ трактирѣ Сизополь съ богословами, которыхъ вчера въ стихарь посвящали.

— Да кáкъ онъ попалъ-то къ нимъ?

— Встрѣтился вишь. Они ходили поздравлять другъ-друга съ благодатью, да и подкутили, а подкутивши, пошли цѣлою компаніею въ Сизополь, машину слушать, да остальныя деньги докучивать; Василій Гаврилычъ имъ и попался, они его и затащили.

Я разспросилъ, кто были эти богословы и, немедля ни. минуты, бросился по ихъ квартирамъ; но поиски мои остались тщетными—богословóвъ никого не засталъ я дома; бѣгалъ къ архіерейскимъ пѣвчимъ, такъ-какъ я зналъ, что у нихъ постоянно идетъ гульба, но и у пѣвчихъ не нашелъ я Каллистова. Оставалось еще обѣжать трактиры; несмотря на дождь и на сильный вѣтеръ, я рѣшился обойти и трактиры, но одни были уже заперты, такъ-какъ на дворѣ уже было за-полночь, а тѣ, которые были отперты, были почти пусты и Каллистова, опять-таки, я не нашелъ. Идти было нéкуда, надо было отложить поиски до слѣдующаго

дня, и я отправился домой. Нѣчего говорить, что я не спалъ цѣлую ночь. Каллистовъ не выходилъ у меня изъ головы—чтó съ нимъ и гдѣ онъ? Я даже забылъ о Лизѣ, которая до того времени была постоянно у меня въ умѣ.

Между-тѣмъ погода становилась все ненастнѣе. Вѣтеръ тоскливо завывалъ, порываясь въ окна и въ трубу и хлопая ставнями. Крупныя капли дождя такъ и шлёпали, падая на землю, по улицамъ шумѣли ручьи, и темнять становилась все гуще и гуще; черныя тучи покрывали все небо, и ни одной звѣздочки. На дворѣ жалобно завывала собака, какъ видно продрогшая отъ дождя и вѣтра. И грусть еще болѣе закрадывалась въ сердце, и невольно представлялъ я себѣ все отчаяніе Лизы, когда узнаетъ она о случившемся съ Каллистовымъ. Чтó будетъ съ нею, думалъ я, и кáкъ перенесетъ она это извѣстіе.

Не успѣло еще путемъ разсвѣтать, какъ я снова пустился отъискивать Каллистова. Прежде всего пошелъ я къ нему на квартиру.

— Чтó, не приходилъ? спросилъ я просвирню, встрѣтившую меня еще на крыльцѣ.

— Нѣтъ, не приходилъ.

Безпокойство мое увеличилось еще больше. Снова пошелъ я къ богословамъ, но они всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и Каллистова у нихъ не было. Я побѣжалъ въ Сизополь, но и въ Сизополѣ тоже не оказалось его. Я пришелъ рѣшительно въ отчаяніе. Куда теперь идти, думалъ я, выйдя на улицу, какъ вдругъ чья-то рука ударила меня по плечу; я обернулся и увидѣлъ передъ собою одного своего товарища, Кустодіева.

— Здравствуй братъ, проговорилъ онъ.

Я поздоровался.

— Поздравь, говоритъ, меня.

— Съ чѣмъ, говорю.

— Мѣсто получилъ.

— Какое?

— Конечно священническое.

— Куда это? спрашиваю.

— Въ Ивановское.

— Такъ это ты, счастливчикъ, говорю.

— Дá, говоритъ, я.

— Ну, говорю, поздравляю тебя съ этимъ счастьемъ.

— Спасибо, братъ, спасибо.

— Счастье, говорю, воробей — поймать трудно.

— Нѣтъ, говоритъ, я поймалъ.

И проговоривъ это, Кустодіевъ пожалъ мнѣ руку и отошелъ.

Невольно опустился я на тумбу и невольно пришелъ въ грустное настроеніе, какъ вдругъ я увидалъ въ переулкѣ, который былъ передо мною, что-то чернѣющееся на троттуарѣ и походившее на спящаго человѣка. Я бросился къ тому мѣсту, и что же — передо мною лежалъ Каллистовъ, безъ чувства пьяный, весь оборванный и вымачканный въ грязи. Я сталъ будить его, но онъ не просыпался; я крикнулъ извощика, взвалилъ Каллистова на дрожки и привезъ его домой.

Каллистовъ запилъ, и запилъ безъ просыпа.

Но этимъ еще не кончается несчастная исторія Каллистова. Ему суждено было встрѣтить еще одинъ ударъ неумолимой судьбы, котораго, впрочемъ, не вынесъ Каллистовъ и подъ которымъ онъ палъ уже, окончательно обезсиленный и изнуренный.

Прошло нѣсколько дней; Каллистовъ не переставалъ пить. Между-тѣмъ помѣщикъ, у котораго онъ училъ сына, встрѣтивъ какъ-то Каллистова пьянымъ, отказалъ ему и взялъ другаго. Какія были у Каллистова деньги, онъ послѣднія пропилъ, а погода тѣмъ временемъ становилась все холоднѣе и холоднѣе; сюртукъ же поизодрался, нижнее платье тоже, а теплаго пальто или шинели вовсе не было. Не доставало одного, чтобъ просвирня выгнала его изъ квартиры, но она этого не сдѣлала, а напротивъ, еще пуще стала приголубливать Каллистова. Анночка тоже около него ухаживаетъ, и наконецъ, дѣло дошло даже и до того, что сшили ему сюртукъ и шинель, и сапоги съ калошами, и жилетъ, и нижнее платье, все какъ слѣдуетъ, обули и одѣли парня съ ногъ до головы.

«Послѣ когда-нибудь отдадите», говорила просвирня.

Увидавъ все это, я окончательно струсилъ. Въ одну минуту пришли мнѣ на память всѣ мои подозрѣнія, подслушанный разговоръ въ чуланѣ и всевозможныя ухищренія просвирни—втянуть Каллистова въ свое общество. Но было уже поздно, я не видался уже больше съ Каллистовымъ. Просвирня поступила какъ тонкій политикъ. Она въ одну минуту поняла, что настоящее бѣдственное положеніе Каллистова есть самая удобная минута дать Каллистову генеральное сраженіе. Она смекнула, что мѣшкать нечего, что чѣмъ рѣшительнѣе и быстрѣе будетъ ударъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея побѣда. И она начала съ того, что отдалила отъ Каллистова всѣхъ его товарищей, то-есть всѣ свои непрія-

тельскія арміи, и поссорила съ нимъ меня, заклятаго врага своего, опутавъ, между-тѣмъ, окончательно бѣднаго Каллистова. Во чтó бы то ни стало, рѣшилась она женить его на Анночкѣ. Она не боялась, что выдаетъ дочь за пьяницу, потому-что была, какъ видно, твердо убѣждена, что пьянство это есть временное, что оно пройдетъ и что рано или поздно она будетъ имѣть въ Каллистовѣ крѣпкую опору, подъ которой она смѣло можетъ сложить съ себя хлопоты и заботы, и спокойно донести свои измученныя кости до гробовой крышки.

Итакъ она отдалила отъ Каллистова всѣхъ его товарищей и еще больше принялась угождать ему. Водка, единственная потребность, въ то время, Каллистова, играла первую роль, она не сходила со стола, и Каллистовъ сталъ почти безвыходно проводить время у просвирни. Исторія эта тянулась съ недѣлю, какъ вдругъ вотъ чтó случилось съ Каллистовымъ.

Однажды пришелъ онъ къ просвирнѣ. Подали водки; онъ рюмку за рюмкой, да и натянулся. Въ головѣ кружится и самъ онъ не знаетъ, чтó дѣлаетъ. Между-тѣмъ Анночка подсѣла къ нему. Онъ въ хмѣлю-то возьми да обойми ее. Охъ ты моя, говоритъ, красавица, и знаете ли, этакъ переминаетъ ее въ рукахъ-то; она ничего, сидитъ и ухмыляется... Просвирня какъ тутъ и была, и откуда взялась, Богъ вѣсть.

— Чтó же, говоритъ, батюшка, коль ужь вамъ такъ понравилась моя Аннычка, такъ съ Богомъ, я, говоритъ, вашей свадьбѣ перечить не стану.

А ужь Анночка и глазки опустила.

Каллистовъ такъ и вздрогнулъ, куда и хмѣль дѣвался. Просвирня смѣтила, что дѣло неладно, и тутъ же опять замяла разговоръ, какъ-будто его и не было. Каллистовъ успокоился, а графинчикъ, между-тѣмъ, опять полный стоитъ на столѣ. Онъ опять къ нему, да опять и давай куликать, и дотого накуликался, что въ какой-нибудь часъ въ графинчикѣ ни одной капли не осталось. Потребовалъ еще, принесли еще, а Анночка между-тѣмъ все тутъ сидитъ рядомъ. И этотъ графинчикъ тоже выпилъ, но уже не усидѣлъ, а какъ былъ на стулѣ, такъ и заснулъ. Ну, заснулъ такъ заснулъ, чтó тутъ мудренаго—человѣкъ хмѣльный, опять же онъ и хилый такой былъ; только вотъ проснулся-то не на стулѣ, а на кровати, рядомъ съ просвирниной дочкой, которая, какъ быть, лежала возлѣ него въ одной сорочкѣ. Каллистовъ было вскочилъ, перепугался, да уже было поздно,

потому-что въ дверяхъ уже стояла просвирня со свидѣтелями.

— Вотъ-дескать, смотрите добрые люди, какъ обезчестилъ мою дочь.

Черезъ нѣсколько дней въ приходской церкви Покрова Пресвят. Богородицы повѣнчали Каллистова съ Аннычкой.

Съ той поры Каллистовъ бросилъ искать мѣсто и началъ пить еще пуще.

Вотъ хорошо, тѣмъ и дѣло кончилось.

Только въ прошломъ году былъ это я въ Сидорихѣ; помните еще вы, Петръ Николаевичъ, какъ-то захворали и послали меня въ Сидориху, посмотрѣть за ярмаркою, которая тамъ была, чтобъ какаго безпорядка не было... Изволите помнить?

— Помню, помню, проговорилъ Петръ Николаевичъ.

— Ну вотъ-съ. Хожу это я по ярмаркѣ, осматриваю воза и палатки; только случилось мнѣ проходить мимо́ кабака. Смотрю, народу столкнулось гибель, всѣ стоятъ, и все что́-то на кабакъ смотрятъ. Что̀ такое? думаю себѣ, да и подошелъ. Смотрю, и что̀ же? Стоитъ въ дверяхъ кабака Каллистовъ и играетъ на гусляхъ, а лицо такое испитое, и сюртучишка-то худенькій. Я остановился, смотрю, что́-то будетъ. Боже мой! И игралъ же онъ только въ то время!.? Ужь я на что́ дубоватъ на этотъ счетъ, да и то прослезился... Игралъ тихо, тихо, и точно какъ онъ не игралъ а плакалъ... Глаза его, полные слезъ, такъ и горѣли, блѣдныя губы дрожали, онъ смотрѣлъ на чистое и открытое небо, а между-тѣмъ пальцы его такъ и бѣгали по струнамъ. Вдругъ онъ сдѣлалъ аккордъ и запѣлъ чуть слышно:

Доле жь моя доле! Чомъ ты не такая,
Ой чомъ не такая, якъ доля чужая?
Що люди не роблять, та въ жупанахъ ходять,
Я роблю, дбаю и свиты не маю.

Кончилъ онъ пѣть, и что̣ же? Взялъ фуражку и пошелъ по мужикамъ собирать деньги, ходитъ да и приговариваетъ: на бѣдность, на бѣдность, братцы, не дайте умереть съ голода... Ну, разумѣется, кто грошъ, кто копейку... Подходитъ и ко мнѣ, протянулъ картузъ, да какъ взглянулъ мнѣ въ лицо-то... Э! да что́ и говорить про это!..

Послѣ вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ на квартиру и разсказалъ, что онъ вышелъ изъ духовнаго званія, что жилъ въ нѣсколькихъ трактирахъ въ качествѣ музыканта, но что жить на

одномъ мѣстѣ ему тяжело. . Вотъ вамъ и все. Гдѣ жена — не знаю, впрочемъ слышалъ, что живетъ въ Воронежѣ, просвирня же давно померла. Лиза, похоронивъ старика отца, продала свой домишко и поступила въ монастырь. Пробовалъ-было я попросить ея руки... да нѣтъ, не по нраву пришелся, зато съ-тѣхъ-поръ въ Покровскомъ и не былъ!..

Письмоводитель на минуту замолчалъ, но потомъ вдругъ подбѣжалъ къ трупу, подперъ въ бокъ руки, посыкалъ, покачалъ головой, и, толкнувъ слегка покойника ногою, проговорилъ:

— Эхъ ты горе, горе! А помнишь, какъ бывало пѣвали мы съ тобой подъ смотрительскимъ окномъ:

Nostrarum scholarum rector dignissime
Rogamus recreationem...

— Однако надо за дѣло приниматься. Ну, Петръ Николаевичъ, вы извольте писать осмотръ, а я побѣгу отбирать показанія.

И сказавъ это, письмоводитель бросился изъ сарая и, прокричавъ: эй вы, понятые, эй ты, борода, скрылся въ избѣ.

Петръ Николаевичъ тоже встрепенулся. Онъ подошелъ къ лекарю, который во все время разсказа сидѣлъ на какомъ-то коробѣ, и проговорилъ, вздохнувъ:

— Ну, батюшка, давайте и мы съ вами примемся за дѣло.

Я еще разъ подошелъ къ покойнику, взглянулъ въ его лицо, въ его мутные, полуоткрытые глаза, запорошенные пылью, на его черный, закушенный зубами языкъ, и дрожь побѣжала по моему тѣлу. Не знаю, долго ли бы я простоялъ надъ трупомъ, еслибъ не подошелъ фельдшеръ, съ засученными рукавами, съ пилой и ножомъ въ рукахъ, и не проговорилъ, обращаясь къ доктору.

— Прикажете начинать-съ?

Часовъ въ одиннадцать вечера слѣдствіе было кончено и мы распростились. Петръ Николаевичъ уѣхалъ съ докторомъ, а письмоводитель съ фельдшеромъ.

Въ то время, какъ садился я на лошадь, старикъ-хозяинъ вывозилъ со двора гробъ Каллистова. Старикъ сидѣлъ на гробу и, понукая лошаденку, ворчалъ сердито.

— Ну прахомъ-те положъ, надѣлалъ ты намъ хлопотъ полонъ ротъ; да и убытку не сочтешь: становому пять, лекарю пять, письмоводителю три, фельдшеру полтинникъ.

А старуха хозяйка кричала ему вслѣдъ:

— Зато впередъ будешь умнѣй и не будешь пущать на дворъ всякихъ прощелыгъ пьяныхъ.

Я сѣлъ на лошадь и въ глубокомъ раздумьѣ поѣхалъ домой. Чрезъ полчаса я былъ уже въ деревнѣ и ѣхалъ вдоль огромнаго пруда, на берегу котораго стоялъ мой деревенскій домъ. Что̀ за чудная ночь! Я остановилъ лошадь... Избы здѣсь и тамъ раскинуты вдоль пруда, въ нихъ всѣ уже спятъ, неподалеку отъ нихъ бѣлая церковь. Все тихо. . Слышу только, какъ вдалекѣ боръ стучитъ вѣтвями... но лошадь моя не стоитъ на мѣстѣ. Я слезаю съ лошади, держу ее за повода и прислушиваюсь... Сквозь шлюзы сочится вода... Тамъ зыкнетъ вдругъ кузнечикъ... Тамъ прошепчетъ вдругъ камышъ... Да что̀ же это такое? Откуда взялся этотъ чудный, волшебный міръ?.. Однако, пора идти домой! Иду и слышу, тамъ далеко, за конопляннникомъ кричитъ кто-то: буре-онушка, буре-онушка! И немного спустя, это же самое повторяетъ кто-то версты за двѣ отъ деревни, у опушки темнаго бора, потомъ и еще, въ противоположной сторонѣ... Я останавливаюсь .. но кругомъ все тихо, такъ тихо, какъ-будто все вымерло, какъ-будто все притаилось и прислушивается къ моему дыханію.

И еще грязнѣе показался мнѣ въ ту минуту содержатель постоялаго двора, и еще печальнѣе представлялась мнѣе исторія Каллистова.

И. САЛОВЪ.

УЧЕНЬЕ — СВѢТЪ, НЕУЧЕНЬЕ — ТЬМА.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агаѳонъ Пантелеичъ Сѣрмягинъ, московскій купецъ
Агаѳья Пантелеевна, его жена.
Иванъ Агаѳонычъ, ихъ сынъ.
Иванъ Кузьмичъ Козыревъ, учитель танцованія.
Акулина Степановна, его жена.
Власъ Петровъ Шмыгаловъ, сводчикъ.
Марья Сергѣевна, дѣвица, швея.
Степанида, служанка Козыревыхъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Козыревыхъ. Небольшая комната; съ одного боку дверь, съ другаго шкафъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣрмягинъ-сынъ стоитъ въ позиціи перваго па, держась рукою за стулъ. Козыревъ, играя на скрипкѣ, танцуетъ. Жена Козырева сидитъ за самоваромъ.

Козыревъ *(танцуя)* —Начинайте, начинай же; прене-донъ куражъ! Ну, говорите: первое па!

Сѣрмягинъ.—Первое п. п. п ... п. п! нѣтъ, Иванъ Кузмичъ, погодите маленько; несподручно и что-то жутко стало (*утираетъ съ лица потъ платкомъ и отходитъ отъ стула).*

Акулина Степановна.—Да отчего-жъ тебѣ жутко-то стало? Вишь ты какой! Въ танцахъ, въ веселости страшное нашелъ. Самъ-же пришелъ, говоришь: хочу учиться. А тутъ вдругъ: ни тпрррру, ни ну.

Сърмягинъ.—Эхъ, Акулина Степановна! Какъ только начну ноги выворачивать, такъ вотъ батюшка словно живой, такъ въ самые глаза и лѣзетъ. Что я только дѣлаю?.. Да коли это у насъ на Рогожскомъ узнаютъ—да со свѣту сгонятъ! Атрѣшникомъ сдѣлаютъ! Самъ отецъ родной по уши въ землю вколотитъ!

Козыревъ.—Начинайте же, говорятъ вамъ! прене-донъ куражъ!

Сърмягинъ *(сопротивляясь)*. — Погодите; дайте духъ перевести... Отстаньте же, говорятъ вамъ! Что вы пристали точно чортъ къ грѣшной душѣ!

Акулина Степановна.—Оставь его, дай ему одуматься. Оно и не диво, что страшно: каждая наука сначала страшна. Вѣдь онъ только-что пристаетъ, какъ учитель: учись, да учись! а не подумаетъ, что самого, чай, на веревкѣ къ букварю таскали. А ты къ наукѣ немаловажной приступаешь: въ свѣтъ вступить готовишься, кавалеромъ хочешь сдѣлаться.

Козыревъ *(играя и танцуя)* — Да начинайте, начинайте же, говорятъ вамъ! (*Сърмягинъ стоитъ въ самомъ плачевномъ положеніи*).

Акулина Степановна *(вставая со стула, тихо)*. — Того гляди, что дѣло разладится... А вѣдь за выучку пять-сотъ обѣщалъ! *(къ мужу громко)*. Ну, постой! ну, что ты безъ толку-то ногами сучишь? *(къ Сърмягину)* Выкушай-ко, батюшка, пунштику, для бодрости.

Сърмягинъ. — Покорно благодарю... мнѣ бы чаю...

Акулина Степановна. — Ну что чай? чай— вода. Пунштикомъ лучше душу пораспаришь. *(подавая стаканъ)* Милости просимъ, Иванъ Агаѳонычъ! пріятное ваше имя, кавалеръ прекраснѣйшій!

Козыревъ *(протягиваетъ руку со стаканомъ)*. — Акулина Степановна! подбавь ромку-то...

Акулина Степановна *(подавая Ивану Кузьмичу рому)*. — Признаться, ты его у меня сегодня поизмучилъ. Учись ты у какого-нибудь француза, такъ тотъ пробудетъ съ тобой часъ—выучился ты чему, или нѣтъ, ему и горя мало. Онъ посмотритъ на часы, говоритъ: урокъ конченъ, давай пять рублей серебра. Если ты не понимаешь, ему это и на руку. А вѣдь у насъ нетакъ: у насъ не по урокамъ, а похристіански, на выучку. Мы тебя отдѣлаемъ на чистоту; самъ ты почувствуешь, что ужь готовъ, ну и съ Богомъ! И тогда ты нетолько-что къ градскому

главѣ на свадьбу, хоть къ Миликтрисѣ-принцесѣ на пиръ поѣзжай: вездѣ ты свой видъ имѣть будешь.

Сѣрмягинъ. — Да вотъ тятенька-то!...

Акулина Степановна. — Чтò жь тебѣ на тятинькино невѣжество смотрѣть? Еслибъ ты къ дурному стремился—другое дѣло: ты своей же образованности ищешь. Да знаешь ли, если хочешь, самъ твой тятенька прiѣдетъ насъ благодарить, что танцовать тебя выучили?

Сѣрмягинъ. — Чтó вы это, Акулина Степановна!...

Акулина Степановна.—Да такъ же! Слушай; я тебѣ скажу, приходитъ къ намъ, вотъ такъ же, какъ ты .. хуже тебя: совсѣмъ неотесаный! Мы его учить, а онъ кричать: ой боюсь, ой боюсь! тятеньки съ маменькой боюсь! Я, видя, что онъ, по глупости, отъ своего же счастія отбивается, говорю Ивану Кузьмичу: учи его, учи! не смотри на него! учи! И выучилъ его Иванъ Кузьмичъ всѣмъ и танцамъ, и фигурамъ, а я ему всю практику насчетъ женскаго пола преподала: кáкъ и амуры вести, и въ любви открытіе сдѣлать, и кáкъ когда какой комплементъ сказать. И возъимѣлъ онъ къ танцамъ большое пристрастіе; въ собраніяхъ, на вечеринкахъ—вездѣ первый, вотъ такъ и носится, такъ и носится!.. Отецъ его ужь изъ дому выгналъ. Только случись ему танцовать разъ, въ одномъ домѣ, съ купеческой дочерью-сиротой, мильйонщицей; она ему амуры, а онъ ей свои, она ему комплементъ, а онъ ей свой... Ловкой былъ кавалеръ! подмигнулъ музыкантамъ, музыка пригрянула... въ одинъ вечеръ обдѣлалъ статью: женился! Такъ отецъ-то, какъ узналъ объ этомъ, пришелъ къ нему со слезами на глазахъ, да и говоритъ: «Прости меня, сынъ мой возлюбленный, что я, по слѣпотѣ своего разума, гоненіе на тебя воздвигалъ. Я и дѣдъ твой, сто лѣтъ торговали мы, но во всю жизнь нашу такого оборота въ торговлѣ сдѣлать не могли, какой ты сдѣлалъ въ танцѣ. Скажи, кто училъ тебя?» Вотъ онъ и говоритъ: танцамъ выучилъ Иванъ Кузмичъ, практику преподала Акулина Степановна. «Поѣдемъ, сынъ» говоритъ старикъ: «я хочу ихъ видѣть и благодарить.»

Козыревъ. — Право, это правда! *(протягиваетъ руку къ бутылкѣ: Акулина Степановна переставляетъ ее на другую сторону стола. Козыревъ уходитъ).*

Сѣрмягинъ. — Чтó кабы мнѣ этакъ!

Акулина Степановна. — Чтò жь мудренаго! только танцовать выучись.

Сермягинъ. — Точно, Акулина Степановна, другой по нашей торговой части плёвый человѣкъ, а на свадьбѣ, въ танцѣ, первый отличается; онъ же еще на тебя съ пренебреженьемъ смотритъ, да еще толкнуть норовитъ. А ты сидишь безъ всякаго значенія, только смотришь, какъ другіе веселятся. Инда зависть беретъ! Къ картамъ у отца и подходить не смѣй!... А сказалъ что́—пропалъ! Отецъ тутъ же голову сниметъ, при всѣхъ заоретъ: ахъ, ты чушка, чушка! тебѣ еще рано въ наши рѣчи мѣшаться... пошелъ отсюдова! И пойдешь со слезьми на глазахъ... Туда, сюда—вездѣ лишній! ужь и рукъ не знаешь куда дѣвать!...

Акулина Степановна. — А отецъ-то у тебя, должно-быть, человѣкъ крутой?

Сермягинъ.—Вѣдь, вотъ посмотрите, ка́къ онъ меня водитъ: сертука покороче сшить не велитъ. Сапогъ смазныхъ просилъ: это, говоритъ, только почетнымъ гражданамъ прилично, а ты въ личныхъ ходи. Вѣдь сюртуковъ у меня много и новыхъ виситъ, изъ другихъ ужь совсѣмъ и выросъ, а куда на гулянье—надѣвай старый! Станешь какой-нибудь изъ новыхъ просить—этотъ, говоритъ, въ свѣтлый праздникъ надѣнешь, а этотъ въ именины. Ну, и пойдешь на гулянье: сертукъ старый, сапоги личные — вотъ развѣ только-что одинъ картузъ новый надѣнешь. А поглядишь, на другомъ, который тебѣ и въ прикащики негоденъ, штаны на немъ съ лампасомъ, шляпа съ глянцемъ, отъ Пѣтухова, тростью то штуку выкинетъ, то фигуру выведетъ. А ты вотъ развѣ однѣми перчатками помашешь, да и то вѣдь это фигура старая: ее нынѣ всякой дѣлаетъ. Ну, ему на гуляньи и народъ дорогу даетъ, и квартальный пропускъ чинитъ. А на тебя, самъ не знаешь за что́, то баринъ какой-то усатый издали палкой грозится, страхъ задаетъ, то казакъ сзади исподтишка въ шею шмыгануть норовитъ. Вѣдь вотъ что́, Акулина Степановна, обидно-то, передъ своимъ же братомъ обидно!

Акулина Степановна.—Какъ же не обидно! Танцамъ-то ты не учился: поэтому видъ срамный имѣешь; вотъ на тебя и напасти; вотъ тебѣ никакой сладости и нѣтъ ни на свадьбѣ, ни на гуляньи.

Сермягинъ.—Ахъ, Акулина Степановна, сколько у меня горя-то, горя-то!

Акулина Степановна.—Давай-ка стаканчикъ-то, я тебѣ еще налью. Ромъ-то у меня хорошій; не изъ лавочки, а изъ погреба: у братьевъ Травниковыхъ беру.

Сѣрмягинъ. — Иной разъ сидишь дома, у окна, одинъ одинёшенекъ. Вечеръ хорошій. И видишь, всѣ наши поѣхали: кто въ Александровскій, кто на кладбище, кто въ трактиръ, и у самого душа заноетъ. Ну, и не вытерпишь, пойдешь у отца гулять проситься, а онъ и закричитъ: не забирай дури-то въ голову, не забирай! ступай въ лавку совсѣмъ забираться; ужинать да и спать пора. Вели собаку съ цѣпи спустить, да калитку замкнуть! Пойдешь, да и взвоешь...

Акулина Степановна.—Какъ не взвыть! По себѣ знаю: сама въ дѣвкахъ была.

Сѣрмягинъ. — Зато, какъ ужь вырвешься, такъ только пыль столбомъ! Рублевъ триста за́разъ въ трактирѣ проухаешь, одной посуды на сколько переколотишь. Иной разъ дикое что́-то обуяетъ: крикомъ въ ужасъ привожу!

Акулина Степановна.—Съ нами крестная сила! Отецъ родной, ты этого у меня сдѣлать не вздумай.

Сѣрмягинъ.—Нѣтъ, Акулина Степановна! Я у васъ этого не сдѣлаю. Нѣтъ, кончено! баста! пора мнѣ за умъ взяться; во что̀ бы то ни стало, буду учиться, буду! Только вотъ что̀... ну, если я не выучусь?...

Акулина Степановна.—Учиться не будешь, такъ и не выучишься.

Сѣрмягинъ. — Нѣтъ, я не про то̀... вѣдь столько лѣтъ просидѣмши, можетъ ужь и въ-ходъ не пойду?

Акулина Степановна. —И, батюшка! Илья Муромецъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ, вдругъ въ себѣ лёгость почувствовалъ. Такъ-то и тебѣ, только начало сдѣлать сто́итъ.

Сѣрмягинъ.— Иванъ Кузьмичъ! Настроивай скрипку!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и Козырѣвъ со скрипкою въ рукахъ.

Козырѣвъ. — Дрене-донъ куражъ! Начинайте: первое па!

Сѣрмягинъ *(дѣлаетъ сразу первое па)*. — Первое па!

Козырѣвъ. — Браво, Иванъ Аѳеоныччъ! давно бы такъ.

Акулина Степановна.—Ну, вотъ видишь, никакой трудности нѣтъ.

Козырѣвъ *(показывая второе па)*.—Второе па!

Сѣрмягинъ *(дѣлаетъ второе па)*.—Второе па!

Козырѣвъ *(показывая третье па)*.—Третье па!

Сѣрмягинъ *(дѣлаетъ третье па)*.—Третье па!

Акулина Степановна.—Ну, что его на па-то долго мучить: вѣдь онъ не маленькій! Учи его раскланиваться, а тамъ и за кадриль поскорѣе принимайтесь.

Козыревъ *(дѣлаетъ выправку Сѣрмягину)*.—Руки такъ... ноги такъ... Ну теперь кланяйтесь! *(Сѣрмягинъ кланяется)* ниже! ниже!

Акулина Степановна.—Да́, ниже! поклонъ въ жизни великое дѣло Ну, кончай, Иванъ Кузмичъ! на первый разъ довольно.

Сѣрмягинъ. — Прощайте, Акулина Степановна.

Акулина Степановна. — До свиданія, батюшка. Смотри же, пріѣзжай, не обмани!

Сѣрмягинъ.—Пріѣду, безпремѣнно пріѣду!

Акулина Степановна. — А дома-то не забывай, и тверди и тверди урокъ-то!

Сѣрмягинъ.—Теперь ужь, значитъ, кончено! *(Всѣ уходятъ)*.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Сцена представляетъ небольшую комнату, съ русскою печью, въ домѣ Сѣрмягина. Въ комнатѣ вообще замѣтна чистота— все на мѣстѣ и прибрано. Мёбель состоитъ изъ дубовыхъ столовъ и складныхъ стульевъ; у стѣны стоитъ конторка, на которой лежитъ большая счетная книга; въ углу желѣзный сундукъ, какіе обыкновенно употребляются для сбереженія большихъ денежныхъ суммъ; на полу лежатъ тюки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣрмягинъ и мать Сѣрмягина.

Мать Сѣрмягина.—Такъ развѣ нынѣшнее лучше стариннаго?

Сѣрмягинъ. — Да ужь почище будетъ!

Мать Сѣрмягина. —Врешь ты, врешь, грубіянъ! Нынѣшнее одинъ близиръ; старинное и добротнѣй и честнѣе.

Сѣрмягинъ.—Старинѣ честь была, да сплыла; была старина въ модѣ при царѣ горохѣ, а нынѣ ее старьёвщикъ скупаетъ, вмѣстѣ съ голенищами.

Мать Сѣрмягина. — Молчи, грубіянъ! молчи, озарникъ! не смѣй, говорятъ тебѣ, поносить стариннаго!

Сѣрмягинъ.—Я-то замолчу, а старьёвщику-то рта не зажме-

те: ходитъ по улицамъ, да и кричитъ: «стараго старья, голенищей продать!»

Мать Сѣрмягина.—Чтó ты меня дразнить, чтó ли, хочешь? а?

Сѣрмягинъ. — Чтó дразнить-то? Извѣстно, что старое идетъ въ ломъ да на выжигу.

Мать Сѣрмягина. — Поди-ко сюда, поди! я тебѣ космы-то приглажу, неуважитель этакой! По дѣломъ отецъ-то тебя колотитъ, по дѣломъ! Теперь никогда не вступлюсь. Старинное вздумалъ поносить! въ атрѣшники, чтó ли, пошелъ? Нѣтъ, я этого не потерплю! скажу отцу! все скажу!

Сѣрмягинъ.—Сказывайте: вамъ не привыкать стать на меня наговаривать-то.

Мать Сѣрмягина.—Врешь, негодяй! Я по сію пору всѣ твои плутни отъ отца скрывала, а ужь теперь не потерплю, скажу! все отецъ узнаетъ!

Сѣрмягинъ. — Пусть узнаетъ. За одно терпѣть-то; и то на каждомъ шагу понапрасно обижаетъ! Доведетъ до того, что брошусь съ каменнаго мосту!

Мать Сѣрмягина.—Бросайся! за одно тебѣ губить душу-то... Оттого къ тебѣ и мысли такія приходятъ, что ты лба порядкомъ не перекрестишь! Къ заутрени тебя никогда не добудишься!

Сѣрмягинъ *(притворяется плачущимъ)*.—Рѣдкій день пройдетъ, чтобъ не облился слезами!

Мать Сѣрмягина —Ну, полно тебѣ! полно! Ты ужь не плачешь ли? Не скажу отцу, ничего не скажу. Брось только, выкинь эту дурь изъ головы! не губи своей душеньки! Смотри ты: тó ему у насъ нехорошо, другое нехорошо! Въ родномъ домѣ стала жизнь немила! Это тебя или какой-нибудь недобрый человѣкъ смущаетъ, или ужь такъ за грѣхи мои Господь Богъ послалъ на тебя такое искушеніе...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и отецъ Сѣрмягина.

Отецъ Сѣрмягина *(входя)*. — Ну чтó, за получкой денегъ ходилъ къ Созонову?

Сѣрмягинъ.—Ходилъ, тятенька. Всѣ сполна по векселю отдалъ; просилъ напредки не оставить кредитомъ; въ четвергъ хотѣлъ прислать за свѣжимъ товаромъ.

Отецъ Сѣрмягина.—Нѣтъ ему кредита!

Мать Сѣрмягина.—За что это ты такъ на него, Агаѳонъ Пантелеичъ, прогнѣвался? Кажись, онъ человѣкъ хорошій?

Сѣрмягинъ. — Хорошій! купилъ коляску! посажаетъ въ нее дочерей, да и катаетъ ихъ подъ Наинскимъ: а сзади-то, на запяткахъ прикащикъ Пантелей качается, точно повѣшеной. Срамники этакіе! только другихъ въ соблазнъ вводятъ! Вычеркни его, Иванъ, изъ кредитной книги!

Сѣрмягинъ.—Слушаю-съ, тятенька-съ.

Отецъ Сѣрмягина.—Гдѣ же деньги-то?

Сѣрмягинъ.—Вотъ-съ онѣ, тятенька! *(подаетъ деньги)*.

Отецъ Сѣрмягина.—Всѣ ли?

Сѣрмягинъ. — Всѣ сполна. Пятиалтынный только потратилъ: присталъ больно, тятенька, отъ Москворѣцкаго моста извощика нанялъ.

Отецъ Сѣрмягина.—А ты бы перемогъ себя — пѣшкомъ дошелъ! А пятиалтынный лучше бы положилъ за труды въ карманъ. Отложилъ бы разъ—захотѣлось бы отложить и вдругорядь. А побрякавали-бы денежки-то въ карманѣ, такъ бы веселѣй ходилъ. Эй, Иванъ, крѣпись! не разслабляй себя. Не будь слабже воды, легче пуху. Гдѣ ключъ отъ ящика?

Сѣрмягинъ.—Вотъ онъ, тятенька! *(ищетъ ключа)*.

Отецъ Сѣрмягина.—Гдѣ же? подавай!

Сѣрмягинъ.—Здѣсь онъ былъ, тятенька... нѣтъ, вотъ тутъ!...

Отецъ Сѣрмягина.—Засовался, какъ угорѣлый!

Сѣрмягинъ.—Вотъ онъ, тятенька! *(подаетъ ключъ)*.

Мать Сѣрмягина. — Да ты, Агаѳонъ Пантелеичъ, хоть кого собьешь съ похвей.

Отецъ Сѣрмягина.—Его сбивать нечего: онъ самъ собьется! Вѣтеръ у него въ головѣ-то! Все загнувши голову бѣгаетъ! Перетаскай-ко вотъ эти тюки въ лавку!

Мать Сѣрмягина.—Вели работникамъ: онъ и безъ того, ходимши, усталъ.

Отецъ Сѣрмягина. — Ничего! Богъ труды любитъ. Ступай, перетаскай! Поработавши, получше поѣшь; мать, поди, всего много для тебя настряпала.

(Сѣрмягинъ наваливаетъ на спину тюкъ и уходитъ).

Мать Сѣрмягина.—Знаешь, что я хотѣла тебѣ сказать, Агаѳонъ Пантелеичъ?

Отецъ Сѣрмягина. — А что?

Мать Сѣрмягина.—Нѣтъ, лучше послѣ... ты, никакъ, сердитъ?

Отецъ Сѣрмягина.—Нѣтъ ничего, говори.

Мать Сѣрмягина.—Ваня у насъ что-то больно скучаетъ...

Отецъ Сѣрмягина.—Скучаетъ? Объ чемъ скучаетъ?

Мать Сѣрмягина.—Ни объ чемъ, такъ что-то невеселъ.

Отецъ Сѣрмягина.—Дѣломъ, видно, мало занимается, такъ и невеселъ. Я ему препоручилъ его наслѣдство, покойнаго брата фабрику; ѣздитъ онъ на фабрику часто: надо поглядѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Коли ничего, такъ вотъ я на него и поналягу.

Мать Сѣрмягина.—Ай не налегай! Нравъ у тебя тяжелый! ты его совсѣмъ сокрушишь! Тогда ему и бѣлый свѣтъ покажется немилъ!

Отецъ Сѣрмягина.—Что же? пустить его на всѣ четыре стороны, что ли? На, молъ, гуляй! Вѣдь я ему не тынъ да дворъ оставляю, не въ скоморохи его готовлю — современемъ все мое хозяйство ляжетъ на его плеча! Понимаешь ты это?

Мать Сѣрмягина.—Какъ не понимать? понимаю, батюшка...

Отецъ Сѣрмягина.—Не прахомъ же идти моему добру! Вѣдь оно не снѣгъ на голову, не само ко мнѣ свалилось. Не нашелъ его я — нажилъ. Знаетъ грудь да подоплёка, какъ легко оно мнѣ досталось. Ты баба—ты ничего не видишь дальше своихъ горшковъ. Погляди, что въ свѣтѣ-то кругомъ насъ творится. Народъ дѣлается все слабже и слабже; овцы превращаются въ козлища; то того міръ похититъ, то другаго. Эхъ, лучше бы и не говорилъ!... Ты слышала, что Ѳедотъ Захаровъ сдѣлалъ?

Мать Сѣрмягина.—Слышала, батюшка — обрился...

Отецъ Сѣрмягина.—Мало того, за пятьсотъ рублей, нечестивецъ, въ трактирѣ продалъ свою бороду!

Мать Сѣрмягина.—Ахъ, грѣхъ какой! Говорятъ, какъ пришелъ домой-то, жена его не узнала, дочери испужались, малыя дѣти ребятишки крикъ подняли, да вся семья разомъ ревѣть и ударилась!

Отецъ Сѣрмягина.—Ну, вотъ видишь ли? Когда такъ старые дѣлаютъ, чего ожидать отъ молодыхъ? Молись, старуха, объ сынѣ; а ужь учить его мое дѣло.

Мать Сѣрмягина.—Учи его, учи, Агаѳонъ Пантелеичъ! я противъ этого ничего, сударь, не говорю. Воспитывайте его въ страхѣ Божіемъ... Только знаешь что? будь съ нимъ поласковѣй: иной разъ, какъ-будто не нарокомъ, и приласкай его; оно ему будетъ повеселѣй... а то ты его ужь больно запугалъ...

Отецъ Сѣрмягина.—Ну, тамъ увидимъ; будетъ стоить, такъ

отчего же? Собери-ка прикащикамъ пополудничать, а я тѣмъ часомъ самъ посижу въ лавкѣ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сѣрмягинъ одинъ.

(Входитъ и наваливаетъ себѣ на спину тюкъ). Вотъ тутъ и танцуй подъ тюками-то, и держи себя прямо. Охъ, спину та̀къ и согнуло въ три погибели! *(уходитъ, снова приходитъ и новаливаетъ на спину другой тюкъ)*. Вонъ и сосѣдки портнихи увидали, кричатъ изъ окна: почемъ съ пуда таскать берешь? Въ-самомъ-дѣлѣ, точно поденьщикъ какой! *(уходитъ и возвращается на сцену въ самомъ дурномъ расположеніи духа)*. Срамъ, срамъ да и только! тюки на себѣ таскаемъ! Мать сама за коровами ходитъ! Весь свой вѣкъ сидимъ на скамейкахъ, а еще не безъ чего считаемся во второй гильдіи—а куда не оглянись, что за пропасть! вездѣ все старинное, да старинное... Та̀къ бы и бѣжалъ изъ дома куда глаза глядятъ! Ка̀къ тутъ не искать себѣ облегченія? Сегодня же спущу товару съ дядиной фабрики. Дядя при смерти не отцу, а прямо мнѣ ее отказалъ. Вотъ въ большой сундукъ не полѣзу: сундукъ отцовскій, да и опасно... можетъ, отецъ запримѣтилъ, ка̀къ мѣшки въ немъ лежатъ. А вѣдь нечистая сила, подталкивая подъ руку, такъ и нашептываетъ на самое ухо: ха̀пни, ха̀пни изъ большаго сундука! Нѣтъ, шалишь! не поддѣнешь! опасно... И глядѣть на сундукъ не хочу!... Не хотѣлъ глядѣть, а взглянулъ. Тьфу ты, окаянное навожденіе! Провались онъ, проклятый сундукъ! И думать объ немъ не буду!... А каково я ходко пошелъ въ образованности?. Самъ Иванъ Кузмичъ дивится. У меня, говоритъ, Иванъ Агаѳонычъ, такого понятливаго ученика, какъ вы, еще и не бывало. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ небольшимъ въ двѣ недѣли я всю кадриль прошелъ (*танцуетъ*). Разъ шосе, два шосе, три шосе! Каково? Разъ шосе... *(За сценой голосъ отца Сѣрмягина: «я тебя, негодяй! я тебя!»)*

Сѣрмягинъ.—Батюшки, отецъ увидалъ! пропалъ я теперича! *(подбѣгаетъ къ конторкѣ, раскрываетъ книгу и начинаетъ класть на счетахъ)*.

Голосъ отца Сѣрмягина. — Гляди ты: въ ногахъ-то точно шпатъ, ноги-то та̀къ и подергиваетъ!

Сѣрмягинъ.—Та̀къ и есть, увидалъ... сюда идетъ! Скажу: я молъ, тятенька, это не по ученому, а такъ просто, безъ умыслу,

отъ себя колѣно выкинулъ, и самъ не знаю, кàкъ это сдѣлалось... Или нѣтъ, лучше скажу: мозоль на ногѣ зашибъ; никакъ не могъ вытерпѣть: отъ боли пошелъ прыжки дѣлать. Авось повѣритъ; вѣдь онъ танцевъ не понимаетъ. Идетъ!... какой сердитый!... какъ буря валитъ!...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Отецъ и сынъ Сѣрмягины.

Отецъ Сѣрмягинъ. — Ты чтó тутъ дѣлаешь?

Сѣрмягинъ *(въ испугѣ)*. — Я, тятенька, ничего... я вотъ, тятенька, счетъ по дяденькиной фабрикѣ свожу.

Отецъ Сѣрмягинъ *(тихо)*.—Чтó такое съ Иваномъ дѣлается? такъ весь и трясется. Правду жена говоритъ, что я его больно запугалъ. *(громко)* Иванъ, поди сюда ко мнѣ!

Сѣрмягинъ.—Да зачѣмъ, тятенька?

Отецъ Сѣрмягинъ.—Поди, говорятъ тебѣ!

Сѣрмягинъ *(приближаясь къ отцу со страхомъ, тихо)*. — Ай, бить хочетъ!...

Отецъ Сѣрмягинъ,—Ближе подойди, ближе! (*Сѣрмягинъ подходитъ*; *отецъ кладетъ ему на плечо руку*). Видишь ты этотъ сундукъ?

Сѣрмягинъ. — Ви....жу.... тя....тень....ка.

Отецъ Сѣрмягинъ (*начинаетъ гладить сына по головѣ*). — Не бойся меня слишкомъ... Все, чтó я во всю жизнь мою скопилъ, все тутъ, въ этомъ сундукѣ. Сундукъ этотъ... ну тоже фабрики, лавки, домъ, все это твое—все это послѣ моей смерти тебѣ достанется. Кажись, тутъ есть чѣмъ отца помянуть? а?

Сѣрмягинъ.—Кажинный день, тятенька, поминать буду.

Отецъ Сѣрмягинъ. — Погоди еще поминать-то! Богъ дастъ поживу, женю тебя, дождусь внучатъ. Подъ старость всѣ заботы міра сего сложу на тебя. Коли увижу, что ты справлять мое дѣло будешь хорошо, ну, тогда, благословя тебя, я помру спокойно. Живи одинъ; помни объ отцѣ. Да смотри: ни въ чемъ не отступай отъ старины! Не потряси костей моихъ въ могилѣ!

Сѣрмягинъ.—Успокою, тятенька!

Отецъ Сѣрмягинъ (*грозно*). —Ну тото же! а нето я и мертвый на тебя изъ гроба возстану...

Сѣрмягинъ (*въ страхѣ*).—Ой, чтó это вы, тятенька? И слушать страшно! Зачѣмъ вамъ, тятенька, мертвому ходить? Будьте спокойны—все соблюду, чтó велите.

Отецъ Сърмягинъ. — Ну тото же! Бояться тебѣ, Иванъ, меня слишкомъ нѣчего; помни—я отецъ. Ну, поѣзжай съ Богомъ! Ты, кажись, сегодня собирался на дядину фабрику?

Сърмягинъ. — Да, тятенька, сегодня полотно пойдетъ въ кубовую

Отецъ Сърмягинъ.—Это хорошо, что ты объ дѣлѣ помнишь. Поѣзжай! Вели Амвросію молодую пѣгую запрячь въ новую телегу; да смотри, не испорти лошади, поѣзжай легонько. Ты слышалъ, я вотъ сейчасъ водовоза бранилъ за то, что онъ сороку упарилъ?

Сърмягинъ.—Слышалъ, тятенька!

Отецъ Сърмягина. —Та́къ упарилъ, что сорока ужь и хвостомъ не машетъ; да видно и опоилъ: ноги шпатъ подергиваетъ. Ну, поѣзжай съ Богомъ! (*Отецъ уходитъ*).

Сърмягинъ (*одинъ*).—Что́ такое на отца нашло? Вишь, какъ раздобрился: гладить вздумалъ; а я думалъ, онъ меня бить хочетъ... И пѣгой не пожалѣлъ—пѣгую велѣлъ запрячь въ новую телегу. Ну, ужь я на пѣгой въ телегѣ не поѣду—мы въ пролёткѣ прокатимъ! Слава Богу, вырвался изъ дому! Дома тоска, да и только. . Домовой давитъ... Онъ у насъ любитъ самое старинное, а я самое нынѣшнее. Вырвался изъ дому—теперь валяй! Сперва въ трактиръ, потомъ на фабрику, а тамъ и къ Акулинѣ Степановнѣ (*бѣжитъ и останавливается*). Стой! шапку забылъ (*беретъ шапку и убѣгаетъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Квартира Козыревыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сърмягинъ и Акулина Степановна.

Сърмягинъ (*вбѣгая*). — Акулина Степановна! спустилъ! спустилъ!

Акулина Степановна.—Да что́, что́ спустилъ? скажи...

Сърмягинъ.—Съ дядиной фабрики товару на три тысячи спустилъ! Вотъ и деньги! (*вынимаетъ и развертываетъ бумажникъ*).

Акулина Степановна. — Ахъ ты, прокуратъ, прокуратъ!

(*заглядывая въ бумажникъ*) Батюшка, да деньжищъ-то у тебя, деньжищъ-то. . пропасть! и не сочтешь..

Сѣрмягинъ.—Да вотъ считайте: за дядинъ товаръ взялъ три тысячи, изъ большаго сундука вынулъ двѣ, да въ лавкахъ изъ ящиковъ по мелочи набралъ тысячу двѣсти.

Акулина Степановна.—Батюшка, отецъ родной! тебѣ ужь и костюмъ модный принесли... Вонъ онъ у меня тамъ и лежитъ... И дѣвица сегодня тебѣ танцовать будетъ!

Сѣрмягинъ. — А вы за костюмъ деньги отдали?

Акулина Степановна —Отдала, свои отдала! и съ портнымъ не спорила.

Сѣрмягинъ.—А намедни чтó вы сказали?... «За тебя все плати, да плати, а получка неизвѣстно когда будетъ!» Кажется, я васъ не обманывалъ? Вотъ онѣ деньги-то! теперь нарочно же васъ помучу—до вечера денегъ не отдамъ!

Акулина Степановна.—Не надо, не надо! Кáкъ сказано, тáкъ пусть и будетъ—послѣ балу разочтемся. Иванъ Агаѳонычъ, соколъ ясный! ты на меня не сердись, прости! Это я такъ по глупости, по глупости по своей, по большой, сказала. Да чтó деньги-то? провались онѣ! Вѣдь я и не то, чтобъ какая-нибудь молоденькая, не изъ-за денегъ тебя полюбила: объ душѣ твоей хлопочу! Ну чтó деньги? плевать я на нихъ хотѣла! Вотъ счетъ, счетъ дѣло другое, счетъ дружбы не портитъ. Пожалуй, хоть теперь же надосугѣ и сочтемся. Вотъ и счеты... я въ твоихъ глазахъ и класть буду. Вина всего на всего, въ двѣ недѣли, ты набралъ только на 90 рублей 87 коп. Вѣдь у меня не то, что въ трактирѣ: я вино гостямъ безъ всякихъ выгодъ подаю—изъ одного удовольствія. За костюмъ — это ты ужь самъ рядился, 175 рублей. За ботинки плюнелевые 10 руб. 50 коп., за кадриль, вальсъ и мазурку, за все 500 рублей. Признаться, мы тебѣ на танцахъ большую уступку сдѣлали. Полькѣ будешь учиться, али нѣтъ?

Сѣрмягинъ. — Какъ же! буду, буду...

Акулина Степановна.—Ну, чтó съ тебя за польку положить? Давай семдесять-пять. Съ другихъ меньше ста не беремъ. А всего на всего, за все образованье 941 руб. 37 коп. Ты спроси, господа за образованье-то своихъ дѣтей десятками тысячъ платятъ.

Сѣрмягинъ.—А что, Акулина Степановна? Я, вѣдь, въ себѣ противъ прежняго большую перемѣну замѣчаю: всѣмъ тѣломъ сталъ развязку дѣлать; смѣлость не знаю откулова взялась, и понятіе просвѣтило.

Акулина Степановна. — То ли еще изъ тебя будетъ, какъ модный костюмъ надѣнешь, да съ дѣвицею протанцуешь! Сегодня же, мало тебѣ одной, двѣ дѣвицы будутъ — и обѣ благородныя. Коли хочешь, офицера вольнопрактикующаго позовемъ, артиста изъ театра, балъ такой зададимъ, что чудо!

Сѣрмягинъ. — Это бы хорошо! Да гдѣ же костюмъ-то? Давайте поскорѣе, я его надѣну.

Акулина Степановна. — Погоди, завьешься, одѣнешься — я тебѣ дамъ чистую манишку Ивана Кузмича, тогда вдругъ на себя въ зеркало и взглянешь! (*входитъ Степанида съ компасами*). Щипцы готовы. (*Акулина Степановна беретъ компасы*). Какіе горячіе! (*Степанида уходитъ*) Садись поскорѣе. (*Сѣрмягинъ садится*; *Акулина Степановна помадитъ и расчесываетъ ему волосы*) Да что это у тебя самая-то маковка голая? Плѣшивѣть тебѣ еще, кажется, рано.

Сѣрмягинъ. — Ужь вы лучше мнѣ объ этомъ и не говорите! Развѣ вы не видите, что это выстрижено по-нашему, по-обрядскому; это все нашихъ выдумки!

Акулина Степановна.—Вишь ты, какую они моду придумали! Ну, да ничего! Я тебѣ маковку-то волосами поприкрою... вотъ такъ! да фиксатуаромъ ее и позатру.

Сѣрмягинъ.—Съ этой маковкой срамъ въ общество показаться.,. Свѣтскіе люди замѣтятъ—бѣда! засмѣютъ.

Акулина Степановна.—Ничего! Этотъ изъянъ скрыть еще можно. Парикмахтеръ тебѣ, завивая, на самомъ этомъ мѣстѣ пуклю посадитъ, да еще какую пуклю-то, что всякой ею налюбуется.

Сѣрмягинъ. — Вотъ еще несчастіе-то, Акулина Степановна: борода расти начинаетъ! Я ее иногда выщипываю, да больно очень: волосъ у меня крѣпокъ.

Акулина Степановна.—Признаться, бородъ я сама не люблю: небритая больно колется. Ну, да ничего... я твоему горю пособлю, бороду твою мы вытравимъ — на Маросѣйкѣ такой составъ продается. Секретъ очень-хорошій: отъ него волосы съ любаго мѣста вылѣзаютъ и впредь не растутъ.

Сѣрмягинъ.—Неужели?

Акулина Степановна.—Право слово такъ!

Сѣрмягинъ.—А вѣдь это выдумка важная! Вытравимъ бороду! ей-Богу вытравимъ, Акулина Степановна! Коли спроситъ отецъ:

что борода не растетъ? скажу: я молъ, тятенька въ этомъ непричиненъ: такъ мать родила! Ай! ай! ай!...

Акулина Степановна.—Чтó, батюшка, чтò?

Сѣрмягинъ.— Да високъ обожгла! мóчи нѣтъ, какъ обожгла! Да никакъ и волосы-то всѣ спалила?

Акулина Степановна.—Немножко, немножко. Прости, отецъ родной! спѣшу вѣдь: того гляди, дѣвица сейчасъ прибудетъ.

Сѣрмягинъ.—А високъ-то такъ и деретъ, такъ и деретъ!

Акулина Степановна.—Постой, постой; я винцомъ примочу; всю боль какъ рукой сниметъ! (*примачивая*) Да и ты какой! тебѣ завиваютъ, а ты въ это время разсуждаешь, головой вертишь. Ну чтò, потихло ли?

Сѣрмягинъ. — Маленько полегчѣло!

Акулина Степановна. — А кокъ-то какой важный вышелъ! самъ мусьé съ Кузнецкаго такого тебѣ не сдѣлаетъ. Хоть подъ вѣнецъ иди.

Сѣрмягинъ.—Совсѣмъ, Акулина Степановна?

Акулина Степановна.—Погоди! притираньемъ притру (*утираетъ ему лицо полотенцемъ*).

Сѣрмягинъ. — Ахъ, ѣдкое какое! такъ лицо и рветъ. Боюсь, кожа съ лица бы не слѣзла?

Акулина Степановна —Чтò ты! Это снадобье я сама приготовляла; ты хоть съѣшь его, такъ и то вреда никакого не будетъ (*глядя въ окно*). Иванъ Агаѳонычъ, гостья идетъ!

Сѣрмягинъ.—Идетъ?... Гдѣ костюмъ-то? костюмъ-то гдѣ, Акулина Степановна?

Акулина Степановна. — Бѣги туда, къ Ивану Кузмичу. Тамъ и костюмъ, тамъ за ширмой и переодѣнешься (*Сѣрмягинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Акулина Степановна и Марья Сергѣевна.

Марья Сергѣевна (*входя*) — Здравствуйте, Акулина Степановна.

Акулина Степановна.—Ну, Машенька! очень благодарю, что ты ждать себя не заставила, по первому зову пришла. Чтó дома сидѣть! ты у меня и попьешь, и поѣшь, и потанцуешь. Гость у меня, Машенька, какой богатый! Я знаю, ты ему понравишься. Щедрый, любитъ подарки дѣлать. Ну, ужь въ этомъ онъ сперва со мной посовѣтуется; это все отъ меня зависитъ. Я ему могу

сказать: дайте ей чего-нибудь шерстянаго аршина три. Сама ты знаешь, изъ трехъ аршинъ платья не сдѣлаешь. Или скажу: полно-те, не срамите себя, подарите ей цѣлую штуку хорошей матеріи. Онъ тебѣ штуку-то и подаритъ. Отъ штуки-то, понимаешь, на какое хочешь полное платье можно отрѣзать. Ну, а остальное я себѣ возьму.

Марья Сергѣевна.—Помилуйте, Акулина Степановна! Да я и этимъ очень-довольна буду.

Акулина Степановна.—Я тебя потому и пригласила, что ты дѣвица молодая, сговорчивая.

Марья Сергѣевна.—Очень вами благодарна, Акулина Степановна.

Акулина Степановна.—Да смотри, Марья Сергѣвна! смутъ какихъ не сдѣлай.

Марья Сергѣевна.—Чтó вы это, Акулина Степановна! Будьте покойны: я слишкомъ годъ на одной квартирѣ живу, даже не знаю, чтó сосѣди за перегородкой дѣлаютъ.

Акулина Степановна.—Ну, да я въ тебѣ увѣрена.

Марья Сергѣевна.—Да гдѣ же гость-то, Акулина Степановна?

Акулина Степановна.—Вонъ онъ тамъ, въ той комнатѣ, за ширмой переодѣвается.

Марья Сергѣевна.—Образованный?

Акулина Степановна.—Да ужь почти совсѣмъ образованный, только кой-какія свѣтскія приличія надобно ему еще показать; съ дѣвицами мало обращался, такъ ты, понимаешь? льготы ему побольше давай.

Марья Сергѣевна.—Купеческій сынъ?

Акулина Степановна.—Дá, матушка, купеческій, купеческій. Ахъ, ты Господи! я еще и неодѣта. Пойдемъ, Марья Сергѣвна, ты мнѣ тамъ чепецъ и перелинку приколешь. Постой, вино на столъ поставлю (*вынимаетъ изъ шкафа и ставитъ на столъ бутылки*). Ну, пойдемъ!

Марья Сергѣевна.—Да кàкъ же туда идти? вѣдь тамъ гость одѣвается?

Акулина Степановна. — Ничего; онъ тамъ за ширмой. Та комната у меня тоже чистая: тамъ и познакомитесь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Степанида (*одна, подметая полъ*).—Комнату велѣла прибрать. Не успѣешь подмéсти, какъ они съ этими проклятыми танцами

опять пыль поднимутъ! Что̀ это такое свѣтится?... думала, что гривенникъ... нѣтъ, пуговица. Игроки на игрѣ хоть деньги теряютъ, а эти безпутные танцовальщики, если что̀ и растеряютъ, такъ развѣ костяжки. Какъ же, жди въ здѣшнемъ домѣ добра! Огарокъ какой стащишь, такъ хозяйка всю твою подноготную подниметъ, такъ пройметъ, что рада будешь ей, отъ всей своей бѣдности, за свои послѣднія кровныя, трудовыя, три свѣчки купить, только бы замолчала! А сама-то съ гостей сотнями хапаетъ; другаго какъ липку облупитъ (*смотритъ въ боковую дверь*). Гляди, ка́къ купца-то преобразила! настоящимъ французомъ сдѣлала, и шемизетницу ему привела... Теперь его и мать родная нескоро призна́етъ; а и призна́етъ, такъ, глядя на него, вдоволь наплачется (*слышенъ стукъ въ заднюю дверь*). Вишь ты, нелегкая-то какъ ихъ разбираетъ! Это еще какой-нибудь новый пострѣлъ въ науку ломится. Стукъ какой поднялъ! Погоди: сейчасъ сама къ тебѣ выйдетъ, какъ разъ ублаготворитъ! (*уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Акулина Степановна и Шмыгаловъ за дверью.

Акулина Степановна (*входя*).—Что́ хочешь? А! это Шмыгаловъ стучится! (*подходя къ двери*). Кто тамъ?

Голосъ Шмыгалова.—Я.

Акулина Степановна.—Да кто?

Голосъ Шмыгалова.—Да я! отопри!

Акулина Степановна.—Кто ты? я не знаю.

Голосъ Шмыгалова. — Да я, чортъ возьми! Власъ Петровъ Шмыгаловъ.

Акулина Степановна. — Ахъ, это ты, Власъ Петровичъ! Иванъ Агаѳонычъ не велѣлъ никого впускать. Вѣдь ты свою долю получилъ: чего же еще надо? Ненасытная твоя душа, Власъ Петровичъ!

Голосъ Шмыгалова.—Пусти, у меня дѣло есть... Ей-ей! я къ вамъ не за деньгами пришелъ, я свои принесъ. Вотъ въ рукѣ сторублевую держу... Я и въ горницу не хочу заходить; отвори дверь, чтобы только руку просунуть; возьмите деньги, да и Богъ съ вами!

Акулина Степановна. — Однако ты забавникъ! Я и понять не могу, что́ ты говоришь. Что́ съ тобой сдѣлалось? деньгами на-

граждаешь. Да ты напрямикъ скажи: къ чему ты свою рѣчь клонишь?

Голосъ Шмыгалова.—Ну да чтó? Тебѣ, поди, все извѣстно, каковы дѣла-то Сѣрмягинъ работаетъ. Слышь ты: вчера ночью свозилъ товаръ съ дядиной фабрики. Товаръ у нихъ такой важный, прочный, на чести, а онъ его за безцѣнокъ спустилъ. Даже жалости подобно: платки пятирублевые по рублю пошли. Это его одинъ тулякъ такъ нагрѣлъ. Я этого туляка коротко знаю: онъ кулакъ. Ты скажи это Сѣрмягину. Пусть онъ лучше со мной дѣло имѣетъ; я ему за все дороже дамъ. Если хочетъ, нетолько товаръ, всѣ машины съ фабрики, какъ по маслу, въ одну ночь спустимъ. Пусти, Акулина! Я ему задатокъ принесъ. Не будь ненавистницей, дай бѣдному человѣку копейку нажить!

Акулина Степановна.—Послушай, Власъ Петровичъ! Нé въ пору гость хуже татарина. Лучше я къ тебѣ его самого вышлю. Мое дѣло сторона: кáкъ хотите, тáкъ и дѣлайтесь (*отходя отъ двери*). Иванъ Агаѳонычъ!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Шмыгаловъ за дверью, Акулина Степановна и Сѣрмягинъ, одѣтый въ модный костюмъ.

Сѣрмягинъ (*входя*).—Кто это стучится, Акулина Степановна?

Акулина Степановна. — Шмыгаловъ! Ступай, ступай! гони его! Онъ мужикъ; дѣвица съ нимъ въ одномъ обществѣ быть ни за чтó не согласится: она сейчасъ уйдетъ. Отъ него не отвяжешься, будетъ денегъ просить. Цѣлый день не уйдетъ, и вино все попьетъ, и закуску всю поѣстъ. Гони его! (*уходитъ*).

Сѣрмягинъ. — Кáкъ ты смѣешь такъ стучаться? чтó тебѣ надо?

Шмыгаловъ.—Не сердитесь, Иванъ Агаѳонычъ! пустите: у меня есть дѣло (*Сѣрмягинъ отпираетъ дверь, Шмыгаловъ лѣзетъ въ нее насильно*).

Сѣрмягинъ.—Вонъ, говорятъ тебѣ!

Шмыгаловъ. —Да чтó вы меня гоните? Я не пойду... я въ гости пришелъ.

Сѣрмягинъ. — А! ты не пойдешь? ты въ гости пришелъ? такъ вотъ тебѣ! (*хватаетъ Шмыгалова за бороду*).

Шмыгаловъ. — Вотъ такъ! вотъ спасибо на угощеньи!... Ахъ, ты бусурманъ проклятый! Вишь ты, въ бороду вцѣпился!

Да знаешь ли, чтó тебѣ за это будетъ? Вѣдь это значитъ ты противъ патріарха пошелъ! Хорошо! ладно! (*уходитъ*).

Явленіе шестое.

Сѣрмягинъ и Акулина Степановна.

Акулина Степановна.—Ну чтó? ушелъ?

Сѣрмягинъ.—Ушелъ!

Акулина Степановна.—Ай-да, Иванъ Агаѳонычъ! признаться, не чаяла я въ тебѣ такой удали!... Онъ чай въ попыхахъ-то подумалъ, что на него графъ какой налетѣлъ! Видомъ-то своимъ ты его больно устрашилъ.

Сѣрмягинъ. — Да, вѣдь, я много разговаривать не люблю... Дай мужику потачку, такъ мужикъ сейчасъ зазнáется. А каковъ въ-самомъ-дѣлѣ видъ-то, Акулина Степановна?

Акулина Степановна.—Баронскій!

Сѣрмягинъ. — Я этого вина пить не буду... Шампанскаго!

Акулина Степановна.—Сейчасъ, сейчасъ принесу, и Марью Сергѣвну кликну (*уходитъ*).

Явленіе седьмое.

Сѣрмягинъ одинъ.

А Марья Сергѣвна очень-недурна. Дѣвица первый сортъ, воспитаннаго сложенія... (*подходитъ къ зеркалу*). Батюшки! ужь я ли это? Словно и не я, а тотъ, господинъ, что вчера у меня взаймы просилъ. Вотъ перемѣнился-то! даже своего собственнаго носу узнать не могу; носъ вышелъ совсѣмъ на манеръ иностраннаго: не то сталъ французскій, не то аглецкой. Танцовать умѣю, одѣтъ по послѣдней модѣ, теперь только стóитъ заговорить по французскому. Дай-ко попробую (*подражаетъ звукамъ французскаго языка*): бонъ, зонъ, тонъ. А вѣдь похоже!

Явленіе восьмое.

Марья Сергѣевна, Иванъ Кузмичъ со скрипкой въ рукахъ; Сѣрмягинъ и Акулина Степановна.

Акулина Степановна (*подносся Сѣрмягину на подносѣ вино*).— Ну, батюшка, съ обновой тебя, съ обновой! Носить, да поскорѣе износить, да еще почище сшить!

Сѣрмягинъ (*беретъ съ подноса стаканъ съ виномъ*). — Да настоящее ли это шампанское-то?

Акулина Степановна. — Сладость такая, что языкъ проглотишь!

Сѣрмягинъ —Я не слыхалъ, ка́къ оно и хлопнуло—то...

Акулина Степановна —Какъ изъ ружья выпалило! вотъ хоть у Марьи Сергѣвны спроси. Марья Сергѣвна! возьми стаканчикъ, не церемонься; это винцо дамское (*Марья Сергѣевна беретъ стаканъ. Акулина Степановна говоритъ ей тихо*). Да похвали костюмъ—то!

Марья Сергѣевна. — Съ обновой васъ! (*отпиваетъ немного изъ стакана*). Вы блондинъ: къ вамъ и фракъ, и жилетъ, и панталоны эти очень идутъ.

Сѣрмягинъ.—Покорно васъ благодарю, сударыня. — Вы сами такіе...

Акулина Степановна —А ты скажи: вы, молъ, по молодости и красотѣ, цвѣту подобны. Ну, батюшка, проси дѣвицу на танцы. Что́ играть—то?

Сѣрмягинъ.—Вальсъ. Марья Сергѣвна, прошу!

Акулина Степановна.—Да объ чемъ просишь—то, неизвѣстно! А ты сдѣлай это обстоятельно: подойди къ дѣвицѣ, раскланяйся, ка́къ тебя Иванъ Кузмичъ училъ, да и скажи: удостойте, сударыня, чести со мной въ танцѣ пройтися. Вотъ ка́къ!

Марья Сергѣевна.—Нѣтъ, Акулина Степановна, кавалеры говорятъ: я васъ ангажирую на вальсъ, или на польку... что́ музыка играетъ.

Сѣрмягинъ. — Вотъ видите-ли? Вы сами-то порядкомъ не знаете, а еще учить хотите.

Акулина Степановна. — Я не спорю; это точно бываетъ; на нѣмецкихъ балахъ говорятъ, точно говорятъ: я васъ англажирую. Да вѣдь это слово-то нѣмецкое, чортъ его знаетъ, что́ оно и значитъ! Пожалуй ты его еще переврешь, да и скажешь дѣвицѣ что-нибудь самое непристойное.

Сѣрмягинъ.—Что́ же? по вашему, я такой невѣжа, что иностраннаго слова и сказать не съумѣю? Марья Сергѣвна, англизирую!

Марья Сергѣевна. — Мерси! Только надобно сказать, ангажирую.

Сѣрмягинъ.—Ну-съ, очень-хорошо! (*беретъ Марью Сергѣевну на вальсъ*).

Марья Сергѣевна.—Ловко ли вамъ? Вы плотнѣе беритесь за талію.

Сѣрмягинъ.—Ловко, сударыня, очень-ловко... мнѣ никогда, въ цѣлую жизнь такъ ловко не было.

Иванъ Кузмичъ (*играя на скрипкѣ*).—Разъ, два, три; разъ, два, три. Прекрасно, Иванъ Агаѳонычъ!

Сѣрмягинъ. — Валяй, Иванъ Кузмичъ, не робѣй! въ самый тактъ потрафимъ!

Акулина Степановна.—Легче, легче! бѣдъ не надѣлай: дѣвицу, съ ногъ не сшиби.

Сѣрмягинъ (*переставая танцовать*).—Отвяжитесь! Безъ васъ знаютъ!

Акулина Степановна.—Тебѣ на замѣчанье обижаться нечего: ты еще учишься...

Сѣрмягинъ.—Учишься, учишься! Чтó вы меня срамите-то? У отца моего, чтó ли, переняли?

Акулина Степановна.—Э, да ты Марьи Сергѣвны стыдишься! Ничего: она не взыщетъ. А я все-таки тебѣ скажу: дѣвицу, послѣ вальсу такъ-то на ногахъ не оставляй— невѣжливо! А ты великатно усади ее на стулѣ, и самъ возлѣ нея сядь неглежа съ отвагой: голову склони, ноги вытяни, и займись свѣтскимъ разговоромъ. Спрашивай: удовольствія молъ, сударыня, любите ли? подъ Новинскимъ гуляете ли? Покажи ей булавочку, а самъ спроси: чего, молъ, вы, сударыня, желаете этой булавочкѣ? Или прочти ей любовный конфетный билетецъ, вотъ хоть такой: «Съ тѣхъ-поръ, какъ я тебя узналъ, однѣ мученія спозналъ», да и вздохни.

Марья Сергѣевна. — Нѣтъ, Акулина Степановна, теперь ужь этого кавалеры не дѣлаютъ. Ныньче на танцахъ все больше занимаются разговоромъ насчетъ чтенія. Кавалеры дѣвицъ все спрашиваютъ: «Вѣчнаго жида» читали ли?

Акулина Степановна. — Да ты ужь не умничай! слишкомъ себя не показывай! Либо тебѣ его учить, либо мнѣ! Кажется, я тебя буду поопытнѣй...

Сѣрмягинъ —Чтó жь такое! Вы разсказываете, кàкъ это прежде, въ старину водилось. Старинное-то мнѣ и дома наскучило! А Марья Сергѣевна говоритъ, кáкъ это теперь на танцахъ дѣлается. Ужь знать, такъ знать самое-нынѣшнее!

Акулина Степановна. — Да чтó вы со старостью-то очень разносились? сто лѣтъ мнѣ, чтó ли?

Сѣрмягинъ. — Да ужь какъ хотите, а Марья Сергѣвна почище вашего всякую моду знаетъ!

Акулина Степановна.—А когда знаетъ, ей и книги въ руки... Я бы тебѣ сказала, какую она моду-то знаетъ, да вотъ только на грѣхъ не хочу находить!

Марья Сергѣевна.—Ахъ, Боже мой! на какія непріятности я сюда попала!

Сѣрмягинъ (*къ Марьѣ Сергѣевнѣ*). — Не огорчайтесь! Выкушайте!... вотъ хоть закусите... Плюньте, Марья Сергѣвна! (*къ Акулинѣ Степановнѣ*). Эхъ вы! никакого обхожденія не понимаете! Шампанскаго!

Акулина Степановна. — Сейчасъ, сейчасъ. Кушайте на здоровье! вина у меня много. Иванъ Кузьмичъ, пойдемъ (*тихо*). Каково? Не то по глупости, не то съ умысломъ... Я сама за виномъ схожу, а ты стань здѣсь за дверью, да и слушай объ чемъ они говорить будутъ (*оба уходятъ*).

Марья Сергѣевна.—Эта Акулина Степановна сама не знаетъ даже, чтó такое бон-журъ, а еще учить, образовывать берется!

Сѣрмягинъ. — Я объ этомъ ее не просилъ... это она сама... это у нея такая скверная привычка! Я самъ все лучше ея знаю!

Марья Сергѣевна.—Гдѣ же ей то знать, чтó кавалеръ знать можетъ! Она только васъ конфузитъ, больше ничего.

Сѣрмягинъ. — Еслибы не вы, нога бы моя здѣсь больше не была. Позвольте, Марья Сергѣвна, я лучше завтра къ вамъ прямо на квартиру пріѣду.

Марья Сергѣевна.—Ахъ, нѣтъ! ради Бога этого не дѣлайте! Неравно вы у меня застанете тётеньку... Родные у меня всѣ очень-хорошіе, и она меня очень-строго содержитъ. Если вы ужь непремѣнно желаете гдѣ-нибудь наединѣ со мной видѣться и переговорить, то пріѣзжайте къ одной моей знакомой. Я вамъ дамъ ея адресъ. Только я, право, не знаю, какое вы въ этомъ свиданіи можете найти для себя удовольствіе.

Сѣрмягинъ.—Очень-большое-съ, Марья Сергѣвна!

Марья Сергѣевна.—Нѣтъ, право, лучше забудьте меня!... Какая славная матерія у васъ на жилетѣ и кáкъ часто обметаны петли; это, должно-быть, нѣмецъ работалъ?

Сѣрмягинъ.—Нѣмецъ-съ, нѣмецъ-съ (*тихо*). Была не была, откроюсь въ любви! Акулина Степановна учила... Нѣтъ, да я лучше по-своему. Для храбрости надо выпить (*подходитъ къ столу и пьетъ; потомъ становится позади Марьи Сергѣевны и начинаетъ подкашливать*). Кхи! кхи!

Марья Сергѣевна. — Что̀ это, вы простудились? у васъ кашель.

Сѣрмягинъ. — Ничего-съ... это я такъ (*тихо*). Не догадалась! (*пьетъ еще*) Марья Сергѣвна! полюби... би... би... би...

Марья Сергѣевна.—Что̀ такое-съ?

Сѣрмягинъ —Ничего-съ... Виноватъ, Марья Сергѣевна, оробѣлъ!

Марья Сергѣевна. — Говорите; ничего-съ!

Сѣрмягинъ. — Нѣтъ, лучше послѣ...

Марья Сергѣевна. — Отчего же не теперь? Съ вами и разговаривать пріятно, и танцовать ловко. Не знаю, ка̀къ кому, а мнѣ вы очень нравитесь!

Сѣрмягинъ. — А когда такъ, Марья Сергѣвна, позвольте васъ поцаловать!

Марья Сергѣевна. — Нѣтъ лучше послѣ... (*тихо*) Какой недогадливый! другой давно-бы ужь поцаловалъ... (*громко*) Право, я боюсь, кто бы не увидалъ...

Сѣрмягинъ. — Ничего; будьте покойны, никто не увидитъ! (*цалуются*) Осчастливьте еще разъ, Марья Сергѣвна!

Марья Сергѣевна.—Ахъ, Боже мой! Я вижу, вы самый недовольный мужчина! Извольте разъ... только ужь никакъ не больше (*цалуются*). Что̀ я только дѣлаю? Не глядите на меня! мнѣ совѣстно. Что̀ вы послѣ этого обо мнѣ подумаете? Вотъ, скажете, хороша: не успѣла познакомиться ужь и цалуется! Этого со мной до васъ никогда еще не случалось; это просто нашло на меня какое-то забвеніе! А вамъ и не грѣхъ пользоваться такой минутой? Вы и рады, что напали врасплохъ? Акулина Степановна придетъ, а у меня весь жаръ вступилъ въ лицо. Потрудитесь принести мнѣ стаканъ воды.

Сѣрмягинъ. — Сейчасъ, Марья Сергѣвна, сейчасъ! (*тихо*) Каковы обороты-то сталъ дѣлать! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марья Сергѣевна (*одна*). — Кажется, я ему очень понравилась. Человѣкъ богатый... Что̀ жь мудренаго? можетъ на всю жизнь составить счастіе. А что̀ за жизнь моя теперь? Однимъ словомъ, жизнь жилицы за перегородкой: хозяйка бранитъ, лавочникъ не вѣритъ... Ломаешь голову, придумываешь, ка̀къ изъ стараго своего платья передѣлать на лѣто бурнусъ, изъ бурнуса—мантилью,

изъ мантильи — косынку, и вѣчно ходишь въ перекроенномъ! А чтó жь? Можетъ и у меня такъ же, какъ у другихъ, будутъ и лошади, и богатая квартира, и наряды. Говорятъ, онъ очень-щедръ. Боюсь, Акулина Степановна какъ-разъ испортитъ все дѣло. Боже мой, уши такъ и горятъ! вѣрно она ему чтó-нибудь теперь про меня сплетничаетъ. А у меня развѣ языка нѣтъ? Пойду и сейчасъ же ему скажу: «не вѣрьте ей; она обманщица!... она васъ дуракомъ называетъ» (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Иванъ Кузьмичъ (*одинъ*). — Ге, ге! Вино и стаканы на столѣ, а никого нѣтъ. Отчего послѣ трудовъ и не выпить? (*пьетъ*) Живу не то-что какимъ-нибудь ремесломъ, а самымъ благороднымъ искусствомъ. Акулина Степановна ничего этого не понимаетъ: ей все-равно, что танцмейстеръ, что башмашникъ. Говоритъ, вышла бы за башмашника, была бы счастливѣе (*пьетъ*). Но ужь кáкъ она тамъ ни мудри, а жена все-таки должна бояться своего мужа!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Акулина Степановна и Иванъ Кузьмичъ.

Акулина Степановна (*входя*). — Да чтó ты это около бутылокъ-то ухаживаешь?

Иванъ Кузьмичъ. — Это я, Акулина Степановна, остаточки, остаточки... чтó въ стаканахъ осталось.

Акулина Степановна. — Эхъ ты каплюжникъ! Дѣло-то у насъ съ Сѣрмягинымъ совсѣмъ разлаживается, а тебѣ и горя мало! Сирота я, круглая, горькая сирота! обо всемъ-то я должна сама подумать (*грозно подступаетъ къ мужу*). Смотри ты у меня, шлюня! каплюжникъ этакой! Я тебя!

Иванъ Кузьмичъ (*отступаетъ въ страхѣ*). — За чтó жь, Акулина Степановна? помилуйте! чтó вы?... я ни въ чемъ непричиненъ.

Акулина Степановна. — Не пьянствуй!... Смотри, ѣсть цѣлую недѣлю не дамъ. Каковъ Иванъ Агаѳонычъ? А все это модница-то! Змѣя, змѣя! ужалила, на смерть ужалила! Чтó если, лиходѣй, денегъ-то онъ мнѣ не отдастъ? Разоритъ, въ слезахъ утопитъ! Тьфу ты!... Экія скверныя мысли приходятъ сегодня мнѣ въ голову. Ну кáкъ не отдастъ? Онъ, говорятъ, и въ трактирахъ, и вездѣ на расплату честенъ. А не то вѣдь его можно и отцомъ припугнуть... Ну, да чтó, что свои-то я съ него получу? Много ли ихъ! Вѣдь у него еще останется денегъ-то ги-

бель... Она у него завтра же всѣ выманитъ, мнѣ ни копейки не дастъ... Не люблю я этихъ картъ, да ужь дѣлать съ нимъ больше нѣчего. Любезницу-то эту надо заднимъ крыльцомъ спровадить, а его хорошенько картами, чтобъ посмирнѣе былъ!

Иванъ Кузьмичъ. — Это бы хорошо, Акулина Степановна!

Акулина Степановна. — Бѣги-ка ты къ Вавилѣ Семенычу, скажи ему: Акулина Степановна приказала вамъ кланяться и велѣла какъ-можно-скорѣй поспѣшить; дѣло, молъ, самое интересное: купеческій сынъ гуляетъ. Да захватите, молъ, съ собой все, чтó для этого случая нужно... понимаешь?

Иванъ Кузьмичъ. — Понимаю, Акулина Степановна—карты.

Акулина Степановна. — Да вѣдь онъ за картами-то часа три провозится, начнетъ ихъ подмазывать, да подклеивать. А ты вотъ чтó... вѣдь онъ при этомъ всегда разспрашиваетъ: каковъ человѣкъ, на коробъ пойдетъ ли? а то, говоритъ, можно обойтись и безъ этой механики. Ты и скажи: человѣкъ, молъ, и пить сталъ, и влюбился, и образовался, въ такомъ часу, что не токмо въ коробъ, въ настушку полѣзетъ. Тáкъ и скажи. Ступай, да живѣй же!

Иванъ Кузьмичъ. — На крыльяхъ слетаю! (*оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Сѣрмягинъ и Марья Сергѣевна.

Сѣрмягинъ (*навеселѣ; въ концѣ сцены дѣйствіе хмѣля становится замѣтнѣе*). — Да ужь насчетъ этого, Марья Сергѣвна, будьте покойны: салопъ у васъ будетъ не такой, въ какомъ вы сюда пришли; салопъ у васъ будетъ тысячный, шляпа съ перомъ, сторублевая! Квартиру я вамъ найму во второмъ этажѣ. Лошадей какихъ заведемъ! Какъ запустимъ вдоль Кузнецкаго-то, такъ только держись! у всѣхъ пѣшеходовъ отъ страху съ головъ шапки посыплются. Мы съ вами, примѣрно сказать, сегодня въ театръ, а завтра — въ собраніе. Въ собраньи-то — понимаешь? оффиціантъ будетъ стоять предъ нами на вытяжку, а мы ему: давай, братецъ, того, давай другаго, давай всего, чтó у васъ есть наилучшаго! Вѣдь мы не то, что вонъ тамъ эти сидятъ... Денегъ у насъ сколько хочешь!... А въ театръ-то поѣдемъ не то, что на какую-нибудь комедію, а прямо на Гамлета-съ! Мѣсто выберемъ какое повиднѣе, чтобъ и мы всѣхъ видѣли, чтобъ и насъ всѣ видѣли. Цыганамъ велимъ величать себя; цѣлымъ хоромъ грянутъ: да здравствуетъ Иванъ Агаѳонычъ! да здравствуетъ Марья Сергѣевна! Прогремимъ, на всю Москву прогремимъ!

Марья Сергѣевна. — Ахъ, еслибъ это все исполнилось!

Сърмягинъ. — Все исполнится! Ни денегъ, ни спокойствія, ни здоровья, ничего не пожалѣю. Все извѣдаю, все испытаю, всю образованость насквозь пройду !

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Акулина Степановна.

Акулина Степановна. —(*подноситъ вина Сърмягину и Марьѣ Сергѣевнѣ*). — Выкушайте, не сердитесь! Сейчасъ гость ко мнѣ пріѣдетъ, веселый-развеселый; всѣхъ насъ помиритъ. (*Всѣ берутъ по стакану вина*).

Сърмягинъ. — Сигару, чортъ возьми!

Акулина Степановна. — Потише, потише! Я такого крику до смерти боюсь. Скажи легонько, чтó тебѣ надо, сейчасъ подамъ. Вотъ тебѣ и сигара, самая апетитная, галанская.

Сърмягинъ (*закуриваетъ сигару*). — Чтò жь я у васъ въ гостяхъ не задаромъ, а за свои!... Да здравствуетъ образованность! (*пьетъ и разбиваетъ стаканъ*) ура!

Акулина Степановна. — Чтó ты дѣлаешь? Чтó ты дѣлаешь? Посуда у меня старинная! Теперь такой ни за какія деньги не купить.

Сърмягинъ.—А! старинная! такъ тáкъ ее и надо! (*бьетъ посуду*).

Акулина Степановна. — Ай, пощади!... Ай, все разорилъ! Марья Сергѣвна, голубушка, уйми его!

Марья Сергѣевна. — Вы ли это, Иванъ Агаѳонычъ? Я васъ не узнаю... я подобныхъ сценъ не могу видѣть ; со мной сейчасъ сдѣлается дурно.

Сърмягинъ. — Простите, Марья Сергѣвна, гуляю! Образовался! совсѣмъ образовался! (*Дверь заднягo занавѣса растворяется; входятъ отецъ Сърмягина и Шмыгаловъ, которыхъ остальныя дѣйствующія лица не замѣчаютъ*). Эхъ, умри только отецъ! А не то я отъ него отъ живаго отдѣлюсь... Вмѣсто отца, дядьку француза къ себѣ возьму! На фабрикѣ у меня все нѣмцы будутъ! Ура! наша взяла!... Гнать бороды!...

Отецъ Сърмягина (*выступая на авансцену*). — Погоди маленько !

Сърмягинъ. — Чтó это? отецъ!

Марья Сергѣевна. — Отецъ!

Акулина Степанова. — Отецъ...

(*Занавѣсъ опускается.*)

В. ОСИПОВЪ.

1852 г.

РАЗВИТІЕ ЯВЛЕНІЙ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

«Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія», *Н. Чернышевскаго (въ 12 № «Соврем.» 1858)*

*«***Логика общины***» (7 и 9 вып. «Указателя политико-экон.» 1859).*

Пересматривая статьи ученаго содержанія въ нашихъ журналахъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего между различными изслѣдованіями по тому или другому научному вопросу замѣчается такъ-мало взаимной связи? отчего каждый писатель большею частью говоритъ только свое, не заботясь о томъ, что́ высказано другимъ? Нельзя же это объяснить только тѣмъ, что наши писатели больше пишутъ, чѣмъ читаютъ. Можетъ-статься, они не имѣютъ времени развивать чужія мысли, спѣша высказать свои собственныя задушевныя убѣжденія, или же питаютъ мало довѣрія къ чужому труду. «Не выписано ли это откуда? не переведено ли?» (подобныя подозрѣнія высказывались даже замѣчательными публицистами). Но вѣрнѣе всего, что наше общество не привыкло еще заявлять свое мнѣніе. Еще недавно «Современникъ» сдѣлалъ за это выговоръ публикѣ. Статьи болѣе или менѣе дѣльныя требуютъ поддержки, а между-тѣмъ объ нихъ также молчатъ, какъ и о тѣхъ, которыя, что́-называется, ни рыба, ни мясо (*). Публика, разумѣется, можетъ выражать свое мнѣніе неиначе, какъ печатнымъ словомъ, то-есть чрезъ писателей, только болѣе или менѣе постороннихъ, непричастныхъ спору. Нѣсколько лѣтъ назадъ, почти каждый журналъ дѣлалъ обзоръ статьямъ прочихъ журна-

---

(*) Въ обзорѣ литературы за прошлый годъ («Совр.» № 4), очень-удачно растолкованъ слѣдующій эпиграфъ (изъ Гоголя): «Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ,—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валетъ мой пикъ и беретъ.» — Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

ловъ. Теперь такіе обзоры уже вывелись изъ употребленія: самое разнообразіе вопросовъ, теперь обсуждаемыхъ, требуетъ спеціальныхъ знаній, недоступныхъ силамъ одиночныхъ рецензентовъ. Можетъ-быть, именно ради означеннымъ обзоровъ, у насъ не было прежде и не вошло еще теперь въ обыкновеніе принимать всякому дѣятельное участіе въ литературныхъ спорахъ. Ка́къ бы ни было, нельзя отвергать кажущагося безучастія публики къ литературнымъ явленіямъ. Ужь чего, напримѣръ, «*Указатель* политико-экономическій»?.. И журналъ-то спеціальный, и названіе-то подающее надежды, а между-тѣмъ онъ готовъ указывать всякіе слухи и вѣсти (хозяйственныя, правительственныя, политическія), которыя могутъ имѣть мѣсто во всякой газетѣ; избѣгаетъ онъ только указаній на достоинства статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Не предѣлы журнала не дозволяютъ помѣщать указанія послѣдняго рода: въ «Указателѣ» помѣщаются простыя *изложенія* даже незначительныхъ статей (пустыхъ проектовъ объ устройствѣ крестьянскаго быта, о важности знанія цѣнности вещей и труда, и проч.). Случается довольно-часто, что подвергаются критическому разбору статьи, въ которыхъ авторы слишкомъ ужь заговариваются, но въ этихъ-то именно случаяхъ и не стбило бы хлопотать: ненужно глубокихъ спеціальныхъ познаній, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству. Еслибъ не было такихъ случаевъ, то мы, пожалуй, и не стали бы дѣлать замѣчанія «Указателю». Надо отдать ему справедливость въ томъ, что онъ тщательно слѣдитъ за экономическими *событіями*, очень-часто подаетъ рѣшительный голосъ, въ одобреніе или охужденіе ихъ, не дожидаясь подачи другихъ голосовъ, по которымъ можно было бы судить, на чью сторону клонится общественное мнѣніе. Почтенный редакторъ-издатель «Указателя» не принадлежитъ къ числу тѣхъ экономистовъ, которые черезъ-чуръ опасаются полемики, отчего произведенія ихъ имѣютъ видъ какихъ-то предисловій, или же касаются вопросовъ, никого незатрогивающихъ. Угодить «нашимъ и вашимъ» — вотъ забота такихъ писателей. Самые смѣлые изъ нихъ, если и рѣшаются оспаривать мнѣнія, несогласныя съ ихъ убѣжденіями, то неиначе, какъ съ осторожностью, не касаясь личностей. Соблюдая извѣстныя приличія, они требуютъ, чтобъ и другіе соблюдали эти приличія. Но не вздорны ли эти приличія?.. Иной сотрудникъ какого-либо журнала, чтобъ не пеняли на редакцію за мнѣнія, общее сочувствіе къ которымъ сомнительно, употребляетъ «я» (вмѣсто «мы»). За это, нѣкоторые соблюдатели приличій обвиняютъ его чуть не въ нахальствѣ. Даже, говоря о какомъ-нибудь австрійскомъ фельдмаршалѣ (послѣдствіе распоряженій котораго называютъ прямымъ убійствомъ, достойнымъ грубыхъ предковъ), непремѣнно назовутъ его самого

«почтеннымъ». Иной писатель, говоря о разныхъ авторахъ, не называетъ по имени только тѣхъ, на которыхъ высказываетъ негодованіе; а благовоспитанные люди, по поводу именъ и остальныхъ авторовъ, тычутъ ему въ глаза поговорку: «nomina sunt odiosa». Эти же господа весьма-щедро пересыпаютъ свои статьи пальмерстоновскими сарказмами, направленными на всѣхъ вообще и на каждаго въ-особенности. Между-тѣмъ, есть странные люди, которые (какъ г. Чернышевскій) находятъ пріятнымъ «читать гнѣвную брань противъ себя» и утверждаютъ даже, что «выше этой пріятности нѣтъ ничего для писателя, любящаго колебать старые и надменные предразсудки» («Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія», въ № 12 «Соврем.» 1858 г. стр. 578). Рѣзкій тонъ статей можетъ многимъ не нравиться. Но дѣло не въ тонѣ, а въ содержаніи (какъ справедливо замѣчаетъ «Указатель» по поводу статьи того же автора во 2-мъ № «Соврем.» настоящаго года). Впрочемъ, пораздумавъ хорошенько, придешь къ тому убѣжденію, что и тонъ иногда много значитъ. «Рѣзкимъ полемическимъ тономъ», говоритъ г. Чернышевскій, «былъ начатъ мною споръ объ общинномъ владѣніи; крикъ этотъ имѣлъ одну цѣль: заставить обратить вниманіе на предметъ его» («С.» № 12). Цѣль была достигнута. Если представляется на выборъ одно изъ двухъ: говорить церемонно и пользоваться вѣжливымъ невниманіемъ, или же говорить нецеремонно и пользоваться невѣжливымъ вниманіемъ, то, право, лучше ужь рѣшиться на послѣднее, потому-что не стóитъ говорить, когда не слушаютъ. «Р. Вѣстникъ», сочинивъ проектъ новой русской общины, отдѣлалъ въ своей проповѣди какъ общинниковъ прежнихъ, такъ и противниковъ ихъ, не касаясь только ихъ личностей. Вслѣдствіе того, почти всюду заговорили. Но и тутъ «Указатель» хранилъ молчаніе, хотя и не оставлялъ безъ отвѣта статьи г. Кошелева — славянофила, и особенно г. Чернышевскаго. Почему?

Въ статьѣ своей («С.» № 12) г. Чернышевскій говоритъ, что едва ли найдется хотя одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы со всѣми другими: «Общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность — вторичная форма; кáкъ же можно не предпочитать высшую форму низшей?» Замѣтивъ, что изъ противниковъ общиннаго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи (одни хвалятся тѣмъ, что они шеллингисты, другіе твердо держатся гегелевской школы), авторъ выражаетъ недоумѣніе: «кáкъ не замѣтили они, что, налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно-сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ знакомыхъ съ открытіями

нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процесѣ всемірнаго развитія». Авторъ не считаетъ себя ни послѣдователемъ Гегеля, ни послѣдователемъ Шеллинга, но признаетъ, что системы того и другаго оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процесъ развитія. Основный результатъ этихъ открытій выражается слѣдующимъ положеніемъ: «*По формѣ, высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется*». Очень-сильное развитіе содержанія (по замѣчанію автора) ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія неочень-сильнымъ. «Само-собою разумѣется, что *при сходствѣ формы, содержаніе въ концѣ безмѣрно богаче и выше, нежели въ началѣ*».

Чтобъ лучше объяснить себѣ значеніе понятій, которыя входятъ въ эти философскія положенія (форма, содержаніе, степени развитія), разберемъ сначала нѣкоторые примѣры, приводимые г. Чернышевскимъ.

Всего удобнѣе можно прослѣдить путь развитія главнѣйшихъ общественныхъ потребностей (администрація, судопроизводство, военное дѣло, торговля). «Въ началѣ мы видимъ маленькія племена, изъ которыхъ каждое управляется совершенно-самостоятельно, и соединяется въ общій союзъ съ другими однородными племенами только въ немногихъ случаяхъ, требующихъ общаго дѣйствія (напр., для войны, большихъ общественныхъ предпріятій)... Каждый членъ племени связанъ съ другими, нетолько законодательными обязательствами, но и живымъ, личнымъ интересомъ, по знакомству, родству и сосѣдскимъ личнымъ выгодамъ. Каждый членъ принимаетъ личное и активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ. Учонымъ образомъ, подобное состояніе называется самоуправленіемъ и федераціею. Мало-по-малу, мелкія племена сливаются, такъ-что, наконецъ, исчезаютъ (въ административномъ смыслѣ) въ громадныхъ государствахъ... Административный характеръ обществъ на этой степени развитія — бюрократія, составляющая полнѣйшій контрастъ первобытному племенному быту. Административные округи распредѣляются все съ мéньшимъ и мéньшимъ отношеніемъ къ независимымъ отъ центральнаго источника интересамъ, лежащимъ въ самихъ жителяхъ». Въ Пруссіи и Австріи округъ не имѣетъ живой связи между своими частями; сохранились связи только въ болѣе-широкомъ разграниченіи провинцій. «Но это является уклоненіемъ отъ общаго правила и, при первой возможности, производится реформа, какую успѣла уже совершить Франція раздѣленіемъ на департаменты, лишенные органическаго единства, взамѣнъ прежнихъ провинцій». Члены округа, не

имѣя между-собою живой связи, ни по своей исторіи, ни по матеріальнымъ интересамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишены прежняго полновластія въ управленіи дѣлами округа. Всѣмъ завѣдуютъ особенные люди (чиновники, полицейскіе), дѣйствующіе по распоряженію центральной власти и обязанные отчетомъ только ей. «Надобно ли говорить о томъ, что на этой степени общество не можетъ остановиться? Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты, по административной формѣ, представляются совершеннымъ возвращеніемъ отъ бюрократическаго порядка къ первоначальному быту, какой имѣли люди до возникновенія обширныхъ государствъ»... «Судъ и расправа въ первобытномъ племени, творится всѣми самостоятельными членами племени въ общемъ собраніи (мірской сходкѣ). Мало-по-малу, судебная власть отдѣляется отъ гражданъ, дѣлается монополіею особаго сословія; гласность судопроизводства исчезаетъ, и водворяется тотъ порядокъ процеса, который намъ очень-хорошо извѣстенъ (онъ былъ и во Франціи, и въ Германіи). Но вотъ общество развивается далѣе; вмѣсто судей, произнесеніе приговора вручается присяжнымъ, то-есть простымъ членамъ (представителямъ) общества, неимѣющимъ никакого ученаго подготовленія къ юридической техникѣ, и возвращается первобытная форма суда». (*).

Военное дѣло въ первобытномъ обществѣ, какъ и судъ, составляетъ принадлежность всѣхъ членовъ племени. «Форма военной силы вездѣ сначала одна и та же: ополченія, берущіяся за оружіе съ возникновеніемъ войны, возвращающіяся къ мирнымъ промысламъ въ мирное время». Мало-по-малу, образуется особое военное сословіе и достигаетъ крайней самобытности при долгихъ срокахъ службы. «Но вотъ, сроки начинаютъ сокращаться, система безсрочныхъ отпусковъ расширяется. Наконецъ (въ Пруссіи), дѣло доходитъ до того, что рѣшительно-каждый гражданинъ, на извѣстное время (два-три года), становится солдатомъ, и солдатство не есть уже особенное сословіе, а только извѣстный періодъ жизни каждаго человѣка во всякомъ сословіи. Тутъ особенность его сохранилась только въ условіи срочности. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи нѣтъ уже и того: совершенно какъ въ первобытномъ племени, въ мирное время войско не существуетъ, на время войны всѣ граждане берутся за оружіе».

Переходя отъ устройства военной силы къ ея дѣйствію, увидимъ ту же норму развитія. «Въ первобытныхъ битвахъ сражается отдѣльный человѣкъ противъ отдѣльнаго человѣка, сраженіе есть громадное число поединковъ... Но вотъ, составъ бьющейся

(*) На основаніи приговора присяжныхъ, судьи могутъ только опредѣлять мѣру наказанія, по закону.

арміи получаетъ все больше и больше плотности, и дѣйствіе отдѣльныхъ людей смѣняется дѣйствіемъ массы... Огромныя массы стоятъ другъ противъ друга и стрѣляютъ батальнымъ огнемъ, или идутъ въ штыки — тутъ нѣтъ отдѣльныхъ людей, есть только батальйоны, бригады, колонны .. Появились штуцера, и прежній плотный строй разсыпался цѣпью стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ также противъ одиночнаго врага, и битва снова принимаетъ форму безчисленнаго множества поединковъ».

«У дикарей нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, нѣтъ ничего подобнаго протекціонизму; каждый торгуетъ съ иностранцемъ на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ съ одноплеменникомъ, сбываетъ товары за границу и покупаетъ иноземные товары точно съ тою же степенью свободы, съ какою идетъ торговля въ предѣлахъ самаго племени туземными произведеніями. Но вотъ, люди цивилизуются, начинаютъ заводить фабрики: чрезъ нѣсколько времени у нихъ является протекціонная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещеніямъ, для покровительства отечественной промышлености». Наконецъ, является сознаніе о несправедливости и вредѣ такого покровительства. «Тарифы начинаютъ понижаться—и общества стремятся къ тому самому блаженству заграничной торговли, которымъ пользовались въ первобытныя времена своей неразвитости».

Способы производства торговли при началѣ ея развитія и при полномъ развитіи тоже сходны между собою. «У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе чрезвычайно-слабо, оно недостаточно для того, чтобъ поддерживаться постоянно и повсемѣстно, и потому, для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ-образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Но вотъ, торговля развивается. Въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупщиковъ (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытыя въ-теченіи круглаго года ежедневно. Съ другой стороны, купцовъ та́къ много и запросъ ихъ къ производителямъ та́къ постояненъ, что производитель можетъ продать имъ свой продуктъ когда и гдѣ ему самому удобнѣе—зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки, или базарнаго дня?... Но—далѣе—покупщиковъ и продавцовъ становится та́къ много, у каждаго изъ нихъ та́къ много торговыхъ дѣлъ и справокъ, что онъ не успѣлъ бы управиться съ ними, еслибъ долженъ былъ искать поодиночкѣ каждаго изъ нужныхъ ему людей. Потому, необходимо назначить мѣсто и время, гдѣ и когда сходились бы всѣ эти занятые торговыми оборотами люди. Такимъ-образомъ, возвращается первобытное ограниченіе торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ».

Такой же ходъ развитія выказывается и во внѣшнихъ пер-

тахъ общежитія, проявляющихъ собою отчасти и развитіе личныхъ качествъ въ отдѣльныхъ людяхъ. Въ патріархальномъ народѣ старшины носятъ такую же одежду, какъ и всѣ прочіе. Впослѣдствіи является большое разнообразіе въ одеждѣ (по сословіямъ, по богатству). Наконецъ, разница въ одеждѣ, какъ внѣшнемъ отличіи одного сословія отъ другаго, мало-по-малу исчезаетъ. Касательно способа обращенія людей другъ-съ-другомъ, замѣчаемъ, что внѣ цивилизаціи человѣкъ безразлично говоритъ одинаковымъ мѣстоименіемъ со всѣми другими людьми. «Нашъ мужикъ называетъ одинаково «ты» и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы дѣлаемъ различіе между людьми на «ты» и на «вы». При грубыхъ формахъ цивилизаціи «вы» кажется для насъ драгоцѣннымъ подаркомъ человѣку, съ которымъ говоримъ, и мы очень скупы на такой почетъ. Но чѣмъ образованнѣе становимся мы, тѣмъ-шире дѣлается кругъ «вы», и наконецъ, Французъ, если онъ только скинулъ сабо, почти никому уже не говоритъ «ты». Но у него осталась еще возможность, если захочетъ, кольнуть глаза наглецу, или врагу словомъ «ты». Англичанинъ потерялъ и эту возможность: изъ живаго языка разговорной рѣчи у него совершенно исчезло слово «ты» (даже собаку или кошку онъ не можетъ назвать иначе, какъ «вы»). Началось дѣло, какъ видимъ, безразличіемъ отношеній по разговору ко всѣмъ людямъ, продолжалось раздѣленіемъ ихъ на разряды, по степени почета, приходитъ въ результатѣ снова къ безразличному обращенію со всѣми людьми (нѣмцы, достигнувшіе апогея въ среднемъ фазисѣ развитія, ухитрились до того, что устроили цѣлыхъ четыре градаціи почета: Du, Er, Ihr, Sie)»...

Вся манера держать себя, точно такъ же, проходитъ три фазиса развитія (въ человѣкѣ простомъ, необразованномъ, потомъ въ людяхъ, получившихъ поверхностное образованіе, разныхъ педантахъ науки и свѣтской жизни, и — наконецъ — въ людяхъ истинно ученыхъ и просвѣщенныхъ). Начальная и конечная степени развитія отличаются отъ среднихъ отсутствіемъ изысканности въ выраженіяхъ слова, въ движеніяхъ, пріемахъ.

Къ такимъ явленіямъ, подлежащимъ означенному закону развитія, г. Чернышевскій относитъ и «фактъ поземельнаго отношенія». Мы согласны съ тѣмъ, что порядокъ владѣнія землею можетъ подчиняться этому закону; но составляетъ ли личное владѣніе землею переходную форму отъ первобытнаго *общиннаго* къ окончательному таковому же—объ этомъ поговоримъ послѣ. Предварительно, мы должны объяснить себѣ хорошенько, такъ-сказать, причинность развитія. Какъ бы ни были многочислены факты, изъ которыхъ выводится какой-либо законъ, онъ тогда-только дѣлается достовѣрнымъ, примѣняемымъ къ разнымъ случаямъ, или

дѣйствительно-необходимымъ, когда хорошо-извѣстна его основательность. Изслѣдуя причины преемственности формъ развитія явленій, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлимъ и настоящій смыслъ, который долженъ заключаться въ понятіи «развитіе». На развитіе явленій могутъ дѣйствовать столько различныхъ причинъ, что, при наблюденіи ихъ взаимныхъ отношеній, легко перемѣшать сущность различныхъ явленій, вообразить начало развитія тамъ, гдѣ нѣтъ еще и содержанія для развитія, или же принять форму за содержаніе, и наоборотъ. Безъ достаточной осмотрительности въ области философіи, тотъ или другой докторъ или магистръ философіи легко могутъ надѣлать ошибки, даже въ количествѣ, обратно-пропорціональномъ высотѣ ученыхъ степеней. При составленіи отвлеченныхъ понятій дѣлаютъ иногда недостаточный анализъ ихъ признаковъ. Неясное представленіе, подъ вліяніемъ новыхъ понятій, къ которымъ случается ему относиться болѣе или менѣе косвеннымъ образомъ, можетъ сдѣлаться, мало-по-малу, совершенно-невѣрнымъ, и—ради привычки къ ложному пониманію—можетъ случиться, что и прежде-принятыя положенія, включавшія въ себѣ то понятіе, будутъ казаться неосновательными, если только дальнѣйшіе примѣры, подъ вліяніемъ неправильнаго взгляда, будутъ выказывать мнимое несогласіе положенія съ дѣйствительностью.

Г. Чернышевскій слѣдующимъ образомъ объясняетъ необходимость перемѣны формъ развитія явленій: «Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя, въ менѣе-сильной степени, были враждебны первобытной формѣ, обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея возстановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно-многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму; но вотъ, торговыя сдѣлки, вмѣсто того, чтобъ быть просто «*довольно*-многочисленными», становятся «*чрезвычайно* многочисленными»—первобытная форма возвращается. ***Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ, противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень тогоже качества*»** (стр. 595). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 607), говоря объ усовершенствованіи военнаго оружія, авторъ замѣчаетъ, что съ каждымъ родомъ вооруженія соединены извѣстныя построенія войска, и что различныя построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. «Копье, которое держится въ рукахъ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй; штуцеру—разсыпной строй... Въ сомкнутомъ строю, солдатъ, прослужившій всего-только одинъ годъ, никуда не годится.

Въ разсыпномъ строю, онъ ничуть нехуже солдата, прожившаго хотя бы полтораста лѣтъ въ казармахъ». Такимъ-образомъ, усовершенствованіе военнаго искусства, благопріятствуемое улучшеніемъ оружія, причинивъ сначала необходимость долгаго упражненія, особеннаго, исключительнаго занятія искусствомъ, повело, подъ-конецъ, къ упрощенію изученія этого искусства. Здѣсь, значитъ, развитіе явленія (отправленія военной службы) тоже объясняется увеличеніемъ «интенсивности обстоятельствъ».

Несовсѣмъ-удачно г. Чернышевскій вздумалъ дать, для бóльшей ясности, грамматическое выраженіе терминамъ формулы о дѣйствіи избытка качества на форму. «Превосходная степень (говоритъ онъ) дѣйствуетъ на форму способомъ, противоположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень». Человѣкъ, напримѣръ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость («справедливый» просто въ положительной степени), смотритъ на человѣка, совершившаго преступленіе, какъ на преступника, на человѣка преданнаго низкому пороку, какъ на человѣка низкаго, гнушается ими обоими, считаетъ достойнымъ казни одного, претерпѣваемыхъ несчастій другаго; тогда-какъ человѣкъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый видитъ въ преступномъ или порочномъ человѣкѣ несчастнаго, заслуживающаго состраданія и помощи. Приведя въ примѣръ древній законъ о возмездіи и христіанскую заповѣдь о любви ко врагамъ, г. Чернышевскій говоритъ, что высшая справедливость не находитъ преступниковъ, она находитъ въ дурномъ человѣкѣ только несчастнаго заблудшаго. «При *отсутствіи* справедливости, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія; при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемлется отъ возмездія, никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости» (стр. 595 и 596).

Здѣсь г. Чернышевскій нѣсколько путается въ понятіяхъ, предполагая начало развитія тамъ, гдѣ о развитіи и помину нѣтъ. Развиваться можетъ только тó, чтó уже существуетъ. Нуль останется нулемъ, на чтò его ни помножайте. *Возможность осуществленія бытія* или явленія, способнаго развиваться, не означаетъ еще *дѣйствительнаго его существованія*. Составныя части какого-либо органическаго тѣла могутъ существовать въ отдѣльности, но самое тѣло произойдетъ только тогда, когда эти части сложатся въ опредѣленномъ отношеніи, придутъ въ должную связь, при извѣстныхъ условіяхъ. Зерно растенія состоитъ изъ простыхъ (бóльшею частію воздухообразныхъ) веществъ: кислорода, водорода, азота, углерода, и пр.; но никто не станетъ считать простое скопленіе этихъ тѣлъ за органическое тѣло, спо-

собное къ развитію. Тѣ же самыя простыя вещества могутъ послужить къ образованію совершенно-разнородныхъ сложныхъ тѣлъ. Неопредѣленность значенія, приданнаго понятію «развитіе», повела г. Чернышевскаго, между-прочимъ, къ тому, что онъ неудачно объяснилъ формы развитія земнаго шара и жизненныхъ явленій. Промахомъ автора поспѣшилъ воспользоваться «Указатель политико-экономическій», чтобъ надѣлать возраженій въ родѣ слѣдующихъ: «первая степень одежды человѣка была — ходить нагишемъ, слѣдовательно—и на высшей степени развитія нашего, по г. Чернышевскому, мы будемъ ходить голые»; «въ началѣ существованія народовъ торговли не было, не-уже-ли же и высшая форма ея развитія должна состоять въ ея несуществованіи!», и т. д. Подобныя возраженія, разумѣется, не ставимъ въ похвалу «Указателю». Два-три примѣра, неудачно объясненные г. Чернышевскимъ, показываютъ, что онъ лишь несовсѣмъ отчетливо выработалъ себѣ понятіе о развитіи явленій. Такая неотчетливость обусловливалась, можетъ-быть, одною торопливостью составленія статьи. Другое дѣло «Указатель». Изъ возраженій его очевидно, что онъ совершенно не разобралъ понятія о развитіи явленій. Если предположить, что онъ имѣетъ объ этомъ ясное понятіе и только не выказываетъ его, то, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы его упрекнуть хуже, чѣмъ въ «непростительномъ увлеченіи» (въ которомъ онъ упрекаетъ г. Чернышевскаго). Всякій добросовѣстный трудъ писателя, берущаго на себя обязанность критика, долженъ былъ направленъ на проясненіе, а не на затемненіе идей, кѣмъ бы ни были онѣ высказаны. Глумиться надъ неточными выраженіями въ журнальныхъ статьяхъ простительно тѣмъ, которымъ не случалось быть недовольными своею спѣшною работою: но нѣтъ извиненія для тѣхъ, которые позволяютъ себѣ такое глумленіе, зная, по собственному опыту, какіе могутъ быть недосмотры, нетолько въ журнальныхъ статьять, но и въ сочиненіяхъ, изданныхъ отдѣльно. Дайте намъ одну свѣжую мысль, бросьте хоть одинъ лучь свѣта на темную сторону нашего понятія, и мы простимъ вамъ цѣлые десятки страницъ, изложенныхъ неудовлетворительно.

Г. Чернышевскій признаетъ, что высшая степень развитія, одинаковая съ первобытной по формѣ, *богаче по содержанію*; по этому, если допустить возможность развитія справедливости, то форму развитія, въ которой господствуетъ правило возмездія и которую авторъ считаетъ за среднюю, можно безъ особенной натяжки, принять за первобытную. Средняя форма развитія можетъ выражаться извѣстнымъ въ теоріи уголовнаго права «началомъ (или правиломъ) устрашенія». Правило возмездія не имѣетъ въ себѣ ничего неестественнаго, возмутительнаго, касательно нарушенія правъ собственности, имущества. Оно становится возмутительнымъ толь-

но въ такомъ случаѣ, когда примѣненіе его не достигаетъ цѣли установленія начала возмездія. Если, вслѣдствіе растраты однимъ лицомъ имущества другаго лица, будетъ присуждено восполнить утрату послѣдняго изъ имущества перваго, то и первому жаловаться будетъ не на что, и послѣднее будетъ удовлетворено. Но если одинъ выколетъ другому глазъ, и виновному, по правилу «око за-око», самому выколютъ глазъ, то обиженному лицу отъ того не будетъ легче, да и наказаніе виновнаго не будетъ соотвѣтствовать винѣ, потому-что между дѣйствіемъ, совершеннымъ съ намѣреніемъ, и дѣйствіемъ, совершеннымъ, бо̀льшею частію, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, существуетъ большая разница. Наказаніе будетъ походить уже на мѣру устрашенія. Мы знаемъ, что невсякое первое письменное законоположеніе у какого-либо народа должно считать выраженіемъ содержанія первобытной формы духа справедливости (эта форма могла уже измѣниться); но, тѣмъ неменѣе, нѣкоторымъ подтвержденіемъ нашего взгляда можетъ, напримѣръ, служить форма наказаній въ денежныхъ вирахъ, опредѣленныхъ Русскою Правдою за убійство, раны и увѣчье. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, принято иное основаніе системы наказаній — начало устрашенія («дабы другимъ такъ дѣлати не повадно было»). Высшее проявленіе справедливости, по нашему мнѣнію, не должно непремѣнно обусловливать устраненіе всякихъ дѣйствій, причиняющихъ преступнику страданіе. Эти дѣйствія могутъ быть согласны съ приводимою г. Чернышевскимъ христіанскою заповѣдью: «добро творите ненавидящимъ васъ». Никто не назоветъ зломъ леченіе больнаго тѣломъ, хотя это леченіе можетъ временно причинять бо̀льшее страданіе, чѣмъ самая болѣзнь. Нѣкоторыя исправительныя мѣры наказанія могутъ имѣть для душевно-больныхъ такое же значеніе, какъ и обыкновенное леченіе для больныхъ тѣломъ.

Г. Чернышевскій вызываетъ желающихъ указать ему *хотя одно* «явленіе матеріальнаго и нравственнаго, индувидуальнаго и общественнаго бытія», которое не подчинялось бы «рѣшительно-всеобщему» закону развитія. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что понятія: «явленіе», «бытіе» имѣютъ слишкомъ-обширный и, можно сказать, неопредѣленный смыслъ. Намъ, впрочемъ, незачѣмъ опредѣлять здѣсь смыслъ этихъ понятій. Дѣло будетъ проще, если мы опредѣлимъ точнѣе смыслъ «развитія» явленій.

Авторъ употребляетъ безразлично слова: развитіе и усовершенствованіе. Онъ употребляетъ, напримѣръ, слово «развитіе» касательно вооруженія (дубина, потомъ — копье, далѣе — лукъ и стрѣлы, самострѣлъ, ружье съ фитилемъ, кремневое, пистонное и, наконецъ — штуцеръ), и касательно письма (изображеніе предметовъ, какъ у мехиканцевъ, сокращеніе изображеній въ іероглифы

фы — у египтянъ, сокращеніе іероглифовъ въ идеографы — у китайцевъ, изображеніе однихъ грубѣйшихъ звуковъ согласныхъ, съ пропускомъ гласныхъ — семитическій алфавитъ, и наконецъ— полный алфавитъ). Пользуясь симъ случаемъ, «Указатель» даетъ своему противнику слѣдующій запросъ: «Первоначальная форма письма состояла въ іероглифахъ; слѣдовательно (по вашему), высшая степень развитія заключается въ живописи?...»

По нашему разумѣнію, къ письму и къ вооруженію слѣдуетъ примѣнять не «развитіе», а «усовершенствованіе». Перемѣны въ нихъ происходятъ отъ однихъ чисто-внѣшнихъ и даже случайныхъ обстоятельствъ. Развитіе же походитъ на *само*усовершенствованіе. Съ усовершенствованіемъ оружія (со введеніемъ въ дѣло пики, стрѣлъ), вооруженіе можетъ усложняться (латы, кольчуги), а съ дальнѣйшимъ улучшеніемъ (введеніемъ огнестрѣльнаго оружія), снова упрощаться; но тутъ все-таки развивается не вооруженіе, а потребность вооруженія; она-то, если угодно, можетъ имѣть такъ-называемую интенсивность, безъ которой не было бы и самаго усовершенствованія оружія. Однако, по нашему мнѣнію, незачѣмъ хлопотать объ излишнемъ обобщеніи извѣстнаго закона. Чѣмъ на бо́льшемъ числѣ разнородныхъ явленій основываютъ его дѣйствительность, тѣмъ-болѣе онъ становится неопредѣленнымъ, тѣмъ-болѣе теряетъ свою обязательную силу. Для насъ неважно знать, что всякое явленіе развивается по такому-то закону; важно знать только то́, что развитіе такого-то или другаго явленія неудержимо и что ходъ такого-то явленія можетъ ускоряться такими-то обстоятельствами. Для насъ важно знать сущность развитія только тѣхъ явленій, которыя одарены какъ-бы жизненностью, самостоятельностью, находясь въ тѣсной связи съ другими подлежащими общему прогресу явленіями, такъ-что развитіе ихъ не можетъ быть остановлено никакимъ обстоятельствомъ, дѣйствующимъ на нихъ въ отдѣльности.

Слово «развитіе» имѣетъ условный смыслъ. Оно примѣняется къ извѣстнымъ общественнымъ явленіямъ за недостаткомъ лишь другаго выраженія, болѣе точнаго. Выбрано оно потому, что въ перемѣнахъ общественнаго быта замѣчается нѣчто подобное преобразованіямъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. Вглядываясь въ эти преобразованія, мы *наглядно* объяснимъ себѣ только смыслъ условныхъ выраженій (но не откроетъ *основаній закона развитія* явленій и общественнаго быта).

Ростъ ребенка (или молодаго растенія) зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ вліяній: пользованія хорошимъ содержаніемъ, свѣжимъ воздухомъ, здоровою пищею, свободою движенія, теплотою, свѣтомъ. Эти внѣшнія вліянія могутъ болѣе или менѣе благо-

пріятствовать развитію, но они не могутъ сами-по-себѣ остановить его: если тѣло, требующее развитія, не пользуется внѣшними вліяніями въ должномъ размѣрѣ (такъ-что, кромѣ поддержки прежнихъ составныхъ частей, доставлялись бы еще средства, хотя въ маломъ количествѣ, для дальнѣйшаго возрастанія), то тѣло гибнетъ, уничтожается. Для него представляется одно изъ двухъ: или развиваться во что бы то ни стало, или «смертію окончить жизнь свою».

Мы уже говорили, что «Указатель» никакъ не можетъ понять сходства высшей и низшей степени по формѣ, какъ-скоро онъ замѣчаетъ различіе по содержанію. Всѣ его заключенія, дѣлаемыя для возраженія г. Чернышевскому (за исключеніемъ подобныхъ: въ первой степени *ничего* и въ послѣдней *ничего*), имѣютъ видъ слѣдующаго: «въ первой степени развитія существуетъ *бѣдность, несовершенство*; слѣдовательно, и въ послѣдней степени должны существовать *бѣдность*, *несовершенство*». Для вразумленія его, объяснимъ значеніе «*формы* развитія» самымъ нагляднымъ образомъ. Органическое вещество, содержащееся, напримѣръ, въ куриномъ яйцѣ, подъ вліяніемъ теплоты развивается (однородное вещество принимаетъ все более-и-более разнообразное сложеніе, составныя части приходятъ въ извѣстную связь и дѣлаются способными къ извѣстнымъ отправленіямъ); но форма такого развитія неодинакова съ послѣдующею формою, когда дѣтенышъ, вылупившись изъ яйца, станетъ быстро увеличиваться въ своемъ объемѣ и вѣсѣ. Пока органическое тѣло находится въ яйцѣ, оно развивается въ извѣстныхъ предѣлахъ, вѣсъ и объемъ его почти не измѣняются, оно развивается преимущественно, такъ-сказать, насчетъ самого себя. Внѣ яйца на органическое тѣло начинаютъ оказывать весьма-большое дѣйствіе внѣшнія вліянія. Тѣло быстро увеличивается. Но когда органы достигнутъ извѣстной зрѣлости, избытокъ питательныхъ соковъ перестаетъ оказывать дѣйствіе на увеличеніе массы тѣла, на довершеніе устройства нѣкоторыхъ особенныхъ частей тѣла (дѣтородныхъ органовъ). Этотъ избытокъ питательныхъ соковъ служитъ для укрѣпленія уже образовавшихся частей организма, или же для образованія новыхъ организмовъ (дѣтей). Когда организмъ достигаетъ *до* высшей степени развитія, то про него обыкновенно говорятъ, что онъ развил*ся*, тогда-какъ онъ въ-сущности и затѣмъ продолжаетъ развиваться, и только форма его развитія измѣняется: развитіе его, какъ и въ первобытной формѣ, происходитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ; переступать эти предѣлы, перемѣнять форму — нѣтъ больше надобности, потому-что всѣ жизненныя отправленія тѣла имѣютъ уже органы надлежащаго устройства.

«Указатель», можетъ-быть, понялъ бы формулу развитія, еслибъ въ ней, вмѣсто слова «форма», было поставлено другое. Отвлеченное понятіе о формѣ, которое составилъ себѣ «Указатель», не можетъ онъ никакъ, повидимому, примѣнить къ понятію о формѣ развитія, о перемѣнахъ, которыя происходятъ въ явленіяхъ, подлежащихъ развитію. Онъ, кажется, утѣшился бы, еслибъ формулу: «высшая степень развитія, болѣе первобытной богатая по *содержанію*, сходна съ нею по *формѣ*», измѣнили слѣдующимъ образомъ: «высшая степень развитія, болѣе первобытной богатая по *формѣ*, сходна съ нею по *содержанію*» (или же «по характеру»; «по способу развитія»). Но такъ-какъ перемѣна названій не перемѣняетъ сущности спорнаго предмета, и смыслъ этихъ названій достаточно опредѣленъ, то и можно, съ спокойнымъ сердцемъ, предоставить споръ о словахъ на волю «Указателя», не обращая на него особеннаго вниманія.

Въ явленіяхъ общественнаго быта не замѣчается такой правильности хода развитія, такой опредѣленности формъ развитія, какія замѣчаются въ жизненныхъ явленіяхъ органическихъ тѣлъ. На явленія общественнаго быта, какъ въ переходной формѣ развитія, такъ и въ первобытной, могутъ съ значительною силою дѣйствовать внѣшнія, одностороннія вліянія, замедляя или ускоряя ходъ развитія. Но тѣмъ неменѣе и въ этихъ явленіяхъ замѣчается нѣкоторая самостоятельность развитія, и эта самостоятельность тѣмъ-болѣе выказывается, чѣмъ бо́льшее число обстоятельствъ имѣетъ вліяніе на развитіе явленія. Если развитіе одного явленія обусловливается развитіемъ многихъ другихъ (иногда незамѣтно, съ перваго раза, дѣйствующихъ другъ на друга), то обстоятельство, имѣющее, повидимому, самое дѣйствительное, прямое вліяніе на движеніе или пріостановленіе развитія, не въ состояніи бываетъ ни остановить развитіе, ни дать ему желательно-быстрый ходъ.

Г. Чернышевскій, кромѣ закона преемственности формъ развитія, доказываетъ также возможность перехода, почти непосредственнаго, отъ первобытной формы къ высшей, причемъ «совершенно оставляются въ сторонѣ средніе моменты развитія, или, по-крайней-мѣрѣ, сокращается ихъ продолжительность и утрачивается ощутительная интенсивность». Изложимъ здѣсь въ краткихъ словахъ сущность доводовъ автора; для этого, мы обратимъ вниманіе на его толкованія о значеніи усовершенствованія вооруженій (оставивъ въ сторонѣ объясненія его касательно изобрѣтенія улучшенныхъ снарядовъ зажиганія дерева: эти усовершенствованія не имѣютъ разительнаго вліянія на ходъ развитія приводимыхъ авторомъ въ примѣръ явленій общественнаго быта; къ этимъ усовершенствованіямъ можно будетъ отнести то́, что ска-

жемъ мы относительно вооруженія). Описавъ ходъ усовершенствованія вооруженій, авторъ говоритъ: «Вообразимъ себѣ, что въ Новой-Голландіи живутъ еще племена дикарей, незнающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ открыты золотыя розсыпи; европейскіе авантюристы (со штуцерами) проникаютъ въ мѣста, еще непосѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей: спрашивается, понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью, и т. д., если они будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?» Объяснивъ, что штуцеру соотвѣтствуетъ разсыпной строй и что для умѣнья дѣйствовать въ такомъ строю нѣтъ надобности въ долгомъ обученьѣ, авторъ продолжаетъ: «Чтó изъ этого слѣдуетъ? То, что у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ существованіи военной силы будетъ недоставать многихъ періодовъ, черезъ которые прошла она въ Европѣ. Изъ нестройной, дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо обратится въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, чтó соединено съ этими учрежденіями. А съ этими учрежденіями соединенъ весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континентальной Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня.... Какой-нибудь народъ, живущій въ племенномъ быту, основныя черты котораго самоуправленіе (self-government) и федерація, принимаетъ европейскую цивилизацію; спрашивается: примутся ли у него прямо высшія черты этой цивилизаціи, столь сродныя его прежнему быту, или онъ, неизбѣжно, введетъ у себя бюрократію и другія прелести XVII вѣка? Этотъ народъ, не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, не имѣлъ и понятія о протекціонной системѣ: спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекціонизмъ, чрезъ который прошла и отъ котораго отказалась европейская цивилизація?...» На основаніи такихъ сужденій, авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень-быстро, *подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты*....»

«Какъ забавны (говоритъ г. Чернышевскій въ-заключеніе) для читателя, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ-называемомъ *органическомъ развитіи*, о невозможности у насъ того или другаго учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе—готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ — мы пользуемся ими. Все хорошее, чтó сдѣлано какимъ

бы то ни было народомъ для себя, на три-четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ».

Все это прекрасно! Мы уже говорили, что явленія общественнаго быта не отличаются такимъ ровнымъ ходомъ развитія, какой замѣчается въ развитіи органическихъ тѣлъ; замѣтили также, что на ускореніе развитія явленій общественнаго быта могутъ очень-сильно дѣйствовать внѣшнія вліянія. Но, по нашему разумѣнію, не слѣдуетъ слишкомъ пренебрегать силою, такъ-сказать, самостоятельнаго развитія, которою обладаютъ явленія общественнаго быта, подобно органическимъ тѣламъ, только въ мéньшей напряженности. Придавая слишкомъ-большое значеніе нѣкоторымъ одиночнымъ условіямъ, имѣющимъ, повидимому, самое дѣйствительное, прямое вліяніе на чрезвычайное ускореніе развитія, мы должны были бы допустить, что подобныя же условія, въ другихъ случаяхъ, могутъ чрезвычайно замедлить развитіе. Мы, напримѣръ, должны были бы допустить, что при возвышенныхъ таможенныхъ пошлинахъ можетъ выказываться протекціонизмъ, каковы бы ни были успѣхи въ улучшеніи прочихъ условій общественнаго быта. Мы должны были бы также допустить, что недопущеніе гласности въ литературѣ, касательно общественныхъ вопросовъ могло бы совершенно остановить развитіе идей относительно условій народнаго быта. Однако, можемъ ясно представить себѣ, что, несмотря на возвышеніе таможенныхъ пошлинъ, удешевленіе провоза, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, все болѣе-и-болѣе увеличивало бы разницу въ цѣнѣ между дешевымъ иностраннымъ произведеніемъ и дорогимъ туземнымъ, такого же качества, выдѣлываемымъ въ несвойственной ему мѣстности, а потому привозъ иностраннаго товара производился бы попрежнему, если не явно, то тайно, посредствомъ контрабанды, такъ-что пошлины, производя стѣсненіе потребителямъ, не приносили бы никакой выгоды предпринимателямъ производства товаровъ, покровительствуемыхъ тарифомъ. Если возлагать все упованіе на тó, что извѣстное усовершенствованіе, причинившее у такого-то передоваго народа такія-то отрадныя явленія, должно причинить и у отсталаго народа совершенно-подобныя же явленія, безъ особенныхъ хлопотъ, то пришлось бы иногда очень-горько разочароваться. Штуцеръ, положимъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ разсыпному строю, обученіе которому не требуетъ *долгаго срока*. Но, вопервыхъ, чтобъ пріобрѣсть штуцера, нужно имѣть денежныя средства, которыя и не однимъ ново-голландцамъ могутъ показаться значительными: есть же вѣдь государства, считающіяся образованными, въ которыхъ, какъ у насъ нѣкоторые помѣщики, разсуждаютъ, что «денегъ трудно достать, а люди — свои, некупленные». Во-вторыхъ, чтобъ введеніе штуцеровъ повело за собою

уничтоженіе надобности въ *постоянномъ* войскѣ, — нужно, между-прочимъ, предположить значительное уменьшеніе возможности нарушенія общественной безопасности: если случаи такого нарушенія представляются часто, то выгоды устройства милиціи уничтожаются. Кромѣ-того, если представляется надобность въ скоромъ прибытіи войска къ тому или другому мѣсту опасности, то, при недостаткѣ удобныхъ средствъ сообщенія, требуется сосредоточеніе постояннаго войска въ различныхъ мѣстахъ. Замѣна регулярнаго войска милиціею обусловливается также отсутствіемъ обстоятельствъ, причиняющихъ народныя волненія (которыхъ не оказывается въ государствахъ, пользующихся правильнымъ общественнымъ устройствомъ). И такъ, можетъ случиться, что если ново-голландцы и расщедрятся на покупку штуцеровъ, то, при существованіи того или другаго обстоятельства, вѣроятно, все-таки вынуждены будутъ завести постоянное войско. Для успѣха дѣла нужно было бы устранить и эти обстоятельства: иначе они будутъ имѣть значеніе *условій* такъ-называемаго *органическаго развитія*, неподчиняющагося вполнѣ *внѣшнимъ условіямъ* — усовершенствованіямъ, оказывающимъ только повидимому самое дѣйствительное вліяніе на развитіе явленій. А если ужь успѣетъ установиться тамъ устарѣлая для насъ переходная форма развитія извѣстнаго явленія, то за ней установятся также устарѣлыя формы и другихъ общественныхъ явленій, касательно которыхъ она имѣетъ значеніе одного изъ главнѣйшихъ условій ихъ органическаго развитія... Каждое изъ государствъ, передовыхъ по образованію, очень-хорошо знаетъ теперь вредъ стѣсненія торговли, однако не примѣняетъ своего знанія къ дѣлу, потому-что пошлины доставляютъ значительный доходъ, который идетъ на содержаніе военной силы и пр. Означенный косвенный налогъ неудобно было бы переложить въ прямой, не возбудивъ народнаго неудовольствія, и вотъ, таможенные тарифы продолжаютъ существовать, нося лишь, изъ приличія, названіе «покровительственнаго для народной промышлености»... Ради удовлетворенія предполагаемыхъ государственныхъ потребностей, устанавливаются или удерживаются всякіе источники сборовъ, которые платятся откупщиками разнаго рода и корпораціями, пользующимися достодолжными преимуществами. Эти учрежденія сохраняются, несмотря на то, что давно уже извѣстенъ вредъ, причиняемый ими народному хозяйству. Натянутыя отношенія частныхъ лицъ къ властямъ предержащимъ и вообще къ привилегированнымъ людямъ порождаютъ тысячи формальностей, опредѣляемыхъ законами уже не столько ради устраненія случаевъ къ спорамъ, сколько для удобнѣйшаго разрѣшенія ихъ судебными властями. Иное правительство, пожалуй, и же-

дало бы упростить администрацію, ввести гласное судопроизводство (это было бы и дешево и покойно), но ему слѣдовало бы прежде всего упростить слишкомъ-разнообразный, неестественный порядокъ взаимныхъ отношеній частныхъ лицъ другъ къ другу. Положимъ, что иногда можетъ повести къ упрощенію судопроизводства самое размноженіе формальностей, причиняющее тó, что даже добросовѣстный судья перестаетъ обращать должное вниманіе на рѣшеніе дѣлъ, привыкнувъ къ такимъ случаямъ рѣшеній, по которымъ оправдывается только бóльшее соблюденіе формальностей тою или другою спорною стороною, или же не удовлетворяется тотъ, кто не имѣлъ возможности соблюсти нѣкоторыя формальности. При такомъ положеніи дѣлъ, одно, такъ-сказать, чутье присяжныхъ въ состояніи было бы опредѣлить степень правоты. Но оставляя безъ отмѣны такія явленія, какъ откупное право разнаго рода (въ томъ числѣ и такое, о которомъ нижеподписавшемуся пришлось написать семь журнальныхъ статей), иное правительство пришло бы въ сильное замѣшательство: во множествѣ случаевъ, присяжные объявляли бы невиноватымъ того, кого, по существующимъ узаконеніямъ, слѣдовало бы признать виновнымъ (*).

Мы вовсе не думаемъ отвергать *возможность оставленія въ сторонѣ переходныхъ, несовершенныхъ формъ развитія явленій общественнаго быта*, а только хотимъ сказать, что для этого *недостаточно односторонняго принятія формы развитія, признанной всѣми за болѣе-совершенную*.

Какой-либо народъ, по близкому знакомству съ бытомъ другаго народа, болѣе развитаго, можетъ, напримѣръ, сознавать, что стремленіе внѣшностью отличать свое достоинство отъ другихъ людей — признакъ умственной неразвитости. Но, чтобъ на-самомъ-дѣлѣ вошло въ обыкновеніе людямъ всякаго сословія носить платье одинаковаго покроя, одинаковой матеріи, нужно, между-прочимъ, чтобъ въ отсталомъ государствѣ матеріалъ для платья не былъ дорогъ, низшіе классы не были обременены общественными тягостями, нарушающими ихъ довольство, и не были чрезмѣрно-заняты тяжелымъ и грубымъ трудомъ, недозволяющимъ имъ «бывать въ обществѣ». Цѣлый рядъ дальнѣйшихъ условій можетъ болѣе или менѣе косвеннымъ образомъ дѣйствовать на дешевизну платья, на правильное распредѣленіе богатствъ. Для облегченія рабочаго сословія нужно, напримѣръ,

---

(*) Подобно тому, какъ это, напр., дѣлалось во Франціи, касательно дуэлей. (См. «Отеч. Зап.» 1858 г., № 10 — 12, въ ст. г. Лохвицкаго).

уменьшить налоги, но этого иногда нельзя бываетъ выполнить подъ условіемъ одного сокращенія нѣкоторыхъ государственныхъ расходовъ (на администрацію, войско); въ иныхъ государствахъ бо́льшая часть сборовъ идетъ на уплату однихъ процентовъ государственнаго долга: значитъ, нужны настойчивыя, продолжительныя усилія на уплачиваніе долга, съ освобожденіемъ отъ котораго облегчилась бы тягость податнаго состоянія: но нельзя сказать и того, что такимъ именно путемъ должно идти къ облегченію общественной тягости: въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстановка народнаго хозяйства бываетъ такова, что правительству, для скорѣйшаго достиженія цѣли (посредствомъ увеличенія государственныхъ доходовъ, или умноженія средствъ плательщиковъ), могутъ представляться иныя мѣры (положимъ, устройство улучшенныхъ путей сообщенія, и т. д.).

Однообразіе одежды, замѣчаемое въ первобытныхъ обществахъ, обусловливалось существованіемъ одинаковаго матеріала, равно доступнаго для всякаго пріобрѣтателя, а также степенью развитія житейскихъ потребностей, одинаково удовлетворяемыхъ всѣми членами общества. По мѣрѣ изобрѣтенія и усовершенствованія тканей для одеждъ все болѣе-и-болѣе должна была выказываться разница въ стоимости одежды изъ той или другой ткани; въ то же время, житейскія потребности, средства и способы ихъ удовлетворенія, обстановка житья, занятія и т. д. все болѣе-и-болѣе стали представлять разницы (по количеству и качеству) въ разныхъ классахъ общества. Вслѣдствіе того, по необходимости должно было явиться извѣстное отличіе въ одеждѣ. Съ устраненіемъ причинъ этой разницы (когда хорошія платья, вслѣдствіе высокаго усовершенствованія производства тканей, сдѣлаются общедоступными, удобство житья — обыкновеннымъ, и т. д.), устранится и возможность отличаться платьемъ.

Чтобъ сказать безошибочно, что такое-то явленіе устарѣло, нужно разъяснить условія его существованія. Объяснивъ причины его зарожденія, поймемъ, почему оно еще существуетъ и ка́къ нужно дѣйствовать, чтобъ отъ него избавиться. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ сторонъ нашего образованія—литературную. Еще нетакъ давно знаніе реторики и піитики считалось необходимымъ для того, чтобъ умѣть сочинять, излагать свои мысли на письмѣ толковымъ образомъ. Теперь уже считаютъ вообще это знаніе безполезнымъ. Но почему?—Сужденія, которыя обыкновенно высказываются по этому случаю, не кажутся удовлетворительными тѣмъ людямъ, которые еще стоя́тъ за реторику. Можетъ-быть, они скорѣе убѣдились бы въ безполезности реторики, еслибъ объяснены были причины введенія ея въ учебный курсъ наукъ. Вспомнимъ, что обученіе реторики нача-

лось еще въ то время, когда рукописныя (а потомъ и печатныя) сочиненія классиковъ были очень-рѣдки, дороги. При недоступности пользованія такими сочиненіями, представлялась надобность ознакомлять учащихся съ образцами сочиненій посредствомъ правилъ реторики. Недостатокъ средствъ распространенія сочиненій, при дороговизнѣ изданій, побуждалъ авторовъ, ради сбереженія бумаги, прибѣгать къ извѣстнымъ пріемамъ въ выраженіяхъ, въ изложеніи мыслей. Эти пріемы требовали поясненій. Даже самый порядокъ изложенія (вступленіе, предложеніе и т. д.) можно, кажется, объяснить господствомъ, въ прежнее время, сильной вѣры въ авторитетъ: большинство не обсуждало читаемыя мысли, не подвергало ихъ критикѣ, а только усвоивало, запоминало. Для такого запоминанія общепринятый порядокъ изложенія былъ небезполезенъ. Теперь эти обстоятельства потеряли свою силу. Каждый грамотный человѣкъ можетъ довольно-легко, безъ пособія мертвенной реторики и піитики, имѣть живое знакомство съ лучшими сочиненіями. Только тамъ, гдѣ «романы» и «легкія свѣтскія сочиненія» считаются негодными и гдѣ, вообще, знакомство съ живою литературою затруднено, изъ предубѣжденія къ ней, или изъ скупости касательно учебныхъ пособій—реторика и піитика еще процвѣтаютъ. Если между ново-голландцами будетъ распространяться грамотность, то, для того, чтобъ будущіе тамошніе ученые не чувствовали никакой надобности въ реторикѣ и піитикѣ, нужно принять мѣры, которыя причинили бы изобиліе и дешевизну хорошихъ туземныхъ сочиненій, въ стихахъ и въ прозѣ.

Замѣчательно, что изъ государствъ, которыя считаются образованными, наиболѣе щеголяетъ *обученіемъ* по части техническихъ знаній то, въ которомъ, сравнительно, весьма-мало проявляются означенныя знанія на дѣлѣ, тогда-какъ, напримѣръ, въ Англіи нѣтъ ни одного спеціальнаго (по механикѣ или инженерному дѣлу) учебнаго заведенія. Неученый механикъ, изготовляющій неслишкомъ-сложные механическіе приборы, пріобрѣтаетъ свое знаніе чрезъ прямое наблюденіе и, при случаѣ, съ помощію простаго толкованія знающихъ людей. Стремленіе вводить въ какую-либо страну улучшенные способы производства, существующіе въ другихъ, передовыхъ, государствахъ, влечетъ за собою многосложное обученіе математическимъ прикладнымъ наукамъ. Дѣйствіе сложныхъ машинъ объясняется самымъ обстоятельнымъ образомъ посредствомъ математическихъ формулъ, чертежей... Обученіе бываетъ очень-затруднительно. Формулами, иногда очень-сложными, доказывается то̀, что̀, при непосредственномъ изученіи дѣйствія приборовъ, было бы легко понять съ помощію простаго объясненія. Техническія названія частей машинъ (стержни, поршни, шатуны, кривошипы, цапы и т. д.),

съ которыми еще не освоились, точно также сбиваютъ съ толку ученика, какъ реторическія метафоры, гиперболы, синекдохи и пр. и пр. Другое дѣло въ тѣхъ странахъ, гдѣ механическія заведенія не диковинка. Англичанинъ, куда ни обернись, вездѣ встрѣчаетъ, либо постройки желѣзной дороги, либо паровую машину, чугунно-литейный заводъ, ткацкій механическій станокъ, и — съизмала знакомится съ механикой на практикѣ. Для него спеціальное изученіе ихъ не представляетъ особенной трудности. Чтобы примѣненіе науки къ дѣлу шло вполнѣ-успѣшно въ отсталомъ государствѣ, нужна была бы для этого такая же обстановка, какъ въ передовомъ, а это не такъ-то скоро и легко можетъ быть выполнено (хотя, разумѣется, гораздо-быстрѣе, чѣмъ шло дѣло въ передовомъ государствѣ, которое мало пользовалось постороннимъ содѣйствіемъ и тратилось на введеніе усовершенствованій, теперь уже устарѣвшихъ). Если англичане теперь меньше корпятъ надъ изученіемъ прикладной науки и если даже теорія, вслѣдствіе улучшеній, упростившихъ приложеніе ея къ дѣлу, стала болѣе-общепонятна, то въ этомъ никакъ нельзя видѣть упадка науки. «Указатель» находитъ страннымъ — считать отсутствіе регулярныхъ войскъ высшимъ развитіемъ военнаго устройства и отсутствіе крѣпостей высшею формою военнаго дѣла. Чтобъ разъяснить недоумѣніе «Указателя», достаточно напомнить ему, что писатели, излагавшіе свои мысли по правиламъ реторики, считали исключеніе ея изъ учебнаго курса наукъ упадкомъ литературныхъ знаній. Старые моряки, пріобрѣтшіе на парусныхъ судахъ столько опытности въ борьбѣ съ бурями, смотрятъ на введеніе паровыхъ двигателей, какъ на упадокъ морскаго дѣла. Нѣкоторые знаменитые хирурги (наприм., покойный Неммертъ) не безъ нѣкоторой досады говорили, что употребленіе хлороформа при операціяхъ надъ больными уничтожаетъ почти все преимущество отличнаго оператора передъ обыкновеннымъ. Средневѣковые рыцари, покрывавшіеся съ головы до ногъ желѣзомъ, не могли безъ негодованія говорить объ огнестрѣльномъ оружіи, которое, въ рукахъ труса и слабосильнаго, дѣлало ихъ броню безполезною. Если все болѣе-и-болѣе получаетъ дѣйствительное значеніе извѣстный парадоксъ Наполеона I: «крѣпости существуютъ для того, чтобъ ихъ брать», то въ этомъ нельзя безусловно видѣть упадокъ военнаго дѣла. Мы не станемъ печалиться, если изъ принудительнаго изученія извѣстнаго курса наукъ, несообразнаго ни съ степенью умственнаго развитія учениковъ, ни съ возбужденіемъ въ нихъ особаго вниманія къ нѣкоторымъ другимъ знаніямъ, будутъ выключены тѣ науки, которыя могутъ быть изучены молодыми людьми по хорошимъ руководствамъ — книгамъ, безъ всякихъ толкованій или, по-крайней-

мѣрѣ, лишь съ малыми пособіями со стороны учителей: сбережется много напраснаго труда со стороны учениковъ и со стороны учителей, и, вообще, обученіе сдѣлается проще, дешевле, такъ-что кругъ научныхъ свѣдѣній можетъ быть расширенъ.

Высшая степень развитія потому именно и бываетъ сходна по формѣ съ первобытной, что явленія подъ конецъ развитія своего возвращаются къ естественности, къ простому порядку вещей. Когда является потребность въ чемъ-либо, то удовлетвореніе ея происходитъ, разумѣется, самымъ простымъ, безъискусственнымъ образомъ. Способы удовлетворенія потребностей сначала вполнѣ соотвѣтствуютъ самымъ существеннымъ особенностямъ потребностей. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ потребностей исчезаетъ полная соотвѣтственность ихъ съ средствами удовлетворенія. На развитіе одного какого-либо явленія дѣйствуютъ внѣшнія вліянія, зависящія отъ развитія постороннихъ явленій, а развитіе этихъ явленій бываетъ неравномѣрно. Усовершенствованія всякаго рода бываютъ обыкновенно только вызываемы развитіемъ потребностей, а не являются тотчасъ, по мѣрѣ этого развитія. Поэтому, для удовлетворенія потребностей изыскиваются способы, наиболѣе соотвѣтствующіе обстоятельствамъ, а не самой сущности потребностей. Примѣненіе къ обстоятельствамъ обусловливаетъ бо́льшую или ме́ньшую сложность, искуственность. Только тогда, когда усовершенствованія достигнутъ должной высоты, и постороннія явленія, одно за другимъ, достигнутъ высшей формы развитія — способы удовлетворенія потребностей снова дѣлаются соотвѣтствующими сущности потребностей. Для объясненія нашихъ словъ возьмемъ тоже явленіе, котораго ходъ развитія наиболѣе-обстоятельно изложенъ г. Чернышевскимъ Мы будемъ говорить о формахъ развитія торговли вообще. Подобнымъ же образомъ можно будетъ объяснить и другія явленія.

Пока отдѣльныя лица не сложились въ общество, каждый человѣкъ удовлетворяетъ своимъ *личнымъ* потребностямъ однѣми своими собственными силами. Въ общественномъ быту уже является возможность отдѣльнымъ членамъ общества пользоваться взаимными услугами. Каждый производитель вымѣниваетъ у того или другаго излишекъ своихъ произведеній на другія, въ которыхъ онъ чувствуетъ недостатокъ. Вслѣдствіе невыгодности мѣстныхъ условій, или случайныхъ неудачъ какого-либо производства можетъ оказаться *недостатокъ* въ томъ или другомъ предметѣ потребленія даже и тогда, когда производитель занимается всякими необходимыми для него производствами. Точно-также, *излишекъ* произведеній оказывается и тогда, когда человѣкъ занимается разными производствами, имѣя въ виду удовлетвореніе своихъ потребностей однѣми своими собственными силами. Содержа, напримѣръ, столько го-

ловъ скота, сколько нужно его для домашняго потребленія мясной и молочной пищи, можно имѣть излишки въ другихъ произведеніяхъ, получаемыхъ отъ скота (шерсть, кожа, сало). Такимъ-образомъ, удовлетвореніе личныхъ потребностей въ общественомъ быту естественнымъ образомъ обусловливаетъ появленіе общественной потребности въ торговлѣ. Занимаясь разнообразными производствами, первобытный человѣкъ бо́льшую часть своихъ потребностей удовлетворяетъ своими собственными произведеніями; въ торговыхъ сношеніяхъ онъ нуждается въ незначительной степени: только малая часть его произведеній идетъ въ обмѣнъ на чужія. При такой обстановкѣ, въ первой степени развитія, торговля бываетъ бѣдна *по содержанію*. Что́ касается *формы* ея развитія, то она, разумѣется, выражается простымъ, естественнымъ образомъ—непосредственными, прямыми сношеніями производителей съ потребителями. Существенное значеніе ярмарокъ и базаровъ, въ которыхъ, по словамъ г Чернышевскаго, выражается первобытная форма торговли (производимой «въ извѣстномъ, одномъ, исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное, одно, исключительное время»), заключается именно въ томъ, что на нихъ торговыя сдѣлки между потребителями и производителямя совершаются прямо, безъ посредства особаго сословія торговцовъ. Въ такомъ сословіи представляется настоятельная надобность тогда, когда занятія распредѣлятся между разными производителями (такъ-что каждый изъ нихъ станетъ заниматься обработкой болѣе или менѣе однородныхъ произведеній), а между-тѣмъ способы сбыта еще не развились въ такой степени, которая соотвѣтствуетъ увеличившимся нуждамъ въ нихъ. На распредѣленіе разныхъ производствъ между разными производителями имѣютъ вліяніе многія неоднородныя причины. Мѣстныя особенности заставляютъ жителей обращать особенное вниманіе на улучшеніе способовъ удовлетворенія той или другой потребности, и эти способы, благодаря торговымъ связямъ одной мѣстности съ другою, вводятся въ употребленіе и въ другихъ мѣстахъ. Возможность сбереженій обусловливаетъ привычку къ довольству въ житьѣ; самое неравенство въ богатствѣ членовъ общества причиняетъ разнообразіе въ способахъ удовлетворенія потребностей. Для новыхъ способовъ удовлетворенія потребностей нуженъ особенный навыкъ, искусство въ производствѣ. Нѣкоторые производители уже все количество своихъ произведеній обмѣниваютъ на нужныя для нихъ, не потребляя сами ничего изъ своихъ собственныхъ произведеній. Такимъ-образомъ, чѣмъ болѣе выказывается распредѣленіе занятій, тѣмъ болѣе проявляется и потребность обмѣна. Но увеличенію такой потребности могутъ не соотвѣтствовать въ равной степени способы обмѣна; могутъ быть даже обстоятельства, увеличивающія искуственнымъ

образомъ потребность обмѣна. Плохое состояніе путей сообщенія между разными мѣстностями побуждаетъ, при развитіи личныхъ потребностей, водворять въ каждой мѣстности всякія производства, ей несвойственныя. При такомъ положеніи промышлености, бываетъ невозможно опредѣлять должнымъ образомъ стоимость произведеній: для одного и того же рода товаровъ издержки производства въ разныхъ мѣстахъ бываютъ разныя, и въ мѣстностяхъ, мало-свойственныхъ для производства ихъ, разница въ успѣхѣ производства въ разное время бываетъ весьма-значительна. Знаніе мѣстъ сбыта и количество требованій товара становится для производителя невозможнымъ; да еслибъ оно и было возможно, то все-таки дороговизна провоза и, особенно, неудобство и медленность провоза не дозволяютъ производителю надолго отрываться отъ своихъ занятій и подвергать себя большому страху потерь. Несообразное съ выгодностью мѣстныхъ условій водвореніе производствъ обусловливаетъ искусственный недостатокъ въ средствахъ, дороговизну производства; тиранство капитала становится весьма-чувствительнымъ; является значительный классъ, такъ-сказать, лишнихъ потребителей (которые покупаютъ, ничего не производя сами). Съ другой стороны, потребность въ общественной безопасности, способы удовлетворенія которой получаютъ часто чрезмѣрное развитіе, обусловливаетъ надобность въ значительныхъ средствахъ удовлетворенія. Эти средства (подати и разные общественные сборы), вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ количествомъ уплатъ за пользованіе капиталомъ (при усиленіи тиранства его), обусловливаютъ существованіе, такъ-сказать, лишнихъ производителей (которые принуждены бываютъ сбывать часть своихъ произведеній, не получая за нихъ въ-сущности ничего, или же получая за нихъ средства обмѣна, идущія на уплату общественныхъ сборовъ). Взаимное довѣріе, необходимое для удобства обмѣна произведеній, требующихъ болѣе или менѣе долгой обработки, не можетъ существовать между означенными лишними потребителями и производителями. Такимъ-образомъ, посредничество особаго сословія торговцовъ становится необходимымъ. Дѣйствія ихъ становятся совершенно-самостоятельными: установленіе цѣнъ на товары зависитъ уже нетолько отъ самихъ производителей и потребителей, но и отъ посредниковъ, которые распредѣляютъ товары по разнымъ мѣстамъ и выпускаютъ ихъ въ продажу при наиболѣе-выгодныхъ условіяхъ. При самостоятельности посредниковъ является основаніе облагать ихъ, какъ и самостоятельныхъ производителей, общественными сборами, для удовлетворенія народныхъ нуждъ. Особенное удобство взимать эти сборы съ означенныхъ посредниковъ (имѣющихъ возможность пріобрѣтать денежныя средства легче, чѣмъ производители) побуждаетъ

облагать этихъ посредниковъ сборами въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Сравнительно-высшій размѣръ сборовъ обусловливаетъ извѣстную исключительность пользованія торговыми выгодами (гильдейскія права). Такія исключительныя права причиняютъ, такъ-сказать, искусственную надобность въ посредникахъ, которая можетъ проявляться даже тогда, когда естественная надобность въ нихъ утратитъ свою настоятельность. Надобность въ посредникахъ при торговыхъ сдѣлкахъ можетъ перестать быть настоятельною только тогда, когда усовершенствуются пути сообщенія и вообще облегчатся торговыя сношенія между разными мѣстностями. Таможенныя пошлины, заставные сборы и привилегіи мѣстныхъ торговцовъ имѣютъ такое же, иногда даже бóльшее вліяніе на затрудненіе сношеній, какъ и недостатокъ удобныхъ путей сообщенія. Отсутствіе этихъ искусственныхъ затрудненій производитъ иногда тó, что, несмотря на недостатокъ хорошихъ дорогъ, удерживается или скоро возстановляется первобытная форма прямыхъ сношеній производителей съ потребителями различныхъ отдаленныхъ мѣстностей. Сбытъ, напримѣръ, русскихъ мануфактурныхъ произведеній на одиннадцати украинскихъ ярмаркахъ простирается на сумму до 22 мильйоновъ руб. сер., составляя около трети общей стоимости производства всѣхъ русскихъ мануфактуръ. Изъ числа 200 лавокъ, производящихъ оптовую торговлю означенными товарами, до 150-ти, по словамъ г. И. Аксакова, приходится на долю самихъ *производителей-фабрикантовъ*, предлагающихъ товаръ изъ *первыхъ рукъ*, безъ посредничества купцовъ («Изсл. о торговлѣ на украин. ярмаркахъ»). Даже не всѣ эти производители заслуживаютъ названіе фабрикантовъ. «Изъ нихъ человѣкъ до 50 такихъ, которыхъ настоящіе фабриканты съ презрѣніемъ называютъ мастерами или кустарниками, или самовозами.... Крестьяне Московской и Владимірской Губерній, работая для фабрикантовъ на своихъ домашнихъ станкахъ, наконецъ, сами покупаютъ пряжу на собственный счетъ и ткутъ у себя дома разныя низшія бумажныя ткани, которыя отдаютъ потомъ въ краску одного цвѣта и сбываютъ это все или сами, или чрезъ посредство своихъ же крестьянъ, на разныхъ ярмаркахъ, въ томъ числѣ на украинскихъ....» Посредники въ этихъ случаяхъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія: они простые агенты или прикащики производителей. Говоря о причинахъ, которыя побудили фабрикантовъ «высвободиться изъ-подъ зависимости и опеки купеческой, отклонить всякое лишнее посредничество между производителемъ и потребителемъ», авторъ дѣлаетъ оговорку, что подъ «потребителемъ» разумѣетъ не «публику», какъ говорятъ купцы, а «розничнаго торговца». Въ-самомъ-дѣлѣ, розничные торговцы, при естественномъ ходѣ дѣлъ, не имѣютъ

вовсе того самостоятельнаго значенія, какое имѣютъ оптовые торговцы: существованіе розничныхъ торговцовъ обусловливается преимущественно необходимостью сосредоточенія или склада товаровъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, для постепеннаго распредѣленія произведеній между потребителями по мѣрѣ надобности; относительно же *возможности непосредственныхъ сношеній съ производителями*, они находятся почти въ такомъ же положеніи, какъ и потребители (въ настоящемъ смыслѣ этого слова). «Ярмарочные *оптовые* купцы (говоритъ г. Аксаковъ) стѣсняли фабрикантовъ разными требованіями, видимо обличавшими *стремленіе къ монополіи*. Купцы, разумѣется, брали только то количество, какое было имъ нужно, и, поднимая товаръ въ цѣнѣ на ярмаркахъ, обращали барышъ въ свою пользу; когда же, наконецъ, многіе фабриканты рѣшились сами воспользоваться этимъ барышомъ и расширить кругъ своего сбыта, тогда купцы уже не могли продавать свой товаръ дороже, чѣмъ продавали сами первые производители, и стали забирать товары только у тѣхъ фабрикантовъ, которые еще сами на ярмарки не ѣздили, причемъ купцы требовали, чтобъ эти фабриканты никому болѣе, кромѣ нихъ, товаровъ на Украйну не продавали. Но и эти фабриканты, одинъ за другимъ, по мѣрѣ усиленія производства на ихъ фабрикахъ, разрывали тягостные для нихъ условія съ купцами и выступали на поприщѣ ярмарочной торговли». Конечно, торговыя сношенія на означенныхъ ярмаркахъ находятся несовсѣмъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Подвозъ туда товаровъ не отличается удобствомъ. Мануфактуры, издѣлія которыхъ тамъ сбываются, развились искусственно, вслѣдствіе запретительнаго тарифа 1822 г. Для прямой мѣны этихъ издѣлій не оказывается соотвѣтствующаго количества туземныхъ произведеній, удобныхъ для вывоза въ мануфактурную мѣстность. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, необходимою особенностью означенныхъ ярмарокъ явился чудовищный кредитъ, чрезмѣрно-рискованныя торговыя сдѣлки въ долгъ. Но всѣми этими обстоятельствами, разумѣется, не объясняется устраненіе излишняго посредничества отдѣльнаго сословія торговцовъ. Очевидно, напротивъ, что такое устраненіе доказываетъ уничтоженіе настоятельной надобности въ нихъ. Благодаря отсутствію искусственныхъ стѣсненій во внутреннихъ торговыхъ сношеніяхъ и нѣкоторому улучшенію путей сообщенія между разнородными мѣстностями, занятія производствами распредѣлилась довольно-правильно: въ каждой мѣстности водворился наиболѣе-свойственный ей родъ производства. Знакомство съ мѣстными нуждами, или знаніе мѣстъ болѣе или менѣе вѣрнаго сбыта, при такой обстановкѣ, бываетъ общедоступно. Обстановка народнаго хозяйства будетъ улучшаться, потребность въ торговлѣ можетъ увеличиваться по содержа-

нію, но существенная особенность торговыхъ сдѣлокъ (возможность непосредственныхъ сношеній производителей съ потребителями) останется одна и та же: форма развитія, конечно, будетъ становиться болѣе-и-болѣе опредѣленною, совершенною, но *дальнѣйшія перемѣны формъ невозможны.* Всѣ дальнѣйшія усовершенствованія производствъ и средствъ къ торговымъ сношеніямъ будутъ, пожалуй, побуждать къ лучшему выбору мѣстъ средоточія промышлености или торговли; число такихъ мѣстъ будетъ увеличиваться, производство торговли въ нихъ можетъ быть болѣе продолжительно и даже постоянно; но всякаго рода облегченія торговыхъ сношеній (бóльшее знакомство съ мѣстными нуждами, усовершенствованіе способовъ быстрой передачи торговыхъ извѣстій изъ разныхъ мѣстъ посредствомъ телеграфовъ, газетъ, возможность, посредствомъ быстраго провоза, удовлетворять немедленно требованія товаровъ, возможность отсрочекъ уплаты за провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ и пр.) будутъ только *увеличивать возможность непосредственныхъ сдѣлокъ производителей съ потребителями.* Какая-нибудь новая *форма* развитія — повторяемъ — рѣшительно-невозможна. *Высшая* форма развитія, разумѣется, будетъ существовать, пока самое явленіе будетъ существовать, развиваться. А нѣтъ, можно-сказать, никакого сомнѣнія, что потребность въ торговлѣ будетъ существовать до скончанія міра.

Кажется, ясно теперь, почему высшая степень развитія бываетъ одинакова по формѣ съ первобытной. Мы не останавливались бы такъ долго надъ объясненіями этого воспринятія первобытной, естественной формы развитія, еслибъ, кромѣ возраженій непонятливаго «Указателя политико-экономическаго», не нашли у самого г. Чернышевскаго, въ концѣ статьи, странно-выраженный принципъ, «великій повсемѣстный законъ развитія» — трюизмъ: «*вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы,* порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія». Мы объяснили уже, что «усиленіе стремленія» само-по-себѣ не объясняетъ всей преемственности формъ; усиленіе стремленія, обыкновенно, оказываетъ вліяніе только на измѣненіе первобытныхъ формъ въ среднія, переходныя; это вліяніе выказывается потому именно, что съ усиліемъ стремленія не всѣ способы удовлетворенія этого стремленія (не всѣ обстоятельства, содѣйствующія стремленію) получаютъ тотчасъ же желаемую соотвѣтственность, примѣняемость къ силѣ развитія. Какъ бы ни увеличивалось стремленіе, но безъ соотвѣтственнаго улучшенія обстоятельствъ, содѣйствующихъ стремленію, оно не выразится въ формѣ высшей или естественной, одинаковой съ первобытною.

Возможностью болѣе или менѣе постоянной соотвѣтственности такого улучшенія обстоятельствъ съ силою стремленія объясняется и возможность минованія переходныхъ формъ развитія явленій. Въ *высшей* степени развитія, отличающейся отъ прочихъ *богатствомъ содержанія* и естественностію или простотою формы (какъ въ первобытной), рѣшительно нельзя подозрѣвать упадка развитія.

По мнѣнію «Указателя», сравненіе общества съ развитіемъ организма личнаго имѣло бы бóльшую силу заключенія и болѣе объяснило бы предметъ. Но изъ замѣчаній «Указателя» видно, что онъ самъ не имѣетъ ясныхъ понятій о спорномъ предметѣ. «Не представляетъ (говоритъ онъ) полнаго совершенства тотъ старческій возрастъ человѣка, когда онъ (?) возвращается къ первобытной формѣ, впадаетъ въ дѣтство, лишается способности держаться прямо, ходить на двухъ ногахъ, ѣсть твердую пищу, по случаю отсутствія зубовъ, способности мыслить, дѣйствовать, чувствовать, и требуетъ ухода, какъ за ребенкомъ. Нѣтъ! это — *послѣдняя*, но — *не высшая* степень развитія (?). Кругъ-то развитія совершился; но въ концѣ этого круговаго сремленія лежитъ уничтоженіе, смерть, какъ въ началѣ было — небытіе. Кого же прельститъ этотъ возрастъ? кто ранѣе времени захочетъ быть старцемъ? А для общества общинное поземельное владѣніе есть то же младенчество; кто же прежде времени захочетъ возвратиться къ нему, еслибъ даже ему было и суждено наступить въ концѣ развитія? Перейти же въ него изъ дѣтства — не значитъ ли общество надѣлить собачьей старостью?»

Мы уже говорили, въ чемъ выражается форма развитія органическаго тѣла. Старческій возрастъ не представляетъ собою новую форму развитія. Развивается лишь тó, чтó богатѣетъ по содержанію; старческій же возрастъ представляетъ собою обѣднѣніе по содержанію: значитъ, тутъ о развитіи не можетъ быть и рѣчи; не можетъ быть рѣчи тутъ и о новой или *послѣдней* формѣ развитія. Тѣло человѣческое, какъ и всякое бытіе *органическое* (въ тѣсномъ или точномъ значеніи этого слова), неспособно къ безконечному существованію. Срокъ существованія его болѣе или менѣе опредѣленъ. Вещество, присущее органическому бытію, совершенно подчиняется дѣйствію безразличныхъ силъ природы; при чрезвычайной правильности развитія такого бытія, всякія послѣдующія проявленія имѣютъ самую тѣсную зависимость отъ предъидущихъ, которыя, подъ случайнымъ дѣйствіемъ безразличныхъ силъ природы, легко могли принимать положеніе, имѣющее более или менѣе сильное вліяніе на прекращеніе дальнѣйшаго развитія. Только тѣ явленія (способныя къ извѣстному развитію) живучи, которыхъ сущность не имѣетъ полной зависимо-

сти отъ свойствъ вещества, служащаго для проявленія ихъ развитія. Для общественныхъ потребностей рѣшительно нельзя опредѣлить какого либо срока развитія. Нѣкоторыя изъ нихъ, происходящія отъ обстоятельствъ, несоставляющихъ необходимой принадлежности общественнаго быта, могутъ, конечно, подвергнуться уничтоженію, по недостатку *содержанія*, нужнаго для развитія (положимъ—военное дѣло); но такія явленія, какъ общественныя потребности въ торговлѣ, администраціи, народномъ образованіи и т. п., незаключающія сами въ себѣ, по существу, условій разрушенія, должны развиваться безконечно. Касательно торговли, напримѣръ, конецъ развитія былъ бы возможенъ только тогда, когда каждый человѣкъ получилъ бы возможность самъ, безъ содѣйствія другихъ, удовлетворять всѣмъ своимъ личнымъ потребностямъ, которыя, между-тѣмъ, становятся все болѣе и болѣе изысканными. Для этого нужно было бы предположить возможность изобрѣтенія чего-либо въ родѣ философскаго камня, посредствомъ котораго можно было бы землю, напримѣръ, превращать, по желанію, въ золото, уголь, желѣзо—и въ добавокъ — безъ особеннаго труда.

Самъ г. Чернышевскій, кажется, отчасти виноватъ въ томъ, что «Указатель» не могъ освоиться съ изложенною въ «Современникѣ» теоріею развитія. Стараясь преимущественно разъяснить значеніе формъ развитія явленій, онъ иногда недостаточно вникалъ въ сущность явленій и излишне обобщалъ примѣняемость закона развитія. Можно безошибочно опредѣлить формы развитія только тогда, когда извѣстенъ ходъ развитія, или когда можемъ ясно представить себѣ всѣ условія, способствующія естественному ходу развитія, или же побуждающія его примѣняться къ обстоятельствамъ.

Явленія, которыя подлежатъ извѣстному развитію (такъ-называемому органическому) должны развиваться болѣе или менѣе самостоятельно, подъ вліяніемъ различныхъ условій, ненаходящихся въ тѣсной взаимной зависимости; тѣ же явленія, на которыя дѣйствуютъ однообразныя условія, не могутъ имѣть и рѣзкаго разграниченія формъ развитія (органическаго). Если, напримѣръ, на развитіе языка какого-либо народа имѣло преимущественное вліяніе одно постепенное обогащеніе его новыми понятіями, словами, то трудно представить себѣ какія-либо рѣзкія перемѣны формъ развитія. Перемѣна формъ въ этомъ случаѣ можетъ быть нѣсколько-понятна, когда, напримѣръ, кромѣ простаго обогащенія новыми понятіями, на образованіе народнаго языка имѣло вліяніе слитіе говора разныхъ племенъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе насильственнаго соединенія ихъ въ одно общество. «Всѣ языки (говоритъ г. Чернышевскій) начинаютъ съ того самого состоянія, представителемъ котораго служитъ обыкновенно

китайскій: каждое слово является во всѣхъ случаяхъ рѣчи въ одной и той же формѣ... Но языкъ начинаетъ развиваться, и являются флексіи (граматическія видоизмѣненія слова); число ихъ возрастаетъ и достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семитическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія граматическихъ нарощеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ имѣетъ семь или восемь наклоненій, нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій, и т. д. Въ нашей семьѣ, на высшей точкѣ этого періода стоитъ санскритскій языкъ. Но развитіе идетъ далѣе, и въ латинскомъ или старославянскомъ уже гораздо-менѣе флексій, нежели въ санскритскомъ. *Чѣмъ дольше живетъ языкъ, чѣмъ выше развивается народъ,* имъ говорящій, тѣмъ болѣе-и-болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынѣшнія славянскія нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старославянскій; въ итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ; въ нѣмецкомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ меньше, нежели въ старонѣмецкомъ, и, наконецъ, англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли, къ которой *идутъ*, по отношенію къ своимъ флексіямъ, всѣ другіе европейскіе языки, почти совершенно уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ уже: «я идти домъ» (вмѣсто нашего «я иду домой»)...

Изъ замѣчаній «Указателя» по поводу этого описанія развитія языка лучше всего можно усмотрѣть, кáкъ трудно нѣкоторымъ *мыслителямъ* согласить въ умѣ своемъ понятія о бѣдности по формѣ и богатствѣ по содержанію, а также — о совершенствѣ и простотѣ. «Вы думаете (замѣчаетъ онъ), что, видя потерю формъ и грамматическихъ видоизмѣненій слова, авторъ признаетъ современные языки, въ отношеніи къ *формамъ*, бѣднѣе (sic), *слѣдовательно менѣе-совершенными* (?) нежели древніе, какъ это полагаютъ раціональные филологи (?!); напротивъ — онъ считаетъ ихъ совершеннѣе...» Постараемся объяснить «Указателю» дѣло проще. Какая-либо машина, или сложное, улучшенное орудіе, считается совершеннѣе простаго орудія; но если эту сложную машину удастся упростить такъ, что *при сохраненіи ея способности выказывать извѣстное дѣйствіе*, она станетъ поворотливѣе, болѣе-удобною для управленія, менѣе нуждаться въ поправкахъ, и сдѣлается болѣе-легкою для пріобрѣтенія, то, безъ сомнѣнія, она (*упрощенная* машина) будетъ *совершеннѣе* сложной машины. По толкованію «Указателя», г. Чернышевскій считаетъ англійскій языкъ совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ ему извѣстныхъ, *кромѣ китайскаго*! Такое толкованіе, разумѣется, неправильно; но въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ выражается рѣдкое въ настоящемъ

споръ превосходство логики «Указателя» надъ «логикой общины», то-есть, надъ доводами г. Чернышевскаго, который «постигъ интересный принципъ» (условіе перехода съ низшей степени развитія прямо на высшую) и которому, поэтому, кажутся забавными «всѣ толки о такъ-называемомъ органическомъ развитіи». — «Удивляемся (замѣчаетъ «Указатель»), отчего авторъ, добиваясь такого же совершенства въ общественномъ устройствѣ, не проводитъ на дѣлѣ и совершенства языка въ своихъ сочиненіяхъ? Вѣдь по логикѣ это бы слѣдовало. Такимъ-образомъ, свое положеніе, сюда касающееся, онъ долженъ бы выразить въ родѣ слѣдующаго: «Въ грамматическій устройство языкъ конецъ походить съ начало». «Быть-можетъ (продолжаетъ «Указатель»), г. Чернышевскій, по скромности, не желаетъ въ этомъ быть передовымъ человѣкомъ въ Россіи; но онъ увѣренъ, что подобное совершенство наступитъ для нашего языка. Въ такомъ случаѣ и мы согласимся, чтобъ его община явилась у насъ тогда, когда мы, вмѣсто: «я пойду домой», будемъ говорить: «я хотѣть идти домой»; вѣдь все-таки это не можетъ быть скоро, слѣдовательно, и — несовременно».

Но г. Чернышевскій выказалъ гораздо-болѣе натяжки въ общепримѣняемости закона органическаго развитія касательно «общаго процеса бытія на нашей планетѣ (теллурическаго процесса)», общей животной жизни и двухъ высшихъ разрядовъ животныхъ (articulata и intelligentia). «По методу современной науки (говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи), разрѣшеніе вопроса относительно многосложныхъ явленій облегчается разсмотрѣніемъ его въ простѣйшихъ проявленіяхъ того же процеса. По этой методѣ, всегда стараются начинать анализъ съ физическихъ фактовъ, чтобъ перейти къ нравственнымъ фактамъ индивидуальной жизни, которая гораздо-сложнѣе, и, наконецъ, къ общественной жизни, которая еще сложнѣе, а общественную жизнь стараются разсмотрѣть, по возможности, въ первоначальныхъ ея явленіяхъ, наименѣе-сложныхъ, чтобъ облегчить тѣмъ анализъ чрезвычайно-запутанныхъ явленій цивилизаціи нашихъ странъ». Между-тѣмъ, самъ г. Чернышевскій неудачно примѣнилъ этотъ методъ къ объясненію дѣла. Его анализъ фактовъ, которымъ онъ *начинаетъ* свои изъясненія, вышелъ весьма-неудовлетворительнымъ. А неудачное начало, какъ извѣстно, очень-много вредитъ дѣлу. «Газообразное и жидкое состояніе тѣлъ — вотъ, исходная точка, отъ которой (какъ говоритъ авторъ) пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни въ ней. Великимъ шагомъ впередъ было сгущеніе газовъ и отверденіе жидкостей въ минеральныя породы». Далѣе, авторъ говоритъ о крайней прочности, плотности и неподвижности, проявившейся въ благород-

ныхъ металлахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ; потомъ о возвращеніи природы отъ страшной плотности минераловъ къ плотности растеній, деревъ, занимающихъ средину, въ этомъ отношеніи, между минералами и жидкостями, и, наконецъ, къ животнымъ, въ которыхъ снова проявляется подвижность и заключаются жидкіе элементы въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ въ растеніяхъ, и даже газы. «Животная жизнь становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе; проходя отъ лѣниваго молюска, почти-прикованнаго къ мѣсту, чрезъ высшія формы организма, до млекопитающихъ, она достигаетъ своего зенита въ человѣкѣ». Замѣтивъ, что матеріальныя отличія высшаго животнаго организма отъ низшихъ состоятъ въ гораздо-бо́льшемъ развитіи нервной системы и, особенно, головнаго мозга, авторъ говоритъ, что мозгъ — полужидкая масса, въ которой самый характеристическій элементъ — фосфоръ, имѣющій неудержимое стремленіе переходить въ газообразное состояніе. «*Вѣнецъ животной жизни*, высшая ступень, достигаемая процесомъ природы вообще, *нервный процесъ*, состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе».

Авторъ, въ настоящемъ случаѣ, не съумѣлъ или не счелъ нужнымъ обратить должное вниманіе на изслѣдованіе сущности органическаго развитія, прежде чѣмъ принялся за описаніе хода развитія. Онъ счелъ достаточнымъ отъискать кое-какіе факты, подходящіе, тою или другою стороною, къ понятіямъ извѣстной формулы. Отъ этого объясненіе его вышло никуда-негоднымъ. Это мы сейчасъ разъяснимъ примѣромъ. Положимъ, что мы задумали указать развитіе общественной жизни или государства, и начали разсуждать подобнымъ образомъ: «Отдѣльный человѣкъ, живущій самостоятельно и независимо, самъ для себя производитъ нужные предметы; произведенія эти дѣлаются потомъ предметомъ торговли; благодаря торговлѣ, увеличивается общественное богатство, общественныя средства; эти средства даютъ возможность содержать войско; съ помощью войска обезпечивается независимость государства, самостоятельность правительства». Такое наше разсужденіе нетолько не хуже, но даже лучше означеннаго объясненія г. Чернышевскаго. Въ отдѣльныхъ явленіяхъ соблюдена постепенность у насъ также, какъ и у г. Чернышевскаго, да кромѣ того, показана *нѣкоторая* зависимость одного явленія отъ другаго (чего вовсе не замѣчается у г. Чернышевскаго). А между-тѣмъ наше описаніе вовсе не показываетъ органическаго развитія общественной жизни Торговля, конечно, не можетъ обойтись безъ произведеній — предметовъ мѣны, но произведенія могутъ и не быть предметами мѣны; торговля увеличи-

ваетъ общественныя средства, но эти средства могутъ не употребляться на содержаніе войска (увеличеніе этихъ средствъ посредствомъ торговли необходимо должно развить только самую торговлю), и т. д. Мы уже имѣли случай замѣтить, что составныя части организма могутъ существовать, но самый организмъ, способный къ развитію, произойдетъ только тогда, когда составныя части его сложатся въ извѣстномъ отношеніи, придутъ въ должную связь, при извѣстныхъ условіяхъ. Касательно нашей планеты можно сказать, что развитіе ея началось, когда хаотическая масса сплотнилась и получила видъ шара. При вращательномъ движеніи земнаго шара около своей оси и кругомъ солнца, въ извѣстномъ положеніи, оказывали на образованіе земли вліяніе, кромѣ внутренней температуры самой земли, внѣшняя солнечная теплота и сила тяготѣнія. Въ началѣ образованія коры земной (вслѣдствіе охлажденія) температура на поверхности земли преимущественно зависѣла отъ внутренняго жара земли, и внѣшній видъ коры земной не подвергался значительнымъ измѣненіямъ; только послѣ извѣстной степени охлажденія всей земной коры солнечная теплота тоже стала оказывать сильное вліяніе, началось образованіе трещинъ, впадинъ, скопленіе водъ, опусканіе и подниманіе тѣхъ или другихъ частей земной поверхности; наконецъ, когда, вслѣдствіе дальнѣйшаго охлажденія земли, кора земли сдѣлалась достаточно-толстою, потеря внутренней теплоты стала дѣлаться все менѣе и менѣе замѣтною, на поверхность земли стала оказывать преимущественное вліяніе солнечная теплота, и значительныя измѣненія вида земной поверхности пріостановились. Такимъ-образомъ, касательно земной поверхности можно замѣтить правильное развитіе (по своей сущности болѣе-сходное съ развитіемъ органическихъ тѣлъ, а не явленій общественнаго быта). При всѣхъ видоизмѣненіяхъ сущность развитія остается одна и таже. Но ка́къ прикажете понимать «возвращеніе природы (какъ выражается г. Чернышевскій) отъ страшной плотности минераловъ къ ме́ньшей плотности жидкостей?» Какимъ образомъ переходитъ бытіе на нашей планетѣ, въ своемъ развитіи, отъ минераловъ къ растеніямъ, къ низшимъ животнымъ, и, наконецъ, къ высшимъ? Если авторъ представляетъ себѣ это такимъ образомъ, что улучшеніе окружающихъ обстоятельствъ, усовершенствованіе житейской среды дало возможность существовать высшимъ животнымъ организмамъ, то все-таки такое объясненіе показывало бы только развитіе самой среды, а не живущихъ въ этой средѣ. Если зерно растенія, только-что начинающееся распускаться, даетъ возможность жить на немъ и питаться имъ какому-либо мелкому червячку, а послѣ, когда оно разрастется въ дерево, даетъ средства существованія птичьему семейству, то изъ этого еще не слѣ-

дуетъ заключать, что птица представляетъ собою высшую, а червякъ низшую форму развитія одного и того же бытія. Замѣтьте, что форма развитія не можетъ существовать отдѣльно отъ содержанія. Если авторъ имѣетъ тѣ же воззрѣнія на природу, какія имѣетъ Ламаркъ, на котораго онъ ссылается въ своей статьѣ, то все-таки не имѣетъ права навязывать своимъ читателямъ такія положенія, которыя построены на сомнительно-прочныхъ основаніяхъ. Ламаркъ объясняетъ, напримѣръ, происхожденіе людей отъ обезьянъ, которыя, по случаю уничтоженія ихъ обиталища — лѣса, принуждены были волей-неволей уже не лазить на четверенькахъ, а ходить на двухъ ногахъ, по ровной землѣ (вслѣдствіе чего у нихъ мало-по-малу тѣло приняло такое положеніе, какъ у людей). Такія легкія предположенія уже не пользуются довѣріемъ, не имѣютъ научной важности. Зная, что при сильномъ вліяніи окружающей среды тѣлосложеніе животныхъ можетъ нѣсколько измѣняться и что такое вліяніе должно было выказываться гораздо-сильнѣе въ то время, когда происходили большіе перевороты на земной поверхности, мы все-таки не можемъ принять на вѣру означенное предположеніе: существуютъ же во всякихъ мѣстахъ, въ одной и той же средѣ, животныя какъ высшаго, такъ и низшаго разряда. Если извѣстныя вліянія такимъ образомъ измѣнили видъ однихъ животныхъ, то отчего же они не подѣйствовали на остальныхъ?.. Мы держимся того убѣжденія, что явленія, повидимому, сверхъестественныя слѣдуетъ объяснять, по возможности, естественнымъ образомъ, и не щадить усилій для изслѣдованія ихъ сущности. Только то истинно-прекрасно, что̀ разумно, а разумнымъ должно быть то̀, что̀ существуетъ по причинамъ естественнымъ. Человѣкъ ограниченнаго ума и необразованный любуется только тѣмъ, что̀ чудесно и необычайно, не задумываясь надъ тѣмъ, почему, напримѣръ, камень, брошенный въ воздухъ, падаетъ на землю (для него кажется это такъ понятно, что смѣшно и толковать). Если что̀-либо чудесное станутъ объяснять попросту, то онъ даже разсердится. Напротивъ, человѣкъ просвѣщенный только тогда вполнѣ наслаждается, такъ-сказать, красотою природы, когда что̀-либо казавшееся сверхъестественнымъ дѣлается понятнымъ. Однако, нельзя же довольствоваться объясненьицами, основанными на однихъ вѣроятіяхъ, умствованіяхъ, или поверхностныхъ наблюденіяхъ. Фактическое изученіе природы—единственный путь къ истинѣ человѣческихъ знаній. Соглашаемся съ тѣмъ мнѣніемъ, что наблюденіе должна руководить какая-либо идея, или объобщающая мысль: безъ такого руководства самые важные факты должны оставаться незамѣченными; вниманіе не можетъ равномѣрно распредѣляться совершенно-безразлично на всѣ явленія и на всѣ видоизмѣненія

какого-либо являнія. Можно сказать, что только тó, или почти тó, чтó мы ищемъ, можемъ мы и видѣть въ каждомъ явленіи. Открываемые факты утвердятъ, разовьютъ или отвергнутъ мысль, побудившую къ наблюденію, но важность ихъ всегда будетъ соотвѣтствовать важности этой объобщающей мысли. Однакожь, мысль, истинность которой подвергаютъ повѣркѣ фактами, нельзя же принимать за правило, которому должны подчиняться факты, для объясненія ихъ значенія. Еслибъ г. Чернышевскій имѣлъ цѣлью доказать въ своей статьѣ только вѣрность принципа, которому можно было бы подчинять всякія явленія, для лучшаго уразумѣнія ихъ, тогда бы еще было нѣсколько простительно увлекаться общепримѣняемостью его; но авторъ, въ сущности, былъ уже убѣжденъ въ истинности принципа, которымъ хотѣлъ только яснѣе доказать справедливость своего ученія объ общинѣ. Принципъ уже существовалъ, то-есть, онъ уже былъ выведенъ изъ фактовъ; для объясненія дѣла уже нéзачѣмъ было автору приводить всѣ факты, на которыхъ онъ основанъ: достаточно было описать только тѣ явленія, къ которымъ подлежащее спору явленіе наиболѣе подходитъ по своей сущности, или по условіямъ развитія. Придавая слишкомъ обширное значеніе понятію о развитіи, г. Чернышевскій доставилъ только случай «Указателю» сдѣлать удачное возраженіе, соотвѣтствующее доводамъ автора. «Указатель» слѣдующимъ образомъ выводитъ логическое заключеніе объ общинномъ владѣніи, по аналогіи съ примѣрами автора, полагая вѣрными его исходныя положенія: «Исходная точка: *Вся* земля была газъ. *Все* было общее. 2 — Періодъ развитія: *Нѣчто* (камень и пр.) на землѣ твердѣетъ. *Нѣчто* дѣлается собственностью. Высшая ступень развитія: *Нѣчто* на землѣ приближается къ газообразному состоянію. *Нѣчто* приближается къ общинному владѣнію». «Вѣдь, вотъ (продолжаетъ «Указатель») прямой параллельный примѣру нашего автора выводъ, и мы съ этимъ совершенно-согласны: нѣчто при высшемъ развитіи приближается къ общинному владѣнію, какъ нѣчто (мозгъ) приближается къ жидкому состоянію; но это нѣчто во владѣніи также не есть *земля*, какъ не приближаются къ жидкому или газообразному состоянію наши кости. Общинный характеръ имѣетъ на высшей степени развитія — общность мнѣнія, знаній, труда въ формѣ вольныхъ товариществъ, которыя мы признаемъ высшею степенью экономическаго развитія, но которыя нетолько не противорѣчатъ личной собственности, но требуютъ ея, какъ мозгъ требуетъ костянаго вещества».

Но, не придавая сколько-нибудь важнаго значенія этому возраженію (какъ такому, которое вышло удачнымъ лишь вслѣдствіе неумѣстнаго примѣра, предложеннаго г. Чернышевскимъ), спросимъ себя: можно ли примѣнить изъясненный законъ развитія къ

общинному владѣнію, согласно съ стремленіями сторонниковъ его? Прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе примѣняемости этого закона вообще къ владѣнію землею. «Владѣніе землею» такая же *общественная потребность*, какъ и торговля. Касательно общественной потребности на землю (какъ и всякой другой такой же) замѣчается нѣкоторая самостоятельность въ развитіи. Въ потребности на землю замѣчается и такъ-называемая интенсивность и вліяніе посторонних, болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ. На *усиленіе потребности* въ землѣ и на соотвѣтствующее *увеличеніе способовъ* удовлетворенія этой потребности имѣютъ вліяніе увеличеніе народонаселенія, государственныхъ требованій, улучшенные способы обработки, распредѣленіе воздѣлыванія произведеній по свойствамъ почвъ и климата, улучшенія орудій, пути сообщенія, тарифы, налоги и другія обстоятельства (почти одинаковыя съ торговыми, только въ различной степени, такъ-какъ предметы торговли вообще отличаются бо́льшимъ разнообразіемъ касательно ихъ цѣнностей). Сначала, при ограниченности потребностей, или при однообразіи средствъ удовлетворенія ихъ, пользуются только тою землею, которая пригодна для добыванія этихъ средствъ. Вспахиваютъ поля, удобныя для посѣва хлѣба, естественные луга употребляются для пастьбы скота. Но съ развитіемъ потребностей является разнообразіе въ средствахъ удовлетворенія, соотвѣтствующихъ различнымъ свойствамъ земель. Начинаютъ пользоваться тѣми землями, изъ которыхъ можно получать разныя руды, минералы, каменный уголь, торфъ. Перестаютъ безпощадно истреблять (сжигать на мѣстѣ) строевой лѣсъ, ради одной наибо́льшей урожайности земли, неистощенной посѣвами хлѣба. Начинаютъ обработывать зе́мли, годныя для красильныхъ и волокнистыхъ растеній, плодовыхъ деревьевъ, и т. д. Таково развитіе потребности въ землѣ *по содержанію*. Развитіе ея необходимо, неудержимо: оно не обусловливается однимъ бо́льшимъ или ме́ньшимъ недостаткомъ въ землѣ Увеличивается ли народонаселеніе, или же остается въ прежнемъ составѣ, дорожаютъ ли земли, или же дешевѣютъ—развитіе потребности въ ней продолжается. Итакъ—нѣтъ сомнѣнія—правило такъ-называемаго органическаго развитія можетъ быть примѣнено относительно общественной потребности въ пользованіи землей.

Что́ касается примѣненія означеннаго принципа развитія къ ученію общинниковъ, то, по нашему разумѣнію, формы *развитія общественной потребности въ землѣ* вовсе не выражаются существенными свойствами общинной, или же личной собственности. Самая *искусственность* общиннаго поземельнаго владѣнія указываетъ на то, что оно не могло выражать собою *первобыт-*

ной формы пользованiя землею. Владѣнiе землею на правѣ личной собственности, при извѣстной обстановкѣ, можетъ не выражать какихъ-либо неестественныхъ отношенiй собственниковъ къ землѣ или ко всему обществу, хотя бы потребность въ землѣ развилась въ сильнѣйшей степени (во всякомъ случаѣ, при сильномъ развитiи этой потребности, общинники, безъ извѣстной обстановки, будутъ находится въ такомъ же отношенiи къ цѣлому обществу, какъ и владѣльцы на правѣ личной собственности).

Въ чемъ же выражается первобытная форма развитiя общественной потребности въ землѣ?

Для разрѣшенiя этого вопроса, мы должны опредѣлить, по возможности, *всѣ* существенныя условiя первоначальнаго пользованiя землею, въ отличiе отъ пользованiя ею при дальнѣйшемъ развитiи потребности.

По мнѣнiю многихъ, поземельная собственность сначала выразилась повсемѣстно общиннымъ правомъ, а не личнымъ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнiя; но чтобъ отклонить всякiй поводъ къ голословному спору, станемъ говорить не о первобытныхъ свойствахъ права собственности (общинной или же личной), а о первобытномъ пользованiи землею. Разумѣется, мы должны говорить о первобытной формѣ развитiя *общественной* потребности въ пользованiи землей; общественная же потребность можетъ возродиться только въ общественномъ быту, внѣ котораго не можетъ существовать понятiя о *правѣ собственности;* однакоже, установленiе этого права не происходитъ непремѣнно въ самомъ началѣ общественнаго быта. Право поземельной собственности не есть непремѣнное условiе или причина установленiя общественнаго быта; право это опредѣляется законодательствомъ и можетъ установляться раньше или позже, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и развитiю общественныхъ нуждъ. Поэтому самому, намъ не слѣдуетъ принимать установленiе такого права за исходную точку изслѣдованiя. Понятiе о чиновничествѣ неразрывно связано съ понятiемъ о правительственномъ организмѣ; мы не можемъ себѣ представить чиновника, который бы не представлялъ собою какой-либо доли той или другой части администрацiи; а между-тѣмъ мы сдѣлали бы большой промахъ, еслибъ стали изучать развитiе общественной потребности въ администрацiи со времени только учрежденiя чиновничества, или же сочли бы уничтоженiе чиновничества погибелью администрацiи. Ка́къ администрацiя можетъ существовать безъ чиновничества, та́къ точно и пользованiе землею въ общественномъ быту можетъ обходиться безъ права частной (общинной или личной) собственности на землю (которая можетъ оставаться достоянiемъ общественнымъ, государственнымъ).

Чтобъ устранить всякія недоумѣнія касательно особенностей первобытной формы развитія потребности на землю, сдѣлаемъ также оговорку, что общественныя потребности развиваются неодинаково: одна какая-либо потребность можетъ принять дальнѣйшую форму развитія, тогда-какъ остальныя будутъ имѣть еще первобытную форму. Развитіе однихъ общественныхъ потребностей, конечно, имѣетъ вліяніе на развитіе другихъ; очень-часто нѣсколько потребностей одновременно перемѣняютъ формы развитія; но все-таки должно сказать, что каждая изъ потребностей развивается болѣе или менѣе самостоятельно; на развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ имѣть вліяніе такія обстоятельства, которыя вовсе не касаются другихъ потребностей. Торговля и судопроизводство, напримѣръ, могли значительно развиться въ какомъ-либо первобытномъ обществѣ, тогда-какъ потребность въ военной силѣ еще не зарождалась: не всѣ же общества основывались съ цѣлію защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Случается даже, что первобытное зарожденіе и дальнѣйшее развитіе той или другой общественной потребности имѣетъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на *перемѣну первобытной* формы другаго какого-либо явленія. Положеніе женщинъ, напримѣръ, въ семьѣ и въ обществѣ, при отсутствіи болѣе или менѣе тягостныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ появленіе преимуществъ одного пола предъ другимъ, могло быть одинаково съ положеніемъ мужчинъ (только съ появленіемъ надобности въ военной силѣ и въ занятіяхъ, требующихъ особенно-сильнаго и постояннаго труда, положеніе женщинъ въ семьѣ, въ-сравненіи съ мужчинами, должно было сдѣлаться низшимъ, и общественныя права́ ихъ ограничились). Такимъ-образомъ, представляя себѣ особенности проявленія какой-либо общественной потребности, должно имѣть въ виду *собственно ея первобытную степень развитія*, а не просто—ея развитіе въ первоначальномъ быту (когда бо́льшая часть общественныхъ потребностей имѣетъ еще первобытную форму). «Указатель», между-прочимъ, говоритъ въ возраженіе г. Чернышевскому: «Въ обществѣ *на степени первоначальнаго развитія* личность члена семейства безусловно подчинена произволу главы семьи; слѣдовательно, высшая степень развитія должна состоять въ правѣ отца на жизнь и смерть дѣтей». Въ этомъ возраженіи нетолько самое заключеніе выведено неправильно, вслѣдствіе невѣрнаго разумѣнія принципа развитія — большой посылки (подразумѣваемой здѣсь), но и содержаніе другой, ме́ньшей посылки выражено невѣрно (какъ сейчасъ объяснили). То же должно сказать и о высшемъ развитіи. Если, напримѣръ, въ Англіи нѣкоторыя общественныя явленія (судопроизводство, образованность) можно признать находящимися на высшей степени развитія, то изъ

этого еще нельзя заключать, что тамъ и другія явленія находятся на такой же степени развитія. Далеко не все тамъ существующее можно ставить въ образецъ совершенства (*).

(*) Подобное замѣчается въ человѣческомъ развитіи, въ которомъ низшая и высшая степени развитія тѣла не совпадаютъ по формамъ съ такими же степенями развитія ума — познавательной способности духа: особенности перемѣняющихся формъ развитія тѣла не выражаются въ формахъ развитія ума... Духъ, конечно, проявляется посредствомъ тѣла, но развитіе ума имѣетъ нѣкоторую самостоятельность даже въ переходныхъ степеняхъ развитія: не одни страдательныя ощущенія тѣла, или случайныя впечатлѣнія имѣютъ вліяніе на умъ. Никакія толкованія матеріалистовъ неспособны научнымъ образомъ отвергнуть значеніе духа, какъ существа, и объяснить его, какъ проявленіе свойствъ матеріи (см. «Механическую теорію міра» г. Лаврова, въ 4 № «От. Зап.»). Въ числѣ обстоятельствъ, руководящихъ движеніями ума, кромѣ внѣшнихъ явленій, производящихъ современныя впечатлѣнія на духъ, заключаются и внутреннія проявленія его (память, воображеніе); но эти проявленія, которыя обусловливаютъ процесы душевные, нельзя объяснить выраженіемъ процесовъ вещественныхъ... Первая форма развитія ума выражается преимущественно въ простомъ сознаніи: «духъ сознаетъ себя, какъ нѣчто существующее». Далѣе, сильныя внѣшнія впечатлѣнія обусловливаютъ стремленіе духа къ познаванію внѣшнихъ явленій. Не одни непосредственныя наблюденія, но и передача ихъ другими наблюдателями начинаетъ оказывать вліяніе на движеніе ума. Тѣ или другія внѣшнія вліянія могутъ имѣть бóльшее или мéньшее значеніе для того или другаго человѣка, но, какъ бы ни было, съ обогащеніемъ памяти человѣка свѣдѣніями начинаетъ проявляться высшая форма развитія ума, выражающаяся преимущественно въ самосознаніи: человѣкъ, какъ говорятъ, начинаетъ жить мыслію, умственною жизнію. Съ умомъ, развитымъ въ высшей степени, человѣкъ можетъ легко обходиться безъ внѣшнихъ впечатлѣній, не отчаяваться, если обстоятельства заставятъ жить въ одиночествѣ. По словамъ, напримѣръ, Ог. Тьерри, онъ не промѣнялъ бы наслажденія, доставляемыя ему мышленіемъ, на возможность удовлетворенія потребности зрѣнія (котораго онъ лишился) и удовольствія тѣла (которое было у него разбито параличемъ). Сильныя внѣшнія впечатлѣнія даже могутъ мѣшать успѣху мышленія, ослаблять проявленіе памяти и воображенія. (По нашему разумѣнію, ослабленіе ума у дряхлыхъ стариковъ—только кажущееся, а не дѣйствительное. Пока духъ соединенъ съ тѣломъ, онъ подчиняется вліянію болѣзненныхъ явленій тѣла. Разныя способности духа не могутъ вполнѣ выказываться въ одно и то же время. Человѣкъ, наприм., во время сна или опьяненія теряетъ память, но она снова потомъ выказывается. Если человѣкъ теряетъ память, то это показываетъ только, что душевная способность воспріятія находится подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній тѣла — болѣзненныхъ, но не всегда выказывающихъ рѣзкое, болѣзненно-непріятное дѣйствіе).

Такимъ образомъ, намъ незачѣмъ слѣдить за проявленіями поземельной потребности въ извѣстномъ первобытномъ состояніи общества. Мы можемъ даже просто сравнивать теперешнія проявленія ея въ различныхъ государствахъ, даже въ различныхъ частяхъ одного и того же государства, въ которыхъ лишь выказывались бы рѣзкія особенности въ проявленіяхъ, могущихъ измѣняться безъ ущерба развитія ея по содержанію.

Первобытная форма развитія общественной потребности въ землѣ имѣетъ слѣдующія, такъ-сказать, *неразлучныя* особенности (изъ которыхъ каждая, *въ отдѣльности взятая*, можетъ выказываться въ дальнѣйшихъ среднихъ формахъ развитія): 1) пользуются землею, или получаютъ доходъ, съ нея только тѣ, которыесами ее воздѣлываютъ; 2) обработываемая земля не имѣетъ значенія основнаго капитала, такъ-что цѣнность прибыли, получаемой производителемъ, обусловливается не цѣнностью земли, а преимущественно стоимостью труда и орудій производства — движимаго капитала; 3) производители не употребляютъ особенныхъ усилій для приданія почвѣ такихъ свойствъ, которыхъ она не имѣетъ; и 4) производители не стѣсняются, касательно расширенія, ограниченія, передачи и перемѣщенія производства, такими обстоятельствами, которыя обусловливаются чрезвычайными затратами на земледѣліе, или чрезмѣрною дороговизною поземельной собственности.

Эти особенности не имѣютъ ничего неестественнаго, плачевнаго; измѣненіе ихъ вовсе не обусловливаетъ, само-по-себѣ, увеличеніе народнаго богатства или благосостоянія. Въ первобытной формѣ пользованія землею нельзя замѣтить общиннаго характера; пользуются ею въ общественномъ быту далеко не *всѣ* (по-крайней-мѣрѣ, *не въ одинаковомъ размѣрѣ*, или количествѣ); участіе всѣхъ во владѣніи землею не могло имѣть значенія уже потому, что за такимъ владѣніемъ нѣчего было много гоняться; оно, безъ прямаго участія въ производствѣ, не доставляло, само-по-себѣ, никакой особенной выгоды. Если за пользованіе землею и платилась подать, то она шла на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, слѣдовательно, не имѣла ничего общаго съ поземельнымъ доходомъ или рентою, которую стали впослѣдствіи получать землевладѣльцы съ производителей (нанимателей). При достаткѣ въ землѣ, она не могла имѣть значенія основнаго капитала, потому-что на улучшеніе ея особенныхъ затратъ не дѣлалось; по истощеніи земли она оставлялась въ залежь, или же производители переселялись на другое мѣсто. Даже обыкновенная поддержка плодородія (или и нѣкоторое улучшеніе) не можетъ сама-по-себѣ придать особенную цѣнность землѣ: сравнительная годность ея къ употребленію увеличивается лишь на короткій срокъ.

Самый передѣлъ земли у общинниковъ въ первобытномъ развитіи потребности имѣетъ главнымъ основаніемъ поочередное пользованіе выгодами отъ ближайшихъ (а не плодороднѣйшихъ) полей. Особенную цѣнность земля начинаетъ пріобрѣтать лишь тогда, когда народонаселеніе скопится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и почувствуется недостатокъ въ произведеніяхъ земли, по *неудобству подвоза* изъ дальнихъ мѣстъ. Искусственная цѣнность ея еще болѣе возвышается, когда появляются пошлины, въ видѣ поощренія производства. Съ развитіемъ общественныхъ потребностей и появленіемъ надобности въ болѣе-разнообразныхъ произведеніяхъ земли высказывается, такъ-сказать, искусственный недостатокъ земли (производящій особенно-сильное вздорожаніе ея). Требованіе на землю увеличивается особенно въ мѣстностяхъ, выгодныхъ для сбыта; начинаютъ обработывать не тѣ произведенія, которыя наиболѣе способна производить извѣстная почва, а тѣ, которыя наиболѣе требуются (при несообразности же производства съ мѣстностями требуются и бóльшее количество земли и большія издержки производства). Чрезмѣрная дороговизна земель и обработки обусловливаетъ сосредоточеніе ихъ въ рукахъ капиталистовъ; даже и въ рукахъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей пользованіе землей (наприм., во Франціи) не находится при естественныхъ условіяхъ: опасность временнаго ограниченія производства, затруднительность расширенія его (по мѣрѣ надобности), неудобство передачи или сбыта своихъ средствъ производства въ полномъ составѣ и затруднительность обзаведенія въ иномъ мѣстѣ должными средствами причиняютъ то, что производитель дѣлается, такъ-сказать, рабомъ своихъ собственныхъ средствъ производства (не онъ выбираетъ средства производства и соразмѣряетъ ихъ съ своими силами, а средства эти, однажды усвоенныя, обусловливаютъ постоянное напряженіе его дѣятельности въ извѣстномъ направленіи и въ опредѣленномъ размѣрѣ). Стало-быть, положеніе ихъ нельзя признать безусловно-лучшимъ въ сравненіи съ фермерами, которые, по-крайней-мѣрѣ, не подчиняются такимъ стѣсненіямъ. При извѣстной обстановкѣ, обработываютъ ли люди наемную землю, или же свою собственную — въ цѣну произведенія чувствительнымъ образомъ включаются проценты съ искусственно-необходимой (такъ-сказать) стоимости средствъ производства. Всѣ означенныя невыгоды должны существовать и тогда, когда частную собственность сдѣлали бы общинною: общинное владѣніе само-по-себѣ нисколько не устраняетъ невыгодность условій. Принятіе совершеннѣйшей формы обусловливается только кореннымъ преобразованіемъ обстановки земледѣльческаго производства—появленіемъ способовъ удовлетворенія, соотвѣтствующихъ силѣ развитія потребности въ произведеніяхъ земли (устраненіе всякихъ препятствій къ торго-

вымъ сношеніямъ, постепенное увеличеніе и болѣе или менѣе случайное усовершенствованіе путей сообщенія, а также способовъ, облегчающихъ производство). Всѣ особенности первобытной формы развитія должны снова при этомъ выказаться. Не будетъ надобности употреблять особенныя усилія для приданія почвѣ такихъ свойствъ, которыхъ она не имѣетъ: произведенія можно будетъ получать изъ выгодныхъ мѣстностей. Въ каждой мѣстности, по необходимости, будутъ воздѣлывать наиболѣе свойственныя произведенія, поэтому должна весьма-значительно увеличиться общая производительность, которая, вмѣстѣ съ дешевизною провоза и устраненіемъ излишняго торговаго посредничества, будетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на дешевизну, на установленіе естественной цѣны произведеній, а еще болѣе — на упадокъ значенія особенной цѣнности земли, какъ средства производства, въ которомъ чувствуется недостатокъ. Прибыль отъ отдачи земли въ наемъ должна будетъ все болѣе и болѣе (вмѣстѣ съ продажною цѣною самой земли) понижаться, въ сравненіи съ прибылью самостоятельнаго производителя. При достаткѣ въ производительныхъ силахъ земли, легкости обзаведенія средствами производства и удобствѣ переселеній, страхъ владѣльца-спекулянта, лично незанимающагося производствомъ, сильно увеличится касательно неполученія доходовъ съ земли, никѣмъ ненанимаемой (особенно на долгій срокъ, обезопасивающій владѣльца отъ скораго истощенія земли). Праздность земли, или дешевый наемъ могутъ причинить даже капитальный убытокъ, при существованіи поземельнаго налога. Сильныя измѣненія цѣнностей земли, которыя должны выказываться по мѣрѣ облегченія торговыхъ сношеній, выкажутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевиднымъ образомъ, что естественное установленіе цѣнъ на землю зависитъ преимущественно не отъ издержекъ на ея *улучшеніе*, а отъ условій мѣстнаго развитія общественнаго быта, и что общество, поэтому, имѣетъ полное право на взиманіе извѣстнаго поземельнаго налога, распредѣленнаго правильнымъ образомъ. Даже устраненіе повода — взимать личные налоги съ излишнихъ торговыхъ посредниковъ и вообще промышлениковъ, пользующихся, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такъ-сказать, необходимою монополіею, должно повести къ переложенію главнѣйшей части общественныхъ сборовъ на поземельную собственность. Страхъ, который будетъ существовать для владѣльца-спекулянта, не будетъ существовать для собственника, который самъ обработываетъ участокъ земли. Налогъ станетъ только сокращать поземельную ренту (доходъ, который можно получать безхлопотнымъ образомъ), отчего продажная цѣна земли будетъ, естественно, низкою, удобною для сдѣлокъ, необходимыхъ для временнаго расширенія, или ограниченія производства того или другаго владѣль-

ца; раздробленность поземельныхъ участковъ и черезполосность владѣній, вызывающія столько затрудненій въ устраненіи этихъ неудобствъ (и при общинномъ владѣніи, съ извѣстною обстановкою), потеряютъ всякое значеніе при проявленіяхъ совершеннѣйшей формы общественной потребности въ пользованіи землей. Даже сосредоточеніе поземельныхъ участковъ въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, обработывающихъ землю *на свой счетъ*, по найму, перестанетъ быть особенно-выгоднымъ, нетолько потому, что способы сбыта сдѣлаются одинаково-доступными для всякаго, но и потому, что орудія и другія пособія производства сдѣлаются общедоступными; не говоря уже объ удобствахъ доставки, на такую общедоступность будетъ имѣть вліяніе даже означенное переложеніе налога, который причиняетъ, замѣтнымъ образомъ, общее вздорожаніе предметовъ только тогда, когда прямо касается предметовъ, непосредственно потребляемыхъ (это объясняется, между-прочимъ, большими издержками взиманія). Положимъ даже, что учрежденіе общиннаго владѣнія способно произвесть тѣ послѣдствія, о которыхъ говорятъ защитники общины; но все-таки означенныя послѣдствія, въ сравненіи съ вышеизложенными, выходятъ ничтожными, односторонними, тѣмъ-болѣе, что предлагаемая общинниками положительная мѣра касается далеко не до всѣхъ, да и до тѣхъ, до которыхъ она относится, коснется не въ одинаковой мѣрѣ.

Мы высказывали нѣсколько разъ въ нашихъ статьяхъ свое неуваженіе къ общинному владѣнію, но не принадлежимъ къ тѣмъ противникамъ общины, которые, въ доказательство несостоятельности ея, опирались на то, что она есть первобытная форма поземельныхъ отношеній. Въ нашихъ глазахъ такое доказательство даже не имѣло никакого важнаго значенія. Не пользуясь короткимъ знакомствомъ съ наукою философіи, мы не имѣли яснаго теоретическаго пониманія принципа развитія, пока намъ не объяснилъ его г. Чернышевскій. Между-тѣмъ, въ своихъ первоначальныхъ статьяхъ о тиранствѣ капитала («От. Зап.» 1857 г. № 9 и 10, также въ «Экон. Указ.» 1858 г.), и даже въ разсужденіяхъ о самостоятельности женщинъ («Спб. Вѣд.» 1858 г. № 55), разбирая явленія общественыя, промышленныя и торговыя, мы строили свою экономическую теорію согласно съ принципомъ развитія (совершенно-невѣдомо для насъ самихъ), и тѣмъ самымъ доказывали справедливость принципа, выведеннаго изъ различныхъ явленій (но провѣреннаго, между-прочимъ замѣтимъ, не во всѣхъ случаяхъ удовлетворительно). Эти обстоятельства (непричастность спору и, такъ-сказать, опытное знаніе дѣла, при болѣе или менѣе самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ) оправдываютъ нашу рѣшимость — толковать объ извѣстномъ принципѣ тому,

который прежде выказывалъ уваженіе къ нему, а теперь непониманіе его, неуваженіе («Указатель»), и даже тому, который признавалъ принципъ и понималъ его вѣрно, но примѣняетъ къ дѣлу невсегда удовлетворительно (г. Чернышевскій).

Нѣкоторое согласіе наше (въ принципѣ) съ г. Чернышевскимъ зависитъ отъ того, что мы оба находимъ неестественность, искусственность въ нѣкоторыхъ явленіяхъ общественнаго быта; различіе же въ выводахъ у насъ зависитъ отъ различнаго пониманія причинъ и особенностей такой неестественности. «Указатель» вовсе не видитъ ея (какъ и можно было ожидать отъ сторонника ученія такъ-называемой либеральной школы). Имѣя въ виду недавно-изданный «Проспектъ политической экономіи» г. Вернадскаго, мы можемъ показать, до какихъ странныхъ выводовъ можетъ довести отрицательное направленіе ученія, *въ противоположность* положительному. Мы нетолько найдемъ тамъ математически-формулированныя, такъ-называемыя экономическія *аксіомы* (рѣшительно, впрочемъ, ложныя), но и узнаемъ, что отрицательное направленіе ученія можетъ довести почти до отрицанія самой науки.

Не приводимъ здѣсь умствованій г. Чернышевскаго касательно примѣненія принципа развитія къ поземельнымъ отношеніямъ. Объ этихъ умствованіяхъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Замѣтимъ здѣсь только, что объясненіе причины неестественности извѣстнаго явленія тѣмъ, что «спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе», можно смѣло назвать совершенно-темнымъ и даже безмысленнымъ, въ политико-экономическомъ отношеніи. Въ другой статьѣ («Совр.» 1859 г. № 2), обѣщанное продолженіе которой еще не явилось, г. Чернышевскій приводитъ основанія необходимости принятія правительствомъ мѣръ касательно ускоренія желаннаго развитія. Общія соображенія объ этихъ основаніяхъ высказаны авторомъ довольно-хорошо и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отлично; что́ же касается мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ, то онѣ выбраны чрезвычайно-неудачно. «Указатель», неоставившій автора безъ возраженій, выказалъ въ этомъ случаѣ свою самую сильную сторону. Только, дѣлая замѣчаніе, что положительное ученіе довело до отрицанія науки, «Указатель» и не подозрѣвалъ, что отрицательное тоже можетъ довести до отрицанія ея. Разборъ новаго спора, полагаемъ, не будетъ лишенъ занимательности.

П. Славинскій.

ОЧЕРКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

ЛАМАИЗМЪ И ШАМАНСТВО (1).

I.

Общія черты религіознаго сродства астраханскихъ калмыковъ съ сибирскими монгольскими племенами. — Переходъ ихъ отъ шаманства къ ламаизму. — Древность шаманской вѣры. — Значеніе ея въ Китаѣ и Восточной Сибири. — Прежнее мнѣніе о ней и свѣдѣнія новѣйшія.— Различіе между ламаизмомъ у китайцевъ, тибетскихъ монголовъ, астраханскихъ калмыковъ и сибирскихъ инородцевъ. — Причины распространенія между ними ламаизма насчетъ шаманства.

> Вообще толкованіе монголовъ о вѣрѣ, даже самихъ ламъ, сбивчивое и неясное. Или они скрываютъ отъ любопытствующихъ исторію своей религіи, или, просто, сами ничего не знаютъ.
>
> *(Поѣздка въ Забайкальскій Край).*

Неожиданно представился намъ случай сравнить положеніе буддійской вѣры или ламаизма и ея жрецовъ у астраханскихъ калмыковъ съ положеніемъ той же религіи и ея духовенства у единоплеменныхъ имъ бурятъ. Двѣ послѣдніа статьи наши о калмыкахъ были поводомъ

---

(1) Статья эта написана въ 1848 году, но по разнымъ причинамъ, независѣвшимъ отъ ея составителя, не могла быть до–сихъ–поръ напечатана; она есть продолженіе и дополненіе помѣщенныхъ въ XLVII, XLVIII и XLIX томахъ «Отеч. Зап.» извѣстій о калмыкахъ, ихъ вѣроисповѣданіи и жрецахъ, извѣстій, обратившихъ на себя общее вниманіе новостію и основательностью помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній. Считаетъ неизлишнимъ указать здѣсь, между–прочимъ, на отзывъ Географическаго Общества, объ этихъ статьяхъ, барона Ѳ. А. Бюлера. Въ отчетѣ коммисіи, разсматривавшей сочиненія, которыя можно было бы удостоить Жуковской преміи, между–прочимъ, ска-

къ доставленію намъ сборника разновременныхъ извѣстій о забайкальскомъ ламайскомъ духовенствѣ и проповѣдуемой имъ вѣрѣ (²).

Извѣстія эти важны для насъ потому особенно, что доставляютъ возможность указать съ нѣкоторою подробностью на тѣ черты сходства, которыя въ религіозномъ отношеніи калмыки сохранили съ своими сибирскими единовѣрцами. Любопытно видѣть, какъ, несмотря на разстояніе, которымъ калмыки отдѣлены отъ бурятъ, и на совершенную почти невозможность сношеній съ ними, утвержденіе между этими монгольскими племенами ламайскихъ іерархій, самостоятельныхъ и почти въ равной мѣрѣ независимыхъ отъ главы ламаизма — тибетскаго далай-ламы, имѣло въ двухъ разныхъ и взаимно отдаленныхъ мѣстахъ почти одни и тѣ же результаты.

За Байкаломъ находимъ мы столь же невѣжественныхъ и корыстолюбивыхъ жрецовъ, какъ у калмыковъ, но болѣе-безнравственныхъ и многочисленныхъ, искажающихъ догматы своей религіи и небрегущихъ о выполненіи существеннѣйшихъ ея требованій. Но главное различіе жрецовъ калмыцкихъ (называемыхъ астраханскимъ начальствомъ *гелюнгами*) отъ забайкальскихъ (называемыхъ иркутскимъ начальствомъ *ламами*) заключается въ томъ, что власть первыхъ всегда ограничивалась сильнымъ нравственнымъ преобладаніемъ надъ однимъ народомъ калмыцкимъ, между-тѣмъ, какъ ламы забайкальскіе никогда не довольствовались вліяніемъ на свою духовную паству, а, вооружаясь фанатизмомъ, находили возможность увеличивать ее, удовлетворяя тѣмъ своей корысти и своему властолюбію. Потому-то въ Забайкальскомъ Краѣ совершился фактъ весьма-замѣчательный, которому подобнаго не было въ

зано (на стр. 150, *Записокъ русскаго Географическаго Общества*, кн. III, 1849 г.): «Не пользуясь посторонними указаніями, коммисія должна была ограничиться однѣми вышедшими книгами, хотя внѣ этого круга находилось много ученныхъ и достойныхъ вниманія изслѣдованій. Таковы напримѣръ, прекрасныя статьи барона *Бюлера*, «о кочующихъ и осѣдлыхъ инородцахъ Астраханской Губерніи», помѣщенныя въ «Отеч. Зап.», 1846 г. и проч. — *Ред.*

(²) Свѣдѣнія эти сообщены намъ путешественникомъ, который провелъ три года въ Восточной Сибири и былъ въ кочевьѣ бурятъ за Байкаломъ; напечатать ихъ мы рѣшились потому, что самъ собиратель этихъ свѣдѣній ненамѣренъ заниматься изданіемъ ихъ, а предоставилъ ихъ намъ. Дѣлая это, мы дозволили себѣ дополнить доставленныя намъ свѣдѣнія о забайкальскомъ ламаизмѣ сравненіями, какъ съ источниками, такъ и съ результатами утвержденія въ сущности того же вѣроученія между астраханскими калмыками.

степяхъ астраханскихъ, именно — возвышеніе ламаизма насчетъ другой языческой вѣры — шаманства.

Теперь изъ всѣхъ инородцевъ, составляющихъ значительную часть населенія Восточной Сибири, одни принадлежатъ къ православной церкви, другіе же къ двумъ языческимъ исповѣданіямъ: *ламайскому* и *шаманскому*.

Изъ *380,000 душъ* обоего пола кочующихъ и бродящихъ (³) племенъ болѣе *180,000* приняли христіанскую вѣру, до *118,000* — ламайскую; прочіе затѣмъ, до *83,000*, остаются въ шаманскомъ язычествѣ (⁴). Ламайскую вѣру исповѣдуетъ бо́льшая часть бурятъ и тунгусовъ, а шаманству преданы, кромѣ части этихъ племенъ, еще немногіе изъ якутовъ.

Шаманская вѣра, основанная на однихъ изустныхъ преданіяхъ, есть первобытно-общая всѣмъ народамъ востока и сѣвера Азіи. Уче-

---

(³) Бродящими или *бродячими* называются тѣ инородцы или коренные жители Сибири, которые, не будучи подчинены условіямъ правильной кочевки, живутъ разсѣянно, кочуя отдѣльными семьями или родами, въ числѣ нѣсколькихъ юртъ. Инородцы эти переходятъ съ одного мѣста на другое, по лѣсамъ и рѣкамъ, или урочищамъ, для звѣроловнаго и рыболовнаго ихъ промысла. Такъ въ сѣверной части Енисейской Губерніи живутъ по устьямъ р. Енисея и Хатанги бродячіе остяки; въ средней же части Енисейской Губерніи, въ Якутской Области и въ Иркутской Губерніи кочуютъ бродячіе или бродящіе тунгусы. Чрезвычайно-загадочно число этихъ инородцевъ, названныхъ *бродячими* и въ Учрежденіи Сибири 22 іюня (наприм. въ Св. Зак., изд. 1842 г. Т. II, Особ. Учр. Губ. кн. I, въ ст. 140, 141, 144, 154 и 169; кн. II, въ ст. 2, 3, 33—35; кн. VI, въ ст. 137; Т. IV Уст. о повин., кн. III, въ ст. 483; Т. IX, кн. I, въ ст. 1098, 1099, 1138 и 1139; Т. X, кн. VI, въ ст. 3345); но полагаютъ, что ихъ находится въ разныхъ мѣстахъ Сибири до 10,000 душъ. Они сдѣлались данниками Россіи около половины XVII столѣтія, и теперь всѣ повинности ихъ ограничиваются платежомъ ясака звѣриными шкурами и деньгами. Всего приходится на каждую душу по 1 р. 20 к. Ясакъ доставляютъ бродячіе на *сугланы* или ярмарки, гдѣ получаютъ распорядительныя приказанія на цѣлый годъ, а въ прочее время тѣ изъ нихъ, которые перешли степень управленія семейнаго, вѣдаются своими старшинами или старостами, разбирающими ихъ во всѣхъ случаяхъ (исключая уголовныхъ, подлежащихъ общимъ присутственнымъ мѣстамъ) и управляющими каждымъ родомъ бродячихъ по собственнымъ ихъ степнымъ законамъ. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ племенахъ заключаются въ VII томѣ «Энцикл. Лексикона», въ статьѣ Ю. И. Джуліяни: «Бродячіе инородцы».

(⁴) Нынѣ, въ 1859 г., считается болѣе 460,000 бродячихъ и кочующихъ инородцевъ, и кромѣ-того, болѣе 25,000 осѣдлыхъ.

ніе шамановъ, возникшее тамъ въ самой глубокой древности, сохранилось доселѣ въ первобытномъ видѣ въ Китаѣ, гдѣ, по кореннымъ законамъ, царствующая династія и должностныя лица маньджурскаго происхожденія обязаны исповѣдывать шаманскую вѣру преимущественно предъ прочими. Она заключается въ поклоненіи богу и душамъ людей, которыхъ жизнь была ознаменована подвигами добродѣтели, мужества и особенными государственными заслугами. Души сіи, при совершеніи обрядовъ служенія, призываются шаманами подъ общимъ наименованіемъ *онготовъ* или *онгоновъ* ([5]). Такимъ-образомъ къ лику трехъ первенствующихъ онготовъ, боготворимыхъ послѣдователями шаманской вѣры въ Китаѣ, причисленъ *Гуань-ди*, китайскій полководецъ, жившій въ исходѣ II и началѣ III вѣка, котораго настоящая китайская династія признаетъ своимъ покровителемъ. Ему при каждомъ присутственномъ мѣстѣ имперіи посвященъ храмъ, въ которомъ мѣстные чиновники обязаны въ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца исправлять обрядъ поклоненія, состоящій въ троекратномъ колѣнопреклоненіи съ десятью поклонами въ землю.

Два другіе первенствующіе онгота суть *Шикгэмуни* ([6]) и *Бодисаду*, которымъ поклоняются ламайцы, или послѣдователи буддаизма. Но китайскій императоръ, въ чистомъ духѣ шаманскаго ученія, поклоняется каждому изъ нихъ, какъ душѣ человѣка, нѣкогда великаго, безъ присвоенія атрибутовъ, прилагаемыхъ мистическимъ ученіемъ буддаизма.

Религія Конфуція, которой, по китайскому уложенію, обязаны слѣдова́ть всѣ правительственныя лица и, безъ исключенія сословій, всѣ китайскіе подданные, отличается отъ шаманской вѣры только отсутствіемъ жрецовъ и всѣхъ обрядовъ, кромѣ краткой молитвы и троекратнаго колѣнопреклоненія съ десятью поклонами въ землю. Притомъ, вмѣсто онготовъ или онгоновъ, приносится моленіе разнымъ духамъ-покровителямъ и преимущественно отцу, матери и предкамъ, хотя бы кто изъ нихъ подвергался смертной казни за преступленія.

За тѣмъ, при религіи Конфуція предоставлена народу полная свобода держаться всѣхъ вѣроисповѣданій, терпимыхъ законами, кромѣ христіанскаго, дозволеннаго только иностранцамъ, и такимъ-образомъ слѣдующіе шаманству, въ образѣ онготовъ призываютъ души разныхъ, по

([5]) Въ Пекинѣ въ двухъ только мѣстахъ отправляютъ шаманское служеніе: во дворцѣ императрицы и въ шаманскомъ капищѣ. Должность жрецовъ отправляютъ жрицы-*шаманки*.

([6]) Т. е. калмыцкій Шакджи-мюни-гегенъ, котораго, по свидѣтельству отца Іакинѳа, въ Китаѣ зовутъ *Шигя* или *Ши-цьзи-моні*.

преданіямъ, замѣчательныхъ или знаменитыхъ умершихъ людей, а слѣдующіе буддаизму или ламайскому ученію и даже муххамедову закону, раздѣляясь на нѣсколько сектъ, свободно отправляютъ въ Китаѣ обряды своихъ вѣрованій, безъ всякаго преслѣдованія со стороны правительства (7).

Между сибирскими монголами шаманская вѣра представляетъ въ настоящее время слабую тѣнь прежде-господствовавшей въ Азіи религіи и заключается въ боготвореніи *онгоновъ* или, по приложенію къ общенародному понятію, въ поклоненіи духамъ, владычествующимъ надъ стихіями, горами, долинами, рѣками и лѣсами, и покровительствующимъ

---

(7) Извѣстія эти, заимствованныя цѣликомъ изъ сообщенныхъ намъ записокъ, были, впослѣдствіи времени, просмотрѣны путешественникомъ, доѣзжавшимъ до границы китайской, который все сказанное здѣсь о шаманствѣ признаетъ видоизмѣненіемъ ламаизма, основаніемъ коего, по мнѣнію его, метампсихоза и поклоненіе душамъ усопшихъ; при чемъ онъ свидѣтельствуетъ, что подъ самымъ Пекиномъ есть слобода, населенная христіанами православнаго исповѣданія, выходцами изъ Албазина, для которыхъ собственно существуетъ въ Пекинѣ наша духовная миссія, и къ-тому же сомнѣвается, чтобы у китайцевъ, гдѣ нетолько религія, но и обычаи, и всякій шагъ подведены подъ извѣстныя формы, императоры имѣли обязанностью исповѣдывать такую религію, которая не подведена ни подъ какія формы. Доказательства этихъ возраженій слѣдующія: «Шаманство собственно состоитъ въ поклоненіи неодушевленнымъ предметамъ, безъ различія и по произволу каждаго, и отличается отъ простаго фетишизма развѣ только тѣмъ, что признаетъ существованіе злаго начала (шайтанъ) и прибѣгаетъ къ пособіямъ кудесниковъ или шамановъ для излеченія болѣзней, гаданья, заклинанья и т. п. Императоръ китайскій и все высшее сословіе имперіи исповѣдуютъ двѣ вѣры: одну собственно для внѣшнихъ обрядовъ и торжествъ и общую съ простымъ народомъ — ламайскую, главнымъ жрецомъ которой есть тибетскій далай-лама, другую по собственному убѣжденію и лишенную всякихъ внѣшнихъ обрядовъ, почти совершенно подобную деизму, проповѣданному философами XVIII вѣка: это ученіе Конфучу. Мы видѣли, наприм., въ Май-ма-чинѣ, гдѣ начальникъ—дзаргучей—былъ также мандьжуръ, нѣсколько кумирень ламайскихъ для народа и для общественныхъ торжествъ и одну маленькую молельню, собственно для дзаргучея, въ которой помѣщалось только одно изваяніе Конфучу...» Отнюдь не принимая на себя ручательства въ вѣрности сообщенныхъ намъ извѣстій, мы даже будемъ признательны за всякое основательное возраженіе, къ которому они могутъ подать поводъ, и вообще за разъясненіе предмета, уже потому для насъ интереснаго, что мы посвятили много времени изученію быта монголо-ламаитовъ при-каспійскихъ.

человѣку. Жилищами онгоновъ обыкновенно бываютъ неприступныя, высокія горы, пещеры, глубокія пропасти, и дѣйствію онгоновъ, а не силамъ природы, приписывается всякое ея явленіе. Но послѣдователи шаманства любятъ давать и осязательную форму своимъ духамъ—покровителямъ: изображаютъ ихъ изъ дерева, или слѣпляютъ изъ хлѣба, ставятъ ихъ въ своихъ юртахъ и молятъ этихъ идоловъ преимущественно о сохраненіи стадъ (8). Обѣтсваніе будущей жизни и воздаяній по дѣламъ входитъ въ число преданій шаманскаго язычества. Послѣдователи его не имѣютъ ни храмовъ, ни духовнаго сословія, отличеннаго отъ другихъ правами или преимуществами. *Шаманы* (прорицатели, жрецы) совершаютъ обряды и жертвоприношенія не срочныя, но случайныя, зависящія отъ произвола того, кто ихъ испрашиваетъ, и большею частью направленныя къ тому, чтобъ посредствомъ кудесничества шамана (а иногда и *шаманки*, жрицы) и восторженной его бесѣды съ духами узнать будущее

Въ Сибири общепринятое мнѣніе о шаманской вѣрѣ долго было то, что она основана на поклоненіи злымъ духамъ, и что шаманы призываютъ діавола (9); но свѣдѣнія, еще недавно собранныя о шаманствѣ,

(8) Калмыки кутаютъ своихъ бурхановъ въ мѣхъ, или покрываютъ шелковыми и парчевыми лоскутками, до-тѣхъ-поръ, пока этимъ грубымъ язычникамъ кажется, что пенаты ихъ благопріятствуютъ имъ; но чуть обстоятельства становятся трудными и воззванія къ бурханамъ о помощи оказываются тщетными, начинается бичеваніе и топтаніе бурхановъ. То же нашелъ недавно одинъ путешественникъ между послѣдователями шаманства, которые, кланяясь своимъ кумирамъ, обмазываютъ имъ лица масломъ и сметаной и т. п. (Поѣздка въ Забайкальскій Край, Москва, 1844, часть I, стр. 68). Г. Чихачевъ въ своемъ «Voyage dans l'Altai oriental, Paris, 1844», на стр. 46 и г. Джуліяни на стр. 127, Т. VII «Энцикл. Лексикона» также упоминаютъ о бичеваніи идоловъ въ отмщеніе за неудачный ловъ звѣрей.

(9) Въ томѣ VII «Энцик. Лексикона», изданномъ въ 1836 году, на стр. 433 сказано, что «шаманъ есть предсказатель будущаго и посредникъ между человѣкомъ и діаволомъ»,—и далѣе, на стр. 435, что «шаманъ заклинаетъ злаго духа», — а на стр. 127 и 128, что «у тунгусовъ остались еще самые сметливые шаманы: они не отправляютъ священныхъ дѣйствій, не приносятъ мольбы предъ божествомъ и суть не что иное, какъ ворожеи, колдуны, знахари, которые имѣютъ нѣкоторыя понятія о способѣ врачеванія и стараются поддерживать свое достоинство нѣкоторыми обрядами». На стр. 68 первой части «Поѣздки въ Забайкальскій Край» находимъ слѣдующія извѣстія: «Русскіе, простой народъ, думаютъ, что шаманы колдуны и знаются съ чертями. Разумѣется, что вся чертовщина заключается въ ловкости и шарлатанствѣ. Напримѣръ, шаманъ ударитъ себя

свидѣтельствуютъ: 1) что бурятскіе и тунгускіе шаманы призываютъ, при совершеніи обрядовъ служенія, также *онготовъ* (онгоновъ), которыхъ признаютъ добрыми, безсмертными духами, *противоборствующими злымъ духамъ*, и не присвоиваютъ имъ такихъ превращеній, какъ буддайцы своимъ бурханамъ, и 2) что немногіе якуты, остающіеся въ шаманской вѣрѣ. за окрещеніемъ большей части ихъ и ежегодно болѣе-и-болѣе изглаживающимися между ними слѣдами шаманства, почитаютъ верховное существо въ Богѣ, и что именемъ его благословляютъ ихъ шаманы, почему называются также *ангысытами*, то-есть благословляющими, отъ слова *ангысъ*, которое на языкѣ якутовъ значитъ благословеніе. Вмѣсто шамановъ, благословляютъ иногда и міряне, преимущественно старики, отличающіеся даромъ краснорѣчія и знаніемъ терминовъ молитвословія. Такихъ стариковъ называютъ тогда также ангысытами, не причисляя ихъ, впрочемъ, къ числу шамановъ. Тѣ или другіе, при празднованіи якутами, весною, или въ началѣ лѣта, *возрожденія природы*, совершаютъ благословеніе *Творцу Богу* и производятъ окропленіе юртъ и полей кумысомъ. Отъ слова *ысыкъ* (кропленіе) празднества эти называются *ысыками*. Достовѣрно тó, что шаманы, или ангысыты, при совершеніи такихъ торжественныхъ обрядовъ, славословятъ *единаго Бога* и начинаютъ такъ: *Анъ дойдуну айбытъ Аитангари* (10), то-есть «всю-у-отверсту-ю вселенную сотворившій Творецъ Богъ». Прочимъ же духамъ или онгонамъ, какъ-то: завѣдывающимъ стихіями. лѣсами, горами, долинами, водами и проч., якуты хотя покланяются, но не даютъ имъ названія тангари (небо, Богъ), а называютъ *иччи* (хозяинъ), напримѣръ: *артыхъ иччитя*, «хозяинъ долины», и т. д., и подчиняютъ ихъ верховному существу. которому также прилагаютъ наименованіе *Аръ Тоэнъ* (11), величественный, бѣло-

---

ножомъ — ножъ вонзится въ него по черень, а нѣтъ ни раны, ни крови. Отгадка заключается въ пустотѣ черня».... а на стр. 23, что «буряты чтутъ *шаманскій камень*, какъ мѣстопребываніе *огоновъ* или *небесныхъ духовъ*.»

(10) Это наименованіе представляетъ нѣкоторое сходство съ *тенгери*—названіемъ, даваемымъ калмыцкими жрецами доброму, свѣтлому духу, сотворившему міръ и людей, наслаждавшихся блаженствомъ, которое они утратили, отвѣдавъ плода *шиме* (срав. «Свѣд. о волжск. калмыкахъ», С П. В. 1834 года. стр, 147, 148 и 157).

(11) Въ ст. 1180 и 1181 книги 1 тома IX Свода Зак. изд. 1842 г. находимъ слово *тоэны*, означающее тамъ родовыхъ начальниковъ сибирскихъ островитянъ. Какъ изъ этого, такъ и изъ того, какъ якуты употребляютъ это выраженіе, во всякомъ случаѣ видно, что съ нимъ соединена идея господства и управленія.

видный или бѣловласый господинъ, и полагаютъ, что у него есть жена, *Кюбай-Хоатунъ* (почтенная, видная госпожа) и сынъ *Уляръ Этингъ*, всесокрушающій громъ ([12]); но при этомъ баснословіи послѣдніе два онгона не составляютъ дѣйствительнаго божества, и никакихъ жертвъ имъ шаманы не приносятъ, между-тѣмъ, какъ они совершаютъ *возліяніе огню*, то-есть почитая огонь благотворною стихіею, льютъ въ него освященное масло и т. п.

Вещи, составляющія принадлежность служенія шамановъ, суть: *оргой*, или священная одежда, увѣшанная металлическими погремушками, *моя-хабжй*, желѣзная палка, *хонхо* — колокольчикъ ([13]), *толи* — небольшой мѣдный кружокъ, носимый на груди, *хорьба* — нѣчто въ родѣ жезла, и *кысы* — бубны, подъ звукъ которыхъ шаманы призываютъ своихъ духовъ, прыгая черезъ огонь, ударяя себя, неистовствуя, приходя въ дикій восторгъ и внезапно падая, какъ-бы замертво. Эти продѣлки имѣютъ послѣдствіемъ, что шаманы раздражительны до чрезвычайности и что между ними многіе подвержены истерическимъ припадкамъ и падучей болѣзни.

Ламайская вѣра или *буддаизмъ*, вѣроученіе Будды, возникшее въ Индіи за нѣсколько столѣтій до Р. Х., называется *шикгэмуніанскою* отъ *Шикгэмуни*, по догматамъ монголо-бурятовъ—верховнаго духа, владычествующаго нынѣ надъ вселенною; а названіе *ламайской вѣры* получила она потому, что жрецы буддайской религіи вообще называются ламами, и что для простыхъ монголовъ, чуждыхъ правильнаго понатія о ея догматахъ, вся она состоитъ въ непрестанныхъ угожденіяхъ ламамъ или жрецамъ.

Вѣроученіе Будды сначала проникло въ ту часть Тибета, которая граничитъ съ Индіею и которая съ того времени сдѣлалась мѣстопребываніемъ верховныхъ ламъ; потомъ распространилось по Китаю и Японіи. Англійскій путешественникъ Келли ([14]), видѣвшій въ 1814—

([12]) Ангысыты и шаманы якутовъ совершенно походятъ на стариковъ и колдуновъ (іомзи), которые управляютъ вѣрованіями чувашей. Повѣрья же послѣдователей шаманства о томъ, что одинъ изъ онгоновъ имѣетъ жену и сына, и о жилищахъ онгоновъ представляютъ нѣчто схожее съ понятіями чувашей о матери-Кереметн и о томъ, что рощи, лѣса, овраги, источники, озера или открытыя поля преимущественно служатъ мѣстомъ пребыванія Кереметн (ср. «Записки миссіонера, протоіерея В. П. Вишневскаго о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ»).

([13]) Употребляемые при идолослуженіи калмыцкихъ гелюнговъ колокольчики называются также *хонхо*.

([14]) «Азіатскій вѣстникъ» 1825 г. часть 1.

1819 годахъ обряды богослуженія Будды въ Индіи и Тибетѣ, замѣчаетъ, что они существенно различествуетъ между собою, хотя одни и тѣ же мѣста народнаго поклоненія равно чтимы, какъ въ Тибетѣ, такъ и въ Бенгалѣ.

Изъ записокъ о Монголіи отца Іакинфа видно, что ученіе буддаистовъ въ-началѣ было единообразно, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Монголіи, но впослѣдствіи раздѣлилось на двѣ секты: *фоистовъ* или фоевстовъ (15) въ Китаѣ и *ламъ* (ламистовъ) въ Тибетѣ и Монголіи. Существенное различіе этихъ двухъ сектъ, по замѣчанію Іакинфа, состоитъ не въ догматахъ, а въ обрядахъ служенія; онъ же свидѣтельствуетъ, что хотя въ исходѣ прошедшаго столѣтія всѣ тибетскія священныя книги переведены въ Пекинѣ на монгольскій языкъ, но совершать богослуженіе на этомъ языкѣ дозволено только одному находящемуся въ Пекинѣ монастырю Михаила–гасумэ (16), чтó содержитъ тамошнихъ и монгольскихъ ламъ во всегдашней зависимости отъ Тибета.

При всей вѣротерпимости китайскаго правительства и не взирая на тó, что самый законъ предписываетъ царствующей династіи и первымъ государственнымъ лицамъ маньджурскаго происхожденія исповѣдывать шаманскую вѣру, она встрѣтила въ Монголіи, покровительствуемой китайскимъ правительствомъ, гоненіе отъ послѣдователей буддаизма, который, истребивъ ее въ Тибетѣ и Монголіи, гдѣ въ концѣ XVII столѣтія признанъ былъ господствующею вѣрою, почти въ то же время проникъ въ Забайкальскій Край, къ бурятамъ и тунгусамъ, бывъ занесенъ туда монгольскими племенами, поступившими въ подданство Россіи по трактату, заключенному въ 1689 году съ китайцами русскимъ полномочнымъ посломъ, ближнимъ окольничимъ и намѣстникомъ брянскимъ Ѳ. А. Головинымъ (17).

Жрецы буддаизма, дѣйствуя въ Забайкальскомъ Краѣ самопроизвольно, не покорствовали мѣстной власти и, наконецъ, нашли себѣ защиту и

---

(15) Фоисты называютъ шикгэмуни *фо–фо–е*. На стр. 243 т. VII «Энц. Лекс.» сказано, что Будда у китайцевъ и маньджуровъ называется *Фо*, *Фо–хи* или *Фо–си*, у тибетцевъ *санджи*, а у народовъ монгольскаго племени *Бурханъ*.

(16) Калмыки даютъ названіе *сюмэ* своимъ каменнымъ и деревяннымъ капищамъ или кумирнямъ, въ отличіе отъ переносныхъ или походныхъ мѣстъ идолослуженія—кибитокъ, называемыхъ *бурхани–эрге*, и кочевыхъ монастырей, извѣстныхъ подъ именемъ *хуруловъ*.

(17) 1689 г. августа 27 дня, — см. въ П. С. З. Р. И. Т. III № 1346. Объ этомъ трактатѣ говорится на стр. 93 и 107— 122 второй части сочиненія Г. Паршина «Поѣздка въ Забайкальскій край, Москва 1844 года».

покровительства въ иркутскомъ губернскомъ начальствѣ, которое въ 1809 году разрѣшило ихъ главу, *бандиду хамбо* ([18]), недавно умершаго, преслѣдовать древнюю шаманскую вѣру.

Буддаизмъ, ламаизмъ, ламайская вѣра, или, по словамъ главы монголо-бурятскаго духовенства бандиды хамбо, *шератскій законъ* ([19]) легко могъ поработить и уничтожить языческую шаманскую вѣру, ибо понятія о ней сохранялись всегда въ однихъ лишь изустныхъ преданіяхъ, и буддаизмъ имѣлъ надъ этимъ грубымъ язычествомъ всѣ преимущества основаннаго на писаніяхъ, обширнаго, систематическаго, таинственнаго ученія о періодическомъ возрожденіи міровъ и непрестанномъ перерожденіи одушевленныхъ тварей, или матеріализма, облеченнаго священнымъ баснословіемъ, по которому сонмъ *бурхановъ* (сверхъестественныхъ существъ съ атрибутами божества) владычествуетъ попеременно надъ свѣтомъ.

Жрецы этой языческой вѣры нашли въ самыхъ догматахъ ея средства пугать робкое воображеніе шаманцевъ разными нелѣпыми выдумками насчетъ ожидающей ихъ въ будущемъ судьбы, и стали выставлять имъ ихъ язычество богопротивнымъ колдовствомъ, ненавидя и презирая самихъ шамановъ и называя ихъ *идолопоклонниками*...

Успѣхи буддайскихъ проповѣдей были въ короткое время изумительны и оправдали вполнѣ неусыпную дѣятельность ламъ въ этомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ не могли взять убѣжденіемъ, они воздвигали гоненія,

---

([18]) *Хамбо* значитъ главный жрецъ. Професоръ Поповъ пишетъ это слово такъ: *Камбу-Лама* (на стр. 26 «Замѣчаній о приволжскихъ калмыкахъ»), а о *Пандидѣ* (должно быть одно и то же, что *Бандида*) говоритъ, что это слово значитъ *мудрый* и что въ пандиды жалуемы были далой-ламой прежніе главные ламы астраханскихъ калмыковъ. Но несправедливо утверждаетъ отецъ Іоакинфъ (въ «Обозр. ойратовъ» стр. 295), что Совинъ-Банша возведенъ былъ въ 1801 году русскимъ правительствомъ на степень будайскаго первосвященника — *хамбы*: въ грамотѣ, данной по этому случаю (П. С. З. Р. И. т. XXVI № 19,600) говорится только объ утвержденіи его въ званіи *ламы*. По свидѣтельству г. Паршина, монголы сравниваютъ хамбу съ епископомъ и воздаютъ ему уваженіе безпредѣльное, похожее на поклоненіе: не послушаться хамбу значитъ согрѣшить.

([19]) Поясненій этому выраженію мы не могли найти ни въ какихъ изъ бывшихъ у насъ подъ рукою сочиненій о буддаизмѣ. Знаемъ только, что *шеріатъ* мусульмане переводятъ словомъ *законъ*. Ханъ Внутреней Киргизской Орды, покойный генералъ-маіоръ Джангеръ Букѣевъ, назвалъ такъ составленный имъ изъ разныхъ восточныхъ мухаммеданскихъ сочиненій сборникъ законовъ, и самъ говорилъ намъ, что шеріатъ значитъ «духовно-гражданскій законъ».

насиліе свое доводили до неистовства, заставляли укрываться шамановъ, отбирали у нихъ и сокрушали святыню ихъ — бурхановъ, сожигали всѣ вещи, принадлежащія къ ихъ идолослуженію ([20])...

Несмотря на такой религіозный фанатизмъ ламъ, между ними пошатнулись основные догматы буддайской вѣры.

Теперь забайкальскіе ламы считаютъ шикгэмуни не основателемъ, а возстановителемъ буддаизма, затрудняются въ обозначеніи предѣловъ его настоящаго владычества надъ вселенною и не признаютъ верховнаго и вѣчнаго Создателя.

Такія понятія забайкальскихъ жрецовъ о буддайской вѣрѣ доказываютъ и то что она у нихъ различествуетъ отъ сектъ китайской или фоефской и монголо-тибетской не въ однихъ обрядахъ служенія, но и въ основныхъ догматахъ, допуская въ нихъ особенности. Съ достовѣрностью можно предположить, что онѣ вкрались въ забайкальскій буддаизмъ вслѣдствіе невѣжества тамошнихъ ламъ; ибо положительно дознано, что самъ глава ихъ, бандида-хамбо, не имѣетъ совершеннаго познанія догматовъ и законовъ ламаизма ([21]).

Калмыцкіе гелюнги признаютъ верховнаго Создателя ([22]); а о владычествѣ шикгэмуни или шакджи-муни полагаютъ, что онъ чрезъ 9,000 лѣтъ замѣненъ будетъ другимъ бурханомъ.

Но и это несогласно съ священными тибетскими книгами. Такъ, въ одной изъ книгъ, писанныхъ на монгольскомъ языкѣ, истребованныхъ въ 1820 году отъ хамбо-ламы графомъ М. М. Сперанскимъ и переведенныхъ, по его приказанію, ([23]) на русскій языкъ, именно въ *Хомукъ-Номунъ и проч* (о четырехъ истинахъ, которыя пріобрѣли силу всѣхъ писаній) сказано: «время бытія закона богоучителя ([24]) (шикгэмуни) есть «5000 лѣтъ. Прежде сего минуло 1432 г., нынѣ же, начиная отъ «годи огненнаго дракона, ([25]) еще пребудетъ 2568 лѣтъ».

Между тѣмъ, хамбо-лама на предложенный ему графомъ Сперанскимъ вопросъ: «безконечно ли царство шикгэмуни, или должно кон-

(20) Ср. также «Энцикл. лекс.» т. VIII, стр. 433.

(21) Это подтверждаютъ нѣкоторыя печатныя и всѣ письменныя и изустныя свѣдѣнія, принятыя нами въ основаніе при изданіи этого труда.

(22) Ср. «Отеч. Зап.» Т. XLVII, статья «Калмыки», глава IV, о томъ, какъ лама возноситъ молитву къ *верховному Создателю*.

(23) Графъ Сперанскій былъ въ то время генерал-губернаторомъ Восточной Сибири.

(24) Калмыки астраханскіе даютъ шикгэмуни или шакджи-муни названіе *бурханъ-бакши*, которое слово въ слово значитъ: *богъ учитель*.

(25) Монголы ведутъ лѣтосчисленіе свое по кругу 12-ти лѣтняго зодіака, по слѣдующему порядку: мышь, телецъ, тигръ, заяцъ, дра-

читься?» отвѣчалъ: «Владычество шикгэмуни имѣетъ конецъ. Конецъ же владычеству его будетъ тогда, когда у людей міра сего убавляться будетъ вѣкъ ихъ постепенно и, наконецъ, дойдетъ до 10 лѣтъ, и тогда шикгэмуніево владычество кончится».

Въ догматахъ вѣроученія калмыцкихъ жрецовъ находимъ нѣчто чрезвычайно сходное съ словами хамбс—ламы, именно, что въ то время, когда управляли міромъ предмѣстники или предшественники шакджимюни, люди жили сперва по 80, потомъ по 40, по 30 и по 20 лѣтъ, и что, несмотря на покровительство шакджи—мюни, «уменьшеніе лѣтъ и «роста земнородныхъ все-таки не прекратится, и достигнетъ до того, «что человѣкъ будетъ жить только 10 лѣтъ, и ростъ ему дастся не«болѣе одного аршина, и самыя лошади будутъ неболѣе зайца. Нако«нецъ, ужасныя бѣдствія истребятъ почти всѣхъ живущихъ; послѣ чего «земля очистится огнемъ и водою, и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. «Люди получатъ опять долголѣтіе и, слѣдуя внушеніямъ добродѣтель«нѣйшаго бурхана *маядри*, который долженъ поступить тогда на мѣ«сто шакджи-мюни и удивить смертныхъ своими совершенствами, вели«чіемъ, сіяніемъ и красотою, пріобрѣтутъ возможность пользоваться «возрастомъ до 80,000 лѣтъ, и тогда уже будутъ владычествовать на «землѣ не мужчины, а женщины (26)».

II.

Мѣсто кочевья бурятъ. — Происхожденіе ихъ и прежнія отношенія къ правительству. — Раздѣленія и подраздѣленія народа, нарѣчіе и различныя вѣроисповѣданія. — Отсутствіе высшаго сословія, представляемаго лишь лицами временно-должностными, и доступность духовнаго званія каждому простолюдину. — Степень власти выборныхъ правителей, основы ихъ управленія и судопроизводства. — Число народа и его повинности.— Сравненіе бурятъ, какъ въ этихъ отношеніяхъ, съ астраханскими калмыками, такъ и въ отношеніи наружности, свойствъ, наклонностей, обычаевъ, одежды, кочеваго хозяйства, занятій: скотоводствомъ, звѣриною и рыбною ловлею, земледѣліемъ, торговлею, ремеслами и работами; домашней жизни, осѣдлости, степнаго быта въ разныя времена года, лѣтнихъ увеселеній, празднествъ, обычаевъ, образованія, долголѣтія, нравовъ, разныхъ обрядовъ и повѣрій.

конъ, змія, лошадь, овенъ, обезьяна, курица, песъ и свинья, съ придачею къ каждому названію въ полномъ шестилѣтнемъ кругу еще наименованій ихъ пяти стихій: огня, воды, воздуха, земли и дерева, наприм.: драконъ огненный, водяный, древесный и т. д. Это уже объяснено нами въ IV гл. ст. «Калмыки».

(26) «Свѣд. о Волж Калмыкахъ.» Спб. 1834. стр. 149 и 150.

Сѣверные монголы и наши буряты, кочующіе въ болѣе-суровомъ климатѣ, нежели приволжскіе калмыки, богатѣютъ такъ, какъ дай Богъ богатѣть и образованнымъ домоводцамъ.

(Замѣчанія о приволжскихъ калмыкахъ).

Показавъ въ главныхъ чертахъ ученіе и дѣйствія забайкальскаго ламайскаго духовенства, считаемъ нужнымъ предпослать описанію его самостоятельнаго развитія и положенія въ разное время общій взглядъ на инородцевъ, которыхъ почти двухвѣковая исторія тамошняго края представляетъ намъ жертвами корыстолюбія, самовластія, обмановъ и вымогательствъ обширной и неустроенной ламайской іерархіи.

Въ южной части Иркутской Губерніи, въ иркутскомъ нерчинскомъ и преимущественно въ верхнеудинскомъ округахъ, кочуютъ буряты, по долинамъ, отъ китайской границы къ сѣверу до верховья рѣки Лены, и отъ рѣки Аги, впадающей въ Ингоду, къ западу до рѣки Оки, текущей въ Ангару. Большая часть бурятъ кочуетъ за Байкаломъ, по теченію и по устью Селенги и по впадающимъ въ нее рѣкамъ Угѣ, Хилку, Чикою, Джидѣ и Темнику, также по рѣкѣ Баргузину, текущей въ Байкалъ, и на островѣ Ольхонѣ, лежащемъ близь его сѣверовосточныхъ береговъ.

Буряты по происхожденію монголы. Казаки нашли ихъ въ первой половинѣ XVII столѣтія на теперешнемъ кочевьѣ; но покореніе бурятъ Россіи и обложеніе ихъ ясакомъ не обошлись безъ волненій. Это доказываютъ: тревожное положеніе бурятъ, въ 1653 г., нападеніе, сдѣланное ими въ 1687 г. на Селенгинскъ, и непріязненныя дѣйствія ихъ въ 1688 году [1]. Лишь въ слѣдующемъ году разграниченіе земель Россіи съ Китаемъ [2] окончательно подчинило бурятъ вліянію мѣстныхъ русскихъ властей.

Тогда бурятъ назвали въ Сибири *братскими*, и отъ обитанія ихъ въ нижнеудинскомъ округѣ Иркутской Губерніи построенная тамъ крѣпостца получила названіе *Братскаго острога* [3].

---

(1) «Поѣздка въ Забайкальскій край», часть 2, стр. 33, 94 и др.

(2) П. С. З. Р. И. Т. III, № 1346.

(3) Т, VII «Энцикл. Лекс.», стр. 7 и 431. Вѣрнѣе могло бы, кажется, быть предположеніе, что Братскій острогъ былъ заложенъ для удержанія бурятъ въ повиновеніи, и что отъ кочеванія ихъ близь этого укрѣпленія русскіе стали называть бурятъ *братскими*. Къ этому заключенію приводитъ насъ то́, что таково было начало Томска и многихъ другихъ городовъ сибирскихъ, да и уѣздныхъ городовъ Астраханской Губерніи: всѣ они въ началѣ были крѣпостцы или остроги, поводомъ къ заложенію которыхъ были набѣги и тревожное положеніе сосѣднихъ кочевыхъ племенъ.

Буряты преданы были тогда шаманскому язычеству и всѣ ихъ отношенія къ правительству ограничивались взносомъ постоянной подати — *ясака*. Они платили по соболю, или по зайцу съ человѣка; иные изъ нихъ платили ясакъ, въ замѣнъ соболей, рысями, лошадьми и рогатымъ скотомъ (4).

Буряты раздѣляются на племена, управляемыя тайшами, а каждое племя на поколѣнія или роды, завѣдываемые шуленгами (5).

Знатнѣйшія племена бурятъ суть:

Кудинское Верхоленское, Тункинское, Аларское, Идинское, и Балаганское.	обитаютъ по сю сторону Байкала.
Хоринское, Селенгинское, Ленское, Агинское, Кударинское, Баргузинское,	За Байкаломъ.
Ольхонское. —	На остр. Ольхонѣ.

Подраздѣленія племенъ на поколѣнія или *роды*, стойбища и улусы, которые должны заключать неменѣе пятнадцати юртъ (6), чрезвычайно многочисленны. Для примѣра приведемъ селенгинское племя бурятъ, которое дѣлится на шесть поколѣній или родовъ, именно:

1) Цонголовъ
2) Сартуліовъ
3) Атагановъ
4) Хазагиновъ
5) Табангутовъ (7)
6) Подгородный.

(4) Выписка изъ окладной книги 7185 и 7186 годовъ, объ ясачномъ окладѣ соболями и проч.

(5) По замѣчанію отца Іакинѳа («Обозрѣніе Ойратовъ», ст. 2), у кочевыхъ народовъ *поколѣніе* есть владѣніе княжескаго дома или княжескій удѣлъ, а *родъ* есть часть удѣла.

(6) Войлочный шатеръ, шалашъ, кочевое жилище бурятской семьи. То же, что у калмыковъ называется кибиткою.

(7) Слово *табангуты*, встрѣчаемое въ *древнихъ калмыцкихъ по-*

Буряты говорятъ однимъ изъ монгольскихъ нарѣчій, которое раздѣляется еще на нѣсколько оттѣнковъ; за-всѣмъ-тѣмъ, монголъ отъ великой стѣны понимаетъ кудинскаго бурята. Живущіе по китайской границѣ говорятъ чистымъ халхасскимъ нарѣчіемъ и даже въ нравахъ своихъ ничѣмъ не отличаются отъ обитателей монгольской пустыни; но тѣ, которые кочуютъ по сю сторону Байкала отъ близкаго обращенія съ русскими, приняли вмѣстѣ, съ обыкновеніями, много русскихъ словъ. По-русски, однакожь, читать, писать и даже говорить умѣютъ немногіе, можетъ-быть потому, что русскіе, обитающіе въ ихъ сосѣдствѣ, отъ мала до велика всѣ говорятъ весьма-хорошо по-бурятски.

Въ концѣ XVII столѣтія забайкальскіе буряты приняли ламайскую вѣру; часть прочихъ бурятъ осталась преданною шаманству. Съ-тѣхъ-поръ нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ обратились къ православной церкви, съ одеждою русскихъ приняли и обычаи ихъ, фамиліи крестныхъ отцовъ, поселились и переродились между русскими.

До покоренія бурятъ русскими каждый тайша былъ самостоятельный и независимый владѣлецъ одного изъ бурятскихъ племенъ; но время и обстоятельства ослабили власть этихъ князьковъ, и теперь между бурятами нѣтъ точнаго раздѣленія на классы или сословія. Духовное званіе доступно каждому простолюдину, а ихъ ближайшіе начальники, *бошко* ([8]) или *зингинъ*, *шуленги* или родоначальники, *зайсаны* и *тайши*, значительны только, какъ посредники между народомъ и мѣстнымъ начальствомъ, и, пока отправляютъ свои должности, свободны отъ повинностей.

Хотя шуленги, зайсаны и тайши или князцы суть достоинства наслѣдственныя для тѣхъ почетныхъ инородцевъ, между которыми они были наслѣдственны до 22 іюня 1822 года, то-есть до изданія «Учрежденія

становленіяхъ или степномъ монголо-калмыцкомъ кодексѣ 1640 г., не имѣетъ значенія въ настоящемъ быту астраханскихъ калмыковъ. Нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ ихъ владѣльцевъ и переводчики калмыцкаго языка, спрошенные нами о названіи табангутовъ, отозвались, что такъ назывались въ старину владѣльцы, рожденные отъ матери простаго званія, и что въ Тибетѣ они имѣли отъ 4 до 10 кибитокъ. Не должно ли скорѣе полагать, что табангуты составляли тогда особое монгольское поколѣніе, участвовавшее въ союзѣ ойратовъ; но оставшееся на границахъ Сибири въ то время когда Хо-Урлюкъ двинулся съ своими скопищами кочевыхъ разбойниковъ къ низовьямъ Урала и Волги.

([8]) У китайцевъ бошко значитъ секретарь. («Поѣздка въ Забайкальскій край», часть I, стр. 84).

Сибири» (9), но теперь въ глазахъ бурятъ званія эти имѣютъ значеніе только пока сопряжены съ общественною должностью, или съ средствомъ къ достиженію ея — большимъ состояніемъ, ибо оно доставляетъ возможность снискивать расположеніе духовенства, подъ вліяніемъ коего родовичи производятъ выборы въ общественныя должности головъ или тайшей и т. п.

Итакъ, хотя въ–отношеніи раздѣленій и подраздѣленій народа, мы здѣсь встрѣчаемъ нѣкоторыя отличія отъ того, что́ введено обычаемъ между калмыками, и хотя у бурятъ нѣтъ самостоятельнаго высшаго сословія, но понятіе о немъ осталось въ словѣ *нойнъ*, которое за Байкаломъ, какъ и на приволжьѣ, значитъ *господинъ* (10).

Для отличія тайшей и шуленговъ правительство установило въ 1766 году особенный почетный знакъ, кортикъ съ надписью «знакъ достоинства шуленги (или тайши) рода N, данный въ такомъ–то году». Впослѣдствіи пожалованы офицерскіе чины нѣкоторымъ изъ этихъ почетныхъ бурятъ. Каждый знакъ отличія почитаютъ они наслѣдственнымъ, и теперь случается видѣть на бурятахъ кортики и медали, пожалованные нѣкогда ихъ дѣдамъ, отцамъ, старшимъ братьямъ, давно умершимъ.

Власть тайшей между бурятами велика. Каждое племя или нѣсколько родовъ, стойбищъ, или улусовъ, соединенныхъ въ одну общую зависимость, какъ, напримѣръ, селенгинцы, находятся подъ управленіемъ выбраннаго родовичами *главнаго тайши*, *инородной управы* (11) и *степной думы* (12), зависящихъ отъ земскихъ полицій, окружныхъ управленій и высшаго мѣстнаго начальства (13); а подчиненное управѣ и зависящее отъ думы (14) частное, родовое, или улусное управленіе по каждому стойбищу, роду, или улусу, которые должны заключать въ себѣ неменѣе 15 семействъ, ввѣряется наслѣдственному или выборному *головѣ* или *старостѣ* (15) съ однимъ или двумя, также выборными помощниками изъ почетныхъ и лучшихъ родовичей (16). Это ро-

(9) «Поѣздка въ Забайкальскій край», часть I, стр. 86, Т. VII «Энц. Лекс.», стр. 432, ст. 20. «Учр. о сибир. инородц.», Т. II Св. Зак., изд. 1842 г. и Т. IX, того же Свода, ст. 1113.

(10) Ср. «Поѣздка въ Забайкальскій край», часть I, стр. 51.

(11) Св. Зак., изд. 1842 г., Т. II, Особ. Губ. Учр., кн. I, ст. 150 и кн. VII, ст. 26 — 28, 32, 86 — 99.

(12) Тамъ же, кн. I, ст. 146, 149 и кн. VII, ст. 36, 100—111.

(13) Тамъ же, кн. VII, ст. 32, 43, 53, 57, 112—128 и 174—176.

(14) Тамъ же, ст. 28 и 42.

(15) Тамъ же, кн. I, ст. 148 и кн. VII, ст. 17, 18, 20, 23, 25, 27, 29, 31, 38 и 42.

(16) Тамъ же, кн. I, ст. 150 и кн. VII, ст. 19—21 и 30.

довое управленіе собираетъ подати, смотритъ за тишиной, порядкомъ, правосудіемъ и благосостояніемъ между бурятами, и всѣ дѣла производитъ словесно ([17]), составляя первую степень суда тяжебныхъ случаевъ ([18]). Староста можетъ именоваться тайшей, князцемъ, улуснымъ головой, шуленгою, зайсаномъ и проч. лишь между своими родовичами; но въ сношеніяхъ съ правительствомъ называется старостою ([19]). Исполнительная власть и право суда второй степени въ дѣлахъ исковыхъ предоставлены инородной управѣ, то-есть общему управленію, состоящему изъ головы или тайши и двухъ или болѣе выборныхъ ([20]); а часть хозяйственная степной думѣ ([21]), въ которой присутствуютъ: главный тайша и поочереди нѣсколько засѣдателей, избранныхъ изъ тайшей, шуленговъ и зайсановъ, имѣющихъ обязанностью разъѣзжать по кочевьямъ и быть посредниками въ разборѣ тяжебъ ([22]), въ порядкѣ разсмотрѣнія коихъ, послѣ инородныхъ управъ, земскіе суды составляютъ третью степень словесной расправы; а затѣмъ въ окружномъ судѣ она производится письменно ([23]). Судъ и расправа надъ бурятами, исключая дѣлъ уголовныхъ, въ-отношеніи коихъ они подчинены, съ нѣкоторыми ограниченіями, дѣйствію общихъ узаконеній ([24]), производятся на основаніи *своихъ степныхъ законовъ и обычаевъ*, *въ особенномъ сводѣ ихъ изображенныхъ* ([25]). По нимъ присутственныя мѣста имѣютъ сужденіе о дѣлахъ бурятъ; а недостатокъ въ степныхъ законахъ при рѣшеніи дѣлъ дополняется общими государственными узаконеніями ([26]).

([17]) Тамъ же, кн. VII, ст. 24, 71—85, 131 и 164.
([18]) Т. X., того же Св., кн. VI, ст. 3345.
([19]) Т. II, кн. I., прим. къ ст. 148 и кн. VII, ст. 20.
([20]) Тамъ же, кн. I, ст. 149, кн. VII, ст. 27, 86—99 и Т. X, кн. VI, ст. 3350.
([21]) Ibid. Тома II, кн. VII, 41.
([22]) Тамъ же, ст. 37, 100—111 и 140 и Т. X., кн. VI, ст. 3349.
([23]) Т. IX, кн. I, ст. 1122 и Т. X, кн. VI, ст. 3350.
([24]) Св. Зак., изд. 1842. Т. II, Особ. Учр. Губ., кн. VII, ст. 129. На основаніи примѣч. къ ст. 3345, кн. VI, Т. X и ст. 179, Т. XV того же Свода, уголовными дѣлами, изъятыми отъ словесной расправы, относительно сибирскихъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, вообще считаются: возмущеніе, намѣренное убійство, грабежъ и насиліе, дѣланіе ложной монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества и корчемство; всѣ же прочіе, не исключая и кражи, доколѣ инородцы сіи образованіемъ не смягчатся—признаются исковыми и разбираются по ихъ обычаямъ.
([25]) Т. IX, кн. I, ст. 1117 и Т. XV, кн. I, ст. 179.
([26]) Т. IX, ст. 1118 и 1119.

По свидѣтельству г. Джуліани, буряты имѣютъ свое *степное уложеніе*, называемое *кудучену токтолъ*, писанное на монгольскомъ языкѣ. Оно за нѣсколько столѣтій сочинено въ Монголіи и дополнено въ 1808 году бурятскими тайшами и шуленгами–родоначальниками. Уложеніе это раздѣлено, по родамъ преступленій, на три отдѣленія ([27]). Не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ о содержаніи этихъ степныхъ законовъ, мы не можемъ судить о степени сходства ихъ съ законами чоросскаго хана Батóръ–Хонь–Тайцзи, которые, на съѣздѣ своемъ въ 1640 году, близь Алтайскихъ Горъ, утвердили общимъ согласіемъ и приняли къ руководству владѣльцы монгольскіе, чжуньгарскіе (калмыцкіе), халхасскіе и хухенорскіе. Къ–сожалѣнію, мы и не предвидимъ возможности судить о степени сходства этого древняго сборника монголо–калмыцкихъ законовъ (дошедшаго до насъ въ рукописномъ переводѣ подъ заглавіемъ: *Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ* или *Древнія калмыцкія постановленія*) съ степнымъ уложеніемъ, которымъ руководствуются бурятскіе тайши. Трудно, однакожь, не допустить догадку, что уложеніе это, до дополненія его въ 1808 году, было не чтó иное, какъ монгольскій текстъ тѣхъ же законовъ Батора и его преемника, сборникъ которыхъ сохранился между астраханскими калмыками, въ-продолженіе двухвѣковаго пребыванія ихъ въ Россіи не былъ ими никогда вполнѣ исправленъ и согласованъ съ иными потребностями мѣста и времени, и потому совершенно лишился дѣйствія у этихъ инородцевъ ([28]). Что же касается до *свода степныхъ законовъ*, изданнаго въ 1841 году ([29]), то хотя содержаніе его основано на мѣстныхъ источникахъ, но въ составѣ этого сборника вошли только тѣ степные законы, которые не лишились своего дѣйствія между сибирскими монголами въ-продолженіе ихъ слишкомъ двухвѣковаго подданства Россіи. Настоящую степень зависимости этихъ инородцевъ отъ правительства, въ смыслѣ замѣчательнаго политико–историческаго факта, изображаетъ собою сводъ степныхъ законовъ. Это кодексъ современный, и хотя сравненіе его съ *древними калмыцкими постановленіями* 1640 г. можетъ составить предметъ особаго сочиненія, но не обѣщаетъ тѣхъ любопытныхъ выводовъ въ–отношеніи объясненія сродства бурятъ съ калмыками, какіе бы могло дать сли-

---

([27]) «Энц. Лекс.», Т. VII, стр. 437.

([28]) Ср. съ статьями «Калмыки», въ №№ 8, 9, 11 и 12 «Отеч. Зап.», 1846 г.

([29]) «Сводъ Степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири, Спб., въ типогр. II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1841.»

ченіе *древнихъ постановленій* съ *степнымъ уложеніемъ*, показавъ ихъ черты сходства, а быть-можетъ, и тождество, или какіе бы открыло сравненіе дополненій и исправленій, предпринятыхъ въ отношеніи перваго изъ сихъ сборниковъ въ 1822 г. (зиязилинскія постановленія), съ подобнымъ же трудомъ бурятскихъ родоначальниковъ, совершеннымъ въ 1808 г., сравненіе, которое бы необходимо должно было показать, до какой степени различныя мѣстныя обстоятельства, при подданствѣ одной державѣ, имѣли въ различной степени вліяніе на ослабленіе и измѣненіе древнихъ монгольскихъ степныхъ законовъ у калмыковъ астраханскихъ и бурятъ забайкальскихъ.

Обращаясь къ массѣ бурятъ простолюдиновъ, мы не находимъ и здѣсь, какъ вообще между всѣми кочевыми племенами, никакихъ положительныхъ свѣдѣній о числѣ народа и богатствѣ его. При общей переписи, объявленіе числа подвластныхъ предоставлено родовымъ начальникамъ и степнымъ думамъ (30), а количества стадъ своихъ не знаютъ и самые богатые, по предразсудку, будто-бы счетъ скота приноситъ ему несчастіе.

Въ 1831 году считалось всѣхъ бурятъ до 152000 душъ, то-есть до 72000 мужескаго и до 80000 женскаго пола и дѣтей (31); но, всѣ бывшіе въ мѣстахъ кочевья бурятъ единогласно утверждаютъ, что ихъ должно быть несравненно болѣе.

Кромѣ должностныхъ лицъ и ламъ (жрецовъ), изъятыхъ отъ повинностей, всѣ буряты платятъ ясакъ, несутъ земскія повинности; а нѣкоторые отправляютъ казачью службу. Ясакъ платится пушными шкурами; но теперь, вслѣдствіе размноженія денегъ между бурятами, переходитъ въ денежную подать. Сверхъ-сего, буряты несутъ земскія повинности (32) и особыя повинности внутреннія на содержаніе ихъ степнаго управленія (33); а въ замѣнъ рекрутской, отъ которой навсегда свободны сибирскіе кочевые инородцы (34), селенгинское племя бурятъ содержитъ на китайской границѣ четыре забайкальскихъ шестисотен-

(30) Св. Зак., изд. 1842 г., Т. IX, кн. II, прилож. къ ст. 1518, гл. 10, отд. 2, §§ 109 — 115.

(31) Кочующимъ сибирскимъ инородцамъ послѣ 7-й ревизіи была произведена особая перепись; но въ 8-ю ревизію они включены не были. (См. Св. Зак., Т. IX, прил. къ ст. 1518, гл. 1, прим. 1 къ § 3 пункта 20 и Т. II, кн. VII, ст. 4, 41, 80, 131 и 132).

(32) Св. Зак., изд. 1842 г., Т. IV, кн. II, ст. 485.

(33) Тамъ же, Т. II, кн. VII, ст. 133 — 135.

(34) Тамъ же, Т. IX, кн. I, ст. 1107.

ныхъ казачьихъ полка ([35]), которые стерегутъ ее вмѣстѣ съ русскими казаками и служатъ при таможнѣ въ Кяхтѣ. Тамъ на концахъ города три казачьихъ бурятскихъ караула съ урядниками. Они наблюдаютъ, чтобы не было тайнаго провоза, окольными путями, китайскихъ товаровъ, и для того дѣлаютъ по окрестностямъ объѣзды. Пограничная казачья линія имѣетъ три отдѣленія: цурхайское, харацайское и тункинское. Каждое изъ нихъ состоитъ подъ управленіемъ *пограничнаго пристава*, опредѣляемаго изъ русскихъ казачьихъ чиновниковъ иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ; имъ же утверждаются выборные атаманы бурятскихъ полковъ ([36]), коихъ выборные засѣдатели допущены къ участію въ рѣшеніи дѣлъ троицко-савскаго пограничнаго правленія, которое, состоя подъ предсѣдательствомъ пограничнаго начальника, на правахъ войсковой канцеляріи, вѣдаетъ пограничныхъ казаковъ по ихъ благоустройству и хозяйству и есть для нихъ первая степень суда гражданскаго и уголовнаго ([37]).

Бурятскіе казаки содержатъ себя на свой счетъ, и потому свободны отъ податей и повинностей. Одежда ихъ своя, народная, а вооруженіе составляютъ сабля, лукъ и стрѣлы, а иногда пика, или карабинъ.

Итакъ, польза отъ бурятъ очевидная: уплачивая ясакъ и неся казачью службу, въ числѣ 2,400 человѣкъ, это монгольское племя далеко оставляетъ за собою астраханскихъ калмыковъ, которыхъ всѣ повинности ограничиваются содержаніемъ своего же управленія и выставкой 200 человѣкъ на казачьи кордоны ([38]).

Разсмотрѣніе образа жизни, свойствъ и наклонностей бурятъ покажетъ, чего еще можно отъ нихъ ожидать въ будущемъ; а сравненіе этого племени съ астраханскими калмыками доставитъ случай упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ-отношеніи сихъ послѣднихъ, которыя не вошли въ планъ прежнихъ статей нашихъ объ этихъ инородцахъ ([39]).

По наружности, буряты весьма-схожи съ калмыками. Всѣ вообще буряты роста средняго, плечисты, широки и плотны, полнокровны, лицо имѣютъ монгольское, смуглое, плоское, съ выдавшимися скулами, носъ плоскій, глаза узкіе, угловатые, черные, какъ уголь, и чрезвычайно зоркіе; брови тонкія и высокія, уши оттопырившіяся, зубы правильные

([35]) Тамъ же, Т. II, кн. I, ст. 393.

([36]) Тамъ же, ст. 391 — 397.

([37]) Св. Закон., издан. 1842 г., Т. II, кн. I, ст. 403, 406, 408, 412 — 417.

([38]) Ср. статьи «Калмыки», въ «Отеч. Зап.» 1846 г., №№ 8, 9, 10 и 11.

([39]) Тоже.

и бѣлые, какъ слоновая кость; бороду съ молода выдергиваютъ щипчиками (40) и носятъ только усы и небольшой клокъ подъ нижнею губою. Волосы у всѣхъ черные, густые, жосткіе и блестящіе. Голову брѣютъ, оставляя на верхушкѣ клокъ, который заплетаютъ въ косу, и чѣмъ длиннѣе коса, тѣмъ человѣкъ щеголеватѣе. Отъ всегдашней верховой ѣзды и сидѣнья со сложенными подъ себя ногами, ноги ихъ выгнуты на внѣшнюю сторону (41).

Буряты теперь народъ миролюбивый. Охраняемые мѣстными властями отъ нападеній сосѣдей и междоусобій, они сдѣлались покорными подданными. Смертоубійство между ними дѣло необыкновенное. Грабежей, которыми такъ извѣстны калмыки, между бурятами рѣшительно нѣтъ; но у нихъ еще не истребилась общая всѣмъ кочевымъ племенамъ склонность къ воровству. Хотя буряты и запальчивы, но въ обыкновенномъ расположеніи духа тихи, кротки; вообще же горды, хитры, иногда разсудительны и умны, всегда гостепріимны, жадны до новостей, легковѣрны, склонны къ пьянству и объяденію; одарены примѣтливостью, хорошею памятью и переимчивостью. Человѣка, съ которымъ встрѣтился случайно разъ въ жизни, бурятъ, двадцать лѣтъ спустя, опишетъ, какъ-бы видѣлъ его вчера—ростъ, лицо, платье, коня, сбрую, все, что́ на немъ было, и весьма-часто съ остроумными замѣчаніями. Кромѣ всего этого, буряты отличные стрѣлки и даже по духу узнаютъ присутствіе звѣря, а о томъ, какого онъ рода, волкъ ли, медвѣдь ли, сейчасъ догадываются по слѣду, который онъ оставилъ на травѣ. Отважно нападаютъ на медвѣдя. Бурятъ идетъ на него одинъ съ собакою.

Въ сношеніяхъ съ русскими буряты скрытны, но между собою откровенны и дружны; впрочемъ, начальству покорны и царю чрезвычайно преданы. Г. Джуліяни замѣчаетъ, что буряты, узнавъ въ 1815 году о сожженіи Москвы, поднялись всѣ и хотѣли-было идти войною на французовъ; начальство съ трудомъ увѣрило ихъ, что съ Франціею уже заключенъ миръ (42).

Хоринцы и селенгинцы составляютъ цвѣтъ бурятскаго народа; кударинцы, бургузинцы и ольхонцы послѣднее звѣно, особенно ольхонцы, отдѣленные отъ соплеменниковъ Байкаломъ: они до-сихъ-поръ пребываютъ въ полудикомъ состояніи, и вообще бѣдны, отъ недостатка въ способахъ продовольствія на гористомъ и каменистомъ островѣ. Тамъ живетъ до

(40) Тоже дѣлаютъ астраханскіе калмыки.

(41) О кривизнѣ ногъ у калмыковъ ср. «Свѣд. о волжскихъ калмыкахъ», стр. 131.

(42) «Энц. Лек.», Т. VII, стр. 14.

1000 бурятъ, которыхъ единственный предметъ хозяйства скотоводство ([43]).

Въ обращеніи другъ съ другомъ буряты привѣтливы, подаютъ правую руку, прихватываютъ ее выше кисти лѣвою и здороваются. Уѣзжающаго гостя провожаютъ иногда версты двѣ, смотря по званію. Замѣтимъ, что, подобно калмыкамъ, буряты не цалуютъ, а обнюхиваютъ предметы своей любви и что поцалуи между этими племенами вовсе не въ обычаѣ.

Подобно калмыкамъ, между бурятами одежда мужчины и женщины почти одинакова; но чаще является здѣсь въ болѣе-роскошномъ видѣ нежели въ степяхъ астраханскихъ, и объясненій этому надо искать въ близости кочевья бурятъ отъ Кяхты, гдѣ маржанъ (кораллъ) и малахитъ составляютъ одну изъ главныхъ отраслей нашей торговли съ Китаемъ. Буряты носятъ шубы овчинныя, нагольныя, или покрытыя какою-нибудь тканью, начиная отъ китайки до блестящей китайской шелковой матеріи съ вышитыми драконами (магнулъ). Эти шубы опушены бываютъ по краямъ бѣлою или черною мерлушкою, выдрою, бобромъ, или обшиты бархатомъ, плисомъ, сукномъ яркаго цвѣта и т. п. Покрой шубы въ каждомъ племени свой, съ малыми, впрочемъ, различіями. Къ кушаку привязываются на ремешкѣ, съ правой стороны огниво, а съ лѣвой кошелекъ съ табакомъ, трубка (ганза) и ножикъ. Всѣ эти вещи разукрашиваются обдѣлкою въ кораллъ и малахитъ. Лѣтомъ богатые буряты носятъ халаты (терликъ), и тогда общій нарядъ мужчинъ и женщинъ составляютъ широкія шаравары изъ какой-нибудь бумажной матеріи, обшитыя по бокамъ, вокругъ кармановъ, металлическими пластинками; зимою же буряты носятъ шаравары мѣховыя. Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обувь составляютъ *унты*—сапоги наподобіе китайскихъ, съ простроченнымъ передомъ и толстыми войлочными подошвами, обшитыми кожею. Голову накрываютъ шапкою, которая дѣлается наподобіе китайской, съ широкою мѣховою опушкою и большою наверху шелковою алою кистью ([44]), прикрѣпленною къ металлическому кружку

([43]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», часть I, стр. 21.

([44]) Кисти эти, называемыя астраханскими калмыками *залà*, составляютъ у нихъ религіозный символъ, весьма-уважаемый. (Срав. «Свѣд. о волж. калмыкахъ», стр. 140 и 142). Поясненіе этому находимъ у гр. Потоцкаго, (Voyage dans le steps d'Astrakhan et du Caucase, Paris, 1829, p. 68), который утверждаетъ, что поклонники далай-ламы называются въ Монголіи *улан-саллату* (алыя кисти), а признающіе богдо-ламу — *хара-малахай* (желтыя шапки). Потому-то калмыки астраханскіе, коихъ жрецы поклоняются далай-ламѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отвергаютъ верховное главенство богдо-ламы, носятъ желтыя шапки съ алыми кистями.

большимъ коралломъ или малахитомъ. Сзади шапочки висятъ двѣ алыя ленты, или два ремешка изъ тонкаго краснаго сукна. Лѣтнія шапки обшиваютъ снаружи плисомъ, или бархатомъ. Зимой женщины одѣваются въ шубы нѣсколько-отличнаго покроя отъ мужскихъ, со сборами назади, а сверхъ шубы носятъ матерчатый дыгылъ, или безрукавый шугай, со сборами назади. Волосы расчесываютъ надвое и заплетаютъ въ косы. Замужнія отличаются отъ дѣвицъ шапкою, изъ-подъ которой висятъ концы косъ, украшенные перламутровыми кружками, кораллами и металлическими бляшками. Мѣховая шапка — необходимая принадлежность бурятки: быть безъ шапки такое же безчестіе, какъ сказать постороннимъ свое имя, говорить по-русски ([45]), или вмѣшаться въ разговоръ мужчинъ, особенно старшихъ. Женщины, имѣвшія уже дѣтей, носятъ на груди двѣ длинныя косы изъ конскихъ волосъ, которыя простираются отъ плечъ за колѣни и толстымъ концомъ посажены въ серебряные или мѣдные наконечники. Нѣкоторыя носятъ на лбу металлическую бляху, какъ фероньерку. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ множество косъ ([46]) и на вискахъ связываютъ ихъ коралловыми нитками; количество нитокъ, величина coралловъ и бóльшее или мéньшее обремененіе ими головы дѣвушки зависятъ отъ состоянія родителей, которые иногда входятъ въ неоплатные долги, чтобъ пріобрѣсть это необходимое для невѣсты украшеніе; но большею частію оно переходитъ отъ матери къ дочери, изъ рода въ родъ. Вообще кораллъ и малахитъ составляютъ въ нарядахъ щегольство и роскошь бурятъ. Они украшаютъ иногда даже сбруи и сѣдла свои малахитомъ и кораллами. Такія сѣдла и сбруи, унизанныя металлическими съ серебряною насѣчкою и часто серебряными побрякушками, кораллом и малахитомъ, порою очень-дорого обходятся бурятамъ. Есть у нѣкоторыхъ бурятскихъ начальниковъ сѣдла въ 10,000 р и поясы въ 3,000 р. ас.

Всѣ потребности и прихоти кочевой жизни удовлетворяются у бурятъ нетолько однимъ скотоводствомъ, которое у астраханскихъ калмыковъ составляетъ единственную вѣтвь степнаго хозяйства, но и звѣринымъ промысломъ, а также хлѣбопашествомъ. Какъ скотоводцы и звѣроловы, буряты при выборѣ кочевьевъ обращаютъ вниманіе единственно на удобства для охоты, или для пастбищъ. Съ каждымъ временемъ года буряты перемѣняютъ свои кочевья. Зима загоняетъ ихъ въ узкія долины и ущелія, или въ чащи островов, гдѣ нетакъ ощутительны ма-

---

([45]) Послѣдній предразсудокъ имѣютъ также калмычки.
([46]) Этимъ-то именно отличаются между астраханскими калмычками незамужнія отъ замужнихъ.

тели и сѣверные вѣтры; весною буряты переходятъ на покатости горъ и солнцопеки, гдѣ ранѣе сходитъ снѣгъ и показывается трава; лѣтомъ перебираются отъ жаркихъ мѣстъ къ рѣкамъ, осенью перекочевываютъ туда, гдѣ косили сѣно. Итакъ, буряты по преимуществу пастухи, и главное ихъ богатство заключается въ скотоводствѣ. Они обладаютъ многочисленными табунами лошадей, стадами верблюдовъ и рогатаго скота всякаго рода. У живущихъ по сю сторону Байкала тотъ почитается достаточнымъ, кто имѣетъ сто головъ скота, а если у него наберется до пятисотъ штукъ, онъ уже становится на степень богача; но у забайкальскихъ есть хозяева, владѣющіе не сотнями, а тысячами скотинъ; у нѣкоторыхъ бываетъ до тысячи верблюдовъ, до четырехъ тысячъ лошадей, отъ двухъ до трехъ тысячъ быковъ, отъ восьми до девяти тысячъ овецъ и по нѣскольку сотъ козъ.

Рогатый скотъ у бурятъ невеликъ; но овцы ихъ очень-крупны, и забайкальскія имѣютъ большіе курдюки. Бараны закаменскіе, или нерчинскіе признаются лучшими по добротѣ шерсти. Лошади средняго роста, крѣпки для продолжительной ѣзды, но слабы въ работахъ, оттого, что ихъ кормятъ однимъ сѣномъ, безъ овса. Ни зимою, ни лѣтомъ ихъ не подковываютъ. Верблюдовъ держатъ только забайкальскіе и балаганскіе буряты, для шерсти и мяса, а также для носки тяжестей, преимущественно же для промѣна китайцамъ, которые на верблюдахъ отправляютъ караваны изъ Кяхты въ Пекинъ.

Зимою, при глубокомъ снѣгѣ, стада лишаются подножнаго корма. Овцы гибнутъ всего болѣе отъ продолжительной сырой погоды. Впрочемъ, буряты устроиваютъ скотскіе загоны или хлѣва изъ плетня, смазаннаго глиною и прикрытаго соломою. По свидѣтельству одного очевидца степнаго хозяйства бурятъ, слишкомъ-теплый хлѣвъ вреденъ для овецъ. Жаръ, происходящій отъ дыханія множества овецъ, запертыхъ въ одномъ хлѣвѣ, производитъ въ нихъ сильную испарину, и если овцы послѣ этого будутъ выпущены на открытый воздухъ, то онѣ мерзнутъ, корчатся и нерѣдко гибнутъ.

Звѣроловству преданы преимущественно буряты, живущіе около Иркутска и вообще недалеко отъ русскихъ селеній; а рыбною ловлею буряты занимаются только по необходимости, когда уже нѣтъ иныхъ средствъ къ существованію.

Недавно стали они заниматься земледѣліемъ, и эта вѣтвь хозяйства и промышлености бурятъ замѣчательна у тѣхъ изъ нихъ, которые кочуютъ по р. Хилкѣ. Селенгинскіе буряты и кочующіе около Верхнеудинска нашли средство проводить воду даже на горы безъ всякихъ насосовъ, и, при дѣйствіи поливы, пашни ихъ никогда не подвергаются бѣдствіямъ

засухи. Случается тамъ, гдѣ нѣтъ поливныхъ пашней, что ранніе жары, бездождіе, осенніе холода и роса (называемая тамъ *медвянка* или *медуница*) похищаютъ плоды трудовъ бурятъ; но, вообще говоря, прекрасныя плодоносныя земли Забайкальскаго Края щедро вознаграждаютъ труды земледѣльца. Удобный и выгодный сбытъ хлѣба китайцамъ, особенно пшеницы, еще болѣе подстрекаетъ бурятъ къ земледѣлію. Торговля забайкальскихъ бурятъ хлѣбомъ мелочная и производится съ купцами, которые ведутъ оптовой торгъ съ китайцами ([47]). Буряты же, живущіе въ иркутскомъ округѣ, производящіе болѣе значительное хлѣбопашество, продаютъ много хлѣба на казенныя потребности и сплавляютъ его по Ангарѣ, на золотые пріиски въ Енисейскую Губернію. Кромѣ того, они еще ѣздятъ въ Иркутскъ для мелочной торговли пушными звѣрями по домамъ. Бо́льшею же частью торговля бурятъ состоитъ только въ сбытѣ своихъ произведеній на мѣстѣ покупщикамъ, а личное участіе бурятъ въ торговлѣ съ китайцами незначительно. Русскіе купцы и забайкальскіе буряты, близкіе къ границѣ, продаютъ на Кяхтѣ китайцамъ изюбровые рога, мерлушку ([48]), бараньи и козьи шкуры, топленое сало, масло, а зимою мясо, получая отъ китайцевъ въ промѣнъ разнаго рода чай, особенно кирпичный, шелковыя китайскія ткани, какъ-то канфы, канчи, чанджу и т. п. ([49]), листовой табакъ, курительныя жертвенныя свѣчки, статуйки бурхановъ, лекарства, корольки и другія мелочи. Наконецъ, бурятскіе ламы, имѣя богатые табуны, гоняютъ по нѣскольку сотъ головъ въ Маймадчинъ, гдѣ посредниками ихъ мѣноваго торга съ китайцами бываютъ тамошніе купцы (фузіонеры). Нѣкоторые буряты берутъ у русскихъ купцовъ товары и, разъѣзжая по улусамъ,

---

([47]) Сочинитель «Поѣздки въ Забайкальскій Край», въ I части, на стр. 35, замѣчаетъ, что въ 1834 и 1835 г., цѣна круглой пшеницы, при промѣнѣ китайцамъ, была три съ четвертью и съ половиною кирпича чаю за пудъ, т. е., за вычетомъ по тарифу пошлины, около семи рублей на русскія деньги: эти цѣны были только по разничной мелочной торговлѣ, а въ оптовой онѣ могутъ быть еще выше, потому-что хлѣбъ тогда передается массою.

([48]) Шкурка молодаго барана. По постоянному требованію ея, цѣна на мерлушку изумительная: черную лучшую мерлушку покупаютъ русскіе купцы у крестьянъ и инородцевъ, сырую отъ 4 до 5 р. 50 к. за штуку; пестрая идетъ двѣ за одну; сухую, т. е. осеннюю, покупаютъ по 3 р. 50 к. шкурку. Изъ этого видно, что къ китайцамъ она поступаетъ дороже 7 р. штука. (Тамъ же, стр. 54—55).

([49]) Съ возвышеніемъ дѣйствій нашихъ бумажныхъ фабрикъ, требованіе китайскихъ бумажныхъ тканей почти уничтожилось. (Тамъ же, стр. 99).

торгуютъ. Прежде, на обширной Хоринской Степи бывала ониноская ярмарка, куда стекались жители изъ окрестныхъ мѣстъ и пріѣзжали купцы ([50]). Изъ ремеслъ извѣстно бурятамъ искусство дѣлать ножи и огнива, луки, стрѣлы, сѣдла, телеги, сани; есть даже и плотники, которые строятъ домы русскимъ. Они вообще переимчивы и склонны къ ремесламъ, и если чему выучиваются у русскихъ, то превосходятъ своихъ учителей. Работа ихъ всегда тщательна. Встарину они плавили желѣзо; нынче покупаютъ его у русскихъ. На Хилкѣ живетъ хоринскаго вѣдомства бурятъ Убугунъ–Сарампиловъ, который весьма–удовлетворительно дѣлаетъ телескопы и зрительныя трубы и снабжаетъ этими издѣліями весь Забайкальскій Край. Вообще, въ–отношеніи начатковъ земледѣлія и ремеслъ, буряты стоятъ несравненно-выше астраханскихъ калмыковъ; но, какъ и у нихъ, домашнія работы въ степномъ хозяйствѣ бурятъ отправляются исключительно женщинами. Онѣ смотрятъ за скотомъ, готовятъ кушанье, выдѣлываютъ войлоки и шкуры, шьютъ платье и обувь, ѣздятъ и ходятъ за дровами, помогаютъ косить сѣно и проч.

Постоянная пища бурятъ есть арца, или творогъ, остающійся въ котлѣ послѣ перегонки вина изъ кислаго молока, и кирпичный чай. Нѣкоторые приправляютъ этотъ чай затураномъ, то-есть масломъ и поджареною мукóю. Баранина, вареная или жареная на рожкахъ, есть пища богатыхъ. Самое лакомое ихъ кушанье—*тарбаганъ*, или голова жирнаго барана. Коровъ и лошадей бьютъ рѣдко, только въ важныхъ случаяхъ, и держатъ ихъ для молока; кобылъ, овецъ и козъ также доятъ и приготовляютъ изъ ихъ молока творогъ, арцу, сидонъ и вино. Бѣдные, вмѣсто чаю, пьютъ коренья, ѣдятъ гнѣзда сурковъ, мышей и падаль. Есть между бурятами такіе удальцы, которые съѣдаютъ разомъ цѣлаго барана; но вообще буряты умѣютъ переносить голодъ съ величайшимъ терпѣніемъ и очень-долго, лишь бы было что́ пить. Куреніе табаку и здѣсь, какъ между астраханскими калмыками — общая страсть мужчинъ и женщинъ.

Буряты живутъ лѣтомъ и зимою въ круглыхъ войлочныхъ юртахъ или шалашахъ, которыя раскидываютъ далеко одну отъ другой, для того, чтобъ скотъ ихъ не стѣснялся на пастбищахъ. Нѣкоторые буряты завели въ зимнихъ кочевьяхъ деревянные домы. Юрта имѣетъ сажени двѣ въ діаметрѣ и довольно-помѣстительна. Посреди ея мѣсто для огня. Туда ставится желѣзный таганъ, а на него большая плоская чугунная чаша, въ которой варятъ говядину, чай, и гонятъ вино. У богатыхъ полъ

([50]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», стр. 103.

юрты выстланъ досками и покрытъ стегаными войлоками, а вокругъ огня выкладенъ кирпичомъ. Впереди юрты, противъ дверей, стоитъ деревянное возвышеніе съ уступами, на которомъ помѣщаются мѣдные бурханы и жертвенныя чашечки съ зерновымъ хлѣбомъ, водою, чаемъ, молокомъ, виномъ, которые ежедневно перемѣняются, и проч. Это жертва бурханамъ и преимущественно шигкэмуни, изображеніе коего обыкновенно хранится на томъ же поставцѣ. Направо отъ входа, впереди, мѣсто хозяйки и ея кухонныя принадлежности; налѣво—хозяина. Около стѣнъ юрты расположены ящики, или деревянные крашеные, или войлочные, наподобіе чемодановъ, обшитые разноцвѣтными сукнами и плисомъ. За грѣхъ почитается, если мужчина, войдя въ юрту, пойдетъ по правой сторонѣ, или женщина по лѣвой. Отъ входа направо — низенькая кровать хозяевъ, которую мужъ уступаетъ, иногда вмѣстѣ съ женою, дорогому гостю. Налѣво, тоже кровать для старшаго изъ семейства, или для какого-нибудь бѣдняка, живущаго въ юртѣ. По стѣнамъ ея висятъ верховая конская сбруя, лукъ и колчанъ со стрѣлами, или другое оружіе. Свѣтъ въ юрту проходитъ въ отверстіе, сдѣланное вверху, куда выходитъ дымъ отъ очага ([51]). Двери снаружи завѣшиваются войлокомъ простроченнымъ или сученою верблюжьею шерстью, или конскимъ волосомъ, а внутри запираются двумя дощечками на шалнерахъ. Въ юртѣ зимою довольно тепло для того, чтобъ не замерзнуть; впрочемъ, привычка бурятъ совершенно обезпечиваетъ ихъ отъ простуды. Но въ это время года, буряты, подобно всѣмъ кочевымъ племенамъ, погружены бываютъ въ бездѣйствіе и усыпленіе. Тогда достаточные буряты проводятъ время, сидя подлѣ огня съ трубкою табаку, и убиваютъ скучные зимніе вечера, слушая какого-нибудь разскащика былей и небылицъ, пѣсенника-импровизатора, или хвастаютъ другъ передъ другомъ звѣроловными своими подвигами и своею сметливостью; а жены ихъ сидятъ, поджавъ ноги, среди многочисленной дворни, бранятъ ее, лакомятся сушеными сырчиками, запивая чаемъ, а иногда и теплою водкою. Это — верхъ блаженства для женщины высшаго круга, которая, въ противуположность бѣдной буряткѣ, ничего не дѣлаетъ и имѣетъ причуды — потому-что тамъ, какъ и по всей Азіи, женское рабство тяжело только между бѣдными.

Но едва весеннее солнце проглянетъ на степныя поляны, дѣятельность бурятъ внезапно пробуждается, и степная жизнь ихъ начинаетъ разнообразиться. Стада, звѣриный промыслъ, рыбныя ловли, сѣнокосы—

([51]) Вообще большое сходство съ устройствомъ калмыцкихъ кибитокъ.

вотъ предметъ заботливости и занятій бурята въ лучшее время года. И здѣсь, какъ у астраханскихъ калмыковъ, по-мѣрѣ-того, какъ возрождается степная природа, а съ тѣмъ вмѣстѣ коровы и кобылы начинаютъ давать болѣе молока, наступаетъ время увеселеній, брачныхъ сговоровъ, свадебъ и празднествъ; тогда настаетъ полный разгулъ хорошимъ и дурнымъ наклонностямъ бурятъ, именно, наклонностямъ къ хозяйству, звѣроловству, гостепріимству, хлѣбосольству, объяденью, пьянству, любопытству, воровству и степному своеволію. Тогда буряты перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, дѣлаютъ разъѣзды во всѣ стороны и, встрѣчаясь въ лѣсу или на дорогѣ, останавливаются, раскуриваютъ трубки, осыпаютъ другъ друга разспросами о благополучіи стадъ, о урожаѣ травъ, о положеніи пастбищъ, о благосостояніи барановъ, о здоровьи семейства, о томъ, что́ слышно новаго, куда и откуда ѣдешь, и т. п., и новости передаются такимъ-образомъ невѣроятно-быстро въ самые отдаленные улусы. Тогда буряты гонятъ изъ молока водку и вино, называемыя *араки* и *тарасунъ*. Время пьянства начинается у бурятъ ежегодно съ половины мая и продолжается до глубокой осени. Лѣтомъ же рѣдкій бурятъ не пьянъ. Слѣдствіемъ этого и горячности бурятъ бываютъ драки. Потому-то въ лѣтнее время бурятъ съ подбитыми глазами нерѣдкость.

Степное своеволіе и лѣтнія шалости соплеменника буряты всегда стараются скрыть всѣми средствами отъ преслѣдованія русскаго начальства, и ничего не щадятъ, чтобъ выручить своего изъ бѣды.

Лѣтнія увеселеія бурятъ состоятъ въ конской скачкѣ, борьбѣ, стрѣляніи изъ луковъ въ цѣль. Здѣсь, какъ и у калмыковъ, молодёжь скачетъ на дикихъ коняхъ по обширному степному пространству. Пьяный бурятъ скачетъ во весь духъ, качаясь на обѣ сторны. Увѣряютъ, что хорошая лошадь никогда не допуститъ хозяина свалиться.

Борьба бурятъ есть то же, что́ калмыцкое единоборство. Они борятся почти нагіе, въ короткомъ исподнемъ платьѣ. Вотъ ка́къ описываетъ эту борьбу одинъ очевидецъ: «Атлеты выходятъ безъ рубашекъ, медленно подвигаются другъ къ другу, подобно двумъ быкамъ, спущеннымъ на бой, бросая искоса страшные взгляды, склоняясь впередъ и потирая въ рукахъ, какъ-бы отъ нетерпѣнія, землю; то заступаютъ впередъ, то уклоняются въ сторону, сторожатъ моментъ, и вдругъ схватываются. Удачный пріемъ—и борьба кончена въ одно мгновеніе; не то—борцы ломаютъ другъ друга болѣе получаса и кончатъ ничѣмъ. Ихъ разводятъ почти всегда силою и выпускаютъ на мѣсто ихъ новыхъ. Между-тѣмъ, монгольская знать сидитъ, поджавъ ноги, на коврахъ, или войлокахъ, куритъ табакъ, пьетъ водку и, любуясь народ-

«ными играми, одобряеть побѣдителей легкимъ возгласомъ, улыбкою, «движеніемъ руки, иногда небольшимъ подаркомъ ([52]).

При стрѣльбѣ изъ луковъ въ цѣль отличные стрѣлки удивляютъ толпу своею ловкостью, попадая на-лету въ уши пущенной стрѣлы.

Всѣ эти степныя игры суть принадлежность особыхъ празднествъ, бывающихъ весною и лѣтомъ, въ честь времени года. Таковъ, напримѣръ, *обонъ* — праздникъ весны и цвѣтовъ, на который буряты съѣзжаются цѣлыми скопищами къ хамбинской ставкѣ (мѣстопребываніе бандиды-хамбо или хамбо-ламы — главнаго жреца). Тамъ день начинается идолослуженіемъ, а потомъ народъ предается своимъ забавамъ.

Между забайкальскими бурятами преданіе сохранило множество пѣсень, напоминающихъ воинственную Монголію, времена Чингисхана и Батыя, но буряты, живущіе по сю сторону Байкальскаго Озера, готовыхъ пѣсенъ не имѣютъ: вдохновенные пѣвцы импровизируютъ ихъ на случай, воспѣваютъ бывалые подвиги предковъ и ловкость своихъ стрѣлковъ, быстроту коней, выхваляютъ свои мѣткія винтовки и стрѣлы. Напѣвъ этихъ пѣсень вообще заунывенъ, грустенъ и протяженъ. Буряты не пляшутъ; но женщины и мужчины, ставши въ кругъ и взявшись за руки, идутъ медленно въ одну сторону, сначала тихо, потомъ скоро, подъ голосъ запѣвалы, за которымъ и прочіе подтягиваютъ. Любимый ихъ инструментъ, *хуръ*, похожъ на скрипку или гудокъ, съ двумя волосяными струнами, на которыхъ играютъ смычкомъ, продѣтымъ между струнами. Другой инструментъ, похожій на цимбалы, называется *этогу:* онъ чрезвычайно рѣдокъ и, кажется, выходитъ изъ употребленія. Музыка у бурятъ не употребляется при плясках, но служитъ забавою играющему, и для нашего уха слишкомъ-утомительна своимъ однообразіемъ и вѣчноплачевнымъ тономъ. Облава или охота есть удовольствіе тайшей. Многіе изъ нихъ до-сихъ-поръ сохранили страсть къ этой воинственной потѣхѣ своихъ предковъ.

Когда буряты навѣщаютъ другъ друга, то угощеніямъ и болтовнѣ нѣтъ конца: закалываютъ барана, подчуютъ виномъ, хвастаютъ другъ предъ другомъ своими стадами и звѣроловными подвигами.

Впродолженіе этихъ взаимныхъ посѣщеній родительскій разсчетъ рѣшаетъ участь молодёжи. По совершеніи, такимъ-образомъ, брачнаго сговора и по отдачѣ за невѣсту отцу ея условленнаго *калыма*, то-есть извѣстнаго количества рогатаго скота и лошадей, свадьбы буряты празднуютъ обыкновенно лѣтомъ. Здѣсь, какъ и у калмыковъ, невѣста берется съ бою. Женихъ съ пріятелями своими отнимаетъ невѣсту у ея

([52]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», часть I, стр. 62, 63.

подругъ, сажаетъ ее на лошадь и везетъ въ свое кочевье. Тамъ празднуется свадебный пиръ со всѣми причудами степнаго удальства и наѣздничества. Если въ домѣ нуженъ работникъ, отецъ женитъ десятилѣтняго сына на здоровой дѣвкѣ. Богатые платятъ за невѣсту калымъ иногда въ 500 головъ скота; но дочь богатыхъ родителей приноситъ съ собою приданаго неменѣе заплаченнаго за нее калыма, въ платьѣ, кораллахъ, скотѣ и готовой юртѣ со всѣми принадлежностями. Случается даже, что приданое это, или подарки, по цѣнности своей, вдвое и втрое превосходятъ калымъ. Буряты одного рода считаются роднею, и потому женъ берутъ они всегда изъ другаго рода; но жениться на второй женѣ своего отца, послѣ смерти его, считается даже великодушнымъ поступкомъ. Слѣдствіемъ несвоевременныхъ и неравныхъ браковъ бываетъ то, что когда мужъ достигаетъ совершенныхъ лѣтъ, жена его уже стара. Онъ или прогоняетъ ее и беретъ другую, или оставляетъ въ домѣ управительницею. Богатые имѣютъ иногда до четырехъ женъ; но первая жена всегда сохраняетъ права старшей, и младшія обязаны ей почтеніемъ и послушаніемъ. Супружеская вѣрность у бурятъ дѣло неважное; но бурятки пользуются свободою съ соблюденіемъ приличія.

При рожденіи дѣтей не бываетъ почти никакихъ обрядовъ. Буряты-шаманцы даютъ имена своимъ дѣтямъ по первому вошедшему въ юрту человѣку или животному; но у буддайцевъ ламы назначаютъ новорожденному имя, которое въ просторѣчіи соединяется съ именемъ отца.

Буряты воспитываютъ дѣтей своихъ также просто, какъ и астраханскіе калмыки. Завертываютъ ребенка въ овчину, кладутъ на доску или въ узкій деревянный ящикъ, завязываемый ремнями и прикрѣпляемый по сторонамъ къ обручу. Оттуда видно только лицо ребенка. Съ-боку этой колыбели нерѣдко виситъ кость бараньей ноги, или нога козла— какъ симпатическое средство противъ болѣзней и навожденія злаго духа. Острота дѣтей необыкновенная, и понятія ихъ развиваются быстро. Направленію ихъ къ добру и пользѣ стало способствовать, съ 1833 года, открытіе въ Троицкосавскѣ, для дѣтей пограничныхъ бурятъ-казаковъ, войсковой русско-монгольской школы ([53]). Съ-тѣхъ-поръ наклонность къ образованію чрезвычайно распространяется между бурятами. Число учащихся въ школѣ давно превзошло комплектъ (24-ре воспитанника на общественномъ иждивеніи бурятскихъ казаковъ); сверхкомплектныхъ поступаетъ туда съ каждымъ годомъ все болѣе-и-болѣе. Особенные предметы преподаванія: монгольская грамота, экзерциція, изложеніе оф-

---

([53]) Св. Зак., изд. 1842 г., Т. II, кн. I, ст. 425.

фиціальныхъ бумагъ; вообще, курсъ обученія соотвѣтствуетъ тому, который установленъ въ уѣздныхъ училищахъ.

Въ противоположность астраханскимъ калмыкамъ, которые переживаютъ и восьмой десятокъ, буряты вообще недолговѣчны, рѣдко достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, и бо́льшая часть этихъ инородцевъ умираетъ на шестидесятомъ году отъ роду.

Въ болѣзняхъ прибѣгаютъ они къ своимъ ламамъ (жрецамъ), которые лечатъ ихъ лекарствами, выписываемыми изъ Китая за довольно-дорогую цѣну. Между ними есть средства, дѣйствующія съ необыкновенною силою и скоростью: почему благоразумнѣйшіе изъ жрецовъ даютъ ихъ въ четверть и половину пріема, и это спасаетъ многихъ отъ смерти; но ламы иногда лечатъ сверхъестественными средствами, похожими на колдовство и заклинанія, или даютъ лекарства, не зная въ точности ихъ назначенія, силы и рода болѣзни. Шарлатанство ламъ въ этихъ случаяхъ превышаетъ даже всякое вѣроятіе и оканчивается иногда для больнаго лишеніемъ послѣдней собственности, суевѣрно отдаваемой въ задатокъ за сомнительный успѣхъ леченія. Къ особенному роду болѣзней бурятъ отнести слѣдуетъ: лишеніе сна или безсонницу, сопряженную съ потерею позыва на пищу, ломоту членовъ и также глазныя болѣзни. Недалеко отъ Нерчинска находится, около р. Улятуй, минеральный ключъ улятуевской кислой воды. Питье ея и обливаніе ею цѣлебно въ этихъ болѣзняхъ. Какъ этотъ, такъ и другіе минеральные ключи посѣщаютъ разные сибирскіе инородцы, въ томъ числѣ и буряты. Наконецъ, ароматическое масло, вытекающее во многихъ прибрежныхъ мѣстахъ Байкала, поднимающееся также изъ глубины озера на поверхность и плавающее тамъ значительными массами, собирается бурятами и тунгусами и составляетъ испытанное врачебное средство отъ ломоты въ членахъ и ревматизмовъ ([54]). Причины, производящія означенныя болѣзни: наклонность къ объяденію и пьянству, суровость зимъ, дымъ въ юртахъ и степная пыль, а конечно не избытокъ въ лошадяхъ, верблюдахъ, быкахъ, хорошихъ шубахъ и сапогахъ, какъ это твердятъ больному ламы—лекаря, когда у больнаго много платья и скота, а у лекаря не достаетъ того или другаго, больной же не даетъ да́ромъ.

Роды погребенія у бурятъ, какъ и у калмыковъ, бываютъ различны, или скорѣе, какъ и у нихъ, погребеніе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, у бурятъ весьма—рѣдко. Трупъ или сожигаютъ на кострѣ и пепелъ хранятъ въ кумирнѣ, или кладутъ на дерево, или заваливаютъ

([54]) «Энц. Лекс.», Т. IV, стр. 107, ст. «Байкалъ.»

каменями и валежникомъ, или зарываютъ въ землю. Случается также, что трупъ просто бросаютъ въ лѣсу, или ставятъ въ гробу, на воздухѣ. Способъ погребенія зависитъ и здѣсь, какъ и у астраханскихъ калмыковъ, не столько отъ мнимыхъ гаданій жрецовъ, сколько отъ достатка умершаго и его наслѣдниковъ, и приношеній, дѣлаемыхъ ими въ пользу кумирень и ламъ. Полное моленіе ихъ о упокоеніи души умершаго продолжается семь недѣль. Какъ похороны, такъ и поминки иногда бываютъ даже несоразмѣрны состоянію родственниковъ, оставшихся въ живыхъ, и становятся для нихъ раззорительными. Суевѣрно и раболѣпно преданные своему духовенству, буряты въ этихъ случаяхъ обращаютъ въ его пользу все имѣніе покойника, или, по-крайней-мѣрѣ, бóльшую его часть. Погребеніе втораго селенгинскаго тайши Вампилова Ирдинѣева въ 1834 году и брата его въ 1836 году стоило семействамъ ихъ до 60,000 рублей ассигн.; а поминки послѣ смерти тайши Ирдинѣева обошлись наслѣдникамъ его въ 50,000 рублей. ассиг.

Обращаясь къ повѣрьямъ бурятъ, находимъ чрезвычайное сходство съ тѣми, которыя поражали насъ при обозрѣніи астраханскихъ калмыковъ. Подобно тому, какъ эти монголы наши придаютъ религіозное значеніе горѣ, которую они же назвали *святою* — Богдó, и облекли миѳологическими сказаніями Баскунчатское соляное озеро, словомъ — тѣ величественныя явленія, въ которыхъ проявляется тамъ окрестная пустынная природа, буряты поклоняются необыкновеннымъ утесамъ и всему, чтó возбуждаетъ ихъ удивленіе. Байкалъ называютъ они Далай-Норъ, то-есть *святымъ озеромъ* или моремъ ([55]), и полагаютъ, что онъ не держитъ въ себѣ ничего нечистаго. Всякій минеральный ключъ называютъ оршаномъ, то-есть святою водою, приближаются къ нему съ благоговѣніемъ, падаютъ ницъ предъ нимъ, молятся, и потомъ уже пьютъ эту воду съ набожностью. Такъ-называемый *шаманскій камень*, стоящій на Ангарѣ, близь истока ея изъ Байкала, буряты-шаманцы считаютъ святынею, и думаютъ, что на этомъ камнѣ обитаютъ ихъ онгоны и *тегри*—незримый небожитель, и вообще утверждаютъ, что онгоны ихъ живутъ на высокихъ, обрывистыхъ, живописныхъ горахъ и на скалахъ неприступныхъ. Наконецъ, дѣлаемые бурятами на вершинахъ горъ курганы — *обо*, куда каждый изъ проѣзжающихъ кладетъ какую-нибудь вещь, лоскутокъ матеріи, вѣточку, или даже нѣсколько волосъ изъ гривы лошадиной, совершенно напоми-

([55]) «Энц. Лекс.», Т. IV, стр. 106, ст. «Байкалъ», и «Поѣздка въ Забайкальскій край», часть I, стр. 18.

наютъ калмыцкія могилы—*цаца*, образъ моленія ихъ надъ этими памятниками и поклоненія горѣ Богдо́.

Въ довершеніе же сходства бурятъ съ астраханскими калмыками въ—отношеніи повѣрій, скажемъ, что такъ—какъ тѣ изъ нихъ, которые, нанимаясь на тамошніе рыбные и соляные промыслы и сближаясь съ русскими, заимствуютъ отъ нихъ благоговѣніе къ св. чудотворцу Николаю, доходящее до того, что калмыки, застигнутые въ морѣ бурею, призываютъ на помощь свою патрона русскихъ мореходцевъ и ловцовъ, а потомъ покланяются образу его въ православныхъ церквахъ, ставятъ передъ нимъ, *ex voto*, свѣчи—буряты, живущіе между русскими, верхоленскіе, кудинскіе и др., покланяются св. Николаю чудотворцу. Но это поклоненіе отличается у нихъ отъ калмыцкаго особыми обрядами: буряты закалываютъ барана, вынимаютъ мясо, а шкуру съ головою и остовомъ выставляютъ на высокомъ шестѣ, гдѣ она виситъ до совершеннаго истлѣнія.

Повѣрья и обряды эти, хотя грубые и обличающіе дикое невѣжество и суевѣріе, доказываютъ, однакожь, добровольное влеченіе бурятъ къ христіанству, и, конечно, еслибъ не вредное на нихъ вліяніе и многочисленность ихъ ламайскаго духовенства, то обращеніе этихъ инородцевъ къ христіанству было бы весьма—легко и никогда не встрѣтило бы тѣхъ затрудненій, которое ламы надолго поставили его распространенію, тѣмъ, во-первыхъ, что присовокупили, чрезъ свое необыкновенное размноженіе, къ нравственному преобладанію надъ массою народа еще преобладаніе численное, и, вовторыхъ, тѣмъ, что простерли свое вліяніе и на шаманцевъ; до того времени они, не имѣя письменной религіи и духовнаго сословія, не будучи никѣмъ останавливаемы на пути обращенія къ христіанской вѣрѣ, принимали ее добровольно и охотно.

Какъ теперь бѣдному буряту искать спасительныхъ истинъ христіанской религіи, внимать слову проповѣдника, когда каждый шагъ его слѣдятъ тысячи глазъ поклонниковъ и поборниковъ далай-ламы, которые, живя разсѣянно по улусамъ, чуть не ежедневно посѣщаютъ каждую юрту! Одинъ страхъ и то робкое уничиженіе и подобострастіе, коему ламайское духовенство успѣло, несмотря на крайнее свое невѣжество, поработить безвозвратно робкіе и суевѣрные умы всѣхъ безъ исключенія родовичей своихъ, само собою, удерживаетъ уже каждаго при первомъ покушеніи оставить свою наслѣдственную религію, какова она ни есть.

Притязаній со стороны ламъ не избѣгаютъ даже и тѣ изъ бурятъ, которые еще прежде обратились къ христіанству и осѣдлости.

Притязанія эти, хотя косвенно, но обнаруживаются въ томъ, что послѣднимъ или вовсе не даютъ слѣдующей по закону изъ родовыхъ дачъ пропорціи земли, или если и даютъ какіе участки, то по большей части худшіе и негодные, отчего новокрещенные и осѣдлые изъ бурятъ въ Забайкальскомъ Краѣ рѣдко достаточны и вообще живутъ бѣдно, что въ свою очередь также поставляется ламами на видъ предъ инородцами, съ цѣлью удержать ихъ въ большей преданности къ своему старому закону.

Обширность вліянія ламъ на сибирскихъ монголовъ заслуживаетъ и даже требуетъ подробнаго обозрѣнія причинъ и послѣдствій возникновенія среди этихъ племенъ владычества ламайскаго духовенства. Обращаемся къ этому изслѣдованію.

III

Историческій обзоръ возникновенія за Байкаломъ ламайской іерархіи. — Воспрещеніе пропуска заграничныхъ ламъ въ улусы сибирскихъ инородцевъ — Назначеніе туда главнаго ламы или *бандиды-хамбо*, построеніе кумирни въ селенгинскомъ цонголовомъ родѣ бурятъ и ея религіозное господство: — Построеніе кумирни гусиноозерской и искательство о независимости ея отъ цонгольской. — Неограниченность власти бандиды-хамбо, размноженіе ламъ и преслѣдованіе ими шамановъ. — Стремленіе мѣстнаго начальства къ пресѣченію своеволія ламъ забайкальскихъ. — Прежнее и настоящее ихъ положеніе, образъ жизни, наклонности, раздѣленіе ихъ управленія, зависимость ихъ отъ тибетскихъ и вообще заграничныхъ ламъ и отъ мѣстнаго начальства. — Мѣры его къ обузданію забайкальскаго ламайскаго духовенства.

> У насъ проповѣдуется слово Божіе и на крайнихъ предѣлахъ нашихъ: горскимъ племенамъ на Кавказѣ и самоѣдамъ у Ледовитаго Моря и вдоль хребта Алтайскаго калмыкамъ, киргизамъ и бурятамъ... Старшина племени бурятскаго пріѣзжалъ въ сѣверную столицу нашу, просить крещенія, которое совершилось въ дворцовой церкви, съ державными воспріемниками....
>
> *(Римскія письма)*.
>
> Il serait temps de mettre à profit les livres mongols et tibetains... Pallas avait confié ce travail à un frère morave de Saperta—Iochrig, qui étudia chez le vieux lama puis chez les bourièles de Sibérie et demeura assez longtemps dans un couvent de Ghélong...»
>
> *(Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase)*.

До разграниченія Россіи съ Китаемъ, въ-продолженіе почти сорока лѣтъ тангутскіе (тибетскіе) и монгольскіе ламы свободно переходили нашу границу, проповѣдывали ламайскую вѣру между забайкальскими

бурятами, преданными шаманству, и уходили обратно въ монгольскія, или тибетскія владѣнія. Къ пресѣченію этого бродяжничества, графъ Владиславичъ-Рагузинскій, по заключеніи мирнаго трактата съ китайцами (¹) и проложеніи пограничной линіи, въ 1727 г., воспретилъ принимать и пропускать ламъ изъ-за границы въ улусы къ ясачнымъ иновѣрцамъ (²), предписавъ довольствоваться тѣми ламами, которые послѣ разграниченія остались на россійской сторонѣ (³).

(¹) П. С. З. Р. И. Т. VII №5143. *Договоръ, заключенный между Россіею и Китаемъ 20 августа 1727 года, при рѣчкѣ Бурѣ, о постановленіи между обѣихъ державъ вновь границъ.* Размежеваніе границъ начато было при Петрѣ Великомъ и окончено при Екатеринѣ 1. Графъ Савва Лукичъ Владиславичъ-Рагузинскій дѣйствовалъ здѣсь въ качествѣ русскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Въ 1-й части сочиненія: *Поѣздка въ Забайкальскій Край* (Москва, 1844, стр. 81) сказано, что въ томъ же 1727 году, Савва Владиславичъ *графъ Рагузинскій* постройкою деревянной крѣпостцы, названной имъ *Троицкою*, положилъ начало строенію Троицкосавска, который онъ назвалъ во имя Св. Троицы и Св. Саввы, и что въ то же время основана торговая слобода Кяхта. Но на стр. 79 XI т. «Энцикл. Лекс.», въ статьѣ «*Владиславичъ-Рагузинскій*», находимъ мы, что на обратномъ пути изъ Китая, Владиславичъ основалъ крѣпостцу противъ пограничнаго маяка, гдѣ прежде былъ русскій караулъ Барсуково-Зимовье, при рѣчкѣ Кяхтѣ, и назвалъ это укрѣпленіе *Новотроицкою крѣпостью*. На стр. 112 т. IV «Энц. Лекс.» Рагузинскій также названъ *Владиславичемъ*. Предки Саввы Владиславича были родомъ босняки. Лука Владиславичъ, живя въ Рагузѣ, принялъ названіе *Рагузинскій*; а сынъ его Савва поступилъ въ русскую службу при Петрѣ Великомъ, находился при немъ въ прусскомъ походѣ, въ 1711 году, и получилъ тогда отъ Рагузинской Республики дипломъ на графское достоинство. Въ трактатѣ 1727 года онъ названъ *Владиславичемъ*, иллирійскимъ графомъ и русскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; имени же *Рагузинскій* въ трактатѣ вовсе нѣтъ. Изъ статьи «Владиславичъ-Рагузинскій» видно еще: 1) какъ онъ энергически дѣйстовалъ въ Пекинѣ въ пользу Россіи;—2) что послѣдствіемъ трактата 1727 года были долго-продолжавшіяся потомъ сношенія русскаго сената съ китайскимъ трибуналомъ иностранныхъ дѣлъ, — и 3) что Владиславичъ возвратился въ Москву въ 1728 году, гдѣ Петръ II наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника и орденомъ св. Александра Невскаго.

(²) До 22 іюля 1822 года, т. е. до изданія «Учрежденія Сибири», тамошніе инородцы, т. е. всѣ племена обывателей нерусскаго происхожденія именовались *ясачными иновѣрцами*. Ср. Св. Зак, изд. 1842 года т. II, кн. I, ст. 140, того же тома, кн. VI примѣч. къ ст. 2 и т. IX, ст. 1098.

(³) Инструкція, данная пограничнымъ дозорщикамъ Фирсову и Михалеву, 1728 года іюня 17 дня, пунктъ 4.

Тибетскіе и монгольскіе ламы, на основаніи этого трактата оставшіеся въ Сибири, были отторгнуты отъ своей іерархіи и находились въ совершенномъ безначаліи. Скитаясь по кочевьямъ, они не имѣли въ Забайкальскомъ Краѣ ни постоянныхъ жилищъ, ни храмовъ или кумирень. Въ-теченіе двѣнадцати лѣтъ мѣстное начальство не обращало никакого вниманія на духовныя дѣла ламайскихъ иновѣрцевъ.

Въ 1741 году иркутскимъ начальствомъ, для управленія ламами, бо́льшею частію вышедшими въ прежнее время изъ Тибета, установленъ *главный лама* въ селенгинскомъ цонголовомъ родѣ бурятъ, состоявшемъ изъ коренныхъ монголовъ; всѣ ламы приведены къ присягѣ, и взято съ нихъ обязательство, *подъ смертною казнію*, нетолько не переходить за границу, но даже ни явно, ни тайно, ни подъ какими предлогами, пересылокъ и сношеній съ заграничными людьми не имѣть. За всѣмъ тѣмъ, до 1748 года забайкальскіе ламы были посвящаемы въ сіе званіе въ Тибетѣ.

Въ 1752 году, подъ главнымъ вѣдомствомъ *цонгольскаго ламы*, установленъ другой первенствующій лама въ двухъ монгольскихъ родахъ *хатагиновомъ* и *подгородномъ*, гдѣ вскорѣ (въ 1758 г.) выстроена большая деревянная кумирня, *гусиноозерская*, безъ всякаго, впрочемъ, разрѣшенія и даже безъ вѣдома мѣстнаго начальства.

Въ 1764 году преемникъ главнаго ламы *цонгольскаго* (Заяевъ) возведенъ въ достоинство *бандиды-хамбо́*, означающее главу ламайскаго или шикгэмуніанскаго духовенства, а одиннадцать лѣтъ спустя (въ 1775 г.) выстроена въ цонголовомъ родѣ главная кумирня съ разрѣшенія государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Между-тѣмъ, лама, управлявшій кумирнею *гусиноозерскою*, началъ искать независимости отъ бандиды-хамбо́ и, наконецъ, достигъ своей цѣли, такъ-что впослѣдствіи званіе хамбы перешло къ его преемнику, а съ тѣмъ вмѣстѣ гусиноозерская кумирня, бывшая частною и безгласною, сдѣлалась главною, вмѣсто цонгольской.

Въ-продолженіе искательствъ о независимости кумирни гусиноозерской усугубилось съ обѣихъ сторонъ соревнованіе къ усиленію, или распространенію вліянія духовенства ламайскаго, *для приращенія голосовъ*, на числѣ коихъ основывались выборы въ главные ламы и бандиды.

Дабы удержать это стремленіе, въ 1775 г. двумя иркутскими вице-губернаторами и селенгинскимъ комендантомъ опредѣлено имѣть въ бурятскихъ и тунгусскихъ родахъ неболѣе 150 ламъ штатныхъ или свободныхъ отъ ясака. Но, по своевольству главныхъ ламъ, въ-теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ число духовныхъ, неплатившихъ

ясака, увеличилось до 617; а потомъ, за всѣми мѣрами, принятыми мѣстнымъ начальствомъ къ введенію ламъ въ штатное положеніе, по бывшей въ 1796 г. переписи, оказалось 318 ламъ, неплатившихъ податей.

Въ 1809 г. иркутское губернское начальство, при назначеніи новаго бандиды-хамбо́, подтвердило прежнія постановленія о порядкѣ выбора въ ламы и о штатномъ ихъ положеніи. Тогда же предоставлены были хамбѣ: неограниченная власть надъ ламайскимъ духовенствомъ, право нетолько наказывать ламъ за дурное поведеніе, но и лишать ихъ этого званія; строго воспрещено препятствовать желающимъ вступать въ христіанство и отбирать въ ламы дѣтей противъ воли родителей. Съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшено хамбѣ пресѣкать шаманство.

Поводомъ къ преслѣдованію шаманства между бурятами отчасти послужило общепринятое тогда въ Сибири мнѣніе, *что шаманская вѣра основана на поклоненіи злымъ духамъ и что шаманы призываютъ дьявола*—мнѣніе, внушенное и укорененное ламайскимъ духовенствомъ.

Вскорѣ послѣ того дѣла́ монголо-бурятскаго духовенства оставлены были, попрежнему, безъ всякаго надзора, и хамбо́ воспользовался этимъ для умноженія ламъ и кумирень. Онъ началъ истреблять шаманство, и нерѣдко прибѣгалъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ. Старанія его распространять вліяніе ламайскаго духовенства и увеличивать его численно сопровождались такимъ успѣхомъ, что въ 1822 году при кумирняхъ бурятскихъ и тунгусскихъ оказалось налицо болѣе 2500 ламъ, въ томъ числѣ комплектныхъ, или долженствовавшихъ быть изъятыми отъ податей 293, а утвержденныхъ губернскимъ начальствомъ только 48. Такимъ-образомъ, въ забайкальскихъ племенахъ возникла обширная и устроенная ламайская іерархія.

Укорененіе этаго зла должно отнести, между-прочимъ, и къ тому, что мѣстное начальство, не имѣя въ виду постановленій, или опредѣлительныхъ правилъ, на коихъ существованіе шикгэмуніанской вѣры допущено въ Китаѣ, Тибетѣ и сосѣдственной намъ Монголіи, не могло дѣйствовать рѣшительно къ пресѣченію самовольнаго размноженія ламъ, и должно было опасаться неблагопріятныхъ отъ того послѣдствій.

При общемъ образованіи сибирскихъ управленій въ 1822 году, ламайское духовенство поставлено въ зависимость мѣстной земской полиціи наравнѣ съ прочими инородцами; но въ 1827 году послѣдовало въ семъ порядкѣ управленія слѣдующее измѣненіе:

Бывшій генерал-губернаторъ Восточной Сибири, тайный совѣтникъ

Лавинскій ([4]), при обозрѣніи Иркутской Губерніи въ 1823 году, замѣтивъ при ламайскихъ кумирняхъ, особенно въ округахъ верхнеудинскомъ и нерчинскомъ, значительное число ламъ, ведущихъ безбрачную жизнь и непринимающихъ никакого участія въ податяхъ и общественныхъ повинностяхъ, которыя уплачиваютъ за нихъ прихожане, призналъ необходимымъ положить конецъ непрестранному размноженію ламайскаго духовенства. Вслѣдствіе этого собраны были самыя подробныя свѣдѣнія о ламахъ и, для соображеній, выписано изъ Пекина уложеніе о китайскихъ ламахъ, изданное тамошнимъ правительствомъ въ 1817 году. Разсмотрѣніе этого уложенія открыло, между-прочимъ, что ламайское духовенство и въ Китаѣ потребовало рѣшительныхъ мѣръ къ удержанію его въ опредѣленныхъ границахъ, такъ-что китайская палата внѣшнихъ сношеній, или трибуналъ иностранныхъ дѣлъ, положивъ самыя жестокія наказанія за произвольное, или сверхштатное посвященіе ламы, постановилъ: всѣхъ посвящаемыхъ въ это званіе безъ соизволенія высшей власти изгонять изъ кумирень и обращать въ прежнія ихъ вѣдомства и жилища.

По случаю столь-рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ въ сосѣдственной державѣ, гдѣ ламайской вѣрѣ слѣдуетъ нѣсколько мильйоновъ подданныхъ ([5]), главное управленіе Восточной Сибири, не находя болѣе никакихъ причинъ опасаться, чтобъ подобныя распоряженія могли произвести неблагопріятныя послѣдствія между подвластными Россіи ламами, составило положительныя правила, существо которыхъ заключалось въ томъ, чтобъ 1) ограничить число ламъ вообще 586 и затѣмъ самовольное посвященіе въ ламы, безъ утвержденія начальства, строго воспрещать; 2) отвести для нихъ особыя жилища при кумирняхъ, воспретивъ, на основаніи уставовъ вѣры, ихъ сожительство съ мірянами и бродяжничество; 3) опредѣлить чиноначаліе ламъ и обязанности каждой степени; 4) подчинить ламъ правильному духовному ихъ

([4]) А. С. Лавинскій былъ въ-послѣдствіи времени дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, членомъ государственнаго и предсѣдателемъ опекунскаго совѣтовъ.

([5]) Г. Шмидтъ утверждаетъ, что по приблизительному и самому умѣренному счету, въ тѣхъ странахъ, гдѣ буддаизмъ сдѣлался господствующею вѣрою,—въ восточной части Азіи, въ Японіи и проч. эта религія считаетъ 200,000,000 послѣдователей, которые хотя разнствуютъ между собою въ толкованіи нѣкоторыхъ догматовъ, въ обрядахъ и мѣстныхъ обычаяхъ и раздѣляются на особенныя секты, однакожь въ главномъ т. е. въ признаніи основателя своего ученія, совершено между собою согласны. Ср «Энцикл. Лекс.» томъ VII, стр. 245.

надзору и гражданской отвѣтственности за нарушеніе касающихся ихъ постановленій.

Правила сіи въ 1826 году внесены были генерал-губернаторомъ Лавинскимъ на усмотрѣніе главноуправлявшаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, который, находя, что дѣла о ламайскомъ духовенствѣ предоставлены государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, препроводилъ въ оную предположенія мѣстнаго начальства.

Такимъ-образомъ, забайкальское ламайское духовенство вышло изъ его зависимости и поступило въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, которое, не утвердивъ предположеній главнаго управленія, командировало, въ 1831 году, въ Восточную Сибирь дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Шиллинга фон-Канштадтъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ собралъ на мѣстѣ положительныя о ламахъ свѣдѣнія и составилъ проектъ устава о монголо-бурятскомъ духовенствѣ.

Генерал-губернаторъ Лавинскій полагалъ число штатныхъ ламъ ограничить вообще 586, а баронъ Шиллингъ фон-Канштадтъ, въ составленномъ имъ уставѣ, полагалъ допустить число ламъ до 2000 (штатныхъ 600, сверхъ-штатныхъ 1400). Если количество прихожанъ ламайскихъ кумиренъ положить въ 118,000 душъ обоего пола (согласно табели о народонаселеніи Восточной Сибири за 1835 годъ), то причиталася бы по штату генерал-губернатора (изъ 586) 1 лама на 202 души, а по штату барона Шиллинга (изъ 2000)—1 лама на 58 душъ.

Замѣчательно, что по той же табели народонаселенія число духовныхъ православной церкви къ числу христіанъ греко-россійскаго исповѣданій представляло въ Восточной Сибири содержаніе 1 : 293.

Между-тѣмъ, на-самомъ-дѣлѣ число ламъ далеко превосходило оба предположенные штата. Такъ, по сравнительному исчисленію, сдѣланному иркутскимъ губернскимъ совѣтомъ въ 1825 году, 1 лама причиталася на каждыя 10 душъ или на 3 семьи прихожанъ; а въ нѣкоторыхъ обществахъ бурятъ селенгинскихъ находилось по 50 ламъ на каждыя 100 свѣтскихъ душъ; не говоря уже о посвященіи *въ обаши* (6) (приготовительную степень къ званію ламы) великаго множества міряпъ, дающихъ обѣтъ не употреблять нечистой пищи и не

(6) Въ *древнихъ калмыцкихъ постановленіяхъ* или степномъ монголо-калмыцкомъ уложеніи 1640 года встрѣчаются слова *убаши* и *убашинца*. Они означаютъ также особый родъ духовныхъ степеней или званій. Слово *убаши* или, правильнѣе, *убуши*, произносимое калмыками кратко—*убши*, значитъ монахъ, отшельникъ, чернецъ. Теперь у нихъ это званіе замѣнено другимъ—*даянчи*. Слово *убашинца* произносится *убсынца*, значитъ черница, отшельница.

убивать никакого животнаго—обѣтъ, съ состояніемъ скотоводца, звѣролова, особенно же служащаго казака вовсе несовмѣстный.

Въ 1831 году число ламъ и обашіевъ простиралось до 5000 человѣкъ и, слѣдовательно, далеко уже превышало нетолько штатное положеніе, но и самыя потребности прихожанъ.

Ламайское духовенство называется въ Восточной Сибири *ховарокъ*, названіе, въ которомъ узнаются калмыцкое слово *хуваракъ* и тибетское или тангутское *хуаракъ*, изъ которыхъ каждое означаетъ духовенство.

Ламы сибирскіе имѣютъ три степени посвященія: 1) *гэлунъ*, напоминающее калмыцкаго гелюнга, гелюна, ггеллюна, или гелэнга, и монгольскаго кгелуна, 2) *гэцулъ*—то же, что̀ калмыцкій гезыль, гецуль и монгольскій кгецулъ, и 3) *бандй* — то же, что̀ манджи калмыцкій. Состоящимъ въ первыхъ двухъ степеняхъ присвоено названіе *ламъ*, а всѣмъ вообще *ховаракъ*.

Общая характеристическая черта этого сословія—грубое невѣжество. Многіе изъ старшихъ ламъ рѣшительно не въ-состояніи перевесть на свой языкъ употребляемыя ими при идолослуженіи священныя тибетскія книги. Они рѣшительно не понимаютъ того, что̀ читаютъ въ этихъ молитвенныхъ книгахъ, писанныхъ на (тангутскомъ) тибетскомъ языкѣ, хотя бо̀льшая часть такихъ священныхъ книгъ переведена въ Китаѣ на языкъ монгольскій. Но надо замѣтить, что за Байкаломъ есть даже ламы, плохо знающіе и монгольскую грамоту. Несмотря на свое невѣжество, это духовенство ознаменовало себя въ Восточной Сибири ревностью къ распространенію своей секты, фанатизмомъ, вытѣсненіемъ шаманства изъ-за Байкала и остановленіемъ успѣховъ христіанства между тамошними инородцами. Сверхъ-того, корыстолюбіе и распутство ламъ могли бы современемъ поглотить достояніе прихожанъ и превратить Забайкальскій Край въ монастырскую свою волость, если бы не были принимаемы время отъ времени мѣры къ ослабленію вліянія ламъ, уменьшеніемъ ихъ числа и наблюденіемъ за ихъ дѣйствіями. Не то, способы благосостоянія инородцевъ должны были бы, наконецъ, совершенно оскудѣть при разложеніи слѣдующихъ съ ламъ податей и повинностей на прихожанъ, при расходахъ, годъ отъ году возрастающихъ, на разныя духовныя требы, содержаніе кумиренъ и окладнаго духовенства. Можно приблизительно заключить, сколько въ этомъ отношеніи возрастала тягость общественная и сколь значителенъ въ сложности ущербъ народнаго богатства, когда постройка 19 большихъ кумиренъ бурятскихъ, которыя обыкновенно закладывали ламы, не испросивъ дозволенія начальства, и строили чрезъ поголовные сборы и

вынужденные вклады, безотчетно, обошлась, по показанію бандиды, хамбо́, болѣе, чѣмъ въ 800,000 руб., кромѣ небольшихъ кумирень, для которыхъ употребленное иждивеніе неизвѣстно.

Въ 1832 году обращено было вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) что вдохновенные ламы, пріѣзжающіе иногда въ Кяхту изъ *Урги* (столицы монгольскаго халханскаго *тушету-хана* (7), гдѣ находится и главное пограничное китайское управленіе), свободно сносятся съ нашими бурятскими ламами, которые завели тамъ значительную торговлю, хотя всѣ сношенія бурятскимъ ламамъ съ заграничными монгольскими еще въ 1741 году воспрещены подъ смертною казнію; 2) что сіи-то вдохновенные ламы, *хубилханы* (8) монгольскіе, узнавъ, что россійское правительство не препятствуетъ размноженію ламайскаго духовенства въ Забайкальскомъ Краѣ Сибири, поощряютъ тамошнихъ ламъ къ тому, чтобъ какъ-можно-болѣе распространить у насъ ламайскую іерархію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и владычество китайскаго ургинскаго *хутухты* (9) и тибетскаго далай-ламы, подданнаго богдо-хана, и 3) что вслѣдствіе таковыхъ внушеній и данной въ 1809 году забайкальскимъ ламамъ власти пресѣкать шаманство, глава ламайскаго духовенства въ Сибири, хамбо-лама, думаетъ пріобрѣсти потомственное право на завладѣніе всѣми бурятскими и тунгусскими племенами, такъ же, какъ хутухту китайскій, пребывающій въ Ургѣ, владѣетъ своими подданными хара-шабіями (10), и для достиженія этой цѣли разрѣшаетъ

---

(7) По замѣчанію г. Языкова, *тугаету-ханъ* значитъ пограничный воевода. Ср. т. XI «Энцик. Лекс.» По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Ургѣ два правителя: одинъ князь крови императорской (ванъ), другой губернаторъ (амбани). Всѣ сношенія съ иркутскимъ губернскимъ начальствомъ дѣлаются отъ имени ургинскихъ правителей: вана и амбани.

(8) *Хубилханъ* собственно значитъ переселеніе душъ, метампсихоза, но употреблятся и въ переносномъ смыслѣ для означенія перерожденцевъ, т. е. лицъ, очищающихся постепеннымъ перерожденіемъ въ органическихъ формахъ вселенной.

(9) По замѣчаніи професора Попова, *хутухту* значитъ святой, праведный и securityнаваніе это давалось прежде далай-ламой главнымъ ламамъ астраханскихъ калмыковъ. *Хутухты* означены въ перечнѣ г. Шмидта буддайскихъ жрецовъ и занимаютъ тамъ мѣста патріарховъ. Гр. Потоцкій тоже пишетъ, что первое мѣсто за далай-ламой занимаютъ въ ламайской іерархіи *семь хутухтъ*, что изъ нихъ шесть пребываютъ въ Тибетѣ, а седьмой въ Ургѣ на р. Толѣ, у подошвы горы Ханъ-улы и называется *гегенъ-хутухту*.

(10) Черный, т. е. свѣтскій слуга, что́ по замѣчанію иркутскаго губернскаго переводчика, г. Игумнова, весьма-похоже на бывшихъ у

ширетуевъ (начальниковъ дацановъ, или главныхъ ламъ при кумирняхъ), гэлуновъ и вообще старшихъ ламъ постригать всякаго и малолѣтняго и совершеннолѣтняго, безграмотнаго бурята и тунгуса въ ламы (11), или обаши, употребляя къ тому всякіе происки и хитрости и нарушая тѣмъ нетолько постановленія мѣстнаго сибирскаго начальства, которыми произвольное посвященіе въ духовное ламайское званіе строго воспрещается, но даже коренные догматы ламайской вѣры, по которымъ въ обаши должны быть посвящаемы дожившіе до старости и одержимые неизлечимыми болѣзнями, и каждый изъ посвятившихъ себя этому званію долженъ оставить свое семейство и переселиться въ монастырь (12). Напротивъ того, за Байкаломъ были примѣры посвященія ширетуями въ званіе обашіевъ малолѣтнихъ бурятъ, ранѣе семилѣтняго возраста, часто противъ воли родителей ихъ, которые не смѣютъ противиться, полагая, что такая власть предоставлена ламамъ начальствомъ. Случалось даже иногда, что постриженіе производилось на четвертомъ и на третьемъ году отъ рожденія. Обычай посвященія дѣтей въ духовное званіе между бурятами нѣчто въ родѣ древнихъ обѣтовъ евреевъ, дававшихъ ихъ Богу при какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ несчастій, или молитвъ. Напримѣръ, бурятка обѣщаетъ отдать сына въ ховароки или духовные, чтобъ избавиться отъ болѣзни, отвратить падежъ скота, призвать плодородіе, и проч. Ламы же уси-

---

насъ монастырскихъ крестьянъ; а мы къ этому прибавимъ, что ургинскіе хара-шабіи то̀ же, что̀ *шабинеры* калмыцкаго духовенства.

(11) На стр. 48-й, сочиненія «Поѣздка въ Забайкальскій Край», сказано: «Уваженіе и пристрастіе къ ламамъ столь велико, что каждое семейство хочетъ имѣть своего доморощеннаго ламу и оттого ламъ страшная фаланга...», а на стр. 436, Т. VII, «Энц. Лек.» находимъ слѣдующее: «Каждый бурятъ желалъ бы видѣть сына своего ламою, но если имѣетъ двоихъ, то одного непремѣнно посвящаетъ служенію Буддѣ, и оттого въ нѣкоторыхъ городахъ гораздо-болѣе духовныхъ, нежели прихожанъ. Не должно; однакожь, приписывать этого фанатизму: дѣло въ томъ, что лама не платитъ податей и живетъ насчетъ ближняго, что̀ весьма-удобно».

(12) «Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній или трибунала иностранныхъ дѣлъ», переведенное съ маньджурскаго на россійскій языкъ Степаномъ Липовцовымъ. С. П. Б. 1828 года. Замѣтимъ, что если у калмыковъ астраханскихъ правило это и соблюдается въ-отношеніи постриженія въ *убаши* или *даянчи* однихъ престарѣлыхъ и больныхъ, то, съ другой стороны, посвященіе каждаго третьяго сына калмыка въ званіе *манджи*, ученика вѣры, всегда было средствомъ тамошнихъ жрецовъ къ размноженію ихъ сословія, и потому совершенно соотвѣтствуетъ постриженію малолѣтнихъ бурятъ въ обаши.

ливаютъ расположеніе къ такимъ обѣтамъ между инородцами, тѣмъ-болѣе, что посвященіе ховароковъ составляетъ всегда родъ домашняго праздника и сопровождается подарками посвящающимъ и приношеніями на кумирни или дацаны. Такимъ-образомъ, обычай этотъ сдѣлался повсемѣстнымъ въ Забайкальѣ. Нѣтъ почти юрты, гдѣ бы изъ двухъ мальчиковъ не былъ одинъ постриженъ, а изъ четырехъ, навѣрно, найдете двухъ или болѣе ховароковъ. Есть отцы семействъ, у которыхъ одинъ сынъ и тотъ постриженъ.

При агинской кумирнѣ устроено высшее духовное училище, куда пріѣзжаютъ, для полученія духовнаго образованія, молодые люди изъ Монголіи и Маньджуріи; но бурятскихъ дѣтей, начинающихъ приготовляться къ духовному званію на 8 или 9 году, отдаютъ, обыкновенно, какому-нибудь старшему ламѣ. Выборомъ учителя располагаютъ связи родства и отношенія, а не познанія учителя, лишь бы цѣна за ученіе неслишкомъ была высока; зажиточные же и почетные инородцы нерѣдко берутъ изъ ламъ учителей въ домы; послѣдніе всегда почти бываютъ изъ молодыхъ, смышленыхъ ховароковъ, и замѣняютъ по хозяйству управляющихъ и экономовъ, распоряжаясь иногда всѣмъ, не выключая даже и женщинъ. Такимъ-образомъ, ховароки сперва учатся, а потомъ ѣздятъ по приходу читать книги на *хуралы* (13) и въ кумирни. Тогда отцы смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ богомольцовъ, и также жертвуютъ для нихъ всѣмъ.

Въ 1837 году сибирское ламайское духовенство обращено было попрежнему въ зависимость мѣстнаго начальства, наравнѣ съ прочими инородцами, и тогда составленіе и изданіе предположеннаго въ 1831 году особаго положенія или устава о ламахъ оказалось ненужнымъ, тѣмъ-болѣе, 1) что ламайское духовенство, по 3276 ст. учреж. губ. тома II (изд. 1832 г.), въ 1837 году Высочайше-подтвержденной и перешедшей въ примѣч. къ ст. 457, кн. 1 т. IX Свода Законовъ (изд. 1842 г.), не составляетъ въ общемъ порядкѣ управленія какого-либо особаго сословія, отличеннаго правами отъ прочихъ сибирскихъ инородцевъ, кромѣ изъятія отъ переписи (14), и за исключеніемъ 150 ламъ, которые, частными постановленіями мѣстнаго начальства, въ раз-

(13) Слово это, вѣроятно, соотвѣствуетъ калмыцкому *хурулъ*, означающему духовный обрядъ богослуженія, а въ переносномъ смыслѣ приходъ, кочевой монастырь и т. п.

(14) Прилож. къ ст. 1518, кн. 2, т. IX, Св. Законовъ, изд. 1842 г., глава X, отдѣл. II, § 6, пун. 11: въ перепись не вносятся ламы въ Сибири.

ное время состоявшимися, изъяты отъ платежа ясака; 2) и что многія и самыя существенныя изъ статей устава, по общей связи управленія сибирскими инородцами и неизъемлемости ламъ отъ дѣйствія степныхъ законовъ и зависимости отъ общаго губернскаго и инороднаго свѣтскаго начальства, вошли въ проектъ свода степныхъ законовъ ([15]).

Размноженію ламъ въ Забайкальскомъ Краѣ съ-тѣхъ-поръ содѣйствовало не одно рацовременное постриженіе въ ламы и ховароки, обратившееся въ обычай, но и произвольныя дѣйствія бандиды-хамбо по возведенію жрецовъ въ званіе старшихъ ламъ или гэлуновъ, учрежденію имъ особыхъ степеней іерархіи и удвоенію бандидою ихъ штатнаго комплекта при дацанахъ или кумирняхъ.

Такихъ духовныхъ степеней теперь девять: ямай-ламы, лосой-ламы, наэтинъ-ламы, чавехоръ-ламы, арабжей-ламы, гомон-ламы, джудьбы и гурумбы-ламы и пр. Всѣ эти лица имѣютъ обязанностью заботиться исключительно о распространенія, утвержденіи и огражденіи вѣры, а равно объ исполненіи въ точности предписываемыхъ закономъ обрядовъ со стороны прихожанъ; уполномочены, преимущественно предъ прочими, хоронить умершихъ, служить молебны и исполнять прочія требы въ улусахъ, почему непремѣнно должны быть и суть, безъ изъятія, *гэлуны*, то-есть старшіе ламы. Они благословляютъ народъ, касаясь головы благословляемаго зашитою и обвернутою въ шелковую ткань книжечкою, заключающею въ себѣ молитвы. Благословляемый склоняется предъ ламою, сложивъ обѣ ладони рукъ вмѣстѣ и прижавъ ихъ къ груди, или къ лицу. Получивъ благословеніе, онъ дѣлаетъ глубокій поклонъ и отходитъ, отступая назадъ, и невдругъ оборачивается къ ламѣ спиною ([16]).

Что же касается удвоенія числа духовныхъ при кумирняхъ, то это произошло слѣдующимъ образомъ: самыхъ должностныхъ духовныхъ лицъ, положенныхъ по штатамъ, каковы: ширетуи, соржеи, шонзобы, засаки, данамы и гыбгуи ([17]) поставлялось бандидою по два и по три при одномъ и томъ же дацанѣ. Такъ, у самого хамбы при гусино-

---

([15]) Изданнаго, какъ было уже замѣчено въ 1 главѣ этаго изложенія, въ 1841 году.

([16]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», часть 1, стр. 44.

([17]) *Гыбгуй, гебкуй, гебкой*—у калмыковъ *гебкю*—есть блюститель благочинія въ капищѣ, который у забайкальскихъ бурятъ, кромѣ этого, еще собираетъ приношенія отъ молельщиковъ, для раздѣленія всѣмъ участвовавшимъ въ служеніи ламамъ и ховарокамъ, смотря по ихъ степени.

озерскомъ дацанѣ, кромѣ прежняго стараго соржея ([18]), носящаго вмѣстѣ съ тѣмъ званіе совѣтника, бандары, былъ сдѣланъ другой, молодой соржей; полныхъ же два комплекта всѣхъ помянутыхъ лицъ находимъ при двухъ дацанахъ цартольскихъ и вообще почти всюду, гдѣ между прихожанами есть казаки и ясачные.

Всѣхъ вообще ламаитовъ находится въ Забайкальскомъ Краѣ по настоящее время — 49,805 человѣкъ м. п.

Между-тѣмъ, ламъ и ховароковъ насчитывается до 4350. Слѣдовательно, на каждыя 10 душъ мірянъ приходится круглымъ числомъ слишкомъ по 1 ламѣ. Но въ нѣкоторыхъ дацанахъ число прихожанъ по отношенію къ ламамъ сокращается болѣе, нежели на половину, такъ-что послѣдніе относятся къ первымъ какъ 1: 4 и даже 3. Примѣры можно видѣть въ дацанахъ: главномъ гусиноозерскомъ, цонгольскомъ и атагановомъ адайскомъ.

Въ первой изъ этихъ кумирень число духовныхъ простирается до 435 человѣкъ; а прихожанъ м. п. 1791 душа. Во второй ламъ и ховароковъ 690, прихожанъ 2684; въ третьей же ламъ 91, прихожанъ едва только 259 человѣкъ. Число дацановъ или кумирень простирается нынѣ до 176; а цѣнность слишкомъ на 872 т. р сер.

То и другое показанія взяты изъ отчетовъ бандиды-хамбо́. Что касается числа дацановъ, оно вѣрно; но въ цѣнности можно нѣсколько усомниться. По приблизительнымъ соображеніямъ, сумма, употребленная на устройство всѣхъ кумирень, должна простираться, по-крайней-мѣрѣ, до 1,500,000 р. сер. Къ этому заключенію ведетъ, *во-первыхъ*, то, что съ 1838 года число дацановъ и кумирень увеличилось 92, болѣе нежели вполовину противъ существовавшаго до 1838 года, а *во-вторыхъ*, не далѣе, какъ лѣтъ двадцать назадъ, кромѣ многихъ другихъ значительныхъ построекъ, воздвигнуты вновь дацаны глыгажинскій на Оронгоѣ, загустайскій, вблизи селенгинскаго соловареннаго завода и второй сартульскій-гыгетуйскій, въ 10 или 15 саженяхъ отъ стараго, довольно еще крѣпкаго и значительнаго по своей величинѣ. Каждый изъ этихъ дацановъ, по словамъ мѣстныхъ ширетуевъ, обошелся, по-крайней-мѣрѣ, въ 25,000 руб., не говоря уже о немаловажныхъ почти-заново перестройкахъ дацановъ адагатайскаго, табангутскаго и втораго сартульскаго. Бандида легко могъ ошибиться въ своихъ вычисленіяхъ о цѣнности дацановъ, потому-что отчетности, какъ по постройкамъ, такъ и вообще по всему церковному имуществу ламаитовъ, никакой почти нѣтъ. Если же есть кой-какія описи, то ни-

---

([18]) То́ же, что́ у астраханскихъ калмыковъ *цорджи*.

кѣмъ неповѣренныя и неусчитанныя. Притомъ бандида получаетъ ихъ весьма-поздно. Такъ, еще доселѣ недоставленъ ему отчетъ о постройкахъ кумирни загустайской ([19]).

Вся сумма для построекъ, которыя нѣсколько сократились назадъ неболѣе пяти лѣтъ, собрана была, конечно, съ обществъ. На предметъ построекъ и обзаведенія всѣмъ нужнымъ для служенія, при каждомъ дацанѣ есть свои табуны, извѣстные подъ именемъ *жоссеевъ*, или священныхъ табуновъ, составляющіеся изъ приношеній послѣ умершихъ; но какъ ни велико число этихъ табуновъ, одного этого средства нетолько на новыя постройки, но и на ремонтное содержаніе старыхъ зданій далеко недостаточно, тѣмъ-болѣе, что на этотъ предметъ со стороны главнаго духовнаго ламайскаго начальства не обращается рѣшительно никакого вниманія, и половина пожертвованій въ кумирни расходится по рукамъ ширетуевъ, соржеевъ и шонзабъ.

Ремонтъ зданій, а также содержаніе ламъ и ховароковъ во дни собраній на молитву при кумирняхъ, и нынѣ падаетъ, попрежнему, на бѣдныхъ инородцевъ.

Ламы собираются на служеніе каждый мѣсяцъ, къ 15 числу луны, и каждый разъ молитва ихъ продолжается до трехъ дней ([20]). Есть также особыя годовыя празднества, каковы, напримѣръ: бѣлый мѣсяцъ, или праздникъ новогодія въ февралѣ ([21]), ганджура-иліумъ, или чтенія священныхъ книгъ и проч.—въ іюнѣ. Первый продолжается 7, а второй 15 дней. Кромѣ-того, бываютъ собранія во время лѣта и весны при бунханахъ, въ честь времени года, сопровождаемыя обыкновенно борьбою, бѣгомъ, скачкою на лошадяхъ и проч. Сумма всѣхъ таковыхъ праздниковъ и часовъ молитвословій при дацанахъ простирается ежегодно отъ 50 до 55 дней. Все это время ламы и ховароки ѣдятъ и

([19]) Въ 1 части «Поѣздка въ Забакальскій Край», на стр. 50 сказано, что «кумирни имѣютъ свою канцелярію и при каждой кумирнѣ находится родъ старосты, избираемый отъ обществъ, изъ почетныхъ людей; на его обязанности лежитъ храненіе, приходъ и расходъ кумиренныхъ вкладовъ и отчетность въ цѣлости кумирнаго стада; но дѣйствія старосты зависятъ отъ согласія кумирнаго присутствія».

([20]) У астраханскихъ калмыковъ 8, 15 и 30 числа мѣсяца суть дни поста и молитвы и называются *мацакъ* (ср. глава IV, статья «Калмыки»).

([21]) Въ то же время китайцы празднуютъ тотъ же праздникъ бѣлаго мѣсяца или новый годъ (ср. «Поѣздка въ Забайкальскій Край» ч. 1, стр.60, 87, 96 и 100), что дѣлаютъ тогда же и астраханскіе калмыки (Ср. глава IV, статьи «Калмыки»—описаніе праздника *цаган-сара*).

пьютъ на счетъ обществъ; въ каждый день, каждому дацану, прихожане, раздѣленные на десятки, обязаны доставлять поочереди, чрезъ голову или зайсана, одного быка, трехъ барановъ, одинъ кирпичъ чая (22), извѣстное количество муки, молока, масла и проч. Въ большіе же годовые праздники все это количество припасовъ удвоивается и, кромѣ-того, привозится отъ очередныхъ десятковъ по одному или по два ведра вина, а въ нѣкоторыхъ приходахъ собираются и деньги, отъ 10 до 20 р.

Послѣ этого можно судить, сколь отяготительно должно быть умноженіе духовныхъ и кумирень для благосостоянія поклонниковъ ламайскаго закона, особенно, если возьмемъ во вниманіе продолжающуюся и до-сихъ-поръ уплату за нѣкоторыхъ изъ ламъ, обществами податей и повинностей (23), а тѣмъ-болѣе разорительныя слѣдствія присвоенныхъ съ давняго времени всѣми вообще духовными лицами особыхъ, исключительныхъ правъ наслѣдства. Въ силу такихъ правъ, каждый лама получаетъ послѣ отца своего бо́льшую часть предъ прочими братьями и скота, и денегъ, и одежды, и даже лучшій участокъ земли, а по смерти своей передаетъ почти все имѣніе или такому же, какъ самъ, ламѣ, или въ кумирни, отчего родовыя имѣнія видимо истощаются и нѣкоторыя изъ прежде бывшихъ зажиточныхъ семействъ доходятъ до послѣдней крайности.

Дѣйствуя столь-разрушительно на благосостояніе общества прихожанъ, чрезмѣрное умноженіе ламъ дѣйствуетъ, въ тоже время, равно невыгодно и на внутреннее состояніе управленія и нравственность самого духовенства.

Духовное управленіе сибирскихъ ламаитовъ раздѣляется теперь на три округа: *гусиноозерскій*, *чикойскій* и *кудинскій*.

Въ первомъ живетъ самъ бандида-хамбо́; въ двухъ остальныхъ по одному изъ его помощниковъ.

Но надзоръ духовнаго начальства за поведеніемъ ламъ затрудняется разстояніемъ одного округа отъ другаго и обширностью протаженія каждаго изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, кудинскій округъ, заключая въ себѣ Братскую и Агинскую степи, тянется отъ верхнеудинскаго до нерчинскаго округовъ и далѣе, такъ, что нѣкоторыя кудинскія кумирни от-

(22) По замѣчанію отца Іакинѳа (Обозр. Ойратовъ, С. П. Б. 1834 г., стр. 236), мѣсто или ящикъ кирпичнаго чая содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плито́къ чая, изъ коихъ каждая вѣситъ около 3½ фунтовъ.

(23) По-крайней-мѣрѣ, за старшихъ ламъ, каковы гэлуны 9 духовныхъ степеней, соржеи, ширетуи и шонзабы, и проч. Въ этомъ откровенно признается ширетуй и соржей адагатайской кумирни. Ховароки тоже неплательщики и неработники.

стоятъ отъ мѣста жительства управляющаго кудинскимъ округомъ помощника бандиды слишкомъ на 500 верстъ.

По этому-то положеніе забайкальскаго ламайскаго духовенства еще недавно не представляло ничего утѣшительнаго ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, и невѣжество ихъ нисколько не выкупалось ихъ жизнію.

Принужденные, по многолюдству своему, жить разсѣянно по улусамъ и кочевьямъ своихъ родственниковъ, иногда далеко отстоящимъ отъ кумирень ([24]), ламы разгуливаютъ изъ юрты въ юрту, гдѣ ихъ принимаютъ съ величайшимъ почтеніемъ и подчиваютъ всѣмъ, что́ только хозяинъ имѣетъ лучшаго и завѣтнаго—на то время все въ юртѣ принадлежитъ ламѣ, не исключая ничего... а посѣщеніе ширетуя бываетъ каждый разъ поводомъ къ празднеству ([25]).

Отдаленностью пребыванія многихъ ламъ отъ кумирень и сожительствомъ ихъ съ мірянами, очевидно, затрудняется надзоръ главнаго духовнаго начальства за поведеніемъ и исполненіемъ обязанностей со стороны подчиненныхъ. Отсюда, при недостаткѣ образованія духовнаго ламайскаго сословія вообще, вытекаетъ новое и большое зло — повсемѣстный почти развратъ.

Пьянство и праздношатательство составляютъ первый изъ числа пороковъ ламайскаго духовенства. Весною, лѣтомъ, даже до глубокой осени, то-есть, въ продолженіи всего времени пьянства бурятъ, почти на каждомъ шагу, встрѣчаете между ламами, не выключая и главныхъ правителей дацановъ, самые отвратительные примѣры невоздержанія.

Другой, немемѣе важный, какъ самъ въ себѣ, такъ и по послѣдствіямъ, порокъ ламъ — любострастіе.

У каждаго ламы, за исключеніемъ весьма-немногихъ стариковъ, есть домоправительница, или такъ-называемая *шабинка*. Нѣкоторые же изъ ламъ держатъ иногда по двѣ и по три шабинки или наложницы ([26]).

([24]) Такъ, напримѣръ, ширейтуй сартульскаго дацана живетъ за 30 верстъ, ширейтуй цонгольскаго, загустайскаго и почетный лама кудинскаго, Гангадаевъ, за 40, шонзаба и засанъ гингожинскаго за 50, а засанъ главнаго кудинскаго, Хороковъ, за 80 верстъ и т. д.

([25]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», часть 1, стр. 43.

([26]) Укажемъ нѣсколькихъ изъ главныхъ, почетныхъ ламъ. Первый, управляющій кудинскимъ округомъ, ширетуй Цувановъ, цорай Цыбиковъ, гычатуевскаго дацана ширетуй и соржей Болдашіевъ, галтайскаго ширетуй Арновъ, чисанскаго Солдуевъ, галгажинскаго Шамитъ-Богоровъ, онинскаго Шураковъ и соржей Нилынгаевъ. У многихъ изъ нихъ есть дѣти. Двѣ наложницы у бандиды-хамбо и

Побочные сыновья, извѣстные подъ именемъ *племянниковъ*, всегда почти наслѣдуютъ достоинство своихъ отцовъ. Примѣръ этому видимъ въ лицѣ нынѣшняго бандиды-хамбо́. Будучи сыномъ покойнаго, онъ, въ свою очередь, имѣетъ также у себя побочнаго сына, мальчика лѣтъ четырнадцати, который, несмотря на свою молодость и неграмотность, успѣлъ уже и теперь, при посредствѣ родныхъ, достичь почетной должности соржея главной гусиноозерской кумирни, а современемъ, навѣрно, наслѣдуетъ и хамбинское достоинство. Когда же случается, что бандида-хамбо́ умираетъ, не заготовивъ себѣ заранѣе въ преемники какого-нибудь племянника, то въ хамбы возводится достойнѣйшій изъ ширетуевъ, по выборамъ ламъ и общества и съ утвержденія правительства.

Имѣть женъ, или наложницъ не считается даже преступленіемъ. Обыкновеніе это до-того обобщилось, что нѣкоторые ламы женятся и празднуютъ свадьбы свои всенародно (27).

При заключеніи же подобныхъ союзовъ ламы стараются сколько возможно родниться съ значительными, по богатству и заслугамъ, родоначальниками, дабы тѣмъ-болѣе усиливать вліяніе свое на простой классъ инородцёвъ и на управленіе дѣлами обществъ, и здѣсь-то, кажется, начало всѣхъ раздоровъ и партій, безъ которыхъ не обходился ни одинъ выборъ головъ и тайшей (28).

Говоря о безпорядкѣ и своеволіи по управленію ламъ, распутствѣ и нечестіи ихъ въ быту домашнемъ, нельзя пройти молчаніемъ лицемѣріе, гордость и низость, составляющія, по свидѣтельству одного очевидца образа жизни и дѣйствій забайкальскихъ ламъ, общую черту ихъ характера.

Въ довершеніе всѣхъ этихъ пороковъ, любостяжаніе ламъ нерѣдко доходитъ до насилія.

Средства къ позволенному и непозволенному обогащенію ихъ суть слѣдующія:

соржея Дылбыкова. Наложницы обыкновенно или разводни, или жены родственниковъ.

(27) Еще недавно подобная свадьба праздновалась у втораго хоринскаго тайши Бадмы, Павлова. На дочери его женился шонзаба агинскаго дацана, Сурхайна Баентуевъ.

(28) Примѣры недалеки. Извѣстно, какъ сильно дѣйствовалъ при избраніи тайши у хоринскихъ бурятъ управляющій кудинскимъ округомъ Цуваковъ, и сколько настояній нужно было употребить прежде, чѣмъ заставили его дать, наконецъ, подписку о прекращеніи безчисленныхъ искательствъ его въ пользу партіи Джигджидова.

1) Плата за разрѣшеніе на постройку кумирень и часовень, а равно взимаемая съ каждой изъ нихъ бандидою ежегодная подать по двадцати-пяти рублей.

2) Плата за постриженіе въ ховароки и самое постриженіе въ ламы.

3) Раздача *сайголонсоновъ*, или бумажекъ съ изображеніемъ бурхановъ и молитвъ, ежегодное пріобрѣтеніе коихъ вновь поставляется ламами въ непремѣнную обязанность каждому бурату-ламаиту. Эти бумажки носятъ на груди, въ небольшихъ кожаныхъ мѣшечкахъ; ламы говорятъ, что неимѣющій сайголонсона, не есть истинный исповѣдникъ шикгэмуніевой вѣры и не можетъ надѣяться на отпущеніе грѣховъ. Плата за этотъ родъ индульгенцій назначается: у бѣдныхъ отъ одного рубля до пяти, а у богатыхъ и до двадцати-пяти руб. Конечно, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ явнаго насилія, но, принимая въ соображеніе вліяніе ламъ на умы суевѣрно и подобострастно преданныхъ имъ буратъ, считающихъ каждое слово ламы закономъ — нельзя не назвать подобную раздачу хотя и косвеннымъ, но почти всеобщимъ налогомъ.

4) Раздача *ортимже*, священныхъ перевязей или поясовъ ([29]), съ полученіемъ которыхъ сопрягается посвященіе въ званіе обашіевъ и вмѣстѣ обѣтъ, со стороны принимающихъ оные, не убивать никакого животнаго, не ѣсть нечистаго и проч. Ортимже дается ламами обыкновенно въ знакъ особеннаго благоволенія за чистоту нравственности, болѣе же во время болѣзни, какъ талисманъ здоровья и счастія; но, вѣроятно, всѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, половина буратъ, въ-особенности хотя сколько-нибудь зажиточныхъ, начиная съ тайшей, шуленгъ, казачьихъ атамановъ и сотниковъ до простыхъ родовичей и казаковъ включительно, отъ стариковъ до шестнадцатилѣтнихъ юношей, илибыли больны, или оказали какія-нибудь особенныя заслуги въ глазахъ ламъ; по-крайней-мѣрѣ, рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ подобнаго талисмана. За поясъ, будетъ ли онъ шелковый, или бумажный, лишь бы непремѣнно красный, платится отъ 5 до 10 и 15 руб., смотря тоже по состоянію и обстоятельствамъ. Ортимже также дается и женщинамъ; онѣ носятъ его черезъ плечо. «Обрядъ носить эти красныя ленты, завязанныя на боку бантомъ, съ долгими, опущенными концами», замѣчаетъ одинъ очевидецъ быта нашихъ монголовъ, «въ сущности походитъ болѣе на щегольство, нежели на религіозное правило: сколько я ни видалъ монго-

---

([29]) У астраханскихъ калмыковъ *оркимджи* иди *оркимчжи*. (Ср. «Свѣд. о Волж. калмыкахъ», стр. 153, и «Замѣчанія о приволжскихъ калмыкахъ», стр. 28).

локъ, молоденькихъ и старухъ, бѣдныхъ и богатыхъ, у всѣхъ у нихъ красная лента».

5) Леченіе больныхъ и огражденіе отъ навожденія злыхъ духовъ. Шарлатанство ламъ въ этомъ случаѣ превышаетъ почти всякое вѣроятіе и оканчивается иногда для больнаго лишеніемъ послѣдней собственности. Вотъ что́ повѣствуетъ тотъ же путешественникъ о нѣкоторыхъ сверхъестественныхъ средствахъ врачеванія, употребляемыхъ ламами, похожихъ на колдовство и заклинанія:

«Когда ламу призовутъ къ больному, онъ, разспросивъ его о болѣзни, беретъ принесенную съ собою книгу и, такъ-сказать, ворожитъ по ней: чѣмъ лечить больнаго и какой при этомъ случаѣ совершить молебенъ? Молебенъ необходимое условіе ламайскаго леченія. Вычитавъ въ книгѣ, что молебенъ долженъ сопровождаться такими-то обрядами, и что болѣзнь происходитъ отъ вліянія такого-то злаго духа, котораго должно отогнать извѣстными ему молитвами, честный лама приглашаетъ своихъ собратовъ, чаще къ ночи, въ юрту больнаго, со всѣми препаратами. Въ юртѣ въ это время горитъ обыкновенно большой огонь, а на огнѣ стоитъ огромная чаша со свѣжею бараниною — для мрачныхъ сыновъ эскулапа. Противъ больнаго ставятъ маленькую скамейку, покрытую деревянными и слѣпленными изъ тѣста уродцами. Это злые духи. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ лоскутья: это мнимое изображеніе хозяина и его семейства. Уродцы въ лоскутьяхъ вооружены копейцами. Больной долженъ сидѣть, или лежать, лицомъ къ тѣмъ изображеніямъ. Начинается леченіе.

«Ламы садятся, по чинамъ, въ полукругѣ, лицомъ къ огню и больному, на войлоки, обшитые цвѣтнымъ сукномъ, раскрываютъ свои книги и начинаютъ, одинъ за другимъ, уныло урчать свои молитвы и заклинанія; потомъ, вдругъ, старшій лама зазвенитъ въ колокольчикъ, или ударитъ въ трещотку, другой за нимъ колотушкою въ преогромный бубенъ, слѣдующіе въ тазы, тотъ въ маленькой бубенъ, зарычатъ трубы и раковины, и начнется хаосъ пронзительныхъ, дикихъ звуковъ, продолжающійся минуты съ три; потомъ старшій лама подаетъ знакъ, и разомъ все утихаетъ. Начинаютъ опять читать, опять слѣдуетъ стукотня и шумъ, возвышающіяся, или опадающія, смотря по восторгамъ дѣйствующихъ лицъ и усердію ихъ къ благодарному хозяину. Этотъ гамъ продолжается далѣе полуночи, и потомъ старшій лама, исковеркавъ безъ милосердія изображенія неpріязненныхъ духовъ, приказываетъ одному изъ ламъ отнесть ихъ и бросить въ ту сторону, куда опять указала книга. Если послѣ одного пріема такого рода лекарства больной не

воздоровѣетъ, то повторяютъ дѣйствіе нѣсколько разъ, и доколотятся, наконецъ, до того, что онъ или умретъ, или выздоровѣетъ.»

6) Плата за погребеніе умершихъ. По понятіямъ ламаитовъ, лучшіе и почетнѣйшіе роды погребенія суть зарытіе трупа въ землю, или оставленіе его въ гробу, на воздухѣ. Чести втораго рода погребенія удостоиваютъ ламы только благочестивѣйшихъ, или вѣрнѣе сказать, зажиточнѣйшихъ бурятъ, причемъ бываетъ еще и тó, что выжидаютъ для похоронъ счастливаго дня; близость же его, или дальность опредѣляется, по бóльшей части, степенью усердія и приношеніями со стороны родныхъ умершаго, такъ, что при недостаткѣ послѣднихъ, иногда день этотъ приходитъ тогда, когда трупъ начинаетъ уже въ юртѣ подвергаться гніенію. Шарлатанство жрецовъ заключается здѣсь въ увѣреніяхъ, что они читаютъ и вычитываютъ изъ своихъ книгъ, кáкъ похоронить умершаго? Тѣла рѣдко сожигаются. Ламы говорятъ, что «дымъ грѣшника оскверннтъ небо». Замѣчательнѣйшая церемонія погребенія бываетъ при смерти хамбо-ламы. Умершій въ 1834 году былъ погребенъ великолѣпно, гробъ его поставленъ въ клѣтку, въ родѣ часовни. На вопросъ —«чтó это значитъ?»—тамошніе инородцы отвѣчаютъ—«такъ вышло ему по книгамъ» ([30]).

Обратимся къ выгодамъ, извлекаемымъ ламами изъ погребенія міранъ. Коренной обычай при погребеніи таковъ, что вся одежда, лучшая лошадь, упряжь и сѣдло умершаго непремѣнно поступаютъ всегда въ руки ламъ. Нерѣдко же похороны поглощаютъ и гораздо-бóльшую, еще значительнѣйшую часть всего наслѣдства дѣтей. Такъ погребеніе, въ 1834 году, отца втораго селенгинскаго тайши Вампилова, и брата его, въ 1836 году, стоило семействамъ ихъ до 1000 головъ разнаго скота, и при этомъ отдано ламамъ шесть мѣстъ кирпичнаго чая, нѣсколько кусковъ матеріи, до 5-ти шубъ, всѣ шапки покойниковъ, серебряныя чарки, табакерки и проч., цѣнность чего составила бы на деньги всего, по-крайней-мѣрѣ, до 60 тысячъ рублей асс.

При изложенныхъ выше позволенныхъ и непозволенныхъ средствахъ къ обогащенію, ламайское духовенство не упускаетъ изъ виду также и выгодъ торговли. Оно вообще богато, и есть ламы, имѣющіе отъ одной до двухъ и до пяти тысячъ барановъ.

Рѣдкій изъ ламъ, или самъ, или чрезъ повѣренныхъ, не гоняетъ въ Маймачинъ по нѣскольку сотъ головъ табуна, для промѣна. Мѣновая торговля эта, дозволенная, впрочемъ, по существующимъ узаконеніямъ,

---

([30]) «Поѣздка въ Забайкальскій Край», часть I, стр. 59.

всѣмъ вообще жителямъ Забайкальскаго Края, доставляетъ ламамъ, при изворотливости ихъ и вліяніи на простой классъ инородцевъ, по-крайней-мѣрѣ, проценты на проценты. Кромѣ-того, она служитъ для нихъ и прикрытіемъ сношеній съ ламами заграничными, которые, хотя въ меньшей степени, продолжаются и понынѣ. Мѣстомъ сношеній избраны, въ настоящее время, преимущественно двѣ маймачинскія *фузы* или лавки: первая, торгующаго ревенемъ, бухарца Ваджеба, и вторая, торговца сансинской провинціи, китайца Сунъ-и-ченъ.

Здѣсь обыкновенно ведутся переговоры нашими ламами съ пріѣзжающими изъ урочища Ыбекъ *хубилганами* и *нербами* ургинскаго хутухты, главнаго хутухты восточныхъ монголовъ ([31]). Послѣдніе привозятъ иногда подарки и благословенія отъ своихъ первосвященниковъ и всегда получаютъ за нихъ значительныя приношенія. Приношенія бурятъ хутухтѣ заключаются бо́льшею частію въ мѣдной и серебряной монетѣ, черно-бурыхъ и простыхъ лисицахъ, а болѣе въ слиткахъ серебра, которые, при посредствѣ двухъ помянутыхъ факторовъ Ваджеба и Сунъ-и-ченъ, выручаются ими за кирпичный чай, вымѣниваемый бурятами первоначально на домашнія произведенія и табуны. Это дѣлается вотъ ка́къ: невсегда удается пронести что́-либо за границу, по причинѣ строгаго надзора, а между-тѣмъ, товаръ или табунъ, стоющій по тарифу, напримѣръ, 50, несмотря на то, можетъ быть промѣненъ и за 30 китайскихъ рублей; потому-то лама, или инородецъ, промѣнявъ проведенныхъ имъ барановъ или лошадей за 50 руб. или сто кирпичей чаю, не боясь никакого учета и сдѣлавъ только сдѣлку съ толмачемъ, выходитъ обратно чрезъ черту границы, вымѣнивъ китайскихъ товаровъ только на 30 руб., и такимъ образомъ легко оставляетъ тамъ причитающіеся на остальную сумму 40 кирпичей; кирпичи эти хранятся обыкновенно въ означенныхъ двухъ фузахъ, пока не соберется ихъ довольное количество и пока хозяева тѣхъ лавокъ не успѣютъ промѣнять ихъ на слитки серебра, или русскій товаръ, лисицъ и пр., которые послѣ и вручаютъ, разумѣется, не безъ выгодъ и для себя, поклонникамъ,

([31]) Урочище *Ыбекъ* лежитъ отъ Маймачина въ 100 верстахъ, между рѣками Селенгою и Орхономъ и есть мѣсто погребенія гыгеновъ, перерожденцевъ, помѣщающихся въ богатѣйшемъ дацанѣ, выстроенномъ по повелѣнію императора Кансія. Пріѣздъ хубилгановъ и нербъ отъ хутухты невсегда постояненъ, бо́льшею же частію они пріѣзжаютъ въ исходѣ весны, когда начинаютъ гнать въ Маймачинъ табуны, для промѣна, и зимою, въ праздникъ бѣлаго мѣсяца, во время вольной мѣновой кяхтинской расторжки.

довольнымъ, съ своей стороны, тѣмъ, что успѣли получить что̀ поднести въ подарокъ пріѣзжимъ гостямъ.

Количество такихъ приношеній, обратившихся съ давнихъ времен едвали не въ постоянную подать, простирается ежегодно, какъ говорятъ, за 50 т. руб. и доставляется хутухтѣ чрезъ особаго шонзабу, посылаемаго имъ въ Маймачинъ, за покупкою подарковъ для китайскихъ хановъ. Для этихъ подарковъ идутъ преимущественно: двуличневое, алое и синее сукна, бобры, иностранныя выдры, лисицы и проч.

О сношеніяхъ на прочихъ пунктахъ границы нѣчего и говорить. Вообще, сношенія на границѣ нерѣдки и чрезвычайно-удобны, ибо отъ Урги до Ключевскаго Караула за чертою границы лежитъ халхасское вѣдомство, обитатели котораго, какъ извѣстно, ламаиты.

Буряты знаютъ напередъ, когда кто изъ гыгеновъ (32) проѣзжаетъ вблизи нашихъ карауловъ, и не упускаютъ ни одного случая воспользоваться симъ для поклоненія этимъ избранникамъ. Примѣръ тому былъ недавно между Часучеевскимъ и Колосутуевскимъ Караулами, гдѣ въ этотъ разъ задержано нашею пограничною стражею до 82 человѣкъ, покушавшихся перейти границу, и въ томъ числѣ 4 гэлуна и 12 другихъ ламъ и ховароковъ. Поводомъ къ путешествію ихъ былъ проѣздъ одного изъ монгольскихъ ламъ, гыген-куген-хутухту, обитающаго недалеко отъ Урги, при урочищѣ Хутухтуй-курень (33). Онъ посѣщалъ, по обычаю, китайскіе караулы и, достигнувъ караула Гезечей, что противъ нашего Колосутуевскаго, остановился здѣсь для отдыха, а, быть-можетъ, и ожиданія поклонниковъ, намѣреваясь пробыть до 7 дней, и въ это-то время нѣкоторые буряты и тунгусы, вѣроятно-заранѣе промыслившіе о путешествіи столь-знаменитой особы, вздумали отправиться къ нему на поклонъ. Опасаясь бдительности пограничной стражи и желая достигнуть цѣли своей, они, оставивъ въ сторонѣ

(32) На стр. 60, части 2 «Поѣздки въ Забайкальскій Край» сказано, что забайкальскіе ламы вѣрятъ святости заграничнаго гыгена хутухту, или перерожденца, который, по вѣрѣ монголовъ, есть существо святое въ образѣ человѣка, никогда неумирающее. Гыгенъ-старецъ вдругъ перерождается въ мальчика и живетъ до слѣдующаго перерожденія, и т. д. Изъ двухъ гыгеновъ, ургинскаго и тибетскаго, которые оба святы и безсмертны, тибетскій выше святостью. Онъ посылаетъ благословеніе къ китайскому императору и получаетъ отъ него иногда письма. Гыгенъ для народа незримое существо, окруженное чащею ламъ; онъ ихъ невольникъ.

(33) *Курень* означаетъ у тибетцевъ юрту или кибитку духовнаго лица—то же, что̀ у калмыковъ *кюре* (Ср. «Опис. Тибета», стр. 212).

обычные перевозы, переправились чрезъ рѣку Ононъ въ мѣстахъ пустынныхъ и, дѣлая въ ночное время объѣзды въ 60 и 70 верстъ, достигли уже рѣки Аманка. Оставалось до границы неболѣе 10 верстъ и они вѣрно-бы перешли ее, еслибъ не приставъ, который, бывъ предувѣдомленъ о намѣреніи ихъ, усилилъ секретнымъ образомъ линію разъѣздовъ между обоими караулами. Съ путешественниками было 148 лучшихъ лошадей, до 50 руб. мелкою серебряною и мѣдною монетою, двѣ дюжины платковъ, нѣсколько аршинъ верверету и проч. вещей, приготовленныхъ ими, вѣроятно, для подарка гыгену.

Зависимость забайкальскаго ламайскаго духовенства отъ заграничныхъ ламъ поддерживается тѣмъ болѣе, что, выключая пріобрѣтеніе отъ нихъ священныхъ тибетскихъ книгъ и бурхановъ ([34]), самое утвержденіе начальствомъ, если не всѣхъ, то старшихъ ламъ, въ занимаемыхъ должностяхъ, особенно бандиды-хамбó, безъ особеннаго письменнаго свидѣтельства на тó хутухты, въ глазахъ прочихъ служителей вѣры шигкэмуни и простаго народа до-сихъ-поръ считается недостаточнымъ.

Говорятъ, что такую граммату имѣть долженъ и настоящій бандида, по примѣру своего предшественника, равно какъ есть подобная граммата

([34]) У нашихъ ламайцевъ нѣтъ своихъ типографій, списывать же тибетскія книги не всѣ умѣютъ; притомъ писанныя считаются нетакъ священными, какъ печатныя, привозимыя изъ-заграницы. Изображенія бурхановъ особенно на холстѣ, хотя при нѣкоторыхъ старинныхъ дацанахъ и пишутъ, но мѣдныхъ отливать не умѣютъ; къ-тому же въ бурханахъ главное не истуканъ, а молитва и благословеніе далай-ламы, да пепелъ угодниковъ ламайскихъ, чтó все находится въ срединѣ бурхановъ, вмѣстѣ съ благовонными травами; такіе бурханы получаются только изъ Тибета, гдѣ они продаются на вѣсъ золота. Замѣтимъ, что это свѣдѣнія новѣйшія, между-тѣмъ, какъ, тому лѣтъ десять, бурятскіе ламы нетолько списывали у себя въ кумиренныхъ юртахъ монгольскія и тибетскія книги, но иногда и перепечатывались онѣ тамъ ксилографически, посредствомъ стереотипныхъ досокъ. Кромѣ-того, какъ замѣтилъ тогда г. Джуліани, многіе изъ бурятскихъ ламъ «превосходные каллиграфы и весьма-примѣчательные рисовальщики въ китайскомъ вкусѣ: экземпляръ *Ганджура*, священной книги буддистовъ, который два молодые бурята списали для барона Шиллинга фон-Канштадта, украшенный множествомъ рисунковъ и пышными заглавными листами, въ-состояніи удивить всякаго искусствомъ, какого обыкновенно не предполагаютъ въ питомцѣ степей, заключенномъ въ дымной юртѣ, откуда, казалось бы, должно быть изгнано всякое умственное занятіе»... («Энцикл. Лекс.», Т. VII, Спб., 1836 г., стр. 436.).

на степень соржея у совѣтника бандиды, Голебаева. Бандида пріобрѣлъ ее не вскорѣ по вступленіи въ должность, но спустя болѣе года послѣ, именно въ іюнѣ или іюлѣ 1839 г., когда былъ въ Забайкальскомъ Краѣ заграничный лама, такъ-называвшійся шаби-хутухту, или нарочно отъ него посланный. Этотъ шаби-хутухту переѣхалъ границу, какъ разсказываютъ, въ Мензинскомъ Караулѣ, куда отъ бандиды-хамбо, вѣроятно ожидавшаго его пріѣзда, высланъ былъ заблаговременно, для встрѣчи, почетный лама. Гость пробылъ у хамбо три дня и возвратился тѣмъ же путемъ. Его видѣли также на Оргоѣ, у бригаднаго начальника Атаганова полка и соржея Арамэилова. Существованіе письменныхъ сношеній подкрѣпляется нѣкоторымъ образомъ и присылаемыми время отъ времени отъ хутухты извѣщеніями о днѣ и мѣстѣ рожденія въ Забайкальскомъ Краѣ хубилхановъ. Объ этихъ извѣщеніяхъ однажды проговорился самъ бандида. Хубилхановъ было въ Забайкальскомъ Краѣ уже нѣсколько. Такъ, званіемъ хубилхана пользовался одинъ почтенный старецъ, жившій въ урочищѣ Хингадайскомъ, недалеко отъ Усть-Кяхты, и его племянникъ, а равно и сынъ табангутскаго ширетуя, Туртулунъ Тумпуевъ. Гробницу послѣдняго и теперь показываютъ еще вблизи табангутской кумирни. Одинъ изъ хубилхановъ есть и нынѣ въ нерчинскомъ округѣ, въ Ульхунскомъ Караулѣ, мальчикъ лѣтъ 12, сынъ простаго тунгузскаго казака. Вмѣстѣ же съ сношеніями бурятскихъ ламъ съ заграничными поддерживаются между первыми замѣченные уже прежде фанатизмъ и своевольство.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе вниманія, обращеннаго мѣстнымъ начальствомъ на дѣйствія ламъ вообще, преслѣдованія шамановъ видимо начали уже ограничиваться однѣми лишь проповѣдями миссіонеровъ, посылаемыхъ бандидою и его помощниками (35); но и здѣсь не обходится иногда безъ своеволія и насилія, причемъ нерѣдко отбираются у шамановъ всѣ вещи, принадлежащія къ ихъ служенію.

Замѣчательно, что особенно-дѣятельная ревность въ преслѣдованіи шамановъ проявлялась въ томъ же году, когда пріѣзжалъ шаби-хутухту. Стараясь всѣми возможными способами о пріобрѣтеніи большаго числа послѣдователей шикгэмунію, миссіонеры эти пугаютъ обыкновенно робкое воображеніе шаманцевъ разными нелѣпыми выдумками, насчетъ ожидающей ихъ въ будущемъ судьбы, и даже ссылаются въ томъ на

(35) Подобнаго посланника недавно видѣли на Агинской степи. Это лама Тубдынъ Шильбылевъ, бойкій молодой человѣкъ, владѣющій хорошо языкомъ и красивой наружности. Послѣднее качество тоже не лишнее въ бурятскомъ миссіонерѣ ламѣ.

законы, именно 35 §, XIV Т. Св. Зак., увѣряя, что и правительство наше повелѣваетъ преслѣдовать и наказывать шаманство, какъ богопротивное колдовство. Успѣхи подобныхъ проповѣдей ламайцевъ невиновѣрны и оправдываютъ вполнѣ неусыпную дѣятельность ламъ въ этомъ отношеніи.

Въ послѣднее время, чрезвычайное умноженіе духовнаго ламайскаго сословія между забайкальскими инородцами и своеволіе ламъ, образъ жизни ихъ, несогласный съ коренными постановленіями о ламайской вѣрѣ, заведенная ими торговля въ Кяхтѣ, сношенія съ заграничными ламами, въ явное нарушеніе постановленій, строго сіе воспрещающихъ, и фанатическое преслѣдованіе шамановъ потребовали рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства къ ограниченію этого сословія, которое въ духовномъ отношеніи признаетъ надъ собою власть въ Ургѣ или Тибетѣ, мѣстѣ пребыванія такъ–называемыхъ вдохновенныхъ хутухтъ и далай–ламы. Главныя основанія необходимаго обузданія и ограниченія забайкальскаго духовенства имѣли цѣлію: 1) Всѣхъ штатныхъ ламъ и бандіевъ утвердить постояннымъ пребываніемъ при даданахъ и отнюдь не дозволять отлучаться изъ нихъ въ кочевья инородцевъ по собственной надобности и тѣмъ–менѣе проживать между ними. 2) Для исправленія духовныхъ требъ въ улусахъ, ламъ и бандіевъ увольнять неиначе, какъ по просьбѣ прихожанъ, и притомъ когда родовое начальство найдетъ такую просьбу уважительною. 3) Не увольнять штатныхъ ламъ и бандіевъ для проживанія въ кочевьяхъ инородцевъ подъ видомъ *снискалія пропитанія*, и бѣднѣйшихъ изъ нихъ содержать на счетъ общихъ доходовъ при кумирняхъ. 4) Обративъ сверхштатвыхъ ламъ въ ясачное состояніе, воспретить имъ исправленіе духовныхъ требъ въ улусахъ. 5) Прекратить навсегда разъѣзды ламъ на *хуралы*, предоставя имъ отправлять въ извѣстные праздники и высокоторжественные дни богослуженіе въ своихъ даданахъ или кумирняхъ. 6) На основаніи общихъ законовъ (Учреж. пред. прест. ст. 75, 78, 89), строго воспретить ламайскому духовенству преслѣдовать между бурятами и тунгусами шаманство и обращать въ ламайскую вѣру людей другаго исповѣданія, устранивъ при семъ случаѣ всякое вліяніе ламъ въ присвоеніи къ приходу своему инородцевъ, непринявшихъ еще ламаизма. 7) Воспретить ламамъ вовлекать инородцевъ въ отправленіе несоразмѣрныхъ состоянію ихъ и разорительныхъ поминокъ по душѣ умершихъ родственниковъ и обращать въ пользу кумирень все достояніе прихожанъ. 8) Воспретить ламамъ впредь безъ разрѣшенія высшаго начальства строить вновь кумирни и дѣлать пристройки къ старымъ. 9) Воспретить ламамъ заниматься леченіемъ больныхъ безъ надлежащаго свидѣтельства врачебной

управы о способности и познаніяхъ. 10) Воспретить ламамъ: а) вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла между инородцами; б) заниматься торговлею всякаго рода и в) имѣть сношенія съ заграничными ламами. и 11) Выборъ бандиды-хамбо производить съ общаго согласія забайкальскихъ бурятъ и тунгусовъ, и вмѣнить ему въ обязанность имѣть всегда пребываніе при гусиноозерскомъ дацанѣ, откуда отлучаться только съ дозволенія начальства, или по предписанію его, для личнаго осмотра кумирень и дацановъ и надзора за ламами, предоставивъ притомъ бандидѣ-хамбо и ширетуямъ производить съ подчиненныхъ имъ ламъ и бандіевъ взысканіе, въ извѣстной степени, за нерадѣніе ихъ къ должности и упущенія.

Все сказанное здѣсь о мѣрахъ къ обузданію ламъ приводитъ къ заключенію, что вліяніе, которое, по близкому сосѣдству своему, всегда имѣли на нихъ ламы заграничные, укрѣплявшіе и зависимость ламайскаго забайкальскаго духовенства отъ тибетскаго далай-ламы, нетолько было главнымъ двигателемъ ревности этого класса инородцевъ къ размноженію онаго всѣми средствами, къ утвержденію за Байкаломъ численнаго и моральнаго преобладанія ламаизма, но и причиной его дѣйствительнаго возвышенія насчетъ шаманства и тѣхъ многихъ затрудненій, которыя правительство такъ долго встрѣчало въ дѣлѣ ограниченія своеволія ламъ, ибо духовенство астраханскихъ калмыковъ, въ несравненно-меньшей степени, или почти вовсе назависящее отъ тибетскаго далай-ламы, по-крайней-мѣрѣ неимѣющее никакихъ сношеній съ ламами заграничными, уже давно введено въ штатные предѣлы, а теперь даже стало на-самомъ-дѣлѣ противъ нихъ уменьшаться ([36]), чему содѣйствуетъ самъ верховный жрецъ калмыцкій, лишая духовнаго званія недостойныхъ и требуя отъ носящихъ его—знанія догматовъ буддаизма и жизни безукоризненной.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

([36]) Ср. главу IV статьи «Калмыки».

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИТАЛІИ

ВЪ 1848 — 1849 ГОДАХЪ.

Статья вторая и послѣдняя.

---

10 января 1849 года послѣдовало открытіе тосканскихъ палатъ. Палаты одобрили проектъ министра Монтанелли, предлагавшаго избрать, посредствомъ общей подачи голосовъ, тридцать-семь депутатовъ отъ Тосканы, для участія въ дѣлахъ учредительнаго собранія всей Италіи, созваннаго въ Римѣ. Великій герцогъ боялся ввѣрить такимъ-образомъ судьбу своей короны собранію демократовъ, и потому неохотно утвердилъ этотъ проектъ. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ предлогомъ, чтобы оставить свое государство, и 30 января выѣхалъ въ Сіену, куда за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и дипломатическій корпусъ. Министры ничего не знали объ отъѣздѣ герцога. Спрошенные на этотъ счетъ палатами, они сознались, что не знаютъ, чѣмъ объяснить такой поступокъ великаго герцога, и затѣмъ отправили къ нему гонфалоньера Перуцци съ просьбою возвратиться во Флоренцію. Леопольдъ отказался, подъ предлогомъ болѣзни, и 7 февраля отправился, на англійскомъ пароходѣ, въ Гаэту. Предъ отъѣздомъ онъ послалъ къ Монтанелли два письма: въ одномъ ходатайствовалъ за своихъ друзей, которымъ, какъ онъ увѣрялъ, его планы были совершенно-неизвѣстны, а въ другомъ извѣщалъ объ уничтоженіи итальянскаго народнаго собранія, которое въ послѣднее время папа будто-бы окончательно сразилъ отлученіемъ отъ церкви, присланнымъ изъ Гаэты. За достовѣрность этого извѣстія великій герцогъ ручался, ссылаясь на только-что полученное имъ отъ папы письмо.

Когда народъ узналъ о бѣгствѣ великаго герцога, то, собравшись на площади, провозгласилъ его лишеннымъ престола. Палаты утвердили народное рѣшеніе и назначили временное правительство изъ трехъ лицъ:

Гверацци, Маццони и Монтанелли. Великій герцогъ протестовалъ понапрасну: тріумвиры вступили въ отправленіе своей должности и составили плебисцитъ, на основаніи котораго созывался комитетъ обороны, а великій герцогъ лишался престола. Однакожь, одинъ изъ нихъ, именно Гверацци, отличавшійся и въ прежнее время, какъ министръ и депутатъ, умѣреннымъ образомъ дѣйствій, за что онъ и пользовался большимъ довѣріемъ великаго герцога, успѣлъ достичь того, что исполненіе плебисцита отложено на нѣкоторое время. Начальство надъ тосканскимъ войскомъ поручено было генералу д'Апиче, эмигранту 1821 года. Генералъ Ложье, стоявшій съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ на границѣ, объявилъ себя въ пользу великаго герцога, но былъ оставленъ своими солдатами.

Новое тосканское народное собраніе открыло свои засѣданія 25 марта, а 28 получено было во Флоренціи извѣстіе о пораженіи пьемонтцевъ при Новарѣ. Народъ понялъ тогда, что безконечныя рѣчи и краснорѣчивыя прокламаціи—ненадежный оплотъ противъ вступленія австрійцевъ. И дѣствительно, новыя правительственныя лица нарушили договоръ государства съ великимъ герцогомъ, возбудили недовольство въ войскѣ, утомили селянина, встревожили умѣренныхъ либераловъ, разобщили страну съ остальной Италіей, а между-тѣмъ, среди стольких препятствій, въ виду стольких враговъ, кругъ дѣйствій которыхъ все ближе-и-ближе смыкался около Тосканы, до-сихъ-поръ никто не позаботился о томъ, чтобы обезопасить границу, сформировать сильную національную гвардію, организовать армію. Тоскана отказалась присоединиться къ Риму, отказала Венеціи въ помощи войскомъ, или деньгами. Изъ этого, казалось, слѣдовало бы заключить, что Тоскана чувствуетъ себя достаточно-сильною, чтобъ не нуждаться въ союзникахъ, остановить успѣхи реакціи и сохранить свою независимость. Увы! у нея не достало силы даже на столько, чтобы отразить, какъ мы сейчасъ увидимъ, нападеніе нѣскольких тысячъ поселянъ, приверженныхъ къ Австріи. Тріумвиры, признанные за виновниковъ народныхъ бѣдствій, принуждены были сложить съ себя власть. Народъ передалъ управленіе Гверацци; но, при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и этотъ ловкій человѣкъ оказался несостоятельнымъ. Въ это время ни одна партія не была бы въ-состояніи управлять страною.

11 апрѣля дерзкіе поступки ливурнскихъ волонтеровъ, находившихся во Флоренціи, возбудили народное возстаніе. Національная гвардія стала на сторону народа; было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Въ-теченіе ночи на колокольняхъ показались огни: это были сигналы, посредствомъ которыхъ реакціонеры звали къ себѣ на помощь поселянъ изъ окрестныхъ

деревень. На слѣдующій день поселяне явились во Флоренцію, вооруженные по бóльшей части своими рабочими орудіями, и разсыпались по всему городу съ криками: «да здравствуетъ Леопольдъ! смерть Италіи!» Реакціонеры распространили слухъ, что будто диктаторъ Гверацци бѣжалъ, похитивъ два милліона. Народъ собрался подъ окнами Гверацци съ крикомъ: «смерть ворамъ!» Муниципалитетъ поспѣшилъ на помощь главѣ правительства, но, вмѣсто того, чтобы доставить Гверацци возможность бѣжать изъ города, посадилъ его въ тюрьму, будто-бы спасая его такимъ-образомъ отъ народной ярости. Муниципалитетъ оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что хотѣлъ избѣгнуть бóльшихъ бѣдствій. Напрасное оправданіе: этотъ позорный поступокъ положилъ неизгладимое пятно на поведеніе муниципалитета.

Между-тѣмъ австрійцы и моденцы мало-по-малу подвигались къ Тосканѣ. Правительственная коммиссія, образовавшаяся изъ членовъ флорентанскаго муниципалитета, желая сохранить страну отъ австрійскаго вмѣшательства, отправила пословъ въ Гаэту просить великаго герцога возвратиться въ его владѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить народное желаніе насчетъ сохраненія либеральныхъ учрежденій страны. Леопольдъ поручилъ Серистори управлять Тосканой до его возвращенія и постановилъ распущеніе коммиссіи.

Защита линіи Аппениноъ поручена была генералу д'Апиче. Подъ его начальствомъ было до 7,000 войска. Какъ скоро партія реакціонеровъ овладѣла управленіемъ, тотчасъ же послала этому генералу приказаніе отступить. Д'Апиче повиновался, и такимъ-образомъ Тоскана отдалась врагу безъ всякаго сопротивленія. Австрійцы заняли сначала Пизу, потомъ Ливурно, а наконецъ явились и во Флоренцію. Великій герцогъ возвратился въ этотъ городъ непрежде, какъ австрійское военное управленіе окончательно тамъ утвердилось.

Посмотримъ теперь, чтó происходило въ послѣднее время въ Неаполѣ. 1 февраля 1849 г. неаполитанскій парламентъ открылъ свои засѣданія, прерванныя катастрофою 1848 года. Почти всѣ новые депутаты оказались опозиціонными министерству 15 мая. Они представили королю адресъ, въ которомъ излагали ошибки министровъ и просили ихъ смѣны; но Фердинандъ отказался принять адресъ, и министры, вопреки желанію палатъ, остались на своихъ мѣстахъ. Министры, не находя благовиднаго предлога, чтобы сокрушить оппозицію депутатовъ, старались уронить ихъ въ общественномъ мнѣніи и распускали на ихъ счетъ всякаго рода клеветы. При дворѣ явно смѣялись надъ депутатами; войско смотрѣло на нихъ съ высокомѣріемъ; всякая тѣнь ихъ неприкосновенности исчезла; на улицахъ и въ кофейняхъ оскорбляли ихъ безнаказанно

агенты полиціи и камарильи. Палаты сорокъ дней влачили свое жалкое существованіе. 13 марта, окруженныя рядами штыковъ, онѣ выслушали приказъ о своемъ распущеніи. Съ этого дня ненависть правительства къ либераламъ не знала болѣе предѣловъ; терроръ господствовалъ въ Неаполѣ; каждый день тюрьмы наполнялись новыми тысячами граждан, въ числѣ которыхъ были и депутаты, и лица всѣхъ сословій—и тогда-то начался рядъ политическихъ преслѣдованій, который длится десять лѣтъ.

Франція и Англія, несмотря на разногласіе своихъ видовъ, вступили съ Фердинандомъ въ переговоры насчетъ устройства дѣлъ Сициліи. Франція противилась независимости острова, изъ боязни дать, въ послѣднемъ случаѣ, обширное поле англійскому вліянію; Англія, боясь раздражить самолюбіе своей союзницы и возбудить общую европейскую войну, присоединилась къ мнѣнію Франціи. Неаполитанскій король обѣщалъ Сициліи нѣсколько уступокъ и, между-прочимъ, сохраненіе конституціи 29 января ; но сицилійцы, какъ-бы забывъ свое пораженіе при Мессинѣ , отвергли эти предложенія. Пьемонтцы были побиты при Кустоцѣ; Франція угрожала Риму; Неаполь страдалъ подъ игомъ самаго жестокаго деспотизма; ни одинъ, изъ королей или принцовъ не хотѣлъ принять корону Сициліи; Франція и Англія противились учрежденію республиканскаго правленія въ Сициліи. При такомъ стеченіи обстоятельствъ на чтó слѣдовало бы рѣшиться правительству Сициліи? Ему должно было бы избрать одно изъ двухъ — или принять предложеніе Фердинанда, за поручительствомъ Франціи и Англіи , или, сдѣлать послѣднее усиліе, употребить все въ дѣло , чтобы защитить островъ отъ неаполитанскаго вторженія. Правительство не сдѣлало ни того, ни другаго: оно отвергло всякое соглашеніе съ Неаполемъ, не организовавъ, въ то же время, ни арміи, ни сильной національной гвардіи, ни общаго плана обороны.

По истеченіи перемирія, генералъ Филанджери, оставивъ въ Мессинѣ гарнизонъ, двинулся съ остальнымъ своимъ войскомъ, числомъ до 16,000 человѣкъ, по дорогѣ къ Катанѣ и Палермо. Такой планъ дѣйствій былъ важною ошибкою со стороны неаполитанскаго генерала. Филанджери лишалъ свое войско содѣйствія флота, долженъ былъ проходить чрезъ гористую страну, находившуюся во власти революціи, и, наконецъ—чтобы достичь Палермо—овладѣть предварительно сильными позиціями при Кастроджіованни. Но, несмотря на эту ошибку, Филанджери успѣлъ въ своемъ предпріятіи, а успѣхъ оправдываетъ все. Сицилійцы на ошибку неаполитанскаго генерала отвѣчали ошибкой съ своей стороны. Сицилійское правительство обладало арміею неболѣе, какъ изъ 19,000 чело-

вѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось до 4,000 волонтеровъ. Этого войска достаточно было для защиты Палермо противъ вдвое-сильнѣйшаго непріятеля, нежели Филанджери; но думать при такихъ ничтожныхъ силахъ объ оборонѣ всѣхъ пунктовъ острова было чистѣйшимъ безразсудствомъ. Неаполитанцы имѣли отличный флотъ, при помощи котораго могли переносить свои войска изъ одной прибрежной мѣстности въ другую: какимъ же образомъ такому малочисленному войску, какъ сицилійское, успѣть встрѣтить непріятеля повсюду? Сицилійцамъ слѣдовало бы выслать изъ Палермо отрядъ въ 6,000 или 7,000 человѣкъ, для занятія сильной позиціи при Кастроджіованни: этого отряда достаточно было бы, чтобъ оспаривать у Филанджери горный проходъ шагъ за шагомъ; а пока держится Палермо, Сицилія не принадлежитъ еще Фердинанду; напротивъ, съ взятіемъ Палермо кончается сопротивленіе и остальныхъ городовъ острова. Сицилійское правительство не поняло этой простой истины и отправило генерала Мирославскаго къ Катанѣ съ 8,000 человѣкъ, чтобъ остановить наступленіе 16,000 неаполитанцевъ, гордыхъ своими успѣхами въ Мессинѣ, увѣренныхъ въ талантахъ своихъ генераловъ и принадлежавшихъ къ избранному войску Фердинанда. Ясно, что, если Мирославскій будетъ разбитъ при Катанѣ, то и остальное сицилійское войско потеряетъ увѣренность въ своей силѣ. Такъ и случилось. Надо замѣтить, что Мирославскій, съ своей стороны, облегчилъ непріятелю побѣду, растянувъ свой малочисленный отрядъ на слишкомъ-обширное пространство. Катана была взята, а затѣмъ Сиракузы, Августа и другіе города отворили свои ворота непріятелю. Страхъ овладѣлъ сицилійцами; они заговорили о мирномъ соглашеніи и о принятіи условій, которыя выхлопотала для нихъ Франція и которыя заключались въ слѣдующемъ: конституція, на основаніяхъ, постановленныхъ 28 февраля; вице-король для острова; сохраненіе національной гвардіи въ Палермо; свобода для сицилійцевъ, замѣшанныхъ въ возстаніи Калабріи, за исключеніемъ главныхъ лицъ, подлежащихъ временной ссылкѣ; всепрощеніе, за исключеніемъ сорока-трехъ лицъ; признаніе государственнаго долга, сдѣланнаго временнымъ правительствомъ. Но, странное дѣло! сицилійскіе министры отвергли эти предложенія. Они поручили вести переговоры тремъ гражданамъ; но переговоры кончились ничѣмъ. Вообще, въ партіяхъ было страшное разногласіе: одни хотѣли всеобщаго возстанія и отвергали всякую сдѣлку; другіе, напротивъ, требовали закрытія палатъ, служившихъ, по ихъ мнѣнію, препятствіемъ къ переговорамъ; а между-тѣмъ на-дѣлѣ не исполнялось ни то, ни другое. Адмиралъ Руджіеро-Сеттимо, благородный патріотъ, но человѣкъ недостаточно-энергическій для того, чтобъ управлять страною и сдѣлать рѣшительный шагъ, пору-

чилъ все волѣ провидѣнія. Болѣе двухсотъ гражданъ, возбуждавшихъ правительство къ крайнимъ мѣрамъ, во время всеобщаго смятенія покинули островъ и предоставили управлять народнымъ движеніемъ кому придетъ на тó охота. Вслѣдъ за ними самъ Сеттимо оставилъ Палермо и перебрался на Мальту. Такимъ-образомъ, сицилійское правительство разсѣялось прежде, нежели Филанджери явился подъ стѣнами города. 26 апрѣля въ виду Палермо показалась неаполитанская эскадра. Въ городѣ все пришло въ смятеніе; страхъ овладѣлъ тѣми, которые наиболѣе замѣшаны были въ революція; одни кричали: «миръ!» другіе: «война!» и «смерть измѣнникамъ!» Національная гвардія разошлась; но народъ бросился на защиту города. Онъ взялся за оружіе, устремился на батареи и встрѣтилъ пушечными выстрѣлами эскадру, которая и принуждена была удалиться. 5 мая войско Филанджери подступило къ Палермо. Народъ выступилъ противъ къ непріятеля и завязалъ сраженіе. Тогда Филанджери смягчилъ свои условія: онъ требовалъ прежде безусловной сдачи, а теперь соглашался на всепрощеніе, за исключеніемъ сорока-трехъ лицъ, имена которыхъ обязывался назвать предварительно; баталліонъ французскихъ волонтеровъ и неаполитанскіе дезертеры получили дозволеніе перебраться на иностранныя суда. 15 мая Филанджери вступилъ въ Палермо.

Тотъ, кому извѣстны энергія сицилійскаго народа, его преданность отечеству, его любовь къ независимости, его мужество, духъ единства, смышленость, наконецъ, его ненависть къ Бурбонамъ, подивится, конечно, что, послѣ четырнадцатимѣсячнаго свободнаго существованія, этотъ народъ не въ-силахъ былъ сопротивляться 20,000 неаполитанскаго войска. На это замѣтимъ, что Сицилія, столь сильная своимъ топографическимъ положеніемъ, покрытая зáмками и крѣпостями, могла бы бороться, и бороться долго съ арміею вдвое-сильнѣйшею, еслибы лица, стоявшія во главѣ управленія и распоряжавшіяся военными дѣйствіями, имѣли столько же непоколебимаго мужества и разумной настойчивости, сколько у нихъ было патріотизма.

Обращаемся къ Риму. 5 февраля римское народное собраніе начало свои занятія, избравъ Галлетти президентомъ. Уничтоженіе папской власти рѣшено было огромнымъ большинствомъ; провозглашеніе республиканскаго правленія встрѣтило оппозицію только со стороны 22 членовъ, объявившихъ эту мѣру несвоевременною. Обстоятельства оправдали это рѣшеніе меньшинства, которое само не подозрѣвало того, что какъ-бы предсказывало будущее. Провозглашая республику, Римъ вредилъ итальянскому вопросу и затруднялъ дѣйствія Пьемонта и Ломбардіи. Онъ думалъ опереться на французскую революцію, на прочность которой разсчи-

тывалъ. Опасная иллюзія! Риму достаточно было бы ограничиться учрежденіемъ временнаго правительства и отложить всякій политическій вопросъ къ сторонѣ, до окончанія войны. Народное собраніе ввѣрило управленіе тріумвирамъ, которые тотчасъ же выказали свою совершенную неспособность къ дѣлу: финансы были въ плачевномъ состояніи; государство оставалось безъ всякой защиты; численность войска находилась въ страшной несоразмѣрности съ населеніемъ страны: на три мильйона жителей считалось только 17,000 войска, притомъ войска весьма-дурно организованнаго.

Въ мартѣ явился въ Римъ Маццини, и тотчасъ же выбранъ въ члены собранія девятью тысячами голосовъ. Появленіе въ собраніи было для него совершенною оваціей: апплодисменты раздались на всѣхъ скамьяхъ и въ трибунахъ. И не могло быть иначе — со времени бѣгства папы, Маццини правилъ Римомъ посредствомъ своихъ идей.

Пьемонтское правительство отправило въ Римъ и другіе важнѣйшіе города Италіи депутата Валеріо, съ просьбою о помощи. Маццини немедленно обратился къ собранію съ воззваніемъ во имя согласія, единства и войны за святое дѣло. «Теперь могутъ быть только два рода итальянцевъ въ Италіи» говорилъ онъ: «итальянцы, которые хотятъ войны, и итальянцы, которые ее боятся. Республиканскій Римъ будетъ сражаться рядомъ съ монархическимъ Пьемонтомъ». Это благородное, но уже слишкомъ-позднее воззваніе къ союзу съ восторгомъ было принято присутствующими. Дамы, сидѣвшія въ трибунахъ, бросали браслеты, кольца и другія цѣнныя вещи къ ногамъ президента, какъ приношеніе въ пользу независимости Италіи. Вскорѣ затѣмъ прокламація правительства призвала народъ къ оружію. По предложенію Маццини, назначена была коммиссія для завѣдыванія военными дѣлами. Она открыла свои дѣйствія 18 марта и употребляла всевозможныя усилія, чтобы организовать армію въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ; но эти усилія остались тщетными: враги Италіи и военныя неудачи парализировали старанія коммиссіи.

Пораженіе при Новарѣ измѣнило направленіе римской политики. Когда перестали разсчитывать на армію, то возложили всю надежду на революцію. Составленъ былъ новый тріумвиратъ изъ Маццини, Армеллини и Саффи; но въ сущности одинъ Маццини управлялъ страною отъ имени тріумвировъ. Онъ выказалъ необыкновенную энергію въ дѣлахъ внутренней администраціи и замѣчательный умъ и ловкость во внѣшнихъ сношеніяхъ; но напрасно писалъ онъ уставы, декреты, законы, циркуляры, прокламаціи: его дѣятельность оставалась безплодной, его патріотизмъ недѣйствительнымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какая

нужда была въ устройствѣ римской республики, тогда-какъ эта республика не въ-состояніи была защитить себя ни противъ внѣшняго, ни противъ внутренняго врага! Такъ-какъ нельзя было болѣе разсчитывать на Пьемонтъ, а равно и не имѣлось достаточнаго войска для серьёзной защиты Рима, то нѣкоторые разсчитывали возжечь революцію въ Неаполѣ, отправивъ туда войско, на помощь народу, нетерпѣливо-несшему иго деспотизма. Пепе два раза писалъ въ Римъ, предлагая подобный планъ; но тріумвиры отвергли его мысль и, вмѣсто того, рѣшили собрать одну дивизію въ Болоньѣ и сформировать военный лагерь въ Терни, для прикрытія Рима.

18 февраля кардиналъ Антонелли адресовалъ циркуляръ къ различнымъ католическимъ правительствамъ — къ Австріи, Франціи, Испаніи и Неаполю, съ просьбою о вмѣшательствѣ въ дѣла Рима. Пока разсуждали объ этомъ въ Парижѣ, Австрія приготовлялась занять Папскую Область. Тогда Франція уже сочла своею обязанностью оказать покровительство главѣ католицизма и предупредить австрійцевъ. Французское учредительное собраніе большинствомъ 325 голосовъ противъ 283 рѣшило отправить въ Римъ экспедиціонный корпусъ. Главнымъ виновникомъ этой мѣры былъ генералъ Кавеньякъ. Французскій генералъ Удино прибылъ съ своимъ корпусомъ, 25 апрѣля, въ Чивита-Веккію и обратился къ жителямъ съ прокламаціею, въ которой говорилъ, между-прочимъ, что «французское правительство, воодушевляемое идеею любви и свободы, обѣщается уважать желанія римскаго народа, и что оно послало сюда свои войска единственно съ цѣлію поддержать свое законное вліяніе, и что, наконецъ, оно отнюдь не намѣрено навязывать Риму управленіе, непользующееся симпатіею римскаго народа». Хотя въ Римѣ уже два мѣсяца знали о намѣреніи Франціи отправить въ Папскую Область корпусъ войскъ, тѣмъ-неменѣе не приняли никакихъ мѣръ для укрѣпленія Чивита-Веккіи. Вслѣдствіе этого, городу нечего было и думать о защитѣ. Префектъ Маттеучи, опасаясь бомбардированія и полагаясь на вышеприведенныя слова генерала Удино, дозволилъ французамъ высадиться безпрепятственно, и они сошли на берегъ при крикахъ: «да здравствуетъ Италія!» Корпусъ Удино состоялъ изъ 7,500 человѣкъ. Удино предложилъ подполковнику Мелара, командовавшему батальйономъ стрѣлковъ, расположеннымъ въ Чивита-Веккіи, содержать караулъ въ городѣ вмѣстѣ съ французами. Мелара согласился и остался въ городѣ; но когда французы произвели высадку, то Удино объявилъ Мелару и его батальйонъ военноплѣнными. Въ то же время Удино, прокламаціей, уже болѣе ясной, нежели прежняя, возвѣстилъ жителямъ Папской Области, что

онъ явился не для поддержки правительства, которое Францiя никогда не признавала, или, съ другой стороны, для возстановленiя злоупотребленiй, навсегда уничтоженныхъ великодушiемъ Пiя IX, но для облегченiя возможности учредить парламентское управленiе, которое было бы одинаково чуждо, какъ деспотизму, такъ и анархiи.

Какъ-скоро римское собранiе узнало о высадкѣ и явныхъ намѣренiяхъ французскихъ войскъ, то немедленно приняло мѣры къ оборонѣ Рима. Оно хотѣло выиграть время, въ надеждѣ, что Францiя измѣнитъ свою политику, а потому военный совѣтъ рѣшился сосредоточить войско въ Римѣ и строго держаться оборонительнаго положенiя, чтобъ, не возстановляя противъ себя французскiй народъ, возложить на его правительство и генерала Удино отвѣтственность за ихъ наступательный образъ дѣйствiй. Въ Римѣ было въ то время до 9,000 войска. Генералъ Удино съ 6,000 направился изъ Чивита-Веккiи къ вѣчному городу. Французы не знали, ка́къ ихъ встрѣтитъ Римъ—какъ друзей, или какъ враговъ; но когда они приблизились на четыреста метровъ къ городу, два выстрѣла картечью по ихъ передовому отряду, показали, ка́къ смотрятъ римляне на своихъ гостей. Французскiя колонны, подъ прикрытiемъ своей полевой артиллерiи, два раза подступали къ городу, несмотря на сильный огонь со стороны непрiятеля. Генералъ Гарибальди съ своимъ легiономъ и батальйономъ студентовъ произвелъ вылазку изъ воротъ Сан-Панкрацiо и ударилъ французамъ во флангъ. Послѣ жаркой схватки, онъ принужденъ былъ отступить; но, немного спустя, получивъ сильное подкрѣпленiе, неожиданно возобновилъ нападенiе. Эта внезапная атака увеличила безпорядокъ въ рядахъ французскаго войска, уже и безъ того приведенныхъ въ замѣшательство сильнымъ огнемъ крѣпостной артиллерiи. Батальйонный командиръ Пикаръ попался въ плѣнъ съ 250 человѣкъ. Генералъ Удино, убѣдившись въ излишней смѣлости своей атаки и боясь быть обойденнымъ, приказалъ войскамъ отступить. Еслибы римская кавалерiя, находившаяся у воротъ Сан-Панкрацiо, преслѣдовала французовъ, то ихъ пораженiе было бы полное. Но Маццини, все еще разсчитывая на своихъ друзей, засѣдавшихъ во французскомъ учредительномъ собранiи, не хотѣлъ слишкомъ компрометтировать честь французскаго оружiя и велѣлъ прекратить битву. Этотъ день стоилъ французамъ 580 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Генералъ Удино отошелъ къ Чивита-Веккiи. Нѣсколько дней спустя, французскiе плѣнные были освобождены безъ всякихъ условiй; Удино, не желая оставатъся въ долгу, отпустилъ въ Римъ батальйонъ Мелары.

Неаполитанскiй король, думая воспользоваться затруднительнымъ по-

ложеніемъ, въ которомъ находилась римская республика, подступилъ къ границамъ Папской Области съ войскомъ въ 10,000 человѣкъ. Онъ надѣялся принять участіе въ осадѣ Рима; но генералъ Удино не желалъ имѣть подобнаго союзника. Однакожь, Фердинандъ перешелъ границу и занялъ сильную позицію у Вельлетри. Въ то же время австрійскій генералъ Вимпфенъ, съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ, овладѣлъ Болоньей, послѣ геройскаго сопротивленія жителей, и затѣмъ отправилъ часть своего войска для занятія Анконы.

Симпатіи французскаго народнаго собранія были на сторонѣ римской республики, и потому оно предложило своему правительству «принять немедленно мѣры къ тому, чтобъ французскій экспедиціонный корпусъ въ Италіи не отклонялся болѣе отъ своей цѣли». Это двусмысленное предложеніе нисколько не мѣшало президенту французской республики дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Онъ ожидалъ результата новыхъ выборовъ, хотѣлъ выиграть время и послалъ въ Римъ Лессепса, по предложенію котораго Удино согласился заключить перемиріе съ римской республикой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Удино извѣстилъ Радецкаго, что не позволитъ австрійцамъ сдѣлать ни шагу далѣе въ Папской Области. Отдѣлавшись такимъ-образомъ отъ французовъ и австрійцевъ, римскіе тріумвиры рѣшились воспользоваться этимъ отдыхомъ, чтобъ покончить дѣла съ неаполитанскимъ королемъ. Они послали генерала Розелли съ 10,000 войска навстрѣчу неаполитанцамъ. Къ нему присоединился Гарибальди съ своимъ легіономъ. Какъ-скоро Фердинандъ узналъ о движеніи римскаго войска, онъ тотчасъ же приказалъ своимъ войскамъ отступить. Онъ не довѣрялъ французскому правительству, не могъ понять, почему генералъ Удино согласился на перемиріе, и, боясь попасть въ западню, счелъ за лучшее удалиться. Утромъ 19 мая Гарибальди настигъ неаполитанскій арьергардъ близь Вельлетри. Генералъ Ланца, командовавшій арьергардомъ, выстроилъ свои войска въ боевой порядокъ. Гарибальди смѣло завязалъ дѣло. Сначала, блистательная атака неаполитанскихъ конныхъ егерей произвела смятеніе въ рядахъ республиканцевъ; но римскій легіонъ залегъ въ виноградникахъ по обѣимъ сторонамъ дороги и встрѣтилъ такимъ жестокимъ огнемъ неаполитанскую кавалерію, увлекшуюся преслѣдованіемъ Гарибальди, что она тотчасъ же показала тылъ. Узнавъ о сраженіи при Вельлетри, Розелли двинулся на поддержку своего авангарда. Ланца цѣлый день держался въ Вельлетри, а по наступленіи ночи перешелъ обратно границу. Какъ-скоро Маццини узналъ объ отступленіи неаполитанцевъ, то немедленно послалъ приказъ Розелли продолжать ихъ преслѣдованіе и перейти границу; но Розелли отвѣ-

чалъ, что было бы неблагоразумно произвести вторженіе въ Неаполитанское Королевство съ такимъ малочисленнымъ войскомъ. Съ военной точки зрѣнія, Розелли былъ совершенно-правъ; но Мацциви смотрѣлъ на дѣло не съ стратегической, а съ революціоной точки зрѣнія: онъ думалъ возбудить возстаніе въ Абруццо, однакожь не рѣшился противорѣчить Розелли и ограничился приказомъ продолжать одному Гарибальди партизанскія дѣйствія въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Войско Розелли было отозвано въ Римъ. Симпатія народа встрѣчала отрядъ Гарибальди повсюду, и онъ занялъ уже мѣстечко Арчи. Съ прибытіемъ въ Римъ войска Розелли, а равно и отряда, очистившаго Болонью, военныя силы Рима совершенно достаточны были для защиты города противъ французовъ, численность которыхъ возрасла въ послѣднее время только до 12,000 человѣкъ. Но римское правительство все еще опасалось, что у него недостаточно войска для обороны города, а потому, несмотря на перемиріе съ французами, а равно и успѣхи Гарибальди на неаполитанской границѣ, призвало обратно въ Римъ этого знаменитаго партизана.

26 мая генералъ Кордова высадился въ Гаэтѣ съ 5,000 испанскаго войска и занялъ небольшія селенія около понтинскихъ болотъ. Этимъ и ограничилось все участіе испанцевъ въ экспедиціи противъ Рима.

Австрійскій генералъ Вимпфенъ подступилъ, 23 мая, къ Анконѣ, съ корпусомъ въ 16,000. Городъ, гарнизонъ котораго состоялъ всего изъ трехъ батальйоновъ волонтеровъ, почти цѣлый мѣсяцъ выдерживалъ осаду, но когда къ непріятелю прибылъ осадный паркъ, то принужденъ былъ сдаться.

Въ Римѣ дипломатическіе переговоры приняли дурной оборотъ, несмотря на умъ и необыкновенную ловкость Маццини и полную готовность Лессепса достичь благопріятнаго рѣшенія вопроса. Французское правительство ни за что не хотѣло признать римской республики, а съ другой стороны, тріумвиры не хотѣли ничего и слышать до-тѣхъ-поръ, пока не послѣдуетъ это признаніе. Маццини, разсчитывая на поддержку членовъ *горы* во французскомъ народномъ собраніи, отвергалъ предложеніе Лессепса войти въ соглашеніе съ папой. Оскорбленный Лессепсъ уступилъ требованію французскихъ офицеровъ и объявилъ, по соглашенію съ генераломъ Удино, переговоры прерванными. Сверхъ-того онъ написалъ въ Парижъ письмо, въ которомъ изобразилъ Маццини самыми черными красками, чѣмъ-то въ родѣ современнаго Нерона. Французское правительство вообще было недовольно поведеніемъ своего посланника, постоянно переходившаго отъ одной

крайности къ другой. Оно отозвало Лессепса и въ то же время послало Удино приказъ произвести нападеніе на Римъ. Римляне приготовились къ упорной оборонѣ. Ихъ войско состояло изъ 18,000 или 19,000 и раздѣлено было на двѣ дивизіи и резервъ. Гарибальди съ одною дивизіею занималъ правый берегъ Тибра, генералъ Бартолучи, съ другой, лѣвый берегъ, а резервъ оставался въ городѣ. Всѣ ожидали, что французы произведутъ нападеніе на лѣвый берегъ, какъ представляющій наименѣе трудностей для приступа и дающій возможность непріятелю господствовать надъ всѣмъ городомъ; но Удино повелъ атаку на правый берегъ. Ошибка непостижимая, какъ ее впослѣдствіи ни старались оправдать французскіе офицеры различными стратегическими соображеніями. 3-го іюня французы повели атаку противъ виллы Панфили, которую защищалъ отрядъ въ 450 человѣкъ. Послѣ упорной схватки, они принуждены были отступить къ виллѣ Корсини, а потомъ къ Вашелло. Въ это время Гарибальди произвелъ блистательную атаку противъ французскаго генерала Сована, но долженъ былъ уступить. Схватки съ перемѣннымъ успѣхомъ происходили каждый день; но общій результатъ былъ все-таки въ пользу французовъ, которые въ то же время вели апроши, возводили новыя батареи и все болѣе-и-болѣе стѣсняли городъ. 27-го іюня французы окончили четвертую параллель и открыли сильный огонь, на который римляне отвѣчали весьма-успѣшно. Какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни, французы пытались сдѣлать брешь въ одномъ изъ бастіоновъ, которая могла бы дать возможность идти ихъ войскамъ на штурмъ. 29 числа имъ удалось, наконецъ, открыть такую брешь, и они овладѣли однимъ изъ бастіоновъ, послѣ отчаяннаго геройскаго отпора со стороны римлянъ. Въ тотъ же день депутатъ Чернуски предложилъ собранію объявить безполезность дальнѣйшей защиты города. Маццини думалъ продолжать борьбу, покинувъ Римъ. Тогда генералъ Бартолучи объявилъ, что онъ получилъ письмо отъ Гарибальди, который признавалъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Призванный въ собраніе, Гарибальди предложилъ покинуть одну половину города и укрѣпиться въ другой. Такимъ-образомъ, говорилъ онъ, римляне могли бы сопротивляться еще нѣсколько дней, но никакъ неболѣе. Послѣ этихъ словъ собраніе приняло предложеніе Чернуски и предоставило муниципалитету войти въ переговоры съ непріятелемъ. Тріумвиры прислали просьбу объ отставкѣ. Принявъ ее, собраніе сочло своею обязанностію объявить, что тріумвиры ревностно служили отечеству. Начальство надъ войскомъ поручено было Гарибальди: правительство хотѣло тѣмъ самымъ поддержать дисциплину въ войскахъ, хотя война уже прекратилась и республика доживала свои послѣдніе

день. Муниципалитетъ, не успѣвъ согласить генерала Удино на нѣкоторыя уступки, кончилъ переговоры съ нимъ тѣмъ, что передалъ ему городъ безусловно. Гарибальди собралъ свой легіонъ на площади Сан-Пьетро и предложилъ ему идти въ легатства, сражаться съ австрійцами. «Я вамъ предлагаю» сказалъ онъ: «новыя битвы, новые лавры, но цѣною великихъ опасностей и самыхъ страшныхъ трудовъ; пусть слѣдуетъ за мною тотъ, у кого есть сердце, кто вѣритъ еще въ спасеніе Италіи!»

Такимъ-образомъ, Римъ былъ взятъ послѣ двадцати-шести-дневной правильной осады. Если нападающіе выказали много мужества, то столько же геройства было со стороны защитниковъ. Французы лишились 1,024 человѣкъ, римляне около 2000. 3-го іюля французы вступили въ городъ. Народъ смотрѣлъ на нихъ враждебно, да и сами побѣдители не отличались веселымъ видомъ. Печаль и молчаніе господствовали повсюду. На другой же день народное собраніе было разсѣяно силой, Чернуски арестованъ, римская армія распущена.

Гарибальди выступилъ изъ Рима 2-го іюля. Его войско состояло изъ 3000 пѣхоты, 400 человѣкъ кавалеріи и 900 волонтеровъ, предводительствуемыхъ Форбесомъ. 9-го числа онъ прибылъ въ Тоскану, а 21 вступилъ въ Монтепульчіано; но тутъ начались побѣги въ рядахъ его войска. Не встрѣтивъ сочувствія въ Тосканѣ, онъ направился къ Болоньѣ, перешелъ чрезъ горы, и прибылъ, 29-го, въ Сан-Анджело-Инвадо. Тѣснимый корпусомъ австрійскаго генерала Стадіона и тремя отрядами французскихъ войскъ, отправленными по его слѣдамъ изъ Рима, затрудняемый багажомъ, нисколько неподдерживаемый жителями, онъ бросился отсюда въ лѣса и по непроходимымъ тропинкамъ достигъ, въ сопровожденіи полуторы тысячи человѣкъ, республики Сан-Марино, гдѣ освободилъ отъ даннаго слова всѣхъ тѣхъ, кто остался до-сихъ-поръ ему вѣренъ. Несмотря на тó 200 легіонеровъ и здѣсь не хотѣли покинуть своего начальника. Когда городскія власти предложили имъ сдаться, «лучше умремъ, нежели сдадимся!» отвѣчали они: «въ Венецію! въ Венецію!» Гарибальди одобряетъ ихъ благородную рѣшимость и покидаетъ Сан-Марино. Онъ нанимаетъ тринадцать рыбачьихъ барокъ, направляется къ Венеціи и уже почти достигаетъ лагуны, какъ вдругъ встрѣчается съ австрійскимъ бригомъ, который нападаетъ на эту флотилію и овладѣваетъ восемью барками. Мужество и ловкость и здѣсь спасаютъ Гарибальди. Онъ успѣваетъ съ пятью барками укрыться отъ врага и снова вступаетъ на римскій берегъ. Его сопровождаютъ жена, дѣти и трое друзей, которые, во что бы ни стало, рѣшились раздѣлить его участь. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, скрываясь

днемъ и странствуя ночью, онъ продолжаетъ свой путь. Вскорѣ его молодая жена умираетъ отъ утомленія; его друзья попадаютъ въ руки австрійцевъ и погибаютъ героями, разстрѣлянные безъ суда. Гарибальди съ своими дѣтьми достигаетъ Равенны, Тосканы, Генуи, отсюда перебирается въ Тунисъ и затѣмъ направляетъ путь въ Америку, прибѣжище всѣхъ политическихъ бѣглецовъ. У французской арміи не осталось болѣе врага. Ея начальникъ съ этой минуты дѣлается полнымъ господиномъ Рима, гдѣ уже начинаетъ снова выступать наружу папское вліяніе.

Разскажемъ теперь послѣдній актъ итальянской войны—исторію защиты Венеціи. Мы остановили нашъ разсказъ объ этомъ городѣ на событіяхъ 1848 года, когда Венеція только-что свергла съ себя австрійское иго.

Едва генералъ Пепе прибылъ въ Венецію, какъ президентъ Манинъ назначилъ его главнокомандующимъ венеціанскихъ войскъ, а, нѣсколько дней спустя, именно въ іюнѣ 1848, папское правительство подчинило ему дивизію римскихъ войскъ. Пепе было отъ роду шестьдесятъ-пять лѣтъ. Этотъ замѣчательный патріотъ, ветеранъ свободы, гражданинъ безъ упрека, впродолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ подготовлявшій, несмотря ни на какія неудачи, спасеніе Италіи, этотъ неустрашимый воинъ —безспорно одна изъ великихъ личностей нашего вѣка и одна изъ величайшихъ личностей Италіи. Сложенный какъ Геркулесъ, красивый лицомъ, тихій и часто задумчивый, мужественный до геройства, правдивый, одаренный всѣми хорошими свойствами, Пепе скрывалъ подъ суровою наружностью необыкновенную доброту сердца. Стоило только увидѣть его, или быть ему подчинену, чтобъ полюбить его, а любя его, нельзя было не довести этого чувства до степени восторженной нѣжности. Онъ былъ ученъ, но не педантъ; разговоръ его отличался прелестью и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ полонъ содержанія. Несмотря на преклонныя лѣта и даже именно вслѣдствіе этой продолжительной и блестящей карьеры, Пепе былъ единственный человѣкъ, которому Венеція, въ своемъ исключительномъ положеніи, могла довѣрить трудный и щекотливый постъ главнокомандующаго. Пепе ознаменовалъ свое вступленіе приказомъ къ войску, полнымъ патріотизма, и на другой же день поручилъ генералу Рицарди произвести рекогносцировку около крѣпости Мальгеры и запастись лошадьми для войска и быками для продовольствія города. Отрядъ, которому поручено было это дѣло, выполнилъ его съ успѣхомъ и возвратился въ городъ съ богатой добычей. Въ тотъ же день австрійскій генералъ Вельденъ, съ корпусомъ въ 14,000 и съ 48 пушками, направился къ Венеціи, оставивъ гарнизонъ въ Тревизѣ. Онъ

началъ тотчасъ же блокаду лагуны, обложивъ городъ въ видѣ полукруга, оконечности котораго опирались одна на Бренту а другая на Піаве, а центръ составляло селеніе Местре. Силы Венеціи состояли изъ 22,000 сухопутнаго войска и 5,000 моряковъ. Кромѣ-того, у Венеціи былъ флотъ.

Венеціанская лагуна, называемая иначе Эстуаріо, состоитъ изъ мелководной бухты и ряда соляныхъ озеръ. Входъ въ нее доступенъ посредствомъ пяти каналовъ, образуемыхъ моремъ и называемыхъ портами. Самая лагуна вся изрѣзана каналами, образованными частію природой, а частію искусствомъ. Всѣ они соединены между собою системою шлюзовъ, устроенныхъ съ цѣлью орошенія мѣстности. Такъ-какъ русло бо́льшей части этихъ каналовъ выше окружающей ихъ равнины, то посредствомъ ихъ можно во всякое время наводнить всю окрестность. Въ сторонѣ твердой земли лежатъ мѣстности, легко наводняемыя во время чрезвычайныхъ приливовъ моря; ихъ называютъ *бареною*. Вслѣдствіе бо́льшаго или мéньшаго доступа моря къ различнымъ мѣсностямъ лагуны, ее дѣлятъ обыкновенно на двѣ половины: лагуну *живую* и лагуну *мертвую;* первая, наиболѣе-близкая къ морю и къ портамъ, бываетъ совершенно покрыта водою во время обыкновеннаго прилива, вторая же, какъ прилежащая къ твердой землѣ, заключаетъ въ себѣ *барены*, мѣста, покрываемыя водою только при сильныхъ приливахъ , во время равноденствія, а равно и во время большихъ бурь. Отсюда видно, что Венеція, по своему положенію, не принадлежа собственно ни морю, ни землѣ, превосходно защищена отъ нападенія, какъ арміи, такъ и флотовъ; притомъ же, военное искусство явилось здѣсь на помощь природѣ: военныя сооруженія на взморьѣ, на твердой землѣ и даже въ самой лагунѣ защищаютъ этотъ городъ. Венеція, не будучи ни крѣпостью, ни военнымъ городомъ, обезпечена противъ непріятеля какъ-нельзя-лучше, благодаря стихіи, ее окружающей, и сооруженнымъ здѣсь фортамъ, главная защита которыхъ заключается въ міазмахъ, испаряемыхъ лагунами, и въ болотистой почвѣ, чрезвычайно-затрудняющей осадныя работы. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ фортовъ преграждаютъ непріятелю доступъ съ моря, другіе, какъ напримѣръ Мальгера, самый сильный изъ фортовъ, покровительствуютъ вылазкамъ осажденныхъ. Кромѣ-того, венеціанцы прибѣгли еще къ одному средству защиты: они загородили каналы и поставили въ ихъ устьяхъ военныя суда. Всѣ форты и батареи вооружены были надлежащимъ образомъ. Что́ касается самаго плана защиты, принятаго венеціянцами, то онъ былъ очень-простъ и состоялъ въ безразличной оборонѣ всѣхъ входовъ, посредствомъ которыхъ непріятель могъ бы проникнуть въ лагуну, и въ размѣщеніи достаточныхъ

силъ на всѣхъ батареяхъ, фортахъ и укрѣпленныхъ островахъ Венеціи. Другими словами, опредѣленнаго плана не было, а между-тѣмъ, благодаря исключительному положенію Венеціи, на этотъ счетъ нельзя сдѣлать правительству ея никакого упрека.

Вѣна въ апрѣлѣ 1849 г. была на краю погибели: въ это время венгерцы били армію Виндишгреца на каждомъ шагу и одерживали блистательныя побѣды; слѣдовательно, продолжительное сопротивленіе Венеціи, казалось, могло бы спасти Италію. Но жестокая судьба, измѣнчивости войны, внезапныя перемѣны въ политикѣ, которыхъ невозможно было предвидѣть, несчастная битва при Новарѣ и, главное, вмѣшательство Россіи въ пользу Австріи возвратили Вѣнѣ ея могущество. Кто могъ бы ожидать подобныхъ результатовъ? Можно ли было предположить, что Пьемонтъ будетъ побѣжденъ въ нѣсколько дней, что Англія не приметъ сторону Венгріи, и что республиканская Франція будетъ содѣйствовать возстановленію свѣтской власти папы? Венеція была недостаточно сильна, чтобъ разсчитывать на собственныя средства; слѣдовательно, она должна была сообразовать свои поступки съ политическимъ и военнымъ положеніемъ другихъ итальянскихъ государствъ и, преимущественно, Пьемонта. При продолжительности своего сопротивленія, она могла быть отличнымъ базисомъ для военныхъ дѣйствій пьемонтцевъ и открыть сообщеніе, посредствомъ Фіуме, съ венгерцами. Одинъ военный писатель порицаетъ образъ дѣйствій Венеціи, говоря, что она должна была бы или двинуть свои войска въ поле и здѣсь напасть на непріятеля, или ограничиться оборонительнымъ образомъ дѣйствія, обезпечивъ себя запасами на самый продолжительный срокъ. Но чтобъ сформировать армію, способную выступить въ поле, нужно время, нужны люди, офицеры, генералы—а у Венеціи не было ничего этого. Когда въ одномъ изъ засѣданій французскаго сената, въ 1800 году, кто-то сказалъ, что достаточно полугода, чтобъ создать пѣхотнаго солдата, Наполеонъ сильно напалъ на такое мнѣніе: «Это мнѣніе ложно» сказалъ онъ «и поддерживать его крайне-опасно для страны. Если мы будемъ смотрѣть такъ на вопросъ о формированіи войска, то дѣло кончится тѣмъ, что у насъ войска вовсе не будетъ. При Жемапѣ 50,000 французовъ сражались съ 90,000 австрійцевъ. Впродолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ войну вели самымъ смѣшнымъ образомъ. Не рекруты, не новобранцы доставили намъ успѣхъ, а тѣ 182,000 старыхъ солдатъ, которыхъ революція направила къ границамъ. Что же касается новобранцовъ, то они или разбѣжались, или перемерли; только немногіе изъ нихъ сдѣлались современемъ хорошими солдатами. Отчего римляне совершали такіе великіе военные подвиги? Оттого, что имъ нужно было

шесть лѣтъ для сформированія солдата; у нихъ легіонъ въ 3,000 человѣкъ стоилъ 30,000; точно также и я берусь съ 15,000 своей гвардіи разбить 40.000, а вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не положусь на такое войско, которое составлено изъ новобранцевъ!» Что жь сказать болѣе? На какой бо́льшій авторитетъ опереться, возражая тѣмъ, которые утверждаютъ, что Венеція могла бы съ арміею, составленною изъ рекрутъ, безъ кадръ, безъ офицеровъ, безъ генераловъ, безъ полевой артиллеріи, кавалеріи, военнаго обоза, встрѣтить непріятеля въ полѣ? Чтобъ сформировать хорошее войско нужны прежде всего деньги, а у Венеціи съ іюля мѣсяца оставалось едвали нѣсколько мильйоновъ въ казначействѣ. Чтобъ снабдить Венецію запасами на продолжительное время, требовалось много мильйоновъ наличныхъ денегъ. Легко обезпечить крѣпость запасами на полгода, или даже на цѣлый годъ, обязавъ жителей самихъ позаботиться о своемъ продовольствіи и изгнавъ изъ крѣпости тѣхъ, которые безполезны для ея защиты и живутъ дневнымъ трудомъ. Но чтобъ снабдить продовольствіемъ Эстуаріо, венеціанскую лагуну, въ которой около 160.000 жителей, разсѣянныхъ по многимъ островамъ, нужны чрезвычайныя средства. Правительство не въ—состояніи было бы изгнать изъ городовъ и съ островов тѣхъ жителей, которые живутъ дневнымъ трудомъ, потому—что именно они составляютъ большинство венеціянскаго населенія, промышляющаго преимущественно мелкой торговлей и рыболовствомъ. Итакъ у Венеціи не было денегъ: всѣмъ извѣстно, что, начиная съ августа 1848, она неоднократно обращалась съ просьбою о пособіи къ другимъ итальянскимъ государствамъ, и что она обязана временною поддержкою только великодушію своихъ жителей, ссудившихъ правительству болѣе пятидесяти мильйоновъ.

Мы сказали выше, что основный планъ защиты Венеціи одинаково на всѣхъ пунктахъ не заслуживаетъ порицанія, но къ этому должны прибавить, что самое исполненіе плана ознаменовалось цѣлымъ рядомъ страшныхъ промаховъ и безпорядочностью. Съ самаго начала революціи военное управленіе ограничилось защитою внутреннихъ частей лагуны. Полагаясь на присутствіе пьемонтскаго флота, оно занималось преимущественно формированіемъ сухопутнаго войска, тогда—какъ слѣдовало бы обратить вниманіе на морскія силы и на нихъ основать средства защиты; а потомъ, когда пала Виченца, оставило во власти непріятеля берега лагуны. Такъ—какъ военная власть раздѣлена была между представительнымъ правленіемъ, спеціальнымъ комитетомъ, адмираломъ и главнокомандующимъ, то въ военныхъ распоряженіяхъ не было вовсе единства. На войнѣ время дорого; его не слѣдуетъ тратить на краснорѣчивыя разсужденія: надо предоставить главнокомандующему полную

свободу вдохновенія. Въ Венеціи происходило совершенно-противное: разсуждали, спорили; распоряженія противорѣчали весьма-часто одно другому, и, несмотря на то, благодаря мужеству и способностямъ Манина, благоразумію и самопожертвованію главнокомандующаго, храбрости и полной готовности войска и гражданъ, наконецъ, благодаря любви къ независимости и общей непримиримой ненависти къ австрійцамъ, Венеція все-таки достигла блистательныхъ результатовъ. Генералъ Пепе не могъ тотчасъ же рѣшиться на какое-нибудь важное предпріятіе, потому-что милиціонеры, составлявшіе значительную часть его войска, не были готовы къ дѣлу. Пепе прежде всего занялся организаціею и обученіемъ войскъ. Наибольшее препятствіе встрѣтилъ онъ въ этомъ случаѣ со стороны волонтеровъ, которые, бо́льшею частію народъ молодой, восторженный, любящій свободу, не могли подчиниться строгимъ требованіямъ военной дисциплины. Они смотрѣли на дисциплину скорѣе какъ на рабство, нежели какъ на обязанность; они желали въ военномъ дѣлѣ той же свободы спора, которою пользовались въ гражданскомъ быту. Ка́къ трудно сладить съ такими солдатами! Сверхъ-того Пепе былъ затрудняемъ невѣжествомъ начальниковъ отрядовъ, которые, по бо́льшей части, не знали даже первыхъ правилъ военнаго порядка. Сюда слѣдуетъ присоединить еще опустошеніе, производившееся въ рядахъ войскъ жестокою лихорадкою, эпидемически-господствующею въ лагунахъ. Эта болѣзнь довела войско до того, что въ концѣ іюля, вмѣсто 18,000 числившихся по спискамъ, въ строю находилось неболѣе 11,000 человѣкъ. Выздоравливающіе были точно такъ же слабы, какъ и больные. Врачи, для предотвращенія распространенія болѣзни, предписывали смѣнять гарнизонъ въ фортахъ чрезъ каждыя двѣ недѣли. Это безпрестанное передвиженіе отрядовъ истощало казну и останавливало обученіе арміи. Невозможно было съ совершенною правильностію установить порядокъ смѣны гарнизона, такъ-какъ не всѣ войска были одинаковымъ образомъ вооружены и обучены, и иногда необходимо было держать продолжительное время въ мѣстѣ нездоровомъ, или болѣе-подверженномъ нападенію непріятеля, войско, болѣе дисциплированное и привыкшее къ дѣлу. Отсюда недовольство солдатъ, безконечныя жалобы на главный штабъ. Начальникомъ штаба былъ у Пепе подполковникъ Ульлоа. Когда вспомнишь все это, всѣ несогласія между начальствующими и подчиненными, множество причинъ недовольства въ войскахъ и въ массѣ народа, поневолѣ отдашь справедливость управленію Манина, который въ такомъ критическомъ положеніи съумѣлъ поддержать порядокъ и свободу въ лагунѣ и возбудилъ уваженіе къ Венеціи даже въ ея врагахъ.

Схватки съ непріятелемъ начались 21 іюня. Генералъ Пепе попробовалъ-было овладѣть нѣсколькими пунктами, занятыми непріятелемъ; но хотя венеціянскія войска и одерживали верхъ, однакожь общій результатъ не удовлетворилъ ожиданій, и Пепе поневолѣ долженъ былъ ограничиться небольшими вылазками и рекогносцировками вокругъ фортовъ; эти стычки происходили каждый день и поддерживали боевой духъ въ войскахъ.

3-го іюля открылись засѣданія народнаго собранія. Большинство депутатовъ рѣшило присоединеніе Венеціи къ Пьемонту, вопреки желанію Манина, который, не разсчитывая на скорую помощь со стороны Карла-Альберта и боясь ослабленія самостоятельности венеціянскаго правительства, предлагалъ, вмѣстѣ съ Томмазео, отложить рѣшеніе этого вопроса до болѣе-благопріятнаго времени и сохранить существующую форму правленія. Когда рѣшеніе состоялось, Манинъ подалъ въ отставку. Новое временное правительство отправило депутацію къ Карлу-Альберту, который принялъ предложеніе Венеціи присоединиться къ Пьемонту и послалъ ей подкрѣпленіе изъ 1800 человѣкъ. Затѣмъ присланные Карломъ-Альбертомъ генералы Колли, Кастелли и Чибраріо вступили въ управленіе городомъ отъ имени короля. Церемонія передачи власти надъ Венеціею Карлу-Альберту происходила съ большою торжественностью. Народное собраніе было распущено, а равно и комитетъ обороны. Пьемонтскіе генералы взяли на себя военное и гражданское управленіе города. Вслѣдствіе этого положеніе Пепе сдѣлалось весьма-неловкимъ: званіе главнокомандующаго, въ которое былъ облеченъ Пепе, не могло уже существовать одновременно съ высшею властію пьемонтскихъ коммисаровъ. Колли, старый генералъ временъ имперіи, сталъ во главѣ военнаго управленія, и такимъ-образомъ Пепе попалъ къ нему въ подчиненные.

Между-тѣмъ неаполитанскій король былъ очень-недоволенъ тѣмъ, что часть его войска все еще находится въ Венеціи и защищаетъ дѣло итальянской независимости. Еще 16 іюля неаполитанскій консулъ получилъ повелѣніе выпроводить изъ Венеціи, всѣми способами, неаполитанскія войска и оставить здѣсь только однихъ волонтеровъ, возвращенія которыхъ Фердинандъ опасался. Венеціянское правительство сначала отказало Фердинанду въ его требованіи; но когда онъ прислалъ приказъ своимъ войскамъ не подчиняться болѣе генералу Пепе и признавать начальникомъ только подполковника Ритучи, то венеціянское правительство поняло, что оно не можетъ полагаться, при такихъ обстоятельствахъ, на готовность неаполитанскихъ солдатъ служить дѣлу Венеціи, и 10 августа отпустило ихъ во-свояси. Едва неаполитанцы оставили Венецію,

какъ въ тотъ же вечеръ неприятель открылъ огонь по форту Мальгеръ. Незадолго передъ тѣмъ венеціянская крѣпость Пальма-Нова сдалась австрійцамъ, послѣ бомбардированія, продолжавшагося нѣсколько минутъ. Соблазненные легкостью этого успѣха, австрійцы думали испугать Мальгеру—и ошиблись въ разсчетѣ: менѣе нежели въ два часа пушки Мальгеры заставили замолчать обѣ батареи, которыя австрійцы поставили противъ этого пункта.

Прервемъ на время разсказъ о военныхъ дѣлахъ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о важномъ политическомъ событіи, которое было причиною паденія пьемонтскаго управленія въ Венеціи. 9 августа разнесся въ городѣ слухъ, что австрійцы вступили въ Миланъ. Всѣ были въ страшномъ безпокойствѣ; площадь св. Марка покрылась народомъ, который криками требовалъ извѣстій съ театра войны. Пьемонтскіе коммисары отвѣчали, что они не получали никакихъ оффиціальныхъ сообщеній, которыми подтверждались бы эти тревожные слухи. Чтобы еще болѣе успокоить народъ, они упомянули о покровительствѣ со стороны Франціи и Англіи, по ихъ словамъ уже предложившихъ свое посредничество въ итальянскомъ вопросѣ. На слѣдующій день обнародовано было конфиденціальное письмо, полученное пьемонтскимъ коммисаромъ Кастелли, гдѣ его извѣщали, что австрійцы потерпѣли пораженіе близъ Милана и что французскій посланникъ въ Туринѣ обѣщалъ, отъ имени своего правительства, немедленную помощь Пьемонту. Утромъ 11 августа явился въ Венецію австрійскій парламентёръ, съ депешею, адресованною къ пьемонтскимъ коммисарамъ, въ которой обозначены были всѣ пункты перемирія Саласко, долженствовавшіе служить прелиминарными статьями мирныхъ переговоровъ между Австріею и Пьемонтомъ. На основаніи этого перемирія, Пьемонтъ, какъ мы уже сказали, въ первой нашей статьѣ, обязался возвратить Австріи всѣ занятыя его войсками крѣпости Ломбардо-Венеціи. О Венеціи и ея области упоминалось здѣсь какъ нельзя болѣе ясно. По полученіи этой депеши, коммисары собрали совѣтъ для обсужденія отвѣта австрійскому генералу Вельдену, требовавшему немедленнаго исполненія помянутыхъ условій и прежде всего сдачи Венеціи. Генералъ Колли и кавалеръ Чибраріо объявили въ этомъ собраніи, что они не могутъ повѣрить извѣстію, сообщенному имъ изъ неприятельскаго лагеря, и что даже въ томъ случаѣ, еслибы это извѣстіе было справедливо, они ни за что̀ не согласились бы отдать Венецію въ руки врага. Они присовокупили, что этотъ поступокъ былъ бы противенъ ихъ совѣсти, и что какъ-скоро печальное извѣстіе получитъ оффиціальное подтвержденіе, они будутъ считать свое порученіе оконченнымъ, и Венеція вступитъ въ свои преж-

нія права, будетъ находиться въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ была до присоединенія къ Пьемонту. Коммисаръ Кастелли объявилъ, сверхъ-того, что актъ присоединенія болѣе недолженъ считаться обязательнымъ, такъ-какъ въ конвенціи, заключенной по этому случаю, ясно сказано, что пьемонтскій король не имѣетъ права располагать судьбою Венеціи безъ согласія консульты. Король Карлъ-Альбертъ договорился съ Австріей о сдачѣ Венеціи безъ предварительнаго соглашенія съ венеціянскимъ народнымъ собраніемъ; слѣдовательно, присоединеніе Венеціи къ Пьемонту должно считать несуществующимъ и замѣненнымъ прежнею самостоятельностью этого города. Такъ-какъ никто не противорѣчилъ этимъ словомъ, то коммисары и члены совѣта постановили снова собраться по полученіи оффиціальнаго извѣстія о перемиріи, а до того времени назначить комитетъ обороны и принять необходимыя мѣры для безопасности лагуны. Въ исторіи немного примѣровъ подобнаго благородства, патріотизма и честности! Кастелли сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Манину. Оба они рѣшили, что совѣтъ соберется въ тотъ же вечеръ и что Манинъ будетъ въ немъ присутствовать.

Вечеромъ, на площади св. Марка собралась многочисленная толпа. Всѣ съ безпокойствомъ обращались другъ къ другу съ вопросами. Печальное извѣстіе, пьемонтская армія, Карлъ-Альбертъ, Кустоца, Миланъ перемиріе Саласко—составляли предметъ разговора; народъ волновался, выражалъ нетерпѣніе, требовалъ оффиціальныхъ извѣстій. Одинъ изъ чиновниковъ явился на балконѣ и громко прочелъ бюллетень генуэзскаго журнала «Il Pensiero italiano», который патетически разсказывалъ о бѣдственномъ положеніи пьемонтской арміи и оправдывалъ необходимость капитуляціи Милана. Всѣ тотчасъ же потребовали, чтобъ коммисары вышли на балконъ. Таковъ былъ издавна обычай въ Венеціи — требовать присутствія властей въ торжественныхъ случаяхъ. Коммисары вышли къ народу и объявили, что оффиціальныхъ извѣстій и до-сихъ-поръ еще неполучено, но присовокупили, что разнесшійся слухъ очень-похожъ на истину. Тысячи восклицаній раздались въ толпѣ: «Итакъ Миланъ сдался на капитуляцію? А Венеція? А флотъ?» и проч. Коммисары долго не рѣшались отвѣчать на эти вопросы. Наконецъ, генералъ Коли сказалъ, что такъ-какъ флотъ состоитъ изъ двухъ народностей—венеціянской и пьемонтской, то на первую можно разсчитывать; что же касается второй, то ея содѣйствіе сомнительно. Кастелли повторилъ, что не получено никакого оффиціальнаго извѣстія, которое могло бы сколько-нибудь компрометировать положеніе Венеціи, но что если такое извѣстіе получится, то коммисары сложатъ съ себя свое званіе, и немедленно будетъ созвано народное собраніе. Но толпа вол-

новалось все болѣе-и-болѣе; раздались крики: «Да здравствуетъ Манинъ! Смерть коммисарамъ! мы проданы!» Одинъ уроженецъ Ломбардіи взобрался на скамью: «Венеціянцы» вскричалъ онъ «я самъ ломбардецъ! Я житель Милана! Клянусь моей головой, что Миланъ не сдался на капитуляцію! Если Миланъ дѣйствительно въ рукахъ австрійцевъ, то, значитъ, его выдали. Будьте осторожны, венеціянцы, если вы хотите побѣдить интриги нашихъ враговъ.» При этихъ словахъ общій крикъ раздался въ толпѣ: «Намъ измѣнили! Насъ продали подлымъ образомъ! Да здравствуетъ Миланъ! Смерть коммисарамъ! Мы хотимъ Манина! Да здравствуетъ Манинъ!» Коммисары не знали, ка́къ утишить несправедливый гнѣвъ народа. Толпа ворвалась во дворецъ, окружила коммисаровъ и объявила имъ, что они лишены верховной власти и теперь неболѣе, какъ плѣнники народа. «Мы законная власть» вскричалъ Колли «и не подчинимся никакому насилію». Но толпа настаивала на своихъ требованіяхъ, и Кастелли понялъ, что всякое сопротивленіе было бы безполезно. «Граждане!» сказалъ онъ «впродолженіе всей моей жизни я былъ чистымъ венеціянцомъ, и съ этой же минуты слагаю съ себя управленіе дѣлами!» Раздраженная толпа продолжала наводнять собою дворецъ и пробралась уже въ комнату совѣта, требуя своего любимца Манина. Генералъ Пепе и Томмазео поспѣшили явиться во дворецъ. Всѣ желали, чтобъ эти два лица, вмѣстѣ съ Маниномъ, составили тріумвиратъ; но генералъ Пепе, въ качествѣ главнокомандующаго войскомъ, отклонилъ отъ себя эту почесть, несмотря на просьбу друзей: онъ не хотѣлъ, чтобы политическая власть имѣла военный оттѣнокъ. Томмазео тоже не рѣшался: «Сердце у меня болитъ еще отъ тѣхъ событій» говорилъ онъ «которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ первый періодъ венеціянской революціи. Манинъ будетъ управлять гораздо-лучше безъ моего содѣйствія.»

Вслѣдствіе совѣщанія съ Маниномъ, коммисары рѣшились устраниться отъ управленія, не выходя, впрочемъ, формально въ отставку, на что они и не имѣли дозволенія. Манинъ явился съ этимъ извѣстіемъ къ народу, ожидавшему результата совѣщаній. Едва Манинъ показался на балконѣ, какъ толпа привѣтствовала его восторженными криками. Воспользовавшись минутою молчанія, онъ сказалъ: «Королевскіе коммисары объявляютъ, что съ этой минуты они болѣе не принимаютъ участія въ дѣлахъ управленія. Послѣзавтра соберутся представители города и области Венеціи, чтобъ постановить форму новаго управленія. Впродолженіе этихъ двухъ сутокъ я буду управлять.» Эти слова въ одно мгновеніе успокоили толпу и внушили ей довѣріе. «Да здравствуетъ Манинъ!» закричали тысячи голосовъ. Вскорѣ затѣмъ Манинъ снова вышелъ на балконъ. «Сію минуту» сказалъ онъ «ударятъ тревогу; лучшіе

солдаты изъ каждаго батальйона выступятъ въ эту ночь на помощь Мальгерѣ, которой угрожаетъ нападеніе непріятеля.» — «Мы пойдемъ всѣ!» отвѣчала толпа «а оружіе?» — «Вы получите оружіе» сказалъ Манинъ «а теперь идите подомамъ; спокойствіе и отдыхъ намъ необходимы.» Толпа тотчасъ же оставила площадь и отправилась привѣтствовать генерала Пепе, который обѣщалъ защищать Венецію до послѣдней крайности и объявилъ измѣнникомъ всякаго, кто покинетъ знамя.

Успокоивъ коммисаровъ, Манинъ приготовилъ все къ ихъ отъѣзду. Въ городѣ разнесся слухъ, что народъ хочетъ сжечь пьемонтскія суда, на которыхъ коммисары должны отправиться. «Насъ обезпечиваетъ слово Манина» сказалъ по этому случаю Колли. Тàкъ велика была вѣра во всемогущество Манина и въ благородство этого человѣка!

На слѣдующій день морской министръ Венеціи, Граціани, предписалъ начальствовавшему венеціянской эскадрой адміралу Буа немедленно войти въ фортъ Маламокко, какъ-скоро пьемонтскій флотъ выйдетъ въ море. Узнавъ объ этомъ, пьемонтскій адмиралъ Альбини увѣдомилъ Граціани, что, прибывъ къ Венеціи, чтобъ защищать ее, онъ будетъ дѣлить съ венеціянцами труды и опасности защиты, до-тѣхъ-поръ, пока не получитъ отъ своего правительства приказанія въ противоположномъ смыслѣ. Онъ отнесся затѣмъ письменно въ Туринъ и просилъ не отзывать его изъ Венеціи до 1-го сентября, увѣряя, что городъ можетъ держаться до 20-го числа того мѣсяца—дня истеченія срока перемирія Саласко. Пьемонтскій генералъ Альбертъ Ламармора обѣщалъ, съ своей стороны, Манину и Пепе, что онъ всѣми способами постарается замедлить отправку изъ Венеціи трехъ пьемонтскихъ батальйоновъ. Тактика Альбини и Ламорморы дѣйствительно удалась, и, несмотря на настоянія австрійцевъ, пьемонтскія войска и флотъ оставили Венецію нераньше 9-го сентября. Тогда австрійская эскадра, какъ сильнѣйшая сравнительно съ венеціянской, вышла изъ своего убѣжища у Полы и начала блокаду портовъ Венеціи.

Народное собраніе назначило Манина диктаторомъ; онъ принялъ это званіе, но съ условіемъ, чтобъ къ нему присоединены были два лица для рѣшенія вопросовъ спеціальныхъ, именно контрадмиралъ Граціани и полковникъ Каведалисъ. Тотъ и другой пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ Манина и назначило диктатуру изъ трехъ лицъ. Послѣ выступленія пьемонтцевъ и неаполитанцевъ, Венеція, предоставленная собственнымъ своимъ средствамъ, отправила въ Парижъ, сперва Томмазео, а потомъ Менгардо, съ просьбою о посредничествѣ Франціи. Манинъ отнюдь не разсчитывалъ на успѣхъ этого посольства и обратился попрежнему къ патріотизму и мужеству жите-

лей и войска. Непріятель, полагая, что неудачи пьемонтской арміи должны были поколебать бодрость духа венеціянцевъ, и что городъ навѣрно уже во власти анархіи, попытался еще разъ попугать гарнизонъ Мальгеры; но попытка не удалась, и пушки форта опять заставили замолчать австрійскую артиллерію. Предположенія австрійцевъ насчетъ положенія города были отчасти справедливы: въ жителяхъ Венеціи дѣйствительно начало выказываться недовѣріе, какъ къ правительству, такъ и къ своимъ силамъ. Клубы критиковали мѣры правительства и своими разсужденіями сбивали съ толку гражданъ. Манину и Пепе приходилось подъ—часъ очень-трудно, однако они не падали духомъ и продолжали попрежнему трудиться съ величайшей энергіей. Такъ—какъ главная причина слабости Венеціи заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, то правительство придумало новую финансовую мѣру— учрежденіе народнаго банка. Патріотизмъ достаточныхъ гражданъ помогъ осуществленію этой мѣры, которая на нѣкоторое время облегчила финансовыя затрудненія правительства. Между-тѣмъ французскій консулъ увѣдомилъ Манина, что пароходъ «Солонъ» привезъ начальствующему французскими морскими силами въ Адріатикѣ, контра-адмиралу Ригоди, извѣстіе объ отправленіи изъ Франціи въ Венецію четырехъ фрегатовъ съ десантомъ; въ то же время Пепе получилъ отъ Гаркура, французскаго посланника въ Римѣ, письмо, въ которомъ сказано было, что генералъ Кавеньякъ рѣшилъ отправить въ Венецію корпусъ въ 4000 человѣкъ. Это вмѣшательство Франціи въ пользу Венеціи значило тоже что объявленіе Австріи войны. Италія была бы спасена. Австрія испугалась и приняла посредничество Франціи. Генералъ Вельденъ, также опасаясь вмѣшательства французовъ, рѣшился собрать къ одному центру свои войска, разсѣянныя по Ломбардо—Венеціи, и покинуть нѣкоторые изъ занятыхъ имъ пунктовъ вокругъ лагуны. Какой превосходный случай для венеціянцевъ прорвать линію блокады! Но политическія соображенія и болѣзнь, свирѣпствовавшая въ рядахъ войскъ, воспрепятствовали исполненію этой мысли. Контрадмиралъ Ригоди получилъ приказаніе отъ генерала Кавеньяка — препятствовать всякому непріязненному дѣйствію противъ города. Два парохода прибыли для усиленія дивизіи Ригоди. Посредничество Франціи и благоразуміе диктаторовъ были важнымъ ручательствомъ за успѣхъ дѣла Венеціи. Непріятель въ это время ограничивался тѣсною блокадою лагуны, какъ съ моря, такъ и со стороны твердой земли. Дипломатія совѣтовала Манину оставаться въ оборонительномъ положеніи, чтобъ не подавать австрійцамъ повода къ нарушенію перемирія, существовавшаго de facto. Тягостное перемиріе, обязывавшее Венецію истощать свои запасы въ то время, какъ она не имѣла

никакихъ средствъ къ ихъ пополненію! Чтобы не мѣшать переговорамъ, Пепе предписалъ начальникамъ военныхъ округовъ упражнять войска только посылкою ихъ на рекогносцировки вокругъ укрѣпленій, для наблюденія за непріятелемъ.

Главный политическій клубъ въ Венеціи представилъ тріумвирамъ протестъ венеціянскаго флота противъ перемирія. Манинъ отвѣчалъ, что высокія патріотическія чувства моряковъ скоро найдутъ случай высказать себя на дѣлѣ. Но чтó же было дѣлать въ то время, когда всѣ полагались на искренность участія Франціи къ дѣлу Италіи? Венеція не могла пренебрегать совѣтами другихъ державъ и преимущественно совѣтами Франціи, отъ которой болѣе, нежели отъ кого-либо, можно было ожидать помощи. 3-го октября, французскій корабль «Океанъ» доставилъ въ Венецію изъ Генуи 6000 ружей. 11-го октября, народное собраніе засѣдало въ залѣ большаго совѣта. Манинъ всходитъ на трибуну, при единодушныхъ аплодисментахъ, и отказывается, лично за себя, отъ жалованья, которое президентъ собранія предложилъ назначить каждому лицу, занимающему какую-либо общественную должность. «До-тѣхъ-поръ пока Венеція» сказалъ онъ «будетъ находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, я не приму никакого жалованья. Еслибъ я нуждался, то обратился бы за помощью къ своимъ друзьямъ. Я не протяну руки къ моему отечеству въ то время, какъ оно само бѣдствуетъ.» Пепе тоже отказался отъ жалованья и даже предложилъ въ даръ одну изъ картинъ Леонардо-да-Винчи. Бóльшая часть военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ отказались отъ половины своего жалованья. 13-го октября сдался фортъ Озопо, послѣ полугодовой блокады. На основаніи капитуляціи, защитники форта получили право безпрепятственно разойтись по домамъ.

День проходилъ за днемъ, а посредничество Франціи не дало еще никакого результата. Австрія выигрывала время, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, усыпить бдительность Франціи и Англіи; она работала надъ формированіемъ новыхъ батальйоновъ, тогда-какъ средства Венеціи истощались, болѣзни и бездѣйствіе увеличивали убыль въ венеціянскомъ войскѣ, губили защитниковъ, ослабляли силу и боевой духъ волонтеровъ. Кромѣ-того, надо было опасаться, что населенія материка, чтобъ сколько-нибудь отдохнуть отъ военныхъ тревогъ, согласятся подчиниться игу Австріи. Волненіе въ этомъ духѣ уже начало выказываться въ Венеціи. Необходимо было предупредить дипломатію, возстановить надежды Италіи, возбудить бодрость въ защитникахъ Венеціи. Тріумвиры отдали Пепе приказъ возобновить военныя дѣйствія. Не рѣшаясь съ перваго раза на чтó-нибудь особенно важное, чтобъ неудачей большаго дѣ-

ла не повредить защитѣ Венеціи, Пепе осторожно дебютировалъ небольшою экспедиціей противъ Каваллино, деревушки, расположенной близъ форта Трепорти, доступъ къ которой былъ довольно-труденъ. Пробраться сюда можно было только по узкому шоссе, проведенному по берегу канала Порделіо. Каналъ оберегали два непріятельскія судна, вооруженныя мушкетонами. Мѣстность между Трепорти и Каваллино вся изрѣзана каналами и заборами. Артиллеріи и кавалеріи пройти здѣсь невозможно; даже и пѣхота проходитъ съ большимъ трудомъ. Деревню занимали 100 австрійцевъ, съ двумя пушками. Венеціянскій экспедиціонный отрядъ состоялъ изъ 400 стрѣлковъ и былъ поддерживаемъ небольшою флотиліею, шедшею каналомъ, параллельно съ колонной, направлявшейся по дорогѣ. Австрійскій отрядъ укрывшись за заборами, встрѣтилъ венеціянцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но былъ выбитъ изъ засады и побѣжалъ къ деревнѣ. Когда, по слѣдамъ бѣгущихъ, венеціянцы достигли этого пункта, то, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ картечью съ флота, ударили на непріятеля въ штыки. Паническій страхъ овладѣлъ австрійцами; они поспѣшно ретировались, оставивъ въ рукахъ побѣдителей двѣ пушки и значительное количество всякаго рода снарядовъ и запасовъ. Этотъ успѣхъ, хотя и совершенно-незначительный по результату, возвратилъ увѣренность венеціянскому войску. Убѣдившись, что венеціянскіе волонтеры надежнѣе австрійцевъ, Пепе рѣшился атаковать Местре, укрѣпленный городокъ, находящійся на материкѣ, нѣсколько-выше Мальгеры. Эта демонстрація тоже не имѣла важнаго стратегическаго значенія, но цѣль ея была расшевелить дипломатію, возбудить бодрость въ войскахъ и пріучить ихъ къ трудностямъ войны: всѣ были того мнѣнія, что венеціянская армія не въ-состояніи ни выступить въ поле, ни прорвать линію блокады.

Австрійцы, вѣрные своей прежней системѣ растягивать войска на слишкомъ-обширное пространство, оберегали всѣ пункты, не будучи особенно сильны ни на одномъ. Пепе рѣшился на самый смѣлый ударъ, который, подъ-часъ, иногда бываетъ и самымъ лучшимъ. Раздѣливъ свой отрядъ на три колонны и пробравшись къ Местре подъ прикрытіемъ ночной темноты, онъ быстро устремился на австрійскій гарнизонъ. Первое нападеніе было отбито. Ряды итальянцевъ разстроились; но возбуждаемые словами своихъ начальниковъ, при крикахъ «да здравствуетъ Италія!» при звукѣ барабановъ и рожковъ, итальянцы снова собираются и начинаютъ отчаянный бой. Они врываются въ городъ—непріятель разбитъ на голову, и обращается въ бѣгство. Не имѣя достатотно войскъ, чтобъ удерживать за собою городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, Пепе приказываетъ своему отряду отступить къ Мальгерѣ. Трофеями этого

достопамятнаго для Венеціи дня были четыре пушки, нѣсколько повозокъ съ военными снарядами и багажемъ, 500 плѣнныхъ, казна гарнизона и вся переписка генерала Митиса, командовавшаго въ это время австрійскимъ осаднымъ корпусомъ. Въ бумагахъ Митиса оказался дневной приказъ, въ которомъ, между-прочимъ, сказано было слѣдующее: «Комендантъ сію-минуту получилъ извѣстіе, что венеціянскія войска произведутъ завтра вылазку изъ Мальгеры и нападутъ на городъ съ тыла». День вылазки обозначенъ совершенно-вѣрно. Ясно было, что какой-нибудь шпіонъ служилъ въ одно и то же время обѣимъ сторонамъ, какъ часто случается на войнѣ. Несмотря на то, этотъ случай возбудилъ подозрѣніе народа противъ многихъ достойныхъ уваженія жителей Венеціи. Сраженіе при Местре доказало еще разъ, что́ значитъ энтузіазмъ, этотъ *производитель чудесъ*, какъ сказалъ Монтенъ. Молодые итальянскіе волонтеры, неопытные въ военномъ дѣлѣ, слабѣйшіе числомъ и почти вовсе-незнавшіе военной дисциплины, разбили многочисленнаго непріятеля, сильно-укрѣпившагося и обладавшаго грозной артиллеріей. По случаю побѣды при Местре въ Венеціи назначено было военное торжество. Войска, участвовавшія въ экспедиціи, проходили церемоніальнымъ маршемъ предъ тріумвирами. Вся площадь св. Марка покрыта была народомъ. Намѣреваясь начать болѣе-серьёзныя военныя дѣйствія, Пепе сформировалъ, вмѣстѣ съ генераломъ Феррари, нѣсколько отдѣльныхъ ротъ, названныхъ *адскими* и составленныхъ изъ самыхъ безстрашныхъ волонтеровъ. Генералъ Митисъ прислалъ къ Пепе письмо, въ которомъ освѣдомлялся о числѣ и положеніи австрійскихъ плѣнныхъ. Пепе отвѣчалъ, что они распредѣлены по различнымъ островамъ лагуны и содержатся весьма-хорошо, и что раненые пользуются въ госпиталяхъ такимъ же уходомъ, какъ и венеціянскіе солдаты. Пепе воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ упомянуть о страшныхъ жестокостяхъ, которымъ подвергаются жители Местре и окрестностей отъ кроатовъ. Хотя эти жители не принимали никакого участія въ помянутой вылазкѣ венеціянцевъ и даже вовсе не знали о ней, тѣмъ-неменѣе ихъ собственность расхищена, а жены обезчещены. Пепе требовалъ удовлетворенія за эти насилія и строгаго наказанія виновныхъ, грозя, въ противномъ случаѣ, разстрѣливать каждый день по одному изъ пяти австрійскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Местре. Эта угроза имѣла свое дѣйствіе.

Радецкій усилилъ линію блокады новыми войсками и замѣнилъ генерала Митиса генераломъ Готцемъ. Число австрійскихъ войскъ дошло до 20,000.

Какъ мы уже упомянули въ нашей первой статьѣ, Пій IX 25 ноября 1848 г. бѣжалъ изъ Рима, и папское правительство замѣнено было народнымъ. Угрожаемая со всѣхъ сторонъ врагами и уступая требова-

ніямъ европейской дипломатіи, юная римская республика должна была отозвать изъ Венеціи римскій легіонъ волонтеровъ. Когда этотъ легіонъ оставилъ Венецію, диктаторъ Каведалисъ нашелъ возможность набрать нѣсколько батальйоновъ въ провинціяхъ, лежащихъ на матерпкѣ. Эти новобранцы благополучно проведены были въ Венецію контробандистами, знавшими всѣ проходы и уголки лагуны. Такимъ-образомъ, энергія и дѣятельность венеціянскаго правительства, казалось, возрастала по мѣрѣ увеличенія опасности и затрудненій.

Такъ-какъ собранныя по послѣднему займу деньги уже истощились, то тріумвиры снова обратились за помощью къ патріотизму жителей. Сдѣланъ былъ новый заемъ, обезпеченіемъ которому послужило все недвижимое имущество общины и правительства Венеціи. Австрійцы хотя и усилили свои средства, однакожь не рѣшались предпринять что-либо серьёзное противъ города. Венеціянское войско, обезсиленное болѣзнями, снова ограничилось строго-оборонительнымъ образомъ дѣйствій, и пока только готовилось принять участіе въ кампаніи, которую въ то время думалъ начать Пьемонтъ. Притомъ тріумвиры все еще не рѣшались идти на явный разрывъ съ иностранной дипломатіей. Лордъ Пальмерстонъ сильно порицалъ послѣднія вылазки венеціянцевъ. Такой образъ дѣйствій — говорилъ онъ — прямое нарушеніе перемирія; а между-тѣмъ это перемиріе единственный предлогъ, на который могутъ опереться посредничествующія державы, чтобъ удержать австрійцевъ отъ попытки произвести рѣшительный приступъ. Пальмерстонъ въ то же время не одобрялъ послѣднихъ финансовыхъ мѣръ венеціянскаго правительства. И дѣйствительно, въ Эстуаріо не было недостатка въ продовольствіи, съ-тѣхъ-поръ, какъ австрійцы отодвинули далѣе свою линію блокады: населеніе было спокойно, довѣряло правительству и жило, почти не чувствуя неудобствъ осады. Однакожь, нѣкоторое недовольство тотчасъ же проявилось въ городѣ, какъ-скоро узнали, что Карлъ Альбертъ менѣе, нежели прежде, выражаетъ готовность начать войну. Реакція господствовала въ Неаполѣ; Тоскана не давала ни денегъ, ни войска, и нечего было разсчитывать на ея содѣйствіе; истощенная ломбардо-венеціянская область находилась во власти непріятеля; Римъ, угрожаемый всѣми католическими державами, едва держался. Таково было политическое и военное положеніе Венеціи, когда Франція и Англія внезапно нанесли ей послѣдній ударъ, рѣшительно отказавъ въ какой бы то ни было помощи. Со времени провозглашенія въ Римѣ республики, въ венеціянскомъ народномъ собраніи образовалась партія въ пользу присоединенія Венеціи къ Риму, гдѣ, какъ извѣстно, предполагалось созвать учредительное собраніе для всей Италіи. Вечеромъ 5-го

марта 1849 г., многочисленная толпа съ факелами и знаменами наполнила улицы Венеціи, при крикахъ: «да здравствуетъ итальянское учредительное собраніе! смерть австрійцамъ! да здравствуетъ Венеція!» Она отправилась къ герцогскому дворцу и потребовала Манина. Манинъ явился и не безъ труда уговорилъ народъ разойтись. Въ ту же самую ночь и утромъ на другой день произошли манифестаціи въ противоположномъ смыслѣ: на стѣнахъ домовъ появились прокламаціи, въ которыхъ народъ требовалъ назначенія Манина диктаторомъ и грозилъ смертью начальникамъ оппозиціи. Несмотря на эти тревожные признаки, засѣданіе собранія обошлось безъ бурныхъ сценъ, и 7 марта Манинъ былъ назначенъ единогласно всѣми членами главою исполнительной власти, съ титуломъ президента Онъ получилъ неограниченную власть распоряжаться внутреннею и внѣшнею защитою страны, а равно и право отсрочивать засѣданія собранія, однакожь, неболѣе какъ на восьмнадцать дней, и притомъ съ условіемъ—всякій разъ сообщать предварительно о причинѣ отсрочки. Манинъ тутъ же отсрочилъ собраніе на нѣсколько дней, чтобы составить себѣ министерство. Въ это время Пепе снова началъ стычки съ непріятелемъ и, согласно своему новому плану, который былъ одобренъ присланнымъ въ Венецію отъ Карла-Альберта генераломъ Оливьери, сосредоточилъ свои дѣйствія преимущественно въ окрестностяхъ Бренты. Венеція думала дѣйствовать совокупно съ Пьемонтомъ и рѣшиться на что-либо серьёзное Но уже было поздно... 28 марта разнеслась въ Венеціи вѣсть о большой побѣдѣ, одержанной Карломъ-Альбертомъ—всѣ были въ восторгѣ; но на слѣдующій день страшное отчаяніе смѣнило этотъ энтузіазмъ, когда Манинъ призвалъ къ себѣ Пепе и объявилъ ему печальное извѣстіе о сраженіи при Новарѣ. Дѣйствующіе отряды снова были собраны въ городъ и заняли прежніе пункты обороны. Австрійскій генералъ Гайнау прислалъ венеціянскому правительству извѣщеніе о заключеніи предварительнаго мирнаго договора между Австріей и Пьемонтомъ и предлагалъ Венеціи сдаться на почетныхъ условіяхъ, которыхъ она отнюдь не получитъ, если будетъ продолжать упорствовать. Манинъ созвалъ собраніе и сообщилъ ему это дерзкое письмо. Венеція была теперь въ глазахъ европейскихъ кабинетовъ неболѣе, какъ возмутившійся городъ; ей нечего было ждать ни отъ Пьемонта, ни отъ англо-французскаго посредничества; но собраніе, повинуясь только своему мужеству и патріотизму, единогласно постановило слѣдующее рѣшеніе: «Венеція ни за какую цѣну не отдастъ себя австрійцамъ, и съ этою цѣлью Манину даруется безграничная власть надъ страною». Когда, затѣмъ, депутаты вмѣстѣ съ Манинымъ вышли къ народу, ихъ привѣтствовали восторженные аплодисмен-

ты. Народъ и войска кричали какъ-бы въ изступленіи: «да, да, мы будемъ защищаться, во чтó бы то ни стало!» Манинъ, вмѣсто отвѣта, послалъ къ Гайнау копію съ этого декрета собранія. За общимъ уныніемъ послѣдовалъ энтузіазмъ, который трудно описать. Не было ни одного гражданина, который не рѣшился бы на самыя страшныя жертвы. Всѣ клялись лучше умереть, нежели покориться ненавистному врагу. Венеція, въ этомъ безвыходномъ положеніи, представляла страну героевъ, достойныхъ лучшей участи... Мужество и дѣятельность возрастали; Манинъ успѣлъ реализировать новый заемъ, который обезпечилъ существованіе Венеціи до апрѣля, и въ то же время рѣшился въ послѣдній разъ обратиться къ посредничеству Франціи и Англіи. Томмазео взялся возбудить сочувствіе всей христіанской Европы къ судьбѣ Венеціи; онъ доказывалъ, что политика должна подчинять свои дѣйствія законамъ человѣколюбія. «Голосъ умирающей Венеціи взываетъ ко всему свѣту; горе тѣмъ, кто его не слышитъ!» воскликнулъ онъ, заключая свое краснорѣчивое воззваніе.

Австрійская эскадра оставила мѣсто прежней своей стоянки и приблизилась къ лагунѣ. Морской министръ Венеціи, вмѣсто того, чтобъ увеличить силы флота для обороны взморья, сдѣлалъ ошибку, разоруживъ флотъ и снявъ съ него войска для защиты фортовъ. Вслѣдствіе этого, непріятель могъ теперь совершенно-спокойно блокировать лагуну. Къ Гайнау постоянно прибывали подкрѣпленія, такъ-что его войско состояло въ это время изъ 30,000 человѣкъ. Непріятель, гордый своею недавнею побѣдою надъ пьемонтцами, намѣревался прорвать оборонительную линію лагуны; ему хотѣлось отвлечь вниманіе венеціянцевъ отъ настоящаго пункта нападенія, чтобъ принудить ихъ раздѣлить свои силы. Онъ грозилъ одновременно высадкою съ моря и нападеніемъ противъ Брондоло и Мальгеры, фортовъ, составлявшихъ два крайніе пункта оборонительной линіи Венеціи. Впрочемъ, венеціянцы вскорѣ догадались, что главная цѣль Гайнау—Мальгера, потому-что онъ сосредоточилъ здѣсь свое войско и осадный паркъ. Фортъ Мальгера построенъ между 1808 и 1810 годами, по приказанію императора Наполеона Онъ соединяется съ лагуною посредствомъ рвовъ, наполненныхъ водою. Кромѣ-того, отъ Мальгеры до береговъ лагуны идетъ огромный каменный мостъ. Укрѣпленія Мальгеры земляныя и покрыты камнемъ. Вообще, внѣшнія укрѣпленія довольно-сильны; чтó жь касается внутренности форта, то здѣсь есть оборонительныя казармы, которыя хотя и могутъ сопротивляться ударамъ бомбъ, но вмѣщаютъ въ себѣ неболѣе 100 человѣкъ. Такимъ-образомъ, значительнѣйшая часть гарнизона принуждена располагаться лагеремъ на открытомъ мѣстѣ и подвергаться нетолько ударамъ бомбъ,

но и вредному вліянію климата и болѣзнямъ. Полковники Милани и Ульлоа получили приказаніе отъ комитета обороны осмотрѣть укрѣпленія Мальгеры и сдѣлать въ нихъ, если нужно, кое-какія исправленія. Милани и Ульлоа исполнили порученіе и, между-прочимъ, совѣтовали коменданту форта, генералу Паолуччи, снять деревянные бараки и замѣнить ихъ палатками, чтобъ избѣжать пожаровъ и важныхъ послѣдствій бомбардированія; но Паолуччи не рѣшился исполнить эту мѣру, боясь возбудить неудовольствіе гарнизона, который уже издавна привыкъ къ такому помѣщенію. Впрочемъ, порядокъ крѣпостной службы былъ весьма-удовлетворителенъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Паолуччи назначенъ комендантомъ, онъ настойчиво достигъ искорененія многихъ злоупотребленій и безпорядковъ, только никакъ не могъ добиться того, чтобъ артиллеристы форта не стрѣляли по непріятелю, когда тотъ показывался гдѣ-нибудь вдалекѣ, на дорогѣ къ Местре: Паолуччи боялся, что онъ, подобно своимъ предшественникамъ, прослыветъ между солдатами *австрійцемъ*. Морской министръ Граціано предложилъ разрушить помянутый каменный мостъ, но это мнѣніе было единогласно отвергнуто. И въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ непредвидѣннаго пораженія при Новарѣ уже не оставалось достаточно времени, чтобъ исполнить, какъ слѣдуетъ, эту продолжительную и трудную работу. Матеріалъ разрушеннаго моста не успѣли бы свезти, и, такимъ-образомъ, эти обломки, лежавшіе кучами, загромоздили бы часть лагуны и послужили бы непріятелю воронками, въ которыхъ онъ могъ бы укрыться отъ продольныхъ выстрѣловъ венеціянскихъ батарей. Напротивъ, еслибъ мостъ остался въ цѣлости, то вдоль его легко можно было бы дѣйствовать огнемъ съ батареи, а непріятель не могъ бы построить здѣсь батарею, чтобъ отвѣчать на крѣпостной огонь. Впослѣдствіи непріятель утвердился на мосту именно при помощи воронокъ, произведенныхъ взрывами. Впрочемъ, несмотря на это обстоятельство, Венеція до послѣдняго дня сохранила свое превосходство надъ врагомъ, и еслибъ она, впослѣдствіи, не нуждалась въ продовольствіи и военныхъ снарядахъ, то непріятель никогда не вошелъ бы въ нее черезъ мостъ лагуны.

Для австрійцевъ весьма-важно было покорить Венецію еще до начала лѣта: жары были для нихъ еще страшнѣе венеціянскихъ пушекъ; итакъ, Гайнау въ концѣ апрѣля рѣшился приступить къ осадѣ Мальгеры. Къ этому времени Радецкій, два сына вице-короля, эрц-герцоги Карлъ, Леопольдъ, Фердинандъ и Вильгельмъ, генерал-лейтенанты Вегла и Вимпфенъ прибыли въ главную квартиру экспедиціоннаго корпуса. Непріятель повелъ противъ Мальгеры траншеи. Комендантъ Паолуччи въ это время сдѣлался боленъ. Онъ былъ въ крайнемъ уныніи, опасаясь,

чтобъ случайности осады не подали повода венеціянцамъ выместить свой гнѣвъ на его семействѣ, тѣмъ-болѣе, что въ это время онъ былъ оклеветанъ самымъ недостойнымъ образомъ. Въ концѣ апрѣля, полковникъ Ульлоа занялъ временно мѣсто Паолуччи, а затѣмъ. чрезъ нѣсколько дней, былъ назначенъ окончательно главнымъ начальникомъ крѣпости.

Въ ночь съ 29 на 30, австрійцы заложили свою первую параллель, а на слѣдующую ночь начали строить батареи въ самой параллели. Ко 2 мая эти работы подвинулись уже довольно-далеко. Съ своей стороны, комендантъ Мальгеры трудился надъ исправленіемъ недостатковъ укрѣпленій. Такъ-какъ первая параллель находилась еще довольно-далеко отъ форта, и мѣстность между нею и фортомъ, по причинѣ болотистой почвы, была неудобна для вылазокъ въ большихъ размѣрахъ, то комендантъ ограничился незначительными рекогносцировками, для выполненія которыхъ назначилъ четыре роты. Дѣйствія этого отряда начинались въ 9 часовъ вечера и оканчивались передъ восходомъ солнца. Вотъ въ чемъ они состояли: впродолженіе ночи, рота сколь-можно ближе пробиралась къ непріятельской траншеѣ, укрываясь за неровностями мѣстности и окраинами каналовъ. Затѣмъ она открывала огонь противъ рывшихъ траншеи саперовъ и продолжала его до прибытія траншейнаго оборонительнаго отряда. Тогда она направлялась къ другому пункту и тамъ тревожила непріятеля, а въ случаѣ неудачи отступала къ остальнымъ тремъ ротамъ. Пушки крѣпости, наведенныя на опредѣленный пунктъ еще до заката солнца, должны были прикрывать отступленіе отряда. Такимъ-образомъ, гарнизонъ Мальгеры, впродолженіе каждой ночи, держалъ непріятеля въ страхѣ, замедлялъ его работы и въ то же время пріучалъ своихъ солдатъ къ дѣлу.

Успѣвъ продолжить параллель и возвести нѣсколько новыхъ батарей, непріятель, утромъ 4 мая, открылъ сильнѣйшій огонь по форту. Молодые милиціонеры, внезапно охваченные градомъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, совершенно растерялись: они бѣгали туда и сюда и искали защиты. Впрочемъ, эта суматоха продолжалась недолго. Вслѣдствіе убѣжденій начальствъ, милиціонеры снова заняли свои мѣста. Храбрый капитанъ Козенцъ и сержанты Майо и Ачербо первые подали примѣръ своимъ подчиненнымъ: они зарядили пушку и первые отвѣтили непріятелю. Вскорѣ канонада сдѣлалась общею. Комендантъ приказалъ капитану Катабени взять знамя легіона и, въ-сопровожденіи роты солдатъ, пройти вдоль линіи обороны, чтобъ возбудить тѣмъ мужество въ защитникахъ форта. При появленіи знамени, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «да здравствуетъ Италія!» Всеобщій порывъ смѣнилъ прежнюю нерѣшительность; и въ солдатахъ и въ офицерахъ выказался ихъ обычный пылъ;

артиллерія принялась отвѣчать съ бо́льшею вѣрностію и быстротою батареямъ непріятеля. Въ это время, въ Мальгеру прибылъ Пепе со своимъ главнымъ штабомъ. Гарнизонъ, радостными восклицаніями, привѣтствовалъ его, какъ начальника и отца. Канонада продолжалась безостановочно до 7 часовъ вечера. Огонь съ фортовъ не ослабѣвалъ, а непріятельскій становился все тише–и–тише и къ 9 часамъ совершенно прекратился.

Во время канонады, Радецкій и герцоги Карлъ, Фердинандъ, Леопольдъ и Вильгельмъ, вмѣстѣ съ главнымъ штабомъ, помѣстились на башнѣ въ Местре, чтобъ лучше видѣть исходъ борьбы. Говорятъ, что при нихъ находился живописецъ, которому поручено было изобразить на полотнѣ вступленіе австрійцевъ въ Мальгеру и въ Венецію. Неизвѣстно, справедливо ли послѣднее, но несомнѣнно то, что Радецкій разсчитывалъ проникнуть въ Венецію непозже 7 мая. По его приказанію, въ лагуну брошены были бутылки, внутри которыхъ находились прокламаціи, извѣщавшія венеціянцевъ о вступленіи императорскихъ войскъ въ Мальгеру. Приливъ долженъ былъ доставить эти посылки къ берегамъ Венеціи. «Аугсбургская Газета» выражала, 2 мая, увѣренность насчетъ близкой побѣды. Исчисливъ успѣхи осадныхъ работъ, она заключила свою статью слѣдующими словами: «Любопытно посмотрѣть, такъ ли весело будутъ палить венеціянцы, когда наши бомбы сдѣлаютъ имъ первый визитъ» и затѣмъ, присовокупляла: «Паденіе Мальгеры рѣшитъ остальное».

Утромъ 5 мая, австрійскій парламентёръ явился на аванпостахъ. Онъ подалъ два письма: одно отъ маршала Радецкаго къ президенту Манину, а другое отъ генерала Гайнау къ коменданту Мальгеры. Вотъ текстъ послѣдняго: «Для того, чтобъ комендантъ Мальгеры зналъ, по какому поводу осаждающими пріостановлены военныя дѣйствія, при семъ прилагается копія съ предложенія, сдѣланнаго маршаломъ Радецкимъ жителямъ Венеціи». Генералъ Гайнау, надѣясь на пріостановленіе военныхъ дѣйствій, разсчитывалъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ исправить поврежденія, причиненныя послѣдней битвой. Письма были безъ конвертовъ и незапечатаны, для того, чтобъ офицеръ, который ихъ получитъ, могъ прочесть ихъ и сообщить гарнизону объ условіяхъ, предлагаемыхъ маршаломъ. Радецкій полагалъ, что милиціонеры непрочь отъ заключенія мира. Венеціянскій офицеръ переговорилъ съ парламентёромъ и прочиталъ письма; Ульлоа, комендантъ Мальгеры, понялъ продѣлку непріятеля и послалъ къ Гайнау слѣдующій отвѣтъ: «Присланное вами письмо маршала Радецкаго препровождено къ президенту венеціянскаго правительства. Безъ разрѣшенія помянутаго пра-

вительства, я не считаю себя вправѣ пріостановить военныя дѣйствія. Итакъ буду продолжать канонаду съ тѣмъ-бо́льшею настойчивостью, что ясно вижу ваше намѣреніе воспользоваться перемиріемъ для того, чтобъ продолжать осадныя работы, что́ вовсе несогласно съ обычаями войны. Точно также несогласно съ этими обычаями посылать открытыя письма къ коменданту осаждаемой крѣпости, и потому имѣю честь предупредить васъ, что наши аванпосты получили приказаніе смотрѣть на каждаго подателя открытаго письма, какъ на шпіона, и поступать съ нимъ ка́къ подобаетъ въ подобныхъ случаяхъ». Гайнау вздумалъ продолжать переписку. Онъ надѣялся такимъ-образомъ или выиграть время, или, вступая въ сношеніе съ начальникомъ крѣпости, заподозрить его въ глазахъ гарнизона. Во второмъ письмѣ онъ говорилъ, что не онъ, а комендантъ крѣпости нарушаетъ перемиріе, продолжая непріязненныя дѣйствія. Перемиріе, о которомъ упоминалъ Гайнау, никогда и не существовало, потому-что не было принято. Комендантъ Мальгеры, чтобъ показать войску, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія затѣвать сношенія съ непріятелемъ, приказалъ начальникамъ батарей тотчасъ же израсходовать весь порохъ, который оставался безъ употребленія во время переговоровъ. Такимъ-образомъ, Ульлоа отбилъ у непріятеля охоту посылать парламентеровъ.

Письмо, адресованное Радецкимъ къ президенту венеціянскаго правительства, начиналось слѣдующими словами: «Жители Венеціи! Я обращаюсь къ вамъ не какъ воинъ, или какъ полководецъ-побѣдитель; я хочу говорить съ вами какъ отецъ. Вы провели цѣлый годъ среди волненій, среди анархическихъ и революціонныхъ смутъ. Общественная казна истощена, имущество частныхъ лицъ погибло. Но это еще не все. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ моею храброю арміею надъ войсками вашихъ союзниковъ, вы видите, что мои многочисленныя когорты окружили васъ и съ моря и съ твердой земли, осадили ваши крѣпости, прервали ваши сообщенія и отняли у васъ всякую возможность покинуть Венецію. Такимъ-образомъ, рано или поздно, вы отданы будете на произволъ побѣдителю. Я явился сюда изъ Милана, моей главной квартиры, чтобъ предупредить васъ въ послѣдній разъ. Я держу въ одной рукѣ оливковую вѣтвь мира—если вы послушаетесь голоса разсудка, а въ другой—мечъ, готовый наказать васъ, если вы будете упорствовать и оставаться на томъ пути, который лишаетъ васъ права на милосердіе вашего законнаго государя. Я буду находиться завтра цѣлый день вблизи васъ, въ главной квартирѣ осаднаго корпуса, и ожидать вашего отвѣта на это послѣднее мое предложеніе». Затѣмъ слѣдовали условія капитуляціи. Манинъ отвѣчалъ, что онъ сообщилъ письмо народному собранію и что собраніе постановило продолжать защиту города. «Впрочемъ» писалъ

Манинъ «считаю долгомъ увѣдомить ваше превосходительство, что я обращался къ кабинетамъ французскому и англійскому и просилъ посредничества по вопросу обезпеченія за Венеціею приличнаго политическаго положенія»...«Если ваше превосходительство считаете возможнымъ болѣе-скорое разрѣшеніе этого вопроса; то ничто не мѣшаетъ Венеціи вступить въ переговоры прямо съ австрійскимъ министерствомъ.» Получивъ это письмо, Радецкій пришелъ въ страшный гнѣвъ. «Его величество, нашъ императоръ» снова писалъ онъ къ Манину «рѣшился не дозволять болѣе вмѣшательства иностраннымъ державамъ въ дѣла, которыя касаются только его и его непокорныхъ подданныхъ, а потому всякая надежда венеціянскаго правительства на этотъ счетъ странна и неосновательна. Цѣль ея только ввести несчастныхъ жителей въ заблужденіе. Вслѣдствіе этого, мнѣ остается прекратить дальнѣйшую переписку и оплакивать желаніе Венеціи усилить бѣдствія войны».

Въ то время, какъ Радецкій торжественно объявлялъ, что его императоръ рѣшился *не дозволять* болѣе иностраннаго вмѣшательства, австрійское правительство умоляло Россію о вмѣшательствѣ въ его борьбу съ возмутившеюся Венгріею, и «Вѣнская газета» объявляла, что его величество императоръ австрійцевъ нашелся вынужденнымъ просить Россію о помощи, и что Россія великодушно обѣщала свое содѣйствіе.

Не разсчитывая болѣе на мирное расположеніе жителей и войска Венеціи, австрійцы какъ-бы съ ожесточеніемъ принялись за продолженіе осадныхъ работъ и рѣшились, во что бы то ни стало, загладить неудачу перваго бомбардированія. Но если работы осаждающихъ съ каждымъ днемъ подвигались впередъ, то, напротивъ, средства осажденныхъ все болѣе-и-болѣе ослабѣвали. Послѣ канонады 4 мая, рабочіе изъ народа являлись въ фортъ въ маломъ числѣ и весьма-поздно, а потому въ мѣшкахъ съ землею и въ фашинахъ оказывался недостатокъ. 5 мая, военный министръ Каведалисъ прибылъ въ Мальгеру и сообщилъ коменданту, что правительство думаетъ очистить этотъ фортъ для того, чтобъ сосредоточить оборону въ лагунѣ, сберечь снаряды и войско, которое странно было бы держать въ фортѣ, обороняемомъ, въ настоящее время, только съ цѣлью спасти честь оружія, честь, которая уже безъ того достаточно поддержана битвою 4 мая. Большинство военныхъ начальниковъ убѣждено было въ томъ, что очищеніе Мальгеры не причинитъ никакого вреда защитѣ Венеціи, потому-что тогда эта защита ограничится своими естественными предѣлами. Однакожъ, Ульлоа не соглашался на предложеніе Каведалиса. Онъ утверждалъ, что очищеніе Мальгеры будетъ имѣть гибельное вліяніе на духъ войска, которое разсчитываетъ на болѣе-продолжительное сопротивленіе; что непріятель

сочтетъ это оставленіе венеціанцами Мальгеры результатомъ своихъ успѣховъ и усилитъ свою дѣятельность, и что, наконецъ, оставляя фортъ, который стоилъ столькихъ издержекъ и трудовъ, нужно будетъ взять оттуда орудія — а такая работа чрезвычайно трудна и требуетъ необыкновенной скромности со стороны исполнителей во все продолженіе обезоруженія форта. Кавадалисъ не настаивалъ, и объ оставленіи форта долго не было рѣчи.

Непріятель продолжалъ бросать въ фортъ бомбы и гранаты, но уже въ болѣе-продолжительные промежутки времени. Такъ-какъ ихъ полетъ былъ искривленный и медленный, то въ нѣкоторой степени можно было избѣгать ихъ дѣйствія. Комендантъ Мальгеры устроилъ возлѣ телеграфа колоколъ и поставилъ здѣсь шестерыхъ солдатъ, отличавшихся дальнозоркостью. Имъ опредѣлительно объяснили мѣсто трехъ непріятельскихъ батарей. Эти батареи палили поочередно, черезъ каждые полчаса. Какъ-скоро часовой замѣчалъ огонь и дымъ выстрѣла, онъ немедленно ударялъ въ колоколъ и такимъ-образомъ давалъ знать рабочимъ объ опасности, и тѣ укрывались куда-нибудь. Вслѣдствіе этого, на каждый день приходилось неболѣе, какъ по одному раненому. Одинъ часовой, изъ стрѣлковъ, указывалъ даже съ изумительною вѣрностью мѣсто, на которое должна упасть бомба. Гарнизонъ съ каждымъ днемъ становился все смѣлѣе-и-смѣлѣе. Эта смѣлость иногда доходила до безразсудства. Молодые милиціонеры, напримѣръ, каждый день, съ самаго утра, спѣшили на одинъ изъ люнетовъ, чтобъ размѣниваться оттуда съ непріятелемъ ружейными выстрѣлами. Несмотря на строгое запрещеніе коменданта, эта перестрѣлка не унималась. Офицеры охотно принимали въ ней участіе. Это было для нихъ веселое препровожденіе времени. Въ-особенности отличался одинъ капитанъ саперовъ. Но капралъ Манія, родомъ калабріецъ, выдумалъ еще лучше. Онъ незамѣтно пробрался чрезъ аванпосты до канала Боафоскарина и, залегши за дорогой, принялся стрѣлять по австрійцамъ, работавшимъ въ траншеяхъ. Онъ былъ отличный стрѣлокъ, и потому ни одинъ изъ его выстрѣловъ не пропалъ даромъ. Непріятель осыпалъ его пулями, но храбрый калабріецъ непрежде удалился оттуда, какъ изстрѣлявъ всѣ свои патроны, а равно и патроны своего товарища, тоже калабрійца, который держался позади его.

Такъ-какъ непріятель, начавъ вести вторую параллель, казалось, внезапно пріостановилъ свои работы, то гарнизонъ форта не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній, въ какомъ именно мѣстѣ ведутся эти работы. Чтобъ разузнать, чѣмъ занятъ непріятель, комендантъ произвелъ, утромъ 9 мая, сильную вылазку. Венеціанскій отрядъ выбилъ непріятеля изъ

ближайшей параллели, испортил осадныя работы, и держался до-тѣхъ-поръ, пока на мѣсто схватки не прибылъ австрійскій резервъ. Тогда комендантъ подалъ сигналъ къ отступленію. Благодаря этой вылазкѣ, узнали, что непріятель занятъ былъ выкачиваніемъ воды, которая залила его траншею. Объ одномъ изъ эпизодовъ этого дѣла стоитъ упомянуть. Двое солдатъ венеціанскаго отряда не поспѣли за отступавшей колонной, и чтобъ избѣжать выстрѣловъ, какъ съ траншей, такъ и изъ крѣпости, легли на землю около одного изъ люнетовъ. Защитники форта считали ихъ уже мертвыми и пробовали оттащить оттуда, чтобъ предать погребенію; но австрійцы наблюдали за своей добычей и стрѣляли во всякаго, кто подходилъ къ ней. Солдаты гарнизона рѣшились ждать ночи, чтобъ подъ защитой темноты убрать тѣла своихъ товарищей, но капитанъ саперовъ Мартинелли, тотъ самый, который отличался въ перестрѣлкѣ на люнетѣ, тотчасъ же вызвалъ охотниковъ. Явилось шестнадцать человѣкъ. Они взяли огромный туръ и, катя его передъ собой, а равно защищаемые выстрѣлами съ люнета, благополучно добрались до лежавшихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ дѣйствительно оказался мертвымъ, но въ другомъ были еще признаки жизни. Впослѣдствіи, онъ совершенно оправился.

Однакожъ, непріятель мало-по-малу подвигался къ Мальгерѣ; изъ форта ясно было видно множество батарей, возведенныхъ во второй параллели; непріятельскія ядра достигали уже моста чрезъ лагуну и такимъ-образомъ угрожали прервать сообщеніе Мальгеры съ Венеціей. Пепе начиналъ сознавать необходимость покинуть фортъ. Въ это время генералъ Гайнау, отозванный въ венгерскую армію, былъ замѣщенъ генераломъ Турномъ, который прислалъ въ Мальгеру парламентёра съ извѣстіемъ о томъ, что Болонья 16 мая сдалась генералу Виммфену. Турнъ спрашивалъ, не желаетъ ли непокорная Венеція послѣдовать этому примѣру; но Мальгера продолжала защищаться съ успѣхомъ. Тогда другой австрійскій парламентёръ передалъ иностраннымъ консуламъ въ Венеціи предложеніе удалить ихъ соотечественниковъ изъ города. Вслѣдствіе этого, около 3000 иностранцевъ оставили городъ. Австрійская эскадра преграждала выходъ изъ Венеціи; но французскія и англійскія военныя суда попрежнему пользовались свободнымъ проходомъ, съ условіемъ не доставлять осажденнымъ ни продовольствія, ни писемъ. До 24 мая непріязненныя дѣйствія около Мальгеры ограничивались обычной канонадой и вылазками гарнизона, которыя почти всѣ были успѣшны; но въ этотъ день, какъ и ожидали, непріятель демаскировалъ свои новыя батареи и открылъ сильнѣйшую канонаду. Въ пять часовъ утра градъ ядеръ, бомбъ и гранатъ посыпался на Мальгеру, разрывая пара-

петы и стѣны, ломая палисады, пробивая двери и своды, и распространяя смерть повсюду. Какія страшныя сцены! какое тягостное воспоминаніе! сколько молодыхъ и сильныхъ жизней сокрушено, сколько изуродовано людей, сколько тяжкихъ страданій! и все это только для того, чтобъ повести за собою неминуемое пораженіе! Но нѣтъ, не будемъ говорить, что кровь пролита понапрасну, что эти страданія остались безъ отголоска: это дорогія сѣмена, которыя взрастутъ рано или поздно, которыя обѣщаютъ итальянскому отечеству новую жатву защитниковъ. На слѣдующій день канонада возобновилась съ обѣихъ сторонъ съ прежнею энергіею; но непріятельскій огонь все усиливался, тогда-какъ огонь крѣпости становился все слабѣе-и-слабѣе. Канонеры оставались на своихъ батареяхъ почти совершенно-открытыми, потому-что мѣшковъ съ землею и фашинъ было чрезвычайно-мало. Бастіоны были страшно повреждены непріятельскимъ огнемъ; западная сторона форта, представлявшая наименѣе затрудненій для приступа, сильно потерпѣла и слабо отвѣчала на непріятельскій огонь; мосты исчезли; своды казармъ и магазиновъ рушились; бомбы произвели повсюду большія и глубокія пробоины. Потеря гарнизона ранеными и убитыми была значительна. Сообщеніе съ Венеціею почти прекратилось. Дальнѣйшая защита Мальгеры дѣлалась невозможной, и нужно было отъ нея отказаться.

Венеціянское правительство рѣшилось очистить Мальгеру, потому-что 27 числа ожидали приступа; но комендантъ разсчитывалъ еще продержаться одинъ день, чтобъ такимъ-образомъ очистить крѣпость ночью, наканунѣ самаго приступа, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ правительства формальнаго декрета насчетъ оставленія этого форта. Получивъ декретъ, онъ приступилъ къ распоряженіямъ. 26 числа, съ разсвѣтомъ, канонада открылась попрежнему съ обѣихъ сторонъ. Утромъ въ тотъ же день комендантъ собралъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ и сообщилъ имъ свой планъ касательно оставленія форта, поручивъ имъ хранить это дѣло въ строжайшемъ секретѣ. Чтобъ скрыть, по возможности, отъ непріятеля намѣреніе гарнизона оставить фортъ, начальники батарей получили приказаніе производить пальбу съ пяти часовъ вечера поочередно съ каждой батареи, въ промежутки получаса. Въ шесть часовъ вечера, въ то время, какъ непріятель продолжалъ громить фортъ, внезапно раздался крикъ: «Измѣна! пѣхота насъ оставляетъ!» И въ-самомъ-дѣлѣ, офицерскій обозъ двинулся въ это время изъ форта. Причина этого страха была неосторожность одного офицера, который выдалъ секретъ. Отчасти способствовало тому же легкомысліе другихъ офицеровъ, которые кричали канонирамъ, чтобъ они увеличивали заряды и расходовали весь порохъ до конца. Та-

кимъ-образомъ распространилась вѣсть объ оставленіи форта. Чтобъ помочь этой неожиданной бѣдѣ, нужны были быстрыя и энергическія средства. Комендантъ расположилъ одинъ отрядъ пѣхоты позади крайняго бастіона и отдалъ приказъ стрѣлять въ каждаго, кто вздумалъ бы оставить фортъ. Ударили тревогу; артиллеристовъ увѣрили, что слухъ насчетъ отступленія не имѣетъ никакого основанія; начальникамъ пѣхоты объявили, что такъ-какъ секретъ выданъ, то было бы неблагоразумно оставлять фортъ въ ту же ночь. Имъ приказано было держать свои войска подъ ружьемъ, пока порядокъ будетъ снова возстановленъ; а между-тѣмъ начальникамъ артиллеріи, инженеровъ и фронта атаки, на осторожность которыхъ можно было положиться, дали знать подъ-рукой, что все остается попрежнему, и что они въ указанномъ порядкѣ должны выводить мало-по-малу свои войска изъ форта. Въ 9 часовъ первый отрядъ выступилъ изъ форта, затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, второй, потомъ третій и т. д. Гарнизонъ замѣтилъ выступленіе втораго отряда, но всѣ спокойно остались на своихъ мѣстахъ; артиллеристы, обезпеченные темнотою ночи противъ нападенія непріятеля, поняли, что малѣйшая тревога надѣлаетъ имъ бѣдъ, и поневолѣ рѣшились ожидать своей очереди. Очищеніе форта началось въ 9 часовъ вечера и къ половинѣ перваго ночи уже было окончено. Майоры Сиртори и Козенцъ, съ нѣсколькими солдатами, послѣдніе оставили фортъ. Комендантъ, удостовѣрившись, что послѣднія колонны благополучно достигли Венеціи, приказалъ зажечь всѣ девятнадцать минъ форта. Непріятель не подозрѣвалъ отступленія гарнизона и продолжалъ огонь противъ Мальгеры, доканчивая свою третью параллель. 27 мая, въ пять часовъ утра, патруль изъ стирійскихъ стрѣлковъ приблизился къ гласису крѣпости. Не встрѣтивъ никого на аванпостахъ, онъ вошелъ туда. Въ семь часовъ непріятель занялъ Мальгеру.

Майоръ Сирторя принялъ начальство надъ небольшимъ фортомъ Сан-Джуліано, расположеннымъ на близь-лежащемъ островкѣ. Малочисленный гарнизонъ этого форта, узнавъ объ оставленіи Мальгеры, въ безпорядкѣ пустился бѣжать въ Венецію. Около Сирторя осталось только 12 человѣкъ. Замѣтивъ, что непріятель возводитъ противъ форта батарею и въ то же время намѣревается отрѣзать его защитникамъ путь къ отступленію, Сирторя заклепалъ пушки, испортилъ лафеты, приготовилъ зажженный фитиль, сообщавшійся съ пороховымъ магазиномъ, и затѣмъ удалился изъ форта. Австрійскій отрядъ, подъ командою инженернаго офицера, занялъ островокъ—и тотчасъ же взлетѣлъ на воздухъ, вмѣстѣ съ укрѣпленіями.

Обломки укрѣпленій Мальгеры, разрушенныхъ взрывами минъ, зава-

лили пространство подъ арками моста лагуны и образовали собою для непріятеля нѣчто въ родѣ траншеи. Непріятель воспользовался этою случайностью и устроилъ здѣсь батареи изъ мортиръ. Чтобъ, по возможности, помочь этой бѣдѣ, венеціанцы разрушили, посредствомъ минъ, ближайшія къ нимъ восемь арокъ моста и, кромѣ-того, возвели съ этой стороны нѣсколько новыхъ укрѣпленій.

Въ ночь на 27 мая австрійцы поставили противъ Венеціи три батареи: на мосту, позади его арокъ и на Сан-Джульяно. Огонь съ этихъ батарей начался утромъ 28 мая и продолжался до 12 іюня, не причиняя никакого вреда ни укрѣпленіямъ, ни самому городу. Бомбы едва достигали до береговъ лагуны. Непріятелю отвѣчали въ продолжительные промежутки времени. День 30 мая былъ свидѣтелемъ героическаго подвига, имѣвшаго, къ-сожалѣнію, печальный исходъ. Агостино, простой каменьщикъ, съ однимъ изъ своихъ товарищей, просилъ у генерала Ульлоа позволенія идти поджечь подкопы около арокъ моста, занятыхъ непріятелемъ. Они приблизились къ аркамъ съ крайнею осторожностію, но не могли исполнить своего геройскаго рѣшенія, потому-что непріятель строго наблюдалъ за этимъ мѣстомъ. Итакъ предпріятіе не удалось, но Агостино никакъ не хотѣлъ отказаться отъ того, что однажды задумалъ. На слѣдующій день, получивъ позволеніе отъ подполковника Козенца, командовавшаго батареею, онъ отправился къ мосту уже одинъ, безъ товарища. Когда онъ приближался къ мосту на своей лодкѣ, лодка вдругъ сѣла на мель; онъ бросился въ воду и продолжалъ плыть къ мосту, но австрійцы его замѣтили и встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Агостино тщетно боролся съ силою теченія. Выбившись изъ силъ, онъ знаками просилъ о помощи. Офицеръ, завѣдывавшій работами у батареи Пьяццале, принялъ его въ свою лодку и привелъ къ генералу Ульлоа, которому и объявилъ, что, увидѣвъ человѣка, плывущаго по направленію къ непріятелю, онъ пустился за нимъ въ погоню и успѣлъ захватить его, несмотря на непріятельскій огонь. Несчастный Агостино, измученный усталостію и почти въ безчувственномъ состояніи, едва въ состояніи былъ выражать жестами, что это обвиненіе несправедливо. Вслѣдствіе этого показанія офицера, Агостино снова посадили въ лодку и съ жандармами отправили въ комитетъ общественной безопасности. Дорогой, пришедши въ себя, онъ разсказалъ, что офицеръ въ очкахъ (Козенцъ дѣйствительно носилъ очки) позволилъ ему плыть къ мосту, чтобъ зажечь подкопы. Но слухъ объ измѣнѣ уже распространился, и едва лодка прибыла къ Канареджіо, какъ ее осадила цѣлая толпа. При видѣ мнимаго шпіона, народъ пришелъ въ ярость; онъ вырвалъ Агостино изъ рукъ жандармовъ и растерзалъ его. Козенцъ явил-

ся, чтобъ засвидѣтельствовать невинность Агостино, но уже было поздно. Въ одномъ изъ засѣданій народнаго собранія, знаменитый Томмазео сдѣлалъ предложеніе, чтобъ государство приняло на свое попеченіе семейство Агостино и чтобъ на одной изъ площадей Венеціи воздвигнутъ былъ памятникъ съ слѣдующею надписью. «Каменьщику Агостино, который пожертвовалъ жизнію, намѣреваясь взорвать на воздухъ непріятельскія укрѣпленія, и заподозренный, по ошибкѣ, былъ убитъ своими согражданами. Венеція воздвигаетъ этотъ памятникъ въ знакъ своей горести и признательности. Іюнь 1849». Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ Манинъ созывалъ народное собраніе, чтобъ представить на его обсужденіе свою внѣшнюю политику. Изъ представленныхъ имъ объясненій оказывалось, что 5 мая, отвѣчая на депешу Радецкаго, онъ требовалъ для Венеціи приличнаго политическаго существованія, что того же самого онъ просилъ у Франціи и Англіи послѣ пораженія при Новарѣ, и что, наконецъ, обращался къ Кошуту съ предложеніемъ союза между Венеціею и Венгріею. Кошутъ совѣтовалъ Венеціи держаться до іюля, а къ тому времени обѣщалъ помощь войсками и деньгами, и прислать два паровые фрегата, купленные въ Англіи. Собраніе постановило продолжать защиту во что бы то ни стало. На смотру войскъ, прибывшихъ изъ Мальгеры, народъ принялъ съ восторженными восклицаніями этихъ защитниковъ форта. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «защищаться во что бы то ни стало!» Эти крики послужили какъ-бы освященіемъ предшествовавшему декрету собранія.

Между-тѣмъ непріятель продолжалъ возводить батареи противъ города. Главнымъ центромъ его дѣйствій былъ мостъ чрезъ лагуну. Къ-сожалѣнію, со стороны венеціянцевъ работы надъ разрушеніемъ арокъ моста шли медленно: оставленіе Мальгеры ослабило бодрость духа въ нѣкоторыхъ офицерахъ, и они не выказывали въ работѣ прежней энергіи. Впрочемъ, это обстоятельство не помѣшало соорудить со стороны Венеціи нѣсколько новыхъ укрѣпленій. 13 іюня, въ семь часовъ утра, непріятель демаскировалъ свои новыя батареи и открылъ огонь по городу. Бомбы достигали крайнихъ домовъ лагуны, квартала Канареджіо и военнаго госпиталя Санта-Кіара. Надъ госпиталемъ выставленъ былъ черный флагъ; но непріятель не обращалъ на то вниманія и не думалъ щадить больныхъ. Нѣсколько барокъ, занимавшихся перевозкою обломковъ моста, сѣло на мель, такъ-что предъ одною изъ венеціянскихъ батарей образовалось, вмѣсто предполагаемаго рва, нѣчто въ родѣ плотины, весьма-удобной для доступа непріятелю.

Чтобъ устранить эту случайность, нужно было употребить въ дѣло матросовъ съ обѣихъ дивизій флота. Несмотря на непріятельскій огонь, имъ удалось разломать сѣвшія на мель барки и вывезти обломки моста въ другое мѣсто. Непріятель вообще выказывалъ много дѣятельности въ устройствѣ батарей. Онъ направлялъ свои выстрѣлы съ удивительною вѣрностью и хладнокровіемъ. Но въ его планѣ осадныхъ работъ и нападенія незамѣтно было слѣдовъ особенной сметливости и знанія дѣла.

Манинъ получилъ 21 мая новое письмо отъ Кошута, который извѣщалъ, что назначенъ президентомъ–правителемъ Венгріи и обѣщалъ прислать чрезъ два мѣсяца нужныя суммы на содержаніе въ Венеціи венгерскаго легіона и, сверхъ-того, два паровые фрегата. Кошутъ требовалъ только того, чтобъ Венеція не заключала отдѣльнаго трактата съ непріятелемъ, безъ предварительнаго соглашенія на этотъ счетъ съ Венгріей. Народное собраніе согласилось на это предложеніе, но уже было поздно: Венгрія пала прежде, нежели успѣла подать помощь Венеціи. Видно этому городу суждено было съ самаго начала революціи и до послѣднихъ дней своего существованія испытывать повсюду однѣ неудачи!

Народъ былъ недоволенъ министрами морскимъ и военнымъ, которымъ приписывалъ всѣ постигшія его несчастія: народу въ критическія минуты всегда нужны жертвы. Прошеніе за множествомъ подписей было представлено народному собранію: народъ требовалъ смѣны распорядителей обороны. Вслѣдствіе этого, для завѣдыванія защитою города назначена была особая военная коммисія, составленная изъ генерала Ульлоа, подполковника Сирториі и лейтенанта флота Бальдиссерото. Коммисія имѣла право рѣшать безапелляціонно все, что относилось до военныхъ дѣйствій. Пепе избранъ въ предсѣдатели этой коммисіи, сохраняя, попрежнему, званіе главнокомандующаго.

19 іюня, въ 10 часовъ вечера, въ Венеціи, раздался страшный взрывъ. Ударъ этого взрыва слышенъ былъ повсюду—въ Венеціи, на островахъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, на эскадрѣ, блокировавшей лагуну. Огромный столбъ дыма поднялся надъ островкомъ Ла-Грація, лежащемъ въ одной милѣ разстоянія отъ Венеціи: пороховой заводъ взлетѣлъ на воздухъ! Причина этого несчастія неоткрыта. При вѣсти объ этомъ бѣдственномъ событіи, многочисленная толпа собралась подъ балкономъ дворца правительства, произнося угрозы противъ коммисіи продовольствія. Въ минуты общественныхъ бѣдствій народъ слишкомъ довѣрчивъ къ обвинительнымъ слухамъ, обыкновенно распускаемымъ зачинщиками безпорядковъ. Помянутая коммисія, составленная изъ лицъ,

пользовавшихся почетомъ, оказала странѣ большія услуги. Благодаря ея распорядительности, Венеція долгое время продовольствуема была какъ-нельзя-лучше, и главныя депо запасовъ оставались нетронутыми до-тѣхъ-поръ, пока блокада не сдѣлалась слишкомъ-строгою. Манинъ, разсерженный нападками на этихъ честныхъ людей, такъ отвѣчалъ народу: «Развѣ ваше поведеніе достойно гражданъ Венеціи? Вы не народъ — вы только его осадокъ. Никогда я не рѣшусь сообразовать свои дѣйствія съ капризами толпы возмутителей; я буду сообразоваться только съ рѣшеніемъ представителей истиннаго народа Венеціи; а что до васъ, то я вамъ всегда скажу правду, хотя бы противъ меня устремлены были ваши ружья и кинжалы. Я теперь предупредилъ васъ, а потому можете убираться прочь!» Смущенная толпа разошлась при крикахъ: «да здравствуетъ Манинъ!»

Несмотря на то, что почва около Венеціи была чрезвычайно-неудобна для осадныхъ работъ, непріятель, при помощи искусства и терпѣнія, успѣлъ открыть сообщеніе между каналами и шоссе. Какъ-скоро батареи были возведены, онъ открылъ огонь противъ форта Брондоло. Батареи лѣваго берега Бренты отвѣчали съ успѣхомъ, но не могли ни остановить работъ непріятеля, ни заставить замолчать его пушки. На мосту пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась безостановочно дни и ночи. Только къ вечеру огонь нѣсколько ослабѣвалъ, потому-что требовалось исправить поврежденія, причиненныя впродолженіе дня. Въ этомъ пунктѣ непріятель одерживалъ верхъ надъ защитниками города: хотя австрійскія батареи были менѣе-прочны и нетакъ хорошо поставлены, какъ батареи противниковъ, но венеціанцы должны были беречь снаряды, а потому не могли отвѣчать непріятелю съ равнымъ успѣхомъ. 23 числа нѣсколько бомбъ упало вблизи мукомольной мельницы, единственной, которою могла пользоваться коммисія продовольствія. Еслибъ мельница пострадала, то Венеція была бы въ крайне-затруднительномъ положеніи. Австрійцы знали это и преимущественно направляли выстрѣлы въ эту сторону лагуны. Правительство велѣло окружить мельницу огромными тюками хлопчатой бумаги и поставило здѣсь стражу, чтобъ какой-нибудь партизанъ Австріи не вздумалъ поджечь мельницу. Непріятель усилилъ свою пальбу противъ батареи Сан-Антоніо, державшейся превосходно, несмотря на страшное количество снарядовъ, посылаемыхъ въ нее. Наконецъ, австрійцы успѣли разрушить правый флангъ батареи, подбили три пушки, потопили нѣсколько судовъ, стоявшихъ поблизости и взорвали на воздухъ пороховой погребъ; но ни что не могло поколебать мужества защитниковъ батареи Храбрый начальникъ батареи Розароль воодушевлялъ солдатъ своимъ

примѣромъ. Онъ кричалъ канонирамъ, чтобъ они *не щадили дерзкаго кроата.* Затѣмъ онъ схватилъ знамя и, показывая его австрійцамъ, вызывалъ ихъ на бой. Въ эту минуту ядро поразило его въ плечо. Два часа спустя, онъ умеръ на рукахъ генерала Пепе, среди своихъ опечаленныхъ товарищей. Правительство и народъ проводили его гробъ въ церковь св. Марка. Батарея, находящаяся позади батареи Сан-Антоніо, названа была именемъ Розароля. Австрійцы, повидимому, не уставали; они продолжали палить день и ночь и не щадили даже самого города; бомбы достигали до ботаническаго сада и церкви Сан-Симоне. Но обратимся, на время, къ ходу дипломатическихъ переговоровъ.

Австрійскій министръ Брукъ желалъ объясненія того, что значило выраженіе Манина: *приличное политическое существованіе.* Ему отвѣчали, что Венеція требуетъ независимости и обладанія территоріей, достаточной для обезпеченія ея существованія. Тогда Брукъ отозвался, что въ такомъ случаѣ дальнѣйшіе переговоры невозможны, что такъ-какъ Венеція для Австріи неболѣе, какъ возмутившійся городъ, то ей не слѣдуетъ ожидать чего-либо, превышающаго обѣщанія Радецкаго. Впрочемъ, Брукъ упомянулъ о полученномъ имъ проектѣ конституціи Венеціи: Венеціи предоставлялось или сдѣлаться имперскимъ городомъ, какъ Тріестъ, управляемый муниципалитетомъ, или войти въ составъ Королевства Ломбардскаго, въ которомъ Верона была бы столицею и которое управлялось бы намѣстникомъ императора, съ участіемъ сената, палаты депутатовъ и государственнаго совѣта; военныя дѣла и внѣшнія сношенія обсуждались бы въ Вѣнѣ общимъ совѣтомъ, представителями всѣхъ провинцій. Эти неопредѣленныя предложенія не были отвергнуты, и Манинъ, въ свою очередь, потребовалъ болѣе-подробныхъ объясненій. Брукъ отвѣчалъ, что это неболѣе, какъ проектъ конституціи, и что онъ даже не можетъ дать съ него копіи. Лицамъ, посланнымъ Маниномъ для переговоровъ въ Верону, поручено было договориться насчетъ различныхъ пунктовъ этой будущей конституціи; но Брукъ отказался отъ всякихъ разсужденій объ этомъ предметѣ и призналъ за ультиматумъ прежнее предложеніе Радецкаго, присоединивъ къ нему, съ своей стороны, еще одно условіе—уменьшеніе цѣнности бумажныхъ денегъ на двѣ трети противъ ихъ номинальной цѣны. Такъ кончились переговоры. Манинъ въ тайномъ засѣданіи сообщилъ собранію результатъ ихъ и присовокупилъ, что обращеніе его къ Англіи и Франціи съ просьбою о посредничествѣ осталось безъ послѣдствій. Собраніе постановило слѣдующее рѣшеніе: «Принимая въ соображеніе, что предложенія Австріи не обезпечиваютъ Венеціи ни ея правъ, ни уваженія ея достоинства, что они

ограничиваются простыми обѣщаніями, ничѣмъ негарантируемыми и, слѣдовательно, исполненіе ихъ зависитъ отъ каприза Австріи; что тѣ предложенія австрійскаго правительства, которыя касаются въ частности города Венеціи, не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ постыдныхъ условій капитуляціи, собраніе постановляетъ: опубликовать дипломатическіе акты, касающіяся этихъ переговоровъ, для того, чтобъ Европа могла произнести свой судъ надъ Венеціею и Австріею». Вечеромъ въ тотъ день, когда разнесся слухъ о прекращеніи переговоровъ, народъ сдѣлалъ манифестацію противъ тринадцати депутатовъ, подавшихъ голоса за капитуляцію. Вмѣшательство Манина, какъ и всегда, возстановило порядокъ.

Еще въ концѣ мая коммисія продовольствія приняла мѣры къ воспрепятствованію спекуляторамъ забирать въ свои руки запасы. Уже тогда предвидѣли, что рано или поздно окажется недостатокъ въ продовольствіи и что венеціанская лагуна, лишившись возможности добывать, посредствомъ контробанды, продовольствіе изъ окрестныхъ мѣстъ, и предоставленная собственнымъ средствамъ, будетъ въ крайне-затруднительномъ положеніи. Вслѣдствіе этого назначена была такса на муку и на мясо, а въ половинѣ іюня коммисія велѣла примѣшивать къ пшеничному хлѣбу ржаную муку, получаемую изъ главнаго запаснаго магазина, и назначила новую цѣну на этотъ хлѣбъ. Народъ былъ страшно недоволенъ этою мѣрою; онъ обвинялъ коммисію въ томъ, что она будто-бы не предусмотрѣла всѣхъ послѣдствій блокады. Правительство должно было смѣнить членовъ коммисіи. Новые члены учредили особыя коммисіи для каждаго квартала. Частнымъ лицамъ приказано было объявить, подъ опасеніемъ конфискаціи, сколько у каждаго изъ нихъ имѣется въ наличности запасовъ. Назначена была такса на рыбу и на всякаго рода продовольствіе, количество котораго распредѣлено было сообразно нуждамъ каждаго семейства. Жалобы на дурное качество хлѣба прекратились, но зато возникли жалобы на недостаточность его количества. Коммисія тайно увѣдомила Манина, что въ Венеціи остается хлѣба неболѣе, какъ до 24 августа.

Непріятель продолжалъ канонаду и расходовалъ въ день неменѣе тысячи зарядовъ. Венеціанская батарея Сан-Антоніо держалась попрежнему. Австрійцы, видя безуспѣшность своихъ усилій, попытались прибѣгнуть къ хитрости. Въ ночь съ 6 на 7 іюля они развлекли вниманіе канонеровъ батареи Сан-Антоніо посредствомъ огненныхъ сигналовъ, и внезапно, съ противоположной стороны, направили противъ батареи брандеръ, который охватилъ ее тучей дыма. Пока канонеры старались доискаться причины этого внезапнаго дыма, по лѣвой сторонѣ батареи по-

явились двѣ барки, и отрядъ изъ 40 солдатъ сталъ взбираться на парапетъ. Артиллеристы и саперы, захваченные врасплохъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія обратились въ бѣгство. Подполковникъ Козенцъ схватился съ однимъ австрійцемъ грудь съ грудью, и еслибы не помогъ ему артиллеристъ, который отвелъ ударъ непріятельскаго штыка, то онъ погибъ бы въ этой борьбѣ. Уже начинало свѣтать. На помощь венеціянцамъ подоспѣлъ резервъ; вслѣдъ за нимъ явился Козенцъ съ отрядомъ жандармовъ и стрѣлковъ, и непріятель былъ сброшенъ съ батарей, успѣвъ только заклепать пушки, которыя, впрочемъ, нѣсколько часовъ спустя, снова принялись за свою работу.

Непріятель торопился побѣдить упорство Венеціи и употреблялъ къ тому всевозможныя средства, подъ-часъ даже самыя нелѣпыя: онъ вообразилъ, напримѣръ, что можно бомбардировать городъ посредствомъ воздушныхъ шаровъ, а не разсчелъ того, что теченіе воздуха въ нижнихъ слояхъ атмосферы подчинено самымъ противоположнымъ направленіямъ, и что иногда аэростатъ летитъ какъ-разъ туда, куда ему летѣть не слѣдуетъ. 12 іюля народъ присутствовалъ на праздиествѣ мадоны della Salute, и вдругъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что австрійскій пароходъ приблизился къ Лидо, спустилъ десятка два воздушныхъ шаровъ и быстро удалился. Изъ числа этихъ аэростатовъ два упали въ лагуну, одинъ въ фортъ Сан-Николо, а прочіе полопались въ воздухѣ. Посредствомъ особаго механизма, къ этимъ шарамъ прикрѣплены были бомбы. Празднество было пріостановлено: всѣ бросились смотрѣть это странное зрѣлище. Народъ апплодировалъ безвреднымъ взрывамъ бомбъ, съ криками: «виватъ! браво! хорошаго апетита!» Не прошло еще и недѣли со времени взрыва пороховаго завода, какъ тотъ же заводъ, только-что исправленный, снова взлетѣлъ на воздухъ. Причины этого несчастія опять не могли доискаться, потому-что двадцать мастеровыхъ и два офицера, находившіеся на заводѣ, сдѣлались жертвами взрыва. Впрочемъ, капитанъ Бронъ объявилъ передъ смертію, что онъ видѣлъ, какъ неизвѣстный человѣкъ бросилъ что-то на жерновъ мельницы и что за тѣмъ тотчасъ же послѣдовалъ взрывъ. Вѣроятно, этотъ поджигатель самъ поплатился смертію за свою измѣну. Австрійцы, послѣ неудачныхъ предпріятій на воздухѣ пробовали дѣйствовать на водѣ; пытались они также производить нападеніе на отдѣльные форты, но пока еще нигдѣ не достигли существенныхъ результатовъ. Однакожь, они съ неутомимымъ рвеніемъ все продолжали возводить новыя батареи, и 29 іюля, въ полночь, въ то время, какъ всѣ жители спали, осыпали Венецію со всѣхъ своихъ батарей градомъ бомбъ, гранатъ и каленыхъ ядеръ. Жители пришли въ неописанный ужасъ и смятеніе. Такимъ-образомъ, будучи

не въ-силахъ бороться съ итальянскими милиціонерами, непріятель обратилъ всю свою ярость противъ мирныхъ жителей и не щадилъ ни женщинъ, ни дѣтей. Захваченные пожаромъ и смертію, жители выбѣжали въ безпорядкѣ на улицы и искали повсюду себѣ защиты противъ этого страшнаго бѣдствія. Четыре квартала, наиболѣе-близкіе къ непріятельскимъ батареямъ, совершенно опустѣли и были предоставлены ярости врага. Толпа расположилась лагеремъ на площади св. Марка и въ окрестныхъ улицахъ. Духовенство и муниципалитетъ приняли къ себѣ многія изъ пострадавшихъ семействъ; богатые и бѣдные, радушно отворивъ двери своихъ домовъ этимъ переселенцамъ, встрѣтили ихъ по-братски. Правительство отдало герцогскій дворецъ въ распоряженіе всѣхъ, кто искалъ прибѣжища; войска предложили свои казармы, магазины; кофейныя тоже приняли къ себѣ несчастныхъ жителей; словомъ, всѣ соревновали другъ другу въ оказаніи помощи своимъ согражданамъ, бывшимъ въ нуждѣ и въ опасности. Народное собраніе назначило коммисію изъ почетнѣйшихъ граждань для обезпеченія продовольствіемъ, помѣщеніемъ и одеждою всѣхъ, кто въ томъ нуждался. Посреди этой сцены ужаса не было слышно ни одной жалобы, не раздалось ни одного восклицанія, которое выражало бы упадокъ духа — былъ только одинъ всеобщій страшный крикъ, крикъ проклятія противъ Австріи.

Бомбардированіе продолжалось нѣсколько дней; гражданская стража и пожарные, останавливая распространеніе пожаровъ въ покинутыхъ жителями кварталахъ, выказали геройское мужество. Ежеминутно вспыхивавшіе пожары грозили частной собственности, церквамъ и памятникамъ. Бомбы не щадили ничего, даже и образцовыхъ произведеній искусства. Превосходный плафонъ съ изображеніемъ Моисея, извлекающаго воду изъ скалы, былъ на половину разрушенъ, точно такъ же, какъ и знаменитое изображеніе Бонифація — *Поклоненіе волхвовъ*. Знаменитый мостъ на Ріальто тоже пострадалъ; множество дворцовъ и церквей, вмѣщавшихъ въ себѣ произведенія Тинторето, потерпѣли сильное повреждение. Впродолженіе бомбардированія, въ городѣ было до сорока пожаровъ. Въ такомъ критическомъ положеніи, среди всевозможныхъ опасностей, еще нужно было бороться съ продѣлками нѣсколькихъ безпокойныхъ лицъ, которыя, предлагая нелѣпый планъ поголовнаго возстанія и всеобщей вылазки, нарушали общественный порядокъ. Многіе изъ молодыхъ солдатъ, прельщаемые новостью идеи, уже набирали партію въ пользу всеобщей вылазки.

Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ увеличивался съ каждымъ днемъ: мясо болѣе не доставлялось въ лагуну. Запасъ вина почти-совершенно истощился; даже муки было мало. Вмѣсто вина, стали упо-

требiлать искусственный напитокъ съ примѣсью спирта. Такъ-какъ быки, отнятые у непрiятеля во время вылазокъ, сберегались для госпиталей, то жители принялись за лошадиное мясо. Дурной хлѣбъ и небольшое количество овощей составляли единственную пищу осажденныхъ. Непрiятель, которому, повидимому, извѣстно было плачевное положенiе Венецiи, учредилъ еще новую линiю постовъ, для того, чтобы строже наблюдать за контрабандой. Жители изъ окрестностей Эстуарiо принуждаемы были отправлять свои запасы хлѣба и вина за непрiятельскую кордонную линiю. При такомъ положенiи дѣлъ военная коммисiя приказала подполковнику Сиртори произвести вылазку по ту сторону Бренты, гдѣ находились главныя депо мяса и вина. Вылазка удалась, и экспедицiонный отрядъ возвратился въ городъ съ 200 быковъ, со множествомъ мѣшковъ ржи и значительнымъ запасомъ вина. Это счастливое событiе снова ободрило венецiянцевъ: имъ казалось, что добывать припасы силою не будетъ особенно-трудно; но это заблужденiе было непродолжительно.

Австрiйцы, видя, что ихъ военныя дѣйствiя противъ города еще весьма-далеки отъ своей цѣли, придумали новое средство—попробовали возбудить въ городѣ безпорядки: въ Венецiи появилось прошенiе, скрѣпленное многими подписями; цѣль его была убѣдить собранiе въ необходимости положить предѣлъ жестокимъ бѣдствiямъ войны. Патрицiй Джироламо-Дандоло являлся, 3 августа, въ разныхъ кофейняхъ и собиралъ новыя подписи къ этому прошенiю. Въ то же время военная коммисiя увѣдомлена была, что въ городѣ носится слухъ, будто патрiархъ, генералы и другiе граждане собрались въ ризницѣ церкви св. Марка и обсуждаютъ вопросъ о сдачѣ Венецiи. Этотъ слухъ, справедливый или ложный, встревожилъ жителей. Народъ разсыпался по улицамъ съ криками: «смерть патрiарху!» Вслѣдъ затѣмъ многочисленная толпа явилась передъ дворцомъ архiепископа, перебила окна, выломала двери и побросала мёбель въ каналъ. Дворецъ, навѣрно, лишился бы всего своего имущества, еслибъ Томмазео не подоспѣлъ съ отрядомъ гражданской стражи. Онъ не поцеремонился съ народомъ, энергически упрекалъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтилъ ему, что въ этихъ безпорядкахъ легко распознать руку врага. Толпа повѣрила его словамъ и разошлась. Правительство назначило строгое слѣдствiе; главнокомандующiй наказалъ нѣсколько солдатъ, замѣшанныхъ въ этихъ безпорядкахъ, и четверыхъ изъ нихъ предалъ военному суду. Но еще болѣе-страшный бичъ грозилъ Венецiи: холера, случаи которой показались первоначально на материкѣ, въ-теченiе нѣсколькихъ дней съ страшною силою охватила лагуну. На 160,000 населенiя приходилось

ежедневно до 402 заболѣвавшихъ и до 270 умершихъ. Къ довершенію всеобщаго горя, въ это самое время пришла въ Венецію вѣсть о паденіи Венгріи. Австрійцы бросали въ лагуну запечатанныя бутылки со всѣми дурными вѣстями, которыя могли гдѣ–либо собрать; этимъ же способомъ они извѣстили венеціянцевъ и о взятіи французами Рима.

Для Венеціи оставалось одно послѣднее средство спасенія — ея флотъ, еслибъ только онъ рѣшился прорвать линію блокады. Писатели, журналы, правительство, всѣ умоляли моряковъ продолжать борьбу, и всѣ эти убѣжденія остались тщетными; они только подали поводъ къ скандалёзной полемикѣ между журналами и морскими офицерами. Моряки оправдывались, обвиняя тріумвира, которому поручено было завѣдываніе морскими силами и который, по ихъ словамъ, оставилъ флотъ въ пренебреженіи. Чтобъ объяснить поведеніе флота, слѣдуетъ обратиться къ событіямъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ. Послѣ сраженія при Новарѣ морская дивизія была обезоружена, офицеры и канонеры размѣщены по фортамъ и батареямъ, гдѣ они и оказали дѣлу защиты Венеціи большія услуги. Какъ офицеры, такъ и солдаты, отличались знаніемъ дѣла, мужествомъ и дисциплиной. 16 іюня, только-что учрежденная военная коммисія признала, что моряки могутъ быть болѣе–полезны въ лагунѣ, и, вслѣдствіе того, сформировала отличную морскую дивизію. Едва эта дивизія собралась, какъ экипажъ парохода *Пія IX-а* возмутился, отказываясь выйдти въ море и требуя себѣ прежняго командира. Зачинщики этого возмущенія были приговорены къ смерти; одинъ изъ нихъ казненъ, а двое помилованы. Этотъ случай неповиновенія имѣлъ вліяніе на экипажи и другихъ судовъ. Адмиралъ Буккіа, прежде нежели вышелъ въ море, хотѣлъ увѣриться въ ихъ повиновеніи, и когда военная коммисія, наскучивъ его бездѣйствіемъ, потребовала отъ него немедленнаго начатія дѣйствій, отвѣчалъ, что, по увѣренію офицеровъ, онъ не можетъ положиться ни на одинъ экипажъ дивизіи, и что при такихъ обстоятельсвахъ опасно было бы рѣшиться на битву. Впрочемъ, онъ обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней быть готовымъ къ выступленію. Дни проходили — но Буккіа, подъ разными предлогами, все оставался въ бездѣйствіи. Военная коммисія собрала совѣтъ изъ моряковъ, и совѣтъ единогласно рѣшилъ, что Буккіа одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ, что офицеры, солдаты и матросы питаютъ къ нему безграничное довѣріе, и что если отнять у него команду, то экипажи окончательно утратятъ энергію и дисциплину. Военная коммисія рѣшила обратиться къ самому Буккіа и поручить ему лично честь флота и спасеніе Венеціи. Ему настоятельно приказано было выйти въ море и прорвать линію блокады,

чтобъ найдти средство продовольствовать Венецію, которой грозилъ голодъ. Буккіа прислалъ письмо къ Манину. Онъ старался доказать президенту всю опасность и всѣ трудности, которыя встрѣтитъ на дѣлѣ исполненіе такого приказа. Манинъ, сообщивъ содержаніе письма генераламъ Пепе и Ульлоа, отвѣчалъ, что дѣйствія флота и войскъ до него не относятся. Какимъ образомъ побѣдить это упорство? Предать Буккіа военному суду?—но судъ оправдалъ бы его. Смѣнить его?—но гдѣ найти, для замѣщенія его, другаго, столь же способнаго офицера? И притомъ, въ послѣднемъ случаѣ, развѣ не слѣдовало опасаться нарушенія дисциплины во флотѣ, который, несмотря на бездѣйствіе своего начальника, вполнѣ довѣрялъ ему? 28 іюля народное собраніе, въ тайномъ засѣданіи, рѣшило сдѣлать послѣднее воззваніе къ флоту, войску и народу. Флотъ отвѣчалъ, попрежнему, обвиненіемъ военнаго начальства. Войско никогда не отступало предъ опасностію и впродолженіе трехъ мѣсяцовъ сражалась съ геройскимъ постоянствомъ и мужествомъ, которыя не разъ увѣнчивались успѣхомъ. Что́ до народа, на котораго пала вся тяжесть пожертвованій и который рѣшался на все безропотно, то не—уже—ли для него нужны были новыя возбужденія?

Венеція располагала въ это время неболѣе, какъ 6000 солдатъ, способныхъ нести службу: до такой степени болѣзни и утомленіе уменьшили наличный составъ войска. Правительство недоумѣвало, какимъ—образомъ пополнить эту убыль. Во время этихъ недоумѣній, въ народѣ распространился писанный проектъ о поголовномъ возстаніи. Народъ сначала читалъ его безъ вниманія, но потомъ вдругъ проектъ получилъ значеніе въ глазахъ толпы и представленъ былъ на разсмотрѣніе военной коммисіи. Въ немъ предлагалось набрать немедленно 6000 человѣкъ и при помощи этого контингента произвести изъ города вылазку въ числѣ 10,000 или 12,000 человѣкъ, прорвать линію блокады и снабдить, такимъ—образомъ, Венецію продовольствіемъ. Въ этомъ проектѣ, приписываемомъ генералу Моранди, забыты были только способы его выполненія: не говорилось о томъ, какимъ—образомъ произвести этотъ наборъ, вооружить, одѣть и обучить новобранцовъ, кѣмъ замѣнить въ ретраншементахъ войска, предназначаемыя для вылазки, наконецъ, съ какой стороны и какимъ—образомъ произвести самую вылазку. Всѣмъ этимъ частностямъ, повидимому, не придавалось особой важности. Автору проекта нужно было только поголовное возстаніе и вылазка, а до остальнаго ему не было дѣла! Этотъ безумный проектъ едва не возбудилъ важныхъ безпорядковъ. Молодёжь, такъ легко увлекающаяся всякими химерами и звучными фразами, еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ стала поддерживать проектъ, когда замѣтила, что ему

тайно покровительствовали многіе высшіе офицеры. Военное начальство было въ затруднительномъ положеніи: принимая этотъ проектъ, оно лишалось довѣрія дѣльныхъ людей и вносило тревогу во всѣ семейства, а съ другой стороны, отвергая его, оно ставило себя во враждебное отношеніе къ военной молодёжи. Но военная коммисія не затруднилась въ выборѣ: она даже не хотѣла разсматривать этотъ безсмысленный проектъ. Томмазео, приходившій въ отчаяніе при мысли о пораженіи, о капитуляціи, готовъ былъ рѣшиться, изъ ненависти къ Австріи, на любую стратегическую утопію, а потому около него собралось значительное число военныхъ, убѣждавшихъ его оказать покровительство проекту. Манинъ смотрѣлъ на дѣло правильнѣе: онъ полагалъ, что пришло время возобновить переговоры съ непріятелемъ; большинство военной коммисіи раздѣляло его мнѣніе. Продовольствія въ городѣ оставалось только на 18 дней. Надо было поспѣшить переговорами, потому-что этихъ восьмнадцати дней едва-ли было достаточно, чтобъ обсудить спокойно и съ достоинствомъ условія капитуляціи. Во время веденія переговоровъ нужно было не показывать нетерпѣливости, чтобъ, такимъ-образомъ, не дать врагу замѣтить, что Венеція находится въ крайности. Манинъ 6 августа созвалъ народное собраніе въ тайное засѣданіе и объяснилъ положеніе вещей, не сказавъ, впрочемъ, опредѣлительно, на сколько именно дней оставалось запаса хлѣба. Оппозиція надѣялась на существованіе скрытыхъ и неизвѣстныхъ запасовъ и намѣревалась отказать правительству въ уполномочіи начать переговоры. Она полагала, что соединенныя усилія флота и войска могутъ снабдить Эстуаріо продовольствіемъ. Томмазео, обратившись къ генералу Ульлоа, предложилъ обсудить въ военномъ совѣтѣ способы веденія отчаянной войны, такъ-какъ систематическій способъ защиты долженъ былъ неизбѣжно повести къ капитуляціи, по причинѣ недостатка припасовъ въ городѣ. Ясно было, что Томмазео намекалъ такимъ-образомъ на поголовное возстаніе и на общую вылазку. Генералъ Ульлоа отвѣчалъ на это, что численный составъ войска уменьшился до крайнихъ размѣровъ, что истомленные защитники фортовъ и батарей едва могутъ держаться, что нелѣпо было бы измѣнять систематическій планъ обороны, который спасаетъ Венецію отъ приступа и въ то же время вполнѣ согласенъ со смысломъ декрета 2 апрѣля— *сопротивляться во что бы то ни стало.* Положимъ, что капитуляція будетъ результатомъ этого сопротивленія, какъ-скоро въ городѣ истощаться запасы; но что̀ же дѣлать! Лучшаго нѣтъ ничего въ виду. Генералъ изложилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подробно неосновательность проекта большой вылазки и опасности, которыя эта вылазка представляетъ.

«Предположивъ даже, что она возможна, нечего ласкать себя надеждою, что она обезпечитъ городъ продовольствіемъ. Съ 3 августа въ чертѣ блокады уже нѣтъ болѣе складовъ запасовъ; чтобъ искать ихъ, надо идти до Піове, Ровиго и Тревизы.» Ульлоа, въ заключеніе, изъявилъ надежду, что флотъ рѣшится, наконецъ, прорвать линію блокады. Одинъ корабль, нагруженный хлѣбомъ, гораздо-вѣрнѣе обезпечитъ продовольствіе Эстуаріо, нежели двѣ или три удачныя вылазки. Народное собраніе постановило слѣдующее рѣшеніе: «Собраніе сосредоточиваетъ всю власть въ рукахъ президента правительства, Манина, предоставляя ему заботиться о чести и спасеніи Венеціи согласно его личнымъ мнѣніямъ. Собраніе сохраняетъ за собою только право повѣрки рѣшеній въ дѣлахъ политики.» Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ результата разсужденій собранія. Манинъ вышелъ и сказалъ слѣдующее: «Въ настоящую торжественную минуту, собраніе вашихъ представителей сочло необходимымъ сдѣлать то, что обыкновенно дѣлается въ другихъ странахъ, при подобныхъ обстоятельствахъ. Оно сосредоточило всю власть въ рукахъ одного человѣка; этотъ человѣкъ-президентъ правительства, это я! Вы знаете, какъ искренно я люблю Венецію. Итакъ окажите мнѣ ваше содѣйствіе. Испробуемъ, друзья мои, все возможное, чтобъ спасти честь и существованіе націи. Будемъ вести себя какъ защитники святаго дѣла, и возложимъ наши надежды на Бога!» Сочинители проекта, потерпѣвъ такимъ-образомъ пораженіе въ народномъ собраніи, вздумали достигнуть своей цѣли инымъ способомъ. 7 августа, въ 10 часовъ вечера, толпа всякаго рода людей, къ которой присоединились милиціонеры, собралась на площади св. Марка, подъ окнами герцогскаго дворца, и принялась кричать: «Поголовное возстаніе! Военную коммисію на балконъ!» Коммисія не обращала вниманія на эти крики, и толпа потребовала Манина. Манинъ явился. «Чего вы хотите?» сказалъ онъ: «къ-чему эти крики? Всѣмъ извѣстно, что списки для набора открыты; записывайтесь, если вы желаете сражаться!» Шумъ и крики не прекращались. Манинъ велѣлъ вынести на площадь столъ и кресло, призвалъ секретаря и громкимъ голосомъ предлагалъ записываться всѣмъ желающимъ. Въ это время военная коммисія постановляла рѣшеніе о наборѣ солдатъ для артиллеріи и инженерной части. Списки оставались открытыми впродолженіе трехъ дней, и во все это время только восьмнадцать человѣкъ внесли въ нихъ имена свои! И не могло быть иначе: вся молодёжь уже и безъ того находилась въ войскахъ, или гражданской стражѣ. Что касается зачинщиковъ этихъ смутъ, то они не воспользовались даннымъ имъ урокомъ, который только раздражилъ ихъ. Мы

сейчасъ увидимъ новыя сцены безпорядковъ, потревожившихъ торжественную агонію героической Венеціи, и намъ остается, къ-сожалѣнію, изъ высшихъ сферъ патріотизма и мужества спуститься въ печальную область мрачныхъ интригъ и грязныхъ поступковъ.

Народъ ни за что не хотѣлъ соглаcиться нести снова австрійское иго; онъ умолялъ флотъ сразиться съ непріятельской эскадрой. Вслѣдствіе такого расположенія умовъ, проектъ общей вылазки находилъ себѣ все болѣе-и-болѣе партизановъ. Утромъ 10 августа полиція сорвала со стѣнъ домовъ объявленія, которыми жители приглашались восстать поголовно и произвести общую вылазку. Вечеромъ въ тотъ же день, нѣсколько артиллеристовъ-миліціонеровъ собралось на площади св. Марка, произнося угрозы противъ комитета общественной безопасности; однакожъ, Ульлоа успѣлъ уговорить толпу и возстановить порядокъ. На слѣдующій день офицеры и миліціонеры назначили особое собраніе въ гостинницѣ Великобританіи для разсужденія о приведеніи въ исполненіе плана поголовнаго возстанія и общей вылазки. Узнавъ объ этомъ, Пепе тотчасъ же призвалъ начальниковъ отрядовъ и возложилъ на нихъ отвѣтственность за всѣ могущіе произойти безпорядки. Они отвѣчали, что почти всѣ офицеры согласились между собою участвовать въ собраніи и что рѣшительно нельзя тому воспрепятствовать. Пепе не хотѣлъ прибѣгать къ насилію. «Хорошо же» сказалъ онъ, начальникамъ отдѣльныхъ частей войскъ: «такъ идите и вы туда, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, предотвратить большее нарушеніе дисциплины.» Спустя нѣсколько часовъ, семеро офицеровъ явились къ Пепе отъ лица своихъ товарищей и просили его сосредоточить войска и вести ихъ въ дѣло. Главнокомандующій принялъ ихъ съ обычною ласковостью, объяснилъ невозможность удовлетворить ихъ благородному пылу и, въ заключеніе, объявилъ, что у него достаточно вѣрнаго войска, чтобъ сокрушить интриги и разстрѣлять интригановъ. На другой день главнокомандующій собралъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ высшихъ чиновъ. «Намъ остается теперь» сказалъ онъ имъ «только одно — именно честь. Какая польза въ новыхъ жертвахъ и въ новыхъ лаврахъ, если мы не съумѣемъ окончить борьбу достойнымъ образомъ? Военная исторія не представляетъ ни одного примѣра крѣпости, которая держалась бы такъ долго, какъ Венеція въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Одна эта мысль, по моему мнѣнію, уже достаточная награда. Если вы подкрѣпите мое вліяніе, мы будемъ сопротивляться до послѣдняго дня. Но не ждите отъ меня согласія на безумный поступокъ. Въ такомъ случаѣ, я скорѣе рѣшусь перебраться на англійскій, или французскій корабль.» Пепе поручилъ генералу Ульлоа наблюденіе за сохраненіемъ

порядка. Ульлоа потребовалъ, отъ главнокомандующаго 200 человѣкъ гражданской стражи, полтораста жандармовъ и двѣ пушки, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ неаполитанскому батальйону не выходить изъ казармъ. Онъ намѣревался разсѣять силой собраніе, условившееся сойтись въ десять часовъ вечера въ тотъ же день. Заговорщики узнали объ этихъ распоряженіяхъ и не рѣшились заходить далѣе въ своихъ продѣлкахъ. Порядокъ не былъ нарушенъ. Ночью, пятнадцать офицеровъ, главныхъ зачинщиковъ дѣла, были арестованы и посажены въ тюрьму.

Во время смотра легіоновъ городской стражи, Манинъ обратился къ войскамъ и народу съ рѣчью, въ которой умолялъ ихъ сохранять порядокъ. «Народъ» сказалъ онъ, между-прочимъ, «который столько сдѣлалъ и страдалъ, сколько сдѣлали и страдали вы, не можетъ погибнуть. Будущее готовитъ ему награду. Когда настанетъ этотъ день вознагражденія — извѣстно одному только Богу. Но для насъ пока достаточно уже того, что мы его заслужили. Мы посѣяли, и этотъ посѣвъ, будьте увѣрены, дастъ жатву, если не для насъ, то для нашихъ потомковъ! Великія несчастія грозятъ намъ; но у насъ то утѣшеніе, что мы не заслужили ихъ, и если мы болѣе не въ-силахъ предотвратить эти несчастія, то, по-крайней-мѣрѣ, отъ насъ вполнѣ зависитъ сохранить до послѣдняго мгновенія незапятнанною честь нашего города. Вамъ предстоитъ беречь ее, какъ самое драгоцѣнное наслѣдство для вашихъ сыновей. Если хотя на одинъ день Венеція перестанетъ быть достойною самой себя, то все, что̀ вы сдѣлали до-сихъ-поръ, будетъ забыто, помрачено, потеряно... Я спрашиваю у народа и гражданской стражи, довѣряютъ ли они мнѣ?» Восторженные, продолжительные крики и аплодисменты были утвердительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. «Ваша любовь, друзья мои (продолжалъ Манинъ) возбуждаетъ во мнѣ еще бо̀льшую грусть. Въ эти минуты я еще болѣе сочувствую, если только это возможно, вашимъ бѣдствіямъ и страданіямъ. Полагайтесь не на мою нравственную, или физическую силу, а на мою преданность. Она одна только сильна, глубока, и если прекратится, то развѣ вмѣстѣ съ моею жизнью. Что̀ бы ни случилось, буду ли я живъ, или умру вдали отъ васъ, говорите: «этотъ человѣкъ могъ обманываться», но не говорите никогда: «этотъ человѣкъ обманулъ насъ!»—«Нѣтъ, нѣтъ! никогда!» отвѣчали присутствующіе, тронутые до слезъ. «Надѣюсь, вы отдадите мнѣ справедливость, друзья мои» заключилъ Манинъ «въ томъ, что я никогда не внушалъ вамъ идей, которыхъ не раздѣлялъ самъ. Я никогда не говорилъ вамъ надѣйтесь, когда самъ болѣе не надѣялся»... Душевное волненіе остановило рѣчь Манина. Онъ не могъ болѣе говорить и почти въ обмо-

рокѣ унесен былъ съ площади. Чрезъ нѣсколько минутъ площадь опустѣла.

16 августа венеціянскій флотъ вышелъ изъ порта Маломокко и свободно маневрировалъ въ виду непріятельской эскадры, которая только попыталась-было преградить ему отступленіе; затѣмъ флотъ снова занялъ свое прежнее мѣсто. Этимъ и кончились дѣйствія флота, который стоилъ столькихъ издержекъ и заботъ и на который правительство, народъ и войско возлагали свою надежду. Вечеромъ въ тотъ же день генералъ Пепе, Ульлоа и Бальдисеротто отправились къ адмиралу Граціани и просили его принять начальство надъ флотомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, посовѣтовать, что́ дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Адмиралъ отказался отъ начальства, сказавъ, и совершенно-справедливо, что уже поздно и дѣлать нечего. Онъ заключилъ свои слова слѣдующимъ упрекомъ флоту: «Я уже старъ; пусть молодые офицеры покажутъ, на что́ они способны».

Манинъ еще 11 августа отправилъ къ Бруку, находившемуся въ то время въ Миланѣ, письмо, въ которомъ выразилъ готовность начать переговоры насчетъ капитуляціи, согласной съ честью и благосостояніемъ Венеціи. Брукъ отвѣчалъ, что такъ-какъ народное собраніе отвергло предшествовавшія предложенія австрійскаго правительства, то онъ можетъ въ настоящее время согласиться только на безусловную покорность Венеціи, и что, впрочемъ, фельдмаршалъ Радецкій, движимый чувствомъ человѣколюбія, согласился, съ своей стороны, на нѣкоторыя уступки. Получивъ отвѣтъ, Манинъ собралъ на совѣтъ военную коммисію, муниципалитетъ, адмирала Граціани, генерала Кавედалиса и министровъ, чтобъ постановить окончательныя условія капитуляціи. Затѣмъ посланы были въ Местре лица, уполномоченныя для заключенія договора.

Въ то время, какъ переговоры рѣшали судьбу Венеціи, въ городѣ господствовало всеобщее уныніе. Всѣ ожидали извѣстій объ эскадрѣ, находившейся тогда въ морѣ. Въ городѣ носились самые тревожные слухи. Народъ собрался на площади св. Марка и требовалъ вѣстей. Манинъ отвѣчалъ: «Эскадра долгое время стояла въ боевомъ порядкѣ предъ непріятелемъ, который хотя и былъ сильнѣе числомъ, но не осмѣлился напасть на нее. Страшная эпидемія, свирѣпствующая въ городѣ, губитъ точно такъ же и флотъ нашъ. Онъ возвратился теперь въ портъ и въ случаѣ нужды готовъ снова выйти въ море.» Одинъ голосъ изъ толпы внезапно прервалъ рѣчь Манина. «Я голоденъ!» произнесъ кто-то. «Никто» продолжалъ Манинъ «не имѣетъ еще пока права сказать: я голоденъ! Пусть тотъ, кто

произнесъ эти слова, выйдетъ ко мнѣ, и я обличу его ложь!» Народъ, какъ и всегда, очарованный и побѣжденный словами диктатора, воскликнулъ: «Да здравствуетъ Манинъ!» 21 августа полученъ отвѣтъ отъ Радецкаго, и непріятель прекратилъ канонаду, на которую израсходовалъ, начиная съ 4 мая, до 90,000 снарядовъ всякаго рода.

Муниципалитетъ размѣнялъ на золото мильйонъ двѣсти тысячъ ливровъ. Этими деньгами онъ могъ отчасти уплатить жалованье войскамъ и оказать помощь раненымъ. Но нѣкоторые изъ милиціонеровъ, по бóльшей части канонеры и моряки, были недовольны расплатой и требовали всего третнаго жалованья. Манинъ утишилъ это волненіе и прибавилъ жалованье за нѣсколько дней всѣмъ, кто того требовалъ. Но на слѣдующій день волненіе превратилось въ бурю. Милиціонеры всѣхъ частей войскъ собрались предъ дворцомъ и криками требовали своего третнаго жалованья По временамъ раздавались голоса за поголовное возстаніе и общую вылазку. Манинъ долженъ былъ вступить въ переговоры съ толпой непокорныхъ, которая отправила къ нему депутацію изъ четырехъ человѣкъ. Когда Манинъ спросилъ у депутатовъ, чего они хотятъ, они, краснѣя, отвѣчали, что требуютъ своего третнаго жалованья; сверхъ—того, они объявили, что большинство желаетъ сразиться съ непріятелемъ внѣ лагуны, и что многіе изъ солдатъ, опасаясь попасть въ австрійскую службу, просятъ позволенія разойтись по домамъ. Манинъ объяснилъ невозможность вылазки, разувѣрилъ тѣхъ, которые безпокоятся за свою будущность, и указалъ на тѣ жертвы, которыя принялъ на себя городъ, согласившись на послѣдній заемъ. Денегъ было такъ мало, что ихъ не доставало даже на уплату прибавочныхъ дней, имъ только-что разрѣшенную. Депутаты передали этотъ разговоръ своимъ товарищамъ, которые, однакожь, не удовлетворились такимъ исходомъ дѣла. Около пяти часовъ вечера 400 или 500 солдатъ всякаго оружія овладѣли батареей *Римъ* и объявили правительству, что если къ солнечному закату оно не удовлетворитъ ихъ требованій, то они начнутъ бомбардировать городъ. По чьему именно наущенію составился этотъ подлый комплотъ—неизвѣстно и до-сихъ-поръ. Впрочемъ, несомнѣнно то, что онъ былъ однимъ изъ слѣдствій помянутаго совѣщанія офицеровъ въ гостинницѣ Великобританіи. По наступленіи вечера, толпа нарушителей порядка потребовала отъ Манина, чтобъ онъ объявилъ результатъ переговоровъ съ непріятелемъ Онъ отвѣчалъ, что уполномоченные находятся теперь въ Местре и что условія конвенціи будутъ обнародованы завтра. Крики не унимались. «Итальянцы вы, или нѣтъ?» сказалъ Манинъ: «хотите ли вы быть свободны въ будущемъ, которое, быть-можетъ, недалеко отъ насъ?»

«Да, да!» раздалось со всѣхъ сторонъ. «Въ такомъ случаѣ» продолжалъ Манинъ «извергните изъ среды своей зачинщиковъ всѣхъ этихъ безпорядковъ. Я уже сказалъ вамъ откровенно: наше положеніе тяжело, даже страшно. Я имѣлъ мужество сказать то же самое народному собранію, а въ то время дѣйствительно нужно было имѣть мужество, чтобъ сказать это. Собраніе уполномочило меня начать переговоры. Я ихъ началъ. Необходимо вести эти переговоры съ спокойствіемъ и достоинствомъ. Еще разъ скажу вамъ: наше положеніе затруднительно, но оно еще нетаково, чтобъ намъ сдаться безъ всякихъ условій. Меня скорѣе убьютъ, нежели заставятъ подписать унизительную капитуляцію. Если численное превосходство непріятеля, голодъ, равнодушіе всей Европы заставляютъ насъ уступить, то мы съумѣемъ покориться, не запятнавъ знамени Венеціи.» Толпа была тронута. Воспользовавшись этой минутой, Манинъ сошелъ на площадь со шпагою въ рукѣ: «Пусть истинные итальянцы» вскричалъ онъ «слѣдуютъ за мной и помогутъ мнѣ поддержать порядокъ!» Около шестидесяти офицеровъ, находившихся на площади, послѣдовали за Манинымъ, который прошелъ такимъ-образомъ нѣсколько улицъ.

Заговорщики, завладѣвшіе батареей *Римъ*, навели на городъ пушки и, на военный ладъ, разставили аванпосты и часовыхъ. Когда Манинъ, съ своимъ кортежемъ, прибылъ въ узкую улицу близь моста на Ріальто, часовой выстрѣлилъ на воздухъ, чтобъ дать знакъ солдатамъ, находившимся на батареѣ. Военная коммисія тотчасъ же велѣла ударить тревогу. Пепе, больной, лежалъ тогда въ постели. Генералъ Ульлоа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ главнаго штаба и роты швейцарцевъ, занялъ мосты противъ станціи желѣзной дороги, чтобъ окружить бунтовщиковъ и отрѣзать имъ сообщеніе съ городомъ. Онъ разсчитывалъ, что они не такъ увѣрены въ своихъ силахъ, какъ желаютъ показать; что ночь они продержатся спокойно, а на слѣдующее утро ихъ можно будетъ согнать съ батареи, не истративъ ни одного патрона. Тишина ночи, отчужденіе отъ прочихъ гражданъ, размышленіе должны были имъ показать всю гнусность ихъ поступка. Такъ и случилось. На разсвѣтѣ войска овладѣли батареей безъ выстрѣла.

Вечеромъ 24 августа, когда окончательно были постановлены условія капитуляціи, всѣ начальствующія лица передали свою власть муниципалитету, который немедленно обнародовалъ текстъ договора. На основаніи этого договора, жители и солдаты получали амнистію; а всѣ офицеры, служившіе противъ своего государя, военные чины иностраннаго происхожденія, равно какъ и сорокъ лицъ, поименованныхъ въ

особомъ спискѣ, должны были немедленно оставить Венецію; форты, арсеналы, оружіе и военные запасы переходили во власть австрійцевъ. Съ обѣихъ сторонъ назначены были депутаты для приведенія въ исполненіе статей договора. Передача города началась 23 августа и окончена была въ четыре дня. 27 августа австрійцы сдѣлались полными господами Венеціи.

Такъ кончилась эта война, продолжавшаяся семнадцать мѣсяцовъ. Венеція, старинное убѣжище свободы, слава Италіи, принуждена была снова покориться австрійскому игу. По-крайней-мѣрѣ, она прославила свою защиту мужествомъ своимъ и доблестями. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ выказали одинаковую ненависть къ чужеземному игу. Любовь къ отечеству заставляла ихъ съ твердостью переносить голодъ, болѣзни, страданія, презирать смерть, жертвовать имуществомъ. Венеціянцы показали, что во время продолжительнаго рабства они не забыли доблестей своихъ предковъ Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, они сражались и хотѣли еще сражаться до послѣдней минуты за независимость Италіи. Въ Италіи нѣтъ недостатка ни въ государственныхъ людяхъ, ни въ способныхъ военачальникахъ. Италія побѣждена была силою оружія, слабостью дипломатіи, неудавшимися разсчетами и надеждами революціи и, наконецъ, тѣми капризами фортуны, которымъ въ бо́льшей или ме́ньшей степени подвержены всѣ событія войны.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ІЮНЬ 1859.

Ходъ военныхъ дѣйствій въ Италіи. — Почему Австрія не имѣетъ удачи. — Политическая система Меттерниха — Смерть Меттерниха и бана Іеллачича.— Отношеніе Германіи къ итальянскому вопросу.—Прусская мобилизація. — Толки о посредничествѣ. — Паденіе министерства Дерби. — Отношенія его къ вопросу о парламентской реформѣ и къ итальянской войнѣ. — Пренія о недовѣріи къ министерству. — Составъ новаго министерства. — Программа его дѣйствій. — Отвѣтная нота Бейста на циркуляръ кн. Горчакова и замѣчанія на нее въ «Journal de S. Petersbourg.» — Послѣднія событія: результаты сольферинской битвы; перемиріе и миръ.

Въ военномъ движеніи Наполеона и его доблестнаго союзника, короля Виктора-Эммануила, въ длинной цѣпи славныхъ побѣдъ и блестящихъ успѣховъ, сопровождавшихъ это торжественное шествіе, Монтебелло, дѣйствительно, было только первымъ звѣномъ. Съ-тѣхъ-поръ Палестро, Мадженто, Мариньяно и наконецъ Кавріано, или Сольферино (какъ, по волѣ побѣдителя, суждено называться страшной бойнѣ народовъ, 24-го іюня разразившейся между рѣками Кьезе и Минчіо) вписаны, какъ славныя имена, въ свѣжія страницы исторіи. Успѣхи союзнаго оружія, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, превосходили самыя смѣлыя ожиданія, самыя пламенныя надежды многочисленныхъ друзей итальянской независимости. Переходъ черезъ Тичино, вступленіе въ Миланъ, очищеніе австрійцами Ломбардіи, Пьяченцы, Модены и легатствъ, движеніе союзниковъ за Адду, наконецъ самое вторженіе побѣдоносныхъ армій въ тотъ знаменитый, заколдованный четыреугольникъ, который, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла, считался самымъ надежнымъ оплотомъ Австріи— все это совершилось съ быстротою, почти безпримѣрною въ лѣтописяхъ военной исторіи, если взять во вниманіе, что на этотъ разъ передъ нападающимъ находился не какой-нибудь слабый, ничтожный, недовѣряющій своимъ силамъ противникъ, но что предъ союзными войсками стояла многочисленная армія, какъ кажется, значительно превосходившая ихъ своими силами, что въ обладаніи этой сильной арміи находились

крѣпости, укрѣпленныя позиціи, сильныя оборонительныя линіи, проведенныя самою природою, что эта армія принадлежала одной изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ имперій, гордой своими политическими и военными традиціями, рѣшительно и надменно вызвавшей на смертный бой своего противника, что, наконецъ, эта армія дѣйствовала у себя дома, на той почвѣ, которая для нея и ея военачальниковъ была такъ же хорошо извѣстна, какъ учебный плац-парадъ Противники Австріи, ея побѣдители, не отказываютъ ея войскамъ въ мужествѣ и храбрости; австрійскій солдатъ дерется хорошо, и не разъ, въ отдѣльные моменты битвы, отчаянные натиски лучшихъ французскихъ и сардинскихъ войскъ сокрушались о непреоборимую твердость австрійской пѣхоты; не разъ, во время битвы, важные пункты переходили безпрестанно изъ однихъ рукъ въ другіе; австрійскому солдату — не учиться умирать; славяне и венгры составляютъ лучшіе полки Австріи, и никто этимъ народностямъ не откажетъ въ военной доблести, въ умѣньи умирать со славой. Между австрійскими генералами много именъ весьма-почтенныхъ, извѣстныхъ и уважаемыхъ; не бѣдны, не скудны они, какъ генералы другихъ державъ, знаніями и способностями, а ученость ихъ давно пользуется заслуженною репутаціею. И, однакожь, до-сихъ-поръ ни въ одной встрѣчѣ съ непріятелемъ не улыбнулось австрійцамъ военное счастіе; грозная военная Немезида безпощадно ихъ преслѣдовала, и каждое поле битвы усѣяно ихъ многочисленными трупами, пропитано ихъ кровью. По разсчету, который кажется намъ довольно-близкимъ къ истинѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала военныхъ дѣйствій и до окончательнаго перехода за Минчіо, послѣ битвы при Сольферино, австрійскія войска потеряли до 70,000 человѣкъ. Это составляетъ четвертую часть ихъ дѣйствующей арміи. Ни одна сколько-нибудь значительная ошибка не оканчивалась удачно для австрійцевъ; имъ явно не везло; хотя бы разъ злой геній войны порадовалъ ихъ мимолетной, случайной удачей! На что уже былъ бестыденъ ихъ бывшій главнокомандующій, графъ Гьюлай, но и тотъ въ своемъ донесеніи былъ принужденъ офиціально сознаться, что *славная для австрійскаго оружія* маджентская битва далеко не увѣнчалась ожиданнымъ успѣхомъ. Послѣ каждой битвы, австрійцы предоставляли на долю своихъ противниковъ тягостную и печальную обязанность убрать и похоронить мертвыя тѣла, а сами отступали, все отступали, только не такъ медленно, какъ наступали когда-то, свирѣпствуя въ Пьемонтѣ. Послѣ несчастной для австрійцевъ битвы при Маджентѣ, у нихъ вдругъ явилась и рѣшимость, и энергія, и способность быстро двигаться. Быстро двигались они, отступая, убѣгая отъ своего страшнаго, безпощаднаго врага; энергично и рѣшительно

очищали свои крѣпости, на сооруженіе которыхъ такъ долго тратили такія громадныя суммы; рѣшительно и безпощадно взрывали крѣпостные верки, бастіоны, топили свои пушки и порохъ, разрушали мосты, портили дороги и телеграфы; съ благородной щедростью оставляли въ жертву непріятелю свои казенные сундуки, наполненные бумажными деньгами.

Послѣ маджентской битвы (4 іюня нов. ст.) пришлось австрійцамъ забить отбой на всѣхъ пунктахъ. Въ своемъ поспѣшномъ отступленіи, они не думали остановиться ни на Аддѣ, ни на Оліо. Только при Мариньяно, верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ Милана, корпусъ Бараге-д'Илье настигъ австрійскій арьергардъ, прикрывавшій отступленіе главной арміи. Кромѣ этого пункта, на протяженіи полутораста верстъ, отъ Тичино и до Кьезе, французскія войска нигдѣ не могли настигнуть австрійцевъ. Очищеніе Ломбардіи было такимъ-образомъ результатомъ маджентской битвы. Одновременно съ этимъ отступленіемъ, австрійцы очистили Пьяченцу, взорвали ея укрѣпленія, такъ дорого стоившія, очистили герцогство Моденское, которое незадолго предъ тѣмъ, по просьбѣ герцога, а можетъ-быть, и безъ этой просьбы, заняли-было своими войсками, очистили, наконецъ, Анкону, Феррару, Болонью, обладанію которыми придавали такую сильную важность. Такъ, отъ одного удара въ прахъ разсыпалось все зданіе, надъ сооруженіемъ котораго Австрія потратила такъ много неблагодарнаго труда. Долго и старательно она раскидывала свою сѣть, трудилась безъ устали, безъ отдыха, трудилась всѣми возможными средствами, потратила много ума и тонкаго разсчета, много хитрости и лукавства, много денегъ, играла своею честью, своимъ достоинствомъ, играла своими обѣщаніями, своими словами, не щадила никакихъ жертвъ на постройку крѣпостей, на содержаніе многочисленной арміи и неменѣе многочисленнаго штата полицейскихъ чиновниковъ, на наемъ тайныхъ шпіоновъ и агентовъ, на подкупъ министровъ и совѣтниковъ итальянскихъ государей. Ея многочисленная и хорошо дисциплинированная армія составляла гордость и главную опору величія Габсбурговъ. Ревнивая къ своей военной силѣ, Австрія чутко прислушивалась ко всему тому, чѣмъ въ послѣднее время ознаменовывались успѣхи военнаго искусства, вводила у себя всѣ усовершенствованія, сама ревностно поощряла новыя открытія и изобрѣтенія. Есть у ней и нарѣзныя ружья, и новые снаряды, и даже новыя нарѣзныя пушки; есть у ней отличные стрѣлки, мало уступающіе въ своемъ искусствѣ знаменитымъ венсенскимъ стрѣлкамъ; ея артиллерія готова поспорить съ лучшею въ мірѣ артиллеріею. Для вспомогательныхъ частей военнаго дѣла, для военнаго хозяйства въ Австріи сдѣлано все, что только

въ-силахъ задумать и выполнить тонкій, изобрѣтательный венеціанскій умъ, тщательная и расторопная аккуратность нѣмца. Но къ чему же это все послужило? Многочисленная, стройная, дисциплинированная и отлично-снабженная всѣми средствами армія не въ-силахъ одержать для Австріи ни одной побѣды; она умѣетъ только умирать, да отступать безславно. Какую пользу приносятъ Австріи ея крѣпости? Чѣмъ помогла ей въ настоящую войну Пьяченца, на укрѣпленіе которой она безплодно потратила столько средствъ, и которая служила только къ тому, чтобъ постоянно держать въ страхѣ Пьемонтъ и, ко вреду Австріи, раздражать народныя страсти въ Италіи? Лишь только началась война, разбитые въ первой генеральной битвѣ, австрійцы очищаютъ свои крѣпости, въ томъ числѣ и Пьяченцу; ихъ крѣпости ни на минуту не задерживаютъ побѣдоноснаго врага, и безъ выстрѣла, безъ пролитія капли крови входятъ союзники въ Бергамо, Брешію, Павію и даже знаменитую Пьяченцу. На силу своей арміи, на крѣпости, на одну внѣшнюю, матеріальную силу разсчитывала Австрія; только эту матеріальную силу она развивала, въ ущербъ другой, болѣе-высшей силы. Но когда насталъ грозный часъ расплаты, эта сила, съ такою любовью лелѣемая, измѣнила Австріи, разсѣялась, какъ дымъ, какъ легкій ночной туманъ при восходѣ солнца — и Австрія оказалась въ полномъ безсиліи.

Австрія ни мало не позаботилась о томъ, чтобъ создать для себя въ Ломбардіи другую силу, которая будетъ потверже, помогущественнѣе крѣпостныхъ стѣнъ и стальныхъ штыковъ. Она только угнетала народонаселеніе, только давала ему чувствовать нестерпимую тягость своего ига, своими дѣйствіями только ежеминутно усиливала національную и политическую ненависть. Плодомъ ея сорокалѣтняго владычества была глубокая, непримиримая антипатія, раздѣлявшая итальянцевъ и нѣмцевъ, антипатія, которая чѣмъ глубже затаена была въ душѣ до настоящей войны, тѣмъ рѣзче и сильнѣе выказалась, когда насталъ для нея благопріятный моментъ. Изъ-подъ ногъ австрійцевъ, побитыхъ французами при Маджентѣ, сама собою убѣжала ломбардская почва, потому-что на этой почвѣ они не были крѣпки, они на ней только стояли лагеремъ, только на время удерживали ее за собою штыками, полиціей да казематами; они вовсе не думали и не заботились связать Ломбардію съ главнымъ ядромъ своего государства прочною внутреннею связью—единствомъ правъ и интересовъ. Какъ легко и быстро пало австрійское владычество въ Ломбардіи, такъ же скоро, безъ-сомнѣнія, оно должно было пасть и въ Венеціи, потому-что и тамъ и здѣсь дѣйствуютъ одни и тѣ же причины. И города Венеціанской Провинціи уже радостно ждали приближенія того часа, который такъ недавно и такъ счастливо пробилъ для

ломбардцевъ; и тамъ уже замѣтны были зловѣщiе для австрiйцевъ признаки, и край держался въ повиновенiи только присутствiемъ австрiйской дѣйствующей армiи. Битва при Сольферино должна была неизбѣжно имѣть тѣ же самыя послѣдствiя для Венецiянской Провинцiи, какiя битва при Маджентѣ имѣла для Ломбардiи. Шаталась почва подъ ногами Австрiи, и кто виноватъ въ томъ, что она непрочна?

Та система, которой неизмѣнно держалось австрiйское правительство, отъ которой оно не отступало ни въ эпоху благополучiя, ни въ годину тяжкихъ испытанiй, принесла, наконецъ, свои законные плоды. Если послѣ всѣхъ безчисленныхъ, весьма-поучительныхъ уроковъ исторiи, нуженъ былъ еще одинъ урокъ, самый грозный, самый внушительный, то онъ настать, то онъ совершился предъ нами въ очью, и на этотъ разъ агнцемъ закланiя, въ искупленiе за грѣхи мiра и на поученiе вѣкамъ грядущимъ, служитъ Австрiя. Недаромъ она осталась на всемъ европейскомъ континентѣ единственнымъ убѣжищемъ тьмы и всякаго мракобѣсiя, недаромъ она служитъ послѣднимъ, запоздалымъ, сильнымъ олицетворенiемъ той системы обскурантизма и общественнаго застоя, который справедливо возбуждаетъ противъ себя общее негодованiе. Мы вполнѣ убѣждены, что для Австрiи, хотя бы за нее и опоясалась браннымъ мечемъ робкая, но войнолюбивая Германiя, хотя бы дипломатическое счастье и улыбнулось ей, настоящая война, независимо отъ территорiальныхъ утратъ въ Италiи, неизбѣжно должна повести къ сильному внутреннему перелому, къ полнымъ и радикальнымъ реформамъ въ быту государственномъ. Прежняя система продолжаться не можетъ; она въ самомъ началѣ войны не вынесла испытанiя; передъ нею могила; событiя стремятся быстро низвергнуть ее въ эту могилу.

Въ ту самую минуту, когда пропасть была разверста предъ австрiйской системой, отошелъ на вѣчный покой ея глава и блистательнѣйшiй представитель, князь Меттернихъ. Онъ умеръ на 86-мъ году своей жизни, въ принадлежащемъ ему за́мкѣ, въ которомъ жилъ съ царскою пышностью. Рано началась блестящая дипломатическая карьера Меттерниха, и на 36 году своей жизни, въ 1809 году, онъ уже завѣдывалъ иностранною политикою Австрiи. На вѣнскомъ конгресѣ, Меттернихъ, младшiй по лѣтамъ изъ его членовъ, былъ единогласно выбранъ предсѣдателемъ, и здѣсь-то онъ положилъ первое начало той системѣ, которая до послѣдняго времени оковывала тяжелыми цѣпями всю континентальную Европу. Такъ-называемый священный союзъ долженъ былъ на-вѣки закрѣпить эту меттерниховскую систему. Съ-тѣхъ-поръ австрiйскiй государственный канцлеръ управлялъ изъ Вѣны судьбами всей

Европы. Въ чемъ состояла эта система, слишкомъ-хорошо известно. Вотъ какъ отзывается о ней газета Times, въ некрологѣ князя Меттерниха: «Бывшій австрійскій канцлеръ вознамѣрился ни болѣе, ни менѣе, какъ сковать цѣпями вѣтеръ, и, подобно Кануту, на морскомъ берегу, думалъ запретить двигаться волнамъ. Вѣтеръ повиновался ему, и даже волны отступили на минуту, но минута эта миновала, и стихія снова пришла въ дѣйствіе. Всѣ великіе планы его рушатся въ настоящее время Онъ былъ непреклоннымъ адвокатомъ той системы, недопускающей сдѣлокъ, которая обыкновенно удивляетъ прочностью и силою во все время своего существованія, но распадается вдругъ и совершенно, лишь потрясена какая-либо ея часть. Она можетъ быть орудіемъ въ рукахъ государственнаго человѣка, но едва ли способна обратиться въ монументъ ему». 1848 годъ потрясъ эту систему Меттерниха, но далеко не разрушилъ ея окончательно. Съ наступленіемъ реакціи, во главѣ австрійскаго правительства стали люди, подобные Шварценбергу и Булю, бывшіе ученики Меттерниха. Машина, съ роковой минуты вращавшаяся весьма-удачно въ опытныхъ рукахъ своего, если не великаго, то, по-крайней-мѣрѣ, счастливаго мастера, теперь перешла въ руки слабыхъ копистовъ, которые изъ всѣхъ уроковъ своего учителя переняли только одну рутину, только жалкую манеру хитрить и лукавствовать. Они-то втянули Австрію въ то положеніе, изъ котораго выйдти съ честью въ настоящее время нѣтъ для нея возможности. Основанная на исключительномъ преслѣдованіи правительствомъ своихъ личныхъ интересовъ и выгодъ, эта «система» послѣдовательно привела къ полному разъединенію народа съ правительствомъ, между которыми не осталось ничего общаго; при первой опасности, угрожающей правительству, народъ оставался къ нему холоднымъ и равнодушнымъ, какъ холодно и равнодушно смотрѣло само правительство на народныя бѣдствія и невзгоды. Провозглашенное правительствомъ начало «viribus unitis» было игрою словъ, маскою, за которой скрывалась эксплуатація всѣхъ народностей, составляющихъ имперію, нѣмецкимъ ея населеніемъ. Ни венграмъ, ни славянамъ не приходилось испытать на дѣлѣ благихъ послѣдствій торжественно-объявленнаго начала, а славяне имѣли, какъ кажется, полное право на благодарность со стороны австрійскаго правительства, обязаннаго имъ своимъ спасеніемъ въ 1848 и 1849 годахъ.

Почти въ одно время съ Меттернихомъ сошелъ въ могилу герой этаго роковаго для Австріи времени, графъ Іеллачичъ, банъ кроатскій, камергеръ двора его величества. Вѣнская революція поставила Іеллачича на такое мѣсто, откуда могъ онъ располагать судьбой Австріи. Спаситель престола Габсбурговъ, до обожанія любимый своими прияте-

ніи; Іеллачичъ имѣлъ въ то время въ рукахъ своихъ всѣ средства радикально измѣнить положеніе славянъ въ Австріи. Самыя теплыя надежды возлагали на него его соплеменники, но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. По натурѣ благородный и довѣрчивый, склонный къ увлеченію и рыцарскому романтизму, Іеллачичъ не понялъ ни людей, съ которыми пришлось ему имѣть дѣло, ни времени, въ которое онъ жилъ. Съ такими людьми, которымъ оказалъ онъ великую услугу, нужно было напередъ сторговаться, не стѣсняясь саномъ и званіемъ этихъ людей; а на это не былъ способенъ благородный банъ. Осыпанный почестями, возведенный въ графское достоинство и въ званіе императорскаго камергера, считался Іеллачичъ получившимъ все то́, чего онъ заслуживалъ. Забыли одно—что правительство такъ ловко распорядилось своими наградами, что лишило награждаемаго того, что́ для него было дороже всего на свѣтѣ—его популярности между славянами. Постоянно вызываемый въ Вѣну, какъ императорскій камергеръ, Іеллачичъ все болѣе-и-болѣе терялъ свое значеніе, какъ вождь и глава славянъ, зато выигрывалъ въ своемъ оффиціальномъ амплуа, какъ придворный сановникъ, какъ лицо, приближенное къ императору. Отъ славянъ отдѣлались, также какъ отъ вождя ихъ, разными посулами и обѣщаніями, на что́ всегда такъ щедро австрійское правительство. Что́ мудренаго, если при *такой* политикѣ, Австрія не въ-правѣ разсчитывать на сочувствіе своихъ разноплеменныхъ народовъ, которыми управляетъ оно, попрежнему, на основаніи классическаго правила римскихъ тирановъ «divide et impera» и которыхъ третируетъ на свой собственный ладъ, ни въ чемъ неуступающій манерѣ античныхъ деспотовъ? Нечего и говорить, что при такой обстановкѣ, австрійское правительство въ критическую минуту, для него наступившую, осталось въ изолированномъ положеніи, что отъ него отступились всѣ, отъ кого, въ свою очередь, постоянно отступалось отеческое правительство Габсбурговъ. Нетолько въ Венгріи, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, происходили серьёзныя волненія въ Дебречинѣ, даже въ вѣрноподданническомъ Тиролѣ расположеніе умовъ несовсѣмъ благопріятно для Австріи. Тирольцы такъ неохотно вступаютъ волонтерами въ австрійскую службу, что эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ вынужденъ былъ призвать къ себѣ старшинъ и увѣщевать ихъ, суля имъ великія и богатыя милости—въ *будущемъ*. Но у Тироля есть свое *прошлое*; есть память о цѣломъ рядѣ услугъ, оказанныхъ имъ Австріи, отблагодарившей вѣрный народъ отнятіемъ его древнихъ правъ и привилегій, потому-что эти права и привилегіи носили на себѣ столь ненавистный для Австріи, либеральный характеръ. Правительство ввело и въ Тироль свою любимую по-

лицейско-бюрократическую систему, подъ которую неохотно клонили свою голову гордые тирольцы. Замѣчателенъ отвѣтъ, данный однимъ тирольскимъ крестьяниномъ эрцгерцогу на упрекъ его въ равнодушіи. «Три раза» сказалъ онъ ему: «мы выказывали преданность нашу австрійскому дому и онъ три раза онъ не сдерживалъ данныхъ намъ обѣщаній. Налоги все увеличивались, притѣсненія чиновниковъ усиливались, число жандармовъ становилось все значительнѣе, а привилегій намъ давали все меньше-и-меньше. Мы не хотимъ жертвовать собою въ четвертый разъ, ибо въ награду намъ выдумають новыя угнетенія.» Если правительство забыло жертвы, понесенныя Тиролемъ въ прежнія времена, то не забылъ ихъ Тироль. Возведеніемъ въ дворянское достоинство, не помнимъ съ какимъ количествомъ предковъ, героя тирольскаго возстанія въ 1809-мъ году Андрея Гофера, не могла разсчитаться Австрія съ Тиролемъ, ка́къ разсчиталась она каммергерской ливреей бана Іеллачича съ кроатами. На итальянскія войска не можетъ полагаться правительство: ихъ спѣшили отправить въ глубь страны; Венгрію придется занимать славянскими и нѣмецкими войсками. Въ Венеціянской Области происходятъ враждебныя для Австріи демонстраціи, готовыя обратиться въ открытую революцію. Въ другихъ областяхъ имперіи населеніе видимо было недовольно неуспѣшнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій; въ самой Вѣнѣ, несмотря на бдительный надзоръ опытной и многочисленной полиціи, слышатся громкія жалобы на постоянныя неудачи, на злоупотребленія и разнаго рода неправды; въ Венгріи населеніе съ явнымъ нетерпѣніемъ ждетъ избавителя; манифесты Кошута читаются и раздаются повсюду; въ воздухѣ, которымъ дышетъ Австрія, пахнетъ революціей—а *кто* виноватъ въ ней? Не Мацциви ли, не Англія ли, давшая прибѣжище Кошуту, или Викторъ-Эммануилъ? Отчего же никто не въ-силахъ, еслибъ и захотѣлъ, произвести революцію въ Англіи; отчего спокойной оставалась Ирландія въ то время, когда Англія занята была восточной войной, или усмиреніемъ индійскаго возстанія, отчего все спокойно въ другихъ мѣстахъ, и все волнуется, все готово къ возстанію въ Австріи? Отчего сама Австрія видимо близится къ разложенію и не хочетъ понять причины своего злополучнаго состоянія, корня своей застарѣлой болѣзни? Нетрудно, кажется, разрѣшить всѣ эти вопросы Въ то время, когда въ изнемогающей имперіи все-такъ мертвенно и мрачно, новая жизнь зарождается въ освобождающейся Италіи; ка́къ разовьется эта жизнь, какія формы приметъ она, рѣшитъ послѣдующее время. Теперь все такъ торопится въ Италіи подышать свѣжимъ воздухомъ, который давно не вѣялъ надъ ней, что туристы, посѣщающіе въ настоящее время Флоренціею или Миланъ, не узнаютъ этихъ горо-

домъ. Трехцвѣтное знамя принесло съ собою самыя теплыя надежды, самыя свѣтлыя упованія; долголѣтняго рабства будто и не бывало; даже своимъ стариннымъ угнетателямъ не мстятъ вновь-свободные итальянцы. Самый нѣжный уходъ за больными и ранеными австрійскими солдатами; аристократки, прислуживающія въ госпиталяхъ; ни слова укора, ни тѣни насмѣшки надъ побѣжденными — вотъ чѣмъ расплачиваются итальянцы съ бывшими своими властелинами.

Зато совершенно въ другомъ свѣтѣ представляются намъ дѣйствія итальянскихъ правительствъ, враждебныя къ Франціи. Рядъ протестовъ, выдумокъ и клеветъ, угрозъ и кровавыхъ репрессалій — вотъ то оружіе, которымъ борятся они въ предсмертной своей агоніи съ могущественнымъ соперникомъ. Если въ непріятельской землѣ производили австрійцы неслыханныя злодѣянія, то въ своемъ собственномъ государствѣ рѣшился на чисто-австрійскую мѣру глава католицизма. Извѣстны кровавыя сцены, произведенныя въ Перруджіи швейцарскими войсками, посланными туда папой. До 70-ти жертвъ погибло подъ штыками наемныхъ защитниковъ папскаго престола. Швейцарія вынуждена была отречься отъ сыновъ своихъ и доказывать, что изверги были нѣмцы изъ южной Германіи; въ Италіи все исполнилось праведнаго негодованія на безчеловѣчные поступки папскихъ солдатъ, а святѣйшій отецъ наградилъ предводителя отряда, полковника Шмидта, чиномъ генерала, и архипастырскимъ благословеніемъ его ревностныхъ сподвижниковъ. На тяжелыя думы наводитъ подобное происшествіе, свершившееся въ то время, когда все въ Италіи готовится къ возрожденію; не-уже-ли не существуетъ для римскаго престола общественнаго мнѣнія; а отъ него не отдѣлаешься, какъ отъ перуджійскихъ недовольныхъ, штыками наемниковъ? Папскому правительству незачѣмъ отъискивать вокругъ себя тайныхъ враговъ и мистически указывать на какого-то «мужа, отъ котораго исходятъ всѣ соблазны». (Слова, сказанныя недавно папой въ коллегіи кардиналовъ). Безчеловѣчное убіеніе своихъ подданныхъ вызоветъ, пожалуй, и враговъ явныхъ, которые будутъ имѣть все право, всю законность требовать отъ римскаго престола такихъ условій, при которыхъ невозможными бы сдѣлались подобные дѣйствительные соблазны.

На поля Ломбардіи, на великую драму, тамъ разъигрывавшуюся и теперь пріостановленную неожиданнымъ для всѣхъ миромъ, устремлено было тревожное вниманіе Европы, а между-тѣмъ и въ другихъ странахъ ея совершались событія важныя и сами по себѣ и по своему, болѣе или менѣе рѣшительному вліянію на итальянскія дѣла. Въ Англіи вступило въ управленіе новое министерство; въ Германіи нача-

лось сильное военное движеніе. Скажемъ объ этихъ двухъ государствахъ.

Постоянные успѣхи французскаго оружія совершенно измѣнили то положеніе, какое приняла-было Германія въ началѣ войны. Правда, и прежде южная Германія выказывала великое усердіе къ защитѣ правъ Австріи; но этотъ патріотическій пылъ скоро утихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, значительно охладѣлъ. На сторонѣ Австріи оставались только правительства, поддерживающія и у себя завѣтную австрійскую «систему». Общественное мнѣніе, даже и въ католической Германіи, становилось замѣтно-холоднѣе къ интересамъ Австріи; а Германія протестанская, въ главѣ которой стояла Пруссія, не изъявляла ни малѣйшаго желанія защищать интересы Австріи, пока вмѣстѣ съ ними не будутъ затронуты и интересы самой Германіи. Прусскія палаты, вотируя заемъ въ 40 мильйоновъ талеровъ, высказали (какъ мы сообщали объ этомъ въ предъидущемъ обозрѣніи) ту общую мысль, что Пруссія должна остаться нейтральной и обнажить свой мечъ въ защиту Германіи, а не въ защиту Австріи, или ея итальянскихъ владѣній. Нелюбовь къ Австріи высказывалась на каждомъ шагу; даже люди, наиболѣе-расположенные къ ней, люди, раздѣляющіе австрійскій образъ мыслей, несовсѣмъ почтительно отзывались объ Австріи. Большинство прусскихъ газетъ энергически поддерживало правительство, обѣщавшее строгій нейтралитетъ. Вдругъ дѣла приняли совершенно-иной оборотъ.

Германскій Союзъ становится въ угрожающее положеніе, Пруссія приводитъ въ движеніе свои войска, мобилизуетъ цѣлые шесть корпусовъ, то-есть двѣ трети своей арміи, собираетъ ландверъ перваго призыва. Уже назначены сборныя мѣста для войскъ, опредѣленъ срокъ ихъ выступленія; съ Саксоніей ведутъ переговоры о перевозѣ войскъ по саксонскимъ жалѣзнымъ дорогамъ; чрезъ Берлинъ то и дѣло проходятъ войска, встрѣчаемыя радостными восклицаніями народа; приглашаются къ добровольному вступленію въ военную службу вольнопрактикующіе врачи. На Рейнѣ и на Майнѣ предположено выставить двѣ сильныя арміи. Правительства Германскаго Союза заявляютъ сильную конкуренцію въ вопросѣ о томъ, на чью славную долю выпадетъ честь принять первые удары въ борьбѣ за честь и независимость Германіи. Принцъ Нассаускій объявляетъ, что онъ *первый* изъ германскихъ государей вызвался на защиту Австріи, какъ первенствующей державы Германіи. Пруссія, какъ и слѣдовало ожидать, съ настойчивостью доказываетъ свое право на иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Само-собой разумѣется, что примѣръ Пруссіи увлекательно подѣйствовалъ на дру-

тія германскія государства, или, лучше сказать, на другія германскія правительства. Народъ очень-неохотно подписывается на патріотическіе займы; есть даже такія холодныя къ дѣлу народной чести государства, въ которыхъ равнодушные граждане не подписались и на десятую долю объявленной подписной суммы. (Въ католической Баваріи подписались на 300,000 гульденовъ изъ пяти-мильйоннаго займа!)

Гдѣ же искать причины такого неожиданнаго переворота, такого быстраго перехода отъ благоразумно-умѣреннаго образа дѣйствій германскихъ правительствъ къ марціальнымъ выходкамъ, къ жаркому энтузіазму въ пользу Австріи? Вопросъ этотъ остался бы нерѣшеннымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, рѣшеннымъ неясно и неудовлетворительно, еслибы разгадку его стали мы искать въ неожиданно-измѣнившемся общественномъ мнѣніи Германіи относительно Австріи: оно и теперь, какъ и прежде, очень-мало заинтересовано печальнымъ ея положеніемъ и во всякомъ случаѣ нерасположено къ какимъ бы то ни было жертвамъ для спасенія Имперіи. Все дѣло объясняется, съ одной стороны, положеніемъ Пруссіи, *вынужденной* дѣйствовать такъ а неиначе, а съ другой стороны, началомъ *національности*, которое искусно выставила Австрія, какъ ловкую приманку для всѣхъ тѣхъ, кого не въ-силахъ была тронуть ея участь.

Итальянская война поставила Пруссію въ самое затруднительное положеніе: всякое колебаніе, всякая нерѣшительность заподозрили бы ее въ глазахъ Германіи. Лучше всѣхъ поняла это положеніе Пруссіи Австрія и, съ свойственной ей ловкостью, удачно воспользовалась имъ. Австрія замышляла войну, войну чисто-личную, чуждую во всемъ интересамъ Германіи, а надо было, во что бы то ни стало, завербовать и германскія государства въ свои ряды, огласить свое дѣло дѣломъ общимъ, свои интересы и выгоды интересами и выгодами цѣлой Германіи. Нечего было и думать о завербованіи Пруссіи; на ея помощь трудно было разсчитывать Австріи, и вѣнскій кабинетъ прибѣгнулъ къ тому, къ чему такъ часто и такъ удачно прибѣгалъ онъ и прежде: къ переговорамъ, къ увёрткамъ. Съ второстепенными государствами Германіи нетрудно было сладить: ихъ завлекли, уговорили, и, увѣренная въ большинствѣ голосовъ, расположенныхъ въ ея пользу на Сеймѣ, Австрія разослала къ германскимъ дворамъ свое знаменитое увѣщаніе, обойдя, конечно, берлинскій кабинетъ. Разсчетъ былъ сдѣланъ вѣрно: Пруссія не могла уже оставаться въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія, такъ-рѣзко обнаружившагося въ Германіи и волей или неволей увлекшаго за собой и Пруссію. Ей оставалось, или безмолвно подчиниться рѣшенію Сейма, или отрѣзать себя отъ остальной Германіи, порвать съ ней такъ

недавно еще и съ такими усиліями закрѣпленныя связи. Оставался одинъ выходъ—предупредить неизбѣжную развязку, взявъ на себя честь иниціативы въ дѣлѣ, чуждомъ и ей, чуждомъ и самой Германіи, но поставленномъ такъ, что оно казалось дѣломъ *общимъ*.

Вліяніе, произведенное мобилизаціей прусской арміи на европейскіе кабинеты, было далеко неблагопріятное. Напрасно старался «Монитеръ» придать дѣлу смягчающій видъ. Англійскія газеты, или явно порицали эту преждевременную, неполитическую мѣру Пруссіи, или старались видѣть въ ней надежду на скорое прекращеніе войны. Вотъ какъ отзывается объ этомъ «Sun». «Пусть Пруссія, Баварія, Саксонія и всѣ малыя королевства и герцогства хорошенько подумаютъ, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать. Если они рѣшатся на войну съ Франціей, для того, чтобъ Австрія сохранила власть свою надъ государствами, ею притѣсняемыми, или изъ опасенія невѣроятнаго движенія на Рейнѣ, то сами должны будутъ отвѣчать за послѣдствія. Россія имъ не поможетъ. Англійскій народъ приметъ на берега свои молодую наслѣдную принцессу, но не будетъ расточать своего золота и крови для Пруссіи. Германія, вооружившись безъ посторонняго содѣйствія, не можетъ выдержать напора французскихъ войскъ и потерпитъ вполнѣ заслуженное пораженіе. Мы также останемся нейтральными, если Германія броситъ вызовъ Франціи, какъ соблюдаемъ нейтралитетъ теперь, когда Австрія изгоняется изъ Италіи. Замышляло ли само прусское правительство серьёзную войну, или желало только удовлетворить щекотливому самолюбію Германіи, выставляя громадныя ея силы какъ-будто напоказъ и идя на устрашеніе Франціи — трудно рѣшить въ настоящее время. На такія мѣры, какъ на мобилизацію 250-ти тысячной арміи—дѣло, требующее громадныхъ издержекъ — не рѣшаются необдуманно. Устрашить Францію и вызвать ее на уступчивость при заключеніи мира съ Австріей, этой цѣли, вѣроятно, не имѣла въ виду Пруссія: ей слишкомъ хорошо извѣстна добросовѣстность Австріи, которая, при видѣ неожиданной помощи, конечно. не согласится на какія-бы то ни было уступки. Помогать Австріи, значило бы затягивать войну, а не прекращать ее. Что касается до проявленія общественнаго мнѣнія въ самой Германіи, относительно мѣры прусскаго правительства, то оно бо́льшею частію на сторонѣ этой мѣры. Ей восторженно рукоплещетъ большинство газетъ. Только очень-немногія изъ нихъ тревожно смотрятъ въ будущее и выражаютъ болѣе или менѣе мирныя наклонности. Что большинство въ Германіи было на сторонѣ вооруженнаго посредничества, то-есть почти-что войны — причина понятна и отчасти указана нами въ предъидущемъ обозрѣніи. Германія до-того напугана таинственнымъ фантомомъ, кото-

рый создала она для себя изъ Лудовика Наполеона, что ей то-и-дѣло мерещатся новыя Іена и Аустерлицъ, тильзитскій и шенбрунскій трактаты. Въ разгоряченномъ своемъ воображеніи, рисуетъ Германія горестныя для нѣмецкаго сердца картины униженія Союза, порабощенія Германіи, торжества ненавистныхъ галловъ и т. п.

Если маджентское дѣло напугало Германію и заставило ее, не теряя времени, вооружиться и предупредить опасность, которая ей вовсе не угрожала, то блестящая побѣда при Кавріано уничтожила послѣднюю тѣнь сомнѣнія въ близкой бѣдѣ, готовой разразиться надъ міромъ вообще и надъ Германіей въ особенности. Послѣднія недоразумѣнія между германскими правительствами покончены: двѣ союзныя арміи предположено собрать на Рейнѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Пруссіи, которая хочетъ удержать за собою вполнѣ независимое положеніе въ дѣлѣ войны. Органы общественнаго мнѣнія въ Германіи настаивали на такомъ независимомъ положеніи Пруссіи. Примѣръ 1848 года показалъ Германіи все неудобство воевать подъ многочисленными знаменами отдѣльныхъ контингентовъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя отдѣльной арміей и неохотно подчинялся повелѣніямъ общаго вождя; случалось нерѣдко, что начальникъ какого-нибудь контингента, получивъ приказаніе общаго начальника дѣйствовать, считалъ своимъ долгомъ предварительно испросить на это разрѣшенія своего собственнаго правительства и тогда уже изъявлялъ готовность повиноваться. Пруссіи, какъ державѣ первоклассной и сильнѣйшей въ Германіи, предстояла честь предводительства союзными войсками и, во всякомъ случаѣ, право независимо и свободно распоряжаться собственными войсками.—Къ чему-же, спрашивается, вели всѣ эти грозныя приготовленія, всѣ эти обсерваціонные корпуса на границахъ Франціи?

Если Пруссія искренно желала мира, то на какихъ условіяхъ предложила бы она его воюющимъ державамъ? Въ послѣднее время сталъ, какъ кажется, выясняться этотъ важный для всей Европы вопросъ. Пруссія не могла взять на себя *одна* роли посредника, рискуя въ такомъ случаѣ не быть выслушанной. Двѣ другія нейтральныя первокласныя державы, Россія и Англія, разсмотрятъ предварительно прусскія условія и съ общаго согласія предложатъ ихъ воюющимъ сторонамъ. 29-го іюня (17-го) посланы, кажется, эти прусскія предложенія Англіи и Россіи. Какого рода были эти предложенія — неизвѣстно. Должно, впрочемъ, думать, что въ нихъ не было и не могло быть рѣчи объ удержаніи итальянскихъ владѣній за Австріей. На Пруссіи, по-крайней-мѣрѣ, не лежало никакой обязанности настаивать на этомъ. Австрія никогда не просила Пруссію о помощи, а желала

только гарантіи своихъ итальянскихъ провинцій, на что и соглашалась Пруссія. Въ настоящее время Австрія потеряла Ломбардію, готова была потерять и Венецію; слѣдовательно, незачѣмъ гарантировать Пруссіи то, чѣмъ не располагала уже болѣе Австрія, а возвращать ей отнятыя у нея владѣнія не обязалась Пруссія: владѣнія эти не составляютъ территоріи Союза, слѣдовательно, не налагаютъ на Союзъ ни малѣйшей обязанности заботиться о возвращеніи ихъ Австріи. Особенной симпатіи къ Австріи никогда не чувствовала Пруссія, какъ не чувствуетъ ея, впрочемъ, и теперь. Позорныя дѣйствія Австріи въ Ломбардіи вызывали всегда порицаніе со стороны Пруссіи, которая, повторяемъ, какъ держава германская, считала себя обязанной вступиться за Австрію, еслибы сдѣлано было покушеніе лишить ее владѣній, входящихъ въ составъ Союза, на что, само собою разумѣется, не посягалъ никто. Пруссія можетъ не довѣрять «коварной политикѣ» Лудовика-Наполеона: этого права никто не станетъ отнимать у Пруссіи. — Пруссію, а въ слѣдъ за ней и всю Германію тревожитъ и смущаетъ мысль, что Франція не захочетъ остаться безъ вознагражденія за понесенныя ею потери, а малѣйшее увеличеніе Франціи, по мнѣнію государственныхъ людей Германіи, можетъ угрожать спокойствію Европы и Германіи, и въ такомъ случаѣ переговоры прекратятся въ самомъ началѣ, и Германія станетъ въ ряды враговъ Франціи.

И нашъ кабинетъ, открытая и чистая политика котораго, такъ хорошо извѣстна Европѣ, и новое министерство Англіи служатъ для Европы болѣе-надежными ручательствами, чѣмъ всевозможные обсерваціонные корпуса и арміи, ландверы и контингенты. Національная честь и достоинство Германскаго Союза мало выиграютъ отъ воинственныхъ выходокъ ихъ правительствъ. Не заступничествомъ за Австрію, не попытками возвратить ей ея итальянскія владѣнія пріобрѣтетъ Германія уваженіе Европы: такая политика хороша была въ то доброе старое время, когда пользовалась почётомъ и признавалась мудрой и законной извѣстная «система».

Послѣ восьмнадцати-мѣсячнаго существованія, министерство Дерби сошло съ политической сцены. Прежде, нежели мы приступимъ къ разсказу о парламентской агоніи консервативнаго министерства, скажемъ нѣсколько словъ о его характерѣ, его внутренней и внѣшней политикѣ.

Давно уже не было въ Англіи министерства, столь цѣльнаго въ своемъ составѣ, какъ послѣднее министерство лорда Дерби, тѣмъ-неменѣе извѣстно, что и въ его средѣ возникъ раздоръ по вопросу о парламентской реформѣ, и двое изъ членовъ его, Вальполь и Генли, оставили скамьи министерства, торжество объяснивъ палатѣ причины сво-

его разногласія съ товарищами: въ глазахъ этихъ тори de la vieille roche биль д'Израэли казался слишкомъ-либеральнымъ. Итакъ, даже въ станѣ тори, такъ покорныхъ голосу своихъ вождей, является уже раздвоеніе. Мало-того, мысли лорда Стенли, одного изъ тѣхъ немногихъ молодыхъ государственныхъ людей Англіи, на которыхъ наиболѣе возлагаетъ свои надежды страна, которымъ суждено играть важную роль, лишь только сойдетъ со сцены нынѣшнее поколѣніе государственныхъ людей, подходятъ скорѣе къ мнѣніямъ независимыхъ либераловъ, чѣмъ къ мнѣніямъ представителей его партіи. Все это, равно какъ и давнишнее отдѣленіе отъ тори небольшой фаланги пилитовъ, показываетъ, что чистыхъ партій болѣе не существуетъ, что рѣшительнѣе, чѣмъ когда-нибудь, выступилъ новый принципъ, принципъ компромиссовъ, практическихъ сдѣлокъ, политическихъ соглашеній. Замѣна прежнихъ, вполнѣ опредѣленныхъ и получившихъ освященіе давности именъ тори и виги новыми болѣе широкими названіями «консерваторы» и «либералы» вполнѣ доказываетъ справедливость этихъ словъ. Одна партія стремится къ реформамъ, другая къ сохраненію существующаго, того, что получило уже законную силу. Вотъ весь смыслъ настоящаго раздѣленія партій, но и при такой чрезвычайной опредѣленности, раздѣляющей ихъ черты, они нерѣдко мѣшаются, нерѣдко консерваторы становятся либералами, либералы—консерваторами. Мѣра, предложенная либералами, приводится въ исполненіе консерваторами. Такъ было съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ, такъ было въ прошломъ году, съ допущеніемъ евреевъ въ парламентъ. Несмотря на всю справедливость этихъ соображеній, мы не отступаемся отъ высказаннаго нами мнѣнія, что павшее министерство принадлежало къ самымъ цѣльнымъ въ англійской исторіи послѣднихъ лѣтъ. Держась убѣжденій, болѣе или менѣе сходныхъ, повинуясь волѣ двухъ своихъ вождей, консервативное министерство въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣ министерства составныя, такъ-называемыя коалиціонныя министерства. Будь за него большинство въ странѣ и въ парламентѣ, оно вполнѣ соотвѣтствовало бы англійскому понятію о сильномъ правительствѣ, понятію, неимѣющему ничего общаго съ тѣмъ, которое пробуждается при этихъ словахъ въ умѣ жителя континента. Подъ сильнымъ правительствомъ понимается по ту сторону стороны Ламанша не что иное, какъ правительство, члены котораго согласны въ своихъ мнѣніяхъ и которое имѣетъ за себя большинство въ странѣ; слѣдовательно, можетъ безопасно вести общество по избранному пути, къ заранѣе-предположенной цѣли. Но въ настоящее время такое правительство едва-ли возможно: у каждой изъ двухъ партій недостаетъ для того одного

изъ существенныхъ условій: или согласія въ мнѣніяхъ между ними, или большинства въ парламентѣ. Мы видѣли, что между консерваторами существуетъ расногласіе, даже вообще ихъ мнѣнія утратили ту опредѣленную, неподвижную форму, которую они имѣли нѣкогда; они попрежнему защитники установленной церкви въ ея строгомъ видѣ (high church) и земельной аристократіи. Но эти же ревностные блюстители англиканизма допускаютъ евревъ и дѣлаютъ значительныя уступки католикамъ, вслѣдствіе чего, въ новомъ парламентѣ многихъ поразило странное явленіе: ирландскіе католики послали въ палату общинъ представителей изъ консервативной партіи. Объясняли это сдѣлкою между кабинетомъ лорда Дерби и кардиналомъ Виземаномъ; но дѣло объяснилось проще: тори сдѣлали такія уступки ирландскимъ католикамъ, которыхъ они не дождались отъ виговъ, исконныхъ защитниковъ всякаго либеральнаго движенія. Тѣ же тори объявили въ случаѣ нужды готовность расширить свой избирательный билль въ пользу рабочаго класса. Вслѣдствіе такой эластичности мнѣній ториской партіи, подавшей многимъ поводъ не безъ основанія говорить, что настоящіе представители не имѣютъ опредѣленнаго образа мыслей, нѣкоторые изъ независимыхъ либераловъ въ рѣшительное для существованія министерства засѣданіе подали голосъ противъ выраженія недовѣрія къ министерству. Къ ихъ числу принадлежалъ и Робукъ, одинъ изъ вождей партіи независимыхъ. Можетъ ли, въ—самомъ—дѣлѣ, партія отличаться опредѣленными мнѣніями, когда во главѣ ея стоятъ два блестящіе оратора, но оба далеко не государственные люди? Лордъ Дерби, вигъ по преданіямъ семейства, случайно попалъ въ ряды консервативной партіи. Такіе переходы бываютъ иногда и въ Англіи: вождь виговъ, лордъ Пальмерстонъ, долго былъ тори. Въ послѣднемъ засѣданіи палаты общинъ лордъ Джонъ Россель представилъ характеристику лорда Дерби, довольно—вѣрную, хотя, можетъ-быть, нѣсколько и въ преувеличенныхъ выраженіяхъ. Вотъ его слова: «Лордъ Дерби великій ораторъ. Выраженіе его всегда отчетливо; но за отчетливостью выраженія скрывается бѣдность мысли. Онъ чрезвычайно—скоро составляетъ мнѣніе и необыкновенно—быстро предпринимаетъ неудовлетворительное рѣшеніе. Характеръ его отличается легкомысліемъ и непослѣдовательностью. По моему мнѣнію, человѣкъ, принимающійся въ трудное время за управленіе дѣлами, не долженъ отличаться подобными качествами. Я не могу понять человѣка, который говоритъ, что понизить избирательный ценсъ въ бургахъ вредно, а вскорѣ послѣ того изъявляетъ готовность понизить; говоритъ, что допущеніе евреевъ противно его совѣсти, и потомъ изъявляетъ готовность допустить ихъ; распуская

парламентъ въ 1852 году, въ то время, какъ одни говорили, что покровительственная система производитъ голодъ въ народѣ, а другіе утверждали, что свободная торговля нарушаетъ интересы землевладѣльцевъ, лордъ Дерби объявилъ: «пусть избиратели этой страны рѣ«шатъ чему быть: покровительственной ли системѣ, или свободной тор«говлѣ. Если они рѣшатъ въ пользу покровительственной системы, я «буду защищать ее; если рѣшатъ въ пользу свободной торговли, я «буду изъ самыхъ ревностныхъ фритредеровъ. Оставьте меня только «министромъ; что́ же касается до общихъ началъ, то они для меня «безразличны». Упрекъ этотъ можетъ относиться не къ одному лорду Дерби, то же самое могло бы примѣниться и къ величайшему изъ государственныхъ людей Англіи въ XIX вѣкѣ, сэру Роберту Пилю, еслибъ только побужденія ихъ не были совершенно-различны: къ чему одного влечетъ честолюбіе, къ тому другой стремился одушевляемый желаніемъ общаго блага. Впрочемъ, и эта характеристика приводитъ насъ къ прежнему заключенію: старыя партіи разлагаются. Дѣйствительно, тяжелыя стереотипныя формы, создавшіяся въ то время, какъ жизнь внутренняя двигалась медленнѣе, должны уступить натиску новыхъ интересовъ, новыхъ требованій, раздробиться, сообразно съ этими требованіями, на множество новыхъ формъ. Лордъ Дерби, стоящій, какъ глава правительства, ниже своихъ соперниковъ, несравненъ въ оппозиціи: онъ владѣетъ сарказмомъ, меткимъ и ловкимъ словомъ; его трудно сбить. Иная натура у его товарища по министерству, другаго вождя консервативной партіи, д'Израэли. Извѣстность бывшаго канцлера казначейства началась на литературномъ поприщѣ: онъ писалъ романы, въ свое время имѣвшіе большой успѣхъ; въ этихъ романахъ онъ предказывалъ перерожденіе Англіи посредствомъ переродившагося торизма. Привычки романиста перенесъ знаменитый ораторъ ториской партіи и на трибуну: многія его рѣчи невольно напоминаютъ блестящія страницы «Конигсби»»; такова, напримѣръ, рѣчь къ избирателямъ Бокинэмскаго Графства», уже извѣстная нашимъ читателямъ.

Таковы вожди павшаго министерства; ясно, что ихъ характеръ имѣлъ вліяніе на его образъ дѣйствій. Не имѣя твердыхъ убѣжденій, не владѣя большинствомъ, консервативное министерство не вело общество ни къ какой опредѣленной цѣли, а слѣдовало за потокомъ: уступку за уступкой дѣлало оно, надѣясь сохранить за собой власть. И дѣйствительно, парламентъ терпѣлъ его потому, что въ рядахъ виговъ оказалось значительное разногласіе. Тори овладѣли властью совершенно-неожиданно: послѣ покушенія на жизнь императора французовъ, лордъ Пальмерстонъ приготовилъ знаменитый билль о заговорахъ на убійство; Англія нашла, что

вождь виговъ слишкомъ уже держится за entente cordiale; къ тому времени подоспѣла угроза французскихъ полковниковъ, виги пали, и тори вступили въ министерство. Новое правительство, какъ извѣстно, отказалось въ этомъ отношеніи отъ политики стараго. Разумѣется, въ этомъ случаѣ оно дѣйствовало столько же подъ вліяніемъ нерасположенія къ Франціи, сколько и подъ вліяніемъ поучительнаго примѣра. Покоряясь мнѣнію большинства, но не руководя, но управляя имъ въ дѣлахъ внѣшней политики, консервативное правительство шло по тому же пути и въ дѣлахъ внутреннихъ. По усмиреніи возстанія въ Ост-Индіи, Англія должна была позаботиться о преобразованіи управленія въ этой странѣ; лордъ Пальмерстонъ представилъ палатѣ билль, которымъ устанавливалась форма желаемыхъ преобразованій; но билль еще не былъ вполнѣ проведенъ, какъ министерство пало; преемники лорда Пальмерстона должны были предложить свой билль; билль этотъ не имѣлъ успѣха въ палатѣ; министерство взяло его назадъ и при составленіи новаго подчинилось мнѣнію большинства. Такъ дѣйствовало оно и во все время своего управленія. Покорность волѣ большинства, надежда на невозможность примиренія между различными оттѣнками либеральной партіи — вотъ на что́ упиралось торіское министерство; но опоры эти оказались ненадежными. Два великія затрудненія ждали министерство: вопросъ о парламентской реформѣ и начавшаяся война въ Италіи. Тори, вообще, по основному началу своему, враждебные реформѣ, защитники интересовъ большихъ землевладѣльцевъ, могутъ ли охотно расширить права больших городовъ? а только реформа, начатая въ такомъ смыслѣ, можетъ удовлетворить требованіямъ большинства, ибо только она одна внесетъ новые соки въ государственный организмъ. Между-тѣмъ, покорные желанію большинства, консерваторы должны были представить свой планъ; билль, предложенный ими, не выдержалъ критики, и нѣсколько предложеній лорда Дж. Росселя убили его еще до втораго чтенія. Лордъ Пальмерстонъ предложилъ-было министерству поступить въ этомъ случаѣ та́къ же, ка́къ уже поступило оно съ биллемъ объ управленіи Индіею; но министерство, видя главную причину своей неудачи въ томъ, что члены палаты выбраны подъ вліяніемъ либеральнаго управленія, рѣшилось распустить палату и обратиться къ суду націи. Мы знаемъ уже, что торжественный приговоръ страны не оправдалъ ожиданій правительства.

Образъ дѣйствій, принятый министерствомъ въ началѣ итальянской войны, слишкомъ-хорошо извѣстенъ. Извѣстно также, что онъ былъ встрѣченъ недовѣріемъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ самой Англіи. Причины этого недовѣрія ненадо искать въ нейтралитетѣ, ни даже въ наборѣ волонтеровъ, въ усиленіи флота. Все это очень-естественно и со-

гласно съ преданіями англійской политики. «Вообще (говоритъ «Times») хотя народъ охотно начинаетъ войну за клочокъ земли на тропическихъ моряхъ, ибо считаетъ этотъ клочекъ своею собственностью, но онъ трудно подвигается на защиту драгоцѣннѣйшихъ интересовъ другой страны.» Слова эти вполнѣ выражаютъ мнѣніе англійскаго общества: привыкнувъ само защищать свою свободу, оно, въ массѣ по-крайней-мѣрѣ, не можетъ сочувствовать дѣлу, требующему чужой защиты, и очень-склонно видѣть въ защитникѣ только личный интересъ. Полнѣйшее выраженіе этой стороны англійскаго общества мы видимъ въ знаменитомъ представителѣ Бэрмингэма—Дж. Брайтѣ. Для него всякая война, съ какою бы цѣлью она не начиналась—не что иное, какъ разбой и разореніе. Эти воззрѣнія объясняютъ намъ ожесточенныя филиппики англійскихъ журналовъ, особенно «Times» противъ Наполеона III, Виктора-Эммануила и графа Кавура. Не разъ «Times» принимался доказывать въ своихъ руководящихъ статьяхъ, что война нужна Наполеону для поддержанія своего значенія во Франціи, а королю сардинскому и его министру для расширенія предѣловъ Сардиніи. Это чувство выступало и въ разсказахъ о военныхъ дѣйствіяхъ: справедливо упрекая австрійскую армію въ недостаткѣ плана, «Times», тѣмъ-неменѣе постоянно старался и даже отчасти до-сихъ-поръ старается бросить тѣнь и на Францію: то ему кажется, что императоръ слишкомъ заботится о томъ, чтобъ идти по слѣдамъ своего дяди (въ буквальномъ смыслѣ слова) и одерживать побѣды на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ихъ одерживалъ; то онъ подвергаетъ сомнѣнію справедливость французскихъ бюллетеней. Въ одной изъ корреспонденцій «Times» появилась выписка изъ какого-то марсельскаго журнала, въ которомъ выражали надежду или, скорѣе, желаніе, чтобъ императоръ короновался въ Римѣ вѣнцомъ Карла Великаго, но, скажемъ къ чести англійской журналистики, фактъ этотъ такъ и остался въ корреспонденціи, ему нетолько не было посвящено особой статьи, но онъ даже не удостоился и намека въ руководящихъ статьяхъ. Изъ всего сказаннаго нами ясно, что министерство возбудило подозрѣніе націи не своимъ нейтралитетомъ, который, напротивъ, соотвѣтствуетъ желаніямъ общества и поддерживается вождями оппозиціи, то-есть членами настоящаго министерства, а, напротивъ, своимъ пристрастіемъ къ Австріи. Мы помнимъ, какъ наканунѣ извѣстія о вторженіи австрійцевъ въ Пьемонтъ и лордъ Дерби и члены его министерства защищали миролюбивыя намѣренія Австріи, какъ при этомъ лордъ Мальмсбёри счелъ нужнымъ напомнить объ общемъ происхожденіи англичанъ и австрійцевъ, забывъ, что австрійцы не племя. Конечно, послѣ министерство нѣсколько отступилось отъ того способа выраженія, котораго держалось въ

началѣ, тѣмъ-неменѣе оставалось благопріятнымъ Австріи. Теперь, по обнародованіи *Синей книги*, заключающей въ себѣ документы по итальянскому вопросу, «Times» утверждаетъ, что сочувствіе лорда Мальмсбёри къ Австріи было только кажущееся, что напрасно обвиняютъ въ немъ благороднаго лорда, и что, конечно, бывшій государственный секретарь говорилъ мягче съ Австріею, чѣмъ съ Франціею и Пьемонтомъ, но что на то онъ консерваторъ, стало-быть, человѣкъ, долженствующій сочувствовать Австріи. Такое оправданіе чуть ли нехуже самой вины: что за государственные люди, дѣйствія которыхъ безъ всякой нужды подаютъ поводъ къ подобнымъ подозрѣніямъ; если смѣшна роль *непризнаннаго поэта*, то еще смѣшнѣе роль непризнаннаго министра или государственнаго человѣка. Въ доказательство того, какъ понимали образъ дѣйствій лорда Мальмсбёри въ самой Австріи, приведемъ слѣдующій фактъ: еще задолго до начала военныхъ дѣйствій лордъ Мальмсбёри писалъ къ лорду Лофтосу и поручалъ ему передать графу Булю, что въ Англіи незамѣтно большаго сочувствія къ Австріи, что министерство не можетъ закрыть глаза на дурное управленіе центральной Италіи, въ особенности Папской Области и что такъ-какъ, по его мнѣнію, война должна увеличить существующее зло, то оно совѣтуетъ Австріи согласиться съ Франціею въ мѣрахъ общаго дѣйствія на полуостровѣ. «Графъ Буль (пишетъ лордъ Лофтусъ) выразилъ полную увѣренность въ томъ, что дружелюбіе и расположеніе руководили министерствомъ е. в. въ предложеніи совѣта при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, и прибавилъ, что вполнѣ цѣнитъ искреннее желаніе добра Австріи, выраженное министерствомъ; но не можетъ скрыть отъ меня своихъ опасеній, чтобы мнѣнія, выраженныя въ депешѣ в. п., не произвели болѣе зла, чѣмъ добра, если они же были выражены въ депешахъ, отправленныхъ въ Парижъ и Туринъ.» «Въ сущности, сказалъ графъ Буль, я жалѣю, что вы мнѣ прочли эти депеши, жалѣю, что онѣ были написаны. Если вы желаете проповѣдывать миръ и отстранить войну, *то должны съ твердостью обратиться къ Франціи и Піемонту*. Не мы замышляли войну, не мы явились зачинщиками. Скажите императору Наполеону, что Англія не можетъ спокойно смотрѣть на то, что е. в. начинаетъ войну. Скажите ему, что, начиная войну, онъ принимаетъ на себя и всю отвѣтственность. Съ другой стороны, скажите королю Виктору-Эммануилу, что Англія не одобряетъ наступательныхъ дѣйствій, совершаемыхъ Пьемонтомъ противъ Ломбардіи въ мирное время. Если Англія готова говорить этимъ языкомъ, то войны не будетъ». Ясно, что австрійскій министръ разсчитывалъ на недоброжелательство Англіи къ Франціи и надѣялся найти въ первой поддержку для себя. Также объясняли по-

литику лорда Мальмсбёри во всей Европѣ. Вотъ почему настоящій министерскій кризисъ возбудилъ особенное вниманіе Европы: всѣ ждали, въ какую сторону выразится общественное мнѣніе.

Еще до собранія парламента, лишь только были обнародованы результаты выборовъ, какъ уже было ясно для всѣхъ, что министерство недолговѣчно. Въ то же время начали заботиться о томъ, къ кому перейдетъ его наслѣдство. Начались переговоры между двумя вождями оппозиціи, ибо каждый изъ нихъ чувствовалъ, что одинъ безъ помощи другаго не можетъ управлять страною. Во время ихъ переговоровъ въ «Times» появилась примирительная статья, въ которой доказывалось, что хотя каждому изъ нихъ придется многое простить другому, тѣмъ-не-менѣе, они должны дѣйствовать вмѣстѣ. Но для составленія министерства мало только содѣйствія двухъ главныхъ фракцій либеральной партіи, необходимо было имѣть за себя независимыхъ либераловъ и пилитовъ. Убѣдившись во взаимномъ согласіи, либералы могли приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ и окончательно погубить министерство. Условлено было предложить вставить въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь выраженіе неодобрѣнія министерству. Такъ и было исполнено. Бой былъ продолжителенъ и упоренъ: въ три длинныя засѣданія, отчетъ о каждомъ изъ которыхъ занимаетъ почти четыре страницы «Times», бойцы не сходили съ арены. Всѣ оружія пошли въ дѣло: доказательства, сарказмъ, сплетни, исторія и логика; все было пересмотрѣно съ разныхъ точекъ зрѣнія: внутренняя и внѣшняя политика министерства, его финансовыя мѣры, его военныя приготовленія; всѣ партіи вполнѣ высказались: говорили и лордъ Дерби, и д'Израэли, и лордъ Пакингтонъ, и лордъ Элленборо; лордъ Пальмерстонъ и лордъ Дж-Россель, и сэръ Корнуаль Льюисъ, и лордъ Гренвилль, и Робукъ, и Брайтъ, и Мильнеръ Гибсонъ. Чтеніе подобныхъ преній производитъ странное впечатлѣніе на людей, непривычныхъ къ англійскимъ учрежденіямъ: прежде всего поражаетъ совершенная свобода и необыкновенная оживленность преній, что́, однако, не мѣшаетъ каждому вполнѣ высказать свою мысль, за которую онъ не подлежитъ никакой отвѣтственности, и только личные разсчеты или соображенія могутъ удержать оратора. Этого мало, англійскій ораторъ говоритъ не для того, чтобы блеснуть фразою, а чтобы достигнуть какой-нибудь цѣли, потому рѣчи ихъ, несмотря на внѣшнюю цвѣтистость, результатъ классическихъ занятій и укоренившихся привычекъ, отличаются необыкновенною дѣльностью. Каждая рѣчь есть небольшой политическій, экономическій или финансовый трактатъ. Вотъ характеръ англійскихъ засѣданій. «Times» выражаетъ сожалѣніе, что много личнаго было допущено въ преніяхъ объ адресѣ, но люди, помнящіе

собранія временъ 1848 г., невольно сравниваютъ и убѣждаются въ томъ, что англійскія пренія образецъ приличія. Не будемъ передавать содержанія рѣчей, которыя, вѣроятно, уже извѣстны публикѣ, а остановимся на главныхъ результатахъ трехдневнаго боя. Министерство было побито во всѣхъ отношеніяхъ: ораторы оппозиціи доказали несостоятельность его внѣшней и внутренней политики, неудовлетворительность его билля о реформѣ и несвоевременность распущенія палатъ, оправдываемаго со стороны министерства только личнымъ вопросомъ, имѣетъ ли страна довѣріе къ министерству лорда Дерби и его товарищей, или не имѣетъ? Съ другой стороны, выражено было полное одобреніе набору стрѣлковъ—волонтеровъ. Также одобрено управленіе флотомъ. Сэръ Чарльсъ Непиръ, авторитетъ котораго въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію, выразилъ полное сочувствіе къ дѣятельности сэра Джона Пакингтона. Что́ же касается до внѣшней политики министерства, то его расположеніе къ Австріи было осуждено, но нейтралитетъ получилъ общее одобреніе: всѣ согласились въ томъ мнѣніи, что Англіи нечего принимать участіе въ войнѣ, что нейтралитетъ согласнѣе съ ея достоинствомъ и съ ея интересами. Общимъ же результатомъ было то, что неодобреніе министерству принято большинствомъ 323 голосовъ противъ 310. Такимъ-образомъ, министерство принуждено было подать въ отставку.

Для составленія новаго министерства, королева обратилась къ лорду Гренвиллю, но ему не удалось согласить членовъ. Эту мѣру объясняютъ тѣмъ, что королева хотѣла изъявить какъ бы косвенное неудовольствіе вождямъ оппозиціи, за то, что они заранѣе распредѣлили между собою наслѣдство, оставленное торисскимъ министерствомъ. Послѣ же неудачи лорда Гренвилля призванъ былъ лордъ Пальмерстонъ и составилъ министерство, въ которое вступили различные оттѣнки либеральной партіи. Назовемъ главнѣйшія имена этой новой администраціи, какъ выражаются англичане: лордъ Пальмерстонъ занимаетъ постъ перваго лорда казначейства, т. е. перваго министра, лордъ Джонъ Россель — постъ министра иностранныхъ дѣлъ; лордъ Гренвилль назначенъ президентомъ тайнаго совѣта и будетъ вождемъ (leader) палаты лордовъ; сэръ Чарльсъ Вудъ получилъ назначеніе управлять министерствомъ ост—индскихъ дѣлъ; сэръ Джорджъ Корнуаль Льюисъ занялъ постъ государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ (Home—ofice), къ его департаменту принадлежитъ также и министерство юстиціи; лордомъ—канцлеромъ назначенъ извѣстный юристъ, лордъ Кэмпбль; герцогъ Аргиль сдѣланъ хранителемъ печати (чистая синекюра); лордъ Соммерсетъ — первымъ лордомъ адмиралтейства; лордъ Эльгинъ принялъ упра-

вленіе почтами; сэръ Джорджъ Грей занялъ мѣсто канцлера Ланкастерскаго Графства. Всѣ названные члены виги; изъ пилятовъ, Гладстонъ назначенъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ); Кардуэлль — секретаремъ по дѣламъ Ирландіи; герцогъ Ньюкэстль — министромъ колоній. Сидней Гербертъ назначенъ военнымъ министромъ. Партію независимыхъ либераловъ представляли, по первоначальному распредѣленію, двое: Кобденъ, которому назначено было управленіе торговою палатою (board of trade) и Мильнеръ Гибсонъ, которому поручено было завѣдываніе благотворительными заведеніями; но, по послѣднимъ извѣстіямъ, Кобденъ отказался отъ предложеннаго ему мѣста, которое и занялъ Мильнеръ Гибсонъ. Тѣмъ-неменѣе, Кобденъ обѣщалъ министерству поддержку со стороны независимыхъ либераловъ.

Новые министры должны въ Англіи подвергаться новымъ выборамъ; вслѣдствіе чего они разослали свои избирательные циркуляры. Изъ извѣстныхъ уже здѣсь циркуляровъ, особенно важны разосланные лордами Пальмерстономъ и Дж. Росселемъ. Программа лорда Пальмерстона сосредоточивается около двухъ словъ: «нейтралететъ» и «реформа». Вотъ что́ онъ говоритъ объ этихъ важныхъ вопросахъ: «Одною изъ главныхъ цѣлей правительства будетъ сохранить для Англіи благодѣянія мира и пользоваться всѣми благопріятными случаями для того, чтобы, при помощи нравственнаго вліянія Англіи, возстановить миръ и на материкѣ Европы. Намъ предстоитъ также обсудить важный вопросъ объ улучшеніи законовъ о выборахъ и представительствѣ націи въ парламентѣ; мы надѣемся устроить это дѣло такъ, что упрочимъ и усилимъ агглійскія учрежденія, установивъ ихъ на основаніяхъ широкихъ и твердыхъ».

Адресъ лорда Дж. Росселя, постоянно бывшаго защитникомъ итальянской національности и парламентской реформы, гораздо-опредѣленнѣе. Вотъ что́ оно говоритъ о тѣхъ же вопросахъ.

«Я уже сказалъ вамъ недавно, что́, по моему мнѣнію, подало поводъ къ настоящей войнѣ; она произошла не отъ честолюбія какого-либо государя, а отъ того, что Италіею дурно управляли. Итальянцы пытаются свергнуть чуждое иго, и мнѣ будетъ пріятно, если они успѣютъ въ этомъ, какъ было бы пріятно, еслибы Австрія и Франція, не воюя, отстранили свои несогласія. Очень сожалѣю, что это случилось иначе. Надѣюсь, что умѣренность побѣдителей и благоразуміе побѣжденныхъ поведутъ къ скорому окончанію войны; но кабинетъ лорда Пальмерстона рѣшился соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

«Если умѣренность и благоразуміе не установятъ мира, то нельзя будетъ предвидѣть, куда распространится война и какіе народы при-

мутъ въ ней участіе; а потому надобно, чтобы Англія не оставляла въ небреженіи ни арміи своей, ни флота.

«Я долженъ отдать справедливость прежнему морскому министру, сэру Дж. Пакингтону; онъ привелъ флотъ въ хорошее состояніе.

«Но когда настанетъ время (и оно недалеко), что воюющія державы сложатъ оружіе, то Англія должна давать совѣты, почетные для обѣихъ сторонъ, выгодные для свободы Италіи.

«Что̀ касается до внутренней политики, то въ настоящую сессію не будетъ времени для представленія билля о реформѣ. Я уже сказалъ, что благопріятствую бо̀льшему расширенію права подавать голоса; кабинетъ обсудитъ, ка̀къ далеко должно простираться это расширеніе. Я увѣренъ, что мѣра, которую предложитъ кабинетъ, удовлетворитъ націю».

Вотъ все, что̀ мы пока знаемъ о намѣреніяхъ министерства, но и этого немногаго достаточно, чтобы надѣяться, что оно лучше пойметъ свою задачу, чѣмъ консервативное правительство.

Циркуляръ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, о которомъ мы упоминали выше, вызвалъ отвѣтную ноту саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Бейста. Въ Journal de St. Pétersbourg сдѣлано нѣсколько замѣчаній и ясными, неопровержимыми доводами доказана вся неосновательность, всѣ софизмы и увертки, къ которымъ вздумалъ прибѣгнуть саксонскій министръ. Самое капитальное возраженіе Бейста состоитъ въ томъ, что наше правительство неправо, считая Германскій Союзъ «комбинаціей чисто и исключительно–оборонительной.» Такъ–какъ изъ этаго опредѣленія Союза само–собой выходитъ обязанность его ограничиваться однѣми оборонительными мѣрами, и притомъ, въ такомъ только случаѣ, когда территоріи Союза угрожаетъ *дѣйствительная* опасность, то Бейстъ счелъ долгомъ вооружиться всей силой своей діалектики противъ такого опредѣленія, чтобъ отстоять во что̀ бы то ни стало право Германскаго Союза на наступательныя движенія, къ которымъ онъ готовится въ настоящее время, несмотря на всѣ предостереженія другихъ правительствъ. Мы не беремъ на себя труда опровергать возраженія г. Бейста: онѣ опровергнуты такъ доказательно замѣчаніями Journal de St. Pétersbourg, что намъ остается только выписать эти замѣчанія, равно какъ и тѣ мѣста изъ ноты г. Бейста, которыми были онѣ вызваны.

Въ циркулярѣ князя Горчакова отъ $^{27}/_{15}$ мая сказано: «Германскій Союзъ — комбинація чисто и исключительно–оборонительная. По этому-то она и вступила въ европейское международное право, на основаніи трактатовъ, подписанныхъ Россіею». «Не разсматривая, до какой степе-

ии» сказано въ отвѣтѣ г. Бейста: «можно примѣнить слово *комбинація* къ союзу независимыхъ государствъ, признанному неразрывнымъ и заключающему въ числѣ своихъ членовъ двѣ великія германскія державы, мы позволимъ себѣ указать на то, что Германскій Союзъ, по своему устройству, имѣетъ дѣйствительно характеръ преимущественно и существенно оборонительный; но нельзя сказать, что эта комбинація исключительно-оборонительная. Трактаты, на основаніи которыхъ онъ вступилъ въ европейское государственное право, признаютъ за нимъ право мира и войны». Это положеніе доказываетъ саксонскій министръ ссылкою на 47-ю статью окончательнаго вѣнскаго трактата, и тѣмъ фактомъ, что во время восточной войны Германскій Союзъ принялъ рѣшеніе, въ силу котораго всякое наступательное дѣйствіе противъ негерманскихъ владѣній Австріи и Пруссіи, даже на австрійскія войска, занимавшія Дунайскія Княжества, будетъ признано нападеніемъ направленнымъ противъ Союза. Такое рѣшеніе не вызвало, по словамъ г. Бейста, никакихъ протестовъ и замѣчаній въ Парижѣ, Лондонѣ, или даже С. Петербургѣ. «И между-тѣмъ, русское императорское правительство, конечно, нашло бы поводъ имъ противиться, еслибъ образъ дѣйствій Союза былъ противенъ трактатамъ.»

Посмотримъ теперь на исполненныя силы и достоинства замѣчанія нашего журнала. Поясняя цѣль и значеніе словъ, сказанныхъ въ циркулярѣ кн. Горчакова, Journal de S. Petersbourg говоритъ слѣдующее:

«Выраженіе «политическая комбинація», вѣрность котораго оспариваетъ г. Бейстъ, примѣняется, по нашему мнѣнію, къ этому собранію (Герм. Союзу). Это даже комбинація весьма-сложная, ибо она имѣетъ цѣлью связать общими національными узами независимыя государства, разнящіяся одно отъ другаго по положенію и могуществу, руководящіяся разными интересами и стремленіями...» «Допустить подобное собраніе государствъ въ самомъ центрѣ материка, съ наступательною цѣлью, значило-бы признать за нимъ характеръ не союза, а настоящей коалиціи, опасной для общаго равновѣсія».

Далѣе, съ полнымъ основаніемъ доказывается въ замѣчаніяхъ та мысль, что германскія государства, отдѣльно-взятыя, имѣютъ, безпорно, право войны и мира, но разсматриваемыя, какъ союзъ, имѣютъ только право обороны союзной земли, чтó подтверждается и статьей 47-й и другими статьями вѣнскаго трактата.»

«Графъ Бейстъ», продолжаетъ J. de S. P. «напоминаетъ тó, чтó происходило во время восточной войны, когда Сеймъ объявилъ, что признаетъ нападеніемъ на Союзъ всякое нападеніе нетолько на негерманскія владѣнія Австріи, но и на военныя силы этой державы,

расположенныя тогда въ При-дунайскихъ Княжествахъ, т. е. нетолько внѣ союзныхъ, но внѣ австрійскихъ владѣній.

«Если въ то время не возникло никакого протеста, то это объясняется тѣмъ, что его нельзя было ожидать со стороны державъ, которыя были въ войнѣ съ Россіей и, стараясь увлечь на свою сторону Германію, пользовались этою нравственною диверсіею. Что касается Россіи, то ея безмолвіе было, конечно, только результатомъ исключительныхъ обстоятельствъ такой эпохи, напоминаніе о которой мы видимъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Тѣмъ-неменѣе мы продолжаемъ утверждать, что Германскій Сеймъ преступилъ тогда предѣлы своихъ союзныхъ правъ и обязанностей, которыя не могутъ обнимать всей сферы внѣ союзныхъ владѣній и союзныхъ государствъ, безъ глубокаго нарушенія характера союзнаго договора и безъ насильственнаго вовлеченія Германіи въ многообразныя затрудненія, ради интересовъ, ускользающихъ отъ ея надзора.»

На выходку г. Бейста, вздумавшаго *считаться* взаимными заслугами Россіи и Германіи, отвѣчаетъ нашъ журналъ, что не считаетъ *достойнымъ* великихъ націй составлять балансъ взаимно-оказанныхъ заслугъ.

Предоставляемъ на *безпристрастный* судъ каждаго, на чьей сторонѣ право, умѣренность и достоинство.

Если итальянская война всѣмъ тѣмъ, что до-сихъ-поръ она представила, своимъ быстрымъ и неожиданнымъ началомъ, чуднымъ, почти баснословнымъ появленіемъ французовъ въ виду изумленныхъ непріятелей, громадными военными силами, выставленными двумя могущественнѣйшими имперіями, удивительными, почти-баснословными успѣхами французскаго оружія, торжественнымъ, полнымъ побѣднаго упоенія шествіемъ французовъ по странѣ, освобожденной ихъ побѣдами отъ самаго грубаго ига и радостно ихъ встрѣчавшей, позорнымъ бѣгствомъ гордыхъ своею физическою силою австрійцевъ — если всѣми этими своими особенностями итальянская война справедливо возбуждаетъ, вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи къ итальянской народности и ея освободителямъ, общее изумленіе и къ громадности успѣховъ, достигнутыхъ въ самое короткое время, и къ той быстротѣ, съ какою эти успѣхи слѣдуютъ одинъ за другимъ, то изумленіе это возрасло еще болѣе въ послѣднее время, когда совершенно-неожиданно телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ самую рѣшительную, повидимому, минуту борьбы между воюющими державами заключено перемиріе! Побѣдителю, кажется, было такъ легко отбросить окончательно австрійцевъ за Альпы— австрійцевъ, вполнѣ деморализированныхъ, потерявшихъ вѣру въ себя,

потерявшихъ всякую надежду на успѣхъ—и, однакожь, этотъ побѣдитель послѣ успѣховъ, превосходившихъ самыя смѣлыя его ожиданія, несмотря на все упоеніе побѣды, останавливается, протягиваетъ униженному врагу руку на миръ, полагаетъ начало переговорамъ! Какъ безпримѣрны были военные и политическіе успѣхи Наполеона III, такъ равно безпримѣрна и та умѣренность, которую онъ обнаружилъ 8-го и за тѣмъ, еще болѣе, 11-го іюля...

Постараемся въ краткомъ очеркѣ изобразить военное и политическое состояніе Европы въ моментъ, предшествовавшій заключенію перемирія.

Мало-по-малу объяснилось то значеніе, которое имѣла страшная битва при Сольферино (24 іюня нов. ст.). До-сихъ-поръ австрійцы принимали битвы по необходимости: такъ было при Монтебелло, при Палестро, при Маджентѣ, при Мариньяно. Теперь они дали битву сами, зрѣло обдумали ее, сообразили всѣ условія, сами двинулись противъ непріятеля, сами вызвали его на рѣшительный бой. Изъ своихъ прекрасныхъ укрѣпленнныхъ позицій на правомъ берегу Минчіо, съ широкаго поля, разстилающагося между Лонато, Монтекіари и Кастильйоне и извѣстнаго австрійскимъ офицерамъ, какъ учебный плац-парадъ, 20 іюня они двинулись за Минчіо. Можно было думать, что тамъ, въ знаменитомъ своемъ четыреугольникѣ, они будутъ дожидаться непріятеля, ограничась операціями чисто-оборонительнаго характера. Но въ ночь съ 23 на 24-е іюня вся австрійская армія, подъ начальствомъ самого императора, переправилась снова на правый берегъ Минчіо съ намѣреніемъ неожиданно напасть на непріятеля, неготоваго къ такому энергическому натиску, разбить, разсѣять по частямъ, если можно, а не то задавить его своимъ числительнымъ превосходствомъ и съ торжествомъ отбросить за Тичино. Кому принадлежитъ этотъ смѣлый планъ, дѣлающій честь австрійской рѣшительности, доказывающій, что и въ дряхлой Австріи еще не вымерли свѣжія силы, еще не испортилась послѣдняя способность къ благороднымъ порывамъ? По слухамъ, старый фельдцейхмейстеръ баронъ Гессъ, замѣнившій неспособнаго и несчастнаго Джьюлая, былъ противъ этого смѣлаго наступательнаго движенія; по слухамъ, весь планъ его принадлежитъ самому императору, котораго гордость не могла допустить, чтобъ подъ его верховнымъ начальствомъ всѣ военныя дѣйствія громадной австрійской арміи, единственной его опоры и надежды, ограничивались одною пассивною обороною крѣпостей и укрѣпленныхъ позицій; молодой императоръ хотѣлъ геройскимъ подвигомъ возстановить упавшій духъ своихъ разбитыхъ и утомленныхъ войскъ. Если это дѣйствитель-

но такъ, то тѣмъ лучше, и вся отвѣтственность за смертоносное побіеніе падаетъ на самаго вѣнценосца. Движеніе было прекрасно обдумано, было выполнено самымъ строгимъ, самымъ тщательнымъ образомъ, и 23 іюня, на зарѣ, австрійцы, въ составѣ девяти корпусовъ, другими словами: въ составѣ своей полной дѣйствующей арміи, заняли укрѣпленныя позиціи отъ южныхъ береговъ озера Гардо и почти до самаго Гоито (мѣстечко на среднемъ теченіи Минчіо), имѣя въ центрѣ Сольферино и Кавріану; линія австрійскаго фронта простиралась почти на двадцать верстъ. Уже это одно протяженіе боевой линіи можетъ дать понятіе о тѣхъ силахъ, которыя были выдвинуты австрійцами: ни въ какомъ случаѣ ихъ численная сила не была ниже двухсотъ тысячъ и, по всей вѣроятности, превосходила это число. Но съ другой стороны, это же самое чрезмѣрное растяженіе боевой линіи ослабляло австрійскую позицію: не всѣ пункты этой позиціи могли быть равносильно заняты. Въ-особенности слабъ былъ центръ, гдѣ начальствовалъ лично самъ императоръ. Рано утромъ, австрійцы повели ожесточенную аттаку; но скоро оказалось, что они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: непріятель далеко не былъ захваченъ ими врасплохъ; не изъ тѣхъ полководцовъ Лудовикъ-Наполеонъ, которые, слишкомъ надѣясь на военное счастіе, на удачу, забываютъ осторожность, благоразуміе; онъ не растасовываетъ свои корпуса и дивизіи по разнымъ мѣстамъ и закоулкамъ, такъ-что потомъ, когда понадобится, ихъ трудно бываетъ собрать; его трудно застать въ *неравныхъ*, или *слишкомъ-слабыхъ силахъ, далеко уступающихъ численному превосходству непріятеля,* какъ это случается безпрестанно съ другими полководцами, какъ это случалось до-сихъ-поръ, по словамъ графа Джьюлая, съ его несчастными войсками. Наполеонъ постоянно держитъ всѣ свои силы въ совокупности, постоянно готовъ принять рѣшительный бой. Никто изъ его маршаловъ и генераловъ не знаетъ намѣреній императора; онъ лично заправляетъ всѣмъ ходомъ войны; въ его умѣ находится пунктъ всѣхъ самыхъ сложныхъ комбинацій; до последней рѣшительной минуты никто не знаетъ, что̀ будетъ завтра. Но все знаетъ, все разсчитываетъ, соображаетъ и предугадываетъ Лудовикъ-Наполеонъ. Въ послѣднюю рѣшительную минуту является къ маршалу, къ генералу, собственноручный приказъ императора, приказъ, написанный кратко, просто, сжато, ясно, неоставляющій никакихъ недоумѣній, сомнѣній, никакихъ вопросныхъ пунктовъ. Если Лудовикъ-Наполеонъ былъ великъ до-сихъ-поръ, какъ администраторъ, какъ политическій человѣкъ, то итальянская война, къ удивленію всего міра, въ-особенности военнаго, раскрыла въ немъ геній великаго полковод-

ца. И, что̀ замѣчательно, этотъ геній выросъ не въ казармахъ, не на плац-парадѣ, не на учебныхъ смотрахъ и парадахъ, не на формальныхъ манёврахъ, рабски совершаемыхъ по напередъ-предписаннымъ правиламъ: этотъ геній воспиталъ себя въ строгой школѣ самобытной мысли, въ той школѣ, которая одна способна раскрыть и воспитать талантъ. Въ жизни этого человѣка насъ поражаетъ особенно та строгая послѣдовательность, съ которою онъ рано началъ идти къ своей цѣли. Съ-тѣхъ-поръ, какъ сталъ себя понимать, Лудовикъ-Наполеонъ, казалось, предчувствовалъ, сознавалъ то высокое назначеніе, къ которому онъ призванъ въ послѣднее десятилѣтіе, и безъ устали, безъ отдыха, не пренебрегая самымъ тяжелымъ трудомъ, готовился достойно выполнить свое призваніе. Вся его предшествующая жизнь была школою, приготовленіемъ, и теперь, на 52-мъ году своей жизни, онъ собираетъ обильные плоды этой трудной школы. Не будучи никогда военнымъ человѣкомъ по ремеслу, онъ, однакожь, въ юные свои годы обратилъ вниманіе и на военное искусство, на военныя науки. Его военнымъ наставникомъ былъ Дюфуръ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ военныхъ теоретиковъ, въ настоящее время генералъ и главнокомандующій швейцарской арміей. Уже тогда, за двадцать-пять лѣтъ до настоящей войны, Дюфуръ говорилъ, что если обстоятельства вызовутъ когда-нибудь его ученика на военное поприще, то Лудовикъ-Наполеонъ раскроетъ въ себѣ военные таланты, которые далеко превзойдутъ знаменитый геній его дяди.

Если предсказанія генерала Дюфура до знаменитаго дня 24-го іюня исполнились только наполовину, если Лудовикъ-Наполеонъ до этого дня только отлично *велъ* свою побѣдоносную армію, то въ битвѣ при Сольферино эти предсказанія осуществились вполнѣ, и вся честь славной побѣды должна быть приписана исключительно и безраздѣльно одному— Лудовику-Наполеону. Здѣсь, какъ при Мадждентѣ, не выставился Мак-Магонъ, не выставился и никто другой изъ его блестящихъ маршаловъ и генераловъ, никто не пришелъ во̀время спасать французскую армію и Лудовика-Наполеона. Спасъ ее и себя самъ Лудовикъ-Наполеонъ своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ въ минуты самой страшной опасности, своею осторожностью и благоразуміемъ, своею находчивостью и вѣрнымъ разсчетомъ, наконецъ своимъ мужествомъ и безспорно-громадными полководческими способностями. Въ-теченіе всего достопамятнаго дня, впродолженіе всей страшной битвы, отъ ранняго утра и до поздняго вечера, цѣлые шестнадцать часовъ, Наполеонъ былъ постоянно на конѣ, постоянно въ самомъ адскомъ огнѣ. Одна пуля сорвала съ него эполетъ. Вокругъ его свирѣпствовала смерть со всѣми своими

ужасами, а онъ, хладнокровный, отдавалъ приказанія такъ просто и ясно, какъ ни одинъ плац-парадный генералъ не отдаетъ ихъ на учебномъ смотрѣ. Австрійцамъ недолго пришлось вести наступленіе. Съ полудня роли перемѣнились, и наступленіе повели французы. Рѣшительный ударъ направленъ былъ самимъ императоромъ французовъ въ центръ австрійской позиціи, на Сольферино и Кавріану, гдѣ находился Францъ-Іосифъ. Центръ былъ прорванъ, и тѣмъ самымъ рѣшена была участь битвы. Обильныя слезы падали изъ глазъ молодаго вѣнценосца, и, грустный, убитый, оставилъ онъ поле битвы, откуда вслѣдъ за нимъ потянулись и нестройныя колонны его разбитаго войска, преслѣдуемыя адскимъ, губительнымъ огнемъ артиллеріи и стремительными натисками кавалеріи непріятеля.

Въ-самомъ-дѣлѣ, кáкъ было не плакать, кáкъ не лить обильнаго потока слезъ молодому вѣнценосцу! На холмахъ, окружающихъ Сольферино, рѣшалась участь не одной только битвы: здѣсь рѣшалась участь всей войны и всего того, чтó такъ неразрывно съ нею связано. Здѣсь рѣшалась участь всѣхъ притязаній горделивыхъ Габсбурговъ на владѣніе Италіей, на преобладаніе въ Европѣ, на военное и политическое могущество; здѣсь, вмѣстѣ съ пораженіемъ, унижена была Австрія, и унижена такъ, что ей весьма-трудно будетъ въ скоромъ времени подняться. Здѣсь нанесенъ былъ рѣшительный ударъ австрійской политикѣ, послѣ котораго ей предстоитъ добровольно смириться. Здѣсь окончательно было снято съ ея гранитной арміи то praestigium силы и могущества, которое все еще за нею оставалось. Здѣсь сокрушена была физическая сила Австріи, та единственная сила, которую она до-сихъ-поръ лелѣяла въ ущербъ всѣмъ прочимъ силамъ, на которую одну она возлагала все упованіе свое. Здѣсь, наконецъ, данъ былъ рѣшительный ударъ той мрачной системѣ, которой до-сихъ-поръ съ такимъ упорствомъ держалась Австрія — и, можетъ-быть, на самомъ полѣ битвы, предъ встревоженными очами императора уже проносились грозные призраки, можетъ-быть, и здѣсь уже, предъ разстроеннымъ его слухомъ, страшный ревъ пушекъ былъ покрытъ болѣе-громкими народными воплями, требованіями народа о томъ, на чтó такъ трудно согласиться австрійскому правительству.

Но отъ гаданій, впрочемъ, весьма-основательныхъ, перейдемъ къ положительной живой дѣйствительности.

Пораженіе при Сильферино было полное. Австрійцы не думали, да и не могли препятствовать переходу французовъ черезъ Минчіо. Волшебный четыреугольникъ разорванъ; французы внутри его; австрійцы гдѣ-то на Эчѣ; Сардинцы обложили Пескіеру; корпусъ принца Наполе-

на, успѣвшаго, между-тѣмъ, прійти изъ Тосканы, готовится осаждать Мантую; самъ императоръ приближается къ Веронѣ. Двѣ-три недѣли еще, и что̀ останется отъ знаменитаго четыреугольника? что̀ останется отъ австрійской арміи и отъ австрійскаго владычества въ Италіи? Внутри имперіи обнаруживаются грозные признаки наступающаго перелома. Въ Венгріи, въ славянскихъ земляхъ, въ самой Богеміи господствуетъ сильное волненіе, предвѣстникъ событій, которыя, чего добраго, напомнятъ молодому императору достопамятную эпоху вступленія его на престолъ. Сама Вѣна — и та непокойна, и въ той смутно волнуются народныя страсти; кажется, не обойдется безъ того, чтобъ не объявить ее въ осадномъ положеніи Вотъ послѣдствія войны—то-есть, послѣдствія австрійской системы управленія.

Объ этой австрійской системѣ въ настоящимъ нашемъ обозрѣніи, мы говоримъ довольно-много; но не мы одни обращаемъ на нее и на неизбѣжность ея паденія вниманіе читателей. Тому же предмету посвящаетъ свои руководящія статьи газета *Times*; о томъ же предметѣ начинаетъ разсуждать и газета *Allgemeine Zeitung*, та самая, которая душу свою полагаетъ за Австрію.

Вотъ что̀, между прочимъ, мы прочли въ *Times*:

«Есть эпоха въ жизни великихъ государствъ, равно какъ и въ жизни людей, когда зло, ими надѣланное, поднимается судомъ противъ нихъ, когда голосъ самообольщенія и лести не слышится болѣе, и когда благопріятные случаи, ими упущенные, и удобные моменты, которыми они дурно воспользовались, угрожаютъ имъ местью, тѣмъ-болѣе страшною, чѣмъ-дольше она была откладываема.

«Подобное время теперь настало для великой и могущественной Австрійской Имперіи. Она нетолько надѣлала много зла, но зло, сдѣланное ею, вытекало изъ извѣстной системы и было слѣдствіемъ политическихъ традицій.

«Подобно всякому человѣческому существу, или совокупности человѣческихъ существъ, ей между элементами могущества и успѣха предстояло сдѣлать выборъ — между духовными и матеріальными, между облагороживающими и унижающими, между прогресомъ и реакціей, и она обдуманно выбрала послѣдніе.

«Нисколько не пренебрегая благосостояніемъ огромной массы своихъ подданныхъ, она постаралась возбудить отвращеніе къ себѣ и отдалить отъ себя чувства всѣхъ тѣхъ, которые сколько-нибудь поднимались надъ уровнемъ посредственности, всѣхъ тѣхъ, которые мыслятъ, чувствуютъ, разсуждаютъ и дѣйствуютъ по собственной волѣ. Физическая сила была ея идоломъ; она падала предъ нимъ и преклонялась во

прахѣ. Всѣми грубѣйшими средствами, палочными побоями, тюремнымъ заключеніемъ, разстрѣливаніемъ и вѣшаніемъ, Австрія, во всѣхъ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, старалась утвердить превосходство этой физической силы надъ высшими, благороднѣйшими элементами. У нея нѣтъ литературы; у нея нѣтъ стремленій; воображеніе изгнано изъ ея владѣній подъ страхомъ наказанія пенею, розгами или тюрьмою.

«Это грубая система имѣетъ въ себѣ нѣкоторую силу жизненности. Она держится удивительно-стойко. Она даже возбуждала удивленіе и сдѣлалась нѣкотораго рода идоломъ для тѣхъ, которые отчаяваются въ судьбахъ человѣчества и вѣрятъ, что люди — не что иное, какъ стадо овецъ, съ которыхъ слѣдуетъ стричь шерсть, или стадо лошадей, которыхъ слѣдуетъ погонять возможно-усерднѣе.

«Но мы начинаемъ видѣть и понимать истинный нравственный смыслъ этой системы.

«Австрія вѣрила въ свою армію. Армія ея состояла, правда, изъ различныхъ племенъ, которыя всѣ болѣе или менѣе недовольны императорскимъ правительствомъ, болѣе или менѣе враждебны между собою; но эта армія отлично-дисциплинирована, снабжена порядочными офицерами, имѣетъ опытность во всѣхъ обыкновенныхъ военныхъ манёврахъ, и въ той странѣ, гдѣ дѣйствуетъ, окружена прекрасно-устроенной фортификаціонной системой.

«Насталъ часъ испытанія, и какимъ же образомъ выдержала напоръ непріятельскихъ дѣйствій эта громадная машина, для поддержанія которой имперія обезлюдила себя и раззорила свои финансы? Она была разбита, разорвана на части—не потому, чтобъ не доставало у нея храбрости, терпѣнія, техническихъ средствъ вмѣстѣ съ опытностью въ военномъ дѣлѣ, но потому, что эта громадная масса была управляема силою низшаго порядка, потому-что у нея не доставало той дѣятельности, того самодовѣрія, той силы самопроизвольнаго дѣйствія, которыя отличаютъ французскаго солдата. Духъ и матерія находились въ столкновеніи, и въ этомъ столкновеніи матерія была разбита. Грубая сила не могла устоять противъ силы разумной, и самое упорное терпѣніе уступило предъ натискомъ непріятеля, который знаетъ, чтó такое побѣда, и гдѣ и кáкъ слѣдуетъ ее искать и добыть.

«Но пораженіе, нанесенное военной системѣ Австріи, не есть единственное дѣйствіе, ей угрожающее. Наслѣдники Іосифа II заключили съ Римомъ унизительный конкордатъ. Въ своемъ умственномъ униженіи Австрія повергласъ къ стопамъ іезуитскаго ордена. Престолъ молодаго императора окруженъ этою мрачною толпою, вѣрными предшественника-

ми разрушенія троновъ и паденія монархій. Ихъ дѣятельность была такъ пагубна для Лудовика XIV, для Іакова II, для Карла X.

«Всѣ провинціи Австріи страдаютъ отъ конфискаціи ихъ правъ и посягательства на ихъ привилегіи. Венгрія, законная и аристократическая въ своихъ стремленіяхъ, не можетъ позабыть, что, десять лѣтъ назадъ, у нея была своя конституція, столь же древняя, какъ и наша, и что со степени конституціонной монархіи она низошла на степень подчиненной провинціи. Богемія погружена въ угрюмое и опасное негодованіе, и Тироль — вѣрный Тироль, такъ часто представлявшій последнее и самое надежное убѣжище для австрійскаго дома, этотъ самый Тироль, отчизна Гофера и Шпекбахера, теперь въ первый разъ въ своей исторической жизни показываетъ антипатію и неудовольствіе, и въ минуту опасности уклоняется отъ услугъ правительству, котораго не любитъ болѣе и не уважаетъ.

«Положеніе дѣлъ быстро ведетъ къ кризису, а между-тѣмъ, австрійское правительство съ страннымъ упорствомъ принимаетъ гибельную логику безумной гордости и не хочетъ уступить справедливымъ требованіямъ своихъ подданныхъ изъ «страха, чтобъ не подумали, будто оно уступаетъ принужденію.

«Конечно, не въ интересѣ Англіи желать, чтобъ Австрія была уничтожена на картѣ Европы и чтобъ образовавшаяся такимъ образомъ пустота была наполнена элементами безнарядья и революціи. Интересомъ, который сильнѣе, нежели симпатія, наше благосостояніе въ нѣкоторомъ отношеніи связано съ благосостояніемъ Австріи; вотъ почему можно повѣрить нашей искренности, когда мы скажемъ молодому императору, что пришло время вполнѣ измѣнить систему, что эта перемѣна не можетъ быть отложена. Армія, конечно, не можетъ быть преобразована въ виду непріятеля дѣятельнаго и предпріимчиваго, но можно, по-крайней-мѣрѣ, устранить причины внутренняго разъединенія и неудовольствія. Нѣсколько благовременныхъ уступокъ могли бы сдѣлать изъ Венгріи, вмѣсто слабаго мѣста имперіи, ея силу, могли бы дозволить Австріи пренебречь угрозами Кошута и Клапки и обратили бы подозрительныхъ союзниковъ въ преданныхъ и храбрыхъ друзей.

«То же самое можетъ быть сказано и о Богеміи; то же самое можетъ быть сказано и о Тиролѣ. Старая система грубаго угнетенія сдѣлалась невозможностью.

«Австрія можетъ продолжать, если это ей будетъ угодно, идти во главѣ извѣстнаго числа національностей, изъ которыхъ каждая управ-

ляется соотвѣтственно своей старой политикѣ и своимъ традиціямъ, или же она можетъ подвергнуться опасности все потерять, стараясь сохранить свою абсолютную систему, систему централизаціи и угнетеній.

«Счастлива будетъ она, если ея императоръ изъ нынѣшнихъ обстоятельствъ съумѣетъ извлечь полезный урокъ, который его предшественники отказывались понять. Оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь, невозможно для Австріи: она должна отказаться отъ великихъ и тяжкихъ злоупотребленій своей системы, или же она погибнетъ вмѣстѣ съ системою. Положительная привязанность ея провинцій, лежащихъ къ сѣверу отъ Альповъ, можетъ вознаградить для нея потерю Королевства Ломбардо-Венеціанскаго; но эта привязанность можетъ быть пріобрѣтена только полною перемѣною системы.

«Потери и пораженія, понесенныя въ итальянскую войну, будутъ для Австріи, вмѣсто бѣдствія, благодѣяніемъ, если онѣ заставятъ Австрію принять систему прогрессивную и либеральную, и если, наученная бѣдственнымъ опытомъ, она рѣшится отказаться отъ своей старой политики, которая дважды въ нынѣшнее столѣтіе угрожала ей полнымъ разрушеніемъ.»

Должно замѣтить, что незадолго предъ этимъ, *Times*, не вполнѣ довѣряя искренности Лудовика-Наполеона, была не прочь время-отъ-времени помѣстить статью, утѣшительную для Австріи. Послушайте, какъ говоритъ она теперь: Австріи предстоитъ или гибель, или полная радикальная перемѣна; средины нѣтъ. Но мнѣніе «Times» тѣмъ и важно, что оно есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіе общественнаго мнѣнія Англіи, той страны, въ которой политическое развитіе достигло своей высшей ступени.

Послушаемъ далѣе, какъ говорятъ сами друзья австрійскаго правительства; можетъ-быть, они и до-сихъ-поръ все-еще скрываютъ внутреннія язвы, раздирающія австрійское государственное тѣло? Можетъ-быть, они, ратуя за своего бѣднаго кліента, все еще полны къ нему полнаго, безпредѣльнаго пристрастія? Этого далеко нельзя сказать. Не таковы внутреннія язвы Австріи, чтобъ онѣ не бросались рѣзко въ глаза каждому, чтобъ о нихъ можно было умолчать, говоря объ Австріи. Преданные габсбургскому правительству нѣмецкіе органы даютъ ему тѣ же и такого же рода совѣты, что и *Times*, и *Morning-Post*; только языкъ ихъ, въ-особенности языкъ *Allgemeine Zeitung*, страстнѣе, энергичнѣе, порывистѣе, настойчивѣе. Видно, что здѣсь дѣло идетъ объ интересѣ весьма-близкомъ, о спасеніи жизни дорогаго кліента. Изъ мно-

жества статей *Allgemeine Zeitung*, наполненныхъ увѣщаніями австрійскому правительству, беремъ одну, далеко не самую энергичную:

«Эрцгерцогу-намѣстнику (тирольскому — Карлу-Лудвигу), когда онъ прибылъ сюда (въ южный Тироль) для вызова народа къ защитѣ страны, было подано много просьбъ, жалобъ, и хотя это путешествіе имѣло совершенно-другія цѣли, но все-таки полезно, что оно повело къ ближайшему ознакомленію съ нуждами, потребностями и желаніями страны. Слишкомъ-рѣдко въ офиціальныхъ донесеніяхъ является ненарумяненная истина, и какъ ни желательно многимъ сказать правду (газета выражается, ка́къ видите, очень-деликатно), но скорѣе предпочтутъ дать почувствовать только что есть нѣчто непріятное, нежели прямымъ раскрытіемъ дѣла навлечь на себя неудовольствіе. Если низшее сословіе требуетъ перемѣнъ въ системѣ финансовъ и податей, въ лѣсномъ уставѣ и въ порядкѣ администраціи, то и въ высшихъ сферахъ общества существуютъ подобнаго же рода желанія—и все это должно вести къ убѣжденію, что злоупотребленія коренятся въ общей основной причинѣ, что главное бѣдствіе лежитъ въ той системѣ, которой слѣдовали въ послѣднія десять лѣтъ. Держали себя вдали отъ всякаго содѣйствія народа, не давали свободы книгопечатанію, журналистикѣ не позволяли ни одного выраженія, которое хоть бы слегка отзывалось духомъ оппозиціи; этимъ самымъ достигли такого состоянія, которое никогда не можетъ удовлетворить. Теперь, кажется, не можетъ быть сомнѣній, что довѣріе къ духовнымъ и матеріальнымъ силамъ, любовь къ отечеству общественный и частный кредитъ могутъ быть оживлены лишь въ томъ случаѣ, когда не будутъ устранены отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ тѣ, безъ доброй воли и дѣятельности которыхъ нельзя обойтись; но при этомъ не должно упускать изъ виду того убѣжденія, что всякая полумѣра скорѣе ведетъ къ дурному, нежели къ хорошему. Какой-нибудь сословный комитетъ, состоящій изъ членовъ, выбираемыхъ или назначаемыхъ самимъ правительствомъ, не принесетъ пользы ни правительству, ни народу. Довѣріемъ народа пользуются только такіе его представители, которые имъ самимъ выбраны.»

Высказаннаго и приведеннаго нами, кажется, достаточно, чтобъ видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ уже умѣла привести Австрію итальянская война, такъ неблагоразумно ею начатая, и какіе два пути неизбѣжно лежатъ въ близкомъ будущемъ предъ австрійскимъ правительствомъ. Если оно упрямо будетъ стоять на своемъ, то Австріи неизбѣжно угрожаетъ внутренній переломъ, самый страшный, какой до-сихъ-поръ видѣла исторія—и, можетъ-быть, полное разложеніе, если и

на этотъ разъ не явится чья-нибудь спасительная рука. Если же австрійское правительство образумится во-время и начнетъ рядъ спасительныхъ, либиральныхъ реформъ, тогда Австрія перестанетъ быть тою Австріею, какою мы привыкли ее себѣ представлять, и мы съ радостью готовы будемъ своею полною симпатіей привѣтствовать ея дѣло, ея гражданскіе подвиги, съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ будемъ слѣдить за труднымъ и поучительнымъ дѣломъ ея внутренняго перерожденія.

Уступки, впрочемъ, уже начались. Несчастные австрійскіе евреи получили гражданскія права. Для евреевъ, конечно, этого, можетъ-быть, довольно, въ особенности если вспомнимъ тѣ свирѣпыя мѣры, тѣ грозныя предписанія, которыми австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, г. фон-Бахъ, преслѣдовалъ несчастный народъ еще такъ недавно, предъ самымъ началомъ войны. (*) Но для народовъ Австріи этого, конечно, весьма-мало; для нихъ это ровно ничего. Подождемъ, увидимъ, что́ будетъ дальше.

Ка́къ измѣняется картина, лишь-только оставишь мрачную Австрію съ ея старою, мрачною системою, и спустишься въ страну, протягивающуюся къ югу отъ Альповъ! Здѣсь повсюду новая, свѣжая жизнь, проснувшаяся отъ тяжкаго, полувѣковаго усыпленія; радостно она сбросила съ себя австрійскій саванъ смерти и спѣшитъ заявить міру, ка́къ много въ ней жизненныхъ силъ, ка́къ способна она къ жизни самобытной. Спокойно, безъ яростныхъ, неистовыхъ порывовъ страсти, совершилось освобожденіе Италіи. Тѣ владѣльцы, которые давнымъ-давно разрознили свои интересы съ интересами своего народа, а въ минуту грозной опасности не захотѣли добровольно измѣнять своей политики, удалились, никѣмъ непреслѣдуемые, негонимые. Изъ всѣхъ ненародныхъ троновъ Италіи до-сихъ-поръ уцѣлѣли только два: одинъ—тронъ святаго отца въ Римѣ, другой — тронъ новаго неаполитанскаго короля, Франциска II, 20-го мая, по смерти отца, принявшаго власть въ самую трудную и опасную минуту. Пій IX до-сихъ-поръ удержался въ Римѣ, конечно, не потому, чтобъ пользовался сочувствіемъ своего народа, не потому, чтобъ система его администраціи была прочна и хороша: отъ народной антипатіи его защищаютъ только пушки и штыки французскаго гарнизона, все еще пребывающаго въ Римѣ. Лудовикъ-Наполеонъ съ своей стороны тщательно избѣгаетъ вопроса о папской власти, о папской администраціи, потому-что не хочетъ до-поры до-времени поднимать труднаго и опаснаго вопроса, создавать для себя новыя трудно-

(*) Теперь, впрочемъ, колебаній быть не можетъ.

сти, пока не разрѣшены старыя. Вопросы административные тѣмъ или другимъ путемъ придутъ въ свою очередь, и тогда увидимъ, что́ останется отъ свѣтской власти папы. На новаго своего короля, Франциска II, племянника Карла-Альберта, неаполитанское народонаселеніе смотритъ пока съ нѣкоторыми надеждами, впрочемъ, все болѣе и болѣе слабѣющими. Онъ смѣнилъ старыхъ, ненавистныхъ народу министровъ своего отца, призвалъ къ управленію генерала Филланджьери, человѣка весьма-популярнаго, объявилъ амнистію государственнымъ преступникамъ. Но этимъ пока и ограничиваются либеральныя дѣйствія новаго правительства. Въ иностранной политикѣ своей оно колеблется, чью сторону принять — сторону ли итальянской независимости, или сторону Австріи(*). Относительно внутреннихъ реформъ новое правительство выбрало своимъ лозунгомъ — *терпѣніе* и *умѣренность!* Двѣ добродѣтели, два принципа, какъ извѣстно — весьма-хорошіе, пока возможно терпѣть и быть умѣреннымъ.

Освобожденіе сѣверной и центральной Италіи отъ австрійскаго владычества есть почти *фактъ совершившійся*; не признать этого нельзя. Занятіе разбитою, растерзанною, деморализованною австрійскою арміею какихъ-нибудь трехсотъ, четырехсотъ квадратныхъ миль итальянской почвы не значитъ ничего; еще одна битва — и австрійцы за Альпами; во всякомъ случаѣ въ виду побѣдоносной французской арміи имъ трудно поправить свои дѣла въ Италіи.

Общественное мнѣніе образованной Европы признало уже очищеніе Италіи за совершившійся фактъ; такъ смотрятъ на дѣло всѣ англійскіе государственные люди, всѣ англійскія газеты. Недовѣрчивыя сначала къ Лудовику-Наполеону, онѣ теперь почти готовы признать его дѣло за великій историческій подвигъ, и, конечно, не со стороны Англіи итальянское дѣло встрѣтитъ себѣ препятствія. Въ этомъ смыслѣ высказался недавно офиціальный органъ новаго министерства, *Morning-Post*, въ статьѣ, которая, по всему видно, идетъ прямо изъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. По мнѣнію англійскаго правительства, Австрія, отдавшая сама свое дѣло на рѣшеніе меча, его безапелляціон-

---

(*) Въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ издано было предписаніе, которымъ евреямъ строжайше запрещалось держать у себя въ услуженіи христіанъ. Въ то же время, изъ-за несоблюденія какой-то пустой формальности, большинству еврейскихъ семействъ угрожала опасность, что браки будутъ признаны незаконными. Все это отрыжки конкордата, дѣло іезуитскихъ происковъ.

нымъ приговоромъ утратила всѣ владѣнія свои въ Италіи; Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адріатическаго Моря, то-есть ровно такъ, какъ желаетъ этого самъ Лудовикъ-Наполеонъ; всѣ отнятыя у Австрійцевъ земли, вмѣстѣ съ герцогствами, должны примкнуть къ Пьемонту и составить вмѣстѣ съ нимъ одно сильное королевство. Съ идеей итальянской независимости въ послѣднее время общественное мнѣніе свыклось такъ сильно въ Англіи, что, повторяемъ, не съ этой стороны можно было ждать затрудненій и препятствій.

Въ общественномъ мнѣніи Германіи въ послѣднее время тоже совершился своего рода благодѣтельный переворотъ: нѣмцы начали менѣе понимать, что интересы Австріи и интересы Германіи — двѣ вещи, совершенно-разныя; что Германія ровно ничего не потеряетъ оттого, и сама Австрія лишается своихъ владѣній въ Италіи, что Германіи нé за чѣмъ самопроизвольно впутываться въ дѣло, для нея совершенно-чуждое; что на Рейнѣ, наконецъ, добрымъ нѣмцамъ до-сихъ-поръ никто и ничѣмъ не угрожаетъ. Старый страхъ предъ французами, усиленный побѣдоносными громами при Маджентѣ, при Сольферино, кажется, не остался безъ вліянія на этотъ поворотъ Германіи къ болѣе-мирнымъ чувствованіямъ. Нѣмцы боятся, повидимому, тронуться, боятся, чтобъ на Рейнѣ не повторилось съ ними то же, чтó было съ австрійцами въ Ломбардіи, а на чужую помощь, какъ ясно они теперь поняли, послѣ русскаго циркуляра, послѣ формально-заявленныхъ намѣреній новаго англійскаго правительства, расчитывать имъ нéчего. Опасно самимъ вызывать на бой такого врага, какъ Лудовикъ-Наполеонъ! Переворотъ общественнаго мнѣнія въ Германіи выразился и въ самомъ взглядѣ на результаты военныхъ событій. Нетолько благоразумные журнальные органы, какъ, напримѣръ, Kölnische Zeitung, National-Zeitung, Volks-Zeitung, Spiner-Zeitung, признаютъ освобожденіе Италіи за фактъ совершившійся; но и всѣ другіе, даже самые свирѣпые органы противной партіи, хотя съ прискорбіемъ, должны согласиться съ этимъ. Прусское правительство, наконецъ, ясно высказалось; оно объявило, что вовсе не съ тою цѣлью мобилизуетъ свою армію, чтобъ защищать австрійскіе интересы въ Италіи, не съ тою цѣлью снаряжаетъ обсерваціонные корпуса на Рейнѣ: прусское правительство имѣетъ въ виду только интересы Пруссіи и Германіи. При такомъ отношеніи Пруссіи къ австро-французской распрѣ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобъ она въ скоромъ времени вступила въ войну.

Такимъ-образомъ опасность затянуть, расширить войну въ послѣднее время исчезла. Ничто не препятствовало Наполеону выполнить ту вы-

сокую цѣль, для которой онъ, по собственному сознанію, началъ войну; въ послѣднее время самые враги его обратились почти въ друзей.

Между-тѣмъ настала, повидимому, пора европейской дипломатіи вступить въ свою роль. Результаты войны успѣли ярко обнаружиться; успѣли сложиться и обозначиться взгляды и намѣренія трехъ нейтральныхъ великихъ державъ, Англіи, Россіи и Пруссіи, и въ этихъ намѣреніяхъ, какъ замѣтно по всему, не было существенныхъ, значительныхъ разногласій. Совершившійся фактъ, всѣми признанный, могъ быть положенъ въ основу мирной сдѣлки. Дѣйствительно, между нейтральными дворами начались частыя сношенія, и все заставляло ожидать, что съ-часу-на-часъ явится ихъ совмѣстное посредничество.

Наполеонъ зналъ о томъ, что готовится мирное посредничество трехъ великихъ державъ, и рѣшился предупредить это посредничество, предпочелъ прямо вступить въ переговоры съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Результатомъ этихъ переговоровъ было заключеніе перемирія отъ 8-го іюня до 15-го августа.

Дай Богъ, чтобъ дѣло Италія увѣнчалось успѣхомъ, чтобъ война, своими громами освѣжившая атмосферу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоившая такъ много невинныхъ жертвъ, такъ много крови и бѣдствій, не возобновилась съ новою, усиленною яростью, чтобъ дѣло прогреса совершалось тихо, спокойно, смирно, чтобъ Италія благоразумно воспользовалась пріобрѣтенною независимостью, чтобъ она доказала, въ какой мѣрѣ способна не только сражаться за свободу, но и пользоваться ею, чтобъ Австрія извлекла изъ этой войны не безплодные, а спасительные уроки, чтобъ, не забывая той истины, что время—золото, поспѣшила воспользоваться этими уроками!

4-го іюля.

Такъ думали мы, такъ писали въ то самое время, какъ внезапно насъ застигло извѣстіе о заключеніи мира, объ его условіяхъ. На свиданіи въ Виллафранкѣ, 11 іюля, Францъ-Іосифъ уступилъ Наполеону III-му Ломбардію до рѣки Минчіо, а Наполеонъ, съ своей стороны, передалъ ее Пьемонту. Австрія сохраняетъ за собою Венеціянскую Провинцію съ четыреугольникомъ. Всѣ герцоги возвращаются обратно въ свои владѣ-

нія. Вся Италія составитъ одинъ итальянскій союзъ, подъ верховнымъ председательствомъ папы и подъ покровительствомъ обоихъ императоровъ. Владѣя Венеціей, Австрія, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и членъ итальянскаго союза...

Слѣдующая за тѣмъ депеша принесла извѣстіе, что графъ Кавуръ подалъ въ отставку...

Теперь предстоитъ конгресу развить примѣненіе основаній, условленныхъ между двумя императорами.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія А. Островскаго. *Два тома. Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1859.*

Статья первая.

Съ глубокимъ и неподдѣльнымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ мы роскошное изданіе сочиненій А. Островскаго, роскошное по шрифту, по бумагѣ, по формату (in-8°) и по внутреннимъ достоинствамъ — по грамотности, по отсутствію опечатокъ, по принятой, наконецъ, для порядка пьесъ системѣ, системѣ хронологической, облегчающей изученіе автора и дающей возможность обнять однимъ взглядомъ постепенное развитіе, или, точнѣе, постепенный ходъ дарованія г. Островскаго. Изданіе это, однако, несмотря на всю его роскошь, нельзя назвать полнымъ и окончательнымъ: къ нему современемъ придется, безъ-сомнѣнія, прибавить одинъ, а можетъ-быть и два тома. И теперь даже не вошли въ него два произведенія г. Островскаго — «Воспитанница» (сцены изъ деревенской жизни; см. «Библ. для Чт.» № 1) и «Неожиданный случай» (сцены: см. «Комета», альманахъ на 1851 г.). *Воспитанница* не вошла въ собраніе, вѣроятно потому, что появилась уже послѣ того, какъ предпринято было изданіе, а сцены *Неожиданный случай* исключены изъ собранія по неизвѣстной намъ причинѣ, если только не потому, что авторъ, слишкомъ строго взглянувъ на это маленькое произведеньице, не счелъ его достойнымъ стать рядомъ съ другими произведеніями, въ изданіе вошедшими. Сверхъ-того, можно ожидать, что г. Островскій напишетъ еще что-нибудь. Тѣмъ неменѣе, и по нынѣ вышедшему въ свѣтъ изданію можно уже съ достаточною вѣрностью опредѣлить — какое мѣсто занимаетъ авторъ въ русской литературѣ и въ чемъ именно заключается сущность его дарованія. Рѣшеніемъ этого вопроса мы и займемся теперь. Прежде всего повторимъ еще разъ, что мы очень-рады появленію въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій г. Островскаго —

во-первыхъ, потому, что искренно уважаемъ его замѣчательный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ талантъ и съ удовольствіемъ готовы теперь спокойно перечесть произведенія, которыя во время перваго своего появленія часто (не скрываемъ) возбуждали въ насъ чувство досады странною и ложною своею основою, хотя увлекали насъ частными своими красотами, — во-вторыхъ, мы рады новому изданію и потому, что оно прекратитъ наше колебаніе между противоположными впечатлѣніями, которыя производила каждая пьеса г. Островскаго, что это изданіе укажетъ, наконецъ, истинный взглядъ на автора — между чрезмѣрно высокимъ мнѣніемъ однихъ и несправедливыми, желчными нападками другихъ. Изданныя нынѣ произведенія г. Островскаго (числомъ 11) обнимаютъ періодъ времени болѣе 10 лѣтъ, причемъ произведенія эти создавались постепенно, одно вслѣдъ за другимъ. Нынѣшнее изданіе представляетъ, значитъ, вѣрную картину послѣдовательнаго развитія таланта г. Островскаго. Что же видимъ мы въ этой картинѣ? какое производитъ она впечатлѣніе? Къ сожалѣнію, должно сознаться, что общее впечатлѣніе, если отвлечь его отъ частныхъ впечатлѣній, производимыхъ очень многими мѣстами, гдѣ съ особенною силою брызжетъ талантъ автора, есть грустное и тяжелое впечатлѣніе: мы видимъ, что творческихъ силъ автора хватило на одно только истинно-художественное произведеніе — на комедію *Банкрутъ* («Свои люди — сочтемся!»). Все, что [illegible] было въ него творчества, все, на что только онъ былъ способенъ, все, что суждено было ему внести въ русскую литературу — все [illegible] г. Островскій въ своемъ *Банкрутѣ*. Всѣ остальныя его произведенія кажутся лишь блѣдными копіями съ этой первой его комедіи. Произведенія его съ каждымъ разомъ становятся все неудачнѣе и слабѣе. [illegible] грустный для автора результатъ становится совершенно-очевиднымъ и неопровержимо-вѣрнымъ при одномъ взглядѣ на изданные нынѣ два тома его сочиненій. Послѣдняя комедія, *Воспитанница*, напечатанная въ [illegible] книжкѣ «Библ. для Чт.» за нынѣшній годъ, возбудила много толковъ, возвратила автору благосклонное вниманіе общества, встрѣтила одобрительные отзывы критики. И точно, «Воспитанница» имѣетъ яркія достоинства, которыхъ не имѣли уже въ послѣднее время комедіи г. Островскаго: въ характерахъ этого новаго произведенія нѣтъ уже ложной идеализаціи, въ идеѣ нѣтъ натяжки, въ ходѣ дѣйствія нѣтъ неожиданныхъ и ничѣмъ неосмысленныхъ катастрофъ и психическихъ переломовъ. Но и «Воспитанница» не можетъ уже гарантировать намъ [illegible]наго возстановленія творческихъ силъ автора: ея достоинства — отрицательныя, положительно-прекраснаго въ ней очень-немного — нѣсколько отдѣльныхъ сценъ и только. Она не производитъ на читателя цѣльнаго впечатлѣнія; въ концепціи ея видна какая-то распущенность и недодѣланность — все какъ-будто набросано только; правда, набросано рукою мастера, но все-таки только набросано, а не отдѣлано, не скомпоновано художнически; характеры прекрасно задуманы, но [illegible]

развиты, причемъ иногда выставлены однѣ ихъ внѣшнія черты, и то описаніемъ только и рѣчами, а не дѣйствіемъ и внутреннею необходимостью. Между «Банкрутомъ» и «Воспитанницей» написано, напечатано и на театрѣ разыграно нѣсколько комедій и даже одна драма. Видно, притомъ, что не въ шутку создавалъ ихъ авторъ, не на-легкѣ, а серьёзно и съ любовью, влагая въ нихъ свою душу и мысль, отдѣлывая ихъ до малѣйшихъ подробностей; видно, что авторъ тратилъ на нихъ все, сколько ни хватало у него въ данное время творчества: а между-тѣмъ — нѣтъ, нетаковъ въ нихъ г. Островскій, какъ въ «Банкрутѣ», вовсе нетаковъ!...

Отчего же это происходитъ? отчего эта несостоятельность таланта? отчего этотъ упадокъ художественныхъ силъ? Какъ ни тяжело это намъ относительно г. Островскаго и его почитателей, мы считаемъ себя, однако, обязанными высказать вполнѣ мысль нашу, разрѣшить тайну этого грустнаго явленія... Итакъ, причину постепеннаго паденія таланта г. Островскаго, неизбѣжнаго и неотразимаго, видимъ мы въ недостаткѣ убѣжденій. Да, у г. Островскаго нѣтъ постоянныхъ убѣжденій, нѣтъ самобытнаго и неизмѣннаго воззрѣнія на жизнь и ея явленія. Авторъ понимаетъ, что безъ идеи, безъ художественной идеи, художественное произведеніе быть не можетъ: но, не обладая, какъ видно, самобытно-развившимся міросозерцаніемъ, онъ не ищетъ, какъ бы слѣдовало, идеи этой въ самой дѣйствительности, а беретъ ее извнѣ, изъ того источника общественныхъ, философскихъ и литературныхъ воззрѣній, который онъ, въ данную минуту, считаетъ непрогрѣшимымъ. Идея произведеній г. Островскаго не органическое явленіе, естественно рождаемое самою жизнью, а, еще разъ, нѣчто внѣшнее, искусственно (но не искусно) приложенное къ жизни. Идея у г. Островскаго, вмѣсто того, чтобы освѣщать собою дѣйствіе, придавать ему жизнь и естественность, затемняетъ его, напротивъ, дѣлаетъ его неестественнымъ, загадочнымъ, страннымъ, надѣляетъ его неожиданными и неимѣющими никакой внутренной необходимости катастрофами; вмѣсто того, чтобъ давать смыслъ характерамъ, обращать ихъ въ типъ и живое лицо, убиваетъ въ нихъ, напротивъ, всякое значеніе и всякую жизненность, приводитъ ихъ къ невозможнымъ, необычнымъ и дикимъ превращеніямъ, уничтожаетъ въ нихъ, наконецъ, и ту типичность, которая придана имъ безотчетною творческою силою автора еще до окончательнаго развитія идеи (имѣющаго обыкновенно мѣсто свое въ концѣ произведенія)...

Объективность, поэтому (какъ и было уже сказано), была единственственнымъ спасеніемъ для г. Островскаго: оттого такъ почти безусловно-хороши его небольшіе драматическіе очерки и отдѣльныя сцены. Но что дѣлать? видно авторъ, съ другой стороны, не въ-силахъ отдѣлаться и отъ субъективныхъ порывовъ; видно, всегда уже будетъ онъ гоняться за идеей, за смысломъ, и всегда, поэтому, методически станетъ самъ подкапываться подъ талантъ свой и подъ свои успѣхи. Намъ ука-

жутъ, можетъ-быть, на «Воспитанницу», въ которой нѣтъ прежнихъ недостатковъ г. Островскаго и которая, такимъ-образомъ, могла бы служить автору переходомъ на иной, болѣе широкій и свободный путь творчества. Но, какъ мы сказали и ниже еще скажемъ, достоинства «Воспитанницы», чисто отрицательныя. Кому, однако, недостаточно покажется разбора комедій и драмы г. Островскаго, последовавшихъ за «Банкрутомъ», кто не удовольствуется отсутствіемъ положительныхъ достоинствъ въ «Воспитанницѣ» и слишкомъ увлечется ея отрицательными достоинствами — для того мы имѣемъ въ запасѣ аргументъ посильнѣе всякаго другаго, аргументъ неопровержимый, доказывающій, что г. Островскій постоянно пишетъ на задуманную тэму, и что эта тэма и ея прикладываніе, постоянно вредитъ и вѣчно вредить будетъ интересу и естественности самаго произведенія, разумности и выдержанности характеровъ, вѣчно станетъ вести ожесточенную и безпощадную борьбу противу собственныхъ творческихъ силъ автора, какъ онѣ на самомъ дѣлѣ ни громадны... И этотъ ужасный для г. Островскаго аргументъ — вотъ онъ:

Кто не знаетъ комедіи «Свои люди — сочтемся!» или «Банкрутъ», какъ ее сначала назвалъ авторъ? По-крайней-мѣрѣ, постоянные читатели «Отеч. Зап.», непремѣнно ужь знакомы съ ея содержаніемъ и достоинствами: этой комедіи посвящена была въ нашемъ журналѣ цѣлая статья, по поводу выхода въ свѣтъ «Драматическихъ очерковъ» г. Владыкина и комедіи г. Тарасенкова «Сплошь да рядомъ!» (*). Мы, безъсомнѣнія, не станемъ вновь разбирать «Банкрута», какъ первое и лучшее изъ произведеній г. Островскаго, потому-что, по нашему мнѣнію, это уже выполнено въ той критической статьѣ, на которую мы сейчасъ указали. Тѣмъ-неменѣе, нужнымъ считаемъ на минуту обратиться къ этой комедіи и припомнить себѣ существенный смыслъ производимаго ею впечатлѣнія. Чѣмъ особенно нравилась первая комедія г. Островскаго? откуда бралась ея внутренняя сила, возбудившая такіе бурные толки, такое восторженное одобреніе однихъ, такое упорное и тупое опасеніе (да, опасеніе!) другихъ? Именно тѣмъ она нравилась, что была совершенно объективна, что въ ней жизнь, дѣйствительная жизнь сама развертывалась передъ мысленнымъ взоромъ читателя, что авторъ ея сохранялъ полное безпристрастіе, строжайшій нейтралитетъ, что она, однимъ-словомъ, была комедіей и ничѣмъ болѣе—ни сатирой, ни идиллической поэмой въ драматической формѣ: отъ этого такъ велика была сила производимаго ею обаянія, отсюда и восторгъ, отсюда и опасенія. Точно такой же восторгъ и точно такія же опасенія возбуждены были и «Ревизоромъ» Гоголя. Разумѣется, мы никогда не рѣшимся поставить «Банкрута» на одну доску съ «Ревизоромъ»: какъ ни великъ

(*) См. «Отеч. Зап.» 1857, № 12.

комическій талантъ г. Островскаго, онъ все-таки блѣднѣетъ предъ талантомъ Гоголя, и въ «Банкрутѣ» всегда будетъ больше искуственности (не подумайте—больше искусства) и менѣе свободы (не примите свободы за licencia poëtica), чѣмъ въ чудномъ произведеніи Гоголя, которое создалось какъ-бы само собою, какъ бы внѣ произвола и сознанія автора. Есть, правда, и другіе, гораздо-менѣе Гоголя даровитые авторы, которые столь же высоко глядатъ на собственныя свои произведенія; по-крайней-мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, при представленіи его пьесы, расплакался однажды въ театрѣ, и на вопросъ пріятеля—о чемъ онъ плачетъ—отвѣчалъ: «Нѣтъ, это не я писалъ—это Богъ писалъ!» Но вѣдь нельзя же сужденія о какихъ-либо произведеніяхъ основывать на мнѣніи о нихъ самихъ авторовъ. Поэтому, мы и самого даже «Банкрута» не посмѣемъ никогда сравнить съ «Ревизоромъ». Тѣмъ-неменѣе, уступая комедіи Гоголя въ степени достоинствъ, въ художественности общей концепціи, даже и въ отдѣлкѣ частностей, комедія г. Островскаго сближается съ нею характеромъ сюжета. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, нѣтъ умышленнаго преувеличенія, нѣтъ ничего придуманнаго и взятаго изъ міра фантазіи, изъ абстракта, хотя нѣтъ и дагерротипической передачи вседневной жизни; и тамъ, и здѣсь — дѣйствительная жизнь, взятая въ ея общихъ началахъ, въ ея законномъ (по отношенію къ современности), въ ея относительно нормальномъ теченіи; въ обѣихъ комедіяхъ не то́, что́ *иногда* случается въ жизни, а то, что̀ *обыкновенно* въ ней происходитъ; и въ той, и въ другой комедіи художественно воспроизведена одна изъ сторонъ общественной жизни во всей полнотѣ своей.

Въ «Ревизорѣ»—картина русскаго чиновничества, не чиновничества какой либо мѣстности, какого либо города, а чиновничества всей Россіи, и не одного низшаго только чиновничества, но и всякаго. Все, что́ Щедринъ и его послѣдователи съ такимъ жаромъ разоблачали въ своихъ разсказахъ, все, что́ такъ благородно и такъ умно развилъ г. Писемскій въ своемъ романѣ—все это давно уже воспроизведено перомъ Гоголя. Вся чиновничья литература послѣдняго времени—какъ-бы комментарій только къ отдѣльнымъ мѣстамъ и фразамъ «Ревизора». Всѣ эти Михайлы Трофимовы, князья Чебылкины, Калиновичи, Забоковы, маститые графы, — тѣ же Сквозники и Земляники, только въ иныхъ кафтанахъ. Подъ городничаго очень-удобно можетъ быть подставленъ другой, высшій администраторъ — и сущность дѣла чрезъ то нисколько не измѣнится. Московскій актеръ Садовскій и пробовалъ уже (хотя и не съ полною удачей) поднять роль Сквозника-Дмухановскаго и разыграть въ ней не городничаго, а что́-нибудь повыше и позначительнѣй. — Какъ въ «Ревизорѣ» отразилось русское чиновничество, такъ въ «Банкрутѣ», съ своей стороны, отразилось русское купечество, вся коммерческая механика Россіи. Вообще, высоко-художественныя комедіи, объективныя и безпристрастныя, безъ отвлечен-

наго сатирическаго суда и безъ идеаловъ, такъ или иначе, подѣйствуютъ непремѣнно и неотразимо на всѣхъ, кого хотя мимоходомъ только коснулась литература, или сцена. Въ такой комедіи развертывается предъ вами какъ-бы сама жизнь, безъ съуживанія, безъ преувеличенія, безъ какого бы то ни было искаженія. Все такъ, какъ обыкновенно совершается въ жизни, по ея современной нормѣ.—Въ «Ревизорѣ» всѣ чиновники глядятъ на обязанность свою только какъ на извлеченіе возможно-большихъ выгодъ изъ своего положенія, и боятся одного только — или внѣшней кары за свои злоупотребленія, или чрезмѣрной несговорчивости и алчности начальника своего, или ревизора: точно такъ же и въ самой жизни — какъ первый, главный и единственный двигатель всякой дѣятельности, стоитъ личная выгода во всѣхъ ея видахъ—въ матеріальномъ и духовномъ, въ деньгахъ, обѣдахъ, женщинахъ, въ стремленіи къ знатности, къ вѣсу въ обществѣ, къ власти, въ произволѣ, въ честолюбіи, въ тщеславіи, причемъ опять таки дѣйствуетъ одинъ только страхъ — страхъ потерять эту выгоду, страхъ уступить свое мѣсто другому. Купечество въ жизни совершенно таково, какимъ оно является во многихъ комедіяхъ г. Островскаго и особенно въ «Банкрутѣ». Въ этомъ-то и заслуга автора передъ литературой русской и передъ обществомъ, заслуга огромная. Въ комедіяхъ г. Островскаго отражается весь бытъ нашего купечества, со всѣми его темными сторонами, подобно тому, какъ въ «Ревизорѣ», въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и разсказахъ Гоголя, Тургенева, Григоровича, Писемскаго и въ романѣ «Тысяча душъ» отражается бытъ нашего чиновничества, въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева—бытъ дворянства, а въ «Обломовѣ» — всеобщій бытъ Россіи. Такимъ-образомъ, приводя лишь нѣкоторыя черты изъ комедій г. Островскаго, можно возстановить въ его цѣлостномъ видѣ весь бытъ русскаго купечества. Мы это сейчасъ и сдѣлаемъ. Но предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. Островскій, въ построеніи своихъ комедій, отступаетъ нѣсколько отъ образца преподаннаго намъ Гоголемъ, не вяжетъ всего дѣйствія въ одинъ общій узелъ; не всѣхъ своихъ героевъ покрываетъ равною пошлостью; не надъ всѣми раздается его комическій смѣхъ; не одинаково безпристрастенъ онъ ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ; но, слѣдуя въ этомъ отношеніи прежнимъ примѣрамъ, допускаетъ въ комедію идеальныя лица, ставя ихъ въ непосредственную борьбу со зломъ и пошлостью. Отъ этого интересъ и значеніе комедій г. Островскаго нѣсколько измѣняются: комедія какъ бы обращается въ драму. Впрочемъ, несмотря на сочуствіе нѣкоторымъ любезнымъ автору личностямъ, внимательный читатель съумѣетъ найти истину, и образъ русскаго купца предстанетъ предъ нимъ въ типическихъ очертаніяхъ. Попробуемъ сдѣлать это теперь для самихъ себя.

Возьмемъ прежде всего типъ идеальной личности, которой авторъ сочувствуетъ и которой не станетъ придавать онъ осуждаемыя имъ

черты и особенности, т. е. возьмемъ такое лицо, въ которомъ самъ г. Островскій видитъ идеалъ и образецъ человѣка — возмемъ Русакова. На чемъ основано дѣйствіе комедіи (*), въ которой встрѣчаемъ мы эту личность? на отношеніяхъ купца Русакова къ дочери его Авдотьѣ Максимовнѣ; на томъ, ка́къ полюбился ей молодой человѣкъ другаго сословія, дворянинъ Вихоревъ, ка́къ преступила она волю родительскую и что́ изъ того произошло. Каковы же эти отношенія отца къ дочери, ка́къ понимаетъ онъ права ея? насколько уважаетъ въ ней человѣческое достоинство, свободу чувства, самостоятельность? любитъ ли ее, и что́ значитъ, по его мнѣнію, любить дочь свою? Русаковъ самъ отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы: «Ты знаешь» говоритъ онъ свату своему Маломальскому (т. 1, стр. 283 и 284) «Дуня у меня одна... одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любоваться на ихъ житье... но статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится!... извѣстно, дѣло дѣвичье—глупое... дѣвку долго ли обмануть... вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится — ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее и отдавать безтолку?... Нѣтъ! это непорядокъ: пусть *мнѣ* человѣкъ понравится. *Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ.* Да я годъ буду смотрѣть на человѣка, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что́ она видѣла? Кого она знаетъ?... А я, сватъ, не даромъ 60 лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ таки людей-то: меня на кривой-то не объѣдешь!» И это говоритъ Русаковъ—одинъ изъ самыхъ кроткихъ людей въ своемъ родѣ—Русаковъ, который дѣйствительно любитъ дочь свою, видитъ ея доброту и кротость и со слезами на глазахъ говоритъ о своей Дунѣ-голубкѣ, что пусти ее къ лютымъ звѣрямъ и тѣ ея не тронутъ! Русаковъ служитъ представителемъ свѣтлыхъ сторонъ купечества и на дѣлѣ, въ комедіи онъ точно добрый отецъ и человѣкъ вообще почтенный, такъ что приведенныя нами слова его противорѣчатъ даже его поступкамъ: чуть не проклявъ дочери своей за то, что она поругалась надъ сѣдинами отца и бѣжала изъ дому, Русаковъ, при первой же возможности, мирится съ нею и возвращаетъ ей всю свою нѣжность, особенно послѣ того, какъ она рѣшается, наконецъ, выйти за Бородкина. Но и за этого Бородкина Русаковъ вовсе не принуждаетъ Дуню идти замужъ непремѣнно: онъ только слегка уговариваетъ и, вмѣстѣ съ Бородкинымъ, недоумѣваетъ потомъ, за что́ это Дуня его не любитъ. Черта высокой души, особенно между людьми необразованными! Такой разладъ между словами Русакова и его поступками доказываетъ, съ одной стороны, что мысли эти, которыя приписалъ г. Островскій одному изъ идеальныхъ лицъ своихъ и которымъ онъ, слѣдовательно, со-

(*) «Не въ свои сани не садись.»

чувствуетъ, не выработались у него самобытно, а навѣяны на него извнѣ, что онѣ не ему принадлежатъ, а тому направленію, которому авторъ подчинилъ въ началѣ драматическую свою дѣятельность; другими словами, разладъ въ Русаковѣ лучше всего доказываетъ, что г. Островскій создавалъ драмы свои именно на заданную тему. Приступая къ сочиненію *комедіи* (?) «Не въ свои сани не садись», авторъ имѣлъ въ виду—указать на преимущества патріархальнаго быта предъ бытомъ цивилизованнымъ и изложить кодексъ правилъ, входящихъ въ то направленіе, которому онъ служилъ тогда своимъ талантомъ. Для выполненія этой задачи, г. Островскій выбралъ изо всего русскаго купечества отдѣльныя черты и черточки, чтобъ составилась изъ нихъ свѣтлая, но зато абстрактная личность Русакова, которую и ставитъ онъ въ противоположность съ пошлою личностью Вихорева. Въ такой искусственной постановкѣ видно уже дидактическое, нехудожественное желаніе непремѣнно доказать мысль свою, или, вѣрнѣе, не свою мысль, а мысль, ему навязанную извнѣ и которую онъ навязываетъ дѣйствительности. Какъ-бы то ни было, личность Русакова подъ перомъ г. Островскаго сложилась такими чертами и особенностями, что слова его—«Не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю!»—кажутся совершенно неумѣстными въ устахъ Русакова. Между-тѣмъ, онъ ихъ произноситъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Это доказываетъ, съ другой стороны, что таковъ уже принципъ необразованной части купечества, да и не одного купечества, но и вообще необразованныхъ людей всѣхъ классовъ и сословій. Принципъ этотъ оправдываютъ нѣкоторые та́къ же, ка́къ оправдываетъ его Русаковъ—тѣмъ именно, что молоденькая дѣвушка не можетъ сама сдѣлать себѣ выборъ дѣйствительно-достойнаго ея мужа, и, пожалуй, при неограниченной свободѣ дѣвушекъ въ этомъ отношеніи, гораздо-болѣе было-бы несчастныхъ супружествъ. Мнѣніе это едвали заслуживаетъ серьёзнаго опроверженія: во-первыхъ, образованіе и развитіе именно способствуютъ истинному пониманію счастія и отстраняютъ возможность ложнаго увлеченія; во-вторыхъ, опытность, должна быть только примирительнымъ началомъ между двухъ крайностей. Не полагайтесь исключительно на выборъ дочерей, но и не отнимайте у нихъ права этого выбора, а только контролируйте его; не рѣшая ничего сами и не закрывая глазъ на рѣшенія дочерей вашихъ, дѣйствуйте сообща, совѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, Русаковъ только еще произноситъ возмутительныя правила эти: большинство—дѣйствуетъ въ духѣ этихъ правилъ; Большовъ, напримѣръ, и произноситъ, и дѣйствуетъ. Онъ говоритъ Подхалюзину и самой дочери: «Мое дѣтище—хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю... На что́ жь я и отецъ, если не приказывать? Даромъ, что́ ли, я ее кормилъ... Велю, такъ и за дворника выдешь!» Большовъ и исполняетъ свою угрозу: онъ подводитъ Подхалюзина къ Липочкѣ, односложно восклицаетъ—«Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ!»—и все кончено—дѣло рѣшено безъ аппеляціи! И не одинъ Большовъ—всѣ необра-

зованные люди такъ именно разсуждаютъ; чиновникъ Ристоложенскій, и тотъ говоритъ настоятельно: «А ужь это, Аграфена Кондратьевна, первый долгъ, чтобъ дѣти слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится!» Хорошо, что Липочка сама козырь не послѣдній, и даже нашла выгоды свои въ бракѣ съ Подхалюзинымъ: ну, а еслибъ на мѣстѣ ея была Дуня Русакова, что́ тогда? вѣдь Подхалюзинъ не Бородкину чета!.. Суровъ и возмутителенъ взглядъ этотъ на родственныя отношенія! онъ клонится къ тому, чтобъ отнять у дѣтей священнѣйшія права́ ихъ, права́ любви и свободнаго выбора, отнять у нихъ волю, чувства, разумъ, отнять всѣ личныя свойства, и обратить ихъ въ рабовъ, въ машину. Выйти изъ строгаго и безусловнаго повиновенія родителямъ—это такой ужасный грѣхъ, такое ужасное преступленіе, со стороны ли сына, со стороны ли дочери, что, по мнѣнію идеальныхъ лицъ въ произведеніяхъ г. Островскаго и по его собственному мнѣнію, тысяча несчастій должны непремѣнно сыпаться на главу ослушниковъ. Даша, дочь мѣщанина Агаѳона (въ драмѣ «Не та́къ живи ка́къ хочется»), бѣжала отъ родителей и тайно обвѣнчалась съ влюбившимся въ нее купеческимъ сыномъ Петромъ Ильичемъ, и именно поэтому и за это она терпитъ участь горькую съ мужемъ своимъ, который и бражничаетъ, и на сторонѣ любовницу себѣ пріискиваетъ. Жизнь съ мужемъ такъ уже стала тяжела Дашѣ, что она и отъ него тоже бѣжала, чтобъ воротиться къ своимъ родителямъ, которые тѣмъ временемъ сами шли изъ своего уѣзднаго города съ ней повидаться. Дорогой, на постояломъ дворѣ, они *нечаянно* (!) встрѣтились, и Даша пересказала родителямъ печальную свою повѣсть. Что́ же они? что́ же отецъ, Агаѳонъ? принялъ ли онъ участіе въ дочери своей, пожалѣлъ ли, приголубилъ ли, избавилъ ли ее отъ изверга мужа? Нѣтъ; отправляясь отъ той точки зрѣнія, что, Даша, вышедши замужъ, вышла изъ-подъ власти родительской и стала рабой мужу, онъ отталкиваетъ отъ себя несчастную дочь: «ка́къ, къ намъ? говоритъ. Зачѣмъ къ намъ.» Нѣтъ, говоритъ, поѣдемъ! я тебя къ мужу свезу!.. ты пойми, глупая, пойми—ка́къ я тебя возьму къ себѣ? вѣдь онъ мужъ твой? ка́къ же ты отъ мужа бѣжишь, глупая!.. ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну вотъ, всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ—вотъ и вся наша помощь! Что́ я могу сдѣлать? Поплакать съ тобою—я поплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое!.. ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ—человѣкъ не разлучаетъ... отцы наши такъ жили—не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ?.. поѣдемъ къ мужу!» (*)

О другихъ личностяхъ, неидеальныхъ, и говорить не́чего. Убѣжденіе въ необходимости слѣпаго къ нимъ повиновенія женъ, сыновей, дочерей и прочихъ доходитъ у нихъ до нелѣпости до безобразія. Жена, поди сюда! кричатъ они; кто я тебѣ? мужъ? ну зна-

(*) Т. 2, стр. 109.

читъ глава и повелитель! и повинуйся! у меня сказано — сдѣлано!.. И цѣлуй-то ихъ, и дѣло дѣлай, и сама забавляйся, и люби, и веселись, и досадуй—все по ихъ приказу и велѣнію... всѣ они твердо убѣждены, что та́къ тому и быть слѣдуетъ. Почему же «отцы наши та́къ жили, а нешто мы умнѣе ихъ?»—вотъ ихъ отвѣтъ. Итакъ, привязаность и безпредѣльное уваженіе къ старинѣ—вотъ причина той суровости и дикости, которая поражаетъ насъ даже въ лучшихъ людяхъ непросвѣщенной части нашего купечества, и именно въ лучшихъ болѣе, чѣмъ въ худшихъ, потому-что съ упадкомъ этой суровости воззрѣнія, безъ благотворнаго вліявія цивилизаціи, появляется въ купцѣ общая распущенность, полное отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ и всякаго воззрѣнія. Вотъ почему Русаковъ и другіе съ такимъ сожалѣніемъ, даже съ презрѣніемъ глядятъ на современное поколѣніе: «Что это, Иванушка»—говоритъ Русаковъ Бородкину (*) «какъ я погляжу, народъ то все хуже и хуже дѣлается, и что́ это будетъ, ужь и не знаю. Возьмемъ хоть изъ нашего брата: ну, старики-то еще туда и сюда, а молодые-то?.... на что́ это похоже?.... ни стыда, ни совѣсти; вѣдь повѣрить ничего нельзя, а ужь уваженія и не спрашивай. Нѣтъ, мы, бывало, страхъ имѣли, старшихъ уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ея не было, такъ лучше было, право. Проще жили, ну, и народъ честнѣй былъ. А то—я, говоритъ, хочу по модѣ жить, по нынѣшнему, а глядишь—тому не платитъ, другому не платитъ.... И все отъ необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо.... Охо-хо —палка-то по нихъ плачетъ!...» Высшая степень этой суровости воззрѣнія, неразбирающей причинъ отступленія отъ узкихъ и стѣснительныхъ правилъ, заповѣданныхъ стариною, причемъ все новое и молодое представляется омерзительнымъ, высшая, говоримъ, степень этого воззрѣнія ярче всего проявляется въ отцѣ дашина мужа, Петра, въ Ильѣ. Вмѣсто того, чтобъ примирять ссорющихся, или принять какія-либо мѣры къ обузданію дикихъ наклонностей сына, Илья удаляется отъ нихъ въ пустынную обитель, бѣжитъ отъ святаго дѣла жизни, отъ внутренняго, существеннаго и истинно-благочестиваго подвига къ подвигу только обрядовому и внѣшнему: «Пойду отъ васъ прочь!» говоритъ онъ (**). «Я и смотрѣть-то на васъ не хочу — не сто́ите вы того.... Подожду вотъ сына, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нечего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Хочетъ—послушаетъ, хочетъ—нѣтъ, а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и *своя душа* (?) вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся; только дурнаго-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ-тѣхъ-поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, все-

(*) «Не въ свои сани не садись», т. I, стр. 329.
(**) «Не та́къ живи ка́къ хочется», т. 2, стр. 79 и сл.

го-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзостей-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ: шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мертвыхъ на улицѣ подняли, да одинъ въ проруби утонулъ. Христіянская-ли это смерть? Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче?—только соблазнъ одинъ. Сынъ вотъ родной, и тотъ что̀ дѣлаетъ! Нешто я его такъ воспитывалъ?...» Въ разговорѣ съ сыномъ Илья строгъ, не какъ-то отвлеченно строгъ, не по житейскому; онъ выговариваетъ сыну словно по обязанности, а не по чувству, не по любви. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Петра, что онъ будто-бы загубилъ себя съ Дашей, что она связала его по рукамъ и по ногамъ и приворожила зельемъ какимъ-ни наесть, Илья ведетъ къ нему такую грозную рѣчь: «Не говори, не грѣши, ты никакъ ума рехнулся! что̀ тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой. Тебя нешто кто неволилъ ее брать? Самъ взялъ, не спросясь ни у кого; украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: Божье то крѣпко, а вражье-то лѣпко. . Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся, ропщутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ. Такъ и путаются въ грѣхахъ-то, какъ въ лѣсу.... а ты живи *по закону, какъ люди живутъ*.... Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ни-чѣмъ по закону; *да своя-то воля въ пропасть ведетъ*. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу..... Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаются.... Помни, Петръ! *передъ ногами твоими бездна разверзтая*. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отступаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творятъ, и приступаютъ, научая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованія и на всякія козни... И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай что̀ лучше. Либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и позоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные—опомнись! Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, *грозный*: опомнись, взгляни на себя! Прощайте!» И уходитъ Илья на этомъ словѣ, не благословивъ даже сына съ женою его, хотя самъ говоритъ, уходя, что «благословеніе отца нужно—безъ благословенія пропадешь, какъ песъ.» Во всю пьесу Илья больше и не появляется; онъ выведенъ на сцену только для того, чтобы высказать свои аскетическія мысли, которымъ, какъ видно, сочувствуетъ и авторъ, ставя ихъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго разума и добродѣтели, и заставляя Петра, буквально почувствовавъ на себѣ всю силу отцовской угрозы и чуть дѣйствительно не попавъ въ пропасть (т. е. въ прорубь), обратиться на путь истинный, то есть на путь, указуемый Ильею.

Итакъ, первая черта, подмѣченная нами въ купечествѣ, насколько находитъ она мѣста въ комедіяхъ г. Островскаго, черта сочувственно затронутая авторомъ, заключается въ суровомъ отчужденіи отъ житейскаго, въ суровомъ и даже дикомъ взглядѣ на права́ старшихъ и обязанности младшихъ, при чемъ отвергаются общія права человѣка, отвергается разумная свобода его чувствъ и дѣйствій, извращается понятіе о любви, которая, по этому воззрѣнію, является безусловнымъ деспотизмомъ съ одной стороны, и безусловнымъ постояннымъ самопожертвованіемъ съ другой. Это воззрѣніе, эта черта общи у купечества и съ простымъ народомъ, со всею массою людей непросвѣщенныхъ. Нѣкоторые мыслители наши въ этомъ очень-ясномъ признакѣ неразвитости и непросвѣщенія увидѣли, напротивъ, родовую и доблестную особенность русскаго народа. Замѣтивъ подобное же направленіе въ произведеніяхъ г. Островскаго, или же, можетъ-быть, на него и навѣянное, господа апологисты старины пришли въ неистовый восторгъ, ожидали отъ автора какого-то *новаго слова*, предрекали ему славу, болѣе-громкую, чѣмъ слава Гоголя... но увы! неспособный къ серьёзному и глубокому убѣжденію, г. Островскій не могъ вполнѣ обнять чудодѣйственное направленіе славянофиловъ, не могъ отдаться ему всею душою, не могъ углубиться въ него, не могъ претворить его въ плоть и кровь — онъ только довелъ его въ своихъ произведеніяхъ до нелѣпости, до каррикатуры (имъ самимъ незамѣчаемой однако) и чуть не окончательно убилъ художественность своихъ произведеній, а потомъ и окончательно бѣжалъ изъ пріютившаго его на минуту лагеря, совсѣмъ иныя сталъ прикладывать къ комедіямъ своимъ идеи, *мучительно доискиваясь* (по словамъ г. Аполлона Григорьева) *новой формы* для своего *новаго слова*. Впрочемъ, г. Островскому много такого вообще приписывали и навязывали, о чемъ онъ вовсе и не думалъ. Какъ-бы то ни было, людей съ изложеннымъ нами воззрѣніемъ авторъ дѣлаетъ представителями лучшихъ сторонъ купеческаго сословія. Направленіе это у купечества отличается отъ подобнаго же направленія у остальной массы людей непросвѣщенныхъ, у простаго народа, бо́льшею твердостью, сознательностью и меньшею непосредственностью. Между необразованными русскими купцами еще сильнѣе господствуетъ формализмъ, обрядность и замкнутость, чѣмъ въ крестьянствѣ нашемъ, именно потому, что этотъ формализмъ болѣе сознателенъ (а потому и безусловенъ) и удобнѣе можетъ быть подкрѣпленъ разными цитатами и доказательствами, между-прочимъ и такого рода, что родительскій гнѣвъ *долженъ быть* непременно *грознымъ* гнѣвомъ...

Тѣмъ-неменѣе, черта эта не есть единственная черта русскаго необразованнаго купечества. Насъ еще болѣе интересуетъ другая черта, другая особенность, непосредственно характеризующая торговый людъ, особенность его торговли. О томъ, ка́къ идутъ собственно торговыя

дѣла Русакова, Ильи, Бородкина и другихъ идеаловъ, авторъ благоразумно умалчиваетъ. Но мы можемъ судить по аналогіи. Всѣ эти господа — люди съ достаткомъ, Илья и Русаковъ даже и очень-зажиточные купцы. Вѣдь не съ неба же свалилось на нихъ это богатство. Нельзя тоже допустить, чтобъ не ими было оно пріобрѣтено, а досталось имъ отъ отцовъ и дѣдовъ: въ такомъ случаѣ, то-есть еслибъ богатство Русаковыхъ и др. передавалось имъ изъ рода въ родъ, они не могли бы остаться въ первобытной патріархальной простотѣ своего быта — или кто-нибудь нашелся бы въ ихъ родѣ, чтобъ прокутить богатство, или невольно перешли бы они въ другой, высшій бытъ купечества—въ купечество образованное. По-крайней-мѣрѣ, очень-мало у насъ купеческихъ родовъ, которые, при давнишнемъ богатствѣ, сохранили неприкосновенность своего непросвѣщенія. Допустимъ, однако, что Русаковы давно богаты; въ комедіи все-таки невидно, чтобъ они прекратили свою торговлю; они, значитъ, продолжаютъ заниматься коммерческими дѣлами. Какія же это дѣла? въ чемъ заключается торговля Русакова, Бородкина и другихъ, при полномъ отсутствіи всякаго общаго образованія, равно какъ образованія спеціальнаго, экономическаго и коммерческаго, при отсутствіи всякаго понятія о дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, объ истинныхъ задачахъ и выгодахъ отечественной промышлености и торговли, о соревнованіи, объ усовершенствованіи, и проч. и проч., при одномъ только *навыкѣ* торговать и торговаться? Авторъ задергиваетъ завѣсу надъ этими вопросами; онъ не касается торговли своихъ идеальныхъ купеческихъ личностей; онъ захватываетъ ихъ въ иные моменты ихъ жизни, при иной обстановкѣ и въ иной дѣятельности; онъ просто называетъ ихъ богатыми купцами; но кáкъ и когда нажились они, чѣмъ и кáкъ живутъ — онъ этого не касается; само ужь собою разумѣется, что они торговали и торгуютъ. Зато почти во всѣхъ своихъ другихъ комедіяхъ и отдѣльныхъ сценахъ, гдѣ только первыя роли уступлены были купеческому сословію, г. Островскій очень-подробно говоритъ о способѣ и системѣ торговли въ массѣ русскаго купечества. Не стѣсняясь отвлеченіемъ и идеализаціей, не стѣсняясь выспренными идеями, къ которымъ страшно было автору отнестись съ сатирой, г. Островскій былъ безпристрастенъ къ купечеству, а потому и безпощаденъ къ темнымъ сторонамъ его быта. Самымъ рѣзкимъ образомъ вся грязь, вся обыкновенная процедура русской коммерческой дѣятельности выяснилась и очертилась въ «Семейной Картинѣ» и въ «Баккрутѣ».

«Семейная Картина», иначе «Картина Семейнаго Счастья» — первое произведеніе г. Островскаго, помѣщенное имъ сначала въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», гдѣ напечатано было предварительно и нѣсколько сценъ изъ «Несостоятельнаго Должника», въ цѣломъ своемъ видѣ появившагося потомъ въ «Москвитянинѣ», подъ заглавіемъ «Свои люди — сочтемся». Уже и въ этой небольшой драматической картинѣ

(всего 26 страницъ) замѣтенъ былъ необыкновенный комическій талантъ, талантъ поэтическаго объективнаго воспроизведенія живой, хотя и пошлой дѣйствительности. «Семейная Картина» — интересный, какъ-нельзя-болѣе забавный и очень-замѣчательный даже драматическій отрывокъ, почти безукоризненный въ художественномъ отношеніи. Самъ авторъ не придавалъ этому произведенію никакой важности, назвалъ его просто *картинкою*, не дѣлилъ его ни на дѣйствія, ни на сцены, ни на явленія. Несмотря, однако, на такую легкость созданія, несмотря на относительную незначительность содержанія, несмотря, наконецъ, на ничтожный объемъ этого произведенія, въ немъ есть и дѣйствіе, и характеры, и идея — идея, не внѣшнимъ образомъ приложенная авторомъ и также незамышленная имъ самостоятельно, а сама собою проистекающая изъ дѣйствія и изъ характеровъ. Наблюдательность автора просто навела его на рядъ замѣчательныхъ явленій, а объективная сила творчества дала ему способъ живо и художественно воспроизвести ихъ въ цѣльной и стройной картинѣ. Мы, поэтому, не раздѣляемъ слишкомъ-строгаго взгляда одного изъ критиковъ (*), ненаходящаго въ пьесѣ никакого дѣйствія и невидящаго различія между характерами выводимыхъ авторомъ лицъ. Тридцати-пятилѣтній молодчина купецъ, Антипъ Антипычъ Пузатовъ, совсѣмъ не то́, что шестидесятилѣтній пріятель его, Парамонъ Ферапонтычъ Ширяловъ. Еслибъ даже и не было между ними такой огромной разницы въ лѣтахъ, то и тогда нельзя было бы смѣшать одного съ другимъ. Начать съ того, что Антипъ Антипычъ гораздо добрѣе и современнѣе Ширялова; умны они оба по своему; но къ тому самому дѣлу, которое перешло въ плоть и кровь Ширялова, о которомъ онъ говоритъ серьёзно и съ глубокимъ убѣжденіемъ (чуть не съ уваженіемъ), Пузатовъ относится, напротивъ, съ легкой ироніей и какъ-бы съ сознаніемъ несовершенной правоты этого дѣла. Онъ торгуетъ, какъ и всѣ торгуютъ, то-есть плутуетъ и надуваетъ, потому-что и нельзя, при современномъ положеніи нашей промышлености и торговли и при общемъ невѣжествѣ русскаго купечества (за весьма-немногими и рѣдкими исключеніями), нельзя и не плутовать, нельзя не обманывать. Но, покоряясь этому роковому, неизбѣжному теченію дѣлъ, Пузатовъ оглядывается, остерегается, знаетъ еще совѣсть, и плутней своихъ слишкомъ далеко не заводитъ, тогда-какъ для Ширялова ничего ужь нѣтъ святаго — сердце его закаменѣло и онъ даже не видитъ темной стороны своихъ поступковъ. Ширяловъ, и въ глазахъ Пузатова, слишкомъ ужь пренебрегаетъ всѣми законами совѣсти: «Только, матушка, говоритъ Антипъ Антипычъ матери своей Степанидѣ Трофимовнѣ (т. I, стр. 14) — онъ ужь *больно плутъ*!» Отвѣтъ матери очень-характеристиченъ — онъ

(*) См. «Атеней», 1859, № 8.

какъ бы дагерротипически передаетъ общій взглядъ русскаго купечества на торговлю: «Ахъ, батюшки мои! Да чѣмъ же онъ плутъ, скажи пожалуйста? Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ, да прійдетъ-то раньше всѣхъ; посты держитъ; великимъ постомъ и чаю не пьетъ съ сахаромъ — все съ медомъ, либо съ изюмомъ. Такъ-то голубчикъ! Не то, что ты. А если обманетъ кого, такъ что за бѣда! не онъ первый, не онъ послѣдній — человѣкъ коммерческій. Тѣмъ, Антипушко, и торговля-то держится. Непомимо пословица-то говорится: *не обмануть — не продать*!» Пузатовъ, по слабости характера и убѣжденія, поддается этой софистикѣ: «Отчего, говоритъ, не надуть пріятеля, коль рука подойдетъ? Ничего! Можно!» И тутъ же хвастается своими надувательскими подвигами, прибавляя, впрочемъ, что «иногда и совѣсть зазритъ». Любимое выраженіе Пузатова — «почему, молъ, не сдѣлать того-то? Ничего! Можно!» Въ немъ высказывается легкое и шутливо-добродушное отношеніе Пузатова къ жизни. До него дошли суровыя правила старинной жизни; но они не проникли всего его существа; они не разрѣшаются у него въ какіе-либо гибельные результаты; все, напротивъ, выходитъ у него только смѣшно и пошло. Пузатовъ личность чисто комическая. И онъ показываетъ власть свою надъ женою, и онъ, грозно стуча кулакомъ по столу, подзываетъ ее къ себѣ зычнымъ голосомъ, дабы учинить съ нею расправу: но эта расправа заключается только въ приказѣ — поцаловать мужа. Крѣпко вѣруя въ физическія доблести свои. Пузатовъ самодовольно разглаживаетъ себѣ усы, убѣжденный, что жена не можетъ не любить такого молодчину, какъ онъ, что ей ничего больше ненужно, и предобродушно носитъ великолѣпные рога, которыми украшено чело его. Ширяловъ, напротивъ того, не заключаетъ уже въ себѣ никакого добродушія: это просто отвратительный старикашка, больной и слабый, но все-таки сладострастный; неугомонный плутъ, безпардонный пьяница. Пьетъ и Антипъ Антипычъ, но у него носитъ это характеръ залихватскаго кутежа, тогда-какъ у Ширялова—гадкій безпрерывный запой. Отсюда видно, что нѣтъ ничего общаго у этихъ двухъ личностей. Болѣе-тонкое но все-таки существенное различіе существуетъ и между двумя женскими личностями пьесы: Марья Антиповна еще не сдѣлалась Матреной Савишной; она, правда, на дорогѣ къ тому, но превращеніе еще не совершилось; въ сестрѣ Пузатова есть еще и женственность, и дѣвическая стыдливость, которыхъ нѣтъ и слѣда въ Матренѣ Савишнѣ, женѣ Пузатова. Марью Антиповну нельзя будетъ строго судить за ея будущее превращеніе, за спокойствіе, съ которымъ она станетъ ѣздить отъ мужа къ любовнику, за обманъ, за лукавство, за грязь всей ея жизни: въ эту грязь введена она неизбѣжнымъ ходомъ судьбы своей, общимъ вліяніемъ среды, въ которую она поставлена. Какъ и желать нравственной и порядочной жизни отъ женщины, которая обставлена со всѣхъ сторонъ праздностью и грязью? Братъ, безъ-со-

мнѣнія, нисколько не интересуется ея умственнымъ и нравственнымъ міромъ, его отношенія къ ней ограничиваются только тѣмъ, что онъ щеголяетъ предъ нею нескромными рѣчами, забавляется ея стыдливостью и пріискиваетъ ей жениха — тоже самымъ безцеремоннымъ образомъ. Степанида Трофимовна, мать Пузатова, умѣетъ только браниться и ворчать безъ причины и безъ толку. Матрена Савишна, наконецъ, женщина еще молодая (25 лѣтъ), требуя иного вниманія и обращенія, чѣмъ грубыя, автократическія любезности мужа, ищетъ удовлетворенія на сторонѣ, слѣдитъ за проходящими подъ окномъ мужчинами, ѣздитъ къ офицерамъ въ Марьину Рощу и возитъ съ собою сестру. Что̀ же дѣлать этой сестрѣ? гдѣ найти силы для борьбы и во имя чего бороться? Назначенія женщины она не понимаетъ; истинный смыслъ жизни для нея закрытъ. Притомъ, ее выдадутъ замужъ за шестидесятилѣтняго Ширялова: ка̀къ же вы хотите, чтобъ она осталась порядочною женщиною? Вотъ почему все содержаніе «Семейной Картины» и заключается въ томъ только, что, съ одной стороны, Ширяловъ приходитъ къ Пузатову, преувеличенно чернитъ передъ нимъ сына своего Сеньку, для того, чтобъ отстранить его отъ женитьбы и самому присвататься къ хорошенькой Марьѣ Антиповнѣ, а съ другой—жена Пузатова съ его сестрою, показывая притворное послушаніе, скромность и набожность, подъ предлогомъ вечерни въ Симоновомъ Монастырѣ, уѣзжаютъ тайкомъ, съ винными и другими запасами, къ ожидающимъ ихъ въ рощѣ офицерамъ. Развѣ это не дѣйствіе? Развѣ это не жизнь? Это совершается и въ дѣйствительности, и притомъ не въ видѣ отдѣльнаго, исключительнаго случая, а въ видѣ общаго и постояннаго правила. Слѣдовательно, «Семейная Картина» воспроизводитъ общій типъ извѣстнаго быта съ поразительною вѣрностью и въ формѣ, чрезвычайно-комической, почему и имѣетъ всѣ права̀ быть отнесенною къ числу произведеній чисто-художественныхъ. Правда, событіе, воспроизведенное «Картиною», мелко, въ немъ нѣтъ борьбы, ни внутренней, ни внѣшней, но отъ слегка-набросанныхъ сценъ и нельзя требовать того, чего требуемъ мы отъ цѣльнаго художественнаго созданія.

Тѣмъ-неменѣе, и въ этомъ маленькомъ произведеніи рельефно начертывается картина внутренняго быта всей необразованной части нашего купечества. Вопервыхъ, грязь и пошлость, о которыхъ мы сейчасъ говорили: Пузатовъ иной шутки съ женою и не понимаетъ, какъ только хвалить ея тѣлесное сложеніе. Вовторыхъ, страшная, одуряющая праздность, вслѣдствіе которой Пузатовъ рѣшительно не знаетъ, что̀ ему дѣлать, по десяти разъ на день пьетъ чай, и въ трактирѣ и дома: «А то, что̀ жь такъ-то сидѣть! скука возьметъ!» Вино, къ которому онъ обращается, мадера, которую онъ частенько таки потягиваетъ, *пуншты*, которыми онъ лечится—все это результатъ праздности. Втретьихъ, торговлю свою купечество наше основываетъ, съ од-

ной стороны, на безумномъ кредитѣ, безъ залоговъ, а часто и почти безъ документовъ, но за огромные проценты (обыкновенно 12 проц.), а съ другой—на непремѣнномъ обманѣ и, часто, безстыдномъ надувательствѣ. Иначе и быть не можетъ при совершенномъ невѣжествѣ и при совершенномъ непониманіи истинныхъ задачъ коммерціи. Нельзя, безъ-сомнѣнія, требовать, чтобъ каждый купецъ глядѣлъ на свое дѣло, какъ на общественное, и въ торговлѣ видѣлъ прежде всего стремленіе къ благосостоянію народа, неизбѣжно сопряженное и съ личною выгодою: такой возвышенный взглядъ доступенъ, разумѣется, весьма немногимъ; его нѣтъ и въ массѣ европейскаго купечества. Но русскій купецъ чуждъ и другаго, эгоистическаго же, только болѣе очищеннаго взгляда на торговлю, того взгляда, по которому довольствоваться можно не одною только исключительно матеріальною выгодою, но и сознаніемъ того, что человѣкъ поступаетъ честно и хорошо и, не опуская собственной выгоды, улучшаетъ свою часть, приноситъ пользу и удовольствіе обществу, заслуживаетъ себѣ почетную извѣстность. Между европейскимъ купечествомъ нерѣдкость встрѣтить имя, весьма извѣстное и чтимое за хорошо-обработанную часть, причемъ, однако, состояніе не растетъ непомѣрно, а, при общемъ дѣятельномъ соревнованіи, поддерживается только въ умѣренныхъ, хотя и достаточныхъ барышахъ. Русскій купецъ и русское общество вовсе не понимаютъ даже такой извѣстности, основанной на благородномъ соревнованіи и на желаніи сдѣлать лучше и дешевле; русскій купецъ хлопочетъ, напротивъ, о томъ, чтобъ сдѣлать хуже и продать дороже. У нихъ извѣстностью пользуются только *богатые* купцы; только богатство даетъ извѣстность. Потому-то и хлопочутъ всѣ единственно о томъ только, чтобъ изъ гроша сдѣлать мильйонъ; что́, къ великому удивленію, и дѣйствительно случается у насъ нерѣдко. Такихъ людей, совершающихъ подобное чудо, ставятъ обыкновенно въ примѣръ, хвалятся ими и гордятся; они современемъ становятся *добродѣтельными* людьми, благодѣтелями общества, устраиваютъ богадѣльни, созидаютъ храмы, выдаютъ замужъ сиротъ, провозвѣщаютъ высокія истины, какъ-бы спѣша всѣмъ этимъ хотя отчасти помириться съ совѣстью, хотя тысячную долю возвратить обществу изъ отнятыхъ у него денегъ. И точно, мудреное дѣло—изъ ничего сдѣлать многое! Ка́къ же поступали и поступаютъ всѣ эти господа, которыхъ мы бы могли назвать по именамъ и не называемъ для того только, повторяя слова безсмертнаго Крылова, «чтобъ гусей не раздразнить?» Не имѣя вовсе никакихъ собственныхъ средствъ, поступаютъ они къ другому какому-либо зажиточному купцу въ лавку или контору, и тутъ, вмѣсто-того, чтобъ довольствоваться жалованьемъ, или небольшою выгодою, обыкновенно предоставляемою патронами своимъ кліентамъ, тянутъ изъ лавки и изъ кассы все, что́ могутъ, и—глядь! заводятъ уже свою лавку, свою контору, свои операціи. Еслибъ не было такой наглой и безстыдной

плутни, то откуда, скажите на милость, явилась бы возможность, не имѣя сначала гроша въ карманѣ, чрезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, (а иногда и менѣе) открыть собственное, иногда даже обширное заведенiе? Правда, прикащики невсегда собственною плутней наживаютъ капиталы — они иногда очень-ловко пользуются только плутнями своихъ хозяевъ и обращаютъ ихъ въ свою выгоду, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, Подхалюзинъ съ банкрутствомъ Большова; но, какъ видитъ читатель, здѣсь разница только въ формѣ, а не въ дѣлѣ. Тутъ новое поражаетъ насъ чудо: у человѣка десять-двадцать тысячъ капиталу, добытыхъ плутнями, положимъ даже нажитыхъ честнымъ трудомъ, или доставшихся въ наслѣдство — какъ же сдѣлать изъ нихъ десять-двадцать мильйоновъ? Между-тѣмъ, чудо это въ очію совершается передъ нами сплошь да рядомъ. Ясно, что обыкновеннымъ, честнымъ трудомъ чуда этого не совершить. Здѣсь требуются иныя средства: отчаянный рискъ, кредитъ не въ свою голову, самый наглый и безсовѣстный обманъ относительно своихъ кредиторовъ и товарищей, относительно другихъ производителей, относительно потребителей и всего общества. Не всѣмъ, разумѣется, удается путь этотъ: иные падаютъ и разоряются, но почти всегда такъ, что кусокъ хлѣба, и очень-вкусный кусокъ, остается непремѣнно про черный день. Зато другимъ удается вполнѣ, и капиталы ихъ растутъ не по днямъ, а по часамъ. Вотъ, и многiе, глядя на этихъ счастливцовъ, очертя голову кидаются въ омутъ обмана, наглости, грабежа, пошлости, грязи, безъисходнаго невѣжества, а торговля и промышленость не подвигаются отъ этого ни на шагъ. Хорошо бы еще, еслибъ, нажившись и втянувшись невольно въ иной кругъ, русскiй купецъ всегда и неизбѣжно приводился къ необходимости образованiя, еслибъ сыновья купцовъ нашихъ дѣйствительно и вполнѣ становились уже новымъ поколѣнiемъ, и капиталы, хотя и неправо нажитые, точно шли на улучшенiе торговли и на общественную пользу. Но увы! это счастливое послѣдствiе бываетъ очень-рѣдко: большею частью не тѣ бываютъ результаты. Въ ту пору, когда еще негромадны капиталы купца, когда еще не коснулась его высшая сфера общества, невольно сталкивающаяся всегда съ богатствомъ, онъ не понимаетъ еще необходимости образованiя для дѣтей, а если когда и уступаетъ потребности вѣка, то все-таки не знаетъ, какъ взяться за дѣло, и нѣтъ человѣка, который наставилъ бы, или и вовсе замѣнилъ его. Вотъ и выходитъ купеческiй сынъ недоучкою. Старикъ Ширяловъ очень-хорошо и очень-наивно передаетъ въ своемъ разсказѣ грустный этотъ фактъ. «И то подумаешь, говоритъ онъ: (Т. 1, стр. 18) — надо малаго въ люди вывести. Нынче, матушка, не то время, какъ мы бывало: играешь до осьмнадцати лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женятъ, да и торгуй. Нынче неученаго-то дуракомъ зовутъ. *Ишь ты, всѣ умны стали!* Да и то, Степанида Трофимовна, вѣдь у насъ состояньице порядочное Богъ благословилъ. Что хорошаго, станутъ говорить, что отъ этакаго

могъ, капитала одного сына воспитать не могъ? *Да и хуже-то другихъ быть не хочется*. Послышишь, тотъ сына въ пенсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ коммерческую академію. Вотъ и свезли Сеньку въ пенсіонъ. За годъ впередъ деньги отдалъ. А онъ, мѣсяца черезъ три, сударыня ты моя, убёгъ аттедова. Стали дома учить, учителя наняли *дешевенькаго* (sic). Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе непутный, сударыня ты моя! Сенька-то выпроситъ у матери деньжонокъ, да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо къ цыганкамъ въ Марьину рощу и закатятся... Прогналъ учителя, прогналъ, да вотъ и маюсь съ Сенькой-то То-есть. Господи. Господи! *что это нынче за люди стали*, такъ какіе-то развращенные!» Москва, вишь, виновата... Результатъ очевиденъ: сынки проматываютъ, грязно, безумно проматываютъ то́, что́ съ такимъ трудомъ и съ такими фокусами нажито отцами, У Сенекъ фракъ не фракъ, жилетъ не жилетъ, портному по тысячѣ рублей отваливаютъ, однѣхъ перчатокъ забираютъ въ зиму на триста рублей. Утро всегда очень-тяжело для этихъ господъ; они рѣшительно не знаютъ, что́ изъ себя дѣлать; голова трещитъ отъ вчерашняго похмѣлья — они освѣжаютъ себя коньякомъ; порядочныхъ знакомыхъ домовъ у нихъ, разумѣется, нѣтъ—они глазѣютъ въ манежѣ на хорошенькихъ, или же и сами парадируютъ съ грѣхомъ пополамъ; потомъ завтракаютъ въ ресторанѣ, стараясь и въ распредѣленіи времени слѣдовать мнимой «модѣ», стараясь подражать жизни великосвѣтскихъ молодыхъ людей, для чего имѣется всегда при нихъ паразитъ-менторъ, съ которымъ они обращаются какъ съ лакеемъ; потомъ разъѣзжаютъ на рысакахъ, въ колясках и эгоисткахъ, причемъ, большею частію, и лошади и экипажъ взяты въ кредитъ, а кучеръ одѣвается и кормится, равно и лошадей кормитъ — тоже въ кредитъ, на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ. Съ вечера начинается для этихъ молодыхъ людей настоящая жизнь: театры, ужинъ, шампанское, цыганки, увеселительные дома; кучера безъ приказанія знаютъ уже сами, въ какіе переулки и къ какимъ домамъ подвозить господъ своихъ. Все грязно, пошло и едва-ли весело. Купеческіе сынки обыкновенно *хвастаются* тѣмъ, что не возвращаются домой раньше 4-хъ часовъ утра. Прекрасный типъ этихъ личностей представляетъ собою Недопекинъ въ «Утрѣ Молодаго Человѣка», написанномъ какъ бы въ pendant къ «Утру Дѣловаго Человѣка» Гоголя; въ тоже время Лисавскій служитъ типомъ непрошенаго и некомпетентнаго ментора-блюдолиза, одного изъ тѣхъ, которые сотнями являются и льнутъ, чуть-только прослышатъ запахъ кутилы. Вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ несообразностей. «Утро Молодаго Человѣка»—вещь очень-недурная; сцены эти (комедіей ихъ назвать нельзя) кончаются тѣмъ, что дядя Недопекина предупреждаетъ его, черезъ слугу, о непремѣнномъ намѣреніи матери его—публиковать объ немъ въ газетахъ и не платить за него никакихъ долговъ. Точно-такъ бываетъ и въ жизни; но это не пособляетъ горю—состоянія от-

цовъ все-таки рано или поздно достается въ руки сыновей, и порода кутилъ-купчиковъ даже и до-сихъ-поръ еще не вывелась. Такое безпрестанное проматываніе купеческихъ состояній вызываетъ и противоположное явленіе — стремленіе возсоздать разрушенное, возвратить потерянное; новыя поколѣнія съ удвоенною энергіею хлопочутъ о превращеніи мѣди въ золото и грошей въ милліоны; не о томъ стараются вновь-вступающіе въ строй купцы и фабриканты, чтобъ дать новый толчекъ отечественной торговлѣ и промышлености, а лишь о томъ, чтобъ скорѣй и во что́ бы то ни стало нажиться. Это, выходитъ, круговая порука; но разореніе и утрата никакъ не пересилятъ безпрерывнаго возстановленія капиталовъ, и въ результатѣ, купеческія состоянія все растутъ значительно и крѣпнутъ: всѣ лучшія имѣнія и домы дворянъ постоянно переходятъ въ руки купечества, то-есть въ руки купцовъ, фабрикантовъ, откупщиковъ и др.. которые всѣ питаются въ то же время лучшими соками всей массы нашего народа, трудовою, кровавою копейкой низшихъ классовъ.

Что обманъ, наглый, безстыдный обманъ, не есть общее достояніе всего торгующаго міра, а составляетъ отличительное свойство необразованной части собственно русскаго купечества, это сознаетъ и самъ г. Островскій, сознаютъ и его дѣйствующія лица. Позволяя женѣ своей рядиться сколько ей угодно, Пузатовъ довелъ однажды счетъ забранныхъ ею въ одномъ нѣмецкомъ магазинѣ товаровъ до двухъ тысячъ рублей; при разсчетѣ не додалъ рублей триста съ небольшимъ, сказавъ, что отдастъ послѣ, да и затянулъ дѣло; нѣмецъ пристаетъ и требуетъ денегъ: «Надоѣлъ до смерти — разсказываетъ самъ Пузатовъ. (Т. 1, стр. 15) — подвернулся онъ мнѣ какъ-то подъ сердитую руку. Что́ жь, говоритъ, деньги? Какія, говорю, деньги? я тебѣ, братъ, отдалъ давно, и отстань ты отъ меня, Христа ради. Вотъ и взбѣленился мой нѣмецъ. Это, говоритъ, *купцу нехорошо;* это, говоритъ, фальшъ; у меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю: да ты чортъ знаетъ что́ тамъ въ книгѣ-то напишешь—тебѣ все и плати. Такъ, говоритъ, *русскій купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда* (sic); я, говоритъ, въ судъ пойду. Поди, я говорю, *немного возьмешь.* Потащилъ въ судъ. Что́ жь, матушка! вѣдь отперся я, право отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатилъ... Ужь что́ съ этимъ нѣмцемъ *смѣху* было— бѣда! Такъ и таращится: это, говоритъ, безчестно! А я ему послѣ-то и говорю: Я бы тебѣ и отдалъ, Карлъ Ивановичъ, да деньги, говорю, братъ, нужны. *Наши-то русскіе животики надорвали со смѣху* (sic)... И въ другой разъ то же сдѣлаю, коли векселя не возьмутъ.» Въ разсказѣ этомъ все драгоцѣнно — и уваженіе къ человѣку и труду его, и понятіе о честности, и насмѣшка надъ потерею другаго, и грубое сочувствіе плутнѣ, или, точнѣе, воровству товарища. Между-тѣмъ, самъ Пузатовъ и не думаетъ упрекать себя за свой безсовѣстный поступокъ — онъ глядитъ на него, какъ на милую шутку: «такъ я, ма-

тушка, вотъ ка́къ, заключаетъ онъ. А Ширяловъ-то — да это словно жидъ какой: отца роднаго обманетъ!»—Нужно замѣтить, что испорченность русскаго купечества и общества, которое почти равнодушно смотритъ на грабительство многихъ купцовъ и добродушно дается въ обманъ, такъ велика, что заражаетъ собою и иностранныхъ купцовъ, заѣзжающихъ въ Россію. Если непозволительно и нагло поступилъ Пузатовъ съ Карломъ Ивановичемъ, то и Карлъ Ивановичъ, въ свою очередь, непомѣрныя, должно быть, полагалъ цѣны за отпускаемые имъ изъ магазина товары. Возможность быстраго обогащенія очень-соблазнительна. Чрезъ это отдѣльныя личности торговцевъ выигрываютъ, общее же богатство народа падаетъ, промышленость и истинная торговля застываютъ, все общество страдаетъ. Противу этого зла два только средства: просвѣщеніе массъ и дѣятельное участіе общества въ дѣлахъ своихъ. Мѣры правительственныя здѣсь бо́льшею частію безсильны. Самое даже пониженіе тарифа, вездѣ благодѣтельное, не привело у насъ ни къ какимъ результатамъ. Правда, важной мѣрѣ этой противодѣйствовали другія неблагопріятныя условія нашего народнаго богатства; но все-таки должны же были оказаться хотя какія-нибудь послѣдствія — выгодное для фабричной дѣятельности соревнованіе, пониженіе цѣнъ на иностранные товары и т. п. Между-тѣмъ — ничего не было замѣтно, рѣшительно ничего, и облегченіе пошлинъ увеличило только процентъ чистаго барыша торговцевъ, и безъ того уже чудовищный.

О томъ, какъ собственно производится въ нѣкоторыхъ лавкахъ нахально-безчестная торговля—обмѣръ и обвѣсъ, продажа гнилаго, вмѣсто свѣжаго и т. п.—нѣтъ надобности распространяться: все это слишкомъ хорошо извѣстно. Всѣ знаютъ, ка́къ торговецъ, воспользовавшись тѣмъ, что покупателю понравился товаръ, тотчасъ набавляетъ на него цѣну: изъ чего и слѣдуетъ, что правильной раскидки при розничной торговлѣ, для образованія постояннаго, опредѣленнаго процента, въ русской торговлѣ вовсе не существуетъ. Опредѣленный процентъ допускается только при переводѣ товаровъ изъ одной мѣстности въ другую, изъ однѣхъ рукъ въ другія: но и здѣсь — или процентъ слишкомъ-великъ, или иныя производятся уловки. Исключеніе составляютъ, какъ мы и сказали, богатые купеческіе домы, которыхъ коснулось уже просвѣщеніе; но о нихъ здѣсь и рѣчи не было.

Вся эта незавидная картина внутренняго быта русскаго купеческаго сословія, нелѣпая стѣснительность его семейныхъ отношеній, праздность ума, загрубѣлость чувства, грязныя привычки, чувственность, пьянство, тупое упорство и коснѣніе въ предразсудкахъ, круглое невѣжество во всемъ, даже и въ своемъ собственномъ дѣлѣ, ложный взглядъ на торговлю, какъ на дѣло исключительно-личное, неразборчивость въ средствахъ для наживанія капиталовъ, скряжничество съ одной стороны и безумное мотовство съ другой, все это г. Островскій, разработавъ отдѣльно, по частямъ, въ «Семейной Картинѣ», въ «Утрѣ Молодаго Че-

ловѣка», въ сценахъ «Праздничный сонъ—до обѣда» и «Не сошлись характерами», въ стройной и художественной формѣ возсоздалъ первою и единственною своей комедіей, «Свои люди—сочтемся». Мы, еще разъ, не станемъ говорить подробно объ этой комедіи, такъ-какъ уже о ней говорено было въ «Отечественныхъ Запискахъ» и такъ-какъ подробный разборъ ея могъ бы самъ составить цѣлую отдѣльную статью. Скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, комедія эта прекрасна. Ею авторъ, какъ видно, ничего не хотѣлъ доказывать: онъ, просто, силою своего дарованія, возсоздалъ въ общемъ типѣ цѣлый рядъ явленій, подмѣченныхъ имъ въ дѣйствительной жизни нашего купечества, явленій, составляющихъ довольно-круглую и полную картину быта этаго сословія и группирующихся около одного, въ дѣйствительности же подмѣченнаго событія. Смыслъ этого событія, идея этой картины сказываются уже сами собою, силою жизненности самихъ явленій, внѣ произвола и сознанія автора. Онъ только воспроизвелъ, въ стройной и цѣльной картинѣ, изученный имъ бытъ, а мы уже сами видимъ всю пошлость этаго быта, требующую радикальныхъ реформъ, и всѣ гибельныя для него самаго послѣдствія этого невѣжественнаго коснѣнія. Видимъ праздность и грязь семейной жизни; видимъ общественный и частный обманъ; видимъ, какъ этотъ обманъ постепенно развивается, переходя черезъ различные свои фазы, начиная съ мальчика, переходя чрезъ цѣлый рядъ прикащиковъ (Подхалюзинъ) и кончая самимъ хозяиномъ (Большовъ); видимъ дочь, которая открыто и явно выказываетъ свое презрѣніе къ родителямъ, а послѣ и совсѣмъ отъ нихъ отказывается; видимъ развратъ въ ея сердцѣ и грубые чувственные позывы; видимъ въ ней незаконную кичливость тою полуобразованностью, которая едвали чѣмъ лучше грубаго невѣжества; видимъ, какъ человѣкъ, почтенный по лѣтамъ своимъ, отваживается на безчестный поступокъ, на воровство, объявляя себя несостоятельнымъ должникомъ и переводя все состояніе свое на прикащика, для того только, чтобъ не платить своимъ кредиторамъ, изъ одной жадности къ деньгамъ, къ богатству, а совсѣмъ не изъ нужды даже; видимъ, какъ этотъ прикащикъ, подъ личиною преданности и любви, помогаетъ сначала «благодѣтелю» своему въ его предпріятіи, вступаетъ съ нимъ въ родство, женится на его дочери, а потомъ все дѣло обращаетъ въ свою исключительную пользу, навсегда въ собственность свою удерживая уступленные ему на время капиталы, не соглашаясь даже и двадцать-пять коп. на рубль заплатить кредиторамъ, почему собственно придется «благодѣтелю» цѣлыя пять лѣтъ высидѣть въ долговой тюрьмѣ. Все это рельефно, живо, естественно и справедливо. Однимъ словомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ несообразностей и нѣсколько мелодраматическаго окончанія, причемъ Большовъ, постоянно смѣшной, становится жалокъ и возбуждаетъ состраданіе (что не можетъ имѣть мѣста въ комедіи), а Липочка, тоже постоянно смѣшная, является въ концѣ только злою, только безчувствен-

ное и возбуждаетъ одно отвращаніе (что тоже неприлично комедіи), за этими исключеніями, говоримъ, «Банкрутъ»—дѣйствительно прекрасная комедія. Такою она была, по-крайней-мѣрѣ, въ первой своей редакціи —въ «Москвитянинѣ» и потомъ въ отдѣльномъ оттискѣ. Что же видимъ мы теперь, въ новомъ, роскошномъ изданіи? Мы видимъ—и это составляетъ тотъ самый неопровержимый аргументъ нашъ, который мы выше обѣщали читателямъ и самому г. Островскому — мы видимъ постороннюю въ комедіи примѣсь, странную и нелѣпую къ ней приставку, совершенную переработку ея окончанія, искажающую смыслъ и идею всего произведенія. Въ первой редакціи комедія кончалась тѣмъ, что въ очень-забавно построенной сценѣ Рисположенскій, отставленный отъ службы чиновникъ, помогавшій Подхалюзину, прикащику Большова, въ его темномъ и грязномъ дѣлѣ, не получая отъ него обѣщанныхъ за это денегъ, въ безсильной ярости своей, обращается съ жалобою на него—къ зрителямъ: «Почтеннѣйшая публика, говоритъ, жена, четверо дѣтей — вотъ сапоги худые! Тестя обокралъ и меня грабитъ!» А Подхалюзинъ, немного сконфузившись, спѣшитъ оправдаться—тоже передъ публикой. «Какой горячій-съ!» говоритъ онъ. «Вы ему не вѣрьте; это онъ что говорилъ-съ—это онъ все вретъ. Ничего этого и не было. Это ему должно-быть во снѣ приснилось... А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлете—въ луковицѣ не обочтемъ-съ.» Такое обращеніе къ публикѣ было нѣсколько странно, нѣсколько смѣшно, нѣсколько водевильно, но оно все-таки не вредило духу комедіи: характеръ Подхалюзина оставался выдержаннымъ до конца; порокъ казнился самъ изъ себя, одною пошлостью своею, одною только комическою борьбою двухъ плутовъ—кто кого пересилитъ, кто кого перехитритъ; не появлялось въ концѣ комедіи никакого deus ex machina; притомъ, рѣшеніе постановленнаго вопроса предоставлялось, какъ это и должно быть въ произведеніяхъ художественныхъ, суду общественному, а не полицейскому или уголовному. Что же теперь? Теперь... но заключеніе комедіи въ новомъ ея изданіи такъ *великолѣпно*, что мы просимъ позволенія перепечатать все это шестое и послѣднее явленіе IV акта «Банкрута» (Т. 1, стр. 119). Вотъ оно:

Тѣ же и квартальный.

Квартальный. — Вы купецъ Подхалюзинъ?

Подхалюзинъ. — Хотя бы и я-съ.

Квартальный. — По предписанію начальства, я долженъ васъ представить къ слѣдственному приставу, по дѣлу о скрытіи имущества несостоятельнаго должника Большова.

Подхалюзинъ.—Покорнѣйше прошу садиться! Водочки не угодно-ли?

Квартальный. — Нѣтъ; мнѣ некогда. Извольте собираться, насъ ждутъ.

Подхалюзинъ. — Да вѣдь, я думаю, можно и подождать-съ?

Квартальный. — Нельзя-съ.

Подхалюзинъ. — А я думаю, что можно-съ. Вы, должно-быть, еще здѣсь вновѣ, не всѣ порядки знаете. А вы будьте довольно-деликатны!

Квартальный. — Я дѣйствую по приказанію начальства.

Подхалюзинъ. — Мы обыватели хорошіе, вы нами не брезгуйте, мы свое дѣло помнимъ, по силѣ возможности. Пожалуйте, ваше благородіе, ко мнѣ въ кабинетъ на пару словъ. (*Манитъ рукой*).

Квартальный. — Вы не извольте безпокоиться, это совсѣмъ лишнее.

Подхалюзинъ. — А вы отрапортуйте, что въ случаѣ моей болѣзни...

Квартальный. — Въ случаѣ болѣзни есть больница при острогѣ!

Подхалюзинъ.—При острогѣ-съ? (*Чешетъ затылокъ, потомъ подходитъ къ Ристоложенскому*). Ну, баринъ, выручай изъ бѣды, озолочу!

Ристоложенскій. — Не надо мнѣ ничего! Провались ты и съ деньгами! Теперь отольются тебѣ мои слезы; прогуляешься въ Сибирь.

Подхалюзинъ. — Ужь будто и въ Сибирь?

Ристоложенскій. — А ты думалъ какъ? Законъ то прямой! По дѣломъ вору мука.

Подхалюзинъ. — (*Стоитъ нѣсколько времени задумавшись*). А въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Что жь такое! И въ Сибири люди живутъ. Да вѣдь, и тебѣ не уйдтить! (*Беретъ шляпу*). Я готовъ-съ.»

Чѣмъ же объяснить, кáкъ понять эту странную, эту, такъ-сказать, невозможную прибавку? Чѣмъ побужденъ былъ къ ней авторъ? Очень-просто: г-ну Островскому недостаточною казалась самобытная идея его произведенія, онъ ея какъ-бы вовсе въ немъ не видѣлъ, онъ не видѣлъ, что его комедія сама собою вяжется въ одинъ общій узелъ, что идея, присущая явленію, взятому изъ жизни, силою объективнаго творчества, сохранилась и въ художественномъ возсозданіи этого явленія; г. Островскій, въ виду современнаго общественнаго настроенія, требующаго во всемъ смысла и идеи, счелъ нужнымъ *освѣтить* идею и «Банкрута», приложить къ нему эту идею, написать на него комментарій. И какая же вышла идея, какой комментарій!—наказаніе порока черезъ полицію, добродѣтельный квартальный, нелицепріятное судилище, безкорыстный Ристоложенскій, Сибирь — порокъ наказанъ, а добродѣтель, въ лицѣ квартальнаго, торжествуетъ? Впрочемъ, торжество это —постное и жалкое торжество: безъ чаю, безъ закуски и безъ денегъ! Какое рѣдкое и исключительное явленіе!.. Кáкъ же не понялъ г. Островскій, что чрезъ его несчастную прибавку ослабленъ эффектъ всей комедіи, искажено ея значеніе? Пускай, однако, не приводитъ онъ въ свое оправданіе примѣра, будто бы поданнаго Гоголемъ въ заключительной сценѣ его «Ревизора». Тамъ совсѣмъ другое дѣло; тамъ нѣтъ добродѣтельнаго квартальнаго. А въ добродѣтели самого ревизора мы сильно сомнѣваемся; только синій армякъ сѣрому (*) могъ сказать, что «небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, какъ пришла царская расправа»; болѣе-развитый человѣкъ увидитъ тутъ другую

(*) «Театр. Разъѣздъ», соч. Гоголя, т. 2, ст. 517.

причину. Не правительственное наказаніе погрязшихъ въ злѣ администраторовъ, не безкорыстный судъ *добродѣтельнаго* ревизора имѣлъ Гоголь въ виду, создавая свою комедію; не въ этомъ видѣлъ онъ спасеніе общества отъ охватившихъ его со всѣхъ сторонъ путъ. Не потому поблѣднѣли и растопырили руки чиновники, что сейчасъ поведутъ ихъ на плаху, а потому только, что вотъ возились съ человѣкомъ и кучу денегъ ему надавали, а теперь поди возись еще и съ новымъ, и опять поди давай ему денегъ! Кара же для нихъ одна — общественное посмѣяніе, общественный судъ: только само общество можетъ извергнуть изъ себя всю грязь, накопившуюся въ немъ вѣками; только оно само можетъ возсоздать жизнь свою на иныхъ, болѣе разумныхъ началахъ существованія.

Итакъ, прибавкою Сибири, въ которую такъ обязательно соглашается идти самъ Подхалюзинъ, прибавкою добродѣтельнаго квартальнаго и безпощадной кары закона г. Островскій доказалъ безсиліе мыслителя, такъ-какъ идея, имъ придуманная, нелѣпа и ложна въ своей основѣ, а отчасти и безсиліе художника, такъ-какъ онъ не видѣлъ, что самъ портитъ свою комедію и изъ области искусства переходитъ въ область уголовнаго права. Неловкій поступокъ г. Островскаго далъ даже противъ него оружіе въ руки такихъ строгихъ критиковъ, какъ г. Некрасовъ въ *Атенеѣ* (*). Г. Некрасовъ заводитъ строгое свое воззрѣніе на талантъ автора такъ далеко, что даже въ «Банкрутѣ» не видитъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни идеи; г-на Островскаго считаетъ онъ способнымъ только на отдѣльные очерки и сцены Это отчасти и справедливо; потому-что въ остальныхъ комедіяхъ и въ драмѣ автора хороши только нѣкоторыя мѣста, а въ общемъ дѣйствительно мало имѣютъ они художественнаго. Къ «Банкруту» же этого никакъ нельзя отнести: въ немъ есть и идея, и дѣйствіе, и характеры. Оторвите послѣднее явленіе, уничтожьте нѣкоторыя несообразности и мелодраматичность 4-го акта, и произведеніе останется стройнымъ какъ-нельзя-болѣе. Иронически прибираетъ г Некрасовъ разныя идеи, которыя будто бы хотѣлъ авторъ доказать своею комедіей: *Злостное банкротство не всегда удается*, какъ-бы говоритъ г. Островскій: *не слѣдуетъ обманывать потому что и самого обмануть*; *преступленіе опасно, потому-что за него иногда и въ Сибирь ссылаютъ*; *смотрите же, г. купцы, не шутите банкротствомъ*, и т. п, Но всѣ эти странныя идеи можно приписывать «Банкруту» только на основаніи послѣдней его сцены, а г. Некрасовъ не могъ не видѣть другой идеи въ самой комедіи, идеи о гибельныхъ для цѣлаго сословія и всего общества послѣдствіяхъ невѣжества и освященной давностью грязи.—не могъ также не знать, что комедія имѣла другое окончаніе и другой, поэтому, смыслъ. Совершенно

(*) См. № 8 этого журнала.

справедливо то замѣчаніе рецензента; что появленіе на сценѣ представителей закона и грядущая кара суда рѣшительно случайны и ничѣмъ въ пьесѣ невызваны, такъ-какъ заплати Подхалюзинъ по двадцати-пяти копеекъ, и все уладилось бы какъ нельзя лучше. Но напрасенъ ужасъ г. Некрасова, напрасно его негодованіе на Подхалюзина, который не соглашается заплатить за тестя своего и благодѣтеля: «Неужели во всемъ этомъ нѣтъ ничего *оскорбительнаго для нравственной* природы человѣка?» восклицаетъ онъ, и самъ тотчасъ же отвѣчаетъ: «Нѣтъ, да и быть не можетъ; потому-что въ комедіи нѣтъ никакой высокой, истинно-*нравственной* идеи.» Странное требованіе! желать, чтобы выводимое въ комедіи лицо не дѣлало подлостей, или дѣлало ихъ въ извѣстныхъ границахъ! Гдѣ же эти границы? «Комедія *не говоритъ*, на сколько обманъ (въ какомъ бы образѣ онъ ни проявлялся) противенъ нравственной природѣ человѣка»: напротивъ, очень говоритъ—потому-что всѣ дѣйствующія лица комедіи, всѣ безъ исключенія, смѣшны и гадки, какъ зрителю, такъ и читателю. Тѣмъ же оружіемъ нападали прежде и на Гоголя, находя его «Ревизора» безнравственною пьесой: но удивительно, что г. Некрасовъ, обращая это оружіе противъ г. Островскаго, показываетъ полное благоговѣніе къ комедіи Гоголя, и достоинства ея приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній! Остальныя его замѣчанія на «Банкрута» также мало основательны, какъ и это его главное замѣчаніе.

Впрочемъ, мы вовсе не намѣрены вступать здѣсь въ мелкую полемику съ критикомъ «Атенея»: она была бы неумѣстна. Если мы коснулись мнѣній г. Некрасова, то лишь потому, что намъ показалось несправедливостью со стороны рецензента такъ безусловно нападать на г. Островскаго за то только, что воззрѣнія ихъ неодинаковы. Популярность г. Островскаго значительно теперь поуменьшилась, пьесы его далеко уже не производятъ на общество прежняго эффекта, въ божество никто уже автора не возводитъ, новыхъ глаголовъ никто уже отъ него не ждетъ; страсти вообще утихли: за чѣмъ же снова возбуждать ихъ? Прошла пора жалкаго преслѣдованія и наступило время безпристрастной оцѣнки, тѣмъ-болѣе, что дѣятельность г. Островскаго какъ-бы кончилась уже, значеніе его высказалось вполнѣ и опредѣлилось, и сколько бы ни издалъ онъ въ свѣтъ новыхъ произведеній—значеніе это не измѣнится болѣе. Зачѣмъ же отрицать въ немъ и тотъ талантъ, который въ немъ, безспорно, существуетъ? зачѣмъ не видѣть въ его произведеніяхъ почти ничего хорошаго и ограничивать его дарованіе однимъ только умѣньемъ дагерротипически передать отдѣльное явленіе дѣйствительной жизни и характеръ отдѣльной личности? Намъ тѣмъ пріятнѣе взять на себя защиту г. Островскаго противу несправедливыхъ и неосновательныхъ на него нападокъ, что мы сами, по мѣрѣ появленія его произведеній, вели войну съ ложнымъ и губительнымъ для его таланта направленіемъ и духомъ пьесъ его, съ несчастною страстью непремѣнно налагать на свое твор-

чество узду извнѣ отыскиваемой идеи. Мы тогда надѣялись еще на силу его таланта, надѣялись, что авторъ пойметъ свое назначеніе и броситъ погоню за новымъ словомъ; оттого такъ энергически и преслѣдовали мы каждое его произведеніе, со стороны идеи, и такъ настойчиво указывали на неизбѣжность при такомъ направленіи, окончательнаго истощенія творческихъ силъ автора. Теперь ужь мы больше не надѣемся: авторъ безсиленъ былъ противъ увлекавшаго его фатума, и несостоятельность его стала очевидною; преслѣдовать стало ужь нечего. Остается только опредѣлить теперь что именно сдѣлалъ г. Островскій, на что онъ способенъ, на что неспособенъ, какую онъ принесъ пользу литературѣ нашей, и какое онъ, наконецъ, имѣетъ въ ней дѣйствительно значеніе.

Правда о крѣпостномъ правѣ. В. Иванова. *Санктпетербургъ 1859.*

Давно уже крѣпостное право занимало людей мыслящихъ, какъ одно изъ печальныхъ условій нашего гражданскаго быта, но вопросъ о немъ, какъ невозбужденный еще правительствомъ, не являлся въ печати. Въ настоящую же пору литература наша представляетъ особый и при томъ весьма-обширный отдѣлъ по этому предмету, и будущимъ библіографамъ предстоитъ, кажется, значительный трудъ собрать все напечатанное теперь на русскомъ языкѣ о крѣпостномъ правѣ и опредѣлить въ какой полнотѣ современники наши высказали о немъ свои мнѣнія. Нельзя, впрочемъ, не прибавить, что въ этомъ случаѣ русская литература, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, представляетъ замѣтную разницу сравнительно съ литературою англичанъ, французовъ и нѣмцевъ. У тѣхъ, у другихъ и у третьихъ всѣ современные вопросы, особенно занимающіе общества, обсуживаются нынѣ, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ брошюрахъ; ими полны книжныя лавки, ихъ раскупаютъ нарасхватъ, ихъ перечитываютъ съ жадностью, объ нихъ, наконецъ, помѣщаются большія статьи въ газетахъ и журналахъ. У насъ же особыхъ брошюръ о крѣпостномъ правѣ явилось весьма-немного; литература наша въ этомъ случаѣ не представляетъ такого развитія, какое получаетъ она въ настоящее время у англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, если только она затрогиваетъ тамъ какой-либо важный общественный вопросъ.

Къ небольшому числу русскихъ брошюръ, имѣющихъ предметомъ крѣпостное право, должно отнести и книжечку въ 53 страницы, изданную г. Ивановымъ, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ.

Чтобъ опредѣлить, какое значеніе можетъ имѣть въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ брошюра г Иванова, замѣтимъ прежде всего, что въ ней перепечатаны вполнѣ рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ, бывшемъ 28 декабря 1856 года въ Москвѣ, по случаю появленія Высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Очень-по-

нятно, что эти, если можно такъ выразиться, задушевно-торжественныя рѣчи, несмотря на ихъ тщательную отдѣлку, едвали могутъ заслуживать перепечатку. Имъ была своя пора, онѣ были сказаны за обѣдомъ и отошли потомъ въ вѣчность, съ тѣмъ хвалебнымъ гуломъ, который онѣ тогда вызвали среди собесѣдниковъ. Между-тѣмъ, въ брошюрѣ г. Иванова эти рѣчи занимаютъ цѣлыя 20 страницъ; къ нимъ прибавлено еще 6 страницъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ журнала «Атеней», насчетъ вреда, проистекавшаго отъ крѣпостнаго права; слѣдовательно, половина всей брошюры уже не новость, тѣмъ-болѣе, что г. Ивановъ соглашается со всѣмъ, что́ онъ позаимствовалъ для себя изчужа.

Что́ же касается личныхъ воззрѣній автора брошюры на сущность и на уничтоженіе крѣпостнаго права, то онъ, упоминая о Высочайшихъ рескриптахъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и замѣчая, что въ массѣ лицъ, заинтересованныхъ крѣпостными привилегіями, еще слышатся у насъ странные возгласы противъ тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ предположено произвести въ Россіи уничтоженіе крѣпостнаго права, пишетъ: «самыхъ простыхъ соображеній, доступныхъ пониманію всякаго даже умѣренно-развитаго ума — если только этотъ умъ не находится подъ вліяніемъ эгоистическаго чувства, весьма-достаточно для того, чтобъ вполнѣ убѣдиться, что принятыя правительствомъ основанія для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, удовлетворяя требованіямъ государственнаго благоустройства, съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворяютъ требованіямъ и гражданскаго и естественнаго права».

Затѣмъ, остальныя четыре странички брошюры, изданной г. Ивановымъ, заключаютъ въ себѣ разсужденія въ подобномъ же родѣ.

Брошюра г. Иванова оканчивается слѣдующими краснорѣчивыми строками: »И да исполнится благодатное слово твое, великій монархъ, и «многіе мильйоны твоихъ подданныхъ, возвращенныхъ къ человѣческому «бытію, да благословятъ твое имя въ роды родовъ... и правдивая ис«торія скажетъ, что Императоръ Александръ II глубже другихъ вла«дыкъ земныхъ постигъ и исполнилъ долгъ царя и человѣка».

Вотъ все, что́ можно сказать о брошюрѣ г. Иванова, имѣющей такое громкое названіе, но неотличающейся ни новостью, ни самостоятельностію воззрѣній, и въ замѣнъ этого исполненной возвышеннаго и умилительнаго краснорѣчія.

Отчетъ о состояніи общественнаго здравія *и дѣятельности больницъ гражданскаго вѣдомства въ Имперіи за 1857 годъ. Санктпетербургъ 1859.*

Подъ этимъ заглавіемъ издана, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, книга, въ 358 страницъ, съ 26 страницами примѣчаній, въ видѣ таблицъ. Само-собою разумѣется, что такая книга, какъ

сводъ отчетности и наблюденій, сдѣланныхъ по медицинской части въ огромномъ размѣрѣ, представляетъ значительный интересъ для спеціалистовъ. Послѣдовательный же рядъ подобныхъ отчетовъ несомнѣнно прибавитъ весьма-много выводовъ, полезныхъ какъ для теоріи медицины, такъ равно и для ея практическаго круга. Замѣтимъ, при этомъ, что медицинская часть распредѣлена у насъ самостоятельно и при томъ безъ взаимной связи по многимъ вѣдомствамъ; слѣдовательно, при неимѣніи одного общаго средоточія по управленію всей медицинскою частью въ Россіи, медицинскій отчетъ одного вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ не представляетъ еще во всемъ объемѣ состояніе общественнаго здравія въ Имперіи, такъ-какъ въ отчетъ этотъ не входятъ свѣдѣнія о лечебныхъ заведеніяхъ вѣдомствъ: военнаго, морскаго, государственныхъ имуществъ, удѣльнаго и учебнаго, равно какъ и свѣдѣнія о частной дѣятельности врачей, находящихся во всѣхъ этихъ вѣдомствахъ, и о наблюденіяхъ, произведенныхъ ими. А между-тѣмъ, во всѣхъ упомянутыхъ нами вѣдомствахъ медицинская часть имѣетъ значительные размѣры. Слѣдовательно, только при соединеніи медицинской отчетности по медицинскимъ управленіямъ всѣхъ вѣдомствъ въ одно систематически-цѣлое обозрѣніе можно получить полное понятіе о состояніи общественнаго здравія въ Имперіи.

Тѣмъ-неменѣе, такъ-какъ кругъ медицинскаго управленія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ весьма-обширенъ и такъ-какъ подчиненные этому министерству врачи нетолько находятся во всѣхъ пунктахъ имперіи, но и пользуютъ повсюду лица всѣхъ сословій и состояній, то очень-понятно, что, при всѣхъ этихъ условіяхъ, медицинская отчетность даже по одному только министерству внутреннихъ дѣлъ должна представлять весьма-любопытныя свѣдѣнія.

Отчетъ начинается метеорологическими наблюденіями. По поводу данныхъ, относящихся къ этимъ наблюденіямъ, замѣтимъ, что, кажется, напрасно у насъ даже къ атмосферическимъ наблюденіямъ примѣшиваютъ, по привычкѣ, административный распорядокъ. Въ отчетѣ находимъ опредѣленіе средней температуры не по полосамъ Россіи и не по отдѣльнымъ мѣстностямъ, но по цѣлымъ губерніямъ вообще. Такіе выводы никакъ не могутъ быть вѣрны, потому-что очень-часто южная часть какой-нибудь губерніи совершенно-сходна, въ климатическомъ отношеніи, съ сѣверною частью другой смежной съ нею губерніи и, въ то же время, совершенно отличается, въ этомъ отношеніи, отъ своей собственной сѣверной части. Для устраненія такой неточности при опредѣленіяхъ средней температуры по губерніямъ вообще, мы думаемъ, было бы гораздо проще и точнѣе указывать только на то мѣсто, гдѣ производились метеорологическія наблюденія, такъ-какъ, распространяя наблюденія, произведенныя въ одномъ только губернскомъ городѣ и даже въ уѣздныхъ городахъ, на всю губернію вообще, никакъ нельзя получить вѣрныхъ результатовъ.

Намъ кажется, что подобнаго рода наблюденія нетолько не потеряютъ своей важности, а, напротивъ, даже получатъ бо́льшую определенность, если будутъ отнесены положительно къ определеннымъ мѣкамъ, а не распространены на большія и разнообразныя пространства, сообразно съ кругомъ губернской административной дѣятельности.

Обзору температуры за каждый мѣсяцъ по каждой губерніи посвящена значительная часть отчета; послѣ чего слѣдуютъ свѣдѣнія объ урожаѣ въ Россіи, по полосамъ, и затѣмъ начинается глава «о господствовавшихъ болѣзняхъ».

Изъ этой главы видно, что въ-теченіе 1857 года, больныхъ во всей имперіи, пользованныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства и другихъ лечебныхъ заведеніяхъ а также и въ частной практикѣ, по отчетамъ врачебныхъ управъ, было 996,377, изъ нихъ выздоровѣло 881,784, умерло 54,797; осталось къ 1858 году 59,806; слѣдовательно, круглымъ числомъ, на 1000 больныхъ приходится около 57 умершихъ. Самое меньшее число умершихъ въ отношеніи къ больнымъ представляла Лифляндская Губернія; тамъ первое число относилось къ последнему, какъ 16,6 къ 1000; самое же большое число умершихъ, въ отношеніи къ числу больныхъ, было по Эриванской Губерніи; тамъ числа эти относились, какъ 340,5 къ 1000.

Далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія объ эндемическихъ и эпидимическихъ болѣзняхъ, къ которымъ относились разные виды горячекъ и перемежающихся лихорадокъ, съ различнымъ характеромъ и осложненіемъ этой болѣзни. Характеръ горячекъ, какъ показали наблюденія, завиcѣлъ преимущественно отъ времени года и вообще отъ метеорологическихъ условій; такъ, въ зимнюю пору онѣ нерѣдко являлись подъ видомъ гриппа, съ неблагопріятнымъ исходомъ, въ лѣтнее же время характеръ ихъ былъ бо́льшею частью гастрическій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной полосы Россіи горячки имѣли тифоидальный характеръ.

Лихорадки же имѣли повсемѣстно эндемическое, а не эпидемическое свойство, и съ особенною силою обнаруживались, въ-теченіе 1857 года, въ городахъ, ближайшихъ къ киргизскимъ степямъ.

Собственно же эпидемическими болѣзнями, въ-теченіе этого года, были: тифъ и тифоидальная горячка, холера, кровавый поносъ, острыя лихорадочныя сыпи, крупъ и коклюшъ. Общее число больныхъ, одержимыхъ эпидемическими болѣзнями, простиралось, по отчетамъ врачебныхъ управъ, до 147,886, изъ нихъ выздоровѣло 120,098, умерло 23,099, осталось къ 1858 году 4,689; число же больныхъ этими болѣзнями къ числу умершихъ отъ нихъ относилось въ этомъ случаѣ, какъ 156,19 къ 1000.

Не считаемъ удобнымъ останавливаться въ подробности надъ замѣчаніями касательно развитія каждой эпидемической болѣзни въ отдѣльности, сдѣланными въ отчетѣ, а также и надъ нѣкоторыми подробными

вычисленіями по этому предмету; скажемъ только, что самое большое число одержимыхъ эпидемическими болѣзнями и умершихъ отъ нихъ было тифомъ и тифоидальною горячкою, а именно, больныхъ этими болѣзнями было 57,333, изъ нихъ умерло 8233. За этими болѣзнями по числу умершихъ слѣдуетъ холера; больныхъ ею въ 1857 году было 21,225, изъ нихъ умерло 7333; за холерою, по числу больныхъ, шли острыя сыпи (корь, скарлатина, натуральная оспа съ ея измѣненіями); больныхъ этими болѣзнями было 38,377, но изъ нихъ умерло только 4225; кровавымъ поносомъ страдало 18,107, изъ нихъ умерло 2135; крупомъ было больныхъ 2648, умерло 643, и наконецъ, число больныхъ коклюшемъ простиралось до 10,196, изъ нихъ умерло 530.

Что же касается мѣстнаго развитія этихъ эпидемическаго свойства болѣзней, то тифъ достигъ самой значительной степени въ Сибири; холера же только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи имѣла эпидемическій характеръ; особенно-сильно ея развитіе было въ Закавказскомъ Краѣ, куда она зашла изъ Персіи; но она не представляла въ Закавказьѣ формы настоящей восточной холеры, и даже, при эпидемическомъ своемъ распространеніи, носила, бо́льшею частью, характеръ такъ-называемой отечественной холеры, или холерины, развивавшейся вслѣдствіе простаго растройства пищеварительныхъ органовъ, то-есть, при такихъ условіяхъ, гдѣ своевременно-подаваемое врачебное пособіе легко могло предотвратить угрожавшую опасность. Въ западный край холера была занесена изъ Пруссіи. Въ Херсонскую Губернію она была занесена изъ Петербурга, только въ деревню Миролюбовку, однимъ пріѣзжимъ, который сперва захворалъ ею самъ, а потомъ заболѣлъ ходившій за нимъ человѣкъ, послѣ чего холера распространилась и между крестьянами. Наконецъ, съ значительнымъ развитіемъ холера проявлялась, въ-теченіе 1857 года, въ Петербургской, Нижегородской, Московской, Саратовской, Симбирской, Олонецкой и Новгородской губерніяхъ. Кровавый поносъ не имѣлъ нигдѣ эпидемическаго характера, онъ оставался бо́льшею частью только мѣстною болѣзнью, причиной же его развитія была несоотвѣтственная пища, особенно употребленіе сырыхъ, незрѣлыхъ плодовъ. Что́ же касается оспы, то она только мѣстами имѣла эпидемическій характеръ и развивалась иногда тамъ съ такою силою, что ею были поражаемы такіе субъекты, которымъ, была уже привита предохранительная оспа. Прочія болѣзни эпидемическаго свойства не представляли, въ-теченіе 1857 года, особаго развитія.

Минуемъ длинный рядъ свѣдѣній о числѣ больныхъ, пользовавшихся въ каждой изъ больницъ гражданскаго вѣдомства въ отдѣльности. Цифры, относящіяся къ такимъ свѣдѣніямъ, имѣютъ только хозяйственно-административное значеніе; замѣчательно только, что всего въ больницахъ гражданскаго вѣдомства и въ другихъ лечебныхъ заведеніяхъ, по отчетамъ врачебныхъ управъ, было: больныхъ 365,443, изъ нихъ умерло 28,557, выздоровѣло 311,182, осталось къ 1858 году 25,840.

Четвертая глава «Отчета» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о главнѣйшихъ болѣзняхъ и замѣчательныхъ случаяхъ, извлеченныя изъ отчетовъ больницъ гражданскаго вѣдомства за 1857 годъ.

Свѣдѣнія эти представляютъ весьма-значительный запасъ наблюденій надъ причинами, надъ способами врачеванія и надъ исходомъ разныхъ болѣзней. Такъ, между-прочимъ, въ Тифлисѣ произошелъ тифъ отъ высыханія болотъ, образовавшихся вслѣдствіе необыкновеннаго осенняго разлитія рѣкъ; въ нижнеудинскомъ округѣ Иркутской Губерніи особенно содѣйствовало зарожденію тифозной міазмы гніеніе павшаго и незарытаго въ землю скота, на чтó тамошніе жители не обращаютъ никакого вниманія; холерѣ въ 1857 году, задолго до ея появленія, почти повсемѣстно предшествовали изнурительные поносы, отъ пренебреженія которыхъ ослабѣвшій уже организмъ не могъ болѣе противостоять губительному дѣйствію эпидеміи, и при изслѣдованіи причинъ, наиболѣе располагавшихъ къ заболѣванію холерою, замѣчено, что въ большинствѣ случаевъ она развивалась: или отъ погрѣшности въ діетѣ, или отъ простуды, или, наконецъ, была только исходомъ пренебреженнаго поноса. Замѣчено также, что въ 1857 году припадки холеры во многомъ отличались отъ тѣхъ припадковъ, которые болѣзнь эта имѣла при первомъ своемъ появленіи въ Европѣ: такъ рвота и корчи встрѣчались уже рѣже и притомъ послѣднія, во многихъ случаяхъ, ограничивались только однимъ подергиваніемъ отдѣльныхъ мышцъ конечностей, преимущественно же нижнихъ. Къ прежнимъ врачебнымъ средствамъ противъ холеры, въ 1857 году присоединяли съ успѣхомъ, хотя и не повсемѣстнымъ, сладкую ртуть.

Къ замѣчательнымъ фактамъ, находящимся въ четвертой главѣ «Отчета», можно отнести бывшій въ новгородской городской больницѣ случай гриппа, соединеннаго съ временнымъ помѣшательствомъ. Нельзя также не обратить вниманія на сообщаемый въ этой главѣ способъ леченія острыхъ ревматизмовъ прикладываніемъ на пораженное мѣсто глины, разведенной холодною водою до густоты теста; глину эту удерживаютъ на больномъ мѣстѣ до-тѣхъ-поръ, пока она не согрѣется: тогда ее отнимаютъ и замѣняютъ новою, и это продолжается до того времени, пока не уничтожатся всѣ признаки остраго мѣстнаго воспаленія. По словамъ «Отчета», этотъ способъ леченія употребляется съ успѣхомъ уже въ-теченіе двадцати лѣтъ, Харьковской Губерніи, въ зміевской больницѣ, тамошнимъ городовымъ врачемъ. Нельзя не пожалѣть, что у насъ нерѣдко многіе полезные опыты, открытія и примѣненія въ медицинѣ остаются въ безвѣстности, а потому нельзя не поблагодарить министерство внутреннихъ дѣлъ за обнародованіе медицинскаго отчета въ настоящей формѣ, нетолько административной, но и ученой, такъ-какъ въ отчетѣ этомъ встрѣчается весьма-много такихъ указаній по врачебной части, которыя, подтвержденныя опытами и наблюденіями, могутъ современемъ привести къ весьма-полезнымъ ре-

зультатамъ. Къ разряду такихъ свѣдѣній должно отнести указаніе «Отчета» на излеченіе падучей болѣзни спиртнымъ настоемъ изъ ландышей.

Большой запасъ наблюденій надъ особенными признаками и особеннымъ исходомъ разныхъ болѣзней представляетъ та часть «Отчета», въ которой помѣщены свѣдѣнія, относящіяся къ воспаленію внутреннихъ органовъ.

Далѣе, подъ рубрикою «органическія болѣзни внутреннихъ органовъ, болѣзни нервныя и душевныя», есть нѣсколько случаевъ, заслуживающихъ вниманія, и въ особенности случаи, относящіеся къ помѣшательству. Больныхъ различными видами помѣшательства въ домахъ умалишенныхъ и больницахъ гражданскаго вѣдомства призрѣвалось въ 1857 году 5057 человѣкъ; изъ этого числа въ-теченіе означеннаго года умерло 477. Между призрѣваемыми встрѣчались всѣ степени и виды помѣшательства, отъ сильнаго общаго помѣшательства до врожденнаго идіотизма. Значительное же число больныхъ было одержимо одновременнымъ помѣшательствомъ, мономаніей. Ideae fixae были чрезвычайно-разнообразны. Причинъ развивавшейся болѣзни иногда нельзя было открыть. Нерѣдко она происходила отъ наружныхъ болѣзней головы; были случаи образованія помѣшательства въ періодъ выздоровленія отъ тифа, или отъ воспаленія мозга. Очень-нерѣдкую причину этой болѣзни составляли запойныя горячки, особенно при повтореніи ихъ у одного и того же субъекта по нѣскольку разъ. Гибельныя послѣдствія злоупотребленія спиртныхъ напитковъ очень-часто наблюдались въ больницахъ въ видѣ временнаго остраго разстройства отправленій мозга (delirii trementis), а въ домахъ умалишенныхъ нерѣдко встрѣчались и дальнѣйшія послѣдствія этого порока въ видѣ помѣшательствъ различнаго рода, чаще же въ видѣ ослабленной и притупленной мозговой дѣятельности. Леченіе отъ помѣшательства и запойной горячки было безуспѣшно.

Изъ случаевъ помѣшательства замѣчательно помѣшательство одного рядоваго на томъ, что онъ переродился въ дѣвушку, идущую къ вѣнцу; помѣшанный просилъ больничныхъ служителей «не трогать несчастной дѣвушки», плакалъ, стыдливо закрывалъ грудь, жаловался на невѣжливость окружающихъ и убѣждалъ ихъ отвести его домой, потому-что его ожидаетъ тамъ богатый женихъ; при малѣйшей угрозѣ, больной начиналъ плакать, повторяя «я бѣдная дѣвушка». Выздоровѣвъ онъ разсказывалъ, что, пася стадо ремонтныхъ лошадей, онъ уснулъ на полѣ. Во время сна, ему послышался такой сильный ударъ грома, что, казалось ему, будто бы тѣло его распалось на куски. Онъ помнилъ только, что, проснувшись, увидѣлъ себя окруженнымъ пасшимися лошадьми, но что̀ послѣ этого съ нимъ случилось, онъ рѣшительно не знаетъ.

Замѣчателенъ другой случай помѣшательства религіознаго, при которомъ помѣшанный закололъ своего товарища за то̀ только, что тотъ несправедливо побожился въ самомъ ничтожномъ случаѣ.

Нелишена нѣкотораго интереса и та часть «Отчета», гдѣ сообщается объ органическихъ болѣзняхъ; такъ касательно чахотки сдѣлано замѣчаніе, что изъ отчетовъ врачебныхъ палатъ и больницъ надобно заключать, что бóльшую степень распространенія туберкулезной чахотки представляютъ губерніи средней и сѣверозападной полосы Россіи, особенно же тамъ, гдѣ наиболѣе господствуетъ золотуха, какъ напримѣръ, въ губерніяхъ: Ярославской, Псковской, Новгородской. С.-Петербургской, Минской, и что, напротивъ того, въ восточномъ краѣ имперіи, а также въ губерніяхъ сибирскихъ, чахотка встрѣчается рѣже. Для леченія чахотки, какъ видно изъ «Отчета», въ московской больницѣ для чернорабочихъ введена была въ употребленіе, съ мая 1857 года, на женской половинѣ, фосфорно-кислая известь. «Отчетъ» представляетъ рядъ наблюденій по этому предмету, и приходитъ къ тому заключенію, что результатъ леченія чахотки фосфорно-кислою известью оказывается довольно-благопріятный для такой губительной болѣзни, какова чахотка, въ-особенности же при больничномъ воздухѣ, столь вредномъ для чахоточныхъ.

Мы выбрали изъ «Отчета» только тѣ факты, которые представляютъ болѣе или менѣе общія явленія; но надобно сказать, что онъ изобилуетъ множествомъ частныхъ случаевъ леченія, указаніемъ на которые можетъ легко воспользоваться каждый врачъ, и даже, въ случаѣ надобности, онъ можетъ войти въ подробную корреспонденцію съ своими сотоварищами по наукѣ, о вновь вводимыхъ способахъ леченія, такъ-какъ при каждомъ приводимомъ въ примѣръ, заслуживающемъ особаго вниманія способѣ врачеванія указывается обстоятельно въ «Отчетѣ» то мѣсто, гдѣ былъ употребленъ этотъ способъ.

Свѣдѣнія о болѣзняхъ и способахъ леченія дополняются нѣкоторыми свѣдѣніями о пользованіи въ Россіи, въ-теченіе 1857 года, минеральными водами, морскими купаньями, грязями и проч. Изъ этого отдѣла «Отчета» видно, что число больныхъ, пользованныхъ естественными и искуссвенными минеральными водами, морскими купаньями, минеральными грязями, а также и гидропатически, по способу Присница, было 6662, изъ нихъ съ полнымъ успѣхомъ 4372, съ значительнымъ облегченіемъ болѣзни 1880, и, наконецъ, 104 безъ всякаго успѣха; при этомъ изъ всего числа пользовавшихся было шесть смертельныхъ исходовъ, имѣвшихъ, впрочемъ, причиною простую случайность.

Какъ видно изъ «Отчета», въ Россіи, въ настоящее время, находятся слѣдующія минеральныя воды, употребляемыя для врачеванія, а именно: Сергіевскія въ Самарской, Друсгеникскія въ Гродненской, Кеммернскія въ Лифляндской, Кавказскія, Славянскія въ Харьковской, Борковскія въ Витебской, Больдингенскія въ Курляндской, Краинскія въ Калужской губерніи, Смордонскія и Вадскія въ Ковенской губерніи, Ледингенскія въ Вологодской, и наконецъ, Сергинскія въ Пермской губерніяхъ. Изъ числа этихъ водъ, какъ сказано въ «Отчетѣ», Бор-

скія еще устроиваются, но можно ожидать, что число посѣтителей будетъ ежегодно возрастать, чему должно содѣйствовать чрезвычайно-выгодное мѣстоположеніе при этихъ водахъ.

Что касается посѣтителей русскихъ минеральныхъ водъ, то самое значительное число пользовавшихся было на кавказскихъ водахъ, а именно 1414 человѣкъ; за ними слѣдовали Сергіевскія воды, которыми пользовалось 750, далѣе Славянскія воды съ 609 посѣтителями, послѣ нихъ Друсгеникскія, которыми пользовалось 586 человѣкъ и, наконецъ, Кеммернскія, гдѣ было 335 посѣтителей; остальными же пользовались больные въ числѣ весьма-незначительномъ.

Морскія купанья существуютъ въ Россіи: въ Гапсалѣ, Ревелѣ и Одессѣ; въ послѣдней находятся также лиманныя купанья и грязи.

Искусственными минеральными водами, приготовляемыми въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, пользовались, въ-теченіе 1857 года, до 638 человѣкъ, изъ нихъ, какъ сказано въ отчетѣ, выздоровѣло 335 и получило облегченіе 297.

Число лечившихся гидропатическимъ способомъ, по методѣ Присница, простиралось, въ 1857 году, до 567, изъ нихъ выздоровѣло 322 и получило облегченіе 128.

Приложеніе къ «Отчету» состоитъ изъ «числительной вѣдомости о больныхъ, пользованныхъ въ гражданскихъ больницахъ и въ частной практикѣ по губерніямъ въ 1857 году». Вѣдомость эта, какъ медицинско-статистическій матеріалъ, представляетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ; такъ изъ нея мы узнаемъ, между-прочимъ, что самое большое число лицъ, пользовавшихся въ больницахъ и у врачей, а именно 107,434, было по Пермской Губерніи Объяснить этотъ фактъ, кажется, можно тѣмъ, что бо́льшая часть народонаселенія этой губерніи принадлежитъ къ заводскимъ рабочимъ и что при всѣхъ заводахъ есть врачи, которые обязательно пользуютъ рабочій классъ; за Пермской губерніей идетъ непосредственно, въ этомъ отношеніи, Московская, гдѣ было пользуемо 81,528, далѣе Петербургская, въ которой на попеченіи врачей находилось 77,430 человѣкъ. Самое же малое число пользовавшихся медицинскимъ пособіемъ было по Архангельской Губерніи, а именно 726. Такое число легко объясняется, если не недостаткомъ врачей въ этомъ краѣ, то разселеніемъ тамошнихъ жителей на такихъ разстояніяхъ, которыя препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ врачами и лечебными заведеніями.

Вообще, на основаніи «Отчета», оказывается, что больные, страдавшіе болѣзнями, которыя почитаются обыкновенно во врачебномъ искусствѣ неизлечимыми, выздоравливали, такъ напримѣръ, изъ 621 лица, страдавшихъ ракомъ внутреннихъ органовъ, выздоровѣло, какъ значится въ отчетѣ, 223; изъ 2,869 лицъ, страдавшихъ органическою болѣзнью сердца, выздоровѣло 1918. Такія, впрочемъ, данныя, какъ мы полагаемъ, не должны наводить сомнѣнія въ истинности цифръ. Не говоря,

что иногда самая діагностика болѣзней могла быть несовсѣмъ вѣрна, скажемъ только, что самое слово «выздоровѣло» не должно, какъ мы полагаемъ, означать излеченія отъ недуга, но только, или временное облегченіе, полученное больными, или выбытіе ихъ, какъ изъ лечебнаго заведенія, такъ и изъ частной практики, съ здоровьемъ, хотя бы нѣсколько улучшеннымъ противъ прежняго.

Постороннее вліяніе. *Романъ въ четырехъ частяхъ, съ эпилогомъ. Сочиненіе Князя* Г. В. Кугушева. *Москва. 1859 г.*

Содержаніе романа взято изъ свѣтской жизни. *Постороннимъ вліяніемъ* названъ онъ, вѣроятно, потому, что одна хитрая, безчестная и низкая свѣтская дѣвушка, Настенька Дебелина, эксплуатируетъ для своихъ матеріальныхъ выгодъ другую, добрую, кроткую, нѣжную и тоже свѣтскою дѣвушку, Вѣру Струйскую, которая, считая себя подругою первой и не понимая ея коварныхъ замысловъ, довѣряется ей вполнѣ, безъ размышленія, вовсе не подозрѣвая, какую роль играетъ она въ этой дружбѣ.

Романъ начинается сценой между Настенькой Дебелиной и ея дальнимъ родственникомъ, cousin'омъ, Полемъ Сермягинымъ. Этотъ Сермягинъ еще очень-молодой человѣкъ, почти юноша, пустой, простоватый и недальній, хотя добрый малый, имѣющій незлобное сердце. Цѣль его существованія въ настоящую минуту—добиться *внимательнаго* расположенія княгини Рогожской, которая замужемъ за весьма-сановнитымъ и престарѣлымъ княземъ. Рогожской только тридцать-лѣтъ,—она невысока ростомъ и худощава, но очень-недурна, моложава и привлекательна; поэтому поклонниковъ у нея бездна и все юноши, изъ которыхъ многіе имѣютъ успѣхъ; мужъ ея, конечно, ничего не подозрѣваетъ, занятый своими дѣлами. Настенька въ разговорѣ съ Полемъ заставляетъ его искусно высказать всѣ свои сердечныя тайны, узнаетъ о предметѣ его поклоненія, и, пользуясь этимъ, заставляетъ его привести къ нимъ въ одинъ изъ четверковъ, когда сбирались у нихъ гости, Петю Волынкина, молодаго, красиваго и чрезвычайно-богатаго человѣка, котораго милліоны до того подѣйствовали на честолюбіе и эгоизмъ Настеньки, что она рѣшилась во что бы то ни стало выйдти за него замужъ.

Постоянно маскируя свою житейскую практичность, зрѣлость своей души, свои эгоистическія стремленія и замыслы,—то безпрестаннымъ смѣхомъ, отвратительнымъ для человѣка, понимающаго источникъ его, то наивными дѣтскими движеніями, рѣзвостью и прыганьемъ, Настенька, на первый взглядъ, могла показаться совершеннымъ ребенкомъ, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ. Ловко ухаживая за Волынкинымъ, пріѣхавшимъ къ Дебелинымъ въ одинъ изъ четверковъ, она успѣла заставить его обратить на себя вниманіе... Но вдругъ Волынкинъ перемѣняется... Разгадавъ, помощію Сермягина, цѣли Настеньки, онъ привязывается къ

Вѣрѣ Струйской, въ которой нравится ему и ея красота, и ея прекрасныя душевныя свойства: кротость и доброта, безъискусственная непринужденность всѣхъ ея поступковъ и движеній, прямота ея безхитростной души, нѣжное и благородное сердце, готовое во имя любви и дружбы на всевозможныя лишенія, на всевозможныя жертвы, въ ущербъ своему самолюбію, своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ. Въ одинъ изъ четверковъ у Дебелиныхъ, голосъ Вѣры, пѣвшей одну изъ своихъ любимыхъ арій, воскрешаетъ въ Волынкинѣ его жизнь въ Петербургѣ, отъ которой остались у него самыя сладкія и пріятныя впечатлѣнія. Вѣра, слушавшая ту же арію, спѣтую вслѣдъ за ней Волынкинымъ, въ свою очередь, приходитъ въ отрадное смущеніе: теперь ея постоянныя думы, ея завѣтныя мечты разъяснялись вполнѣ.

Видите ли, читатель, въ чемъ дѣло: годъ или два тому назадъ, Вѣрѣ Струйской, ея теткѣ и Петѣ Волынкину суждено было остановиться въ одномъ домѣ, и пришлось такъ, что комнатку Вѣры отъ комнаты Волынкина отдѣляла одна только очень-тонкая и легкая перегородка. Поэтому, когда Вѣра пѣла, то ея голосъ раздавался въ комнатѣ Волынкина, и наоборотъ, Вѣра слышала его пѣніе. Вскорѣ имъ суждено было разъѣхаться, нетолько-что не узнавъ, но даже не видавъ другъ друга въ лицо, а между-тѣмъ голоса ихъ, взаимно подѣйствовавъ на каждаго изъ нихъ, оставили по себѣ самыя пріятныя впечатлѣнія, заронили въ душу рой самыхъ свѣтлыхъ мечтаній, а въ сердце искру любви... Они постоянно мечтали другъ о другѣ ..

Заинтересованный Вѣрою и прежде, а теперь, узнавъ, что она та самая, чей голосъ такъ отрадно проникалъ въ его душу, Волынкинъ окончательно влюбился въ нее, и, попросивъ у матери Вѣры позволенія бывать въ ея домѣ, сталъ чрезвычайно-часто посѣщать Струйскихъ. Между-тѣмъ Настенька Дебелина, понявъ, что она оставлена Волынкинымъ и что ея ухаживанья не имѣли успѣха, рѣшилась отбить жениха у Вѣры и завладѣть имъ во что бы то ни стало Но сколько ни старалась она объ этомъ, какія кóзни ни строила, кáкъ ни лицемѣрила, кáкъ ни хитрила, кáкъ ни наивничала и кáкъ ни притворялась—все было напрасно! Волынкинъ и, наконецъ, даже самая Вѣра, только теперь разгадавшая Настеньку, питали къ ней чувство одного отвращенія,—и планы ея, повидимому, окончательно разрушились, какъ вдругъ одно обстоятельство быстро измѣнило счастье Вѣры, полюбившей теперь Волынкина до безумія и уже сговоренной за него. Волынкинъ, задумавъ жениться на Струйской, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно тревожился о своей связи съ одною хорошенькою танцовщицею, отъ которой онъ имѣлъ уже и сына. И дѣйствительно, эта тревога не была напрасна; предчувствія Волынкина оправдались еще въ большей силѣ, чѣмъ могъ ожидать онъ: танцовщица, провѣдавъ отъ одной гнусной женщины, Анны Антоновны, о близкой свадьбѣ своего Петруши, какъ называла она его, потребовала отъ него денежнаго сбезпеченія для сына. Волынкинъ обѣ-

щалъ прислать ей съ повѣреннымъ десять тысячъ рублей серебромъ; но когда повѣренный, задержанный множествомъ дѣлъ, не могъ явиться къ ней скоро, то она заподозрила Волынкина въ обманѣ и, съ помощію той же Анны Антоновны, рѣшилась помѣшать свадьбѣ Волынкина и такимъ—образомъ отмстить ему за его равнодушіе къ ней. Въ одинъ вечеръ, зазвавъ къ себѣ Волынкина, будто-бы для послѣдняго прощальнаго свиданія, она искусно завладѣла его фамильнымъ перстнемъ, и на его лошади, вмѣстѣ съ ребенкомъ, отправилась въ домъ Струйскихъ, оставивъ Волынкина дожидаться себя въ своей квартирѣ и сказавъ ему, что она уѣзжаетъ на минуту—только провѣдать Анну Антоновну, будто-бы умиравшую отъ неожиданнаго несчастія. Въ домѣ Струйскихъ танцовщица, конечно, надѣлала страшныхъ сценъ: показывала Вѣрѣ ребенка, заставляла его узнать, по висѣвшему портрету Волынкина, своего папу, и проч. Струйская отъ всего этого пришла въ безпамятство, упала въ обморокъ и рыдала, судорожно, истерически пораженная этими сценами, убитая горемъ. На другой день послѣдовалъ отказъ Волынкину, вскорѣ уѣхавшему, для разсѣянія, въ Петербургъ. Между-тѣмъ Настенька, узнавъ о разошедшейся свадьбѣ Струйской, снова получила возможность сдѣлаться женою Волынкина, къ которому она тотчасъ же, вмѣстѣ съ матерью, уѣхала въ Петербургъ, и тамъ, ловкими манерами и искусными ролями заставила его просить своей руки.

Романъ кончается эпилогомъ, (что́ объявлено даже и на заглавномъ листѣ) изъ котораго узнается, что танцовщицаВаренька, любовница Волынкина, вскорѣ по отъѣздѣ его въ Петербургъ, пріобрѣла новаго обожателя, еще богатѣе перваго,—и зажила себѣ припѣваючи;—что у княгини Рогожской умеръ мужъ и она теперь свободно могла распоряжаться своею рукою;—что Настенька Дебелина сдѣлалась Волынкиной, а у Вѣры Струйской скончалась мать, и это послѣднее горе еще мрачнѣе, еще печальнѣе сдѣлало ея жизнь, и безъ этого невеселую по своей грустной обстановкѣ...

Въ этомъ и заключается главнымъ образомъ содержаніе романа князя Кугушева. Мы не упоминаемъ здѣсь о множествѣ сценъ, рисующихъ намъ всю пустоту, ничтожество, пошлость и развратъ нашей свѣтской, аристократической жизни. Таковы, напримѣръ, похожденія княгини Рогожской, таковы маневры Настеньки, стремленія Поля Сермягина, отчасти таковъ и самъ Петя Волынкинъ. Есть также въ романѣ и разсказы другаго рода, знакомящіе съ возмутительными наклонностями нашихъ наемныхъ красавицъ, и проч.

Какое вліяніе на читателя производитъ этотъ романъ, какое впечатлѣніе оставляетъ онъ послѣ себя?—вотъ вопросъ, отвѣчая на который, можно опредѣлить его достоинство и значеніе.

Идея его, какъ видите, очень-проста: — кто не знаетъ, что постороннее вліяніе часто губительно дѣйствуетъ на жизнь другихъ, разрушая счастье этихъ послѣднихъ и лишая ихъ многихъ радостей и мно-

тихъ матеріальныхъ удобствъ—истина неновая, давно сознанная! Примѣняемая въ этомъ романѣ къ свѣтскимъ людямъ, она не знакомитъ насъ ни съ какими новыми положеніями, ни съ какими новыми, болѣе-развитыми началами для нашей общественной жизни: все разсказанное въ ней—явленія слишкомъ-извѣстныя и слишкомъ-обыкновенныя. Слѣдовательно, романъ кн Кугушева, по его основной идеѣ и по содержанію, нельзя ни въ какомъ случаѣ отнести къ разряду тѣхъ повѣстей и романовъ, въ которыхъ недостатокъ истиннаго творчества и художественности въ отдѣлкѣ выкупается его философскимъ значеніемъ, глубокимъ его содержаніемъ (*): свѣтлымъ, гуманнымъ возарѣніемъ на явленія жизни, высказываніемъ въ самомъ сцѣпленіи обстоятельствъ романа или повѣсти и въ положеніи его дѣйствующихъ лицъ такихъ гуманныхъ истинъ, такихъ законныхъ началъ, которыя мало доступны еще и меньшинству нашего общества, далеко непонявшаго, несознавшаго ихъ и потому убѣгающаго отъ нихъ съ паническимъ испугомъ и страхомъ. Таковы были нѣкоторыя повѣсти сороковыхъ годовъ, напримѣръ, «Кто виноватъ», «Записки доктора Крупова», изъ «Записокъ Человѣка, Сто однаго», и другія помѣщаемыя въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Итакъ, идея и вообще содержаніе романа г. Кугушева незначительны сами по себѣ. Остается взглянуть теперь на выполненіе ихъ, на то, въ какой степени одаренъ авторъ талантомъ и творческими способностями».

Первое, что бросается въ глаза, это—неполнота, блѣдность и незаконченность выведенныхъ въ романѣ главныхъ личностей. Затѣмъ есть много лишнихъ сценъ, удлинняющихъ романъ въ ущербъ его художественному достоинству. Самое изложеніе въ романѣ, то-есть характеръ слога, описывающаго различныя событія и преимущественно же анализирующаго внутренній миръ выведенныхъ въ немъ лицъ, то-есть состояніе ихъ души и сердца въ извѣстные моменты и при извѣстной обстановкѣ, не отличается особеннымъ изяществомъ, силою и гибкостью выраженій. Напротивъ, мѣстами въ немъ встрѣчаются даже какія-то странныя выходки, какія-то дѣтски-наивныя резонерствованія, читая которыя, невольно припоминаешь несовсѣмъ-удачныя повѣсти тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, повѣсти, имѣвшія сильныя претензіи на краснорѣчіе, цвѣтистость и чувствительность изложенія. Прочтите, напримѣръ, хоть слѣдующія страницы:

«А Вѣрѣ стало легче, когда она подѣлилась своимъ горемъ съ *почтеннымъ* Силой Савичемъ. Ей стало легче, когда ея сомнѣніе встрѣтило такое упорное сопротивленіе въ увѣренности старика. Надежда робкимъ

(*) Говоря это мы, конечно, не имѣемъ въ виду «обличительныхъ разсказцевъ»—твореній нашихъ бездарныхъ провозглашателей общественнаго зла и неправды.

лучемъ своимъ освѣжила ея сердце, и она ждала той минуты, когда Сила Савичъ придетъ и разувѣритъ, успокоитъ ее. Ей такъ хотѣлось разувѣриться, ей такъ было грустно отказываться отъ всего того, что обѣщала-было жизнь и что вдругъ отнимала, какъ няня, которая, играя съ ребенкомъ, то приближаетъ къ нему игрушку, и онъ ловитъ ее, то снова отдаляетъ, и онъ за ней тянется. Сначала это нравится ребенку, онъ улыбается, скоро гримаска перекашиваетъ его розовыя губки, наконецъ, слезы показываются на глазахъ, и ребенокъ плачетъ; но няня отдаетъ ему игрушку, слезы исчезаютъ, подрожавъ на длинныхъ рѣсницахъ, и розовый дѣтскій смѣхъ звучитъ металлической трелью. Многаго ждала Вѣра отъ жизни, но жизнь играла ея счастьемъ, какъ мячикомъ. Вѣра ловила этотъ мячикъ, поймала его, но онъ былъ слишкомъ-великъ: ея маленькія ручки не удержали столько счастія, и оно рухнулось, отскочило, запрыгало, укатилось. *Кто подниметъ мячикъ, кто подастъ его Вѣрѣ, только не подбрасывая, иначе ей опять не поймать его: онъ вырвется, ускользнетъ. Отдайте мячикъ Вѣрочкѣ. Онъ въ рукахъ Силы Савича* (*)...

Или, напримѣръ, вотъ еще подобныя описанія, уже соединенныя вмѣстѣ съ чувствительными разсужденіями:

«Два года пробылъ Волынкинъ за границей; вернувшись, узналъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кострому, поклониться его могилѣ. Тамъ, впервые, послѣ двухъ лѣтъ отсутствія, обнялъ онъ свою больную, исхудалую и блѣдную мать. Они такъ любили другъ друга, что, казалось, пережить одинъ другую не могли. Они плакали отъ радости и горя; они свидѣлись на могилѣ человѣка, имъ хотя и близкаго, но чужаго. Однакожь, они горячо о немъ молились. А между-тѣмъ, среди этой молитвы, улыбка удовольствія, невольно внушенная блаженствомъ свиданія, посылалась другъ другу. И все это на могилѣ! Провидѣніе, казалось, стояло въ эту минуту между ними и, указывая на свѣжій дернъ, говорило: не радуйтесь, мнѣ угодно разлучить и васъ, разлучить на вѣки, это необходимо: вы любите другъ друга, вы не вѣрите въ возможность разлуки, пускай же одинъ изъ васъ смирится, пусть извѣдаетъ милосердіе Божіе, посылающее ему свой тяжелый крестъ, пусть носитъ онъ его безропотно, пусть молится и плачетъ: Блажени плачущіе... И дѣйствительно, черезъ годъ Волынкинъ лишился матери, лишился внезапно. Такъ, часто громъ, ударяя съ неба, однимъ ударомъ крушитъ молодое, стройное дерево, и оно, опаленное, клонитъ долу свою вершину, но корень живъ еще: вершина засыхаетъ, снизу идутъ новые отпрыски, жизненныя силы вытягиваютъ ихъ, они мужаютъ и снова ждутъ грозы и молніи. Волынкинъ былъ въ отчаяніи, сознавая вполнѣ свое одиночество. Но несчастный, оплакивая мать, не плакалъ ли онъ о себѣ? *Неужели въ-самомъ-дѣлѣ, самое искреннее проявленіе грусти, самыя завѣтнѣйшія, горчайшія слезы не что иное, какъ проявленіе эгоизма? Если это такъ—это ужасно! Ужасно потому, что врядъ ли есть человѣкъ, достаточно-религіозный, который, испытавъ жесточайшую изъ утратъ, созна-*

(*) Стр. 135.

вая весь ужасъ своего положенія, не позволилъ бы себѣ произнести ни одной жалобы, пролить ни единой слезы, и только съ твердымъ упованіемъ, съ несокрушимою вѣрою сказалъ бы: Господи, благодарю Тебя! (*).»

Подобныхъ разглагольствованій немало въ романѣ г. Кугушева.

Вообще, по прочтеніи «Посторонняго вліянія», у читателя, можетъ-быть, останется въ головѣ нѣсколько сценъ, удержатся ненадолго нѣкоторыя мелочи свѣтской жизни, можетъ—быть даже, онъ и понегодуетъ и посердится на всю безнравственность и пустоту нашего свѣтскаго общества... но онъ не испытаетъ того впечатлѣнія, какое испытывается по прочтеніи, напримѣръ, «Обломова» Гончарова, «Дворянскаго Гнѣзда» Тургенева, Антона Горемыки Григоровича и другихъ. повѣстей и романовъ. Онъ не отброситъ отъ себя всѣ житейскіе помыслы и не позабудется подъ обаятельною силою таланта!.. Нѣтъ!.. чтеніе этого романа не доставитъ тѣхъ пріятныхъ минутъ эстетическаго наслажденія, какое доставляется чтеніемъ упомянутыхъ произведеній. Оно не заставитъ также глубже и серьёзнѣе вглядѣться въ явленія житейскія, не заставитъ призадуматься надъ судьбою дѣйствующихъ въ немъ лицъ — нѣтъ! Это удѣлъ талантовъ первостепенныхъ...

Скажемъ въ заключеніе, что «Постороннее вліяніе» ниже «Корнета Отлетаева.» Что касается до внѣшняго вида романа, то изданіе довольно опрятно, чисто и даже изящно.

Т. Л.

О разведеніи кормовыхъ травъ. *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства, агрономомъ* А. Совѣтовымъ. *Москва 1859.*

Трудъ г. Совѣтова состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ. Въ первомъ изложенъ историческій очеркъ введенія кормовыхъ травъ въ полевую культуру, разсмотрѣны выгоды, которыя доставляетъ земледѣльцу полевое травосѣяніе, и, наконецъ, высказаны соображенія на сколько это дѣло примѣнимо и необходимо въ русскомъ хозяйствѣ.

Во-второмъ отдѣлѣ съ подробностію разсмотрѣны въ хозяйственномъ отношеніи главныя кормовыя травы, разводимыя на поляхъ въ Россіи: клеверъ, люцерна, эспарсетъ, вика, тимофеевка и шпергель.

Изъ краткаго обзора содержанія разсматриваемаго труда читателямъ нетрудно замѣтить, что заглавіе, данное авторомъ своему трактату, слишкомъ-обще. Кормовыя травы сѣются въ разныхъ мѣстахъ: на поляхъ, лугахъ, выгонахъ, между-тѣмъ-какъ г. Совѣтовъ разсматриваетъ только одинъ отдѣлъ травосѣянія—травосѣяніе полевое. Правда, во введеніи авторъ приводитъ достаточное основаніе, почему онъ избралъ только этотъ отдѣлъ, а не травосѣяніе вообще, но въ такомъ случаѣ

(*) Стр. 142.

тѣмъ правильнѣе было бы заглавіе «О полевомъ травосѣяніи», а не о разведеніи кормовыхъ травъ.

Историческій очеркъ введенія кормовыхъ травъ въ полевую культуру, или, какъ назвалъ авторъ эту статью, идея полеваго травосѣянія (стр. 7—32) содержитъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, особенно въ отношеніи къ русскому травосѣянію. Въ послѣднемъ случаѣ автору предстоялъ трудъ немаловажный: онъ долженъ былъ перечитать «Труды Вольнаго Экономическаго Общества», начиная съ 1796 г. «Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства» съ 1820 г. «Земледѣльческую газету»—словомъ, почти всѣ сельско-хозяйственные журналы. Изъ изъисканій г. Совѣтова открывается, что основателями русскаго полеваго травосѣянія надобно считать Полторацкаго и Самарина. До нихъ у насъ дѣлались только небольшія попытки къ разведенію кормовыхъ травъ, между-тѣмъ, какъ эти два корифея раціональнаго хозяйства въ Россіи въ большихъ размѣрахъ приступили къ плодосмѣнному, съ травосѣяніемъ, хозяйству.

Развитіе полеваго травосѣянія въ другихъ государствахъ разсмотрѣно съ меньшею подробностію, между-тѣмъ, какъ объ этомъ предметѣ можно было бы написать гораздо-больше. Авторъ начинаетъ свой обзоръ только съ половины прошлаго столѣтія, а полевое травосѣяніе существовало еще въ древнія времена, и особенно было развито у римлянъ. Можетъ-быть, г. Совѣтовъ стѣснялся въ этомъ случаѣ объемомъ и формою сочиненія, какъ магистерской диссертаціи, но, принявъ во вниманіе и это обстоятельство, можно замѣтить, что кромѣ Шубарта фонъ-Клеефельдъ, на котораго особенно налегаетъ авторъ, слѣдовало бы упомянуть о Бергенѣ, Шверцѣ, Теэрѣ и многихъ другихъ агрономахъ, которые немало способствовали упроченію травосѣянія, особенно въ Германіи.

Выгоды полеваго травосѣянія изложены ясно, отчетливо, безъ увлеченія, на основаніи фактическихъ данныхъ (стр. 32—51). Для того, чтобъ показать, ка́къ полевое травосѣяніе обезпечиваетъ содержаніе скота въ хозяйствѣ, авторъ знакомитъ читателя съ полеводствомъ Горыгорѣцкой учебной фермы, какъ хозяйства болѣе другихъ ему извѣстнаго. Здѣсь беретъ онъ въ основаніе среднюю, за пять лѣтъ, урожайность всѣхъ растеній, воздѣлываемыхъ въ горыгорѣцкомъ фольваркѣ, переводитъ получаемые продукты, сообразно съ ихъ питательностію, на сѣно, выводитъ отсюда количество скота, какое могла бы содержать ферма, еслибъ она не имѣла самородныхъ луговъ; затѣмъ, взявши за норму, что́ принято называть полнымъ удобреніемъ, разсчитываетъ сколько такого удобренія дастъ хозяйство съ травосѣяніемъ и тоже хозяйство при обыкновенной трехпольной системѣ, и изъ такого сравненія доходитъ до заключенія, что для перваго хозяйства на одну десятину запашки довольно и *полдесятины* луга, между-тѣмъ, для хозяйства безъ травосѣянія потребно до *полутора* луговыхъ десятинъ на каждую

десятину пашни. Этотъ выводъ, ясно говорящій въ пользу полеваго травосѣянія, даетъ не теорія, на которую такъ нападаютъ наши хозяева, но практика, а потому, нѣтъ сомнѣнія—этотъ выводъ очень-важенъ для практическаго земледѣлія.

Въ пользу травосѣянія авторъ приводитъ еще то обстоятельство, что кормовыя травы *сохраняютъ силу, производительность почвы*. Это положеніе основано на ученіи нѣмецкихъ агрономовъ, допускающихъ дѣленіе культурныхъ растеній на *истощающія* и *обогащающія* почву. Нельзя не замѣтить, что по ученію Либиха, высказанному особенно въ послѣднихъ его письмахъ, такой взглядъ неправиленъ. Либихъ говоритъ, что берутъ ли жатву съ поля зерномъ, или травою, почва съ каждымъ урожаемъ лишается извѣстной части своихъ производительныхъ началъ. Не затрогиваемъ, однакожь, этого вопроса, онъ пока составляетъ дѣло нерѣшенное, а потому и могъ бы завести насъ очень-далеко. Скажемъ только, что автору, какъ по всему видно, письма Либиха извѣстны, потому-что онъ самъ не раздѣляетъ ученія нѣмецкихъ агрономовъ, и даже въ одномъ изъ тезисовъ, приложенныхъ въ концѣ книги, именно въ тез. 6-мъ, прямо говоритъ: «Дѣленіе культурныхъ растеній, принятое германскими агрономами — на истощающія и обогащающія почву — неправильно.»

Что касается примѣнимости и необходимости травосѣянія въ русскихъ хозяйствахъ, то объ этомъ мнѣнія нашихъ сельскихъ хозяевъ различны. Авторъ не навязываетъ всѣмъ и каждому травосѣянія, но, на основаніи статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ Тенгоборскимъ, и сообразно съ состояніемъ скотоводства и самородныхъ луговъ въ разныхъ полосахъ Россіи, приходитъ къ заключенію, что разведеніе кормовыхъ травъ, *необходимое* для нечерноземной полосы Россіи, *неизлишне* и для черноземныхъ, даже степныхъ губерній. Этимъ оканчивается первый или общій отдѣлъ труда г. Совѣтова; онъ знакомитъ читателя со всѣми свѣтлыми сторонами травосѣянія; но, по нашему мнѣнію, этому весьма-интересному, полному и отчетливому трактату не достаетъ одного — указанія на затрудненія, которыя неизбѣжны при всякомъ нововведеніи, а слѣдовательно и при заведеніи травосѣянія. Авторъ только мѣстами касается этого предмета, между-тѣмъ, какъ стоило бы обратить на эту статью особое вниманіе. Травосѣяніе было, и не разъ, камнемъ преткновенія даже и для опытныхъ агрономовъ, что же послѣ этого сказать о начинающемъ, мало-просвѣщенномъ рутинистѣ: — ему, можетъ—быть, и въ голову не придетъ, что при введеніи полеваго травосѣянія, иной разъ, необходимо имѣть и больше оборотнаго капитала, нужно обзавестись хорошими пахатными орудіями, надобно, особенно на-первыхъ-порахъ, завестись бо́льшимъ количествомъ удобрительныхъ средствъ, ограничить производство зерновыхъ растеній, и т. п. Впрочемъ, внимательный и просвѣщенный хозяинъ эти недостающія свѣдѣнія можетъ почерпнуть изъ втораго отдѣла книги, изъ спеціальнаго раз-

смотрѣнія важнѣйшихъ кормовыхъ травъ, къ которому перейдемъ теперь и мы.

Первое мѣсто здѣсь занимаетъ клеверъ (стр. 73—148). Эту траву авторъ считаетъ самою важною для русскаго полеводства, а потому и разсматриваетъ ее со всѣми подробностями. Дѣйствительно, такого обстоятельнаго обзора клевера и всѣхъ его хозяйственныхъ потребностей не представляетъ ни одно изъ русскихъ агрономическихъ сочиненій. Для практическаго хозяина этотъ обзоръ есть лучшее руководство при заведеніи клеверныхъ посѣвовъ. Почва, плодосмѣнность, сѣвъ, удобреніе, уборка, способы пользованія клеверомъ—все это изложено въ строгой системѣ, съ указаніемъ практическихъ наставленій. Въ трактатѣ о клеверѣ много есть научныхъ интересовъ: многіе химическіе факты, напримѣръ, мнѣнія объ истощеніи клеверомъ почвы, о дѣйствіи на него гипса, разобраны полно и съ критическимъ взглядомъ, который обнаруживаетъ въ авторѣ богатый запасъ химическихъ и физіологическихъ свѣдѣній.

Нетакъ подробно, но тѣмъ-неменѣе полно разсмотрѣна другая кормовая трава — люцерна (стр. 148 — 172). О люцернѣ вообще у насъ почти никто не писалъ, между-тѣмъ какъ это растеніе есть безцѣнная трава для южной Россіи, потому-что никакая трава не выноситъ такъ засухъ, какъ люцерна (стр. 70). Такъ-какъ люцерна преимущественно разводится во Франціи, то и свѣдѣнія объ ней заимствованы авторомъ большею частію изъ сочиненія Гаспареня; для подкрѣпленія же чужеземныхъ данныхъ, онъ добылъ весьма-интересныя свѣдѣнія о воздѣлываніи люцерны отъ графа Бобринскаго, который разводитъ ее въ Кіевской Губерніи до 2000 десятинъ (стр. 71, 168, 169).

Жаль, что подобныхъ свѣдѣній не помѣщено объ эспарсетѣ, который, если мы не ошибаемся, тоже въ немаломъ количествѣ засѣвается гр. Бобринскимъ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ хозяевъ на трактатъ о тимофеевкѣ (стр. 191—202). Свѣдѣнія объ ней заимствованы авторомъ чисто изъ русскаго хозяйства—отъ помѣщиковъ Вологодской Губерніи, гдѣ съ незапамятныхъ временъ разводится тимофеевка.

На вику (стр. 182—8) и шпергель (стр. 202—6) уже менѣе обращено вниманія, особенно на послѣдній; онъ помѣщенъ только, какъ будто для счета. Впрочемъ, авторъ проводитъ ту мысль, что шпергель, хотя и имѣетъ своихъ почитателей, но мало прибыленъ, какъ кормовая трава. Викѣ онъ отдаетъ больше предпочтенія, но на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ на Горыгорѣцкой фермѣ, ставитъ ее гораздо-ниже клевера, потому-что въ сухія лѣта она даетъ мало сѣна.

Мы можемъ заключить нашу рецензію благодарностію автору за прекрасное обогащеніе нашей сельско-хозяйственной литературы. Имя г. Совѣтова едвали не въ первый разъ встрѣчается въ печати. Пожелаемъ,

чтобъ авторъ не остановился на первомъ трудѣ. Грѣхъ предаваться обломовщинѣ.

Съ другой стороны, хотя трудъ г. Совѣтова есть магистерская диссертація, на которыя у насъ привыкли смотрѣть, какъ на выполненіе одной лишь формальности, тѣмъ—неменѣе «диссертація» эта вполнѣ можетъ занять почетное мѣсто въ библіотекѣ всякаго сельскаго хозяина.

П. Алек.

Русскіе сатирическіе журналы *1769 — 1774 годовъ. Эпизодъ изъ русской исторіи литературы прошлаго вѣка. Сочиненіе* А. Аѳанасьева. ***Москва.*** *1859.*

Въ 1855 году, вслѣдъ за г. Буличемъ, разобравшимъ въ сочиненіи своемъ *Сумароковъ и современная ему критика* сатирическія изданія XVIII столѣтія, г. Аѳанасьевъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» три статьи о русскихъ журналахъ 1769 — 1774 годовъ (*). Черезъ годъ потомъ помѣстилъ онъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Черты русскихъ нравовъ XVIII столѣтія»(**) Теперь всѣ эти статьи сведены въ одну книгу, особенно-интересную для занимающихся исторіею русской литературы.

Вполнѣ исчерпывая свой предметъ, видимо хорошо-извѣстный автору, книга эта сначала знакомитъ нѣсколько съ самими издателями журналовъ, затѣмъ въ ней говорится о характерѣ и направленіи журналовъ, о полемикѣ, которую вели они между собою, о той внѣшней формѣ, въ которую облекались въ нихъ статьи разнообразнаго содержанія, о наружномъ видѣ журналовъ, и проч. Далѣе, основываясь на сатирическихъ замѣткахъ о различныхъ явленіяхъ и особенностяхъ въ жизни тогдашняго общества, авторъ изображаетъ черты русскихъ нравовъ XVIII вѣка. Посредствомъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ, часто скрѣпленныхъ другими историческими документами и матеріалами, читатель подробно знакомится какъ съ грубымъ бытомъ приверженцевъ до—петровскихъ обычаевъ, такъ и съ жизнію безусловныхъ поклонниковъ и подражателей всего французскаго. Таковы изображенія: стариннаго обученія грамотѣ, безчеловѣчія и грубаго деспотизма, ханжества, скопидомства, суевѣрія, особенностей и направленія французскаго воспитанія — щегольства, мотовства, долговъ, нецеремонной безнравственности мужей и женъ, и проч. и проч.

Замѣчая, на страницахъ 251 и 252, гуманное направленіе сатирическихъ журналовъ вообще и особенно новиковскихъ, представившихъ нѣсколько превосходныхъ статей о нравственномъ и матеріальномъ положеніи крестьянскаго населенія, авторъ только указываетъ на

(*) См. «Отеч. Записки» 1855, мѣсяцы: мартъ, т. XCIX; апрѣль, т. XCIX; май, т. C.

(**) «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., №№ 16 и 18.

эти статьи, не входя въ подробный ихъ разборъ, не приводя выписокъ даже изъ такихъ, какъ, напр. «Отрывокъ путешествія въ ***», соч. И*** Т***, или *Отписки крестьянскія и помѣщичій указъ ко крестьянамъ*. Даже знаменитая тирада изъ письма уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею, тирада о безчеловѣчномъ обращеніи съ крестьянами, и та приведена съ замѣтными пропусками... Жаль!.. Кáкъ было не остановиться повнимательнѣе на этихъ яркихъ, превосходныхъ описаніяхъ, проникнутыхъ такою благородною энергіею, дышащихъ такою теплою любовью къ ближнему?.. Если авторъ, говоря о характерѣ обученія дѣтей людьми, вѣрными преданіямъ до-петровской старины, описывая петиметровъ и щеголихъ, или подробно разсказывая о модныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ тогдашняго времени, приводилъ въ подтвержденіе своихъ словъ цѣлыя страницы изъ журналовъ, доказывая вѣрность ихъ показанія сличеніемъ съ другими историческими документами, кáкъ было не взглянуть попристальнѣе на эту смѣлую и благородную сатиру «Живописца» сатиру, касавшуюся дѣла, такъ близкаго нашему времени? Провѣривъ журнальныя показанія оффиціальными документами и историческими матеріалами, г. Аѳанасьевъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ представилъ бы весьма-любопытную картину положенія крестьянъ въ царствованіе Екатерины II.

Русское дворянство XVIII столѣтія проявляло свой деспотизмъ надъ крестьянами въ такихъ размѣрахъ, какіе только могла придумать неограниченная власть и грубая настроенность характера. Самый взглядъ помѣщиковъ на свои отношенія къ крестьянамъ, или къ *рабамъ* (*), какъ называли они крестьянъ поражаетъ теперь крайнею неразвитостью самыхъ обыкновенныхъ понятій о достоинствѣ и значеніи человѣка.

Вліяніе французской жизни на наше дворянство, вліяніе, выразившееся бóльшею частію въ одной внѣшности—въ усвоеніи манеръ, въ одеждѣ и проч., въ людяхъ, неразвитыхъ нравственно, поселяло только гордость своею отдѣленностью отъ массы, своимъ мнимымъ образованіемъ, пропитывало ихъ кичливымъ презрѣніемъ ко всему родному, къ своимъ соотечественникамъ, неполучившимъ моднаго лоска Понятно, что отъ такихъ людей нельзя было ожидать братскаго участія къ горькой долѣ своихъ одноземцевъ и человѣчнаго съ ними обращенія.

Кромѣ-того, бóльшая часть дворянъ, росшихъ до совершенныхъ лѣтъ въ деревнѣ, подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ своихъ отцовъ, заражалась отъ нихъ тѣми же наклонностями. Неразвитые нравственно, не имѣя должнаго понятія объ истинной чести, они, между-тѣмъ, вступали, напр., въ военную службу съ сознательнымъ убѣжденіемъ,

(*) «Живописецъ» 1793 г., изд. 5, стр. 180.

что *военный* необходимо долженъ быть храбръ, и выражали эту храбрость по-своему...

Даже помѣщицы, которыхъ, казалось бы, женская стыдливость и самое приличіе уже должны были удерживать отъ жестокостей съ своими крестьянами, даже и тѣ, нетолько раздѣляютъ тиранскія привычки своихъ мужей, но чуть ли еще не превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Яркихъ, рѣзкихъ замѣтокъ обо всемъ этомъ чрезвычайно-много въ «Живописцѣ» (См. Живописецъ, изд. 5-е 1793 г., ч. 1, стр. 168—182; ч. 1., стр. 74; ч. 1, стр. 137—140; ч. 2, стр 97—98; ч. 1, стр. 127 — 129; ч. 1, стр. 146 — 147; ч. 2, стр. 36; ч. 1, стр. 132—133; ч. 1, стр. 17—19; ч. 2, стр. 172—174; ч. 2, стр. 159 — 161; ч. 2, стр. 161 — 162; ч. 1, стр. 85—89; ч. 1, стр. 94 и другія.)

Перемѣна относительно нравственнаго и матеріальнаго положенія крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II произошла развѣ только въ томъ, что новымъ, лучшимъ устройствомъ внутренняго управленія, а также и вліяніемъ новой системы воспитанія дворянъ и другихъ сословій, нѣсколько ограничился и уменьшился самый деспотизмъ помѣщиковъ въ обращеніи съ крестьянами. Ревизія же, прикрѣпивъ крестьянъ къ землѣ и къ работѣ, разъединила ихъ окончательно съ остальными классами народонаселенія, получившими и права, и привилегіи, и льготы, и возможность умственнаго и нравственнаго развитія впереди, и лучшую обстановку въ самой жизни.

Нельзя не видѣть важнаго значенія въ тѣхъ гуманныхъ мысляхъ, которыя великая Екатерина высказывала о крестьянахъ въ своемъ «Наказѣ»:

«Кажется еще» говоритъ она «что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы, въ Россіи уменьшаетъ народъ и *земледѣліе*; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги.» (§ 269)

«Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножалось.» (§ 370)

«А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству.» (§ 271)

«При великомъ благополучіи государства легко умножается число гражданъ.» (§ 272)

«Страны луговыя и ко скотоводству способныя обыкновенно мало имѣютъ народа потому, что мало людей находятъ себѣ тамъ упражненія;

пахатныя же земли большее число людей въ упражненіи содержатъ и имѣютъ.» (§ 274)

«Вездѣ, гдѣ есть мѣсто, въ которомъ могутъ выгодно жить, тутъ люди умножаются.» (§ 274)

«Но страна, которая податями столь много отягощена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе, чрезъ долгое время должна обнажена быть жителей.» (§ 275)

«Гдѣ люди не для инаго чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія; такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ; такъ какъ же имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, то есть, во младенчествѣ? Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя во обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій.» (§ 276)

«Многіе, пользуясь удобностію говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: *чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи*. Такъ же и то: *чѣмъ большія на нихъ наложены дани, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя*. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ.» (§ 277)

«Зло есть почти неисцѣлимое, когда обнаженіе государства отъ жителей происходитъ отъ долгихъ временъ по причинѣ внутренняго нѣкоего порока и худаго правленія. Люди тамъ исчезли чрезъ нечувствительную и почти въ природу уже преобратившуюся болѣзнь. Родившіся въ уныніи и въ бѣдности, въ насиліи, или въ принятыхъ правительствомъ ложныхъ разсужденіяхъ, видѣли они свое истребленіе, часто не примѣтивъ причинъ истребленія своего.» (§ 278)

«Чтобъ возстановить державу такимъ образомъ обнаженную отъ жителей, напрасно будемъ ожидать помощи въ семъ отъ дѣтей могущихъ впредь родиться. Надежда сія вовсе безвременна; люди во своихъ пустыняхъ живущіе, не имѣютъ ни ободренія, ниже раченія. Поля, могущія пропитать цѣлый народъ, едва даютъ прокормленіе одному семейству. Простой народъ въ сихъ странахъ не имѣетъ участія и въ бѣдности, то есть въ земляхъ, никогда не оранныхъ, которыхъ тамъ великое множество. Нѣкоторые начальные граждане, или государь сдѣлались нечувствительно владѣтелями всего пространства тѣхъ земель впустѣ лежащихъ; разоренныя семьи оставили оныя имъ на паствы, а трудолюбивый человѣкъ ничего не имѣетъ.» (§ 279).

Припомнимъ, что, вмѣстѣ съ подобными мыслями о крестьянахъ, является цѣлый рядъ указовъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: «О неимѣніи вѣры къ разгласителямъ слуховъ, будто указами велѣно отписывать на ея величество помѣщичьихъ крестьянъ за положеніе тяж-

кихъ на нихъ оброковъ» (*). Припомнимъ, какія понятія о крестьянахъ внушалъ великому князю Павлу Петровичу, еще дитяти, наставникъ его *Порошинъ;* какъ 1764 года октября 27-го разсказывалъ онъ ему, что наши крестьяне *между собою въ невинности увеселяются* (**). Припомнимъ, наконецъ, что поэты тогдашняго времени, описывая крестьянскую жизнь, ставили себѣ въ непремѣнную обязанность расхваливать ее, идеализировать, изображать такою заманчивою и привлетельною... Даже самъ Державинъ, котораго привыкли почитать какимъ–то общественнымъ дѣятелемъ, имѣвшимъ благотворное вліяніе на развитіе нашей гражданственности XVIII столѣтія, брацалъ на своей лирѣ, яко–бы:

Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный добрымъ небомъ...
Блаженство дней своихъ поетъ.» (***)

Впрочемъ, подобныя идилліи крестьянской жизни не разъ писались и поэтами XIX-го столѣтія.

Въ XVIII же столѣтіи немного найдется личностей, которыя въ защиту крестьянъ смѣло высказывали горькую правду. Тѣмъ–болѣе слѣдуетъ остановиться на этихъ личностяхъ съ любовію и уваженіемъ. Однимъ изъ такихъ благородныхъ и въ высшей степени гуманныхъ дѣятелей является Новиковъ. Онъ помѣстилъ въ своемъ «Живописцѣ» слѣдующую сатиру на поэтовъ, занимавшихся восхвалительными идиллическими изображеніями крестьянской жизни:

«Мнѣ встрѣчается писатель: онъ сочиняетъ пастушескія пѣсни и на нѣжной своей свирѣли воспѣваетъ златый вѣкъ. Говоритъ, что у городскихъ жителей нравы развращены, пороки царствуютъ, все отравлено ядомъ; что Добродѣтель и Блаженство бѣгаютъ отъ городовъ, и живутъ въ прекрасныхъ долинахъ, насажденныхъ благоуханными деревами, испещренныхъ различными наилучшими цвѣтками; орошенныхъ источниками, протекающими кристаловидными водами, которыя тихо переливаяся по мѣлкимъ прозрачнымъ камешкамъ, восхитительный производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха сидитъ при источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей густою тѣнію того дуба, который слишкомъ три тысячи лѣтъ зеленымъ одѣватся листвіемъ, пастухъ на нѣжной свирѣли воспѣваетъ свою любовь: вокругъ его летаютъ зефиры, и тихимъ дыханіемъ пріятное производятъ ему прохлажденіе. *Невинность* въ видахъ поднебесныхъ птицъ, совокупляетъ пріятное свое пѣніе съ пастушескою свирѣлію, и вся природа во успокоеніи, сему пріятному внимаетъ согласію. Сама *Добродѣ-*

(*) 1766 г., мая 3–го, П. С. З. № 12,633.

(**) «Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича». Спб., 1844 г., стр. 98.

(***) Соч. Держ., изд. Смирдина, 1847 г., Т. I, стр. 435.

тель въ видѣ прелестныя пастушки, одѣтая въ бѣлое платье и увѣнчанная цвѣтками, тихонько къ нему подкрадывается; вдругъ передъ нимъ показывается; пастухъ кидаетъ свирѣль, бросается во объятія своея любовницы и говоритъ: цари всего свѣта, вы завидуете нашему блаженству! Г. авторъ восхищается, что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство: и какъ хотя мысленнымъ не восхищаться блаженствомъ; жаль только, что оно рѣдко существуетъ въ природѣ! Творецъ сего блаженства, хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга; а второе, что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ позабыли бы блаженство пастушескія жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ; «*чужую душу въ Рай, а самъ ни ногою*»—Бѣдный авторъ, ты и другихъ и себя обманываешь!» (*)

Высказывая въ сатирѣ свои убѣжденія, Новиковъ въ жизни своей не измѣнялъ имъ ни словомъ, ни дѣломъ. Въ этомъ легко убѣждаемся мы, читая страницы его журналовъ и припоминая обстоятельства его біографіи. Горячо-преданный добру, онъ, во имя его, не останавливался ни передъ какими обстоятельствами, ни передъ какими препятствіями. Исполняя святые завѣты братства и любви къ ближнему, онъ отдавался имъ весь, безъ размышленія; польза общая, благополучіе ближняго были цѣлью его жизни; дѣлу общественнаго служенія предавался онъ со всею энергіею, со всею теплотою души, не омрачая его ни житейскими разсчетами, ни личнымъ мелкимъ эгоизмомъ... Ни скорбный путь, ни страданія за истину не уменьшали его высокой любви къ добру, правдѣ, меньшимъ братіямъ...

Вотъ почему, кажется намъ, слѣдовало бы остановиться внимательнѣе на статьяхъ и замѣткахъ, касающихся крестьянъ, и разобрать ихъ полнѣе и подробнѣе, приводя выписки и повѣряя ихъ исторически. Да и самыя свѣдѣнія о Новиковѣ, помѣщенныя въ книгѣ г. Афанасьева, какъ-то весьма-мало знакомятъ читателя съ этою благородною, замѣчательною личностью. Отчего было бы не помѣстить здѣсь болѣе-полнаго очерка его жизни и дѣятельности?..

Какъ бы то ни было, нельзя не поблагодарить автора и за то, что онъ далъ намъ. Побольше такихъ книгъ въ нашей литературѣ—и изученіе нашего прошлаго станетъ для насъ, наконецъ, дѣломъ легкимъ и пріятнымъ.

Т. Л.

Основные законы воспитанія. *Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы* Н. А. Миллеръ-Красовскій, *кандидатъ С. Петербургскаго Университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Первый выпускъ. Изданіе автора. С. Петербургъ. 1859.*

(*) «Живописецъ» Новикова, изд. 5, 1793 г., ч. I, стр. 6 — 8.

Прискорбно заводить рѣчь о сочиненіи Н. А. Миллера-Красовскаго; больно сознаться, что подобныя явленія еще возможны въ нашей литературѣ... Но это не болѣзненныя грезы, не сонъ: желтая книжка съ выписаннымъ заглавіемъ лежитъ передъ нами, и, ратуя противъ «плевелъ филантропизма», высказываетъ, крупнымъ шрифтомъ, съ возмутительно-циническимъ спокойствіемъ, вотъ какіе *основные законы воспитанія:*

Не разсуждай, а исполняй (стр. 33).

Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, ничто другое, какъ одно повиновеніе (стр. 69).

Для исправленія непокорныхъ, упрямыхъ, Н. А. Миллеръ-Красовскій нашелъ средство.... вы не повѣрите, можетъ-быть... слушайте же, что напечатано, въ первыхъ двухъ строкахъ 53-й страницы, про упрямаго 12-ти лѣтняго Пети:

«*Благоразумный* (!), *безпристрастный наставникъ основательно* (!) *вылечилъ Петю тремя пощечинами!!!*»

Возможно ли же не говорить о подобной книжкѣ, какъ бы безграмотно ни была она написана, какъ бы безсвязно и нелѣпо ни были изложены въ ней такіе *законы* воспитанія!

И это говорится публично, печатается въ 1859 году, въ Санктпетербургѣ, человѣкомъ, удостееннымъ ученой степени кандидата, занимающимъ должность воспитателя при общественномъ учебномъ заведеніи, человѣкомъ, основывающимъ свои убѣжденія на *двѣнадцатилѣтней* (стр. 50) практикѣ!

Пощечины —какъ средство *основательнаго* нравственнаго воспитанія! Назвать *благоразумнымъ* воспитателя, давшаго своему питомцу, моему или вашему сыну, *три пощечины!*.. Но, господинъ Миллеръ-Красовскій, сообразите, что подобнымъ педагогическимъ средствомъ рѣшится воспользоваться развѣ человѣкъ, непонимающій значенія пощечины, или закорѣлый пощечинникъ. Кому же вы рекомендуете это средство? для кого вы издали вашу книжку? Если вы знаете достойныхъ читателей, то раздавайте имъ ее лично, и получите приличное вознагражденіе; а не предлагайте ее всѣмъ и каждому по 80 копеекъ серебромъ...

Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. *Вып. 1-й Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ.* Соч. Г. Филимонова. Москва. 1859. 64 стр., со снимками.

Много разъ и со многихъ сторонъ слышались упреки спеціальному направленію нынѣшняго времени. Говорили—и говорили не безъ нѣкотораго основанія, что это—состояніе болѣзненное, что человѣкъ, близко принимающій къ сердцу жизненные интересы, не можетъ посвятить себя одному вопросу и на него безраздѣльно тратить и время и всѣ свои силы, что такая спеціализація есть бездѣйствующая сила въ обществѣ

и необходимо упирается въ помѣшательство, въ безпорядокъ нравственныхъ понятій. Человѣкъ тупѣетъ, ему становятся недоступны и непонятны ни общественныя скорби, ни общественныя радости, на всю жизнь онъ смотритъ съ точки зрѣнія своей узкой спеціальности, забывая совершенно все, что не имѣетъ съ нею прямаго отношенія. А отъ этого удаленія въ сферу спеціальности, по большей части мелочной, происходитъ и путаница въ общественной жизни, этотъ хаосъ безвыходныхъ противорѣчій, эти начатые и неконченные вопросы, которые мы стремимся какъ-нибудь обойти, закрывъ глаза, и которые, несмотря на это, продолжаютъ сиднемъ сидѣть на нашей спинѣ, призывая къ серьёзному отвѣту и обдуманной дѣятельности. Дѣйствительно, если только человѣкъ есть животное *общественное*, то въ самой его природѣ лежитъ протестъ противъ *крѣпостной* спеціальности, противъ исключительной привязанности къ чему-нибудь *одному*. Были вѣка глубокаго, иногда даже невѣроятнаго специализма: энергическія и сильныя натуры забывали о низменной жизни, гдѣ вершились судьбы народныхъ массъ, и уходили въ спеціализмъ самый отчаянный. Руководимые какою-нибудь сильною идеею, они предавались ей до того безраздѣльно, что исключали все другое, къ ней неподходившее. Можетъ-быть, это украсило страницы исторіи многими высокими подвигами самоотверженія и такъ-называемаго добра, но во всякомъ случаѣ наградило нашу современность тяжелымъ внутреннимъ разладомъ. Народныя массы не знали специализма: имъ было не до него; они не испытывали силы идеи, потому-что испытывали другое, менѣе-пріятное чувство ошейника, на которомъ держали ихъ *спеціалисты*. И такимъ путемъ исторія дошла до нашего времени. Завязавшійся узелъ пыталась-было развязать реформація, но остановилась, съ нѣмецкою умѣренностью, на полдорогѣ, завѣщая будущимъ поколѣніямъ довершить начатое. Великія движенія конца прошлаго и нынѣшняго вѣка, если не довершили, то, по-крайней-мѣрѣ, приготовили это рѣшеніе: результаты ихъ освѣжили дряхлѣвшее человѣчество, и, если въ практическомъ отношеніи разладъ между убѣжденіемъ и жизнью чувствовался еще живѣе и кровнѣе, то теоретическая мысль часъ отъ часу мужала и крѣпла и, наконецъ, неколебимо утвердилась на широкой, всеобъемлющей идеѣ законности и святости требованія полнаго удовлетворенія человѣческому чувству и мысли. Въ этихъ словахъ скрывалась отходная среднимъ вѣкамъ — и, покончивъ съ ихъ дряхлою мыслью, новая наука смѣло взялась за переборку наслѣдія, ими завѣщаннаго. Въ эту груду непереработаннаго матеріала, иногда совершенно-безплоднаго и излишняго, необходимо было внести свѣтлую, современную мысль *природнаго* порядка — и вотъ наука, не безъ суровости, опрашиваетъ каждое явленіе, каждую мысль, ничего не принимая слѣпо на вѣру. Понятно, что должно произойти съ старымъ порядкомъ и старою системою нравственныхъ общественныхъ убѣжденій, которыя только и держались, благодаря всеобщей обломовщинѣ

нашего *добраго стараго времени*! Предъ безпощаднымъ судомъ современнаго разума оказывается правымъ только очень-немногое; конечно, мы далеки—и кáкъ еще далеки—отъ того послѣдняго суднаго дня, когда все изжитое, безсмысленное будетъ оставлено; наша жизнь еще глубоко волнуется сотнями противорѣчій, одно другаго безсмысленнѣе и потому—лживѣе; но общія нравственныя начала уже, кажется, ясно опредѣлились, и при ихъ животворномъ свѣтѣ день ото дня развѣнчиваются и падаютъ ложные, стѣснительные авторитеты и тупыя, выжившія изъ смысла преданія!

При такомъ настроеніи общественной мысли—современная наука не можетъ избѣжать *спеціализма*: только этотъ спеціализмъ не походитъ на тотъ, которымъ пробавлялись средніе вѣка и который до-сихъ-поръ еще не освободилъ отъ постоя многія головы нашихъ такъ-называемыхъ *ученыхъ*! Современный спеціализмъ, прежде всего, небезплоденъ: онъ одушевляется и мыслію современною, понимая, что нѣтъ никакого смысла тратиться понапрасну въ трудѣ, если результатъ этого труда не внесетъ ничего свѣтлаго, живительнаго въ жизнь и безъ того неслишкомъ радостную. Завоевать разумною мыслію хотя клочекъ обширной почвы человѣческаго вѣдѣнія у схоластики, обличить ложь коснаго обычая, безправіе рутины на владѣніе человѣческимъ разумомъ—вотъ задача истиннаго спеціализма нашего времени, задача, надъ которой не насмѣется никто способный на живую борьбу съ одолѣвающею пошлостью и тупоуміемъ старины. Задачу эту каждый можетъ выполнять по своему: все, чтó касается человѣка и чтó имѣетъ съ нимъ какую-нибудь связь и отношенія, не можетъ вызывать одно равнодушіе; нужно только взглянуть на него по-человѣчески, отбросивъ злыя *постороннія* внушенія, порабощающія человѣческій разумъ и чувство во имя какого нибудь созданія собственнаго воображенія. Все дѣло не въ предметѣ, а во взглядѣ на предметъ. Смотрите на вещи человѣчески—и, право, вашъ взглядъ найдетъ сочувственный отголосокъ, и никому не покажется страннымъ: почему вы остановились на предметѣ, можетъ-быть, слишкомъ мелкомъ и *спеціальномъ*.

И такъ, спеціализмъ нашего времени, подводя итоги прожитому капиталу, главнымъ образомъ полагаетъ свою силу не столько въ предметѣ изслѣдованія, сколько въ духѣ и взглядѣ, его оживляющихъ. Въ этомъ его оправданіе, и этою мѣрою онъ и долженъ быть мѣримъ, потому-что иначе онъ будетъ или совершенно безполезенъ, или внесетъ ложь и неправду въ область *современной* истины, которой съ такимъ упорнымъ трудомъ добивается человѣкъ.

Выше мы говорили о рутинѣ и преданіяхъ. — Дѣйствительно, ни чтó такъ не вредитъ успѣхамъ науки, какъ всякаго рода преданія, взятыя, по бóльшей части, изъ богъ-вѣсть какихъ темныхъ мѣстъ. Повинуясь ихъ вліянію, изслѣдователь нетолько упускаетъ между рукъ любопытнѣйшія и до-той-поры неизвѣстныя стороны и подробности

предмета: онъ просто дѣлается эхомъ чужаго голоса, и, иногда, никого глухаго голоса! Доказательства тому налицо: кто не знаетъ кákъ разработываются у насъ многія части русской исторіи, кákъ отечески-заботливо привилегированные люди отстраняютъ всякую попытку внести въ науку сколько-нибудь здравый методъ и анализъ, опасаясь, конечно, что съ двумя такими руководителями дѣло можетъ выйти плохо для обскурантныхъ воззрѣній, поддерживаемыхъ только невѣжествомъ и безсмысленною преданностію отжившимъ авторитетамъ. Не безъ нѣкотораго воодушевленнаго безстыдства, навязывая готовыя, нехитрыя понятія, они не допускáютъ ничьего самостоятельнаго мнѣнія и требуютъ безусловной покорности тому, чтó имѣло смыслъ лишь за пять-шесть столѣтій до нашей эпохи. Эти добродѣтельные прогрессисты *съ другой стороны* не въ шутку обижаются, когда кто осмѣливается коснуться вопросовъ, которые они считаютъ своею исключительною собственностію. Мы не можемъ забыть, кákъ одинъ изъ такихъ рыцарей вскинулся было на г. Аѳанасьева за его *основательный* разборъ «Исторіи русской церкви» пр. Филарета; у критика—видите—не было на это права: онъ былъ *міряниннъ*, а міряниннъ можетъ ли вѣрно судить о церковныхъ событіяхъ? Слѣдствіе такого литературнаго заключенія было уже чисто-полицейское: разборъ, начатый съ талантомъ и знаніемъ дѣла, прекратился на второй статьѣ, а церковныя событія, конечно, отъ этого выиграли въ своемъ объясненіи. Это дѣло печатное, гласное, а сколько есть такихъ, которыя не получили гласности, *по причинамъ, отъ редакціи независящимъ*!

Вездѣ, и въ предметахъ науки, каковы напр. судьбы русской женщины, исторія русскаго иконописанія, и въ вопросахъ общественныхъ, каковъ вопросъ объ отношеніяхъ грековъ къ болгарамъ — чувствуется присутствіе посторонняго начала, которое завистливо смотритъ на неповиновеніе своему авторитету и иногда выражается въ траги-комической формѣ...

При такомъ положеніи дѣла—остается одно изъ двухъ: или вооружиться спасительнымъ молчаніемъ, или же браться за вопросы и предметы, которые бы не тревожили ничьей зависти, ничьего помыслаго самолюбія. Такова, напр., археологія. Оно и здѣсь, говоря правду, многимъ хочется запустить руку и похозяйничать по своему, да не знаютъ, кákъ взяться; поэтому-то, говóря относительно, здѣсь немного-болѣе чистаго воздуха и простора, нежели въ другихъ сферахъ умственной дѣятельности, и оттого — нельзя съ искреннимъ участіемъ не смотрѣть на всякіе спеціальные, въ этомъ смыслѣ, труды, если только они сколько-нибудь помогаютъ разсѣянію умственнаго мракобѣсія и застоя. А таково, по нашему убѣжденію, сочиненіе г. Филимонова, заглавіе котораго мы привели выше. Имя автора уже знакомо всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ науки о русской старинѣ: ему принадлежитъ прекрасное описаніе памятниковъ корсунскихъ

музея (Москва 1849 in f. Съ великолѣпными снимками). Теперь г. Филимоновъ даритъ насъ новымъ трудомъ, предметъ котораго составляетъ въ высшей степени интересный вопросъ «о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ» На рѣшеніе этого вопроса г. Филимонова навело археологическое изслѣдованіе древней церкви св Николая, на Липнѣ, близь озера Ильменя, путешествіе къ которой онъ совершилъ per tot discrimina rerum. Авторъ подробно и съ точностью археолога описываетъ каждую изъ уцѣлѣвшихъ и доступныхъ наблюденію частей этой древней церкви — и въ этомъ отношеніи сочиненіе его представитъ драгоцѣнные матеріалы будущему историку церковнаго зодчества въ Россіи, по своей обстоятельности и отчетливости, какою насъ не избаловали въ своихъ произведеніяхъ ни г. Снегиревъ, ни другіе *описатели* церковныхъ древностей. Описаніе г. Филимонова тѣмъ дороже для науки, что самый этотъ памятникъ церковнаго зодчества, «на которомъ пять столѣтій положили печать свою, можетъ-быть, скоро покончитъ свое существованіе, если не подадутъ руки помощи къ его сохраненію.»

Всѣмъ, кажется, извѣстно устройство теперешнихъ церквей и ихъ важнѣйшія части: алтарь отдѣляетъ отъ храма «деревянная преграда, сверху до низу уставленная иконами и потому называемая *иконостасомъ*; она возвышается, съ перваго взгляда, по мѣрѣ древности, обыкновенно ей приписываемой, все болѣе и болѣе, и, достигая въ нѣкоторыхъ церквахъ, преимущественно же въ древнихъ соборахъ, почти вершины восточной арки, скрываетъ совершенно алтарь отъ глазъ молящихся. Въ архитектурномъ смыслѣ, она дѣлитъ внутренность церкви на двѣ совершенно отдѣльныя части.»

«Встрѣчая подобнаго рода устройство иконостасовъ почти во всѣхъ древнихъ русскихъ церквахъ, конечно, трудно предположить, чтобы оно было не первоначальное. Мы такъ привыкли въ церкви имѣть предъ глазами эту огромную деревянную преграду, украшенную, въ нѣсколько рядовъ, колоссальными иконами, что намъ нелегко представить вмѣсто нея что-либо другое. Между-тѣмъ, сохранившіеся памятники древняго церковнаго зодчества ясно указываютъ на то, что современное устройство русскихъ иконостасовъ далеко непервоначальное, что въ первыя вѣка христіанства, въ Россіи было другое устройство, которое болѣе соотвѣтствовало господствовавшимъ формамъ искусства византійскаго.»

«Лучшимъ доказательствомъ существованія иной, древнѣйшей формы иконостасовъ въ русскихъ церквахъ служатъ, безспорно, остатки древней фресковой росписи, встрѣчаемые на той сторонѣ двухъ алтарныхъ основныхъ столбовъ, къ которой въ настоящее время плотно прислонены деревянные иконостасы. Происхожденіе этой заиконостасной стѣнописи можетъ быть уяснено единственно лишь отсутствіемъ деревянныхъ иконостасовъ. Иначе, какимъ образомъ и для какой цѣли зашла эта стѣнопись за иконостасы? Вопросы эти еще положительнѣе рѣшаются въ пользу господства стѣнописи на алтарныхъ столбахъ, смѣненной деревянными иконостасами, если

мы прибѣгнемъ къ сравнительному изученію и увидимъ то же самое въ древнѣйшій періодъ на всемъ православномъ востокѣ, и даже на западѣ.

«Но, къ сожалѣнію, когда первоначальная форма подверглась измѣненію, и предъ столбами, украшенными фресками, стали возноситься непроницаемыя преграды изъ иконъ, въ то время не думали о сохраненіи фресковъ, утратившихъ тогда свое значеніе; потому, въ настоящее время, онѣ встрѣчаются такъ рѣдко, въ весьма-немногихъ церквахъ, и то въ видѣ далеко непервоначальной сохранности; мѣстами же изгладились самые слѣды ихъ пребыванія, столбы по древнему слою покрылись новою штукатуркою, мѣстами же, древняя штукатурка, вмѣстѣ съ стѣнописью, пала безъ остатка подъ рукою молотка. Тѣмъ-болѣе мы должны дорожить памятниками церковнаго зодчества, въ которыхъ еще уцѣлѣли, хотя въ немногихъ остаткахъ, древнія фрески за иконостасомъ, на алтарныхъ столбахъ. Онѣ представляютъ собою первый матерьялъ для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ иконостасахъ въ церквахъ русскихъ.» (стр. 3—4)

Г. Филимоновъ указываетъ на нѣкоторыя древнія русскія церкви, гдѣ уцѣлѣли остатки столбовой заиконостасной фресковой живописи таковы: Звенигородской соборъ, основаніе котораго приписывается 1090 году, Рождественскій соборъ Саввина монастыря и, наконецъ, въ особенности, новгородская церковь св. Николая на Липнѣ, для изслѣдованія которой, какъ мы выше сказали, авторъ предпринималъ сопряженное съ трудностями и опасностями археологическое путешествіе, и которая подала поводъ къ настоящему труду. Не останавливаясь на исторіи этой церкви, изложенной г. Филимоновымъ по историческимъ рукописнымъ памятникамъ и лѣтописямъ, мы обратимъ вниманіе только на то, что относится собственно къ рѣшенію любопытнаго и очень-важнаго вопроса о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ. Въ церкви св. Николая на Липнѣ, близь озера Ильменя, въ настоящее время уже оставленной и находящейся въ полуразрушенномъ состояніи, фресковая заиконостасная живопись уцѣлѣла гораздо въ большемъ количествѣ и яснѣе, чѣмъ въ прочихъ древнихъ произведеніяхъ церковнаго зодчества; здѣсь изображены лица нѣкоторыхъ пророковъ, апостоловъ и святыхъ, а также и нѣкоторыя событія изъ жизни Іисуса Христа; на главномъ, планѣ, среди столбовъ алтарныхъ, сохранилось и, къ счастію, довольно цѣлостно, любопытнѣйшее для вопроса о первоначальной формѣ иконостасовъ изображеніе, которое составляло необходимую принадлежность преграды алтарной въ церкви русской древнѣйшаго періода. Это изображеніе Богородицы... Описавъ съ подробностію всѣ уцѣлѣвшія фресковыя заиконостасныя изображенія, г. Филимоновъ переходитъ уже къ рѣшенію самаго вопроса и говоритъ:

«Эта заиконостасная стѣнопись, весьма-обильная соотвѣтствующими святости мѣста сюжетами, была употреблена въ свое время для украшенія алтарной преграды въ церквахъ русскихъ. Она, почти исключительно, съ помощью только сравнительнаго изученія этой преграды въ древне-христіанскихъ памятникахъ, способствуетъ къ возсозданію первообраза рус-

скихъ иконостасовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время сооруженія церкви св. Николая на Липнѣ деревяннаго иконостаса не существовало, что фрески въ этотъ періодъ алтарной преграды замѣняли собою иконы на деревѣ, и стѣнопись была равносильна собственной иконописи, получившей право первенства, конечно съ появленіемъ новой формы иконостасовъ. Указаніе на господство стѣнописи въ древнѣйшій періодъ сохранилось во многихъ памятникахъ древне-христіанскаго зодчества; въ церквахъ русскихъ замѣненіе иконъ посредствомъ фресокъ встрѣчаемъ преимущественно въ древней стѣнописи за иконостасами. Слѣды подобнаго рода стѣнописи встрѣчаются кое-гдѣ за иконостасами и въ другихъ русскихъ церквахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что *во всѣхъ церквахъ древнѣйшаго періода, заслоненные въ настоящее время иконостасами столбы и стѣны были совершенно открыты и украшены фресками*. Кромѣ сохранившихся на то указаній въ памятникахъ, самый характеръ церковнаго искусства въ Россіи, характеръ архаисма, строго соблюдавшій одинъ общепринятый неизмѣнный образецъ, одно извѣстное, опредѣленное уставами, освященное стариною и древними образцами устройство говоритъ въ пользу одной общей архитектурной формы алтарной преграды во всѣхъ русскихъ церквахъ, опредѣленнаго пероіда.» (стр. 17)

Выводъ, кажется, несомнѣнный и притомъ совершенно-*новый!* Чтобъ еще болѣе дать убѣдительности своимъ доводамъ, г. Филимоновъ во второй части своего труда слѣдитъ устройство алтаря въ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ Греціи, Италіи, Грузіи и Россіи—и въ нихъ находитъ полное подтвержденіе своему мнѣнію. Дѣйствительно, послѣ того тщательнаго собранія свидѣтельствъ, извлеченныхъ изъ писателей церкви и подробнаго изслѣдованія устройства древнѣйшихъ памятниковъ христіанскаго церковнаго зодчества, какое мы находимъ въ сочиненіи г. Филимонова, наука можетъ принять за несомнѣнную истину, что въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ не существовало иконостаса, а существовала, вмѣсто него, стѣнная живопись, и что только позднѣе начали воздвигаться иконостасы, которые и заслонили эту живопись, измѣнивъ, такимъ-образомъ, первоначальное устройство алтарной преграды, конечно, не къ пользѣ и процвѣтанію искусства. Теперь, естественно, рождается вопросъ: къ какому времени должно отнести такое измѣненіе первоначальной формы алтарной преграды, почему произошло оно, и каково было древнее устройство ея. Относительно времени, г. Филимоновъ полагаетъ, что это случилось неранѣе начала XV вѣка, основываясь на томъ, что ни въ памятникахъ, ни въ указаніяхъ нѣтъ ни одного иконостаса, который бы по стилю иконописи переступалъ границы XIV вѣка, и что къ этому вѣку относится построеніе тѣхъ церквей, въ которыхъ сохранились указанія первоначальнаго устройства иконостасовъ. Измѣненіе иконостасной формы, по мнѣнію автора, не могло имѣть значенія случайнаго и ограничиться только нѣкоторыми мѣстностями, а напротивъ, оно должно было имѣть значеніе общее для всѣхъ русскихъ церквей, потому-что въ архаистическую эпоху своего развитія искусство

не терпитъ случайностей и отступленій, а поэтому—заключаетъ авторъ—«ни въ одной русской церкви не удержалась первоначальная форма алтарной преграды, но вездѣ встрѣчается одна общая, современная форма иконостасовъ, несмотря на то, что нѣкоторыя древнія церкви сохранили за новыми иконостасами древнія фрески». Не такъ рѣшителенъ отвѣтъ г. Филимонова о поводѣ измѣненія первоначальной формы алтарной преграды; онъ, справедливо ссылаясь на недостатокъ, или совершенное отсутствіе указаній въ этомъ отношеніи — оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ и переходитъ къ устройству древнѣйшаго рисунка иконостаса въ русскихъ церквахъ—и для этого, какъ мы сказали, къ сравнительному изученію алтарной преграды италійскихъ базиликъ и древнихъ церквей въ Греціи, Грузіи и Россіи. Знатоки дѣла замѣчаютъ нѣкоторую неточность, или лучше сказать, непослѣдовательность въ этой части археологическаго сочиненія автора, что касается до насъ, то, не имѣя притязаній на спеціальныя свѣдѣнія по этому предмету, мы съ такимъ же удовольствіемъ прочли и эту часть, какъ и первую, хотя и не вынесли того же богатаго результата. Такъ-какъ древнѣйшая форма иконостасовъ тоже имѣла нѣсколько измѣненій, по большей части многосложныхъ, то мы отказываемся передавать здѣсь ея исторію и отсылаемъ читателей къ любопытному сочиненію г. Филимонова, будучи вполнѣ убѣждены, что и имъ оно принесетъ неменѣе пользы, чѣмъ намъ, скажемъ только, что древній иконостасъ почти всегда состоялъ изъ колоннъ и алтарныхъ столбовъ, украшенныхъ живописью и расположенныхъ такъ, что алтарь былъ вполнѣ виденъ взорамъ предстоящихъ.

«Но напрасно будутъ искать въ современныхъ сооруженіяхъ церковнаго зодчества строгаго единства частей, подчиненныхъ нѣкогда одной идеи: огромные иконостасы отрѣшили алтари даже во всѣхъ древнихъ церквахъ, сдѣлавъ изъ алтаря особую часть, почти отдѣльное архитектурное цѣлое, несвязанное видимо съ прочими частями церкви. Мало-того, иконостасы эти лишили значенія самую стѣнопись алтарную, на которую въ древности обращали главное вниманіе».

Въ заключеніе еще слово объ одномъ очень важномъ вопросѣ въ современныхъ понятіяхъ о наукѣ. Существуетъ очень нехитрая мысль, преимущественно имѣющая смыслъ въ *археологическомъ отношеніи*, будто бы *настоитъ современная потребность возсозданія древнихъ формъ!* Эту мысль повторяетъ и г. Филимоновъ, на первой же страницѣ своего сочиненія. Конечно, все зависитъ отъ того, кто какъ понимаетъ *современныя потребности*, но, во-всякомъ-случаѣ мы думаемъ, что *потребность* (!?) *возсозданія древнихъ*, *отжитыхъ формъ* такъ же у мѣста въ *современности*, какъ и *ссылки* на творенія г. Муравьева, въ ученомъ археологическомъ трудѣ г. Филимонова. Положимъ, что вышеназванный авторъ былъ *очевидцемъ* того, о чемъ писалъ; но развѣ неизвѣстно, что можно быть *очевидцемъ*—и *ничего не видѣть?..*

эм. с-тъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ТЕОРІЯ ПИТАНІЯ РАСТЕНІЙ ЛИБИХА И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ, ВОЗБУЖДАЕМЫЙ ЕЮ.

(по поводу четвертаго изданія «писемъ» либиха).

Предъ нами четвертое изданіе извѣстныхъ «Писемъ» Либиха (Chemische Briefen» von Justus von Liebig. 2 Ed. Leipzig und Heidelberg, 1859). Съ сочиненіемъ Либиха наша публика уже знакома по переводу, сдѣланному съ третьяго изданія. Въ настоящей статьѣ мы остановимся только на томъ, чтó въ новомъ изданіи есть лишняго противъ предшествовавшаго. Новыхъ писемъ девятнадцать. Изъ нихъ пять: объ изученіи естественныхъ наукъ (письмо 2-е), о метаморфизмѣ силъ въ неорганической природѣ (13-е), о перемѣнѣ свойствъ тѣлъ (15-е), о матеріализмѣ (23-е) и о самосгараніи (24 е), не представляютъ особаго интереса. Наше вниманіе сосредоточится исключительно на остальныхъ четырнадцати письмахъ (съ 37-го по 50-е), посвященныхъ сельско-хозяйственной химіи. Въ нихъ (и еще въ четырехъ, вошедшихъ въ составъ третьяго изданія) Либихъ излагаетъ свои воззрѣнія, довольно оригинальныя, на теорію и практику сельскаго хозяйства. Воззрѣнія эти представляютъ интересъ не только для агронома и физіолога, но и для политико-эконома, ибо въ своихъ послѣдствіяхъ они неожиданно соприкасаются съ однимъ важнымъ политико-экономическимъ вопросомъ.

Сущность воззрѣній Либиха заключается въ слѣдующемъ. Для полнаго развитія растенія необходимы: углеродъ, водородъ, кислородъ, азотъ и, сверхъ-того, нѣкоторыя минеральныя вещества (поташъ, известь магнезія, желѣзо, фосфорная, кременная, сѣрная кислоты и пр.). Всѣ эти вещества минеральнаго и неминеральнаго происхожденія равно необходимы для прозябанія: безъ щелочей не можетъ образоваться бѣлковина, безъ фосфорно-кислыхъ солей и землистыхъ солей не будетъ

ни фибрина, ни казеина; фосфорная кислота необходима для образованія сѣмянъ во многихъ изъ нашихъ полевыхъ и огородныхъ растеній. Вслѣдствіе этого, какъ азотъ, водородъ, кислородъ и углеродъ, такъ и минеральныя вещества, въ одинаковой степени заслуживаютъ названія веществъ питательныхъ для растеній. Источникомъ углерода для растеній служитъ угольная кислота атмосферы (и—въ частности—именно воздуха, находящагося въ почвѣ), азотъ, содержащійся въ растеніяхъ, по преимуществу тоже атмосфернаго происхожденія; кислородъ и водородъ доставляются растенію отчасти чрезъ листья (изъ воздуха), отчасти чрезъ корни (изъ почвы). Что же касается минеральныхъ веществъ, то они входятъ въ растеніе исключительно изъ почвы. И хотя всѣ названныя вещества въ смыслѣ физіологическомъ и равнозначительны, однако, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи важность ихъ далеко неодинакова. Первыя четыре вещества находятся повсюду и — говоря вообще — въ большомъ количествѣ; напротивъ, минеральныя вещества находятся въ почвѣ всегда въ ограниченномъ количествѣ, и притомъ количество это послѣ каждой жатвы уменьшается. Вмѣстѣ съ зерномъ, соломой и сѣномъ, хозяинъ свозитъ съ поля и минеральныя вещества, вошедшія въ составъ ихъ. Убыль эта не пополняется сама собою: изъ атмосферы почва можетъ только получить углеродъ, азотъ, кислородъ, водородъ, но никакъ не потаща, фосфорную кислоту и т. под. минеральныя вещества. Поэтому, если сельскій хозяинъ желаетъ, чтобъ поля его не истощались, то ему необходимо должно стараться возвращать почвѣ всѣ тѣ минеральныя вещества, которыя уносятся изъ нея въ видѣ зерна, соломы, сѣна, плодовъ и т. п. Если возмѣщеніе не равно убыли, то почва болѣе или менѣе скоро истощается, если же, наоборотъ, возмѣщеніе болѣе убыли, то плодородіе поля возвышается—конечно до извѣстной степени. Унавоживаніе, удобреніе полей есть, по мнѣнію Либиха, не что иное, какъ возвращеніе почвѣ отнятыхъ у ней минеральныхъ веществъ, возстановленіе равновѣсія, нарушаемаго жатвою, сборомъ сѣна, картофеля и пр. Въ твердыхъ и жидкихъ испражненіяхъ, составляющихъ главную массу навоза, содержатся всѣ составныя части (за исключеніемъ нѣкотораго количества углерода, водорода, кислорода и азота, выдѣлившихся изъ организмовъ чрезъ дыханіе и испарину) пищи животныхъ и человѣка. А именно: въ мочѣ содержится весь почти азотъ, всѣ щелочи, всѣ растворимыя фосфорнокислыя и сѣрнокислыя соли; въ твердыхъ же испражненіяхъ — всѣ нерастворимыя соли и вообще вещества, неусвоенныя организмомъ. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ изысканій, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о химическомъ со-

ствѣ твердыхъ испражненій, если только сравнимъ калъ собаки съ ея пищею. Мы даемъ собакѣ мясо и кости, и то и другое богатыя азотистыми веществами, и въ видѣ послѣдняго результата пищеваренія получаемъ совершенно бѣлый, пропитанный влагою экскрементъ, который на воздухѣ разсыпается въ видѣ сухаго порошка и который, сверхъ фосфорнокислой извести, едва содержитъ одинъ процентъ посторонняго органическаго вещества. Въ пеплѣ испражненій лошади мы находимъ всѣ минеральныя вещества, входящія въ составъ овса и сѣна. Если корову кормить свеклой, картофелемъ, то въ твердыхъ испражненіяхъ мы находимъ фосфорнокислыя известь и магнезію, и не находимъ кремнезема; но онъ получается въ большомъ количествѣ, если коровѣ даемъ сѣно, солому. «Одна часть сбора съ поля обращается на питаніе, утучненіе животныхъ, идущихъ въ пищу человѣку, другая — прямо потребляется человѣкомъ, въ видѣ муки, картофеля, овощей, третья — состоитъ изъ несъѣдомыхъ растительныхъ остатковъ, потребляемыхъ, въ видѣ соломы, на подстилку. Ясно, что мы въ состояніи всѣ составныя части почвы, вывезенныя нами съ полей въ видѣ животныхъ, зеренъ и плодовъ, получить снова въ твердыхъ и жидкихъ испражненіяхъ человѣка, въ костяхъ и крови убитыхъ животныхъ, и отъ насъ совершенно зависитъ, чрезъ тщательное собраніе этихъ остатковъ, возстановить прежнее равновѣсіе въ составѣ нашихъ полей. Мы можемъ исчислить, сколько составныхъ частей почвы мы вывозимъ въ одной овцѣ, въ одномъ быкѣ, сколько въ одной мѣрѣ ячменя, пшеницы или картофеля и, зная составъ человѣческихъ испражненій, можемъ опредѣлить, сколько надобно прибавить ихъ, чтобъ вознаградить потерю, понесенную почвою». Короче: въ твердомъ и жидкомъ испражненіяхъ и въ подстилочной соломѣ хозяинъ возвращаетъ назадъ полямъ золу растеній, послужившихъ въ пищу человѣка и животныхъ. (По мнѣнію Либиха, все-равно, удобрить ли поле навозомъ или пепломъ сего послѣдняго; если между тѣмъ и другимъ способами и есть разница, то она чисто второстепеннаго рода). Послѣ сего легко опредѣлить степень достоинства того или другаго рода навоза для того или другаго растенія. «Твердый и жидкій экскременты животнаго имѣютъ, какъ удобрительное средство, наибольшую пользу для тѣхъ растеній, которыя служили этому животному пищею. Испражненія свиньи, которую мы кормили горохомъ и картофелемъ, всего приличнѣе для полей, назначаемыхъ подъ горохъ и картофель. Мы даемъ коровѣ сѣно и рѣпу, и получаемъ удобреніе, которое содержитъ всѣ составныя части травяныхъ растеній и рѣпы и которое для рѣпы лучше всякаго другаго удобренія. Такимъ же образомъ голубиный пометъ со-

держитъ минеральныя составныя части зерновыхъ растеній, кроличій— составныя части огородныхъ растеній; твердыя и жидкія изверженія человѣка содержатъ въ большомъ количествѣ минеральныя составныя части всѣхъ сѣмянъ».

Таковы воззрѣнія Либиха на сущность сельско-хозяйственнаго дѣла. Читатели видятъ, что воззрѣнія эти діаметрально расходятся съ воззрѣніями на тотъ же предметъ большинства сельскихъ хозяевъ. Эти послѣдніе утверждаютъ, что минеральныя вещества хотя и необходимы для растеній, но такъ-какъ они постоянно находятся въ почвѣ въ такомъ значительномъ количествѣ, то заботиться о доставленіи ихъ почвѣ совершенно излишне. Все вниманіе сельскаго хозяина, говорятъ антагонисты Либиха, должно быть обращено на доставленіе полямъ, въ видѣ навоза, веществъ углеродистыхъ и азотистыхъ, особенно послѣднихъ. Вся плодотворная сила навоза заключается не въ минеральныхъ, а почти исключительно въ однихъ азотистыхъ веществахъ, такъ что чѣмъ удобреніе богаче азотомъ, тѣмъ удобрительная сила его больше. Такимъ образомъ, то́, что́ есть главное въ глазахъ Либиха, то́ дѣло второстепенное по мнѣнію его противниковъ, и обратно! Въ настоящее время вся ученая Германія, т. е. собственно та часть ея, которая интересуется вопросами науки сельскаго хозяйства, раздѣлилась на два враждебные стана: на приверженцевъ Либиха и антагонистовъ его, на защитниковъ такъ-называемой *минеральной теоріи* и жрецовъ чернозема и навоза, — иначе, на химиковъ-теоретиковъ и хозяевъ-практиковъ. Есть еще третья партія, и очень-многочисленная: она состоитъ изъ любителей золотой средины,—изъ людей безъ убѣжденія, т. е. убѣжденныхъ въ возможности, при помощи полюбовной сдѣлки, взаимныхъ уступокъ, примирить между-собою мнѣнія двухъ первыхъ партій. Взаимное отношеніе этихъ трехъ партій можно пояснить сравненіемъ: партія Либиха—это Сардинія, партія хозяевъ-практиковъ, опирающаяся на многолѣтнюю опытность—это Австрія, партія примирителей—это Англія въ лицѣ Дерби, лорда Коулея и K°.

Доводы, приводимые Либихомъ противъ его антагонистовъ, довольно-рѣшительнаго характера. «Химическій анализъ, (говоритъ знаменитый химикъ) при помощи строгихъ методъ, доказалъ, что изъ тысячи полей едвали найдется одно, которое содержало бы болѣе одного процента составныхъ частей золы, напримѣръ, клевера, точно въ такомъ отношеніи, какое нужно для клевера. Въ 1848 г., по желанію сельско-хозяйственнаго коллегіума въ Берлинѣ, было произведено химическое разложеніе почвъ изъ четырнадцати различныхъ мѣстъ королевства. Обращики почвы были взяты съ возможно-однородныхъ полей, и каждый изъ нихъ былъ пере-

данъ для анализа тремъ различнымъ химикамъ. Въ результатѣ этихъ анализовъ оказалось, что фосфорной кислоты и поташа (послѣдній въ состояніи, *вѣроятно*, удобномъ къ воспріятію растеніями) на пяти поляхъ среднимъ числомъ было $^2/_{10}$ процента, на шести между $^3/_{10}$ и $^5/_{10}$ и на трехъ между $^5/_{10}$ и $^6/_{10}$ процента.» Можно ли послѣ сего утверждать, что всѣ поля содержатъ составныя части золы всѣхъ растеній въ неистощимомъ количествѣ! «Совершенно вопреки (говоритъ далѣе Либихъ) новѣйшему ученію нашихъ сельскихъ хозяевъ, неоспоримыми фактами дознано, что съ увеличеніемъ въ почвѣ содержанія органическихъ или сгараемыхъ веществъ плодородіе полей не увеличивается, что поля, наиболѣе богатыя этими веществами, обыкновенно бываютъ безплодны, что удобреніе пшеничнаго поля азотистыми веществами, напримѣръ аммiакомъ, во многихъ случаяхъ нетолько не увеличиваетъ, но даже уменьшаетъ сборъ зерна, что сборъ клевера тоже не увеличивается отъ этихъ веществъ, что аммiакъ и богатыя азотомъ удобрительныя вещества только тогда оказываютъ благопріятное вліяніе на урожай, когда почвѣ одновременно даны будутъ составныя части золы растеній, что эти азотистыя вещества сами-по-себѣ имѣютъ благопріятное дѣйствіе только на тѣхъ поляхъ, которыя изобилуютъ составными частями золы растеній, и что продолжительное употребленіе азотистыхъ удобреній въ семъ послѣднемъ случаѣ истощаетъ поля еще болѣе, т. е. поля дѣлаются для дальнѣйшихъ культуръ безплоднѣе, чѣмъ безъ ихъ содѣйстія. Еслибы, въ-самомъ-дѣлѣ, поля содержали составныя части золы растеній въ столь значительномъ количествѣ, что ихъ невозможно было бы истощить культурами, еслибы плодородіе полей зависѣло отъ присутствія, а истощеніе ихъ отъ недостатка аммоніакальныхъ или азотистыхъ веществъ, то можно бы было чрезъ доставку на поле однихъ этихъ веществъ и, слѣд., безъ доставки составныхъ частей золы, съ одного и того же поля получить безконечный рядъ полныхъ жатвъ; а между-тѣмъ совершенно и неоспоримо доказано, что безъ возмѣщенія составныхъ частей золы, снятыхъ во-время жатвы, невозможно поддержать плодородіе нашихъ полей. Отсюда слѣдуетъ, что навозъ дѣйствуетъ не своими сгараемыми составными частями, и что эти послѣднія, если на иномъ полѣ и оказываютъ благопріятное дѣйствіе, то это дѣйствіе они имѣютъ только тогда (и потому), когда сопровождаются составными частями золы растеній, частями, которыя были взяты въ предшествующія жатвы и которыхъ недоставало этому полю.» Далѣе, химическія изслѣдованія показали, что въ бо́льшей части почвъ, даже изъ числа признаваемыхъ за малоплодныя, аммоніакальныя соединенія постоянно содержатся въ количествѣ, болѣе или менѣе достаточномъ для питанія растеній. Свѣжій навозъ

большинство сельскихъ хозяевъ предпочитаетъ перегнившему, а между-тѣмъ въ последнемъ аммоніакальныхъ солей болѣе, чѣмъ въ первомъ. Но все это кажется малоубѣдительнымъ для такъ-называемыхъ практическихъ хозяевъ; они упорно вѣрятъ въ непогрѣшительность сельско-хозяйственной догмы о значеніи чернозема и навоза. Опираясь на *многолѣтнюю опытность*, они, въ лицѣ президента одного изъ англійскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, не постыдились выразиться такъ: «Совершенно глупо придавать какое-либо значеніе сомнительнымъ ученіямъ химіи!» Теорія Либиха есть теорія, и этого одного, по ихъ мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы не обращать на нее вниманіе! Зато и Либихъ, съ своей стороны, не щадитъ своихъ противниковъ. Своими ссылками на опытъ они напоминаютъ ему того господина, которому однажды случилось чихнуть во-время грома и который послѣ того, отправляясь гулять, бралъ съ собою дождевой зонтикъ всякій разъ, когда ему случалось чихнуть утромъ, на томъ основаніи, что онъ по опыту узналъ, что чиханье всегда сопровождается грозою. Учено-практически-сельско-хозяйственную систему, господствовавшую еще недавно во всей Германіи и которой и доселѣ держится большинство ученыхъ сельскихъ хозяевъ, Либихъ называетъ «собраніемъ разнородныхъ, на извѣстные случаи приличныхъ рецептовъ, olla potrida фактовъ, гдѣ теорія служитъ соусомъ.» Въ другомъ мѣстѣ Либихъ говоритъ «Новичекъ сельскій хозяинъ дѣлался (Либихъ пишетъ въ прошедшемъ времени, изъ учтивости) практическимъ хозяиномъ и достигалъ славы и почестей такимъ же образомъ, какъ и такъ-называемый зеленый докторъ въ Оффенбахѣ на Майнѣ, воспоминаніе о которомъ, быть-можетъ, сохранилось между старожилами этого города. Это былъ врачъ изъ евреевъ, пользовавшійся славою и котораго приглашали, во всѣхъ опасныхъ случаяхъ, во Франкфуртъ, Ганау и по сосѣдству, и часто съ успѣхомъ. Природа дала ему острый взглядъ и даръ тонкой наблюдательности, а вся мудрость его почерпнута была въ больницѣ, гдѣ онъ былъ сидѣльцемъ у больныхъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе сопровождать ординатора, когда тотъ обходилъ больничныя палаты; вслѣдъ за нимъ онъ осматривалъ языкъ, мочу и щупалъ пульсъ у больныхъ; онъ обращалъ вниманіе на приказанія врача относительно діэты, сколько и что̀ можно ѣсть больному, и постоянно списывалъ рецепты: если лекарство помогало, то онъ ставилъ на рецептѣ красный крестъ, если же больной умиралъ, то—черный. Мало-по-малу, изъ листочковъ составилась цѣлая книга, и когда къ ней нечего было прибавить, то онъ сталъ самъ практиковать, сначала въ маломъ видѣ, а потомъ въ большомъ. Въ діагнозисѣ онъ былъ опытенъ, для представлявшихся случаевъ имѣлись у него рецепты; сначала шли

въ дѣло тѣ, которые были съ красными крестами; если же отъ нихъ не было пользы, то употреблялись рецепты съ черными крестами; это послужило началомъ для его собственныхъ опытовъ. Онъ былъ очень—религіозенъ и въ субботу не писалъ рецептовъ; въ это время онъ отправлялся въ аптеку и диктовалъ рецепты помощнику: «Rrrr», такъ начиналъ онъ, значило Recipe; «Tartemet два грана» значило Tartari emetici grana duo; «Syralth» означало syrupus althaeae. Онъ не могъ прочесть своихъ собственныхъ рецептовъ, а между-тѣмъ онъ былъ одинъ изъ извѣстныхъ практическихъ врачей и пользовался такою славою, что тогдашнимъ настоящимъ врачамъ въ Оффенбахѣ не удалось запретить ему практиковать на томъ основаніи, что онъ не учился медицинѣ. Подобнымъ же образомъ, прибавляетъ Либихъ, доселѣ всѣ приготовляютъ себя къ сельскохозяйственной практикѣ.»

Любопытенъ отзывъ Либиха о сельскохозяйственныхъ институтахъ и училищахъ. «Соединеніе школы съ изученіемъ практическаго производства или ремесла уничтожаетъ полезное дѣйствіе, которое институты могли бы оказывать; они ни то ни се — ни образовательныя заведенія для души, ни хорошія мастерскія; въ нихъ есть кое-что́ изъ тѣхъ и другихъ, но это кое-что́ не есть хорошее. Техническое производство можно изучать, но только основаніямъ науки можно учить. Чтобъ изучить ремесло, сельскій хозяинъ долженъ идти въ мастерскую, а чтобъ образовать свою душу, онъ долженъ идти въ школу. Соединеніе обѣихъ невозможно, но возможна только одна послѣ другой. Въ Гиссенѣ я управлялъ школою практической химіи, анализа и всего, что́ съ нимъ находится въ связи, и тридцати-лѣтній опытъ показалъ мнѣ, что чрезъ смѣшеніе ученья съ практикою не получается ничего. Студентъ, посвятившій себя химіи и одновременно посѣщающій и лекціи и лабораторію, уклоняется отъ цѣли своего пребыванія въ учебномъ заведеніи и чрезъ это самое теряется. Только по совершенномъ окончаніи курса теоретическихъ лекцій можетъ онъ съ пользою посвятить себя практикѣ; онъ долженъ принести въ лабораторію научныя основанія ея, ибо иначе онъ не пойметъ практики: если онъ не знаетъ ихъ, то его слѣдуетъ выгнать. Во всѣхъ естественно-историческихъ и вообще во всѣхъ промыслахъ, занятіе которыми не основывается на одной ловкости руки, всякій успѣхъ и всякое улучшеніе условливаются развитіемъ умственныхъ способностей, то-есть школою. Молодой человѣкъ, имѣющій основательныя научныя знанія, знакомится съ техническимъ дѣломъ легко и безъ особаго напряженія; напротивъ, наилучше технически-образованному человѣку пониманіе всякаго новаго, прежде непредставлявшагося случая, или научнаго основанія и примѣненія его, есть обыкновенно дѣло по-

чти невозможное. Я часто замѣчалъ, что студенты, питомцы хорошихъ гимназій, весьма-скоро и далеко перегоняютъ въ естественныхъ наукахъ студентовъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, даже и тогда, когда послѣдніе въ *знаніи* были сначала противъ первыхъ то же, что гиганты передъ карликами.»

.... Въ сельскохозяйственныхъ академіяхъ ремесло постоянно находится въ борьбѣ со школою, и когда производится проба новой сѣялки, или новаго плуга, или чего другаго, то залы химіи, физики и пр. бываютъ пусты. Учителя математики и естественныхъ наукъ — по большей части люди, получившіе образованіе въ университетахъ и, какъ надлежало ожидать, люди способные и знающіе; но ремесло парализируетъ ихъ успѣхи, они скоро падаютъ духомъ, и, при такихъ обстоятельствахъ, объ основательномъ преподаваніи естественныхъ наукъ уже не можетъ быть рѣчи. Я до-сихъ-поръ не встрѣчалъ ни одного окончившаго курсъ въ этихъ заведеніяхъ, который бы имѣлъ ясное понятіе о росѣ, или который могъ бы различить сѣмена луговыхъ травъ, или различать травы на лугу. Изученіе техническаго производства есть нѣчто другое, чѣмъ пріобрѣтеніе ловкости, требующей упражненія. Ученикъ академіи искусствъ видитъ изо-дня въ-день: дѣлаетъ ли онъ успѣхи, и это даетъ ему необходимую бодрость, которая возбуждаетъ соревнованіе и дѣлаетъ прилежаніе упорнымъ; ученику же сельско-хозяйственной академіи не представляется никакого мѣрила, по которому онъ могъ бы судить о томъ, увеличились ли его техническія знанія — ему нѣтъ поощренія, и всякое сорéвнованіе прекращается... Пребываніе въ университетѣ и затѣмъ въ такомъ заведеніи, каково, напримѣръ, заведеніе св. Стефана, гдѣ учащіеся изучаютъ основанія сельско-хозяйственнаго дѣла, а равно и технику его, и гдѣ основанія науки нашли единственныхъ защитниковъ въ Германіи—соединяетъ все, что молодой сельскій хозяинъ можетъ желать для своего образованія. Если мы вспомнимъ, что большинство сельско-хозяйственныхъ академій искони находится въ завѣдываніи людей, неимѣющихъ никакихъ понятій о химіи, физикѣ, ботаникѣ, геогнозіи и пр., то увидимъ, что академіи эти суть скорѣе школы праздности и застоя, чѣмъ прогреса.»

Сколько тутъ правды, правды и правды! невольно воскликнетъ всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ состояніемъ земледѣльческихъ, ремесленныхъ и другихъ техническихъ школъ—не германскихъ, а нашихъ. Все, что ни говоритъ Либихъ о германскихъ учебныхъ заведеніяхъ, идетъ какъ-нельзя-лучше къ русскимъ и даже прилагается къ нимъ лучше, чѣмъ къ германскимъ. Можно бы даже подумать, что Либихъ, говоря о техническихъ заведеніяхъ, разумѣетъ именно русскія, прямо намекаетъ именно

на такое топаше земледѣльческое заведеніе, или на такую-то нашу ремесленную школу. Замѣчаніе, что сельско-хозяйственныя учебныя заведенія суть скорѣе школы праздности и застоя, чѣмъ прогреса—развѣ это не относится къ намъ? А, напримѣръ, замѣчаніе, что директоры техническихъ учебныхъ заведеній суть, по бóльшей части, люди, неимѣющіе никакихъ понятій изъ физики, химіи, ботаники и геогнозіи и пр., развѣ не камень въ нашъ огородъ! Какъ часто у насъ военный мѣняетъ свою саблю и эполеты на ферулу директора спеціальнѣйшаго изъ спеціальнѣйшихъ заведеній! Мы лично и коротко знакомы съ состояніемъ нѣкоторыхъ—замѣтимъ лучшихъ—нашихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, и можемъ, вмѣстѣ съ Либихомъ, сказать, что только по исключенію намъ доводилось встрѣчать такихъ воспитанниковъ, которые бы имѣли ясное понятіе о росѣ, или которые бы могли различить сѣмена луговыхъ травъ, или трáвы на лугу.

Что естественныя и математическія науки находятся въ совершенномъ упадкѣ, забросѣ въ нашихъ учебныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ, объ этомъ нéчего и говорить. Мы знаемъ заведенія, гдѣ ученикамъ излагаются довольно подробно и двойная бухгалтерія, и сельская архитектура, и эпизоотія, и даже начала народной медицины, и гдѣ, между-тѣмъ, вовсе не преподаются ни ботаника, ни зоологія, ни минералогія, гдѣ ученики едва знаютъ первыя начала лонгиметріи, не умѣютъ различить сердце отъ легкихъ, кита отъ кашалота, Лондонъ помѣщаютъ въ Америку, а Францію въ Парижъ. А попытки соединить, слить, смѣшать во-едино практику и теорію, обойдти такъ-называемое гуманное образованіе и ограничиться однимъ спеціальнымъ, сотворить опытнаго сельскаго хозяина, искуснаго машиниста, землемѣра, астронома, медика—изъ мальчика едва умѣющаго считать по пальцамъ — развѣ это не больныя наши мѣста? Быть-можетъ, Либихъ и судитъ нѣсколько пристрастно о сельско-хозяйственныхъ и вообще техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, во-всякомъ-случаѣ, намъ очень, очень-нелишне принять къ свѣдѣнію замѣчанія его о томъ, что недолжно дѣлать попытокъ искусственно, насильно, чисто внѣшними мѣрами (напр. въ родѣ распредѣленія предметовъ по классамъ), соединить теорію и практику, мѣшать чисто-механически одну съ другою; въ школѣ обѣ онѣ не могутъ идти параллельно, одна необходимо должна предшествовать другой. Другое дѣло въ жизни — тамъ разъединеніе, непараллелизмъ между теоріей и практикой положительно вредны; но школа еще не жизнь, а приготовленіе къ ней. Въ школѣ, особенно на-первыхъ-порахъ, отдѣленіе теоріи отъ практики необходимо—это требованіе чисто педагогическое; въ концѣ курса должна предъявить свои права практика, техническая сторона

изучаемаго дѣла; но только за стѣнами школы можетъ начаться настоящее соединеніе практики и теоріи въ одно нераздѣльное цѣлое. Начинайте съ анализа и кончайте синтезомъ, такова наша мысль. Мы знаемъ заведенія, въ которыхъ въ одинъ и тотъ-же годъ проходятся геометрія и землемѣріе, или бухгалтерія и ариѳметика, ученіе о почвахъ и минералогія, и т. п. Это называется соединеніемъ теоріи съ практикою. Но плоды такого искусственнаго метода всегда очень-горьки. Мысль Либиха, что къ изученію науки сельскаго-хозяйства и вообще техническихъ наукъ всего лучше приступать по окончаніи курса въ гимназіи, или даже въ университетѣ, для насъ не нова: она высказана была уже не разъ въ нашей литературѣ, мало-того, нѣкоторыя изъ послѣднихъ мѣръ нашего правительства именно предприняты съ цѣлію облегчить осуществленіе этой мысли.

Въ своихъ письмахъ Либихъ прилагаетъ свою теорію къ объясненію различныхъ сельско-хозяйственныхъ явленій, остававшихся доселѣ необъяснимыми или объяснявшихся чисто произвольнымъ образомъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ приложеній, ибо только такимъ-образомъ читатель можетъ всего-лучше ознакомиться съ самой теоріею. Эти приложенія суть какъ-бы частные примѣры, приводимые въ поясненіе общаго правила или закона.

Иныя растенія съ успѣхомъ растутъ на пескѣ, на чистой извести, на голомъ утесѣ; другія, наоборотъ, для успѣшнаго произрастенія требуютъ почвъ извѣстнаго рода, такъ-называемыхъ тучныхъ, плодородныхъ. Либихъ объясняетъ это различіе между растеніями тѣмъ, что первыя живутъ главнѣйше атмосферною пищею и заимствуютъ очень-немного изъ почвы; вторыя же, хотя тоже получаютъ пищу изъ атмосферы, но, сверхъ-того, нуждаются въ огромномъ (говоря сравнительно) количествѣ минеральныхъ веществъ, которыя и могутъ быть получены только изъ почвъ извѣстнаго качества. Опытъ вполнѣ подтвердилъ это объясненіе: при пережиганіи первыхъ растеній получается золы много менѣе, чѣмъ при пережиганіи вторыхъ. Съ другой стороны, наблюденія показываютъ, что къ первой категоріи принадлежатъ почти исключительно одни многолѣтнія растенія, которыя, какъ извѣстно, прибываютъ въ массѣ весьма медленно; ко второй же категоріи — всѣ однолѣтнія растенія, пріобрѣтающія въ сравнительно-короткое время очень-значительную массу.

Почему паръ и разрыхленіе почвы (сохою, плугомъ, бороною и т. п.) имѣютъ благопріятное вліяніе на прозябаніе растеній? Во время пара, отъ дѣйствія угольной кислоты атмосферы, кислорода воздуха, дождевой и снѣговой воды, куски горныхъ породъ, входящіе въ составъ почвы, вывѣтриваются, содержавшіяся въ нихъ соли выдѣляются, изъ

состоянія нерастворимаго переходятъ въ растворимое, или вообще въ такое, при которомъ легко усвоиваются растеніемъ. Механическимъ разрыхленіемъ почвы достигается та же цѣль. Оно дѣлаетъ для растеній доступнѣе минеральныя части, ускоряетъ вывѣтриваніе кусковъ горныхъ породъ. Ка́къ химикъ, для того, чтобъ сдѣлать минералъ легче растворимымъ, подвергаетъ его механическимъ операціямъ, тренію, толченію, отмучиванію, та́къ сельскій хозяинъ, дабы питательныя вещества почвы сдѣлать удобнѣйшими для воспріятія растеніями, производитъ паханіе, бороненіе, разбиваніе камней и пр. Короче, между дѣйствіями химика и сельскаго хозяина существуетъ нѣкотораго рода сходство, тождество.

Чтобъ ускорить раствореніе минерала, химикъ, сверхъ операцій чисто механическихъ, иногда прибѣгаетъ и къ химическимъ. «Чтобъ, напримѣръ, полевой шпатъ, даже приведенный въ наимельчайшій порошокъ, растворить въ кислотѣ, нужно обработывать его недѣли, мѣсяцы кислотою; но мы смѣшиваемъ его съ известью и подвергаемъ смѣсь умѣренному жару, и тогда известь вступаетъ въ химическое соединеніе съ составными частями полеваго шпата. Часть соединенной съ полевымъ шпатомъ щелочи (поташа) дѣлается свободною, и послѣ того достаточно облить смѣсь холодною кислотою, чтобъ нетолько известь, но и другія составныя части шпата растворились въ кислотѣ. Кременная кислота вбираетъ въ себя столько кислоты, что принимаетъ видъ полупрозрачной студени.» Сельскій хозяинъ нерѣдко поступаетъ точно также съ своимъ полемъ, то-есть, не довольствуясь механическими операціями разрыхленія, призываетъ на помощь и химическія силы. Въ Англіи, напримѣръ, издавна уже вошло въ обычай посыпать поля известью. Отъ такой посыпки урожай увеличивается. Известь, въ настоящемъ случаѣ, производитъ на составныя части почвы такія дѣйствія, какія она оказываетъ въ рукахъ химика при разложеніи минерала, то-есть, ускоряетъ разложеніе кусковъ трудно-вывѣтриваемыхъ горныхъ породъ и тѣмъ обогащаетъ почву минеральными, легко-растворимыми въ водѣ частицами. Замѣчено, что жженная известь особенно полезна для хлѣбныхъ растеній и менѣе полезна для огородныхъ. Это различіе въ дѣйствіи очень-легко объяснить: хлѣбныя растенія всего болѣе нуждаются въ кремнеземѣ, способномъ растворяться въ водѣ; напротивъ, огородныя растенія требуютъ этой кислоты гораздо-менѣе. Почвы глинистыя замѣтно улучшаются отъ пережиганія ихъ. Это явленіе, необъяснимое на основаніи нынѣ господствующей теоріи о причинахъ плодородія полей, очень-легко объясняется при помощи химіи. Химикамъ извѣстно, что многіе глини-

стые силикаты, совершенно недоступные дѣйствію кислоты въ естественномъ ихъ состояніи, дѣлаются растворимыми чрезъ каленіе, или плавленіе. Обыкновенную горшечную или трубочную глину и другіе подобные роды глинъ можно варить по цѣлымъ часамъ въ крѣпкой сѣрной кислотѣ и все-таки не будетъ видно и слѣдовъ растворенія; но ту же самую глину достаточно слегка пережечь, чтобъ значительная часть ея перешла въ растворимое состояніе, причемъ кремнеземъ выдѣляется въ видѣ студени. Мергелемъ называется глина, содержащая довольно-большое количество извести. Замѣчено, что посыпаніе полей мергелемъ, особенно пережженнымъ, весьма-благопріятно дѣйствуетъ на урожай. Дѣйствіе это тоже чисто-химическое: известь способствуетъ разложенію глины и выдѣленію изъ нея растворимыхъ кремнекислыхъ и другихъ щелочныхъ солей. Зола каменнаго и бураго угля во многихъ мѣстахъ употребляется какъ вещество имѣющее сильно-удобрительное свойство. Дѣйствіе золы въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ приписать ничему иному, какъ только твердымъ минеральнымъ веществамъ, въ ней находящимся (щелочамъ, фосфорной и въ особенности кременной кислотамъ), потому-что замѣчено, что та зола особенно полезна, которая отъ прибавленія кислоты образуетъ студень, или отъ смѣшенія съ известковымъ молокомъ образуетъ твердую массу.

Всѣ согласны, что минеральныя вещества поступаютъ въ растеніе изъ почвы, чрезъ корни, но какимъ именно образомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найденъ, или, выражаясь скромнѣе, первые пути къ разрѣшенію этого вопроса найдены недавно. Этимъ открытіемъ наука обязана Томсону, Вэ и Либиху. Предметъ такъ новъ и интересенъ, что мы считаемъ нелишнимъ поговорить о немъ поподробнѣе.

До послѣдняго времени наука, на вопросъ: какъ минеральныя вещества изъ почвы поступаютъ въ растеніе? отвѣчала слѣдующимъ образомъ. Дождевая вода, проникнувъ въ почву и насытившись находящеюся тамъ въ избыткѣ угольною кислотою, дѣйствуетъ растворяющимъ образомъ на нѣкоторыя составныя части почвы и превращается какъ-бы въ разсолъ. Изъ этого-то раствора, стремящагося, по законамъ гидростатики, распредѣлиться повсюду равномѣрно, и получаютъ растенія всѣ необходимыя для нихъ минеральныя вещества. Скорость всасыванія веществъ находится въ прямомъ соотношеніи съ ихъ растворимостью. Растеніе есть нѣчто въ родѣ губки, одна часть которой находится въ почвѣ, мокрой средѣ, другая, или верхняя въ воздухѣ или сухой средѣ. Чрезъ первую часть, въ количествѣ, пропорціональномъ потерѣ чрезъ испареніе, поступаетъ изъ почвы растворъ; чрезъ вторую выдѣляется вода въ видѣ пара; минеральныя же части остаются

въ растеніи. Короче: какъ почва, такъ и растеніе, суть существа чисто—пассивныя. Питательное вещество, содержащееся въ почвѣ, можетъ поступить въ растеніе даже и въ томъ случаѣ, когда оно не находится въ соприкосновеніи съ корнемъ; нужно только, чтобъ между питательнымъ веществомъ и корнемъ находилась жидкость, способная растворять первое. Вслѣдствіе испаренія воды чрезъ листья, корни всосутъ въ себя части воды, непосредственно съ ними соприкасающія; мѣсто ихъ займутъ другія; когда же и эти поступятъ въ растеніе, то ихъ замѣнятъ третьи, и т. д.; такимъ—образомъ, рано или поздно дойдетъ очередь до частицъ, находящихся въ соприкосновеніи съ питательнымъ веществомъ и содержащихъ это послѣднее въ растворѣ. Вода почвенная служитъ какъ—бы тележкою, при помощи, которой питательныя вещества издалека доставляются къ корнямъ растенія. Таково было мнѣніе большинства физіологовъ!

И все это теперь оказывается грубою ошибкою !

«При помощи очень—простаго опыта каждый можетъ убѣдиться въ томъ, что когда дождевая вода просачивается чрезъ полевую, или садовую почву, то вода эта не растворяетъ ни малѣйшаго количества поташа, кременной кислоты, амміака, фосфорной кислоты, что земля изъ всѣхъ питательныхъ для растенія веществъ, содержащихся въ ней, не отдаетъ водѣ ничего, что вода не беретъ ихъ нисколько. Самый проливной дождь не можетъ похитить у почвы (развѣ только чисто—механическимъ образомъ—смываніемъ) ни одного изъ главнѣйшихъ условій ея плодородности. Почва нетолько крѣпко сохраняетъ все, что есть въ ней питательнаго для растеній, но ея способность удерживать все нужное для растеній идетъ еще далѣе. Если дождевая, или какая другая вода, содержащая въ растворенномъ состояніи амміакъ, поташъ, фосфорную и кременную кислоты, будетъ смѣшана съ полевою землею, то всѣ эти вещества почти мгновенно исчезаютъ изъ раствора. И притомъ только такія вещества *совершенно* вытягиваются почвою изъ воды, которыя принадлежатъ къ числу *необходимыхъ* питательныхъ веществъ, всѣ же прочія совершенно, или бо́льшею частію остаются въ растворѣ. Если наполнить воронку землею и налить на эту послѣднюю раствора кременно—кислаго поташа (поташнаго жидкаго стекла), то въ стекающей изъ—подъ воронки водѣ нельзя открыть слѣдовъ поташа и только при извѣстныхъ обстоятельствахъ замѣчается кременная кислота. Если растворить въ водѣ, насыщенной углекислотою, свѣжеосажденную фосфорно—кислую известь, или фосфорно—кислую магнезію и процѣдить сказаннымъ образомъ растворы чрезъ почву, то въ стекающей водѣ не оказывается и слѣдовъ фосфорной кис-

лоты. Растворъ фосфорнокислой извести въ разбавленной сѣрной кислотѣ, равнымъ образомъ растворъ двойной фосфорнокислой соли магнезіи и амміака (PO_5, $_2Mg$. O,NH_4O) въ углекислой водѣ относятся къ почвѣ подобнымъ же образомъ: фосфорная кислота фосфорнокислой извести, фосфорная кислота и амміакъ двойной соли остаются въ почвѣ. Уголь дѣйствуетъ на нѣкоторыя растворимыя соли такимъ же образомъ; онъ принимаетъ въ себя красильныя вещества и соли изъ жидкостей. Поэтому, естественно, дѣйствія въ обоихъ случаяхъ приписать одной и той же причинѣ. Въ углѣ эта причина—химическое притяженіе, исходящее отъ поверхности; но въ почвѣ участвуютъ въ дѣйствіи ея составныя части и потому оно во многихъ случаяхъ совершенно иного рода. Поташъ и сода по своимъ химическимъ свойствамъ, какъ извѣстно, весьма близки между собою, и ихъ соли имѣютъ много общаго. Хлористый калій, напримѣръ, имѣетъ такую же кристаллическую форму, какъ и хлористый натрій, по вкусу и растворимости они мало различны между собою. Неопытный едва различаетъ эти соли, а между-тѣмъ почва различаетъ ихъ совершенно. Если къ жидкому раствору хлористаго калія будемъ прибавлять измельченной земли, то вскорѣ въ растворѣ не окажется калія. Такое же количество земли не извлекаетъ изъ раствора поваренной соли и половины натрія. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ былъ обмѣнъ, во второмъ онъ совершался только отчасти. Поташъ есть составная часть всѣхъ сухопутныхъ растеній, натръ же встрѣчается только, по исключенію, въ пеплѣ. Изъ растворовъ сѣрнокислаго и азотнокислаго натра почва извлекаетъ только часть натра, напротивъ, поташъ вполнѣ извлекается землею изъ сѣрнокислой и азотнокислой соли. Нарочно съ этою цѣлью произведенные опыты показали, что одинъ литръ (1000 куб. сантиметровъ) огородной земли (богатой известью) поглотилъ поташъ изъ 2,025 куб сантиметровъ раствора кременно-кислаго поташа, раствора, въ 1000 куб. сант. котораго содержалось 2,78 граммовъ кременной кислоты и 1,166 граммовъ поташа. Отсюда видно, что одинъ гектаръ поля съ почвою такого же свойство, какъ и почва, взятая для опыта, при глубинѣ въ $^1/_4$ метра (около 10 дюймовъ) можетъ извлечь изъ того же раствора 10,000 фунтовъ поташа и удержать ихъ на пользу растеній. Опытъ, произведенный подобнымъ же образомъ, съ растворомъ двойной фосфорнокислой соли магнезіи и амміака въ углекислой водѣ, показалъ, что гектаръ поля въ состояніи извлечь изъ сказаннаго раствора 5000 фунтовъ этой соли. Глинистая почва (бѣдная известью) оказывала подобное же дѣйствіе. Это даетъ намъ понятіе о могущественномъ дѣйствіи почвы, о силѣ притяженія, оказы-

ваемой почвою на три главныя питательныя вещества нашихъ хозяйственныхъ растеній. Еслибъ почва не имѣла этого свойства, то эти вещества, вслѣдствіе ихъ легкой растворимости въ чистой и углекислой водѣ, сами-по-себѣ не могли бы удержаться въ почвѣ. Изъ загнившей мочи, навозной жижи, сильно разбавленныхъ водою, изъ раствора гуано въ водѣ почва извлекаетъ весь заключающійся въ нихъ аммiакъ, весь поташъ и всю фосфорную кислоту, и если земли находится въ достаточномъ количествѣ, въ стекающей водѣ не оказывается никакихъ слѣдовъ этихъ веществъ. Способность почвы извлекать изъ растворовъ аммiакъ, поташъ, фосфорную и кременную кислоту имѣетъ предѣлы; различнаго рода почвы имѣютъ различную способность къ извлеченію, емкость. Если мы приводимъ въ соприкосновеніе растворы съ почвою, то она насыщается растворимымъ веществомъ; затѣмъ избытокъ его остается въ растворѣ, и присутствіе его мы можемъ обнаружить обыкновенными реактивами. Песчаная почва поглощаетъ, при равномъ объемѣ, менѣе, чѣмъ мергелистая, эта послѣдняя менѣе глинистой. Разности между поглощенными количествами столь же велики, какъ и разности между самыми сортами почвъ. Извѣстно, что ни одна почва неравна другой; вѣроятно, что извѣстнаго рода особенности въ сельско-хозяйственной культурѣ находятся въ нѣкоторомъ определенномъ соотношеніи съ неравною способностью различныхъ почвъ къ воспринятію названныхъ веществъ. Очень-возможно, что чрезъ болѣе-тщательное изслѣдованіе этой способности мы найдемъ совершенно-новую и неожиданную точку опоры для сужденія о сельско-хозяйственной цѣнности или добротѣ полей.»

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что если не всѣ, то большая часть растеній получаетъ минеральныя вещества не изъ раствора, а непосредственно, непонятнымъ для насъ образомъ; иначе, что растенія въ процессѣ воспринятія минеральныхъ веществъ имѣютъ активную роль, а не одну пассивную, какъ думали прежде. Эта самостоятельность растеній находитъ новое подтвержденіе въ нижеслѣдующемъ. Вэ анализировалъ дренажныя воды, слѣдовательно, дождевыя воды, просачившiяся чрезъ почву, съ семи различныхъ полей и нашелъ, что въ 1 галлонѣ или 70,000 гранахъ воды четырехъ полей были только слѣды поташа, въ такомъ же количествѣ воды съ пятаго поля — 0,02 грана, съ шестаго—0,05, седьмаго—0,22. Теперь предположимъ, что на гектаръ поля выпадаетъ ежегодно 12 мильйоновъ фунтовъ воды и что изъ этого количества только треть идетъ на пользу растеній (остальныя $^2/_3$ стекаютъ непосредственно съ поля, непросачиваясь чрезъ почву, испаряются, стекаютъ въ видѣ дренажныхъ водъ и

т. п.). Предположимъ далѣе, что эти четыре мильйона фунтовъ насыщаются поташемъ въ такомъ же отношеніи, какъ и дренажныя воды по изслѣдованію Вэ, и что все это количество разсола поступаетъ въ растенія. Простой разсчетъ показываетъ, что при самомъ благопріятномъ предположеніи, то-есть, когда вода будетъ содержать 0,22 поташа въ 70,000 частяхъ, растенія получатъ съ гектара несвыше 2 фунтовъ поташа. А между-тѣмъ, опытъ показываетъ, что съ гектара, при среднемъ урожаѣ, въ видѣ картофеля мы увозимъ съ поля до 408 фунтовъ твердыхъ минеральныхъ веществъ, въ томъ числѣ до 200 фунтовъ поташа. Ясно, что послѣдній не могъ поступить въ растенія путемъ растворенія. Подобнымъ же образомъ доказывается, что чрезъ растворъ растеніе не можетъ получить всего потребнаго для него количества амміака, фосфорной и кременной кислотъ.

Нѣкоторыя растенія, и именно, всѣ водяныя (морскія, прудовыя и т. п.), неприкрѣпленныя къ почвѣ, несомнѣнно получаютъ минеральныя вещества изъ раствора; но и въ семъ случаѣ растенія не остаются чисто-пассивными. Это, между-прочимъ, видно изъ того, что между относительнымъ содержаніемъ солей разнаго рода въ золѣ этихъ растеній и содержаніемъ ихъ въ водѣ существуетъ нерѣдко огромная разница; напримѣръ, вещество, содержащееся въ относительно большомъ количествѣ въ золѣ растенія, находится въ относительно маломъ количествѣ въ водѣ, и — обратно.

Кромѣ сказаннаго чисто-химическаго свойства (свойства поглощать изъ растворовъ нужныя для растеній вещества), почва имѣетъ другое, физическое, неменѣе важное. Бабо нашелъ, что почвы одарены свойствомъ притягивать влагу изъ воздуха и удерживать ее въ себѣ. Въ гигроскопическомъ отношеніи сухая земля не уступаетъ сѣрной кислотѣ. Способность поглощать влажность имѣетъ предѣлъ: почва, насытившись влагою, уже болѣе не поглощаетъ ее Если воздухъ очень-сухъ, а почва влажна, то она обратно отдаетъ нѣкоторое количество влаги. Поглащая влажность, почва замѣтно нагрѣвается, выдѣляя влагу, охлаждается.

Свойство почвы поглощать влажность, вѣроятно, имѣетъ немаловажное вліяніе на успѣшность произрастанія растеній. Этому свойству мы обязаны тѣмъ, что растенія могутъ нѣкоторое время обходиться безъ дождя. Еслибъ почва не имѣла этого свойства, то достаточно было бы пяти-десяти дней бездождія, дабы всѣ растенія завяли. Въ нашихъ южныхъ степяхъ пшеница даетъ порядочные урожаи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ иногда въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, а иногда и въ-*теченіе цѣлаго года* не выпадаетъ ни капли дождя. Въ подоб-

ныхъ случаяхъ почва получаетъ нужную влагу двумя путями: вопервыхъ, изъ атмосферы, особенно ночью, во время росы, вовторыхъ, изъ нижележащихъ, подпочвенныхъ слоевъ, вообще болѣе обильныхъ влагою, чѣмъ верхніе. Тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ перегонки, дистилляціи: влажность изъ нижнихъ слоевъ отдѣляется въ видѣ паровъ, поднимается вверхъ и поглощается верхнимъ слоемъ почвы.

Какого рода вліяніе имѣетъ черноземъ на прозябаніе растеній? Еще очень-недавно всѣ хозяева были того мнѣнія, что плодородіе почвы условливается бóльшимъ или мéньшимъ содержаніемъ въ ней чернозема (т. е. почвы, богатыя углеродомъ остатковъ растеній), что величина урожая находится въ прямомъ отношеніи съ количествомъ чернозема. Въ наше время вѣра во всемогущество чернозема сильно поупала. Черноземъ, по мнѣнію Либиха, полезенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ почвѣ содержатся потребныя для растеній минеральныя вещества въ достаточномъ количествѣ. Въ такомъ случаѣ благотворное дѣйствіе чернозема объясняется очень-просто: отъ гніенія чернозема образуется угольная кислота. Кислота эта отчасти служитъ для питанія растеній, наравнѣ съ кислотою атмосферы, отчасти же поглощается почвенною водою, которая чрезъ это получаетъ способность растворять фосфорнокислыя соли. Образовавшійся растворъ, растекаясь во всѣ стороны, способствуетъ къ равномѣрному въ почвѣ распредѣленію этой соли, столь-необходимой для растеній. Опыты показали, что соли аммоніакальныя и азотнокислыя (напр. азотнокислый натръ или хилійская селитра), а также обыкновенная поваренная соль, въ иныхъ случаяхъ замѣтно и на довольно-долгое время усиливаютъ урожай. Въ чемъ заключается благопріятное дѣйствіе этихъ солей? Нѣкоторые изъ агрономовъ дѣйствіе, производимое двумя первыми солями, приписываютъ содержащемуся въ нихъ азоту. Но такимъ объясненіемъ никакъ нельзя удовольствоваться: всѣ роды почвъ богаты сами-по-себѣ азотомъ. Легко понять, что акръ поля, глубиною въ 10 дюймовъ, содержащій до 10,000 фунтовъ амміака или азота, не можетъ сдѣлаться вдвое плодороднѣе, (какъ это иногда замѣчается) отъ прибавки какихъ-нибудь 30 или 60 фунтовъ амміака. Во всякомъ случаѣ, объясненіе агрономовъ рѣшительно непримѣнимо къ поваренной соли, въ составъ которой не входитъ азотъ и обѣ составныя части которой, т. е. натрій и хлоръ, не составляютъ необходимыхъ для прозябанія растеній веществъ, хотя они по временамъ и находятся въ золѣ ихъ. Химія разрѣшаетъ этотъ трудный вопросъ слѣдующимъ образомъ. Растворы аммоніакальныхъ и азотнокислыхъ солей, также какъ и растворъ обыкновенной поваренной соли, дѣйствуютъ на почву точно такъ же, только сильнѣе, кáкъ и вода,

насыщенная углекислотою чернозема. Они растворяютъ фосфорнокислыя соли, содержащіяся въ почвѣ. Опыты показали, что 100 килограммовъ сѣрнокислаго амміака въ отношеніи способности растворять фосфорнокислую известь равняются 4,720 литрамъ углекислоты, а 100 килограммовъ хлористаго натра растворяютъ такое же количество двойной фосфорнокислой соли (PO^5, $_2$ MgO, NH^4) какъ и 3,456 литровъ углекислоты. Далѣе опыты показываютъ, что означенные растворы въ прикосновеніи съ землею, содержащею въ избыткѣ фосфорную кислоту, воспринимаютъ ее въ себя,—когда же, послѣ сего, растворы приходятъ въ соприкосновеніе съ землею, содержащею фосфорную кислоту въ маломъ количествѣ, то выдѣляютъ эту послѣднюю изъ себя. Это поочередное поглощеніе и выдѣленіе можетъ повториться нѣсколько разъ. Итакъ, дѣйствіе означенныхъ солей состоитъ въ томъ, что онѣ способствуютъ равномѣрному распредѣленію фосфорной кислоты въ почвѣ, что, конечно, весьма-важно для успѣшности прозябанія, такъ-какъ корень можетъ заимствовать пищу только изъ тѣхъ частей почвы, которыя находятся съ нимъ въ соприкосновеніи. Питательное вещество, находящееся на разстояніи какого-либо миллиметра отъ корня и даже гораздо менѣе, не можетъ поступить (прямо) въ растеніе, слѣдовательно, для него совершенно безполезно. Ясно, что дѣйствіе, оказываемое аммоніакальными, азотнокислыми и поваренной солями, въ сущности то же, которое производятъ и тщательная механическая обработка и паръ. Здѣсь химія подаетъ руку помощи механикѣ. Очевидно тоже, что соли эти могутъ быть полезны только на такихъ поляхъ, которыя изобилуютъ фосфорнокислыми солями; въ противномъ случаѣ онѣ недѣйствительны.

Итакъ, соли полезны, но польза эта относительная: ими если и увеличивается урожай, въ данный годъ, но неиначе, какъ на счетъ будущихъ урожаевъ. Соли для почвы то же, что̀ вино для человѣка: онѣ временно усиливаютъ дѣятельность почвы, но эта дѣятельность повлечетъ за собою соотвѣтствующее ослабленіе производительности. Иначе, соли можно сравнить съ рычагомъ, при употребленіи котораго сколько мы выигрываемъ въ силѣ, столько теряемъ во времени. «Увеличеніе урожая чрезъ доставленіе полю амміака и его солей необходимо предполагаетъ, что въ почвѣ существуютъ всѣ условія многихъ урожаевъ, и что, по времени, бо̀льшее число составныхъ частей ея сдѣлались способными къ воспринятію и дѣйствію. Всегда и во всѣхъ случаяхъ величина урожаевъ и ихъ *продолжительность* находятся въ соотношеніи съ суммою минеральныхъ питательныхъ веществъ, находящихся въ почвѣ. Величина урожая находится въ соотношеніи со скоростію дѣйствія составныхъ частей почвы во времени, т. е. съ тою частію суммы, ко-

торая ежегодно переходитъ изъ почвы въ растенія. Поэтому, если поле содержитъ столько минеральныхъ веществъ, что оно безъ всякаго возмѣщенія ихъ можетъ въ 100 лѣтъ дать 100 среднихъ, т. е. вознаграждающихъ трудъ урожаевъ пшеницы, то поле это по-истеченіи означеннаго времени, хотя, быть-можетъ, и будетъ достаточно плодородно для какого-либо другаго растенія, но въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ оно уже болѣе не будетъ нивою, годною подъ пшеницу. Если мы теперь, чрезъ болѣе усиленную разработку почвы, или при помощи химическихъ средствъ, (каковы: хилійская селитра, поваренная соль, аммоніакальныя соли) ускоримъ дѣйствіе существующихъ въ почвѣ минеральныхъ питательныхъ веществъ, то, быть-можетъ, поле въ 50 лѣтъ дастъ столько же зерна и соломы, сколько оно безъ этихъ средствъ дало бы во 100 лѣтъ, но зато поле и истощится вдвое скорѣе. При употребленіи такихъ средствъ поле производитъ въ *совокупности* не болѣе, а только *по времени* скорѣе. Если сельскій хозяинъ не имѣетъ въ виду условій, отъ которыхъ зависитъ продолжительность его высокихъ урожаевъ, и возлагаетъ надежды на дѣйствіе своего труда и на употребленіе хилійской селитры, аммоніакальныхъ солей, поваренной соли, не заботясь въ тоже время о возвращеніи почвѣ составныхъ частей, которыя онъ беретъ у нея вмѣстѣ съ жатвою, то такой хозяинъ спекулируетъ на богатство своихъ полей, о которомъ онъ не знаетъ ничего и о величинѣ котораго никто не можетъ дать ему понятія; онъ за-прежде присвоиваетъ себѣ доходы, которые бы навѣрно достались ему впослѣдствіи, и единственная разница между нимъ и спекулянтомъ акціями желѣзныхъ дорогъ въ сущности та, что его или его потомковъ неминуемо постигнетъ наказаніе за неразумныя дѣйствія, тогда-какъ спекулянтъ иногда избѣгаетъ его, сбывъ акціи другому. На нѣкоторыхъ полахъ прибыльное на видъ употребленіе этихъ средствъ можетъ продолжаться долго, прежде нежели хозяинъ замѣтитъ вредъ, который онъ причиняетъ себѣ, не вознаграждая убыли полей; но чѣмъ долѣе будутъ продолжаться хорошіе урожаи, тѣмъ ближе предѣлъ, гдѣ они окончатся.»

Сказаннаго достаточно, чтобы ознакомить читателей съ сущностію теоріи Либиха. Прежде, нежели перейдемъ къ тѣмъ политико-экономическимъ вопросамъ, которые поднимаются ею, мы, для бо́льшей ясности, повторимъ еще разъ главнѣйшія положенія этой теоріи. Растеніе для полнаго своего развитія нуждается въ извѣстнаго рода минеральныхъ веществахъ, которыя оно и заимствуетъ изъ почвы. Свозя съ поля зерно, солому, табакъ, свекловицу и пр., мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, свозимъ и минеральныя частицы, взятыя ими изъ почвы; а такъ-какъ количе-

ство этихъ послѣднихъ ограничено, то послѣ каждой жатвы плодородіе неминуемо уменьшается и рано или поздно почва должна истощиться. Отъ улучшенной механической разработки почвы, отъ прибавки къ почвѣ извести, аммоніакальныхъ, азотистыхъ солей, обыкновенной поваренной соли, отъ введенія плодопеременной системы, урожай увеличивается, но увеличивается временно, насчетъ будущихъ урожаевъ. При помощи этихъ средствъ мы присвоиваемъ себѣ доходы, которые должны бы намъ достаться впослѣдствіи, беремъ доходъ за нѣсколько лѣтъ впередъ. Всѣ эти средства — суть утонченныя средства истощенія почвы, извлеченія изъ нея послѣднихъ полезныхъ веществъ. Мы можемъ значительно увеличить доходъ съ имѣнія, увеличивъ поборы съ крестьянъ, заставивъ ихъ работать сверхъ положеннаго, снявъ съ нихъ послѣднюю рубашку, распродавъ запасы прежнихъ лѣтъ, короче — высасывая, что называется, послѣдній сокъ изъ имѣнія; но ни одинъ благоразумный человѣкъ, конечно, не порадуется такому увеличенію дохода, ибо ненужно быть пророкомъ, чтобы предсказать окончательное и скорое разореніе имѣнія. Механическая разработка земли, азотнокислыя и аммоніакальныя соли и т. п. средства, сами-по-себѣ — тѣже помѣщики-разорители имѣній. Дабы поддержать плодородіе полей на одной и той же степени представляется одно, и только одно средство: послѣ каждой жатвы должно возвращать полямъ всѣ минеральныя вещества, взятыя съ нихъ. Это мы и дѣлаемъ: въ видѣ навоза мы возвращаемъ полю тѣ соли, которыя были съ него взяты. Но то, что̀ мы возвращаемъ полю, равно ли тому, что̀ мы взяли съ него? Въ бо̀льшей части случаевъ — нѣтъ. Въ видѣ навоза мы возвращаемъ полю только тѣ минеральныя вещества, которыя входили въ составъ зерна, соломы мяса и пр., потребленныхъ въ предѣлахъ самаго имѣнія; вещества же, которыя вошли въ составъ зерна, пеньки, льна, бойнаго скота и пр., вывезенныхъ или выведенныхъ за предѣлы имѣнія, проданныхъ въ городъ или заграницу, теряются для имѣнія безвозвратно, на поле не возвращаются. Много ли найдется такихъ хозяевъ, которые бы на деньги, вырученныя отъ продажи зерна, скота и т. п., покупали навозъ! Итакъ, большинство полей, вслѣдствіе неравенства между тѣмъ, что̀ съ нихъ берутъ и что̀ отдаютъ, съ каждымъ годомъ должно истощаться. Отрицать это значитъ допускать, что изъ ничего можетъ сдѣлаться что̀-либо, напр. фосфорная кислота, поташъ. Хозяинъ можетъ безъ вреда для себя продавать изъ имѣнія только то, что̀ есть продуктъ атмосферы, т. е. весь углеродъ, водородъ, азотъ, кислородъ, ибо все это дается ему даромъ, въ изобиліи, самою природою; но онъ не долженъ отчуждать минеральныхъ веществъ, не заботясь о возмѣще-

нія ихъ. Азотъ, углеродъ, водородъ и кислородъ представляютъ какъ-бы проценты съ капитала; тратя ихъ, онъ не трогаетъ капитала; расходуя же за-разъ и эти вещества, и минеральныя составныя части почвы, онъ потребляетъ за-разъ и проценты и капиталъ.

Примѣры ужасныхъ послѣдствій, проистекающихъ изъ системы хозяйства, основанной на одномъ хищничествѣ, при которой съ полей постоянно берется и ничего имъ не возвращается, или возвращается, сравнительно, гораздо менѣе, представляетъ намъ Сѣверная Америка. Въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ настоящаго, почва въ нѣкоторыхъ штатахъ была до-того плодородна, что при самыхъ незначительныхъ усиліяхъ давала постоянно значительные урожаи пшеницы, маиса и табаку; въ настоящее же время, въ тѣхъ же самыхъ штатахъ, та же почва истощилась до-того, что даже при самой тщательной обработкѣ едва-ли въ-состояніи вознаградить трудъ фермера. Вотъ что́ писали изъ Нью-Йорка въ «Algemeine Zeitung» (№ 175. Beil v. 24 Iuni 1858). «При обсужденіи проекта закона (принятаго палатою депутатовъ Конгреса), о предоставленіи различнымъ штатамъ шести мильйоновъ акровъ земли (изъ числа принадлежащихъ Конгресу), для основанія и поддержки сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ, составитель проекта, г. Мюриль изъ Вермонта, въ превосходной рѣчи, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, показалъ, ка́къ необходимы эти школы для нашихъ фермеровъ, ибо они въ обращеніи съ землею предаются настоящему вандализму. Онъ показалъ, что мы, въ-отношеніи общеупотребительной и, въ-особенности, современной научной культуры, далеко отстали отъ Европы, и что печальныя послѣдствія этого уже и теперь обнаруживаются ужасающимъ образомъ. Система культуры, господствующая во всѣхъ частяхъ нашей страны, до-того недостаточна, что отъ нея изъ года въ годъ почва дѣлается бѣднѣе-и-бѣднѣе, а если естественная производительная сила почвы будетъ постоянно уменьшаться, то это будетъ настоящимъ грабительствомъ отдѣльныхъ лицъ насчетъ національнаго богатства. Слѣдующая таблица даетъ нѣкоторое понятіе объ уменьшеніи урожаевъ во многихъ сѣверныхъ штатахъ, въ-теченіи десяти лѣтъ. Получено пшеницы:

	1840		1850	
Въ Коннектикутѣ . .	87,000	буш.	41,000	бушелей.
— Массачузетсѣ . .	157,923	—	31,211	—
— Родъ-Эйлендѣ . .	3,098	—	49	—
— Нью-Гемпширѣ . .	422,124	—	185,658	—
— Мэнѣ	848,166	—	269,259	—
— Вермонтѣ . . .	495,800	—	535,955	—
Итого . .	2,014,111	—	1,090,132	—

Собрано картофеля:

Въ Коннектикутѣ . .	3,414,238	буш.	2,689,805	бушелей.
— Массачузетсѣ . .	5,385,652	—	3,385,384	—
— Родъ-Эйлендѣ . .	911,973	—	651,029	—
— Нью-Гемпширѣ .	6,206,606	—	4,304,919	—
— Мэнѣ . . .	10,392,280	—	3,436,040	—
— Вермонтѣ . .	8,896,751	—	4,951,014	—
Итого .	35,180,500	—	19,418,014	—

Во многихъ южныхъ штатахъ уменьшеніе производства тоже было значительно. Получено пшеницы:

Въ Тенесси . . .	4,569,692	буш.	1,616,386	бушелей.
— Кентуки . . .	4,803,162	—	2,142,822	—
— Георгіи	1,801,830	—	1,028,534	—
— Алабамѣ . . .	838,052	—	294,044	—
Итого . .	12,012,726	—	6,144,796	—

Эти числа несомнѣнно показываютъ, что во всѣхъ частяхъ страны существенные элементы почвы истощены, и что плодородіе земли постоянно уменьшается. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ 300,000 овецъ менѣе, чѣмъ за тридцать лѣтъ предъ симъ. Въ-теченіе пяти лѣтъ число овецъ уменьшилось почти до 50 процентовъ, а число лошадей, коровъ и свиней свыше чѣмъ на 15%. Въ 1845 году сборъ пшеницы составлялъ 13,391,770 бушелей, но съ того времени, онъ изъ года въ годъ уменьшался, и въ прошломъ году не превосходилъ шести мильйоновъ. Сборъ маиса съ акра былъ. въ 1844 году, среднимъ числомъ, $24^{75}/_{100}$, а въ 1854 году только $21^{2}/_{100}$. Средній сборъ пшеницы въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ составлялъ въ 1850 г. только 7 бушелей съ акра, а въ Алабамѣ 5 бушелей. Между-тѣмъ, какъ на новыхъ земляхъ въ Техасѣ и Арканзасѣ сбирается среднимъ числомъ 700 — 750 фунтовъ хлопчатой бумаги съ акра, на старыхъ поляхъ Южной Каролины получается только половина это количества. Сборъ табаку въ 1850 г., въ Виргиніи, былъ на 18 мильйоновъ фунтовъ менѣе, чѣмъ въ 1840 году».

Вотъ что́ пишетъ другой сѣверо-американецъ (*), человѣкъ—замѣтимъ мимоходомъ — очень компетентный въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь: «Въ Соединенныхъ Штатахъ, мѣста, гдѣ производится хлѣбъ, удалены

(*) Letters to the President on the foreign and domestic policy of the Union and the effects as exhibited in the condition of the people and the state. By H. C. Carey. Philadelphia. 1858. Tenth letter, p. 54.

отъ рынка на сто и тысячу миль, и послѣдствія этого обнаруживаются въ томъ, что почва почти повсюду истощена, что народное благосостояніе, вмѣсто того, чтобъ прибывать, убываетъ. Въ какой степени оно уменьшается, это показалъ недавно одинъ замѣчательный хозяинъ, отъ котораго мы узнаемъ:

что фосфорная кислота и поташъ, которые ежегодно берутся съ полей безъ замѣтнаго возмездія, имѣютъ, принимая обыкновенныя рыночныя цѣны, цѣнность въ 20 мильйоновъ долларовъ;

что составныя части золы 600 мильйоновъ бушелей зерна ежегодно выбираются изъ земли, безъ замѣтнаго возврата;

что ежегодный расходъ въ минеральныхъ составныхъ частяхъ зерна равняется «1500 мильйонамъ бушелямъ зерна.»

Предполагать, говоритъ авторъ этихъ разсчетовъ, что такой порядокъ вещей можетъ продолжаться и что наше національное благосостояніе будетъ возрастать, просто смѣшно. Это просто вопросъ времени, а время несомнѣнно рѣшитъ задачу такъ: то, что́ мы теряемъ, благодаря нашей расточительности, есть эссенція нашей способности къ жизни... Народно-экономическій вопросъ состоитъ не въ томъ, сколько мы можемъ производить, а въ томъ, сколько изъ нашихъ ежегодныхъ продуктовъ снова возвращается почвѣ. Трудъ, обращенный на расхищеніе почвы, хуже оставленнаго труда. Въ послѣднемъ случаѣ, отъ него несетъ убытокъ настоящее поколѣніе, въ первомъ же — бѣдность есть наслѣдіе потомства. Расточительность, г. президентъ, есть преступленіе, которое получаетъ свое наказаніе въ естественномъ, нравственномъ и политическомъ упадкѣ, на который я обратилъ вниманіе ваше. Послѣдствія ея обнаруживаются намъ фактами. За 80 лѣтъ, въ Нью-Йоркѣ 25 — 30 бушелей пшеницы составляли обыкновенный урожай; теперь онъ составляетъ 12, маисъ даетъ только 25 бушелей. Въ Огіо — штатѣ, который за 80 лѣтъ еще былъ пустынною страною, средній урожай пшеницы менѣе 12 бушелей, да и онъ уменьшается, вмѣсто того, чтобъ прибывать. Въ Виргиніи, на огромномъ пространствѣ, нѣкогда самомъ богатомъ въ штатѣ, средній урожай пшеницы менѣе 7-ми бушелей; въ Сѣверной Каролинѣ обработываются земли, гдѣ сборъ маиса немного болѣе этого. Въ Виргиніи и Кентуки разводили табакъ до-тѣхъ-поръ, пока почва совершенно истощилась и ее нужно было бросить. Въ мѣстностяхъ, гдѣ разводится хлопчатая бумага, мы находимъ такое состояніе истощенія почвы, которое, по краткости времени, въ которое оно произошло, есть безпримѣрное въ свѣтѣ. Люди, занимающіеся воздѣлываніемъ хлопчатой бумаги и табаку, живутъ насчетъ своего капитала: въ своихъ произведеніяхъ они продаютъ свою почву, по цѣнѣ

крайне низкой, такъ что за одинъ долларъ уничтожаютъ цѣнность въ пять долларовъ».

Въ Западной Европѣ почва, конечно, не истощается столь безжалостно, какъ въ Америкѣ, тѣмъ-неменѣе она все-таки истощается. Это доказывается ежегодно возрастающею потребностью въ привозѣ гуано, костей и проч. «Европейская система культуры, такъ-называемое усиленное сельское хозяйство, не есть грубое грабительство американскаго фермера, смертоубійство поля, но болѣе-утонченное грабительство, которое на первый взглядъ не имѣетъ вида грабителъства: это—грабительство съ самообольщеніемъ, грабительство, прикрытое ученою системою, которой недостаетъ зерна внутренней правды.» Что касается нашего, то-есть русскаго хозяйства, то оно нисколько не лучше американскаго, а потому, мы должны ожидать тѣхъ послѣдствій, которыхъ дождались тамъ. Какъ у насъ, такъ и въ Америкѣ и въ Западной Европѣ, причина оскудѣнія одна и та же — неполное возвращеніе полямъ тѣхъ частицъ, которыя взяты съ нихъ. Причинъ же неполнаго возврата нѣсколько. Во-первыхъ, мы вывозимъ на поля скотскій пометъ и оставляемъ безъ употребленія человѣческій, который, по удобрительной силѣ, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходитъ обыкновенный навозъ.

Не-уже-ли мы никогда не отрѣшимся отъ предубѣжденія противъ человѣческаго помета, очень-вреднаго? За это предубѣжденіе мы платимся плодородіемъ нашихъ полей. Мы питаемъ предубѣжденіе противъ всего китайскаго (кромѣ китайскаго чая); китай ское для насъ синонимъ всего смѣшнаго, застарѣлаго, а между-тѣмъ, намъ, право, нелишне бы поучиться у китайцевъ сельскому хозяйству, основаніемъ которому служитъ не гуано, не хилійская селитра, а ужасный для насъ человѣческій пометъ. Тамъ не знаютъ, что такое луговодство, кормовыя травы, скотскій навозъ, а между-тѣмъ, тамъ съ каждаго поля ежегодно берется двѣ жатвы, а о парѣ нѣтъ и рѣчи. Пшеница нерѣдко родится самъ 120 и болѣе (Экебергъ). Среднимъ урожаемъ считается самъ 15 (Дэвисъ). Европейская аксіома: безъ скотоводства земледѣліе невозможно, въ Китаѣ не признается аксіомой. «Китаецъ не имѣетъ понятія о такихъ латринахъ, какія находятся у насъ: но у него въ самой видной и спокойной части дома находятся глиняныя кадки, или цистерны, выложенныя возможно-тщательно камнемъ, и представленіе о пользѣ до такой степени преобладаетъ у него надъ чувствомъ обонянія, что, какъ разсказываетъ одинъ путешественникъ (Fortune, The tea districts of China and India. Vol I p. 221), на тó, чтó въ каждомъ цивилизованномъ европейскомъ городѣ считается нестерпимо-отвратительнымъ, въ Китаѣ смотрятъ всѣ классы, бо-

гатый и бѣдный, съ крайнимъ удовольствіемъ, и я увѣренъ (продолжаетъ путешественникъ), что ничто не въ–состояніи удивить такъ китайца, какъ жалоба на вонь, распространяющуюся отъ этихъ хранилищъ. Китайцы не уничтожаютъ зловонія этого удобренія, но они знаютъ хорошо, что это послѣднее отъ дѣйствія воздуха теряетъ силу, и потому тщательно стараются предохранить его отъ испаренія. Послѣ торговли хлѣбомъ и питательными средствами, ни одна торговля не имѣетъ такой обширности, какъ торговля этимъ удобреніемъ. Это вещество, въ длинныхъ, неуклюжихъ судахъ, по каналамъ, развозится по странѣ.

«Каждый кула, принесшій утромъ свои продукты на рынокъ, вечеромъ приноситъ домой, на бамбуковой палкѣ двѣ полныя лохани этого удобренія. Уваженіе къ этому удобренію такъ велико, что каждый знаетъ сколько получается испражненій отъ человѣка въ день, мѣсяцъ, годъ, и китаецъ считаетъ болѣе чѣмъ неучтивостью, если гость оставитъ домъ его, лишивъ его выгоды, на которую, по его мнѣнію, онъ имѣетъ законное право за свое угощеніе. Цѣнность испражненій пяти человѣкъ въ сутки считается въ два теу, что́ въ годъ составляетъ 2000 кажъ, примѣрно 20 гектолитровъ, цѣнностію въ семь гульденовъ. Вблизи большихъ городовъ эти экскременты обращаются въ пудреты, которые въ видѣ четырехугольныхъ кусковъ, на манеръ кирпича, разсылаются по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ; ихъ размачиваютъ въ водѣ и употребляютъ въ жидкомъ видѣ. Китаецъ унавоживаетъ не поля, (за исключеніемъ рисовыхъ) а самое растеніе. Всякое вещество растительнаго и животнаго происхожденія онъ тщательно собираетъ и превращаетъ въ навозъ. Масляная сбойна, рога и кости цѣнятся высоко, равно какъ сажа, и въ–особенности пепелъ.»

Все это на первый разъ кажется смѣшнымъ, но дѣло говоритъ само за себя: Китай въ-теченіе 4—5 тысячъ лѣтъ, а можетъ и болѣе, питаетъ такое множество народа, какое въ настояще время не въ–состояніи прокормить ни одно европейское государство (при равномъ пространствѣ). Въ Китаѣ считается 367 мильйоновъ жителей на пространствѣ въ 71,936 кв. миль, слѣдовательно, на 1 кв. милю приходится 5102 чел. Великобританія же, сельское хозяйство которой считается образцовымъ въ Европѣ, не въ–состояніи безъ привоза изъ–за границы прокормить и 4781 чел. на 1 кв. мили.

Вторая причина истощенія почвъ, во многихъ отношеніяхъ тождественная съ первою — значительное удаленіе мѣстъ сбыта хлѣба отъ мѣстъ производства его, которое само есть слѣдствіе несоотвѣтствія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ между плодородіемъ почвы и

величиною народонаселенія. Изъ приволжскихъ, изъ южныхъ степныхъ губерній ежегодно отправляется большое количество хлѣба (пшеницы, ржи, ячменя, овса и пр.) и скота въ губерніи столичныя и промышленныя. Отчуждая хлѣбъ и скотъ, хозяева отчуждаютъ безвозвратно нетолько доходы съ имѣнія, но и часть своихъ капиталовъ, торгуютъ самыми драгоцѣннѣйшими составными частями своей почвы, распродаютъ свои земли. Въ зернѣ, картофелѣ, масѣ, костяхъ они отдаютъ безвозвратно поташъ, фосфорную кислоту, входившіе въ составъ ихъ почвы, и тѣмъ отнимаютъ возможность народиться новому зерну, картофелю, мясу. Положимъ, полтавскій помѣщикъ продалъ быка въ С. Петербургѣ. Въ видѣ быка онъ продалъ извѣстное количество азота, водорода, углерода, кислорода и минеральныхъ веществъ; о первыхъ четырехъ веществахъ нѐчего сожалѣть, они постоянно даются природою въ неисчерпаемомъ количествѣ, но послѣднія потеряны для имѣнія безвозвратно: послѣ продажи въ почвѣ стало нѣсколькими фунтами меньше фосфорной кислоты, щелочей. Еслибъ тотъ же быкъ былъ съѣденъ въ имѣніи, то минеральныя составныя части животнаго возвратились бы на поле, вошли бы въ составъ травы, зерна, соломы, которыя бы въ свою очередь послужили пищею новому быку. Продавъ быка въ С. Петербургѣ, помѣщикъ какъ бы продалъ вмѣстѣ возможность имѣть прежнее количество скота. Большіе города — одна изъ обыкновенныхъ причинъ оскуденія страны. «Подобнымъ образомъ клоаки всемір[illegible] Рима въ-теченіе ряда столѣтій поглотили благосостояніе римскаго земледѣльца, а когда поля его уже не могли болѣе доставить средствъ къ пропитанію обитателей города, то въ этихъ же клоакахъ погибло богатство Сициліи, Сардиніи и плодородныхъ прибрежій Африки.» Возможно-равномѣрное распредѣленіе народонаселенія самое лучшее распредѣленіе для поддержанія плодородія страны на одной и той же степени; мелкія помѣстья для страны выгоднѣе большихъ. «Только тамъ, въ-теченіе столѣтій, не оскудѣваетъ плодородіе полей, гдѣ земледѣльческое населеніе скучивается на сравнительно-маломъ пространствѣ, гдѣ граждане и ремесленники небольшихъ, на этомъ пространствѣ разсѣянныхъ городовъ воздѣлываютъ свой клочекъ земли при помощи товарищей. Если на одной квадратной милѣ такой земли живетъ 2 — 3 тысячи человѣкъ, то вывозъ зерна и мяса невозможенъ, ибо получаемые съ полей продукты только достаточны длятого, чтобъ пропитать это населеніе, избытка же, которой можно было бы вывезти, нѣтъ, или онъ бываетъ рѣдко. Плодородіе такой страны поддерживается правильнымъ кругообращеніемъ условій. Всѣ составныя части почвы въ потребленныхъ

продуктахъ возвращаются безъ потери на поля, на которыхъ они были произведены.

Вообразимъ себѣ, что та же земля находится въ рукахъ десяти большихъ землевладѣльцевъ: грабительство станетъ на мѣсто возмѣщенія. Мелкій землевладѣлецъ возвращаетъ полю почти все то́, что́ онъ беретъ съ него; крупный же — отвозитъ зерно и мясо къ огромнымъ средоточіямъ потребленія, и чрезъ это отчуждаетъ отъ себя условія новаго воспроизведенія зерна и мяса. Черезъ нѣсколько лѣтъ страна обращается въ пустыню, въ родѣ римской Кампаньи.»

Перевозку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ одной губерніи въ другую можно разсматривать какъ перемѣщеніе условій плодородія изъ одного мѣста въ другое (при предположеніи, конечно, что остатки потребленныхъ продуктовъ обращаются на поля въ мѣстѣ потребленія), слѣдовательно, тутъ государство не теряетъ, а даже выигрываетъ. Что́ же касается вывоза продуктовъ за границу, то онъ безусловно вреденъ, ибо при этомъ составныя части почвы отчуждаются изъ государства безвозвратно. Въ настоящее время изъ Россіи усилился вывозъ костей; сельскій хозяинъ долженъ огорчаться этимъ, ибо въ каждомъ пудѣ костей мы вывозимъ 0,37 пудовъ фосфорной кислоты, которые, будучи обращены на поле, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулись бы къ намъ въ видѣ 37 пудовъ пшеницы. Этимъ количествомъ хлѣба пропитались бы въ-теченіе цѣлаго года два человѣка; въ экскрементахъ ихъ получались бы опять 0,37 пудовъ кислоты, которыя бы черезъ годъ сдѣлались составными частями новыхъ 37 пудовъ пшеницы, и т. д. Слѣдовательно, въ видѣ пуда кости государство продаетъ условія питанія двухъ человѣкъ, и притомъ не за одинъ годъ, а навсегда; другими словами: отдавъ пудъ кости, государство лишило себя возможности имѣть двухъ лишнихъ человѣкъ. Продажа за границу табаку, льна, пеньки, масличныхъ сѣменъ, лѣснаго товара, кожъ, щетины, поташа (въ-особенности) и т. п. есть самое грубое расхищеніе отечественной почвы.

Такъ смотритъ на политико-экономическія явленія сельско-хозяйственная химія. Воззрѣніе это, конечно—воззрѣніе крайне одностороннее. Химикъ видитъ въ человѣкѣ существо, нуждающееся въ пищѣ и — только; онъ предполагаетъ, что у человѣка нѣтъ другихъ потребностей, кромѣ тѣхъ, источникомъ которыхъ является желудокъ. Короче: въ глазахъ агронома-химика, народъ — нѣчто въ родѣ стада коровъ. Съ этой, такъ-сказать, коровьей точки зрѣнія несоотвѣтственность между величиною плодородія различныхъ мѣстностей и величиною населенія, отправка за границу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и т. п.

должны казаться явленіями положительно вредными. Но человѣкъ есть нетолько существо питающееся, но и еще *кое-что*. Съ точки зрѣнія этого «кое-что» тѣже явленія должны представляться иначе, правое лѣвымъ, лѣвое правымъ, черное бѣлымъ и обратно. Но заключенія, сдѣланныя исключительно съ этой второй точки зрѣнія, тоже нельзя считать истинными, они столь же односторонни, какъ и заключенія перваго рода. Подобно тому, какъ правильное понятіе о формѣ тѣла мы можемъ составить только тогда, когда разсмотримъ это послѣднее съ разныхъ сторонъ, точекъ, и затѣмъ результатъ одностороннихъ наблюденій соединимъ вмѣстѣ—такъ и правильное понятіе о экономическихъ явленіяхъ мы можетъ составить только чрезъ обслѣдованіе ихъ съ разныхъ сторонъ. Человѣкъ не есть существо только питающееся, но и не есть существо исключительно мыслящее—онъ то и другое за-разъ. Въ воззрѣніи агрономо-химиковъ есть доля правды, и, право, очень-нелишне принять къ ближайшему свѣдѣнію ихъ замѣчаніе: дѣло не въ томъ, сколько мы производимъ, а въ томъ, сколько изъ нашихъ продуктовъ мы возвращаемъ почвѣ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ И ХРИСТІЯНСТВО ВЪ IV ВѢКѢ.

L'Église et l'Empire Romain au IV siècle, par M. Albert de Broglie. Première partie. Regne de Constantin. 2 vols. Paris. 1856.
Dieuxième partie. Constance et Julièn. 2 vols. Paris. 1859.

Въ послѣдніе годы, когда Европѣ пришлось пережить столько страшныхъ и тяжелыхъ минутъ, не разъ умы многихъ и часто лучшихъ людей обращались къ изученію послѣднихъ временъ римской имперіи, стараясь найти въ ея грустныхъ лѣтописяхъ то спасительный урокъ для настоящаго времени, то поучительную аналогію; но какъ ни понятно подобное увлеченіе, объясняемое иногда духомъ партій, а иногда отчаяніемъ отъ временной неудачи, минутнаго сомнѣнія въ прогресѣ человѣчества, нельзя не видѣть, что въ основаніи своемъ оно вполнѣ ложно: между искусственнымъ единствомъ римской имперіи и живымъ организмомъ современныхъ европейскихъ государствъ, между изжившимъ всѣ свои основныя начала и лѣниво повторявшимъ зады обществомъ и обществомъ, быть-можетъ, временно больнымъ, но полнымъ живыхъ, производительныхъ силъ, трудно провести какую-нибудь аналогію. Мы не знаемъ будущаго,

но едвали можемъ согласиться, чтобъ европейской цивилизаціи скоро грозила участь римской: не разъ, быть-можетъ, измѣнится карта Европы, *больной человѣкъ* можетъ и погибнуть; но не въ немъ сила Европы; не погибнутъ ея живыя силы, не погибнутъ и тѣ страны, въ которыхъ онѣ росли и воспитались и которыя разносятъ ихъ по всему лицу земнаго шара. То общество, которое въ послѣднее время наиболѣе занимало всѣ умы своими безпрерывными переворотами, своимъ неправильнымъ движеніемъ впередъ, своимъ порывистымъ отступленіемъ назадъ, своею преданностью матеріальнымъ интересамъ и биржевымъ спекуляціямъ, и это общество еще далеко отъ безнадежнаго состоянія римскаго общества, и въ немъ просыпались и просыпаются лучшія стремленія, и въ немъ есть благородный энтузіазмъ. Все это только временный кризисъ, подобный тѣмъ, какія неоднажды переживала новая Европа въ долголѣтнее свое существованіе.

Книга, которая лежитъ передъ нами, написана тоже подъ вліяніемъ стремленія провести аналогію. Авторъ ея, ревностный католикъ, говоритъ въ своемъ предисловіи: «Напрасно старался бы я скрыть, что мысль этого предпріятія внушена была мнѣ обращеніемъ къ настоящему состоянію французскаго общества и той роли, которую въ немъ занимаютъ, или могли бы занимать религіозныя идеи... Настоящее состояніе французскихъ нравовъ и французскаго законодательства восходитъ къ достопамятной эпохѣ, когда, подъ вліяніемъ философскаго увлеченія, сдѣланъ былъ опытъ прервать связь съ древнею религіею отцовъ. Потому, послѣ возстановленія религіи, церковь стала лицомъ къ лицу съ нравами, не ею внушенными, съ законами, не подъ ея вліяніемъ созданными, однимъ-словомъ, съ цѣлымъ обществомъ, которое слѣдуетъ обращать.» Чтобъ научиться, кáкъ обращать языческое общество, герцогъ Брольи находитъ нужнымъ предпринять изученіе римской исторіи IV-го вѣка, эпохи дѣятельности Аѳанасія Александрійскаго, Василія В., принятія Римомъ христіанства и борьбы съ ересью. Конечно, самъ авторъ говоритъ потомъ, что мысль, положенная имъ въ основаніи его труда, не помѣшала ему быть безпристрастнымъ, и дѣйствительно, онъ безпристрастенъ, на сколько это возможно для ревностнаго католика; тѣмъ-не-менѣе мысль его труда слишкомъ-интересна и характеристична, чтобъ мы не остановили на ней своего вниманія.

«Настоящее состояніе французскаго общества порождено революціею, революцію произвели философы»—вотъ кликъ ультрамонтанской партіи; выражаясь яснѣе, она говоритъ, что философы дѣти Лютера, а Лютеръ сынъ самого вельзевула. Много ли правды во всѣхъ этихъ увѣреніяхъ, легко пойметъ каждый безпристрастный, сколько-нибудь знакомый съ

историею человѣкъ; можетъ ли горсть литераторовъ произвести великій общественный переворотъ? утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ произнесутъ только тѣ, которымъ выгодно уничтожить свободное выраженіе мысли; всѣ же остальные твердо знаютъ, что голосъ литературы только тогда и слышенъ, только тогда и имѣетъ силу, когда онъ выражаетъ общественныя потребности: неугодно ли отправиться въ киргизскія степи и проповѣдывать тамъ самыя крайнія теоріи: чтó вы услышите въ отвѣтъ? конечно, никто и не тронется на вашъ призывъ. Кáкъ одинъ народъ не пойметъ васъ по своему неразвитію, тáкъ другой (напримѣръ англичане) не пойдетъ за вами потому, что доволенъ своимъ положеніемъ. Нѣтъ, въ великомъ переворотѣ XVIII вѣка все было произведеніемъ предъидущаго времени: и его великіе результаты, и кровавый характеръ его дѣятелей, и ихъ политическія заблужденія. Къ тому же, надо быть слишкомъ-ослѣпленнымъ духомъ партій, чтобъ признавать нравы настоящаго времени менѣе христіанскими, чѣмъ нравы временъ Лудовика XIV, Лудовика XV, или нравы римскаго двора XV, XVI в. Чтó же касается до законовъ, то, конечно, иные изъ нихъ точно непріятны католическому духовенству (свобода совѣсти, гражданскій бракъ и т. п.), но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ французскому духовенству предстояла въ наше время дѣятельность, подобная той, которая предстояла нѣкогда духовенству временъ Никейскаго Собора? Впрочемъ, отъ главной мысли труда обратимся къ его подробностямъ, тогда самые факты покажутъ намъ, какъ мало общаго между Римомъ временъ паденія и настоящею Европою.

Въ эпоху абстрактныхъ построеній исторіи, когда любили опредѣлять въ немногихъ, недопускающихъ исключеній словахъ характеръ и судьбы народовъ, говорили обыкновенно, что римляне народъ практическаго смысла. Въ такомъ опредѣленіи чрезвычайно-много правды: дѣйствительно, ни одинъ народъ не превзошелъ римлянъ въ умѣньи организовать, устроить свой политическій и юридическій бытъ; здѣсь все искусственно, все держится легальною фикціею; слишкомъ-тѣсныя рамки закона посредствомъ фикціи расширяются, посредствомъ фикціи, въ лицѣ императора сосредоточиваются всѣ республиканскія магистратуры, на него переносится вся majestas populi Romani, и, наконецъ, онъ обоготворяется, какъ представитель вѣчнаго города. Этотъ практическій смыслъ поддержалъ колеблющееся зданіе имперіи и, наконецъ, олицетворенный въ чисто-римской личности администратора-преобразователя Константина Великаго создалъ новую политическую машину, которая лишена всякаго внутренняго содержанія, но которой все-таки суждено было просуществовать еще болѣе 1000 лѣтъ—византійскую имперію. Не за

этимъ внѣшнимъ величіемъ давно уже не было жизни; въ послѣдней борьбѣ патриціевъ съ плебеями, съ уничтоженіемъ всякаго противовѣсія, погибла дѣйствительная политическая жизнь: призрачное существованіе Рима тянулось еще, поддерживаемое приливомъ соковъ изъ провинцій и, въ свою очередь, внося въ провинціи богатую, хотя уже внѣшнюю и матеріальную цивилизацію. Единство римскаго міра—одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ всемірной исторіи: оно вывело человѣчество изъ узкой исключительности мелкихъ народностей и государствъ, общинъ античнаго міра, въ болѣе широкую сферу международнаго общенія, оно способствовало христіанству окончательно уничтожить различіе между эллиномъ и варваромъ, іудеемъ и язычникомъ. Но единство римское много выигрываетъ, когда на него смотришь издали, съ высоты вѣковъ; жить же въ Римѣ было очень-нехорошо: неподлежащая никакому контролю, ничѣмъ несвязанная воля деспота могла располагать жизнью и имуществомъ каждаго гражданина вѣчнаго города. Что́ въ Римѣ былъ императоръ, то́ въ провинціи былъ областный правитель. Ни тотъ, ни другой не находили противорѣчія ни въ какомъ признанномъ закономъ учрежденіи, ни въ какомъ сословіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣднее время имперіи господствовало полное политическое равенство: патриціевъ и плебеевъ давно уже не существовало, сложная система правъ гражданства, представлявшая лѣстницу, на вершинѣ которой стоялъ римскій гражданинъ, а внизу провинціалъ, система, господствовавшая во время республики, подкопанная сначала усиліями трибуновъ, потомъ знаменитыми юристами, пала отъ удара, нанесеннаго эдиктомъ Каракаллы. Полное равенство воцарилось въ римскомъ мірѣ; но символомъ этого равенства полное отсутствіе правъ. Вотъ въ чемъ заключается страшный урокъ, который даетъ намъ римская исторія; стало-быть, одного равенства мало для полнаго счастія народовъ; стало-быть, есть эпохи въ ихъ жизни, когда равенство ведетъ только къ деспотизму. Это очень-хорошо понимали всѣ великіе нивелаторы: герцогъ Ришелье, Лудовикъ XI-й и т. д. Пока велась ожесточенная борьба между патриціями и плебеями, возрастали римскія политическія учрежденія, поддерживалось гдѣ нужно старое, вводилось, гдѣ слѣдуетъ, новое; но лишь только замолкла эта борьба, лишь только плебейскія собранія заняли мѣсто центуріальныхъ, Римъ пошелъ быстрыми шагами къ военному деспотизму, ибо завязалась борьба между богатыми и бѣдными, борьба матеріальныхъ интересовъ, гдѣ много значитъ подкупъ и тому подобныя средства, гдѣ вопросъ рѣшается насиліемъ, вооруженной рукой. Стало-быть, побѣда принадлежитъ тому, у кого въ рукахъ войска. При томъ же, какъ извѣстно,

римская чернь не привыкла работать: она желала, чтобъ ее кормили и забавляли даромъ. Честолюбивые вожди легіоновъ, Марій, Цезарь и другіе, прикрываясь демократическими стремленіями, привлекали къ себѣ чернь. Они мало-по-малу пріучили римскій народъ къ рабству, и вотъ наступила эпоха императоровъ. Такъ утвердился этотъ всемірный деспотизмъ, которому подобнаго не представляетъ новый міръ. Утвердилась ли, по-крайней-мѣрѣ, законная наслѣдственная монархія? Нѣтъ, такой монархіи не допустили бы римляне, сохранившіе отъ временъ изгнанія Тарквиніевъ нерасположеніе къ царской власти. Императорская власть утвердилась, по обычаю римскому, посредствомъ практической сдѣлки: императоръ просто перенесъ на себя всѣ республиканскія магистратуры; оттого власть его стала непрочна; оттого она скоро сдѣлалась игрушкою въ рукахъ легіоновъ, единственной политической власти въ деспотической странѣ. Всѣмъ извѣстна страшная роль, которую играли войска въ переворотахъ, обагрившихъ кровью пурпурную тогу римскаго императора: власть переходила въ руки того, кто болѣе давалъ; разъ даже императорское достоинство продавалось съ аукціона. Императоры старались упрочить свою власть, то создавая, посредствомъ усыновленія, что́-то въ родѣ династіи, то уничтожая легіоны преторіанцевъ; но ни что́ не помогало, ни даже стремленія Діоклитіана придать императорской власти важный характеръ: императорская власть, не нося печати древняго происхожденія, не опираясь ни на какія политическія учрежденія, до конца существованія Восточной Имперіи оставалось непрочною; только мѣсто буйныхъ легіоновъ заняли серальскіе перевороты, вслѣдствіе особеннаго характера византійской имперіи.

При такомъ характерѣ политическихъ учрежденій, при господствѣ наверху явнаго насилія, а внизу глубокаго рабства и полной безпомощности, какое явленіе должно было представлять общество? Ясно, что на первый планъ долженъ былъ выступить эгоизмъ, личный интересъ; какое дѣло человѣку до общества, которое не гарантируетъ его правъ, а налагаетъ на него обязанности; такъ декуріонъ, въ послѣднее время римской имперіи, не могъ выйти изъ куріи, гдѣ обязанъ былъ платить обременительные налоги. Понятно, что въ эту печальную эпоху многіе шли въ колоніи, или бѣжали къ варварамъ; привиллегированные, то-есть свободные отъ податей классы, напримѣръ жители Рима, лишенные всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ, если были богаты, предавались роскоши и изнѣженной жизни, и въ-самомъ-дѣлѣ, куда же было дѣвать богатства, награбленныя во время управленія провинціями, или нажитыя посредствомъ откуповъ? Къ тому же жизнь коротка и можетъ быть не сегодня, такъ завтра, прервана насильственнымъ образомъ; что́ жь дѣ-

лать, какъ не пировать? И вотъ у большинства торжествуетъ философія Эпикура; но греческій тонкій мыслитель пришелъ бы въ ужасъ, узнавъ, какъ понимаютъ его римскіе ученики, въ чемъ они ставятъ наслажденія своей жизни. Съ дѣтства всѣмъ намъ знакомы разсказы о рыбахъ, которыхъ кормили рабами, объ обжорствѣ Виттелія. Передъ римскими эпикурейцами, какъ робкіе школьники, блѣднѣютъ les roués de la Regence. Другіе, болѣе-благородные, а потому и болѣе-рѣдкіе умы искали утѣшенія въ философіи Зенона, учившей, что жизнь есть долгъ и что мудрый не долженъ бояться смерти. И дѣйствительно, они умѣли умирать. Толпа же была довольна: ей доставляли пропитаніе, ее тѣшили играми въ циркахъ; для нея приводили львовъ нумидійскихъ, для нея посыпали золотымъ пескомъ арену; для нея умирали гладіаторы. Но отчего же больное общество не искало утѣшенія въ религіи? Римская религія была искусственна, какъ и римское единство, какъ самое существованіе вѣчнаго города, жители котораго могли умереть съ голода, еслибъ запоздали корабли, везшіе хлѣбъ изъ Египта, или изъ Сицилін. Римъ былъ обширнымъ пантеономъ, куда сошлись боги всего древняго міра, отъ Термина и Януса древняго Рима до Зевеса греческаго, Митры персидскаго и Сераписа египетскаго. Осаждая какой-нибудь городъ, римляне прежде всего обращались къ богу, покровителю города, приглашая его перейти въ римскій лагерь. При Августѣ, въ золотой вѣкъ римской литературы, когда вошло въ моду хвалиться благочестіемъ и Виргилій написалъ въ самомъ религіозномъ духѣ свою Энеиду, а Овидій сдѣлалъ предметомъ поэмы языческій календарь, учреждена была іерархія между богами, сдѣланъ выборъ обрядовъ и преданій, изъ которыхъ иныя отброшены, какъ неприличныя, другія, какъ нелѣпыя. Въ древнемъ мірѣ такая сборная религія была явленіемъ возможнымъ, потому-что тогда боги другихъ народовъ отвергались не какъ ложные, а какъ чуждые. Потому римляне чрезвычайно удивлялись тому, что христіане не признавали другаго бога, кромѣ того, которому покланялись. Но надъ всѣмъ этимъ олимпомъ боговъ возвышался образъ представителя римской имперіи — императора. Сначала императоры допускали свой апоѳеозъ только въ Азіи, но потомъ имъ стали покланяться и въ Римѣ, и въ титулъ ихъ принято, между другими названіями, названіе divus. Такая религія не могла удовлетворять никого: могли ли люди, нѣсколько образованные, вѣрить нелѣпымъ разсказамъ о похожденіяхъ боговъ, не-уже-ли они могли вѣрить искренно, не улыбаясь, въ божественность императора? Конечно нѣтъ, если еще во времена Цицерона два авгура не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга. И вотъ религія оффиціальная осталась только оффиціальною; на нее никто не смот-

рѣлъ серьёзно: люди равнодушные смѣялись надо всѣмъ, люди, жаждущіе вѣры, искали себѣ удовлетворенія въ таинствахъ Митры, а потомъ въ христіанствѣ; люди суевѣрные предавались гаданіямъ и астрологіи.

Посреди такого-то общества раздалась проповѣдь христіанства. Долго Римъ не зналъ хорошо той вѣры, которой суждено было стать впослѣдствіи всемірною. Въ эпоху первыхъ преслѣдованій римское общество смѣшивало христіанъ съ евреями. Потомъ въ христіанахъ стали видѣть непокорныхъ подданныхъ: они не покланялись статуѣ цезаря, они отклонялись отъ тѣхъ обрядовъ, въ которыхъ сколько-нибудь было замѣшано язычество; они составляли живой протестъ всѣмъ преданіямъ римской древности. Но въ это время, какъ оффиціальное общество враждебно принимало христіанство и не могло понять его ученіе, въ которомъ видѣло что-то неслыханное, остальные классы общества, особенно бѣдные, охотно вслушивались въ проповѣдь христіанства, которое неожиданно открывало надежду на лучшее будущее, которое обращалось преимущественно къ бѣднымъ и угнѣтеннымъ, а не къ богатымъ и сильнымъ.

Въ эпоху послѣдняго преслѣдованія, при Діоклитіанѣ, христіанство было уже очень-сильно въ имперіи: оно было въ войскѣ, въ сенатѣ, повсюду Въ періодъ времени, протекшій отъ начала проповѣди евангелія до окончательнаго торжества его при Константинѣ, въ христіанскомъ обществѣ совершилось значительное измѣненіе: учители христіанства познакомились съ языческою наукою и вступили въ борьбу съ язычниками ихъ же собственнымъ оружіемъ. Въ первомъ вѣкѣ, проповѣдники христіанства, по-крайней-мѣрѣ большая часть ихъ, были люди простые. Во второмъ вѣкѣ языческая мудрость сама стала вторгаться въ ряды христіанства: многіе полуобращенные язычники, смѣшивая свои прежнія вѣрованія и системы философскія съ ученіемъ христіанскимъ, создали еретическія секты, извѣстныя подъ именемъ гностическихъ. Въ III вѣкѣ, трудами Климента Александрійскаго, а особенно Оригена, въ Александріи, подлѣ школъ неоплатоническихъ открылась и христіанская школа. Бывали примѣры перехода изъ одной школы въ другую; такимъ-образомъ устанавливалось что-то въ родѣ общенія; вопросы христіанскіе, особенно основный догматъ — догматъ Св. Троицы, должны были подвергаться различнымъ обсужденіямъ, слѣдствіемъ которыхъ было появленіе ереси Арія, такъ долго колебавшей міръ. Всѣ эти толки и пренія не выходили пока изъ стѣнъ школъ, но имъ суждено было скоро получить другое, болѣе-широкое поприще—римскій императоръ объявилъ себя христіаниномъ.

Немного людей, личность которыхъ возбуждала бы столь противорѣ-

чащіе толки, какъ личность Константина-Великаго. Современники и потомство раздѣляются на два враждебные лагеря при его имени. Язычники, разумѣется, не благоволятъ къ нему, христіане его превозносятъ; изъ писателей новѣйшихъ, скептики—Вольтеръ, Гиббонъ, относятся къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ авторъ книги, съ которой мы знакомимъ читателей. Нерѣдко толки эти имѣютъ основаніе въ самомъ характерѣ Константина Какъ человѣкъ переходной эпохи, онъ далеко не отличается цѣльнымъ характеромъ. Отличный полководецъ, умный политикъ, мудрый администраторъ, ревностный христіанинъ, хотя, какъ воинъ, неучившійся ни въ какой школѣ, непонимающій богословскихъ тонкостей, за которые спорили вокругъ него, Константинъ былъ порою жестокъ, чему доказательствомъ служитъ смерть Діоклитіана, уморившаго себя голодомъ, чтобъ не подпасть его гнѣву—неудержимъ въ гнѣвѣ, что́ доказалъ, погубивъ старшаго сына своего Криспа, по навѣту второй жены своей Фаусты, и потомъ казнивъ самую Фаусту. Въ памяти потомства онъ оставилъ два великія дѣла: онъ доставилъ побѣду христіанству и придалъ окончательную форму римской бюрократіи, создалъ тотъ политическій механизмъ, которымъ долго держалась Византія, и который послужилъ образцомъ бюрократической централизаціи государствъ новѣйшей Европы. Не будемъ разсказывать слишкомъ-хорошо извѣстныхъ событій его царствованія, а остановимся на этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣлахъ.

Константинъ былъ воспитанъ въ средѣ, хотя и несовсѣмъ христіанской, но и невраждебной христіанству: отецъ его, Констанцій Хлоръ, съ меньшимъ противъ другихъ соправителей Діоклитіана усердіемъ исполнялъ знаменитые эдикты противъ христіанъ: онъ ограничился уничтоженіемъ нѣкоторыхъ храмовъ, но не трогалъ людей; мало-того, есть извѣстія, что онъ предлагалъ нѣкоторымъ христіанамъ, въ видѣ испытанія, отречься отъ своей вѣры, и потомъ удалялъ, подъ разными предлогами, отъ своего двора тѣхъ, которые отрекались. Къ этимъ семейнымъ преданіямъ прибавилась у Константина ненависть къ главному гонителю христіанства Галлерію, который враждебно смотрѣлъ на его отца, не желалъ видѣть его самаго цезаремъ, и даже, когда войска, по смерти Констанція, провозгласили его августомъ, Галлерій призналъ его только цезаремъ. Но всѣ эти причины, можетъ-быть, не побудили бы Константина пристать къ христіанству, еслибъ онъ не видѣлъ, что въ христіанствѣ дѣйствительная сила. Но и тутъ онъ пошелъ чрезвычайно послѣдовательно; принявъ, послѣ битвы при Мульвійскомъ мосту, послѣ знаменитаго видѣнія, начальныя буквы имени Іисуса Христа на свое знаки, онъ до конца жизни не былъ крещенъ (извѣстно, что онъ

принялъ крещеніе предъ смертью) и во все царствованіе сохранялъ званіе верховнаго первосвященника. Первый эдиктъ, изданный имъ вмѣстѣ съ Лициніемъ въ Миланѣ, объявлялъ только терпимость христіанству; въ актахъ начала его царствованія, упоминая имя божіе, употребляли выраженія темныя, напримѣръ, divinitas. Язычество онъ открыто не преслѣдовалъ: закрывая, нѣсколько позднѣе, языческіе храмы, онъ всегда искалъ причины въ томъ, что обряды, совершаемые въ этихъ храмахъ, слишкомъ соблазнительны. Первое вмѣшательство его въ дѣла церковныя послѣдовало по дѣлу африканскихъ еретиковъ, донатистовъ, которые обращались къ его суду; противъ нихъ, по его желанію, были созываемы соборы въ Римѣ и Арлѣ. Самъ Константинъ, конечно, не понималъ въ чемъ споръ и, главное, хлопоталъ о скорѣйшемъ возстановленіи согласія.

Болѣе-рѣшительно онъ сталъ дѣйствовать на знаменитомъ никейскомъ, первомъ вселенскомъ, соборѣ, гдѣ онъ самъ лично присутствовалъ. Предметъ собора былъ, дѣйствительно, первой важности для христіанскаго міра: александрійскій діаконъ Арій отрицалъ божество втораго лица Св. Троицы. Богъ Сынъ, по его толкованію, сотворенъ Богомъ—Отцомъ, хотя и прежде вѣкъ. Ересь эта, отпрыскъ философскихъ ученій, была сильно распространяема: сверхъ догматическаго трактата объ этомъ предметѣ, Арій написалъ поэму, подъ названіемъ «Талія», и нѣсколько пѣсенъ, назначенныхъ для разныхъ классовъ общества, гдѣ встрѣчались намеки на его ученіе. Соборъ осудилъ Арія и предалъ свѣтской власти: онъ былъ заточенъ. Такимъ—образомъ, лишь только свѣтская власть соединилась съ церковью, она явилась помощницею ея въ наказаніи еретиковъ; въ свѣтской власти церковь пріобрѣла для себя карающій мечъ противъ всѣхъ, кто не признавалъ ея священнаго авторитета. Желая оставаться вѣрнымъ никейскому символу, Константинъ тѣмъ-неменѣе, въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ полу-аріанскихъ епископовъ, особенно Евсевія, отклонился нѣсколько отъ праваго пути: онъ возвратилъ Арія, изгналъ Афанасія. Все это, повторяемъ, происходило не отъ склонности къ ереси, а отъ неполнаго пониманія богословскаго спора. Хотя Константинъ любилъ богословскіе споры, самъ сочинялъ трактаты, читалъ ихъ и выслушивалъ длинныя проповѣди Евсевія Кесарійскаго, тѣмъ-неменѣе его богословскія познанія были поверхностны, а логика аріанъ чрезвычайно-хитра; отцамъ никейскаго собора было трудно бороться съ ними. При составленіи символа, каждое предлагаемое выраженіе аріане одобряли, толкуя его по своему, наконецъ, остановились передъ словомъ: *единосущный*; слово это послужило чертою раздѣленія между православными и аріанами. Они нѣсколько разъ составляли свои символы, въ которыхъ избѣгали этого слова, и могли

увѣрить Костантина, что слово ничего не значитъ. Къ тому же онъ былъ человѣкъ новый въ церкви, преданія для него не существовало, а преданіе удержало многихъ людей простыхъ, нефилософствующихъ, отъ впаденія въ ересь.

Принятіе христіанства не осталось безъ вліянія на законодательство Константина. Онъ смягчилъ тюремное заключеніе, возсталъ противъ конкубината, способа сожительства, тогда очень-распространеннаго, издалъ сильные законы противъ изнасилованія. Такимъ-образомъ, законодательство его старалось дѣйствовать во имя христіанскаго милосердія; съ другой стороны, во имя христіанской нравственности.

Основывая новую столицу, Костантинъ освятилъ ее нѣсколькими церквами, но не допустилъ въ нее языческихъ храмовъ; онъ даже перевезъ нѣкоторыя освященныя язычествомъ вещи, напримѣръ, треножникъ Пиѳіи, и украсилъ имъ гиподромъ въ Константинополѣ.

Принятіе христіанства было столько же дѣломъ личнаго искренняго убѣжденія, сколько и дѣломъ глубокой политической мудрости. Прежде всего, Константинъ этимъ дѣйствіемъ удовлетворялъ огромному большинству своихъ подданныхъ, которое возмущалось язычествомъ; потомъ, прекращалъ безполезныя жестокости и, наконецъ, давалъ единую религію всему государству, къ чему такъ тщетно стремились его предшественники съ своимъ официальнымъ, для всѣхъ смѣшнымъ язычествомъ. Христіанство встрѣчало, конечно, упорныхъ противниковъ въ александрійскихъ философахъ и потомъ въ людяхъ суевѣрныхъ, но большинство охотно, хотя только внѣшнимъ образомъ, переходило къ христіанству. Сознаніе того, что для многихъ переходъ отъ одной религіи къ другой, былъ только дѣломъ чисто-внѣшнимъ, превосходно выразилось при избраніи Іовіана. «Я не могу править вами» говорилъ Іовіанъ избравшимъ его «я христіанинъ, а Юліанъ напиталъ васъ своимъ отвратительнымъ ученіемъ. Вы всѣ оскорбили Господа; вы будете побѣждены и сдѣлаетесь игралищемъ персовъ». Затрудненія эти вовсе не были важными въ глазахъ людей, окружавшихъ новаго императора, потому-что, они привыкли перемѣнять религію съ каждымъ новымъ царствованіемъ. «Что до этого» говорили они «всѣ здѣсь присутствующіе воспитаны въ началахъ христіанской религіи. Старшіе учились у самого великаго Константина; другіе научились при Констанціи. Тотъ же, кто недавно умеръ, царствовалъ такъ мало, что не могъ глубоко напечатлѣть своей лжи».

Другое дѣло, связанное съ именемъ Константина, административная реформа. Нашъ историкъ, приступая къ изложенію этой реформы, предпосылаетъ ему слѣдующія, чрезвычайно-важныя замѣчанія: «Административная правильность, конечно, не составляетъ перваго условія благосо-

стоянія и величія народовъ. Обыкновенно даже эта правильность не прежде можетъ вполнѣ установиться, какъ въ то время, когда народы, утомленные временемъ, или измученные деспотизмомъ, потеряютъ значительную долю своей жизненности и своихъ силъ. Пока въ странѣ существуютъ давнишнія учрежденія, аристократія, независимые союзы, обладающіе важными привилегіями и умѣющіе ими пользоваться, эти элементы, созданные свободнымъ дѣйствіемъ времени, не допускаютъ заключить себя въ систематическія рамки; пока въ народѣ живетъ духъ политической свободы, правильное распредѣленіе властей нарушается усиліемъ таланта, или неожиданною энергіею характеровъ. Нѣкоторый внѣшній безпорядокъ неизбѣженъ въ свободныхъ давнишнихъ конституціяхъ; но этотъ гармоническій, живой безпорядокъ природы предпочтительнѣе холодной и мертвой симметріи дѣлъ рукъ человѣческихъ. Таково было въ свои лучшіе дни крѣпкое устройство республиканскаго Рима, когда древнее учрежденіе патриціата составляло скалу, о которую разбивались бурныя волны форума.

«Но когда общество, въ послѣдовательныхъ переворотахъ, потеряло свое отличительное и естественное устройство, когда устарѣвшія учрежденія становятся тѣнью, а не дѣйствительностью, и стоятъ какъ изсохшія деревья, которыхъ корни обнажены, а вершина лишена листьевъ, когда всѣ власти сдѣлались деспотическими, каждая свобода обратилась въ своеволіе, каждый обычай въ злоупотребленіе, тогда такое общество противъ угрожающаго ему разрушенія и начинающагося въ немъ разложенія найдетъ спасеніе только во введеніи правильной администраціи. Хорошо раздѣлить власти, распредѣлить территорію на равные округи, подчинить ихъ одинъ другому въ іерархическомъ порядкѣ, устроить такъ, чтобъ подати прямыми путями шли въ общую казну; распредѣлить расходы по различнымъ отраслямъ управленія; словомъ, сдѣлать изъ огромнаго сборища людей, если не живое нравственное существо, то, по-крайней-мѣрѣ, хорошо устроенную машину—вотъ все, что можетъ сдѣлать у народа, клонящагося къ упадку, геній государя».

Реформы Константина собственно начаты еще Діоклитіаномъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ окончены его преемниками; тѣмъ-неменѣе самая система принадлежитъ Константину, и потому, по всей справедливости, онѣ должны быть отнесены къ его царствованію. Реформы эти, какъ извѣстно, состоятъ: 1) во введеніи чиновной аристократіи, состоявшей изъ пяти классовъ, отличенныхъ особенными титулами: illustres, spectabiles, clarrissimi, perfectissimi и egregii. Это что-то въ родѣ табели о рангахъ; 2) въ раздѣленіи имперіи на четыре префектуры, префектуръ на провинціи, и провинцій на діоцезы; 3) въ отдѣленіи воен-

ной власти отъ гражданской; 4) въ созданіи министерствъ съ огромными канцеляріями. Эти министры суть: prepositus sacri cubiculi (министръ двора); magister officiorum (министръ полиціи); comes sacrarum largitionum (министръ финансовъ); comes rei privatae (министръ государственныхъ имуществъ); *comites domesticorum* (два начальника дворцовой стражи) тоже стояли наряду съ министрами.

Мы обозначили только общія черты; но самыя учрежденія доходятъ до мелочей. До насъ дошелъ адресъ—календарь римской имперіи (Notitia dignitatum), изъ котораго можно видѣть, какое огромное количество чиновниковъ нужно было для управленія имперіею.

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ неизбѣженъ и невозвратенъ былъ переворотъ, совершенный Костантиномъ, служитъ судьба его племянника Юліана. Юліанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ трагическихъ личностей исторіи, которыя, погибая въ безплодной борьбѣ за начала, давно—отжившія и неспособныя снова вступить въ жизнь, привлекаютъ къ себѣ вниманіе потомства и вызываютъ его на противорѣчивыя сужденія. Приговоръ нашего историка строгъ, но вполнѣ справедливъ. Вотъ что онъ говоритъ объ Юліанѣ:

«Юліанъ былъ одаренъ талантами; хотя ни одинъ изъ этихъ талантовъ не былъ первостепеннымъ, но ихъ неожиданное соединеніе составляло одну изъ самыхъ оригинальныхъ личностей. Прежде всего, онъ былъ превосходный воинъ; онъ родился для битвъ; на полѣ битвы онъ былъ въ одно и тоже время простъ и великъ. Смѣлость и благоразуміе, разсчетъ и порывъ, искусство пользоваться побѣдою и умѣренность, нужная, чтобы не употребить ее во зло—всѣ эти противоположныя качества, равновѣсіе которыхъ составляетъ полководца, соединялись въ немъ въ надлежащей мѣрѣ. Еслибъ цезарь могъ встать изъ гроба и появиться на берегахъ Рейна, онъ не отказался бы отъ своего преемника. Онъ не отказался бы отъ тѣхъ его рѣчей, которыя успокоивали возбужденныя страсти и возрождали упавшее мужество. Юліанъ былъ ораторъ: онъ соединялъ даръ импровизаціи съ искусствомъ, у него былъ и тотъ жаръ, который поражается событіемъ, и то утонченное изящество, которое плѣняется совершенной красотой и стремится достигнуть полной граціи выраженія. Его вкусъ чистъ и выраженіе изящно для эпохи упадка и при томъ излишнемъ занятіи реторикою, которая скорѣе обременила, чѣмъ развила его способности. Его политическія способности были ограниченные: у него не доставало важнѣйшей способности для правленія—правильнаго взгляда на вещи. Онъ не видѣлъ ясно событій, не понималъ хорошо людей, мечталъ о невозможномъ и стремился къ нему. Константинъ не учился ни въ какой школѣ, но какъ сталъ на

почву, онъ измѣрилъ ее, и у него голова не закружилась; онъ съ перваго взгляда понялъ потребности времени и желанія своего народа; онъ произвелъ удачный переворотъ и основалъ прочное учрежденіе. Но если у Юліана не было тѣхъ проблесковъ генія, которые уясняютъ будущее, то у него были качества, которыя дѣлаютъ честь государю: у него было стремленіе къ порядку, къ справедливости въ управленіи, желаніе имѣть честныхъ слугъ, прилежаніе къ дѣламъ, самообладаніе въ минуты опасности; часто у него была прелесть, которая очаровываетъ, и всегда была сила, которая заставляетъ повиноваться.

«Всѣ эти столь рѣдкія и счастливыя качества соединялись въ государѣ, но не принесли ни малѣйшей пользы міру. Несчастная мысль, нелѣпое заблужденіе все погубили. Обладая стольшими качествами, Юліанъ не съумѣлъ ни одержать побѣды, ни издать закона, ни написать книги, которые пережили бы его. Его ребяческое суевѣріе, облеченное туманомъ непонятной философіи, дѣлаетъ его сочиненія недоступными для читателя, наименѣе предубѣжденнаго. Самый предметъ, впрочемъ, сообщаетъ нѣкоторую сухость сочиненію: вы тщетно ищете того огня, который оживляетъ сочиненія христіанскихъ писателей того вѣка. По выходѣ изъ палящей пустыни Аѳанасія, или великолѣннаго уединенія Василія взобраться съ Юліаномъ на его разграбленный олимпъ, украшенный лишь завялыми цвѣтами реторики, значитъ почувствовать томительную скуку. Здѣсь исчезъ тотъ воздухъ, которымъ люди дышатъ. Тоже мертвящее дыханіе, которое засушило его краснорѣчіе, поразило безплодіемъ всѣ его дѣйствія. Онъ не съумѣлъ ни найтись, ни сдѣлать выборъ между своими республиканскими фразами и деспотическими привычками. Рабскій подражатель прошедшаго, несмѣющій осудить древнихъ учрежденій, созданныхъ полу-богами и одобренныхъ философами, онъ систематически оставался глухъ къ новымъ потребностямъ міра. Онъ много говорилъ о равенствѣ людей, о призрѣніи бѣдныхъ, о покровительствѣ слабымъ. Но, о тщета словъ! соперникъ Марка-Аврелія менѣе сдѣлалъ для страждущаго человѣчества, чѣмъ заблуждавшійся отецъ несчастнаго Криспа: Ни одинъ угнѣтенный не обязанъ ему освобожденіемъ, онъ не разбилъ оковъ ни одного невольника. Наконецъ, тѣ же боги, которые сковали его мысль, увлекли не туда, куда слѣдуетъ, его оружіе: чтобъ положить вѣнокъ на ихъ алтарь, онъ зашелъ въ равнины, гдѣ нашелъ себѣ смерть и гдѣ Римъ оставилъ свою славу.

«У Юліана были и добродѣтели: зачѣмъ отрицать ихъ? Онъ обуздывалъ свою чувственность, умѣрялъ желанія, былъ преданъ отечеству и вѣренъ друзьямъ. Правда, что эти превосходныя качества были лишены своей главной прелести, потому-что ни одно изъ нихъ не было вполнѣ

естественно. Въ немъ все было заучено. Никогда не видали, чтобъ онъ, подобно людямъ истинно-великодушнымъ, стремился къ добру, не думая о самомъ себѣ и не подражая кому-нибудь. Онъ всегда слѣдовалъ какому-нибудь образцу и любилъ порисоваться. Эта принужденность не должна, конечно, лишать его уваженія, но много уменьшаетъ его привлекательность. Она связывается съ другимъ, болѣе-глубокимъ недостаткомъ, въ которомъ жестоко было бы упрекать его, потому-что этотъ недостатокъ извиняется тѣмъ, что онъ слѣдствіе несчастій его молодости. Юліанъ, угнетаемый съ самаго дѣтства, непривыкъ къ откровенности. Никогда онъ не говорилъ правду вполнѣ, и безъ отвращенія говорилъ ложь. Въ этой душѣ, раздѣленной между великими добродѣтелями и однимъ важнымъ недостаткомъ, поселилось еще безумное вѣрованіе, которое заставило его перейти изъ неопредѣленнаго состоянія на сторону зла. Побѣжденное язычество, принужденное, какъ всѣ слабые, прибѣгать къ обману, внушило ему и свою ненависть и свою храбрость». Въ заключеніе, авторъ доказываетъ, что вѣрованія Юліана были искренни.

Жизнь Юліана многое объясняетъ въ этомъ странномъ характерѣ; прослѣдимъ ее въ общихъ чертахъ.

Оставшись ребенкомъ послѣ отца, погибшаго отъ руки убійцъ, несомнѣнно подосланныхъ Констанціемъ, Юліанъ провелъ дѣтство подъ глазами своихъ жесточайшихъ враговъ, и воспитывался въ самомъ христіанскомъ духѣ: его даже заставляли читать въ церкви. Вѣроятно, изъ впечатлѣній перваго дѣтства онъ вынесъ нелюбовь христіанству, въ которомъ онъ видѣлъ сначала религію своихъ гонителей, а потомъ уже подъ вліяніемъ ученія софистовъ, подобралъ къ своей нелюбви теоретическія основанія. Здѣсь же онъ получилъ привычку къ скрытности. Скрытность эта доходила до-того, что когда погибъ братъ его, несчастный цезарь Галлъ, Констанцій искалъ къ чему бы придраться въ Юліанѣ, и ничего не нашелъ: онъ занимался невинными риторическими упражненіями, и самъ Констанцій выискивалъ ему темы; съ братомъ онъ не имѣлъ никакихъ сношеній. Литературное и политическое образованіе Юліана началось въ Константинополѣ; оттуда онъ выпросился въ Аѳины, въ то время бывшія центромъ языческой образованности. Но отреченіе его отъ христіанства совершилось еще прежде поѣздки въ Аѳины. Въ Пергамѣ онъ встрѣтилъ старика Эдезія, который познакомилъ его съ философіею Ямблиха, своего учителя, но который, отговариваясь старостью, не хотѣлъ посвятить его во всѣ таинства и отправилъ его къ своимъ ученикамъ. Ученики тоже сначала долго завлекали только его любопытство, но наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ Юліану: «Разскажу тебѣ о Максимѣ, нашемъ товарищѣ, одномъ изъ

нашихъ лучшихъ учителей; но излишество его высокаго ума вводитъ его въ странности. Недавно, напримѣръ, онъ призвалъ насъ всѣхъ въ храмъ Гекаты и сдѣлалъ свидѣтелями страннаго событія. Когда мы вошли и помолились богинѣ, онъ сказалъ: «Садитесь, друзья мои, и посмотрите, чтó происходитъ и какъ я поднимусь выше толпы». Въ-самомъ-дѣлѣ, едва мы усѣлись, онъ ожегъ немного ладону, спѣлъ не знаю какой гимнъ, и мы увидѣли, кáкъ статуя богини начала ему улыбаться. Когда мы испугались этого страннаго зрѣлища, онъ сказалъ намъ: «Не тревожьтесь такою бездѣлицею, вы увидите, кáкъ свѣтильникъ въ рукахъ богини самъ-собою зажжется». Дѣйствительно, едва онъ это сказалъ, свѣтильникъ зажегся. Это чудо, имѣющее въ себѣ чтó-то театральное, сначала нѣсколько поразило насъ, но потомъ мы впали въ сомнѣніе.—Поступай, какъ я и не соблазняйся этимъ. Важнѣе всего очистить разумъ».—«Оставайся съ своими книгами» вдругъ вскричалъ Юліанъ «желаю тебѣ всякаго блага, а я нашелъ того человѣка, котораго искалъ».

Вотъ какая пылкая натура была у Юліана, и эта натура должна была себя коверкать и ломать, притворяться и поддѣлываться. Ясно, какихъ слѣдовало ожидать послѣдствій. Стало-быть, не одна привычка притворства вынесена была имъ изъ дѣтства, а вся натура его была извращена.

Вызванный изъ Аѳинъ, онъ былъ сдѣланъ цезаремъ и посланъ въ Галлію. Извѣстно, кáкъ скоро онъ сдѣлался здѣсь отличнымъ полководцемъ и кáкъ солдаты провозгласили его августомъ.

Чтó жь онъ будетъ дѣлать, когда власть попала въ его руки? Путь, по которому онъ онъ долженъ былъ пойти, и дѣйствительно пошелъ, былъ очевиденъ: онъ началъ съ возстановленія язычества и съ призванія ко двору своему философовъ; христіанъ онъ сначала прямо не гналъ, но требовалъ только возвращенія языческимъ храмамъ отнятыхъ у нихъ имуществъ, а такъ-какъ эти имущества принадлежали христіанамъ, то, слѣдовательно, при отнятіи этихъ имуществъ они должны были потерпѣть много притѣсненій, которыя могли повести ко многимъ безпорядкамъ; Юліанъ все это зналъ и именно съ этою цѣлью и затѣвалъ дѣло. Поводъ къ преслѣдованію, все еще неправому, подала ему неудача въ обращеніи Кесарія, брата Григорія Назіанзина. Уязвленный въ своихъ притязаніяхъ оратора и софиста, Юліанъ запретилъ христіанамъ учить въ школахъ, вслѣдствіе чего христіанскіе отцы перестали посылать дѣтей своихъ въ школы, чтобъ они не учились у язычниковъ.

Но чтó было всего неожиданнѣе для самого Юліана, это открывшееся глубокое разногласіе между нимъ и языческою партіею: мечтая о воз-

становленія язычества, Юліанъ представлялъ себѣ чтó-то изящное, въ духѣ поэмъ Гомера, а встрѣтилъ безобразныя вакханаліи, и долженъ былъ пытаться, заимствуя много у христіанъ, исправить эдиктами нравы язычества; но эти попытки остались тщетными. Также немного пріятнаго принесло ему сближеніе съ философами: отказавшись отъ роскоши, Юліанъ надѣялся видѣть такое же отреченіе отъ нея и въ своихъ друзьяхъ-философахъ; но жестоко ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Вотъ чтó онъ самъ говоритъ по этому поводу: «Чтобъ быть циникомъ, мало надѣть плащъ, взять посохъ и котомку и ходить по городу, какъ-будто по деревнѣ, гдѣ нѣтъ цирюльника, который могъ бы выбрить, ни учителя, который могъ бы научить. Отличіе истиннаго философа не палка, а разумъ, не котомка, а твердость духа. Циникъ можетъ выказывать и откровенность и смѣлость, но лишь тогда, когда онъ покажетъ всѣмъ, что онъ чего-нибудь стóитъ». Такъ ничто не удавалось Юліану, за чтó онъ ни принимался: и друзья, и враги только возбуждали его гнѣвъ.

Собираясь въ несчастный походъ на персовъ, въ которомъ онъ погибъ, Юліанъ остановился въ Антіохіи, гдѣ возбудилъ противъ себя населеніе, и преслѣдованіями христіанъ, и, еще болѣе, нежеланіемъ веселить городъ. Послѣ двух-лѣтняго царствованія онъ погибъ, нисколько не подвинувъ впередъ начатаго имъ дѣла. Такъ всегда бываютъ неудачны несвоевременныя реакціи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самой книгѣ: несмотря на старанія автора доказать исконное первенство римскаго престола и его, подъ часъ, ультра-монтанскія тенденціи, чтó мы видѣли въ выпискѣ изъ предисловія, книга г. Брольи положительно хороша: въ авторѣ видна большая начитанность, значительный талантъ изложенія, либеральное направленіе (извѣстно, что и католическое направленіе уживается иногда съ либерализмомъ: напримѣръ, графъ Монталамберъ). Относительно изложенія можно сказать только: философскіе вопросы излагаются или слишкомъ вскользь, или слишкомъ сухо; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ неудовлетворительно.

В.

УЧЕНЫЯ НОВОСТИ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Данте Алигіэри, его жизнь и произведенія. — Возможно ли самопроизвольное зарожденіе? Споръ въ парижской академіи наукъ между Пушѐ съ одной стороны и Мильн-Эдвардсомъ, Пайеномъ, Катрфажемъ и Дюма съ другой — Нормальный діапазонъ. — Новыя свѣдѣнія о фонаутографіи. — Приложеніе пара къ движенію по обыкновеннымъ дорогамъ. — Фотографія въ приложеніи къ астрономіи, (извлеченіе изъ отчета лондонскаго астрономическаго общества). — Чудо микрофотографіи. — Фотографіи разныхъ цвѣтовъ.

Въ прошломъ году литература о Данте обогатилась новымъ приношеніемъ. Казалось бы, о Данте писано такъ много, съ разныхъ сторонъ; цѣлую библіотеку можно составить изъ однихъ изданій съ комментаріями, изданій безъ комментаріевъ; трудно предположить недосмотръ тамъ, гдѣ глядѣло и пытало столько глазъ, трудно сказать новое слово. А между-тѣмъ, вотъ еще одинъ вкладъ вносится въ безъ того богатую сокровищницу — и мы ради новому подарку. Умъ хорошо, говорятъ, а два лучше. Въ исторіи народа есть полосы, о которыхъ никогда не наговоришься вдоволь, никогда нельзя сказать слишкомъ много — къ такимъ эпохамъ мы относимъ эпохи великихъ людей и великихъ созданій. Въ нихъ лежитъ для изслѣдователя обаяніе двоякой задачи: раскрыть внутреннюю жизнь общества изъ великихъ созданій, въ жизни общества прослѣдить условія этихъ созданій. Тринадцатый вѣкъ въ Италіи, вѣкъ Божественной Комедіи,— именно такая многозначительная эпоха. Вотъ почему мы привѣтствуемъ новый трудъ г. Гартвига Флото: «Данте Алигіэри, его жизнь и произведенія». (Dante Alighieri, sein Leben und seine Werke. Von Hartwig Floto. Stutgart. 1858).

Прежде всего, насъ пріятно поразилъ въ книгѣ эпиграфъ, взятый изъ біографіи Данте Цезаря Бальбо: onde, giudicando io a mio modo, lasceró da ognuno a suo modo giudicar Dante. Еще пріятнѣе было то, что эпиграфъ оправдался на дѣлѣ, что́ рѣдко бываетъ. Книга Флото дѣйствительно составляетъ одно изъ рѣдкихъ исключеній въ ряду многочисленныхъ трудовъ *съ тенденціями*, въ которыхъ выводится Данте-соціалистъ, революціонеръ, Данте, возвеличившій теологію въ плоти и крови Беатриче — а самаго Данте не видно. На бѣду, великіе дѣятели мысли и слова такъ много написали гексаме-

тровъ, терцинъ и прозы, что на долю ихъ почти всегда приходятся судьи съ тенденціями. Нѣсколько стиховъ одного склада и смысла легко подмѣтить, выставить на показъ, освѣтить свѣтомъ своего воображенія, все остальное погрузить въ киммерійскую мглу—и вотъ общая мысль готова и выдается за основу цѣлаго творенія, иногда цѣлой дѣятельности. Такимъ путемъ можно, пожалуй, набрести въ Гомерѣ на слѣды тонкой ироніи и заключить, что Гомеръ дѣйствительно существовалъ.

Отъ такихъ несообразностей Флото спасла самая цѣль его труда, главнымъ образомъ біографическаго. Конечно, на «Божественную комедію» отходитъ цѣлая половина книги, но здѣсь авторъ ограничивается бѣглымъ изложеніемъ и общими выводами изъ каждой части поэмы—здѣсь и дѣла меньше, и интереса меньше. Все вниманіе читателя отдано жизни Данте и политическому быту Флоренціи, которымъ посвященъ первый отдѣлъ. Обѣ нити разсказа ведены ровно, переплетая одна другую, такъ-что за послѣдовательностью и совпаденіемъ событій легко слѣдить. Становится ясна мысль автора начертать картину общества, необѣщанную въ заглавіи: Данте пишетъ свою комедію на чужбинѣ, изгнанный, засуженный, любовь къ родинѣ; по которой онъ страдаетъ издалека, была, вмѣстѣ съ любовью къ Беатриче, руководящей идеей его поэзіи. Откуда этотъ судъ, это изгнаніе, эта запретная любовь издалека — все это объясняютъ современныя политическія смуты.

Нѣсколько словъ посвящено эпическому быту Флоренціи, какъ помнилъ его Каччягвида, предокъ Данте, и плакалъ о быломъ, встрѣтившись съ поэтомъ въ небѣ Марса:

Firenza dentro della cerchia antica
. . . .
Si stava in pace sobria e pudica.

Рыцарскій духъ еще жилъ въ народѣ и нравы были просты. Даже въ богатыхъ домахъ жилось бережливо и трезво: мужчины носили платье изъ дешевой матеріи, либо кожаную куртку, на головѣ простая шапка, длинные сапоги натянуты на ноги; женщины не рядились, ходили въ грубомъ узкомъ платьѣ краснаго цвѣта, подпоясанномъ кожанымъ ремнемъ по старому обычаю, а сверху набрасывали небольшой плащъ на мѣху и съ откиднымъ воротникомъ. Такъ было въ XII-мъ столѣтіи.

Бросимъ теперь взглядъ на Флоренцію тринадцатаго вѣка. Какъ все измѣнилось! Громадныя пепелища, что ни день, то убійства въ улицахъ города; мелкіе люди упали духомъ, кряхтятъ подъ налогами, о правосудіи и законѣ нѣтъ и помину. Кровавая драма прошла надъ эпическимъ затишьемъ и всё смѣшала, разрушила: между гражданами идетъ усобица, гвельфы дерутся съ гибеллинами, смѣняютъ другъ-друга, уступаютъ народному правленію, засылаютъ къ папѣ. Изъ частной непріязни выходитъ родовая, а потомъ и непріязнь одной стороны гражданъ къ другой, политическая, такъ-что всѣ смуты принимаютъ подъ конецъ характеръ борьбы горожанъ съ

дворянскими родами и разбогатѣвшими изъ своихъ. Въ такое-то смутное время родился Данте, 1265 года.

Замѣчательно, что первое достовѣрное свѣдѣніе, какое дошло до насъ о пѣвцѣ Беатриче, относится къ его дѣтскому свиданію съ ней. Она вызвала его робкую пѣснь, сдѣлала поэтомъ—неудивительно, если начальныя страницы поэтической біографіи освящаются именемъ Беатриче. Дѣло случилось вотъ какъ: во Флоренціи былъ обычай праздновать ежегодно возвращеніе весны. Перваго мая 1274 г. вздумалось богатому и знатному гражданину Фолько де-Портинари созвать своихъ сосѣдей поплясать и повеселиться; между гостями находился и сосѣдъ Алигіэри съ сыномъ Данте, которому былъ тогда девятый годъ на исходѣ. Данте увидѣлъ здѣсь въ толпѣ другихъ дѣтей дочь Фолько де-Портинари, дѣвочку лѣтъ восьми. Звали ее Беатриче, но въ семействѣ она носила другое имя, неблагозвучно-сокращенное изъ настоящаго: Bice. Она была одѣта въ платье краснаго цвѣта и принаряжена какъ прилично дѣтскому возрасту. «При видѣ ея» говоритъ Данте: «духъ жизни, обитающій въ глубинѣ моего сердца, затрясся и сказалъ такія слова: вотъ богъ, который сильнѣе меня, онъ придетъ и будетъ властвовать надо мною.» Въ тотъ день Данте не сказалъ съ ней ни слова — но дѣло жизни его было сдѣлано; съ-тѣхъ-поръ образъ Беатриче не покидалъ его. Девять лѣтъ спустя, онъ впервые дождался отъ нея поклона, разговора. «Она обратила взоръ въ ту сторону, гдѣ я стоялъ въ нерѣшительности, и поклонилась мнѣ такъ ласково, что я не помнилъ себя отъ полноты счастья». Это счастье вызвало его первый сонетъ; за нимъ послѣдовали другіе; когда Беатриче вышла замужъ за Симона де-Барди, поэтъ горюетъ, но не перестаетъ съ прежнимъ жаромъ воспѣвать свой идеалъ. Данте любилъ какъ-то странно, какъ не любятъ другіе люди. Его любовь не была ровнымъ, спокойнымъ огонькомъ, какой разводятъ въ каминахъ—и тепло и пріятно, его страсть было жгучее, уничтожающее пламя. Амуръ для него могучій властелинъ, мучитель, владѣющій всѣмъ его существомъ и ничего нетерпящій подлѣ себя: всѣ другія думы и помышленія онъ уничтожаетъ или гонитъ, и его самого ведетъ, куда захочетъ. Когда Беатриче сердится на Данте, онъ не въ-силахъ снести ея взора; постоянно отъискиваетъ мѣста, гдѣ есть надежда ее увидѣть, но стоитъ только показаться ей, одѣтой всѣми прелестями красоты и молодости—и поэтъ словно ошеломленъ, стоитъ ей взглянуть на него—и его сердце бьетъ тревогу, замираетъ кровь, нѣмѣютъ чувства. Улыбаются дамы и спрашиваютъ: «съ какою-же цѣлью любишь ты эту женщину, когда не можешь вынести ея взгляда?» И когда онъ отвѣчалъ имъ, онѣ оказали больше состраданія, чѣмъ Беатриче: какъ дождь выпадаетъ, перемѣшанный съ снѣгомъ, такъ ихъ слова перемежались вздохами.

Много толковали и много писали о загадочныхъ отношеніяхъ Данте къ его возлюбленной, но до согласнаго пониманія по-сю-пору не дошли. Непонятная страсть мальчика къ дѣвочкѣ дѣлается вопросомъ жизни; романтическая, безъ участія, безъ сближенія, она вдох-

новляетъ цѣлую поэтическую дѣятельность—а тутъ рядомъ нѣсколько мелкихъ страстишекъ и, наконецъ, законное супружество: Данте женится на Джеммѣ Донати, дѣлается отцомъ семейства. Такія крайности должны были поневолѣ смутить изслѣдователей и, въ свою очередь, вели къ крайнимъ взглядамъ—нужно же было провести тенденцію, спасти общую мысль! Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ итальянской литературы даже произвелъ донну Джемму въ какія-то Ксантиппы, чтобъ только объяснить позднюю привязанность Данте къ Беатриче—и всё это безъ всякаго основанія. Другіе взялись за дѣло съ другой стороны: заподозрили существованіе Беатриче. Жила-ли она когда-нибудь, или это только созданіе поэта? Въ «Божественной комедіи» ея образъ поставленъ на такой недосягаемой высотѣ, въ сіяніи неземной славы, въ облакѣ цвѣтовъ, среди ангельскихъ ликовъ. Правда, въ молодости Данте писалъ страстные сонеты къ какой-то Беатриче, но позднѣе онъ объяснилъ ихъ иносказательно въ своемъ «Convito» и такое же аллегорическое толкованіе обѣщалъ написать на комедію, только не успѣлъ. Выходитъ Беатриче, не живое лицо и подъ ея животрепещущими формами кроется отвлеченіе, теологія ли, или всепримиряющая любовь, которой Данте жаждалъ для бѣдной Италіи. Какъ видно, самъ поэтъ отчасти виною, что его перетолковали такимъ безвкуснымъ образомъ. Печали изгнанія недаромъ прошли надъ его головой: онѣ потупили её, сдѣлали поэта сосредоточеннѣе, заставили уйти въ самого себя. Въ эту вторую половину жизни Данте богаче глубокою думою, и на эту думу католическій мистицизмъ наложилъ свою печать. Я неиначе себѣ объясняю научные вопросы о языкѣ и правѣ, которые начинаютъ теперь занимать его; подъ вліяніемъ того же измѣнившагося взгляда написанъ его Пиръ (Convito), гдѣ поэтъ задумалъ было перевесть страстный лепетъ своихъ сонетовъ на смиренный разсказъ евангельской притчи. Далѣе отъ «Convito» къ «Божественной комедіи» переходъ ровный: одна и та же мистическая настроенность слышится изъ того и другаго творенія, и онѣ характеризуютъ собою цѣлый отдѣлъ въ жизни Данте. Флото объясняетъ основную мысль «Пира» нѣсколько иначе—основываясь на исповѣди писателя. Данте изгнаннику нужно было зарекомендовать себя: вчужѣ о немъ прошла слава трубадура, а пришёлъ онъ — увидѣли человѣка на возрастѣ, понураго, съ грустью на лицѣ. Положеніе старика влюбленнаго или только пищущаго любовные стишки вовсе незавидно — и вотъ Данте прежнюю свою любовь прелагаетъ на поученіе и вновь пишетъ только въ строгомъ, серьёзномъ стилѣ. Какъ бы то ни было—вотъ вопросъ: позволительно ли изъ поздней попытки облечь аллегоріей юношескую пѣснь вывесть заключеніе, будто та пѣснь и затѣяна была, какъ аллегорія? На всякое произведеніе необходимо смотрѣть съ той точки, съ какой смотрѣлъ авторъ, когда писалъ его; послѣ онъ могъ посмотрѣть на него съ другой стороны, съ противоположной точки зрѣнія, но для литературнаго приговора этотъ взглядъ не имѣетъ никакой силы. Еслибъ Боккачіо, сдѣлавшійся, какъ-извѣстно, святошей на старости лѣтъ, вздумалъ приложить къ своимъ новелламъ душеспасительный комментарій, не-

уже-ли бы мы повѣрили ему, повѣрили, что писалъ онъ для слезъ, не для смѣха? — Что Беатриче могла существовать, видно изъ того, ка́къ Данте могъ любить. Не-уже-ли придется принимать на иносказательный ладъ страстную рѣчь, какою говоритъ онъ въ своихъ сонетахъ? Въ одномъ изъ нихъ онъ вотъ ка́къ опредѣляетъ любовь:

Ma io dico ch'Amor non ha sustanza
Nè è cosa corporal ch'abbia figura,
Anzi è una passione in disianza.

—

Piacer di forma, data per natura;
Sicchè 'l voler del core ogni altro avanza —
E questo basta fin che 'l piacer dura.

Изъ этихъ стиховъ вѣетъ такою пластичностью, такимъ античнымъ поклоненіемъ формѣ, что ихъ остается принять au bout de la lettre, и мы не знаемъ, почему Флото чудится здѣсь какая-то дисгармонія, запавшая въ море гармоніи. Впослѣдствіи все идетъ, конечно, иначе: различая двоякую дѣятельность человѣка, практическую и созерцательную, Данте уже отдаетъ послѣдней преимущество передъ первой, созерцаніе дѣлъ божіихъ ставитъ выше плаванія въ морѣ житейскомъ. Тутъ ужь пахнетъ аскетизмомъ «Пира»—мы и самыя слова взяли изъ «Пира.»

Опредѣляя отношенія Данте къ Беатриче и доннѣ Джеммѣ авторъ обошелъ избитыя колеи прежнихъ толкованій и счастливо избралъ собственный путь. Онъ указываетъ на средневѣковый культъ женщины (Frauendienst), ка́къ развился онъ при дворахъ провансальскаго дворянства, а отъ него перешелъ въ Германію, Италію и т. д. Всякій рыцарь обязанъ былъ имѣть свою даму и служить ей всю жизнь храбро и честно; при этомъ и самъ онъ могъ быть женатъ и дама замужемъ — тутъ помѣхи не имѣлось. Можно представить, какъ бѣдно должна была сложиться при такой обстановкѣ семейная жизнь! Само-собою разумѣется, особенности страны и народной жизни вносили частыя отличія въ обряды и условія женскаго культа. Въ Германіи напр., которая вся сошлась у домашняго очага, культъ этотъ никогда не могъ развиться, какъ во Франціи, въ Провансѣ; въ Италіи рыцаря-послушника замѣнилъ трубадуръ. Въ такихъ отношеніяхъ находился Данте къ Беатриче Портинари; супружества, какъ мы видѣли, эти отношенія вовсе не исключали.

Въ 1291 году умерла Беатриче, 26 лѣтъ отъ роду, Данте былъ неутѣшенъ, и много времени протекло, пока онъ свыкся съ своей потерей. Между-тѣмъ время начинало брать свое надъ сердцемъ поэта. Года полтора спустя, поздней осенью, стоитъ онъ разъ на улицѣ и весь ушёлъ въ глубокую думу о прошломъ счастьѣ. Въ такія минуты онъ позабывалъ и самого себя и все кругомъ себя. Потомъ, когда очнулся отъ забытья и поглядѣлъ въ безпокойствѣ, не подсматриваетъ ли кто за нимъ, видитъ: изъ окна смотритъ на него дама, да такъ жалостно смотритъ, что въ ней, казалось, слилось все состраданье, «che tutta la pietá parea in lei naccolta». Данте поспѣшно удалился, чтобъ не удариться въ слезы, «потому-что» спра-

ведливо замѣчаетъ онъ: «несчастные всего склоннѣе плакать, когда видятъ, что другіе люди жалѣютъ о нихъ» Понятно, что незнакомка заинтересовала нашего поэта: его взяло за живое ея состраданье, онъ утѣшался, видя ее, написалъ къ ней нѣсколько сонетовъ. Она даже нѣсколько напоминала ему Беатриче: таже блѣдность въ лицѣ, какъ-будто любовь отняла у ней всѣ краски. «Нѣжная, прекрасная, умная дама» говорилъ онъ; «быть можетъ амуръ ниспослалъ её мнѣ, чтобъ моя жизнь достигла мира и покоя». На ту пору явилась ему во снѣ Беатриче въ томъ же платьѣ краснаго цвѣта, въ какомъ увидѣлъ онъ её еще мальчикомъ. Поэтъ кается въ своемъ непостоянствѣ, гонитъ прочь докучное желанье и опять мыслью отдался прежней страсти. Онъ кладетъ зарокъ не славить пѣснью ни одной женщины, не пѣть даже про Беатриче, пока не въ-силахъ будетъ воздать ей достойную хвалу. Уже онъ работалъ въ то время надъ «Божественной комедіей».

Боккачіо въ жизнеописаніи Данте говоритъ, что первая мысль комедіи родилась еще во Флоренціи; тамъ же набросаны были и ея первыя пѣсни. Данте думалъ писать ее латинскими гекзаметрами, и Боккачіо сообщаетъ начало перваго стиха: ultima regna canam etc. Но дѣло, кажется, остановилось на самомъ началѣ: еще произведеніе, составившее впослѣдствіи громкую славу поэта, не успѣло тѣмъ временемъ сложиться внутренно, не успѣло дозрѣть до той художественной полноты, которая не можетъ застояться въ мысли, чтобъ не перейти тотчасъ же въ звучное слово. Данте совсѣмъ забылъ о своемъ начинаніи; лишь нѣсколько лѣтъ спустя, когда, изгнанный, онъ жилъ въ Римѣ, первыя семь пѣсней его комедіи найдены во Флоренціи совершенно-случайно. Донна Джемма уложила ихъ въ ящикъ, вмѣстѣ съ другими вещами, и скрыла въ одной изъ флорентійскихъ церквей во время разграбленія города. Случилось кому-то, должно быть Андреа Поджи, племяннику Данте, порыться въ томъ ящикѣ за какой-то бумагой; между-прочимъ отъискалась и тетрадь со стихами. Поджи прочелъ её, далъ прочесть одному тамошнему поэту и оба рѣшили отослать стихи маркизу Мороэлло Маластина, у котораго проживалъ Данте. Мороэлло показалъ поэту тетрадь и тотъ призналъ свое произведеніе. «Я думалъ» говоритъ онъ: «что вмѣстѣ съ моими прочими вещами затерялся и этотъ трудъ; горе изгнанія заставило меня совершенно забыть о немъ. Теперь, когда случай привелъ его ко мнѣ, я попытаюсь возобновить въ памяти прежній планъ». Съ этой поры онъ начинаетъ дѣятельно заниматься «Божественной комедіей», которая по строю и смыслу вся принадлежитъ второму періоду Дантовой дѣятельности.

Взглядъ Флото на значеніе «Божественной комедіи», нигдѣ не высказанъ цѣльнымъ, рѣшительнымъ образомъ. Чтобъ выяснить его, придется обратиться къ выпискамъ, придется собирать его. Изъ «предисловія» сюда относятся слѣдующія строки: «Данте не писалъ своего произведенія по плану, заранѣе обдуманному — тому ручательствомъ частыя противорѣчія, которыя въ немъ попадаются.» Мы видѣли, что Данте два раза принимался за трудъ и второй разъ,

вѣроятно, измѣнилъ его, и въ общемъ и въ частностяхъ: онъ самъ же говоритъ, что ему придется *припоминать* свой прежній планъ. О первоначальной идеѣ произведенія Флото высказываетъ мысль, что на пути по аду Данте намѣревался затронуть высшіе вопросы религіи, философіи и политики, какъ то сдѣлалъ Брунетто въ своей «Сокровищницѣ», (см. стр. 110). Что до второй редакціи, т. е. той, которая дошла до насъ въ итальянскихъ терцинахъ, то Флото—врагъ всякаго аллегорическаго толкованія и бранитъ Копиша за его подвиги на этомъ плодоносномъ поприщѣ (См. гл. XL). Вслѣдъ за тѣмъ, самъ онъ принимается перелагать начало Inferno, искать въ немъ тайнаго смысла, чтобъ быть поглубже. (См. гл. XLI). Дальше Inferno онъ, впрочемъ, не идетъ и въ этомъ отношеніи авторъ вѣренъ самъ себѣ: вѣдь сказалъ же онъ, что комедія написана не по одному плану, заранѣе обдуманному. «Я даже не думаю» продолжаетъ онъ. (предисл., стр VI) «чтобы Данте въ «Божественной комедіи» вездѣ и всюду руководился опредѣленною мыслью, которую могъ высказать безъ околичностей.» Вообще замѣтимъ, что Флото какъ-то несовсѣмъ твердо стоитъ на исторической полосѣ Онъ, пожалуй, и не знаетъ, что въ твореніяхъ Данте не все сдѣлалъ самъ Данте, много сдѣлалъ и вѣкъ, что писателя никакъ не отдѣлишь отъ современности, и т. п; но вмѣстѣ съ этимъ проглядываютъ часто такіе простодушные недосмотры, какимъ бы не идти въ рядъ съ такимъ сознаніемъ. Напримѣръ, Флото допускаетъ, что космогонія Данте, его представленіе объ адѣ, чистилищѣ и раѣ коренятся въ средневѣкой жизни, въ повѣрьяхъ тогдашняго человѣка — а между-тѣмъ, онъ же ставитъ писателю въ вину, что не представилъ Бога вездѣсущимъ, что у Данте ему только въ раю отведено мѣсто, а въ аду и чистилищѣ о немъ будто и не слышали. (См. гл. XLIX). Какъ-будто пластическій католицизмъ среднихъ вѣковъ сродни новѣйшей идеи о вездѣсущіи! Въ другомъ мѣстѣ авторъ сравниваетъ Данте съ Мильтономъ и отдаетъ преимущество послѣднему въ изображеніи сатаны. (См. гл. XLV). У Мильтона сатана является грознымъ владыкой тьмы, низверженнымъ Прометеемъ, который и пораженъ, но все еще гордъ, и держится, и затѣялъ борьбу. Въ Дантовомъ «Адѣ» онъ лицо безхарактерное, мучитель и мученикъ вмѣстѣ; на рой демоновъ, на ихъ іерархическія степени наброшенъ темный, неопредѣленный покровъ, сквозь который только въ общихъ чертахъ высказываются ихъ формы. Таковъ характеръ всей средневѣковой демонологіи, и только узкій взглядъ могъ засудить Данте за то, что онъ остался вѣренъ своему вѣку. Вообще, для Данте въ этомъ отношеніи еще слишкомъ мало сдѣлано.

Въ основу книги Флото легли двѣ лекціи, прочитанныя имъ зимой 1857 года въ Базелѣ Это частію объясняетъ ту легкость разсказа, ту живость изложенія, качества, которыя лишь недавно начали прививаться къ нѣмецкому слогу. У Флото не ищешь подлежащаго и сказуемаго на разныхъ концахъ страницы; біографическія и литературныя подробности быстро слѣдуютъ другъ за другомъ и не запутываютъ читателя. Чувствуется, что многое перешло въ печать

въ томъ видѣ, въ какомъ говорилось — въ этомъ и самъ авторъ сознается. Ученый аппаратъ изгнанъ изъ текста на конецъ книги, что̀ конечно, польстить читателю, нелюбящему ссылокъ и мелкаго шрифта. Но кто привыкъ искать всему «поводъ, причину», того непріятно поразитъ этотъ ученый аппаратъ, сжатый въ 63-хъ тощихъ примѣчаніяхъ. Изъ нихъ 39-ое толкуетъ о хронологической послѣдовательности Дантовыхъ трудовъ: — Vita nuova написана тогда то, Convito тогда то и т. п. «Все, что̀ я здѣсь утверждаю — плодъ совѣстливаго размышленія» присоединяетъ авторъ. Онъ позабылъ, что въ такого рода вещахъ давно перестали вѣрить на-слово. Въ самомъ текстѣ, нельзя не указать на одну невѣрность. На стр. 109 читаемъ, что Брунетто Латини составилъ двѣ энциклопедіи наукъ, чрезвычайно-важныя для исторіи современной ему образованности: одну въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ — Le trésor, другую будто-бы итальянскими стихами — Il tesoretto. Какъ извѣстно, Брунетто написалъ свою «Сокровищницу» на старо-французскомъ нарѣчіи, а на итальянскій языкъ ее перевелъ Боно Джямбони. Часть этого перевода издана въ прошломъ году, въ Веронѣ, Бартоломеемъ Copio.

Въ концѣ еще одна замѣтка для занимающихся итальянскою словесностью. Адольфъ Вольфъ предполагаетъ издать, подъ названіемъ, «классиковъ всѣхъ націй», біографіи замѣчательнѣйшихъ поэтовъ древняго и новаго міра и при нихъ избранныя мѣста изъ ихъ произвеній. Первый выпускъ вышелъ съ именемъ Данте. Въ этомъ выпускѣ находятся: I. Состояніе образованія и литературы въ Италіи до тринадцатаго столѣтія. II. Начало итальянскаго языка и литературы. III. Жизнь Данте. IV. Сочиненія Данте. V. Выборъ изъ стихотвореній Данте, въ нѣмецкихъ переводахъ.

Въ Англіи, Данте составляетъ также предметъ ученыхъ изслѣдованій. Недавно, тамъ вышла книга, весьма-важная для изученія этого поэта: «The first four editions of the Divine Comedy, literally reprinted. By G. I. Warren Lord Vernon. London. Boone «(*Четыре первыя изданія Божественной комедіи, буквально перепечатанныя*. Изд. Лорда Вернона). Издатель извѣстенъ своими сочиненіями о Данте, за которыя онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи della crusca. Перепечатанныя здѣсь изданія суть: Editio princeps 1472; изданіе Федериго Веронезе, того же года; изданіе мантуанское, также 1472 года, и неаполитанское, 1475 — 76.

Англійскій «Атеней», отдавая (въ № 23-го апрѣля) отчетъ объ этомъ ученомъ изданіи, сворачиваетъ, по обыкновенію англичанъ, на политику и совѣтуетъ итальянцамъ «учиться у Данте, ка̀къ надобно завоевывать свободу», а папѣ Пію IX — почаще читать «Божественную комедію», въ подражаніе своему предшественнику и тёскѣ, Пію VI, человѣку весьма-либеральному и склонному къ реформамъ, который многому научился отъ Данте — «впрочемъ, *не всему*» прибавляетъ «Атеней»: «а то онъ не сталъ бы такъ плакаться на упадокъ своего свѣтскаго могущества». Послѣдуетъ, или не послѣдуетъ римскій папа совѣту англійскаго журналиста — рѣшить трудно: быть-можетъ, онъ и не узнаетъ объ немъ. Теперь

ему, кажется, не до журналовъ и не до стиховъ — хотя бы это были стихи самого Данте.

— Вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи (generatio spontanea) принадлежитъ къ числу вопросовъ не новыхъ, крайне-спорныхъ и — съ философской точки зрѣнія — «очень-задирательныхъ». Матеріалисты, какъ извѣстно, рѣшаютъ его положительно: они допускаютъ, что живые организмы могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сложиться сами собою изъ веществъ органическихъ и неорганическихъ, что существа живыя невсегда — потомки подобныхъ имъ живыхъ существъ, что жизненная сила не есть что-то составляющее исключительную принадлежность однихъ такъ-называемыхъ живыхъ существъ, а есть одно изъ общихъ свойствъ матеріи, неминуемо проявляющееся вездѣ, гдѣ только представляется сочетаніе извѣстнаго рода химическихъ и физическихъ (и никакихъ другихъ) условій. Противники же матеріалистовъ считаютъ самопроизвольное зарожденіе дѣломъ совершенно-невозможнымъ; по ихъ мнѣнію, жизнь можетъ только передаваться, мертвая же матерія, какъ бы она ни группировалась, не можетъ дать начало живому существу, растенію или животному — все-равно, — организмъ не есть сумма извѣстнаго количества матеріи и извѣстныхъ физическихъ и химическихъ силъ, а есть та же сумма *плюсъ* еще *кое-что*.

Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ въ настоящую минуту, какъ и за сто, за тысячу лѣтъ предъ симъ, нерѣшенъ; если же мы затрогиваемъ его здѣсь, то единственно съ тою цѣлью, чтобы передать читателямъ мнѣніе о немъ современныхъ ученыхъ авторитетовъ. Большинство ученыхъ, какъ увидимъ, не на сторонѣ матеріалистовъ.

Въ засѣданіи парижской академіи наукъ, 22 декабря 1858 года, зоологъ Пуше (совокупно съ химикомъ Гузо) представилъ двѣ записки, въ которыхъ описываются два опыта, доказывающіе, какъ кажется Пуше, возможность самопроизвольнаго зарожденія. Вотъ первый изъ опытовъ. Пуше взялъ стклянку, наполнилъ ее кипящею водою, заткнулъ герметически пробкою и опрокинулъ подъ чашкою со ртутью. Когда вода охладилась, пробку вынули подъ поверхностью ртути и въ стклянку ввели нѣкоторое количество химически-чистаго кислорода и пропустили пучокъ (вѣсомъ грановъ въ десять) сѣна. Сѣно предварительно содержалось во флаконѣ и въ-теченіе получаса было нагрѣваемо въ банѣ во 100° Ц., съ цѣлію уничтожить дѣйствіемъ жара всѣ содержавшіеся въ немъ зародыши. Послѣ сего стклянку снова заткнули, перевернули горлышкомъ вверхъ и, дабы воздухъ наружный не могъ проникнуть внутрь стклянки — пробку замазали лакомъ. Черезъ нѣсколько недѣль стклянка была откупорена и, при микроскопическомъ изслѣдованіи, въ водѣ найдены тайно-брачныя растенія, совершенно-живыя, и между ними одно совершенно-новаго рода. Второй опытъ отличается отъ перваго только тѣмъ, что, вмѣсто кислорода, въ стклянку была введена смѣсь кислорада и азота (искусственнаго воздуха): микроскопъ показалъ въ водѣ нѣсколько расти-

тельныхъ и животныхъ организмовъ. Такъ-какъ ни въ водѣ, ни въ сѣнѣ, ни въ газахъ не могло содержаться зародышей (вода и сѣно были предъ опытомъ нагрѣты до 100° Ц., а газы были химически-чисты), то результаты опытовъ, по мнѣнію Пуше, внѣ всякаго возраженія.

Противъ такого заключенія единодушно возстали (въ засѣданіи 3 января 1859 года) знаменитости академіи: Мильн-Эдвардсъ, Пайенъ, Катрфажъ, Клодъ Бернаръ и Дюма. Яснѣе другихъ высказался Мильн-Эдвардсъ.

«Много прежде того времени (говорилъ Мильн-Эдвардсъ), когда изобрѣтеніе микроскопа дало зоологамъ возможность открыть крайне-малыхъ животныхъ, зарождающихся миріадами въ водахъ, настоенныхъ на органическихъ остаткахъ, было уже замѣчено, что гніющіе трупы весьма-часто, такъ-сказать, населяются кучами живыхъ тѣлъ, и, не видя въ этомъ явленіи участія со стороны какого-либо живаго существа, которому эти тѣла могли бы быть обязаны своимъ происхожденіемъ, древніе естествоиспытатели предполагали, что живыя существа были продуктомъ гніенія животныхъ матерій, что эти послѣднія, переставъ принадлежать живому существу, могутъ самопроизвольно организоваться подъ новою формою и такимъ-образомъ дать начало животнымъ, неимѣющимъ родителей, что, наконецъ, жизнь есть не причина, а слѣдствіе извѣстнаго способа группировки частицъ, составляющихъ эти органическія матеріи, и что этотъ родъ группировки можетъ быть произведенъ игрою общихъ силъ природы. Долгое время думали, что такимъ образомъ можно объяснить появленіе червевидныхъ личинокъ на трупахъ. Но когда вопросъ о происхожденіи этихъ животныхъ былъ изученъ флорентинскою академіею, столь удачно названной — del Cimento, и былъ подвергнутъ строгому изслѣдованію однимъ изъ членовъ ея, Франсуа Реди, то убѣдились, что личинки, появляющіяся на трупахъ, далеко не продукты самопроизвольнаго зарожденія, а — потомство насѣкомыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, и что если онѣ встрѣчаются только въ гніющихъ животныхъ веществахъ, то это потому, что только тамъ онѣ находятъ соединенными всѣ условія, необходимыя къ ихъ развитію, и потому, что тамъ онѣ были положены, въ видѣ зародышей, матерью, которая руководилось въ семъ случаѣ чудеснымъ инстинктомъ. Опыты Реди, относящіеся къ срединѣ XVII столѣтія, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно происхожденія личинокъ, о которыхъ говорю; но что было легко обнаружить, когда дѣло касалось животныхъ такой величины, какъ мясныя мухи, то самое оказывается менѣе легкимъ, когда вопросъ идетъ о монадѣ, или другомъналивчатомъ животномъ, о существованіи которыхъ глазъ узнаетъ только при помощи микроскопа и зародыши котораго, по причинѣ ихъ крайней малости, всего чаще ускользаютъ отъ всѣхъ средствъ наблюденія, представляемыхъ намъ оптикою. Поэтому, когда Левенгукъ и его преемники раскрыли намъ животныхъ въ настойкахъ растительныхъ и животныхъ веществъ, то гипотеза произвольнаго зарожденія снова вошла въ силу, и физіологи стали расходиться во мнѣніяхъ о происхожденіи этихъ животныхъ.

По мнѣнію однихъ, эти послѣднія были не что иное, какъ продукты развитія зародышей, подобныхъ яичкамъ мясной мухи, о которыхъ сказано выше, но которыхъ величина • находится въ соотвѣтствіи съ крайнею малостью инфузорій, положившихъ ихъ,—зародышей, которые находятся повсюду въ природѣ въ огромномъ числѣ, плаваютъ въ атмосферѣ, подобно мелкой пыли, и садятся на поверхности всѣхъ тѣлъ, но развиваются только тамъ, гдѣ находится вода и органическія вещества въ состояніи разложенія, могущія служить имъ пищею. По мнѣнію же другихъ, инфузоріи не происходятъ отъ зародышей, а суть частицы мертвой органической матеріи, которыя, отдѣлившись другъ отъ друга чрезъ растворяющее дѣйствіе воды, дѣлались живыми, образовывали столько же новыхъ существъ. Аналогія представляетъ важные доводы въ пользу первой изъ этихъ ипотезъ. Въ защиту же второй часто ссылаются на результаты опытовъ, при которыхъ замѣчалось развитіе живыхъ существъ въ настойкахъ, поставленныхъ, повидимому, въ такія условія, при которыхъ всѣ дотпрежде существовавшіе въ органической матеріи зародыши должны были отъ разрѣшающаго дѣйствія воды потерять свою жизненность и при которыхъ ни чрезъ воду, ни чрезъ окружающій воздухъ, въ настойки не могли войти эти зародыши. Фрэй и другіе наблюдатели полагали, что эти условія были ими осуществлены, и такъ-какъ тѣмъ—неменѣе они видѣли, что настойки наполнялись микроскопическими растеніями и животными, то пришли къ заключенію, что эти живыя существа могли произойти путемъ самопроизвольнаго рожденія.»

Мильн-Эдвардсъ думаетъ, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты, со включеніемъ и послѣднихъ опытовъ г. Пуше, нисколько не доказываютъ возможности самопроизвольнаго зарожденія. Противъ опытовъ Пуше въ частности, онъ говоритъ слѣдующее: «Сѣно, заключавшееся въ флаконѣ и остававшееся въ-теченіе тридцати минутъ въ банѣ во 100° Ц., дѣйствительно ли было доведено до температуры кипѣнія воды? Пуше, повидимому, думаетъ, что такъ; но я убѣжденъ въ противномъ и думаю, что химики, равно какъ и физики, будутъ того же мнѣнія. Равновѣсіе температуры при такихъ условіяхъ не возстановляется такъ скоро, и мнѣ кажется весьма-вѣроятнымъ, что сѣно, заключенное въ стеклянномъ сосудѣ и погруженное въ спокойный воздухъ,—въ тѣла, весьма-худо проводящія тепло,—нагрѣлось очень-мало отъ дѣйствія бани, въ которую былъ поставленъ сосудъ на столь короткое время.» Допустимъ даже, что сѣно нагрѣлось дѣйствительно до 100° Ц. «Можно ли отсюда сдѣлать заключеніе, что зародыши инфузорій, содержавшіеся въ сѣнѣ, непремѣнно должны были потерять жизненность и сдѣлаться неспособными къ развитію?» Нѣтъ, отвѣчаетъ Мильн-Эдвардсъ. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе на разность между дѣйствіемъ тепла на организмы, содержащіе влагу, и на организмы высушенные. Между-прочимъ, онъ указываетъ на опыты Дойэра, изъ которыхъ видно, что нѣкоторыя инфузоріи, бывъ предварительно достаточно высушены, не умираютъ даже и тогда, когда ихъ въ-теченіе цѣлаго часа оставляютъ въ банѣ, которой температура была выше 100°, напр. доходила до 140°. Самъ Мильн-

Эдвардсъ видѣлъ, что нѣкоторыя микроскопическія животныя противостоятъ долгое время дѣйствію жара въ 120°. Далѣе Мильн-Эдвардсъ говоритъ, что онъ самъ не разъ занимался опытами, подобными опытамъ Пуше, и что они привели его къ тому заключенію, что животныя появляются тѣмъ рѣже, чѣмъ тщательнѣе были принимаемы предосторожности противъ случайнаго вхожденія живыхъ зародышей въ сосуды, въ которыхъ производились опыты. Вотъ одинъ изъ опытовъ. Мильн-Эдвардсъ бралъ двѣ стеклянныя трубочки, запаянныя съ одного конца, наполнялъ ихъ до нѣкоторой высоты водою и органическими веществами, затѣмъ открытый конецъ у одной изъ трубочекъ запаивалъ, у другой же оставлялъ открытымъ, и обѣ трубки погружалъ на довольно-долгое время въ кипящую воду. Послѣ кипяченія, трубочки вынимались и отставлялись въ сторону. Чрезъ нѣсколько дней, въ трубочкѣ, у которой во время кипяченія одинъ конецъ оставался открытымъ, показались инфузоріи, напротивъ, въ другой, даже по истеченіи многихъ мѣсяцевъ не было замѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ присутствія живыхъ организмовъ.

Пайенъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что сказанное Мильн-Эдвардсомъ о способности инфузорій противостоять дѣйствію высокой температуры вполнѣ примѣнимо и къ микроскопическимъ растеніямъ. Ему изъ опыта извѣстно, что зародыши *Oidium aurantiacum* (тайнобрачнаго растенія, бывшаго въ 1843 году причиною порчи хлѣба), не теряютъ способности развиваться отъ нагрѣванія въ-теченіе цѣлаго часа въ масляной банѣ во 100 и въ 120° Ц. Они погибаютъ лишь при температурѣ во 140°.

Катрфажъ одного мнѣнія съ Мильн-Эдвардсомъ. Еще недавно, сказалъ онъ, между-прочимъ, партизаны самопроизвольнаго зарожденія, въ подтвержденіе своей теоріи, ссылались преимущественно на двѣ группы животныхъ: на глистовидныхъ и наливчатыхъ. Но новѣйшія изслѣдованія Фан-Бенедекена, Кюхенмейстера и др. показали, что ссылка на первую группу совершенно-неосновательна: между глистами нѣтъ безполыхъ существъ, зарождающихся самопроизвольно. И такъ, въ послѣднее время защитники гетерогеніи принуждены были опираться исключительно на однѣхъ инфузорій. Но и тутъ почва начинаетъ измѣнять матеріалистамъ. Бальбіани, въ запискѣ, представленной недавно въ Академію и о которой коммисія не успѣла еще дать отчета, доказываетъ, что инфузоріи въ отношеніи способа размноженія не составляютъ исключенія изъ общаго закона.

Клодъ Бернаръ дѣлалъ, въ 1857 году, слѣдующаго рода опытъ. Онъ взялъ два стеклянные шара (около $^1/_2$ литра вмѣстимостію), налилъ въ нихъ по 50 куб. центиметровъ жидкаго раствора желатины въ водѣ (къ раствору было прибавлено весьма-небольшое количество обыкновеннаго сахара), и оба шара поставилъ на огонь. Къ шейкѣ одного изъ шаровъ была приставлена фарфоровая трубочка, наполненная кусками битаго фарфора и находившаяся во все время опыта въ раскаленномъ состояніи. Шейка другого шара была безъ всякихъ приставокъ. Паръ, отдѣлявшійся изъ кипящихъ растворовъ, вытѣснилъ весь воздухъ изъ обоихъ шаровъ; когда же шары сняты

были съ огня, то воздухъ, конечно, снова долженъ былъ войти въ шары. Но въ одномъ изъ шаровъ онъ входилъ прямо чрезъ шейку; въ другой же онъ могъ проникнуть неиначе, какъ пройдя чрезъ раскаленную фарфоровую трубку. Это единственная разность, которую представляли между собою шары. Когда воздухъ взошелъ въ шары, шейки были запаяны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ растворы были изслѣдованы: въ шарѣ съ прокаленнымъ воздухомъ ненайдено организмовъ; въ другомъ же шарѣ открыто тайнобрачное растеніе (Penicillium glaucum). «Опытъ этотъ» заключаетъ Бернаръ: «подобно опытамъ, цитированнымъ выше (т. е. Мильн-Эдвардсомъ и Пайеномъ), неблагопріятенъ для теоріи самопроизвольнаго зарожденія».

Дюма — одного мнѣнія съ своими сотоварищами. Онъ говорилъ, что лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ занимался опытами надъ возможностію самопроизвольнаго зарожденія и былъ приведенъ къ отрицательному результату. Сочиненіе Фрэя побудило его снова взяться за опыты, которые показали ему, что изъ органическихъ веществъ, нагрѣтыхъ до 120 или 130° Ц., изъ искусственной воды (полученной чрезъ пропусканіе водорода чрезъ окиселъ мѣди), изъ искусственнаго воздуха и въ трубкахъ, которыхъ стекло незадолго до опыта было накалено до-красна, не могутъ зародиться ни животныя, ни растительные организмы. Но стоило только раскрыть трубки и пропустить въ нихъ обыкновенный воздухъ, дабы въ настойкѣ показались и растенія и животныя.

Въ засѣданіи 17 января, Пуше представилъ длинный отвѣтъ на замѣчанія своихъ оппонентовъ. Возраженія Пуше въ сущности состоятъ въ слѣдующемъ: «Еслибы въ мои стклянки, говорилъ онъ: — проникли зародыши извнѣ, то въ водѣ должны бы находиться представители этой фауны, которая, въ видѣ зародышей, по мнѣнію моихъ противниковъ, наполняетъ воздухъ; но на дѣлѣ этого не замѣчается: животныя, находимыя внутри стклянокъ, совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются извнѣ; нерѣдко, какъ напримѣръ, при описанныхъ двухъ опытахъ, въ закрытыхъ стклянкахъ бываютъ находимы такія животныя, какихъ прежде никогда не случалось встрѣчать, или если и случалось, то очень-рѣдко. Если бы яички животныхъ дѣйствительно огромными массами находились въ атмосферѣ, то они въ изобиліи падали бы въ чистую воду и въ настойку, но этого опять-таки не замѣчается Я повторилъ нѣсколько разъ слѣдующій опытъ: на одномъ изъ столовъ моей лабораторіи, заваленномъ микроскопическими животными, были наполнены водою, дистиллированною, фильтрованною и кипяченою, большія, хрустальныя чаши 30 сантиметровъ въ діаметрѣ, и никогда мнѣ не случалось замѣчать животныхъ на поверхности этихъ водъ. ....Когда же, послѣ пятнадцатидневнаго напраснаго ожиданія, въ воду чашекъ было положено органическое вещество, способное къ броженію, то черезъ 24 часа поверхность воды покрывалась безчисленнымъ населеніемъ микроскопическихъ животныхъ». Пуше изслѣдовалъ пыль своего кабинета и не нашелъ въ ней никакихъ яичекъ животныхъ. По поводу замѣчаній Катрфажа, Пуше говоритъ, что вопросъ о зарожде-

нія глистовъ далеко не есть вопросъ порѣшенный; что же касается наблюденій Балбіани, то половое рожденіе не исключаетъ возможности самопроизвольнаго рожденія. Опыты Бернара и др. доказываютъ, по мнѣнію Пуше, только то, что кипяченіе органическихъ веществъ и вообще всѣ сильныя операціи химическія и физическія сильно замедляютъ свободное развитіе животныхъ.

Вообще Пуше нисколько не считаетъ себя разбитымъ. Какой же результатъ извлечемъ мы изъ этого спора? А вотъ какой.

Намъ кажется, что вопросъ невозможно рѣшить путемъ непосредственнаго опыта. Въ-самомъ-дѣлѣ, опыты съ отрицательными результатами, каковы, напримѣръ, опыты Бернара, Мильн-Эдвардса и Дюма, не доказываютъ ничего: на *нѣтъ* и суда нѣтъ. Что же касается опытовъ съ положительными результатами, каковы опыты Фрэя, Пуше, то и они никогда не будутъ въ состояніи порѣшить спора, ибо никогда не удастся произвести опытъ такъ, чтобы антагонисты не могли придраться къ нему. Доказать возможность самопроизвольнаго зарожденія путемъ прямыхъ опытовъ, и доказать безспорно, такъ же невозможно, какъ невозможно, напримѣръ, физикамъ прямымъ опытомъ доказать, что матерія инертна, что тѣло, разъ приведенное движеніе, будетъ вѣчно двигаться по одному и тому же направленію и съ одною и той же скоростію. Хотя законъ инерціи и несомнѣненъ, но физикамъ никогда не удастся показать въ кабинетѣ опытъ вѣчнаго движенія. Вопросъ о зарожденіи возможенъ къ разрѣшенію только косвеннымъ путемъ, путемъ аналогіи, наведенія. Этотъ же путь, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящее время, ведетъ въ сторону, противную ученію защитниковъ самопроизвольнаго зарожденія.

— Мы уже сообщали читателямъ объ учрежденіи во Франціи особенной коммиссіи для установленія нормальнаго діапазона. Теперь сообщаемъ, что коммисія представила подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ и заключеніяхъ, и что вслѣдствіе сего послѣдовало слѣдующее правительственное распоряженіе.

1) Учреждается однообразный діапазонъ для всѣхъ музыкальныхъ заведеній Франціи, для императорскихъ и другихъ театровъ, парижскихъ и департаментскихъ, для консерваторій, вспомогательныхъ школъ и публичныхъ концертовъ, дозволенныхъ правительствомъ.

2) Этотъ діапазонъ, дающій la, принятое для настройки инструментовъ, опредѣленъ въ 870 колебаній въ секунду; онъ носитъ названіе нормальнаго діапазона.

3) Прототипный образецъ нормальнаго діапазона имѣетъ храниться въ императорской консерваторіи музыки и декламаціи.

4) Всѣ музыкальныя учрежденія, утвержденныя правительствомъ, должны имѣть у себя вывѣренный и заклейменный діапазонъ, сходный съ прототипнымъ образцомъ.

5) Нормальный діапазонъ имѣетъ войти въ силу въ Парижѣ съ 1-го іюля, а въ департаментахъ съ 1-го декабря. Послѣ сихъ сроковъ во всѣ музыкальныя учрежденія, упомянутыя выше, будутъ до-

пускаться только инструменты, согласованные съ нормальнымъ діапазономъ, вывѣреннымъ и заклейменнымъ.

6) Состояніе діапазоновъ и инструментовъ будетъ постоянно подвергаться административной повѣркѣ.

— Въ прошломъ году мы сообщили нашимъ читателямъ объ открытіи фонаутографа, звукозаписывателя — если можно такъ выразиться. Фонаутографія, въ-отношеніи звука, почти то́ же, что́ фотографія въ отношеніи свѣта. Въ фонаутографѣ звукъ отмѣчается самъ собою и со всѣми даже самомалѣйшими особенностями; отмѣчается нетолько качество звука, т. е. тонъ, но тэмбръ его, степень громкости, продолжительности, прерывности или непрерывности. Это открытіе сдѣлано нѣкіимъ Леономъ Скоттомъ. За сообщеніе этого извѣстія въ «Отеч. Зап.» мы подверглись кой-отъ-кого укору: можно ли, говорили намъ, сообщать на страницахъ серьёзнаго журнала о подобныхъ глупостяхъ? Не-уже-ли вы не видите, что Леонъ Скоттъ просто-напросто́ шарлатанъ. Отвѣчать на подобные укоры мы считали лишнимъ; rira mieux qui rira le dernier — думали мы. Вотъ что́ теперь пишетъ аббатъ Муаньо, всѣмъ извѣстный французскій физикъ, въ 11-мъ выпускѣ «Cosmos», за нынѣшній годъ. «Мы можемъ извѣстить, что въ настоящую минуту Леонъ Скоттъ, вспомоществуемый ловкостію, теоретическою и практическою, Рудольфа Кенига, кончилъ постройку новаго прибора, записывающаго съ совершенною ясностію колебанія діапазона, хотя бы число ихъ простиралось и до тысячи въ секунду... Мы видѣли также всѣ пластинки, о которыхъ Леонъ Скоттъ говоритъ въ своей «Запискѣ»: изображеніе звуковъ простыхъ и сложныхъ, аккордовъ, прочитанной молитвы, сказанной фразы, колебательныхъ и вращательныхъ движеній тѣлъ, за-разъ передающихъ движеніе и вращающихся, и проч., и онѣ показались намъ по истинѣ удивительными. Мы желали, чтобы пластинки эти видѣлъ Витстонъ, сдѣлавшій столько прекрасныхъ открытій въ акустикѣ, и Витстонъ, подобно намъ, нашелъ попытки Скотта заслуживающими вниманія».. Витстонъ хотѣлъ даже сообщить о трудахъ Скотта лондонскому корелевскому обществу. Итакъ открытіе или изобрѣтеніе Скотта — не просто пуфъ, какъ думаютъ многіе.

— Во французскомъ «Монитёрѣ» пишутъ: «Мы много разъ указывали на попытки, дѣланныя въ Англіи и во Франціи, приложить паровыя машины къ движенію экипажей по обыкновенной дорогѣ и по мостовой. Опыты, которые недавно были возобновлены, увѣнчались успѣхомъ. Машина, поставленная на трехъ колесахъ и нагруженная съ боковъ углемъ и водой, очень-ловко направилась по дорогѣ въ Парижъ, между каретъ; она легко останавливалась, отклонялась, по желанію, отъ прямой линіи и описывала всѣ нужныя кривизны. Нѣсколько времени тому назадъ, мы, на основаніи англійскихъ журналовъ, говорили о прогулкѣ одного лорда въ локомобилѣ подобнаго рода. Теперь «Globe» извѣщаетъ, что локомобили движутся по лондонскимъ улицамъ столь же легко, какъ и кабы и омнибусы. На

этихъ дняхъ, одинъ локомобиль, катившійся по землѣ, ѣхалъ вдоль вестминстерской дороги, таща за собою тележку съ надписью, извѣщавшею многочисленныхъ зрителей, что тележка нагружена 125-ю тоннами (7750 пуд.) желѣза. Тележка, движимая паромъ, прошла мимо York-road и круто завернула на Belveder-road, въ мастерскія гг. Мэндеба и К°, куда и взошла безъ затрудненія. Этотъ локомотивъ шелъ какъ нельзя болѣе легко и углы улицъ его нисколько не затрудняли. Владѣльцы этой машины, они же и строители ея, имѣютъ, повидимому, нѣсколько другихъ, которыя назначаются для перевозки въ тележкахъ матеріаловъ. Если опыты, дѣлаемые все чаще и чаще, движенія при помощи пара по землѣ и по мостовой будутъ попрежнему удачны, то недалеко то время, когда на нашихъ глазахъ сила пара замѣнитъ, по-крайней-мѣрѣ на большихъ трактахъ, влеченье (traction) лошадьми.

— Въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ лондонскаго астрономическаго общества помѣщенъ обзоръ успѣховъ въ примѣненіи фотографіи къ астрономіи. Нижеслѣдующія свѣдѣнія могутъ служить пополненіемъ къ тѣмъ, которыя были сообщены нами въ прошломъ году (въ №№ 3, 4 и 12 «Отеч. Записокъ»).

Де-ла-Рю, въ-теченіе прошлаго года, продолжалъ свои опыты небесной фотографіи и сдѣлалъ многія важныя усовершенствованія въ своихъ способахъ. Его обсерваторія посвящена преимущественно воспроизведенію луны, съ которой онъ снялъ большое число прекрасныхъ отрицательныхъ изображеній. Позитивы на прозрачномъ стеклѣ 20 сантиметровъ (около 20 дюймовъ) въ діаметрѣ были переданы имъ различнымъ обсерваторіямъ и астрономамъ. Теперь онъ увѣдомляетъ совѣтъ общества, что Фоксъ Тальботъ съ любезною готовностію предложилъ ему приложить новый способъ геліографическаго гравированія къ воспроизведенію и отпечаткѣ одной изъ его многочисленныхъ фотографій луны. Если эта попытка увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то тогда каждый будетъ въ состояніи имѣть наивѣрнѣйшій портретъ земнаго спутника. Если двѣ такихъ фотографіи, снятыя въ такія времена, когда луна находилась въ нѣсколько-различныхъ фазахъ либраціи, разсматривать въ отрицательномъ стереоскопѣ Витстона, то получается впечатлѣніе рельефа, возвышенности и впадины лунной поверхности дѣлаются очень ощутительными и наблюдатель имѣетъ полную возможность изучить физическое устройство луны. Въ настоящее время де-ла-Рю занятъ (съ цѣлію фотографическою) пробою посеребрянаго зеркала (10 сантиметровъ въ діаметрѣ), сдѣланнаго ему докторомъ Стейнгелемъ. Сверхъ-того онъ ожидаетъ отъ того же художника другаго зеркала въ 33 сантиметра, на которое де ла-Рю возлагаетъ много надеждъ въ видахъ своихъ фотографій, на томъ основаніи, что болѣе-значительное количество свѣта, отражаемаго серебромъ, дозволитъ ему много сократить время экспозиціи. Далѣе, де-ла-Рю извѣстилъ совѣтъ, что онъ пытался снять фотографіи съ кометы Донати, но что послѣ 60-ти секундъ экспозиціи, онъ не получилъ и слѣдовъ изображенія.

Свою неудачу онъ приписываетъ скорѣе малому возвышенію кометы надъ горизонтомъ во время опыта, чѣмъ слабому напряженію свѣта. Большое семейное несчастіе лишило его возможности возобновить попытки при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Ешервудъ (Uscherwood), артистъ и любитель астрономіи, живущій въ Walton-Common, былъ счастливѣе де-ла Рю: при помощи портретнаго объектива малаго фокуснаго разстоянія онъ получилъ негативъ кометы. Такъ-какъ камера-обскура была неподвижна, то полученное изображеніе невполнѣ совершенно: впрочемъ, оно допускаетъ четырекратное увеличеніе. Домъ Ешервуда находится на высотѣ 233 метровъ надъ уровнемъ моря, поэтому можно бы подумать, что успѣхъ опыта долженъ быть до нѣкоторой степени приписанъ этому обстоятельству: но онъ главнѣйше обусловливается большою поверхностью выпуклаго стекла и сравнительно малою длиною фокуснаго разстоянія. Во всякомъ случаѣ, фотографія, какъ кажется, не дала намъ другихъ портретовъ удивительнаго небеснаго тѣла, столь оживлявшаго наши осенніе вечера въ 1858 году.

Фотогеліографъ, устроенный въ куполѣ кьюзской обсерваторіи, подъ надзоромъ де-ла-Рю, насчетъ общества, дѣйствовалъ съ начала марта 1858 г., и доставилъ превосходнѣйшія фотографическія изображенія солнечныхъ пятенъ и факеловъ. Директоръ обсерваторіи Уэльмъ сдѣлалъ различныя усовершенствованія въ устройствѣ инструмента, особенно въ отношеніи времени экспозиціи пластинки съ колодіумомъ, которое было необходимо регулировать. Благодаря этимъ усовершенствованіямъ, приборъ даетъ по-истинѣ очень-хорошіе результаты. Время, нужное для полученія изображенія на жидкомъ коллодіумѣ, даже въ томъ случаѣ, когда отверстіе объективъ уменьшено до $2^1/_2$ сантиметровъ, а первоначальное изображеніе увеличено вторымъ выпуклымъ стекломъ 10 сантиметровъ въ діаметрѣ, составляетъ малую долю секунды. Приборъ, которымъ регулируется продолжительность свѣтоваго дѣйствія на колодіонизированную поверхность, состоитъ изъ пластинки съ прорѣзомъ (котораго ширину можно увеличивать и уменьшать), находящейся въ небольшомъ разстояніи отъ чувствительнаго стекла. Эта пластинка движется чрезъ поле трубы отъ давленія пружины, и время экспозиціи регулируется, съ одной стороны бо́льшимъ или ме́ньшимъ отверстіемъ прорѣза, съ другой — движеніемъ, болѣе или менѣе быстрымъ, пластинки, передвигающей прорѣзъ предъ чувствительнымъ стекломъ. Впослѣдствіи, эти фотогеліографическія изъисканія были прерваны болѣзнію г. Уэльма; но теперь рѣшено дать неутомимому директору помощника, который обязанъ будетъ снимать фотографіи съ солнца каждый день, даже нѣсколько разъ въ день, и вообще столько разъ, сколько только позволитъ время.

По совѣту де-ла-Рю, совершившаго, во время прошлыхъ вакансій, поѣздку въ Россію, г. Оттонъ Струве предложилъ с.-петербургской академіи наукъ установить фотогеліографическій приборъ въ Пулковѣ или другомъ мѣстѣ, и это предложеніе было съ одобреніемъ принято знаменитымъ собраніемъ. Итакъ весьма-вѣроятно, что счастли-

вая мысль, впервые высказанная сэромъ Джономъ Гершелемъ, регистрировать ежедневно и съ различныхъ точекъ земли солнечныя пятна, будетъ окончательно приведена въ исполненіе.

Секки попрежнему посвящаетъ свой огромный рефракторъ фотографіи; недавно ему удалось получить хорошія изображенія Сатурна. Его фотографіи луны были доставлены многимъ обсерваторіямъ.

Бондъ, увы! преждевременно скончавшійся, сообщилъ въ «Astronomische Nachrichten», рядъ опытовъ звѣздной фотографіи, произведенныхъ подъ его надзоромъ на обсерваторіи коллегіи Гарварда въ 1857 и 1858 годахъ искусными фотографами Уиплемъ и Блэкомъ. Эти опыты были дѣлаемы надъ двойною звѣздою Лизаръ и α лиры при различныхъ отверстіяхъ объектива, начиная съ самаго малаго въ $2^1/_2$ сантиметра до полнаго въ 38 сантиметровъ, и при различныхъ временахъ экспозиціи. Бондъ имѣлъ при этомъ въ виду узнать, нельзя ли произвести классификаціи звѣздъ на основаніи масштаба фотографическаго или относительнаго фотогеническаго напряженія ихъ свѣта, а не на основаніи оптическаго напряженія, опредѣляемаго глазомъ; въ такомъ случаѣ мы имѣли бы ту выгоду, что дѣйствительныя измѣренія замѣнили бы неточныя опредѣленія, которымъ мы довольствуемся доселѣ. Бондъ нашелъ, что проходитъ нѣкоторое время, болѣе или менѣе долгое, смотря по блеску звѣздъ, прежде чѣмъ покажутся слѣды дѣйствія свѣта на коллодіонизированную пластинку. Когда же этотъ промежутокъ времени истекъ, то фотографическое изображеніе обозначается мгновенно, въ видѣ сжатой группы 10—20 частицъ расположенныхъ на поверхности, имѣющей менѣе секунды въ діаметрѣ. Число сгруппированныхъ частицъ увеличивается довольно-быстро, вмѣстѣ съ увеличеніемъ продолжительности экспозиціи и, одновременно, внѣшніе предѣлы фотографическаго изображенія расширяются во всѣ стороны. Бондъ замѣтилъ, что такое увеличеніе поверхности свѣтоваго дѣйствія есть явленіе трудно-объяснимое. Еслибы оно происходило отъ свѣторазсѣянія, вслѣдствіе несовершенства объектива, то въ такомъ случаѣ его можно бы было уничтожить уменьшеніемъ отверстія стекла или діафрагмою; но этого на дѣлѣ не замѣчается. Поэтому, Бонду кажется, что явленіе зависитъ, по-крайней-мѣрѣ отчасти, отъ возмущеній атмосферическихъ. Сверхъ-того, Бондъ дозналъ, что изображенія звѣздъ увеличиваются въ равныя времена на равныя поверхности. Отсюда слѣдуетъ, что при сравненіи фотографическихъ изображеній двухъ звѣздъ, необходимо принимать въ разсчетъ времена, употребленныя на полученіе каждаго изъ нихъ. Ученый астрономъ, столь рано похищенный у науки, издалъ нѣсколько таблицъ, въ которыхъ сравниваются разстоянія между слагающими двойныхъ звѣздъ, опредѣленныя астрономически, съ разстояніями, вычисленными на основаніи фотографическихъ данныхъ, при помощи формулъ, предложенныхъ самимъ Бондомъ: согласіе, поистинѣ замѣчательное, между величинами, получаемыми изъ наблюденій и изъ вычисленій, выставляетъ очень ясно на видъ всю важность фотометрическаго процесса, основывающагося на фотографіи.

— Микрофотографія продолжаетъ удивлять своими фокусами. Издатель «Photohraphie-News» извѣщаетъ между-прочимъ, что онъ получилъ отъ одного знакомаго микрофотографію величиною неболѣе, какъ въ 16–ю долю квадратнаго дюйма и которая, между-тѣмъ, есть почти полная «National Portrait Gallery», ибо содержитъ какъ нельзя болѣе отчетливѣе портреты всѣхъ королей и королевъ англійскихъ. Получитъ ли микрофотографія когда-либо практическую важность? Объ этомъ до-сихъ-поръ еще ничего неизвѣстно опредѣлительнаго.

— Доселѣ фотографическія изображенія были чернаго цвѣта; нынѣ же, чрезъ усовершенствованіе способовъ Ньепса, (описанныхъ нами въ прошломъ году) нашли возможность приготовлять превосходныя фотографіи краснаго, зеленаго, фіолетоваго и голубаго цвѣтовъ.

О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Ньепса мы скажемъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Правительственныя распоряженія: вооруженіе четырехъ армейскихъ корпусовъ; мѣры къ распространенію образованія между евреями; увеличеніе правъ ссыльно-поселенцевъ; преобразованія въ госпитальной части военнаго вѣдомства; комитетъ для устройства уѣздной полиціи; межеваніе и межевщики; финансовыя мѣры; учрежденіе общества для вспоможенія церквамъ и монастырямъ.—**Предположеніе о преобразованіи государственнаго контроля**: начала, на которыхъ предположено произвести преобразованіе, вызовъ къ обсужденію этихъ началъ, значеніе вызова.—**Отчетъ комитета о раненыхъ за 1858 годъ**: распоряженія въ отношеніи находящихся на попеченіи комитета генераловъ, штабъ и обер-офицеровъ; помощь, оказанная вдовамъ и сиротамъ; инвалиды; инвалидные капиталы — общій инвалидный и богадѣленскій.—**Собранія ученыхъ и новое музыкальное общество**: присужденіе демидовскихъ премій, собраніе археологическаго общества, англійскій политико-экономъ Керри въ Петербургѣ; учрежденіе русскаго музыкальнаго общества.—**Учебныя заведенія**: торжественные акты разныхъ учебныхъ заведеній и напутственная рѣчь воспитанникамъ александровскаго лицея; воскресныя школы въ Петербургѣ и въ Екатеринославлѣ, проектъ училища ремеслъ и торговли въ Ригѣ, замѣтка о петербургскомъ технологическомъ институтѣ, училище для армянъ въ Ѳеодосіи, нѣсколько словъ объ успѣхахъ кавказскихъ инородцевъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—**Вопросъ о преподаваніи латинскаго языка**.—**Промышленныя извѣстія**: работы главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, частности его управленія; красносельская желѣзная дорога; новыя компаніи и товарищества; господа и мужики; русскій коммерческій флотъ и причины замедляющія его развитіе.—**Результаты опытовъ чумопрививанія**.—**Разныя извѣстія**: землетрясеніе, наводненія, градъ, пожары и мѣры, принятыя въ Петербургѣ противъ пожаровъ; преслѣдованіе евреевъ; борьба съ откупомъ; факты, касающіеся нравственной статистики.—**Новости общественной жизни**: распространеніе книжныхъ магазиновъ и курьёзное объявленіе, провинціальныя художественныя выставки; новыя постройки въ Петербургѣ; открытіе памятника Императору Николаю I-му; гонка судовъ императорскаго яхтъ-клуба; гулянья въ Петербургѣ и Москвѣ.

Правительственныя распоряженія. Итальянская война составляла въ прошломъ мѣсяцѣ главный предметъ, на который было обращено вниманіе какъ правительствъ такъ и частныхъ лицъ. Вопросъ о независимости Италіи, живо задѣвшій то политическіе, то личные, то промышленые интересы государствъ, вызвалъ рядъ мѣръ и распоряженій со стороны почти всѣхъ европейскихъ правительствъ, а въ томъ числѣ, конечно, и правительства русскаго. Изъ полити-

ческаго обозрѣнія читатели наши знаютъ то положеніе, которое приняла Россія въ разрѣшеніи итальянскаго вопроса, и тѣ мѣры внѣшней политики, которыя выяснили это положеніе. Что касается до вызванныхъ войною мѣръ внутреннихъ, то, кромѣ нѣкоторыхъ уже упомянутыхъ нами, каковы, напримѣръ, запрещеніе выводить изъ Россіи черезъ западную границу лошадей, въ послѣднее время было сдѣлано распоряженіе о приведеніи на военное положеніе 1, 2, 3 и 5 армейскихъ корпусовъ. Въ приказѣ военнаго министра по этому предмету, между прочимъ, сказано: «*о призывѣ штабъ и оберъ-офицеровъ* полковъ 1, 2, 3 и 5 легкихъ кавалерійскихъ дивизій изъ безсрочнаго *и продолжительныхъ отпусковъ на дѣйствительную службу въ свои полки и команды дѣлается* по инспекторскому департаменту особое распоряженіе, по положенію». «Высочайше разрѣшено: *отставнымъ офицерамъ, которые оставили* военную *службу до начала* войны 1853—1856 гг. и въ-теченіе всей этой войны не поступали на службу,— *дозволить*, если пожелаютъ служить въ войскахъ, приводимыхъ на военное положеніе, *подавать* о томъ *просьбы*, но неиначе, какъ чрезъ тѣхъ частныхъ начальниковъ, въ вѣдѣніи коихъ служить желаютъ.»

Кромѣ приведенія на военное положеніе нашей западной арміи, которая должна была подкрѣплять высказанные русскимъ правительствомъ виды и намѣренія по итальянскому вопросу, война въ Италіи не вызвала другихъ распоряженій. Напротивъ, всѣ правительственныя мѣры послѣдняго времени носятъ на себѣ характеръ совершенно мирный, клонясь главнѣйшимъ образомъ къ устройству различныхъ учрежденій, распространенію нѣкоторыхъ правъ, усиленію промышленности, и т. п. Евреи въ этихъ правительственныхъ распоряженіяхъ играютъ видную роль. Въ дополненіе къ существующимъ постановленіямъ о евреяхъ, разрѣшенъ вопросъ о русскихъ подданныхъ еврейкахъ, выходящихъ замужъ за евреевъ иностранныхъ. Постановленіемъ, изданнымъ въ 1856 г., еврейки, русскія подданныя, вступившія въ супружество съ иностранными евреями, если онѣ, не оставляя отечества, овдовѣютъ или разведутся съ мужьями, имѣютъ право возвратиться въ русское подданство. Дѣти отъ этихъ браковъ, оставшіяся при матеряхъ, могутъ находиться при нихъ во все время малолѣтства, а по достиженіи совершеннолѣтія, имъ предоставляется объявить, желаютъ-ли они принять подданство Россіи, или выѣхать за границу. Теперь эти узаконенія дополнены правилами относительно русскихъ евреекъ, выходящихъ замужъ за евреевъ австрійскихъ, браки которыхъ не признаются австрійскимъ правительствомъ, по совершенію ихъ безъ дозволенія австрійскаго начальства; причемъ Австрія не дозволяетъ ни женамъ, ни дѣтямъ подобныхъ евреевъ переселяться въ ея владѣнія. Новымъ постановленіемъ такимъ еврейкамъ дозволяется оставаться на мѣстахъ ихъ жительства на правахъ иностранокъ и, въ-случаѣ прекращенія брака вслѣдствіе развода или вдовства, возвращаться въ русское подданство. Дѣтямъ, родившимся отъ такихъ браковъ, дозволяется оставаться при матерахъ до совершеннолѣтія, по достиженіи к..ораго, въ-теченіе года, они обязаны или

принять подданство Россіи, или выѣхать за границу. При этомъ дозволено матерямъ, а въ случаѣ ихъ смерти другимъ родственникамъ, зачислять такихъ дѣтей и ранѣе совершеннолѣтія въ составъ семействъ, которымъ по происхожденію принадлежатъ ихъ матери.

Для распространенія большаго образованія между евреями, обученіе дѣтей евреевъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ, объявлено обязательнымъ, причемъ дозволено евреямъ, если они пожелаютъ, учредить на свой счетъ при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ особые для своихъ дѣтей пансіоны. Обучать дѣтей закону вѣры предоставлено евреямъ, по собственному усмотрѣнію, въ училищахъ, или у частныхъ учителей; домашнее же ученіе оставить затѣмъ на прежнемъ основаніи. Домашнимъ учителямъ (меламдамъ), неопороченнымъ въ поведеніи, или законопротивныхъ поступкахъ и незамѣченнымъ въ проявленіи фанатизма, выдаются свидѣтельства для преподаванія; но по истеченіи 10 лѣтъ, выдача такихъ свидѣтельствъ ограничивается только прежними меламдами, а вновь поступающіе могутъ быть опредѣляемы неиначе, какъ если они окончили курсъ въ раввинскихъ училищахъ, или въ общихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Черезъ двадцать лѣтъ меламдами могутъ быть исключительно лица, получившія такое образованіе. Наконецъ, при каждомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ предписано имѣть почетнаго блюстителя изъ евреевъ, болѣе вліятельныхъ и образованныхъ, съ предоставленіемъ имъ заботы о матеріальныхъ удобствахъ училищъ и чтобы ученики посѣщали училища въ свое время. На нихъ возлагается также наблюденіе, чтобы родители не уклонялись отъ образованія своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, а домашніе учители имѣли требуемое образованіе. Кромѣ того, въ талмудъ-торахъ велѣно ввести преподаваніе общихъ предметовъ и причислять ешиботы ко второстепеннымъ училищамъ. Наконецъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ технологическомъ институтѣ учреждается пять пансіонерскихъ вакансій для воспитанниковъ изъ евреевъ. Вакансіи эти будутъ замѣщаемы по-очереди губерніями, въ которыхъ разрѣшено жить евреямъ, причемъ кандидатами избираются воспитанники казенныхъ еврейскихъ училищъ, отличающіеся успѣхами и преимущественно сироты. Расходы на содержаніе воспитанниковъ въ институтѣ отнесены на счетъ коробочнаго сбора губерній, изъ которыхъ назначаются кандидаты.

— Вышло постановленіе, касающееся да увеличенія правъ ссыльно-поселенцевъ. До сего времени имъ дозволялось покупать домы и земли въ мѣстахъ ихъ поселеній, но не на собственное имя, а на имя экспедиціи о ссыльныхъ, причемъ, пользуясь имуществомъ, они не могли его ни продать, ни заложить. Право полной собственности на имущество пріобрѣталось ими только по переходѣ изъ ссыльно-поселенцевъ въ государственные крестьяне. Нынѣ же, въ томъ вниманіи, что существующія ограниченія для пріобрѣтенія ссыльно-поселенцами недвижимыхъ имуществъ препятствуютъ упроченію хо-

зяйственнаго ихъ быта и затрудняютъ правильное ихъ водвореніе, признано полезнымъ предоставить имъ право и прежде перехода въ государственные крестьяне пріобрѣтать, владѣть и распоряжаться недвижимыми имуществами, пріобрѣтая ихъ съ-вѣдома: въ городахъ — мѣстной полиціи, въ волостяхъ — волостнаго начальства. Это правило распространено и на тѣхъ ссыльно-поселенцевъ, которые уже пользуются тѣмъ или другимъ имуществомъ, не имѣя правъ полнаго владѣнія.

— Въ отношеніи правительственныхъ учрежденій сдѣлано нѣсколько важныхъ постановленій. Такъ, для окончательнаго устройства военно-медицинскаго управленія, завѣдываніе военными госпиталями, принадлежавшее прежде коммиссаріатскому департаменту, переходитъ на департаментъ военно-медицинскій, причемъ продовольствіе больныхъ возлагается на послѣдній, закупка же и храненіе госпитальныхъ вещей остается за коммиссаріатомъ. Къ военно-медицинскому департаменту присоединяется и департаментъ казенно-врачебныхъ заготовленій министерства внутреннихъ дѣлъ, со всѣми подвѣдомственными ему мѣстами, т. е. инспекторствами аптекарской части, аптечными магазинами, запасными и рецептурными аптеками, инструментальными заводами, ботаническими учрежденіями, и т. п. Не говоря о пользѣ соединенія однородныхъ учрежденій двухъ вѣдомствъ въ одно управленіе, въ подчиненіи хозяйственной части по продовольствію больныхъ, находящихся въ военныхъ госпиталяхъ, очевидно намѣреніе поставить эту важную часть въ положеніе независимое отъ спекулятивныхъ видовъ госпитальныхъ смотрителей, коммисаровъ, и т. п. Желательно только, чтобы эта мѣра въ сущности столь хорошая, была хорошо примѣняема и въ практикѣ, и чтобы врачи, въ свою очередь, не обратились въ смотрителей и коммисаровъ, что̀ было бы очень-выгодно для нихъ и крайне-невыгодно для больныхъ.

— При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована особая коммисія для начертанія проектовъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами. Для занятія въ этой коммисіи Высочайше повелѣно назначить, кромѣ наиболѣе опытныхъ губернаторовъ, также чиновниковъ губернскаго и уѣздныхъ управленій, которые могутъ быть полезны въ этомъ дѣлѣ.

— Мы говорили въ свое время объ образованіи при константиновскомъ межевомъ и горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтахъ особыхъ классовъ для преподаванія межеванія и таксаціи. Нынѣ вышло положеніе, которымъ окончившимъ курсъ въ этихъ классахъ предоставлены разныя права и преимущества. Такъ происходящимъ изъ состояній, имѣющихъ право на поступленіе въ гражданскую службу, предоставляется полученіе перваго классного чина, смотря

по происхожденію, черезъ три, пять или семь лѣтъ. Затѣмъ они могутъ, по ходатайству министра государственныхъ имуществъ, получать чины до 8-го класса. Лицамъ же, происходящимъ изъ состояній, неимѣющихъ права на поступленіе въ гражданскую службу, предоставляется освобожденіе отъ платежа податей, отъ тѣлеснаго наказанія и отъ рекрутской повинности, на что имъ выдаются въ-теченіе шести лѣтъ временныя свидѣтельства, а по истеченіи этого срока, если они занимались межевымъ дѣломъ, исчисленныя права укрѣпляются за ними навсегда. Если же они будутъ выполнять эти занятія добросовѣстно въ-теченіе десяти лѣтъ, то пріобрѣтаютъ право на полученіе званія личнаго почетнаго гражданства.

По отношенію же къ межеванію вводится по министерству государственныхъ имуществъ еще новая, весьма-полезная мѣра. Для усиленія корпуса межевщиковъ, разрѣшено комплектовать этотъ корпусъ нетолько нынѣ существующимъ порядкомъ, но и посредствомъ пріема межевыми учениками лицъ всѣхъ свободныхъ состояній. При этомъ министру государственныхъ имуществъ предоставлено на межевыхъ учениковъ, межевщиковъ и мѣрщиковъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ распространять различныя преимущества, какъ-то: увеличеніе содержанія, порціонныхъ денегъ во время работъ, увеличеніе окладовъ при продолженіи службы сверхъ срока, назначеніе пенсій, медалей, и т. п.

— Вышло положеніе объ управленіи гражданскими учебными заведеніями въ Западной Сибири. На основаніи его управленіе учебными заведеніями края ввѣряется генерал-губернатору. Для дѣятельнаго надзора за заведеніями и для наблюденія за направленіемъ учебной части, соотвѣтственно видамъ правительства и пользамъ края въ особенности, учреждается при генерал-губернаторѣ должность главнаго инспектора училищъ, который, по дѣламъ учебнымъ, есть въ тоже время членъ совѣта главнаго управленія Западной Сибири. Директоры училищъ, подъ начальствомъ главнаго инспектора, завѣдываютъ какъ подвѣдомственными имъ нынѣ гимназіями, уѣздными и приходскими училищами министерства народнаго просвѣщенія, такъ равно и учебными заведеніями министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, при чемъ директоры о состояніи этихъ послѣднихъ училищъ сообщаютъ, черезъ свое начальство, начальству этихъ заведеній по принадлежности.

— Упомянувъ, что по вѣдомству путей сообщенія, подобно морскому и нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ будетъ назначаема ежегодна особая сумма на воспитаніе дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ этого вѣдомства, мы перейдемъ ко вновь-изданнымъ финансовымъ распоряженіямъ правительства.

Для облегченія во внутреннихъ губерніяхъ обращенія государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ и въ видахъ оживленія кредитныхъ операцій приказовъ общественнаго призрѣнія, непрерывно-доходные билеты допущены къ учету въ приказахъ, кромѣ сто-

личныхъ, на основаніяхъ, согласныхъ съ правилами коммерческаго банка и его конторъ. Въ учетъ принимаются приказами билеты однихъ частныхъ лицъ, какъ именные, такъ и на предъявителя, за исключеніемъ, впрочемъ, выданныхъ на вклады условные, безъ права передачи по уступочной надписи. Въ ссуду подъ залогъ билета выдается четырепятыхъ нарицательной его цѣны (то-есть, по 80 коп. за рубль), причемъ изъ выдаваемой суммы удерживаются въ пользу приказа проценты за весь срокъ займа впередъ, полагая по 50 коп. со ста руб. въ мѣсяцъ. Билеты допускаются къ учету на сроки отъ одного до шести мѣсяцевъ, съ допущеніемъ пересрочки еще на шесть мѣсяцевъ до двухъ разъ. Если кто по миновании срока и въ-теченіе слѣдующаго затѣмъ одного льготнаго мѣсяца заложеннаго билета не выкупитъ и не перезаложитъ, то приказъ отсылаетъ билетъ въ коммисію погашенія долговъ, для продажи по биржевой цѣнѣ. Вырученная сумма идетъ на покрытіе долга, а избытокъ возвращается владѣльцу билета. Деньги для выдачи ссудъ, въ-случаѣ недостатка собственныхъ суммъ, предоставляется приказамъ брать изъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ. Эта новая мѣра въ пользу непрерывно-доходныхъ билетовъ, должно думать, значительно усилитъ ихъ движеніе и привлечетъ бо́льшее число желающихъ вымѣнивать на нихъ свои капиталы, отъ чего до-сихъ-поръ многихъ задерживало опасеніе невозможности размѣнять билетъ въ-случаѣ надобности въ деньгахъ.

— Финляндскому сенату разрѣшено сдѣлать черезъ повѣреннаго, котораго онъ изберетъ, четырехъ-процентный заемъ въ пять милліоновъ р. с., съ ежегоднымъ погашеніемъ тиражемъ двухъ процентовъ займа и съ предоставленіемъ опредѣленія достоинства облигацій, которыя будутъ выпущены для этой цѣли. Заемъ будетъ раздѣленъ на десять серій, въ пятьсотъ р. с. каждая. Вмѣстѣ съ этимъ, облигаціи финляндскаго займа разрѣшено принимать въ залогъ казенными мѣстами имперіи по нарицательной цѣнѣ и къ учету въ коммерческомъ банкѣ, наравнѣ съ четырехъ-процентными билетами коммисіи погашенія долговъ.

— Въ дополненіе къ сообщеннымъ правительственнымъ распоряженіямъ, упомянемъ объ утвержденномъ уставѣ общества для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи. Это общество, которое будетъ состоять подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, преимущественно изъ особъ женскаго пола, имѣетъ цѣлью собирать и сосредоточивать добровольныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ и всякаго рода имуществомъ, для правильнаго ихъ распредѣленія между православными въ Россіи церквами и монастырями, наиболѣе нуждающимися въ такихъ пособіяхъ, за недостаткомъ собственныхъ средствъ. Число членовъ общества неограниченно; каждый членъ обязанъ вносить ежегодно неменѣе 12 р. с. Дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ составляемый изъ избранныхъ изъ среды общества членовъ. Кромѣ

взносовъ отъ членовъ, средства общества будутъ состоять изъ производимыхъ по книжкамъ сборовъ, изъ пожертвованій недвижимыми имуществами, вещами и деньгами.

Предположенія о преобразованіи государственнаго контроля.—Давно ходившіе слухи подтверждаются: готовятся важныя преобразованія по государственному контролю и нѣкоторымъ частямъ финансовой администраціи. Еще въ 1856 г., по мысли Великаго Князя Константина Николаевича, командированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, заграницу дѣйст. ст. сов (нынѣ статсъ-секретарь) Татариновъ, для изученія системъ государственной отчетности, дѣйствующихъ во Франціи, Бельгіи, Пруссіи и Австріи. Въ началѣ 1858 года, Татариновъ возвратился въ Россію, совершенно окончивъ свое порученіе, и составилъ подробныя записки объ общей государственной отчетности означенныхъ четырехъ государствъ и объ отчетности собственно морскаго и военнаго вѣдомствъ во Франціи. Эти работы статсъ-секретаря Татаринова послужили первымъ основаніемъ предположеній о преобразованіи государственной отчетности въ Россіи, представленныхъ государственнымъ контролеромъ во всеподданнѣйшемъ его докладѣ Государю Императору.

Занимаясь вопросомъ о государственной отчетности, г. Татариновъ смотрѣлъ на предметъ этотъ не отдѣльно взятый, но въ связи его съ тѣмъ, что̀ обусловливаетъ правила и формы счетоводства— въ связи съ движеніемъ капиталовъ, что̀, въ свою очередь, зависитъ отъ системы финансовыхъ смѣтъ и устройства кассъ.

Порядокъ и кругъ движенія капиталовъ условливается не одними постоянно-дѣйствующими законами, опредѣляющими источники доходовъ и предметы расходовъ государственныхъ, права̀ лицъ по производству сборовъ и т. п., но также ежегодно издаваемымъ закономъ — государственнымъ бюджетомъ, имѣющимъ цѣлію распредѣлить ожидаемые въ настоящемъ году доходы, или средства по предстоящимъ потребностямъ государства. Средства, какъ и потребности, имѣютъ въ государственномъ хозяйствѣ различное значеніе, подвержены постояннымъ колебаніямъ, почему и необходимо постоянное ихъ обсужденіе и распредѣленіе. Исполненіе же смѣтныхъ назначеній, поступленіе доходовъ и производство расходовъ предполагаетъ существованіе кассъ, въ которыя стекаются доходы и откуда распредѣляются они на покрытіе потребностей — словомъ, извѣстное устройство кассъ. Затѣмъ, для убѣжденія въ правильности этого движенія капиталовъ, необходимо, чтобы оно постоянно оставляло по себѣ слѣдъ (счетоводство), воспроизводилось въ отчетности, представляющей всѣ данныя для повѣрки, и чтобъ отчетность эта, наконецъ, повѣрялась установленіемъ независимымъ и достаточно-сильнымъ для существеннаго надзора.

Такова связь, существующая между системою смѣтъ, организаціею кассъ и устройствомъ счетоводства и ревизіи, и преобразованія, предложенныя государственнымъ контролеромъ ко введенію въ нашу финансовую администрацію, касаются тѣхъ же предметовъ и въ

сущности своей представляютъ: 1) систематическое, однообразное для всѣхъ управленій составленіе, исполненіе и заключеніе финансовыхъ смѣтъ, которыя представляли бы полныя данныя для повѣрки назначеній и для послѣдующей ревизіи оборотовъ; 2) единство кассы и 3) установленіе одной ревизіонной инстанціи, государственнаго контроля, который производилъ бы ревизію по подлиннымъ документамъ, повѣряя при этомъ предписанія по распоряженію капиталами, предварительно уплаты денегъ.

Для обсужденія этихъ началъ, по волѣ Государя Императора, была учреждена особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ гр. Гурьева. Коммисія, по разсмотрѣніи предположеній государственнаго контролера и доставленныхъ по этому предмету мнѣній, единогласно признала необходимость преобразованій на изложенныхъ началахъ. Это заключеніе удостоилось Высочайшаго утвержденія, и, для примѣненія предложенныхъ началъ къ дѣлу, учреждена изъ депутатовъ отъ всѣхъ министерствъ и главноуправленій спеціальная, подъ предсѣдательствомъ статс-секретаря Татаринова, коммисія, которая, рѣшая вопросы коллегіальнымъ порядкомъ, должна свои работы, вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, или, если это будетъ возможно, по мѣрѣ окончанія отдѣльныхъ частей, вносить на разсмотрѣніе и утвержденіе государственнаго совѣта.

Въ такомъ положеніи находится дѣло по преобразованію государственнаго контроля — дѣло, въ высшей степени важное, потому-что здѣсь идетъ вопросъ о замѣнѣ формы дѣла его сущностью. Не вдаваясь въ подробное разъясненіе такой важности, укажемъ на особенность способа разрѣшенія вопроса, посредствомъ публичнаго его обсужденія. Независимо отъ коммисіи, къ этому дѣлу приглашаются всѣ имъ интересующіеся; а чтобъ установить настоящую точку зрѣнія на предстоящія преобразованія, въ «Морскомъ Сборникѣ» будетъ напечатанъ рядъ статей, въ которыхъ излагается сущность дѣла и предлагаются матеріалы, необходимые для правильнаго обсужденія вопроса; какъ-то: обозрѣніе дѣйствующихъ за границею системъ государственной отчетности, существующихъ по этому предмету правилъ въ нашемъ отечествѣ, и т. п. Приглашая публику къ участію въ разрѣшеніи вопроса, названная нами статья, имѣющая полуофиціальный характеръ, такимъ-образомъ объясняетъ побужденія къ этому вызову: «При всякой мѣрѣ чисто-государственной, при введеніи преобразованій, которыя касаются не однѣхъ только формъ, но захватываютъ существенныя стороны администраціи, или народной жизни, весьма-полезно дать дѣлу возможную гласность, ознакомить общество съ духомъ и направленіемъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ и, наконецъ, обсудить мнѣнія нетолько администраторовъ, но и частныхъ лицъ, которыя съ знаніемъ дѣла соединяли бы готовность служить на пользу общую. Такое обсужденіе, знакомя правительство съ огромной массой идей и убѣжденій общества, даетъ ему полную возможность обезпечить успѣхъ принимаемыхъ имъ мѣръ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что успѣхъ этотъ главнѣйше обезпеченъ тогда, когда правительственныя мѣры и способы ихъ исполненія нечужды духу и

сознанію народа, когда онѣ отвѣчаютъ общественнымъ потребностямъ и убѣжденіямъ. Конечно, нерѣдко случается, что принимаемыя вновь государственныя мѣры основываются на началахъ непреложныхъ, уже выработанныхъ наукою, доказанныхъ исторіею и опытомъ другихъ государствъ, но тѣмъ-неменѣе, при *избраніи способовъ примѣненія этихъ началъ къ дѣлу*, всегда полезно собрать и обсудить мнѣнія общества, которое одно въ-состояніи вполнѣ вѣрно высказать свои нужды и потребности, и внести въ дѣло преобрезованія взглядъ многосторонній и практическій. Такимъ характеромъ законодательства поддерживается неразрывная связь народа съ правительствомъ, дающая сему послѣднему особую силу, истекающую изъ народнаго довѣрія; съ другой стороны, связь эта получаетъ особенную крѣпость, если правительство вводитъ общество въ духъ и направленіе своихъ мѣръ, и тѣмъ даетъ ему возможность безошибочно смотрѣть на правительственныя дѣла и виды, и съ полнымъ сознаніемъ способствовать ихъ осуществленію. Наконецъ, нельзя не указать еще на одну полезную сторону возможной гласности въ дѣлѣ серьёзныхъ преобразованій: всякая мѣра, хотя бы и прямо клонящаяся къ общественной пользѣ, но требующая, въ тоже время, ограниченія преимуществъ отдѣльныхъ лицъ и произвола разнаго рода дѣятелей, обыкновенно встрѣчаетъ себѣ противниковъ. Утѣшительно было бы думать, что въ этихъ случаяхъ противодѣйствіе возникаетъ не изъ желанія удержать за собою преимущества, идущія въ разладъ съ общественнымъ благомъ, а отъ неяснаго пониманія сущности принимаемыхъ мѣръ, отъ непривычки подвергать анализу такой порядокъ вещей, авторитетъ котораго основанъ на его давности. Какъ-бы то ни было, но при безгласности дается полная возможность всякому противнику таковыхъ мѣръ судить, можетъ-быть, и добросовѣстно, но тѣмъ-неменѣе ошибочно, виды правительства, а самому, во мракѣ играть роль поборника истины и блага. Гласность освѣщаетъ этотъ мракъ и даетъ полную возможность обществу оцѣнить по достоинству сихъ мнимыхъ поборниковъ истины.

«Эти соображенія казались намъ необходимыми для объясненія повода настоящей статьи о предстоящихъ у насъ преобразованіяхъ по части государственнаго контроля и финансовой администраціи. Какъ ни спеціаленъ этотъ предметъ, но онъ такъ много захватываетъ существенно важныхъ сторонъ администраціи, что не можетъ быть исключенъ изъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія и обсужденія общества. Какъ ни ясны въ-этомъ случаѣ указанія науки и опыта иностранныхъ государствъ, но вопросъ о способахъ примѣненія къ дѣлу удостоенныхъ уже высочайшаго утвержденія коренныхъ началъ, служащихъ основаніемъ сихъ преобразованій, такъ важенъ, что нельзя быть достаточно осторожнымъ въ обсужденіи этихъ способовъ, нельзя не желать выслушать каждаго, кто съ знаніемъ дѣла соединялъ бы желаніе общественной пользы; наконецъ, какъ ни очевидны достигаемые этими преобразованіями благіе результаты, но все-таки находятся лица, смотрящіе на это дѣло съ недовѣріемъ, а

потому небезполезно будетъ, указавъ сущность и значеніе предпринимаемыхъ правительствомъ преобразованій, открыто обсудить приводимые противъ нихъ доводы.» «Надѣясь, что трудъ сей не будетъ оставленъ безъ вниманія (сказано въ концѣ вступленія къ названной статьѣ): мы спѣшимъ заявить, что всякое добросовѣстное обсужденіе и указаніе по предметамъ, относящимся до примѣненія къ дѣлу высочайше-утвержденныхъ началъ предстоящаго преобразованія, будетъ принято съ благодарностію; а всякій вопросъ или недоумѣніе, возбужденныя настоящимъ изложеніемъ, разъяснены будутъ съ полною готовностію тѣмъ же гласнымъ, печатнымъ путемъ.»—Такое мнѣніе о пользѣ и значеніи гласности въ дѣлѣ государственныхъ преобразованій, такое приглашеніе всего общества къ участію въ обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію правительства—заслуживаетъ полнаго уваженія, сочувствія и подражанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣра правительства, предпринимаемая на пользу общества, окажется дѣйствительно-полезною въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ прямо удовлетворять насущнымъ потребностямъ общества, когда и общество и исполнители этой мѣры будутъ понимать ея сущность, побужденія, ее вызвавшія, и послѣдствія, отъ нея ожидаемыя, когда эта мѣра выростетъ на почвѣ общественныхъ нуждъ. Всего этого можно достигнуть только на условіи — сознательнаго участія общества въ созданіи извѣстной мѣры, извѣстнаго преобразованія.

Отчетъ комитета о раненыхъ за 1858 годъ. — По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь извлеченія изъ отчета комитета о раненыхъ за прошлый годъ. Отчетъ этотъ дѣлится на четыре отдѣленія: въ *первомъ* говорится о распоряженіяхъ комитета въ-отношеніи находящихся на попеченіи его генераловъ, штабъ и обер-офицеровъ; *во второмъ*, о помощи оказанной родителямъ, вдовамъ и сиротамъ воиновъ, убитыхъ въ сраженіяхъ и умершихъ отъ ранъ; *въ третьемъ* — объ инвалидахъ; *въ четвертомъ* — о капиталахъ комитета вообще.

Изъ перваго отдѣленія отчета мы узнаемъ, что въ-теченіе 1858 г. на разсмотрѣніи комитета было 85 просьбъ генераловъ, 689 штабъ и 1701 обер-офицеровъ. По этимъ просьбамъ приняты въ кандидаты *для* опредѣленія въ должности 30 штабъ и 99 обер-офицеровъ, опредѣлены къ должностямъ 11 штабъ и 99 обер-офицеровъ, приняты въ богадѣльни 4 обер-офицера, назначены вновь и возобновлены пенсіи 8 генераламъ, 49 штабъ и 136 обер-офицерамъ; ассигновано пособій изъ инвалиднаго и другихъ капиталовъ 34 генераламъ, 180 штабъ и 317 обер-офицерамъ.

Относительно *родителей, вдовъ и сиротъ воиновъ, убитыхъ въ сраженіяхъ и умершихъ отъ ранъ*, мы узнаемъ, что вслѣдствіе 695 просьбъ, поданныхъ этими лицами, выданы пособія 77 лицамъ, удостоено пенсій 92, въ томъ числѣ одна—дочь офицера, за собственную службу въ минувшую войну; назначены пособія 292-мъ лицамъ, наконецъ, принято на воспитаніе: въ корпуса и гражданскія учебныя

заведенія 26, дѣвицъ въ патріотическій институтъ 80, зачислено въ кандидатки того же института 24.

Инвалидовъ—получающихъ пенсіоны, въ 1858 г. было 8565 чел., принято въ 1858 г. вновь въ пенсіонеры 439, и за убылью 292 человѣкъ, къ текущему году общее число находящихся на попеченіи комитета составляло 8712 чел. Единовременныя пособія назначены 859 нижнимъ чинамъ; помѣщено въ богадѣльни 174. Дочерямъ, вдовамъ и сиротамъ нижнихъ чиновъ 70 лицамъ. Удостоено къ пенсіонамъ изъ инвалиднаго капитала 317 нижнихъ чиновъ.

Капиталы, состоящіе въ вѣдѣніи комитета, къ 1859 году составляли 7,277,145 р. 66¼ коп. с. Капиталы эти различныхъ наименованій: 1) общій инвалидный; 2) капиталъ отъ неизвѣстнаго, 5-го апрѣля 1855 г.; 3) капиталъ въ пользу чиновъ морскаго вѣдомства; 4) въ пользу чиновъ кавказской арміи; 5) николаевской чесменской богадѣльни; 6) николаевской измайловской военной богадѣльни; 7) капиталъ тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ въ честь гвардейскаго корпуса. 8) капиталъ, опредѣленный на содержаніе памятниковъ отечественной войны; 9) Всемилостивѣйше пожалованный Государынею Императрицею Маріею Феодоровною, для выдачи процентовъ дочерямъ нижнихъ чиновъ полковъ лейб-гвардіи; 10) д. т. гов. графа Румянцова; 11) его же, въ пользу вдовъ и сиротъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка генерал-фельдмаршала гр. Румянцова-Задунайскаго; 12) пожертвованный д. т. с. гр. Румянцовымъ для выдачи процентовъ съ капитала пенсіонеру Кайнарджинскому; 13) пожертвованный супругою егермейстера, кн. Голицыною, въ память ея родителя, генерал-фельдмаршала кн. Прозоровскаго; 14) генерал-фельдмаршала гр. Дибича-Забалканскаго; 15) генерал-фельдмаршала кн. Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго; 16) состоявшаго въ должности егермейстера Демидова; 17) инженер-генерала Лехнера; 18) генерал-майора Энегольма, для выдачи процентовъ одному изъ бѣдныхъ кадетъ, ежегодно выпускаемыхъ изъ корпусовъ въ офицеры; 19) свиты его величества генерал-майора кн. Орлова; 20) штаб-ротмистра Нарышкина; 21) надворнаго совѣтника Егорова—для семействъ нижнихъ чиновъ; 22) с. петербургскаго нѣмецкаго танцовальнаго общества, на воспитаніе сиротъ убитыхъ воинскихъ чиновъ въ кампаніи противъ Венгровъ; 23) съ маіората полковника Несмѣлоева и съ крестьянъ бывшихъ гр. Румянцова, на содержаніе инвалидовъ; 24) принадлежащій дочерямъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ офицеровъ.

Не касаясь прочихъ капиталовъ, самое названіе которыхъ уже показываетъ ихъ назначеніе, мы остановимся только на капиталахъ —общемъ инвалидномъ и богадѣленскихъ, которые составляютъ болѣе половины всей массы инвалидныхъ суммъ. Общій инвалидный капиталъ къ 1858 г. составлялъ 4,136 432 р. 95¾ к., въ 1858 г. поступило 710,596 р. 41½ к., а всего въ приходѣ 4,847,029 р. 37¼ к.; изъ нихъ израсходовано 713,409 р. 41 к., затѣмъ въ остаткѣ 4,133,619 р. 96¾ к.

Кромѣ процентовъ съ капитала, главнѣйшія статьи текущаго до-

хода по общему инвалидному капиталу заключаются въ вычетахъ съ пожалованныхъ единовременныхъ награжденій, пособій, съ корабельныхъ аксиденцій, съ ссудъ, арендъ и столовыхъ денегъ — 413,145 р. 91 к.; за пожалованныя медали, ордена, орденскіе бриллiантовые знаки, бриллiантовыя вещи и подарки—49,275 р. 60 к., съ публичныхъ зрѣлищъ въ пользу инвалидовъ 13,042 р. 48¾ к., съ заграничныхъ паспортовъ 32,238 р. 10 к. и т. д. Главнѣйшіе расходы, дѣлаемые изъ этихъ капиталовъ, заключаются въ пенсіонахъ—559,466 р. 18¼ к., единовременныхъ пособіяхъ 35,708 р. 60 к., содержаніи въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ дѣтей офицеровъ 25,376 р. 16½ к. и т. п. Доходъ отъ изданія газеты «*Русскій Инвалидъ*», поступающій также въ общій инвалидный капиталъ, составлялъ въ минувшемъ году 26,439 р. 86¾ к., изъ этой суммы израсходовано: на самое изданіе газеты 18,744 р. 59 к; на содержаніе редакціи— 4,579 р. 28 к., чинамъ редакціи въ награду, на счетъ прибылей отъ изданія газеты въ 1857 г., 1900 р., а всего 25,223 р. 87 к. Такимъ образомъ, прибыль отъ изданія «Инвалида» въ 1858 г. составляетъ *только* 1215 р. 99¾ к. с.

Что касается до военныхъ богадѣлень, то обороты капиталовъ по этимъ учрежденіямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: по Николаевской чесменской богадѣльнѣ (въ Петербургѣ) приходъ 1858 года составлялъ 784,409 р. 59¾ к. (въ томъ числѣ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ 720,350 р. 7¼ к.) расходъ 37,599 р. 83¾ к.; по *Николаевской измайловской богадѣльнѣ* (въ Москвѣ) — приходъ 824,645 р. 73¼ (въ томъ числѣ прежнихъ остатковъ 711,514 р. 26½ к.), расходъ 52,208 р. 60 к. Кромѣ процентовъ съ капиталовъ, важныя статьи доходовъ той и другой богодельни составляютъ пожертвованія купечества и другихъ городскихъ сословій. Петербургское купечество въ минувшемъ году пожертвовало въ пользу чесменской богадѣльни 12,000 р., московское городское общество въ пользу измайловской богадѣльни 20,500 р. Кромѣ-того, московскіе граждане, вмѣстѣ съ военными и гражданскими чинами управленія и канцеляріи московскаго военнаго генерал-губернатора, пожертвовали 30,930 р. на содержаніе, изъ процентовъ, инвалидовъ подъ названіемъ *пенсіонеровъ генерал-адъютанта графа Закревскаго.*

Капиталы другихъ названій инвалиднаго вѣдомства заключаются преимущественно въ сдѣланныхъ единовременно взносахъ, проценты съ которыхъ и употребляются согласно назначенію. По многимъ капиталамъ, впрочемъ, такого рода доходы издерживаются невполнѣ. Такъ, напримѣръ, процентовъ съ капитала, пожертвованнаго неизвѣстнымъ 5 апрѣля 1855 года, было 18,061 р. 5 к., израсходовано же на пособія семействамъ убитыхъ, раненыхъ и т. п. только 14,586 р 99 к.; процентовъ съ капитала гр. Румянцова было получено 3054 р. 52 к., выписано въ расходъ на пенсіоны инвалидовъ только 1676 р. 80 к. По нѣкоторымъ же капиталамъ, какъ, напримѣръ, инженерал-генерала Лехнера, генерал-маіора Энегольма—расходовъ въ 1858 г. не было сдѣлано никакихъ.

Собранія ученыхъ и новое музыкальное общество. — 5 іюня было публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, въ которомъ прочтенъ отчетъ о двадцать-восьмомъ присужденіи демидовскихъ наградъ.

Изъ представленныхъ на состязаніе сочиненій получили: *полную премію въ 1428 р. с.* — сочиненіе г. Максимовича *Primitiae Florae Amurensis*; *половинную премію въ 714 р. с.* — А. Н. Савича *Приложеніе теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій* и пр.; И. С. Аксакова — *О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ*; G von Brevern — *Studien zur Geschichte Liv-Ehst-und Kurlands*; Гг. Меглицкаго и Антипова 2-го — *Геогностическое описаніе южной части Уральскаго Хребта*; М. С. Куторги — *Персидскія войны*; Рогова — *Опытъ грамматики пермяцкаго языка*; П. С. Савельева — *Монеты джучидовъ и другія золотой орды*; Архимандрита Саввы — *Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы и библіотеки*.

Почетнаго отзыва, за недостаткомъ премій, признаны достойными три сочиненія: г. Рожкова — *О гидравлическомъ горнозаводскомъ хозяйствѣ*; Richter — *Geschichte der Ostseeprovinzen*; г. Лешкова — *Русскій народъ и государство*.

Кромѣ академиковъ, въ обсужденіи представленныхъ на конкурсъ сочиненій участвовали: приват-доцентъ дерптскаго университета, докторъ Ширренъ; профессоръ московскаго университета, докторъ медицины Кохъ; профессоръ университета св. Владиміра Н. Х. Бунге и подполковникъ корпуса горныхъ инженеровъ П. А. Олышевъ. Всѣмъ этимъ лицамъ присуждены установленныя золотыя медали.

— Собранія ученыхъ обществъ, по обыкновенію, прекратились на время лѣта. Однимъ изъ послѣднихъ засѣданій было собраніе общества археологическаго, въ память недавно умершаго члена его П. С. Савельева. Въ этомъ засѣданіи, въ которое были приглашены и ближайшіе родственники покойнаго, секретарь общества Д. В. Полѣновъ прочелъ записку о дѣятельности Савельева по археологическому обществу, а управляющій отдѣленіемъ русской и славянской археологіи И. И. Срезневскій произнесъ рѣчь, въ которой разсматривалъ значеніе Савельева, какъ русскаго ученаго. Въ этомъ же засѣданіи положено составить возможно-подробную біографію покойнаго, съ оцѣнкою его трудовъ.

— Между-тѣмъ, какъ археологическое общество собиралось на торжество печальное, члены статистическаго комитета, образованнаго недавно при географическомъ обществѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами крестьянскаго комитета собрались въ концѣ прошлаго мѣсяца, чтобъ привѣтствовать недавно прибывшаго въ Петербургъ извѣстнаго американскаго политика-эконома *Керри*. По обычаю, соблюдаемому нетолько въ гостепріимной Россіи, но и въ другихъ странахъ, въ честь почетнаго гостя былъ устроенъ обѣдъ. За обѣдомъ произнесены и гостемъ и хозяевами полные мысли и значенія спичи, провозглашены искренніе тосты, одушевленные общими стремленіями, общими интересами присутствующихъ.

Къ обществамъ ученымъ и экономическимъ въ Петербургѣ присоединяется новое общество, посвященное искусству. Недавно утвержденъ уставъ *русскаго музыкальнаго общества*. Цѣль его заключается въ развитіи музыкальнаго образованія и вкуса въ музыкѣ въ Россіи и поощреніи отечественныхъ талантовъ. Для достиженія такой цѣли общество будетъ исполнять, въ возможномъ совершенствѣ, лучшія произведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ-то: симфоніи, увертюры, квартеты, тріо и пр., доставлять отечественнымъ композиторомъ возможность слышать свои произведенія въ возможно-совершенномъ исполненіи, назначать конкурсы для музыкальныхъ сочиненій и отличавшимся выдавать медали и похвальные листы, а при развитіи своихъ средствъ и другія преміи; посылать за границу, для усовершенствованія, печатать на свой счетъ музыкальныя сочиненія, по взаимному соглашенію съ авторами, и т. п. Для доставленія желающимъ заниматься музыкою возможныхъ къ тому средствъ, при обществѣ находится музыкальная библютека выписываются музыкальные газеты и журналы. Въ числѣ правъ общества находится право выбивать медали въ честь знаменитыхъ русскихъ музыкантовъ, по испрошеніи на то предварительно высочайшаго соизволенія.

Членами общества могутъ быть лица обоего пола, внося ежегодно по 15 р. с. и пользуются за то, между-прочимъ, правомъ быть на десяти симфоническихъ вечерахъ общества. Лица, вносящія единовременно 1000 р. с., или обязавшіяся платить ежегодно по 100 р. с., получаютъ званіе почетныхъ членовъ и пріобрѣтаютъ право посѣщать всѣ музыкальныя собранія общества. Хозяйственною и техническою частію занятій общества завѣдуетъ особый комитетъ, состоящій изъ пяти директоровъ.

Сообщая извѣстіе о новомъ обществѣ, мы считаемъ излишнимъ прибавлять что-нибудь о его пользѣ и значеніи: дѣло здѣсь говоритъ само за себя. Несмотря на то, что Россію, при всей малоразвитости въ ней образованія вообще, нельзя никакъ упрекнуть въ недостаткѣ привязанности къ музыкѣ, выражающейся и въ изящномъ исполненіи любителями и любительницами классическихъ произведеній, и въ простой, монотонной, заунывной пѣсни селянина, такъ часто-звучащей и въ минуты тяжелаго труда, и въ минуты скорбнаго веселья, несмотря на все это, едва ли гдѣ-нибудь такъ мало средствъ, къ распространенію музыкальнаго образованія, къ распространенію музыкальнаго вкуса, какъ у насъ. Кромѣ классовъ музыки и пѣнія при театральномъ училищѣ въ Петербургѣ, двухъ трехъ обществъ для пѣнія, составленныхъ преимущественно изъ нѣмцевъ; концертовъ студентовъ петербургскаго университета, у насъ нѣтъ ни училищъ, ни консерваторій, къ которымъ бы могъ обратиться человѣкъ, жаждущій музыкальныхъ знаній и неимѣющій средствъ платить за пріобрѣтеніе ихъ учителямъ. Какъ часто каждому, безъ сомнѣнія, случалось среди толпы, окружающей заикающуюся шарманку, или хриплый оркестръ, видѣть — ребенка или взрослаго, жадно прислушивающихся къ звукамъ музыки; какъ часто, проходя по улицѣ, случалось видѣть при-

слонявшагося къ стѣнѣ бѣдняка, который жадно внималъ несущимся изъ дома звукамъ фортепьяно... Но еслибы этимъ людямъ вздумалось самимъ поучиться музыкѣ — къ кому и къ чему они могутъ обратиться?!. И вотъ такимъ-образомъ гибнетъ много талантовъ. Конечно, тамъ, гдѣ большие половины народонаселенія не знаетъ грамоты, было бы странно требовать, чтобъ въ каждомъ городѣ были консерваторіи, музыкальныя училища и т. п.; но тѣмъ-неменѣе, можно желать, чтобъ подобнаго рода учрежденіе было не одно на цѣлое государство, но чтобъ они устроивались въ главнѣйшихъ городахъ, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама природа, такъ-сказать, одаряетъ жителей особенными музыкальными средствами, какъ напр. въ Малороссіи. Малороссіяне извѣстны своими прекрасными голосами, а между-тѣмъ проектъ объ учрежденіи въ атомъ краѣ консерваторіи, существовавшій еще во время императрицы Екатерины II, и до-сихъ-поръ остается проектомъ. Надобно думать, что новое музыкальное общество будетъ нетолько поощрять таланты развитые и образованные, но и давать средства къ такому развитію, и, при усиленіи своихъ матеріальныхъ способовъ, постарается распространить музыкальное образованіе, устроивъ консерваторіи и училища для безплатнаго преподаванія музыки. Для этого, впрочемъ, нужны не столько большія средства, сколько любовь и преданность къ дѣлу...

Учебныя заведенія.—Мѣсяцы май и іюнь—мѣсяцы торжественныхъ актовъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ это время въ Петербургѣ происходили торжественные акты въ гимназіяхъ, лицеѣ, училищѣ правовѣдѣнія и другихъ учрежденіяхъ, на которыхъ, по обыкновенію, читались отчеты, произносились рѣчи, раздавались чины и награды, и пр. и пр. Не останавливаясь на актахъ гимназическихъ и училища правовѣдѣнія, изъ котораго выпущено въ нынѣшнемъ году 29 воспитанниковъ и въ томъ числѣ 19 съ чиномъ титулярнаго совѣтника, соотвѣтствующимъ ученой степени магистра, мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ рѣчи, произнесенной на актѣ лицея профессоромъ русской словесности Я. К. Гротомъ. Нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи было бы полезно выслушать нетолько лицеистамъ, но и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній. Бросивъ взглядъ на характеръ современнаго общества и, какъ выраженіе этого характера—на литературу, г. Гротъ, говоритъ, что хотя сознаніе существующихъ въ обществѣ недостатковъ дѣло важное, но между сознаніемъ и дѣятельностью въ духѣ этого сознанія разстояніе огромное. Чтобъ уничтожить этотъ промежутокъ мало порицать недостатки другихъ, но нужно слѣдить за самимъ собою, уничтожая въ себѣ тѣ едва замѣтные ростки, которые способны дойти до огромныхъ размѣровъ и которые такъ свойственны почвѣ общества молодаго, неуспѣвшаго усвоить вполнѣ сущность просвѣщенія. «Естественно, что въ глазахъ такого общества все *кажущееся* имѣетъ болѣе значенія, нежели *дѣйствительное*. Почти общая у насъ забота не *быть* въ-самомъ-дѣлѣ, а только *казаться* тѣмъ, или другимъ. Въ этомъ стремленіи заключается уже неправда, отражающаяся во

всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта: и въ воспитаніи, и въ государственной службѣ, и въ общежитіи. Молодаго человѣка воспитываютъ по бо́льшей части не для того, чтобъ онъ дѣйствительно сдѣлался знающимъ и образованнымъ, а для того, чтобъ онъ казался такимъ на столько, на сколько это нужно для пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ и положенія въ свѣтѣ. Въ такомъ духѣ, къ–сожалѣнію, и самое молодое поколѣніе привыкаетъ смотрѣть на задачу своего воспитанія. Оттого, вообще говоря, въ нашемъ обществѣ рѣдки *люди*: русская нація, по даровитости своей, даетъ государству множество способныхъ чиновниковъ и вообще ловкихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ; но, повторяю, она образуетъ, сравнительно, слишкомъ–мало людей, какъ моральныхъ личностей, вполнѣ развитыхъ, усвоившихъ себѣ твердое убѣжденіе и спеціально–приготовленныхъ для избранной каждымъ дѣятельности. У насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ молодыхъ обществахъ, какъ–то легко смотрятъ на жизнь и на ея требованія; мы всѣ очень дорожимъ своими пра́вами и твердо знаемъ ихъ, но о своихъ обязанностяхъ заботятся немногіе изъ насъ. Мы очень уважаемъ богатство, почести, блескъ всякаго рода, но мало обращаемъ вниманія на скромное достоинство, и когда случайно гдѣ–нибудь его откроемъ, то рѣдко умѣемъ, или хотимъ отличить его, потому–что находимъ для себя полезнѣе поддерживать интересы другаго рода, или боимся уронить себя въ глазахъ свѣта, который кумиромъ своимъ ставитъ успѣхъ. Скажу болѣе: ка́къ часто человѣкъ, извѣстный своею слишкомъ–нестрогою нравственностью, своею недобросовѣстностью, или неспособностью, пользуется въ обществѣ величайшимъ почетомъ, вниманіемъ и знаками безусловнаго уваженія, потому только, что онъ, по какой–то ошибкѣ судьбы, осыпанъ ея ласками: онъ богатъ, знатенъ, живетъ въ высшемъ кругу и, можетъ–быть, еще къ бо́льшему усиленію его вліянія, занимаетъ значительное мѣсто. И, напротивъ, ка́къ часто рядомъ съ нимъ, честный гражданинъ, уже пріобрѣтшій нѣкоторыя заслуги предъ обществомъ, встрѣчаетъ со стороны его нетолько равнодушіе, но даже оскорбительное презрѣніе, потому–что онъ не выдвигается изъ толпы своею внѣшнею обстановкой, да и не употребляетъ никакихъ особенныхъ усилій, чтобъ выставить себя насчетъ другихъ. Вы можете возразить мнѣ, что это явленіе повторяется во всякомъ человѣческомъ обществѣ и нисколько неисключительно принадлежитъ нашему быту. Отвѣчаю: степень, въ какой общество обнаруживаетъ такую слабость человѣческой природы, означаетъ и степень развитія, на которой оно находится, и повѣрьте мнѣ, что чѣмъ глубже, истиннѣе и общѣе образованность государства, тѣмъ болѣе въ немъ уважается внутреннее достоинство, помимо всякихъ внѣшнихъ отличій, тѣмъ болѣе въ немъ подвергается нареканію и позору лицо, неоправдывающее честностью и благородствомъ своихъ правилъ и дѣйствій видное мѣсто, которое выпало на долю его. Сдѣланное сейчасъ замѣчаніе приводитъ насъ къ несовершенству, наиболѣе распространенному въ обществѣ малоразвитомъ: разумѣю нѣкоторый недостатокъ честности въ пониманіи

своего долга. Это зло зарождается еще на школьной скамьѣ, когда въ томъ, или другомъ учащемся нѣтъ убѣжденія въ пользѣ и необходимости труда, и онъ старается лживыми средствами похитить награду трудолюбія. Но не тотъ ли же недостатокъ честности должно признать и въ человѣкѣ, который въ государственной службѣ видитъ только средство къ своему собственному возвышенію, и въ отличіяхъ, которыя она приноситъ, видитъ не возмездіе за особыя заслуги, а какъ-бы обычную и условленную плату, которую государство обязалось выдавать поочередно всякому служащему? Сколько есть людей, весьма-мало трудящихся по службѣ и между-тѣмъ безпрестанно жалующихся, что они обижены, что другіе—ихъ сверстники — гораздо-счастливѣе! Мы смотримъ на счастіе этого рода, какъ на должную дань службы, независимо отъ нашихъ заслугъ, и недовольны судьбою, когда обманемся въ своихъ разсчетахъ. Спрашиваю: честно-ли, разумно-ли это, сообразно-ли оно съ понятіями зрѣлаго общества?... Взглянемъ на себя теперь съ другой стороны. Произволъ и самовластіе, попирающіе законъ, возбуждаютъ въ насъ справедливое негодованіе; но непричастны ли мы сами этому злу въ болѣе-мелкихъ его проявленіяхъ, въ нашемъ вседневномъ обращеніи съ низшими, въ домашнемъ и служебномъ быту? Правда, нельзя не согласиться, что наше общество въ послѣднее время оказало замѣтный успѣхъ въ этомъ отношеніи... Но эта перемѣна далеко еще не сдѣлалась общею; едва-ли она не ограничивается досихъ-поръ нѣкоторою частью нашего общества, да и тамъ нерѣдко гуманность болѣе уважается изъ приличія и для виду, нежели дѣйствительно соблюдается, какъ неизмѣнный законъ во всѣхъ гражданскихъ сношеніяхъ; она еще не проникла во всѣ закоулки нашего семейнаго и домашняго, а особенно служебнаго быта, и тамъ, гдѣ за нами не слѣдитъ зоркое око общественнаго мнѣнія, ка́къ охотно мы предаемся старымъ, закоренѣлымъ привычкамъ, ка́къ легко становимся притѣснителями въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ.»—«Вообще какъ всегда, такъ и, особенно, въ настоящее время, каждый членъ общества долженъ всего болѣе заботиться о томъ, чтобъ наилучшимъ образомъ *выполнять свое дѣло*. Въ такую эпоху, когда у всѣхъ встрепенулась мысль, когда явилось сознаніе въ стародавнихъ заблужденіяхъ и чувство новыхъ потребностей, естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась охота высказываться, и *слово* какъ будто взяло перевѣсъ надъ *дѣломъ*: всѣ заговорили о томъ, что́ было, и о томъ, чему слѣдуетъ быть. Но подобное увлеченіе не должно быть слишкомъ-продолжительнымъ; раскрывъ свои недостатки, перестанемъ довольствоваться одними словами и приступимъ къ самому дѣлу; мало отрекаться отъ стараго, на мѣсто его надо созидать новое. Но что́ же мы будемъ дѣлать? Гдѣ каждый найдетъ для себя подвигъ, достойный горячихъ стремленій и усилій?... Милостивые государи, зачѣмъ искать подвиговъ? Въ этомъ-то исканіи и заключается величайшее заблужденіе. Подвиги представляются сами собой тому, кто призванъ къ нимъ обстоятельствами, или своимъ положеніемъ. Но лучшій, самый трудный и вмѣстѣ самый доступный

для всякаго подвигъ — есть совѣстливое и спокойное исполненіе долга въ томъ кругѣ дѣятельности, какой кому достался въ удѣлъ. Пусть только каждый трудится на своемъ поприщѣ ежедневно, неутомимо, съ веселымъ духомъ, не мудрствуя лукаво, и помнитъ, что важна не его отдѣльная дѣятельность, а сумма всѣхъ дѣятельностей, направленныхъ къ одной цѣли—общему благу. Пусть каждый трудится не для виду и личной корысти, а для истины и самого дѣла, твердо вѣря, что все, совершенное въ духѣ правды, какъ-бы незначительно оно ни казалось въ настоящемъ, переживетъ насъ и останется добрымъ сѣменемъ для будущаго. Пусть каждый, по мѣрѣ силъ своихъ, въ тишинѣ пользуется всякимъ случаемъ къ ослабленію тѣхъ ложныхъ началъ, на которыя я указалъ вамъ. Поймемъ, что и самыя блестящія способности не приносятъ плода и пропадаютъ безслѣдно, если онѣ проявляются въ однихъ неясныхъ стремленіяхъ, въ недовольствѣ собой и всѣмъ окружающимъ, или обнаруживаются только вспышками и порывами, непереходящими въ постоянную и ровную дѣятельность. При этихъ простыхъ убѣжденіяхъ мы всѣ сдѣлаемся дѣятельными, полезными членами общества, и насъ уже не упрекнутъ въ томъ, что мы болѣе говоримъ, нежели дѣйствуемъ.» — Желательно, чтобъ оканчивающіе и окончившіе курсы въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣдовали совѣту г. Грота: чтобъ они трудились не ради чиновъ и внѣшнихъ отличій, но для пользы общества, чтобъ ни фарисействовали въ трудѣ и не загребали жаръ чужими руками; чтобъ они не преклонялись передъ внѣшностью, не думая о сущности предмета; чтобъ не искали великихъ подвиговъ, а честно несли принятыя на себя обязанности и чтобъ были гуманны не на словахъ только, не на подмосткахъ общественной жизни, а всегда и вездѣ, и, восхваляя правду, не преслѣдовали тѣхъ, кто ее высказываетъ, подобно тому, какъ еще недавно это сдѣлалъ одинъ вице-губернаторъ изъ правовѣдовъ, о чемъ въ своё время мы говорили въ «Хроникѣ.»

— Въ то время, какъ въ Петербургѣ разсуждаютъ о необходимости и о скоромъ открытіи воскресныхъ классовъ для ремесленниковъ, въ Петербургѣ же открыты такіе классы для дѣтей всѣхъ состояній, частными, небольшими средствами. Учрежденіе это обязано своимъ существованіемъ г-жѣ *Шпилевской*. Вслѣдъ за этимъ добрымъ примѣромъ и посреди толковъ объ открытіи классовъ въ большихъ размѣрахъ, уѣздный учитель Екатеринослава, г. *Панченко*, открываетъ такіе классы для мѣстныхъ ремесленниковъ и людей торговыхъ. Въ классахъ этихъ г. Панченко и товарищи его по службѣ, гг. Гассаненко и Таракановъ, будутъ преподавать чтеніе и письмо, законъ божій и ариѳметику. Классы будутъ помѣщаться въ уѣздномъ училищѣ; время ихъ: лѣтомъ отъ 4 до 6, а зимой отъ $2^1/_2$ до 4 часовъ пополудни. Учебные матеріалы ученики приносятъ свои, или будутъ снабжены благотворителями.

— Въ видахъ образованія торговаго и ремесленнаго классовъ, въ Ригѣ составленъ проектъ объ открытіи тамъ «центральнаго училища

ремеслъ и торговли». Изъ брошюры, изданной по этому поводу рижскимъ биржевымъ комитетомъ, видно, что проектируемое учрежденіе будетъ по курсу наукъ равняться среднимъ политехническимъ школамъ Германіи, какъ-то: дрезденской, штутгардской, дармштадской и др. Кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, какъ-то: закона божія, естественныхъ наукъ, физики, химіи, политической экономіи и математики, въ курсъ училища войдутъ предметы, относящіеся къ кругу дѣйствій фабрикантовъ, строителей машинъ, архитекторовъ, инженеровъ, сельскихъ хозяевъ и пр. Изъ языковъ будутъ преподаваемы русскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Для мастеровыхъ учениковъ предполагается устроить особый курсъ, въ которомъ имъ, во время шести зимнихъ мѣсяцевъ, еженедѣльно будетъ преподано по 12 уроковъ въ языкахъ и коммерческихъ наукахъ. Издержки по заведенію предполагаютъ покрыть частію изъ дѣлаемыхъ учениками взносовъ (120 р. за годъ и 25 р. за зимній курсъ), частію изъ другихъ источниковъ. Биржевое купечество, съ своей стороны, обязалось вносить въ пользу этого учрежденія ежегодно по 5000 р. с. Хотя открытіе подобнаго заведенія и окажетъ преимущественное вліяніе на Остзейскій Край и только нѣкоторое значеніе можетъ имѣть на русскихъ торговцевъ и ремесленниковъ, изъ которыхъ послѣдніе, по всей вѣроятности, даже вовсе не будутъ непосредственно пользоваться его выгодами, такъ-какъ самое преподаваніе въ училищѣ будетъ происходить на нѣмецкомъ языкѣ — тѣмъ-неменѣе мы съ искреннимъ удовольствіемъ заносимъ это извѣстіе въ нашу хронику. Можетъ-быть, съ легкой руки Риги, ремесленныя учебныя заведенія откроются и въ другихъ концахъ Россіи. До-сихъ-поръ такихъ учрежденій очень-мало и мы можемъ указать только развѣ на два главныя: технологическій институтъ въ Петербургѣ и ремесленное училище въ Москвѣ. По неимѣнію подъ рукою точныхъ данныхъ, касающихся до этихъ заведеній, нельзя сказать ничего положительнаго о степени пользы, приносимой ими русской промышлености. Но если основывать сужденія на слухахъ и частныхъ мнѣніяхъ о технологическомъ институтѣ, то они будутъ, кажется, не въ его пользу. Можетъ-быть, нѣкоторыя преобразованія послѣдняго времени, сдѣланныя въ институтѣ, окажутъ или оказываютъ уже благодѣтельные результаты, но еще неочень-давно фабриканты и заводчики были неслишкомъ-довѣрчивы къ воспитанникамъ института. Говорили даже, что многіе нерасстававшіеся въ заведеніи съ петлицами (знакъ институтскаго отличія) и получившіе затѣмъ званіе механиковъ, на практикѣ оказывались дѣятелями крайне-плохими и, перемѣнивъ рядъ мѣстъ на фабрикахъ, бросали свою спеціальность и дѣлались торговцами, конторщиками и т. п. Увѣряли даже, что къ ограниченнымъ знаніямъ техническимъ присоединялась и недостаточность силъ нравственныхъ, недостаточность твердости убѣжденій, которыя помогаютъ человѣку рѣшительнѣе идти къ цѣли и не унывать передъ неудачей. Да не забудетъ читатель, что мы передаемъ не факты, а слухи, и будемъ искренне рады, если наши свѣдѣнія опровергнутся положительными данными. Желая во всемъ полной истины, мы позволяемъ себѣ откровенно передавать и слухи, и мнѣнія, существующія о томъ

или другомъ предметѣ. Нѣтъ ничего вреднѣе невысказанныхъ сомнѣній, сдержаннаго упрека: то и другое пораждаетъ ложь и неестественность положенія. А мы не хотимъ такого положенія... Противъ только-что высказаннаго мнѣнія о технологическомъ институтѣ обыкновенно приводятъ факты въ родѣ того, что одинъ изъ воспитанниковъ института составилъ себѣ состояніе какимъ-нибудь изобрѣтеніемъ, другой получилъ блестящее мѣсто по своей спеціальности въ самой промышленной странѣ, и проч. и проч.; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что эти доказательства ничего не доказываютъ. Способные, предпріимчивые люди и безъ всякаго образованія, безъ грамоты даже, дѣлаютъ успѣшно свои дѣла, наживаютъ имя и состояніе. Начиная съ Кулибина, у насъ былъ цѣлый рядъ механиковъ-самоучекъ—но что́ же это доказываетъ?... Каждое заведеніе можетъ гордиться тѣмъ, что въ немъ воспитывался тотъ, или другой замѣчательный человѣкъ, но не можетъ сказать, что благодаря ему только образовался такой человѣкъ. Не исключеніями, не особенно-талантливыми натурами можетъ гордиться учебное учрежденіе, а общимъ результатомъ своей дѣятельности, образованіемъ массы людей полезныхъ. Много ли такихъ людей вышло изъ технологическаго института? вотъ вопросъ, который интересуетъ, кажется, и самое начальство института. Года два назадъ, по-крайней-мѣрѣ, оно черезъ газеты просило дать знать о настоящихъ занятіяхъ и общей дѣятельности лицъ, получившихъ образованіе въ этомъ учрежденіи. Не знаемъ, было ли побужденіемъ къ такому приглашенію сомнѣніе въ пользѣ, приносимой институтомъ; во всякомъ случаѣ надѣемся, что эта мѣра—предвѣстница какихъ-нибудь раціональныхъ въ немъ преобразованій. Недостатки воспитанія въ технологическомъ институтѣ, въ прежнее время, по-крайней-мѣрѣ, по частнымъ отзывамъ заключались, между-прочимъ, въ томъ, что воспитанниковъ учили слишкомъ-многимъ предметамъ, отчего они многаго вовсе не знали. Можетъ-быть, этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился, но во всякомъ случаѣ, кажется, не уничтожился вовсе. По-крайней-мѣрѣ, вотъ что́ прочли мы въ апрѣльской книжкѣ «Журнала для Воспитанія», въ статьѣ *Письмо въ провинцію о с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ*, въ статьѣ, гдѣ объ этомъ заведеніи отзываются съ большими похвалами. Задавъ себѣ вопросъ: достигаютъ ли воспитанники возможнаго совершенства въ институтѣ? авторъ говоритъ: «Для разъясненія этого необходимо многостороннее разсмотрѣніе, но мы остановимся на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Воспитанники, при хорошемъ ученіи, поступая въ первый классъ, проходятъ курсъ ученія въ шесть лѣтъ. Технологія, химія и математика здѣсь преподаются въ обширныхъ размѣрахъ, и для лучшаго усовершенствованія, воспитанники высшихъ классовъ подраздѣляются на два отдѣла: химиковъ и механиковъ. Всѣ предметы обязательны, но смотря по отдѣлу, одни становятся главными, а другіе вспомогательными. Шестилѣтній курсъ совершенно достаточенъ для отличнаго приготовленія какъ теоретически, такъ и практически—но увы! почти половину этого времени надобно исключить изъ ихъ спеціаль-

наго образованія, такъ-какъ она проходитъ въ подготовленіи изъ общихъ предметовъ; а туда поступаютъ дѣти (не моложе 13-ти лѣтъ), отъ которыхъ немного требуется, вѣроятно, на основаніи давнишней программы (курсъ приходскихъ училищъ). Что̀ изъ этого слѣдуетъ очень-понятно.»

Независимо отъ этого недостатка въ образованіи воспитанниковъ технологическаго института, самое число оканчивающихъ въ немъ курсъ весьма-незначительно. Изъ этой же статьи «Журнала для Воспитанія» мы узнаемъ, что впродолженіе двадцати-восьми-лѣтняго существованія института (который открытъ въ 1831 году) окончило въ немъ курсъ съ званіемъ инженеръ-технологовъ всего только до 250 человѣкъ. Эти обстоятельства доказываютъ, съ одной стороны, необходимость измѣненія программы технологическаго института, съ другой—распространенія подобныхъ учрежденій въ Россіи, въ чемъ ощущается крайняя необходимость, особенно теперь, когда возникаютъ новыя желѣзныя дороги, пароходства и сотни другихъ промышленныхъ предпріятій, крайне нуждающихся въ механикахъ, опытныхъ мастерахъ, свѣдущихъ распорядителяхъ и т. п.

Есть мнѣніе, что было бы полезно курсъ технологическаго института ограничить только предметами, касающимися спеціальнаго назначенія этого учрежденія, принимая въ него тѣхъ, которые уже пріобрѣли элементарныя познанія, соотвѣтствующія гимназическому курсу. Такое мнѣніе кажется намъ основательнымъ; исполненіе его могло бы принести существенную пользу. Носятся слухи, что технологическому институту готовятся важныя преобразованія, что инспекторъ его уже два года находится заграницею, съ цѣлью ознакомиться со всѣмъ, касающимся до подобнаго рода учрежденій, но какого рода и когда произойдутъ преобразованія—этого мы не знаемъ.

— Въ половинѣ прошлаго мая въ Ѳеодосіи произведена закладка зданія для помѣщенія халибовкаго армянскаго училища. Училище это, учрежденное на счетъ пожертвованнаго г. Халибовымъ значительнаго капитала, предназначено для воспитанія армянскаго юношества. Въ новомъ зданіи, кромѣ церкви, училища и квартиръ для всѣхъ при немъ служащихъ, помѣстится типографія, главное занятіе которой будетъ состоять въ печатаніи дозволеннаго къ изданію при халибовскомъ училищѣ журнала «Радуга», на армянскомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ, а также въ печатаніи и изданіи другихъ книгъ ученаго и литературнаго содержанія, преимущественно на армянскомъ языкѣ.

— Въ «Современной Хроникѣ» помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала, мы, говоря о конкурсныхъ сочиненіяхъ горцевъ, воспитывающихся въ ставропольской гимназіи, и приводя отрывки изъ сочиненія осетина Иналуко Тхвостова, высказали при этомъ, что если оно написано безъ посторонней помощи, то заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. Въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ газеты «Кавказъ» мы нашли статью директора ставропольской гим-

назіи, Я. М. Невѣрова, въ которой онъ, останавливаясь на выраженномъ нами сомнѣніи въ принадлежности статьи самому г. Тхостову, старается разъяснить дѣло фактами и убѣдить насъ въ подлинности названнаго нами сочиненія. Во-первыхъ, говоритъ г. Невѣровъ, по обширности труда — написать сочиненія для всѣхъ участвующихъ въ конкурсѣ (отъ 30 до 35 человѣкъ), представляющихъ обыкновенно статьи въ 12-ть и болѣе листовъ — для учителя физически невозможно, какъ невозможно и оказаніе предпочтенія одному какому-нибудь ученику, потому-что между конкуррентами устраивается взаимный надзоръ, готовый каждую минуту изобличить виновныхъ въ подлогѣ; во-вторыхъ, конкурсныя сочиненія разсматриваются сперва директоромъ, потомъ однимъ изъ членовъ гимназическаго совѣта, и затѣмъ только лучшія пять или шесть читаются въ присутствіи всего совѣта. При этомъ авторамъ дѣлаются возраженія, съ цѣлью убѣдиться въ томъ, что они вполнѣ усвоили написаное и умѣютъ защищать свое мнѣніе, и только затѣмъ сочиненія допускаются къ публичному чтенію; почему подлинность работъ, послѣ такой процедуры, не подлежитъ сомнѣнію. Въ-третьихъ, прочтя въ «Хроникѣ» вышеприведенное замѣчаніе, директоръ ставропольской гимназіи немедленно доставилъ попечителю округа всѣ читанныя на послѣднихъ литературныхъ бесѣдахъ сочиненія учениковъ высшихъ классовъ — изъ которыхъ видно, что весьма-многіе изъ учащихся въ этой гимназіи, при замѣчательной логичности мышленія, выражаются нетолько отчетливо, но и изящно.

Не приводя дальнѣйшихъ доказательствъ директора гимназіи, которыя, особенно при данной Я. М. Невѣровымъ гласности дѣлу — уничтожаютъ вполнѣ высказанныя нами сомнѣнія, мы не можемъ не порадоваться успѣхамъ въ дѣлѣ мысли и нашего языка — инородцевъ, воспитывающихся въ учебномъ заведеніи отдаленнаго края Россіи. Мы очень-благодарны г. Невѣрову, что онъ разъяснилъ, какъ самъ онъ говоритъ, весьма-натуральное съ нашей стороны сомнѣніе и, мало этого, указалъ на причины успѣховъ учениковъ гимназіи вообще и горцевъ въ особенности. Мы остановимся на этихъ причинахъ, надѣясь, что нѣкоторые изъ читателей нашихъ найдутъ въ нихъ свѣдѣнія, нетолько интересныя, но и полезныя. Къ числу общихъ причинъ успѣховъ въ русскомъ словѣ относятся, во-первыхъ, существующія при гимназіи ежемѣсячныя литературныя бесѣды, на которыхъ воспитанники, въ присутствіи учителей, читаютъ тѣ изъ представленныхъ ими, въ-теченіе минувшаго мѣсяца, сочиненій, которыя къ тому одобрены учителемъ словесности. При этомъ происходятъ разсужденія учителей и учащихся о предметахъ сочиненія, выраженнныхъ въ нихъ мысляхъ, способахъ изложенія и т. п. Во-вторыхъ, въ гимназіи очень-развита охота къ чтенію, чему содѣйствуетъ особенно библіотека изъ лучшихъ сочиненій, основанная, независимо отъ казенной, предмѣстникамъ г. Невѣрова, г. Рындовскимъ. Въ-третьихъ, это зависимъ отъ преподавателей словесности: бывшаго — г. Ильященко, и нынѣшняго — г. Юхатникова, изъ которыхъ послѣдній былъ любимымъ ученикомъ Грановска-

го, и которые, как тотъ, такъ и другой, старались поддерживать однажды возникшую любовь въ литературѣ.

Обращаясь къ причинамъ успѣховъ горцевъ въ особенности, Я. М. Невѣровъ говоритъ слѣдующее: «Нѣтъ сомнѣнія, что природа щедро надѣлила кавказскія племена духовными способностями, но дикая свобода, въ которой они по сіе время находятся, могла дать имъ только одно воинственное направленіе. До сего времени горцы жили только для войны, удальства, наѣздничества — имъ посвящали всѣ свои физическія и нравственныя силы, не имѣя, по причинѣ своего разъединенія нетолько съ образованными, но даже и полуобразованными племенами, каковы Турки и Персіяне, никакого побужденія къ умственному развитію. Въ настоящее время для нихъ наступила новая эра. Россія, покоривъ ихъ оружіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открыла имъ новое, до сего времени для нихъ совершенно-неизвѣстное поприще умственной дѣятельности; и по природѣ всѣхъ свѣжихъ натуръ, — горецъ, принявшись за перо и книгу, предается имъ съ такою же страстью, съ такимъ же полнымъ и совершеннымъ увлеченіемъ, съ какимъ онъ до сего времени предавался войнѣ и наѣздничеству. Это увлеченіе, въ натурахъ, менѣе-одаренныхъ, переходитъ въ какое-то изумительное подвижничество; такъ, что одинъ изъ горскихъ воспитанниковъ заплатилъ за то жизнію (воспитанникъ Мансуровъ). Недостатокъ способностей онъ старался вознаградить неимовѣрнымъ прилежаніемъ: не было возможности оторвать его отъ книги. Его принуждали, напримѣръ, ходить гулять — но онъ и въ полѣ твердилъ законовѣдѣніе, и зналъ статьи свода законовъ лучше старыхъ секретарей. Это былъ юноша 17 лѣтъ.» Но вотъ другой примѣръ. Дитя 10 или 11 лѣтъ, осетинъ Кусовъ, по болѣзни долженъ былъ быть исключенъ изъ заведенія, но онъ ни за что не хотѣлъ его оставить. Убѣжденія не дѣйствовали, надобно было увести его насильно. Когда его, вопреки сопротивленію, посадили на телегу, то онъ умолялъ, чтобы ему дали аспидную доску и грифель, и съ ними отправился въ горы. Когда, черезъ два года, здоровье Кусова поправилось и онъ возвратился въ гимназію, то, стараясь вознаградить потерянное время, принялся за дѣло еще съ большимъ рвеніемъ. Такихъ примѣровъ нѣсколько и—фактъ замѣчательный: изъ сорока горцевъ, находящихся въ настоящее время въ ставропольской гимназіи, нѣтъ ни одного тупаго.

Эта жажда дѣятельности и труда даетъ важныя преимущества воспитанникамъ гимназіи изъ горцевъ передъ прочими. Но къ этому обстоятельству присоединяются еще и другія. «Если такъ отрадны успѣхи горцевъ въ ставропольской гимназіи», говоритъ Я. М. Невѣровъ: «то это именно потому, что въ ней дозволено уклоняться отъ форменности; офиціальныя отношенія замѣнены другими, основанными на взаимной любви и довѣріи. Извѣстно, что горцы отдаютъ дѣтей своихъ стороннимъ лицамъ и аталыкъ вполнѣ замѣняетъ отца. Понятіе объ аталыкѣ горецъ переноситъ и на начальника заведенія, въ которомъ воспитывается, потому-что другихъ отношеній онъ не понимаетъ. Вотъ почему эта система простоты, отсутствія всякой

оффиціальности, любви, довѣрія необходима для раскрытія его богатой натуры; иначе понятіе аталыка будетъ нарушено. Притомъ, вступая въ гимназію, горецъ знаетъ, что онъ ничего не знаетъ, что онъ вступаетъ въ совершенно-другой міръ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго недовѣрія къ лицамъ его руководящимъ, если они не касаются его религіозныхъ вѣрованій; и убѣдившись, что это вступленіе неизбѣжно, онъ предается этому міру вполнѣ, безъ всякой задней мысли, а тѣмъ-болѣе безъ всякихъ заранѣе составленныхъ мыслей и предубѣжденій. Контрастъ родителей сакли еще болѣе возвышаетъ въ глазахъ его воспитывающее его заведеніе; вліянію на него школѣ ничто не противодѣйствуетъ — ни семейство, ни общество, которые, отдавъ его въ гимназію, тѣмъ самымъ уже рѣшили, что онъ долженъ быть не тѣмъ, чѣмъ они, соединяясь съ ними только въ единствѣ религіозныхъ вѣрованій. Напротивъ, наша семья и общество (продолжаетъ г. Невѣровъ) часто парализируютъ усилія школы, если не словами и наставленіями, то примѣромъ и жизнію, практически показывая, что можно жить припѣваючи и безъ умственныхъ потребностей, не задавая себѣ труда согласовать свои поступки съ тѣми суровыми правилами нравственности, о которыхъ толкуютъ въ школахъ, да притомъ еще пользоваться и вліяніемъ и уваженіемъ, по-крайней-мѣрѣ наружнымъ, и слыть за людей образованныхъ...» И такъ вотъ главнѣйшія причины, отъ которыхъ зависятъ замѣчательные успѣхи горцевъ въ русской гимназіи. Мы очень рады, что высказанное нами сомнѣніе послужило поводомъ къ сообщенію столь интересныхъ данныхъ, разъясняющихъ дѣло. Мы очень благодарны почтенному Я. М. Невѣрову, что онъ воспользовался путемъ гласности, который такъ многіе одобряютъ въ наше время и которымъ, однако, такъ многіе не пользуются. Разъясняя наше сомнѣніе, Я. М. Невѣровъ отвѣтилъ своею статьею на сотни другихъ невысказанныхъ сомнѣній, которыя, по всей вѣроятности, возникли у многихъ при чтеніи отчета гимназіи

Вопросъ о преподаваніи латинскаго языка. — Учебныя заведенія у насъ мало-по-малу распространяются, въ обществѣ и въ книгахъ много толкуютъ о методѣ преподаванія; но вмѣстѣ съ этимъ не мѣшало бы обратить вниманіе на программы разныхъ учебныхъ учрежденій и подвергнуть ихъ строгому пересмотру, на основаніи современныхъ взглядовъ и потребностей. При такомъ пересмотрѣ окажется, безъ сомнѣнія, и много лишняго, и много недостающаго. Есть предметы въ этихъ программахъ, которые, какъ иные люди въ обществѣ, пользуются авторитетомъ и значеніемъ только ради давности своего пребыванія. Къ числу такихъ предметовъ, по мнѣнію многихъ, относится и латинскій языкъ, обязательный въ большей части нашихъ гражданскихъ учебныхъ заведеній. Невходя въ подробное разсмотрѣніе предмета, требующаго большой педагогической опытности, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь, какъ фактъ, доводы противниковъ преподаванія латинскаго языка, высказанные въ «Одескомъ Вѣстникѣ» г. Кр.—вымъ, бывшимъ профессоромъ

римскихъ древностей въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, который, несмотря на это званіе, самъ принадлежитъ къ такимъ противникамъ. Вотъ что говоритъ г. Кр.—въ по поводу даннаго недавно дозволенія лицамъ, ищущимъ высшихъ медицинскихъ степеней въ нашихъ университетахъ, писать и защищать дисертаціи, по собственному усмотрѣнію, на латинскомъ, русскомъ или на одномъ изъ употребительнѣйшихъ у насъ европейскихъ языковъ: «Я воображаю, сколько молодыхъ ученыхъ тружениковъ благословятъ такое современное распоряженіе, и сколько выступитъ врачей на учено-практическое поприще, остававшихся доселѣ подъ спудомъ единственно по невозможности употребить драгоцѣнное время на многотрудное изученіе такого предмета, который, впослѣдствіи, большею частію, предается забвенію, а если и удерживаются какіе нибудь заржавленные обломки, то только для рѣдкихъ случаевъ: для дружескихъ бесѣдъ, въ которыхъ допускаются ссылки греческія и латинскія, въ ознаменованіе учености говорящаго, но не въ подкрѣпленіе истины, а еще менѣе для объясненія вопросовъ современныхъ, о которыхъ почтенные греки и римляне, если и мечтали, то вовсе не разсуждали, а иныхъ и не разумѣли. Съ этого времени исчезнетъ весь комизмъ, бывшій при ученыхъ преніяхъ: дефендентъ не будетъ затрудняться въ пріисканіи знахаря облекать живое слово въ мертвую форму, а оппонентъ не станетъ суетиться въ построеніи возраженій, часто неудачныхъ, большею частію запутанныхъ, а иногда и невразумительныхъ, а съ этимъ, можетъ-быть, устранятся какія нибудь вольныя и невольныя прегрѣшенія противъ ближняго»...

Указавъ на то, что латинскій языкъ безпрестанно бываетъ препятствіемъ ученикамъ гимназіи къ переводу изъ одного класса въ другой, хотябы они были отличными по всѣмъ другимъ предметамъ, и такимъ образомъ отнимаетъ у нихъ цѣлой годъ времени; указавъ на странность мнѣнія, что безъ латыни нельзя быть ученымъ, почему она, за исключеніемъ, однако, военно учебныхъ заведеній, составляетъ необходимую принадлежность учебнаго курса, г. Кр.—въ говоритъ: «нельзя отвергать изученіе латинскаго языка для любителей древности, для людей чисто-научныхъ, для людей, думающихъ не о нуждахъ своихъ, но о потребностяхъ — для этихъ лицъ латинскій языкъ, можетъ-быть, и необходимъ; но едва ли изученіе его должно считать обязательнымъ для тѣхъ, которые хотятъ изучать современныя требованія общества, хотятъ быть полезными не мертвецамъ, а своимъ живымъ согражданамъ, хотятъ извлечь изъ ученія не аксіомы, не для парадныхъ случаёвъ и показа своего трудолюбія, а для жизни практической, словомъ, для тѣхъ, которые стремятся пріобрѣсть свѣдѣнія, необходимыя для объясненія истинъ, утѣшительныхъ для человѣчества, или примѣнимыхъ къ дѣлу на пользу ближняго. Въ случаѣ надобности, любопытство такихъ людей вполнѣ удовлетворится переводами. Что же мы позаимствуемъ отъ непосредственнаго изученія латинскаго языка? Ужели по настоящее время римляне будутъ учить насъ, какъ любить родину и уважать права ближняго? Не вѣрю, чтобы народъ, жившій грабежомъ, наси-

ліемъ, униженіемъ всякой сторонней личности, могъ дать поучительные уроки современному намъ человѣку? изучать же заблужденія человѣческія съ такими жертвами времени едвали разумно. Послѣ объясненій Нибура, великій Ромулъ и вся его братія оказываются явленіями весьма-обыкновенными; картины же Горація, Овидія, Тибула и Проперція представляютъ невысокую нравственность великановъ древности, а между-тѣмъ—это образцы. Едвали и здѣсь не играетъ важной роли привычка смотрѣть свысока на то̀, что̀ намъ представляли съ дѣтства великимъ и достойнымъ подражанія. Я не позволю себѣ произнесть прямое мнѣніе о значеніи латинскаго языка въ ученомъ мірѣ, по скудости моихъ въ этомъ предметѣ свѣдѣній; ибо изученію его я посвятилъ неболѣе 12 лѣтъ, и вслѣдствіе того этотъ промежутокъ въ моей жизни считаю ничѣмъ невознаградимымъ пробѣломъ. Знаю многихъ товарищей по воспитанію, которые тоже не хвалятся послѣдствіями трудовъ, употребленныхъ на изученіе того же предмета, и изъ нихъ бо̀льшая часть изъявляетъ искреннее сожалѣніе о потерѣ времени, потраченнаго на изученіе предмета мертваго и, вообще, въ быту житейскомъ безполезнаго.» «Одинъ изъ этихъ товарищей, пробывъ 18 лѣтъ профессоромъ римскихъ древностей въ одномъ изъ русскихъ университетовъ» прибавляетъ отъ себя редакція «Одескаго Вѣстника»—«и занявшійся впослѣдствіи политическою экономіею, не могъ безъ душевной боли вспомнить о томъ, что онъ убилъ 18 лѣтъ надъ изученіемъ филологическихъ тонкостей латыни, вмѣсто того, чтобы посвятить ихъ знакомству съ живою современною наукою». «Гг. латинисты (продолжаетъ г. Кр.—въ) говорятъ, что латинскій языкъ преимущественно развиваетъ умственныя способности дитяти. Не знаю, почему онъ не можетъ быть замѣненъ новѣйшими языками, всегда и вездѣ необходимыми, математикою и естественными науками, полезными для всякаго на всю жизнь. Мнѣ кажется, что прочными свѣдѣніями должны считаться только тѣ, которыя молодой человѣкъ можетъ продолжать и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, а не тѣ, которыя, по бо̀льшей части, остаются безъ употребленія, и потому предаются, безъ сожалѣнія, забвенію. Чѣмъ же вознаградить время, употребленное съ особеннымъ усиліемъ на такой предметъ, который придется забыть. При этомъ читатель замѣтитъ, что изученіе латинскаго языка усвоено всѣми образованными европейцами; слѣдовательно, и мы должны идти тѣмъ же путемъ. Не видно истинной причины такой подражательности. Западные народы имѣютъ на то̀ причины въ своемъ историческомъ развитіи: латинскій языкъ есть ключъ къ ихъ религіозной, гражданской и ученой жизни. Мы, славяне, находимся совершенно въ другихъ отношеніяхъ: латинская мудрость для насъ тощая почва, и въ такомъ случаѣ слѣпое подражаніе здѣсь не должно имѣть мѣста; иначе, судя по слухамъ, что нѣкоторые изъ западниковъ любятъ спиртуозные напитки, и намъ придется увеличить дозы нашего пѣнника. Не лучше ли изученіе латинскаго языка предоставить любителямъ, въ которыхъ, вѣрно, недостатка не будетъ, какъ и не было, особенно, если этимъ лицамъ предоставлены будутъ вещественныя

поощренія, ибо, несмотря на всѣ усилія привить латинь нашему молодому поколѣнію, латинисты у насъ, какъ и вездѣ, рѣдки, по неупотребительности самаго предмета въ жизни практической. Не это ли главная причина видимаго уклоненія молодыхъ людей отъ изученія латинскаго языка во всѣхъ заведеніяхъ? Если на этотъ вопросъ долженъ послѣдовать отвѣтъ положительный, то молодое поколѣніе заслуживаетъ того, чтобы удовлетворить его любознательность разумнымъ образомъ, т. е. полезнымъ и для него, и для другихъ, и, замѣнивъ почтенную латынь предметомъ, болѣе-уважительнымъ для всѣхъ, предоставить ее въ полную собственность любителей и людей чисто-научныхъ, а еще болѣе, не вводить латынь въ кругъ наукъ для такъ-называемаго общечеловѣческаго образованія; въ противномъ случаѣ, не показалось ли бы такое введеніе пародіею на здравый смыслъ и признакомъ явнаго неуваженія къ прямому просвѣщенію народа. Конечно, привычка и въ этомъ случаѣ можетъ оказать свои услуги. Еще въ свѣжей памяти то время, когда въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ русскую риторику и піитику преподавали на латинскомъ языкѣ, для правильнаго уразумѣнія красотъ русскихъ ораторовъ и поэтовъ. Явленіе кажется неправдоподобнымъ, а не менѣе того было на-самомъ-дѣлѣ, и только недавно юродство это скрылось съ глазъ людей здравомыслящихъ. Несмотря на такое насиліе въ преподаваніи латыни, латинисты были рѣдки, а латынь въ быту житейскомъ не уживалась, нелегко находила искреннихъ адептовъ, и едва ли не по справедливости пріобрѣла отъ Нахимова несовсѣмъ громкую эпитафію:

Гніетъ здѣсь горькая латынь!
Аминь.»

Такъ говоритъ бывшій профессоръ римскихъ древностей, такъ же думаетъ, какъ видно изъ приведенной замѣтки редакціи «Одесскаго Вѣстника» и другой профессоръ того же предмета. Надобно полагать, что вопросъ о латинскомъ языкѣ и его значеніи въ нашемъ образованіи возбудитъ новые споры и толки между спеціалистами и знатоками дѣла, которые выяснятъ его въ надлежащей степени, что, по нашему мнѣнію, было бы очень важно, такъ-какъ этотъ предметъ занимаетъ весьма-видное мѣсто въ программахъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

Промышленныя извѣстія. — Въ прошломъ мѣсяцѣ главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣло второе годичное собраніе, длившееся очень-долго, на которомъ было много шуму и говору. Не видя оффиціальнаго отчета объ этомъ засѣданіи, мы воздерживаемся передавать подробности его, дошедшія до насъ по слухамъ; но считаемъ обязанностію сказать два слова, касающіяся до управленія дѣлами этого общества, или, точнѣе, до отношенія этого управленія къ публикѣ. Первое дѣло въ каждомъ, а тѣмъ болѣе коммерческомъ предпріятіи: честность, аккуратность, точность. Но на эти три столба промышленыхъ операцій мы слышимъ частыя жалобы въ отношеніи новаго общества. Въ станціонныхъ кассахъ желѣзной

дороги этого общества происходятъ замѣтные безпорядки. Для примѣра приводимъ фактъ, опубликованный въ одной изъ петербургскихъ газетъ. «Я ѣзжу въ Лугу весьма часто съ самаго открытія туда желѣзной дороги, и всегда долженъ былъ платить *различную цѣну* за свой багажъ. Такъ-напр. въ послѣднюю мою поѣздку, на петербургской станціи взяли съ меня за *два пуда* до Луги 29 к. с., а на лужской станціи за *три пуда* до Петербурга 79 к. Слѣдовательно въ первомъ случаѣ пудъ клади обошелся по $14^1/_2$ к., а во второмъ по $26^1/_3$ коп сер., т. е. по 12 коп. лишнихъ на пудъ... На требованіе же показать мнѣ печатную таксу и на замѣчаніе, что въ Петербургѣ берутъ съ пуда меньше, пріемщикъ клади на лужской станціи отвѣчалъ лаконически: «такъ должно быть»! Если правленіе общества не можетъ усмотрѣть за порядкомъ на разстояніи двухъ-сотъ верстъ отъ Петербурга, то что же будетъ, когда желѣзныя дороги пройдутъ всю Россію. Неужели же съ сѣтью правильныхъ сообщеній раскинется и сѣть неправильныхъ дѣйствій, и бѣдная публика куда ни оглянется —на сторону частныхъ, какъ и казенныхъ управленій, вездѣ встрѣтитъ неправильные, противозаконные поборы.

Обращаясь къ работамъ компаніи, мы можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія, заимствованныя изъ изданной обществомъ для акціонеровъ особой брошюрки. Дорога отъ Петербурга до Пскова (257 в.) окончена и движеніе по ней открыто. На остальной части этой линіи работы производятся на всемъ протяженіи (785 в.), а движеніе по всей линіи предполагается начать 1 сентября 1861 г.

Вѣтвь къ прусской границѣ, начинающаяся на 673 верстѣ варшавской дороги, находится также въ построеніи (161 в.). Окончаніе ея предполагается къ 1861 г.

На линіи отъ Динабурга до Либавы произведены изысканія. Проекты на эту дорогу составлены и разсматриваются въ техническомъ комитетѣ. Отъ Орла или Курска къ Динабургу также производятся изысканія.

По направленію отъ Москвы до д. Архангельской, отсюда до р. Орель, отъ Ореля до Гейдельберга (всего на 1117 в.) произведены изысканія и составлены проекты, а отъ Гейдельберга до Ѳеодосіи (305 в.) заключены подряды на постройку дороги.

На линіи отъ Москвы до Нижняго Новгорода работы производятся на всемъ протяженіи и будутъ окончены къ 1 іюля 1861 г.

На всѣхъ дорогахъ общества въ настоящее время находится 50,000 рабочихъ.

— Въ половинѣ прошлаго іюня открыта вѣтвь петергофской желѣзной дороги къ Красному Селу. Эта дорога идетъ влѣво отъ лиговской станціи, отстоящей на четырнадцать верстъ отъ Петербурга, и простирается на двѣнадцать верстъ. Красносельская вѣтвь, какъ и вся петергофская дорога, выстроена барономъ Штиглицомъ; техникомъ-строителемъ ея былъ академикъ Бурда. Эта дорога обѣщаетъ значительныя выгоды, представляя удобное сообщеніе столицы съ лагернымъ мѣстомъ гвардейскаго корпуса. Мѣста на дорогѣ

раздѣлены на три класса: въ 75, 55 и 27 к. с., причемъ для нижнихъ чиновъ дѣлается тридцать процентовъ уступки.

Предположено устроить желѣзную дорогу между Петербургомъ и Выборгомъ. Кромѣ-того, еще съ прошлаго лѣта начата постройка такой же дороги между Гельсингфорсомъ и Або.

— Въ послѣднее время возникло еще нѣсколько новыхъ компаній и товариществъ. Такъ учреждаются двѣ компаніи для производства льняныхъ издѣлій. Первая, учреждаемая гг. Мясниковыми и Классеномъ, имѣетъ цѣлію распространеніе въ Россіи механическаго пряденія льна, производства льняныхъ издѣлій и торговли ими, причемъ общество будетъ пріобрѣтать сырой матеріялъ изъ первыхъ рукъ и обработывать его усовершенствованнымъ способомъ. Основной капиталъ общества 1,500,000 р. с. раздѣленъ на 10,000 акцій. Другая компанія, подъ фирмою «товарищества норской мануфактуры льняныхъ издѣлій», для устройства и содержанія мануфактуры въ Ярославской губерніи, предполагаетъ начать дѣло съ капиталомъ въ 500,000 р., который будетъ раздѣленъ на 100 паевъ.

Кромѣ-того учреждается «товарищество протвинской мануфактуры», основанной для распространенія и расширенія бумагопрядильной фабрики полковника Орфано, въ Московской губерніи, причемъ основной капиталъ будетъ въ 350,000 съ раздѣленіемъ его на 500 паевъ. Гг. Дитмаръ, Лампе и Каншинъ учреждаютъ товарищество конно-желѣзной дороги по набережной Васильевскаго острова въ Петербургѣ, съ цѣлію облегчить подвозъ груза къ биржѣ и таможнѣ, такъ-какъ, въ настоящее время, подвозъ товаровъ на судахъ, которые должны пройдти два моста, занимаетъ слишкомъ много времени.

Въ Житомірѣ, слышно, учреждается товарищество, съ цѣлію удешевленія цѣнъ на книги.

— Общество петербургскихъ водопроводовъ приступило къ дѣятельности. Трубъ по улицамъ, кажется, еще не проводятъ, но водоподъемное зданіе у таврическаго Ковша быстро растетъ. Резервуаровъ для воды предполагаютъ устроить два, изъ которыхъ каждый будетъ вмѣщать въ себѣ до 30 тысячъ ведеръ. Одинъ резервуаръ назначается для дневнаго снабженія водою, другой для ночнаго. Каждое отдѣленіе фильтра можетъ очищать до 100 тысячъ ведеръ въ часъ, или 2,400,000 ведеръ въ сутки. Согласно уставу, общество предполагаетъ устроить въ десяти мѣстахъ водоемы для даровой разборки воды, въ томъ числѣ пять въ Коломнѣ, три въ Рожественской части (на Пескахъ) и два въ Каретной.

Сильно поговариваютъ объ образованіи въ Москвѣ товарищества для освѣщенія газомъ. Существуетъ два проекта по этому дѣлу: одинъ — освѣщеніе газомъ водороднымъ, предлагаемый г. Григорьевымъ; другой — газомъ переносным, добываемымъ изъ шотландскаго сланца, и предлагаемый г. Гарри и Комп. Говорятъ, что и тотъ и другой антрепренеръ нашли капиталы, что имъ уступлено мѣсто близь станціи желѣзной дороги, для постройки газовыхъ заводовъ,

но пока постройки этой не началось. Несмотря на появленіе работъ двухъ газовыхъ предпріятій, ни одно изъ нихъ, кажется, не имѣетъ въ виду освѣщенія московскихъ улицъ, а только внутренности различныхъ зданій.

— Говоря о компаніяхъ, нельзя не пожелать, чтобы заботясь о собственныхъ выгодахъ, онѣ поступали вполнѣ добросовѣстно и честно съ тѣми, кто помогаетъ имъ получать эти выгоды — съ рабочими. Между-тѣмъ, нерѣдко случается противное, и нерѣдко бѣдному работнику приходится переносить многое отъ своихъ ближайшихъ начальствъ. Офиціальныя власти должны быть въ этомъ случаѣ усердными защитниками бѣдняковъ, и въ разборѣ подобныхъ отношеній быть въ высшей степени осторожными, не взирая при этомъ ни на чины, ни на званія.

Вотъ случай, еще разъ убѣждающій въ необходимости такой осторожности разбора жалобъ. Въ-концѣ апрѣля, къ самарскому губернатору явился командиръ одного изъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», *баронъ* Медемъ, и объявивъ, что рабочіе, находящіеся на пароходѣ и баржахъ, нанятые для волжско-донской желѣзной дороги, всего до двухъ тысячъ человѣкъ, *взбунтовались*, не даютъ поднимать якорей, потому-будто, что ихъ не спускаютъ на берегъ, гдѣ они хотятъ *пьянствовать*. Баронъ Медемъ просилъ начальника губерніи о распоряженіи наказать наиболѣе виновныхъ зачинщиковъ. Но начальникъ губерніи, не довольствуясь показаніями *барона* Медема, нашелъ нужнымъ удостовѣриться въ сущности дѣла. Полиціймейстеръ и ратманъ были отправлены на суда, и что же они здѣсь открыли? На палубахъ баржей было размѣщено до двухъ тысячъ человѣкъ; это были крестьяне разныхъ вѣдомствъ, набранные въ разныхъ мѣстностяхъ и посаженные на разныхъ пристаняхъ. У нихъ не было образовано ни артелей, ни избрано десятниковъ: наемные прикащики были ихъ единственными начальниками. Этимъ работникамъ при наймѣ было сказано, что переѣздъ ихъ до Царицына будетъ совершенъ до 15-го апрѣля, а съ этого дня они будутъ получать жалованье. Во-время пути обѣщано давать имъ въ пищу черный хлѣбъ съ постнымъ масломъ и солью, а при остановкахъ въ городахъ покупать имъ хлѣбъ ситный. Это условіе исполнялось до Самары; но въ Самарѣ имъ далъ только хлѣбъ черствый и покрытый плѣсенью, а масла и соли вовсе недано, почему они и не хотѣли отчаливать отъ города. Такимъ-образомъ, объявленный *господиномъ барономъ* Медемомъ бунтъ *мужиковъ* былъ неболѣе, какъ простое съ ихъ стороны требованіе насущнаго хлѣба — обѣщаннаго по условію подрядчикомъ. Фактъ многозначительный, служащій дополненіемъ къ приведенному нами мѣсяца два назадъ, въ которомъ вице-губернаторъ, изъ правовѣдовъ, преслѣдуетъ учителя за помѣщеніе статьи въ вѣдомостяхъ, касающейся до губернской жизни. А вѣдь поди-ка и командиръ судна изъ бароновъ, и вице-губернаторъ изъ правовѣдовъ, участвующіе въ фактахъ, въ родѣ приведенныхъ, и дѣйствующіе подъ вліяніемъ то плутоватаго купеческаго прикащика,

то недовольной губернской аристократіи, толкуютъ и объ ужасной участи негровъ, и о прогресѣ, и о гласности, и считаются людьми вполнѣ современными!

— Какъ дополненіе къ свѣдѣніямъ о промышлености и торговлѣ, приведемъ нѣкоторыя данныя, касающіяся нашего коммерческаго флота, на основаніи статей объ этомъ предметѣ г. Мельницкаго, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ». Представивъ списокъ коммерческихъ судовъ по разнымъ русскимъ портамъ, съ означеніемъ именъ судохозяевъ, шкиперовъ, времени постройки, количествѣ ласта и пр., г. Мельницкій говоритъ, что представляемыя свѣдѣнія ему приходится окончить портомъ кронштадтскимъ, такъ-какъ о петербургскомъ судохозяйствѣ гидрографическій департаментъ не могъ получить никакихъ данныхъ, несмотря на то, что переписка объ этомъ предметѣ длилась болѣе года съ различными присутственными мѣстами нѣкоторыхъ министерствъ, причемъ полученъ былъ имъ, между-прочимъ, такой отвѣтъ, что «въ С.-Петербургской Губерніи, кромѣ нарвскаго порта, другихъ портовъ не имѣется...»

За исключеніемъ свѣдѣній о петербургскомъ портѣ, недоставленныхъ подлежащими вѣдомствами, и свѣдѣній о судоходствѣ финляндскомъ и каспійскомъ, цифры судовъ дальняго плаванія и каботажныхъ, въ 1857 году, составляютъ:

Въ Черномъ морѣ	185	судовъ въ	14,650	ластовъ.
— Азовскомъ	304	»	12,000	»
— Бѣломъ	340	»	9,704	»
Колоніальный флотъ (суда российско-американской компаніи.)	13	»	2,368	»
Въ портахъ южнаго берега Балтики и Финскаго Залива . .	257	»	13,558	»

А всего 1099 судовъ въ 52,280 ластовъ, или 104,560 тоннъ.

Число матросовъ на всѣхъ судахъ, по приблизительному разсчету, составляло до 5000. «Впрочемъ (прибавляетъ по поводу этихъ свѣдѣній г. Мельницкій), изъ этой цифры нельзя вывести никакого заключенія о числительности занимающихся морскимъ промысломъ, по неизвѣстности отношенія между матросами, бывшими на судахъ и остававшимися на берегу, и за неимѣніемъ многихъ другихъ данныхъ. Полагаемъ, однакожь, что народонаселеніе, занимающееся у насъ судоходствомъ, морскимъ и рѣчнымъ, рыболовствомъ и другими подобными промыслами, нетакъ ограниченно, какъ думаютъ, если принять въ соображеніе, что значительная часть донскихъ козаковъ съ малолѣтства упражняется въ судоходствѣ, а не въ наѣздничествѣ, и что одинъ осташковскій уѣздъ—родина извѣстнаго моряка Тюлева—прилегающій къ Селигеру, заключаетъ въ себѣ нѣсколько тысячъ людей, пріобыкшихъ къ плаванію. Между-тѣмъ, у насъ много такихъ значительныхъ озеръ и рѣкъ, какъ Селигеръ, Волга и Донъ. О томъ, что населеніе Архангельской Губерніи преимущественно морское, упомянуто выше». На основаніи всего этого, равно какъ и постепенно усиливающагося числа

нашихъ судоходныхъ обществъ, увеличивающихъ замѣтно число людей, занимающихся судоходствомъ, г. Мельницкій предполагаетъ, что недалеко то время, когда и у насъ можно будетъ ввести инскрипцію (безъ тѣхъ крайностей централизація и безчисленныхъ формальностей, которыя господствуютъ во французскомъ флотѣ„ — инскрипцію, которая, служа прочнымъ, нормальнымъ основаніемъ флота военнаго, будетъ содѣйствовать успѣхамъ и флота коммерческаго, устраняя, между-прочимъ, обстоятельства, препятствующія настоящему его развитію.

Что́ же касается до причинъ медленнаго развитія судохозяйства въ Россіи, то они, по мнѣнію г. Мельницкаго, заключаются, между-прочимъ: въ недостаточномъ образованіи коммерческаго сословія и шкиперовъ; въ подчиненіи коммерческихъ матросовъ и коммерческаго мореплаванія различнымъ вѣдомствамъ; въ отсутствіи морскихъ страховыхъ обществъ, и, наконецъ, въ общихъ причинахъ медленнаго развитія внѣшней торговли. Русскіе купцы въ Новороссіи начали-было, посылать свои суда за границу, но по незнанію языковъ и неохотѣ къ дальнимъ поѣздкамъ, не участвуя въ нихъ лично, ввѣряя свои суда недобросовѣстнымъ иностраннымъ шкиперамъ, они естественно терпѣли убытки и были принуждены прекратить дальнее плаваніе своихъ судовъ. Каботажъ хотя и развивается, но къ числу главныхъ его недостатковъ надо отнести малую степень образованности русскихъ шкиперовъ, а также и то обстоятельство, что иностранные шкипера, принявшіе подданство, не знаютъ русскаго языка и русскихъ. Хотя въ Херсонѣ и существуетъ училище торговаго мореплаванія, но по отзывамъ многихъ, оно не достигаетъ своей цѣли, и въ числѣ шкиперовъ, совершающихъ дальнее плаваніе, очень-рѣдко можно встрѣтить воспитанника этого училища. На такой же неудовлетворительной степени находится образованіе шкиперовъ и штурмановъ въ прочихъ нашихъ моряхъ. Существовавшее въ Кеми училище уничтожено, о службѣ воспитанниковъ кронштадтскаго училища торговаго мореплаванія слышно мало; о рижскомъ училищѣ свѣдѣнія неудовлетворительны.

Школъ для элементарнаго образованія юнговъ и матросовъ, кажется, тоже нѣтъ.

Къ недостатку образованія судохозяевъ и экипажа, какъ препятствію къ развитію торговаго мореплаванія, присоединяется подчиненіе коммерческаго судоходства и лицъ, ему прикосновенныхъ, различнымъ управленіямъ и лицамъ разныхъ вѣдомствъ, которыя, не зная ни морскаго дѣла, ни нуждъ и потребностей лицъ, посвященныхъ этому, дѣлу, при всей своей доброй волѣ, не могутъ принимать общихъ мѣръ для ихъ пользы, сознательно входить въ ихъ положеніе и имъ сочувствовать. Существующіе цехи вольныхъ матросовъ, имѣя отношеніе только къ немногимъ, а не всѣмъ занимающимся мореходствомъ, кажется, очень мало занимаются интересами торговаго судоходства, а ограничиваютъ свою дѣятельность выдачею паспортовъ записаннымъ въ цехи. Во множествѣ формальностей, которыя путаютъ занимающихся мореплаваніемъ, весьма-важную роль играютъ паспорты вообще. Имѣя силу

въ бо́льшей части случаевъ на шесть мѣсяцевъ, паспорты, за истеченіемъ ихъ срока, нерѣдко задерживаютъ на берегу мореходца, въ ожиданіи высылки ему новаго, что́ дѣлается, конечно, нескоро, особенно, если мѣсто, откуда слѣдуетъ выслать паспортъ, находится на разстояніи 300—500 верстъ.

Наконецъ, недостаточность развитія торговаго мореплаванія обусловливается и недостаточнымъ развитіемъ внѣшней торговли вообще, что́, въ свою очередь, зависитъ отъ стѣснительнаго раздѣленія торгующихъ на гильдіи, слабаго развитія кредита, запутанности въ администраціи и многихъ другихъ причинъ.

Результаты опытовъ чумопрививанія.—Мы не разъ приводили свѣдѣнія объ опытахъ чумопрививанія скоту, надѣясь, что предметъ этотъ не безъинтересенъ для читателей, такъ-какъ дѣло идетъ о сохраненіи одного изъ важныхъ предметовъ богатства нашего отечества. Недавно, особымъ комитетомъ изданъ въ Дерптѣ сводъ отчетовъ о произведенныхъ съ 1853 г. въ Россіи опытахъ чумопрививанія. Мы считаемъ нелишнимъ сообщить нѣкоторые итоги этихъ продолжительныхъ и весьма-трудныхъ опытовъ, въ которыхъ столько усердія и настойчивости оказали гг. Іессенъ, Унтербергеръ, Раздольскій и Сергѣевъ, бывшіе главными участниками въ разрѣшеніи вопроса о прививаніи чумы рогатому скоту.

Вотъ главнѣйшіе результаты опытовъ, произведенныхъ въ Новороссійскомъ Краѣ, гдѣ скотоводство играетъ такую важную роль въ хозяйствѣ, и гдѣ чума дѣйствуетъ и особенно часто и особенно сильно.

Животныхъ, перенесшихъ чуму за пять или шесть лѣтъ назадъ, невозможно было заразить снова ни привитіемъ, ни посредствомъ сообщенія съ зачумленнымъ скотомъ.

Всѣ животныя, перенесшія ясно обнаружившуюся, вслѣдствіе привитія, чуму, оказались предохраненными отъ новаго зараженія. Доказательства этому приведены во всѣхъ отчетахъ чумопрививателей. Чума, привитая въ первой генераціи, обнаруживалась иногда у привитыхъ животныхъ со всѣми ей свойственными симптомами; но чаще, послѣ первоначальнаго привитія, не появлялось вовсе никакого видимаго — или оказывалось только весьма-незначительное болѣзненное состояніе.

Прививная матерія, взятая отъ животныхъ, заболѣвшихъ въ первой генераціи, производила, въ 1855 г., по привитіи ея, слабое заболѣваніе и незначительную потерю. Впрочемъ, вопросъ объ ослабленіи прививной матеріи еще неокончательно рѣшенъ. Эти слабо-заболѣвшія животныя были предохранены впослѣдствіи отъ всякаго зараженія. Опытныя животныя переносили безвредно всѣ попытки зараженія.

Какъ прививную матерію, можно употреблять слизь изъ ноздрей и рта, слезную жидкость и кровь отъ живыхъ больныхъ животныхъ. Опредѣлительные результаты по этому вопросу требуютъ еще однако многихъ опытовъ, какъ-равно и то, сколько именно дней прививная матерія можетъ удерживать свою силу.

Слабое заболѣваніе животныхъ послѣ привитія зависитъ, какъ кажется, преимущественно отъ свойства заразы, отъ которой взята матерія, отъ тѣлосложенія животныхъ и отъ времени года. Судя по сдѣланнымъ опытамъ, благопріятный успѣхъ привитія не зависитъ отъ того, взято ли заразное вещество изъ какого-нибудь мѣста во-время перваго появленія чумы, или когда зараза достигла высшей степени, или при прекращеніи ея. Заболѣвшее животное, какъ-скоро обнаружится болѣзнь съ несомнѣнными признаками чумы, уже въ состояніи заражать другихъ, и дѣйствительность матеріи, взятой поздно, въ періодъ выздоравливанія, сомнительна.

Опыты, сдѣланные въ 1857 г. въ Смоленской губерніи, окончательно убѣдили, что привитый скотъ вполнѣ предохраняется отъ новаго зараженія натуральною чумою.

Таковы главные результаты пятилѣтнихъ опытовъ; они подтверждаютъ благодѣтельное вліяніе чумопрививанія, хотя много разныхъ частностей этой мѣры остаются еще невполнѣ-выясненными и опредѣленными. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло, начатое по этому вопросу правительствомъ, не остановится. Какъ бы ни были велики пожертвованія его на это дѣло, говоритъ «Земледѣльческая Газета», они составляютъ каплю въ морѣ съ тѣми убытками, которые несетъ наше народное хозяйство изъ года въ годъ отъ чумы рогатаго скота. Желательно было бы распространить опыты (продолжаетъ та же газета) на возможно-бо́льшее число мѣстъ. Чума рѣже или чаще заносится и свирѣпствуетъ почти повсюду. Опыты должны привести къ какимъ-либо общимъ результатамъ, одинаковымъ для всѣхъ мѣстностей, но для того, чтобъ убѣдиться вполнѣ, что эти результаты дѣйствительно всеобщи, пункты опытовъ должны быть выбраны различные. До-сихъ-поръ та́къ это и было. Прививаніе чумы производилось въ Новороссійскомъ Краѣ, оренбургскихъ степяхъ, Могилевской Губерніи, Дерптѣ, Казани, Харьковѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и дальше на этотъ предметъ будетъ обращено должное вниманіе. Между-тѣмъ пора, кажется, подумать и о томъ, какимъ-образомъ ввести прививаніе и на практикѣ? Періодъ временныхъ коммисій, какъ справедливо замѣчаетъ г. Іессенъ, прошелъ и прививаніе должно быть произведено въ большихъ размѣрахъ и на долгое время. Объ этомъ тѣмъ-болѣе пора позаботиться, что всѣ доселѣ употреблаемыя карантинныя мѣры противъ распространенія чумы ни къ чему почти не ведутъ. Съ другой же стороны, важно было бы также удовлетворительное рѣшеніе вопроса и о томъ, можетъ ли и на сѣверѣ Россіи зарождаться зараза, или она заносится только съ юга?.. Если чума вездѣ можетъ зарождаться, то учрежденіе прививныхъ институтовъ по губерніямъ становится еще нужнѣе.

Разныя извѣстія. — Въ Шемахѣ было большое землетрясеніе. 30-го мая, въ 4 часа пополудни, былъ первый подземный ударъ, который продолжался полторы минуты и произвелъ страшное опустошеніе въ городѣ. Бо́льшая часть домовъ или разрушилась совершенно, или значительно повреждена, причемъ погибло до 100 человѣкъ.

Въ-теченіе цѣлой ночи жители не входили въ дома, потому-что послѣ перваго подземнаго удара былъ второй, слабѣйшій, потомъ третій и затѣмъ всю ночь чувствовалось колебаніе земли. 31-го числа, въ 7 часовъ утра, послышался новый ударъ, и землетрясеніе продолжалось до 3-го іюня, разрушая при этомъ то, что осталось еще цѣлымъ. Всѣ присутственныя мѣста разрушены, недавно-выстроенный соборъ треснулъ въ куполѣ. Всѣ жители, во ожиданіи прибытія изъ уѣзда кибитокъ, за которыми послано для устройства изъ нихъ временныхъ жилищъ, жили на улицахъ, предохраняя себя отъ дождя и зноя коврами и всякою домашнею ветошью.

Въ Тобольскѣ, по вскрытіи рѣки Иртыша, вода начала прибывать, 11 апрѣля, а по 29-е того же мѣсяца, она затопила до 1200 домовъ. Кромѣ-того, отъ разлитія рѣкъ были наводненія въ городахъ Тюменѣ, Ялуторовскѣ, Курганѣ и Петропавловскѣ, и въ округахъ тобольскомъ, курганскомъ, тюменскомъ и ялуторовскомъ.

8 мая, на Кавказѣ, въ урочищѣ «Царскіе колодцы» былъ страшный градъ, величиною въ гусиное яйцо, переранившій много людей и перебившій много скота.

Но самые грустные факты, относящіеся къ послѣднему времени— это пожары.—Нѣтъ почти нумера газеты, въ которомъ бы не говорилось о пожарѣ. Огонь опустошаетъ одинъ городъ за другимъ, лишая сотни, тысячи людей всего достоянія. Въ Петербургѣ былъ огромный пожаръ на Пескахъ, истребившій въ этой, одной изъ бѣднѣйшихъ частей города до восьмидесяти двухъ домовъ и лишившій двѣ тысячи недостаточныхъ семей послѣдняго ихъ имуществъ. Въ 9-ти верстахъ отъ Петербургъ сгорѣлъ Александровскій механическій заводъ. Въ Казани сгорѣло до 600 домовъ, и жители погорѣвшихъ частей города, за неимѣніемъ квартиръ, какъ въ Шемахѣ, жили лагеремъ на открытомъ воздухѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ пожаръ истребилъ значительную часть ярмарочныхъ зданій. Въ Твери сгорѣло 107 гостиныхъ лавокъ и 322 общественныхъ лавокъ, лавочекъ и шкафовъ. Но перечислить всѣ пожары нѣтъ возможности; они были въ Москвѣ, Клинѣ, Зеньковѣ и въ разныхъ другихъ городахъ. Обыкновенно, при часто повторяющихся пожарахъ, начинаютъ ходить слухи о поджогахъ. Публика при этомъ дѣлится на двѣ категоріи: одна, къ которой принадлежатъ утверждающіе справедливость такихъ слуховъ, другая — выражающая противъ этого сомнѣніе и доказывающая, что усиленіе пожаровъ лѣтомъ зависитъ отъ того, что, вслѣдствіе жаровъ, деревянныя части зданій высыхаютъ и малѣйшая неосторожность дѣлается причиною несчастій. Обыкновенно бываютъ правы послѣдніе, но нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ оказывается по офиціальнымъ даннымъ, правы какъ тѣ, такъ и другіе. Въ Петербургѣ, въ 3-й Адм. Ч. 1-го Квартала, въ домѣ г-жи Сусловой, съ 15-го по 17-е мая, было произведено восемь поджоговъ въ подвалахъ и отхожихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ виновныхъ въ этомъ покушеніи открыты, и между ними находится 12-ти лѣтній ремесленный ученикъ Федоровъ и 17-ти лѣтній крестьянинъ Михайловъ. Изъ публикованныхъ полиціею извѣстій, видно, что пять заподозрѣнныхъ лицъ не составляли одной шайки, но дѣйствовали дву-

мя партіями, очевидно съ разными побужденіями. Двое изъ нихъ покушались на поджогъ съ цѣлію произвести въ домѣ воровство; чѣмъ были побуждаемы къ поджогу прочіе, объ этомъ еще производится изслѣдованіе. Кромѣ-того, сдѣланъ поджогъ въ Московской Части, въ домѣ Ивановой, и виновницею его оказалась 12-ти лѣтняя солдатская дочь Макарова, которая при допросѣ объяснила, что, зайдя на чердакъ, безъ всякой побудительной причины собрала тамъ въ двухъ мѣстахъ разный мусоръ и зажгла его фосфорическою спичкою Объявлено и еще о нѣсколькихъ примѣрахъ поджога, какъ въ Петербургѣ, такъ и другихъ городахъ, но мы не будемъ перечислять ихъ и приводимъ два изложенные случая, какъ несомнѣнные факты, подтверждающіе слухи. Надобно думать, что случаи эти будутъ подвергнуты самому строгому изслѣдованію, которое раскроетъ поводы и побужденія къ подобнаго рода покушенію, такъ-какъ для прекращенія зла необходимо знать его начало и источникъ.

— Въ послѣднее время въ Петербургѣ приняты нѣкоторыя мѣры къ скорѣйшему прекращенію пожаровъ. Въ разныхъ мѣстахъ города разставлены раздвижныя лѣстницы, которыя могутъ доходить до верхнихъ этажей. Для скорѣйшаго качанія воды употребляется при пожарахъ паровая машина Шанда и Масона. Машина эта по устройству своему составляетъ изобрѣтеніе совершенно-новое и первый экземпляръ ея, говорятъ, былъ пріобрѣтенъ петербургскою полиціею. Устройство ея приспособлено къ назначенію. Платформа машины нѣсколько болѣе обыкновенной пожарной трубы, въ задней ея половинѣ, между заднихъ колесъ, сдѣланъ круглый прорѣзъ сквозь который проходитъ вертикально паровой котелъ. Топка котла ниже платформы и труба проходитъ сквозь паровикъ. Спереди, подъ колесами устроены козла для правящаго лошадьми, позади ниже платформы — запятки для кочегара. Въ промежуткѣ между козлами и паровымъ котломъ, помѣщается паровой цилиндръ и насосы. Подъ цилиндромъ помѣщается пріемникъ, изъ котораго толкается вода въ рукавъ и который отлитъ вмѣстѣ съ цилиндромъ. Ниже пріемника помѣщается коробка, плотно съ нимъ соединенная, въ которой находятся насосы. Вотъ въ общихъ чертахъ наружное устройство машины Шанда. На петербургскихъ пожарахъ она дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ.

— Мы не разъ имѣли случай сообщать выходки противъ евреевъ, дѣланныя людьми образованными и обижавшими нравственно это угнетенное племя. Но вотъ городъ О. являетъ примѣръ цѣлаго похода противъ евреевъ, въ которомъ греки и русскіе нападали на нихъ толпами, съ оружіемъ, и даже ихъ убивали. И эти ужасные подвиги происходили во-время святой недѣли. Слухи о томъ, что будутъ бить евреевъ ходили по городу заранѣе, ожидать этого было необходимо, такъ-какъ самый фактъ повторялся и въ прежніе годы, хотя съ меньшими насиліями; но были ли противъ такого варварскаго покушенія предприняты какія мѣры, кромѣ запрещенія евреямъ вы-

ходить на улицу, неизвѣстно. Что же касается до этого запрещенія, то оно, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, имѣя характеръ ареста и какъ бы признавая евреевъ за дѣйствительно заслуживающихъ побоевъ, было только поводомъ къ усиленію буйствъ и насилій противъ членовъ этой націи.

— Толки объ откупахъ и противъ откуповъ продолжаются. Въ одномъ мѣстѣ даются обѣщанія въ пользу воздержанія, въ другомъ посѣтители питейнаго дома силою требуютъ отпуска полугара, котораго, какъ напитка дешевѣйшаго, обыкновенно не оказывается въ храмахъ снѣдающаго бахуса, и вмѣсто него, предлагаютъ обыкновенно спеціальныя и тому подобныя водки, въ наложеніи цѣнъ на которыя у откупщика своя рука владыка. Въ предупрежденіе этого, самарскій губернаторъ предписалъ подвѣдомственнымъ ему властямъ о строжайшемъ наблюденіи, чтобы во всѣхъ питейныхъ домахъ держали полугарное вино и продавали его по узаконеннымъ цѣнамъ, которыя въ подробности напечатаны въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Нельзя не одобрить вполнѣ такого распоряженія самарскаго губернскаго начальства и не пожелать, чтобы прочіе начальники губерній послѣдовали его примѣру: такого рода распоряженія выясняютъ обязанности откупа передъ потребителями. Откупъ — сила, съ которою справиться трудно. Какъ на жертву такой борьбы въ послѣднее время можно указать на извѣстный новотроицкій трактиръ въ Москвѣ, невыдержавшій давленія откупа и теперь закрытый.

— Въ заключеніе разныхъ извѣстій приводимъ нѣсколько фактовъ изъ вседневной жизни, касающихся до нравственной статистики. Въ Минскомъ уѣздѣ (Минской губерніи), одна крестьянка, 26 лѣтъ отъ роду, была удушена и брошена въ колодезь своимъ мужемъ. Въ Мезенскомъ уѣздѣ (Архангельской губерніи), одинъ самоѣдинъ, заставши жену свою въ преступной связи съ своимъ товарищемъ, на томъ же мѣстѣ закололъ его ножемъ.

Въ уѣздѣ Бронницкомъ (Московской губерніи), дочь крестьянина, Федула Семенова, объявила, что жена брата ея, Тимоѳея Федулова, покушалась во-время сна зарѣзать мужа. По осмотру, у Федулова оказались на шеѣ разрѣзъ и рана на лѣвой рукѣ; но такъ-какъ не оказалось жены Федулова, то былъ произведенъ розыскъ, и она найдена зарытою на берегу Москвы рѣки, на аршинной глубинѣ и съ веревкою на шеѣ.

Жена крестьянина Кашинскаго уѣзда, Алексѣя Данилова, Авдотья, желая отравить мужа, приготовила сдобную лепешку, которую дала ему при отправленіи на работу, куда онъ шелъ вмѣстѣ съ отцомъ. Дорогою они съѣли лепешку и отецъ Данилова скоро умеръ, онъ же самъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, остался живъ. Крестьянинъ деревни Ивановщевой, Нижегородской губерніи, Иванъ Степановъ, ночью на 29 апрѣля, пришелъ въ сосѣдственное село, сдѣлалъ черезъ церковный звонъ тревогу и собравшемуся народу объявилъ, что онъ зарѣзалъ свою жену. Женщина эта дѣйствительно была найдена близъ села, въ ямѣ, окровавленная, со многими ранами на шеѣ.

Въ Одессѣ, 27 апрѣля, унтеръ-офицеръ Рубченко, во-время драки, убилъ жену свою Анну, въ чемъ самъ и сознался.

Крестьянка Калужской губерніи, Анна Артемьева, сдѣлала поджогъ и на допросѣ созналась, что къ этому поступку побудила ее тоска, вслѣдствіе отвращенія къ мужу. Описаніе подобныхъ случаевъ мы находимъ теперь довольно часто въ извѣстіяхъ изъ провинцій.

Новости общественной жизни. — Книжные магазины и библіотеки мало-по-малу распространяются въ разныхъ концахъ Россіи, тамъ же, гдѣ они существовали и прежде, книгопродавцы придумываютъ различныя средства къ привлеченію публики—дѣлая ей самыя разнообразныя и щедрыя обѣщанія. Такъ, московскій книгопродавецъ Н. Н. Полевой недавно напечаталъ объявленіе, что библіотека его за право чтенія всякаго рода книгъ и лучшихъ журналовъ, беретъ въ годъ 4 р., за полгода 2 р. с. При этомъ каждый годовой подписчикъ получаетъ въ-теченіе года, въ видѣ преміи: *четыре картины* по своему выбору, *четыре фотографическіе или панотипическіе портрета* — свои собственные или другихъ лицъ, и наконецъ *на 4 рубля книгъ*, разнаго содержанія, вмѣстѣ съ которыми можно пріобрѣсти сюрпризъ, достающійся одному изъ пятнадцати подписчиковъ и заключающійся въ десяти эстампахъ и сорока книгахъ. Такого рода объявленія (если они не пуфъ), конечно, заманятъ къ чтенію и тѣхъ, кто не охотникъ до книгъ, и по всей вѣроятности будутъ имѣть успѣхъ въ Москвѣ, гдѣ потребность къ чтенію, всегда болѣе или менѣе сильная, подтверждается новымъ оригинальнымъ фактомъ, сообщеннымъ г. А. Надеждинымъ «въ Московскихъ Вѣдомостяхъ». На Малой-Дмитровкѣ (въ Москвѣ), въ д. Куроѣдова, открыта недавно мелочная лавочка Иваномъ Тарасовымъ Калмыковымъ. Этотъ Калмыковъ явился однажды къ г. Надеждину и объяснилъ, что нѣкоторые изъ его покупателей спрашиваютъ иногда, нѣтъ ли у него продажныхъ книгъ. Такое обстоятельство навело его на мысль завести въ своей лавкѣ книги, а какія именно, онъ пришелъ посовѣтываться къ г. Надеждину, какъ лицу болѣе знакомому съ этимъ дѣломъ. Намѣреніе Тарасова приводится въ исполненіе.

— Вотъ еще новость, весьма интересная для провинцій. Подобно нѣкоторымъ иностраннымъ государствамъ, у насъ задумана подвижная (если такъ можно выразиться) художественная выставка. Въ прошломъ году, художникъ Зміоски, родомъ изъ Флоренціи, устроилъ въ Варшавѣ выставку картинъ, съ цѣлію, съ одной стороны распространять въ публикѣ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ и давать артистамъ случай продавать свои произведенія; съ другой—покупать картины и разыгрывать ихъ въ лоттерею между подписчиками, которые платятъ по 10 или 6 р. с., получая зато билетъ для входа и, сообразно этимъ взносамъ, одинъ или два билета на лотерею. Ученики варшавской школы изящныхъ искусствъ имѣли входъ безплатный. Картины на выставкѣ мѣняются нѣсколько разъ въ году.

Выставка г. Зміоски имѣла въ Варшавѣ успѣхъ. Вслѣдствіе этого

онъ поѣхалъ въ Кіевъ, и здѣсь въ залахъ университета устроилъ такую же выставку. Картины пересылаются съ одной выставки на другую, и въ обоихъ городахъ учредитель достигаетъ своей цѣли. Теперь, слышно, онъ намѣренъ завести подобныя же выставки въ Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ Россіи.

— Обращаемся къ Петербургу. Перестроекъ и передѣлокъ въ Петербургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ болѣе, кажется, чѣмъ когда-нибудь. Несмотря на дороговизну матеріяловъ и работниковъ, изъ которыхъ простые носильщики получаютъ до 60 к. с. въ день, на каждой почти улицѣ выводятся четырехъ-этажные и пяти-этажные дома. Не касаясь частныхъ зданій, самыми значительными постройками въ городѣ могутъ считаться въ настоящее время, постройки дворцовъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей и дома главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Закладка этого дома происходила въ началѣ прошлаго мѣсяца. Говоря о ней, нельзя не упомянуть о замѣчательномъ фактѣ, сопровождающемъ постройку. Производителю работъ по этому строенію назначено, подобно, какъ и при постройкахъ Императорскаго двора — пять процентовъ съ суммы, какая потребуется на устройство дома, какъ въ вознагражденіе трудовъ его, такъ и на содержаніе помощниковъ, чертежниковъ и десятниковъ. Эта мѣра, впервые еще примѣнена по корпусу путей сообщенія.

Петербургъ украсился еще новымъ сооруженіемъ. На Маріинской Площади, между Маріинскимъ дворцомъ, Исакіевскимъ соборомъ и зданіями министерства государственныхъ имуществъ, воздвигнутъ памятникъ Императору Николаю I-му. Императоръ представленъ въ конногвардейской формѣ, сидящимъ на конѣ. Статуя поставлена на высокомъ пьедесталѣ, сложенномъ изъ сѣраго гранита, шоханскаго темно-малиноваго порфира и бѣлаго мрамора и украшенномъ изваяніями, представляющими главнѣйшіе эпизоды изъ жизни покойнаго Императора. Скульптурныя работы памятника исполнены художниками: барономъ Клодтомъ, изваявшимъ и отлившимъ конную фигуру Императора, и гг. Рамазановымъ и Залеманомъ. 25-го числа прошлаго мѣсяца происходило торжественное открытіе памятника, при которомъ присутствовали Императорская Фамилія, дипломатическій корпусъ, войска и множество публики.

Г. Рафаилъ Зотовъ, извѣстный уже публикѣ своими сочиненіями, по случаю дня открытія памятника написалъ большое стихотвореніе, подъ названіемъ: «три эпохи Россіи». Въ этомъ стихотвореніи, которое разослано особымъ приложеніемъ къ «Русскому Инвалиду», г. Зотовъ, слѣдующими словами, обращается къ памятнику:

«И вотъ усердіе и сына и Россіи
Воздвигло памятникъ ему... Но мѣдь, гранитъ
Тамъ нужны ль, гдѣ дѣла прекрасныя, благія,
Гдѣ вся исторія Россіи говоритъ.
Всѣ дни его и всѣ минуты славной жизни
Добромъ, заслугами, величіемъ блестятъ.
Онъ жилъ не для себя — для счастія отчизны;
Его дѣла въ вѣкахъ безсмертьемъ возблестятъ.

Съ восторгомъ, радостью мы ликъ его встрѣчаемъ;
Съ благоговѣніемъ склоняемся предъ нимъ;
Благодѣянія всѣ помнимъ, понимаемъ;
Святую память мы Царя всѣмъ сердцемъ чтимъ.
И памятникъ его, достойный и прекрасный,
Для прославленія Его почти для насъ напрасный!
Народъ, исторія изъ вѣка скажутъ въ вѣкъ:
Онъ былъ великій царь! Великій человѣкъ»!

—14-го и 15-го іюня была гонка судовъ Императорскаго петербургскаго яхт-клуба. Въ этомъ состязаніи участвовали яхты: «Королева Викторія», принадлежащая Государю-Императору, «Никса» Наслѣдника-Цесаревича, «Волна» Великаго Князя Константина Николаевича, «Джорджіанъ» г. Берда, «Вѣтка» гг. Петра и Владиміра Мятлевыхъ, «Заря» графовъ Г. Рибопьера и А. Строгонова. Гонка началась съ большаго кронштадскаго рейда вкругъ острова Нерва, на пространствѣ по прямому пути 106 итальянскихъ миль. Первый призъ присужденъ «Зарѣ», сдѣлавшей путь въ 35 часовъ 13 мин. 17 сек., а второй—«Вѣткѣ», пришедшей 26 минутами позже.

— Другія новости жизни Петербурга ограничиваются гуляньями на минеральныхъ водахъ и въ Monde brillant, гдѣ опять появился Излеръ, въ паркахъ, и т. п. Новаго на этихъ гуляньяхъ только появленіе беарнскихъ пѣвцовъ, начавшихъ свои дебюты на Каменно-островскомъ театрѣ. Пѣвцы эти поютъ согласно, хотя не отличаются особенными талантами.

Москва гуляетъ въ Эрмитажѣ и Эльдорадо, на дачѣ Буркина въ Сокольникахъ и въ Марьиной рощѣ.

Въ Эрмитажѣ, который содержитъ Морель, играетъ оркестръ Максимиліяна Сакса, стараго любимца московской публики, и танцуетъ миссъ Лидія Томсонъ, которая танцовала на петербургской сценѣ. Эльдорадо, подъ начальствомъ г. Педоти, является опаснымъ соперникомъ Эрмитажа. Въ немъ играетъ новый оркестръ г. Рейнбольта, поетъ хоръ цыганъ, поютъ тирольцы, изъ сада иногда поднимается воздухоплаватель Гейнихъ; наконецъ, садъ роскошно украшается извѣстнымъ декораторомъ Вальцемъ. Затѣмъ Москва гуляетъ на Тверскомъ Бульварѣ и въ Александровскомъ Саду, гдѣ бываетъ музыка два раза въ недѣлю.—Вотъ и всѣ новости общественной жизни.

ПО ВОПРОСУ О НАЕМНЫХЪ СЛУГАХЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

I.

О ПРИСЛУГѢ (*).

Въ № 26 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года помѣщена была статья «О сословіи петербургскихъ наемныхъ служителей», написанная съ точки зрѣнія, весьма-обидной *для нашего брата* (**). Статья эта, если на нее взглянуть внимательно, можетъ быть обращена въ чистѣйшій пасквиль на автора ея, который, какъ бы стыдясь своей недобросовѣстности, постыдился даже выставить подъ нею свое имя и замаскировалъ себя буквами В. П. Пустота этой статьи отчасти доказана «Замѣткою» «Экономическаго Указателя» (№ 110), автору которой мы искренно благодарны, тѣмъ-болѣе благодарны, что рѣдко кто изъ просвѣщенныхъ людей беретъ на себя трудъ возвышать голосъ въ пользу слугъ, а изъ среды самихъ слугъ, можетъ-быть, *не отъищется никого, кто бы могъ достойно отвѣчать г-ну В. П.* Мы думали, что помянутой «Замѣтки», можетъ-быть, весьма-достаточно для г-на В. П., и успокоились-было. Какъ вдругъ въ № 65 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», въ отвѣтъ «Экономическому Указателю», явилась статья, подъ заглавіемъ: «Два слова по поводу вопроса о классѣ наемныхъ служителей», принадлежащая тому же автору, который, отстаивая свои убѣжденія, высказаныя въ первой статьѣ, вызываетъ «Экономическій Указатель» на нѣкоторыя объясненія (ему, можетъ-быть, и отвѣтятъ), и говоритъ, что многое *удивительно-непонятно* и *рѣшительно-непостижимо*. Въ той и другой статьѣ авторъ утверждаетъ, что слуги — дрянь, и что господа отъ нихъ сильно страдаютъ.

Такъ-какъ рѣчь идетъ о нашемъ классѣ, то мы считаемъ нужнымъ, съ своей стороны, сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ г-ну

(*) Редакція получила эту статью въ отвѣтъ одному изъ нашихъ сотрудниковъ г. В. П. Давая мѣсто присланной статьѣ, помѣщаемъ ниже и возраженіе на нее г-на В. П. — *Ред*,

(**) Авторъ этой статьи, г. Чернышевъ, пишетъ, якобы онъ *слуга* — отчего, конечно, возраженія его не дѣлаются сильнѣе.

В. П., осерчавшему на нашъ классъ, можетъ-быть, за то̀, что Иванъ въ одно несчастное утро подалъ ему, или его сосѣду лѣвый сапогъ на правую ногу, и тотчасъ, какъ только получилъ за это пощечину, отказался отъ должности; или за то̀, что Иванъ не умѣетъ хорошо варить любимаго бариномъ шацкаго кофея, или еще за что̀-нибудь — не знаю.

Въ первой статьѣ г-нъ В. П. говоритъ: «Люди богатые отъ слугъ «не *страдаютъ*. Что̀ богатому? Онъ заплатитъ 10, 20, 30 руб. въ «мѣсяцъ и будетъ имѣть слугу...» Вотъ оно что̀ есть! Г-нъ В. П., будучи человѣкомъ небогатымъ, можетъ платить слугѣ, *не страдая* какіе-нибудь 7 р. въ мѣсяцъ и за эту сумму хочетъ имѣть слугу *хорошаго*, хочетъ, можетъ-быть, въ то время, когда половину жалованья своего слуги отдаетъ его помѣщицѣ, въ счетъ оброка. Знаете ли, гг. въ какомъ нищенскомъ положеніи находится слуга, получающій, положимъ, 10 р., слѣдовательно, по понятію г-на В. П., хорошій? Вотъ его мѣсячныя потребности:

На оброкъ помѣщику (или на подать съ души) до.	1	р.	50	к.
На плакатный паспортъ	—		15	—
На адресный билетъ, положимъ	—		30	—
На сапоги, полагая въ годъ 4 пары головъ.	1	—	15	—
Прачкѣ	—		75	—
На баню	—		35	—
На пищу.	4	—	15	—
На мелочные расходы	—		50	—
И того въ мѣсяцъ .	8	р.	85	к.

Остается 1 р. 15 к. На какія же деньги слуга пріобрѣтетъ себѣ теплую одежду, сюртукъ, жилетъ, рубашку, когда все это стоитъ нѣсколько десятковъ рублей? На какія деньги онъ выпьетъ въ праздникъ стаканъ чая, не говоря уже о другихъ потребностяхъ и удовольствіяхъ, всегда сопряженныхъ съ издержками? А вѣдь онъ имѣетъ иногда мать, отца, сестеръ, дѣтей, существованіе которыхъ тѣсно связано съ его существованіемъ, потому-что въ чувствахъ родства, въ чувствахъ человѣколюбія, ему, какъ человѣку, отказать грѣшно. При такихъ условіяхъ, постоянная, невѣдомая богатому забота о матеріальныхъ средствахъ жизни, грусть, неразлучная съ этой заботой, не даютъ слугѣ покоя, заглушаютъ въ немъ всѣ добрыя качества и превращаютъ его, получающаго ничтожное жалованье, въ существо жалкое, заслуживающее нѐ презрѣнія, а участія. Въ такомъ положеніи слуга находится не годъ, не два, а весь свой вѣкъ, безъ всякой надежды хотя нѣсколько обезпечить въ будущемъ свое существованіе, тогда-какъ каждому необходимо прикопить что̀-нибудь для себя на черный день, на старость.—А какой-нибудь г-нъ В. П. съ презрѣніемъ говоритъ о слугахъ:

«Это толпы гулякъ... поступающихъ къ вамъ на службу не съ «тѣмъ, чтобъ служить, но съ тѣмъ, чтобъ васъ объѣдать, опивать, «обманывать и, наконецъ, обкрадывать. Это перекатная голь... ко-

«торая не пашетъ, не сѣетъ, а живетъ, какъ птица небесная, не «думая о завтрашнемъ днѣ...» Спросимъ лучше, вмѣстѣ съ самимъ авторомъ: «что̀ это такое, слова безъ мысли, или мысли безъ словъ?» Это, отвѣчаемъ мы, что̀-то грязное, что̀-то неприличное ушамъ порядочнаго человѣка! Г-нъ В. П., вѣроятно, забылъ, что ругать слугъ у себя дома и ругать публично не одно и то же: нужно бы помнить, что журнальные столбцы не передняя. Если г-нъ В. П. былъ самъ несчастливъ на слугъ, съ своими знакомыми, то о своихъ слугахъ, или о слугахъ своихъ знакомыхъ и долженъ бы говорить, съ предложеніемъ какихъ угодно мѣръ для исправленія прислуги; а по мѣркѣ своихъ дурныхъ слугъ мѣрить всѣхъ безъ исключенія слугъ, называя ихъ пьяницами и ворами, и такимъ-образомъ бросать грязью въ честныхъ и хорошихъ людей—неблагородно, постыдно! Нужно бы г-ну В. П. помнить, что слуга, кто бы онъ ни былъ, отправляющій рекрутскую повинность, платящій государственныя и общественныя подати, считается такимъ же членомъ общества, какъ и онъ, и, слѣдовательно, по закону, имѣетъ гражданскую честь, которую онъ цѣнитъ, можетъ-быть, дороже, нежели иной баринъ, ибо для инаго барина иногда ничего не значитъ не уплатить въ пять лѣтъ по счету какому-нибудь мастеровому, или взять денегъ въ долгъ и никогда не отдать ихъ, на томъ основаніи, что деньги взяты несовершеннолѣтнимъ.

Кто не ладитъ съ людьми, тотъ худо этимъ себя рекомендуетъ. По-крайней-мѣрѣ, таково общее мнѣніе. Спрашивается, чѣмъ же всѣ-то слуги виноваты, если у г-на В. П. не уживаются люди? Или онъ разсчитывалъ на нашу беззащитность? — Конечно, въ числѣ слугъ есть множество негодяевъ, заслуживающихъ строгихъ мѣръ исправленія и порицаній; за-всѣмъ-тѣмъ винить остальныхъ не слѣдовало бы.

Г-нъ В. П. говоритъ, что причина порчи слугъ проистекаетъ «изъ крѣпостнаго состоянія». Дѣйствительная правда! Крѣпостное право въ большинствѣ нашихъ господъ, за исключеніемъ просвѣщеннаго высшаго общества, образовало такой взглядъ на слугъ вообще, что объ этомъ страшно говорить и совѣстно распространяться; довольно лишь упомянуть, что слуга понимается существомъ безсловеснымъ. При такомъ взглядѣ, самъ чортъ, при всей своей ловкости, не уживется съ такими господами, и непремѣнно испортится, потому-что ничтожнѣйшее вознагражденіе за труды, дерзкое, площадное обращеніе, невниманіе, презрѣніе всякой личности— заставятъ хоть кого негодовать, лѣниться и исполнять дѣло тогда только, когда представится необходимость.

Для этихъ-то господъ г-нъ В. П. и топчетъ въ грязь всѣхъ безъ исключенія слугъ, дѣлаясь чрезвычайно-похожимъ на ту разсудительную, добросердечную барыню, которая, по словамъ Марлинскаго, своего кучера, обремененнаго семействомъ, отдала въ солдаты за то̀ только, что онъ, ѣдучи съ нею, задавилъ на мостовой подвернувшагося подъ лошадь голубя, кровь котораго она долго не могла забыть. Говоря о неисправности слугъ, г-нъ В. П. предлагаетъ «нѣ-

«которыя мѣры для того, чтобъ заставить этотъ классъ людей ис-«полнять свои обязанности въ отношеніи къ нанимателямъ». Да развѣ мы ихъ не исполняемъ? Всегда исполняемъ! Но дѣло въ томъ, что подъ словомъ *исполненія обязанностей*, г-нъ В. П., сообразно съ своимъ взглядомъ, разумѣетъ исполненіе *всего того, что господинъ приказываетъ*. Значитъ, по понятію г-на В. П., дѣйствія слуги должны быть неопредѣленны и должны зависѣть отъ произвола нанимателя. Но зачѣмъ же слуги раздѣляются на лакеевъ, офиціантовъ, камердинеровъ и т. п.?.. Повторяю, слуга исполняетъ свои обязанности; а если когда и не исполняетъ, то это происходитъ именно оттого, что наниматели требуютъ отъ него невозможности, то-есть, того, чего и слѣдовало бы требовать. Вотъ примѣръ. Недавно, къ одному господину, имени котораго не смѣю здѣсь выставить, мой знакомый нанялся въ должность буфетчика. Чрезъ нѣсколько времени, ни съ того, ни съ сего, ему приказываютъ прочищать полы щеткою два раза въ недѣлю; потомъ говорятъ, что за отсутствіемъ мужика, на его часть приходится во второмъ этажѣ топить четыре печки, дрова для которыхъ находятся внизу. Такимъ-образомъ, при должноски буфетчика, изъ него сдѣлали истопника и полотера, не говоря уже о случайныхъ услугахъ, напр. о томъ, что онъ промывалъ, съ дворникомъ, съ улицы стекла, что надѣвалъ иногда ливрею, для сопровожденія барыни по набережной, и проч. и проч. Скажи онъ, что это выше его силъ, что это не входитъ въ кругъ его обязанностей—его сочли бы грубіяномъ. И все, что только было ему приказываемо, онъ исполнялъ безусловно, изъ-за ничтожнаго жалованья, потому-что семейство его нуждалось въ кускѣ хлѣба. А сколько въ Петербургѣ подобныхъ слугъ, жизнь которыхъ полна лишеній, горя, трудовъ, заботъ! Къ сожалѣнію, понять это не каждый можетъ: для этого нужно быть слугою. Для инаго господина послать человѣка два раза въ день, въ дождь и холодъ, отъ Аничкова моста на Васильевскій Островъ, заставить пробыть въ трескучій морозъ пять часовъ за каретою, велѣть одному прослужить при десяти особахъ гостей цѣлый вечеръ, безъ малѣйшаго отдыха, словомъ, помыкать человѣкомъ по своему усмотрѣнію, есть такое дѣло, которое считается весьма-обыкновеннымъ. Несмотря на это, г-нъ В. П. восклицаетъ: «странно, что наша литература, которая въ настоящее вре-«мя затронула многое, не коснулась до-сихъ-поръ этого всѣмъ близ-«каго и важнаго предмета?»

Г-нъ В. П. говоритъ, что слуги господъ «обкрадываютъ». По закону, тѣ, которые обкрадываютъ, *наказываются;* между-тѣмъ слугамъ только *отказываютъ* отъ мѣста. Что́ же авторъ хотѣлъ сказать словомъ *обкрадываютъ*? Уже-ли онъ не знаетъ значенія этого слова!

Правда слуги иногда *утаиваютъ* нѣсколько копеекъ изъ господскихъ денегъ; но вѣдь это такъ невинно, такъ ничтожно, что объ этомъ не стоило бы и толковать. Например, слуга купитъ, по порученію барина, бумаги, гребень, ваксы или что́-нибудь другое, и заплатитъ за это, послѣ продолжительнаго торга, 2 р., а скажетъ 2 р. 20 к., тогда-какъ за эти же самыя вещи съ господина лавоч-

никъ сдернулъ бы 2 р. 50 к., или 3 рубля. Да и гдѣ тѣ господа, которые бы часто поручали своимъ слугамъ покупать что́-либо на большую сумму, чрезъ что́ можно было бы нажить слугѣ рубль-другой? Или не проценты ли, которыми пользуется слуга при уплатѣ по счетамъ, г. В. П. называетъ кражею? — Богъ ему судья за это.

Г-нъ В. П. предлагаетъ завести *«кондуитную книгу»*. Но вѣдь это было бы похоже, извините, на нелѣпость, послѣ того,какъ мы изъ опыта видимъ, что кондуиты и адресныхъ билетовъ не оправдываютъ цѣли. Съ чѣмъ было бы сообразно, еслибъ каждый господинъ могъ записывать въ эту книгу все, что́ ему угодно. Малѣйшій свой капризъ, терпимый только въ беременной женщинѣ, онъ сталъ бы туда вписывать, съ прибавленіемъ, что такой-то мѣщанинъ грубъ, безнравственъ, лѣнивъ и безпеченъ. Это было бы перенесено на паспортъ, или на особый листъ, и слуга потерялъ бы всякую возможность поступить на мѣсто, безъ всякой съ своей стороны вины. Гдѣ же тутъ справедливость? Это, значитъ, судъ безъ аппеляціи, тогда-какъ въ наше время хлопочатъ о публичномъ словесномъ судопроизводствѣ, для того, чтобъ сильный не тѣснилъ слабаго.

Далѣе: «Слуга, нанимаясь, вовсе не заботится о томъ, ка́къ вы будете съ нимъ обращаться»... «слуга, нанимаясь къ вамъ, боится не дурнаго обращенія съ нимъ...» и проч. Что́ это такое? Не хочетъ ли г. В. П. этимъ сказать, что слуга, нанимаясь къ господину, воображаетъ себя скотомъ и равнодушно сноситъ всякія дерзости? — Жестоко ошибается и заблуждается г. В. П., если подозрѣваетъ въ насъ отсутствіе всякаго благородства, всякаго сознанія своихъ достоинствъ. Знаетъ ли онъ, что нетолько дурное обращеніе, но даже небольшая незаслуженная грубость со стороны нанимателя, насъ глубоко оскорбляетъ, и заставляетъ, вмѣсто преданности, питать къ нему чувство отвращенія. А нужно знать, что бо́льшая часть нашего сословія живетъ именно у такихъ добрыхъ господъ, для которыхъ назвать въ глаза человѣка болваномъ, дуракомъ, скотиной ничего не значитъ—и все это слуга изъ-за куска хлѣба принужденъ бываетъ переносить. Вотъ одинъ примѣръ обращенія нанимателей съ слугами, въ дѣйствительности котораго свидѣтельствуюсь Богомъ.

Неочень-давно, мѣщанинъ Царскаго Села находился на службѣ у полковника N, жена котораго была дочь извѣстныхъ родителей и имѣла характеръ въ высшей степени капризный. Однажды, во время обѣда, слугѣ приказано было пододвинуть поближе къ столу барышню, только-что вставшую отъ сна. Слуга это исполнилъ, но близко что-ли пододвинулъ къ столу стулъ и прижалъ дѣвочкѣ ножку, или просто, дѣвочка закапризилась—только она заплакала. Барыня вскочила съ мѣста, посыпались на слугу ругательства; онъ хотѣлъ-было оправдываться — какъ вдругъ тарелка съ горячимъ супомъ полетѣла ему въ лицо!...

Что́ жь, по понятію г. В. П., слуга долженъ бы вытереться и сказать про себя: экая бѣдовая барыня! Нѣтъ, сударь, подобные поступки остаются въ памяти на всю жизнь. А вѣдь такихъ нанимателей, пожалуй, больше, чѣмъ дурныхъ слугъ.

Между–тѣмъ, г. В. П. изволитъ публично давать нравственныя попечины всѣмъ безъ исключенія слугамъ, и доказывать, что они избалованы и негодны. Есть на это словечко—да волкъ недалечко. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы написать, въ видахъ улучшенія слугъ, проектъ болѣе-благороднаго обращенія съ ними, для того, чтобъ поступки каждаго нанимателя для слуги были сносны.

Разумѣется, мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ передовыхъ господахъ, которые содержатъ слугу истинно по–человѣчески, которые объ немъ, въ случаѣ его болѣзни, или несчастія, заботятся, какъ о родномъ, и оказываютъ ему всевозможныя попеченія. Иногда ничтожное вниманіе, или ласковое слово такихъ господъ радуютъ и трогаютъ слугу до глубины души, и эти минуты для слуги бываютъ выше всѣхъ наградъ. По двадцати лѣтъ слуги живутъ у такихъ господъ, и любятъ, почитаютъ ихъ отъ всей души; а строгость такихъ господъ для слугъ даже пріятна, и г. В. П. очень ошибается, говоря, что слуги любятъ лишь тѣхъ, которые на нихъ смотрятъ сквозь пальцы, то–есть тѣхъ, у которыхъ можно нагрѣвать руки.

Слуга всегда будетъ честенъ, усерденъ и исправенъ тамъ, гдѣ служба его цѣнится и награждается или хорошимъ жалованьемъ, или пенсіономъ. Къ-сожалѣнію, это у насъ не въ порядкѣ вещей. Обыкновенная участь нетолько дурнаго, но и хорошаго слуги: прослужить господину, напримѣръ, 15 лѣтъ, заглушить свои способности, растратить силы — и идти по-свѣту нищенствовать.

Вотъ нашъ совѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто не уживается со слугами:

1) Написать законное, на гербовой бумагѣ, условіе, въ которомъ объяснить все тó, чтò слуга долженъ дѣлать, съ тѣмъ, чтобъ наниматель, въ случаѣ неисправности слуги, имѣлъ право марать его паспортъ. Это въ тысячу разъ полезнѣе будетъ вышеупомянутой кондуитной книги, и на это каждый слуга согласится съ величайшимъ удовольствіемъ, будучи увѣренъ, что въ случаѣ безрезоннаго отказа ему отъ должности, онъ, чрезъ правительство, получитъ отъ господина жалованье за все условленное время. Лучше этой мѣры для возстановленія правильныхъ отношеній между слугами и наемщиками ничего не можетъ быть, и кондуитная книга г. В. П. въ сравненіи съ этимъ безсмыслица.

2) Стараться отдалять причины порчи слугъ, и матеріальными средствами способствовать слугѣ развиваться нравственно, точно такъ же, кáкъ старается докторъ отдалять причины недуга въ своемъ пацієнтѣ и даетъ лекарства, способствующія натурѣ возстановлять ослабшія силы человѣка. Поэтому,

3) Имѣть къ слугѣ вниманіе, смотрѣть на него, какъ на человѣка и какъ на гражданина, обращаться съ нимъ также вѣжливо, какъ у насъ обращаются со слугою–французомъ, и такимъ–образомъ умѣть привязать къ себѣ слугу, и проч.

4) По одежкѣ протягивать ножки, то–есть, если въ карманѣ имѣется на слугу неболѣе 10–ти руб., то нанимать простаго мужика, или отставнаго солдата, а не официанта во фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ.

Но довольно.

Можетъ-быть, я гдѣ-нибудь обмолвился, или выразился грубо, неприлично, по непривычкѣ авторствовать. Покорнѣйше прошу не ставить мнѣ этого въ вину.

Д. Чернышевъ.

II.

ОТВѢТЪ Г. ЧЕРНЫШЕВУ.

Наша статья возбудила неудовольствіе г. Чернышева (выступившаго подъ видомъ слуги, потому-де, что слуги писать не умѣютъ), и онъ излилъ на насъ свой гнѣвъ въ этомъ возраженіи! Справедливъ ли его гнѣвъ, или нѣтъ, мы увидимъ потомъ, разобравъ дѣло. Главное, что г. Чернышевъ возразилъ намъ. Публика выслушала одну сторону, надобно было выслушать и другую. Не думайте, г. Чернышевъ, что мы боимся этого суда передъ публикою: напротивъ, мы его ищемъ. Вы говорите въ письмѣ, приложенномъ при вашемъ возраженіи, что помѣщеніе въ печати вашего возраженія необходимо для того, «чтобъ публика не раздѣляла безусловно мнѣніе г. В. П., статьи котораго, смѣю думать, слишкомъ односторонни, тѣмъ-болѣе, что этотъ баринъ на слугъ смотритъ съ особой точки зрѣнія.» Ничто не можетъ быть справедливѣе такого требованія.

Поблагодаривъ, за этимъ, журналъ, который даетъ мѣсто на своихъ страницахъ и вашему возраженію, г. Чернышевъ, и нашему отвѣту на ваше возраженіе, приступимъ къ дѣлу.

Г. Чернышевъ въ своей защитительной статьѣ повторяетъ вездѣ слова: *баринъ и слуга*, *барыня и слуга*, *господинъ и слуга*; въ нашей статьѣ о слугахъ говорится не о баринѣ и слугѣ, а *о нанимателѣ* и *слугѣ*, или, лучше сказать, *о хозяинѣ* и *слугѣ*. Вы вездѣ смѣшиваете барина съ нанимателемъ, а мы этихъ господъ совершенно различаемъ. Мы никакихъ баръ и барынь знать не хотимъ, и говоримъ только о нанимателяхъ, а нанимателемъ можетъ быть и баринъ и купецъ, и чиновникъ и мѣщанинъ, и ремесленникъ. Г. Чернышевъ говоритъ: «что мы смотримъ на предметъ съ особой точки зрѣнія», и за это насъ обвиняетъ. Но мы приняли ту точку зрѣнія, которая вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла, и держимся ея, и просимъ такимъ же образомъ держаться этой точки и всѣхъ тѣхъ, кто выступаетъ противъ насъ съ возраженіями, а иначе выйдетъ путаница, и обвинять насъ въ этой путаницѣ—будетъ несправедливо. Мы ясно показали нашъ взглядъ на предметъ въ отвѣтѣ на замѣтку «Эк. Указателя»; но г. Чернышевъ, нашъ противникъ, этого видѣть, какъ кажется, не хотѣлъ — чѣмъ же мы тутъ виноваты? Онъ говоритъ, что мы смотримъ на предметъ съ особой точки зрѣнія, и это ему не нравится; мы смотримъ на предметъ не съ особой точки, а съ настоящей точки зрѣнія, и просимъ покорнѣйше васъ, нашъ против-

никъ, стать на эту же точку, какъ бы эта точка вамъ ни была противна. Съ этой точки, если взглянуть на предметъ, то всѣ понятія и толки о барствѣ, о господствѣ надъ наемными слугами исчезаютъ, и предъ вашими глазами становится обыкновенный, простой наниматель (кто бы онъ ни былъ и изъ какого бы сословія ни былъ) и слуга. Дѣло, кажется, ясно. Въ нашемъ понятіи о хозяинѣ или нанимателѣ слуги мы никакого барства не допускаемъ. Мы говоримъ собственно о добровольномъ и свободномъ договорѣ между нанимателемъ и слугою. Хорошъ господинъ или хозяинъ — и ладно, а не хорошъ—Богъ съ тобою, я у тебя служить не хочу. Вотъ наша точка зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія, если посмотрѣть на предметъ, то всѣ ваши жалобы, г. Чернышевъ, на баръ и барынь, за ихъ дурное обращеніе, и выраженія: «барская спѣсь, дерзкое, площадное обращеніе съ слугами, съ презрѣніемъ всякой личности, бѣдовый баринъ, бѣдовая барыня, ихъ брань и пощечина» исчезаютъ, какъ вещи невозможныя, о которыхъ между нами и рѣчи быть не должно. Не-правда-ли, что этотъ взглядъ совершенно измѣняетъ положеніе дѣла? Вамъ, можетъ-быть, этотъ взглядъ не нравится, но что̀ дѣлать! Должны же мы объяснить дѣло.

Изъ нашего объясненія слѣдуетъ, что если хозяинъ, или господинъ-наниматель нехорошъ, или грубъ съ слугою, то слуга долженъ потребовать разсчета и отойти отъ него тотъ же часъ; а если вы не отходите, то значитъ, вы не хотите отъ него отойти; вы, значитъ, желаете у него оставаться, желаете терпѣть отъ него грубости, оскорбленія; вы, значитъ, находите *сноснымъ* терпѣть отъ него грубости и даже пощечины, лишь бы у него остаться; можетъ-быть, несмотря на грубости и пощечины, вы находите выгоднымъ у него остаться — это ваша воля; но въ такомъ случаѣ, вы уже не имѣете никакого права жаловаться на дурное обращеніе вашего господина. Скажемъ болѣе: если вы остаетесь у того господина, который съ вами дурно и «нечеловѣчески» обращается, то вы нетолько лишаетесь всякаго права на него жаловаться, но лишаетесь права даже на всякое сожалѣніе. Вамъ, можетъ-быть, наша «особая точка зрѣнія» не нравится, но согласитесь, что она совершенно-справедлива.

Опредѣливъ такимъ-образомъ точку зрѣнія и очиствивъ горизонтъ отъ всего лишняго и неотносящагося къ предмету, приступаемъ къ сущности дѣла.

Главные пункты обвиненій нашихъ противъ слугъ были слѣдующіе. Мы сказали, что слуги наши (за нѣкоторыми небольшими исключеніями) представляютъ сословіе самое безнравственное, нерадивое, неисполняющее своихъ обязанностей въ-отношеніи къ ихъ хозяевамъ, нерадѣющіе нетолько о пользѣ своихъ хозяевъ, но и о собственной своей пользѣ. «Это—мы сказали—толпа гулякъ, поступающихъ къ вамъ на службу не съ тѣмъ, чтобъ служить, но съ тѣмъ, чтобы васъ объѣдать, опивать, обманывать и, наконецъ, обкрадывать. Это перекатная голь..., которая не пашетъ, не сѣетъ, а живетъ, какъ птица небесная, не думая о завтрашнемъ днѣ».

Вотъ что́ мы сказали о слугахъ, и сказали совершенную правду. Г. Чернышевъ намъ отвѣчаетъ, что слова наши суть «нѣчто грязное, неприличное ушамъ порядочнаго человѣка», но мы повторяемъ, что слова наши суть факты, и какъ бы эти слова ни казались грязны, но они факты. «Если г. В. П.—продолжаетъ г. Чернышевъ—имѣетъ худыхъ слугъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ всѣ слуги были таковы, и бросать грязью въ честныхъ и хорошихъ слугъ неблагородно и постыдно». Во-первыхъ, не мы одни жалуемся на слугъ, а жалуется весь Петербургъ. Это фактъ. Не-уже-ли этотъ фактъ вамъ, г. Чернышевъ, неизвѣстенъ? Скажу болѣе: весь Петербургъ нетолько жалуется на слугъ, а вопіетъ противъ нихъ. Спросите перваго встрѣчнаго обывателя въ Петербургѣ о наемныхъ людяхъ, и вы услышите вопль: о люди, люди, въ Петербургѣ! о это такое несчастье, такое горе, что и словъ нѣтъ, ка̀къ это выразить! Мнѣ сдѣлали люди вотъ то́-то, а тому вотъ то́-то! Того обокрали на такую-то сумму, а такого-то на такую, и проч. и проч. Это факты, г. Чернышевъ. Если мы написали статью противъ слугъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы одни только терпѣли отъ нихъ и что это было только наше личное (и, можетъ-быть, ошибочное) мнѣніе о слугахъ; нѣтъ, это мнѣніе цѣлаго Петербурга. Не заблуждайтесь насчетъ этого, г. Чернышевъ. Если кто-нибудь станетъ хвалить петербургскихъ слугъ, то не вѣрьте ему—этотъ человѣкъ говоритъ неправду и желаетъ вамъ не добра, а зла. Можетъ-быть, вы сами согласны съ нами въ душѣ, но недовольны тѣмъ, зачѣмъ мы выразились такъ прямо и рѣзко. Отчего же не выразиться? Зачѣмъ скрывать правду? Зачѣмъ церемониться тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ истинѣ? Въ нашихъ словахъ не было ничего, кромѣ истины, на это вамъ свидѣтель весь Петербургъ, и обижаться нашими словами, значитъ обижаться истиной. Знаете ли вы, что хорошаго, вѣрнаго слуги надо въ Петербургѣ искать со свѣчею. Мы бы могли представить здѣсь интересные примѣры того, ка̀къ рѣдки хорошіе слуги въ Петербургѣ, ка̀къ за ними хозяева гоняются, и какія средства употребляютъ, чтобъ переманить ихъ къ себѣ, но эти примѣры, мы думаемъ, г. Чернышеву извѣстны. Но положимъ, что мы ошибались, что мы даже клеветали на слугъ. Чѣмъ же г. Чернышевъ насъ опровергаетъ? «Нужно г-ну В. П.—говоритъ Чернышевъ въ опроверженіе—помнить, что слуга, кто-бъ онъ ни былъ, отправляющій рекрутскую повинность, платящій государственныя и общественныя подати, считается такимъ же человѣкомъ, какъ и онъ (т. е. В. П.) и, слѣдственно, по закону, имѣетъ гражданскую честь, которую онъ, можетъ-быть, цѣнитъ дороже (едвали), нежели иной баринъ. Кто не ладитъ съ людьми, тотъ худо этимъ себя рекомендуетъ (по какому случаю?), по-крайней-мѣрѣ, таково общее мнѣніе (изволите видѣть!). Конечно, въ числѣ слугъ есть множество негодяевъ (объ этомъ-то множествѣ мы и говорили), но за-всѣмъ-тѣмъ винить остальныхъ (а много ли этихъ остальныхъ?) не слѣдовало бы.» Вотъ и все опроверженіе. Изволили замѣтить логику: если кто платитъ государственныя подати и отбываетъ рекрутскую повинность, тотъ уже, значитъ, и хорошій

человѣкъ. Вѣдь и воры, и пьяницы платятъ государственныя подати и отбываютъ рекрутскую повинность, а между-тѣмъ, пьяница все-таки есть пьяница, а воръ—воръ. Притомъ, кто вамъ сказалъ, г. Чернышевъ, что мы винимъ всѣхъ слугъ? Мы допускали и допускаемъ исключенія, но повторяемъ, что эти исключенія капля въ морѣ. Если въ Петербургѣ есть хорошіе и честные слуги (въ чемъ мы нисколько не сомнѣваемся), то мы не понимаемъ, какимъ образомъ эти слуги могутъ принять нашъ невыгодный отзывъ о слугахъ на свой счетъ и обижаться нашими словами? Вѣдь въ настоящее время бранятъ же чиновниковъ, и кто жь изъ честныхъ и хорошихъ чиновниковъ станетъ обижаться этою бранью? Напротивъ, если я честный чиновникъ и слышу брань на чиновниковъ, то я самъ присоединю свой голосъ къ этой брани, чтобъ она была еще слышнѣе. Такимъ точно образомъ, г. Чернышевъ, должны были поступить и вы, если вы взяли на себя роль честнаго и хорошаго слуги. Вотъ ка́къ мы смотримъ на предметъ. Вникните въ нашу мысль, и вы поймете, что не грязь и брань были въ нашихъ словахъ, а истина и желаніе добра.

Скажемъ вамъ, г. Чернышевъ, что слуги въ Петербургѣ нетолько дурны, но они и не могли быть хороши, потому-что правильныхъ отношеній между слугами и ихъ нанимателями у насъ до-сихъ-поръ не существовало, потому-что слуги въ отношеніи своихъ обязанностей къ нанимателямъ были предоставлены чистому произволу. Хочетъ слуга быть хорошимъ — такъ хорошъ, а нехорошъ — такъ нехорошъ, это была его воля. Онъ ничего не боялся, не имѣлъ надъ собою ни суда, ни страха, ни наказанія. Скажите, пожалуйста, не могъ ли подѣйствовать вреднымъ образомъ на слугъ такой порядокъ? Въ строгомъ смыслѣ, мы и не должны обвинять слугъ за все то́, что́ произошло, потому-что они въ этомъ невиноваты. Но ка́къ бы тамъ ни было и кто бы тутъ виноватъ ни былъ, а послѣдствія тѣмъ-неменѣе оказались дурны. Вотъ противъ этихъ послѣдствій, въ строгомъ смыслѣ, мы и вооружились (правду сказать, вы насъ, г. Чернышевъ, немножко не поняли). Какъ мѣру, полезную къ исправленію допущенныхъ безпорядковъ, мы предлагали завести для слугъ кондуитную книгу. Г. Чернышевъ возопилъ противъ этого: «Но вѣдь это было бы похоже на нелѣпость, послѣ того, какъ мы изъ опыта видимъ, что кондуиты и адресныхъ билетовъ не оправдываютъ цѣли. Съ чѣмъ было бы сообразно, еслибъ каждый господинъ могъ записывать въ эту книгу, по своему капризу, все, что́ ему угодно, что́ онъ вздумаетъ, потому только, что онъ баринъ.» Какая вамъ польза была, г. Чернышевъ, коверкать нашу мысль? Если мы будемъ говорить, и насъ не будутъ (или не захотятъ) понимать и станутъ переиначивать наши слова по своему, то изъ этого выйдетъ билиберда. Вѣдь мы съ вами говоримъ не для того только, что бы колотить воздухъ, или воду толочь. Не-уже-ли служительскую кондуитную книгу мы предоставляли произволу и капризу господъ? Еслибъ въ нашемъ предложеніи объ устройствѣ слугъ мы допускали подобную беззаконную мѣру, то мы были бы достойны той брани, которою

насъ осыпалъ г. Чернышевъ. Вѣдь мы предлагали устроить для разбора жалобъ между слугами и ихъ нанимателями особую расправу, и предлагали вносить въ кондуитыя книги только такія отмѣтки, которыя будутъ опредѣлены расправой. Найдутся многіе, которые при этомъ воскликнутъ: учредить расправу!!... еще особую расправу!... легко сказать! А какъ же иначе? Какъ же иначе вы установите правильныя отношенія между слугами и ихъ нанимателями? Разумѣется, мы предлагали (или предполагали) устроить расправу публичную, съ тѣмъ, чтобъ тутъ произвола, или несправедливости не могло быть. Этой расправѣ подлежали бы нетолько слуги, но также и ихъ наниматели, кто бы они ни были и какого бы сословія ни были. Вѣдь вы, г. Чернышевъ, жалуетесь теперь на господъ, что они дурно обращаются съ слугами—вотъ бы тогда за всякое дурное обращеніе, обиду, пощечину и тому подобное вы и пожаловались въ расправу, и господинъ отвѣчалъ бы передъ нею за это штрафомъ. Тутъ бы въ расправѣ лежала и служительская кондуитная книга, которая вамъ такъ не нравится, г. Чернышевъ. Вотъ какую мѣру мы предлагали. Вамъ неугодны кондуитныя книги, и вы бы желали остаться въ томъ же блаженномъ положеніи, въ какомъ вы теперь находитесь, но это невозможно, потому-что такое положеніе (не говоря о хозяевахъ) рѣшительно полезно для однихъ дурныхъ слугъ и вредно для хорошихъ, потому-что при этомъ положеніи даже нѣтъ никакой выгоды быть хорошимъ слугою, и всѣ слуги, волею или неволею, дѣлаются дурны. Продолженія этого положенія можетъ желать одинъ только дурной слуга. Вспомните, что̀ мы сказали въ нашемъ предположеніи о служительской расправѣ съ кондуитною служительскою книгою. Мы сказали: «что устройство такой расправы будетъ нетолько благодѣтельно для обывателей, но полезно даже для самихъ слугъ, ибо тогда слуги хорошіе будутъ отличены отъ дурныхъ и получатъ высшую плату, а дурные или останутся вовсе безъ мѣстъ, или должны будутъ поневолѣ исправляться и подражать хорошимъ.» Не-уже-ли, предлагая подобную мѣру, мы могли думать, что возбудимъ гнѣвъ или неудовольствіе въ хорошихъ и честныхъ слугахъ? Еслибы мы могли предвидѣть, что и честные слуги будутъ за это на насъ недовольны, то мы были бы въ отчаяніи, потому-что мы бы тогда увидѣли, что истинно-честныхъ слугъ у насъ рѣшительно не существуетъ. Ка́къ вы думаете, г. Чернышевъ, справедливо ли мы разсуждаемъ, или нѣтъ?

Въ изложенныхъ обстоятельствахъ заключаются капитальные пункты нашихъ разсужденій о слугахъ и вашихъ опроверженій. Теперь перейдемъ къ частнымъ обстоятельствамъ и частнымъ разсужденіямъ, заключающимся въ вашей статьѣ по этому предмету. Возраженія наши на эти частныя обстоятельства вамъ будетъ, г. Чернышевъ, тяжело выслушать, но что̀ дѣлать! вѣдь вы насъ обвиняете, что мы «топчемъ въ грязь всѣхъ слугъ» такъ мы должны же защищаться и себя оправдывать. Начнемъ по порядку:

Вы начинаете: «что статья наша въ № 26 «Спб. Вѣдом.» весьма-обидна для *вашего* брата. Если на эту статью взглянуть внимательно, то она есть чистѣйшій пасквиль для ея автора, который, какъ бы сты-

дясь своей недобросовѣстноси, постыдился даже выставить подъ нею свое имя и замаскировалъ себя буквами В. П.» Вы ошибаетесь, г. Чернышевъ: мы бы вовсе не постыдились написать своего имени подъ нашею статьею, потому-что, печатая ее, мы ничего дурнаго, съ своей стороны, не дѣлали, а напротивъ, дѣлали дѣло; не подписали же мы своего имени подъ нею по обстоятельствамъ, отъ насъ независящимъ.

Далѣе, вы говорите о лишеніяхъ слуги, который, «получая даже 10 руб. сер. въ мѣсяцъ, нуждается во всемъ, потому-что онъ долженъ платить барину оброкъ, кормиться, имѣть адресный билетъ, прачку, баню на эти деньги, такъ, что изъ 10 руб. на одежду и на рубашки у него ничего не остается. За какія же деньги этотъ человѣкъ выпьетъ въ праздникъ стаканъ чаю? При такихъ обстоятельствахъ, постоянная забота, грусть, не даютъ слугѣ покоя, заглушаютъ въ немъ всѣ добрыя качества, и превращаютъ его въ существо жалкое, заслуживающее не презрѣнія, а участія. Въ такомъ положеніи слуги находятся не годъ, не два, а весь свой вѣкъ, безъ всякой надежды обезпечить хоть сколько-нибудь въ будущемъ свое существованіе... А какой-нибудь В. П. съ презрѣніемъ говоритъ о слугахъ, что это толпа гулякъ», и проч.

В. П. вполнѣ сочувствуетъ горестному положенію *оброчнаго слуги* (и это сочувствіе В. П. уже заявилъ, также печатно, въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ), но, замѣтьте, оброчнаго, а вы, г. Чернышевъ, оброчный ли слуга? Подходите ли вы подъ эту категорію? Все сказанное объ оброчномъ слугѣ справедливо. Этотъ слуга бѣденъ, жалокъ, но къ этому надо присовокупить, что онъ, въ то же, время и безнравственъ. Эта самая бѣдность и дѣлаетъ его безнравственнымъ. А коли онъ безнравственъ (вы сами говорите, что его бѣдность заглушаетъ въ немъ всѣ добрыя качества), то значитъ, называя его такимъ, мы были правы. Оброчный слуга бѣденъ и отъ того безнравственъ, но скажите, ради Бога, чѣмъ же городской обыватель виноватъ, что слуга бѣденъ, и почему долженъ терпѣть и быть снисходительнымъ къ его безнравственности? Обыватель за свои деньги хочетъ имѣть нравственнаго слугу. Правъ ли онъ? Не входя ни въ какія причины и не желая даже знать ихъ, онъ хочетъ имѣть хорошаго слугу, а видитъ вокругъ себя однихъ негодящихъ, и ропщетъ на это и жалуется. Скажите на милость, правъ ли онъ? не справедливы ли его жалобы? Но все это относится, не забудьте, къ людямъ оброчнымъ (о которыхъ мы въ № 26 «Спб. Вѣдом.» не забыли сдѣлать оговорку); но что́ сказать о тѣхъ слугахъ, о вольныхъ людяхъ, которые не платятъ никакого оброка и при всемъ томъ также безнравственны? Эти люди заслуживаютъ уже не имени гулякъ, какъ мы сказали, а гораздо-худшаго названія. Эти люди достойны уже не одного только порицанія, но преслѣдованія и наказанія. И такихъ слугъ много въ Петербургѣ. Вы нами недовольны, что мы напечатали нашу статью о слугахъ и рѣшились «ругать ихъ публично»; но вы должны этому радоваться, если вы чувствуете себя правыми. Мы гласно объявили о нашемъ мнѣніи насчетъ здѣшной прислуги, а вы за это на

насъ гнѣваетесь, значитъ, вы противъ гласности? А противъ гласности возстаютъ одни безнравственные люди. Защищайтесь, доказывайте, что мы сказали неправду, радуйтесь, если мы сказали небылицу, и, повѣрьте, публика васъ разсудитъ, и если вы правы, отдастъ вамъ полную справедливость. Но въ томъ то и бѣда, г. Чернышевъ, что вы неправы.

Вы представили счетъ издержкамъ слуги, чтобъ показать, что, получая даже 10 руб. сер. въ мѣсяцъ, онъ ничего не заработываетъ и остается почти нищій, но и въ этомъ счетѣ вы неправы.

По вашему: слуга, положимъ, получаетъ въ мѣсяцъ.	10 р. » к.
Изъ нихъ идетъ на оброкъ помѣщику.	1 — 50 —
На плакатный паспортъ.	» — 15 —
На адресный билетъ.	» — 30 —
На сапоги (4 пары головъ въ годъ).	1 — 15 —
Прачкѣ.	» — 75 —
На баню.	» — 38 —
На пищу	4 — 15 —
На мелочные расходы . . . . , ...	» — 50 —
Итого расхода.	8 р. 85 к.
Остается за симъ у него въ мѣсяцъ, на зимнюю и лѣтнюю одежду, рубашки и прочее	1 р. 15 к.
Этотъ счетъ, чтобъ онъ былъ вѣренъ надо передѣлать такъ:	
На оброкъ въ мѣсяцъ.	1 — 50 —
На плакатъ.	» — 15 —
На баню въ мѣсяцъ, по 3 к. сер. за разъ, а за 4 раза въ мѣсяцъ.	» — 12 —
На адресный билетъ 5 разряда.	» — 12½ —
На сапоги, за 4 пары головъ, по 1 руб. 50 к. за каждую, въ мѣсяцъ.	» — 50 —
На мелкіе расходы.	» — 50 —
Пищу надобно исключить, потому-что нетолько пища, а даже чай, а въ иныхъ мѣстахъ и кофе и сахаръ, всегда хозяйскіе.	
Итого расхода въ мѣсяцъ.	2 — 89½ —
Остается въ мѣсяцъ заработка . , , ...	7 — 10½ —

Вы по всѣмъ почти статьямъ, г. Чернышевъ, поставили расходы лишніе; мы поставили расходы вѣрные, и по этимъ расходамъ выходитъ, что слуга, получающій 10 руб. сер., имѣетъ въ мѣсяцъ чистаго заработка 7 руб. 10½ к. сер. Кажется, довольно и есть изъ-за чего быть вѣрнымъ и рачительнымъ слугою. Но не забудьте, мы въ этотъ расходъ включаемъ также расходъ на оброкъ, а въ Петербургѣ, можетъ-быть, половина слугъ или вольныхъ, или мѣщанъ, и проч. Слѣдовательно, они получаютъ еще больше. По нашему разсчету даже оброчный слуга можетъ жить получаемымъ жалованьемъ честно и безбѣдно, что же сказать теперь о вольномъ, который не платитъ оброка? При этомъ не забудьте, всякому слугѣ (даже

и нехорошему) къ Рождеству и Пасхѣ дѣлаются подарки (потому-что это такъ заведено), и иногда довольно-значительные, а это также что́-нибудь значитъ. При этихъ обстоятельствахъ, «постоянная забота слуги о матеріальныхъ средствахъ жизни, грусть, неразлучная съ этой заботой, недающая слугѣ покоя и превращающая его, вслѣдствіе *недостаточнаго жалованья*, въ существо жалкое, немогущее себѣ припасти ничего на черный день и на старость», совершенно-излишни и несправедливы.

Изъ приведенныхъ нами обстоятельствъ мы не видѣли, чтобъ положеніе слуги (а тѣмъ болѣе вольнаго) было безотрадно и почему бы онъ не могъ себѣ накопить копейку про черный день и на старость; но если онъ, дѣйствительно, не накопилъ, то это его вина. Еслибъ мы пустились при этомъ въ сравненія и сличили оклады, которые получаютъ у насъ слуги, съ другими окладами, то мы бы пришли даже къ заключенію, что положеніе нашихъ наемныхъ слугъ нетолько не худо, но даже очень-хорошо, и что имъ у насъ житье въ сравненіи съ другими *служащими*.

Г. Чернышевъ, приводя наши слова о необходимости принять мѣры, чтобъ заставить слугъ исполнять свои обязанности въ-отношеніи къ нанимателямъ, восклицаетъ: «Да развѣ мы ихъ не исполняемъ? Всегда исполняемъ! Но дѣло въ томъ, что подъ словами исполненіе обязанностей, г. В. П., сообразно съ своимъ взглядомъ, разумѣетъ исполненіе всего того, что́ господинъ приказываетъ, напримѣръ: буфетчику велитъ прочищать, ни съ того ни съ сего, щеткою полы два раза въ недѣлю; потомъ, за отсутствіемъ мужика (извольте замѣтить, г. Чернышевъ становится здѣсь на барскую ногу) топить четыре печи, промывать, съ дворникомъ, (изволите видѣть, ставитъ его наравнѣ съ дворникомъ!) съ улицы стекла, надѣвать ливрею для сопровожденія барыни по набережной, и проч. «Такимъ-образомъ—продолжаетъ г. Чернышевъ—буфетчика сдѣлали истопникомъ, полотеромъ, ливрейнымъ лакеемъ. Значитъ, по понятію г. В. П., дѣйствія слуги должны быть неопредѣлены и должны зависѣть отъ произвола нанимателя. Но зачѣмъ же слуги раздѣляются на лакеевъ, офиціантовъ, каммердинеровъ и т. п.?» Каково! Г. Чернышевъ предполагаетъ, что для слугъ установлена табель о должностяхъ и рангахъ, и что она должна непремѣнно исполняться. Но кто учреждалъ и сочинялъ эту табель для слугъ? гдѣ она у насъ существуетъ? она, разумѣется, существуетъ только въ воображеніи г. Чернышева. Табели о должностяхъ и рангахъ для слугъ у насъ нѣтъ, да ее и быть не можетъ. Положимъ, вы носите званіе хоть бы и буфетчика, но у васъ есть время два раза въ недѣлю прочистить полы щеткою, то почему же ихъ и не прочистить? Почему званіе буфетчика выше званія полотера? и почему буфетчикъ могъ бы унизиться, прочищая полы два раза въ недѣлю щеткою, если у него есть время? Вѣдь его не заставляютъ въ одно и тоже время стоять за буфетомъ и протирать полы, потому-что это дѣло физически невозможное. Почему бы также буфетчику, вмѣстѣ съ дворникомъ, «*не промыть окна*

съ улицы?..» Вѣдь это дѣло тоже возможное. А ходить за барыней въ ливреѣ и того еще возможнѣе. Вѣдь буфетчика не заставляютъ стоять (одной ногой) за буфетомъ и (другой ногой) въ одно и тоже время ходить за барыней? Если такъ, то отчего г. Чернышевъ тяготится и недоволенъ тѣмъ, что буфетчика заставляютъ исполнять, въ свободное время, и другія должности? Вотъ отчего: изволите видѣть, буфетчикъ въ то время, когда онъ по своей должности не занятъ и остается безъ дѣла, хотѣлъ бы лежать на боку, а тутъ ему говорятъ: надѣвай ливрею и ступай за барыней, или бери щетку и протирай полъ! Ка́къ тутъ не возопить! Вѣдь на боку лежать легче, чѣмъ полъ протирать. Допустимъ однако ранги и раздѣленіе служительскихъ должностей, ка́къ себѣ ихъ представляетъ г. Чернышевъ; но это раздѣленіе можетъ быть только тамъ гдѣ въ домѣ существуетъ толпа слугъ. А гдѣ существуетъ только двое слугъ, или одинъ слуга, какъ тутъ прикажете распредѣлять его должности? Тутъ поневолѣ придется ему и печки топить, и стекла перемывать, и за барыней ходить, и сапоги чистить. Какъ! одному и тому же слугѣ исполнять всѣ эти должности! По мнѣнію г. Чернышева, это дѣло вопіющее. Г. Чернышевъ смотритъ на слугъ съ высоты лакейскихъ ранговъ и чиновъ; но спуститесь пониже, до степени обыкновеннаго, простаго слуги, и вы найдете, что слуга, если онъ слуга, долженъ въ домѣ дѣлать все, что́ ему прикажутъ. Знаете ли вы, г. Чернышевъ, что держать въ домѣ толпу слугъ подъ разными наименованіями есть варварское обыкновеніе, которое нынѣ выводится; что въ прежнія варварскія времена у насъ въ каждомъ барскомъ и богатомъ домѣ (точно какъ теперь въ Турціи и у индійскихъ набобовъ) были сотни слугъ; теперь они перешли на десятки, а современемъ еще болѣе сократятся, такъ, что тамъ, гдѣ прежде было 20 слугъ, останется 2, а гдѣ 10, тамъ 1. Извольте тутъ изъ одного слуги сочинять буфетчиковъ, офиціантовъ, каммердинеровъ и проч. Сравните и теперь наши русскіе дома съ иностранными, и вы увидите, что тамъ, гдѣ у насъ исправляетъ дѣло трое слугъ, у иностранцевъ исправляетъ одинъ. Скажу вамъ примѣръ: одинъ значительный русскій домъ въ одной изъ пограничныхъ нашихъ губерній содержалъ, въ недавнее время, для домашней прислуги шесть слугъ мужскаго и женскаго пола и былъ ими недоволенъ; ему, наконецъ, пришла счастливая мысль отпустить всѣхъ русскихъ слугъ и выписать себѣ слугъ изъ-за границы. Онъ такъ и сдѣлалъ, и теперь, вмѣсто шести русскихъ слугъ, у него служатъ двое иностранныхъ, и служатъ хорошо, и исправляютъ въ домѣ всю работу, которую прежде исправляли шестеро. Это фактъ, г. Чернышевъ, и къ этому факту, утѣшительному для насъ, а, можетъ-быть, грустному для васъ, мы всѣ придемъ. Наконецъ, пусть себѣ должности и ранги офиціантовъ, буфетчиковъ и проч. существуютъ, но вѣдь эти должности принадлежатъ только княжескимъ и барскимъ домамъ, а мы объ этихъ домахъ вовсе не говоримъ и о нихъ не заботимся; мы говоримъ объ обыкновенныхъ нанимателяхъ и ихъ простой домашней прислугѣ. Поймите это, г. Чернышевъ.

Далѣе, г. Чернышевъ продолжаетъ: «г. В. П. говоритъ, что слуги господъ обкрадываютъ. По закону тѣ, которые обкрадываютъ наказываются. Что́ же авторъ хотѣлъ сказать словомъ: обкрадываютъ? Ужели онъ не знаетъ значенія этого слова? Правда—продолжаетъ г. Чернышевъ—слуги иногда утаиваютъ нѣсколько копеекъ изъ господскихъ денегъ, но вѣдь это такъ невинно (извольте прислушать), такъ ничтожно, что объ этомъ не стоило бы и толковать. Напримѣръ: слуга купитъ, по порученію барина, бумаги, гребень, ваксы, или что́-нибудь другое, и заплатитъ за это, послѣ продолжительнаго торга, 2 руб., а скажетъ 2 руб. 20 к. (изволите видѣть), тогда-какъ за эти же самыя вещи съ господина лавочникъ *сдернулъ бы* 2 руб. 50 к., или 3 руб. Да и гдѣ тѣ господа, которые бы часто поручали своимъ слугамъ покупать что́-либо на большую сумму (а вамъ хотѣлось бы распоряжаться большими суммами и притомъ часто), чрезъ что́ можно было бы нажить слугѣ рубль-другой, или проценты, которыми пользуется слуга при уплатѣ по счетамъ, г. П. В. называетъ кражею? Богъ вамъ судья!»

Ну, ужь это изъ рукъ вонъ. Г. Чернышевъ нетолько не имѣетъ понятія о нравственности, но даже ставитъ нравственность ни во что́. Онъ нетолько дозволяетъ слугамъ обманывать, утаивать господскія деньги, незаконно присвоивать себѣ господскую собственность, но считаетъ эти дѣйствія даже невинными. Купитъ вещь за 2 руб., а скажетъ господину, что купилъ за 2 р. 20 к.! Не невинно ли это? Г. Чернышевъ нетолько не осуждаетъ слугъ за подобные поступки, но даже освобождаетъ ихъ за это отъ всякаго нареканія. 20 копеекъ утаить много ли это! пожалуй, иной скажетъ, что утаить и 20 руб. также мало, а иной утаитъ и 200 руб. будетъ считать бездѣлицей. Гдѣ же предѣлъ? Да и гдѣ тѣ господа, говоритъ г. Чернышевъ, которые бы поручали слугамъ въ руки большія суммы, гдѣ бы можно было утаить больше? Каково! Вотъ что́ называется защищеніе слугъ, такъ защищеніе! Не знаемъ только, будутъ ли довольны истинно-честные слуги такимъ защищеніемъ? Г. Чернышевъ говоритъ, что господа слугамъ не поручаютъ большихъ суммъ, а потому они если и похищаютъ, то похищаютъ только самую бездѣлицу. Не знаемъ, что́ бы сказалъ г. Чернышевъ своему слугѣ, еслибъ слуга утаилъ у него хотя копейку? Намъ кажется, что слуга, утаивающій копейку, также безчестенъ, какъ и утаивающій рубль. Намъ *кажется*, что слуга, обманывающій на грошъ, способенъ обмануть на всякую сумму. Нѣтъ, г. Чернышевъ, если обмануть на грошъ вы считаете ни во что́, то позвольте вамъ сказать, что вы не имѣете никакого понятія о нравственности. Не-уже-ли и все наше сословіе служителей имѣетъ о нравственности такія же понятія? Это было бы ужасно! Въ такомъ случаѣ надо было бы допустить, что обманъ, утайка господской собственности, похищеніе вошли въ обычай, въ нравы нашихъ слугъ до такой степени, что это уже считается не преступленіемъ. Но нѣтъ, Боже насъ сохрани, думать такъ о цѣломъ сословіи нашихъ наемныхъ слугъ! Мы думаемъ, что между нашими слугами есть много такихъ, которые считаютъ безчестнымъ утаить даже

господскую копейку и не утаиваютъ; другіе же, хотя и утаиваютъ, но, по-крайней-мѣрѣ, не считаютъ этого дѣломъ невиннымъ. Одинъ только г. Чернышевъ, выступившій защищать слугъ подъ видомъ слуги, считаетъ такое дѣйствіе дѣломъ ничтожнымъ и незаслуживающимъ никакого вниманія. Удивительно! Вы можете взять копейку и сказать господину, что вы взяли; но взять тайно, утаить взятое—какъ вамъ угодно, какъ вы тутъ ни отнѣкивайтесь, ни оправдывайтесь, а есть воровство, и г. Чернышевъ это воровство оправдываетъ! Удивительно! Но удивительнѣе всего, что г. Чернышевъ, имѣя такія понятія о нравственности слугъ, выступилъ ихъ защищать. Еслибъ я замѣтилъ, что мой слуга утаилъ у меня копейку, я бы не держалъ его ни секунды: кто бы мнѣ поручился, что онъ завтра не утаилъ бы у меня 100 руб.? Скажетъ потерялъ, обронилъ!.. а такихъ молодцевъ между слугами весьма-много, и для такихъ-то молодцевъ мы предполагали ввести кондуитную книгу, которая такъ не нравится г. Чернышеву. Нѣтъ, тотъ истинный слуга, кто служитъ своему господину вѣрно, не возметъ безъ дозволенія хозяйской копейки; кто, выторговавши грошъ на бумагѣ, на ваксѣ и на прочемъ, принесетъ этотъ грошъ господину, кто сбережетъ каждую господскую бездѣлицу, каждую нитку, кроху — вотъ это вѣрный слуга, и таковъ онъ долженъ быть. Вы, можетъ-быть, съ этимъ несогласны, г. Чернышевъ? ваша воля. Но такихъ слугъ у насъ мало, и мы для пользы нетолько хозяевъ, но и самихъ слугъ, желали, чтобъ ихъ было больше, и для этого предлагали ввести служительскую кондуитную книгу. Вѣдь для чиновниковъ существуетъ же формуляръ, такъ отчего же для слугъ не ввести такого же формуляра? Что вы на это скажете? Вѣдь служба чиновника, конечно, и болѣе развитаго и образованнаго, нежели простой слуга, находится, чрезъ формуляръ, подъ постояннымъ контролемъ: такъ отчего же такому контролю не подчинить и службу слугъ? Намъ кажется, что слуга болѣе подлежитъ такому контролю, нежели чиновникъ. Чиновники, однакожь, противъ этого не ропщутъ (еще бы противъ этого они роптали!) Отчего вы ропщете, г. Чернышевъ?

Многіе и со стороны слугъ и даже со стороны господъ находятъ, что кондуитныя книжки для слугъ будутъ безполезны, а мы думаемъ, что онѣ будутъ нетолько для публики, но даже и для слугъ истиннымъ благодѣяніемъ. Надъ человѣкомъ всегда долженъ быть страхъ, но не страхъ палки, кулака, брани и проч., а страхъ суда. Такъ уже человѣкъ созданъ и спорить противъ этого (какъ это дѣлаетъ «Экономическій Указатель» № 121) значитъ только тратить попустому слова. Вотъ этотъ то страхъ суда, съ властью писать отмѣтки на кондуитной служительской книгѣ, мы и предлагали ввести для слугъ.

Мы бранили слугъ, а вы, г. Чернышевъ, оправдывая ихъ, браните господъ и говорите, что въ дурномъ состояніи слугъ господа виноваты; что господа поступаютъ съ слугами тàкъ и тàкъ, дѣлаютъ съ ними тó и тó, и что если слуги виноваты тутъ на вершокъ, то господа на аршинъ. Едвàли это такъ. Всякій господинъ или хозяинъ есть глава дома, семейства, хозяйства и человѣкъ, ищущій порядка

и спокойствія въ своемъ домѣ. Предполагать противное было бы не натурально. Слуга, напротивъ, есть существо болѣе или менѣе непостоянное, шатающееся, непонимающее благъ спокойной домашней жизни. Кáкъ же можно предположить, чтобы поводъ къ безпокойству, шуму и другимъ домашнимъ безпорядкамъ происходилъ болѣе отъ хозяина, чѣмъ отъ слуги? Всякій хозяинъ охраняетъ, какъ птица гнѣздо, свой домъ и хозяйство отъ всего, чтó вноситъ въ него безпокойство, а слугѣ какая надобность до этого дома, до этого гнѣзда; слѣдственно, кто тутъ больше заинтересованъ? Хозяинъ платитъ слугѣ и старается купить для себя спокойствіе, желаетъ имѣть хорошаго слугу. Можно ли предположить такого безтолковаго хозяина, который, дѣлая вредъ слугѣ, надѣялся бы получить отъ него хорошую службу? Думать такъ, значитъ думать противъ зраваго смысла. Конечно, есть безпорядочные господа, но такіе господа составляютъ исключеніе. Приведенный вами примѣръ, г. Чернышевъ, о слугѣ, находившемся въ услуженіи у полковницы N, «дочери извѣстныхъ родителей», есть также исключеніе. Чтó бы по этому предмету ни говорили и не писали, но мы никогда не согласимся (и не по упорству, а по искреннему убѣжденію), чтобы главная причина безпорядковъ въ отношеніяхъ между слугами и ихъ хозяевами происходила отъ хозяевъ. Если это и бываетъ, то, приведя факты въ цифры, мы найдемъ, что на *одного* безпорядочнаго хозяина придется *сто* безпорядочныхъ слугъ. Спорить противъ этого — значитъ только тратить слова попустому. Вы говорите, г. Чернышевъ, «что бóльшая часть вашего сословія живетъ у такихъ господъ-нанимателей, для которыхъ обидить слугу, назвать его въ глаза болваномъ, дуракомъ, скотиной, ничего не значитъ, и такихъ дурныхъ господъ, *пожалуй*, больше, чѣмъ дурныхъ слугъ.» А если, по нашему, обратиться къ логикѣ и къ счету, то такихъ господъ, *пожалуй* выйдетъ и меньше. Мы пропускаемъ все тó, чтó г. Чернышевъ говоритъ о обращеніи помѣщиковъ и господъ съ крѣпостными слугами, потому-что это особая статья и до насъ некасающаяся. «Но есть (добавляетъ г. Чернышевъ) и господа хорошіе, которые содержатъ слугъ по-человѣчески, и у такихъ господъ слуги живутъ по двадцати лѣтъ, и любятъ ихъ и почитаютъ.» Все это справедливо, но мы должны при этомъ замѣтить, что такіе слуги, которые бы жили нетолько двадцать, а пять и шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ, необыкновенная рѣдкость, что за такими слугами господа ухаживаютъ, какъ няньки, смотрятъ имъ въ глаза и не знаютъ куда такихъ слугъ посадить. Укажите намъ только на хорошаго и вѣрнаго слугу, и вы увидите, что десять нанимателей бросятся на него и будутъ тащить тотъ къ себѣ, а тотъ къ себѣ—гляди и выбирай любаго; а при такихъ обстоятельствахъ положеніе хорошаго слуги у насъ не можетъ быть дурно.

Вотъ чтó мы хотѣли вамъ сказать и возразить на ваши слова, г. Чернышевъ. Возраженіе наше будетъ вамъ, можетъ-быть, непріятно, но согласитесь, что оно справедливо. Пора сословію слугъ оставить заблужденіе о своей непогрѣшимости и перестать жаловаться

на господъ. Мы теперь съ вами стали передъ судомъ публики. Мы не съ тѣмъ выступили передъ публику и стали съ вами на судъ, чтобъ торжествовать побѣду нашу, нѣтъ, мы выступили съ тѣмъ, чтобъ изъ нашего спора съ вами вышелъ смыслъ; мы выступили съ тѣмъ, чтобъ вы, наконецъ, поняли въ чемъ дѣло, чтобъ вы вошли въ себя, вникли въ-сущность, чтобъ вы прониклись тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находится сословіе петербургскихъ слугъ, чтобъ вы поняли истину и подумали о нравственномъ исправленіи, или, лучше сказать, перерожденіи петербургской прислуги, чтобъ вы не сваливали вины слугъ на другихъ «господа дескать во всемъ виноваты!» чтобы сами слуги, не обвиняя никого, не надѣясь ни на что, не полагаясь ни на лестные отзывы о нихъ нѣкоторыхъ журналовъ (какъ «Русскій Міръ», «Экономическій Указатель»), ни на другую помощь, старались подумать, погадать и взяться за свое улучшеніе. Собственное стараніе и работа надъ собою есть самый лучшій путь къ улучшенію. Вѣдь мужики деревенскіе отказываются отъ питья водки; отчего же, такимъ-образомъ, городскимъ слугамъ не отказаться отъ своихъ пороковъ? Конечно, много найдется слугъ, которые бы на это рѣшились, но гораздо-больше окажется и такихъ, которымъ трудно оказаться отъ старыхъ привычекъ, и для этихъ-то слугъ самымъ лучшимъ средствомъ къ улучшенію будутъ судъ и кондуитныя книги. Вы не хотите кондуитныхъ книгъ, то-есть хотите избавить слугъ отъ всякаго наблюденія за ихъ дѣйствіями, но хорошо ли и справедливо ли это? Кондуитныя книги суть контроль надъ поведеніемъ слугъ. Этотъ контроль нетолько имъ не повредитъ, а напротивъ, будетъ полезенъ. До-сихъ-поръ слуги жили безъ всякаго контроля и безъ всякаго надзора, и что изъ этого вышло? Пусть сами безпристрастные слуги на это отвѣчаютъ. Для хорошаго слуги контроль нестрашенъ, а если онъ страшенъ для худаго, то тѣмъ лучше—для него-то контроль и учреждается. При контролѣ всѣ слуги будутъ на перечетѣ: хорошихъ столько, а худыхъ столько; хорошъ Иванъ, Петръ и Сидоръ, а нехорошъ Карпъ, Филиппъ и Дормидонъ. Ивану я заплачу 10 руб. и больше, а Дормидона я и даромъ не хочу. Что же долженъ будетъ дѣлать тогда Дормидонъ? Разумѣется, исправляться поневолѣ и поневолѣ дѣлаться хорошимъ. Развѣ это худо?

Нѣкоторые наши русскіе философы защищаютъ слугъ и говорятъ, что если прислуга наша и дурна, то это происходитъ отъ ея невѣжества, необезпеченности положенія и проч., и предлагаютъ для улучшенія сословія слугъ учредить для него школы и эмеритальныя кассы, или пенсіоны. Все это прекрасно, но все это для насъ пока есть не что иное, какъ утопія. Прежде нужно подумать о томъ, что удобоисполнимѣе и удобопримѣнимѣе (или, какъ, говорятъ—практичнѣе). Ты мнѣ сулишь, говоритъ пословица, журавля въ небѣ, дай лучше синицу въ руки. Если у насъ указываютъ на худыхъ людей и на худыя дѣла, то, обыкновенно, наши поверхностные защитники человѣчества говорятъ: все это происходитъ отъ необразованности!.. Просвѣтите нашего мужика, нашего лакея, нашу кухарку, то изъ

нихъ выйдутъ прекрасные люди. Но ожидайте, пока нашъ лакей просвѣтится—и просвѣтится ли онъ еще когда-нибудь (мы, конечно, не отчаяваемся), а между-тѣмъ я отъ него страдаю. Вѣдь и въ другихъ странахъ не всѣ люди—лакеи, кухарки, кучера, просвѣщены, а между-тѣмъ, они тамъ ведутъ себя хорошо и честно. А почему? Потому, что тамъ надъ ними есть общественный судъ (а по нашему кондуитныя книги).

Вамъ извѣстно, г. Чернышевъ, что мы вошли въ объясненіе съ «Экономическимъ Указателемъ», который въ 110 № сдѣлалъ замѣчаніе на нашу статью о слугахъ, помѣщенную въ 26 № «Спб. Вѣдомостей».

На это замѣчаніе «Указателя» мы сдѣлали, въ 65 № Вѣдомостей, нѣсколько вопросовъ и просили его отвѣчать на нихъ серьёзно, а не мелькомъ, какъ это было сдѣлано имъ въ первый разъ. Нынѣ «Указатель», въ 121 №, намъ отвѣчаетъ на нашъ вызовъ, но отвѣтъ его насъ не удовлетворилъ. Отчего и почему онъ насъ не удовлетворилъ, мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ объясненіе. Достаточно будетъ сказать, что онъ, какъ намъ кажется, нисколько не подвинулъ вопроса впередъ, а это уже большой недостатокъ съ его стороны. За одно только мы благодаримъ «Экономическій Указатель», что онъ приложилъ къ своему отвѣту выписку изъ постановленія конгреса благотворительности, бывшаго въ 1857 году во Франкфуртѣ на Майнѣ, и письмо I. К. Козаковскаго по вопросу о наемныхъ слугахъ.

Въ выпискѣ изъ постановленій франкфуртскаго конгреса, между-прочимъ, пунктъ 5-й, сказано: для устройства слугъ необходимо учрежденіе коммунальными (общественными) властями, или подъ ихъ покровительствомъ и *контролемъ*, особыхъ конторъ помѣщенія (опредѣленія на мѣста) прислуги, *которыхъ назначеніемъ было бы удалять дурныхъ слугъ, быть указателями при ихъ выборѣ и представлять господамъ въ этомъ отношеніи ручательство котораго не существуетъ въ настоящее время.*

Письмо Козаковскаго состоитъ въ слѣдующемъ: «*Испытывая лично непріятности отъ дурной прислуги, сочувствуя подобнымъ неудовольствіямъ другихъ и нравственному оцѣпененію самой прислуги, которая, не понимая своихъ недостатковъ, продолжаетъ идти прежнимъ* путемъ, и тѣмъ все болѣе-и-болѣе раздражать своихъ господъ, мы начали пріискивать средства исправленія этого зла. Прочитавъ въ газетахъ, что этотъ предметъ былъ разсматриваемъ на конгресахъ благотворительности въ Брюсселѣ и Франкфуртѣ въ 1856 и 1857 годахъ, мы выписали отчеты объ этихъ конгресахъ. Къ-несчастію, въ отчетахъ этихъ мы нашли лишь общія указанія различныхъ мѣръ, развитіе которыхъ потребовало бы много труда и времени, между-тѣмъ другія занятія поглотили наше вниманіе, и мы оставили на время этотъ предметъ. Вдругъ вопросъ этотъ поднялся въ нашей литературѣ и обратилъ вновь на себя вниманіе наше, и мы рѣшились заняться его подробнымъ развитіемъ окончательно. Вникнувъ въ этотъ предметъ, мы нашли, что прислугу на-

-ству могутъ улучшить слѣдующія мѣры: 1) Вкорененіе правилъ религіи и нравственности; 2) распространеніе грамотности и спеціальнаго образованія; 3) аттестаціонныя книжки; 4) награды; 5) пенсіи; 6) призрѣніе слугъ, неимѣющихъ мѣстъ, дѣтей, калѣкъ, престарѣлыхъ, больныхъ, и т. п. Придумавъ эти главныя мѣры исправленія нашей прислуги, мы взялись за перо, чтобъ развить наши предположенія; но тутъ представились намъ вопросы: кто займется этимъ, правительство, общество, или частныя лица? будутъ эти мѣры *для* всѣхъ безусловно обязательны, или предоставлены доброй волѣ всякаго? и много другихъ вопросовъ и мѣръ, разрѣшенія которыхъ мы не могли найдти ни въ нашихъ законахъ, ни въ литературѣ, ни въ обществѣ, и мы были заставлены бросить опять перо, въ ожиданіи полученія спеціальныхъ по этому предмету сочиненій и правилъ отъ г. Мясковскаго, который былъ депутатомъ на названныхъ конгресахъ благотворительности. По вышеизложеннымъ причинамъ, не имѣя возможности войти въ подробное разсмотрѣніе настоящаго вопроса, и опасаясь, между-тѣмъ, чтобъ возможность эта не представилась намъ слишкомъ-поздно, *для* пользы общаго дѣла, мы спѣшимъ сообщить въ настоящее время наши предположенія въ общихъ чертахъ.

Вотъ наши средства улучшенія быта и нравственности прислуги:

1) Вкорененіе правилъ религіи и нравственности посредствомъ попеченія духовенства и господъ членовъ попечительнаго надъ слугами общества, которое бы слѣдовало основать.

2) Распространеніе грамотности, спеціальнаго образованія, приготовляющаго прислугу къ исполненію ея обязанностей, посредствомъ вышеозначенныхъ лицъ и основаніемъ спеціальныхъ, *для* этой цѣли назначенныхъ учебныхъ заведеній.

3) ***Введеніе аттестаціонныхъ книжекъ, или формулярныхъ списковъ, въ которыхъ бы записывалась справедливая аттестація о службѣ.***

4) Награды за особое прилежаніе, особые труды, или особыя отличія, какъ денежныя, такъ равно и почетныя, отъ попечительнаго общества надъ слугами.

5) Пенсіи, посредствомъ которыхъ нетолько обезпечится будущая участь прислуги, но и уничтожится вредный обычай частой перемѣны мѣстъ, если только постановить условіе, что всякій слуга, непрослужившій у одного господина опредѣленнаго числа лѣтъ, напримѣръ, пяти, теряетъ все впродолженіе этого времени внесенное имъ въ пенсіонный капиталъ. Сюда, безъ-сомнѣнія, не могутъ относиться всѣ тѣ случаи, когда прислуга сходитъ съ мѣста по независимымъ отъ нея причинамъ, или за жестокостью обращенія, или противнымъ религіи, закону и нравственности требованіямъ господъ. ***Для разбора споровъ, какъ по этому*** предмету, такъ и по другому, между господами и прислугою, слѣдовало бы ***установить особыя посредническія*** коммисіи, составленныя изъ господъ и слугъ, по собственному выбору этихъ обоихъ сословій.

6) Призрѣніе слугъ, неимѣющихъ мѣстъ, дѣтей, калѣкъ, престарѣлыхъ, больныхъ и т. п. должно быть однимъ изъ главныхъ предметовъ занятій попечительнаго о слугахъ общества и частныхъ благотворителей.»

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ по вопросу о наемной прислугѣ для насъ важно то́, что и франкфуртскій конгресъ считаетъ необходимымъ контроль надъ прислугою, съ обязанностью удалять дурныхъ слугъ и представлять господамъ ручательство при выборѣ ихъ, и г. Козаковскій считаетъ нужнымъ, для улучшенія быта нашей прислуги, введеніе аттестаціонныхъ книжекъ, или формулярныхъ списковъ, въ которыхъ бы записывались справедливыя аттестаціи о службѣ.

Этого для насъ достаточно. Какъ одно, такъ и другое свидѣтельство, приведенное «Экономическимъ Указателемъ», подтверждаютъ вполнѣ то́, чего мы требовали и требуемъ для улучшенія быта нашихъ слугъ и обезпеченія ихъ нанимателей. Свидѣтельства эти приведены тѣмъ самымъ «Экономическимъ Указателемъ», который вооружался противъ насъ за предложеніе о введеніи формуляровъ, или кондуитовъ для слугъ.

Въ заключеніе, приведемъ выписку изъ фёльетона «Спб. Вѣдомостей» № 100, гдѣ неизвѣстный намъ авторъ, разсказавъ объ обманѣ, которому подверглись, 8 мая, нѣкоторыя лица на кронштадтскомъ пароходѣ со стороны слуги, потребовавшаго съ нихъ за обѣдъ лишнюю цѣну и положившаго этотъ излишекъ (какъ оказалось) *себѣ въ карманъ*, разсуждаетъ далѣе такъ: «Врядъ ли найдется *гдѣ-нибудь* такое множество слугъ плохихъ и въ тоже время дорогихъ (эта дороговизна, какъ мы имѣли уже честь объяснять, происходитъ вслѣдствіе большаго *запроса* на хорошихъ слугъ, а этимъ запросомъ пользуются и худые), какъ въ Петербургѣ. Содержатели торговыхъ заведеній стараются (избѣгая русской) держать прислугу изъ татаръ. Въ лучшихъ ресторанахъ прислуживаютъ татары; лучшіе кучера также татары. Татары изъ ресторановъ переходятъ на службу въ дома частныхъ лицъ, и вездѣ отличаются воздержностью и поведеніемъ.» Вотъ вамъ живой фактъ о поведеніи петербургскихъ слугъ, г. Чернышевъ, а такихъ фактовъ тысячи. Что́ вы на это скажете? А что́ тутъ прикажете сказать? Тутъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться съ истиной и, вздохнувши, признать необходимость служительскихъ кондуитныхъ книжекъ.

В. Н.

МЕСТЬ И ПРИМИРЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ДЯДИ АДАМА (ВЕТТЕРБЕРГА).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЕТТЕРБЕРГѢ И ШВЕДСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Шведская литература у насъ вообще такъ мало извѣстна, что я, намѣреваясь теперь познакомить публику съ сочиненіемъ Карла Антона Веттерберга (Wetterbergh), занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ нетолько между современными писателями своего отечества, но и вообще, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о литературѣ этой націи, богатой и разнообразной, и начало которой относится еще ко временамъ язычества, ко временамъ бардовъ и викинговъ, когда написаны скандинавскія саги и столь извѣстныя сѣверныя поэмы: обѣ Эдды.—Съ введеніемъ христіанства, саги измѣнили свой дикій характеръ, явились легенды; шведскій языкъ началъ все болѣе и болѣе развиваться; сохраняя свое скандинавское начало, онъ уже сталъ языкомъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ. Правда, что вмѣстѣ съ католицизмомъ латинскій языкъ сталъ языкомъ ученыхъ и имѣлъ пагубное вліяніе на развитіе шведскаго; долгое время ученые, литераторы и даже поэты почти исключительно писали на этомъ языкѣ. Въ этотъ періодъ творенія національныя были или забыты, или искажаемы противными народности передѣлками. Наконецъ, шведскій языкъ сталъ вытѣснять латинскій; но разъ поддавшись иностранному вліянію, Швеція не могла вдругъ отъ него освободиться, и Франція, въ свою очередь, имѣла сильное вліяніе на ея вкусъ и литературу. Потомки викинговъ принялись разыгрывать роль маркизовъ, всячески стараясь подражать героямъ Версаля и Тріанона. Муза саги уступила свою лиру музѣ береговъ Сены. Закрывали глаза и затыкали уши, чтобъ не видѣть величественныхъ скалъ отечества,

не слышать бурнаго голоса его лѣсовъ и озеръ. Всѣ великія и славныя воспоминанія искажались и уничтожались подъ вліяніемъ неудачнаго подражанія. Въ это время Швеція не хотѣла и не умѣла понять, что первое достоинство всякой націи есть національность.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Густава III, то есть въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и для Швеціи, наконецъ, пробилъ часъ возрожденія отечественной литературы. Образовались два литературныя общества; одно называлось «Аврора» (Aurora Förbundet), другое «Готическое общество» (Götiska Förbundet). Оба стремились къ одной общей цѣли— національности, но старались достичь ея разными путями. Въ главѣ перваго изъ нихъ, основанаго въ Упсалѣ 10 октября 1807 года, находился Аттербомъ (Atterbom). Членами этого общества, издававшаго періодическій сборникъ «Фосфоросъ» (Phosphoros), были: Пальмбладъ (Palmblad), Стенгаммаръ (Stenhammar), Ингельгренъ (Ingelgren), Эльгстремъ (Elgström), Хедеборнъ (Hedeborn), Сонде́нъ (Sondén) и м. д., Романтизмъ и германская туманность были преобладающими чертами фосфористовъ; они, такъ сказать, все парили въ облакахъ: ничего яснаго, опредѣленнаго, положительнаго. Труды ихъ, въ сущности, не принесли большой пользы. «Готическое общество», основанное въ Стокгольмѣ 16 февраля 1811 года и издававшее сборникъ подъ заглавіемъ «Идуна» (Iduna), ознаменовалось, напротивъ, замѣчательными твореніями, и сборникъ его пріобрѣлъ почетное мѣсто въ исторіи шведской литературы. Членами «Готическаго общества» были: Гейэръ (Geijer), Тегнеръ (Tegnér), баронъ Адлербетъ (Adlerbeth), Афцеліусъ (Afzelius), Гумеліусъ (Gumaelius), Никандеръ (Nicander), Лидманъ (Lidman), Бруцеліусъ (Bruzelius), Бесковъ (Beskow) и м. д. «Готическое общество» возставало противъ подражанія иностранному, но преимущественно въ самой сущности, а не въ формѣ, и занималось предметами отечественной исторіи.

Сколько–нибудь знакомые съ современными шведскимъ романомъ и повѣстью знаютъ имена Альмквиста (Almqvist), Веттерберга (Wetterbergh), Риддерстада (Ridderstad), Пальмблада (Palmblad), Топеліуса (Z. Topelius). Фредерика Бремеръ (Frederika Bremer) извѣстна своими романами вседневной семейной жизни, переведенными на англійскій, нѣмецкій и французскій языки. Жаль только, что романы ея слишкомъ однообразны и односторонни, и по этому только очень–немногіе изъ нихъ будутъ нравиться нашей публикѣ; сочиненія ея никогда не пріобрѣтутъ популярности. Эмилія Карленъ (Emilie Carlen) гораздо–болѣе понравится намъ; въ ея романахъ болѣе жизни, дѣйствія, энергіи, разнообразія.

Карлъ Антонъ Веттербергъ (Wetterbergh), занимающій столь почетное мѣсто въ шведской литературѣ и издавшій бо́льшую часть своихъ истинно–замѣчательныхъ произведеній подъ заглавіемъ: «Очерки дяди Адама» (Genremålningar of Onkel Adam), родился въ Геаченингѣ (Jönköping) 6 іюня 1804 года. Первоначальное его воспитаніе было во многихъ отношеніяхъ оригинально, что́, быть–можетъ, и было причиною тому направленію ума, которое такъ ясно отразилось

въ его твореніяхъ. Отецъ его, совѣтникъ гофгерихта, Іоганъ Веттербергъ, бывшій первымъ его учителемъ, былъ убѣжденъ, что умъ человѣческій нельзя развивать по напередъ-установленнымъ формамъ, и считалъ всѣ раздѣленія между науками на высшія и низшія излишними и безполезными. Потому-то преподаваніе почти исключительно ограничивалось изустными объясненіями и чтеніемъ. Надобно замѣтить, что и относительно чтенія, отецъ Карла Веттерберга имѣлъ свой особый взглядъ: сыну предоставлена была полная свобода читать все заключающееся въ огромной библіотекѣ отца, такъ-что мальчику часто попадались книги, которыя были не по его лѣтамъ. — Въ 1822 году Веттербергъ поступилъ въ лундскій университетъ. Желая какъ-можно-скорѣе имѣть возможность не обременять собою своихъ очень небогатыхъ родителей, Веттербергъ рѣшился избрать карьеру юриста; но съ годъ послѣ поступленія его въ университетъ, отецъ его, совершенно непредвидѣнно, лишился послѣднихъ средствъ и всякой возможности по желанію поддерживать сына. Извѣстіе объ этомъ сильно потрясло юношу, но онъ не упалъ духомъ и отвѣчалъ отцу, чтобъ тотъ не заботился о немъ, что онъ, съ помощію Божіею, и самъ какъ-нибудь да пробьется.

И дѣйствительно, съ-этихъ-поръ Веттербергъ получалъ изъ дому только на одежду, обо всемъ остальномъ онъ долженъ былъ самъ заботиться; правда, что, несмотря на всѣ лишенія, многое все же приходилось брать въ долгъ, въ ожиданіи болѣе-благопріятнаго времени. Не имѣя уже теперь прежней причины спѣшить скорѣе окончить свое образованіе и создать себѣ независимое положеніе, Веттербергъ рѣшился послѣдовать своему призванію и быть врачомъ. Скоро онъ пріобрѣлъ хорошія познанія въ химіи и заслужилъ общее вниманіе профессоровъ и товарищей, такъ-что многіе студенты стали брать у него уроки. Это нѣсколько поправило его обстоятельства, но ему все же врядъ ли бы удалось пробиться, еслибы не принялъ въ немъ участія профессоръ Прамбергъ (Joh. Bernh. Pramberg), который нетолько всячески поддерживалъ и поощрялъ его, давалъ ему полезные совѣты, но даже, несмотря на то, что былъ человѣкъ недостаточный, нерѣдко давалъ ему въ займы денегъ, безъ всякихъ иныхъ ручательствъ, кромѣ — отмѣтки въ календарѣ.

Литературное поприще Веттерберга началось съ 1832 года, рецензіей о книгѣ «Härolden H», написанной шутя и помѣщенной въ газетѣ «Stockholms Posten». Познакомившись чрезъ это съ редакторомъ этой газеты, Веттербергъ сталъ помѣщать въ ней небольшія статьи «Норброскаго философа» (Filosofen på Norrbro) и тому подобныя.

Эти литературныя занятія продолжались недолго и съ отъѣздомъ Веттерберга изъ Стокгольма прекратились до 1840 года, когда случай снова заставилъ его взяться за перо. Въ Эстерсундѣ (Oestersund), гдѣ онъ въ то время былъ докторомъ, Веттербергу часто нечего было читать.

Годъ этотъ былъ тяжелымъ годомъ для Веттерберга: въ-теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ потерялъ малютку дочь, отца и тестя. Это нетолько его жестоко огорчило, но совершенно убило нѣжно-любимую

имъ жену—а чѣмъ развлечь ее, чѣмъ сократить безконечно-длинные зимніе вечера? И вотъ Веттербергъ снова принялся писать, написалъ очеркъ, прочиталъ его женѣ и знакомымъ; статья понравилась всѣмъ, и онъ продолжалъ. Такимъ-образомъ у него постепенно накопилось довольно-много рукописей, часть которыхъ потомъ была затеряна или уничтожена; нѣкоторыя же изъ нихъ Веттербергъ отослалъ къ другу своему въ Стокгольмъ, тотъ передалъ ихъ редактору «Aftonbladet» и онѣ были напечатаны въ этой газетѣ.

По просьбѣ г. Герта (L. J. Hjerta), Веттербергъ сталъ послѣ этого отсылать свои статьи къ нему, для помѣщенія въ «Aftonbladet». Большая часть ихъ напечатана подъ псевдонимомъ «дяди Адама»; въ числѣ ихъ были и очерки, перепечатанные потомъ подъ заглавіемъ: «Очерки дяди Адама» (Genremålningar of onkel Adam), «Гувернантка» (Guvernanten), «Четыре подписи» (De fyra sugnaturerna); послѣднее есть собраніе небольшихъ повѣстей и очерковъ, изъ которыхъ особенно-хороши «Месть и примиреніе» (Hämd ach Försoning), «Инвалидъ» (Invaliden) и «Четыре студента» (De fyru studenter).

Сочиненія Веттерберга скоро пріобрѣли извѣстность; они принадлежатъ къ числу повѣстей и романовъ, въ которыхъ особенно развита какая-нибудь мысль (tendenz-romaner); но это болѣе происходитъ отъ взгляда Веттерберга на вещи, чѣмъ отъ желанія высказывать свои взгляды, свое направленіе. Вотъ что̀ самъ онъ говоритъ относительно этого: «Когда ставятъ скирдъ, то втыкаютъ сперва шестъ и потомъ кладутъ вокругъ снопы; случается иногда, что шестъ торчитъ изъ скирда, когда онъ готовъ, и кто же можетъ запретить людямъ думать, что скирдъ поставленъ для шеста, хотя это сдѣлано совершенно наоборотъ. Такъ тоже нерѣдко случается, когда, избравъ какую-нибудь мысль, разовьешь вокругъ нея повѣсть».

Изъ прочихъ сочиненій Веттерберга заслуживаютъ особеннаго вниманія его очеркъ Får gå! (Куда ни шло), Ett Namn (Громкое имя), Träskeden (Деревянная ложка), Hat ach kärlek (Любовь и ненависть). Впрочемъ, его сочиненія такъ хороши, что пришлось бы всѣ ихъ назвать, и поэтому мы ограничиваемся приведенными. Бо̀льшая часть ихъ переведена на нѣмецкій и датскій языкъ, и нѣкоторыя на англійскій и французскій. Желая познакомить русскую публику съ этимъ замѣчательнымъ писателемъ, мы предлагаемъ ей переводъ повѣсти: «Месть и примиреніе».

Переводч.

I.

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА.

Не знаете вы, баловни судьбы, какъ часто въ большихъ городахъ счастье и безъисходное горе, роскошь и нищета живутъ другъ подлѣ друга. Да и какъ вамъ знать это? Вы вокругъ себя видите только дворцы и прекрасные дома; вы смотрите на все сквозь ясныя зеркальныя стекла вашихъ оконъ; мимо васъ безпрестанно мелькаютъ богатые экипажи, а суетящійся и вѣчно-хлопочущій народъ придаетъ въ глазахъ вашихъ только болѣе жизни и разнообразія прекрасной картинѣ. Вы не стараетесь проникнуть, понять причины этого безпрестаннаго столкновенія роскоши и нищеты, шумнаго веселья и нѣмаго безотраднаго горя, которое для васъ не что-иное, какъ неизбѣжное смѣшеніе тѣней и свѣта, необходимыхъ для цѣлости и красоты картины. Но чѣмъ больше станешь удаляться отъ центра города, тѣмъ шумъ, говоръ и жизнь все болѣе-и-болѣе уменьшаются; становится тише, глуше; дворцы и богатыя палаты смѣняются скромными домами, домиками и, наконецъ, лачужками, которыя все рѣже и дальше стоятъ другъ отъ друга. Богатство какъ бы ищетъ богатство, роскошь и величіе стараются какъ-можно-тѣснѣе сблизиться; бѣдность же и несчастіе почти всегда удаляются людей и даже другъ друга, они какъ бы обречены одиночеству; оттого лачуги и стоятъ такъ далеко другъ отъ друга; нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ узъ, которыя связывали бы ихъ обитателей; они все равно бѣдны, равно безпомощны, и поэтому равно склонны къ самому жестокому эгоизму.

Вообще принимаютъ, что богатство развиваетъ эгоизмъ, но это потому, что на бѣдность обыкновенно смотрятъ только издали; она-то и есть самый родникъ эгоизма. Нравственная и матеріальная бѣдность и порождаютъ своекорыстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нужду и нищету. Проклятіе бѣдности и заключается именно въ томъ, что она ожесточаетъ сердце человѣка, что нужда и лишенія до-того съуживаетъ кругъ нашихъ чувствъ, что, наконецъ, вытѣсняютъ всякую болѣе-возвышенную мысль, всякое высокое чувство, и дѣлаютъ, что эгоизмъ, въ самомъ черномъ своемъ видѣ, лучше всего уживается въ лачугахъ. Эгоизмъ-то и есть высшее несчастіе бѣдняка, потому-что отстраняетъ отъ него всякую помощь, дѣлая человѣка ужъ не жалости, а презрѣнія достойнымъ. Это, между-тѣмъ, чаще всего встрѣчается въ большихъ городахъ, гдѣ между образомъ жизни богатыхъ и бѣдныхъ контрастъ гораздо рѣзче.

Въ деревняхъ, напротивъ, бѣдный относительно нетакъ бѣденъ, потому-что онъ не можетъ дѣлать такихъ горькихъ сравненій; онъ видитъ многихъ, которые такъ же бѣдны, какъ и онъ, и очень немногихъ богаче себя. Притомъ же въ деревняхъ богатство не выказывается съ такимъ оскорбительнымъ тщеславіемъ, съ тою ослѣпительною роскошью, которыя такъ глубоко уязвляютъ душу бѣдняка. Вотъ почему бѣднякъ въ деревнѣ и не бываетъ такимъ бездушнымъ эгоистомъ, какъ бѣдняки большихъ городовъ. Онъ нетакъ одинокъ, нетакъ покинутъ всѣми. Подъ соломенною кровлею деревенской лачужки нерѣдко встрѣчаешь добродѣтель, безропотную покорность судьбѣ и спокойствіе; въ большомъ городѣ этого почти не бываетъ, и если вамъ тамъ, какимъ-нибудь чудомъ, удастся встрѣтить подобный необыкновенный феноменъ, человѣка, котораго ни примѣръ, ни зависть, ни несчастія или притѣсненія не могли испортить, то вѣрьте, что это одна изъ тѣхъ чистыхъ, высокихъ душъ, которыя могутъ перенести всѣ страданія и горести, и все же останутся чистыми и свѣтлыми.

Еслибъ кому-нибудь, лѣтъ пятнадцать назадъ, вздумалось заглянуть въ приходъ церкви Адольфа-Фридриха въ Стокгольмѣ, то онъ увидѣлъ бы множество подобныхъ приземистыхъ лачужекъ, съ соломенными кровлями и крощечными окнами, сквозь тусклыя стекла которыхъ кое-гдѣ выглядывали блѣдныя, исхудалыя личики бѣдныхъ малютокъ, которыхъ угасшій взоръ съ какимъ-то тоскливымъ ожиданіемъ устремлялся на пустую, немощеную и узкую улицу.— Моя маленькая повѣсть начинается въ холодный зимній вечеръ. Темно. Узкая, немощеная улица, гдѣ живетъ плотникъ Левъ, почти совсѣмъ пуста. Только изрѣдка, вдоль длиннаго забора, тянущагося съ одной стороны этого переулка, слышится шорохъ: это какой-нибудь жалкій бѣднякъ, какой-нибудь парія, живущій нищенствомъ, возвращается домой, ощупью пробираясь въ потьмахъ; ни одинъ фонарь не освѣщаетъ его шаговъ, ставни всѣхъ лачугъ закрыты—бѣдность не любитъ выставляться напоказъ—и путь его такъ же мраченъ, какъ и самая его жизнь. Между-тѣмъ въ концѣ улицы по-временамъ раздаются голоса и шумъ—тамъ кабакъ, единственное увеселительное мѣсто околотка. Чрезъ разщелившіеся ставни оконъ увеселительнаго этого дома мерцаетъ свѣтъ, и окрестность его всякій разъ освѣщается, когда дверь отворяется, чтобъ впустить новаго посѣтителя, или выпроводить кого-нибудь, кого собравшаяся тамъ компанія не считаетъ достойнымъ находиться въ ея прекрасномъ обществѣ.

Въ домѣ плотника Лева почти темно; полусгнившій пень и нѣсколько дощечекъ, украденныхъ, или кое-гдѣ подобранныхъ ребятишками, не могутъ дать большаго пламени. Слабый красноватый свѣтъ едва освѣ-

щаетъ низкую, сырую комнату, и взоръ можетъ только различать предметы, находящіеся вблизи очага; но тамъ, въ темномъ углу, слышно чье-то тяжелое дыханіе. Не обращайте на это вниманія—тамъ лежитъ больной ребёнокъ и изнемогаетъ отъ страданій—маленькое, блѣдное, увядшее существо, съ голубыми, какъ лазурь, глазками, и мягкими, какъ шелкъ, рѣсницами, которое мечется на жосткой кровати, борясь со смертью.

Передъ очагомъ сидитъ женщина, такая же блѣдная, какъ и малютка, но съ мрачнымъ, нахальнымъ выраженіемъ въ потухшемъ взорѣ. Если, однакожъ, внимательно въ нее вглядѣться, если не обращать вниманія на тѣ уклоненія отъ красоты, которыя происходятъ отъ растрепанныхъ волосъ, морщинъ, покрывающихъ лобъ, и вообще всѣхъ слѣдовъ, которые время и сильныя, ничѣмъ необуздываемыя страсти начертали на ея лицѣ, если постараться представить себѣ, какою эта увядшая наружность должна была быть лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, то найдешь, что эта женщина въ свое время должна была быть хорошенькая и даже очень-хорошенькая дѣвушка, съ улыбкою амура и взоромъ, выражавшимъ доброту и любовь. Бѣдность и лишенія, между-тѣмъ, теперь почти уже совершенно изгладили всю красоту; они дали лицу суровое выраженіе, которое было несвойственно ему; но душа ея, отъ постоянной борьбы съ жестокою, неумолимою судьбою, зачерствѣла, утратила чувствительность и была теперь холодна и тверда, какъ гранитъ. Блѣдная женщина кормитъ грудью ребенка, и взоръ ея по-временамъ съ нѣжностью останавливается на этомъ маленькомъ существѣ; въ ней еще несовсѣмъ умерли чувства, она еще кого-нибудь любитъ; правда любитъ неочень-сильно, потому-что часто желаетъ, чтобъ Богъ прибралъ малютку, но причиною этого желанія не одинъ только недостатокъ родительской нѣжности; оно скорѣе происходитъ отъ смутной, ей самой непонятной материнской любви, которая лучше желаетъ видѣть ребенка своего въ могилѣ, чѣмъ обреченнаго на жизнь, исполненную нужды и угрызеній совѣсти, такую горькую жизнь, какъ была ея собственная.

Мальчикъ лѣтъ десяти сидитъ на очагѣ и грѣетъ передъ огнемъ посинѣвшія отъ холода руки; и онъ тоже блѣденъ и имѣетъ больной видъ, но большіе, темносиніе его глаза выражаютъ доброту и нѣжность, рѣзко противорѣчащія со всѣмъ окружающимъ его, его одеждой и образомъ жизни.

— Ну что, сказала наконецъ мать, взглянувъ на него: — ну что Лудвигъ, сколько собралъ ты сегодня? Ты, быть-можетъ, даже и хлѣба не принесъ, нетолько денегъ?

— Нѣтъ, маменька, отвѣчалъ мальчикъ, соскочивъ съ очага:—я получилъ сегодня четыре большихъ ломтя хлѣба и шестнадцать съ половиною шиллинговъ; посмотрите сами, прибавилъ онъ, подавая ей мѣшокъ.

— Это хорошо, сказала мать, и взявъ одинъ изъ ломтей, принялась съ жадностью ѣсть, тщательно пересчитывая въ то же время принесенныя сыномъ деньги. — Такъ, Лудвигъ, сказала она чрезъ нѣсколько времени:—тутъ дѣйствительно шестнадцать съ половиною шиллинговъ; сбѣгай же теперь скорѣе къ Стинѣ-Кайсѣ и купи мѣрку водки—стклянка стоитъ тамъ въ углу на полкѣ; да смотри, не разбей въ потьмахъ чашки или молочника.

Мальчикъ повиновался и побѣжалъ съ стклянкой къ жившей недалеко отъ нихъ Стинѣ-Кайсѣ, толстой старушкѣ, которая тайкомъ торговала водкой.

«Ужь что ни говори, подумала мать, когда мальчикъ ушелъ, а сынъ мой, право, предобрый ребенокъ. Не будь его, Богъ одинъ знаетъ, какъ бы мы еще существовали.

Лудвигъ возвратился, и мать съ разстановкою начала опорожнивать стклянку; она пила съ наслажденіемъ, это была счастливая для нея минута. Лудвигъ между-тѣмъ тихонько подошелъ къ больной сестрѣ.

— Каково тебѣ, милая Сусанна? спросилъ онъ съ участіемъ:—очень ты больна?

— Да, Лудвигъ, отвѣчала малютка, и начала маленькими, исхудалыми рученками искать брата.

— Знаешь ли, торопливо продолжалъ мальчикъ шопотомъ:—знаешь ли, у меня есть гостинецъ для тебя; на, Сусанна, бери скорѣе — это яблоко.

— Ахъ, ахъ! яблоко, прошептала дѣвочка, съ наслажденіемъ хватая яблоко:—да какъ ты это досталъ его?

— А вотъ, видишь ли какъ, началъ разсказывать братъ.—Я былъ сегодня у Рагвальдскаго моста; ледъ теперь очень-слабъ, и маленькій мальчикъ, небольше меня, провалился; кромѣ меня никого не случилось вблизи, вотъ я и легъ на брюхо на ледъ и лоползъ къ нему, подалъ ему палку и такъ помогъ ему выбраться изъ воды. Надо же было, чтобъ мать его, которая недалеко оттуда торгуетъ яблоками, подошла въ это время; она принялась благодарить меня, сказала, что я добрый мальчикъ, и дала мнѣ тѣ деньги, которыя я принесъ матери, да еще большое яблоко. Ты можешь себѣ представить, какъ я обрадовался: я тотчасъ же закусилъ яблоко, да вспомнилъ тебя и подумалъ: «нѣтъ, лучше сберегу его Сусаннѣ, оно ей, бѣдняжкѣ, нужнѣе, чѣмъ мнѣ.

— Спасибо, милый Лудвигъ, сказала малютка. — Ахъ, Господи,

какъ оно вкусно! Только бы, продолжала она: отецъ не вернулся теперь домой; прошлую ночь, когда его не было дома, мнѣ такъ было хорошо: мнѣ можно было лежать въ кровати, а то опять придется валяться на полу, да дрогнуть.

— Не бойся, Сусанна, отецъ былъ въ кабакѣ, когда я проходилъ мимо; тамъ была страшная драка, и я слышалъ, какъ отецъ кричалъ и ругался; онъ, вѣрно, сегодня не придетъ домой.

Между-тѣмъ, какъ дѣти такъ шептались, мать дѣлалась все веселѣе и веселѣе; наконецъ, она запѣла:

Я помню счастливое время!

ту пѣсню, которую всегда пѣла, когда была весела и довольна; она выучила ее, когда жила въ нянькахъ у барона Риддаркорсъ, въ прекрасномъ его имѣніи Меллинге, и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ тамъ въ довольствѣ и спокойствіи: о нуждѣ, несчастіи и горѣ она тогда не имѣла и понятія. Когда она теперь пѣвала эту пѣсню, то ей казалось, что она снова находится въ большихъ, прекрасныхъ комнатахъ, гдѣ зеркала отражаютъ ея веселое, беззаботное лицо, что снова слышитъ звуки фортепіано и лестные о ней отзывы; она на-время позабывала настоящее, забывала, что сидитъ въ бѣдной, холодной и темной комнаткѣ, передъ очагомъ, на которомъ тлѣютъ нѣсколько полусгнившихъ дощечекъ, что поетъ окруженная голодной семьей; она была счастлива; лицо ея въ подобныя минуты снова прояснялось, и глаза, какъ въ былое время, снова искрились, снова выражали умъ и беззаботное веселье.

Но мечты о ея молодости были, на этотъ разъ, внезапно прерваны самымъ непріятнымъ образомъ: дверь съ шумомъ отворилась настежь и холодной потокъ воздуха хлынулъ въ комнату. Пьяный мужчина, одѣтый въ старый, изорванный тулупъ, вошелъ, раскачиваясь во всѣ стороны.

— Ого, сказалъ онъ:—жена моя поетъ, видишь каково, поетъ проклятая, а мужа тамъ канальи, разбойники, чуть до смерти не убили. Ты помнишь счастливое время—поздравляю тебя!

Говоря это, онъ опустился на край очага.—То былъ плотникъ Левъ.

— Подложи скорѣе дровъ, слышишь ли, здѣсь темно, хоть глазъ выколи.

Мечты бѣдной женщины разлетѣлись; исчезли высокія комнаты, большія зеркала, пріятные звуки фортепіано, все, все исчезло, замолкло, и дѣйствительность, страшная дѣйствительность снова явилась передъ нею.

— Подложить дровъ, отвѣчала она сердито: — а откуда прикажешь-

ихъ взять? Когда ты плотничалъ и не пилъ, какъ теперь, съ утра до ночи, у насъ всегда было вдоволь щепы; теперь можешь быть радъ, если несовсѣмъ безъ огня сидишь; дровъ нѣтъ, будь радъ, если и гнилой пень горитъ.

— Чтó! ты браниться, что ли, со мною хочешь? закричалъ мужъ:— смотри не забывай, что если я примусь тузить, такъ тебѣ ужь не придется больше спорить. Ну, чтó Сусанна, еще не умерла?

— Нѣтъ, отвѣчала мать: — она, къ несчастію, все еще жива.

— Странно, право. Когда я вчера утромъ уходилъ, мнѣ казалось, что она ужь борется со смертью. Экая живучая, подумаешь.—А Лудвигъ дома?

— Да, батюшка, я ужь съ полчаса какъ вернулся.

— А, это хорошо. Знаешь ли, сказалъ онъ, снова обратившись къ женѣ:—вѣдь, я заключилъ сегодня выгодную сдѣлку: я отдаю Лудвига изъ дома, онъ здѣсь ничего не дѣлаетъ, и...

— Этого никогда не будетъ, крикнула жена, вскочивъ со скамьи:— никогда, слышишь ли, никогда, пока я жива!

— Ха, ха, ха! это мы увидимъ, спокойно отвѣчалъ мужъ:— сама завтра же увидишь, какъ его у тебя изъ-подъ носу возьмутъ.

— Тогда и я и Сусанна съ голоду умремъ, снова начала жена: — Лудвигъ всегда приноситъ чтó-нибудь домой, когда ходитъ просить милостыню.

— Ну, ужь это какъ знаете. Ѣсть захотите, такъ и хлѣба добудете. А Лудвига я все же отдамъ въ люди и получу тридцать рейхсталеровъ; онъ будетъ канатнымъ плясуномъ, непремѣнно будетъ.

— Канатнымъ плясуномъ! Мой сынъ будетъ служить посмѣшищемъ для народа?

— Дá, именно, именно твой сынъ, сказалъ плотникъ, хохоча во все горло:—сдѣлка уже покончена. Лудвигъ завтра же поступитъ къ комедіантамъ и мы получимъ за него тридцать рейхсталеровъ, да кромѣ того, комедіанты будутъ угощать меня водкой все время, пока будутъ здѣсь.

— Такъ нѣтъ же вотъ, нѣтъ, Лудвигъ не поступитъ къ нимъ, воскликнула мать: — я этого не хочу, и только развѣ тогда соглашусь, если ты мнѣ предоставишь получить деньги.

— Вотъ чтó, сказалъ плотникъ:—ну, это придется тебѣ отдумать. Сынъ мой — и деньги я возьму самъ.

Говоря это, плотникъ всталъ и, пошатываясь, пошелъ къ кровати.

— Это чтó еще, закричалъ онъ: — да вы никакъ дѣвчонку сюда уложили. Долой ее сейчасъ!

Лудвигъ быстро подбѣжалъ къ кровати, взялъ сестру свою на руки и осторожно отнесъ ее въ другой уголъ, гдѣ обыкновенно спалъ съ нею на ветхомъ соломенномъ тюфякѣ. Отецъ бросился, не раздѣваясь, на кровать и скоро захрапѣлъ, послѣ трудовъ проведеннаго въ пьянствѣ дня. Лудвигъ, какъ могъ, уложилъ бѣдную малютку, укрылъ ее обрывкомъ стараго половика, служившаго дѣтямъ одѣяломъ, и потомъ, улегшись возлѣ нея, обнялъ, стараясь согрѣть и утѣшить ее.

— Ложись какъ можешь ближе ко мнѣ, милая Сусанна, шепталъ онъ горько-плачущему ребенку:—и перестань печалиться, Господь помогалъ столькимъ бѣднымъ дѣтямъ. Вотъ такъ, хорошо. Теперь я тебѣ еще одѣяло поправлю, а тамъ спи себѣ спокойно; завтра я тебѣ опять достану яблоко, непремѣнно достану, еслибъ мнѣ даже и самому пришлось идти подъ ледъ.

— А чтó со мною будетъ, чтó со мною будетъ, рыдая повторяла малютка:—когда тебя съ нами не будетъ? Кто меня тогда приласкаетъ, кто пригрѣетъ? Я буду тогда одна, совсѣмъ одна; отецъ и мать будутъ только клясть меня, зачѣмъ я не умираю. Ахъ, Лудвигъ, ахъ, еслибъ Господь сжалился надо мною и прибралъ меня! продолжала она, заливаясь слезами и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Ахъ! еслибъ мнѣ умереть скорѣе!

— Такъ ненадо говорить, Сусанна, училъ ее братъ:—это грѣшно. Маменька всегда это намъ говоритъ, когда бываетъ добра.

— Батюшка и матушка спятъ, сказала Сусанна: — ахъ, еслибъ и мнѣ заснуть. Лудвигъ, милый Лудвигъ, любишь ли ты маленькую свою Сусанну? Будешь ты вспоминать обо мнѣ, когда разстанешься съ нами, жалѣть о бѣдной сестрѣ, которую, кромѣ тебя, никто не любитъ.

— Дá, Сусанна, будь въ этомъ увѣрена; я буду присылать тебѣ яблоки и груши, и даже деньги иногда; вѣдь Господь не оставитъ меня, въ этомъ я увѣренъ.

Скоро лепетъ дѣтей сталъ дѣлаться менѣе ясенъ, отрывистъ, и вскорѣ сонъ сомкнулъ ихъ глаза; бѣдные малютки перестали чувствовать свое горе, свое одиночество.

— Не протягивайся такъ, Сусанна, другъ мой, шепталъ Лудвигъ, пробужденный на разсвѣтѣ внезапнымъ движеніемъ сестры: — половикъ коротокъ и ножки твои озябнутъ.

Но Сусанна не отвѣчала и продолжала все болѣе-и-болѣе вытягиваться, руки ея, обвивавшія шею брата, холодѣли. Вдругъ онѣ опустились.

— Чтó съ тобою, милая Сусанна, чтó съ тобою?

Но Сусанна не отвѣчала, и Лудвигъ, при блѣдномъ свѣтѣ утренняго сумрака, увидѣлъ, что длинныя, шелковистыя рѣсницы малютки

оттѣнялъ неподвижный, потухшій взоръ, горестная улыбка выражалась на блѣдныхъ устахъ, нѣжные члены ребёнка были холодны и тверды.

— Маменька! маменька! воскликнулъ Лудвигъ, внѣ себя отъ горя— Сусанна умерла! Сусанна умерла!

Но мать храпѣла на полу, возлѣ очага, и не слышала его.

— Ахъ, милая моя Сусанна, продолжалъ мальчикъ, тряся сестру:— проснись, проснись на минуту, я тебѣ дамъ сколько хочешь яблоковъ, и сахару, и изюму, только проснись, не умирай. Но Сусанна не двигалась, и мольбы брата не могли тронуть, разбудить ее; для нея все было кончено.—Такъ Господь таки услышалъ твои молитвы, бѣдная моя Сусанна, сказалъ наконецъ мальчикъ, набожно сложа руки:—избавилъ тебя отъ страданій.—Покойся же съ миромъ, прибавилъ онъ, цалуя блѣдный лобъ сестры.

Дѣти имѣютъ собственную свою философію; они чувствуютъ такъ же глубоко и часто даже глубже взрослыхъ, но они не умѣютъ выразить того, что̀ чувствуютъ; мысли ихъ іероглифы, которые никто не можетъ истолковать, но которые, тѣмъ неменѣе, все же имѣютъ глубокое значеніе. Но такъ чувствовать могутъ только дѣти бѣдныхъ, которые съ самой колыбели принуждены бороться съ нуждою, оспаривая у нея жизнь свою; вотъ почему они и знаютъ, что̀ такое жизнь и смерть. Лудвигъ тоже хорошо понималъ это, а ему, между-тѣмъ, было всего десять лѣтъ.

Наконецъ родители проснулись; они очень-хладнокровно выслушали разсказъ о кончинѣ Сусанны. Только мать выказала нѣсколько чувства, когда, поднимая маленькую покойницу, чтобъ одѣть ее, сказала:

— Она счастлива, что убралась отсюда.

Отецъ, напротивъ, ничего не сказалъ и, по обыкновенію, отправился со двора, чтобъ снова провести весь день шатаясь по пріятелямъ и питейнымъ домамъ.

— Лудвигъ остался дома: онъ не хотѣлъ, не могъ разстаться съ Сусанною; смерть ея глубоко потрясла его. Напрасно мать гнала его изъ дому, напрасно разорвала нѣсколько новыхъ дыръ на бѣдномъ платьѣ, которое казалось ей недовольно-изорваннымъ, чтобъ возбуждать жалость, напрасно стращала его и требовала, чтобъ онъ непремѣнно шелъ собирать милостыню, мальчикъ оставался ко всему холоденъ и безчувственъ; сложивъ на груди руки, онъ неподвижно стоялъ у тѣла сестры и думалъ глубокую думу. О чемъ онъ думалъ? Этого мы не знаемъ; быть-можетъ, онъ даже и самъ того не зналъ.

Часовъ въ одиннадцать плотникъ вернулся домой; онъ былъ уже порядочно-навеселѣ и очень-словоохотенъ и веселъ.

— Ну вотъ, сказалъ онъ, входя:—теперь пора Лудвигу отправляться къ комедіантамъ; я сейчасъ заходилъ къ нимъ, и мнѣ сказали, чтобъ я привелъ его въ двѣнадцать часовъ. Ну, Лудвигъ, прощайся же съ матерью и маленькою сестрою Дорою, которая кричитъ сегодня такъ, что бѣжать надо.

Молча подошелъ мальчикъ къ матери; она обняла его и онъ почувствовалъ, что нѣсколько горячихъ слезъ скатились на его шею.

— Прощай, мой милый Лудвигъ, сказала она, наконецъ, цалуя его: — прощай. Пусть примѣръ твоихъ родителей послужитъ тебѣ предостереженіемъ: сдѣлайся ты, по-крайней-мѣрѣ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ, а не... она не могла продолжать и приподняла маленькую Дору, которая поцаловала брата и выдрала его, какъ обыкновенно, за волосы. Дорѣ было всего полтора года.

— Ну, сказалъ отецъ, теперь довольно. Я дамъ тебѣ денегъ на похороны, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ. Да, чортъ меня побери, сама увидишь, какія знатныя будутъ похороны: будетъ и кофе и пуншу вдоволь. Пойдемъ же теперь, Лудвигъ, сказалъ онъ и, взявъ за руку сына, потащилъ его изъ комнаты. Но когда они вышли на улицу, мальчикъ вырвался отъ него и снова вбѣжалъ въ комнату:

— Прощай, моя милая Сусанна, сказалъ онъ, бросившись на колѣна возлѣ скамьи, на которой лежала покойница:—прощай, другъ мой, повторилъ онъ и, поцаловавъ блѣдныя уста сестры, выбѣжалъ изъ комнаты къ изумленному отцу.

Нѣсколько дней послѣ этого, въ бѣдной лачугѣ плотника было много гостей. Кофейникъ цѣлый день стоялъ на очагѣ и водка и пуншъ лились рѣкою. Хоронили маленькую Сусанну. Когда малютка была жива, то родители не могли дать ей куска чернаго хлѣба, а когда она захворала, то не хотѣли даже взять на себя столько труда, чтобъ подать ей стаканъ воды, для утоленія палящей жажды; теперь, когда ее хоронили, имъ ничего не было жаль, и они въ одинъ день бросили гораздо-болѣе денегъ, чѣмъ нужно было, чтобъ спасти ее отъ страданій и смерти. Такъ, однакожь, почти всегда бываетъ: люди всегда болѣе хлопочутъ о внѣшнемъ блескѣ, чѣмъ о настоящемъ счастіи. Они хотятъ слыть счастливыми, а между-тѣмъ дѣлаютъ все, чтобъ разрушить свое счастіе.

Мать бѣдной Сусанны просто гордилась, что могла устроить такія богатыя похороны, и сердце ея билось отъ радости при каждой новой похвалѣ ея кофе и четыремъ сортамъ хлѣба. Плотникъ былъ, по обык-

новенію, пьянъ, и радовался, что хотя одинъ разъ опять можетъ пить сколько хочетъ. Никто не думалъ о маленькой Сусаннѣ, которая въ послѣднюю ночь такъ усердно молила Бога, чтобъ скорѣе умереть и не остаться одной. Ее похоронили на кладбищѣ церкви Адольфа-Фридриха; тамъ она лежитъ не одна, бѣдная малютка!

II.

Поѣздка на воды.

Когда цѣлую зиму просидишь, не выходя изъ комнаты, и свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ получаешь только чрезъ окно и наблюденіе надъ термометромъ и барометромъ, когда ежедневно раза по два и по три топишь огромныя изразцовыя печи всѣхъ цвѣтовъ, временъ... ну, да все-равно какихъ временъ, когда долгое время уже часа въ три принужденъ зажигать свѣчи, когда сидишь, какъ сурокъ въ своей норкѣ, раскладыва, отъ нечего дѣлать, пассьянсъ и читая газеты, для препровожденія времени, когда, при такомъ образѣ жизни, вмѣсто діеты, питаешься крѣпкимъ бульономъ, ростбифомъ и тому подобнымъ—то очень-неудивительно, что кровь сдѣлается гуще, и какъ-то медленнѣе станетъ переливаться по жиламъ, и мы, при первыхъ лучахъ весенняго солнца, при первомъ появленіи травки, почувствуемъ какое-то неодолимое желаніе поправить здоровье, подышать свѣжимъ воздухомъ, поѣхать куда-нибудь къ водамъ, или морскимъ купаньямъ. Все это именно такъ и было съ майоромъ Пистоленсвердомъ, владѣтелемъ деревни Лильхамра, который въ молодости велъ очень-дѣятельную жизнь и только подъ старость, какъ говорится, «успокоился отъ трудовъ». Вотъ почему онъ въ одинъ прекрасный день и написалъ къ другу своему, городскому врачу ближайшаго городка, чтобъ испросить его совѣта, какъ ему поступить при подобныхъ обстоятельствахъ, и получилъ съ слѣдующею почтою отвѣтъ, что, обсудивъ хорошенько состояніе здоровья майора, докторъ предписываетъ ему, чтобъ онъ, если хотя сколько-нибудь дорожитъ жизнью, непремѣнно какъ-можно-скорѣе ѣхалъ къ знаменитымъ Болототундрскимъ водамъ.

Да что̀ это за такія воды? спросите вы мой читатель: — я никогда не слышалъ и нигдѣ не читалъ о нихъ. И не удивительно. Болототундрскій источникъ недавно только открытъ. Но чтобъ вы не сомнѣвались въ существованіи этого удивительно-цѣлебнаго источника, то я скажу вамъ, что онъ находится въ Швеціи, миляхъ въ шести отъ Лиль-

хамра, имѣнія майора Пистоленсверда, о которомъ сейчасъ была рѣчь: Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, бóльшая часть цѣлительныхъ источниковъ была открыта животными: свинья (съ вашего позволенія) открыла источникъ близъ Теплица, а другой субъектъ этого же семейства—источникъ, находящійся близъ Люнебурга, почему городъ до-сихъ-поръ хранитъ въ своемъ архивѣ одинъ окорокъ помянутаго животнаго; олень открылъ аахенскіе и вильбадскіе источники; нѣсколько зайцевъ грѣлись вблизи Вармбрунненъ, а источникъ въ Медеви былъ, если не ошибаюсь, открытъ какимъ-то нищимъ. Что жь касается, знаменитаго и чудеснаго болототундрскаго источника, то онъ былъ открытъ чрезъ посредничество стада утятъ, которое, охотясь, преслѣдовалъ старый деревенскій пасторъ, преслѣдовалъ до-тѣхъ-поръ, пока самъ не завязъ въ болотѣ, изъ клейкой тины котораго ему только съ величайшимъ трудомъ удалось спасти, правда не свою личность, а длинные охотничьи сапоги, которые потомъ, не знаю ужь только какимъ образомъ, подверглись тщательнымъ изслѣдованіямъ какого-то геніальнаго ученаго, который и нашелъ, что они покрыты самою цѣлебною грязью. Деревенскому пастору и стаду утятъ приходится, по этому, подѣлиться честью этого истинно-полезнаго открытія.

Городской врачъ, между-тѣмъ, какъ-то провѣдалъ объ этихъ цѣлебныхъ грязяхъ, и тотчасъ же, уговорившись съ аптекаремъ, рѣшился предпринять ученое путешествіе къ этому интересному болоту; мало того, предпринялъ это путешествіе, въ цѣлыхъ десять верстъ, на собственный счетъ (безъ всякой даже надежды получить какое-либо вспомоществованіе со стороны правительства). Вы удивляетесь, не правда-ли? но на такія ли еще пожертвованія способна любовь къ наукѣ. Результатами изслѣдованій врача и аптекаря было тó, что тамошняя вода содержитъ въ себѣ нетолько желѣзо, но и множество кислороду, и что, кромѣ-того, еще отвратительно воняетъ, и поэтому непремѣнно содержитъ въ себѣ и сѣру. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ обнаружилось также, что вода содержитъ мѣдь и цинкъ; а такъ-какъ всякому хорошо извѣстно, что мѣдныя опилки употребляются при леченіи переломовъ и, такъ-сказать, какъ-бы спаиваютъ раздробленныя кости, то врачъ нашъ и рѣшилъ, что болототундрская вода нетолько полезна отъ геммороя, ревматизмовъ и другихъ непостижимыхъ болѣзней, но даже можетъ съ пользою быть употреблена и при леченіи всякаго рода переломовъ и тому подобнаго. Однимъ словомъ, открытіе болотундрскихъ водъ было истиннымъ благодѣяніемъ, ниспосланнымъ самимъ небомъ, для облегченія страждущаго человѣчества, и воды эти, при которыхъ городской врачъ объявилъ себя первымъ директоромъ, содержа-

ли, по мнѣнію его, столько полезныхъ частей, что должны были непремѣнно помогать всякому. И вотъ, по распоряженію его, на мягкомъ грунтѣ болота построенъ былъ длинный навѣсъ, нѣчто довольно похожее на канатный заводъ, и небольшая сосновая роща расчищена и прорѣзана аллеями; дрожки тоже гдѣ-то добыли, и аптекарь открылъ въ сосѣднемъ крестьянскомъ дворѣ небольшую аптеку. Однимъ словомъ, цѣлебное болото превратилось теперь въ настоящее мѣсто леченья, куда каждое лѣто собирались всѣ, кому наскучилъ душный городской воздухъ.

Майоръ Францъ Пистоленсвердъ былъ родомъ финляндецъ и, въ добавокъ, старый холостякъ; онъ во всемъ околоткѣ слылъ оригиналомъ; надъ нимъ смѣялись, подъ-часъ сердились на него, но всѣ отъ мала до велика любили и уважали его. Съ нимъ можно было десять разъ на день побраниться, а между-тѣмъ никакъ нельзя было ненавидѣть его. Въ немъ была бездна странностей, но въ самыхъ этихъ странностяхъ всегда проглядывали истинная доброта и благородство; онѣ, подобно свѣтлому, блестящему предмету на днѣ бурнаго источника, съ шумомъ катящагося между каменьями, безпрестанно проглядывали сквозь неровную поверхность его вспыльчиваго и раздражительнаго нрава. Люди часто смѣются надъ подобными стариками, которые не умѣютъ и не хотятъ примѣняться къ обществу, въ которомъ живутъ; они судятъ только по наружности и обыкновенно называютъ подобнаго человѣка чудакомъ; но они не знаютъ, сколько струнъ души должны сперва порваться, сколько быть натянуты слишкомъ-сильно, чтобъ образовать то̀, что̀ они называютъ чудакомъ, забавнымъ человѣкомъ. Смѣшное и забавное всегда происходитъ отъ недостатка гармоніи; гармонія и красота всегда нераздѣльны.

Что меня касается, то я никогда не могу смѣяться надъ странностями подобныхъ людей, не могу находить ихъ забавными; я старалось отъискать ихъ источникъ, и всегда находилъ, что глубокое горе, тяжкія душевныя страданія были причиною этихъ странностей, которыя толпа находитъ столь забавными.

Всякій возрастъ имѣетъ свои игрушки, что̀-нибудь, къ чему особенно привязанъ, у всякаго народа есть свои пенаты, которымъ онъ поклоняется и которыхъ чтитъ, и у всякаго человѣка какая-нибудь особенная страсть.

Нашъ старикъ майоръ былъ финъ, финъ до самой глубины души, и любилъ свое отечество со всею преданностью и пылкостью юноши. Финляндія, съ ея славными воспоминаніями, съ ея вѣчно-зелеными лѣсами, скалами и свѣтлыми водами, съ ея бѣднымъ, но храбрымъ, трудолюбивымъ и честнымъ народомъ, была любимою, самою драгоцѣнною

игрушкою старика майора, единственною его отрадою. Обстоятельства заставили его оставить свое отечество, и душа его изнывала отъ этой разлуки. Долго боролся онъ съ обстоятельствами, долго старался пересилить ихъ, но все осталось тщетнымъ, и характеръ его мало-помалу сталъ раздражителенъ.

Кромѣ-того, старикъ былъ еще въ высшей степени упрямъ. Это качество, столь обыкновенное у его соотечественниковъ и которое сдѣлало ихъ тѣмъ, чѣмъ они показали себя въ послѣднюю войну — націею героевъ, которыхъ не могутъ остановить никакія трудности и препятствія, было у него, такъ-сказать, національное. Но то́, что́ бываетъ добродѣтелью націи, нерѣдко въ частности бываетъ порокомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, странностью; и упрямство и раздражительность майора были поэтому сказкою всего околотка. Женись онъ, имѣй семейство, характеръ его, вѣроятно, во многихъ отношеніяхъ былъ бы совсѣмъ иной; у него было бы тогда свое собственное маленькое отечество, разсадникъ, который отъ него бы научился бояться Бога, уважать короля и любить Финляндію. Для него было бы наслажденіемъ разсказывать своимъ дѣтямъ приключенія своей дѣятельной и тревожной боевой жизни, поселять въ юныхъ душахъ ихъ любовь къ отечеству, твердость въ превратностяхъ судьбы и презрѣніе опасности; онъ привилъ бы имъ свои убѣжденія и среди Швеціи сдѣлалъ бы изъ семейства своего финскую колонію. Но у него не было никого, кромѣ старой сестры, Fröken Эмерентіи (*), почтенной, достойной и доброй старой дѣвушки, но которая, между-тѣмъ, немало была причиною раздражительности и строптивости характера брата. Нравы ихъ были совершенно-одинакіе, съ тою, конечно, разницею, что нравъ сестры былъ значительно смягченъ женственностью и что она обращала болѣе вниманія на мнѣніе свѣта, и даже старалась останавливать брата, что́ ей, впрочемъ, довольно плохо и даже почти совсѣмъ не удавалось. Поэтому-то она, вмѣсто-того, чтобъ сдѣлаться руководительницею брата, какъ это было ея намѣреніе, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ гимнастики для упрямства и раздражительности старика: споры съ сестрою сдѣлались для него необходимымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, и чѣмъ больше она унимала его, тѣмъ упрямѣе и своенравнѣе становился онъ; какъ же не поспорить хотя съ сестрою, когда нельзя побраниться съ тѣми, съ которыми бы желалъ.

(*) Въ Швеціи дѣвицъ дворянскаго происхожденія называютъ «Fröken» (то же, что́ нѣмецкое «Fräulein»), не дворянокъ же «Mamsell». Чины тамъ не даютъ дворянства, и шведы по этому очень-взыскательны насчетъ соблюденія этого различія.

Однако, фрёкенъ Эмерентія такимъ-образомъ постепенно приняла съ братомъ тонъ настоящей гувернантки, и рѣдко была одного съ нимъ мнѣнія. Если онъ, напримѣръ, взглянувъ на небо, скажетъ, что оно сѣро, то она ужь непремѣнно станетъ увѣрять, что оно сине; начнетъ онъ, бывало, разсказывать о сраженіи при Свенскзундѣ, что́ таки случалось довольно часто, и скажетъ, для того, чтобъ выразиться сильнѣе—сильныя выраженія были его слабостью—что русскіе корабли въ этомъ дѣлѣ были разстрѣляны въ такія мелкія щепки, какъ сѣрныя спички, сейчасъ же фрёкенъ Эмерентія остановитъ его и замѣтитъ, что разстрѣлять такъ корабль рѣшительно невозможно; старика это взбѣситъ, и онъ начнетъ созывать всѣхъ чертей и утверждать, что это рѣшительно было такъ. Испытавъ всѣ средства переспорить брата и доказать ему, что онъ заврался, фрёкенъ Эмерентія, въ свою очередь, теряла терпѣніе и уходила. Старикъ успокоивался, понималъ, что погорячился, былъ неправъ, наговоривъ разныхъ непріятностей бѣдной Эмерентіи, которая ничѣмъ не была виновата, если не могла вѣрить, будто русскіе, которыхъ старикъ не жаловалъ, потерпѣли такое пораженіе. Ему дѣлалось немного совѣстно, и когда сестра снова приходила, то онъ сознавался, что погорячился и увлекся. Еслибъ Эмерентія теперь могла удержаться отъ морали, все бы тѣмъ и кончилось; но это было не въ ея привычкахъ, и она обыкновенно отвѣчала брату чѣмъ-нибудь въ родѣ этого: «Милый Францъ, ты всегда горячишься и попусту споришь». Майоръ снова терялъ терпѣніе, и съ сверкающими глазами и запальчивостью начиналъ утверждать, что онъ добрѣе ягненка, просто олицетворенное терпѣніе, что сестра только хочетъ сердить его. И споръ и крикъ снова начинались.

Можно бы послѣ этого подумать, что братъ и сестра вели самую непріятную и несчастную жизнь. Напротивъ, они были какъ-нельзя счастливѣе; они искренно и горячо любили другъ друга, и Богу одному извѣстно, что будетъ, когда смерть разлучитъ ихъ; они совершенно необходимы другъ другу. Если майоръ, бывало, одинъ куда-нибудь выѣдетъ, то сестра ходитъ, какъ потерянная, изъ комнаты въ комнату и не знаетъ, что́ начать. Когда же она, въ свою очередь, пойдетъ къ кому-нибудь въ гости одна, напримѣръ, на кофе (*) къ пасторшѣ, или какой-нибудь другой сосѣдкѣ, то майоръ всегда предприметъ нѣчто въ родѣ домашней ревизіи и начнетъ рыться по всѣмъ угламъ, чтобъ имѣть поводъ побраниться, и только при подобныхъ случаяхъ прислуга

(*) Въ Швеціи есть особаго рода собранія, извѣстныя подъ названіемъ «кофеевъ» (kaffe, kaffekalas), на которыя собираются однѣ дамы и дѣвицы.

страдала отъ его характера. Но когда сестра была дома, все это было совершенно-лишнее, и прислуга оставалась въ покоѣ. Фрёкенъ Эмерентія была гласисомъ, о который разбивался гнѣвъ майора.

За нѣсколько дней до отъѣзда на воды, майоръ, въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, прохаживался взадъ и впередъ по двору, посылая, время отъ времени, къ чорту неисправнаго мальчишку, уже съ утра посланнаго въ городъ за письмами и до-сихъ-поръ еще невозвращавшагося. Фрёкенъ Эмерентія сидѣла у открытаго окна залы нижняго этажа и разговаривала съ братомъ, который расхаживалъ точно часовой. «Я, право, скоро подумаю, что черти унесли проклятаго мальчишку; ну виданное ли дѣло такъ долго пропадать! Нѣтъ, погоди, я его когда-нибудь отваляю за его медленность». Эмерентія, хорошо знавшая, что наказанія майора были только на словахъ и ограничивались нѣсколькими энергическими словами да дюжиною-другою угровъ переломать руки и ноги, и тому подобное, не могла поэтому удержаться, чтобъ не сказать брату: «Ахъ какъ кстати было бы съ твоей стороны бить бѣднаго мальчика, когда онъ ничѣмъ невиноватъ!»

— Ты находишь, что онъ правъ? Прекрасно, прекрасно! запальчиво воскликнулъ майоръ:—такъ вотъ посмотри же, что я непремѣнно приколочу его, да еще и при тебѣ.

— Полно, милый Францъ, не говори вздору; ты для этого слишкомъ добръ, у тебя духу не хватитъ.

— Духу не хватитъ! воскликнулъ майоръ, совершенно-взбѣшенный послѣднимъ замѣчаніемъ сестры:—что я баба, что ли, по твоему? мямля какая-нибудь? Такъ увидишь же, что́ будетъ, и если я теперь изобью мальчишку, сдѣлаю его калекой, то виною этому будешь ты и твои проклятые, вѣчные споры. Майоръ замолчалъ и снова заходилъ по двору.

Эмерентія тотчасъ же раскаялась, что снова вызвала бурю; ей непріятнѣе всего было то́, что честь брата была какъ-бы порукою тому, чтобъ мальчикъ былъ наказанъ, а она хорошо знала, что майоръ ради чести готовъ на все. Она рѣшилась поэтому маленькою военною хитростью уничтожить намѣренія брата.

Наконецъ мальчикъ явился и остановился возлѣ крыльца, чтобъ привязать лошадь. Майоръ вошелъ въ домъ и принесъ палку, но, странно, самую тонкую, какую только имѣлъ, потому-что мальчикъ въ сущности долженъ быть наказанъ только для вида, чтобъ доказать Эмерентіи, что братъ ея не баба. Гнѣвъ майора давно уже прошелъ; ему даже очень-жаль было мальчика, да что́ же бы сказала сестра? Нѣтъ, обѣщаніе должно быть исполнено. Эмерентія очень-хорошо все

это поняла, но ей не хотѣлось, чтобъ мальчикъ хотя сколько-нибудь изъ-за нея пострадалъ, и потому она, высунувшись въ окно, закричала мальчику:

— Ты безсовѣстно долго сегодня мѣшкалъ, не стыдно ли тебѣ, негодный; я, право, была бы очень-довольна, еслибъ братъ хорошенько тебя побилъ.

Майоръ остановился какъ вкопанный, палка невольно опустилась. Онъ разсчитывалъ услышать упреки, просьбы, нравственныя разсужденія, и уже заранѣе вооружился противъ всего этого. Но чтобъ сестра стала поддерживать его, чтобъ это могло доставить Эмерентіи удовольствіе — это было ужь слишкомъ. Онъ поэтому, не говоря дурнаго слова, взялъ отъ мальчика сумку и ушелъ, не спросивъ даже о причинѣ долгаго отсутствія. Къ счастію Эмерентіи, газеты содержали въ себѣ пріятныя для майора извѣстія; старикъ занялся газетами, прочиталъ кое-что изъ нихъ сестрѣ, вдался въ безконечныя коментаріи и споръ съ Эмерентіею, и обѣщаніе доказать свою строгость было совершенно забыто. Наконецъ, когда всѣ газеты были перечитаны, очередь дошла до писемъ. Надо замѣтить, что майоръ рѣдко получалъ какія-нибудь письма, которыхъ содержаніе онъ не могъ бы угадать напередъ. Къ нему изрѣдка писали старые товарищи, да нѣсколько дальнихъ родственниковъ, которыхъ майоръ почти не зналъ и къ которымъ вообще не чувствовалъ особаго расположенія. Онъ поэтому не мало изумился, увидя письмо съ совершенно-незнакомою ему гербовою печатью. Поспѣшно распечаталъ онъ его; оно было отъ барона Норденгельма, стараго товарища по службѣ, и заключало въ себѣ приглашеніе. Баронъ очень-усердно просилъ майора и фрёкенъ Эмерéнтію пріѣхать къ нему погостить, когда они поѣдутъ на воды, такъ-какъ имъ придется ѣхать почти мимо его имѣнія. Майоръ улыбнулся, сообщилъ сестрѣ содержаніе письма и, по этому случаю, разсказалъ ей чуть не всю военную исторію Финляндіи, съ множествомъ неисторическихъ подробностей о разныхъ любопытныхъ приключеніяхъ, въ которыхъ онъ и баронъ вмѣстѣ участвовали. «Я уже давно потерялъ его изъ вида, сказалъ онъ въ-заключеніе:—слышалъ стороною, что онъ женатъ на дѣвушкѣ изъ старинной фамиліи, отецъ которой занимаетъ важное мѣсто въ Стокгольмѣ, живетъ-себѣ теперь припѣваючи въ своемъ имѣніи и сдѣлался знатной особой. Онъ былъ, по моему, человѣкъ довольно загадочный, его самъ чортъ понять не могъ, но храбръ, отчаянно-храбръ, ловокъ, рѣшителенъ, предпріимчивъ; и вотъ онъ теперь баронъ, несмотря на то́, что въ сравненіи со мною просто еще мальчикъ; да, Эмерентія, да, сестрица, я преподавалъ ему мате-

матику и фортификацію; онъ цѣлыхъ двадцать, если не двадцать пять лѣтъ, моложе меня, а смотри, теперь ужь баронъ, будетъ и графомъ, если поживетъ.

— Вѣдь онъ, кажется, изъ простыхъ? сказала Эмерентія, которая была очень-занята своимъ происхожденіемъ и немало цѣнила древній свой гербъ: два пистолета, лежащихъ крестомъ на мечѣ: — онъ изъ простыхъ, не такъ ли?»

— Дá, конечно, прежняя его фамилія Столь; по-крайней-мѣрѣ, онъ такъ назывался въ то время, когда мы вмѣстѣ служили.

— Такъ онъ таки дѣйствительно выскочка? сказала сестра.

— Выскочка! прикрикнулъ майоръ, и глаза его заметали искры, потому-что онъ раздѣлялъ людей только на два класса — «благородныхъ людей» и «подлецовъ» — середины, по его понятіямъ, не могло быть. Выскочка! Это чтó значитъ? Стыдись, Эмерентія, я считалъ тебя умнѣе! Мы всѣ передъ Богомъ выскочки, и Иванъ нелучше Петра. Прошу васъ поэтому, моя милая, неочень-то распространяться; притомъ же Норденгельмъ или Столь былъ моимъ воспитанникомъ и учился такъ, какъ не всякому удастся; такъ прошу же помнить это и не выводить меня изъ терпѣнія вашими глупостями.

Нѣсколько дней спустя, братъ и сестра отправились въ путь. Петру Андерсону, дворнику, который былъ очень въ милости у майора, потому-что никогда не спорилъ съ нимъ, хотя всегда дѣлалъ по-своему, дано было множество приказаній относительно надзора за домомъ и имѣніемъ во-время отсутствія майора, и обѣщано за малѣйшее упущеніе строжайшее наказаніе и вѣчная опала. Петръ только кланялся и отвѣчалъ: «будьте покойны», хорошо зная, что обѣщаніе майора переломать всѣ кости нетакъ страшно на самомъ дѣлѣ.

Наконецъ майоръ сидѣлъ въ дорожной своей коляскѣ; на немъ былъ бѣлый бумазейный сюртукъ, который обыкновенно надѣвался при дальнихъ поѣздкахъ, когда можно было предполагать пыль, о чемъ теперь, конечно, не могло быть и рѣчи, такъ-какъ дороги несовсѣмъ просохли, но чтó майоръ все же считалъ необходимымъ, потому-что поѣздка была лѣтняя. Подлѣ него сидѣла фрёкенъ Эмерентія, съ огромнымъ распущеннымъ зонтикомъ, предметомъ отвращенія нашего майора, всегда выводившимъ его изъ себя, чтó и теперь случилось, такъ-что прежде, чѣмъ успѣли тронуться съ мѣста, у него съ сестрой поднялась уже самая жаркая ссора объ этой «отвратительной машинѣ», какъ майоръ называлъ зонтикъ; и майоръ увѣрялъ, что Эмерентіи ужь нéчего хлопотать о цвѣтѣ лица, что ей ужь давно нéчего портить, отчего та, въ свою очередь, выходила изъ себя.

Сезонъ уже начался, когда наши путешественники прибыли на воды. Все длинное, узкое зданіе водъ, въ концѣ котораго находился знаменитый болототундрскій цѣлебный источникъ и гдѣ надзиратель надъ водами, онъ же и пономарь этого кирхшпиля, ганимедъ съ синевато-краснымъ носомъ, каждое утро раздавалъ живительную влагу, уже съ шести часовъ утра начинало наполняться посѣтителями — больными и здоровыми разумѣется — которые, усѣвшись на скрипучія качалки, качались для моціона, такъ-какъ, по случаю тѣснаго помѣщенія, прогуливаться было несовсѣмъ удобно и неочень-пріятно, особенно тѣмъ, у кого были мозоли. На первомъ планѣ сидѣла обыкновенно мамзель Гальстенъ, высокая, до невозможности худощавая особа, съ сѣрыми, безцвѣтными глазами и желтымъ цвѣтомъ лица, лѣтъ за тридцать-пять, и уже слишкомъ пятнадцать лѣтъ назадъ обручившаяся съ какимъ-то бѣднымъ юношею, которому теперь было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но который до-сихъ-поръ не имѣлъ еще необходимыхъ для семейной жизни денежныхъ средствъ, и поэтому все еще былъ вынужденъ отказываться отъ супружескаго счастія. Въ-продолженіи этихъ пятнадцати лѣтъ здоровье мамзель Гальстенъ очень разстроилось, и по этому теперь аккуратно каждое лѣто она пріѣзжала на болототундрскія воды, чтобъ повеселиться и полечиться. Веселье мамзель Гальстенъ состояло, впрочемъ, преимущественно въ собираніи разныхъ матеріаловъ для зимы, въ-продолженіе которой она занималась шитьемъ въ домахъ и обязана была быть интересною и занимательною. У такихъ старыхъ, больныхъ дѣвъ, которыя обручены уже лѣтъ пятнадцать, какъ у бѣлокъ, есть особая привычка собирать зимній запасъ, правда не орѣховъ, а новостей и сплетень, которыя онѣ потомъ, по надобности, пускаютъ въ ходъ. По этому-то мамзель Гальстенъ обыкновенно начинала свои маленькіе разсказы о ближнихъ словами: «Когда я нынче лѣтомъ была на болототундрскихъ водахъ, то...» и т. д.

Сосѣдъ ея, напротивъ, былъ невысокій старичокъ, съ веселымъ, добродушнымъ лицомъ; онъ, повидимому, пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, но несмотря на это, ежегодно пилъ воды. Старикъ этотъ былъ ни кто-иной, какъ ратманъ Кленквистъ, почтенный блюститель порядка сосѣдняго городка. Ратманъ въ сущности никогда не былъ боленъ; но все же была неоспоримая истинна, что онъ всегда чувствовалъ себя легче, когда посѣщалъ воды. Маленькій этотъ, добрый старичекъ постоянно носилъ съ собою конфеты и разныя лакомства, чтобъ угощать ими и раздавать дѣтямъ, и имѣлъ привычку съ утра до вечера разсказывать разныя веселыя исторійки изъ своей молодости, того счастливаго времени, когда онъ былъ еще холостымъ, потому-что въ семейной жиз-

ни онъ не нашелъ ничего веселаго. Госпожа ратманша была энергическая женщина, которая присвоила себѣ всю домашнюю администрацію, держала мужа въ должномъ повиновеніи и терпѣть не могла его маленькихъ исторій. Вотъ почему ратманъ нашъ и ѣздилъ каждое лѣто на воды. Не придумай онъ этого средства, исторійки его рѣшительно задушили бы его, и ему пришлось бы лечиться ужь не—на—шутку.

Я могъ бы представить вамъ еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей; въ нихъ, между собравшимся на водахъ обществомъ, не было недостатка, но я откладываю это до другаго, болѣе удобнаго случая; теперь мнѣ пора снова заняться майоромъ.

Когда майоръ отвѣдалъ первую кружку воды, то бѣдному нашему ганимеду чуть не пришлось плохо. Отвратительный запахъ воды, такъ и бросился майору въ носъ, и онъ съ запальчивостью спросилъ, что за гадость такую ему дали. Не случись тутъ доктора и не успѣй онъ тотчасъ же объяснить майору, что именно этотъ—то гадкій запахъ и составляетъ главную цѣлебную силу воды, то ганимеду, вѣроятно, пришлось бы выкупаться въ источникѣ. Теперь майоръ выпилъ до дна кружку и молчалъ, хотя мысленно и посылалъ къ чорту и того, кто открылъ источникъ, и того, кто присовѣтывалъ ему пить воду.

Питье водъ, послѣ этого, продолжалось ежедневно, тѣмъ же порядкомъ: каждое утро, ровно въ шесть часовъ, общество, изъ окружныхъ крестьянскихъ дворовъ, превращавшихся, на лѣтній сезонъ, въ дачи, собиралось подъ незатѣйливый деревянный навѣсъ, гдѣ духъ здоровья имѣлъ свою резиденцію въ болотѣ. Множество болѣе и менѣе блѣдныхъ особъ, съ общимъ, такъ—сказать фамильнымъ выраженіемъ скуки и поочередно обреченныхъ слушать исторіи ратмана Кленквиста, расхаживали, по утреннему туману, вдоль узкихъ дорожекъ, змѣящихся по сосновой рощѣ, деревья которой, отъ постояннаго леченья грязями, находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Можно себѣ, по этому, представить, какое волненіе должно было произойти, когда ратманъ, въ одно прекрасное утро, сообщилъ обществу, что наканунѣ пріѣхали комедіанты, которые по послѣ—обѣдамъ, «для увеселенія почтенной публики», намѣрены давать большія представленія, съ разными гимнастическими и акробатическими упражненіями, небывалыми, удивительными и занимательными фокусами и превращеніями, и т. д.

На слѣдующій вечеръ все общество, отъ мала до велика, собралось въ находившемся неподалеку отъ водъ большомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ теперь на скорую руку устроенъ былъ родъ балагана. Зрители помѣщались на скамейкахъ, поставленныхъ вокругъ двора, а крыши домя и службъ были усѣяны ребятишками, которые взобрались туда, чтобы

хорошенько разглядѣть всѣ диковинки. Ратманъ Кленквистъ принесъ цѣлый запасъ конфетъ и лакомствъ, чтобъ угощать дамъ, и по случаю этого то-и-дѣло расхаживалъ между скамейками, раскланиваясь и разговаривая со всѣми и усердно потчуя. Старикъ имѣлъ такой веселый и привѣтливый видъ, что взглянуть на него было уже удовольствіе. Веселыхъ людей всегда отрадно видѣть.

Наконецъ представленіе началось: смуглый, широкоплечій мужчина, одѣтый въ родъ туники изъ полинялаго алаго бархата, съ множествомъ мишурныхъ, потускнѣвшихъ и покраснѣвшихъ, отъ долгаго употребленія, галуновъ и шнурковъ, вышелъ и раскланялся публикѣ. «Паясъ, паясъ, иди же скорѣе! сказалъ онъ, и отвратительная фигура выскочила на сцену и принялась строить разныя рожи. Дѣти на крышѣ вскрикнули отъ удовольствія и ужаса. Смуглый мужчина началъ дѣлать разныя штуки: онъ представлялъ Геркулеса, подбрасывалъ и ловилъ желѣзные шары и гири разной величины, поднималъ большія тяжести, свѣшивался вертикально съ большаго столба, однимъ-словомъ, мучилъ зрителей всѣми тѣми безполезными и опасными упражненіями, которыя въ общемъ употребленіи у акробатовъ. Дурной знакъ, если публика любитъ подобныя зрѣлища: это доказываетъ жалкое невѣжество, суровость нравовъ, отсутствіе эстетическаго вкуса, доброты и чувства.

Наконецъ, однако, всѣ эти упражненія кончились; на сцену вышелъ маленькій мальчикъ; ему было лѣтъ двѣнадцать неболѣе; это былъ истинный амуръ, съ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ и граціозными движеніями, съ прекраснымъ, невиннымъ дѣтскимъ личикомъ; роскошныя бѣлокурыя кудри, только слегка придерживаемыя узкой серебряной повязкой, кольцомъ обхватывавшей голову, золотыми волнами падали на плеча; маленькія тюлевыя крылышки, усѣянныя серебряными звѣздочками, были прикрѣплены между плечъ, и голубая, столь же яркая, какъ лазурь неба, туника, обхватывала гибкій его станъ.

Это было прекрасное явленіе. Что-то ангельское, то-есть, что-то доброе и примиряющее отражалось въ большихъ голубыхъ глазахъ мальчика, улыбкѣ его розовыхъ устъ, стыдливомъ румянцѣ, ярко горѣвшемъ на щекахъ. Нашъ ратманъ, въ которомъ чувство изящнаго вообще мало было развито, разсказывалъ, между-тѣмъ, въ-полголоса своимъ сосѣдямъ, что далъ маленькому амуру пребольшой ломоть хлѣба съ масломъ и сыромъ и что тотъ съ апетитомъ скушалъ его. Это, конечно, была очень-прозаическая выходка, но она доказывала, что ратманъ былъ практически-добрый человѣкъ, хотя въ немъ и не было той утонченности чувствъ, которая необходима для того, чтобъ идеализировать. Подобныя явленія нерѣдко встрѣчаются и неоспоримо доказываютъ, что

чувствительность и человѣколюбіе суть два совершенно различныя чувства. Мы глубоко понимаемъ и чувствуемъ истину картины, изображающей бѣдность и страданія; даже слеза, подъ—часъ, невольно пробивается изъ глазъ нашихъ, когда мы читаемъ о страданіяхъ ближнихъ, когда геніальный авторъ раскроетъ передъ нами эти несчастныя жилища горя и нужды, когда мы увидимъ полуистлѣвшую солому, служащую ложемъ, голодныхъ дѣтей, напрасно просящихъ хлѣба, и мать въ отчаяніи; но если мы случайно забредемъ въ подобное жилище, если въ дѣйствительности предъ нами явится отчаянная мать, окруженная голодными, оборванными дѣтьми, то мы ничего, или почти ничего не дѣлаемъ, чтобъ спасти ее и ихъ; тогда мы вооружаемся благоразуміемъ и не позволяемъ себѣ увлечься чувствомъ, не позволяемъ потому, что бѣдность является намъ въ мрачныхъ краскахъ дѣйствительности, а не въ яркихъ цвѣтахъ поэзіи. Мы требуемъ наслажденія, чтобъ быть добрыми, а дѣйствительность не можетъ дать намъ его.

Дѣйствительно, очень—непріятно представлять себѣ подобнаго маленькаго бога любви съ ломтемъ хлѣба въ рукѣ, и я увѣренъ, что всякій былъ бы доволенъ не слышать непоэтическаго замѣчанія уже слишкомъ прозаическаго ратмана.

Смуглый мужчина приподнялъ мальчика, поставилъ его на слабо—натянутый канатъ и далъ ему въ руки лукъ и стрѣлу. Раздались нестройные звуки старой шарманки, и канатъ закачался. Подобно птичкѣ, ребенокъ въ одну минуту взлетѣлъ на канатѣ на воздухъ и очутился надъ головами зрителей; раскланявшись во всѣ стороны, мальчикъ началъ ходить по канату, становиться въ разныя позы, граціозно качаясь, какъ гибкій тростникъ, и приводя всѣхъ въ изумленіе своею ловкостью; наконецъ, онъ сталъ на средину каната, натянулъ лукъ, положилъ золотую стрѣлу и выстрѣлилъ прямо въ зрителей. Стрѣла попала фрёкенъ Эмерентіи въ самое сердце; раздалось общее браво; посыпались рукоплесканія, мальчикъ соскочилъ съ каната и раскланялся публикѣ.

Представленіе было кончено и всѣ зрители разошлись, кромѣ майора, который обратилъ особенное вниманіе на прекраснаго ребенка, да фрёкенъ Эмерентіи, самолюбіе которой, между нами будь сказано, было очень—польщено тѣмъ, что стрѣла попала именно въ нее. Они остались, чтобъ увидать еще мальчика и поговорить съ нимъ. И братъ и сестра начали искать у себя въ карманахъ денегъ; имъ хотѣлось потѣшить бѣдное дитя.

— Кто этотъ смуглый мужчина, что первый вышелъ на сцену? спросилъ майоръ у хозяевъ.

— Это какой—то цыганъ, отвѣчали ему.

— Тфу пропасть, проворчалъ майоръ:—а мальчикъ, тоже цыганъ?

— Не думаю, былъ отвѣтъ:—по-крайней-мѣрѣ, онъ чисто говоритъ по-шведски.

— Вотъ оно что́, сказалъ майоръ:—ты увидишь, Эмерентія, увидишь, что этотъ поганый цыганъ укралъ мальчика. Я сейчасъ замѣтилъ, что этотъ милый ребенокъ не можетъ быть цыганъ; о, я знаю этотъ скверный народъ, знаю этихъ мошенниковъ. Ты, я думаю, Эмерентія, и сама помнишь бездѣльниковъ цыганъ, которые въ наше дѣтство кочевали близь границы и воровали скотъ у нашихъ родителей, да посадили на колъ бѣднаго Тираса, помнишь, старую нашу цѣпную собаку, съ длинною, кудравою шерстью и бѣлою грудью... Мерзавцы...

Рѣчь осталась неоконченною, потому-что братъ и сестра вошли въ комнату комедіантовъ. Она была наполнена дѣтьми и прислугою, которые зѣвали на пару обезьянъ, тоже принадлежавшихъ къ труппѣ. Въ углу, на мѣшкѣ съ соломою, лежалъ паяцъ и отдыхалъ послѣ трудовъ; онъ, къ немалому удовольствію присутствовавшихъ, былъ еще въ полномъ костюмѣ. Немного поодаль, между двумя клѣтками, въ одной изъ которыхъ находился мандриль, а въ другой павіанъ, сидѣлъ блѣдный мальчикъ и плакалъ; то былъ маленькій амуръ, недавно восхищавшій публику. Красивый нарядъ былъ снятъ, и ребенокъ едва прикрытъ нѣсколькими жалкими лохмотьями; лицо его было такъ блѣдно, такъ блѣдно, умненькіе глазки отуманены слезами, серебряная повязка снята и волосы въ безпорядкѣ.

Фрёкенъ Эмерентія подошла къ нему и спросила, отчего онъ плачетъ. Мальчикъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее: онъ не привыкъ къ участію и принялъ вопросъ за простое любопытство.

— Отчего, барыня, вы меня спрашиваете объ этомъ? спросилъ онъ въ свою очередь, поспѣшно отирая рукавомъ слезы. Встань, паяцъ, прибавилъ онъ шутливымъ тономъ: развѣ ты не видишь, что господа пришли.

— Что́ ты цыганъ? спросилъ майоръ.

— Нѣтъ, баринъ, я шведъ.

— Откуда?

— Изъ Стокгольма.

— А! Такъ ка́къ же это ты, чортъ побери, попалъ къ цыгану?

— Меня родители къ нему отдали, потому-что имъ нечѣмъ было меня кормить.

— Бѣдный малютка, сказала Эмерентія, вздыхая.—Очень тебя мучатъ?

— Нѣтъ, что́ лгать, сказалъ мальчикъ:—когда я хорошо дѣлаю свои штуки, то мнѣ даютъ ѣсть; но когда сглуплю, меня бьютъ.

— Что́, тебя теперь били? спросила Эмерентія.

— Да́, немного; но я знаю, что меня еще прибьютъ, больно прибьютъ, когда народъ разойдется, прибавилъ онъ и снова залился слезами.

— Бѣдняжка, несчастное дитя! сказала Эмерентія. За что́ же тебя теперь будутъ бить?

— А вотъ, видите ли, сказалъ мальчикъ:— хозяинъ мой приказалъ мнѣ выстрѣлить въ хорошенькую барышню, а я, вмѣсто того, выстрѣлилъ въ пожилую барыню, почти такую же, какъ вы.

— И тебя за это прибьютъ, мой бѣдный мальчикъ? спросила Эмерентія:—тебя прибьютъ за то́, что ты не туда попалъ?

— Нѣтъ не за то́; вѣдь я не промахнулся, а такъ и цѣлилъ.

— Такъ скажи мнѣ, отчего ты не послушался своего хозяина?

Мальчикъ быстро взглянулъ на Эмерентію; взоръ его выражалъ почти упрекъ.

— Я и самъ намѣренъ былъ поступить такъ, какъ мнѣ приказали, сказалъ онъ: — но когда я натянулъ лукъ, то увидѣлъ ту пожилую барыню; она показалась мнѣ такою доброю, она такъ ласково смотрѣла на меня, точно мать моя, когда бывала довольна мною; я полюбилъ ее больше всѣхъ присутствующихъ, она показалась мнѣ самою пригожею; она, подумалъ я, вѣрно жалѣетъ бѣднаго канатнаго плясуна, и я выстрѣлилъ въ нее.

— Благодарствуй, мой милый, благодарствуй. Ты это въ меня выстрѣлилъ, и ты не будешь жалѣть объ этомъ; вотъ возьми (она хотѣла дать ему денегъ).

— Нѣтъ, добрая барыня, я не смѣю взять денегъ: меня прибьютъ за это.

Майоръ, противъ обыкновенія, все время молчалъ; но теперь гнѣвъ его разразился.

— Гдѣ этотъ проклятый цыганъ? закричалъ онъ:—подайте мнѣ его сейчасъ сюда!

Комедіантъ, который подумалъ, что какая-нибудь обезьяна ушла изъ клѣтки, или случилось какое-нибудь другое несчастіе, поспѣшно вбѣжалъ въ комнату, но вдругъ остановился, увидѣвъ разгнѣваннаго майора.

— Послушай ты, каналья! крикнулъ онъ, схвативъ его за руку и энергически потряхивая: — послушай мошенникъ, ка́къ это ты смѣешь бить мальчика, да еще шведа въ-добавокъ? Ахъ, ты разбойникъ, цыганъ поганый. Я, вотъ увидишь, пересчитаю тебѣ ребра, угощу тебя такъ, что будешь меня помнить.

Цыганъ, который скорѣе повѣрилъ бы, что солнце и луна помери-

нутъ, чѣмъ кто-нибудь его такъ разругаетъ за мальчишку, дотого растерялся, что даже нѣсколько времени не могъ отвѣчать, а только бормоталъ. Майоръ все болѣе-и-болѣе горячился и осыпáлъ градомъ проклятій и ругательствъ цыгана; требовалъ, чтобъ онъ тотчасъ же объяснилъ, по какому праву держитъ у себя мальчика, сейчасъ же показалъ ему паспортъ и всѣ документы, и грозилъ, что задержитъ комедіантовъ до-тѣхъ-поръ, пока не будутъ представлены всѣ требуемыя имъ доказательства, что мальчикъ не украденъ. Цыганъ не имѣлъ совершенно-точныхъ понятій о шведскомъ судопроизводствѣ и очень, поэтому, опасался, что ему могутъ сдѣлать разныя непріятности; тѣмъ болѣе, что грозный видъ и рѣчи майора подали ему поводъ думать, что онъ видитъ предъ собою полицейскаго чиновника, которыхъ онъ, по причинѣ разныхъ, несовсѣмъ похвальныхъ продѣлокъ, имѣлъ причину опасаться. Онъ бросился, поэтому, къ ногамъ майора и сталъ просить о пощадѣ. Но взбѣшенный старикъ не слушалъ его и продолжалъ кричать, и цыганъ, которому уже мерещился острогъ, допросы и тому подобное, очень обрадовался, когда майоръ, наконецъ, предложилъ ему сто рейхсталеровъ, съ тѣмъ, что онъ сейчасъ же отдастъ ему мальчика. Сдѣлка была тутъ же кончена, и фрёкенъ Эмерентія была обязана филантропіи брата, за подарокъ, которымъ дорожила болѣе, чѣмъ можно было бы предполагать.

Съ тріумфомъ, какъ послѣ одержанной побѣды, майоръ отправился домой съ сестрою и мальчикомъ, котораго называли Лудвигомъ. Тѣмъ кончилось представленіе.

Все общество смѣялось надъ чудакомъ майоромъ и его странной сестрою. Мамзель Гальстенъ пріобрѣла еще одну новую исторію, которая до зимы могла сдѣлаться длинною и интересною, а ратманъ еще ребенка, котораго можно было баловать и угощать разными лакомствами.

III.

Искатель счастія.

Курсъ водъ былъ уже на исходѣ, когда снова получено было приглашеніе отъ барона Норденгельма, стараго друга и товарища, и майоръ и фрёкенъ Эмерентія уѣхали къ нему. На козлахъ сидѣлъ маленькій Лудвигъ, одѣтый теперь въ приличное платье. Его взяли съ собою, чтобъ было кому отворять встрѣчающіяся по дорогѣ ворота, и онъ какъ-нельзя-болѣе былъ способенъ къ этому. Фрёкенъ Эмерентія не

разъ вскрикивала отъ страха, когда ловкій мальчикъ въ одну минуту соскакивалъ на землю, чтобъ отворить ворота, и потомъ однимъ прыжкомъ снова вскакивалъ на козлы, между-тѣмъ, какъ лошади продолжали бѣжать крупною рысью. Но маленькій волтижеръ смотрѣлъ такъ весело и добродушно, голубые его глазки такъ плутовски устремлялись на его покровителей, что даже самъ майоръ не могъ на него разсердиться. Эмерентія, напротивъ, даже замѣтила, что братъ сдѣлался какъ-бы совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Было ли это единственно вслѣдствіе шести-недѣльнаго леченія водами, или потому, что близь него теперь постоянно было юное существо, преданное ему всею душею—этого она не старалась разъяснить. И дѣйствительно, майоръ очень перемѣнился: онъ теперь уже не такъ часто спорилъ, онъ былъ терпѣливѣе и снисходительнѣе; а что́ касается маленькаго Лудвига, то онъ ему никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія. Много разсказываютъ о способности нѣкоторыхъ змѣй очаровывать свою жертву—это несчастная способность. Но чего не можетъ сдѣлать пара невинныхъ дѣтскихъ глазъ? Какъ-то совѣстно дѣлать ихъ свидѣтелями своихъ глупостей; они такъ ясно, такъ вѣрно отражаютъ каждую мысль, каждое чувство; и я сомнѣваюсь, чтобъ люди рѣшались совершать преступленія, еслибъ каждое дѣйствіе ихъ отражалось предъ ними, какъ въ зеркалѣ; они бы видѣли себя такими, какъ есть, и имъ стало бы стыдно и страшно. Такъ было и съ майоромъ: онъ видѣлъ передъ собою ребенка, добраго и невиннаго, выросшаго въ низшемъ слоѣ общества. Это была травка, высунувшая свои свѣжіе, зеленые листики между щелями гніющаго государственнаго помоста, который снизу разрушается плесѣнью и гнилью, и каждая половица котораго колеблется подъ тяжелыми шагами сильныхъ и знатныхъ, между-тѣмъ, какъ никто и не подумаетъ взглянуть, что́ дѣлается внизу, и не усилилась ли гнилость дотого, что всему зданію угрожаетъ паденіе.

Въ Миллингольменъ, имѣніи барона, былъ большой праздникъ: праздновали обрученіе свояченицы барона, молодой и прекрасной Эвелины Стольшельдъ, съ владѣтелемъ майоратовъ Свангультъ и Шеллинге, графомъ Шернфельдомъ. Тотъ, кто увидѣлъ бы эти майораты, съ ихъ парками и садами, съ ихъ великолѣпными, какъ дворцы, домами, гдѣ вкусъ и роскошь во всемъ соперничали, назвалъ бы Эвелину счастливицей, позавидовалъ бы ей; но тотъ, кто только увидѣлъ бы жениха, подумалъ бы совершенно-противное: это былъ молодой человѣкъ, который съ колыбели зналъ, что онъ владѣтель огромнаго майоратства, который въ двадцать-пять лѣтъ насладился жизнью до пресыщенія и находилъ, что она нестерпима. Онъ какъ-бы стоялъ среди поля битвы, усѣян-

наго испытанными и опротивѣвшими наслажденіями. Все казалось ему безцвѣтно и мертво.

Когда майоръ, который по случаю такого торжественнаго дня былъ во всей формѣ, то–есть щеголялъ въ синемъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и золотыхъ эполетахъ, пріѣхалъ къ барону, то всѣ гости уже собрались и гуляли по живописному миллингольмскому парку. Всѣ фонтаны были пущены, множество тритоновъ выдували изъ своихъ раковинъ высокія струи воды, которыя потомъ свѣтлыми брызгами разсыпáлись вокругъ нихъ; бюсты и статуи, частью истинно-художественныя произведенія, повсюду выглядывали между зеленью деревъ. Въ аллеяхъ расхаживали веселыя групы, наслаждаясь, на свободѣ, прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ. Въ отдаленіи, повременамъ, слышались оживленные звуки танцовальной музыки: это народъ тамъ веселился; многіе изъ гостей принимали участіе въ этомъ удовольствіи. Сколько хорошенькихъ крестьянокъ удостоились чести быть ангажированными какимъ–нибудь веселымъ столичнымъ франтомъ, который, не обинуясь, подавалъ свою руку, одѣтую въ изящную бѣлую перчатку, закраснѣвшейся красавицѣ, которая, какъ–бы опасаясь изломать нѣжную руку, брала ее только за самые кончики пальцевъ, и начинала вертѣться съ привѣтливымъ барономъ, быть–можетъ, думая о какомъ–нибудь Ванѣ или Петрушѣ, который стоялъ и поглядывалъ на нее, и который, по ея мнѣнію, танцовалъ въ десять разъ лучше всякаго барина.

Подъ густою тѣнью бесѣдки изъ боярышника, красовавшагося теперь своими бѣлыми, какъ снѣгъ, цвѣтами, стояли два человѣка и разговаривали. Они были очень–заняты своимъ разговоромъ; но назвать его серьёзнымъ было бы невѣрно, потому–что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые обыкновенно слышишь въ салонахъ, которые не заключаютъ въ себѣ ничего и, между–тѣмъ, все, и бываютъ интересны для свѣтскихъ людей не потому, чтобъ были сплетеніемъ самыхъ замѣчательныхъ вещей, а потому, что представляютъ какъ–бы мозаику предметовъ и вопросо́въ, которые имѣютъ то качество, что всегда пріятны и занимательны; однимъ словомъ, такой разговоръ, который, какъ ароматъ цвѣтка, непремѣнно повсюду распространяется, всякому доступенъ, но отъ котораго потомъ столько же и остается.

Одинъ изъ разговаривавшихъ былъ молодой человѣкъ, съ мелкими чертами лица; лобъ его былъ высокъ и нѣжно обрисованъ, хотя, быть-можетъ, нѣсколько узокъ, глаза свѣтлы и блестящи. Все, до самой почти сатирической улыбки, безпрестанно являвшейся на его устахъ, и даже его изящная и вмѣстѣ съ тѣмъ небрежная манера одѣваться, обличали въ немъ человѣка, который больше чувствуетъ, чѣмъ можетъ

понять мыслью, и который больше думаетъ о себѣ, чѣмъ о всемъ остальномъ мірѣ.

Это былъ молодой графъ Гюнтерфельдъ, восторгъ всего общества и отчаяніе тысячи соперниковъ. Природа много для него сдѣлала: она надѣлила его глубокимъ чувствомъ изящнаго, любовью и благоговѣніемъ ко всему высокому и прекрасному, одарила его прекрасной наружностью и свѣтлымъ умомъ; но его положеніе въ свѣтѣ, его воспитаніе, или, еще вѣрнѣе, его неправильныя, ложныя отношенія къ окружающимъ, притупили эти богатыя дарованія и превратили ихъ въ нѣчто лишенное гармоніи, цѣлости и равновѣсія. Вотъ почему онъ съ перваго взгляда могъ поразить, понравиться, какъ эскизъ прекрасной картины, но не могъ оставить продолжительнаго, прочнаго впечатлѣнія, потому-что, та́къ же ка́къ и эскизъ, могъ дать только очень-поверхностное понятіе о томъ, что́ была бы самая картина, будь она окончена. Мы вездѣ встрѣчаемъ такіе неразвившіеся геніи и характеры, обрисованные какъ-бы дѣтскою рукою, съ нетвердыми линіями и невѣрными пропорціями; но часто попадаются и такіе, въ которыхъ каждая черта та́къ же смѣла, ка́къ и небрежно исполнена, та́къ же истинна, ка́къ и неоконченна. Только очень-рѣдко картина бываетъ совершенно окончена, имѣетъ всѣ нужныя тѣни и полутѣни; это встрѣчается лишь въ избранныхъ любимцахъ природы; это такіе счастливцы, которые навсегда остаются въ пантеонѣ нашей памяти, между-тѣмъ какъ эскизы изглаживаются и забываются. Съ самаго ранняго дѣтства графъ слышалъ однѣ лишь похвалы; каждая, самая ничтожная его острота повторялась до безконечности; каждой его минѣ, каждому слову и движенію удивлялись. Юношею, его прославили поэтомъ, живописцемъ и музыкантомъ, и онъ, вслѣдствіе этого, пересталъ изучать языкъ, живопись и музыку, и не развилъ ни одного изъ своихъ талантовъ. Однимъ словомъ, онъ сталъ родъ копіи съ генія, со всѣми притязаніями на геніальность, не стараясь, между-тѣмъ, заслужить даже того, чѣмъ всякій истинный талантъ всегда дорожитъ — уваженія. Вотъ поэтому-то онъ и имѣлъ вездѣ успѣхъ, потому-что всѣ признавали его превосходство, нисколько не чувствуя себя подавленными имъ, такъ-какъ оно именно зависѣло отъ этого признаванья. Всякій хорошо понималъ, что во всякое время легко можетъ низвергнуть его съ несправедливо-захваченнаго имъ мѣста, тѣмъ однимъ, что не призна́етъ его превосходства. По ему льстили, такъ точно, какъ мы часто видимъ изъ исторіи, что царедворцы льстили самымъ неспособнымъ королямъ, потому именно, что знали, что они не могутъ сдѣлаться самостоятельными. Люди вообще не любятъ истиннаго превосходства; они охотнѣе восхищаются блестящимъ

фейерверкомъ, который изображаетъ солнце, чѣмъ самымъ солнцемъ; вотъ поэтому-то они такъ часто превозносятъ посредственность, а генію отдаютъ справедливость только за гробомъ.

Второй былъ совершенно въ другомъ родѣ, но тоже человѣкъ, которому, конечно, не удивлялись, о которомъ не трубили вездѣ, даже почти совсѣмъ не говорили, но который, тѣмъ не менѣе, былъ необходимымъ членомъ общества. Графъ Гюнтерфельдъ былъ въ салонѣ, такъ-сказать, предметомъ роскоши, баронъ же фон-Поленъ предметомъ необходимости. Баронъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ совершенно-обыкновенными чертами лица, и отличался только особеннымъ добродушіемъ, выражавшимся во всей его особѣ, начиная съ привѣтливаго и веселаго выраженія лица, до обычной его лѣнивой и безпечной позы. Въ немъ не было ровно ничего такого, что̀ хотя сколько-нибудь намекало бы о собственной волѣ, или энергіи; онъ былъ ліана, которая всюду хорошо растетъ и около всего вьется, которая паритъ къ облакамъ и опускается къ землѣ, въ первомъ случаѣ точно такъ же мало поддерживаемая собственной силой, какъ въ послѣднемъ подавленная собственною тяжестью. Общество имѣетъ свои цвѣты, свои розы, левкои и т. д., которые придаютъ ему характеръ и украшаютъ его; такимъ именно цвѣткомъ былъ графъ Гюнтерфельдъ. Но для полноты необходима и зелень, чтобъ нигдѣ не было непріятныхъ промежутковъ, пустоты, и вотъ, въ этомъ-то отношеніи, фон-Поленъ и былъ человѣкъ неоцѣненный.

— Нашъ хозяинъ геній, сказалъ Гюнтерфельдъ, бросивъ бѣглый взглядъ во всѣ стороны:—онъ изъ ничего вышелъ въ люди. Какое высокое наслажденіе быть только себѣ обязаннымъ за свое возвышеніе.

— Вы это, графъ, говорите потому, отвѣчалъ фон-Поленъ:—что вполнѣ сознаете, что одарены такими блестящими способностями и такою энергіею, и непремѣнно достигли бы значенія въ обществѣ, съ какой бы ступени вамъ не пришлось начинать.

— Мы не объ этомъ говорили, снова началъ Гюнтерфельдъ:—но сознаюсь, разговоръ нашъ, дѣйствительно, коснулся такой струны, которая постоянно громко звучитъ въ моей душѣ. Да, баронъ, я, дѣйствительно, былъ бы счастливъ, еслибъ судьбѣ угодно было, чтобъ я родился отъ простолюдина, по рожденію принадлежалъ бы къ народу. Вы знаете, что я принадлежу къ свободно-мыслящимъ, прибавилъ онъ, какъ-бы въ оправданіе сказаннаго имъ.

— Понятно, что генія тяготятъ всякія цѣпи, что онъ любитъ и цѣнитъ свободу, все юношески-свѣжее, однимъ словомъ, все пылкое, молодое—онъ самъ вѣчно-юнъ; сознавая свою силу, онъ не можетъ не

желать летать на собственныхъ крыльяхъ. Вамъ кажется, что вы недостаточно испытали ваши, и это-то и причиною тому, что вы желали бы начать вашу карьеру съ самыхъ низшихъ ступеней, сказалъ баронъ, съ обязательной улыбкой.

— Какая бы ни была причина, но сознаюсь, я, дѣйствительно, часто желалъ этого, отвѣчалъ графъ, которому очень польстили слова барона:—я не стыдился бы названія выскочки; оно, напротивъ, было бы мнѣ лестно, напоминая мнѣ мои заслуги. Баронъ Норденгельмъ выскочка и геній; но я бы не хотѣлъ такъ кончить — начало было хорошо.

— Вы правы, возразилъ баронъ: — онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ послѣднимъ въ нашемъ сословіи, тогда, какъ ему, напротивъ, должно было оставаться первымъ въ своемъ.

— Именно, сказалъ графъ:— я не люблю этого переметничества отъ народа къ привилигированному сословію. По-крайней-мѣрѣ, не должно домогаться оставлять свое почетное мѣсто. Дѣло другое, если насъ заставятъ принять награду и мы должны оставить прежнее свое званіе. Но и тогда даже не должно забывать прежнюю свою фамилію, называть себя Норденгельмъ, когда прежде назывался Столь. Это значитъ, пренебрегать самымъ введеніемъ къ своему возвышенію, а введеніе нерѣдко бываетъ лучшею частью всего творенія.

Тутъ къ нимъ подошелъ самъ хозяинъ, баронъ Норденгельмъ, и разговоръ перемѣнился. Баронъ былъ изъ числа тѣхъ людей, самая наружность которыхъ уже обличаетъ стойкость и силу воли, соединенныя съ гибкостью и уклончивостью. Черты лица его были рѣзки, лобъ крутъ и угловатъ, губы тонки и сжаты, глаза, для которыхъ всякое выраженіе было легко и привычно, которые могли выражать любовь, ненависть, презрѣніе, уваженіе и участіе, тогда-какъ самъ онъ ничего этого не чувствовалъ. Онъ во всемъ мірѣ любилъ только одно существо—и существо это было онъ самъ; презиралъ только одно, а именно, общество, окружавшее его. Это презрѣніе обнаруживалось или презрительной насмѣшкой, или низкимъ, раболѣпнымъ почтеніемъ; потому-что мы никогда не унижаемся, не ползаемъ передъ тѣми, кого любимъ и уважаемъ; тѣмъ мы говоримъ правду, откровенно говоримъ наше мнѣніе; иначе мы не могли бы любить ихъ. Сюлли всегда, не обинуясь, говорилъ правду Генриху IV, потому-что любилъ его; Карлу же II, Стюарту, министры его льстили, потому-что не могли уважать его.

— Вы не принимаете участія въ праздникѣ, сказалъ баронъ, привѣтливо улыбаясь своимъ гостямъ: —нашъ Байронъ, вѣрно, любезный баронъ, увлекъ васъ въ область фантазіи; тамъ, дѣйствительно, очень-хорошо,

только жаль, не у всѣхъ есть крылья, чтобы слѣдовать туда за дорогимъ нашимъ поэтомъ. Я всегда, графъ, съ истиннымъ удовольствіемъ слушаю васъ, но устаю на пути, и тогда вамъ приходится тащить меня. А, вотъ и майоръ, сказалъ онъ, самъ себя перебивая: — здравствуй братъ Пистоленсвердъ, какъ я радъ видѣть тебя; мое почтеніе, фрёкенъ Эмерентія! Позвольте мнѣ представить вамъ... И гости, послѣ этого, были представлены другъ другу.

— Я буду имѣть честь, снова началъ онъ: — проводить васъ, моя почтеннѣйшая фрёкенъ Эмерентія, къ... (онъ съ минуту искалъ приличнаго слова) — къ моей женѣ, сказалъ онъ наконецъ, желая въ глазахъ майора казаться все тѣмъ же старымъ сослуживцемъ — Братъ Пистоленсвердъ подождетъ меня здѣсь.

Баронъ ушелъ, но скоро возвратился.

— Ну, братъ, теперь мы можемъ на свободѣ поговорить, сказалъ онъ ласково, дружески ударивъ майора по плечу: — ты, Пистоленсвердъ, все еще также свѣжъ и молодъ, годы нисколько не измѣнили тебя.

— Нѣтъ, благодаря Бога, отвѣчалъ майоръ: — я теперь, послѣ своей поѣздки на воды, снова совершенно-здоровъ; но на что это ты сталъ похожъ, мой бѣдный другъ! ты, чортъ меня побери, худъ, какъ кащей, и блѣденъ и безцвѣтенъ, какъ полинялый передникъ какой-нибудь горничной.

Баронъ улыбнулся и бросилъ выразительный взглядъ на графа и барона; взглядъ этотъ говорилъ: — не взыщите, господа; онъ человѣкъ несвѣтскій, или что-то въ родѣ этого. Графъ Гюнтерфельдъ глубоко вздохнулъ и наморщилъ брови, фон-Поленъ же улыбнулся совершенно-простодушно.

Случай свелъ здѣсь четыре характера, которые были вылиты изъ различныхъ металловъ: то была звонкая и хрупкая бронза подлѣ негибкаго и твердаго желѣза, ковкое олово подлѣ до безконечности растягивающагося золота. Это были совершенныя противуположности; пути ихъ далеко расходились; они были различно созданы природою, различно обработаны искусствомъ.

Баронъ Норденгельмъ имѣлъ свои особыя, важныя причины пригласить майора на этотъ праздникъ; онъ, надо знать, ничего не дѣлалъ безъ цѣли. Старикъ долженъ былъ именно напоминать его гостямъ о томъ, чѣмъ онъ самъ прежде былъ: простымъ воиномъ, и чѣмъ теперь сталъ: чѣмъ-то въ родѣ дипломата. Онъ хотѣлъ показать имъ, въ случаѣ, если они это забыли — какъ велики были его способности, его умъ, его ловкость; хотѣлъ устрашить ихъ, привести въ робость, картиною своего прошедшаго, которая должна была доказать имъ, что онъ еще не

утратилъ прежней энергіи; что то же превосходство способностей, которое изъ простаго унтер-офицера возвело его въ бароны; могло современемъ сдѣлать его человѣкомъ сильнымъ, случайнымъ. Мы поэтому часто видимъ, что искатели счастія, выскочки; съ особеннымъ пристрастіемъ любятъ разсказывать о началѣ своей карьеры. Вообще это принимаютъ за родъ простодушной скромности, или за хвастовство; первое, по моему, рѣдкость, второе встрѣчается чаще; обыкновеннѣе всего, это холостой выстрѣлъ родъ угрозы могуществомъ своихъ способностей.

Майоръ, между-тѣмъ; ужъ слишкомъ пересолилъ, и цѣль барона не была достигнута: Въ радости, что ему привелось свидѣться съ старымъ сослуживцемъ, (старикъ все еще видѣлъ въ баронѣ только прежняго лихаго офицера) майоръ принялся разсказывать тьму анекдотовъ лагерной и походной жизни, которые частію дѣлали барона смѣшнымъ, частію ставили въ слишкомъ-невыгодномъ свѣтѣ средства, съ помощью которыхъ онъ возвысился: Говоритъ что баронъ пилъ въ круговую съ унтер-офицерами; напивался; получалъ выговоры, даже частенько сиживалъ подъ арестомъ и т. д.. было уже лишнее; такихъ подробностей баронъ вовсе не желалъ

Онъ поэтому скоро прервалъ разговоръ и увелъ старика, чтобы показать ему своихъ дѣтей. Долго баронъ и майоръ ходили по парку; не находя ихъ. Наконецъ, они подошли къ небольшому лугу, который зеленымъ ковромъ разстилался у подножія высокой скалы, и увидѣли дѣтей, бѣгающихъ и рѣзвящихся: Няня поочередно подвела дѣтей; но старшаго сына, Адольфа, любимца барона, не было; онъ; по словамъ няни, потихоньку ушелъ отъ нея. Барона это, однакожъ, нисколько не встревожило, такъ-какъ Адольфу было уже десять лѣтъ, и въ паркѣ; окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣною, съ нимъ ничего не могло случиться.

Между-тѣмъ было нетакъ. Маленькій Адольфъ былъ умный и рѣзвый ребенокъ, но предпріимчиваго и смѣлаго нрава, какъ и отецъ, котораго онъ напоминалъ своими прекрасными черными глазами, невыражавшими; впрочемъ, ни коварства, ни жестокосердія; столь ясно написанныхъ во взорѣ отца:

Адольфъ зналъ, что паркъ наполненъ гуляющими, и ему хотѣлось разомъ видѣть всю картину; онъ; поэтому, очень-ловко, тихонько ускользнулъ отъ няни, (которой, противъ обыкновенія; на этотъ день былъ порученъ надзоръ и за нимъ; такъ-какъ дѣти, для того, чтобы ихъ можно было представить гостямъ въ приличномъ видѣ; должны были оставаться подъ постояннымъ надзоромъ) и вовсе не думая о послѣдствіяхъ, полѣзъ на самый верхъ скалы, такъ смѣло, какъ-будто силы

тяготѣнія и не существовало. Прекрасное зрѣлище представилось ему: онъ увидѣлъ у ногъ своихъ весь паркъ, озеро, широкую рѣку, окружающую синею лентою господскій домъ и впадающую потомъ въ озеро, гуляющихъ, которые группами расхаживали по парку и казались ему такими маленькими; все, все восхищало мальчика, который прыгалъ отъ радости и билъ въ ладоши.

Вдругъ онъ поскользнулся и полетѣлъ по крутому откосу горы. Онъ неминуемо упалъ бы въ пропасть и убился бы, такъ-какъ гора съ этой стороны почти тотчасъ же становилась вертикальною; но, къ-счастію, платье его зацѣпилось за небольшую рябину, выросшую въ разщелинѣ. Мальчикъ поспѣшно ухватился за это слабое средство спасенія и повисъ надъ пропастью, имѣя за собою крутую скалу, гладко выполированную дождемъ и снѣгомъ. Звать на помощь ему и въ мысль не приходило, потому-что движущіяся массы народа, которыя онъ видѣлъ въ паркѣ, были слишкомъ-далеко. Предпріимчивый и смѣлый его нравъ побуждалъ его лишь думать о томъ, какъ-бы скорѣе самому найти средство выбраться изъ бѣды. Неожиданно онъ услышалъ надъ собою скорые шаги, и увидѣлъ мальчика, почти одного съ нимъ роста, ловкаго и легкаго, какъ серна, и который, босикомъ, слезалъ по гладкой скалѣ и протягивалъ ему руку. Машинально схватилъ онъ ее, но не безъ страха, потому-что хорошо понималъ, что если мальчикъ поскользнется, то рябина не въ состояніи будетъ удержать ихъ обоихъ. Незнакомецъ, повидимому, не раздѣлялъ его опасеній, а смѣло тащилъ его вверхъ,—и скоро оба были въ безопасности.

Адольфъ, конечно, немного дрожалъ, потому-что теперь только понялъ всю опасность, почувствовалъ весь ужасъ; прежде ему не до-того было. Маленькій его избавитель улыбнулся и сказалъ: — Берегись, маленькій баринъ, въ другой разъ такъ лазить; для этого нужна привычка.—«Кто ты, мой милый»? спросилъ Адольфъ. — Меня зовутъ Лудвигомъ, отвѣчалъ мальчикъ. — «Пойдемъ со мною, милый Лудвигъ, благодарствуй за помощь, пойдемъ, я дамъ тебѣ лакомства.»

Мальчики послѣ этого побѣжали къ дому. — Что́ платье мое не разорвано, не запачкано? спросилъ Адольфъ новаго своего друга, когда они подошли; и получивъ въ отвѣтъ: нѣтъ, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ ввелъ своего избавителя въ маленькую комнатку, гдѣ, на огромныхъ блюдахъ, высокими пирамидами наложено было всякаго рода пирожное. Комната эта была въ родѣ кладовой.

— Ну, Лудвигъ, кушай теперь сколько хочешь, я пойду къ ключницѣ и попрошу у ней варенья.

Лудвигъ не заставилъ себя просить, и Адольфъ убѣжалъ.

Вскорѣ однако мальчикъ услышалъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ, приближающихся къ двери; она съ шумомъ отворилась, и баронъ, сопровождаемый нѣсколькими лакеями, вошелъ.

— Это что̀ за мальчикъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, г-нъ баронъ.

— Слушай ты, каналья мальчишка, ты воровать сюда забрался! Возьми его, Сикманъ, и выпроводи отсюда. Надо строго наказывать первое преступленіе, прибавилъ онъ, чтобы придать своему дѣйствію нравственное достоинство. Прогони его, плута, со двора, да угости какъ слѣдуетъ.

Эту фразу баронъ обыкновенно употреблялъ, когда хотѣлъ, чтобы кто-нибудь былъ наказанъ какъ-бы безъ его вѣдома.

Слуга схватилъ Лудвига за руку, вывелъ изъ дому и далъ ему нѣсколько щелчковъ; но, къ-счастію для мальчика, Сикманъ мало принялъ участія въ этомъ нравственномъ поступкѣ барона, и Лудвигъ избавился по этому побоевъ, хотя и былъ со стыдомъ и оскорбленіемъ выгнанъ на задній дворъ. Здѣсь онъ усѣлся на подножку старой коляски майора и принялся горько плакать.

Нескоро Адольфу удалось отъискать новаго своего друга, но, наконецъ, онъ нашелъ его.

— Бѣдный мой Лудвигъ, сказалъ онъ, лаская своего избавителя:— бѣдный другъ мой, и все это ты изъ-за меня перенесъ. Хуже всего то̀, прибавилъ онъ, что я не смѣю разсказать о моемъ приключеніи, иначе меня никогда не пустятъ въ паркъ. Ну, перестань же плакать, милый мой Лудвигъ, я этого видѣть не могу.

Лудвигъ съ добродушной улыбкой взглянулъ на Адольфа, печаль его въ одну минуту исчезла, обида была забыта, онъ отеръ слезы.

— Это ничего не значитъ, добрый мой баринъ, только бы вы любили меня, только бы когда-нибудь сказали, что я не былъ виноватъ, что я пришелъ не для того, чтобы красть.

— О, будь увѣренъ, я это сдѣлаю, отвѣчалъ Адольфъ:—непремѣнно сдѣлаю, милый Лудвигъ! Да, я буду всегда любить тебя, до самой смерти буду твоимъ другомъ, только ты не плачь, не сердись на меня — не забудь, меня зовутъ Адольфомъ — и когда ты опять здѣсь будешь, то спроси только Адольфа и я сейчасъ къ тебѣ приду.

Такъ дѣти продолжали утѣшать другъ друга, и Адольфъ просидѣлъ съ новымъ своимъ другомъ до самаго вечера, до-тѣхъ-поръ, пока стемнѣло и гости начали разъѣзжаться.

IV.

Друзья.

Прошло пятнадцать лѣтъ, и дѣти о которыхъ я говорилъ въ прошлой главѣ, стали юношами, люди среднихъ лѣтъ—стариками. Несмотря на всѣ треволненія, на всѣ радости и печали, которыя время приноситъ съ собою, оно все же быстро и незамѣтно летитъ для насъ. Такъ было и съ лицами маленькаго моего разсказа.

Майоръ Пистоленсвердъ былъ теперь дряхлый старикъ; огонь его души почти угасъ и только изрѣдка искра еще вылетала изъ этого жертвенника, гдѣ прежде горѣло столько великихъ и благородныхъ чувствъ и мыслей, но гдѣ также часто вспыхивали самыя сильныя страсти. Сестра его сдѣлалась почтенной старушкой и ужъ болѣе не заботилась о цвѣтѣ лица. И она тоже стала покойнѣе и уживчивѣе, но доброе и любящее ея сердце не охладѣло отъ лѣтъ и по-прежнему сочувствовало всему прекрасному.

Маленькій Лудвигъ сталъ благороднымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; онъ превосходно учился и былъ единственною радостію стариковъ. Только тогда, когда отъ Лудвига приходили письма, старикъ оживалъ, радуясь успѣхамъ своего питомца, котораго любилъ не меньше роднаго сына. Фрёкенъ Эмерентія круглый годъ ткала полотно для своего любимца. Лудвигъ избралъ духовное званіе и незадолго передъ этимъ былъ посвященъ въ пасторы. Письмо съ извѣстіемъ объ этомъ получено было въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда старикъ майоръ сидѣлъ на крыльцѣ своего дома и покуривалъ трубку. Теперь надо было видѣть радость, которая поднялась по всему дому. Фрёкенъ Эмерентія, вопреки своей привычкѣ никогда не разсказывать прислугѣ о своихъ радостяхъ и маленькихъ непріятностяхъ, не могла теперь удержаться, чтобъ, при первой же возможности, не сообщить дѣвушкамъ, что г. Лудвигъ теперь уже пасторъ. Майоръ же, напротивъ, который въ этомъ отношеніи вовсе не походилъ на сестру, тотчасъ же позвалъ къ себѣ Петра Андерсона, возведеннаго теперь въ званіе управляющаго, и сказалъ ему:

— Послушай-ка, Петръ Андерсонъ, вѣдь Лудвигъ-то теперь ужъ пасторъ! Экой молодецъ! Да хранитъ его Господь! Вотъ тебѣ на табакъ, Андерсонъ; да пройди въ кухню и вели дать себѣ стаканъ вина.

Лудвигъ, только четыре года пробывъ въ университетѣ, получилъ

ученую степень и былъ посвященъ въ пасторы. Онъ былъ молодой человѣкъ, о которомъ мало говорили, потому-что онъ не любилъ общества и все время посвящалъ занятіямъ и чтенію. Комнатка его была олицетвореніе порядка и вкуса, все было чисто и изящно, хотя въ высшей степени просто, потому-что майоръ былъ неслишкомъ богатъ, да и не хотѣлъ попусту сорить деньгами; Лудвигу, поэтому, нельзя было не быть экономнымъ, еслибъ это даже не было въ его характерѣ.

Онъ имѣлъ только одного друга, который, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершенная его противуположность. Вообще имѣютъ очень-невѣрное понятіе о томъ, что бываетъ причиною дружбы, о томъ нѣжномъ чувствѣ, которое называется преданностію. Большая часть думаетъ, что для этого необходимо имѣть одинакій взглядъ и вкусъ, равныя обо всемъ понятія—это, между-тѣмъ, невѣрно. Дружба состоитъ изъ нитей, перекрещивающихся и сплетающихся, а не изъ параллельно идущихъ; если встрѣчаются два совершенно-равные характера, въ которыхъ эти нити имѣютъ одинакое направленіе, то изъ этого выйдетъ, такъ-сказать, только основа ткани; для того же, чтобъ вышла самая ткань, необходимо еще нѣсколько нитей, которыя перекрещивались бы съ первыми и могли бы переплестить съ ними.

Вотъ почему такъ-рѣдко случается, что два человѣка совершенно-равнаго нрава бываютъ друзьями; они могутъ быть добрыми знакомыми, пріятелями, но небольше. Лудвигъ и другъ его имѣли совершенно-разные характеры и любили другъ друга со всею пылкостью юношескаго сердца. Первая ихъ встрѣча соединила ихъ; имъ пришлось раздѣлить страшную опасность, одинъ изъ нихъ потерпѣлъ за товарища обиду и несправедливость — и безропотно перенесъ это. Словомъ, университетскій другъ Лудвига былъ никто иной, какъ Адольфъ Норденгельмъ.

Адольфъ Норденгельмъ былъ, какъ говорится, бойкій юноша, онъ имѣлъ довольно ума и твердости, чтобъ достигать того, чего желалъ, имѣлъ твердую волю, и охотно господствовалъ, когда это было возможно; но онъ тѣмъ отличался отъ отца, что былъ откровененъ, искренно-прямодушенъ, склоненъ къ дружбѣ и любви, и могъ дотого увлечься, что былъ въ-состояніи надѣлать даже глупостей. Онъ могъ, если хотѣлъ, съ математическою точностью разсчитывать всѣ свои дѣйствія, взвѣшивать ихъ самымъ вѣрнымъ образомъ, но рѣдко дѣлалъ это, потому-что находилъ скучнымъ и затруднительнымъ, и чрезъ то́ часто дѣлалъ промахи и ошибки противъ свѣтскихъ приличій. Вотъ почему онъ иногда, вовсе того не думая и съ лучшими въ мірѣ намѣреніями, могъ обидѣть и огорчить.—Люди всегда больше обращаютъ вниманія на внѣшнюю форму, чѣмъ на душевныя качества человѣка; его сердце, его

добрыя намѣренія, побудительныя причины его поступковъ для большей части людей—закрытая книга, въ которую они не стараются заглянуть, такъ-какъ она написана непонятными для нихъ письменами. Очень-немногіе выучились больше одной азбуки, чтобы читать въ душѣ человѣка, и люди вообще думаютъ, что̀ если начертанное тамъ написано на неизвѣстномъ имъ языкѣ, то оно и не сто̀итъ того, чтобъ трудиться разбирать его; они поступаютъ какъ монахи среднихъ вѣковъ, которые говорили: «Graeca sunt non leguntur»; они не обращаютъ вниманія на содержаніе книги и судятъ только о переплетѣ.

Лудвигъ, напротивъ, былъ отъ природы кротокъ, снисходителенъ, чувствителенъ и добръ, и воспитаніе окончательно сгладило всѣ малѣйшія неровности его характера. Наставникомъ и руководителемъ его былъ чистосердечный, какъ ребенокъ, старикъ, и Лудвигъ рано научился любить и уважать своего воспитателя, за добрыя и благородныя его чувства, глубоко скрытыя подъ угловатыми и странными манерами. Еще одна особа имѣла вліяніе на развитіе его характера: это была фрёкенъ Эмерентія; она воспитывала его та̀къ, ка̀къ только мать можетъ вести своего ребенка, съ любовью, тою всѣмъ жертвующею любовью, которая обнаруживается въ каждомъ взорѣ, каждомъ словѣ, каждомъ ничтожномъ поступкѣ, которая всѣмъ жертвуетъ и ничего не требуетъ.

Чрезъ противуположность обоихъ руководителей Лудвигъ сталъ тѣмъ, чѣмъ теперь былъ — кроткимъ, добрымъ и скромнымъ человѣкомъ, съ любящимъ сердцемъ, спокойнымъ, терпѣливымъ и тихимъ нравомъ.

Такой именно другъ и нуженъ былъ Адольфу, и онъ, поэтому, всею душою привязался къ Лудвигу, который, съ своей стороны, былъ другомъ всего человѣчества, а съ Адольфомъ сблизился преимущественно потому, что хорошо понималъ, что могъ быть ему полезенъ, что ему еще не-разъ удастся спасти его, удержать на краю пропасти, куда приведетъ его опрометчивость.

V.

Конфирмантка.

Старый баронъ Норденгельмъ овдовѣлъ. Счастіе, которое онъ до-сихъ-поръ держалъ какъ-бы плѣннымъ, въ сѣтяхъ, сплетенныхъ изъ холоднаго разсчета и хитростей, вдругъ отъ него скрылось. Самые его умные и тонкіе планы, самыя вѣрныя надежды уничтожались, какъ-бы невидимою мстительною рукою. И онъ тоже состарѣлся и, наконецъ, утомился въ безпрестанной борьбѣ съ постоянными неудачами, имъ самимъ

вызванными, и которыя были квоціентомъ его разсчетовъ на благо жизни—онъ обсчитался, сбился въ счетѣ и теперь напрасно старался найдти, въ чемъ ошибка. Онъ такъ вѣрно все разсчиталъ, онъ зналъ, что еще никогда не сдѣлалъ поступка, въ которомъ бы не было строгой математической послѣдовательности, который хотя сколько-нибудь былъ бы въ разногласіи съ предъидущимъ; но онъ, при разсчетѣ, забылъ, что есть скрытое, невѣдомое число, которое вмѣшивается въ наши разсчеты и нерѣдко, противъ ожиданія, или увеличиваетъ сумму, или значительно уменьшаетъ ее—онъ забылъ о Провидѣніи. Онъ основалъ всю свою будущность на своихъ способностяхъ, все свое счастіе, всѣ свои успѣхи на земномъ, и оно измѣнило ему, рушилось, распалось въ прахъ, потому-что было основано на непрочныхъ началахъ, которыя не могли не уступить невѣдомой и всемогущей силѣ Провидѣнія. Это былъ жестокій, горькій урокъ, данный опытомъ дерзкому, бездушному искателю счастія, пожертвовавшему счастіемъ, спокойствіемъ, совѣстію и благосостояніемъ, чтобъ достигнуть точки, на которой онъ намѣренъ былъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ; онъ никогда ея не достигъ, и даже средства достичь ее были у него, наконецъ, отняты. Но съ подобными людьми нерѣдко случается, что они, оставленные на собственный произволъ, лишенные необходимой для нихъ опоры и потерявъ надежду достигнуть цѣли, къ которой стремились, теряются, падаютъ духомъ, не могутъ выдержать характера и опускаются до нравственнаго ничтожества, или до совершенной испорченности. Это не что иное, какъ внутренняя гниль, пробивающаяся наружу на роскошномъ деревѣ и быстро разрушающая его. Не имѣя возможности удовлетворить свое честолюбіе и снѣдающую его жажду власти, баронъ Норденгельмъ, въ послѣдніе годы, сдѣлался сластолюбцемъ, однимъ изъ тѣхъ вредныхъ стариковъ, которые губятъ невинность и вносятъ безчестіе и отчаяніе въ мирныя семейства. Любви человѣкъ этотъ никогда не зналъ, онъ даже понять не могъ этого высокаго и чистаго чувства; одна чувственность была ему доступна, потому-что любовь эгоиста есть не что иное, какъ чувственность; она не обращаетъ вниманія на страданія, на муки своей жертвы, смѣется надъ ея слезами, глуха къ ея воплямъ: — что эгоисту за дѣло, что другой страдаетъ, лишь бы онъ былъ счастливъ, лишь бы онъ наслаждался...

Если когда-либо наружность человѣка носила на себѣ отпечатокъ плута и негодяя, то это ужь, конечно, была наружность каммердинера барона: его маленькіе, быстрые, сѣрые глаза такъ и свѣтились коварствомъ и предательствомъ, и его плоское лицо, широкій подбородокъ, выдавшіяся скулы, даже лысая голова, наводили на каждаго какой-то

невольный трепетъ, очень похожій на то чувство, которое мы ощущаемъ при видѣ змѣи, пробирающейся въ травѣ.

Этотъ человѣкъ стоялъ теперь передъ своимъ господиномъ и кланялся. Баронъ, одѣтый въ изящный халатъ и съ ермолкою на головѣ, сидѣлъ, развалившись, въ большихъ креслахъ и внимательно слушалъ разсказъ своего повѣреннаго. Его худое, сѣровато-желтое лицо было еще отвратительнѣе прежняго; тысяча заботъ, тысяча подавленныхъ ощущеній ненависти и униженія провели глубокія свои борозды на его крутомъ лбу; но во впалыхъ темныхъ глазахъ горѣлъ теперь сильный пламень, не гнѣва, нѣтъ — а чувственности и желанія.

— Такъ ты, значитъ, отъискалъ ее? спросилъ баронъ:—ну, Мелькеръ, если ты мнѣ это дѣло обдѣлаешь, то я ничего не пожалѣю для тебя. Ну, какова она вблизи, хороша?

— Красавица, прелесть, сказалъ тотъ, съ противной усмѣшкой, которая должна была выражать восхищеніе:—совершенное очарованіе; она теперь несравненно прекраснѣе, чѣмъ была въ день причастія, даже сравненія нѣтъ; она тогда была такъ блѣдна.

— Да́, я и самъ такъ думаю. Ну, а ка́къ дѣла наши идутъ, есть успѣхъ? спросилъ баронъ.

— Я, какъ уже докладывалъ вамъ, отъискалъ наконецъ нашу птичку, узналъ, что ея отецъ прозывается Томассонъ и живетъ въ какомъ-то захолустьѣ, у Блекторнетъ; я сейчасъ же отправился къ нему, онъ вдовецъ и извѣстенъ какъ негодяй, буянъ и пьяница.

— Прекрасно, лучше и желать нельзя. Ну, а говорилъ ты съ нимъ?

— Разумѣется, ваша милость; онъ ничего, сговорчивъ, съ нимъ можно поладить.

— Молодецъ, Мелькеръ, молодецъ, проговорилъ баронъ:—а дальше что́; ты вѣдь, надѣюсь, не сказалъ моей фамиліи? это, знаешь, могло бы компрометировать меня.

— За кого вы, баринъ, меня принимаете? что́ я дуракъ, что ли. Я только сказалъ ему, что богатый, знатный господинъ, человѣкъ ужь пожилой, который видѣлъ дочь его, хочетъ дать ему сто рейхсталеровъ, если онъ согласится поручить ему ея воспитаніе.

— Что́-жь онъ на это? Воспитаніе... Ахъ ты злодѣй, вѣдь придумалъ-же. Нѣтъ, что́ и говорить, ты золотой человѣкъ — ну что́ онъ тебѣ отвѣчалъ? спросилъ баронъ и допилъ шоколатъ.

— Да вотъ тутъ-то и остановка, сказалъ Мелькеръ: — понимаю, сказалъ онъ, понимаю — эти покровители извѣстная вещь, знаю я это воспитаніе...

— Ты скотина! перебилъ его баронъ: такъ тѣмъ и переговоры за-

ли кончились? Человѣкъ этотъ, вѣрно, еще несовсѣмъ съ-кругу спился—эти на все готовы, у нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго, они ради водки пожертвуютъ дѣтьми, родителями, женою, однимъ словомъ, всѣмъ. Итакъ, значитъ, переговоры ваши тѣмъ и кончились?

— Нисколько. Сдѣлка обошлась только нѣсколько дороже; онъ объявилъ мнѣ, что долженъ до двухъ-сотъ рейхсталеровъ и слышать ни объ чемъ не хочетъ, если ему не дадутъ этихъ денегъ.

— Это таки дорроговато, пробормоталъ баронъ, нелюбившій очень раскошеливаться: — но куда ни шло, я согласенъ — двѣсти рейхсталеровъ, порядочныя денежки; ну, да за эту не жаль! —Баронъ подошедъ къ своему бюро.—На, возьми; да смотри не поторопись, не давай ему прежде денегъ, чѣмъ получишь товаръ, а то еще надуетъ.

Каммердинеръ ушелъ, и баронъ впалъ въ глубокія соображенія.

«Да, въ-самомъ-дѣлѣ, очень-странно, что я такъ одинокъ», сказалъ онъ, наконецъ, про себя: «такъ совершенно одинокъ. Адольфъ совсѣмъ покинулъ меня; онъ, даже, кажется презираетъ меня—но что́ мнѣ до этого, развѣ это кто-нибудь знаетъ? собственная его выгода того требуетъ, чтобы въ свѣтѣ думали, что онъ любитъ своего отца, а больше мнѣ ничего и ненадо. Всѣ мы изолированы, каждый трудится для себя: онъ для себя и я для себя — какъ это весело, ха, ха, ха! захохоталъ онъ язвительно. Когда великое измѣнитъ, то по неволѣ приходится утѣшаться мелочами; у насъ тогда, кромѣ игрушекъ, ничего не остается, а за деньги все можно купить. — Было время, снова началъ онъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, было время, когда и у меня были друзья — бѣдные простяки! ка́къ я ихъ обманывалъ. — Они, наконецъ, поняли это, принялись осыпа́ть меня упреками, вездѣ кричали, что я коварный другъ. Чудаки, кто-жь имъ сказалъ, что я когда-нибудь былъ ихъ другомъ! Меня тоже прокричали патріотомъ — увѣряли, что я стараюсь искоренять злоупотребленія, только и думаю, что о благѣ народа: я-то тутъ чѣмъ виноватъ? я и не помышлялъ объ этомъ; вольно-жь было видѣть то́, чего не было. Ха, ха, ха! ка́къ весело иногда оглянуться, вспомнить былое. Обо мнѣ могутъ сказать что́ угодно, а ужъ хитрости никто у меня не оспоритъ; но теперь все кончено—люди меня немного узнали и остерегаются—что́ жь, они правы.»

— Замѣтилъ ты, спросилъ Адольфъ Норденгельмъ друга своего, пастора Лудвига Стенсона (имя, придуманное майоромъ и принятое его воспитанникомъ):—замѣтилъ ты красавицу дѣвушку, которая въ Троицынъ-день въ первый разъ причащалась въ церкви св. Маріи?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лудвигъ, улыбнувшись:—я не причащалъ въ этотъ

день и не разсматривалъ такъ подробно всѣхъ присутствовавшихъ; но у добраго моего друга, поручика, глаза, какъ вижу, не оставались праздными, и онъ поэтому, безъ сомнѣнія, подробно можетъ описать мнѣ ее.

— Ты не можешь себѣ представить, снова началъ Адольфъ, недавно поступившій въ артиллерію, и который, скажу мимоходомъ, былъ очень, даже очень–недуренъ собою, въ своемъ скромномъ темномъ мундирѣ: —ты не можешь вообразить, какъ поразительно–хороша была эта дѣвушка! Я право понять не могу, ка́къ это ты могъ не замѣтить ее; но правда, мой скромный другъ не занимается такими пустяками, это не по его части. Такъ слушай же: большіе голубые глаза, съ такимъ кроткимъ, такимъ благочестивымъ выраженіемъ, что взоръ ея, когда она подняла его къ небу, казалось, могъ сквозь облака проникнуть до престола Всевышняго. Однимъ–словомъ, это была одна изъ тѣхъ наружностей, каждая черта которой такъ и дышетъ добротою и невинностью. Бѣлокурые волосы, простое, почти бѣдное платье—все, все, да, даже до крошечной, изящной ножки, обезображенной грубымъ башмакомъ,— все въ ней было восхитительно!

— А, сказалъ Лудвигъ строгимъ тономъ: — и все это ты успѣлъ замѣтить, разглядѣть, всѣмъ этимъ ты могъ заниматься въ то самое время, когда бѣдное это дитя возобновляло свой союзъ съ небеснымъ своимъ Отцомъ, именно въ то время, когда душа ея была отверзта, чтобъ принять лучь вѣчнаго милосердія, неисчерпаемой благости Господней! Ка́къ, Адольфъ, и ты могъ, въ эту именно минуту, жадно устремлять страстный взоръ на ея тѣлесную красоту! Сознайся, что мысли твои тогда были такія, что ты не желалъ бы, чтобъ кто–нибудь могъ видѣть ихъ; сознайся, что ты въ душѣ ощущалъ нѣчто въ родѣ раскаянія, что тебѣ даже передъ самимъ–собою было совѣстно, что ты въ храмѣ божьемъ можешь имѣть такіе грѣшные, земные помыслы?

Адольфъ потупилъ взоръ. — Ты всегда строгъ ко мнѣ, счастливецъ, котораго ничто не волнуетъ; но говори, говори, я и самъ хорошо понимаю, какъ совѣты твои необходимы мнѣ. Я, къ-несчастію, нетаковъ, какъ ты, и даже не могу сдѣлаться такимъ. Сознаюсь, я былъ неправъ; но прошлаго не возвратишь, и дѣвушкѣ вѣдь это не сдѣлало никакого вреда. Но, быть-можетъ, я могу быть ей полезенъ, даже спасти ее; ей угрожаетъ большая опасность.

— Опасность? спросилъ Лудвигъ: — какая же?

— Я всегда былъ вполнѣ откровененъ съ тобою, снова началъ Адольфъ, и тонъ его вдругъ сталъ какъ-то особенно серьёзенъ: — ты всегда былъ лучшимъ моимъ другомъ, моимъ руководителемъ, моею совѣстію; однимъ–словомъ, ты всегда былъ всѣмъ для меня.

Лудвигъ улыбнулся пылкости своего друга, но не отвѣчалъ ему, а только продолжалъ кротко и ласково смотрѣть ему въ глаза, какъ-будто читая въ его душѣ.

— Да́, продолжалъ Адольфъ, послѣ минутнаго молчанія: — я разскажу тебѣ все. Я послѣдовалъ за дѣвушкой, я безпрестанно бродилъ вокругъ ея дома. Не смотри на меня такъ строго, Лудвигъ, не думай, что меня влекла къ ней одна низкая матеріальная любовь; въ чувствѣ моемъ было что́-то доброе, хорошее, хотя я и не могу тебѣ объяснить, что́ именно это было. Словомъ, я отъискалъ дѣвушку... Она дочь плотника, живущаго на...

— Милый Адольфъ, прервалъ его Лудвигъ: — тебя ослѣпляетъ чувство, берегись искушенія; подави свою страсть, удались отъ нея. Трудись, Адольфъ: въ трудѣ сокрыта добродѣтель; человѣкъ трудолюбивый рѣдко бываетъ порочен. Ей отъ тебя-то и угрожаетъ опасность, да и самому тебѣ неменьше. Берегись, Адольфъ, берегись, ты опять стоишь на краю пропасти и неминуемо погибнешь, если не остережешься во́-время.

— Да, Лудвигъ, да, ты правъ! воскликнулъ Адольфъ: — но это еще не все; ей угрожаетъ еще другая и гораздо-бо́льшая опасность. Ахъ, Лудвигъ, еслибы ты зналъ...

— Говори, другъ мой, разскажи мнѣ все, ты такъ взволнованъ, сказалъ Лудвигъ, пожимая руку своего друга: — довѣрься мнѣ, Адольфъ, у тебя что́-то на сердцѣ.

— Слушай же, сказалъ Адольфъ, и открытое его лицо вдругъ отуманилось грустію: — я, какъ уже сказалъ тебѣ, бродилъ вокругъ ея дома; нѣсколько дней тому, я подошелъ къ нему подъ-вечеръ; было темно, и я тихонько пробрался въ сѣни, чтобы имѣть удовольствіе слышать ея голосъ. Я подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣть сквозь щель, что́ происходитъ въ комнатѣ. Тамъ сидѣло двое мужчинъ, но одинъ изъ нихъ былъ обращенъ ко мнѣ спиною и я не могъ видѣть его лица; разговаривавшій съ нимъ былъ старикъ, некрасивой и отталкивающей наружности; онъ былъ полупьянъ: это былъ отецъ дѣвушки. Не перебивай меня, Лудвигъ, дай мнѣ кончить. Они говорили о деньгахъ, о какомъ-то знатномъ старикѣ, который хочетъ воспитывать дѣвушку — и отецъ продалъ свою дочь за двѣсти рейхсталеровъ.

— Но, Адольфъ, ты, быть-можетъ, ошибся, ты не понялъ ихъ, не дослышалъ; это почти всегда случается, когда подслушиваешь.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Адольфъ, и нѣсколько слезъ, долго дрожавшихъ на краю рѣсницъ, скатились по его поблѣднѣвшимъ щекамъ: —

нѣтъ, это не заблужденіе, это страшная истина, которая, какъ кинжалъ, пронзила мое сердце, которая ни на минуту не даетъ мнѣ покоя. Нѣтъ, Лудвигъ, нѣтъ, это не заблужденіе. Я вышелъ на улицу, когда искуситель собирался идти; скоро и онъ вышелъ; я, какъ тѣнь, послѣдовалъ за нимъ; наконецъ, мы дошли до фонаря, и я увидѣлъ, узналъ его... Лудвигъ, есть у тебя для меня утѣшеніе, есть у тебя совѣтъ? Я узналъ его.

Адольфъ судорожно обнялъ друга и зарыдалъ. — Это былъ, прошепталъ онъ: — каммердинеръ моего отца, подлецъ Мелькеръ...

— Ты поэтому подозрѣваешь своего отца? бѣдный Адольфъ, тихо сказалъ Лудвигъ: — ахъ, Адольфъ, въ первый разъ мнѣ нечѣмъ тебя утѣшить. Это ужасно, ужасно! Но, быть-можетъ, ты все же ошибаешься, быть-можетъ, отецъ твой и невиненъ, быть-можетъ, Мелькеръ собственно для себя... есть много случаевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лудвигъ, тутъ нѣтъ ошибки; я знаю моего отца; я ужь и прежде имѣлъ причины подозрѣвать нѣчто подобное. Нѣтъ, Лудвигъ, отецъ мой на все способенъ.

— Я имѣлъ намѣреніе, снова началъ онъ: — спокойно разсказать тебѣ объ этомъ случаѣ и просить твоего совѣта. Самолюбіе не допускало меня даже и передъ тобою обличить отца; но твои упреки, твои подозрѣнія дали моимъ чувствамъ другое направленіе, и тайна невольно вырвалась у меня. Ты понимаешь всю глубину моего горя, понимаешь опасность малѣйшаго замедленія. Я хочу остаться правымъ, я не буду говорить съ дѣвушкой, не буду искать случая видѣть ее, но ты долженъ обѣщать мнѣ, непремѣнно спасти ее. У меня есть деньги, не жалѣй ихъ; я буду день и ночь слѣдить за каждымъ шагомъ соблазнителей, буду дѣлать все, чтобы помѣшать ихъ замысламъ; но ты, ты одинъ можешь спасти ее, если есть еще спасеніе. Ты священникъ и можешь, не подавая повода къ подозрѣнію, идти къ кому захочешь; тебѣ возможно спасти ее, въ тебѣ никто не усомнится, ты служитель алтаря, ты пастырь, это долгъ твой.

Лудвигъ, вмѣсто отвѣта, крѣпко сжалъ руку друга.

— Она теперь уже не у отца, сказалъ Адольфъ: — нѣсколько дней послѣ этого разговора, я узналъ, что Мелькеръ помѣстилъ ее къ какой-то Мандельквистъ, которая должна понемногу приготовить ее. Пойди туда сегодня вечеромъ, даже сейчасъ же, если можно. Мой отецъ еще не видѣлъ ея.

— Гдѣ она живетъ? спросилъ Лудвигъ.

— Въ Эстерлонгатанѣ, № — отвѣчалъ Адольфъ: — въ третьемъ этажѣ, двери направо; она прачка, или что-то въ родѣ этого.

Вечеромъ друзья отправились туда. Адольфъ остался на улицѣ, между—тѣмъ какъ Лудвигъ началъ пробираться по темной лѣстницѣ, въ третій этажъ; наконецъ, онъ добрался туда и началъ ощупью отъискивать дверь направо; она была незаперта и онъ вошелъ въ темную комнату. Онъ началъ искать слѣдующей двери, но задѣлъ за что-то и зашумѣлъ. Во внутренней комнатѣ послышались шаги нѣсколькихъ особъ, и вскорѣ оттуда вышла старуха, со свѣчею въ рукахъ; за нею слѣдовалъ мужчина, закутанный въ плащъ. Свѣча ярко озаряла лицо старухи; слѣды замѣчательной красоты были еще видны, несмотря на безчисленное множество морщинъ, идущихъ во всѣхъ направленіяхъ. Она приблизила свѣчу къ стоявшему передъ нею Лудвигу, внимательно разсматривавшему ее. Мужчина въ плащѣ сказалъ въ-полголоса:—такъ, значитъ, остается при нашемъ уговорѣ. Черезъ часъ я возвращусь и тогда мы вмѣстѣ поѣдемъ. — Конечно, отвѣчала старуха, — конечно, я буду ждать васъ. Прошу покорно, сказала она, обратившись къ Лудвигу: — прошу покорно, вамъ, вѣрно, есть до меня дѣло, войдите сюда.— Она, въ сопровожденіи Лудвига, вошла въ свою комнату, а мужчина въ плащѣ удалился. — Ну, молодой баринъ, теперь, вы можете говорить откровенно, сказала она, поставивъ свѣчу на столъ: — здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ слышать насъ; тамъ въ горенкѣ, конечно, сидитъ дѣвушка, но она не понимаетъ такихъ вещей.

— Ваша фамилія Мандельквистъ? спросилъ Лудвигъ. — «Да, ваша милость», отвѣчала старуха.—Къ вамъ третьяго-дня поступила въ домъ дѣвушка, которой шестнадцать лѣтъ и которую зовутъ Теодорой, — не такъ ли? — «Да, милый баринъ, да, но...» —Я хочу ее видѣть.—«Видѣть ее, повторила старуха, — да, это конечно бы можно, но дѣвушка не моя, а принадлежитъ старому знатному барину, такъ что...»—Довольно, нечего тебѣ распространяться; я хочу ее видѣть, остальное, ты послѣ узнаешь. — «Если такъ, то охотно, но, милый мой баринъ, будьте только осторожны, не напугайте ее, она, бѣдненькая, такъ робка, такъ застѣнчива, что ее, знаете, придется... обманомъ, неиначе.» Съ этими словами она вошла въ сосѣднюю комнату и скоро возвратилась въ сопровожденіи дѣвушки. — «Здѣсь есть баринъ, милая Теодора, который желаетъ говорить съ тобою, сказала старуха: — не бойся же, моя милая, это добрый и ласковый баринъ.»

Она подвела къ Лудвигу молодую дѣвушку, которая дрожала и, закраснѣвшись и потупивъ взоръ свой, остановилась у дверей.

Лудвигъ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ своего друга: существа болѣе невиннаго и прекраснаго нельзя было себѣ представить. Онъ подалъ руку дѣвушкѣ, которая, бросивъ взглядъ на его открытое и

благородное лицо, тотчасъ же схватила ее, какъ-бы инстинктивно угадавъ, что встрѣтила защитника и друга.

— Теодора, сказалъ Лудвигъ и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза: — Теодора, вѣдь тебя такъ зовутъ?

— Да, баринъ, прошептала дѣвушка.

Лудвигъ распахнулъ шинель, такъ что дѣвушка могла видѣть его пасторскую одежду, и сказалъ: — Теодора, еще всего одна недѣля прошла съ-тѣхъ-поръ, какъ ты предъ алтаремъ возобновила завѣтъ крещенія: чиста ли ты еще? невинна ли ты еще, какъ младенецъ? Ты видишь, я пастырь божій, отвѣчай же мнѣ откровенно, дитя мое.

Дѣвушка взглянула на него и отвѣчала: — Дá, я чиста, клянусь вамъ Богомъ.

— Ты знаешь, что званіе мое поставляетъ мнѣ обязанностью заботиться о благѣ моихъ ближнихъ; ты вѣришь мнѣ, не правда ли, и вѣрно не откажешься послушать меня.

— Дá, сказала дѣвушка: — я послушаюсь васъ; у васъ такой добрый видъ, вы не можете желать мнѣ зла.

— Будь увѣрена въ томъ, продолжалъ молодой пасторъ разстроганнымъ голосомъ: — Теодора, ты находишься въ притонѣ зла и разврата, тебя хотятъ вовлечь въ грѣхъ; хочешь ты быть богата, жить въ роскоши и грѣхѣ, то оставайся здѣсь; но если ты предпочитаешь быть добродѣтельною и благородною, хотя и бѣдною женщиною, то послѣдуй за мною.

Дѣвушка была въ неудомѣніи; но старуха не потеряла присутствія духа. Она начала увѣрять, что она честная женщина, что на нее наговорили и что дѣвушкѣ у ней не угрожаетъ ни малѣйшая опасность.

Лудвигъ далъ ей кончить. — Куда ты должна ѣхать черезъ часъ? спросилъ онъ ее спокойно и съ достоинствомъ. Я могу сказать тебѣ это: ты намѣрена отвести эту дѣвушку къ богатому и знатному старику, который живетъ на Дротнингатанѣ № —, въ первомъ этажѣ; мужчина, который ушелъ отсюда, когда я пришелъ, былъ его каммердинеръ. Чтó, посмѣешь ты утверждать, что это нетакъ?

Старуха смутилась.

— Ты видишь, голубушка, что козни твои открыты; знаешь ты, чтó бываетъ за подобныя дѣла? смотри же, сказалъ молодой пасторъ, строго взглянувъ на старуху.

— Помилуйте, г. пасторъ, я, право...

— Перестань. Ну, дитя мое, сказалъ онъ, обратившись къ дѣвушкѣ: — рѣшилась ты: роскошь и грѣхъ, бѣдность и добродѣтель; ты стоишь на распутьи — выбирай.

Теодора долго, молча, на него глядѣла, она какъ-бы старалась убѣдиться, что слова его и мысли одинаковы; наконецъ, она сказала: — Да, г. пасторъ, я вѣрю вамъ, я послѣдую за вами; если вы обманете меня, то Господь васъ накажетъ.

— Благодарю тебя, Теодора, за твое довѣріе. Если я обману тебя, то пусть Богъ накажетъ меня!

Онъ, послѣ этого, увелъ съ собою дѣвушку, и старуха не осмѣлилась противиться этому. Лудвигъ отвезъ Теодору къ одной знакомой, пожилой дамѣ, которой уже предварительно, не упоминая, однакожь, ни чьего имени, разсказалъ все происшествіе, и которую просилъ дать бѣдной дѣвушкѣ пріютъ въ своемъ домѣ. Когда онъ привелъ Теодору въ новое ея жилище, и добрая хозяйка, которая сама была мать большаго семейства, приняла ее, какъ дочь, то снова взялъ руку дѣвушки и сказалъ: — Прощай, Теодора, вѣришь ты мнѣ теперь, вѣришь ты, что я желалъ тебѣ добра? — «Да, я вѣрю вамъ, вы спасли меня, отвѣчала дѣвушка, вполнѣ успокоенная чистотою и порядкомъ, господствовавшими въ новомъ ея жилищѣ: — да, я вѣрю вамъ, вы добрый и благородный человѣкъ.»

VI.

Ожиданіе.

Время было ненастное и дождливое въ тотъ вечеръ, когда происходило описанное нами въ прошлой главѣ; улицы были пусты, и фонари какъ-то тускло освѣщали ихъ. Стараго барона Норденгельма это, между-тѣмъ, мало безпокоило; онъ расхаживалъ по богатому своему кабинету, съ нетерпѣніемъ ожидая молодую дѣвушку и ея дуенью. — «Понять не могу, сказалъ онъ, наконецъ, въ полголоса, когда на дорогихъ столовыхъ часахъ пробило десять: — гдѣ этотъ негодяй Мелькеръ такъ долго пропадаетъ. Свѣчи, въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ и канделабрахъ, ярко освѣщали комнату, и свѣтъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ отражался въ богатыхъ зеркалахъ и блестящей позолотѣ. Баронъ, подобно духу зла, тихо ходилъ взадъ и впередъ по богатому, мягкому турецкому ковру, покрывавшему весь полъ и притуплявшему звукъ его шаговъ.

Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Огонь желаній сильнѣе вспыхнулъ въ его груди; онъ поспѣшно подошелъ къ двери, она отворилась и онъ въ ужасѣ отскочилъ назадъ: предъ нимъ стоялъ

мужчина съ багровымъ лицомъ и звѣрскимъ выраженіемъ; на немъ была оборванная матросская парусинная куртка.

— Кто ты? вскрикнулъ баронъ, пятясь, чтобы приблизиться къ сонеткѣ и позвонить; но незнакомецъ поспѣшно схватилъ его за руку и сказалъ: — «Не торопись, не торопись, я хочу маленько поговорить съ тобою наединѣ.

— Кто ты? повторилъ баронъ, чувствуя въ душѣ смертный холодъ: — кто ты?

— Ха, ха, ха, такъ ты не узнаешь своего тестя, подлый дуракъ, отвѣчалъ незнакомецъ и сильнымъ толчкомъ повалилъ барона навзничь на одинъ изъ дивановъ: — видишь ли, я таки отъискалъ тебя! Ты, бездѣльникъ, кругомъ обманулъ меня, ты не далъ мнѣ и десятой доли того, что обѣщалъ за дочь! А, ты надѣялся увернуться!

— Любезный мой, сказалъ баронъ, стараясь успокоить старика: — я и не думалъ обманывать тебя, вѣрно это лакей мой укралъ деньги. Но успокойся, я дамъ тебѣ больше, чѣмъ тебѣ было обѣщано. Если ты не получилъ денегъ, то это не моя вина: я уже давно отдалъ ихъ Мелькеру.

— Молчи, крикнулъ старикъ: — я пришелъ сюда не за деньгами; понимаешь ли ты, я раскаялся, я одумался; умъ мой озарился свѣтомъ истины, я вижу теперь всю гнусность моего поступка; я пришелъ, чтобы помѣшать низкимъ твоимъ замысламъ; тебѣ не удастся погубить моей дочери, ты теперь ужь не будешь больше вводить бѣдняковъ въ соблазнъ проклятыми своими деньгами!—Молчи, не перебивай меня, дай мнѣ кончить. Видишь ли, Богъ далъ тебѣ богатство, а меня оставилъ бѣднымъ, Богъ одарилъ тебя умомъ и познаніями, какъ немногихъ, я же, напротивъ, ничему не учился, съ самаго ранняго дѣтства жилъ между грубыми и развратными людьми и сдѣлался такъ же грубъ и развратенъ, какъ они. Скажи, какъ ты воспользовался ниспосланными тебѣ дарами? Ты употреблялъ свой умъ и богатство, чтобы развращать бѣдныхъ, чтобы готовить имъ вѣчныя муки ада, чтобы погаными твоими деньгами соблазнять ихъ и вводить во всѣ грѣхи; тебѣ было мало, что ты самъ грѣшилъ,—тебѣ надо было губить еще и другихъ.

— Мой другъ, сказалъ баронъ, силясь приподняться, но напрасно, желѣзная рука удерживала его: — мой другъ, я сдѣлаю все, что ты хочешь; я обѣщаю возвратить тебѣ дочь твою; я награжу тебя.

Старикъ горько улыбнулся.

Богатый и бѣдный эгоисты теперь встрѣтились и говорили другъ съ другомъ; это рѣдко бываетъ, но когда это случается, то отчетъ всегда бываетъ страшенъ и труденъ. Теперь лицомъ къ лицу стояли два

подлеца, одинъ богатый, счастливый, гордый и уважаемый свѣтомъ, другой бѣдный, презираемый, отвергнутый; они играли въ высокую, отчаянную игру,—и богатый проигралъ.

— Пусти меня, я дамъ тебѣ сколько хочешь денегъ, повторилъ баронъ, все болѣе приходя въ ужасъ отъ глубокаго презрѣнія и ненависти, выражавшихся во взорѣ и презрительной улыбкѣ озлобленнаго старика.

— Денегъ, все только денегъ, сказалъ старикъ и сильнѣе притиснулъ своего врага: — ты только и видишь спасеніе, что въ деньгахъ, однѣ деньги тебѣ дороги и милы; я знаю нѣчто лучше: месть, г. баронъ! месть, — что́, понимаете вы это слово?

Баронъ задрожалъ; врагъ его замѣтилъ этотъ трепетъ и злобно захохоталъ.

— Ты дрожишь; отчего это? спросилъ онъ съ горькой ироніей: — такому знатному человѣку нѣчего бы, кажется, бояться смерти. — Но ты понялъ наконецъ, что на томъ свѣтѣ не откупишься никакими деньгами, что тамъ не помогутъ тебѣ никакія хитрости и уловки. Что́ же, это все не спасетъ тебя.

— Берегись, воскликнулъ баронъ, сдѣлавшійся смѣлымъ, вслѣдствіе отчаяннаго своего положенія: — берегись, сюда придутъ.

— Ну что́ жь, пусть себѣ придутъ; ты думаешь, я боюсь этого? сказалъ старикъ. — Мнѣ терять нѣчего; да притомъ же, знай, что раньше, чѣмъ слуги твои успѣютъ схватить меня, я всажу тебѣ въ горло ножъ.—Ну что́ жь, меня казнятъ за это; но всѣ, все-же, скажутъ: этотъ человѣкъ убилъ знатнаго богача, за то́, что тотъ хотѣлъ обольстить дочь его : — кто изъ насъ умретъ съ честію ?

Казалось, что злодѣй хотѣлъ вполнѣ насладиться ужасомъ своей жертвы; онъ замолчалъ и съ адской улыбкой смотрѣлъ на барона. Первый разъ въ жизни перевѣсъ былъ на его сторонѣ и онъ старался продлить свое удовольствіе. Наконецъ, онъ сказалъ: — «Послушай, теперь довольно; не проси меня, это будетъ напрасно; молись Богу.» И онъ обхватилъ желѣзною своею рукою горло барона. — Борьба была непродолжительна.

— Вотъ, сказалъ про себя старикъ, когда баронъ испустилъ послѣднее дыханіе:—вотъ какъ кончилось твое любовное свиданіе.—Слуга, вѣрно, теперь скоро придетъ сюда съ Теодорой; пусть его полюбуется на своего барина. — И онъ придвинулъ ближе къ дивану столъ съ канделабрами, такъ-что свѣтъ ярко падалъ на блѣдное, посинѣлое лицо мертвеца. Наконецъ онъ вышелъ, тихо спустился съ лѣстницы и, никѣмъ незамѣченный, прошелъ мимо лакейской, изъ которой слышался шумъ

и хохотъ.—«Какъ, однако, одинокъ и бѣденъ былъ этотъ негодяй среди всей своей роскоши, сказалъ онъ, выходя на улицу.»

Каммердинеръ барона, между-тѣмъ, долго не имѣлъ возможности возвратиться къ своему господину. Когда онъ хотѣлъ выйти изъ дома въ Эстерлонгатанѣ, гдѣ жила старуха Мандельквистъ, кто–то схватилъ его за воротъ. Мелькеръ хотѣлъ вырватися, но испугался и окаменѣлъ, узнавъ въ своемъ противникѣ молодаго барона Норденгельма.

— Видишь, Мелькерт, я поймалъ тебя, сказалъ молодой человѣкъ:— и тебѣ, по-крайней-мѣрѣ сегодня, не удастся быть провожатымъ; ступай со мною

— Не могу, ваша милость, не могу: баринъ послалъ меня за дѣломъ, и я никакъ не смѣю замѣшкаться.

— Я знаю, какое это дѣло, сказалъ Адольфъ хладнокровно : — ты все-же пойдешь со мною; пусть батюшка сердится, если ему угодно; ты можешь сказать ему, что я тебѣ приказалъ, слышишь ! ну, пошелъ же!

Адольфъ отвелъ Мелькера къ себѣ въ квартиру.

— Вотъ, мы и на мѣстѣ, сказалъ онъ: — ты теперь останешься здѣсь до утра. Ну, не разговаривать, я знаю всю исторію, и еслибы баронъ не былъ моимъ отцомъ, я бы непремѣнно донесъ на тебя.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты и, заперевъ за собою дверь на ключъ, пошелъ къ своему другу.

— Ну, что́, Лудвигъ? сказалъ онъ, войдя къ нему: — что́ ты мнѣ скажешь хорошаго?

— Дѣвушка спасена, отвѣчалъ пасторъ.

— И теперь въ безопасности?

— Да́.

— Гдѣ ты нашелъ ей убѣжище? У добрыхъ ли и честныхъ она людей? Хорошо ли ты все устроилъ?

— Да́, отвѣчалъ Лудвигъ: — она теперь въ почтенномъ семействѣ; она, я увѣренъ, будетъ доброю и благородною дѣвушкой.

— Гдѣ же она? спросилъ Адольфъ, съ жаромъ.

— Я не скажу тебѣ этого; ты самъ поймешь почему, отвѣчалъ Лудвигъ: — если ты дѣйствительно любишь эту дѣвушку, то для тебя достаточно знать, что она счастлива, что она ограждена отъ искушенія и соблазна; и если ты увѣренъ въ моей дружбѣ, если довѣряешь мнѣ, то не будешь сомнѣваться въ истинѣ моихъ словъ.

— Я вѣрю тебѣ, Лудвигъ, сказалъ молодой человѣкъ печально: — но ты я вижу, сомнѣваешься во мнѣ, ты опасаешься, чтобъ я не сталъ играть роли моего отца.

— Нѣтъ, Адольфъ, я этого не боюсь, отвѣчалъ другъ, улыбнувшись:—я слишкомъ-увѣренъ въ твоихъ правилахъ; ты не можешь съ намѣреніемъ обольстить ее; но ты еще недовольно спокоенъ, недовольно владѣешь собою, ты не можешь еще управлять своими страстями, не можешь умѣрять ихъ порывовъ; ты невольно могъ бы сдѣлать проступокъ; ты самъ бы страдалъ потомъ, да и она, навѣрно, была бы несчастлива.

— Но, сказалъ Адольфъ: — если я намѣренъ жениться на ней?

— Это было бы неблагоразумно; тебѣ нельзя на ней жениться.

— Нельзя? сказалъ Адольфъ съ изумленіемъ, и посмотрѣлъ вопросительно на своего друга: — и это говоришь ты, ты, который самъ всячески стараешься объ эманципаціи низшихъ классовъ народа, который только и думаешь о томъ, только и желаешь одного—чтобы было равенство, чтобы всѣ имѣли одинакія права́.

— Это дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Лудвигъ, улыбаясь горячности своего друга: — но я все же того мнѣнія, что тебѣ нельзя и не должно жениться на этой дѣвушкѣ.

— Ты загадка, я рѣшительно не понимаю тебя, сказалъ Адольфъ, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Загадку нетрудно разрѣшить. Положимъ, Адольфъ, что различіе сословій въ сущности химера, что всѣ люди, въ отношеніи къ человѣчеству, имѣютъ равныя права́ и одинакое достоинство; но видишь ли, химера эта принадлежитъ еще къ числу тѣхъ силъ, которыя двигаютъ колесо событій, и если, поэтому, уничтожить теперь различіе сословій, то колесо должно остановиться.—Дѣйствительно ли для тебя довольно, чтобы жена твоя была добрая, прекрасная и нравственная женщина? не потребуешь ли ты отъ нея еще другихъ качествъ: образованности, талантовъ, свѣтскости? Повѣрь, ты непремѣнно скоро пожалѣешь, что и умственныя ея способности не соотвѣтствуютъ твоимъ, что она не можетъ понимать тебя, во всемъ сочувствовать тебѣ.—Счастіе супружеской жизни зависитъ не отъ одной любви; оно столько же зависитъ отъ привычекъ, нравовъ, воспитанія; оно требуетъ полной во всемъ гармоніи, начиная отъ сходства характера и любви, до манеры ходить, кланяться, говорить. Сходство образа мыслей и взглядовъ необходимо, потому-что, что́ же любовь, если не самая искреняя, самая вѣрная дружба, и что́ она безъ этого: одно чувственное, мимолетное упоеніе?— Но и дружба и любовь не что́ иное, какъ размѣнъ чувствъ и мыслей;

а ка́къ ты станешь размѣнивать ихъ съ тѣмъ, чья монета неодинакой съ твоею доброты, неодинакой цѣнности; въ счетѣ тогда постоянно будутъ встрѣчаться дроби, затрудненія; тебѣ никакъ нельзя будетъ легко и удобно размѣниваться.

— Да́, сказалъ Адольфъ печально: — я долженъ сознаться, что ты правъ.

— Мнѣ больно, что я невольно опечалилъ тебя, сказалъ пасторъ, и взоръ его выразилъ самое глубокое, самое искреннее участіе: — мнѣ больно, что я долженъ былъ разбить твои мечты, твои надежды; но священныя обязанности дружбы и долга не позволяютъ мнѣ иначе дѣйствовать; я не могу, я не долженъ говорить противъ своего убѣжденія.

— Такъ, Лудвигъ, такъ, но все-же ужасно, невыразимо-больно, такъ внезапно лишиться всѣхъ своихъ самыхъ завѣтныхъ надеждъ.

— Я понимаю это, сказалъ Лудвигъ, крѣпко сжавъ руку своего друга: — но развѣ не гораздо-ужаснѣе раскаяваться впослѣдствіи, понять всю пустоту своихъ юношескихъ грёзъ; развѣ не лучше предупредить, чѣмъ быть предупрежденнымъ, понять свое заблужденіе и во́время остановиться? Тогда остается еще хоть часть тѣхъ радужныхъ красокъ, которыми мы увлекались, и мы не бываемъ вынуждены презирать то́, что́ прежде было намъ дорого и мило.

— Ты правъ, Лудвигъ, ты правъ; я хочу сохранить хоть часть очарованія; Теодора будетъ моимъ идеаломъ женской чистоты и невинности; вѣдь я могу продолжать любить ее, не такъ ли? Въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго?

— Конечно; но люби только идеалъ и не старайся отъискивать самаго предмета. Будь, между-тѣмъ, вполнѣ увѣренъ, что я какъ родной братъ буду заботиться о Теодорѣ, что я сдѣлаю все для нея, что я всячески буду стараться устроить ея будущность; но не разспрашивай меня о ней: я не могу, я не долженъ отвѣчать тебѣ. Борись, Адольфъ; это благородная борьба, когда мы боремся съ своими страстями и побѣждаемъ ихъ.

VII.

Лильхамра.

За нѣсколько дней до Рождества фрёкенъ Эмеренція получила письмо изъ Стокгольма. Оно было отъ Лудвига, который сообщалъ ей приключеніе съ Теодорой и просилъ свою добрую воспитательницу принять эту бѣдную дѣвушку къ себѣ въ домъ.

— Вотъ что́, сказалъ майоръ, когда сестра сообщила ему содержа-

ніе письма: — молодецъ нашъ, я вижу, влюбленъ и хочетъ, чтобъ мы воспитали его будущую; что жъ, недурно.

— Но, милый мой, возразила фрёкенъ Эмерентія: — онъ положительно говоритъ, что спасъ ее отъ погибели, соблазна и несчастія и что не знаетъ лучшаго убѣжища для бѣдной этой дѣвушки, какъ нашъ домъ. Его поступокъ не что иное, какъ христіанское сострараніе.

— Полно, душа моя, полно дичь городить, перебилъ ее майоръ: — вы, старыя дѣвы, всегда слѣпы, у васъ все только долгъ, все состраданіе. Лудвигъ влюбленъ, говорю тебѣ, по-уши влюбленъ, чортъ меня побери, и намѣренъ жениться на ней; оттого онъ и посылаетъ ее къ намъ. Подожди, сама увидишь.

— Вотъ вздоръ, сказала Эмерентія: — развѣ благородство и безкорыстіе не существуютъ, развѣ молодой человѣкъ не можетъ спасти дѣвушку отъ погибели изъ одного человѣколюбія?

— Отчего жъ; но только это рѣдко случается, сказалъ майоръ, которому было какъ-бы немного-совѣстно, что это такъ рѣдко бываетъ.

— Ты, вѣдь, самъ согласенъ, что Лудвигъ благородный человѣкъ, сказала Эмерентія, которая чувствовала, что перевѣсъ на ея сторонѣ: — а между-тѣмъ, все же подозрѣваешь, что онъ только изъ своекорыстія спасъ дѣвушку и изъ эгоизма хочетъ, чтобъ мы воспитали ее и сдѣлали изъ нея добрую и благородную женщину.

— Гм, гм! Это, конечно, такъ, отвѣчалъ майоръ: — но если Теодора дѣйствительно добрая и хорошая дѣвушка, то почему же и нѣтъ, пусть бы его, съ богомъ, ее любилъ.

— Красиво было бы, нечего сказать, съ сердцемъ возразила Эмерентія.

— Ну, да зачѣмъ же сейчасъ предполагать дурное? Вотъ, подумаешь, женщины, поди, угоди имъ. Мужчина, чтобъ понравиться вамъ, долженъ быть чисто какимъ-то чурбаномъ; онъ долженъ вздыхать и умолять, и манежиться, какъ старая дура; а влюбиться, боже упаси — это дерзость, это преступленіе; онъ всю жизнь свою долженъ расхаживать барашкомъ и говорить только о лунѣ, сочувствіи душъ, платонической любви и всякомъ эдакомъ вздорѣ, что даже подумать тошно.

— А, да я ужь давно знаю твой взглядъ на эти вещи, сказала Эмерентія, немного обидясь: — давно знаю либеральныя, сумасбродныя понятія моего дорогаго братца въ этомъ отношеніи; ну, да чего и ждать отъ того, кто полжизни провелъ съ солдатами.

— Молчи, Эмерентія! воскликнулъ майоръ, такъ разсердясь, какъ этого ужь давно съ нимъ не случалось: — молчи, говорю тебѣ! Съ солдатами? Позвольте узнать, что вы этимъ хотѣли сказать? А кто-жъ,

если не солдаты, претерпѣвая нужду и лишенія, сражаются для защиты тебя и подобныхъ тебѣ старухъ, у которыхъ только и дѣла, что пить кофе, да сплетничать, да бранить весь свѣтъ. Между солдатами, сказала ты. Смотри, Эмерентія, чтобъ это было у меня въ послѣдній разъ.

— Однако, долженъ же ты сознаться, что у тебя ужь слишкомъ-либеральныя понятія, относительно того, чтó прилично юношѣ, сказала Эмерентія, которая и сама поняла, что коснулась такого предмета, изъ-за котораго можно было не нашутку поссориться съ братомъ.

— Слишкомъ-либеральныя? повторилъ старикъ, совершенно-примиренный: — о, дá, ты, быть-можетъ, и права отчасти. Но видишь ли, я не считаю нужнымъ поднимать тревоги и кричать на весь міръ, если молодой человѣкъ влюбится и надѣлаетъ глупостей, лишь бы не надѣлалъ подлостей—вы, женщины, не дѣлаете между этимъ никакого различія, а мѣряете все на одинъ аршинъ, и это оттого, что не знаете свѣта, а судите о немъ по романамъ. Ахъ, добрая моя Эмерентія, я зналъ многихъ мужчинъ и женщинъ, которыми бы ты непремѣнно гнушалась, которыхъ считала бы падшими, презрѣнными существами, и которые, несмотря на это, были въ мильйонъ разъ лучше твоихъ примѣрныхъ людей, такъ-называемыхъ возвышенныхъ душъ, которыя никогда не впадаютъ въ проступки, не уклоняются отъ прямаго пути, потомучтó только и думаютъ о себѣ. Не должно, Эмерентія, судить по одной наружности, по однимъ поступкамъ, надо принимать въ соображеніе нравъ и душевныя качества.

— Дá, оно, быть-можетъ, и такъ, сказала Эмерентія:—но нéчего тоже удивляться, что взглядъ женщины на жизнь значительно отличается отъ того, который имѣетъ о ней старый майоръ. Мы видѣли жизнь съ разныхъ сторонъ. Но доказательствомъ тому, что Лудвигъ не думаетъ о себѣ, прося насъ взять на свое попеченіе эту бѣдную дѣвушку, яснѣе всего служитъ тó, что онъ положительно проситъ меня, не дѣлать изъ нея барышни, но воспитать ее такъ, чтобъ она была хорошею хозяйкою, умѣла бы и шить, и ткать, и могла бы современемъ составить счастье какого-нибудь честнаго ремесленника. Вотъ, ужь это, согласись самъ, какъ-нельзя-вѣрнѣе доказываетъ...

— Дá, что Лудвигъ хочетъ увѣрить насъ, будто дѣйствуетъ изъ одного человѣколюбія. О! эти выходки для меня не новость, смѣясь сказалъ старикъ: — хижина и сердце милой, немного картофеля съ селедкою, бѣдность и любовь—старыя пѣсни. Но подожди, пусть молодецъ только женится, тогда и самъ другое заговоритъ, и повѣрь, что, несмотря на всю свою возвышенную, неземную любовь, онъ все-же, подчасъ, захочетъ немного бульойну съ пирожками, или галантину, рябчиковъ и т. д.,

найдетъ нелишнимъ, чтобъ жена его говорила «charmant», а не шерманъ, чтобъ она умѣла спѣть одинъ—другой романсъ, съ акомпаниментомъ фортепіано, вмѣсто того, чтобъ съ утра до вечера затягивать какую-нибудь мужицкую пѣсню. Таланты для женщины все тó же, чтó огурцы и салатъ для жаркаго: безъ нихъ, конечно, можно обойтись, не умрешь отъ этого; но то—ли дѣло, когда они есть.

Эмерентія призадумалась; слова брата показали ей дѣло съ совершенно-другой точки зрѣнія; чѣмъ больше она думала о немъ, тѣмъ предположеніе майора казалось ей возможнѣе; теперь только она начала понимать, что дѣйствительно было возможно, чтобъ Лудвигъ ихъ увлекся земною страстью, и чѣмъ чаще она находила это возможнымъ, тѣмъ—болѣе убѣждалась въ томъ, что это дѣйствительно было такъ.

Врядъ ли кого—либо ожидали съ бóльшимъ любопытствомъ, какъ майоръ и сестра его ожидали Теодору; она, по ихъ мнѣнію, была та, отъ которой зависило будущее счастіе ихъ Лудвига.

Эмерентія опасалась, что она недовольно—добра, недовольно-совершенна, и опасенія ея были не безъ основанія. Какая же мать находитъ, что невѣста ея сына достойна его? Ангелъ врядъ ли бы могъ удовлетворить ея требованія, такъ гдѣ ужь послѣ этого обыкновенной смертной?

VIII.

Воспитаніе.

Наконецъ, Теодора пріѣхала, и несмотря на всю проницательность Эмерентіи и ея старанія отъискать какой—нибудь недостатокъ въ молодой дѣвушкѣ, она должна была сознаться, что Теодора была доброе и невинное созданье, и «даже недурна собою». Выше этого Эмерентія ужь никакъ не могла пойти, когда дѣло шло о красотѣ Теодоры. У доброй нашей старушки была именно странность, впрочемъ, довольно общая между прекраснымъ поломъ: она охотно признавала въ женщинѣ всѣ достоинства, но согласиться, что она хороша собою, ужь не говорю красавица, было для нея почти невозможнымъ: «Она такъ-себѣ»— «она нехуже другихъ»—«она недурна собою» — вотъ все, чего можно было добиться отъ Эмерентіи, когда дѣло касалось этой статьи.

Чтó касается майора, то онъ былъ въ восторгѣ отъ Теодоры; онъ какъ—будто помолодѣлъ; у него теперь только и было рѣчей, что о молодой дѣвушкѣ, и необходимо было все истинно—материнское расположеніе доброй Эмерентіи къ предполагаемой своей невѣсткѣ, чтобъ не потерять всякое терпѣніе отъ вѣчныхъ разговоровъ майора, который

теперь также пристрастился къ этой темѣ, какъ прежде имѣлъ страсть безпрестанно разсказывать о послѣдней кампаніи въ Финляндіи.

— Теодора должна учиться музыкѣ, сказалъ однажды майоръ: — хочешь учиться музыкѣ, Теодора?

— Дá, г. майоръ; но магистръ Стенсонъ всегда говорилъ, что мнѣ не должно стараться выходить изъ своего круга, а я дочь бѣднаго плотника.

— Ну дá, ну дá, я знаю это, сказалъ майоръ: — но я увѣренъ, что Лудвигу пріятно будетъ, если ты будешь играть на фортепіано; онъ такъ любитъ музыку, и ты сдѣлаешь ему удовольствіе учась. Чтó жь, моя милая, хочешь?

— О, конечно! воскликнула дѣвушка: — конечно, я непремѣнно буду учиться, если могу этимъ угодить моему благодѣтелю.

Переговорили съ органистомъ ближайшаго прихода, человѣкомъ порядочно знавшимъ музыку, и Теодора ежедневно начала играть на фортепіано, которое такъ давно стояло безъ употребленія, потому-что Эмерентія ужь давно перестала заниматься музыкой и теперь только изрѣдка, да и то изъ угожденія брату, барабанила какую-нибудь финскую пѣсню, или маршъ саволакскаго егерскаго полка.

Майоръ даже самъ принялъ на себя обязанность учителя: отъискалъ французскую грамматику и сталъ учить французскому языку любознательную свою воспитанницу, которая занималась съ утра до вечера, потому-что майоръ и Эмерентія безпрестанно твердили ей, что она этимъ угодитъ Лудвигу.

— Къ будущему Рождеству, онъ, дастъ Богъ, пріѣдетъ къ намъ, часто говорилъ старикъ: — и вотъ-то обрадуется.

Женщина легко принимаетъ всякую форму; она сотворена для того, чтобъ, обвиваясь, какъ плющъ, украшать своею кротостію семейную жизнь. Не теряя нисколько собственнаго достоинства, ни малѣйше не унижаясь, она можетъ любить даже преступника, утѣшать его своею преданностью, отирать слезы стыда и раскаянія, оставаться вѣрною всѣми отвергнутому.

Вотъ почему и Теодора легко принимала ту форму, которую старались ей дать. Она подмѣчала каждый взглядъ, каждое слово; ежедневно пріобрѣтала новыя познанія и быстро совершенно преображалась, такъ-что ничтó въ ней ужь не напоминало бѣдной сироты, взросшей безъ всякаго надзора и попеченія.

Эмерентія, съ своей стороны, прилагала всѣ старанія, чтобъ сдѣлать изъ Теодоры хорошую хозяйку. Никогда еще столъ не былъ такъ разнообразенъ въ Лильхамра, никогда еще тамъ не ткали такихъ узорча-

тыхъ скатертей, такихъ тонкихъ полотенъ. Она хотѣла выучить Теодору всему, всему, чтó сама знала.

Такимъ-образомъ взаимныя старанія добрыхъ стариковъ сдѣлали почти чудо. Совершенно-необразованная дѣвушка, въ короткій срокъ одного лишь года, образовалась и пріобрѣла множество познаній, для которыхъ въ пансіонѣ потребно было бы, по-крайней-мѣрѣ, года четыре. Но правда и тó, что умственныя способности Теодоры не были притуплены несообразными и неестественными методами воспитанія. Образованіе дѣвушки идетъ всегда несравненно-быстрѣе образованія мальчика. Кáкъ медленны и кáкъ невѣрны бываютъ первые шаги мужчины на поприщѣ знанія! Женщина, напротивъ, почти тотчасъ же ознакомится, найдетъ тропинки, которыя ведутъ прямо къ цѣли, между-тѣмъ какъ мы выбиваемся изъ силъ при каждомъ маленькомъ препятствіи, стараясь устранить его, вмѣсто-того, чтобъ обойти. Причиною этому, повидимому, тó, что женщина видитъ свою цѣль, а мы нѣтъ, кругъ ея дѣятельности сосредоточенъ въ семейной жизни, и родители ея служатъ ей примѣромъ; материнскія о ней заботы научаютъ ее будущимъ ея обязанностямъ, священнымъ и великимъ обязанностямъ супруги и матери. Мальчика, напротивъ, воспитываютъ для дѣятельности въ совершенно-чуждой ему сферѣ; онъ долго не видитъ своей цѣли, не понимаетъ къ чему долженъ стремиться; ему долго приходится бороться съ разными затрудненіями, долго трудиться, такъ-сказать, наобумъ, и только послѣ долгихъ усилій, ему, наконецъ, становится ясно, какую дорогу ему должно избрать, а между-тѣмъ, ему рѣдко бываетъ возможно слѣдовать своему призванію, избрать тотъ кругъ дѣйствій, на которомъ онъ былъ бы полезенъ. Еслибъ каждый занималъ приличное своимъ способностямъ мѣсто, то великіе люди встрѣчались бы гораздо-чаще: не недостатокъ способностей, а неумѣнье, или невозможность избрать приличный кругъ дѣйствія, причиною тому, что такъ мало геніальныхъ людей. Сколько, напротивъ, мы видимъ уваженія достойныхъ женщинъ: одна всѣмъ жертвуетъ для мужа и дѣтей, съ безмолвнымъ самоотверженіемъ, часто всѣми забытая и неоцѣненная, неусыпно трудится для блага своего семейства; другая сочувствуетъ всякой высокой мысли, всякому благородному стремленію и поступку, только для того и живетъ, чтобъ распространять вокругъ себя радость, счастіе и добродѣтель; быть-можетъ незамужняя, быть-можетъ сирота, она все же тѣсно связана съ человѣчествомъ, тепло сочувствуя всему прекрасному, всему полезному, всѣмъ великимъ общественнымъ интересамъ. Словомъ, женщина чаще исполняетъ свое назначеніе, чѣмъ мужчина.

IX.

Вереница кофейницъ.

Всѣ науки имѣютъ свои техническіе термины, и заглавіе настоящей главы принадлежитъ къ числу ихъ. Говорятъ о кофеяхъ, но слово это не выражаетъ того, что́ я хочу описать, говоря о кофе у бургомистерши городка К., г—жи Тверсекеръ. Когда пригласишь отъ тридцати до сорока дамъ, добрыхъ старушекъ, вдовъ и другихъ почтенныхъ особъ, страстныхъ охотницъ до кофе, когда соберешь такое значительное общество, то устроишь такъ-называемую «вереницу кофейницъ» (*). Тогда, часа въ три пополудни, по улицамъ маленькаго городка потянутся цѣлыя процесіи старушекъ, стремящихся къ одной общей цѣли, къ дому бургомистерши; онѣ такъ часто слѣдуютъ одна за одной, что образуютъ родъ цѣпи, или шествія. Отсюда названіе «вереницы кофейницъ». Во французской академіи сорокъ членовъ, и въ городкѣ К. столько же кумушекъ «вереницы кофейницъ», такъ-что не безъ основанія можно бы назвать каждую изъ членовъ, то-есть членшъ, этого общества одною изъ сорока «вереницы кофейницъ» — очень недурной титулъ, войди онъ только въ употребленіе.

Мамзель Гальстенъ тоже принадлежала къ числу этихъ сорока и потому ровно въ три часа явилась къ бургомистершѣ. На лѣстницѣ, въ передней и въ комнатахъ воздухъ былъ пропитанъ запахомъ кофе, и уже до двадцати старушекъ успѣло собраться и занять свои мѣста на диванахъ и стульяхъ трехъ маленькихъ комнатокъ квартиры бургомистерши; всѣ цвѣты и вазы были симметрически разставлены, и на большомъ, кругломъ столѣ кипѣлъ свѣтло-вычищенный кофейный самоваръ изъ красной мѣди.

Наконецъ, всѣ собрались, и первая чашка кофе, съ множествомъ разнаго рода печенья, выпита — «Каковъ кофе?» спросила бургомистерша, обратившись къ гостямъ, и всѣ единогласно начали хвалить его, всѣ сорокъ принялись увѣрять, что во всемъ городѣ никто не умѣетъ варить такого вкуснаго кофе и печь столько различныхъ сортовъ хлѣба, какъ бургомистершина Лена. Жена ратмана Кленквистъ возвысила голосъ и сказала:

— Когда я имѣю честь быть приглашенной къ вамъ, то старикъ мой всегда говоритъ: ты рада, душа моя, что опять будешь имѣть честь пить «отличный» кофе нашей почтенной бургомистерши.

(*) Kafferer.

— Да́, кофе, пожалуй, былъ бы и недуренъ, съ самодовольнымъ тономъ отвѣчала хозяйка:—да сливки, вотъ бѣда: таки, просто, нигдѣ не отъищешь порядочныхъ; чуть погуще, такъ ужь и кислы, никакъ вскипятить нельзя, а ужь, по мнѣ, кофе безъ кипяченыхъ сливокъ хоть въ ротъ не бери, просто помои.

— О, этому горю еще можно помочь, сказала маленькая старушка, занимавшая почетное мѣсто на диванѣ и одѣтая въ черное люстриновое платье и скромный чепчикъ съ бѣлыми лентами; это была никто-иная, какъ вдова капитана фон–Поскенъ: — возьми только, душа моя, щелочныхъ капель, ты ихъ достанешь въ аптекѣ, и влей двѣ–три капли въ сливки, онѣ тогда никогда не свернутся; я не–разъ это пробовала.

— Чудо, что за бисквиты! сказала жена стряпчаго Фингерквистъ: — не могу понять, отчего они у васъ такіе разсыпчатые?

— О, это не хитрость, я вамъ открою этотъ секретъ, отвѣчала бургомистерша:—надо только подбавить немного крахмалу, да сбить получше яйцы—вотъ и все. Теперь, дорогіе мои гости, выпьемъ еще по чашечкѣ. Ну, что́ новенькаго? Катерина, подай капитаншѣ. Милая, дорогая моя капитанша, будьте такъ добры, кушайте съ хлѣбомъ, право такъ вкуснѣе; душа моя мамзель Гальстенъ, да не церемоньтесь же, пейте еще, прошу васъ; мнѣ и самой совѣстно, что я не могу лучше угостить васъ.

— Полноте, полноте, хоромъ отвѣчало все общество: — но у васъ такія большія чашки.

— Такой крѣпкій кофе, прибавилъ кто–то: — такъ, что, право, не должно было бы пить больше одной чашки.

— Мы еще только-что успѣли кончить первую, раздался другой голосъ.

Но и вторая чашка была выпита.

— Что́ слышно о чудакѣ майорѣ Пистоленсвердѣ, начала мамзель Гальстенъ, откусивъ кусочикъ сахару (она всегда пила въ прикуску, для здоровья—и экономіи): — знаете о томъ, который, лѣтъ пятнадцать назадъ, на болототундрскихъ водахъ, взялъ себѣ пріемышемъ мальчишку, канатнаго плясуна.—Желательно бы знать, что́ вышло изъ этого амура съ тюлевыми крыльями?

— Мнѣ говорили, что пріемышъ майора недавно посвященъ въ пасторы, сказала бургомистерша:—хорошъ, я думаю, пасторъ, и говорить нечего.

— Да́, дѣйствительно, хорошъ молодецъ. Подумайте, что́ онъ за штуку сдѣлалъ. Съ годъ назадъ, онъ прислалъ къ своимъ воспитате-

лямъ какую-то стокгольмскую птичку, самую что ни на есть негодяйку, и приказалъ имъ—да буквально приказалъ майору и фрёкенъ Эмерентіи, этой старой дурѣ, обращаться съ нею, какъ съ графиней; и они, подумайте, такъ боятся этого мальчишки, что не смѣли ослушаться его. Будь я на мѣстѣ старика, я бы по шеямъ выгнала эту тварь, и запретила бы этому г. Стенсону, или кáкъ его тамъ зовутъ, показываться мнѣ на глаза.

— Дá, это рѣшительно изъ рукъ вонъ: быть до того слабымъ къ какому-нибудь нищему, бродягѣ, котораго изъ грязи вытащилъ, вздохнувъ, сказала жена стряпчаго, и на лицѣ ея отразилось самое притворное соболѣзнованіе.

— Чтó жь дальше, милая моя мамзель Гальстенъ, сказала бургомистерша:—чтó жь дальше?

— А вотъ чтó, продолжала старая дѣва, желчно:—старые эти дураки принялись воспитывать это сокровище, выучили ее играть на фортепьяно и говорить по-французски—ха, ха, ха! очень нужно этой дряни знать по-французски!

— Да это красиво, нéчего сказать, воскликнула ратманша Кленквистъ, пожавъ плечами: — непостижимо, до какой наглости могутъ доходить подобныя...

— И теперь она стала совершенной барышней, продолжала мамзель Гальстенъ: — носитъ шляпки, каково! какъ-будто ей нельзя ходить въ платочкѣ. Да этого мало, майоръ училъ ее еще и нѣмецкому, и англійскому языкамъ, и, говорятъ, даже по-тальянски, или итальянски, какъ иные называютъ этотъ языкъ. Но чтó жь случилось. Когда господинъ пасторъ пріѣхалъ домой (впрочемъ, я слышала, будто онъ недуренъ собою и имѣетъ такія манеры, что трудно повѣрить, что онъ изъ простыхъ, да и проповѣдникъ-то онъ хорошій, хотя и дурной человѣкъ), то онъ ненашутку разсердился, что его сокровищу дали слишкомъ—высокое образованіе, и принялся воевать и браниться; и даже слышать не хотѣлъ о женитьбѣ на ней, хотя его воспитатели всячески упрашивали его, потому-что, какъ-бы то ни было, дѣвчонка эта умѣла подъѣхать къ майору и старухѣ; но молодецъ нашъ лучше зналъ, чтó она за птичка, а потому и не взялъ ея, когда увидѣлъ, что ему нѣтъ, знаете, необходимости жениться на ней...

— Какъ это необходимости? спросили всѣ.

— Да, вотъ видите ли, поговаривали и тó и сё о внезапномъ ея отъѣздѣ изъ Стокгольма; вы понимаете, подозрѣвали, что... сказала мамзель Гальстенъ, подмигнувъ значительно.

— Какой стыдъ, когда пасторъ позволяетъ себѣ такія вещи. Еще

духовная особа. Чтó за время, подумаешь, сказала капитанша фон-Поскенъ, съ видомъ оскорбленной невинности.

— Дá, добрая моя капитанша, сказала бургомистерша: — впрочемъ, этому глупцу майору должно было бы этого ожидать; самъ виноватъ, что позволяетъ себя дурачить; ну можно ли въ его лѣта не понимать такихъ вещей!

— О, да мужъ мой довольно его предупреждалъ, сказала ратманша: — довольно говорилъ ему, что онъ, кромѣ неблагодарности, ничего не увидитъ; но упрямый старикашка и слушать не хотѣлъ умныхъ совѣтовъ, а дѣлалъ все по-своему, зато и вышло хорошо; по дѣломъ ему, наварилъ каши, такъ и расхлёбывай.

— Чтó посѣешь, тó и пожнешь! вздыхая, сказала капитанша, желавшая казаться добрѣе и благочестивѣе другихъ.

X.

Умирающiй.

Лудвигъ снова сидѣлъ, углубясь въ занятiя, въ своей маленькой комнаткѣ въ Стокгольмѣ. Въ комнатѣ этой все было мило и уютно: этажерка, полная книгъ, нѣсколько цѣнныхъ картинъ даровитыхъ художниковъ, хорошее фортепьяно, близь него покойный диванъ и у окна письменный столъ. Лудвигъ недавно возвратился изъ поѣздки въ Лильхамра, гдѣ весело провелъ Рождество съ добрыми своими воспитателями. Поѣздка эта была для него истиннымъ праздникомъ; одно только обстоятельство радостно изумило его, огорчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ.

Сепень образованiя, до которой его воспитатели старались довести Теодору (и въ чемъ они вполнѣ успѣли, совершенно-вопреки его желанiю), озабочивала и тревожила его. Теодора теперь, по образованiю своему, стояла на столько выше своего состоянiя, что не могла ужь возвратиться къ нему, и старики, поэтому, совершенно-невольно, дѣйствительно оказали ей очень-дурную услугу: въ ней развили понятiя о жизни и требованiя, которыя удовлетворить не отъ нихъ зависило; ей открыли новый мiръ, въ который ввести ее было невозможно, потому-что она не принадлежала къ нему, и она, безъ-сомнѣнiя, была бы гораздо-счастливѣе, еслибъ всегда оставалась внѣ его, и даже не имѣла о немъ понятiя.

Конечно, Лудвигъ и не думалъ «воевать и браниться» съ майоромъ и доброй Эмерентiею, за ихъ неумѣстное доброжелательство, какъ это

утверждала всезнающая мамзель Гальстенъ; но онъ не могъ не передать имъ своихъ опасеній насчетъ будущности Теодоры. Тогда предположенія ихъ обнаружились, и онъ долженъ былъ разрушить ихъ завѣтныя мечты; это жестоко огорчило добрыхъ стариковъ. Ахъ, они такъ твердо надѣялись! Сколько счастливыхъ часовъ доставляла майору мысль, что ему еще удастся понянчить внучатъ. Эмерентія такъ радовалась, что Теодора такая хозяйка, что она такая мастерица приготовлять тѣ блюда, которыя особенно любитъ ихъ милый Лудвигъ! Теперь, всѣ надежды разомъ рушились. Одна Теодора ничего не подозрѣвала; она думала, что угодила своему благодѣтелю, и была поэтому весела и счастлива, и даже, подъ-часъ, когда онъ, бывало, похвалитъ ее, рѣзва, какъ ребёнокъ.

Теперь Лудвигъ былъ снова дома, снова искалъ отрады и развлеченія въ книгахъ, какъ всегда то̀ дѣлалъ, когда, тщетно пробившись надъ разрѣшеніемъ какой-нибудь задачи жизни, не могъ разъяснить ее, не могъ найдти ясности и истины, къ которымъ постоянно стремился. Онъ и теперь, поэтому, взялся за книги, и мало-по-малу такъ углубился въ свой предметъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ комнату кто-то вошелъ, до-тѣхъ-поръ, пока непріятный и сиплый голосъ не спросилъ.

— Вы пасторъ Стенсонъ?

Онъ оглянулся и увидѣлъ дряхлую старуху, одѣтую въ лохмотья.

— Да́, другъ мой, отвѣчалъ онъ, вставая: —ты имѣешь до меня какую-нибудь нужду?

— Да́, г. пасторъ; да́, у меня живетъ жилецъ, который Бога-ради проситъ васъ тотчасъ же къ нему придти, потому-что онъ умираетъ.

— Гдѣ ты живешь?

— Въ приходѣ церкви св. Маріи, отвѣчала старуха.

— Но почему же ты не обратишься къ одному изъ вашихъ пасторовъ? Онъ не принадлежитъ къ моему приходу.

— Ахъ, не откажите, не откажите! просила старуха: — онъ такъ просилъ, такъ умолялъ меня идти именно къ вамъ, онъ другаго священника ни за что̀ не хочетъ; онъ, надо вамъ сказать, былъ отъявленный негодяй, отчаянная голова; но теперь онъ умираетъ, и проситъ...

— Довольно, сказалъ Лудвигъ: —веди меня къ нему.

Вечеръ былъ теменъ, погода холодная и путь длиненъ. Наконецъ, они достигли цѣли, и Лудвигъ вошелъ въ полутемную комнату. Въ углу слышались стоны и тяжелое, прерывистое дыханіе.

Видали-ли вы, ка́къ кто-нибудь умираетъ? Случалось ли вамъ

стоять у одра смерти? Видѣли ли вы послѣднюю борьбу, которая всѣмъ намъ предстоитъ, когда сердце то такъ слабо бьется, какъ—будто сейчасъ же готово остановиться, то вдругъ ускоритъ свои удары, какъ—будто хочетъ ускользнуть отъ смерти? Отирали—ли вы холодный потъ съ чела умирающаго?. Слышали ли вы его послѣднюю мольбу о прощеніи и помилованіи? Видѣли ли вы улыбку, вдругъ проясняющую его лицо? Смерть всегда вызываетъ на уста улыбку; только въ груди нашей раздаются вздохи: это горести жизни тревожатъ еще наше сердце.

Старуха зажгла свѣчу, поставила ее возлѣ кровати умирающаго и вышла; свѣтъ ярко падалъ на лицо страдальца, оно было блѣдно и страшно худо, но во впалыхъ глазахъ горѣлъ еще огонь, мысли еще тревожили буйную голову. Но конецъ былъ близокъ, скоро все должно было смолкнуть.

— Ты посылалъ за мною, ты хотѣлъ меня видѣть, сказалъ Лудвигъ, сѣвъ подлѣ кровати:— я пришелъ къ тебѣ, пришелъ, какъ служитель церкви, чтобъ напутствовать тебя.

— Благодарю васъ, благодарю, сказалъ больной, болѣе—твердымъ голосомъ, чѣмъ можно было ожидать.—Я, видите ли, былъ всю жизнь свою негодяемъ, продолжалъ онъ, съ разстановкой: — я знать не хотѣлъ пасторовъ; въ церковь почти не заглядывалъ, а если и ходилъ, то только для того, чтобъ посмѣяться, поцыганить надъ священникомъ; но я услышалъ вашу проповѣдь, и завѣса спала съ глазъ моихъ; я увидѣлъ, я понялъ всю гнусность прежней своей жизни. Вы, правда, проповѣдывали не лучше другихъ, но вы говорили съ убѣжденіемъ, съ чувствомъ, слова ваши изливались прямо изъ сердца, и тронули мое; вы смотрѣли съ такою добротою, такою любовью, и я хотѣлъ прежде, чѣмъ умру, еще разъ слышать васъ, взглянуть на васъ.

— Если я могу утѣшить тебя, то благодари не меня, а Бога, сказалъ пасторъ:—это онъ говоритъ моими устами. Покайся же, не утаи отъ меня грѣховъ своихъ, сознайся мнѣ во всемъ, во всемъ, что тревожитъ душу твою, — сознаніе есть половина раскаянія, а раскаяніе даетъ намъ прощеніе.

— Да́, я не утаю отъ васъ ничего. Я убилъ, этими руками убилъ беззащитнаго человѣка. Есть душегубцу прощеніе?

Лудвигъ содрогнулся.

— Нѣтъ грѣха, такого ужаснаго грѣха, котораго бы Господь, по неисчерпаемому своему милосердію, не могъ простить намъ, если мы съ раскаяніемъ припадемъ къ его престолу, и будемъ молить его о помилованіи.

— Я и самъ такъ думалъ, но это не все, сказалъ больной, съ глубокимъ отчаяніемъ:—это не все, я продалъ дѣтей своихъ, слышите, я продалъ ихъ за деньги, принялъ за нихъ цѣну крови, и деньги эти теперь адскимъ огнемъ жгутъ мою душу.

— Ты продалъ дѣтей своихъ! воскликнулъ Лудвигъ, не будучи въ состояніи скрыть своего ужаса: — ты продалъ своихъ дѣтей — но кто жь ты?

— Да, я зналъ, пробормоталъ старикъ:—я хорошо зналъ: я былъ увѣренъ, что даже и ты отвергнешь меня! Пусть же такъ будетъ, я теперь на все готовъ.

— Нѣтъ, сказалъ Лудвигъ:—нѣтъ, я не отвергаю, не покину тебя; но скажи, давно ты ихъ продалъ; многихъ ли, когда именно?

— Двоихъ, сына и дочь; дочь я продалъ послѣднюю; два через два, я услышалъ вашу проповѣдь, раскаялся, и съ отчаянія убилъ, убилъ того, который купилъ ее.

Лудвигъ внимательно посмотрѣлъ на старика; предъ нимъ былъ отецъ Теодоры.

— Ну, а сына же когда? спросилъ онъ, дрожа отъ волненія.

— Сына, о, это давно было, его я отдалъ канатнымъ плясунамъ; они, быть-можетъ, и уходили его.

— Боже милосердый! воскликнулъ Лудвигъ, упавъ на колѣни подлѣ кровати и припавъ головою къ груди умирающаго.

— О, такъ ты думаешь, что для меня нѣтъ прощенія, нѣтъ помилованія! воскликнулъ старикъ, совершенно-истощенный отъ продолжительнаго напряженія. — Скажи, скажи, не-уже-ли нѣтъ прощенія моимъ грѣхамъ?

— Станемъ вмѣстѣ молиться, прошепталъ Лудвигъ: — Господь, вѣрно, услышитъ молитву нашу! И оба соединились въ теплой молитвѣ, убійца и его сынъ.

— Раскаяваешься ли ты, старикъ? сказалъ, наконецъ, пасторъ:— отъ всей ли ты души раскаяваешься въ злодѣяніяхъ, въ грѣхахъ своихъ?

— Да, Господь видитъ искренность моего раскаянія, отвѣчалъ больной.

— Не желаешь ли ты чего, нѣтъ ли чего-нибудь, что могло бы успокоить послѣднія твои минуты? спросилъ Лудвигъ, все еще стоя на колѣняхъ:—скажи, любишь ли ты своихъ дѣтей такъ, какъ желалъ бы, чтобъ Господь тебя любилъ?

— Да, прошепталъ старикъ, все болѣе-и-болѣе слабѣя и мешаясь: — да.

— Дети твои живы; оба, и сынъ и дочь, живы и счастливы. Богъ, заступникъ покинутыхъ, не оставилъ ихъ, онъ былъ имъ отцемъ, онъ хранилъ ихъ. Покоенъ ли ты теперь?

Старый злодѣй улыбнулся, рука смерти коснулась его, глаза помутились, но угасающій взоръ былъ неподвижно устремленъ на молодаго пастора, стоящаго на колѣняхъ подлѣ его кровати. Тяжело и прерывисто было дыханіе умирающаго; вдругъ лицо его просвѣтлѣло.

— Это ты, Лудвигъ? спросилъ онъ, какъ-будто ангелъ смерти открылъ ему тайну.

— Да, батюшка, прошепталъ молодой человѣкъ, склонивъ голову.

— Да благословитъ тебя Господь, мой Лудв... простоналъ старикъ, и рука убійцы съ благословеніемъ и любовью простерлась надъ головою сына. Еще стонъ, и все кончилось.

XI.

Недоразумѣніе.

Есть сила, которая вѣрнѣе всѣхъ душевныхъ силъ можетъ поддержать человѣка при всѣхъ несчастіяхъ и превратностяхъ жизни: — это вѣра, теплая, истинная вѣра, христіанское смиреніе, заставляющее насъ безропотно переносить самыя жестокія удары судьбы Вотъ почему и Лудвигъ не упалъ духомъ. Молодой человѣкъ, такой чувствительный и добрый, такой кроткій, вся жизнь котораго была сосредоточена въ одной мечтѣ — надеждѣ на любовь и милосердіе — былъ пораженъ, но не потерялся отъ неожиданнаго открытія. Онъ не считалъ его наказаніемъ или несчастіемъ, но милостію и утѣшеніемъ, ниспосланными ему всеблагимъ провидѣніемъ. Эта мысль успокоивала и даже счастливила его. Онъ остался, поэтому, попрежнему покоенъ; страшныя, кровавыя воспоминанія ужасной ночи не оставили никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Мысль, что онъ сынъ убійцы, не ужасала его, потому-что онъ думалъ: «Я постараюсь загладить проступки отца».

Онъ теперь довольно-рѣдко видѣлся съ другомъ своимъ. Ему казалось, что Адольфъ избѣгаетъ его, для того, чтобы ничто не напоминало ему Теодоры, и поэтому не искалъ свиданія съ нимъ.

Уже болѣе мѣсяца прошло послѣ послѣдняго ихъ свиданія, когда Адольфъ, однажды, совершенно-неожиданно пришелъ къ нему.

Въ обхожденіи Адольфа произошла большая перемѣна. Онъ, не сказавъ ни слова, взялъ прогнѣвъ Лудвига и, молча, сталъ глядѣть на него. Лудвигъ, съ своей стороны, былъ изумленъ мрачнымъ взглядомъ своего-

го друга, такъ пристально устремленныхъ на него. — Что съ тобою, Адольфъ? спросилъ онъ наконецъ, — ты боленъ, у тебя какое-нибудь горе, съ тобою случилось несчастіе?

Адольфъ язвительно улыбнулся. Страшно было выраженіе этой улыбки: глубочайшее прискорбіе, высшее презрѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая горькая иронія заключались въ этомъ движеніи губъ.

— Да говори же, Адольфъ, умоляю тебя, воскликнулъ Лудвигъ: — что съ тобою? ты боленъ?

— Да, боленъ, Лудвигъ, сказалъ наконецъ Адольфъ, отрывисто: — душа болитъ, ха, ха, ха! Но что тебѣ до этого? Послушай, ты всегда умѣешь отвѣтить на всякій мой вопросъ, скажи же мнѣ теперь, какое горе ты считаешь величайшимъ горемъ?

— Странный вопросъ, Адольфъ. Ты, право, нездоровъ. Какое несчастіе могло поразить тебя: ты богатъ, знатенъ, все въ жизни улыбается тебѣ, — какая же надежда измѣнила тебѣ?

— Да всѣ, ни болѣе, ни менѣе. Что-жь, Лудвигъ, что по твоему величайшее несчастіе, такое несчастіе, которое сокрушаетъ сердце, наноситъ неизлечимыя раны? Прежде ты это хорошо зналъ, знаешь ли ты это еще теперь?

— Я тебя не понимаю, Адольфъ; но успокойся, поговоримъ какъ друзья.

— Друзья, воскликнулъ Адольфъ, — ха, ха, ха! хороша дружба!

— Что это значитъ, Адольфъ? что съ тобою? спросилъ Лудвигъ, встревожась насчетъ разсудка своего друга.

— Ты самъ сказалъ мнѣ однажды: величайшее горе, которое можетъ постигнуть насъ, есть необходимость презирать того, кого мы прежде любили.

— Да́, Адольфъ, да́, это дѣйствительно ужасно.

— Ну, а если я нахожусь теперь въ этомъ положеніи, если я теперь долженъ презирать того, кого прежде любилъ? сказалъ Адольфъ, устремивъ сверкающій свой взоръ на Лудвига.

— Я не понимаю тебя, милый Адольфъ, сказалъ Лудвигъ: — объяснись, прошу тебя.

— Видишь ли, у меня когда-то былъ другъ, началъ Адольфъ, и голосъ его дрожалъ отъ волненія: — другъ, который былъ мое второе я, котораго я любилъ какъ добраго своего генія, другъ, для котораго я охотно пожертвовалъ бы жизнью, добродѣтели котораго, впродолженіе многихъ лѣтъ, лелеяли мою душу, прекрасною мечтою о любви и вѣрности; — я любилъ тоже дѣвушку, любилъ ее безпредѣльно, не боролся съ своимъ чувствомъ, чтобы подавить его, потому-что другъ мой этого

хотѣлъ, говорилъ, что это долгъ мой, что совѣсть моя будетъ покойна, конецъ мой миренъ, если я удалюсь отъ нея. Что жь, Лудвигъ, другъ этотъ обманулъ меня, и до меня теперь дошли слухи, что онъ самъ намѣренъ на ней жениться. Можешь ты меня утѣшить, Лудвигъ?—у тебя на все есть утѣшеніе.

— Да, Адольфъ, я дѣйствительно могу утѣшить тебя, отвѣчалъ Лудвигъ, улыбаясь:—мнѣ это, благодаря богу, легко.—Теодора моя сестра.

— Твоя сестра! воскликнулъ Адольфъ, вскочивъ: — твоя сестра! мнѣ сказали, что вы обручены; вчера еще я получилъ объ этомъ извѣстіе изъ К.

— Очень-возможно. Но вотъ письмо отъ Теодоры, читай, ты самъ увидишь.

Адольфъ поспѣшно пробѣжалъ письмо. — Я виноватъ противъ тебя, Лудвигъ, я напрасно подозрѣвалъ тебя, прости меня, сказалъ онъ, подавая ему руку и не рѣшаясь поднять глазъ, боясь прочитать упрекъ во взорѣ друга: — прости меня, Лудвигъ.

— Охотно, Адольфъ, охотно, сказалъ тотъ: — посмотри на меня, Адольфъ посмотри, вѣдь я все тотъ же другъ твой, посмотри мнѣ прямо въ глаза.

Адольфъ повиновался.

— Ну, скажи, что ты видишь?

— Любовь, одну любовь и прощеніе! воскликнулъ молодой человѣкъ и бросился въ объятія друга.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ въ городкѣ К., а особенно всѣ сорокъ членовъ «вереницы кофейницъ», были въ восторгѣ отъ молоденькой, хорошенькой баронессы Норденгельмъ, отъ ея любезности, скромности, доброты и ума. Бургомистерша часто посѣщала Миллесгольменъ, и даже сама мамзель Гальстенъ, которая иногда удостоивалась довѣрія сшить платье для молодой баронессы и съ которой всегда обращались ласково и любезно, теперь ужь ни о чемъ больше не говорила, какъ о своемъ знакомствѣ съ молодою владѣтельницею Миллесгольмена, и всячески старалась всѣхъ увѣрить, что она въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ хорошенькою и богатою баронессою, тою самою Теодорой, о которой нѣкогда такъ зло говорила и которую теперь избрала своею покровительницею.

Это дѣйствительно была та самая Теодора, которую, на извѣстномъ намъ кофеѣ, такъ строго судили, та самая Теодора, которая такимъ

удивительнымъ случаемъ была спасена отъ безчестія и стыда, и которой такъ неожиданно открылась блестящая будущность. Радъ событій уладилъ все это.

Природа убралась въ свой лучшій лѣтній нарядъ, цвѣты въ большомъ миллесгольмскомъ саду гордо красовались, согрѣтые жаркимъ іюльскимъ солнцемъ прекраснаго дня, бабочки рѣзво порхали по нимъ, птицы пѣли и паркъ оглашался веселыми криками пирующихъ крестьянъ.

Нѣсколько человѣкъ гостей собрались въ большой галлереѣ. Тутъ были одни лучшіе друзья барона, старикъ-майоръ и его сестра, еще [illegible] три друга дома, нѣсколько дамъ и Лудвигъ, въ полномъ пасторскомъ облаченіи. Мужчины стояли съ одной стороны, дамы съ другой; между ними, на столѣ, поставлена была богатая серебряная купель—крестины перваго сына барона.

Внесли младенца, и старушка Эмерентія взяла его на руки и подошла къ купели. Она, конечно, была только старая барышня, но ребенокъ этотъ все же былъ ея внукъ, если любовь, пожертвованія и попеченія могутъ кому-нибудь дать права матери.

Малютку назвали Францомъ-Лудвигомъ-Теодоромъ.

Прислуга и крестьяне весело пировали въ паркѣ и пили за здоровье новорожденнаго; управляющій ласково и привѣтливо угощалъ ихъ. Ихъ веселые крики, звонкіе ура въ честь малютки долетали до господскаго дома и даже до комнаты Теодоры, которая, въ богатомъ бѣломъ пеньюарѣ, лежала на кровати.

Эмерентія принесла ребенка къ матери; остальные гости, молча, слѣдовали за нею.

Лудвигъ подошелъ къ кровати, на которой лежала Теодора, прекрасная и цвѣтущая, съ румянцемъ здоровья на щекахъ и материнскою любовію во взорѣ; онъ обнялъ сестру и, взявъ потомъ малютку, поцѣловалъ его; нѣсколько слезъ упало на ребенка.

— Лудвигъ не плачь надъ ребенкомъ, сказала Теодора: — дурно при самомъ вступленіи въ жизнь привѣтствовать его слезами.

— Отчего же нѣтъ, Теодора, отвѣчалъ пасторъ: — это слезы радости, падающія на спящую невинность. Видишь ли, Теодора, [illegible] волнуетъ міръ, но за нею слѣдуетъ примиреніе, — я праздную [illegible] примиреніе.

Н. ШИПИЛЕВСКАЯ.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСАВШИМСЯ

СЕДЬМАЯ КНИЖКА

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ,

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

Американскій докторъ.
Искатель Приключеній. Романъ Ксавье де-Монтепена. Переводъ съ французскаго. (*Окончаніе.*)
Даніэль. Этюдъ Эрнеста Фейдо. (*Окончаніе.*)
Кавалеръ де-Жоліотъ. Повѣсть Амедея Ашара.
Плѣнница.
Генри Уельби.
Привидѣнія въ зеленой комнатѣ.

Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ будетъ выходить въ 1859 году *въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца* книгами, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ *двадцать-пять и болѣе печатныхъ листовъ.*

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, **семь рублей пятьдесятъ копеекъ** серебромъ, а съ пересылкою и доставкою на домъ **девять рублей.**

Подписка принимается **исключительно** *въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ* (въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова), *которая принимаетъ на себя полную отвѣтственность за исправный выходъ книгъ и доставку ихъ подписчикамъ.*

Сверхъ-того, гг. иногородные могутъ подписываться и въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 3 іюня 1859 года.
Цензоръ В. Бекетовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1859-мъ году

выходятъ *ежемѣсячно* книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ *около 30 листовъ.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургѣ и Москвѣ:
14 руб. **50** коп. серебромъ.
Съ пересылкою:
16 рублей серебромъ.

СЪ 18-Ю ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургѣ и Москвѣ:
15 руб. **50** коп. серебромъ.
Съ пересылкою:
17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, *на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, при книжномъ магазинѣ* Д. Е. Кожанчикова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у И. В. Базунова, *на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домѣ Загряжскаго.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 6 іюля 1859 года.
Цензоры П. Новосильскій и В. Бекетовъ.